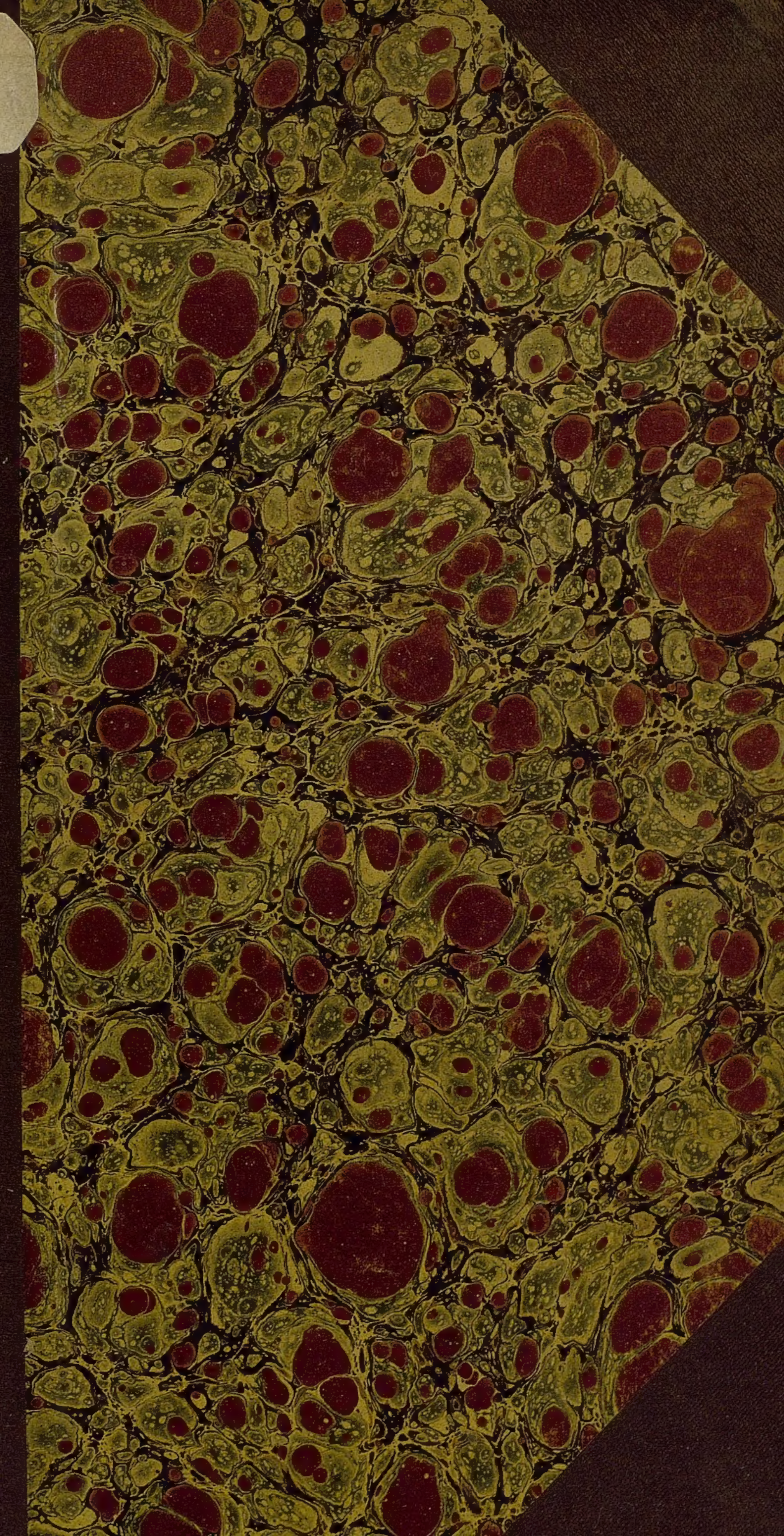
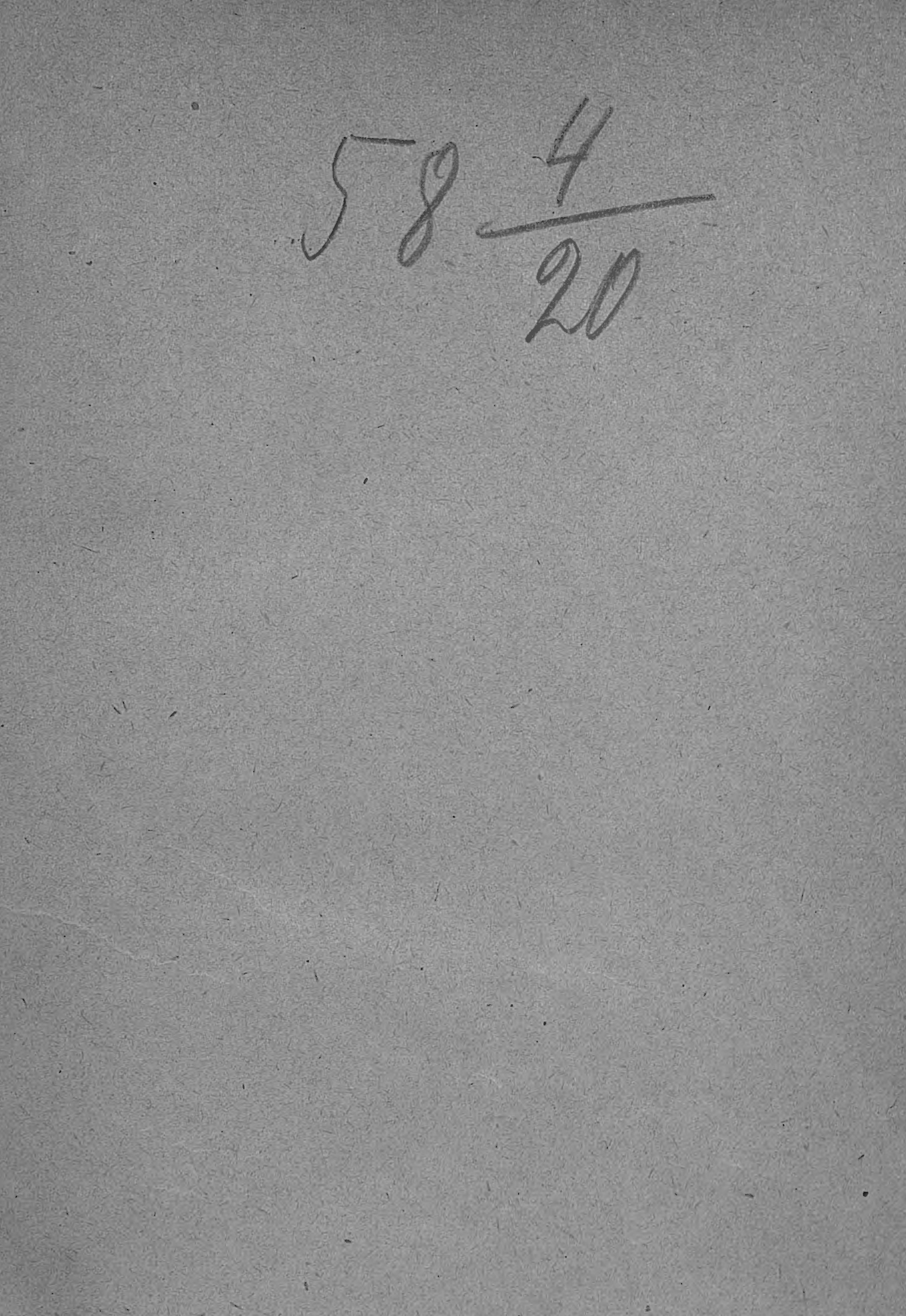

ЛЕКЦІИ

по

ИСТОРІИ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

И. Д. БѢЛЯЕВА

Ординарнаго профессора ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета.

Второе изданіе.

ТИПОГРАФІЯ А. А. КАРЦЕВА
Коммиссіонера ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.
Москва. Покровка, д. Егорова.
1888.

ЛЕКЦІИ

ПО

ИСТОРІИ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

И. Д. БѢЛЯЕВА

Ординарнаго профессора ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета.

Второе изданіе.

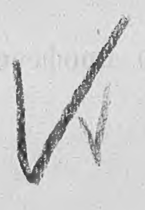

ТИПОГРАФІЯ А. А. КАРЦЕВА

Коммиссіонера ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Москва. Покровка, д. Егорова.

1888.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Болѣе пяти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Московскій Университетъ и русская историко-юридическая наука лишились одного изъ видныхъ и трудолюбивѣйшихъ своихъ дѣятелей—Ивана Дмитріевича Бѣляева. Со времени окончанія курса въ Университетѣ—съ 1833 года по 1873 годъ (годъ смерти И. Д. Бѣляева), т. е. въ продолженіе сорока лѣтъ, неутомимо трудился Иванъ Дмитріевичъ надъ различными вопросами русской исторіи и русскаго права. Плодомъ этихъ трудовъ явилась масса изслѣдованій и статей, очень цѣнныхъ для всякаго заинтересованнаго тѣмъ или другимъ изъ этихъ вопросовъ. Однако пользоваться этими изслѣдованіями вещь далеко не легкая; часто интересующійся знаетъ, что по такому-то вопросу существуетъ статья И. Д. Бѣляева, но гдѣ сыскать ее? вотъ затрудненіе! Полнаго собранія сочиненій И. Д. Бѣляева не существуетъ, отдѣльныхъ изданій многихъ его изслѣдованій нѣтъ; они разсыпаны въ массѣ повременныхъ изданій того времени: въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древ. россійскихъ, во Временникѣ, въ Журн. Мин. Юстиціи, Душеполезномъ Чтеніи, Журн. Мин. Нар. Просвѣщ., Русской Бесѣдѣ, Русскомъ Вѣстникѣ, Библіотекѣ для Чтенія, въ Днѣ, въ Извѣст. Акад. Наукъ, въ Москвитянинѣ, Кіевлянинѣ, Запискахъ Рус. Геогр. Об., Рус. Археол. Общ., Одесскаго Общ. Ист. и Древн., Православномъ Обозрѣніи, Юридическомъ Журналѣ—Салманова, въ Зрителѣ, Арх. Ист.-Юрид. свѣд.—Калачова, въ отчетахъ Москов. Университета и друг. Чтобъ ознакомиться съ этими изслѣдованіями, жителю столицъ придется посѣщать публичныя библіотеки, а житель провинціи, при всемъ своемъ желаніи, часто будетъ вынужденъ совсѣмъ отказаться отъ надежды узнать ихъ. Неужели мы такъ и не дождемся полнаго собранія сочиненій И. Д. Бѣляева? Неужели такъ и не найдется въ Россіи лицо, которое съ матеріальными средствами соединяло бы въ себѣ высокую любовь къ русской исторической наукѣ и желаніе пособить ея дальнѣйшимъ успѣхамъ? Не вѣрю. Замѣчу кстати, что нѣкоторыя изъ сочиненій г. Бѣляева, вышедшія отдѣльнымъ изданіемъ, какъ напримѣръ «Крестьяне на Руси», уже давно вышли изъ продажи и найти ихъ оченьтрудно, развѣ какъ нибудь по случаю.

Кромѣ высказаннаго желанія видѣть полное собраніе сочиненій И. Д. Бѣляева, отъ многихъ лицъ, интересующихся русской исторіей и правомъ, часто приходилось слышать вопросы: отчего не издается курсъ исторіи русскаго права, или, какъ онъ самъ обыкновенно называлъ—«исторіи русскаго законодательства»,

номъ всегда еще много остается отъ предшествовавшаго, прошедшаго; а въ законодательствѣ эта связь предшествовавшаго съ послѣдующимъ еще яснѣе: каждый послѣдующій законодательный памятникъ (за исключеніемъ немногихъ) есть ничто иное, какъ развитіе предшествовавшихъ памятниковъ, для которыхъ онъ служитъ или дополненіемъ, или объясненіемъ, или ограниченіемъ и отмѣненіемъ. А законодательные кодексы, или сборники, составляются именно изъ узаконеній всего предшествовавшаго времени, которыя еще не потеряли своей силы; такъ составлялись всѣ кодексы Римскаго Права, такъ постепенно росла наша Русская Правда, такъ составились Уложеніе царя Алексѣя Михайловича и нынѣшній Сводъ законовъ Россійской имперіи. Въ предисловіи къ Уложенію о его составѣ именно сказано: „Государь указалъ, чтобы прежнихъ Великихъ Государей Царей и Великихъ Князей Россійскихъ, и отца его Государева, блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи указы, и боярскіе приговоры на всякія государственныя и земскія дѣла собрать, и тѣ Государскіе указы и боярскіе приговоры съ старыми Судебниками справити". Здѣсь мы ясно видимъ, что источниками для Уложенія царя Алексѣя Михайловича были всѣ предшествовавшіе законодательные памятники въ Россіи. Тотъ же порядокъ встрѣчаемъ и при составленіи нынѣ дѣйствующаго Свода законовъ Россійской имперіи: предварительно составленію высочайшимъ указомъ повелѣно было собрать изъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ всѣ прежніе указы и постановленія, начиная съ Уложенія, которые, согласно высочайше утвержденному положенію отъ 22 сентября 1827 года, и были напечатаны подъ названіемъ Полнаго Собранія Законовъ Россійской имперіи, а потомъ уже изъ сего Полнаго Собранія былъ составленъ Сводъ Законовъ. Такимъ образомъ, самый составъ законодательныхъ памятниковъ указываетъ на необходимость изучать исторію законодательства. Законодательство какой либо страны нельзя изучить ясно и вполнѣ, не изучивши напередъ, какъ оно образовалось историческимъ путемъ, и дошло до того развитія, въ которомъ находится въ данное время.

Періоды развитія русскаго законодательства. Указавши на ту тѣсную связь, въ которой находится изученіе законодательства какой либо страны, съ изученіемъ исторіи законодательства и внутренней жизни того общества, которому принадлежитъ законодательство, мы теперь перейдемъ къ исторіи отечественнаго законодательства, соединяя ее съ изученіемъ исторіи внутренней жизни русскаго общества, насколько это будетъ нужно для полнаго и основательнаго уразумѣнія самой исторіи законодательства. Здѣсь прежде всего мы должны указать на различные элементы, которые время отъ времени втекали въ жизнь русскаго общества, и болѣе или менѣе измѣняли характеръ общественной жизни, а съ тѣмъ вмѣстѣ измѣняли и законодательство. Первымъ основнымъ элементомъ русскаго общества были разныя славянскія племена, въ разное время пришедшія въ здѣшнюю страну съ Дуная, и какъ колонисты, поселившіеся между старожилами здѣшняго края финнами. Вторымъ основнымъ элементомъ русскаго общества были Варяги-Русь, пришедшіе по приглашенію ильменскихъ Славянъ изъ Скандинавскаго полуострова, и по взаимному соглашенію, составившіе вмѣстѣ съ Славянами одно русское общество, послужив-

шее зерномъ для образованія русскаго государства. Потомъ, по порядку времени, слѣдовали элементы: византійскій, принесенный въ русское общество вмѣстѣ съ христіанствомъ, принятымъ Русскими изъ Византіи; далѣе элементъ монгольскій, проникнувшій въ русское общество во время владычества Монголовъ, и наконецъ литовскій и западно-европейскій. Элементы сіи, по мѣрѣ своего привтеченія въ русскую жизнь, дѣлятъ исторію русскаго законодательства на слѣдующіе періоды:

Первый періодъ—до введенія христіанства Владимиромъ Святымъ; къ этому періоду относится исторія внутренней жизни общества въ славянскихъ племенахъ, какъ предъ пребытіемъ Рюрика, такъ и по прибытіи его, когда славянскій элементъ соединился съ вновь прибывшимъ элементомъ варяго-русскимъ. Законодательство этого періода выразилось въ коренномъ устройствѣ славянскихъ племенъ и въ узаконеніяхъ Рюрика, Олега, Игоря, Ольги и Святослава.

Второй періодъ начинается введеніемъ христіанства въ Россіи и оканчивается соединеніемъ русскихъ удѣльныхъ княжествъ, частію подъ скипетромъ московскаго государя, частію--литовскаго. Въ первой половинѣ этого періода къ элементамъ славянскому и варяго-русскому присоединился третій элементъ — византійскій, принесенный на Русь вмѣстѣ съ христіанствомъ, и имѣвшій сильное вліяніе на развитіе внутренней жизни народа и много участвовавшій въ развитіи законодательства введеніемъ греческихъ Номокановъ. Во второй половинѣ этого пятисотлѣтняго періода къ первымъ तремъ элементамъ присоединился четвертый элементъ — могольскій или татарскій, который, по враждебности своей, хотя не могъ имѣть сильнаго вліянія на внутреннюю жизнь народа, но тѣмъ не менѣе много дѣйствовалъ въ административномъ значеніи. Законодательство сего періода выразилось въ уставахъ Владимира и Ярослава, въ „Русской Правдѣ“, имѣвшей нѣсколько подновленій, въ переводныхъ греческихъ Номоканонахъ, въ Псковской Судной Грамотѣ, въ Судной Грамотѣ Новгородской, и въ разныхъ уставныхъ, договорныхъ, жалованныхъ и другихъ грамотахъ, частію дошедшихъ до насъ и частію извѣстныхъ только по упоминаніямъ въ разныхъ памятникахъ. Въ этомъ періодѣ внутренняя жизнь народа сперва имѣла общій характеръ развитія для всѣхъ племенъ подъ вліяніемъ христіанства, а потомъ, вслѣдствіе раздробленія Россіи на удѣлы, общее развитіе жизни получило нѣкоторые оттѣнки особенностей по разнымъ удѣламъ.

Третій періодъ занимаетъ пространство времени отъ соединенія сѣверовосточныхъ русскихъ княжествъ съ Москвою, а западныхъ съ Литвою, до царствованія царя Алексѣя Михайловича. Въ этомъ періодѣ внутренняя народная жизнь на сѣверовостокѣ кипѣла борьбою удѣльныхъ особенностей съ всепоглощающимъ уровнемъ московской жизни. Удѣлы, потерявшіе свое политическое значеніе подчиненіемъ московскому государю, продолжали еще отстаивать свои особенности внутренней жизни и въ администраціи и въ обычаяхъ. Эту борьбу московскіе государи, особенно начиная съ царя Ивана Васильевича, вели съ неподражаемымъ искусствомъ. Царь Иванъ Васильевичъ показалъ первый примѣръ сглаживать непокорныя особенности народной жизни въ уничтоженныхъ удѣлахъ, оставляя на про-

изволъ жителей управляться намѣстниками, присылаемыми изъ Москвы, или собственными выборными судьями, старостами и излюбленными головами. Въ это же время на западѣ Россіи, т. е. въ литовско-русскомъ государствѣ, такая-же шла борьба мѣстныхъ народностей съ общимъ уровнемъ государства; но тамъ желаніе всюду ввести латинскую вѣру и вообще слишкомъ крутыя и неблагоразумныя мѣры испортили все дѣло и исходъ борьбы кончился присоединеніемъ Литовской Руси къ московской. Главные законодательные памятники этого времени въ Московской Руси были: „Судебникъ Великаго Князя Ивана Васильевича", „Судебникъ Царя Ивана Васильевича", и разныя дополнительныя къ нимъ указныя статьи, уставы и соборныя опредѣленія; въ литовской же Руси три редакціи литовскаго Статута съ разными привилегіями и дополненіями.

Четвертый періодъ русскаго законодательства и внутренней народной жизни составляетъ пространство времени отъ царя Алексѣя Михайловича до нашихъ временъ. Здѣсь внутренняя народная жизнь проявляется въ борьбѣ съ наплывомъ новыхъ идей западно-европейскаго образованія. Сіи новыя идеи начали понемногу проникать въ народную жизнь Руси еще въ предшествовавшій періодъ и особенно распространились во время смутъ самозванщины, когда представители (для русскихъ) тогдашняго европейскаго образованія: Поляки, Литовцы, Шведы и разные европейскіе искатели счастья, старались расхитить достояніе русскаго царства и толпами бродили по русской землѣ, то дрались, то дружились съ русскими, и передавали имъ свой образъ мыслей, свои западные обычаи. Хотя сіи пришельцы съ воцареніемъ дома Романовыхъ и должны были удалиться изъ Россіи, но сѣмена, ими посѣянныя, остались въ русской жизни и, благопріятствуемыя обстоятельствами, стали развиваться болѣе и болѣе, какъ и должно было ожидать по естественному развитію русскаго общества, которое не могло не сочувствовать европейской жизни, какъ по воспитанію своему въ нѣдрахъ христіанской церкви, такъ и по образованію, по крайней мѣрѣ, въ высшихъ представителяхъ своего просвѣщенія, а также по торговлѣ и по другимъ условіямъ, постоянно не дозволявшимъ Россіи совершенно изолироваться отъ Европы. Распространеніе новыхъ идей западно-европейскаго образованія, по естественному ходу дѣлъ человѣческихъ, не могло не встрѣтить сопротивленія и тѣмъ болѣе, что идеи сіи частію переходили изъ странъ враждебныхъ Россіи, а частію передавались съ большимъ презрѣніемъ къ русской жизни, вовсе незаслуженнымъ. Борьба старой русской жизни съ новыми идеями европейскаго образованія сперва не дѣлала перевѣса ни на ту, ни на другую сторону; старая жизнь сильно упорствовала, и даже въ иныхъ случаяхъ доходила до крайностей, но съ Императора Петра I, перевѣсъ борьбы явно перешелъ на сторону новаго образованія, впрочемъ основа старой русской жизни, извѣстное отличіе Руси отъ другихъ народовъ осталось неприкосновеннымъ. Законодательство сего періода выразилось въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича и въ разныхъ уставахъ, регламентахъ, указахъ и другихъ учрежденіяхъ, изданныхъ, какъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, такъ и его пріемниками, до перваго изданія нынѣ дѣйствующаго „Свода Законовъ Россійской Имперіи".

Періодъ I.

Древній бытъ славянскихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ Руси.

Общинное устройство славянскихъ племенъ. Лѣтописи и другіе источники, дошедшіе до насъ, очень немного сообщаютъ извѣстій о первобытномъ устройствѣ славянскихъ обществъ на Руси, тѣмъ не менѣе можно составить довольно ясное понятіе объ этомъ устройствѣ, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ его чертахъ. Изъ разсмотрѣнія всѣхъ дошедшихъ до насъ свидѣтельствъ оказывается, что первобытное, дорюриковское устройство общественной жизни Славянъ на Руси было общинное, а не родовое. Лѣтописецъ, о древнемъ устройствѣ общественной жизни у русскихъ Славянъ вообще, говоритъ: *„Новгородцы бо изначала, и Смольняне, и Кіяне и вся власти, яко же на думу на вѣче сходятся, и на чемъ старшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ“*. Общинное вѣчевое устройство у славянъ проникнуло во всѣ стороны общественной жизни. Каждое племя является союзомъ городовъ, городъ является союзомъ улицъ, улица—союзомъ семействъ. Слѣдовательно, первобытное устройство славянскихъ обществъ на Руси было вѣчевое, а вѣче при родовомъ бытѣ неумѣстно, тамъ глава всего устройства родоначальникъ, а не вѣче. Самая исторія поселенія Славянъ на Руси указываетъ также на общинное, а не родовое устройство. Несторъ говоритъ: *„Волохомъ бо* [1]) *нашедшимъ на Словени на Дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и насилящимъ имъ. Словени же овіи пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове друзіи Лутичи, ини Мазовшане. ини Поморяне. Тако же и ти Словени, пришедше и сѣдоша по Днѣпру и нарѣкошася Поляне, а друзіи Древляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ; а друзіи сѣдоша между Припетью и Двиною и нарѣкошася Дреговичи; иніи сѣдоша на Двинѣ и нарѣкошася Полочане рѣчьки ради, яже течетъ въ Двину, именемъ Полота, отъ сея прозвашася Полочане. Словени же, сѣдоша около озера Ильменя, прозвашася своимъ именемъ, и сдѣлаша*

---

1) Волохами древніе Славяне называли Римлянъ.

градъ и нарѣкоша и Новгородъ; а друзіи сѣдоша по Деснѣ и Сѣми, и по Сулѣ, и нарѣкошася Сѣверъ. Тако розыдеся Словенскій языкъ". Эти слова Нестора показываютъ, что славяне не вдругъ заселили русскую землю, но постепенно,—„сѣдоша, говоритъ, на Вислѣ, на Днѣпрѣ, сѣдоша на Деснѣ" и пр. Изъ этого свидѣтельства лѣтописи видно, что Славяне не были старожилами на Руси, а переселились въ эту сторону съ Дуная. А если они были пришельцами на Руси, то родовой бытъ не могъ быть осуществленъ. Извѣстно, что родовой бытъ есть принадлежность племенъ туземныхъ, домосѣдныхъ, которыя развиваются черезъ естественное нарожденіе въ странѣ, свободно занятой ихъ предками и никому прежде не принадлежавшей, гдѣ семья, а потомъ родъ, размножаются на просторѣ, безъ соперничества, безъ соприкосновенія съ чужеземцами. Таковыя общества или племена, живутъ обыкновенно вразсыпную, каждая семья, или родъ отдѣльно; въ таковыхъ обществахъ не бываетъ городовъ, а только села. Такъ жили и Славяне до переселенія съ Дуная. Римскіе и греческіе писатели свидѣтельствуютъ, что Славяне на Дунаѣ жили въ родовомъ бытѣ, безъ городовъ и селеній, разсѣявшись на большомъ пространствѣ отдѣльными семьями. Такъ, Прокопій, [1]) жившій въ VI вѣка по Р. Х., говоритъ, что Славяне не составляли государства, жили въ худыхъ хижинахъ и часто перемѣняли свои жилища. Это показаніе очевидца. То же подтверждаетъ греческій писатель VI вѣка Маврикій [2]); онъ пишетъ, что Славяне охотно селятся въ лѣсахъ при рѣкахъ и озерахъ, не имѣютъ городовъ, ведутъ одинокую жизнь, любятъ свободу, каждый родъ ихъ имѣетъ родоначальниковъ. Славяне, говоритъ далѣе Маврикій, преслѣдуютъ другъ друга ненавистью, не умѣютъ сражаться въ открытомъ полѣ, бьются вразсыпную. Вотъ какъ изображается жизнь Славянъ-родовиковъ писателями, достойными довѣрія. Но, переселясь въ другое мѣсто, Славяне должны были измѣнить свой образъ жизни, потому что новыя условія ихъ жизни были неблагопріятны для родового быта. Мы знаемъ, что земля, на которую они переселились, была занята племенами не славянскими. Такъ, по свидѣтельству греческихъ и римскихъ писателей, земли на востокѣ отъ Дуная, можетъ быть по Припеть и Оку, были заняты Скиѳами, Сарматами и др. племенами, а на сѣверѣ отъ Припети и Оки вплоть до Балтійскаго моря и Сѣвернаго океана, по свидѣтельству нашихъ лѣтописей, жили племена латышскаго и финскаго происхожденія. Эти иноплеменники совершенно стерли бы національность Славянъ, если бы они и на Руси продолжали жить также, какъ жили на Дунаѣ, вразсыпную, каждая семья отдѣльно. Такимъ образомъ чтобы обезопасить себя со стороны туземцевъ и сохранить свою національность, Славяне, при первомъ появленіи на Руси, должны были оставить родовой бытъ, селиться массами и строить города, такъ что Скандинавы назвали здѣшнюю страну, занятую Славянами, страною городовъ—„*Гордорикіею*". Объ общемъ бытѣ Славянъ Несторъ говоритъ: „*И живяху въ мирѣ Поляне и Древляне, Сѣверъ и*

1) Прокопій, греческій историкъ, родился въ Кесаріи, жилъ при Юстиніанѣ и б. градонач. Константинополя.

2) Маврикій Тиверій, императоръ Вост. Рим. имперіи (582—608). Онъ воевалъ съ Лонгобардами, Славянами, Аварами и возстановилъ на персидскомъ престолѣ Хозрая II, убитаго Фокою.

Радимичи и Вятичи и Хорваты. Дулебы живяху по Бугу, гдѣ нынѣ Волыняне, а Улучи, Тиверцы сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви, бѣ множество ихъ, сѣдяху бо по Днѣстру оли до моря, суть гради ихъ до сего дне". [1]) А существованіе городовъ есть уже явный признакъ общнаго быта; городская жизнь, на какой бы степени развитія она не была, не можетъ быть не общинная, ибо съ нею неразлучно первое и главное условіе общинности — жить вмѣстѣ и управляться одною властію, общею силою поддерживать укрѣпленіе города, защищать городъ, имѣть общія улицы, площади, быть въ постоянныхъ сношеніяхъ съ гражданами; безъ сихъ условій нельзя представить городской жизни, а эти условія и представляютъ главныя начала общинности, отрицающія родовой бытъ въ самыхъ его основаніяхъ и составляющія корень и основанія всякаго общественнаго развитія. Конечно, между переселенцами можетъ иногда существовать родовой бытъ, чему свидѣтельство встрѣчаемъ мы въ германскихъ племенахъ, которыя, при своихъ переселеніяхъ, большею частію удерживали формы родового быта въ общественномъ устройствѣ довольно долго, такъ что нѣкоторые слѣды этого устройства даже и до сихъ поръ замѣтны въ иныхъ обществахъ Германіи. Но для такого порядка дѣлъ нужно много посредствующихъ обстоятельствъ и особенное устройство народа, особенная привязанность его къ родовому быту. У славянскихъ же племенъ на Руси не было ни особенной привязанности къ родовому быту, ни благопріятствующихъ къ тому обстоятельствъ. Германскія племена, переселившіяся въ разныя страны Европы, передавали свои родовыя имена вновь занимаемымъ мѣстностямъ, напр. Нордлингъ, Нортумберландъ въ Саксоніи и Англіи; напротивъ того, славянскія племена сами принимали названія отъ мѣстностей ими занимаемыхъ: Поляне—отъ полей, Древляне — отъ лѣса, Сѣверяне - оттого, что прежде жили на сѣверѣ, а потомъ переселились на югъ, Полочане—отъ рѣчки Полоты, на которой они поселились, Новгородцы—отъ Новгорода. Явно, что Славяне у насъ не дорожили своимъ дунайскимъ родовымъ бытомъ; Германцы же такъ дорожили своимъ родовымъ бытомъ, что даже устраивали искусственные роды, напр. *дитмарсенскіе роды*, когда на самомъ дѣлѣ переселенцы не были родичами между собою. Въ исторіи русскихъ Славянъ не было помину объ искусственныхъ родахъ. Сохраненію родового быта у Германцевъ благопріятствовало то, что германскія племена дѣлали свои переселенія во время владычества родового быта на родинѣ, посему германскіе переселенцы большею частію отправлялись въ путь съ строгимъ соблюденіемъ родовыхъ формъ, подъ предводительствомъ родоначальника. Переселенія германскія были произвольны: напротивъ, Славяне стали переселяться съ Дуная тогда, когда ихъ родовой бытъ былъ сильно потрясенъ и даже разстроенъ Римлянами, которые постепенно занимали ихъ земли и строили тамъ свои города. Славяне начали переселяться за Дунай не по доброй волѣ, а по принужденію, вслѣдствіе насилій, какъ прямо говоритъ Несторъ: „Волохомъ бо нашедшимъ на Словени на Дунайскіе". Притомъ не нужно упускать изъ

1) См. стран. 7 лѣтописи Нестора по Лаврентьевск. списку изд. 1864 г. Москва.

виду, что близкое и продолжительное сосѣдство Славянъ съ Греками и Римлянами на Дунаѣ сильно потрясло ихъ родовой бытъ и развило въ нихъ потребность общественнаго устройства. Что уже Славяне дунайскіе должны были во многомъ измѣнить свой родовой бытъ, показываетъ ихъ исторія на Дунаѣ; такъ, въ концѣ VIII и въ началѣ IX вѣка въ царствѣ Болгарскомъ и у Сербовъ являются города съ чисто общиннымъ устройствомъ. Хотя исторія замѣтила ихъ только въ эту эпоху, но по всей вѣроятности они были еще раньше. Стало-быть, переселяясь въ восточную Европу, Славяне разувѣрились уже въ превосходствѣ родового быта еще на Дунаѣ. Переходя къ нашей исторіи, мы видимъ, что когда славянскія племена пришли на Русь, у нихъ является уже общинное устройство; слѣдовательно, родовой бытъ былъ потрясенъ еще на Дунаѣ. Племена, переходя на Русь, принесли съ собою нѣкоторое образованіе, чему служитъ доказательствомъ то, что они уже занимались земледѣліемъ; въ сравненіи съ туземными финскими и латышскими племенами, они были несравненно выше въ своемъ развитіи, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что большая часть латышскихъ и финскихъ племенъ еще до Рюрика была подчинена Славянамъ и при томъ не столько, кажется, войною, сколько колонизаціею, постройкою славянскихъ городовъ между финскими и латышскими племенами. Такъ, исторія застаетъ уже Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро и др. славянскіе города среди поселеній Веси, Мери и Муромы и этотъ финскій край на глазахъ исторіи до того ославянился, что уже въ XII в. трудно ихъ было отличить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ Славянъ—явный признакъ, что Славяне уже пришли на Русь, находясь въ извѣстной степени развитія, что общественное устройство у нихъ не было родовое, а общинное, такъ что они принимали всякаго иноплеменника въ свое общество и дѣлали его равноправнымъ. Родовой бытъ этого не допускалъ: здѣсь всякій, вступавшій на землю чужого рода, долженъ былъ сдѣлаться или рабомъ, или — умереть, какъ это было у Германцевъ; напротивъ, у Славянъ на Руси не видимъ, чтобы исключали неродича. Славяне принимали въ свое общество Финновъ, какъ равноправныхъ; такъ извѣстно, что въ приглашеніи Варяго-Руссовъ вмѣстѣ съ Славянами участвовали и Чудь,— слѣдовательно признавалась одноправною съ Славянами; это же условіе принятія въ общество иноплеменниковъ явно указываетъ на общинное устройство у Славянъ на Руси, — только община не полагаетъ различія между единоплеменниками и иноплеменниками. Вообще можно принять съ достовѣрностью, что Славяне измѣнили свой бытъ еще на Дунаѣ и преимущественно отъ вліянія сосѣднихъ Грековъ и Римлянъ. Наконецъ, вѣрнымъ признакомъ общественнаго состоянія Славянъ могутъ служить еще особенныя условія владѣнія землею. У насъ, на Руси, и у Сербовъ на Дунаѣ было два вида владѣнія: общинное и частное поземельное владѣніе [1]). Въ первомъ видѣ земля составляла принадлежность цѣлаго общества и каждый членъ его имѣлъ право *владѣнія и пользованія безъ права отчужденія*; во второмъ же видѣ земля составляла полную собственность владѣльца *съ правомъ отчужденія*. Такой порядокъ владѣнія возможенъ только при общинномъ

[1]) Общинное владѣніе по-сербски называлось жупа, частное—баштьина.

устройствѣ. Въ родовомъ же бытѣ земля принадлежитъ цѣлому роду, и члены его пользуются ею. Въ древней Германіи всѣ члены рода дѣлили между собою всю землю, составлявшую принадлежность одного извѣстнаго рода, и ни одинъ хозяинъ не оставался по нѣскольку лѣтъ на одной землѣ. Это сохранилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до сихъ поръ, тогда какъ у славянскихъ племенъ на Руси не было и помину о таковомъ ежегодномъ раздѣлѣ. У насъ каждый членъ общества владѣлъ землею общины такъ, что могъ передать ее и своимъ дѣтямъ. Общинное владѣніе различалось отъ частнаго только тѣмъ, что владѣлецъ общинной земли непремѣнно долженъ былъ быть членомъ общества.

Итакъ, устройство Славянъ на Руси было общинное, а не родовое. Двѣ причины имѣли вліяніе на измѣненіе родового быта Славянъ: 1) сосѣдство съ Греками и Римлянами, поколебавшее родовой бытъ Славянъ еще въ то время, когда они жили на Дунаѣ; 2) переселеніе въ чужую землю, занятую финскими и латышскими племенами, поставило славянъ въ необходимость жить въ чужой землѣ общинами и строить города, чтобы не смѣшаться съ туземцами. По свидѣтельству Нестора родовой бытъ сохранился только у одного изъ славянскихъ племенъ, переселившихся на Русь—у Полянъ: „*Поляномъ же живущимъ особѣ и володѣющемъ роды своими, иже и до сее братѣь бяху Поляне и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ*". Но и Поляне не долго держались формъ родового быта. Несторъ же говоритъ далѣе [1]), что надъ всѣми родами полянскими возвысился родъ Кія, Щека и Хорива, и что у нихъ былъ построенъ городъ Кіевъ. Изъ этого видно, что Поляне оставили впослѣдствіи родовой бытъ и стали держаться быта общиннаго, потому что преобладаніе одного рода надъ другими невозможно при родовомъ бытѣ, точно также, какъ и построеніе города есть прямое отрицаніе родового быта.

Бытъ отдѣльныхъ славянскихъ племенъ. Мы видѣли, что общественное устройство Славянъ на Руси было общинное, а не родовое. Теперь посмотримъ, какъ у того, или другого племени развивалась общинность. Славянскія племена, пришедши на Русь съ Дуная, заняли пространство земли отъ Чернаго до Бѣлаго и Балтійскаго морей. Естественно, что при такой разселенности онѣ не всѣ жили одинаково: иныя изъ нихъ скорѣе почувствовали необходимость въ общинномъ бытѣ и развили его, другіе, напротивъ, могли остаться при старомъ родовомъ бытѣ. Начнемъ съ племенъ, жившихъ на ю. Россіи; къ нимъ относятся:

Уличи и Тиверцы. Эти племена жили по прибрежью Чернаго моря, отъ нижняго Дуная до Днѣпра. Угрожаемые съ запада тѣмъ же врагомъ, который принудилъ ихъ передвинуться на Русскую землю, а съ востока разными кочевниками, Уличи и Тиверцы, вскорѣ по переселеніи, принуждены были обратиться къ общинной жизни. Баварскій географъ, относящійся ко второй половинѣ 9-го вѣка, насчитываетъ у Уличей 318, а у Тиверцевъ 148 городовъ. Существованіе городовъ у этихъ племенъ доказываетъ, что бытъ ихъ былъ общинный. Но насколько онъ былъ развитъ у нихъ, какъ устроенъ былъ

---

1) См. Лавр. сп. ст. 4 изд. іd.

каждый городъ, въ подробности намъ неизвѣстно. Несторъ говоритъ только, что они были сильны, такъ что Олегъ не могъ покорить ихъ, хотя воевалъ съ ними 10 лѣтъ [1]). Игорь съ большимъ трудомъ велъ войну съ ними, подъ однимъ изъ ихъ городовъ Пересѣчномъ его войска стояли около 3-хъ лѣтъ. Но неизвѣстно, были ли эти племена покорены имъ, извѣстно только то, что они платили Игорю дань.

Дулебы или Бужане („зане сѣдоша по Бугу") и **Волыняне** жили по р. Бугу на сѣверъ отъ Уличей и Тиверцевъ. Объ ихъ внутреннемъ устройствѣ мы имѣемъ мало свѣдѣній. По свидѣтельству Нестора, эти племена переселились очень рано и въ половинѣ VII столѣтія были покорены Аварами, которые слишкомъ жестоко обращались съ покоренными [2]). На сѣверъ отъ Дулебовъ и Волынянъ жили дикіе Литовцы и еще болѣе дикіе, воинственные Ятвяги, племя, которое, не смотря на всѣ усилія покорить его, просуществовало около 500 лѣтъ. Сосѣдство съ этими племенами, конечно, заставило Дулебовъ и Волынянъ жить не иначе, какъ обществами и имѣть города. Такимъ образомъ, мы имѣемъ, хотя и косвенное, указаніе въ лѣтописи на то, что Дулебы и Волыняне жили общинами, но кромѣ этого мы имѣемъ еще другое историческое свидѣтельство—миѳы, которые мы находимъ въ былинахъ Владимира Святого. Въ нихъ Уличи и Волыняне представляются чрезвычайно богатыми людьми. Далѣе, въ этихъ миѳахъ есть указанія и на внутреннее устройство племенъ этихъ; изъ сихъ краевъ у Владимира Св. были два богатыря, имѣвшіе особенный отъ другихъ богатырей характеръ, это—Дюкъ Степановичъ и Чурило Пленковичъ. Чурило Пленковичъ, красивый, молодой человѣкъ, въ сопровожденіи богатой дружины, ѣдетъ въ Кіевъ къ Владимиру, который принимаетъ его очень ласково и разспрашиваетъ его, кто онъ. „Я сынъ, говоритъ Чурило, стараго Плена изъ Волыни; мой отецъ проситъ тебя принять меня къ себѣ на службу". Владиміръ принялъ его, но черезъ нѣсколько времени вздумалъ самъ побывать въ гостяхъ у стараго Плена. Здѣсь онъ находитъ у него великолѣпное жилище, около котораго красовались громаднѣйшія строенія; вездѣ видно было поразительное богатство и пышность. О Дюкѣ Степановичѣ есть другое преданіе. Галичанинъ Дюкъ, по смерти своего отца, явился на службу къ Владимиру съ великолѣпной свитой и хвастался своимъ богатствомъ, такъ что дивилъ всѣхъ. На обѣдѣ у Владимира онъ рѣзко высказался противъ бѣдности Кіевлянъ. Раздраженный князь отправилъ посла для разузнанія о Дюковыхъ богатствахъ. Посланный, воротившись, говорилъ, что богатство Дюка дѣйствительно необъятно: „чтобы переписать его, нужно два воза перьевъ и чернилъ, а бумаги ни-вѣсть сколько". Но ни Дюкъ Степановичъ, ни Чурило Пленковичъ нигдѣ не называются князьями. Стало-быть у Уличей, Тиверцевъ, Дулебовъ и Волынянъ не было князей, но тутъ жили какіе-то богатые люди, отъ которыхъ вполнѣ зависѣли прочіе жители.

1) Несторъ говоритъ: „Въ лѣто 6393... бы обладая Олегъ Поляне и Древляне, Сѣверяне и Радимичи, а съ Уличи и Тиверцы имяше рать". Ст. 11 Лавр. сп.

2) Несторъ говоритъ: „Обрѣ воеваху на Словенахъ и наимуща Дулебы, сущая Словѣны и насиліе творяху женамъ Дулебьскимъ: аще поѣхати будяше Обрину не дадяше впрягати коня, ни вола, но веляше впрягати 3-ли, 4-ли, 5-ли женъ въ телѣгу и повезже Обърѣна, тако мучаху Дулѣбы". Ст. 5, Лавр. сп.

На востокъ отъ Дулебовъ и на сѣверовостокъ отъ Тиверцевъ жили **Древляне**, сосѣдившіе у верховьевъ Ирши и Тетерева съ Полянами. Объ общественномъ устройствѣ въ этомъ племени, Несторъ сохранилъ нѣсколько драгоцѣнныхъ извѣстій, при описаніи войны Древлянъ съ Игоремъ и съ Ольгою. Изъ этихъ извѣстій видно, что главою Древлянскаго племени былъ князь, онъ былъ главнымъ попечителемъ всей земли, онъ пасъ Деревскую землю, по выраженію лѣтописи, старался объ ея распространеніи, о порядкѣ и нарядѣ цѣлой страны. Но вмѣстѣ съ княземъ участвовали въ управленіи и лучшіе мужи, которыхъ Несторъ прямо называетъ—держащими землю; такъ при описаніи вторичнаго посольства Древлянъ къ Ольгѣ, онъ говоритъ: „Древляне избраша лючшіе мужи, иже держаху деревскую землю“. Замѣчательно, что лѣтописецъ сихъ держателей Древлянской земли называетъ лучшими мужами, а не старѣйшинами, явный признакъ общиннаго быта въ сильномъ развитіи. Далѣе вмѣстѣ съ княземъ и лучшими мужами участвовало въ управленіи и все племя Древлянъ. Такъ лѣтописецъ, описывая вторичное нападеніе Игоря на Древлянскую землю, говоритъ: „Древляне сдумавше со Княземъ своимъ Маломъ, послали къ Игорю глаголюще: почто идеши опять“. Или древлянское посольство говоритъ Ольгѣ: „посла ны деревская земля“. Здѣсь община выступаетъ во всемъ своемъ развитіи; послы прямо говорятъ, что они посланы отъ всей Деревской земли, а не отъ князя или старѣйшинъ; слѣдовательно Деревская земля составляла что-то цѣлое, общину, маральную личность. Общественное устройство Древлянъ совершенно одинаково съ общественнымъ устройствомъ Сербовъ, какъ оно представляется изъ Душанова Законника и другихъ древнѣйшихъ памятниковъ. У Сербовъ, какъ и Древлянъ, былъ свой *князь или жупанъ*, *свои властители* или лучшіе люди, держащіе землю, какъ они именно и называются въ сербскихъ памятникахъ, также свои народныя собранія или вѣча, называвшіяся *соборами*. А сербское общественное устройство, по послѣднему слову науки, признается *общиннымъ*, или, какъ Сербы называютъ, *оптина*, *обькина* (докторъ Кръстичь). Слѣдовательно, ясно, что и древлянное устройство, описанное Несторомъ, было общинное. Еще замѣчаніе относительно лучшихъ людей. Въ лучшихъ людяхъ нельзя видѣть родоначальниковъ или старѣйшинъ, а только поземельныхъ собственниковъ, какъ у Сербовъ волостители. Существованіе частной собственности служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что бытъ ихъ былъ не родовой, а общинный. У народовъ, живущихъ въ родовомъ бытѣ, земля принадлежитъ цѣлому роду, а частной собственности не можетъ быть. Таково было владѣніе землею у Германцевъ. Напротивъ, при общинномъ бытѣ есть два рода владѣнія: *общинное*, когда земля принадлежитъ цѣлой общинѣ, причемъ членъ ея только пользуется доходами съ участка земли, имъ занимаемой, безъ права продажи, и *частное*, принадлежащее одному лицу, какъ собственность, (вотчина) и образовавшееся такимъ образомъ: земля въ какомъ-нибудь мѣстѣ, напр., въ лѣсу, остается по неудобности невоздѣланною и не приноситъ никакого дохода; чтобы заставить ее приносить доходъ, нужно затратить капиталъ и нужно имѣть силу защитить ее, что для человѣка съ ограниченными средствами невозможно. Когда землею владѣютъ на общинныхъ правахъ, тогда одна часть защищаетъ ее, а другая

обработываетъ; но въ числѣ людей общины могутъ быть сильные, лучшіе люди,—они могутъ занять землю въ лѣсу, воздѣлать ее и защищать посредствомъ богатства. Слѣдовательно, поземельная частная собственность можетъ быть только въ общинѣ и притомъ такой, которая достаточно развита.

На востокъ отъ Древлянъ, прямо по западному берегу Днѣпра жили **Поляне.** Объ этомъ племени, объ его общественномъ устройствѣ, Несторъ оставилъ довольно свидѣтельствъ. По свидѣтельству Нестора, Поляне пришли съ Дуная еще подъ вліяніемъ родового быта: они, при первоначальномъ поселеніи, сѣли у Днѣпра по дунайски, въ разсыпную, каждый родъ отдѣльно, по горамъ и по лѣсамъ, и занимались звѣроловствомъ, какъ прямо сказано у Нестора: „Поляномъ живущимъ особѣ и володѣющимъ роды своими, и живяху каждо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, владѣюще каждо родомъ своимъ; и бяху ловяще звѣрь". Но чужая земля скоро принудила Полянъ отступиться отъ родового быта. Между ними скоро усилился одинъ родъ, примыкавшій своими поселеніями прямо къ Днѣпру, и старѣйшіе представители этого рода, братья: Кій, Щекъ и Хоривъ, сдѣлались главными начальниками, князьями всѣхъ полянскихъ родовъ, и выстроили въ этомъ краю первый городъ Кіевъ. По смерти Кія и его братьевъ, власть, пріобрѣтенная ими, перешла въ ихъ родъ: „и по сихъ братьи, по словамъ Нестора, почаша родъ ихъ держати княженіе въ Поляхъ". Такимъ образомъ, еще въ первыхъ поколѣніяхъ Дунайскихъ переселенцевъ послѣдовало соединеніе полянскихъ родовъ въ одно цѣлое, а съ тѣмъ вмѣстѣ и первоначальное родовое ихъ устройство потерпѣло сильное измѣненіе. А когда вымерли потомки Кія, управлявшіе Полянами, то общинныя начала въ этомъ племени получили полное развитіе – Поляне начали уже управляться вѣчемъ; такъ что Несторъ уже сравниваетъ ихъ съ Новгородцами: „Новгородцы бо и Смолняне и Кіяне, и вся власти, якоже на думу на вѣче сходятся, начтоже старѣйшіи сдумаютъ, на томъ же пригороды станутъ". Такимъ образомъ съ пресѣченіемъ Кіева потомства все племя Полянъ составило союзъ общинъ и прежнее родовое старѣйшинство обратилось въ новое старѣйшинство—общинное, основанное сколько на старѣйшинствѣ, столько же на могуществѣ и богатствѣ; старшимъ сдѣлался не родъ и не его представитель – родоначальникъ, а городъ, послужившій первою основою общины, младшими же—его выселки, пригороды. Родовой бытъ здѣсь рѣшительно потерялъ свое прежнее значеніе, общество пошло совсѣмъ инымъ путемъ, выгоды его совершенно разошлись съ выгодами рода. Родъ требовалъ разъединенія и удаленія отъ другихъ, а общество искало общенія и соединенія въ одно цѣлое и сыскало его въ подчиненіи пригородовъ старшему городу. У Полянъ представителемъ и руководителемъ цѣлаго племени сдѣлался не родоначальникъ, а старшій въ томъ краю городъ – Кіевъ; о родахъ же какъ представителяхъ родового быта нѣтъ и помину во всей послѣдующей исторіи полянскаго племени. Первое извѣстіе объ общинномъ устройствѣ у Полянъ, засвидѣтельствованное исторіею, мы встрѣчаемъ при нападеніи Козаръ. Несторъ говоритъ: *„Наидоша я Козаре, сѣдяща на горахъ сихъ, и рѣша Козари: „платите намъ дань". Сдумавше По-*

ляне и вдаша отъ дыма мечь". Вотъ первое извѣстное намъ Кіевское *вѣче*. Второе вѣче встрѣчаемъ при нашествіи Аскольда и Дира.

При общинномъ устройствѣ Поляне стали усиливаться, чему много способствовали выгоды мѣстности, занимаемой ими при торговомъ пути отъ Варягъ къ Грекамъ [1]). Поляне стали представителями общиннаго быта, начала котораго стали проникать и въ семейную ихъ жизнь. Самое устройство семьи у Полянъ было особенное. Бракъ опредѣлялся по договору, которымъ опредѣлялось количество приданаго за невѣстой, а договоръ- дитя общины. Семейныя отношенія у Полянъ отличались особенною строгостью, чинностью: „*Поляне бо своихъ отецъ обычай имутъ кротокъ и тихъ и стыдѣніе къ снохомъ своимъ, и сестрамъ, и къ деверемъ великой стыдѣніе имяху, брачныя обычаи имяху: не хожаше зять по невѣсту, но проводяху вечеръ, и заутра приношаху ей, что вдадуче*" [2]). Самая религія Полянъ подверглась вліянію общиннаго устройства. По свидѣтельству Прокопія, Славяне на Дунаѣ не измѣняли древнихъ обычаевъ и строго соблюдали ихъ, тогда какъ Поляне, переселившись, измѣнили свою религію. Первоначально религія ихъ состояла въ поклоненіи озерамъ, рѣкамъ, лѣсамъ, горамъ, но впослѣдствіи мы видимъ у нихъ другихъ боговъ — Перуна, Стрибога, Волоса и др., которыхъ они заимствовали у Литовцевъ и финскихъ племенъ. Это заимствованіе чужихъ боговъ, немыслимое при родовомъ бытѣ, служитъ неопровержимымъ доказательствомъ, что племя Славянъ перешло отъ отчужденія и замкнутости къ общинѣ, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

На востокъ отъ Полянъ, на противоположномъ берегу Днѣпра, жили **Сѣверяне**. Это племя, по свидѣтельству Нестора, составилось изъ выселенцевъ, пришедшихъ отъ Кривичей; Кривичей же Несторъ называетъ выселенцами Полочанъ, а Полочанъ производитъ отъ Ильменскихъ Славянъ или Новгородцевъ. Такимъ образомъ Сѣверяне принадлежатъ къ одному поколѣнію съ Новгородцами, Полочанами и Кривичами, и были колонистами ильменскихъ колонистовъ, что, кромѣ свидѣтельства Нестора, доказываетъ и самое названіе Сѣверянъ, т. е. пришельцевъ съ сѣвера. Это извѣстіе о происхожденіи Сѣверянъ указываетъ на ихъ общинное устройство, ибо колонисты общинниковъ не могли быть не общинниками; къ тому же мы не имѣемъ никакихъ извѣстій, чтобы у Сѣверянъ были въ древности князья, а это еще болѣе указываетъ на общинное устройство въ этомъ племени, ибо въ князьяхъ, хотя не всегда вѣрно, можно бы было еще предполагать родоначальниковъ. На общинное же устройство у Сѣверянъ указываетъ рядъ сѣверянскихъ городовъ отъ Любеча до Переяславля, уже въ X вѣкѣ извѣстныхъ по своей торговлѣ Византійцамъ, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ Константинъ Порфирородный, который говоритъ, что ежегодно у Кіева сходятся лодки изъ Любеча и Чернигова для отправ-

1) Несторъ говоритъ: „Поляномъ же жившимъ по горамъ симъ, бѣ путь изъ Варягъ въ Греки; и изъ Грекъ по Днѣпру и верхъ Днѣпра волокъ до Ловати, по Ловати внити въ Ильмень озеро великое, изъ него же озера потечеть Волховъ и втечеть въ озеро великое Нево, того озера внидеть устье въ море варяжское, и потому морю идти до Рима, а отъ Рима прити по тому же морю ко Цареграду, а отъ Цареграда прити въ Понтъ море, въ не же втечеть Днѣпръ рѣка". (стр. 3 Лавр. ст.).

2) Лавр. сп. стр. 6.

ленія въ Константинополь. Кромѣ Константинополя, Сѣверяне вели еще обширную торговлю съ Казаріею и Камскою Булгаріею, о чемъ говоритъ Ибнъ-Фоцланъ, посолъ Калифа Муктадера, бывшій въ Булгарѣ и Итилѣ въ 921 и 922 годахъ. По его словамъ въ Итилѣ хозарскомъ была особая слобода для сѣверянскихъ купцовъ, гдѣ помѣщались ихъ жилища и амбары съ товарами; они тамъ жили обществами и по своимъ торговымъ дѣламъ иногда довольно долго проживали въ Итилѣ и Булгарѣ, и въ одной рощѣ имѣли свою особую кумирницу, куда приходили для жертвоприношеній. Обширная и дѣятельная торговля Сѣверянъ съ Византіею, Болгаріею и Козаріею свидѣтельствуетъ о довольной развитости сѣверянскаго племени, ибо никакъ нельзя согласиться, чтобы торговля сія была слѣдствіемъ нуждъ естественныхъ и безплодія земли, потому что край, занятый Сѣверянами, очень плодороденъ и обиленъ для того, чтобы прокормить дикарей и удержать ихъ дома, не странствуя по отдаленнымъ землямъ для прокормленія торговлею; явно, что торговля была слѣдствіемъ развитія потребностей не чисто физическихъ, но болѣе уже нравственныхъ, гражданскихъ. Для Сѣверянъ по свидѣтельству Ибнъ-Фоцлана нужны были золото, серебро, греческія парчи и другіе предметы довольства и обилія, неизвѣстные и не нужные бѣднымъ дикарямъ.

Несторъ даетъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни и нравахъ Сѣверянъ. Такъ онъ говоритъ, что они имѣли обычай собираться на игрища, происходившія между ихъ селеній, на которыя сходились мужчины и женщины: „*Схожахуся на игрища, на плясанія и на вся бѣсовскія игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто совѣщашеся*“ [1]). Существованіе такого обычая заставляетъ предполагать, что бытъ Сѣверянъ былъ общинный: они не нуждаются другъ въ другѣ, живутъ не замкнуто, какъ живутъ обыкновенно въ родовомъ бытѣ. Утвержденіе брачныхъ договоровъ имѣетъ у нихъ точно также характеръ общиннаго быта: невѣста отдавалась жениху въ присутствіи большого собранія народа, впрочемъ не безъ предварительнаго между ними согласія. Этотъ обычай сохранился въ общихъ чертахъ и до настоящаго времени въ губерніяхъ: Курской, Орловской и нѣкоторыхъ уѣздахъ Черниговской. Свадьбы заключались на общихъ сходбищахъ по случаю какого-нибудь торжественнаго праздника, или—на ярмаркѣ, и ежели женихъ объявилъ свою невѣсту, то она считалась настоящею его невѣстою, и отказаться отъ нея жениху уже не было возможности. Кромѣ свидѣтельства о брачныхъ обычаяхъ у Сѣверянъ, Несторъ сообщаетъ еще о похоронныхъ обрядахъ. Въ этихъ обрядахъ тоже замѣтно вліяніе общиннаго быта. Какъ при заключеніи брака или вводѣ въ семью требуется публичность, такъ точно публичность же требуется и при выходѣ изъ семьи, т е. при смерти кого-либо изъ членовъ ея. Похороны состояли въ томъ, что мертвеца сожигали и пепелъ его, собранный въ какой-нибудь сосудъ, ставили въ такихъ мѣстахъ, гдѣ пересѣкалось нѣсколько дорогъ, послѣ чего совершалась тризна: „*Аще кто умряше, творяху тризну надъ нимъ, а по семъ творяху кладу велику и възложахутъ на кладу мертвеца, сожгаху, а по семъ, собравше*

1) Лавр. сп. стр. 6.

кости, вложаху въ судину малу и ставяху на стопѣ, на путѣхъ" [1]). Тризна же есть общинный, а не родовой обрядъ; на ней устраивались игры въ честь покойника и кромѣ родственниковъ и друзей его могли присутствовать всѣ желающіе. На эту тризну отдѣлялась третья часть имущества, оставшагося послѣ покойника.

Одноплеменники и родоначальники Сѣверянъ—**Кривичи**, принадлежавшіе, какъ мы уже видѣли, къ одному поколѣнію съ Новгородцами, по свидѣтельству Нестора, жили при верховьяхъ Днѣпра, Западной Двины и Волги. Это племя было одно изъ многочисленнѣйшихъ и занимало страну, хотя не богатую земными произведеніями, но выгоднѣйшую по мѣстоположенію: Днѣпръ указывалъ Кривичамъ путь въ Константинополь. Западная Двина и Нѣманъ открывали имъ дорогу къ Балтійскому морю и западной Европѣ, а Волга отворяла ворота въ Камскую Болгарію и Хозарію. Выгодами мѣстоположенія своего Кривичи не замедлили воспользоваться; о торговлѣ Кривичей съ Византіею свидѣтельствуетъ Императоръ Константинъ Порфирородный, писатель X вѣка; по его словамъ, въ Константинополь ежегодно приходили купеческія лодки изъ Смоленска въ іюнѣ мѣсяцѣ, или около этого времени; на сѣверѣ Кривичи торговали съ Новгородцами въ Холму и съ Чудью въ Изборскѣ, откуда Чудскимъ озеромъ и Наровою доходили до Балтійскаго моря; на востокѣ, по Волгѣ, Кривичи очевидно торговали съ Камскою Болгаріею и Казаріею, ибо подъ именемъ славянскихъ купцовъ, по свидѣтельству Ибнъ-Фоцлана, пріѣзжавшихъ въ Итиль, и жившихъ тамъ въ особой слободѣ называемой Хазеранъ, должно разумѣть ни иныхъ какихъ Славянъ, какъ Новгородцевъ и Кривичей, пріѣзжавшихъ въ Болгарію и Хозарію по Волгѣ съ сѣверо-запада. Но, кажется, преимущественная торговая дѣятельность Кривичей была направлена къ Литовской странѣ, гдѣ они не имѣли соперниковъ для своей торговли и гдѣ черезъ Нѣманъ могли имѣть сообщеніе съ Балтійскимъ моремъ. На ближайшія и дѣятельныя сношенія Кривичей съ Литовцами и вообще съ Латышскими племенами указываетъ, сохранившаяся до сего времени привычка Латышей называть всѣхъ русскихъ *Кривичами*, и русскую землю *Кривскою землею*. Объ общинномъ устройствѣ у Кривичей или Смольнянъ, по ихъ главному городу, свидѣтельствуетъ Несторъ; онъ говоритъ, что Смольняне, также какъ и Новгородцы, управлялись въ древности вѣчемъ и, что вѣче старшаго города Смоленска было руководителемъ всѣхъ кривскихъ пригородовъ.

Полочане, одноплеменники и родоначальники Кривичей, жили по рѣкамъ Полотѣ и Западной Двинѣ; старѣйшій ихъ городъ Полоцкъ находился при впаденіи Полоты въ Двину, потомъ по Двинѣ ихъ селенія доходили почти до ея устьевъ въ Балтійскомъ морѣ, ибо, по свидѣтельству ливонской лѣтописи, тамъ были полоцкіе города Кукейносъ и Берсикъ. Далѣе, на югъ отъ Двины, черезъ землю Литовскую, поселенія Полочанъ доходили до Нѣмана, и за Нѣманомъ на юго-западѣ, можетъ быть, до Буга и Вислы, на что намекаютъ чисто полоцкія названія рѣкъ Дисны и Нарева, и города Полтовеска или Пултуска. На это же углубленіе Полочанъ въ земли Литовскія и Латышскія указываетъ и свидѣтельство Нестора о томъ, что тамошнія не Славянскія племена: Литва, Зимгола, Корсь и Либь платили дань Руси; да и вся

1) Лавр. сп. стр. 6.

послѣдующая исторія Литвы ясно говоритъ, что Полочане издавна были господствующимъ народомъ въ Литвѣ и находились въ близкихъ сношеніяхъ съ литовскими и латышскими племенами, такъ что нѣтъ сомнѣнія, что большая часть городовъ литовской земли, и именно древнѣйшіе изъ нихъ были построены Полочанами и Кривичами, которые постепенно колонизировали этотъ край славянскими поселеніями, точно также, какъ Новгородцы колонизировали земли Чуди, Мери и Веси. Объ общественномъ устройствѣ Полочанъ мы имѣемъ два свидѣтельства у Нестора: въ первомъ онъ называетъ полоцкую землю княженіемъ, слѣдовательно признаетъ у Полочанъ князей, а во второмъ говоритъ, что Полочане, якоже на думу на вѣче сходятся, и на чемъ старшіе сдумаютъ на томъ и пригороды станутъ; тоже подтверждаетъ и Быховецъ въ литовской лѣтописи; по его словамъ: *„мужи Полочане ея справляли, какъ великій Новгородъ“*. Изъ свидѣтельствъ Нестора и Быховца ясно, что общественное устройство у Полочанъ было общинное, одинакое съ устройствомъ Древлянъ и Сербовъ. Что касается до торговли Полочанъ, то, по всему вѣроятію, она была направлена по Западной Двинѣ къ Балтійскому морю, гдѣ Полочане были хозяевами вплоть до морского берега, какъ можно заключать изъ того, что, по свидѣтельству Ливонскихъ лѣтописей, Нѣмцы, для первоначальнаго поселенія на этомъ берегу, испрашивали согласія полоцкихъ князей. Западная же Двина была одною изъ торныхъ торговыхъ дорогъ, по которой Русскіе Славяне издревлѣ торговали съ западною Европою; на нее указываетъ Несторъ, какъ на одинъ изъ древнѣйшихъ путей сообщенія съ западомъ. О восточной торговлѣ Полочанъ и о греческой мы не имѣемъ никакихъ извѣстій, ни даже намековъ. По всему вѣроятію, Полочане не ходили торговать ни въ Константинополь, ни въ Болгарію, ни въ Козарію, ибо дороги въ сіи страны лежали во владѣніяхъ Кривичей, Новгородцевъ, Полянъ и Сѣверянъ, съ которыми Полочане мѣнялись товарами получаемыми съ Запада.

Новгородцы. Новгородскія владѣнія. Сильнѣйшимъ и могущественнѣйшимъ племенемъ изъ всѣхъ славянскихъ племенъ на Руси было племя Славянъ Ильменскихъ или Новгородцевъ. Окруженные со всѣхъ сторонъ инородческими финскими племенами, Новгородцы, чтобы удержать свою національность и не затеряться между иноплеменниками, должны были начать свою жизнь на Руси построеніемъ городовъ и жить общинами, дозволявшими принимать всѣхъ. Такимъ образомъ, Новгородцы подавили Финновъ не физическою силою, а славянизаціей. Судя по преданію, Ильменскіе Славяне одни изъ первыхъ пришли съ Дуная, ибо преданіе говоритъ, что у Ильменя ихъ засталъ Андрей Первозванный въ 1-мъ вѣкѣ по Р. Х., путешествуя [1]) по Днѣпру и Балтійскому морю. По свидѣтельству Нестора, Ильменскіе Славяне выстроили при истокѣ р. Волхова городъ Новгородъ, отъ котораго и получили свое названіе [2]), и потомъ скоро подчинили себѣ племена инородцевъ. Чтобы удержать ихъ въ зависимости, Новгородцы стали строить въ ихъ землѣ пригородки. Такъ въ землѣ Чуди построили

---

1) „И приде (Св. Андрей) въ Словѣни, идѣ же нынѣ Новгородъ и видѣ ту люди сущая“... Лавр. сп., стр. 4.

2) Лавр. сп., стр. 5.

Псковъ, въ Кареліи—Ладогу, Ростовъ и др. Эта постройка городовъ результатомъ своимъ имѣла то, что финскія племена отъ Финскаго залива до Уральскихъ горъ признали себя зависимыми отъ Новгорода [1]).

Владѣнія Новгородцевъ раздѣлялись на три разряда: 1) самъ Новгородъ съ своими окрестными землями; 2) Новгородская земля, населенная хотя не одними славянскими племенами, но проникнутая духомъ Новгородцевъ. Она простиралась отъ Финскаго залива до Торжка, а съ юга—отъ Великихъ-Лукъ до Ладожскаго озера. 3) Волости Новгородскія—пространство земли отъ Торжка до Ростова, а именно: земли Веси, Мери съ городомъ Суздалемъ и Муромы съ Ростовомъ. Это были самыя отдаленныя владѣнія Новгородцевъ. Здѣсь хотя и были новгородскіе пригороды, но вліяніе Новгорода было уже не такъ сильно. Къ новгородскимъ владѣніямъ принадлежали еще слѣдующія земли: 1) Заволочье — самая богатая часть новгородскихъ владѣній, она простиралась отъ Онежскаго озера и р. Онеги до Мезени и Уральскихъ горъ. Весь этотъ край былъ заселенъ по распоряженію богатыхъ новгородскихъ бояръ, которые, набравъ ватаги вольницы, подчиняли себѣ туземцевъ, строили тамъ города и села и владѣли ими, какъ частною собственностью, съ условіемъ опредѣленной платы въ новгородскую казну. Поэтому вліяніе новгородскаго правительства въ этомъ краю было очень не значительно. Хотя Новгороду и принадлежало право назначать отъ себя начальниковъ для Заволочья и распоряжаться тамъ, но настоящими хозяевами, особенно съ XII вѣка, были тамъ все-таки бояре, такъ что вся связь Заволочья съ Новгородомъ существовала только въ лицѣ этихъ бояръ, членовъ новгородской общины. 2) Земли финскихъ племенъ—Печеры, Перьми, Югры, простиравшіяся отъ Заволочья до рѣки Оби. Эти волости, какъ видно изъ граммотъ, числились за Новгородомъ до XV вѣка. Отдаленность этихъ земель отъ Новгорода не располагала Новгородцевъ заводить тамъ большихъ поселеній. Поэтому, отношенія Новгородцевъ къ этимъ племенамъ ограничивались только однимъ сборомъ съ нихъ дани и производствомъ торговли и разныхъ промысловъ въ ихъ земляхъ, а въ управленіе ихъ Новгородцы не вмѣшивались и предоставляли имъ вѣдаться своими племенными начальниками.

---

1) О пространствѣ древнихъ новгородскихъ владѣній съ достаточной опредѣленностью говоритъ сага Орваръ-Одда, жившаго въ 1-й половинѣ IX вѣка. Въ ней сказано, что въ этомъ столѣтіи владѣніе Новгородцевъ или Гардовъ было такъ обширно, что заключало земли многихъ государствъ. Такъ, Моро былъ владѣтелемъ въ Мономарѣ (Муромѣ), Родставъ владѣлъ Ростовомъ (Ростовомъ), Эддваль въ Суздалѣ (Суздалѣ), Гоммейръ былъ государемъ Гоммигарда (Новгорода) подъ Квилланномъ, кромѣ того Полтесь владѣлъ Полтескомъ (Полоцкомъ), Кенмаръ въ Кунегардахъ (въ странѣ Каянской Чуди). Всѣ эти владѣльцы были подручниками одного государя—Квиллана. Наша отечественная лѣтопись распространяетъ эти владѣнія далѣе; она на первыхъ страницахъ (стр. 5, Лавр. сп.) насчитываетъ многія другія племена, жившія въ Русской землѣ, пересчитываетъ также иноплеменниковъ, которые будто бы подчинялись Руси: „А се суть иніи языци, иже день даютъ Руси: Чюдь, Меря, Весь, Мурома, Черемиса, Мордва, Пермь, Печера, Ямь, Литва, Зимгола, Корсь, Нарова, Либь“. Несторъ называетъ ихъ данниками Руси, преимущественно разумѣя ихъ данниками Новгорода, ибо послѣдній прежде всѣхъ другихъ странъ называться сталъ Русскою землею.

Общественное устройство Новгорода. Объ устройствѣ Новгородцевъ мы имѣемъ два совершенно разнородныхъ свидѣтельства: 1) свидѣтельство Нестора, 2) свидѣтельство скандинавскихъ сагъ. Несторъ говоритъ слѣдующее: „*Новгородцы бо изначала и Смольняне и Кіяне, яко же на думу, на вѣче сходятся, и на чемъ старшіе сдумаютъ на томъ и пригороды станутъ*“. Изъ этого видно, что ихъ устройство было чисто общинное и форма правленія была вполнѣ республиканская. Въ скандинавскихъ сагахъ новгородская земля называется „Гардарикіею“; въ древности эта страна, по свидѣтельству сагъ, управлялась потомками Сигурламія, сына Одина, и была въ частыхъ и близкихъ сношеніяхъ съ Скандинавіею, какъ по своимъ торговымъ связямъ, такъ и по сходству въ общественномъ устройствѣ и по близкому родству царствовавшихъ домовъ. По сказанію сагъ, Одинъ жилъ сначала на Дону, потомъ въ Новгородской землѣ, потомъ въ Саксоніи. Удаляясь изъ Новгородской земли, Одинъ оставилъ тамъ Сигурламія, сына своего. По сагамъ можно, хотя и съ перерывами, отыскать нѣсколько — отъ 15 до 20 князей новгородскихъ почти до начала IX вѣка. Такимъ образомъ, относительно устройства Новгорода въ источникахъ, повидимому, оказывается противорѣчіе, ибо по Нестору Новгородъ управлялся вѣчемъ, а по сагамъ государями, потомками Сигурламія, сына Одина. Но если сообразить всѣ обстоятельства, то окажется, что эти свидѣтельства, повидимому противорѣчивыя, все таки согласны между собою. Свидѣтельство Нестора, что Новгородцы „изначала, яко же на думу, на вѣче сходятся“, ни мало не противорѣчитъ извѣстіямъ, сообщаемымъ сагами, ибо право вѣча не уничтожалось и при князьяхъ, какъ мы знаемъ изъ исторіи Новгорода при Рюриковичахъ; слѣдовательно, то же могло быть и до Рюрика, чему не малымъ подтвержденіемъ служитъ подобное общественное устройство и въ древней Скандинавіи, какъ его изображаютъ саги. Присутствіе князей нисколько не противорѣчило общинному устройству. Князь — государь и господинъ Великій Новгородъ были совершенно совмѣстны по общественному новгородскому устройству; объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ лѣтописи и оффиціальныя извѣстія послѣдующаго времени до второй половины XV вѣка. Да и самъ Несторъ въ другомъ мѣстѣ называетъ Новгородъ княженіемъ [1], слѣдовательно не отрицаетъ княжеской власти у Новгородцевъ и утверждаетъ только, что они управлялись вѣчемъ при началѣ поселенія и передъ прибытіемъ Рюрика, чего не отрицаютъ и скандинавскія саги, ибо онѣ называютъ Сигурламія не основателемъ Новгорода, а пришельцемъ; слѣдовательно, до него Новгородъ могъ управляться и безъ князя; передъ прибытіемъ Рюрика, по сагамъ, мы также не видимъ князей въ Новгородѣ. Такимъ образомъ, и по сагамъ, и по нашимъ лѣтописямъ, Новгородцы въ иное время управлялись сами собою, въ иное—князьями.

Новгородская земля составляла союзъ городовъ, подчиненныхъ Великому Новгороду. Собственно общинный бытъ у Новгородцевъ былъ устроенъ слѣдующимъ образомъ: Новгородъ составлялъ цѣпь общинныхъ союзовъ, гдѣ каждая улица была самостоятельной и составля-

---

1) Лавр. сп., стр. 5

ла *общину*, т. е. союзъ нѣсколькихъ домовъ; у каждой улицы было свое *уличанское вѣче*, на которомъ выбирались *уличанскіе старосты* и были *большіе* и *меньшіе* люди [1]). Обидѣть уличанина значило обидѣть цѣлую улицу. Новгородъ раздѣлялся на *концы*; два изъ нихъ находились на правомъ берегу Волхова, три на лѣвомъ. Каждый конецъ состоялъ изъ нѣсколькихъ улицъ, и въ каждомъ концѣ было свое *кончанское вѣче*, на которомъ избирался *кончанскій староста*. Такимъ образомъ, новгородское вѣче состояло изъ кончанскихъ и уличанскихъ союзовъ и представляло собою органическое цѣлое. Вѣчу принадлежала верховная власть, а такъ какъ на вѣче собирался весь народъ, то слѣдовательно онъ и былъ верховнымъ правителемъ. На вѣчѣ существовали своего рода порядки: иной богатъ, да не членъ вѣча, другой бѣденъ, да членъ его. Голосъ на вѣчѣ принадлежалъ лишь тому, кто состоялъ членомъ общины, а членами общины были одни только домохозяева. Каждая улица шла на вѣче съ своимъ старостой и староста зналъ, кого онъ ведетъ. Мѣстомъ вѣча былъ нынѣшній Ярославъ дворъ, а иногда оно собиралось и у храма св. Софіи. За вѣчемъ слѣдовали власти выбранныя: старосты по улицамъ, старосты по концамъ, старосты цѣлаго Новгорода и наконецъ тысяцкіе. Тотъ же порядокъ былъ и въ пригородкахъ новгородскихъ—Ладогѣ, Псковѣ и другихъ. За пригородама слѣдовали *села*; нѣсколько селъ составляли *погостъ*, нѣсколько погостовъ — *уѣздъ*. Такимъ образомъ, всѣ новгородскія владѣнія суть ничто иное, какъ союзъ общинъ, въ которомъ меньшія общины вполнѣ зависѣли отъ большихъ.

Обычаи новгородскіе можно раздѣлить на общественные и семейные. Изъ *общественныхъ* замѣчательны, какъ принадлежность однихъ Новгородцевъ, *кулачные бои* и *повольничество*. О кулачныхъ бояхъ свидѣтельствуетъ Густынская лѣтопись; въ ней о Новгородцахъ сказано: *„въ коеждо лѣто на томъ (Волховскомъ) мосту людіе сбираются, и раздѣлшеся на-двое, играющее убиваются“* [2]). Въ этихъ кулачныхъ бояхъ Новгородцы принимали участіе не какъ попало и не въ разсыпную, а общинами. Напримѣръ, жители одного конца или улицы выступали противъ жителей другого конца стѣной на стѣну. Это показываетъ, что между самими общинами существовала тѣсная связь и единство, потому что только при такомъ единствѣ и при полномъ отсутствіи разъединенности общинное начало проникаетъ въ обычаи. Другимъ характеристическимъ явленіемъ новгородской жизни было — повольничество. Оно было изъ древнѣйшихъ учрежденій Новгорода, незнакомое другимъ славянскимъ племенамъ на Руси. Повольничествомъ въ Новгородѣ назывался обычай молодыхъ людей ходить воль-

---

1) Новгородцы издревле раздѣлялись на большихъ и меньшихъ людей; первые были землевладѣльцы, пріобрѣтшіе землю въ собственность. На своихъ земляхъ они селили болѣе бѣдныхъ—меньшихъ людей, но не какъ чуждые поработители, ибо и меньшіе люди пользовались всѣми политическими правами и не были безгласною массою.

2) Скандинавская сага Рольфа, сына Гаутрекова, говоритъ о древности кулачныхъ боевъ въ Новгородѣ; по ея словамъ, у новгородскаго государя Гольдсдана было двѣнадцать бойцевъ злыхъ и неукротимыхъ, которыхъ не брало желѣзо.

ницей по рѣкамъ и морямъ, на чужую сторону, пробовать тамъ свое удальство и находчивость и производить подчасъ грабежи. Въ Новгородѣ вся земля была общественная и только тотъ считался членомъ общины, кто имѣлъ землю, а у кого ея не было, тотъ не могъ быть членомъ общины. Такъ, дѣти до тѣхъ поръ не были членами общины, пока не получали земли. Эта-то масса людей и называлась вольными или гулящими людьми. Они пользовались правомъ свободы, правомъ труда и покровительствомъ закона, но въ дѣлахъ управленія не принимали никакого участія — они не несли общинныхъ повинностей, отъ нихъ требовалось только подчиненіе закону. Какой-нибудь богатый изъ нихъ, какъ напр. извѣстный Васька Буслаевъ, ходитъ по улицамъ и кричитъ: „кто хочетъ въ повольники". На зовъ его собираются богатые и бѣдные и составляется, такимъ образомъ, дружина. Члены—повольники были связаны между собою клятвами и договорами, поэтому назывались ротниками. Они ходили по нѣскольку лѣтъ и возвращались на родину или богатыми, или оборванными, а иногда и совсѣмъ пропадали безъ-вѣсти. Свидѣтельства объ этомъ обычаѣ въ нашихъ лѣтописяхъ встрѣчаются не раньше XII столѣтія и преимущественно относятся къ походамъ и грабежамъ по Волгѣ, Камѣ и Заволочью; но тѣмъ не менѣе онѣ указываютъ на древній обычай, существовавшій въ до-рюриковское время, когда походы новгородской вольницы, конечно, были обширнѣе. Наши повольники ѣзжали по морю; такъ, напр., они были въ Помераніи, откуда вывезли множество плѣнниковъ, чему служатъ доказательствомъ названія — „Прусская улица", „Волотовскій погостъ" въ Новгородѣ. Скандинавскія саги представляютъ намъ прямое свидѣтельство о древности сего обычая въ Новгородѣ. Въ одной изъ нихъ разсказывается, что Новгородскій государь, Реггвидъ, въ молодости постоянно занимался морскими разбоями и покорилъ многія мѣста по Западной Двинѣ. Здѣсь онъ воевалъ съ разными народами впродолженіи семи лѣтъ, не возвращаясь на родину, такъ что въ Новгородѣ думали, что онъ уже умеръ. Очевидно, что этотъ обычай былъ совершенно одинаковъ съ таковымъ же обычаемъ въ Скандинавіи, гдѣ викинги или короли моря, сыновья королей и ярловъ, обыкновенно начинали свое поприще морскими разбоями и повольничествомъ. Они обыкновенно хоронились въ какомъ-нибудь изъ морскихъ заливовъ и зорко стерегли проходившіе съ товарами корабли и грабили ихъ. Наши повольники въ своихъ походахъ также никому не спускали. Даже и своихъ иногда грабили и убивали. Случалось и такъ, что они, прибывъ въ какое-нибудь мѣсто, распродавали или промѣнивали свои товары, а потомъ брались и за грабежъ. Впрочемъ, изъ повольниковъ нерѣдко выходили люди и опытные; такъ, намъ извѣстно изъ исторіи, что нѣкоторые изъ нихъ были тысяцкими, воеводами и даже посадниками новгородскими. Повольники, большею частію пускавшіеся на удачу, открывали Новгородцамъ новые пути для торговли и для распространенія владѣній. Лучшимъ тому доказательствомъ служитъ то, что ни одно изъ славянскихъ племенъ на Руси не распространило такъ широко своихъ владѣній, какъ Новгородцы съ своими повольниками.

Теперь скажемъ о **семейныхъ обычаяхъ** Новгородцевъ. Древніе Новгородцы имѣли брачный обрядъ, который состоялъ въ томъ, что род-

ственники приводили невѣсту къ водѣ и отдавали ее жениху. Договорное начало при совершеніи брачнаго союза имѣло вліяніе на положеніе женщинъ въ семействѣ и обществѣ. Вступая въ семью по договору, женщина уже никакъ не могла быть рабою мужа, но дѣлалась равноправною ему. Вслѣдствіе этого женщины пользовались уваженіемъ. Особенно завидно было положеніе — вдовы. При жизни мужа женщина не могла брать общественной должности, хотя въ семьѣ она могла вести торговлю и владѣть своимъ имуществомъ независимо отъ мужа, но послѣ его смерти все переходило въ ея руки. Вдова мать заступала для дѣтей мѣсто отца; въ случаѣ же вторичнаго замужества, она теряла право на имущество перваго мужа, которое переходило тогда во владѣніе дѣтей съ учрежденіемъ опеки. Дѣти при матери не имѣли права на вѣче, если не отказывались отъ отцовскаго дома. Что женщины принимали участіе въ общественныхъ дѣлахъ, это мы знаемъ изъ примѣра сказочной Амельфы Тимоѳеевны и исторической Марѳы Борецкой, дѣти которыхъ хотя и были посадниками, но главою Новгорода была сама Марѳа. Должно замѣтить, что Марѳа не была исключеніемъ въ Новгородѣ, не одна она пользовалась такими правами, ибо мы знаемъ, что Иванъ III, покоривъ Новгородъ, нашелъ въ немъ много такихъ вдовъ, и посѣщалъ ихъ оффиціально, по росписанію. По этому образчику можно судить о томъ, какимъ высокимъ значеніемъ пользовались женщины въ Новгородѣ. Семьи въ Новгородѣ были независимы и каждая представляла отдѣльнаго и самостоятельнаго члена общины, безъ всякихъ ограниченій и стѣсненій рода; каждая семья дробилась на нѣсколько семей, какъ скоро выростали сыновья и обзаводились своимъ хозяйствомъ.

Характеръ новгородской общины. Всѣ дошедшіе до насъ памятники— русскіе и иностранные, говорятъ одно, что новгородское племя было самымъ дѣятельнымъ и предпріимчивымъ изъ всѣхъ славянскихъ племенъ на Руси. Вниманіе Новгородцевъ преимущественно было обращено на торговлю и колонизацію въ сосѣднихъ племенахъ. Живя на торговомъ пути, занимая мѣстность, представлявшую большія удобства по близости къ морю и по множеству озеръ, соединенныхъ другъ съ другомъ рѣками, они еще въ древнее время воспользовались своимъ удобнымъ положеніемъ и завели торговлю съ Византіею. О большомъ торговомъ пути черезъ новгородскія земли очень рано упоминаютъ Несторъ, Константинъ Порфирородный и Адамъ Бременскій. По ихъ словамъ, этотъ путь былъ извѣстенъ сѣвернымъ народамъ Европы съ давняго времени; по немъ, обыкновенно, ходили изъ Балтійскаго моря въ Неву, потомъ въ Ладожское озеро, потомъ рѣками Волховомъ, Ловатью, отсюда волокомъ до Днѣпра, потомъ по Днѣпру, и наконецъ въ Черное море. Новгородскіе Славяне, жившіе почти при началѣ этого пути и, такъ сказать, владѣвшіе ключемъ этой торговли, естественно, всего скорѣе должны были принять въ ней сильное участіе; но имѣя соперниками Кривичей, Новгородцы не могли сдѣлаться здѣсь господствующимъ торговымъ народомъ и посему обратились въ другую сторону, на сѣверъ и востокъ отъ своихъ владѣній, въ земли, занятыя финскими племенами — Корелою, Заволочьскою Чудью, Весью, Мерею и Муромой, гдѣ на далекое пространство имъ не представлялось соперниковъ, а между тѣмъ рѣчное и озерное сообщеніе откры-

вало новый, важный торговый путь въ Камскую Болгарію, бывшую въ близкихъ торговыхъ сношеніяхъ съ мусульманскою Азіею. Въ странахъ Корелы, Веси, Чуди, Мери и Муромы Новгородцы, начавъ дѣло торговлею, окончили колонизаціею всего этого края и подчиненіемъ тамошнихъ финскихъ племенъ, чему прямымъ доказательствомъ служатъ, какъ названія тамошнихъ городовъ—Ладога, Ростовъ, Бѣлоозеро, Суздаль, Торжокъ и др.—такъ и чисто новгородско-славянское населеніе съ общественнымъ устройствомъ Новгорода. Вообще, по свидѣтельству скандинавскихъ сагъ, нашего лѣтописца Нестора и арабскихъ историковъ и географовъ, Новгородцы въ VIII и въ началѣ IX вѣка были сильнымъ и богатымъ народомъ на Руси. Они торговали съ мусульманскою Азіею черезъ Болгарію и Хозарію и съ западной Европой черезъ Скандинавію; ихъ владѣнія занимали весь сѣверный край нынѣшней Россіи отъ Сѣвернаго океана до Оки и, можетъ быть, до устьевъ Угры, и отъ западной Двины и Балтійскаго моря до Камской Болгаріи, Уральскихъ горъ и даже до р. Оби. Но, по свидѣтельству тѣхъ же историковъ, внутреннее устройство новгородскаго общества далеко не соотвѣтствовало богатству, торговымъ связямъ и силѣ, или пространству владѣній. Общинныя начала, благодѣтельныя для Новгородцевъ въ прежнее время и много способствовавшія къ распространенію новгородскаго могущества, явно стали оказываться недостаточными, когда Новгородъ усилился и, когда на основаніи общинныхъ началъ, подчинилъ себѣ и принялъ въ составъ своего народонаселенія элементы финскій, сосѣднихъ славянскихъ племенъ, а частію скандинавскій. Эта разрозненность элементовъ населенія по общиннымъ началамъ, съ правами болѣе или менѣе одинаковыми, необходимо должна была вести къ раздорамъ и междуусобіямъ, которые, усиливаясь годъ отъ году, не могли быть прекращены одними общинными средствами; ибо самое вѣче, этотъ главный судья въ общинѣ, въ такихъ случаяхъ распадалось на партіи и, вмѣсто суда и управы, усиливало междуусобія и безпорядки. Несогласіе въ общинѣ достигло высшей степени въ половинѣ IX в. Несторъ такъ описываетъ состояніе новгородской общины въ то время: „*И воста родъ на родъ и не бѣ въ нихъ правды и бѣша въ нихъ усобицы и начаша воевати сами на ся*“. Такое опасное положеніе сильнаго и богатаго общества не могло быть продолжительнымъ и должно было вызвать къ особымъ сильнымъ мѣрамъ для водворенія тишины и порядка. Эти мѣры были слѣдующія: созвано было въ 862 году вѣче изъ Новгородцевъ, Кривичей и Чуди, на которомъ было рѣшено искать себѣ князя, который бы владѣлъ ими, рядилъ по ряду и судилъ по праву, т. е. былъ бы судьею и рѣшителемъ общественныхъ раздоровъ на основаніи правъ и обычаевъ, вытекающихъ изъ жизни народа. Это рѣшеніе вѣча и послѣдовавшее затѣмъ приглашеніе варяго-русскихъ князей дали новое направленіе общественной жизни сперва въ Новгородѣ, а потомъ и въ другихъ славянскихъ племенахъ на Руси.

ВЛІЯНІЕ ВАРЯГО-РУССОВЪ НА ДРЕВНІЙ БЫТЪ РУСИ.

Призваніе князей. Новгородское вѣче, въ 862 г. рѣшивши пригласить князей, имѣло въ виду только водвореніе порядка и тишины, нарушенныхъ внутренними раздорами, но отнюдь не измѣненіе стариннаго своего устройства; именно съ этою цѣлью и обратились за князьями не въ другую какую-либо сторону, а въ знакомую Скандинавію къ Варяго-Руссамъ. Этому много способствовало и то еще, что часть этого племени жила уже въ новгородскихъ предѣлахъ и имѣла здѣсь городъ Старую - Руссу. Такъ какъ эта часть участвовала на вѣчѣ, то, конечно, и посовѣтовала обратиться къ родному племени, у котораго общественное устройство было одинаково съ новгородскимъ и власть княжеская существовала рядомъ съ властью вѣча. Верховная власть у Варяговъ была въ рукахъ вѣча, которое собиралось въ городѣ Упсалѣ, князья же управляли съ его согласія; ихъ дѣло было творить судъ и расправу. Области у Варяговъ управлялись своими выборными, или мѣстными владѣльцами. И Варяго-Русь и Новгородцы отличались удальствомъ, и тѣ и другіе занимались торговлею. Варяго-Руссы ежегодно ѣздили черезъ Новгородъ, а Новгородцы, въ свою очередь, ѣздили къ Варягамъ для продажи греческихъ и азіатскихъ товаровъ. Стало-быть, Новгородцы обращались за княземъ къ такому племени, которое было одинаково съ нимъ по устройству, по характеру, а черезъ это, естественно, они менѣе рисковали потерять свою самостоятельность: князь по переселеніи находилъ ту же среду, какую и оставилъ, и народъ пригласившій не измѣнялъ своимъ старымъ обычаямъ. Кромѣ того, богатые владѣльцы, какъ варяжскіе, такъ и новгородскіе, нерѣдко роднились между собою, и это родство Несторъ засвидѣтельствовалъ такъ: «*Ти суть люди Новгородцы отъ рода варяжска, прежде бо бѣша Словѣни*» [1]. Стало-быть, Новгородцы обращались къ Варягамъ, какъ къ племени частію родственному. Въ нашей учено-исторической литературѣ существуетъ разногласіе относительно вопроса—откуда пришли князья? Одни признаютъ, что Варяго-Руссы призваны съ береговъ Чернаго моря [2], и хотя дѣйствительно тамъ, по свидѣтельству греческихъ лѣтописцевъ, и были колоніи ихъ, но Несторъ не допускаетъ принимать это предположеніе, онъ прямо говоритъ: „Идоша за море къ Варягомъ къ Руси" (стр. 9 Лавр. сп.). Да едва ли опять эти колоніи, по своему далекому разстоянію (1500 до 2000 в.). были извѣстны Новгородцамъ, а если и были извѣстны, то все-таки не были знакомы имъ. Существуетъ и другое мнѣніе, первоначально высказанное Ломоносовымъ, а потомъ, въ наше время,

---

1) Лавр. сп. стр. 9. А лѣтописецъ Іоакимъ говоритъ, что Рюрикъ былъ сынъ Улемы, средней дочери Гостомысла, знаменитаго посадника Новгородскаго.

2) Сергѣй Глинка (ист. Рос. т. 1. стр. 21) говоритъ: „Словенъ и Русь въ сопровожденіи племени своего устремились въ путь отъ береговъ Чернаго моря. Часто останавливались, но нигдѣ, впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, не находили страны по сердцу и по мыслямъ. Наконецъ, достигнувъ берега озера Ильменя, остановились и начали учреждать постоянныя жилища".—По мнѣнію Байера и Миллера, Варяги были Готѳы. Равенскій географъ Гвидонъ считаетъ Варяговъ—Русь за Роксоланъ, жившихъ, по свидѣтельству Страбона, на Азовскомъ морѣ.

Костомаровымъ, а именно, что Варяги-Русь—Литовцы. Основаніе, на которомъ строится это предположеніе, заключается въ томъ, что одинъ изъ рукавовъ Нѣмана называется Русь, но считать посему жителей этого притока Варяго-Руссами не дозволяетъ слѣдующее обстоятельство. Притокъ Русь названъ Русью послѣ того, какъ князья были приглашены, именно въ XIV столѣтіи. Названіе это дано колонистами изъ Полоцка, которые, двигаясь по западной Двинѣ, давали рѣкамъ, встрѣчаемымъ на пути, свои славянскія названія, напр. Вилія, Святая Невѣжа, Дубисса, и наконецъ Русь. Стало-быть нѣтъ никакого основанія искать Варяго-Руссовъ въ этомъ краю.

Несмотря на выборъ князей изъ страны, сходной по обычаямъ и общественному устройству съ Новгородомъ, новгородцы не могли удержать своей старины въ неприкосновенности, потому что варяжскіе князья пришли не одни въ Новгородскую землю, но привели съ собою и все свое племя, которое и внесло новый элементъ въ бытъ новгородцевъ. Племя Варяго-Руссовъ, какъ родственное князю, естественно должно было стать ближе къ нему, чѣмъ люди новгородскіе,— потому-то оно и составило княжескую дружину. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ княжескою властью въ новгородскомъ обществѣ явилась дружина, классъ жителей, совершенно отдѣльный отъ общинной земщины и доселѣ неизвѣстный въ Новгородѣ, притомъ зависящій прямо отъ князя и нисколько не подчиненный общинному вѣчу. Правда, дружинный бытъ былъ и у повольниковъ новгородскихъ, но они не принадлежали къ обществу, вся ихъ дѣятельность была направлена въ чужеземные края, куда они отправлялись добывать себѣ добычу, а Великому Новгороду земли; въ Новгородѣ они подчинялись во всемъ общинному вѣчу. Съ появленіемъ Варяго-Руссовъ, естественно должна была измѣниться общественная жизнь; явились разныя отношенія земщины къ дружинѣ и къ князю. Съ этого времени начинается новая жизнь славянскихъ племенъ на Руси. Общественный бытъ новгородцевъ измѣнился не столь сильно, какъ у другихъ славянскихъ племенъ. Разсмотримъ же теперь значеніе княжеской власти въ Новгородѣ, Кіевѣ и другихъ городахъ.

Княжеская власть и отношеніе князя къ земщинѣ. По свидѣтельству Нестора, новгородское посольство, приглашая князей, говорило имъ: *„Вся земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; да поидѣте княжитъ и володѣти нами“*. А передъ этимъ новгородцы, по лѣтописцу, говорятъ: *„поищемъ себѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву и рядилъ по ряду“*. Слѣдовательно, князья призывались съ условіемъ судить и управлять въ Новгородѣ по исконнымъ обычаямъ. За это Новгородцы уступили, пришедшимъ изъ Скандинавіи, князьямъ—Рюрику, Синеусу и Трувору — Ладогу въ землѣ Кореліи, Бѣлоозеро въ землѣ Веси и Изборскъ подлѣ Чудскаго озера; всѣ же остальныя владѣнія новгородскаго края непосредственно зависѣли отъ самого Новгорода и управлялись новгородскими мужами, только отъ имени князей и съ платежемъ князьямъ опредѣленныхъ сборовъ, называвшихся то данью, то дарами, для чего въ иные изъ сихъ городовъ временно пріѣзжали княжіе мужи. Эти условія, принятыя, впрочемъ, князьями, были слишкомъ тяжелы для нихъ и не могли долго оставаться ненарушимыми. Черезъ два года по прибытіи въ новгород-

скую землю братья Рюриковы умерли (864) и онъ одинъ сдѣлался княземъ земли русской; такимъ образомъ, владѣнія, раздѣленныя прежде на 3 части, составили одно цѣлое и слѣдовательно дали возможность Рюрику усилиться. Кромѣ того, онъ получилъ отъ самихъ новгородцевъ пригороды Ростовъ, Полоцкъ и Муромъ. Перебравшись изъ Ладоги по Волхову къ Ильменю, гдѣ былъ главный городъ ильменскихъ славянъ—Новгородъ, Рюрикъ построилъ на другомъ берегу рѣки, противъ Новгорода, городъ или крѣпость, которую также назвалъ Новгородомъ, и которая впослѣдствіи составила часть самаго Новгорода, постоянно принадлежавшую князьямъ и извѣстную по лѣтописямъ подъ именемъ Софійской стороны. Въ то же время онъ разослалъ по городамъ своихъ мужей, которые стали строить тамъ крѣпости. Этотъ поступокъ былъ прямымъ нарушеніемъ условій съ Новгородцами; поэтому они, подъ предводительствомъ своего выборнаго воеводы Вадима Храбраго, возстали противъ Рюрика. Но какъ въ этомъ возстаніи не принимали никакого участія лучшіе новгородскіе люди, то оно и не имѣло успѣха: Вадимъ былъ убитъ Рюрикомъ, а союзники его разсѣялись. Но неудовольствія новгородцевъ не прекратились. Черезъ два года опять возстала часть Новгородцевъ на Рюрика—*„Бѣда намъ отъ этого князя, сдѣлаетъ онъ насъ рабами“*, кричали Новгородцы, но и это возстаніе также не имѣло успѣха, потому что было предпринято съ тѣми же средствами, съ какими и первое. Такимъ образомъ, Рюрикъ остался княжить, а недовольные удалились въ Кіевъ. Впрочемъ, власть Рюрика въ Новгородѣ была вовсе не такъ велика и опасна для общины, какою она показалась недовольнымъ изъ новгородцевъ. Напротивъ, она была очень ограничена вѣчемъ, такъ что преемникъ Рюрика, Олегъ, черезъ три года послѣ смерти Рюрика, счелъ за лучшее удалиться изъ Новгорода и искать другого мѣста, гдѣ бы власть его не встрѣчала такихъ стѣсненій, какъ въ Новгородѣ.

Олегъ, оставивши Новгородъ, отправился внизъ по Днѣпру и, по согласію съ Кривичами, занялъ главный городъ Кривичей — Смоленскъ, потомъ Любечь и далѣе Кіевъ, гдѣ также былъ принятъ жителями безъ сопротивленія. Кіевъ очень понравился Олегу и онъ остался тамъ жить и назвалъ этотъ городъ матерью городовъ русскихъ. Съ нимъ вмѣстѣ остались и Варяги и вольница изъ Славянъ, Кривичей и Чуди, ушедшая изъ Новгорода за воинственнымъ княземъ. Съ тѣхъ поръ Приднѣпровье, или кіевская сторона, стала называться русскою землею, а Новгородъ съ своими владѣніями — новгородскою землею. Занятіе Кіева и утвержденіе тамъ Олега съ своими дружинниками Варягами и вольницею новгородскою дали новое значеніе княжеской власти на Руси. Олегъ изъ скандинавскаго конунга, какимъ былъ въ Новгородѣ, по примѣру Рюрика, теперь сдѣлался болѣе самостоятельнымъ владѣльцемъ, независящимъ отъ новгородскаго вѣча; у него явились владѣнія, нисколько не подчиненныя Новгороду, но притомъ онъ не потерялъ Рюриковыхъ правъ на Новгородъ и удержалъ за собою всѣ новгородскія области, уступленныя прежде Рюрику; его мужи по прежнему сидѣли и въ Полоцкѣ, и въ Изборскѣ, и на Бѣлоозерѣ, и въ Ростовѣ и въ Муромѣ. Кромѣ того Новгородцы, не желая потерять торговаго пути въ Грецію по Днѣпру, все теченіе ко-

тораго, съ занятіемъ Смоленска и Кіева, уже принадлежало Олегу, волей неволей должны были покориться его новымъ распоряженіямъ, по которымъ были наложены новыя дани на Кривичей, Ильменскихъ Славянъ и Мерю, и сверхъ того согласились платить особенную дань Олеговымъ Варягамъ по 300 гривенъ въ годъ, какъ сказано въ лѣтописи, *мира дѣля*, т. е., вѣроятно, за свободную торговлю по Днѣпру. Такимъ образомъ на Руси образовались два сильныхъ и независимыхъ другъ отъ друга владѣнія: новгородское съ своимъ прежнимъ устройствомъ и вѣчемъ, и кіевское или приднѣпровское, подъ именемъ Руси, которымъ Олегъ владѣлъ независимо отъ Новгородскаго вѣча, и на иныхъ правахъ, чѣмъ Новгородомъ.

Власть Олега въ Кіевѣ и во всемъ Приднѣпровьѣ, хотя была обширнѣе его власти въ Новгородѣ, тѣмъ не менѣе и эта власть была довольно еще ограничена, ибо ни Смоленскъ, ни Кіевъ, ни Сѣверская земля, признавшіе надъ собою власть Олега, не были завоеваны, а приняли князя по своей доброй волѣ, слѣдовательно съ условіемъ не нарушать стараго устройства и старыхъ правъ той, или другой земщины. Въ томъ же положеніи находились и ближайшіе преемники Олега до Владимира Святого. Всѣ они, какъ Олегъ, такъ и преемники его, заботились только о распространеніи владѣній, платящихъ имъ дань, а не объ увеличеніи своей власти; они даже оставляли старыхъ племенныхъ князей въ покоренныхъ племенахъ, гдѣ оные были, обязывая ихъ только быть своими подручниками. О таковыхъ князьяхъ подручникахъ упоминаетъ Олегова договорная грамота съ Греками, писанная въ 912 году, въ которой сказано: *„и вы Греци, да храните таку же любовь къ князьямъ свѣтлымъ нашимъ Русскимъ и къ всѣмъ, иже суть подъ рукою свѣтлаго князя нашего“*. Вообще Олегъ и его преемники и не думали о переустройствѣ владѣній, признавшихъ ихъ власть; устройство вездѣ оставалось старое; гдѣ были вѣча до нихъ, тамъ они оставались и при нихъ, гдѣ прежде младшіе города подчинялись старшимъ городамъ, тамъ они подчинялись и при князьяхъ. Главное право княжеской власти и въ Приднѣпровьѣ, какъ и въ Новгородѣ, состояло въ судѣ и управѣ, которые производились или самимъ княземъ, или отъ его имени, его мужами; но судъ и управа должны были производиться по исконнымъ обычаямъ и правамъ народнымъ. Для суда и расправы князья сажали по городамъ своихъ мужей или посадниковъ.

Каждый городъ, признавшій надъ собою судъ и управу князя, платилъ ему извѣстную, условленную дань; для сбора этой дани и для суда каждую осень князья или сами ѣздили по городамъ и волостямъ, или посылали своихъ дружинниковъ; таковый объѣздъ по тогдашнему назывался *полюдьемъ*. Князьямъ также были уступлены нѣкоторыя земли и угодья, съ которыхъ они пользовались доходами, какъ частные собственники, и могли по своему усмотрѣнію строить тамъ города и селенія, сажать на ихъ земляхъ своихъ дружинниковъ и другихъ людей и даже плѣнниковъ. Но тогдашніе князья и ихъ дружинники мало заботились объ уступленныхъ имъ земляхъ, а болѣе думали о походахъ на сосѣднія, непокорныя племена, гдѣ имъ было приволье и показать свою храбрость и понабраться разной добычи. Воинскіе походы, которые тогда были такъ часты и многочисленны, князья производили преимущественно своими дружинами, земцы же,

нерѣдко принимавшіе въ нихъ участіе, составляли только вольницу, присоединявшуюся къ княжей дружинѣ. Князь сзывалъ охотниковъ и по этому зову вольница собиралась и примыкала къ княжей дружинѣ по своей охотѣ; иногда этотъ сборъ вольницы продолжался не одинъ годъ. А когда—ни дружины, ни вольницы для иного большого похода не было достаточно, то князь посылалъ за заморскими Варягами въ Скандинавію, гдѣ также собиралась вольница по его приглашенію, иногда же приглашалъ сосѣднихъ кочевниковъ Торковъ или Печенѣговъ. Власть князя тогда лежала только какъ бы на поверхности общественной жизни и не проникала въ глубь. Князья съ своею дружиною въ это время еще были сами по себѣ, а городская и сельская земщина сама по себѣ; ни та, ни другая сторона, по новости своего положенія, еще не сжились другъ съ другомъ. Тогдашнимъ князьямъ русская земля была нужна для отдыха, для прокорма дружины, пока не выискался случай сдѣлать набѣгъ на сосѣда. Святославъ даже думалъ вовсе оставить русскую землю и переселиться въ дунайскую Болгарію, въ которой ему представлялось больше выгодъ и удовольствій, гдѣ жители были посмирнѣе и пораболѣпнѣе, чѣмъ на Руси, въ которой были и такія мѣста, какъ Новгородъ, куда и княжить-то шелъ не всякій князь.

Самое управленіе князей и ихъ посадниковъ въ то время было далеко не самостоятельнымъ, потому что рядомъ съ властію князя, или посадника, стояла власть земщины въ лицѣ вѣча и выборныхъ старостъ, зависящихъ не отъ князя, а отъ народнаго вѣча. Даже въ договорахъ съ иноземцами земщина принимала дѣятельное участіе; такъ посланники отправлялись не отъ одного князя, но и отъ всей русской земли; напримѣръ, въ Олеговой договорной грамотѣ съ Греками, о послахъ сказано: *„которые посланы отъ Олега, великаго князя русскаго, и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ бояръ“*. Или въ Игоревой грамотѣ послы говорятъ: *„Посланіи отъ Игоря, великаго князя русскаго и отъ всякоя княжья и отъ всѣхъ людій русскія земли“*. Князь въ тогдашнее время былъ самовластенъ и независимъ въ своихъ распоряженіяхъ и предпріятіяхъ только въ такомъ случаѣ, когда его распоряженія и предпріятія не касались земщины. Напримѣръ походы князей на сосѣднія ближнія и дальнія племена не касались земщины, они производились только при помощи дружины и вольницы, и земщина не вступалась въ нихъ и не удерживала князей. Передача власти княжеской отъ одного князя другому или назначеніе намѣстника въ то время также производилось свободно и нисколько не стѣснялось земщиною, ибо тогда одинъ князь передавалъ другому власть только въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ самъ пользовался ею, а это до земщины вовсе не касалось; въ то время и даже много позднѣе для земщины было все равно кто бы ни княжилъ, только бы не переступалъ границъ княжеской власти. Новгородцы, напримѣръ, прямо говорили Святославу: „дай намъ котораго либо сына, а не дашь, мы сыщемъ себѣ князя“. Напротивъ того, какъ скоро дѣло касалось земщины, такъ князь могъ уже дѣйствовать не иначе какъ по согласію съ земщиною и даже иногда по требованію земщины долженъ былъ оставлять свое предпріятіе. Такъ напримѣръ, когда во время перваго Святославова похода въ дунайскую Болгарію, Печенѣги,

въ отсутствіе князя, напали на Кіевъ, то Кіевская земщина отправила гонцовъ къ Святославу, чтобы онъ шелъ защищать русскую землю отъ варваровъ, при чемъ земскіе послы прямо говорили Святославу: *„ты, княже, чюжея земли ищеши и блюдеши, а своея ся охабивъ, мало бо насъ не взяша Печенеги, матерь твою и дѣти твои“*. И Святославъ по этому зову немедленно сѣлъ на коня, оставивъ свое новое завоеваніе на Дунаѣ, поспѣшилъ въ Кіевъ защищать Русскую землю отъ Печенѣговъ, ибо защита земли была въ числѣ обязанностей князя передъ земщиною, отъ которой онъ не могъ отказаться, когда того требовало земское вѣче.

Дружина. Первою составною частію русскаго общества, съ призванія варяжскихъ князей, была дружина, какъ орудіе княжеской власти. До призванія Рюрика ни у одного изъ славянскихъ племенъ не было и помину о дружинѣ. Стало-быть, дружина—элементъ новый, выросшій не на славянской почвѣ; она пришла на Русь вмѣстѣ съ скандинавскими князьями, а поэтому и устройство ея было скандинавское. Стриннгольмъ [1]), скандинавскій ученый позднѣйшаго времени, такъ описываетъ скандинавскую дружину: Конунги содержали при себѣ собственный отрядъ бойцевъ и воиновъ, готовыхъ во всякое время къ исполненію военныхъ порученій. Они принадлежали ко дворцу конунга и составляли его домашнее войско. Обязанностью дружинниковъ было защищать владѣнія конунга, сопровождать его въ походахъ, пріобрѣтать добычу торговлею и войною, собирать дань съ подчиненныхъ племенъ, править посольства отъ имени конунга въ чужія земли и исполнять другія порученія. Одни изъ дружинниковъ жили при дворѣ конунга и назывались Hirdmänner (по нашему—гриди); они отъ конунга получали все содержаніе, ѣздили съ нимъ по селамъ для суда и расправы, изъ нихъ конунгъ выбиралъ надежнѣйшихъ мужей для управленія областями и начальствованія надъ другими дружинниками, не жившими при дворѣ; послѣдніе назывались *младшими*, а первые *старшими*. Почти то же устройство встрѣчаемъ мы и у нашихъ князей, впрочемъ съ нѣкоторыми отличіями, согласно съ тѣмъ условіемъ, что у насъ князья владѣли въ чужеплеменной землѣ, гдѣ они поселились или по приглашенію, или по соглашенію съ туземцами; этого важнаго условія не было въ Скандинавіи. Конунги тамъ были свои и дружина была для своихъ; здѣсь же напротивъ—и князь чужеземный и дружина пришлая, стало-быть самое положеніе и отношенія должны измѣниться. Поэтому, указавши общій характеръ дружинъ въ Скандинавіи, мы должны также прослѣдить и тѣ отличія, которыя обусловились самимъ положеніемъ русскихъ князей и ихъ дружинниковъ въ новгородскомъ краю и въ Приднѣпровьѣ.

Отношеніе дружины къ земщинѣ. По словамъ Нестора, Рюрикъ привелъ съ своими братьями въ Новгородскую землю все племя Русь, которое, по самому отношенію своему къ соплеменнымъ князьямъ, естественно составило княжескую дружину. Новгородцы уступили приглашеннымъ извѣстныя области, гдѣ они и утвердились; но какъ князья естественно не могли жить во всѣхъ имъ уступленныхъ городахъ, особенно по смерти Рюриковыхъ братьевъ, то нѣкоторые отдѣльные

---

1) Стриннгольмъ. Походы Викинговъ; ч. II, стр. 70—73.

отряды дружины подъ начальствомъ вождей, назначаемыхъ княземъ, заняли нерезидентные города. Такъ, въ лѣтописи читаемъ: „*И прiя власть Рюрикъ и раздая мужамъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро, и по тѣмъ городамъ суть находницы Варязи*“ [1]). Кромѣ того, дружинники, пользуясь свободой не служить при князѣ, могли или воротиться въ Скандинавію, или итти, куда угодно; такъ и слѣлали Аскольдъ и Диръ съ своими товарищами. Они отпросились у Рюрика въ Константинополь, но не дошедши до него, утвердились въ Кіевѣ, какъ независимые владѣльцы. Занятіе городовъ Варягами казалось должно было колонизировать ихъ, подчинить ихъ Варягамъ, или слить пришлый варяго-русскій элементъ съ туземнымъ, но этого не случилось. Съ одной стороны этому воспрепятствовалъ чисто скандинавскій характеръ дружинниковъ, искавшихъ войны и добычи; Варяги постоянно были въ походахъ, а оставшіеся въ городахъ были слишкомъ малочисленны для развитія варяжскаго элемента. Съ другой стороны, устройство земщины было слишкомъ прочно для того, чтобы поддаться вліянію варяжскаго элемента. Притомъ, Варяги и Славяне стояли на одной степени развитія, а извѣстно, что одна нація можетъ подчиниться вліянію другой только тогда, когда эта послѣдняя обладаетъ высшей цивилизацiей. Особенно важнымъ препятствіемъ слитія дружины съ земщиной было движеніе на югъ Рюрикова преемника Олега. Олегъ, ушедши изъ Новгорода, и утвердившись въ Кіевѣ, естественно долженъ былъ взять съ собою какъ можно болѣе дружины, оставивъ въ занятомъ прежде краю столько, сколько нужно было для поддержанія тамъ княжеской власти. Колонизація же края варяго-русскимъ элементомъ вовсе была упущена изъ виду и дружинники на сѣверѣ русской земли на долго остались дружинниками, жили отдѣльно отъ земцовъ, какъ представители, или скорѣе органы княжеской власти, а не какъ члены одной общины съ земцами; самыя жилища ихъ, хотя были въ городахъ, принадлежавшихъ земской общинѣ, но не сливались съ жилищами земщины, а составляли особенные *дѣтинцы, кремли*. По большей части эти кремли строились въ срединѣ города, но въ нѣкоторыхъ городахъ они находились и на довольно большомъ разстояніи отъ городовъ, какъ напр. въ Новгородѣ. Впродолженіи 700 лѣтъ сами князья жили не въ предназначенномъ для нихъ жилищѣ — Ярославовомъ дворѣ, — а въ такъ называемомъ городищѣ. Но всего болѣе сліянію двухъ племенъ препятствовало то обстоятельство, что дружинники не имѣли поземельной собственности; земля принадлежала земщинѣ, и если давалась, то князю, а не дружинѣ. Такимъ образомъ, еще при Рюрикѣ дружина была слаба какъ физически, такъ и нравственно по своей цивилизаціи. По смерти Рюрика, занятіе Олегомъ Кіева, усиливши значительно власть князя, не только не измѣнило значеніе дружины, но даже еще болѣе представило препятствій къ соединенію ея съ земщиною. Олегъ, ослабивши дружину на сѣверѣ ради похода на югъ, долженъ былъ постоянно ослаблять ее съ занятіемъ каждаго новаго города, ибо для поддержанія своей власти всегда принужденъ былъ оставлять отряды дру-

---

1) Лавр. сп. стр. 9.

жинниковъ [1]). Это необходимо вело къ тому, что, вѣроятно, еще при Олегѣ княжая дружина уже не состояла изъ одной Руси, приведенной Рюрикомъ, но постепенно пополнялась вольными пришельцами изъ Скандинавіи и разныхъ славянскихъ и другихъ племенъ. Для князя было все равно, кто бы ни служилъ ему; для него даже выгоднѣе была разноплеменность дружинниковъ, потому что она болѣе привязывала ихъ князю и его службѣ. Разноплеменность дѣлала дружинниковъ слугами князя; она не дозволяла имъ ни соединиться съ общиною, ни жить самостоятельно, безъ службы князю. Потерявъ свою цѣльность и одноплеменность, дружина, естественно, не могла оказывать сильнаго вліянія на земщину; но кромѣ разноплеменности, дружина много потеряла тѣмъ, что не имѣла земли и не заботилась объ этомъ. Военные походы, обогащая дружинниковъ добычею, отбивали у нихъ всякую охоту къ мирнымъ занятіямъ земледѣліемъ и другими промыслами, кромѣ торговли, которая и въ Скандинавіи и у насъ на Руси уважалась дружинниками въ одинаковой степени съ военнымъ ремесломъ. Все это дѣлало дружинниковъ безпечными въ отношеніи къ пріобрѣтенію поземельной собственности [2]); они беззаботно жили на княжихъ земляхъ, какъ княжіе слуги, и получали отъ него содержаніе; къ тому же свобода дружинника переходить отъ одного князя къ другому, дѣлала его характеръ подвижнымъ и еще болѣе отдѣляла отъ земщины. Дружинники по отношенію къ послѣдней являются только или правителями областей, или судьями и сборщиками разныхъ податей и оброковъ. Другихъ отношеній, правъ и привиллегій они въ общинѣ не имѣли. Они не были завоевателями, а потому у общинниковъ осталось ихъ старое внутреннее устройство; общинники имѣли свое начальство—старостъ, сотскихъ, десятскихъ, тысячскихъ, даже въ судѣ и управленіи дружинники иначе не могли дѣйствовать, какъ черезъ посредство и при помощи самихъ земцевъ, что мы ясно увидимъ впослѣдствіи [3]). Единственною точкою сближенія дружинниковъ съ земцами была торговля, особенно заграничная, которую особенно любили дружинники, потому что она, въ своемъ родѣ, была военнымъ походомъ. Здѣсь дружинники и земцы тѣсно сближались другъ съ другомъ;

---

1) Несторъ говоритъ объ Олегѣ: *И приде къ Смоленску къ Кривичи и прія градъ и посади мужъ свой. Оттуда поиде внизъ и взя Любець и посади мужъ свой"*. (Лавр. сп., стр. 10). А сколько дружинниковъ нужно было Олегу для походовъ на Древлянъ, Тиверцевъ, Дулѣбовъ, Грековъ и пр.

2) На неимѣніе дружинниками въ это время прочной поземельной собственности лучше всего указываетъ обширная торговля невольниками, которую Руссы тогда производили и съ Византіею, и съ Камскою Болгаріею, и Хозарами, какъ это засвидѣтельствовано Византійцами, Арабами и нашимъ лѣтописцемъ и въ особенности договоромъ Олега съ Греками (Лавр. сп., стр. 15). Если бы дружинники въ это время имѣли на Руси прочную поземельную собственность, то имъ выгоднѣе было бы оставлять плѣнниковъ или невольниковъ у себя для заселенія земель, а не водить на продажу по дальнимъ странамъ; ибо о самихъ князьяхъ намъ извѣстно, что они заселяли вновь построенные города плѣнниками.

3) Впрочемъ, такія отношенія дружинники имѣли только къ тѣмъ общинамъ, которыя вполнѣ признавали власть князя, составляли собственно Русь, т. е. къ Кривичамъ, Полянамъ, Сѣверянамъ, у Древлянъ же, Радимичей, Тиверцевъ и др. дружинники только временно, силою, собирали дань на себя и на князя. Здѣсь у нихъ было одно только право—сильнаго; сюда они приходили обогощаться добычею, которую нерѣдко должны были пріобрѣтать силою.

но эта связь была очень незначительна, потому что не всѣ земцы занимались заграничною торговлею.

Слабая связь дружины съ земщиною лучше всего выразилась по смерти Олега. Пока онъ былъ живъ и обогащалъ дружину воинскими походами, дружинники скоплялись къ нему со всѣхъ сторонъ и жили въ русской землѣ. Но въ первый же годъ княженія Игоря, не ознаменовавшаго себя воинскими предпріятіями и, можетъ быть, скупого, большая часть дружинниковъ оставила князя и въ качествѣ повольниковъ, въ числѣ 50,000 на 500 лодкахъ, поплыла Днѣпромъ, Чернымъ моремъ, Азовскимъ и Дономъ въ Хозарскую землю, а оттуда Волгою спустилась въ Каспійское море и, какъ свидѣтельствуетъ тогдашній арабскій историкъ Массуди, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ опустошала тамъ всѣ приморскія страны до Адербайджана и на возвратномъ пути погибла, разбитая Хозарами, послѣ трехдневнаго боя. Объ этомъ походѣ дружинниковъ въ нашихъ лѣтописяхъ нѣтъ никакихъ извѣстій, потому что онъ былъ не по княжескому приказанію, а собственно по волѣ дружинниковъ. Въ другой разъ дружинники сдѣлали тоже въ 944 году; когда они шли съ Игоремъ на Царьградъ, то на Дунаѣ имъ встрѣтилось посольство и предложило дань съ тѣмъ, чтобы они ушли назадъ. Игорь, по обыкновенію, созвалъ дружину и сообщилъ ей предложеніе императора. Старшая дружина согласилась принять это предложеніе и, такимъ образомъ, походъ не состоялся; младшая же дружина не была этимъ довольна и, оставивши князя и старшую дружину, ушла старымъ путемъ по морямъ Черному и Азовскому и рѣкамъ Дону и Волгѣ и опять явилась на Каспійскомъ морѣ. По свидѣтельству арабскихъ писателей — Якути, Абульфеды и др. Руссы изъ Каспійскаго моря рѣкою Курою проникли до Берды, столицы Аррана, нынѣшняго Карабага, заняли этотъ городъ и, оставшись тамъ жить, дѣлали набѣги до Тебриза, но излишнее употребленіе плодовъ произвело между ними заразительную болѣзнь, отъ которой многіе изъ нихъ погибли, остальныхъ же мусульмане успѣли вытѣснить. Въ оба набѣга на прикаспійскія земли дружинники ясно показали, что кромѣ службы князю ихъ ничто не удерживало на Руси. Особенно ясно это изъ того, что въ послѣднемъ набѣгѣ они надолго хотѣли остаться въ Бердѣ и удалились только по необходимости. Новое доказательство непривязанности дружинниковъ къ русской землѣ мы встрѣчаемъ при Святославѣ, который съ своей дружиной вовсе хотѣлъ было оставить Приднѣпровье, и думалъ утвердиться въ Болгаріи на Дунаѣ. Все это показываетъ, что у дружинниковъ Игоревыхъ и Святославовыхъ не было поземельной собственности въ Приднѣпровьѣ, что они, какъ и дружинники Рюрика и Олега, жили на княжихъ земляхъ, получали содержаніе отъ князя и все обезпеченіе свое полагали въ княжескомъ жалованіи и военныхъ добычахъ. Тотъ же характеръ имѣла и дружина Владимира, и только подъ конецъ его княженія стала въ другія отношенія къ земщинѣ [1]). Разсмотрѣвши

---

1) Дружинники Владимира, приведенные имъ изъ Скандинавіи, считали Приднѣпровье своею военною добычею и требовали окупа съ самаго Кіева, какъ съ непріятельскаго города, добытаго боемъ: *„се градъ нашъ и мы пріяхомъ е, да хочемъ имати окупъ на нихъ по двѣ гривнѣ отъ человѣка“*. (Лавр. сп., стр. 42). Но Владимиръ, хорошо понимавшій, что его собственная сила, какъ государя,

отношенія дружинниковъ къ землѣ и земщинѣ, обратимся къ отношеніямъ ихъ къ князю.

Отношеніе дружины къ князю. По отношенію къ князю дружинники были не только воинами и слугами князя, но и совѣтниками его. Такъ, въ 946 г. Игорь совѣтовался съ своею дружиной — продолжать ли ему походъ на Грековъ, или, взявъ съ нихъ дань, предложенную императоромъ, заключить миръ. „*Игорь же дошедъ Дуная, созва дружину и нача думати, повѣда имъ рѣчь цареву*". (Лавр. сп., стр. 23). Когда же дружина предпочла дань, продолжаетъ лѣтописецъ, „*и послуша ихъ Игорь и повелѣ Печенѣгомъ воевати Болгарскую землю; а самъ埋 вземъ у Грековъ злато и поволоки и на вся свои вои и възратися въ спять, и пріиде къ Кіеву въ своясиа*". По требованію дружины ходилъ Игорь и на Древлянъ, гдѣ и погибъ. „*Въ се же лѣто*", говоритъ Несторъ (Лавр. сп., стр. 28), *рекоша дружина Игореви*: „*Отроци Свѣньлъжи изодѣлися суть оружіемъ и порты, а мы нази; поиди, княже съ нами въ дань*". То же значеніе совѣтниковъ имѣли дружинники при Святославѣ и Ярополкѣ. Когда Цимисхій прислалъ Святославу дары, прося мира, то Святославъ обсуждалъ этотъ вопросъ съ дружиной [1]). Сынъ Святослава, Ярополкъ, по совѣту дружинника Свѣнѣльда, напалъ на своего брата Олега, князя Древлянскаго [2]). Какъ дорожилъ князь мнѣніемъ о себѣ дружинниковъ, видно изъ того, что Святославъ, не смотря на просьбы матери своей Ольги принять христіанство, оставался язычникомъ только изъ опасенія, что принятіе имъ чужой вѣры не понравится дружинникамъ [3]). Участіе дружинниковъ въ дѣлахъ князя засвидѣтельствовано оффиціальными актами. Такъ, въ договорѣ Олега съ Греками послы говорятъ, — „*послани отъ Олега, великаго князя русскаго, и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ бояръ*". (Лавр. сп., стр. 16). То же повторяется въ договорѣ Игоря, гдѣ послы называютъ себя: „*мы... посланіи отъ Игоря, великаго князя русскаго, и отъ всякоя княжья и отъ всѣхъ людій рускія земли*". (Лавр. сп., стр. 24). Здѣсь между посольскими именами даже отдѣльно обозначены послы отъ Игоря, отъ его жены, отъ сына и отъ знаменитѣйшихъ дружинниковъ, напр. Прасьтѣнъ отъ Турда, Либіаръ отъ Фаста, Сфанъдръ отъ жены Улѣба, и др. Даже Святославовъ договоръ съ Цимисхіемъ былъ заключенъ отъ имени Святославова и старшаго дружинника его Свѣнѣльда [4]). Все это показы-

состоитъ сколько въ пришлой дружинѣ, столько же, или и больше, въ туземной земщинѣ—успѣлъ удалить буйныхъ дружинниковъ, лучшихъ же оставилъ при себѣ и, какъ кажется, первый изъ русскихъ князей началъ давать дружинникамъ поземельныя владѣнія, можетъ быть на помѣстномъ правѣ. По крайней мѣрѣ въ сагѣ Олава Тригвессона, писанной Оддомъ, мы встрѣчаемъ древнѣйшее и первое свидѣтельство о надѣленіи иныхъ дружинниковъ поземельными владѣніями на Руси. Въ сагѣ сказано, что Олавовъ дядя Сигурдъ, состоя на службѣ у Владимира, получилъ отъ него большія земли во владѣніе.

1) „*Святославъ же прія дары и поча думати съ дружиною своею....*" (Лавр. сп., стр. 38).

2) „*Молвяше всегда Ярополку Свѣньльдъ: „поиди на братъ свой и пріими волость его", хотя отомстити сыну своему*". (Лавр. сп., стр. 40).

3) Когда Ольга уговаривала сына принять христіанство, то онъ отвѣчалъ ей: „*како азъ хочю инъ законъ пріяти единъ? а дружина сему смѣятися начнутъ*". (Лавр. сп., стр. 33).

4) „*Равно другаго свѣщанья бывшаго при Святославѣ велицѣмъ, князи Рустѣмъ и при Свѣнельдѣ писано при Θеθелѣ синкелѣ и къ Ивану, нарицаемому Цѣмьскію....*"

ваетъ, что участіе дружинниковъ въ управленіи и въ совѣтѣ княжескомъ было оффиціальное и составляло одно изъ важнѣйшихъ правъ дружины, такъ что объ немъ необходимо было упоминать въ договорахъ съ иностранными государями, и имя одного князя было какъ бы недостаточно для обезпеченія договора.

Кромѣ участія въ совѣтѣ княжескомъ, старшіе дружинники были предводителями войскъ, *воеводами*, которымъ князья иногда поручали вести войны съ сосѣдями и пользоваться выгодами отъ сихъ войнъ. Такъ, Свѣнѣльдъ былъ воеводою при Игорѣ, Ольгѣ, Святославѣ и Ярополкѣ; ему дано было порученіе вести войну съ Уличами и Тиверцами съ тѣмъ, чтобы онъ набралъ себѣ дружину и содержалъ ее на доходы отъ этой войны. При Владимирѣ былъ воеводою одинъ дружинникъ, по прозванію Волчій-Хвостъ, который покорилъ ему Радимичей [1]). Самое воспитаніе малолѣтнихъ князей поручалось дружинникамъ, которые поэтому назывались *кормильцами.* Такъ, у Святослава воспитателемъ былъ Асмульдъ (Асмудъ — Лавр. сп., стр. 28), у Владимира — Добрыня. Это обычай чисто скандинавскій; тамъ дружинники также были и воеводами и кормильцами конунговъ; напр. при Гаральдѣ Гарфагерѣ былъ воеводою дружинникъ Гуттормъ, у Гольфдана Чернаго кормильцемъ состоялъ дружинникъ Олферъ Мудрый.

Кромѣ военной службы и участія въ совѣтахъ и управленіи, дружинники вели отъ имени князя *торговлю* княжими товарами въ чужихъ земляхъ и *отправляли посольства.* Въ договорѣ Олега съ Греками упоминается, напр., о послахъ и гостяхъ русскаго князя, пріѣзжавшихъ въ Константинополь, и въ числѣ условій договора говорится, чтобы Греки выдавали посламъ посольское содержаніе, а гостямъ — гостинное [2]); а въ договорѣ Игоря Греки говорятъ: *„А великій князь русскій и бояре его да посылаютъ въ Греки къ великимъ царемъ гречьскимъ корабли, елико хотятъ, съ послы и съ гостьми, яко же имъ установлено естъ“*. (Лавр. сп., стр. 24). Этотъ обычай былъ также чисто скандинавскій, гдѣ, какъ мы видѣли, къ числу королевскихъ службъ, которыя несли дружинники, принадлежала и торговля товарами конунга и отправленіе посольствъ въ чужіе края. Торговля составляла важнѣйшую часть доходовъ князя и была тѣмъ болѣе необходима для него, что большая часть дани, получаемой имъ, состояла изъ произведеній земли. Торговля, по своей важности, приравнивалась къ войнѣ. Указаніе на это находится въ былинахъ, гдѣ говорится, что лучшіе дружинники посылаются торговать. Даже въ позднѣйшее время въ московскомъ государствѣ весь сибирскій доходъ (соболиная казна) находился въ рукахъ бояръ. Дружинникамъ же поручалось *устройство колоній и городовъ*, надзоръ за княжескими имѣніями, *судъ и расправа*, однимъ словомъ, они исполняли всѣ порученія князя. Однако, такъ какъ каждый дружинникъ служилъ по доброй волѣ, то ему нельзя было давать порученій, для него унизительныхъ; иначе

---

1) *„И побѣди Радимичь Волчій Хвостъ....“*. (Лавр. сп., стр. 45).

2) *„Да приходятъ Русь, хлѣбное емлють, елико хотять, и иже придуть гостье, да емлють мѣсячину, на 6 мѣсяцъ, и хлѣбъ, и вино, и мяса, и рыбы, и овощемъ, и да творять имъ мовь, елико хотять; и поидутъ же Русь домови, да емлють у царя вашего на путь брашно, и якоря, и ужа, и прѣ, и елико надобѣ“*. (Лавр. сп., стр. 15).

обиженный могъ всегда оставить князя и увести съ собою цѣлую толпу своихъ воиновъ [1]). Примѣръ этого мы видимъ въ Аскольдѣ и Дирѣ. Они отпросились у Рюрика въ Царьградъ и увели съ собою цѣлую толпу воиновъ, съ которыми и заняли Кіевъ, встрѣтившійся имъ на дорогѣ.

Устройство дружины. Пріемъ въ дружинники сопровождался нѣкоторыми обрядами. Дружинникъ, желающій поступить на службу къ князю, являлся къ княжескому воеводѣ, который приводилъ его къ князю и дружинѣ. Князь и дружина спрашивали его, какого онъ происхожденія и какіе совершилъ подвиги, дабы по происхожденію и подвигамъ назначить ему достойную степень въ службѣ и жалованье. Въ былинѣ объ этомъ говорится такъ: „*Ты скажи, молодецъ, кто твой родъ и племенъ? по роду тебѣ мѣсто дати, по племени жаловати*". Объявляя о своихъ подвигахъ, дружинникъ долженъ былъ подтвердить ихъ доказательствомъ своей силы. Такъ, при поступленіи Добрыни Никитича, кіевскій воевода сказалъ: „*А провѣдать всѣмъ богатырямъ силу съ Добрынею Никитичемъ*".

Дружинники имѣли предводителя, который назывался воеводой. Воеводы были двухъ родовъ: одни назначались княземъ и предводительствовали дружиной, другіе же имѣли свои собственные полки. Изъ княжескихъ воеводъ намъ извѣстны — Свѣнѣльдъ при Игорѣ и Святославѣ, Блудъ при Ярополкѣ, Волчій-Хвостъ при Владимирѣ. Кромѣ главнаго предводителя, были еще воеводы частные, которымъ подчинялись извѣстные отряды дружинниковъ; таковыми были при Рюрикѣ Аскольдъ и Диръ. Отряды частныхъ воеводъ были въ полной зависимости отъ послѣднихъ и получали отъ нихъ содержаніе. Свѣнѣльдъ самъ содержалъ свою дружину, которая считалась богаче Игоревой. Между дружинниками были и скандинавскіе конунги, которымъ русскіе князья поручали управленіе городами и областями. Такъ, скандинавскія саги говорятъ, что конунги Сигурдъ и Олавъ Тригвесонъ, находясь на службѣ у Владимира, управляли отъ его имени нѣсколькими городами. По нашимъ лѣтописямъ конунгъ Туръ княжилъ въ Туровѣ, Рогвольдъ — въ Полоцкѣ; скандинавскіе конунги жили въ городахъ съ своими дружинниками, — такъ, Рогвольдъ воевалъ даже съ Владимиромъ [2]).

Лучшіе изъ дружинниковъ, довѣреннѣйшіе и ближайшіе къ князю, назывались *боярами*. Они, кажется, преимущественно участвовали въ совѣтѣ и управленіи. Въ договорѣ Олега они называются свѣтлыми боярами, а въ лѣтописяхъ — мужами. Такъ, въ лѣтописи говорится, что Рюрикъ „*прія власть и роздая мужемъ своимъ грады: овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро*"; а про Олега говорится: „*и прія Смоленскъ и посади мужъ свой, и вся Любечь и посади мужъ свой*", а потомъ, въ договорѣ Олега эти же мужи называются князьями и свѣтлыми боярами, сущими подъ рукою Олега. Слѣдовательно, на-

---

1) Эти воины назывались ротниками, потому что клялись своему начальству въ вѣрности. Каждый дружинникъ, пользующійся значеніемъ, имѣлъ такихъ ротниковъ.

2) *Бѣ бо Рогъволодъ пришелъ изъ заморья, имяше власть свою въ Полотскѣ, а Туръ въ Туровѣ, отъ него же и Туровцы прозвались....... Володимiръ же собра вои многи, Варяги и Словени, Чудь и Кривичи и поиде на Рогволода*". (Лавр. сп., стр. 41).

званіе *„мужъ“* не обозначало особаго класса дружинниковъ, а принадлежало одинаково и князьямъ и боярамъ, и вообще этимъ именемъ означалась старшая дружина, ближайшая къ князю, въ отличіе отъ младшей дружины, носившей названіе *отроковъ*, *дѣтскихъ*. Эти послѣдніе исправляли разныя низшія должности, какъ при князѣ, такъ и при старшихъ дружинникахъ. Отроки, жившіе при самомъ дворѣ, назывались *гридями*, по сходству слова „гридь“, „гридень“ съ скандинавскимъ Hirdmänner, которое означало воина, живущаго при дворѣ конунга; можно заключить, что гриди были тѣлохранителями князя. Отъ гридей произошло названіе комнатъ гридницъ, куда собирались гриди для принятія княжескихъ приказаній. Въ этихъ же комнатахъ князь пировалъ со своею дружиною. Вѣроятно, старшая дружина и младшая по отношенію къ своему внутреннему устройству имѣла и другія подраздѣленія съ особыми наименованіями, смотря по должностямъ. Такъ, въ лѣтописи упоминается о старѣйшемъ конюхѣ Олега (Лавр. сп., стр. 19), о сторожевомъ воеводѣ при Святославѣ,—такимъ воеводою былъ Претичъ (Лавр. сп., стр. 35). Въ исландскихъ сагахъ и нашихъ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ встрѣчаются названія стольниковъ, чашниковъ, приворотниковъ и постельниковъ. Про Добрыню Никитича говорится, что онъ три года стольничалъ, три года чашничалъ, три года приворотничалъ. Здѣсь заключается нѣкотораго рода постепенность должностей, но въ какомъ отношеніи находились эти должности, которая изъ нихъ считалась высшею и низшею — это мы не можемъ опредѣлить за неимѣніемъ опредѣленныхъ лѣтописныхъ и оффиціальныхъ извѣстій объ этомъ предметѣ.

Составъ дружины. Первоначально составъ дружины, пришедшей съ Рюрикомъ, былъ варяжскій, но Олегъ, удаляясь изъ Новгорода, принялъ въ свою дружину охотниковъ изъ Новгородцевъ, Кривичей и Финновъ, а Игорь, Святославъ и Владиміръ принимали въ дружину уже, безъ различія, всякаго, кто желалъ поступить въ нее. Такимъ образомъ, составъ дружины при этихъ князьяхъ былъ самый разнообразный: тутъ были Варяги, Финны, Славяне, Печенѣги, Ятвяги и др. Но не смотря на это, преобладающій элементъ дружины все еще былъ варяжскій, потому что отъ времени до времени изъ Скандинавіи приходили толпы Варяговъ и поступали въ дружину русскихъ князей. Впрочемъ, эти пришельцы рѣдко оставались на жительство въ русской землѣ; они обыкновенно, сдѣлавши нѣсколько походовъ съ княземъ и обогатившись добычею, уходили обратно въ Скандинавію. Постоянный же элементъ, ядро дружины, составляли Варяги—Русь, для которыхъ русская земля сдѣлалась отечествомъ: у нихъ уже не было другой родины, куда бы они уходили доживать свои дни. Но и этотъ элементъ дружины не былъ проченъ. По своему національному характеру Варяги не были усидчивы, не были привязаны къ русской землѣ и всегда были готовы, одни, или вмѣстѣ съ княземъ, оставить ее, какъ это случилось при Игорѣ. Сынъ Игоря, Святославъ, хотѣлъ даже самъ со своею дружиною переселиться въ Дунайскую Болгарію.

Положеніе земщины. Рядомъ съ дружинниками въ русскомъ обществѣ жила старая земщина, къ которой принадлежали города и селенія русской земли съ ихъ коренными жителями, съ первыми насельниками, по выраженію Нестора. Земщина эта имѣла общинное устройство, вы-

работанное предшествовавшею жизнію славянскихъ племенъ на Руси. Съ прибытіемъ варяго-русскихъ князей, хотя славянская земщина болѣе или менѣе утратила свою самостоятельность и независимость, но, тѣмъ не менѣе, за нею осталось значеніе главнаго основного элемента въ новой жизни русскаго общества. Сами князья, постепенно подчиняя себѣ разныя славянскія племена на Руси, не уничтожали ихъ стараго общиннаго устройства и признавали земщину чѣмъ-то отдѣльнымъ, отличнымъ отъ княжей дружины. Впрочемъ, это положеніе земщины не во всѣхъ племенахъ находилось въ одинаковой степени; такъ Новгородцы, сами пригласившіе князей, удержали за собой болѣе самостоятельности, особенно по удаленіи Олега на югъ,—у нихъ даже скоро образовалось право избирать князей. Смоленскъ, Любечь, Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, какъ не приглашавшіе князей, хотя не могли удержать своей самостоятельности на столько, на сколько удержалъ ее Новгородъ, и поступивъ въ прямую зависимость отъ князей, стали называться Русскою землею, тѣмъ не менѣе города сіи, какъ занятые не силою, не завоеваніемъ, а по добровольному согласію, удержали за собою свою землю, свое общинное устройство, свою земскую управу и свою военную и мирную службу; они не слились съ дружиною, дружина не подчиняла ихъ себѣ, не заняла, не подѣлила между собою ихъ земель, и не обложила земцовъ податьми за право владѣнія землею. Въ этомъ отношеніи земцы и здѣсь, какъ въ Новгородѣ, остались независимыми; ихъ независимость и безобидность защищали сами князья: такъ, когда Варяги, составлявшіе дружину Владимира, потребовали съ Кіевлянъ окупъ по двѣ гривны съ человѣка, то Владимиръ не далъ въ обиду земцовъ кіевскихъ и выпроводилъ Варяговъ въ Грецію. Неприкосновенность правъ земщины и общинное устройство были оставлены русскими князьями даже и въ тѣхъ городахъ, которые Новгородцы уступили Рюрику въ непосредственное управленіе княжими мужами, т. е. въ Ростовѣ, Полоцкѣ, Бѣлоозерѣ и другихъ. Кажется земскія права не были уничтожены и въ городахъ, пріобрѣтенныхъ чистымъ завоеваніемъ, напримѣръ въ землѣ Древлянской, въ странѣ Дулебовъ и проч.; ибо и въ этомъ краю земскія общины вездѣ пользовались своею землею свободно, друженники никогда не дѣлили тамошней земли между собою и за пользованіе ею не облагали земцовъ особыми податьми. Вообще въ послѣдующей исторіи мы не видимъ какихъ либо особенностей въ управленіи, напримѣръ, Древлянскою землею, противъ управленія въ землѣ Кіевской или Сѣверянской.

Предоставленіе земскимъ общинамъ полнаго права на владѣніе землею, кладетъ вообще на Русскую исторію и въ особенности на исторію Русскаго законодательства особый характеръ, рѣзко отличающій ее отъ исторіи западно-европейскихъ государствъ. На западѣ Европы завоеватели объявляютъ всю покоренную землю своею и дѣлятъ ее такимъ образомъ: одну долю беретъ государь, другую долю отдаетъ дружинникамъ въ раздѣлъ, а третью оставляетъ за побѣжденнымъ народомъ; за право пользованія этою послѣднею долею владѣльцы облагаются податьми. Отсюда начало притѣсненій, неудовольствій и вражды между составными частями западнаго общества; вся тягость податей ложится только на третью долю земли, оставленную за побѣжденными. Сами дружинники, получивъ свои доли, и, такимъ образомъ, сдѣлав-

шись независимыми, самостоятельными владѣльцами, мало по малу отдѣляютъ свои интересы отъ интересовъ государя или предводителя, а сей послѣдній, чтобы поддержать свою службу и снова привязать къ себѣ дружинниковъ, волей неволей, приступаетъ къ дѣлежу и этой доли земли, которая при первомъ раздѣлѣ досталась собственно ему: онъ отдаетъ ее по участкамъ на правѣ феодальномъ, т. е. съ тѣмъ, чтобы дружинникъ, получающій отъ государя участокъ земли, владѣлъ имъ только до тѣхъ поръ, пока несетъ службу государю. Отсюда начало феодальной системы и новое раздѣленіе земель: на феодальныя или ленныя, жалованныя отъ государя, на аллодіальныя, полученныя дружинниками при первомъ раздѣлѣ покоренной земли, и податныя, оставленныя за побѣжденнымъ народомъ. Феодалы стараются навсегда удержать за собою и своимъ потомствомъ ленныя земли, полученныя отъ государя только на время службы. Отсюда новая вражда между государемъ и ленными владѣльцами; иные изъ феодаловъ, или ленныхъ владѣльцевъ, мало по малу, дѣлаются независимыми отъ государя, и самостоятельными владѣльцами, вступаютъ другъ съ другомъ въ союзы и безнаказанно тѣснятъ и грабятъ беззащитный народъ. Отсюда война городовъ съ замками, или побѣжденнаго народа съ феодальными грабителями. Жители городовъ, не находя себѣ защиты и управы противъ феодаловъ, сами принимаются за оружіе и сперва только защищаются отъ феодальныхъ нападеній въ своихъ городахъ, а потомъ, мало по малу, сами нападаютъ на замки феодаловъ, вступаютъ въ союзы другъ съ другомъ и принуждаютъ феодальныхъ владѣльцевъ къ уступкамъ въ свою пользу, подаютъ помощь государямъ противъ феодаловъ, получаютъ за это разныя привилегіи и, наконецъ, дѣлаются независимыми и пріобрѣтаютъ почти одинакія права съ феодальными владѣльцами.

Русская исторія не представляетъ ничего подобнаго. Государственное устройство на Руси идетъ совершенно инымъ путемъ: предоставленіе земскимъ общинамъ полнаго владѣнія землею сохраняетъ единство и связь Русской земли, не смотря на удѣльную систему, развившуюся впослѣдствіи и, повидимому, грозившую совершеннымъ раздробленіемъ государства. Предоставленіе земли общинамъ препятствуетъ разъединенію интересовъ государя и подданныхъ; подданные видятъ въ Государѣ не частнаго собственника, но владыку всей земли, отца народа, и потому всю русскую землю считаютъ государевою землею и безспорно, безъ сопротивленій предоставляютъ государю брать любую область, любое угодье на собственныя надобности и на содержаніе дружины, потому что народъ знаетъ, что такое отдѣленіе земли на государя не стѣсняетъ общинъ, не налагаетъ на нихъ излишнихъ податей: земля и отдѣленная на государя и не отдѣленная—одинаково остается за частными общинами, которыя на ней живутъ, и общины, живущія на отдѣленной государевой землѣ, не исключаются отъ платежа общихъ податей, которыя платятъ общины, живущія на неотдѣленной землѣ. Сами государи, не отдѣляя своихъ интересовъ отъ народа, ограничиваются самымъ умѣреннымъ отдѣленіемъ земель на себя, и, какъ увидимъ впослѣдствіи, даже избѣгая таковаго отдѣленія, стараются пріобрѣтать себѣ земли добровольною покупкою. Дружинники же, не имѣя на свою долю частей земли, имъ выдѣленныхъ въ

собственность, вполнѣ зависятъ отъ службы государю и дорожатъ этою службою, какъ единственнымъ средствомъ содержанія; они не могутъ соединиться съ земщиною ради общихъ интересовъ, ибо земщина, безпрепятственно владѣя землею, видитъ въ государѣ отца своихъ подданныхъ, и вовсе не имѣетъ нужды въ союзѣ съ дружиною. Государи, съ переходомъ изъ Новгорода въ Кіевъ до самаго Владимира, даже не даютъ дружинникамъ земель, а содержатъ ихъ на жалованьѣ и на правѣ собирать въ свою пользу нѣкоторые доходы; да и самъ Владимиръ даетъ дружинникамъ земли только въ помѣстное владѣніе, т. е. не въ собственность, а только на пользованіе въ продолженіи службы, такъ что дружинникъ, оставляя княжую службу, съ тѣмъ вмѣстѣ теряетъ право и на землю, данную ему княземъ въ помѣстье. Отсюда у насъ нѣтъ ни феодальныхъ замковъ, ни вражды между дружинниками и земцами, ни колонизаціи земскихъ земель дружинниками, ни войны городовъ съ княжою дружиною. Отсюда земщина на Руси имѣетъ весьма важное значеніе—государственное, такъ что князья даже въ договорахъ съ иностранными дворами упоминаютъ объ ней. Такъ напримѣръ въ договорѣ Игоря съ Греками прямо сказано, что посольство, заключившее этотъ договоръ, было отправлено и уполномочено „*отъ Игоря великаго Князя Русскаго, и отъ всякая княжья, и отъ всѣхъ людій Русскія земля*".

Устройство земщины. Общинное устройство славянскихъ племенъ на Руси, выработанное еще до приглашенія варяго-русскихъ князей, осталось за земщиною и по прибытіи князей. Главнымъ и болѣе полнымъ выраженіемъ этого устройства были города, а за ними селенія, обыкновенно тянувшія къ городамъ.

Города славянскихъ племенъ на Руси, какъ мы уже видѣли, были вызваны необходимостью при колонизаціи страны, прежде Славянъ занятой другими племенами, страны, которую Славяне должны были отнимать у туземцевъ силою, причемъ города служили точкою опоры и передовыми постами противъ туземцевъ. Этотъ характеръ городовъ имѣлъ своимъ слѣдствіемъ то, что городъ не былъ только крѣпостью, сторожевымъ острогомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ и точкою центральнаго соединенія того племени, которое построило городъ. Къ нему тянула вся земля, занятая племенемъ, и нерѣдко отъ города получала свое названіе, такъ напримѣръ отъ Новгорода вся страна, занятая племенемъ ильменскихъ Славянъ, называлась новгородскою землею, отъ Ростова весь окрестный край получилъ названіе ростовской земли, отъ Суздаля—суздальской. Поэтому всѣ селенія вокругъ города были или городскими выселками, или принадлежали самимъ же гражданамъ и населялись ихъ людьми и наемниками. Племя, построившее первый городъ въ занятой землѣ, продолжая оттѣснять туземцевъ и распространять свои владѣнія, строило новые города, которые, будучи колоніями перваго города, назывались пригородами и находились въ тѣсной связи съ старымъ городомъ, съ своею метрополіею. По лѣтописямъ намъ извѣстно, что младшіе города управлялись начальниками изъ старшаго города; такъ, изъ Новгорода посылались посадники въ его пригороды: Ладогу, Псковъ и др. Отсюда и рѣшеніе вѣча въ старшемъ городѣ было непреложнымъ закономъ для пригородовъ: „на что старшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ",

говорятъ источники, и это первоначальное отношеніе между городами осталось неприкосновеннымъ и при князьяхъ, такъ что князь, принятый старшимъ городомъ, безпрекословно признавался и пригородами. Такимъ образомъ, мы видимъ, что города на Руси въ первый періодъ русскаго законодательства имѣли центральное значеніе, какъ для населенія, такъ и въ отношеніи управленія страною. Городъ, старшій въ странѣ, считался господствующимъ и пригороды и селенія, какъ выселки старшаго города, находились въ отношеніи подчиненія и зависимости; старшій городъ управлялъ всею страною и былъ представителемъ племени, пригороды же, находясь въ подчиненіи старшему городу, въ то же время имѣли значеніе центровъ для селеній, которыя тянули къ нимъ.

Указавъ на значеніе городовъ и на отношеніе ихъ другъ къ другу, къ селеніямъ и къ цѣлой странѣ, намъ слѣдуетъ разсмотрѣть самое устройство городовъ. Здѣсь, прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе внѣшній видъ городовъ, видъ, какой они имѣли до и послѣ призванія князей. До прибытія варяго-русскихъ князей мы не знаемъ на Руси ни дѣтинцевъ или кремлей, ни посадовъ, ни слободъ — были одни только города. Такъ, Новгородъ состоялъ изъ одной только торговой стороны, Кіевъ—изъ соединенія селеній Кія, Щека, Хорива и Лыбеди, Коростень заключалъ въ себѣ также одинъ только городъ, въ которомъ жили всѣ коростенцы. Но съ прибытіемъ князей уже появляются въ славянскихъ городахъ крѣпости, кремли, дѣтинцы, выстроенные князьями, или ихъ дружинниками. Такъ, Рюрикъ, раздавая своимъ мужамъ города Ростовъ, Полоцкъ, Бѣлоозеро и др., приказываетъ тамъ строить крѣпости и самъ строитъ крѣпость на Волховѣ, противъ Новгорода, которая впослѣдствіи получила названіе Софійской стороны. Въ Кіевѣ также появляется внѣ города особенная каменная крѣпость подъ названіемъ княжаго двора. О немъ упоминается уже при Ольгѣ, Святославѣ и Владимірѣ. Въ другихъ славянскихъ городахъ находимъ также княжія крѣпости подъ разными названіями, при чемъ старые славянскіе города, принадлежащіе земщинѣ, находящіеся при княжихъ крѣпостяхъ, впослѣдствіи получаютъ названіе уже не городовъ, а посадовъ [1]). Въ крѣпостяхъ, или кремляхъ жили князья, или ихъ намѣстники съ дружиной, а въ посадахъ—земцы [2]). Какъ посады, такъ и крѣпости раздѣлялись на улицы; но между

1) Славянскіе города, равно какъ и княжьи крѣпости, огораживались большею частію деревянными стѣнами, какъ можно заключить изъ выраженій лѣтописи: „города рубленіи“, а иногда укрѣплялись земляными валами и рвами, которые носили названіе грабли. Такъ, при описаніи пораженія и смерти Олега Святославича сказано: „побѣгшу же Олгу съ вои своими въ градъ, рѣкомый Вручій, бяше же чрезъ граблю мостъ ко вратомъ граднымъ“. Въ 1-мъ періодѣ лѣтописецъ упоминаетъ только объ одномъ каменномъ княжемъ городѣ въ Кіевѣ.

2) Посады и крѣпости раздѣлялись на улицы; такъ въ Новгородѣ, на торговой сторонѣ, т. е. собственно въ славянскомъ городѣ, были улицы: Славная, Славкова, Коржевская, Рогатица и др. Въ княжемъ городѣ или на Софійской сторонѣ—Чудинцова, Добрынина, Редятина и др. преимущественно называвшіяся по прозвищамъ знаменитыхъ княжихъ дружинниковъ. Въ Кіевѣ, по лѣтописямъ въ 1-мъ періодѣ, встрѣчаются улицы: Хозарская, Посынча. Кромѣ улицъ въ Новгородѣ и Кіевѣ были торговыя площади или торговища, именно въ той части города, которая принадлежала земцамъ; вѣроятно то же было и въ др. городахъ, но мы не имѣемъ объ этомъ никакихъ извѣстій.

улицами однихъ и улицами другихъ была большая разница; посадскія улицы не составляли одной только массы домовъ, а образовывали отдѣльныя общины; члены этихъ общинъ назывались уличанами и имѣли своихъ выборныхъ уличанскихъ старостъ. У нихъ были свои уличанскіе суды, свои сходки, свои вѣча. Такимъ образомъ, славянскій городъ представлялъ собою большую общину, состоявшую изъ союза мелкихъ общинъ или улицъ. До прибытія князей большія общины или города управлялись выборными людьми, которые, по своему богатству и вліянію на общество; по выраженію лѣтописца, назывались старѣйшими мужами, держащими землю, иногда владавцами. Надъ выборными начальниками стояло вѣче, которое ихъ выбирало; надъ вѣчемъ пригорода стояло вѣче старшаго города, въ которомъ сосредоточивалось управленіе всѣмъ племенемъ. Въ важныхъ дѣлахъ иногда на вѣчѣ старшаго города участвовали и пригороды. У нѣкоторыхъ племенъ наряду съ вѣчемъ стояла и княжеская власть; такъ было, напримѣръ, у Древлянъ. Но съ прибытіемъ князей, этотъ порядокъ остался, кажется, только у новгородцевъ. Въ прочихъ же племенахъ власть вѣча замѣнилась верховною властію русскаго князя и вѣча собирались только изрѣдка—или за отсутствіемъ князя, или въ иныхъ крайнихъ случаяхъ, — обыкновенныя же дѣла городской земщины, ежели не доходили до князя и его намѣстника, рѣшались старостами и другими земскими начальниками. Впрочемъ права вѣча совсѣмъ никогда не уничтожались.

Составъ земщины (классы русскаго общества). Общинная жизнь, проглядывающая въ образѣ городского устройства и поселенія, является въ полномъ своемъ развитіи въ земскихъ отношеніяхъ городскихъ жителей другъ къ другу и къ обществу. Эти отношенія и по прибытіи князей остались почти неизмѣнными. Всѣ жители на Руси раздѣлялись издревле на *старѣйшихъ* (большихъ) и *молодшихъ* (меньшихъ). Эти два вида подраздѣлялись на три разряда: бояръ, купцевъ и черныхъ людей.

Бояре составляли первый классъ общества — аристократію. Они принадлежали, по происхожденію своему, къ знаменитымъ фамиліямъ въ обществѣ и составляли коренное, старшее населеніе городовъ; они же были главными землевладѣльцами—собственниками. Такіе землевладѣльцы существовали не у однихъ славянскихъ племенъ на Руси, но и у всѣхъ славянъ; такъ, у Сербовъ были свои бояре, называвшіеся волостелями. Богатство, обширныя владѣнія, а также сосредоточеніе управленія въ рукахъ бояръ, очень рано отдѣлили ихъ роды отъ массы другихъ гражданъ; но, не смотря на это, они все-таки оставались въ тѣсныхъ связяхъ съ остальнымъ народонаселеніемъ. Бояре жили не отдѣльно отъ земцевъ, а также въ посадскихъ улицахъ и были членами уличанскихъ общинъ; поэтому и интересы ихъ были тѣсно связаны съ интересами той городской общины или улицы, къ которой ихъ родъ принадлежалъ. Обидѣть боярина — значило обидѣть цѣлую улицу, и она вся подымалась за боярина; и наоборотъ — обезчестить чѣмъ-либо улицу — значило обидѣть тотъ боярскій родъ, который къ ней принадлежалъ. Съ прибытіемъ варяго-русскихъ князей во многихъ городахъ эти отношенія бояръ къ остальному народонаселенію сильно измѣнились; однако-жъ въ городахъ самостоя-

тельныхъ ясно обозначаются все еще слѣды старыхъ отношеній. Такъ напр. въ Новгородѣ, Псковѣ и др. каждый конецъ города, каждая улица, составлявшіе отдѣльную общину, имѣли свои боярскіе роды, и отношенія ихъ къ общинѣ остались почти неизмѣнившимися. Сами князья въ важныхъ случаяхъ обращались къ боярамъ за совѣтомъ; земцы же считали бояръ своими руководителями, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ жили на землѣ бояръ, или были у нихъ въ долгу. Въ Новгородѣ бояре назывались вящими, лучшими, передними людьми—названія чисто общинныя, а не родовыя. Слово „бояринъ", безъ сомнѣнія, появилось въ Новгородѣ одновременно съ словомъ вящшіе, лучшіе люди, и происходитъ отъ прилагательныхъ — «болій», «большій». Какъ и когда образовались въ новгородскомъ обществѣ большіе люди или бояре - мы не знаемъ; знаемъ только, что новгородцы раздѣлялись постоянно на большихъ и меньшихъ людей, и что еще передъ призваніемъ Рюрика въ лѣтописи упоминается о старѣйшинѣ Гостомыслѣ, который собиралъ владѣльцевъ новгородской земли, *„сущихъ подъ нимъ"*, на совѣтъ о приглашеніи князей. Слѣдовательно, большіе люди, владѣльцы, бояре—были въ новгородской землѣ до Рюрика. Знаемъ также, что въ Новгородѣ народъ, черные люди, меньшіе люди—не были безгласною толпою, порабощенною большими людьми, а принимали дѣятельное участіе на вѣчѣ; слѣдовательно, бояре, большіе люди не были особеннымъ племенемъ побѣдителей, а принадлежали къ тому же племени, къ которому и остальные граждане, происходили изъ того же народа Знаемъ еще, что въ Новгородѣ, при чисто общинномъ устройствѣ, каждый конецъ, каждая улица, составляли свою общину; въ каждой же новгородской улицѣ были свои бояре, находившіеся въ связи съ своими уличанами; слѣдовательно, бояре происходили изъ уличанъ же, составляли съ ними одно, и были только лучшими людьми изъ уличанъ. Притомъ, по общему устройству русской земли, поземельное владѣніе раздѣлялось на общинное и частное. Общинная земля принадлежала всей общинѣ и члены общины могли только пользоваться ею, и пользовались только тѣ члены, которые или не имѣли средствъ пріобрѣсти участки земли въ полную собственность, или не могли охранять ее и потому довольствовались общинною землею. Частную же поземельную собственность пріобрѣтали всѣ имѣвшіе средства къ пріобрѣтенію и охраненію своихъ поземельныхъ владѣній. Слѣдовательно, пріобрѣтеніе земли въ полную собственность было первымъ признакомъ, отличающимъ частныхъ собственниковъ отъ общинниковъ. Такимъ образомъ, первыми древнѣйшими боярами въ Новгородѣ были большіе землевладѣльцы, имѣвшіе въ своей собственности большія поземельныя владѣнія. Извѣстно, что Новгородъ былъ первоначально славянскою колоніею въ землѣ Финновъ и постоянно распространялъ свои владѣнія посредствомъ торговли и колонизаціи между Финнами; слѣдовательно, пріобрѣтеніе земли было возможно только силою черезъ оттѣсненіе Финновъ, а посему и на охраненіе пріобрѣтенной земли отъ притязаній старыхъ хозяевъ требовались также силы и средства; стало-быть, если какое-нибудь частное лице имѣло столько силы и средствъ, чтобы пріобрѣсти землю и защищать ее отъ нападеній старыхъ ея хозяевъ, то тѣмъ самымъ это лицо пріобрѣтало перевѣсъ надъ другими своими согражданами и такой

человѣкъ, естественно, дѣлался лучшимъ, большимъ, влiятельнымъ членомъ той общины, къ которой онъ принадлежалъ. И дѣйствительно, по всѣмъ, дошедшимъ до насъ, извѣстiямъ, начиная съ XVI в., новгородскiе бояре прямо называются огнищанами, т. е. людьми, имѣющими свое собственное огнище. Огнищемъ же еще въ настоящее время, въ сѣверномъ краѣ Руси, называются земли, занятыя кѣмъ-либо подъ пашню посредствомъ выжиганiя лѣса; слѣдовательно, названiе бояръ огнищанами прямо указываетъ на нихъ, какъ на землевладѣльцевъ-собственниковъ, т. е. такихъ людей, которые сдѣлали себѣ собственными средствами огнище, расчистивъ дикiй лѣсъ подъ пашню и населивъ занятое мѣсто земледѣльцами. Эти земледѣльцы получали землю подъ условiемъ признанiя власти огнищанина и обязывались производить земледѣльческiя работы, какъ на себя, такъ и на нихъ.

Купцы. Первое извѣстiе о купцахъ мы встрѣчаемъ въ лѣтописи подъ 907 г., въ словесномъ договорѣ Олега съ Греками, гдѣ, между прочимъ, говорится только о гостяхъ, т. е. о купцахъ, прiѣзжающихъ въ Константинополь для торговли [1]). Далѣе, купцы въ первый разъ подъ этимъ именемъ являются въ договорѣ Игоря съ Греками въ 945 году, гдѣ, между послами отъ князя и отъ бояръ, упомянуты послы отъ купцевъ [2]). Это свидѣтельство Игорева договора ясно показываетъ, что купцы составляли уже и въ то время особый классъ общества, особенное сословiе, если можно такъ выразиться. Слѣдовательно, и тогда не всякiй, кто продавалъ и покупалъ, назывался купцемъ, но только тотъ имѣлъ это названiе, кто постоянно занимался торговлею; въ противномъ случаѣ не было бы надобности и даже возможности отправлять особое посольство отъ купцевъ. Князь и бояре, какъ видно изъ самаго договора, также торговали. Въ договорѣ сказано: „*А великiй князь русскiй и боляре его да посылають въ Греки къ великимъ царемъ Гречьскимъ корабли, елико хотять, со слы и гостье, яко же имъ установлено есть*". (Лавр. сп., стр. 24). Отсюда ясно, что кромѣ князя, бояръ и его дружинниковъ, торговлею занимались и другiе люди, для которыхъ она составляла промыслъ, и которые, поэтому, назывались купцами, торговцами; а особое посольство отъ купцевъ показываетъ, что этотъ классъ былъ довольно многочисленъ и имѣлъ свое значенiе въ государственномъ устройствѣ, составлялъ корпорацiю, которая хорошо понимала свои выгоды и умѣла ограждать ихъ посольствомъ въ то время, когда князь и бояре ограждали свои выгоды своими посольствами. Встрѣчая же въ договорѣ въ посольскихъ именахъ отъ купцевъ между скандинавскими именами и чисто славянскiя [3]), мы должны заключить, что купцами на Руси были Славяне и Скандинавы, а отъ этого двойного состава купеческое сословiе было тѣмъ сильнѣе и многочисленнѣе. Союзъ лицъ разноплеменныхъ —

---

1) „Иже придутъ гости, да емлютъ мѣсячину на 6 мѣсяць...". Лавр. сп., стр. 25.

2) Въ договорѣ такъ сказано: „Купецъ Адунь, Адулбъ, Иггивладъ, Олѣбъ Фрутанъ, Гомолъ, Куци, Емигъ, Турбидъ, Фурстѣнъ, Игельдъ, Турбернъ, Моны, Руальдъ, Свѣнь, Стиръ, Алданъ, Тилена, Пубьксаръ, Вузлѣвъ, Синко, Боричъ, Бруны, Роалдъ, Гунастръ, Фрастенъ.

3) Таковы слѣдующiя имена: Куци, Тилена, Синко, Боричъ и нѣсколько другихъ.

Скандинавовъ и Славянъ, показываетъ, что купеческій классъ тогда уже имѣлъ свое опредѣленное устройство, свои сословные интересы, которые были настолько ясны, что соединяли въ одно цѣлое людей разноплеменныхъ. Это соединеніе, конечно, было общинное, ибо только община не обращаетъ вниманія на разноплеменность. Болѣе ясное подтвержденіе этому мы увидимъ во 2-мъ періодѣ, а теперь скажемъ только, что купцы составляли свои общины (сотни), которыя имѣли своихъ *выборныхъ старостъ* (сотскихъ). Общинный характеръ купечество сохраняло не только дома, но и во время разъѣздовъ торговыхъ по чужимъ землямъ: для безопасности торговля велась не иначе, какъ караванами. Члены этихъ торговыхъ общинъ были соединены кляткой (ротой) и назывались *ротниками*; ихъ караваны носили названіе *дружины*, а караванные начальники — *старостъ*. Итакъ, въ древнемъ русскомъ обществѣ, при самомъ образованіи государства, купцы имѣли уже общественное значеніе, принимали участіе въ общественныхъ дѣлахъ и пользовались почетомъ даже отъ чужеземцевъ [1]).

Черные люди (молодшіе люди). Такъ назывались земледѣльцы и разные ремесленники, жившіе въ селахъ, или же по городамъ особыми слободами или улицами [2]). Названіе черныхъ людей мы взяли изъ послѣдующаго періода; въ описываемое же нами время этого названія не встрѣчается въ древнихъ памятникахъ и черные люди постоянно называются *людинами, или гражданами*. Людины также, какъ и купцы, дѣлились на *общины*, которыя въ городахъ назывались *улицами*, *слободами*, а внѣ города—*селами*, *деревнями* и *починками*. Объ общественномъ устройствѣ этого класса въ 1-мъ періодѣ русскаго законодательства мы не имѣемъ опредѣленныхъ указаній и можемъ заключить о немъ только по свидѣтельствамъ памятниковъ, относящихся ко 2-му періоду; памятники же эти постоянно и ясно свидѣтельствуютъ, что слободы, села и деревни черныхъ людей всегда имѣли *общинное устройство*, т. е. свои *вѣча* и *сходки* и своихъ начальниковъ. Къ чернымъ людямъ въ городахъ относились: во первыхъ *торговцы*, не записанные ни въ какую купеческую общину, во вторыхъ *ремесленники* и въ третьихъ *разные чернорабочіе люди*. Въ селахъ же къ чернымъ людямъ принадлежали *земледѣльцы и сельскіе промышленники*, жившіе на земляхъ, принадлежавшихъ общинамъ, или частнымъ владѣльцамъ. Чер-

---

1) Константинъ Порфирородный въ своей книгѣ „О церемоніяхъ" свидѣтельствуетъ, что вмѣстѣ съ великою княгинею Ольгою въ императорскомъ дворцѣ были приняты 44 русскихъ купца, и два раза обѣдали тамъ за особымъ столомъ вмѣстѣ съ послами и получали подарки: въ первый разъ по 12 миліарезій, а во второй по 6 миліарезій на человѣка. А по свидѣтельству Игорева договора, гости или купцы подписывали даже договоры съ греками, также, какъ и послы. Въ договорѣ сказано, что одинъ экземпляръ договора былъ подписанъ греческими императорами, а другой княжескими послами и гостьми. Вотъ слова договора: „Мы же съвѣщаніемъ все написахомъ на двое харатью, и едина харатія есть у царства нашего, на ней же есть крестъ и имена наша написана, а на другой слы ваши и гости ваши". Лавр. сп., стр. 27.

2) О томъ, что земледѣльцы жили по городамъ, свидѣтельствуетъ описаніе осады Коростеня Ольгою, гдѣ, между прочимъ, Ольга говоритъ Коростенцамъ: *„а вси гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлаютъ нивы своя и землѣ своя"* (Лавр. сп. стр. 30). О ремесленникахъ, жившихъ по городамъ, мы имѣемъ свидѣтельство въ прозвищахъ новгородскихъ концевъ—Плотницкаго и Гончарскаго.

ные люди въ городахъ, если занимались торговлею, то причислялись къ купеческой общинѣ и вѣдались купеческими старостами. Но принадлежность ихъ къ купеческой общинѣ основывалась только на единствѣ ихъ занятій съ купцами. Въ управленіи ими къ купеческимъ старостамъ присоединялся еще тысяцкій, который былъ однимъ на весь городъ. Кромѣ того, они имѣли *общинныя сотни*, управлявшіяся *сотниками*, избиравшимися изъ своей среды. Черные люди, какъ городскіе, такъ и сельскіе, непремѣнно тянули къ какой-либо городской черной сотнѣ, или сельской общинѣ, и непремѣнно должны были имѣть осѣдлость, т. е. домъ и извѣстную долю городской, или сельской земли, что въ городахъ называлось *дворомъ*, а въ селахъ *обжею* или *вытью*. Люди же, не имѣющіе опредѣленной доли общинной земли, или не причисленные ни къ какой общинѣ назывались *изгоями*, и оставались въ этомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока не получали опредѣленной доли земли и не причислялись къ какой-либо общинѣ. Черные люди считались полноправными людьми въ русскомъ обществѣ, имѣли своихъ представителей и свой голосъ на вѣчѣ, въ селахъ точно также крестьянскія общины имѣли своихъ старостъ, свое земское управленіе и судъ. Каждый членъ общины имѣлъ голосъ на сельскомъ вѣчѣ, участвовалъ въ выборѣ начальниковъ, раскладкѣ податей и другихъ общественныхъ дѣлахъ; но черныя общины, какъ городскія, такъ и сельскія, будучи *„молодшими“*, подчинялись почти всегда *„старѣйшимъ“*, т. е. боярамъ и купцамъ и шли за ними; такъ напр., въ Новгородѣ и пригородахъ каждая улица и каждый конецъ имѣли своихъ бояръ и своихъ купцовъ, съ которыми за одно дѣйствовали и черные люди въ общественныхъ дѣлахъ. По закону черные люди были поставлены въ нѣкоторую зависимость отъ своихъ старшихъ уличанъ; въ уличанскихъ общинахъ они не имѣли выборныхъ изъ своего класса старостъ, а подчинялись тысяцкому, выбираемому на весь городъ. Въ селахъ же большая часть крестьянскихъ поселеній была на земляхъ богатыхъ землевладѣльцевъ — бояръ или купцовъ; слѣдовательно, тамошнія черныя общины были уже въ большей или меньшей зависимости отъ своихъ вотчинниковъ. Впрочемъ, юридическія права меньшихъ или черныхъ людей относительно общественныхъ дѣлъ были почти одинаковы съ правами старшихъ или вящшихъ людей и на вѣчѣ они имѣли также силу и голосъ.

Такимъ образомъ, земскіе жители нашихъ древнихъ городовъ и селеній раздѣлялись главнымъ образомъ на три класса или на три сословія: бояръ, купцовъ и черныхъ людей или людиновъ. Но кромѣ этихъ трехъ классовъ были еще два — *вольныхъ людей и рабовъ*. И тѣ и другіе не имѣли никакого участія въ общественныхъ дѣлахъ: вольные люди потому, что не имѣли никакихъ общественныхъ обязанностей, а рабы потому, что не считались личностью.

Вольные люди не имѣли общественной организаціи, не несли общественныхъ повинностей и потому не имѣли никакого участія въ общественныхъ дѣлахъ; они не имѣли даже земли на свое имя. Вѣчѣ и власти не имѣли прямого отношенія къ вольнымъ людямъ, за ними признавалось только личное право. Вольный человѣкъ состоялъ подъ покровительствомъ законовъ, которые защищали его отъ обидъ. Кто же принадлежалъ къ числу этихъ людей? Во первыхъ тѣ, которые,

не выдѣлились еще изъ семьи и состояли еще подъ властью родителей, или того старшаго родственника, котораго семья признала своимъ домохозяиномъ. Они оставались на правахъ вольныхъ людей до тѣхъ поръ, пока не поступали въ члены общины. Они могли требовать суда и защиты, когда ихъ кто либо обижалъ, а равнымъ образомъ и сами отвѣчали, когда являлись нарушителями чужихъ правъ. Далѣе этого— отношенія вольныхъ людей къ власти и закону не простирались. Имъ предоставлена была полная свобода заниматься чѣмъ хотятъ, жить, какъ знаютъ и тамъ, гдѣ ихъ примутъ, для нихъ были открыты всѣ русскія владѣнія. Во вторыхъ, къ вольнымъ людямъ принадлежали также тѣ, которые не вступали въ члены ни въ одну изъ общинъ— это совершенные бѣдняки, или люди, начинавшіе только разживаться. Они ходили изъ края въ край, добывая себѣ пропитаніе ручною работою и разными мастерствами. Это были, большею частью, самые безпокойные и буйные люди; изъ ихъ среды выращивались отчаянные пьяницы, гуляки, кулачные бойцы, мошенники и т. п. Это были пролетаріи въ полномъ смыслѣ слова. Къ счастію русской земли, эта бродячая и буйная масса людей далеко не вся находилась въ безпріютномъ положеніи. Наибольшая часть этой неугомонной вольницы, перебѣсившись и наскучивъ свою безпріютностью, съ лѣтами старалась гдѣ нибудь пріютиться и осѣсться, слѣдовательно, вступить въ первый отдѣлъ вольныхъ людей: одни изъ нихъ дѣлались работниками у зажиточныхъ хозяевъ, другіе поступали въ подсусѣдники. Положеніе ихъ было уже не прежнее—безпріютное и бродячее, они были уже недалеки отъ вступленія въ члены общинъ, и послѣднія, если находили ихъ людьми мирными, заботящимися о хозяйствѣ, всегда охотно принимали въ свою среду, надѣляли участками земли и на первые годы съ значительными льготати въ податяхъ и повинностяхъ.

Рабы (челядинцы) или невольники также не были членами общинъ, потому что не признавались за лицъ и составляли частную собственность своего владѣльца, который могъ продавать ихъ, закладывать, дарить и даже убивать [1]). Въ первомъ періодѣ на Руси было очень много невольниковъ, такъ какъ въ это время особенно много велось войнъ и всѣ военноплѣнные, какъ извѣстно, дѣлались невольниками. Въ договорѣ Олега съ Греками видно, что Русскіе въ его время скупали невольниковъ для торговли, такъ что Греки въ договорахъ съ Русскими должны были назначить опредѣленную цѣну для выкупа своихъ, находившихся въ рабствѣ у Руссовъ [2]). Святославъ, исчисляя своей матери товары, идущіе въ Болгарію, говоритъ: *„Изъ Руси же*

---

1) Вслучаѣ побѣга или пропажи челядина, хозяинъ могъ отыскивать его, какъ вещь, себѣ принадлежащую. Въ договорѣ Олега съ Греками сказано: *„....погубиша челядинъ, и. жалуютъ, да ищютъ и обрѣтомое да имутъ е“*. (Лавр. сп., стр. 18). То же подтверждено въ договорѣ Игоря: *„.... аще ускочитъ челядинъ отъ Руси.... да поимутъ и; аще не обрящется... двѣ половоцѣ за челядинъ“*. (Лавр. сп., стр. 25). Даже за убійство раба взыскивалъ только хозяинъ, а не община.

2) Въ договорѣ Игоря съ Греками сказано: *„Елико хрестеянъ отъ власти нашея плѣнена проведутъ Русь, ту аще будетъ уноша, или дѣвица добра, да вдадятъ златникъ 10 и поимутъ и, аще ли есть средовичъ, да вдастъ золотникъ 8, и поимутъ и; аще ли будетъ старъ, или дѣтещъ, да властъ златникъ 5“* (Лавр. сп., стр. 26).

скора и воскъ, медъ и челядь" (Лавр. сп., стр. 36). Греческіе и арабскіе писатели также свидѣтельствуютъ, что Русскіе торговали невольниками въ Греціи, въ западной Европѣ (въ Ахенѣ, куда приходили по Рейну), Камской Болгаріи и Хозаріи.

Такимъ образомъ, русское общество, въ первомъ періодѣ законодательства, дѣлилось на три разряда: къ первому принадлежали бояре и купцы — классы, составлявшіе общественное устройство въ тѣсномъ смыслѣ, сюда же относились и черные люди; ко второму — вольные люди и къ третьему — невольники или рабы. Два послѣдніе разряда не имѣли никакого вліянія на общественный ходъ дѣлъ.

Поземельное владѣніе. Первоначальная и болѣе распространенная форма поземельнаго владѣнія у Славянъ на Руси была чисто общинная. Эта форма никогда не прекращалась въ нашемъ отечествѣ и существуетъ еще и до сихъ поръ по всѣмъ селамъ и деревнямъ, потому что и теперь въ сельскихъ общинахъ земля принадлежитъ не отдѣльнымъ лицамъ, какъ собственность, а общинѣ, и крестьяне владѣютъ участками земли только на правѣ пользованія. Въ древности этотъ порядокъ землевладѣнія соблюдался и въ городахъ. Членъ городской общины не могъ ни продать, ни заложить участка городской земли, состоящаго въ его вѣдѣніи, точно также, какъ теперь не можетъ этого сдѣлать крестьянинъ относительно своего участка въ сельской землѣ. Но не смотря на то, что общинное владѣніе землею постоянно оставалось и остается главнымъ и болѣе распространеннымъ, тѣмъ не менѣе оно не было единственнымъ на Руси и вѣроятно еще въ глубокой древности, рядомъ съ общиннымъ поземельнымъ владѣніемъ, было владѣніе и частное, что также служитъ прямымъ доказательствомъ общиннаго быта, а не родового, при которомъ частное владѣніе было бы невозможно. Послѣднее пріобрѣталось въ древней Руси необыкновенно легко. По малочисленности первоначальнаго славянскаго населенія на Руси сравнительно съ огромнымъ пространствомъ земель, покинутыхъ туземцами, за общинными поземельными владѣніями оставалось много земель, никѣмъ не занятыхъ, извѣстныхъ впослѣдствіи подъ именемъ дикихъ поль, дикихъ лѣсовъ и пущей. Поэтому, каждый, кто расчищалъ дикій лѣсъ, или воздѣлывалъ дикое поле собственными средствами, съ тѣмъ вмѣстѣ дѣлался и полнымъ владѣльцемъ, собственникомъ занятой имъ земли. За первымъ занимателемъ никому не принадлежащей земли признавалось нашимъ законодательствомъ право собственности и въ послѣдующее время (въ XV и XVI вв.) уже на памяти исторіи. Слѣдовательно, тѣмъ менѣе мы имѣемъ право отвергать его при первомъ занятіи земли славянскими племенами. Наоборотъ, тогда считалось заслугою, если кто обработывалъ дикую землю, потому что главною заботою славянскихъ общинъ было — какъ можно болѣе воздѣлывать земли. Вообще, во всѣхъ древнихъ славянскихъ общинахъ мы находимъ и частную поземельную собственность; при этомъ, частные собственники всегда пользовались у нихъ большимъ уваженіемъ. Они назывались *отчинниками*, *владѣтелями*, *держателями земли*, *бащинниками*, составляли высшій классъ общества и имѣли большое вліяніе на дѣла общественныя; земля сообщала имъ особый вѣсъ и уваженіе отъ сограждан.

По прибытіи варяго-русскихъ князей, къ этимъ первымъ двумъ формамъ поземельнаго владѣнія присоединились двѣ новыя формы, именно: *владѣніе княжое* и *владѣніе помѣстное*.

Княжими землями назывались тѣ волости, города, села и угодья, которыми владѣли князья. Что князья имѣли въ этомъ періодѣ свои поземельныя владѣнія, мы убѣждаемся положительными свидѣтельствами лѣтописи. Такъ напр. Вышгородъ, по свидѣтельству лѣтописи, принадлежалъ княгинѣ Ольгѣ, Берестово и Предславино—Владимиру [1]). Княжія земли раздѣлялись на два разряда. Къ первому принадлежали земли, *уступленныя князю земщиною*. Эти земли не составляли полной собственности князя, потому что онѣ давались не лично тому, или другому князю, а составляли принадлежность княжеской власти вообще. Поэтому князь владѣлъ ими только до тѣхъ поръ, пока былъ княземъ у той области, которая дала ему земли. Второй родъ княжескихъ земель составляли земли, *пріобрѣтенныя покупкою* отъ частныхъ собственниковъ, или расчищенныя на княжескій счетъ изъ дикихъ поль и лѣсовъ. Эти земли составляли полную собственность князя и оставались за нимъ и тогда, когда онъ переходилъ на княженіе изъ одной области въ другую.

Помѣстными землями назывались такія земли, которыя князь давалъ своимъ дружинникамъ на время службы, или на цѣлую жизнь, но безъ права продавать, закладывать, или передавать по наслѣдству. Слѣдовательно, въ помѣстныхъ земляхъ въ то время еще не было права собственности, а только право пользованія ими. Первое упоминаніе о помѣстной раздачѣ земель относится ко времени Владимира. По свидѣтельству саги Олава Тригвесона, Владиміръ далъ въ помѣстье Сигурду, дядѣ Олава по матери, большія поземельныя владѣнія. Помѣстныя владѣнія раздавались, вѣроятно, изъ княжихъ, а не общинныхъ земель, по крайней мѣрѣ такъ дѣлалось въ тѣ времена, отъ которыхъ дошли до насъ оффиціальныя свидѣтельства о таковой раздачѣ.

Доходы князей и дружинниковъ были двухъ родовъ: къ первому принадлежали доходы, получаемые княземъ и его дружинниками съ племенъ временно уступавшихъ только силѣ русскаго князя, но еще не признававшихъ его постоянной власти; ко второму роду относились доходы съ племенъ, которыя уже составили владѣнія русскаго князя, признавали его верховную власть и называли его своимъ государемъ. Къ племенамъ, не признававшимъ власть князя, принадлежали при Олегѣ Древляне, Хорваты, Дулѣбы, Тиверцы, Радимичи, и вначалѣ его княженія — Сѣверяне. При Игорѣ продолжали быть въ прежнихъ отношеніяхъ къ русскому князю Древляне, Радимичи, Хорваты и Тиверцы, и вновь поступили Уличи, а при Святославѣ и Владимирѣ — Вятичи [2]). Объ этомъ сборѣ дани мы имѣемъ, кромѣ лѣто-

---

[1]) Несторъ, говоря о женахъ и наложницахъ Владимира, упоминаетъ о городахъ и селахъ, принадлежащихъ ему и Рогнѣдѣ, *„юже посади на Лыбеди, идѣже нынѣ стоитъ сельцо Предъславино а наложницъ бѣ у него 300 Вышгородѣ, а 300 Бѣлъгородѣ, а 200 Берестовѣ, въ сельци, еже зовутъ Берестовое“*. Лавр. сп., стр. 43.

[2]) Съ этихъ племенъ князья пользовались только данью, которую большею частью должны были собирать силою, отправляясь туда или сами, или съ дружиною, или посылая туда воеводъ. Такъ, въ лѣтописи объ Олегѣ сказано-

писныхъ извѣстій, свидѣтельства греческихъ писателей. Константинъ Порфирородный, современникъ Игоря, говоритъ: „князья русскіе обыкновенно при наступленіи ноября мѣсяца со всею Русью выходятъ изъ Кіева и отправляются или въ *полюдье* (по гречески гира), или въ славянскія земли Древлянъ, Дреговичей и др. Славянъ, платящихъ дань Руси“. Это замѣчаніе императора о сборѣ дани русскими князьями съ непокоренныхъ племенъ вполнѣ согласно съ нашей лѣтописью, не только въ отношеніи къ названіямъ племенъ, платящихъ дань, но даже въ отношеніи времени года, когда она собиралась. Константинъ пишетъ, что князья выходили для сбора дани въ началѣ ноября; у Нестора сказано: „*приспѣ осень, нача (Игорь) мыслити на Древляне, хотя примыслити большую дань*“. (Лавр. сп., стр. 28). Такое согласное свидѣтельство двухъ совершенно разныхъ писателей подтверждаетъ истину событія.

Доходы князей и ихъ дружинниковъ съ племенъ совершенно покоренныхъ состояли, кромѣ дани, въ судныхъ пошлинахъ, вирахъ, оброкахъ и пользованіи разными угодьями и промыслами. Самая дань съ таковыхъ племенъ собиралась не силою, но была уже опредѣлена самими князьями по взаимному согласію съ данниками. Такъ о дани, платимой славянами Ильменскими, Кривичами, Мерью и Новгородцами, въ лѣтописи сказано: „*И устави (Олегъ) дани Славѣномъ, Кривичамъ и Мери; и устави Варягомъ дань даяти отъ Новгорода гривенъ 300 на лѣто*“. (Лавр. сп., стр. 11). Или, въ слѣдъ за совершеннымъ покореніемъ Древлянской земли Ольгою, лѣтопись говоритъ: „*и иде Волга по Деревстей земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляющи уставы и уроки*“; или; „*иде Вольга Новогороду и устави по Мстѣ погосты и дани, и по Лугѣ оброки и дани; ловища ея суть по всей земли, знаменья и мѣста и погосты, и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и есть село Ольжичи и доселѣ*“.

Теперь разберемъ каждый изъ источниковъ княжескихъ доходовъ, получаемыхъ съ покоренныхъ племенъ; эти источники были:

Во 1-хъ, *дань*, которая отличалась отъ дани съ племенъ побѣжденныхъ, но не покоренныхъ, тѣмъ, что она была опредѣленна и иначе называлась урокомъ, какъ сказано объ Ольгѣ по покореніи Древлянской земли: „*Иде по Деревьстѣй земли, уставляющи уставы и уроки*“. Для сбора таковой дани посылался не воевода съ полками, а чиновники, называвшіеся данщиками, а иногда эта дань доставлялась прямо отъ самыхъ городовъ князю, или его намѣстнику.

Во 2-хъ, *полюдье*; такъ назывались дары, даваемые князю во время его объѣздовъ волости для суда и расправы; эта подать была поголовная.

„*Поча Олегъ воевати Древляны, и примучивъ и, имяше на нихъ дань по чернѣ кунѣ*“ (Лавр. сп., стр. 11). Объ Игорѣ лѣтопись также говоритъ: „*Иде на Древляны, и побѣдивъ, взложи на ня дань большее Олеговы*“. (Лавр. сп., стр. 21); Или „*И примучи Свѣнельдъ, воеводи Игоревъ, Уличи, и возложи на нихъ дань, и вдастъ Игорь дань Свѣнельду*“. Или дружина говоритъ Игорю: „*Поиди, княже, съ нами въ дань, да и ты добудеши и мы*“. (Лавр. сп. стр. 28). О Святославѣ лѣтописецъ говоритъ: „*Вятичи побѣди Святославъ, и дань на нихъ възложи*“. (Лавр. сп., стр. 34). Всѣ эти свидѣтельства прямо показываютъ, что дань платили племена еще не совершенно покоренныя русскому князю, а только уступающія его силѣ и что за этою данью нужно было всякій разъ ходить; такъ Олегъ ходилъ за данью къ Древлянамъ, Игорь также долженъ былъ ходить, или посылать Свѣнельда, и даже былъ убитъ Древлянами во время сбора дани.

Въ 3-хъ, *судныя пошлины.* Эти пошлины взимались съ каждаго суднаго дѣла и шли въ казну князя. Для отправленія суда князь или самъ ѣздилъ по областямъ, или посылалъ дружинниковъ, или держалъ по городамъ и волостямъ тіуновъ. Кромѣ этой пошлины взималась плата тіуну и его служителямъ.

Въ 4-хъ, *виры и продажи.* Вирами назывались денежныя пени съ преступниковъ, убійцъ, разбойниковъ и воровъ, за исключеніемъ той части, которая шла на удовлетвореніе обиженныхъ. Этотъ источникъ доходовъ явился со временъ Игоря. Убійца, по тогдашнимъ законамъ, подвергался мести родственниковъ убитаго, а имѣніе его шло князю въ уплату виры, т. е. пени за убійство. Въ платежѣ виры, въ извѣстныхъ случаяхъ, участвовала та волость, или вервь, къ которой принадлежалъ убійца. Такая вира называлась *дикой.* Воры и разбойники, кромѣ денежной пени, платили за всякое увѣчье въ казну князя—*продажу.* О вирахъ еще не упоминается въ договорахъ Олега съ Греками, но при Игорѣ и Святославѣ вирные доходы имѣли уже опредѣленную цѣль; они собирались на содержаніе коней и оружія для войска, конечно княжаго, т. е. дружины: *„Оже вира, то на дружьи и на конихъ буди“*, говоритъ лѣтопись.

Въ 5-хъ, *оброки.* Такъ назывались подати, платимыя съ земель, составлявшихъ собственность князя, или уступленныхъ ему земщиною. Такъ, въ лѣтописи сказано объ Ольгѣ, что она уставила по рѣкѣ Лугѣ оброки.

Въ 6-хъ, *разныя угодья*, принадлежавшія князю: рыбныя ловли, ловища звѣрей, перевѣсища, бортныя угодья и т. п. О всѣхъ этихъ угодьяхъ упоминается въ лѣтописи при описаніи похода Ольги изъ Новгорода въ Кіевъ (Лавр. сп., стр. 11). Князь имѣлъ складочныя мѣста по городамъ и селеніямъ, гдѣ хранились сборы съ княжескихъ угодій. Такъ, при осадѣ Бѣлгорода упоминается о княжеской медушѣ, гдѣ складывался медъ съ княжескихъ бортей.

Въ 7-хъ, *торговля.* Въ ней князья уже въ первомъ періодѣ принимали дѣятельное участіе, отправляя свои товары въ Грецію, Хозарію, Камскую и Дунайскую Болгарію и, вѣроятно, въ западную Европу черезъ Балтійское море. Святославъ самъ говорилъ, что въ Дунайскую Болгарію идутъ изъ Руси мѣха, медъ, воскъ и невольники (Лавр. сп., стр. 33). Этимъ товаромъ русскіе князья были богаты, потому что онъ составлялъ дань, взимаемую съ подвластныхъ племенъ. На то, что князья торговали, мы имѣемъ прямыя указанія въ договорахъ Олега и Игоря съ Греками. Въ договорѣ Игоря сказано: *„Великій князь и бояре его да посылають въ Греки корабли, сколько хотятъ, съ послами и гостьми“*. А съ гостьми корабли, конечно, посылались для торговли, ибо гостьми въ то время назывались именно купцы, отправлявшіеся съ товарами въ чужія земли. За послѣдующее время мы имѣемъ свидѣтельства, что князья были одними изъ важнѣйшихъ торговцевъ; для нихъ даже была привиллегія: пусть, говорилось, сначала расторгуются княжескіе торговцы, а потомъ могутъ торговать и другіе.

Источниками доходовъ дружинниковъ были: во 1-хъ, *управленіе разными городами*, которые поручались имъ отъ князя. Доходъ отъ управленія назывался впослѣдствіи прямо намѣстничьимъ доходомъ или кормленіемъ и состоялъ изъ натуральныхъ повинностей, доставляемыхъ

намѣстнику въ извѣстные сроки. Въ слѣдующемъ періодѣ мы увидимъ во всѣхъ подробностяхъ, какъ порядокъ сбора, такъ и количество доходовъ, получаемыхъ намѣстникомъ, а равно и тѣ случаи, по которымъ намѣстнику доставлялся тотъ, или другой сборъ. Въ настоящемъ же періодѣ объ этомъ доходѣ дружинниковъ мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ.

Во 2-хъ, *судныя пошлины*, онѣ получались дружинниками съ судныхъ дѣлъ въ тѣхъ областяхъ, въ которыя они посылались княземъ для суда и управы. Вообще, всякая посылка дружинника въ какую-либо область была соединена съ узаконеннымъ для него доходомъ. Этотъ доходъ названъ въ Правдѣ Ярослава „урокомъ". Въ этомъ законодательномъ памятникѣ мы находимъ уставныя грамоты объ урокахъ вирнику, мостнику и городнику.

Въ 3-хъ, *военная добыча, торговля и сборъ дани* съ побѣжденныхъ народовъ. Въ торговлѣ дружинники участвовали также, какъ и князья. Это мы уже видѣли въ договорѣ Игоря съ Греками, гдѣ сказано, что князь и бояре могли посылать въ Грецію корабли съ товарами. (Лавр. сп., стр. 24). Кромѣ того, дружинники получали отъ князя жалованье серебромъ, или товарами.

Въ 4-хъ, *помѣстья*. Этимъ источникомъ дохода дружинники въ 1-мъ періодѣ пользовались въ незначительной степени, что обусловливалось самымъ характеромъ дружинниковъ, который былъ въ это время еще полукочевымъ. Съ другой стороны и самое число помѣстныхъ владѣній было въ то время еще очень незначительно. Свидѣтельство о раздачѣ помѣстій при Владимирѣ мы встрѣчаемъ въ исландскихъ сагахъ (Олава Тригвесона).

ПАМЯТНИКИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПЕРВАГО ПЕРІОДА.

Значеніе памятниковъ перваго періода. Первые и единственные, дошедшіе до насъ отъ перваго періода, памятники русскаго законодательства мы находимъ въ договорахъ Олега и Игоря съ Греками. О сихъ договорахъ въ нашей исторической критикѣ много было недоумѣній и споровъ, относительно ихъ подлинности, но трудами Карамзина, Круга, Эверса и Погодина споры и недоумѣнія въ настоящее время уничтожены и подлинность договоровъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Договоры были дѣйствительно заключены между Русью и Греками и дошли до насъ въ тогдашнихъ, современныхъ оффиціальныхъ переводахъ съ греческаго языка Въ подлинности легко убѣдиться сравненіемъ языка лѣтописи съ текстомъ договоровъ. Въ лѣтописи Нестора языкъ правиленъ и строенъ, а въ договорахъ языкъ еще не покоряющійся перу и не могущій объяснить многихъ понятій, которыя нужно было выразить. Въ нихъ виденъ переводъ съ греческаго, но не такой, какъ переводъ священнаго писанія, — видно, что переводилъ толмачъ. Первый договоръ между Олегомъ, великимъ княземъ русскимъ и византійскими императорами Львомъ и Александромъ, по нашему лѣтосчисленію, былъ заключенъ въ 911 году 2 сентября въ воскресенье. Онъ сохраненъ нашимъ лѣтописцемъ въ полной копіи съ граммоты, привезенной послами Олега изъ Константинополя, съ подписью императора и русскихъ пословъ. Датумъ этой граммоты слѣ-

дующій: *„Наше царское величество дали сіе написаніе мѣсяца сентября 2-го въ недѣлю 15, въ лѣто отъ созданія міру 6420“*. Второй т. е. Игоревъ договоръ, былъ заключенъ Игоремъ съ византійскими императорами Романомъ, Константиномъ и Стефаномъ, въ 945 году. Онъ сохраненъ лѣтописцемъ въ копіи съ проэкта, составленнаго въ Византіи, по взаимному соглашенію византійскаго двора съ русскими послами и привезенную въ Кіевъ къ Игорю на утвержденіе, какъ явствуетъ изъ заключительныхъ словъ самой граммоты: *„Да аще будетъ добрѣ (т. е. понравится), Игорь великій князь, да сохранитъ си любовь правую, да неразрушится, дондеже солнце сьяетъ, и весь міръ стоитъ, въ нынѣшняя вѣки и въ будущая“*.

Договоры сіи имѣютъ важное значеніе въ исторіи русскаго законодательства; они служатъ вѣрнымъ и яснымъ свидѣтельствомъ того юридическаго и административнаго состоянія, въ которомъ находилось русское общество въ концѣ IX и первой половинѣ X вѣка, т. е. въ первый вѣкъ существованія русскаго государства. Подробное изученіе сихъ памятниковъ откроетъ намъ, конечно, далеко не всѣ, однако многія и очень важныя стороны юридическаго быта нашихъ предковъ при первыхъ варяго-русскихъ князьяхъ. Въ сихъ договорахъ для насъ важно и поучительно каждое слово, ибо надобно замѣтить, что договоры сіи были писаны тѣмъ именно языкомъ, какимъ говорили приднѣпровскіе Руссы, Олеговы и Игоревы современники. Мы въ договорахъ видимъ, какъ выражали свои понятія объ общественной жизни тогдашніе русскіе люди, слѣдовательно—какъ понимали общественную жизнь, на сколько были развиты въ ней. Пытались утверждать, что договоры эти принадлежатъ только Варяго-Руссамъ. Но договоры заключались не одними Варягами, такъ какъ послѣдніе были малочислены; договоры принадлежали всему обществу, т. е. какъ Варягамъ, такъ и Славянамъ. На это указываетъ во первыхъ ихъ содержаніе, сходное съ славянскими законами, и во вторыхъ самый языкъ договоровъ: на немъ говорило все Приднѣпровье и языкъ этотъ былъ чисто славянскій. Притомъ, въ самыхъ договорахъ, въ именахъ пословъ ясно видно что здѣсь принимала участіе вся русская земщина.

Договоръ Олега съ греками. По порядку, сперва обратимся къ Олегову договору 911 года. Договоръ сей по содержанію своему разрѣшаетъ много юридическихъ вопросовъ, относящихся къ Олегову времени на Руси; изъ статей его мы отчасти можемъ видѣть насколько въ то время Русскій законъ обнималъ разныя условія, разные случаи народной жизни. Чтобы удобнѣе и въ большей связи разсмотрѣть разныя понятія Олеговыхъ Руссовъ о правѣ, высказанныя въ договорѣ, я раздѣляю статьи договора на уголовныя, гражданскія и статьи государственнаго права.

Уголовные законы. Начнемъ съ статей относящихся къ уголовному праву. Сюда относятся статьи 2, 3, 4, 5 и 12 Олегова договора съ Греками.

Вторая статья договора свидѣтельствуетъ, что русское общество, во время Олега, при разборѣ обидъ и преслѣдованіи преступниковъ уже не допускало самоуправства, и требовало суда надъ преступниками, чтобы обиженные представляли свои жалобы общественной власти, а не сами раздѣлывались съ обидчиками. Статья говоритъ: *„А о голо-*

вахъ, когда случится убійство, узаконимъ такъ: ежели явно будетъ по уликамъ, представленнымъ на лицо, то должно вѣрить таковымъ уликамъ. Но ежели чему не будутъ вѣрить, то пусть клянется та сторона, которая требуетъ, чтобы не вѣрили; и ежели послѣ клятвы, данной по своей вѣрѣ, окажется по розыску, что клятва дана была ложно, то клявшійся да пріиметъ казнь". Здѣсь явно и прежде всего выступаетъ судъ, какъ главное основаніе общественнаго благоустройства. На судѣ главнымъ доказательствомъ и основаніемъ обвиненія считалось *поличное*; тогдашній судъ рѣшалъ дѣло по одному поступку, какимъ онъ есть на лицо; обвиняемый въ убійствѣ былъ признаваемъ убійцею, ежели трупъ убитаго былъ ему уликою. Но, впрочемъ, и при главномъ основномъ судебномъ доказательствѣ законъ не отвергалъ другихъ доказательствъ,—онъ допускалъ и споръ противъ уликъ: обвиняемый могъ по закону требовать, чтобы не вѣрили уликамъ, т. е. отводить ихъ отъ себя; но въ такомъ случаѣ онъ долженъ подтверждать свое требованіе клятвою, и ежели послѣ клятвы по розыску оказывалось, что клятва была дана ложно, то клявшійся за это подвергался особой казни. Такимъ образомъ въ числѣ судебныхъ доказательствъ того времени кромѣ поличнаго мы находимъ *клятву* или *присягу* и *розыскъ*, можетъ быть *допросъ свидѣтелей*. Клятву по закону долженъ былъ давать тотъ, кто отрицалъ или отводилъ отъ себя улики. Сіи судебныя доказательства вполнѣ согласны съ доказательствами, находящимися въ Русской Правдѣ и другихъ послѣдующихъ узаконеніяхъ; слѣдовательно нѣтъ сомнѣнія, что судъ и судебныя доказательства Олегова договора принадлежатъ русскому законодательству. Теперь рождается вопросъ,—кто по Олегову договору производилъ судъ надъ преступниками? Отвѣта на этотъ вопросъ договоръ не представляетъ, но, судя по тому, что по свидѣтельству лѣтописи, князья были приглашены именно для того чтобы судить по праву, должно допустить, что судъ производили или сами князья, или лица отъ нихъ для сего поставленныя, т. е. княжіе мужи, намѣстники, тіуны и вообще судьи, которые, вѣроятно, бывали и между Руссами, пріѣзжавшими въ Константинополь; ибо извѣстно, что между русскими купцами, ѣздившими въ Грецію, отправлялись и гости, посылаемые собственно княземъ съ его товарами, изъ которыхъ, конечно, князь выбиралъ людей, которымъ поручалъ въ случаѣ надобности и судъ надъ отъѣзжающими въ Грецію. А можетъ быть таковые судьи выбирались и самими отъѣзжающими купцами на основаніи общинныхъ началъ, ибо ѣздить цѣлыми обществами, съ своими старостами и судьями, было въ то время въ обычаѣ повсюду—и у насъ, и въ западной Европѣ. Доказательствомъ тому служатъ всѣ торговые договоры того времени. Въ XII и XIII вѣкахъ писались особые уставы, по которымъ купцы должны были поступать, живя въ извѣстномъ городѣ. До насъ дошли уставы ганзейскіе, извѣстные подъ названіемъ „*Скры*". Въ каждомъ городѣ, куда пріѣзжали ганзейскіе купцы, были конторы, гдѣ хранились эти законы.

По свидѣтельству третьей статьи договора, убійца по русскому закону подвергался *смерти* на мѣстѣ преступленія, но въ то же время законъ допускалъ *выкупъ*, или вознагражденіе ближнихъ убитаго имѣніемъ убійцы, ежели убійца скрывался, при чемъ ближніе убитаго

получали только то имѣніе, которое по закону принадлежало убійцѣ, и не могли брать имѣнія, принадлежащаго его женѣ. Статья говоритъ: *„Убьетъ ли Русинъ христіанина, т. е. грека, или христіанинъ Русина, да умретъ тамъ же, гдѣ учинитъ убійство. Ежели же убѣжитъ учинившій убійство и ежели онъ имѣетъ достатокъ, то часть его, т. е. что ему принадлежитъ по закону, да возметъ ближній убіеннаго, но и жена убившаго да удержитъ то, что ей принадлежитъ по закону. Ежели же убійца, убѣжавъ, не оставитъ имѣнія, то искъ не прекращается до тѣхъ поръ, пока его не отыщутъ и не казнятъ смертію“.* Настоящая статья указываетъ на замѣчательное развитіе права въ Олегово время, именно въ томъ, что по закону невинная жена не отвѣчала за виноватаго мужа, такъ что съ перваго взгляда эту статью можно почесть за заимствованную изъ римскаго права и внесенную въ договоръ Византійцами; но назначеніе смертной казни, мало употребительной въ подобныхъ случаяхъ по римскому праву, и особенно замѣненіе смертной казни выкупомъ или отдачею имущества убійцы ближнимъ убитаго, совершенно неизвѣстное по римскому праву и сильно развитое въ древнемъ русскомъ правѣ, ясно указываютъ, что настоящая статья выражаетъ чисто русскій законъ Олегова времени; даже та часть статьи, гдѣ жена не отвѣчаетъ своимъ имѣніемъ за виноватаго мужа, нисколько ни можетъ указывать на византійское вліяніе, ибо съ одной стороны во всемъ послѣдующемъ русскомъ законодательствѣ невинная жена никогда по закону не отвѣчала за виновнаго мужа, а съ другой и въ древнихъ исландскихъ законахъ, извѣстныхъ подъ именемъ Grágás, тоже говорится, что ежели между супругами общность имѣнія не была утверждена особымъ актомъ, то въ случаѣ денежнаго взысканія на одномъ изъ нихъ, виноватый платитъ только съ своего имѣнія, не касаясь имѣнія принадлежащаго другой половинѣ. То же встрѣчаемъ и въ древнихъ Моравскихъ законахъ, какъ видно изъ грамоты Премысла Оттокара (1229 года), гдѣ сказано: „Всякій убійца обязанъ былъ платить суду 200 денаровъ, а жена его оставалась безъ проторей“. Слѣдовательно этотъ законъ поскольку былъ общимъ для многихъ скандинавскихъ и славянскихъ законодательствъ, постольку былъ общимъ и для Руси, какъ составленной изъ элементовъ славянскихъ и скандинавскихъ. Обстоятельство, что кровавая месть въ случаѣ бѣгства убійцы могла быть замѣнена имуществомъ бѣжавшаго, показываетъ, что русское общество во времена Олега стояло на той степени развитія, когда месть была ограничена судомъ и голова убійцы могла быть выкуплена его имуществомъ. Но этотъ выкупъ былъ только что вводимъ, онъ еще не былъ опредѣленъ, назначался только въ случаѣ бѣгства убійцы и обычай торговаться съ родственниками убитаго о выкупѣ убійцы еще не существовалъ. Эту первую степень смягченія мести мы видимъ въ славянскихъ, скандинавскихъ и вестготскихъ законахъ. По этимъ послѣднимъ убійца могъ вступать въ договоръ о выкупѣ съ родственниками убитаго, но прежде этого онъ долженъ былъ бѣжать въ пустыню, въ дикіе лѣса и только по прошествіи 40 дней послѣ убійства могъ вступать въ переговоры чрезъ своихъ родственниковъ. Если родственники убитаго не соглашались на выкупъ, то убійца снова могъ возобновить свое предложеніе черезъ годъ; если во второй разъ его предложеніе отвергалось,

то по прошествіи года онъ могъ вступать еще разъ въ переговоры. Но если и на этотъ разъ не было согласія, то убійца лишался всякой надежды выкупить свое преступленіе.

Четвертая статья договора свидѣтельствуетъ, что личныя обиды, именно побои и раны, въ современномъ Олегу русскомъ обществѣ, также подчинялись суду и обиженный получалъ опредѣленное закономъ денежное вознагражденіе. Вотъ изложеніе самой статьи: „*Ежели кто ударитъ кого мечемъ, или прибьетъ какимъ либо другимъ орудіемъ, то за сіе удареніе или побои по закону русскому да заплатитъ пять литръ серебра. Ежели же учинившій сіе не будетъ имѣть достатка, — да отдаетъ столько, сколько можетъ, да сниметъ съ себя и ту самую одежду, въ которой ходитъ, а въ остальномъ да клянется по своей вѣрѣ, что у него некому помочь въ платежѣ, послѣ чего искъ прекращается*". Эта статья вполнѣ согласна со всѣмъ послѣдующимъ русскимъ законодательствомъ, въ которомъ постоянно личныя обиды оцѣнивались денежными пенями; такъ въ Русской Правдѣ читаемъ: „*Аще ли кто кого ударитъ батогомъ, любо жердью, или рогомъ, то 12 гривенъ*". Окончаніе настоящей статьи договора, по которому виновный долженъ поклясться, что у него некому помочь въ платежѣ, весьма важно для насъ тѣмъ, что указываетъ на русскій законъ о дикой вирѣ, развитый вполнѣ въ Русской Правдѣ, по которому община нѣкоторымъ образомъ отвѣчала за своего члена и участвовала въ платежѣ виры. Очевидно, что начатки этого общиннаго закона уже существовали при Олегѣ, въ видѣ круговой поруки членовъ общины по своемъ членѣ, обязанномъ платить виру или продажу, точно также какъ подобныя общества были въ Скандинавіи подъ именемъ *герадовъ*, которые были ничто иное, какъ гражданскій союзъ, заключенный по общему согласію различныхъ землевладѣльцевъ для охраненія взаимнаго спокойствія и безопасности.

Пятая статья договора говоритъ, что по русскому закону въ Олегово время, при преслѣдованіи ночного вора, хотя и допускалось нѣкоторое самоуправство, но только въ крайности, когда воръ былъ вооруженъ и оказывалъ сопротивленіе; въ статьѣ именно сказано: „*при поимкѣ вора хозяиномъ во время кражи, ежели воръ станетъ сопротивляться, и при сопротивленіи будетъ убитъ, то смерть его не взыщется*". Но въ противномъ случаѣ, т. е. когда воръ не сопротивлялся и дозволялъ себя связать, законы Олегова времени, равно какъ и Русская Правда, строго наказывали и запрещали всякое самоуправство и требовали, чтобы воръ былъ представленъ на судъ и подвергся наказанію, опредѣленному закономъ. Въ Олеговомъ договорѣ по русскому закону было постановлено: „ежели воръ при поимкѣ во время сопротивленія былъ убитъ, то хозяинъ возвращалъ себѣ только покраденное воромъ; но ежели воръ былъ связанъ и представленъ на судъ, то долженъ былъ возвратить и то что укралъ, и сверхъ того заплатить хозяину тройную цѣну украденнаго". Здѣсь относительно тройной цѣны, кажется по византійскому настоянію, въ договоръ внесено было римское *quadrupli*, по которому открытое воровство наказывалось вчетверо, т. е. возвращалась покраденная вещь, или цѣна ея и сверхъ того въ наказаніе тройная цѣна вещи. По Русской же Правдѣ, въ наказаніе за воровство назначалось не тройная цѣна по-

краденной вещи, а особенная пеня, называвшаяся продажею. Настоящая статья Олегова договора, преслѣдуя воровство, въ то же время запрещаетъ и наказываетъ почти одинаково съ воровствомъ насиліе, дѣлаемое кѣмъ либо подъ видомъ обыска, будто бы по подозрѣнію въ воровствѣ. Именно въ статьѣ сказано: *Ежели по подозрѣнію въ воровствѣ, кто будетъ дѣлать самоуправно обыскъ въ чужомъ домѣ съ притѣсненіемъ и явнымъ насиліемъ, или возметъ, подъ видомъ законнаго обыска, что либо у другаго, то по русскому закону долженъ возвратить въ трое противъ взятаго*".

Наконецъ, преслѣдованіе преступниковъ по русскому праву, современному Олегу, не прекращалось и за предѣлами русской земли; законъ требовалъ ихъ возвращенія и тогда, когда они успѣвали скрыться за границу, какъ прямо говоритъ 12-я статья договора: „*между торгующими Руссами и различными приходящими въ Грецію и проживающими тамъ, ежели будетъ преступникъ и долженъ быть возвращенъ въ Русь, то Руссы объ этомъ должны жаловаться христіанскому царю, тогда возмутъ таковаго и возвратятъ его въ Русь насильно*". Это настойчивое преслѣдованіе преступниковъ даже за предѣлами Русской земли служитъ явнымъ свидѣтельствомъ о могуществѣ власти и закона въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ.

Законы гражданскіе. Разсмотрѣвши статьи договора, относящіяся къ уголовному праву, или тѣ законныя мѣры, которыя русское общество употребляло противъ нарушенія правъ, признанныхъ закономъ, мы теперь перейдемъ къ статьямъ, указывающимъ на тогдашнее частное или гражданское право, т. е. разсмотримъ тѣ права, которыя русское общество предоставляло своимъ членамъ въ отношеніи другъ къ другу.

Здѣсь мы встрѣчаемъ указаніе относительно правъ на имущество. Владѣніе имуществомъ, по тогдашнему устройству русскаго общества, тогда только почиталось правильнымъ и заслуживающимъ общественное покровительство и законную защиту, когда имущество признано за владѣльцемъ по закону, какъ прямо говоритъ вторая статья договора: *да часть его, сирѣчь иже его будетъ по закону*". Но въ чемъ состояла законность владѣнія, изъ договора не видно; впрочемъ для насъ уже важно и одно указаніе на различіе между владѣніемъ законнымъ и не законнымъ, ибо мы изъ него можемъ заключать о благоустроенности тогдашняго русскаго общества и о силѣ закона.

Законное понятіе о принадлежности имущества лицу, а не роду, въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ уже до того было развито, что законъ признавалъ отдѣльное имущество мужа и отдѣльное имущество жены и, въ случаѣ взысканія за преступленіе мужа, въ удовлетвореніе поступало только мужнино имущество, а женино имѣніе законъ въ такомъ случаѣ признавалъ неприкосновеннымъ, какъ прямо сказано въ третьей статьѣ договора: „*Ежели убѣжитъ учинившій убійство, и ежели онъ имѣетъ достатокъ, то часть его, т. е. что ему принадлежитъ по закону, да возметъ ближній убіеннаго, но и жена убившаго да удержитъ то, что ей принадлежитъ по закону*". На отдѣльное имущество жены отъ мужнина имущества есть указанія и въ лѣтописяхъ; такъ Несторъ, описывая браки въ племени Полянъ, говоритъ, что невѣсты несли за собою приданое, или говоря объ Ольгѣ между прочимъ пишетъ, что ей принадлежалъ въ отдѣльную собствен-

ность Вышгородъ: *„Бѣ бо Вышгородъ градъ Волзинъ“*. Это кажется указываетъ на вѣно, которое мужъ давалъ женѣ въ отдѣльную собственность отъ своего имѣнія, ибо Ольга, псковитянка по происхожденію, не могла имѣть своимъ приданымъ Вышгорода, который находился въ приднѣпровскомъ краю. О вѣнѣ ясно же упоминается при Владимирѣ, какъ о давнишнемъ обычаѣ въ русскомъ обществѣ.

Въ одиннадцатой статьѣ договора изложенъ тогдашній русскій законъ о наслѣдствѣ, по которому въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ были уже извѣстны два вида наслѣдства: наслѣдство по завѣщанію и наслѣдство по закону. Статья договора прямо говоритъ: *„Ежели кто изъ русскихъ умретъ, не распорядившись своимъ имѣніемъ, или не будетъ имѣть при себѣ своихъ, то имѣніе его да отошлютъ къ его ближнимъ въ Русь. Но ежели онъ по своему имѣнію сдѣлаетъ распоряженіе, то тотъ, кого онъ напишетъ наслѣдникомъ имѣнія, да возметъ назначенное ему, да наслѣдитъ имѣніе“*. Законъ о наслѣдствѣ по завѣщанію ясно свидѣтельствуетъ, что на Руси въ Олегово время имущество принадлежало лицу, а не роду; ибо ежели бы имущество принадлежало роду, то не было бы мѣста для завѣщанія: членъ рода не могъ бы распоряжаться и отдавать въ собственность послѣ своей смерти то, на что и самъ не имѣлъ права собственности при жизни. Наслѣдство же по закону указываетъ на то, что родственныя отношенія и въ то время имѣли то же значеніе, какое они имѣютъ и теперь, т. е. что законъ не отрицалъ права родственниковъ на имѣніе послѣ умершаго, ежели тому не противорѣчило завѣщаніе, оставленное умершимъ.

Законы государственные. Наконецъ въ Олеговомъ договорѣ мы находимъ нѣсколько указаній на права лицъ, вытекающія изъ различныхъ отношеній лицъ къ самому обществу, или вообще на тогдашнее государственное право въ русскомъ обществѣ. Здѣсь самыя важныя указанія мы встрѣчаемъ въ вступленіи и первой статьѣ договора. Именно вступленіе указываетъ намъ на верховнаго властителя Руси, великаго князя, на князей—его подручниковъ, на свѣтлыхъ бояръ и на всю Русь подвластную великому князю. Первая статья также говоритъ о князьяхъ, которыхъ называютъ свѣтлыми и властителями народа; далѣе десятая статья упоминаетъ о гостяхъ и рабахъ. Такимъ образомъ изъ ихъ упоминаній мы видимъ, что по отношенію къ обществу были особыя права верховнаго властителя Руси, великаго князя, потомъ особыя права князей подручниковъ великаго князя, особыя права бояръ, высшаго класса подданныхъ, носившихъ названіе свѣтлыхъ бояръ, особыя права всѣхъ свободныхъ людей, принадлежащихъ къ русскому обществу, и наконецъ значеніе невольниковъ или рабовъ. Въ договорѣ, конечно, мы не находимъ полнаго опредѣленія правъ того или другого класса членовъ тогдашняго русскаго общества, но уже самое различіе наименованій, присвоенныхъ каждому классу, намекаетъ на различіе правъ, ибо ежели въ языкѣ образовались различныя наименованія, то это уже есть явный признакъ различія въ значеніи и правахъ.

Впрочемъ договоръ представляетъ нѣсколько данныхъ и для опредѣленія правъ того или другого класса. Такъ Олегъ, великій князь русскій, называется властителемъ всей Руси,—ему подчинены и свѣтлые бояре и другіе князья; въ договорѣ сказано: *„Мы отъ рода рус-*

скаго, иже посланы отъ Ольга, великаго князя русскаго, и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ бояръ, похотеньемъ нашихъ князь и по повелѣнью великаго князя нашего, и отъ всѣхъ иже суть подъ рукою его, сущихъ Руси". Здѣсь мы даже видимъ, что въ сношеніяхъ съ чужеземнымъ народомъ распоряжался не одинъ великій князь, но также имѣли голосъ и другіе князья, подвластные великому князю, бояре и вся Русь. Нѣкоторые думаютъ, что названіе великаго князя не есть русское, туземное, а титулъ, приданный византійцами русскому государю; но этому мнѣнію именно противорѣчатъ византійцы. До насъ дошелъ придворный византійскій обрядникъ, писанный императоромъ Константиномъ Порфиророднымъ, въ которомъ прямо сказано, что государь русскій въ византійскихъ оффиціальныхъ грамотахъ титуловался просто княземъ, а не великимъ княземъ. Вотъ подлинный титулъ, записанный въ обрядникѣ: „грамота Константина и Романа христолюбивыхъ царей римскихъ князю русскому". Ясно, что въ договорѣ Олега титулъ великаго князя былъ домашній, а не византійскій.

Далѣе, первая статья договора называетъ властителями, владѣющими надъ народомъ, и низшихъ князей, подчиненныхъ Олегу; статья гласитъ: *„не вдадимъ елико наше изволенье, быти отъ сущихъ подъ рукою нашихъ князь свѣтлыхъ, никакому же соблазну или винѣ*". Но бояръ договоръ нигдѣ не называетъ властителями и оставляетъ за ними только титулъ свѣтлости, благородства, особаго почета въ народѣ; отсюда мы можемъ заключить, что бояре не были властителями и не принадлежали къ состоянію князей.

Десятая статья договора представляетъ намъ данныя для нѣкотораго отдѣленія правъ, присвоенныхъ тогдашнимъ рускимъ обществомъ сословію гостей; она говоритъ: *„аще украденъ будетъ челядинъ русскій и жаловати начнутъ Русь, да покажется таковое отъ челядина, да имутъ й въ Русь; но и гостье погубиша челядинъ; и жалуютъ, да ищутъ й*". Здѣсь, какъ мы видимъ, гости противополагаются вообще другимъ Руссамъ, пріѣзжающимъ въ Грецію; слѣдовательно признаются особымъ, отдѣльнымъ сословіемъ, особымъ классомъ, съ своими правами. А Игоревъ договоръ ставитъ гостей послѣ пословъ и указываетъ на нихъ, какъ на торговцевъ, отправляющихся съ товарами въ чужія земли; въ договорѣ Игоря сказано: *„А великій князь русскій и бояре его да посылаютъ въ Греки къ великимъ царемъ греческимъ корабли елико хотятъ со слы и съ гостьми, ношаху сли печати злати, а гостье сребряни*".

Наконецъ девятая и десятая статьи договора даютъ нѣкоторыя указанія для опредѣленія состоянія невольниковъ, рабовъ, называвшихся тогда челядью. Такъ девятая статья говоритъ, что невольниками были плѣнники, что они продавались какъ товаръ и проданные отсылались въ разныя земли, что Олеговы Руссы вели большую торговлю невольниками и въ этой торговлѣ не только продавали своихъ плѣнниковъ, но даже скупали невольниковъ въ другихъ мѣстахъ. Въ десятой статьѣ указывается на невольника, какъ на вещь, на которую права хозяина были неприкосновенны и охранялись закономъ, —хозяинъ могъ требовать своего невольника гдѣ бы его ни отыскалъ.

Договоръ Игоря. Вторымъ памятникомъ русскаго законодательства въ первомъ періодѣ былъ договоръ Игоря съ Греками, написанный въ

945 г. Въ этомъ договорѣ хотя большею частію повторяется то, что уже сказано въ Олеговомъ, но есть и нѣкоторыя измѣненія и указанія на такія стороны тогдашняго русскаго законодательства, которыхъ не замѣтно еще въ Олеговомъ договорѣ. Разбирая договоръ Олега, мы, конечно, не могли не замѣтить отсутствія въ немъ системы и перерыва между статьями. Причина этого заключается въ томъ, что передъ договоромъ 911 года былъ заключенъ между Русскими и Греками словесный договоръ 907 года. Договоръ этотъ, по всей вѣроятности, былъ весьма подробенъ и заключалъ въ себѣ условія, касающіяся различныхъ предметовъ. Быть можетъ договоръ этотъ и былъ записанъ, если не въ формѣ трактата, то въ византійскихъ хроникахъ, и могъ сохраняться еще въ памяти народа, когда былъ заключенъ договоръ Олега. Но, видя нарушеніе словеснаго договора, Греки приступили къ совершенію письменнаго договора. Вотъ этимъ-то и объясняется, почему въ договорѣ Олега не упоминается о нѣкоторыхъ статьяхъ, вошедшихъ въ договоръ Игоря. Византійскія хроники записали даже нѣкоторыя изъ условій словеснаго договора 907 года. Въ лѣтописи нашей мы также встрѣчаемъ извѣстіе объ этомъ словесномъ договорѣ: „Олегъ же мало отступи отъ града, нача миръ творити съ царема грецкима, съ Леономъ и со Александромъ, посла къ нима въ градъ Карла, Горлофа, Велмида, Рулава и Стемида, глаголя: „имѣте ми ся по дань.“ И рѣша Греци: чего хощеши, и дамы ти. И заповѣда Олегъ дати воемъ на 2,000 корабль по 12 гривенъ на ключъ; и потомъ даяти уклады на Руськія грады, по тѣмъ бо градомъ сидяху князи подъ Олегомъ сущи; да приходяще Русь хлѣбное емлютъ, елико хотяще; а иже придутъ гости, да емлютъ мѣсячину на 6 мѣсяцъ, хлѣбъ“ и пр. Греки подтвердили всѣ эти условія словеснаго договора, а потому они и не вошли въ договоръ Олега 911 года. Итакъ, договоръ Игоря полнѣе, нежели договоръ Олега. Замѣтимъ касательно статей договора Игоря 945 года. Промежутокъ времени между 911 и 948 гг. былъ, само собою разумѣется, значительнѣе, нежели промежутокъ между 907 и 911 гг. Въ это время нѣкоторыя статьи могли быть нарушены, а съ другой стороны и сами Греки увидѣли невыгоды тѣхъ условій, которыя они заключили съ Русскими въ 911 году, находясь подъ вліяніемъ страха. Поэтому, хотя число статей договора и болѣе и самыя статьи подробнѣе, однако смыслъ ихъ болѣе или менѣе ограничивающій, сравнительно съ договоромъ Олега 911 года. Не разбирая всѣхъ статей Игорева договора, какъ или не относящихся къ нашему предмету, или уже извѣстныхъ изъ договора Олега, мы пересмотримъ только то, что указываетъ на незамѣченныя прежде стороны русскаго законодательства и общественнаго устройства.

1-е указаніе договора Игоря касается *значенія земщины* на Руси. Такъ, на первой страницѣ договора (Лавр. сп., стр. 24) мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ именъ пословъ, отправленныхъ въ Грецію для заключенія этого договора. Здѣсь, кромѣ пословъ отъ Игоря, отъ сына его Святослава, отъ княгини Ольги, мы встрѣчаемъ имена пословъ отъ Сфандры, жены Улѣбовой, отъ какой-то славянки Предславы, отъ знаменитыхъ дружинниковъ и отъ купцовъ. Изъ этого видно, что въ заключеніи договора участвовало все общество, что въ дѣлахъ

общественныхъ значеніе князя было ограничено, и рядомъ съ его властью, рука-объ-руку, шла власть земщины.

2-е указаніе касается *правъ и положенія русской женщины*. Въ договорѣ упоминаются послы отъ женщинъ—отъ Сфандры, жены Улѣбовой, и отъ Предславы. Изъ этого оффиціальнаго указанія мы видимъ, что женщины въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ имѣли не только семейное, но и чисто гражданское общественное значеніе. Общество признавало ихъ не только, какъ членовъ той, или другой семьи, но и какъ членовъ цѣлаго общества, до нѣкоторой степени равныхъ мужчинамъ. Въ этомъ указаніи заключается подтвержденіе 3-й статьи Олегова договора, въ которой значится, что жена могла имѣть имущество отдѣльно отъ имущества мужа. Въ договорѣ Игоря упомянуто, что жена можетъ имѣть не только отдѣльное имущество, но можетъ и распоряжаться имъ независимо отъ мужа, потому что послы отъ Сфандры и отъ Предславы могли быть не иначе, какъ по торговымъ дѣламъ; такимъ образомъ, мы здѣсь находимъ свидѣтельство не объ однихъ правахъ по имуществу, но и о правахъ личныхъ женщины на Руси. Женщины римскія и германскія всю жизнь были подъ опекой: незамужнія подъ опекой родителей, замужнія подъ опекой мужа, а вдовы подъ опекой сыновей. Русскія же женщины, напротивъ, находились подъ опекой только до выхода въ замужество, а вступивъ въ замужество, онѣ освобождались отъ всякой опеки. Что такимъ независимымъ положеніемъ пользовались не однѣ варяжскія женщины, но и славянскія, видно изъ того, что въ заключеніи договора участвовалъ посолъ отъ Предславы, конечно, Славянки, что можно заключить по ея имени. Кажется съ достовѣрностью можно сказать, что упоминаемая въ договорѣ Предслава была вдова, ибо объ ея мужѣ въ договорѣ ничего не упоминается, тогда какъ Сфандра прямо названа женою Улѣба. А вдова въ то время вполнѣ занимала мѣсто мужа; мужнинъ домъ становился ея собственностью и назывался ея именемъ. Она дѣлалась главою семейства, и, въ этомъ значеніи признанная обществомъ, пользовалась многими правами, какъ прямой, непосредственный членъ общины. Это, засвидѣтельствованное договоромъ, общественное значеніе русской женщины вполнѣ согласно со взглядомъ на женщину всего послѣдующаго русскаго законодательства. Такъ по Русской Правдѣ женщина по смерти мужа дѣлалась главою семьи, такъ что при ней семьѣ не назначалось ни опекуна, ни попечителя; жена по смерти мужа по своему усмотрѣнію управляла своимъ и мужнинымъ имѣньемъ и по возрастѣ дѣтей не отдавала въ своемъ управленіи никакого отчета. А по законодательству современному Судебникамъ, жена по смерти мужа принимала на себя и обязанности мужа въ отношеніи къ обществу, поскольку они не противорѣчили ея полу; такъ вдова даже несла воинскую службу, конечно, не лично, но высылкою въ походъ опредѣленнаго (по ея имѣнію) числа вооруженныхъ людей.

3-е указаніе касается *значенія бояръ*. Между боярами временъ Игоря были такіе значительные мужи, что посылали отъ себя особыхъ пословъ вмѣстѣ съ княжескими. Такъ, въ договорѣ упоминаются послы: Улѣбъ отъ Володислава, Прастенъ отъ Турда, Либіаръ отъ Фаста и др. Между боярами, отправлявшими пословъ, были и Славяне,

какъ напр. Володиславъ. Конечно, мы не можетъ признать этихъ бояръ чѣмъ-нибудь въ родѣ феодальныхъ бароновъ западной Европы, потому что прежде изложенныя изслѣдованія ясно доказываютъ, что феодализма у насъ не было и не могло быть, но тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что старѣйшіе изъ бояръ составляли сильную аристократію, имѣвшую свое значеніе независимо отъ службы князю, ибо если бы значеніе бояръ заключалось въ одной службѣ, то боярскія посольства не имѣли бы значенія при посольствѣ княжескомъ. Въ слѣдующемъ періодѣ, когда значеніе бояръ было ослаблено вліяніемъ княжеской власти, мы уже не видимъ особыхъ посольствъ отъ бояръ, равно какъ и отъ другихъ сословій земства. Такъ, во всѣхъ договорныхъ грамотахъ князей 2-го періода и въ подлинныхъ спискахъ посольствъ московскихъ государей нѣтъ нигдѣ и помину объ особыхъ послахъ отъ бояръ [1]). Поэтому одно простое сравненіе договорныхъ грамотъ перваго періода съ грамотами второго періода ясно показываетъ большую разницу въ общественномъ значеніи бояръ въ томъ и другомъ періодѣ. Изъ трехъ договорныхъ грамотъ перваго періода нѣтъ ни одной, которая бы писалась отъ имени одного князя безъ участія бояръ; даже въ самой краткой изъ нихъ—въ грамотѣ Святослава упоминается имя старшаго дружинника Свѣнельда, тогда какъ всѣ договорныя грамоты второго періода, за исключеніемъ новгородскихъ, писаны отъ имени одного князя. Нельзя предполагать, чтобы упоминаніе о боярахъ было внесено въ грамоты перваго періода Греками для большаго обезпеченія договорныхъ условій, ибо, какъ мы знаемъ, Греки не имѣли достаточныхъ свѣдѣній о значеніи бояръ на Руси. Доказательствомъ этому можетъ служить такъ называемый „обрядникъ греческаго двора“, составленный императоромъ Константиномъ Порфиророднымъ. Въ этомъ обрядникѣ читаемъ слѣдующее: *„Къ владѣтелю Россіи посылается граммата за золотою печатью въ два солида съ слѣдующимъ титуломъ: Граммата Константина и Романа, христолюбивыхъ государей римскихъ къ князю Россіи“*. Это была обычная форма, принятая византійскимъ дворомъ въ сношеніяхъ съ русскими князьями, и въ этой формѣ нѣтъ и помину о русскихъ боярахъ, посланіе титулуется къ одному только князю; изъ этого ясно, что Византійцамъ не было извѣстно важное значеніе бояръ на Руси. Слѣдовательно, упоминаніе о боярахъ въ договорахъ перваго періода принадлежитъ не Византійцамъ, а самимъ Русскимъ.

4-е указаніе касается *значенія купцовъ* въ русскомъ обществѣ. Изъ договора видно, что купцы, также какъ и бояре, участвовали вмѣстѣ съ княземъ въ договорахъ съ Греками и отправляли отъ себя по-

---

1) Договорная грамота князя Ѳедора Ростиславича Смоленскаго съ рижскимъ епископомъ, магистромъ и ратманами (1284) начинается словами *„Поклонъ отъ князя отъ Федора къ пископу и къ местеру и къ ратманамъ. Што будетъ намъ рѣчь съ пископомъ или съ местеромъ, то вѣдаемъ мы сами, а вашему гостеви путь будетъ чистъ“*. Или грамота 1330 года смоленскаго князя Ивана Александровича къ рижскому магистрату говоритъ: *„Се язъ князь великій смоленскій Иванъ Александровичъ, внукъ Глѣбовъ, докончалъ есмь съ братомъ своимъ, съ местеромъ съ рижскимъ и съ пискупомъ и съ рыдели и съ ратманы“*. Такимъ образомъ во всѣхъ дошедшихъ до насъ договорныхъ грамотахъ, начиная съ XIII в., нигдѣ не упоминается о боярахъ, какъ необходимыхъ участникахъ договора, и нигдѣ не встрѣчаются послы отъ бояръ вмѣстѣ съ послами князя.

словъ. Это свидѣтельство указываетъ на купцовъ не только, какъ на особое сословіе, но и какъ на людей, имѣвшихъ въ то время большую силу въ обществѣ. Во 2-мъ періодѣ, когда значеніе ихъ, какъ и всѣхъ другихъ сословій, уменьшилось, они не принимали никакого участія въ договорахъ съ иноземными государями. Такъ, смоленскія грамоты, хотя онѣ имѣли и торговыя цѣли, написаны отъ имени одного князя безъ участія смоленскихъ купцовъ, когда бы по всему слѣдовало быть тутъ купцамъ, такъ какъ дѣло главнымъ образомъ касалось до нихъ и по свидѣтельству грамоты 1229 года даже первоначально было ведено торговцами или купцами, какъ прямо сказано въ грамотѣ: *„пре сей миръ трудилися добріи люди: Рольфо изъ Кашеня, Божій дворянинъ и Тумаше Смольнянинъ, ажъ бы миръ былъ до вѣка“*. Это простое сравненіе договорныхъ грамотъ перваго и второго періодовъ ясно показываетъ, что купцы въ первомъ періодѣ пользовались высшимъ значеніемъ въ русскомъ обществѣ, каковаго уже не имѣли они впослѣдствіи.

5-е указаніе (находящееся въ 1-й ст. и въ заключеніи договора Игоря) свидѣтельствуетъ *о вѣротерпимости*, которою отличалось русское общество временъ Игоря. Въ договорѣ Руссы раздѣляются на крещеныхъ и некрещеныхъ. Въ 1-й статьѣ говорится: *„И иже помыслитъ отъ страны русскія разрушити таку любовь и елико ихъ крещеніе пріяли суть, да примутъ местъ отъ Бога Вседержителя.... а елико ихъ есть не хрещено, да не имутъ помощи отъ Бога, ни отъ Перуна“*. (Лавр. сп., стр. 24). Подобное же указаніе находится въ заключеніи договора, гдѣ говорится, что даже между русскими послами были *Христіане*. Такъ, утверждая договоръ клятвою, русскіе послы говорятъ: *„Мы же, елико насъ хрестилися есмы, кляхомся церковью святаго Иліи въ сборнѣй церкви и предлежащемъ честнымъ крестомъ и харатьею сею.... А не крещеная Русь полагаютъ щиты своя и мечь свои ноги, обручь свои и прочья оружья, да кленутся о всемъ, яже суть написана на харатьи сей“*. (Лавр. сп., стр. 27). Эта статья служитъ доказательствомъ того, что передъ тогдашнимъ русскимъ закономъ всѣ были равны, къ какой бы религіи кто ни принадлежалъ [1]). А это опять служитъ сильнымъ подтвержденіемъ тому, что русское общество сложилось и развилось подъ вліяніемъ общинныхъ началъ. Община, принимая въ свои члены всѣхъ безъ различія, не разбирая того, кто къ какому племени принадлежитъ, очевидно не обращала вниманія и на то, кто какую исповѣдывалъ вѣру, ибо при разноплеменности одновѣріе не представляетъ необходимаго условія для вступленія въ общество. При одноплеменности же и особенно при родовомъ устройствѣ общества разновѣріе рѣшительно невозможно.

---

1) На вѣротерпимость русскаго общества Игорева времени указываетъ и древній русскій пантеонъ, находившійся въ Кіевѣ противъ теремнаго дворца великаго князя. Въ этомъ пантеонѣ были боги всѣхъ племенъ славянскихъ, литовскихъ, финскихъ и др. При такой вѣротерпимости русскаго общества христіанская вѣра, какъ это видно изъ самаго договора, успѣшно распространялась на Руси, такъ что во время Игоря въ Кіевѣ была даже христіанская церковь Св. Иліи. Впрочемъ, это замѣчаніе о вѣротерпимости касается только жителей приднѣпровья, чего однако же нельзя сказать о другихъ мѣстностяхъ, напр. о Новгородѣ и др.

6-е указаніе свидѣтельствуетъ о существованіи въ первомъ періодѣ *письменныхъ документовъ*, выдававшихся правительствомъ частнымъ лицамъ. Во 2-й ст. договора говорится о *проѣзжихъ грамотахъ*, выдававшихся княземъ посламъ и купцамъ, отправлявшимся въ Грецію. Въ этой статьѣ говорится: *„Нынѣ же князь русскій разсудилъ посылать грамоты, въ которыхъ прописывалось бы, сколько кораблей послать, чтобы Греки по этому знали, съ миромъ ли приходятъ корабли“*. Очевидно, это была совершенная новость въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, ибо при Игорѣ же, какъ свидѣтельствуетъ та же статья договора, вмѣсто грамотъ употреблялись печати для пословъ золотыя, а для гостей серебряныя. Но была ли заимствована эта новость отъ Грековъ, мы не знаемъ, и въ договорѣ не только не сказано, что это сдѣлано по настоянію Грековъ, но даже прямо говорится противное, т. е. такъ разсудилъ самъ князь русскій. Что же касается до употребленія печатей, то это, кажется, было давнишнимъ обычаемъ Славянъ, ибо онѣ употреблялись и у Славянъ Дунайскихъ [1]).

7-е указаніе, заключающееся въ 5-й ст. договора, содержитъ въ себѣ *уголовные законы* Игорева времени о *разбойникахъ и ворахъ*. Въ статьѣ говорится: *„ежели кто изъ Русскихъ покусится отнять что-либо силою у нашихъ людей, и ежели успѣетъ въ этомъ, то будетъ жестоко наказанъ, а что взялъ, за то заплатитъ вдвое, а также и Грекъ приметъ ту же казнь, ежели то же сдѣлаетъ съ Русскимъ“*. (Лавр. сп., стр. 25). Эта статья соотвѣтствуетъ Русской Правдѣ, гдѣ сказано: *„за разбойника людіе не платятъ, но вдадятъ его и съ женою и съ дѣтьми на потокъ и на разграбленіе“*. Хотя слова договора *„будетъ жестоко наказанъ“* не опредѣляютъ собственно въ чемъ должна состоять казнь, слова же Русской Правды „вдадятъ на потокъ и на разграбленіе“ болѣе опредѣленны, тѣмъ не менѣе для того и другого закона остается одинъ и тотъ же смыслъ — строгое преслѣдованіе разбойниковъ. Самая же неточность и неопредѣленность статьи о разбойникахъ въ договорѣ Игоря произошла оттого, что наказанія, опредѣлявшіяся разбойникамъ по законамъ Греціи и Руси, были неодинаковы въ частностяхъ. Въ Греціи въ то время были въ большомъ ходу и уваженіи пытки, которыхъ мы не видимъ на Руси до XVI в. Но въ общихъ чертахъ законы о разбойникахъ въ Греціи и Руси были одинаковы—и въ Греціи, и въ Руси разбойники наказывались жестоко. Поэтому, обѣ договаривающіяся стороны и не нашли нужнымъ опредѣлять подробно, какому наказанію слѣдуетъ подвергать разбойниковъ, а условились только въ одномъ, чтобы разбойники были жестоко наказываемы, такъ какъ требовали того вообще законы Греціи и Руси: *„И то показненъ будетъ по закону гречьскому, по уставу и закону русскому“* (Лавр. сп., стр. 26), сказано въ договорѣ. Та же статья договора заключаетъ *законъ о ворахъ*. Сравнивая законъ о ворахъ по обоимъ договорамъ, мы находимъ, что въ Игорево время этотъ законъ подвергся значительной перемѣнѣ.

---

1) Объ этомъ свидѣтельствуетъ договоръ Болгарскаго царя Крума съ византійцами, писанный въ 715 году, гдѣ въ числѣ условій сказано, чтобы купцы по своимъ дѣламъ являлись не иначе, какъ съ грамотами и печатями, такъ что тѣ изъ нихъ, которые являются безъ печати, будутъ лишены своихъ товаровъ въ пользу казны.

Вмѣсто римскаго quadrupli (вчетверо), которое положено по Олегову договору, по Игореву договору воръ обязывался платить только вдвое, т. е. возвратить украденную вещь съ придачею цѣны ея, или же, если самая вещь не могла быть возвращена, — отдать двойную цѣну ея. Къ этимъ указаніямъ Игорева договора объ уголовныхъ законахъ того времени нужно присоединить свидѣтельство лѣтописи Нестора о томъ, что въ Игорево время назначалась особая вира съ разбойниковъ, которая опредѣлялась на оружіе и на коней князя.

Вотъ и всѣ законодательные памятники 1-го періода, которые сохранились до нашего времени. Были ли другіе писанные законы въ то время, этого мы не знаемъ; по всей выроятности ихъ не было, и обычное право вполнѣ замѣняло право положительное.

Оффиціальныя бумаги. Въ дополненіе къ полному изученію исторіи законодательства, необходимо изученіе оффиціальныхъ бумагъ, употреблявшихся въ то, или въ другое время. Оффиціальныя бумаги составляютъ необходимую часть законодательства и служатъ указаніемъ тому, какъ законъ приводится въ исполненіе и какъ прилагается къ тому, или другому случаю. Но къ сожалѣнію до насъ не дошло ни одной оффиціальной, или дѣловой бумаги отъ перваго періода, кромѣ договорныхъ грамотъ князей съ Греками.

По всему вѣроятію оффиціальныя, или дѣловыя бумаги, какъ документы того или другого права между частными лицами, или какъ выраженіе повелѣній правительства, существовали на Руси и въ первомъ періодѣ, по крайней мѣрѣ, начиная съ Олега и Игоря. Славянскія письмена, изобрѣтенныя Кирилломъ и Меѳодіемъ для Моравіи и Булгаріи, были уже извѣстны на Руси при Олегѣ, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ Олеговъ договоръ съ Греками, который не имѣлъ бы для себя мѣста, ежели бы славянскія письмена не были въ употребленіи на Руси. Притомъ въ договорахъ прямо упоминается о нѣкоторыхъ дѣловыхъ бумагахъ. Такъ въ Олеговомъ договорѣ упоминается о духовныхъ завѣщаніяхъ, которыми Руссы назначали себѣ наслѣдниковъ и распредѣляли имѣніе на случай смерти; завѣщанія сіи по свидѣтельству договора именно писались: *„кому будетъ писалъ наслѣдита имѣнье“*. А въ Игоревомъ договорѣ въ числѣ условій постановлено, что русскій князь обязывается давать отправляющимся въ Грецію Руссамъ грамоты съ прописаніемъ сколько посылается кораблей. Вѣроятно въ первомъ періодѣ были и другія дѣловыя бумаги, но мы въ настоящее время не можемъ знать ни формъ, въ которыхъ онѣ писались, ни всѣхъ случаевъ, въ которыхъ право утверждалось дѣловыми бумагами, или писанными документами.

ВЛІЯНІЕ ВАРЯГО-РУССКАГО ЭЛЕМЕНТА НА РАЗВИТІЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВЪ 1-мъ ПЕРІОДѢ.

Такимъ образомъ, памятники законодательства, дошедшіе до насъ отъ перваго періода, захватываютъ въ главныхъ чертахъ три главныхъ вида законодательства: право *государственное*, право *гражданское* и право *уголовное*. Конечно, узаконенія, замѣченныя сими памятниками, немногочисленны и отрывочны, — тѣмъ не менѣе изъ нихъ мы можемъ

видѣть тогдашній юридическій бытъ русскаго общества, довольно рѣзко отличающійся отъ быта того же общества въ слѣдующемъ періодѣ.

Относительно *государственнаго устройства* древней Руси, законы Олегова и Игорева времени свидѣтельствуютъ, что при первыхъ варяго-русскихъ князьяхъ до Владимира сохранялось еще старое устройство славянскихъ племенъ въ русской землѣ, т. е. рядомъ съ княземъ участвовали въ общественныхъ дѣлахъ лучшіе люди, держащіе землю, и вся земля, или народное вѣче. Варяго-русскіе князья оставили весь этотъ старый порядокъ неприкосновеннымъ и только сами стали выше прежнихъ племенныхъ князей и обратили ихъ въ своихъ подручниковъ, поставили ихъ въ первый рядъ лучшихъ мужей, держащихъ землю. Съ занятіемъ Приднѣпровья Олегомъ кіевскій русскій князь сталъ называться великимъ княземъ, а князья: древлянскій, туровскій, полотскій и другіе получили названіе свѣтлыхъ князей, состоящихъ подъ рукою великаго князя русскаго. Такимъ образомъ, власть великаго князя русскаго связала въ одно цѣлое разрозненныя прежде племена славянскія, явилась русская земля, включившая въ себѣ и кіевскую, и древлянскую, и полотскую, и сѣверянскую и другія земли славянскихъ племенъ на Руси; явилась верховная власть не племенная, а чисто государственная, вытекшая изъ сознанной необходимости естественныя племенныя власти подчинять высшей власти, несвязанной съ племенными началами и условливаемой чисто политическою потребностію водворить миръ и тишину, прекратить племенные раздоры, уничтожить старую рознь и создать новое единство. Далѣе этого верховная власть великаго князя русскаго не шла въ первый періодъ русскаго законодательства. Въ отношеніи къ государственному устройству этотъ періодъ былъ временемъ только внѣшняго объединенія славянскихъ племенъ на Руси,— во все это время ни верховная власть великаго князя, ни государственное устройство не имѣли иного смысла, кромѣ объединенія племенъ.

Но, ежели не много измѣнилось государственное устройство съ прибытіемъ варяго-русскихъ князей, то относительно законовъ, принадлежащихъ *къ гражданскому праву*, судя по договорамъ, мы замѣчаемъ еще менѣе измѣненій; такъ значеніе лица въ юридическомъ смыслѣ, юридическія отношенія членовъ семьи другъ къ другу, значеніе женщины, права имущественныя рѣшительно оставались прежнія, какія были у славянскихъ племенъ на Руси до прибытія варяго-русскихъ князей. Да не было и надобности въ какихъ либо измѣненіяхъ въ этомъ отдѣлѣ обычнаго права, ибо власть великаго князя нисколько не касалась старыхъ юридическихъ обычаевъ, относящихся къ частному праву. Конечно князь былъ верховный судья, но онъ обязанъ былъ судить по старымъ исконнымъ обычаямъ; притомъ князь судилъ не одинъ—на его судѣ всегда были судьи, представленные тяжущимися сторонами, называвшіеся судными мужами, а они были всегда хранителями юридическихъ преданій старины и врагами нововведеній въ дѣлѣ суда. Нельзя также опускать изъ вида, что измѣненія въ гражданскомъ правѣ возможны и удобны только тогда, когда въ общество входитъ новый, преобладающій элементъ, разъѣдающій или измѣняющій внутреннія основы юридическаго быта; въ русское же общество, съ прибытіемъ варяго-русскихъ князей, хотя и вошелъ новый эле-

ментъ—дружина, но этотъ элементъ въ первый періодъ законодательства не только не могъ подчинять себѣ земщину, оставаясь только на поверхности русскаго общества, но даже самъ мало по малу подчинялся вліянію земщины и измѣнялъ свой первоначальный ликъ, съ которымъ онъ вступилъ на русскую землю. Все это естественно вело къ тому, что въ первый періодъ русскаго законодательства, старые юридическіе обычаи относительно частнаго гражданскаго права оставались неприкосновенными.

Но далеко не такъ тверды и неприкосновенны были узаконенія, относящіяся до *уголовнаго права*. Царство кровавой мести, этотъ обычай всѣхъ первоначальныхъ обществъ, естественно должно было клониться къ упадку съ признаніемъ верховной власти великаго князя надъ всѣми славянскими племенами на Руси, призваннаго за тѣмъ, чтобы быть верховнымъ судьею, чтобы судъ совершался его именемъ. Судъ и месть, или самоуправство, не могутъ жить рядомъ, а посему уже въ Олеговомъ договорѣ мы встрѣчаемъ сильное ограниченіе кровавой мести.

Во первыхъ, по договору месть родственниковъ допускалась только тогда, когда судъ объявитъ кого виновнымъ въ убійствѣ, когда убійство будетъ доказано на судѣ. Такимъ образомъ, первое же слово русскаго закона было прямымъ отрицаніемъ самоуправства. Далѣе русскій уголовный законъ перваго періода для ослабленія мести указалъ путь, по которому можно было освободиться отъ мести; конечно путь этотъ былъ еще довольно грубъ и ненадеженъ, онъ состоялъ въ бѣгствѣ убійцы, тѣмъ не менѣе этотъ путь былъ уже принятъ подъ покровительство закона. По договору Олега, бѣжавшій убійца, ежели оставлялъ свое имѣніе въ удовлетвореніе родственниковъ убитаго, тѣмъ уже самымъ освобождался отъ преслѣдованія и родственники убитаго, взявши имущество оставленное для ихъ удовлетворенія, лишались уже права мстить убійцѣ. Наконецъ, при Игорѣ месть подверглась еще большему стѣсненію,—въ Игорево время узаконены были виры въ пользу княжей казны на содержаніе оружія и коней; слѣдовательно убійца, внесшій виру, т. е. пеню за убійство, былъ свободенъ отъ мести родственниковъ убитаго и не имѣлъ надобности спасаться бѣгствомъ, а долженъ былъ заплатить виру князю и удовлетворить родственниковъ убитаго опредѣленною платою изъ своего имущества. Въ какомъ количествѣ была эта плата, по дошедшимъ до насъ памятникамъ перваго періода, мы еще не знаемъ.

Во вторыхъ, по договору месть за личное оскорбленіе была уже вовсе уничтожена и замѣнена денежною пенею въ 6 литръ серебра, которые оскорбитель долженъ былъ отдать оскорбленному, конечно, по приговору суда. Ежели самоуправство было уничтожено въ дѣлахъ по убійствамъ, то, конечно, оно еще менѣе имѣло мѣсто въ дѣлахъ по личнымъ оскорбленіямъ.

Въ третьихъ, въ дѣлахъ по нарушенію правъ собственности самоуправство также уже не имѣло мѣста по новому русскому закону. Въ договорѣ Олега прямо сказано, что хозяинъ, заставшій вора на кражѣ, долженъ былъ связать его и по утру вести въ судъ, гдѣ воръ по закону наказывался платою въ четверо болѣе противъ покраденнаго. Ежели же хозяинъ, связавши пойманнаго вора, убивалъ его, то отвѣ-

чалъ по закону какъ убійца. Въ дѣлахъ по воровству законъ допускалъ самоуправство хозяина только въ такомъ случаѣ, когда воръ сталъ бы сопротивляться и не давалъ связать себя. Самоуправство, по Олегову закону, преслѣдовалось до того, что ежели бы хозяинъ вздумалъ насильно отыскивать въ чужомъ дому своихъ покраденныхъ вещей и при обыскѣ взялъ что либо насильно, то обязанъ былъ заплатить втрое. Наконецъ, по Игореву договору, въ дѣлахъ по нарушенію правъ собственности, было уже положено различіе между насильственнымъ отнятіемъ вещи и между кражею; насильственное отнятіе наказывалось съ особенною строгостію, за воровство же, вмѣсто Олегова закона—платить вчетверо, положена плата вдвое противъ покраденной вещи.

Такимъ образомъ, по свидѣтельству Олегова и Игорева договоровъ съ Греками, впродолженіе перваго періода исторіи русскаго законодательства подвергались преимущественному измѣненію законы, относящіеся къ уголовному праву, законы государственнаго права потерпѣли самое незначительное измѣненіе, законы же, относящіеся къ частному, гражданскому праву, остались почти безъ измѣненій, но совсѣмъ обратный порядокъ послѣдовалъ въ измѣненіи старыхъ узаконеній съ введеніемъ христіанства при Владимирѣ, но объ этомъ мы будемъ говорить при разсмотрѣніи второго періода русскаго законодательства.

Періодъ II.

Второй періодъ исторіи русскаго законодательства простирается отъ введенія христіанства до изданія судебника. Онъ раздѣляется на двѣ половины: I-я отъ введенія христіанства на Руси до монгольскаго ига (988—1237), II-я отъ монгольскаго ига до изданія судебника(1237—1497).

РАЗДѢЛЪ I.

(988—1237).

Принятіе Христіанства. Христіанство произвело огромное вліяніе на русское общество. Оно, такъ сказать, всколыхало его все до дна, начиная съ князя и кончая послѣднимъ челядиномъ. Съ введеніемъ Христіанства въ русскомъ обществѣ, къ прежнимъ элементамъ—славянскому и варяжскому—присоединился новый элементъ—византійскій въ лицѣ христіанской церкви и духовенства, пришедшихъ на Русь изъ Византіи. Христіанская вѣра вошла въ русское общество почти при тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ вступили въ него князья съ варяжскою дружиною, т. е. мирно, безъ насилія и происковъ, иными словами—по добровольному избранію князя, дружины и земщины, вслѣдствіе частыхъ сношеній съ Византійцами, познакомившимися съ христіанствомъ еще задолго до Владимира. Старая языческая религія отжила; она не представляла ни достаточныхъ условій для единства религіозной совѣсти смѣшаннаго народонаселенія Приднѣпровья, ни силы привязать къ себѣ разновѣрныхъ и разноплеменныхъ переселенцевъ. А эти переселенцы все болѣе и болѣе прибывали въ Приднѣпровье со временъ Аскольда и Дира. Этимъ упадкомъ языческой религіи и объясняется изумительная легкость, съ которой христіанство было принято въ Кіевѣ и во всемъ Приднѣпровьѣ. Одинаковыя обстоятельства, при которыхъ приглашены были варяго-русскіе князья и принято въ Византіи христіанство, поставили оба эти элемента почти въ одинаковыя отношенія къ славянской земщинѣ. Церковь и князь составили одну нераздѣльную власть, а духовенство и дружина сдѣлались главными орудіями этой власти. Первое дѣйствовало убѣжденіемъ и нравственнымъ вліяніемъ на прихожанъ, вторая—силою княжеской власти. Духовные, какъ пастыри и учителя народа, внушали людямъ евангельское ученіе и возвѣщали о божественномъ происхож-

деніи власти—„нѣсть власть, яже не отъ Бога", а дружинники, поставленные въ правители и судьи народа, чинили судъ и правду именемъ князя. Князья, съ своей стороны, были постоянными защитниками церкви [1]). Епископы нерѣдко были въ такихъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ князьями, что послѣдніе, будучи принуждены оставить свою область, брали съ собой и епископовъ [2]). Князья постоянно старались охранять церковь; почти о всѣхъ нихъ лѣтописи отзываются: *„воздия честь епископомъ и пресвитеромъ, излихо же любяще черноризцы, подаяе требованіе имъ"*.

Положеніе духовенства. Условія, при которыхъ христіанское духовенство вошло въ русское общество, а равно и гражданскія права его, какъ самостоятельнаго учрежденія въ обществѣ византійскомъ, дали ему свой особый гражданскій характеръ, которымъ оно рѣзко отличается отъ римскаго духовенства въ западно-европейскихъ государствахъ. Съ перваго взгляда отношенія русскаго духовенства къ византійскому кажутся одинаковыми съ отношеніями западнаго духовенства къ римскому. На Русь духовенство пришло отъ константинопольскаго патріарха и въ западныхъ государствахъ оно приходило отъ римскаго папы; русскіе митрополиты поставлялись константинопольскимъ патріархомъ, или съ его согласія, и на западѣ поставленіе епископовъ зависѣло отъ папы, но сходство только этимъ и ограничивается. Патріархъ константинопольскій далеко не имѣлъ того гражданскаго значенія въ Византійской имперіи, которымъ пользовался римскій папа на западѣ, а потому не имѣлъ и той гражданской власти надъ своими митрополитами, какая была у папы надъ своими архіепископами. Митрополитъ русскій, получивъ посвященіе отъ константинопольскаго патріарха, уже болѣе не зависѣлъ отъ него и всѣ дѣла русской церкви рѣшалъ самъ вмѣстѣ съ церковнымъ соборомъ, по церковнымъ правиламъ и опредѣленіе своего суда не препровождалъ на утвержденіе патріарха. Послѣдній посылалъ ему грамоты за свинцовою печатью, которыхъ по византійскому этикету удостоивались только коронованныя лица и патріархи. Впрочемъ, въ рѣдкихъ случаяхъ недоразумѣнія по церковнымъ дѣламъ, русскій митрополитъ иногда спрашивалъ разрѣшенія константинопольскаго патріарха и даже самъ ѣздилъ въ Константинополь и участвовалъ въ тамошнихъ соборахъ. Право посвящать митрополита, хотя и принадлежало константинопольскому патріарху, но великій князь русскій могъ принять и не принять посвященнаго и даже предлагать для посвященія другого. То же право имѣли удѣльные князья по отношенію къ русскому митрополиту при посвященіи епископовъ. Для опредѣленія правъ русской церкви, какъ самостоятельнаго учрежденія въ русскомъ гражданскомъ обществѣ, при введеніи христіанства былъ принятъ дѣйствующимъ узаконеніемъ греческій Номоканонъ. Этотъ законъ охватывалъ въ

---

1) Въ 1071 году, когда весь Новгородъ перешелъ на сторону какого-то волхва и хотѣлъ обратиться снова къ язычеству, то князь Глѣбъ съ своею дружиною принялъ сторону церкви и собственноручно убилъ волхва.

2) Въ 1149 году, Изяславъ, оставляя Кіевъ, взялъ съ собою и митрополита Клима.—Въ 1216 году, Юрій Всеволодовичъ послѣ Липецкой битвы, оставляя Владиміръ, взялъ съ собою и владимирскаго епископа Симона и повезъ его съ своимъ семействомъ въ Радиловъ городокъ.

Греціи не только церковную жизнь, но и гражданскую, такъ какъ въ немъ, на ряду съ правилами чисто церковными, опредѣлялись отношенія церкви къ обществу и отношенія духовенства къ императору и народу; но такъ какъ жизнь русскаго общества во многомъ отличалась отъ общественной жизни Греціи, то вскорѣ оказалось, что Номоканонъ не могъ быть весь, цѣликомъ принятъ русскимъ обществомъ. Номоканонъ послужилъ основаніемъ только въ дѣлахъ чисто церковныхъ, но въ дѣлахъ, по которымъ церковь является членомъ гражданскаго русскаго общества, руководились уставами, издававшимися русскими князьями. Въ этихъ уставахъ опредѣлялись гражданскія права и привиллегіи духовенства, согласно съ тѣми отношеніями, въ которыхъ духовенство находилось къ русскому обществу; таковыхъ уставовъ, изданныхъ до XIII в., до насъ дошло семь.

Первый изъ нихъ *церковный уставъ Владимира* опредѣляетъ: во первыхъ, церковную десятину во всей русской землѣ, отъ княжаго суда, отъ торговыхъ пошлинъ, отъ княжихъ домовъ, стадъ, урожаевъ съ княжескихъ полей и пр.; во вторыхъ, церковные суды, къ которымъ были отнесены всѣ дѣла по нарушенію правилъ Церкви и судъ по тяжбамъ о наслѣдствѣ; въ третьихъ, епископамъ предоставляетъ надзоръ за торговыми вѣсами и мѣрами и проистекающіе отъ него доходы, и въ четвертыхъ, опредѣляетъ, какіе люди должны быть подвѣдомственны церкви и епископамъ.

Второй уставъ *„о судахъ церковныхъ“* былъ изданъ Ярославомъ, на основаніи устава Владимира; но Ярославъ, вмѣсто десятины отъ всѣхъ княжихъ судовъ, опредѣляетъ на духовенство только извѣстные случаи княжаго суда съ точнымъ указаніемъ, сколько пени отъ извѣстной вины получать епископу; въ судахъ же чисто церковныхъ назначеніе пени предоставлялось самому епископу.

Прочіе уставы носятъ мѣстный характеръ, таковы: *„Уставъ Мстислава Великаго, два устава Всеволода Мстиславича, уставъ Ростислава смоленскаго и уставъ Святослава новгородскаго.* Третій уставъ, данный Мстиславомъ Владимировичемъ въ 1128 году, относится собственно къ Юрьеву, новгородскому монастырю. Этимъ уставомъ предоставляется монастырю волость Буецъ съ данью, вирами и продажами, вѣно Вотьское и наконецъ осенье полюдье. Четвертый уставъ (1132—1135) принадлежитъ Всеволоду Мстиславичу. Этимъ уставомъ новгород. церковь св. Іоанна Предтечи на Опокахъ получила себѣ въ приходъ ивановскую купеческую общину; также въ пользу церкви назначенъ былъ вощаной вѣсъ въ Новгородѣ и половина вощаного вѣса въ Торжкѣ. Пятый уставъ принадлежитъ тому же Всеволоду и извѣстенъ подъ именемъ устава *„о судѣхъ церковныхъ“*. Этотъ уставъ опредѣляетъ десятину и суды церковные для Софійской новгородской епископіи и церкви на основаніи устава Владимира.—Шестой уставъ принадлежитъ князю Ростиславу Мстиславичу смоленскому (1125—1159). Въ немъ опредѣлено: какія дѣла подлежатъ суду епископскому и съ какихъ княжихъ доходовъ должна итти десятина на церковь, причемъ изъ десятины исключены—продажа, вира и полюдье. Въ этомъ же уставѣ князь утверждаетъ за церковью нѣсколько селъ, озеръ, луговъ и другихъ угодій.—Седьмой уставъ данъ въ 1137 году Святославомъ Ольговичемъ новгородскимъ Софійскому собору. Въ этомъ уставѣ Святославъ Оль-

говичъ назначаетъ новгородскому архіерею получать, вмѣсто десятины отъ виръ и продажъ, опредѣленное количество денегъ изъ казны княжеской, именно 100 гривенъ, и сверхъ того съ разныхъ мѣстъ новгородскихъ владѣній опредѣленное количество вещей извѣстнаго рода, или денегъ.

Изъ этихъ уставовъ видно, что русская церковь и духовенство, какъ отдѣльное учрежденіе въ обществѣ, имѣли свои гражданскія права. Послѣднія не только отличались отъ гражданскихъ правъ церкви въ Греціи, но даже въ самой Россіи въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ духовенство имѣло не одинаковыя права. Такимъ образомъ, греческій Номоканонъ постепенно измѣнялся и пополнялся на Руси. Впрочемъ, эти измѣненія касались только частностей; въ основаніяхъ же своихъ онъ оставался такимъ же, какимъ вышелъ изъ Греціи. Равнымъ образомъ и отношенія Церкви къ обществу, не смотря на то, что каждое княжество имѣло свои мѣстные уставы, были почти повсемѣстно одинаковы. Номоканонъ раздѣлялся на двѣ части. Первая его часть, заключающая въ себѣ собственно церковные законы, не потерпѣла никакого измѣненія, вторая же, опредѣляющая отношенія церкви къ обществу, во многомъ измѣнилась.

Духовное вѣдомство. Духовное вѣдомство въ русскомъ обществѣ составляли: 1) митрополитъ, представитель русской церкви, 2) епископы, 3) монастыри, 4) бѣлое духовенство, т. е. священники, діаконы и весь церковный причетъ съ ихъ семействами, 5) благотворительныя заведенія: пріюты, странно-пріимные дома, больницы и т. п.; вмѣстѣ съ благотворительными заведеніями церкви были подчинены: паломники, т. е. люди, отправляющіеся на поклоненіе св. мѣстамъ въ Палестину, прощенники, т. е. получившіе исцѣленіе по молитвамъ Церкви, также хромцы, слѣпцы, калѣки, уроды и др. Духовенству были подвѣдомственны также лѣкаря и задушные люди. Лѣкаря были причислены сюда потому, что во времена язычества искусство врачеванія было соединено съ колдовствомъ; поэтому духовенство должно было обратить на него особенное вниманіе. Кромѣ того, въ числѣ церковныхъ людей значились изгои, т. е. всѣ тѣ, которые почему-либо не попали въ свѣтскія общины. Эти люди населяли особыя улицы и состояли въ вѣдѣніи епископа. Къ нимъ принадлежали: a) рабы, вышедшіе на волю и не приписанные ни къ какому обществу; b) дѣти духовныхъ, неспособные по безграмотству исполнять какую-либо должность въ клирѣ; c) несостоятельные должники; d) всѣ безпріютные — вдовы, сироты и т. п. Вообще церковь приняла на свое попеченіе всѣхъ тѣхъ, которыхъ свѣтскія общества не брали подъ свою опеку. Всѣ подвѣдомственныя духовенству лица и учрежденія находились въ вѣдѣніи церковнаго суда и управы и составляли одну громадную общину, состоявшую подъ управленіемъ или митрополита и епископовъ, или же монастырей, если эти лица и учрежденія существовали на монастырской землѣ и на монастырскій счетъ.— Теперь разсмотримъ въ отдѣльности составъ духовенства и подвѣдомственныя ему лица и учрежденія.

Составъ духовенства: 1) *Митрополитъ* былъ правителемъ русской церкви. Ему были подчинены епископы и все русское духовенство. Онъ имѣлъ большія поземельныя владѣнія и даже города, получалъ огромные доходы отъ десятины и отъ судныхъ дѣлъ; кромѣ того, онъ

получалъ дань и пошлины со всѣхъ подчиненныхъ ему церквей и причтовъ [1]). Уваженіе къ нему русскаго общества было очень велико,—князья называли его не иначе, какъ своимъ отцемъ. Но все это не доставляло митрополиту власти болѣе той, какая была ему предоставлена церковными правилами и уставами князей. До монгольскаго ига всѣ митрополиты, кромѣ Иларіона и Климента, были Греки, присылавшіеся константинопольскимъ патріархомъ. Ясно, что они не могли имѣть другихъ связей съ русскимъ обществомъ, кромѣ служебныхъ; притомъ, отъ князя всегда зависѣло—принять, или не принять митрополита. Все это ставило послѣдняго въ положеніе не очень сильное и вліятельное. Но такое положеніе митрополитовъ не препятствовало имъ принимать большое участіе въ общественныхъ дѣлахъ Россіи и имѣть на нихъ сильное вліяніе, ибо уваженіе къ высокому сану и ревностное служеніе церкви сильно дѣйствовало на князей и народъ. Лѣтописи представляютъ много случаевъ, свидѣтельствующихъ о сильномъ вліяніи митрополита на дѣла общественныя. Лѣтописи говорятъ о значеніи митрополитовъ слѣдующее: Митрополитъ Леонтій черезъ епископовъ и старцевъ убѣждалъ Владимира святого возстановить законъ о казни разбойниковъ. Митрополитъ Ефремъ обвелъ Перемышль каменными стѣнами; въ 1097 году митрополитъ Николай ходилъ въ станъ Владимира Мономаха и Святославичей, осаждавшихъ Кіевъ, и убѣдилъ ихъ заключить миръ съ кіевскимъ княземъ Святополкомъ; въ 1100 году этотъ же митрополитъ убѣдилъ Святополка снять оковы съ плѣннаго князя Ярослава Ярополковича и заключить съ нимъ миръ. До насъ дошло посланіе митрополита Никифора I къ Владимиру Мономаху, въ которомъ онъ научаетъ князя удалиться злыхъ совѣтниковъ и клеветниковъ и внимательнѣе разсматривать дѣла тѣхъ, которые осуждены и изгнаны по клеветамъ. Это посланіе свидѣтельствуетъ, что митрополитъ Никифоръ наблюдалъ и за судомъ княжескимъ. Въ 1135 году митрополитъ Михаилъ ѣздилъ въ Новгородъ усмирять происходившія тамъ волненія въ народѣ и удержать новгородскаго князя Всеволода Мстиславича отъ войны съ княземъ суздальскимъ. Въ 1136 году тотъ же митрополитъ помирилъ князя Ярополка съ племянникомъ его Мстиславомъ и съ князьями черниговскими; въ 1138 году тотъ же митрополитъ былъ посылаемъ Вячеславомъ кіевскимъ заключить миръ съ Всеволодомъ Ольговичемъ; въ 1147 году митрополитъ Климентъ убѣждалъ Изяслава Мстиславича кіевскаго не воевать съ Ольговичами и съ Юріемъ Долгорукимъ, и въ томъ же году Изяславъ писалъ къ митрополиту Клименту, чтобы онъ созвалъ Кіевлянъ и объявилъ имъ объ измѣнѣ князей черниговскихъ, потомъ Климентъ усмирилъ мятежъ Кіевлянъ, убившихъ Игоря Ольговича. Въ 1161 г. митропол. Ѳеодоръ примирилъ кіевскаго князя Ростислава Мстиславича съ черниговскимъ княземъ Святославомъ Ольговичемъ. Въ 1189 г. митроп. Никифоръ II поднялъ Кіевлянъ и черниговскаго князя на Венгровъ для изгнанія ихъ изъ галицкихъ владѣній. Въ 1196 г. митрополитъ Никифоръ II

---

1) Между пошлинами митрополичьими въ актахъ того времени упоминается повѣнечная, т. е. пошлина отъ браковъ, поѣздъ или заѣздъ, т. е. пошлины собираемыя на митрополита его заѣздниками, и вѣроятно друг., встрѣчающіяся въ позднѣйшихъ памятникахъ.

далъ совѣтъ кіевскому князю Рюрику Ростиславичу взять у Романа Волынскаго пять городовъ, которые просилъ у Рюрика Всеволодъ Юрьевичъ Суздальскій. Въ 1210 г. митрополитъ Матвѣй, по просьбѣ черниговскихъ князей, ходилъ во Владимиръ къ Всеволоду Юрьевичу, чтобы примирить его съ ними, въ чемъ и успѣлъ совершенно. По его убѣжденію Всеволодъ цѣловалъ крестъ черниговскимъ князьямъ. Въ 1226 году тотъ же митрополитъ остановилъ походъ Юрія Всеволодовича владимирскаго и Михаила черниговскаго противъ Олега курскаго и убѣдилъ ихъ заключить миръ. Въ 1230 г. онъ же остановилъ войну между Михаиломъ черниговскимъ и Ярославомъ переяславскимъ; а въ 1250 г. примирилъ Даніила Романовича съ королемъ Венгерскимъ.

Митрополиты во всѣхъ междуусобіяхъ князей являются примирителями ихъ. Они отправляли къ князьямъ посланія, въ которыхъ именемъ Божіимъ просили прекратить междуусобія и исправиться нравственно. Но строгіе къ князьямъ, они были строги и къ народу и часто отправляли свои посланія въ города, возмутившіеся противъ князя, и смиряли ихъ. Бывали даже случаи, когда они подымали князей на защиту русской земли. Впрочемъ, вліяніе митрополита на дѣла общественныя было только нравственное и вполнѣ обусловливалось его личностью, но не имѣло еще юридической опредѣленности, потому что тогдашняя общественная жизнь не была еще на столько выработана, чтобы могла опредѣлить, въ какихъ именно дѣлахъ и какое участіе могъ принимать митрополитъ. Наши митрополиты не походили на латинскихъ архіепископовъ; они не были князьями, не имѣли замковъ и войскъ. Впослѣдствіи митрополиты хотя и имѣли свои отряды войскъ, но они имѣли ихъ не какъ митрополиты, а какъ землевладѣльцы и отряды ихъ не имѣли своего знамени, а стояли подъ княжескимъ. Исключеніе изъ этого составлялъ новгородскій епископъ; они не чеканили монету. Митрополиты вообще не имѣли аттрибутовъ княжеской власти и тѣхъ привиллегій, какими пользовались латинскіе епископы. Всѣ права ихъ ограничивались вѣдѣніемъ тѣхъ лицъ и учрежденій, которыя принадлежали церкви, но за то въ эту область никто уже не могъ вмѣшиваться. Здѣсь митрополитъ былъ компетентнымъ судьею и въ дѣлахъ церковныхъ жаловаться на него можно было только патріарху константинопольскому. Таково было положеніе русскихъ митрополитовъ до монгольскаго ига.

2) *Епископы*, въ разныхъ удѣльныхъ княжествахъ, хотя и были подчинены митрополиту, но это подчиненіе было слабо и высказывалось только тогда, когда на епископа приносились жалобы митрополиту княземъ, или народомъ. Въ дѣлахъ же общественныхъ, мірскихъ, вліяніе епископа нерѣдко было сильнѣе вліянія митрополита. Это происходило оттого, что епископы, большею частію, избирались князьями и народомъ и преимущественно изъ русскихъ иноковъ и притомъ иногда изъ значительныхъ фамилій. Все это ставило ихъ въ положеніе болѣе твердое, нежели положеніе митрополитовъ, присылавшихся изъ Византіи. Епископы изъ русскихъ иноковъ имѣли то преимущество передъ митрополитами, что они еще до полученія епископскаго сана пользовались большимъ вліяніемъ на соотечественниковъ, или по своимъ связямъ, или по своей примѣрной жизни, способствовавшей къ достиженію епископства. Все это давало епископамъ сильное обще-

ственное значеніе въ ихъ епархіяхъ, особенно въ Новгородѣ, гдѣ уже въ началѣ XII в. епископъ сдѣлался важнымъ политическимъ лицемъ: принималъ сильное участіе въ дѣлахъ новгородскаго управленія и даже пользовался вліяніемъ за предѣлами Новгорода. Епископъ новгородскій принадлежалъ къ выборнымъ властямъ и былъ первымъ лицемъ послѣ князя. Онъ имѣлъ своихъ бояръ и свои полки ратныхъ людей съ своимъ знаменемъ и начальниками. Полки эти не только содержались на его счетъ, но и состояли въ полномъ его распоряженіи. Значеніе епископа, а впослѣдствіи архіепископа, въ общихъ дѣлахъ было такъ велико, что безъ его благословенія не принималось ни одно важное общественное дѣло. Архіепископы даже участвовали во всѣхъ сношеніяхъ какъ съ русскими князьями, такъ и съ иноземными государями и всѣ новгородскія грамоты подписывались архіепископомъ и утверждались его печатью. Онѣ обыкновенно начинались такъ: „*благословеніе отъ владыки, поклонъ отъ посадника*". Подобное положеніе занималъ архіепископъ и въ Полоцкѣ. До насъ дошли договорныя грамоты Новгорода съ Швеціей и другими странами и Полоцка съ Ригою. Изъ нихъ мы видимъ, что главнымъ участникомъ въ общественныхъ дѣлахъ былъ архіепископъ. Иностранные государи обращались въ своихъ грамотахъ къ новгородскому архіепископу прямо, какъ къ народному представителю, и ставили впереди своихъ грамотъ его имя. Такъ, въ Орѣховскомъ договорѣ Новгородцевъ съ Норвегіею, заключенномъ въ 1326 году, посолъ короля Магнуса писалъ въ договорной грамотѣ, что онъ заключилъ миръ между Норвегіей и Новгородомъ съ епископомъ новгородскимъ Моѵсеемъ, съ посадникомъ Варѳоломеемъ и тысяцкимъ Ефстафіемъ и со всѣми новгородцами. Князья управляли Новгородомъ не иначе, какъ при участіи архіепископа и посадниковъ. Посему нерѣдко архіепископы ѣздили вмѣстѣ съ посадниками къ князю для разсужденія о какомъ нибудь общественномъ дѣлѣ. Архіепископы также отправлялись приглашать князей въ Новгородъ и предлагали имъ условія княженія. Такимъ образомъ, всѣми общественными интересами Новгородцевъ завѣдывали архіепископы [1]. Но такое положеніе послѣднихъ, конечно, исключительное.

Епископы пругихъ удѣльныхъ русскихъ княжествъ, хотя не имѣли того политическаго значенія, какимъ пользовался архіепископъ нов-

1) Въ 1135 году новгородскій епископъ Нифонтъ ѣздилъ съ новгородскими послами въ Кіевъ и участвовалъ въ примиреніи Кіевлянъ и Черниговцевъ. Онъ же въ 1136 году запретилъ новгородскимъ священникамъ вѣнчать Святослава Ольговича; въ 1141 году онъ уже съ посольствомъ новгородскимъ ѣздилъ въ Кіевъ къ Всеволоду Ольговичу и настоялъ, чтобы отпустить въ Новгородъ княземъ Святополка, а въ 1148 г. онъ ѣздилъ посольствомъ въ Суздаль смирить Юрія Долгорукаго съ новгородцами и убѣдилъ его отпустить задержанныхъ въ Суздалѣ Новоторжцевъ и новгородскихъ купцевъ. Въ 1154 г. ѣздилъ съ посольствомъ къ Юрію Догорукому звать въ князья Юрьева сына Мстислава. Съ 1165 г. епископы новгородскіе по ходатайству митрополита получили санъ архіепископовъ, но это, впрочемъ, нисколько не измѣнило ихъ прежнихъ гражданскихъ отношеній. Въ 1173 г. архіепископъ Илья ходилъ посольствомъ къ Андрею Боголюбскому для заключенія мирнаго договора съ Новгородомъ. Въ 1199 г. суздальскій князь Всеволодъ Юрьевичъ вызывалъ къ себѣ архіепископа новгородскаго Мортирія вмѣстѣ съ посадникомъ Морошкою для разсужденія объ устройствѣ общественныхъ дѣлъ въ Новгородѣ. Въ 1222 г. архіепископъ Митрофанъ ходилъ во Владиміръ просить у Юрія Всеволодовича въ князья сына его Всеволода.

городскій, но тѣмъ не менѣе ихъ вліяніе на общественныя дѣла своей области было сильнѣе, чѣмъ вліяніе митрополита на всю русскую землю. Лѣтописи нерѣдко упоминаютъ объ участіи епископовъ въ дѣлахъ общественныхъ, а также объ ихъ средствахъ и важномъ значеніи. Епископы всегда являются первыми лицами послѣ князей, такъ что послѣдніе, отъѣзжая изъ княжества, всегда поручали временное управленіе дѣлами мѣстному епископу. Такъ, въ 1237 году, Юрій Всеволодовичъ, уѣзжая изъ Владимира набирать войско противъ Татаръ, оставилъ вмѣсто себя во Владимирѣ епископа Митрофана съ своими сыновьями — Владимиромъ и Мстиславомъ и съ воеводою Петромъ Ослядюковичемъ [1]). Общественную, чисто политическую дѣятельность епископовъ, какъ защитниковъ и ходатаевъ своей области, мы встрѣчаемъ въ лѣтописныхъ свидѣтельствахъ о рязанскомъ епископѣ Арсеніѣ, который въ 1207 году нѣсколько разъ посылалъ къ великому князю Всеволоду Юрьевичу пословъ съ мольбою, чтобы тотъ перестал опустошать рязанскія владѣнія, потомъ нашелъ князя на дорогѣ отъ Коломны и не переставалъ ревностно защищалъ рязанскую землю до тѣхъ поръ, пока самъ не былъ схваченъ Ярославомъ Всеволодовичемъ и отвезенъ плѣнникомъ во Владимиръ. Нерѣдко епископы ѣзжали посланниками отъ своего князя къ другимъ князьямъ. Впрочемъ, вліяніе ихъ было, за исключеніемъ Новгорода и Полоцка, болѣе нравственное, вытекающее изъ личности и не опредѣленное государственными законами.

3) *Монастыри.* За епископами, по своему значенію, слѣдовали монастыри. Они появились на Руси вмѣстѣ съ введеніемъ христіанства и уже въ XI в. число ихъ возрасло до значительной цыфры, такъ что не было почти города, въ которомъ бы не насчитывали одного, или нѣсколькихъ монастырей. Въ Кіевѣ въ XIII вѣкѣ ихъ было до семнадцати, а въ Новгородѣ — до двадцати двухъ. Въ монастыряхъ, преимущественно, сосредоточивались просвѣщеніе и ученость того времени; они же дали русскому обществу первыхъ писателей и знаменитѣйшихъ епископовъ. Такъ, самъ Несторъ, отецъ нашей исторіи, былъ инокомъ печерской Лавры [2]); иноческіе подвиги, которые совершали тогда всѣ посвятившіе себя иноческой жизни, приводили въ монастыри не только простой народъ, но и великихъ князей. Такъ, великій князь Изяславъ приходилъ въ печерскую лавру просить поставленія и благословенія у инока Антонія. То же дѣлали князья Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, отправляясь въ 1067 го-

---

1) Владимиръ Васильевичъ, уѣзжая изъ Владимира, оставилъ тамъ, вмѣсто себя, епископа Марка; въ лѣтописи князь прямо говоритъ: „Се мене мѣсто пископъ Маркъ“.

2) Митрополитъ Климентъ Смольнянинъ, названный въ лѣтописяхъ книжникомъ и философомъ, также былъ воспитанникомъ какого-то монастыря въ Смоленскѣ. Епископъ Суздальскій Симонъ и инокъ Поликарпъ извѣстны своею превосходною перепискою другъ съ другомъ, неправильно названною печерскимъ Патерикомъ, были постриженниками и воспитанниками Кіево-Печерскаго монастыря Симонъ въ своемъ посланіи къ Поликарпу пишетъ, что въ его времена было уже болѣе 50 постриженниковъ Печерскаго монастыря на епископскихъ кафедрахъ и въ числѣ ихъ Леонтій, просвѣтитель Ростовской страны и знаменитый Нифонтъ новгородскій, названный въ лѣтописи поборникомъ по русской землѣ.

ду въ походъ на Половцевъ [1]). Въ монастыри нерѣдко поступали бояре и князья. Они дѣлали большіе вклады въ монастырскую казну и дарили цѣлыя имѣнія. Частію этими пожертвованіями [2]), а частію и покупкою составлялись у нѣкоторыхъ монастырей большія поземельныя владѣнія [3]); монастыри въ давнее время, особенно въ сѣверной Россіи, имѣли значеніе колоній. Пустынники, отправлявшіеся въ тѣ страны, расчищали лѣса и устраивали скиты, около которыхъ собирались цѣлыя селенія. Такимъ образомъ, пустынныя мѣстности Вятки и Перми были заселены при помощи монастырской колонизаціи. Въ этомъ отношеніи монастыри были совершенно въ духѣ русскихъ общинъ, характеристической чертой которыхъ было также стремленіе къ колонизаціи. Начальники монастырей, игумены и архимандриты, подобно епископамъ, имѣли большое вліяніе на общественныя дѣла, они дѣйствовали на общественное мнѣніе русскаго общества и на самихъ князей своими посланіями; но значеніе ихъ въ общественныхъ дѣлахъ было только нравственное, личное.

4) *Бѣлое духовенство.* Къ нему причислялись священники, діаконы и причетники. Бѣлое духовенство на Руси никогда не составляло отдѣльной, замкнутой касты; въ него могли поступать, точно также какъ и въ монастыри, люди всѣхъ званій, а дѣти духовныхъ имѣли право до посвященія въ духовную должность переходить въ какое угодно званіе [4]). Непремѣннымъ условіемъ для поступленія въ духовное званіе была грамотность, что соблюдалось такъ строго, что неграмотныя дѣти духовныхъ не могли получить духовной должности и причислялись къ изгоямъ. Чтобы приготовить людей, способныхъ

---

1) Великій князь Святополкъ передъ всякимъ походомъ приходилъ въ Печерскій монастырь и самъ несъ въ могилу Прохора черноризца. О великомъ князѣ Ростиславѣ Мстиславичѣ лѣтопись говоритъ, что онъ каждогодно въ Великій постъ по субботамъ и воскресеньямъ принималъ къ себѣ по 12 человѣкъ печерскихъ иноковъ съ игуменомъ Поликарпомъ. О Давидѣ Ростиславичѣ Смоленскомъ сказано, что онъ, пріѣхавши въ Кіевъ, созвалъ къ себѣ на обѣдъ иноковъ изо-всѣхъ кіевскихъ монастырей. Умирающаго Ѳеодосія Печерскаго навѣщалъ самъ великій князь Святославъ.

2) Кіево-печерскій монастырь владѣлъ волостями: Небльскою, Деревьскою и Лучскою около Кіева, которыя были ему пожертвованы княземъ Ярополкомъ Изяславичемъ.

3) Монастыри иногда покупали недвижимыя имѣнія и сами начальники монастырей—игумены или архимандриты—нерѣдко принимали дѣятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Такъ, игуменъ печерскій Ѳеодосій не признавалъ Святослава кіевскимъ княземъ и, въ то время, какъ Святославъ уже владѣлъ Кіевомъ, въ Печерскомъ монастырѣ на эктеніяхъ поминали кіевскимъ княземъ Изяслава. Григорій, игуменъ Андреевскаго монастыря, въ 1128 году настоялъ своими убѣжденіями, чтобы Мстиславъ Великій заключилъ миръ съ Всеволодомъ Ольговичемъ Черниговскимъ. Игуменъ Діонисій въ 1135 году правилъ посольство отъ Черниговскихъ князей къ Всеволоду Юрьевичу Владимирскому и убѣдилъ его оставить походъ на Черниговскія владѣнія. Въ 1148 г. печерскій игуменъ Ѳеодосій участвовалъ въ посольствѣ, которое Изяславъ Мстиславичъ отправилъ къ князьямъ черниговскимъ.

4) По народнымъ былинамъ мы знаемъ Алешу Поповича въ числѣ богатырей Владимира. Въ новгородской лѣтописи подъ 1216 годомъ въ числѣ воиновъ, убитыхъ на Липецкомъ побоищѣ, упоминается Иванко Поповичъ. Подъ 1240 годомъ лѣтопись упоминаетъ о внукѣ одного священника—Судьичѣ, который былъ бояриномъ въ Галичѣ и вмѣстѣ съ другимъ бояриномъ владѣлъ Бакотою и всѣмъ Понизьемъ (нынѣшняя Подолія).

къ занятію должностей въ клирѣ, еще при Владимирѣ Св. основано было училище, въ которое поступали люди всѣхъ званій. Епископы обыкновенно поставляли въ священники людей, выбранныхъ прихожанами, но, конечно, только въ такомъ случаѣ, если выбранный достаточно зналъ грамоту. Такимъ образомъ, все значеніе епископовъ въ этомъ дѣлѣ ограничивалось испытаніемъ и посвященіемъ выбраннаго въ священники. Бѣлое духовенство жило обыкновенно около церквей на земляхъ, принадлежавшихъ церкви, и содержалось доходами, получаемыми съ прихожанъ за отправленіе разныхъ церковныхъ требъ, а также жалованьемъ отъ князя, или другого частнаго лица, на землѣ котораго была выстроена церковь. Въ извѣстныхъ вопросахъ Кирилла къ епископу новгородскому Нифонту мы уже въ XII в. встрѣчаемъ исчисленіе нѣкоторыхъ доходовъ отъ церковной службы, напр. *„а за упокой аще веляше служить сорокоустья — за гривну пятью служите, а не шесть кунъ — одиного на 12 кунъ двацце и како моги“*. Въ церквахъ, имѣвшихъ особыя привиллегіи и пользовавшихся какими-либо общественными доходами, и священники и дьяконы и причетники получали извѣстные оброки изъ церковныхъ доходовъ, напр. во Всеволодовомъ уставѣ, данномъ церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ, сказано: *„и оброки попамъ и дьякону, и дьячку и сторожамъ изъ вѣсу вощанаго имати, попамъ по восьми гривенъ серебра, и дьякону 4 гривны серебра, а дьячку три гривны серебра и сторожамъ три гривны серебра; а имати той оброкъ и въ вѣки на всякой годъ“*. Кромѣ того, при разныхъ церквахъ были земли и разныя угодья, доходами отъ которыхъ пользовалось духовенство. Священники такимъ образомъ были тѣсно связаны съ своими прихожанами, которые часто даже защищали священниковъ отъ епископской власти, такъ что бывали случаи, когда и прихожане, не смотря на архіерейское отрѣшеніе отъ мѣста, оставляли ихъ у себя силою. Бѣлое духовенство пользовалось большимъ уваженіемъ какъ отъ всего русскаго общества, такъ и отъ всѣхъ прихожанъ. По законамъ русскаго общества духовные во всѣхъ дѣлахъ были освобождены отъ всякихъ гражданскихъ повинностей или службъ и податей. Только иногда дѣти духовныхъ, непосвященные ни въ какой духовный санъ, не освобождались отъ военной службы. Въ свою очередь, духовенство, и особенно священники были представителями своихъ приходовъ и посредниками въ общественныхъ дѣлахъ прихожанъ. Такъ напр., при раскладкѣ податей между послѣдними, при посредствѣ духовенства размежевывались земли приходскихъ людей; одобреніе священника о прихожанинѣ спрашивалось на судѣ. Во всѣхъ общественныхъ бумагахъ, составлявшихся отъ цѣлаго прихода, имя священника непремѣнно ставилось однимъ изъ первыхъ. Духовенство иногда принимало дѣятельное участіе въ дѣлахъ чисто мірскихъ и общественныхъ, особенно тѣ изъ этого сословія, которые были духовниками князей, или вообще стояли при княжескихъ церквахъ. Такъ мы не рѣдко встрѣчаемъ священниковъ и въ военныхъ походахъ и въ посольствахъ. Напр. въ 1111 году, во время похода русскихъ князей на Половцевъ, священники Мономаха ѣхали впереди полка и пѣли тропари и кондаки. Посольство между князьями преимущественно правили священники, какъ потому, что они пользовались довѣріемъ

князей, такъ и потому, что они по своей грамотности были болѣе способны къ отправленію посольскихъ дѣлъ и при томъ по сану своему внушали къ себѣ уваженіе. Примѣровъ священническихъ посольствъ въ лѣтописи встрѣчаемъ много. Такъ, въ договорной грамотѣ Мстислава Давидовича Смоленскаго съ Ригою и Готскимъ берегомъ 1229 года сказано: „Мстиславъ, сынъ Давыдовъ, прислалъ въ Ригу своего лучшаго попа Іеремѣя и думнаго мужа Пантелѣя изъ своего города Смоленска: *„то два было послъмъ у Ризѣ; изъ Риги ѣхали на Годскій берегъ, тамъ твердити миръ“*. Все это ясно показываетъ, что духовенство было тѣсно связано съ свѣтскимъ обществомъ, и не отдѣлялось отъ него даже въ политическихъ дѣлахъ.

5) *Лица и учрежденія, подвѣдомственныя церкви.* Кромѣ лицъ, состоящихъ въ церковной службѣ и ихъ семействъ, къ духовному вѣдомству уставомъ Владиміра Св. отнесены, какъ мы видѣли выше, гостиницы, страннопріимницы, больницы, лѣкаря, паломники, прощенники, хромцы, слѣпцы, странники и наконецъ задушные люди. Различныя кормчіи XIII и XIV вв. продолжали относить всѣхъ ихъ къ духовному вѣдомству, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи уставъ Владиміра болѣе или менѣе дѣйствовалъ на Руси во все время до монгольскаго ига, что и не могло быть иначе, ибо основаніемъ устава преимущественно служилъ греческій Номоканонъ, да и самое состояніе русскаго общества нисколько этому не противорѣчило. Церковь, щедро надѣляемая отъ князей, бояръ и народа, принимала на себя все бремя надзора и попеченія за несчастными, которыхъ тогдашнее общество не могло защищать отъ обидъ и притѣсненій, и которые по неспособности своей, или за неимѣніемъ средствъ, не доставляли обществу никакой матеріальной пользы. Объ этой заботливости Церкви о несчастныхъ находимъ указанія въ поученіи митрополита Кирилла: *„Всѣ десятины и имѣнія, данныя церкви, даны клирошанамъ на потребу, старости и немощи и въ недугъ впадшимъ и чадъ многъ прокормленіе, нищихъ кормленіе, обидимымъ помоганіе, страннымъ прилежаніе, въ напастѣхъ пособіе, въ пожарѣхъ и въ потопѣ, плѣненнымъ искупленіе, сиротамъ и убогимъ промышленіе, живымъ прибѣжище и утѣшеніе, а мертвымъ память“*. Подвѣдомственность приведенныхъ выше учрежденій духовной власти состояла въ томъ, что они, помѣщаясь на церковной землѣ и содержась средствами церкви, подлежали суду и управѣ епископовъ, или монастырей, которые имѣли особыхъ блюстителей порядка и суда надъ ними и для защиты отъ всѣхъ стороннихъ нападковъ и обидъ.

О ГРАЖДАНСКИХЪ ПРАВАХЪ ЦЕРКВИ, КАКЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ЛИЦА.

Церковь имѣла свой *судъ* не только въ дѣлахъ чисто церковныхъ, но и въ гражданскихъ. По Номоканону и по уставамъ Владиміра, Ярослава и другихъ князей, гражданскому суду церкви принадлежали почти всѣ дѣла семейныя, таковы: браки, разводы, судъ между родителями и дѣтьми, дѣла по наслѣдству и по опекѣ, утвержденіе духовныхъ завѣщаній и раздѣлъ наслѣдственныхъ имуществъ, а также дѣла по преступленіямъ противъ нравственности и церковныхъ по-

становленій. Для производства всѣхъ сихъ дѣлъ, при епископахъ были особые суды, состоящіе изъ духовныхъ и свѣтскихъ судей, каковы были владычніи десятильники и намѣстники, изъ коихъ первые—разъѣзжали по областямъ, подвѣдомымъ епископу, и въ своихъ объѣздахъ чинили судъ и управу, а также сбирали пошлины и дани на епископа; владычніи же намѣстники постоянно жили въ городахъ, подчиненныхъ епископской каѳедрѣ, и чинили тамъ судъ и управу по всѣмъ дѣламъ, принадлежащимъ церковному суду. Кромѣ того, при самомъ епископскомъ дворѣ всегда находились избранные духовные лица: архимандриты, игумены и старшіе священники и при нихъ дьяконы, какъ хранители законныхъ книгъ и грамотъ—намофилаксы и хартофилаксы — хранители судебныхъ дѣлъ и вообще дѣлопроизводители по судебнымъ дѣламъ чисто духовнымъ. А для производства дѣлъ гражданскихъ, подчиненныхъ церковному суду, при епископскомъ дворѣ постоянно находились владычніи бояре и слуги, какъ судьи и дѣлопроизводители свѣтскіе. Этому суду церкви, какъ чисто церковному и церковно-гражданскому, подчинены были всѣ лица русскаго общества, изъ какого бы класса они ни были; здѣсь ограниченіе церковнаго суда состояло въ опредѣленномъ по закону разрядѣ дѣлъ, т. е. по дѣламъ семейнымъ и по преступленіямъ противъ нравственности и церковныхъ правилъ.

Но кромѣ этого суда, церкви принадлежалъ судъ по всѣмъ дѣламъ, какъ гражданскимъ такъ и уголовнымъ, когда подсудимые были лица, или учрежденія, состоящія въ вѣдомствѣ церкви, т. е. всѣ лица, служащія церкви и ихъ семейства, потомъ всѣ учрежденія по дѣламъ человѣколюбія, т. е. больницы, богадѣльни, гостиницы и т. п., и наконецъ лица, живущія на церковныхъ земляхъ и несостоящія въ церковной службѣ. Они подлежали церковному суду и управѣ по общему тогда порядку, состоящему въ томъ, что каждое вѣдомство имѣетъ свой судъ и свою управу и не подчиняется постороннему суду, выключая дѣлъ по убійствамъ, которыя во всѣхъ вѣдомствахъ подлежали суду князя и составляли привиллегію княжеской власти. А посему всѣ судебныя дѣла между лицами, подвѣдомственными церкви, производились судьями назначаемыми отъ митрополита, или епископа; разумѣется судьи сіи были и изъ духовенства и изъ владычныхъ бояръ и слугъ, смотря по роду дѣлъ. Къ симъ судьямъ подавались всѣ жалобы на церковныхъ людей. Въ случаѣ же судныхъ дѣлъ между лицами церковными и нецерковными употреблялся судъ *смѣстный*, т. е. каждая сторона представляла своего судью, которые и рѣшали дѣло сообща и пользовались пошлинами отъ суда каждый судья отъ своего подсудимаго, т. е. церковный отъ церковнаго, а княжій или нецерковный отъ нецерковнаго. Законы же и формы суда въ дѣлахъ нецерковныхъ были одни и тѣ же, какъ для церковныхъ людей, такъ и для нецерковныхъ.

Вторымъ правомъ церкви было *право на поземельныя владѣнія.* Монастыри и епископскія каѳедры, какъ члены гражданскихъ обществъ, нерѣдко были владѣльцами большихъ поземельныхъ имѣній, какъ населенныхъ, такъ и ненаселенныхъ, и даже имѣли своихъ рабовъ. Такъ напримѣръ въ Русской Правдѣ упоминается о холопяхъ чернчихъ. Села и деревни, принадлежавшія церквамъ и монастырямъ, управля-

лись тіунами, посельскими старостами и другими приставниками. Въ это время церкви и монастыри не отличались отъ другихъ землевладѣльцевъ; управителями въ епископскихъ и монастырскихъ селахъ были владычные люди и старцы монастырскіе, лица, поставляемыя самими епископами и монастырями на опредѣленный и неопредѣленный срокъ. Епископы и монастыри, какъ и свѣтскіе владѣльцы, писали своимъ управителямъ въ имѣніяхъ уставныя грамоты, въ которыхъ опредѣлялись, какъ права и обязанности управляющихъ, такъ и подати и повинности, взимаемыя съ крестьянъ, и даже иногда способы, которые должно употреблять при воздѣлываніи земли. Подати и повинности, назначаемыя монастырями и церквами, опредѣлялись по взаимнымъ условіямъ съ крестьянами, селившимися на церковныхъ земляхъ. Сами церкви и монастыри не освобождались отъ платежа податей и общественныхъ повинностей съ земель, которыми они владѣли. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи церковныя владѣнія не отличались отъ свѣтскихъ. Разумѣется, бывали исключенія—монастыри и церкви получали иногда жалованныя грамоты, по которымъ они освобождались отъ податей, но такія грамоты давались и свѣтскимъ землевладѣльцамъ. Значитъ, привиллегій, въ этомъ отношеніи, для церкви не было. Духовенство освобождалось только отъ податей личныхъ и поземельныхъ съ тѣхъ земель, которыя находились подъ домами самихъ духовныхъ. Равнымъ образомъ, и церкви и монастыри были освобождены отъ подати, которая лежала на землѣ, занятой монастырскими и церковными строеніями.

Третье право церкви было *право на торговлю*. Монастыри, церкви и вообще духовные, какъ богатые землевладѣльцы, участвовали въ торговлѣ, для которой имѣли своихъ особенныхъ приставниковъ. При монастыряхъ состояли для торговыхъ дѣлъ особенные старцы, которые назывались *купчинами*. При церквахъ и монастыряхъ бывали торги въ церковные праздники—ярмарки, а при нѣкоторыхъ монастыряхъ были и постоянные торги. Со всѣхъ этихъ торговъ нѣкоторые привиллегированные епископы и монастыри получали пошлины. Но само духовенство, по уставу Ярослава, было вообще освобождено отъ *пошлинъ мытныхъ* (пошлины съ воза, съ нагруженной лодки и вообще съ товара) *и явочныхъ* (съ лица) и др. Впрочемъ, такъ было только по уставу Ярослава; впослѣдствіи же, по уставамъ Всеволода, Мстислава и др., церкви и монастыри сравнены были въ торговомъ отношеніи со всѣми другими торговцами. Вообще русское законодательство второго періода старалось не отличать духовенство и церковь въ отношеніи пользованія землею и торговли отъ свѣтскихъ лицъ и обществъ. Если и давались привиллегіи епископамъ, монастырямъ и пр., то эти привиллегіи не составляли общаго закона и давались только нѣкоторымъ изъ нихъ; притомъ же онѣ давались лицамъ и всѣхъ другихъ обществъ. Такое направленіе нашего законодательства. Во времена Владимира и Ярослава князья еще были склонны смотрѣть на церковь и духовенство, какъ на общество, совершенно отличное отъ общества гражданскаго, изолированное, и давать ему разныя привиллегіи. Послѣ же этихъ князей мы уже не встрѣчаемъ у духовенства никакихъ значительныхъ привиллегій, и оно во многомъ было сравнено съ свѣтскими обществами. Русское общество также всегда смотрѣло на духовен

ство, какъ на обыкновенное гражданское общество, и не раздѣляло ни византійскихъ, ни западно-европейскихъ взглядовъ на церковь.

Княжеская власть. Значеніе княжеской власти во 2 періодѣ сильно измѣнилось, съ одной стороны подъ вліяніемъ христіанства, съ другой—отъ мѣстныхъ вліяній. Вліяніе христіанской церкви на княжескую власть было самое благопріятное для нея,—русскіе князья нашли въ ней для усиленія своей власти гораздо болѣе твердую опору, чѣмъ какую они имѣли прежде въ одной дружинѣ. Мы знаемъ, что княжеская власть была еще очень молода на Руси, ей не доставало давности и она не имѣла, слѣдовательно, историческаго освященія. Но христіанская церковь восполнила этотъ недостатокъ, *сообщивъ княжеской власти религіозное освященіе*. Извѣстно, что ни Рюрикъ, ни Олегъ, ни другіе изъ князей, бывшихъ еще до введенія христіанства на Руси, при принятіи княжеской власти не получали освященія и потому, въ глазахъ своихъ подданныхъ, оставались простыми людьми, облеченными властью; но христіанская церковь, вмѣстѣ съ высокими догматами религіи, внушила новопросвѣщеннымъ сынамъ своимъ и начала государственнаго устройства и новыя понятія о княжеской власти. Она учила ихъ, что верховная власть утверждается самимъ Богомъ и потому священна и неприкосновенна, что судъ и правда внушаются ей самимъ Богомъ и, слѣдовательно, нужно свято и ненарушимо исполнять всѣ требованія власти, что противящійся ей противится Божьему велѣнію и т. п. Это первая услуга, оказанная церковью княжеской власти. Во 2-хъ, церковь сообщала княжеской власти и видимое освященіе *вѣнчаніемъ князей и возведеніемъ ихъ на престолъ*, по византійскимъ обычаямъ. До введенія христіанства на Руси князья наши не имѣли престоловъ; но по введеніи христіанства мы встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ упоминовеніе о вѣнчаніи князя митрополитомъ, о посаженіи его на престолъ: „*Ярославъ же сѣде Кіевѣ на столѣ дѣдни и отни*"; о Святославѣ Черниговскомъ и Всеволодѣ лѣтопись говоритъ: „*И сѣдоша на столѣ на Берестовомъ*"; о Вадимирѣ Мономахѣ: „*Сѣде Кыевѣ, въ недѣлю, устрѣтоша же его митрополитъ Никифоръ съ епископы и со всѣми Кіяне съ честью великою, сѣде на столѣ отца своего и дѣдъ своихъ*". Итакъ, говоря о принятіи великокняжеской власти новымъ лицомъ, лѣтописи всегда прибавляютъ: „*сѣде Кіевѣ на столѣ*", тогда какъ о Рюрикѣ, напр., говорятъ просто: „*сѣде въ Новгородѣ*", или объ Игорѣ: „*поча княжити по Олзѣ*". Такимъ образомъ, по вліянію церкви, князья являются уже не простыми людьми, облеченными общественною властью, а лицами, освященными властью, учрежденной самимъ Богомъ. Въ 3-хъ церковь дала князьямъ средство къ усиленію власти—*въ присягѣ*. Церковь ввела въ обычай, чтобы, при вступленіи на престолъ каждаго князя, подданные присягали повиноваться ему и уважать его, какъ высшую и священную власть. Кромѣ того, духовенство вообще много способствовало усиленію княжеской власти. Какъ явленіе новое на Руси, оно, естественно, первоначально должно было крѣпко держаться князя, и въ виду собственныхъ интересовъ поддерживать въ русскомъ обществѣ значеніе князя; сами князья во всѣхъ важныхъ дѣлахъ обращались за совѣтомъ къ духовнымъ и, такимъ образомъ, какъ дружина поддерживала своего государя оружіемъ, такъ духовен-

ство защищало его оружіемъ духовнымъ. Черезъ посредство митрополита въ князѣ съ его собственною властью соединилась власть церкви. Великій князь могъ дѣйствовать на совѣсть подчиненныхъ ему князей и народа, могъ наложить церковное запрещеніе и запереть церкви. Къ сему впослѣдствіи и прибѣгали князья, какъ мы увидимъ во 2-й половинѣ настоящаго періода. Впрочемъ, впослѣдствіи отношенія духовенства къ князю перемѣнились; духовенство слилось совершенно съ народомъ и нерѣдко становилось противъ князя, защищая народъ отъ несправедливостей его. Вотъ положеніе княжеской власти въ началѣ 2-го періода, положеніе, являющееся прямымъ слѣдствіемъ внесенія новаго начала въ жизнь русскаго общества.

Указавши на то, что пріобрѣла княжеская власть, благодаря введенію христіанства, теперь слѣдуетъ обратить вниманіе на тѣ измѣненія верховной власти князя, которыя произошли отъ мѣстныхъ причинъ, независимо отъ посторонняго вліянія. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ вопросъ о значеніи удѣльныхъ князей и объ отношеніяхъ ихъ къ великому князю и другъ къ другу. О князьяхъ подчиненныхъ великому князю кіевскому, мы встрѣчали извѣстія и въ первомъ періодѣ, но тѣхъ князей нельзя назвать удѣльными князьями,— они имѣли собственно характеръ князей служилыхъ, потому что не принадлежали къ Рюрикову роду, а были дружинниками пришельцами изъ Скандинавіи, или старыми князьями славянскихъ племенъ, уже утратившими свою самостоятельность и получившими владѣнія уже изъ рукъ великаго князя кіевскаго и вполнѣ отъ него зависѣвшими, состоявшими подъ его рукою, какъ говоритъ лѣтопись, слѣдовательно, далеко неравноправными великому князю. Первыми удѣльными князьями, повидимому, были сыновья Святослава: Ярополкъ, Олегъ и Владиміръ; но они не подходятъ къ категоріи удѣльныхъ князей, принадлежащихъ ко 2-му періоду, ибо они всѣ трое были рѣшительно одноправны. Святославъ, посадивши Ярополка въ Кіевѣ, Олега въ Древлянской землѣ, а Владиміра въ Новгородѣ, оставилъ права великаго князя за собою, не назначивъ преемника въ случаѣ смерти. Поэтому Ярополкъ, какъ сильнѣйшій изъ братьевъ, не желая владѣть только одною частью отцовскаго наслѣдства, отнялъ у неподчиненныхъ братьевъ ихъ владѣнія. Въ настоящемъ періодѣ первыми удѣльными князьями были сыновья Владиміра Святого, но ихъ общественное положеніе еще не имѣло характера истинно-удѣльныхъ князей. Они, какъ и сыновья Святослава, получили владѣнія задолго до кончины отца, именно за 27 лѣтъ и нѣкоторые даже умерли при отцѣ (Вышеславъ и Изяславъ). Владиміръ скончался, подобно Святославу, не назначивъ себѣ преемника, слѣдовательно, не подчинивъ своихъ сыновей кому-либо одному изъ нихъ, оставивъ каждаго отдѣльнымъ, самостоятельнымъ государемъ даннаго владѣнія. Вслѣдствіе чего, по смерти Владиміра, какъ и по смерти Святослава, началась рѣзня—Святополкъ убилъ братьевъ—Бориса, Глѣба и Святослава, потомъ Ярославъ Новгородскій началъ трехлѣтнюю войну съ Святополкомъ, впродолженіе которой Кіевъ нѣсколько разъ переходилъ то къ Святополку, то къ Ярославу; наконецъ, Святополкъ, истощивши всѣ свои средства, бѣжалъ изъ Россіи и погибъ, а Ярославъ утвердился въ Кіевѣ и въ это же время,

совершенно независимо отъ Ярослава, Брячиславъ, сынъ Изяслава, владѣлъ въ Полоцкѣ, а Мстиславъ, братъ Ярослава—въ Тмутаракани. Ярославъ въ 1021 году хотя и воевалъ съ Брячиславомъ за разграбленіе Новгорода, но не подчинилъ его себѣ. Въ 1024 году Мстиславъ напалъ на самого Ярослава и принудилъ его уступить себѣ Черниговъ и весь лѣвый берегъ Днѣпра. Однако, при заключеніи мира между ними не было и помину о подчиненіи Мстислава Ярославу; до 1036 года русская земля состояла изъ трехъ независимыхъ владѣній, нисколько не подчиненныхъ одно другому. А съ 1036 года, когда умеръ бездѣтнымъ Мстиславъ, вся русская земля состояла изъ двухъ независимыхъ владѣній. Такимъ образомъ всѣ отношенія сыновей Владимира не представляютъ и слѣда какого-либо закона объ отношеніяхъ удѣльныхъ князей къ великому князю. Удѣльные князья въ собственномъ смыслѣ этого слова являются не прежде, какъ по смерти Ярослава. Ярославъ, умирая, раздѣлилъ Русь на княжества и опредѣлилъ отношенія удѣльныхъ князей къ великому князю и другъ къ другу. Ясно, что удѣльная система начинается со смерти Ярослава, т. е. почти совпадаетъ съ принятіемъ христіанства. Можетъ быть она образовалась бы и при Владимирѣ, но онъ умеръ безъ завѣщанія, а потому мы и не видимъ опредѣленныхъ отношеній между его сыновьями,— они начинаются только со смерти Ярослава. Княжеская власть постепенно стала утрачивать свое значеніе вслѣдствіе раздробленія Руси на удѣлы и происшедшихъ отсюда междуусобій, недозволявшихъ князьямъ утвердиться въ томъ или другомъ княжествѣ. Власть князя въ это время какъ бы не успѣвала сжиться съ народомъ, потому что тогдашніе князья смотрѣли на свое владѣніе, какъ на временную стоянку, и заботились только о своей дружинѣ и о томъ, какъ бы перейти изъ одного владѣнія въ другое, дающее болѣе средствъ для содержанія дружины. Тогдашняя исторія Руси представляетъ намъ три формы, въ которыхъ выразились отношенія удѣльныхъ князей. Эти формы были слѣдующія: 1) *завѣщаніе Ярослава I*, 2) *общіе княжескіе съѣзды*, 3) *частные княжескіе съѣзды и договоры.*

Завѣщаніе Ярослава, какъ приводитъ его Несторъ, было слѣдующее: незадолго до своей кончины, Ярославъ назначилъ преемникомъ себѣ, т. е. великимъ княземъ кіевскимъ, старшаго сына своего Изяслава, второму сыну своему, Святославу, онъ далъ Черниговскую волость, третьему—Всеволоду—Переяславскую, четвертому—Вячеславу—Смоленскую и пятому—Игорю—Владиміро-Волынскую, и опредѣлилъ отношенія удѣльныхъ князей другъ къ другу и къ великому князю. Онъ завѣщалъ своимъ дѣтямъ повиноваться великому князю, какъ отцу, не ссориться другъ съ другомъ и не отнимать другъ у друга удѣловъ; великому же князю, какъ главѣ государства, Ярославъ поручалъ наблюдать за удѣльными князьями, чтобы они не обижали другъ друга, и помогать тому изъ нихъ, котораго будутъ обижать другіе. „*Се поручаю въ собе мѣсто столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу, Кыевъ; сего послушайте яко же послушасте мене, да то вы будетъ въ мене мѣсто.*“ Такъ говоритъ Ярославъ въ своемъ завѣщаніи сыновьямъ. Потомъ онъ завѣщевалъ своимъ сыновьямъ: „*не преступати предѣла братня, ни сгонити*“ и поручилъ Изяславу: „*аще*

кто хочетъ обидѣти брата своего, то ты помогай, его же обидятъ". На этомъ завѣщаніи основывались тогда всѣ отношенія князей. Это были очевидно отношенія дѣтей къ отцу; слѣдовательно, удѣльные князья не были подручниками или феодалами великаго князя, но владѣли своими удѣлами такъ же самостоятельно, какъ и великій князь своимъ. Между удѣльными князьями нѣтъ и слѣдовъ подчиненности великому князю, есть одни только родственныя отношенія и никакихъ служебныхъ. Ярославъ не объявляетъ въ завѣщаніи князя кіевскаго государемъ удѣльныхъ князей, а только поручаетъ ему, какъ старшему брату, надзоръ за младшими братьями и, какъ сильнѣйшаго изъ князей, обязываетъ его защищать тѣхъ изъ князей, которыхъ будутъ притѣснять другіе. Мало этого, завѣщаніе постоянно признаетъ неприкосновенность границъ владѣній каждаго изъ князей, потому что оно предписываетъ всѣмъ вообще князьямъ правило: *„не преступати предѣла братня, ни сгонити*", — тѣмъ болѣе поэтому каждый изъ удѣльныхъ князей признавался самостоятельнымъ въ его удѣлѣ и великому князю, слѣдовательно, поручалось только защищать удѣльныхъ князей, а не давалось права распоряжаться ихъ удѣлами. Такимъ образомъ, русская земля, находившаяся подъ властью одного князя, по смерти Ярослава представляется федераціей изъ пяти самостоятельныхъ и независимыхъ удѣловъ, князья которыхъ, какъ родные братья, находились только въ родственныхъ отношеніяхъ между собою и относились къ старшему князю, какъ къ отцу, или даже менѣе какъ къ отцу, ибо старшій князь, по завѣщанію, не имѣлъ права наказывать младшихъ князей, или отнимать у нихъ владѣнія и распоряжаться ими, а ему только поручался надзоръ за младшими князьями и вмѣнялось въ обязанность прекращать между ними споры и междуусобія. Поэтому каждый изъ удѣльныхъ князей былъ совершенно самостоятельнымъ владѣльцемъ своей области, и если не нападалъ на владѣнія другого, то можно было вовсе и не знать великаго князя. Всѣ распоряженія удѣльнаго князя не только по дѣламъ внутренняго управленія, но и въ сношеніяхъ его съ другими владѣльцами, зависѣли отъ него одного; онъ могъ начинать войну, заключать миръ и т. п. совершенно независимо отъ великаго князя. Такъ дѣйствительно и поступали удѣльные князья; такъ, въ лѣтописи мы находимъ свидѣтельство о томъ, что Всеволодъ Переяславскій воевалъ съ Турками и Половцами, въ первый разъ пришедшими въ русскую землю въ этомъ году; или, подъ 1064 годомъ, что Святославъ черниговскій два раза ходилъ съ войскомъ въ Тмутараканскую область противъ Ростислава, который съ помощью Новгородцевъ выгналъ изъ Тмутаракани сына его, Глѣба, и занялъ эту область. Такія отношенія князей существовали впродолженіи 13 лѣтъ, по смерти Ярослава до 1067 года. Съ этого же года онѣ стали измѣняться послѣ общей битвы сыновей Ярослава съ Половцами. Эта битва была очень неудачна для князей; они были разбиты на голову, послѣ чего Половцы разсѣялись по Русской землѣ, грабя и опустошая ее. Особенно много потерпѣло отъ нихъ кіевское княжество; поэтому Кіевляне просили Изяслава помочь имъ прогнать Половцевъ, но Изяславъ отказалъ имъ въ этомъ; тогда Кіевляне выгнали Изяслава и возвели на княжескій столъ Вячеслава Полоцкаго. Тутъ-то оказалось, что завѣщаніе Ярослава потеряло уже

свою силу: удѣльные князья не только не вступились за Изяслава, но, напротивъ, когда онъ, получивъ помощь отъ Болеслава, короля польскаго, подошелъ къ Кіеву, чтобы снова занять его, то удѣльные князья грозили ему войной, если онъ причинитъ какой нибудь вредъ городу, или его жителямъ. Давъ братьямъ обѣщаніе, что Болеславъ возвратится въ Польшу и что онъ самъ не будетъ мстить Кіевлянамъ за свое изгнаніе, Изяславъ снова занялъ кіевскій престолъ. Но черезъ два года послѣ этого, Святославъ и Всеволодъ соединились между собою и выгнали изъ Кіева великаго князя въ другой разъ. Причиною такого поступка братья выставляли то, что будто Изяславъ заключилъ союзъ съ Всеславомъ Полоцкимъ, чтобы съ его помощью захватить ихъ владѣнія. На сколько справедливъ этотъ доводъ Святослава и Всеволода мы этого не можемъ рѣшить; но нельзя отрицать того, что Изяславъ самъ подалъ поводъ къ тому, чтобы братья не довѣряли ему. Такъ, когда умеръ Вячеславъ Смоленскій, то Изяславъ отдалъ Смоленскую область Игорю Владиміро-Волынскому, а владѣніями Игоря завладѣлъ самъ, а потомъ, когда умеръ Игорь, то онъ завладѣлъ и Смоленскою областью, ничѣмъ не надѣливъ ни Бориса, сына Вячеслава, ни Давида, сына Игорева. Такіе поступки великаго князя естественно должны были измѣнить отношенія къ нему удѣльныхъ князей, а эта перемѣна отношеній должна была измѣнить и значеніе великокняжеской власти. Удѣльные князья сперва оставили великаго князя одного въ войнѣ съ Вячеславомъ Полоцкимъ, а потомъ, когда узнали, что война эта прекратилась и противники примирились между собою, вооружились на него съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы лишить его великокняжеской власти и подѣлить между собою его владѣнія. Святославъ первымъ изъ удѣльныхъ князей занялъ владѣнія Изяслава, Кіевъ, Смоленскъ и Волынь, и сталъ княжить въ Кіевѣ, а по смерти Святослава особенно усилился Всеволодъ. Онъ, хотя и уступилъ великокняжескій столъ Изяславу, возвратившемуся изъ Польши, но за то, съ согласія Изяслава, присоединилъ къ своимъ родовымъ владѣніямъ волости Черниговскую и Смоленскую и сдѣлался едва не сильнѣе великаго князя, владѣвшаго Кіевомъ и Волынью. Такимъ образомъ, распоряженія Ярослава о владѣніяхъ рушились еще при сыновьяхъ его. Изъ пяти княжескихъ владѣній, образовавшихся по завѣщанію его, сдѣлалось только два и притомъ такихъ, которыя оба считали себя великими. Оба эти владѣнія принадлежали сыновьямъ Ярослава, оставшимся въ живыхъ. Изъ внуковъ же его сыновей умершихъ— Святослава, Вячеслава и Игоря, ни одинъ не получилъ наслѣдственныхъ владѣній, и изъ нихъ только Глѣбъ и Романъ, сыновья Святослава, имѣли княжества во владѣніяхъ, не принадлежавшихъ Ярославу; такъ, Глѣбъ княжилъ въ вольномъ Новгородѣ, а Романъ въ Тмутаракани. Вслѣдствіе такого порядка начались новыя отношенія князей: безудѣльные племянники вооружились на дядей и всѣ они искали свои родовыя владѣнія. Пока были живы Изяславъ и Всеволодъ, безудѣльнымъ князьямъ было трудно добиться своихъ родовыхъ владѣній и они должны были удовлетвориться Теребовлемъ, Дорогобужемъ, Тмутараканью и нѣкоторыми другими также незначительными владѣніями; но со смертью этихъ послѣднихъ изъ Ярославичей положеніе ихъ измѣнилось и они возобновили свои требованія гораздо настойчивѣе.

Среди этой неурядицы и междуусобій, произведенныхъ князьями, по смерти послѣдняго изъ Ярославичей, Всеволода, возникъ вопросъ: кому занять великокняжескій столъ? Долгое время братъ наслѣдовалъ брату, теперь же остались только сыновья братьевъ. Въ завѣщаніи Ярослава не было и намековъ на то, чтобы княземъ кіевскимъ былъ *старшій въ родѣ*, или о какомъ либо *старшемъ владѣтельномъ родѣ*, а напротивъ, по смыслу завѣщанія, сыновья должны были наслѣдовать отцу, ибо завѣщаніе исключительно направлено къ охраненію неприкосновенности владѣній каждаго изъ сыновей Ярослава, а такая неприкосновенность не возможна при переходѣ престола отъ старшаго брата къ младшему и вредна для самихъ князей, которые, при переходѣ съ одного княжескаго стола на другой, принуждены были бы оставлять своихъ дѣтей безъ наслѣдственныхъ владѣній. Притомъ же переходъ наслѣдства къ старшему въ родѣ, а не къ сыну отъ отца, былъ вовсе не въ духѣ русскаго народа, доказательствомъ чему служитъ Русская Правда, по которой наслѣдство всегда переходило отъ отца къ дѣтямъ. Но какъ-то случилось, что сыновьямъ Ярослава не удавалось передать владѣній своимъ дѣтямъ. Мы видѣли, что при дѣтяхъ Ярослава великокняжескій столъ переходилъ не отъ отца къ дѣтямъ, а къ старшему въ родѣ. Тогдашняя русская исторія говоритъ намъ, что это дѣлалось не по праву престолонаслѣдія, а по захвату престола сильнымъ. Такъ, Изяславъ изгоняется изъ Кіева Святославомъ, который хотя и умеръ владѣя Кіевомъ, однако не могъ передать его своимъ дѣтямъ. Точно также и сыновья Изяслава, снова сдѣлавшагося княземъ, не могли и думать удержать за собою кіевскій престолъ, потому что были слишкомъ слабы въ сравненіи съ Всеволодомъ. Такой же порядокъ сохранился и при внукѣ Ярослава, такимъ-то образомъ и сложилось понятіе о томъ, что право на престолъ принадлежитъ старшему въ родѣ. По смерти Всеволода Ярославича кіевскій престолъ занимаетъ не сынъ его Владиміръ Мономахъ, а старшій въ родѣ — Святополкъ-Михаилъ, сынъ Изяслава. Но въ этомъ фактѣ также не высказывается законъ о правѣ престолонаслѣдія. Исторія свидѣтельствуетъ, что Владиміръ Мономахъ по личнымъ разсчетамъ уступилъ Святополку-Михаилу кіевскій престолъ добровольно, какъ поступилъ и отецъ его Всеволодъ, уступивъ этотъ же самый престолъ Изяславу. Мономахъ, умнѣйшій изъ тогдашнихъ князей, разсудилъ за лучшее уступить Кіевъ Святополку-Михаилу, чтобы привлечь его на свою сторону, ибо онъ зналъ, что въ противномъ случаѣ Святополкъ, какъ истинный наслѣдникъ кіевскаго престола, не уступитъ ему и соединится съ Святославичами, которые будутъ требовать Чернигова и другихъ своихъ родовыхъ владѣній, находившихся въ то время въ рукахъ Мономаха. Лѣтопись такъ говоритъ объ уступкѣ Мономахомъ кіевскаго престола Святополку: *„Володиміръ же нача размышляти рекъ: аще сяду на столъ отца своего, то имамъ рать съ Святополкомъ взяти, яко есть столъ преже отъ отца его былъ. И размысливъ посла по Святополка Турову.“* Такимъ образомъ, великокняжескій престолъ опять переходитъ къ старшему въ родѣ.

Въ княженіе Святополка значеніе великаго князя кіевскаго совершенно измѣнилось. *Кіевскій князь* уже *не былъ главою и судьею удѣльныхъ князей*, и его не хотѣлъ уже слушать ни одинъ изъ князей.

Безудѣльные внуки и правнуки Ярослава—Святославичи и Игоревичи—поднялись отыскивать свои наслѣдственныя владѣнія и произвели междоусобную войну, и великій князь не могъ уже удовлетворить и примирить ихъ. Поэтому, для прекращенія всѣхъ споровъ и междоусобій князья рѣшились сдѣлать *общій съѣздъ*, который бы прекратилъ всѣ споры за владѣнія. *Такой съѣздъ князей состоялся въ Любечѣ, въ 1097 году.* На немъ князья устроили новый раздѣлъ владѣній въ потомствѣ Ярослава; по новому раздѣлу кіевскія владѣнія достались Святополку; тремъ Святославичамъ—Черниговъ и все то, чѣмъ владѣлъ отецъ ихъ по завѣщанію Ярослава; Мономахъ, кромѣ Переславской области, которой владѣлъ отецъ его, добился еще Смоленской области, на которую не было наслѣдственнаго владѣльца; Давиду Игоревичу была отдана Волынь; двумъ Ростиславичамъ, которые до этого времени не имѣли удѣловъ, Перемышль и Теребовль. Такимъ образомъ, всѣ усилія сыновей Ярослава, Изяслава и Всеволода, увеличить свои владѣнія на счетъ владѣній умершихъ братьевъ, рушились при ихъ сыновьяхъ. Святославичи и Игоревичъ добились своихъ наслѣдственныхъ владѣній, а Ростиславичи, не имѣвшіе владѣній вовсе, также добились себѣ удѣловъ. Любечскій съѣздъ сдѣлалъ большую перемѣну въ отношеніяхъ князей. Здѣсь великій князь кіевскій не только потерялъ свое прежнее значеніе старшаго князя, но и вообще никакія родственныя отношенія не были приняты въ разсчетъ. На съѣздѣ племянники сидѣли рядомъ съ дядями и имѣли одинаковый съ ними голосъ. Такимъ образомъ, на съѣздѣ всѣ князья поравнялись между собою; о представительствѣ же и первенствѣ великаго князя кіевскаго здѣсь и помину не было. На Любечскомъ съѣздѣ князья цѣловали крестъ на томъ, чтобы общими силами преслѣдовать нарушеніе неприкосновенности удѣловъ: „*Аще кто на кого будетъ*“, говорили князья, „*на того всѣ мы и крестъ честной*“. Слѣдовательно, здѣсь князья пошли уже далѣе Ярославова завѣщанія, потому что оборона обиженнаго предоставляется ими не старшему князю, какъ это было по завѣщанію, а въ одинаковой степени всѣмъ. Такимъ образомъ утвердился новый законъ о равенствѣ всѣхъ князей, и кіевскій князь уже не фактически, но и легально потерялъ свое значеніе старшаго князя и судьи удѣльныхъ князей. Послѣ Любечскаго съѣзда онъ и самъ подлежалъ общему суду князей; такъ, когда Святополкъ нарушилъ условія Любечскаго съѣзда, ослѣпивъ, по совѣту Давида Игоревича, Василька Ростиславича, князя Теребовльскаго, то князья потребовали у него отчета въ такомъ поступкѣ. Они говорили Святополку: „*Ты зачѣмъ ослѣпилъ брата? Если бы на немъ была какая вина передъ тобою, то бы обличилъ его передъ нами*“. По новому закону Любечскаго съѣзда общему сейму князей предоставлено даже было право отнимать владѣнія у князей, если, по общему рѣшенію, это найдено будетъ нужнымъ и справедливымъ. Такъ дѣйствительно и было въ 1100 году, когда на съѣздѣ въ Увѣтичахъ князья отняли у Давида Игоревича за его участіе въ ослѣпленіи Василька Владимиро-Волынскую область, которую и отдали Святославу, а Давиду Игоревичу, взамѣнъ отнятой у него области, выдѣлили изъ кіевскихъ владѣній Дорогобужъ и Перемышль.

Но и законъ общихъ княжескихъ съѣздовъ вскорѣ оказался неудовлетворительнымъ для точнаго опредѣленія отношеній князей, потому что съ одной стороны для съѣздовъ князей не было ни твердаго основанія, ни опредѣленнаго времени и мѣста, что очень затрудняло составленіе съѣздовъ; такъ, часто случалось тогда, что всѣ князья перессоривались между собою и приглашать на съѣздъ было некому; съ другой же стороны не было строго опредѣлено, какія именно изъ княжескихъ отношеній должны были подлежать суду общаго съѣзда князей.

Послѣ смерти Святополка, Владимиръ Мономахъ овладѣлъ кіевскимъ престоломъ и захватилъ Волынь, выгнавъ оттуда Святополкова сына, Ярослава, и противъ такого насилія не возсталъ ни одинъ изъ князей и не вступился за Ярослава. По смерти самого Мономаха спорамъ и междоусобіямъ князей не было конца, и сколько князья не старались сдѣлать общій съѣздъ для прекращенія этихъ безпорядковъ, не могли этого сдѣлать; даже равенство князей, утвержденное Любечскимъ съѣздомъ, потеряло свою силу при Мономахѣ и Мстиславѣ, которые считали себя судьями всѣхъ князей и не упускали случая показать свою власть надъ удѣльными князьями. Поэтому, князья, чтобы согласить свои взаимныя отношенія и внести въ нихъ болѣе порядка и правильности, должны были прійти къ мысли о новомъ законѣ, который бы опредѣлилъ ихъ отношенія. Такимъ образомъ, появился новый законъ *частныхъ княжескихъ съѣздовъ и договоровъ* во время княженія Ярополка Владимировича. Первый воспользовался этимъ новымъ закономъ Всеволодъ Ольговичъ Черниговскій, который употребилъ его вмѣстѣ съ Мстиславичами противъ Ярополка, Вячеслава и Юрія Долгорукаго. Ярополкъ, бывшій вовсе неспособнымъ занимать великокняжескій престолъ, по совѣту Юрія Долгорукаго сталъ притѣснять Мстиславичей. Поэтому, Всеволодъ, находившійся въ близкомъ родствѣ съ Мстиславичами, вступился за нихъ; онъ вступилъ съ Мстиславичами въ союзъ по частному договору и при помощи этого союза принудилъ Ярополка дать волость Изяславу Мстиславовичу и воротить Чернигову Курскъ съ Посемьемъ, а потомъ, по смерти его, сдѣлался великимъ княземъ. Сдѣлавшись великимъ княземъ, Всеволодъ Ольговичъ постоянно назначалъ то за тѣмъ, то за другимъ частные съѣзды и такимъ образомъ не только удержалъ за собою великое княженіе, но и былъ постояннымъ судьею и руководителемъ другихъ князей. Примѣру Всеволода вскорѣ нашлись многочисленные подражатели и обычай сзывать частные съѣзды и заключать частные договоры сдѣлался всеобщимъ и обратился въ законъ во всѣхъ междукняжескихъ сношеніяхъ. Этотъ законъ, какъ самый удобопримѣнимый на практикѣ и вполнѣ согласный съ характеромъ князей и самаго времени, еще далекаго отъ постоянныхъ, строгихъ опредѣленій, получилъ большое развитіе и оставался до самаго монгольскаго ига постояннымъ руководствомъ во взаимныхъ отношеніяхъ князей. Особенное удобство его состояло въ томъ, что онъ, не уничтожая ни одного изъ прежнихъ правилъ относительно княжескихъ отношеній между собою, подчинилъ ихъ всѣ себѣ и раздѣлилъ Россію на множество княжескихъ союзовъ, имѣвшихъ основаніемъ своимъ взаимное согласіе князей—союзниковъ, или ротниковъ, по тогдашнему выраженію, со-

гласіе, скрѣпляемое крестнымъ цѣлованіемъ и крестными грамотами. Союзы эти, утвержденные на такомъ основаніи, не могли быть постоянными, но прекращались и возобновлялись вновь, смотря по тому, насколько сходились, или расходились интересы союзниковъ и договаривающихся сторонъ. Вслѣдствіе такого непостоянства союзовъ отношенія князей въ это время совершенно измѣнились противъ прежняго; теперь уже не разбирались ни родство, ни старшинство. Въ союзъ могли вступать всѣ; князья—союзники называли себя братьями, иногда признавая надъ собою власть одного изъ союзниковъ и придавая ему названіе старшаго, или отца, даже обѣщаясь ходить около его стремени, какъ родные сыновья его. Но всѣ эти названія, подчиненія и обѣщанія основывались не болѣе, какъ на договорахъ, или же опредѣлялись, ограничивались и утверждались клятвою; но, при первомъ же нарушеніи договора однимъ изъ князей—союзниковъ, всякія обѣщанія и признанія власти уничтожались. Вотъ образчикъ подобныхъ отношеній: Ростиславичи Смоленскіе называли Андрея Боголюбскаго своимъ отцемъ, выбравши его по договору въ старшіе себѣ; какъ только Андрей Боголюбскій нарушилъ договоръ, приказавъ оставить города, данные имъ въ Приднѣпровьѣ, и удалиться въ свою вотчину Смоленскъ, то они сказали ему: „*Брате! вправду тя нарекше есмы отцемъ себѣ и крестъ цѣловавше тебѣ, а се нынѣ кажеши путь изъ Русскія земли безъ нашей вины, а за всѣми Богъ и сила крестная*“. Послѣ этого Ростиславичи вступили въ Кіевъ и объявили кіевскимъ княземъ брата своего Рюрика, а Всеволода Юрьевича, посаженнаго Андреемъ, взяли въ плѣнъ; когда же Андрей прислалъ въ Кіевъ требованіе, чтобы Ростиславичи оставили кіевскія владѣнія, то они остригли его послу голову и бороду и послали сказать: „*мы тя до сихъ лѣтъ, акы отца имѣли по любви, аще всякія рѣчи прислахъ не яко къ князю, но аки подручнику и просту человѣку, а что умыслилъ еси, а тое и дѣй, а Богъ за всѣхъ*“. Братьями по договору назывались и дяди и племянники и внуки и даже иноземные государи; но эти названія держались только до тѣхъ поръ, пока не нарушенъ договоръ, а какъ скоро договоръ нарушался, тотъ же братъ получалъ названіе врага. Такъ въ 1190 году Ростиславичи говорятъ Святославу черниговскому: „*ажъ стоиши въ томъ ряду, то ты намъ братъ, ажъ ступилъ еси ряду, а се ти крестныя грамоты*“. Названіе брата выражало союзника и не относилось къ родственнымъ связямъ, подобно тому какъ въ западной Европѣ государи называли другъ друга братьями; такъ въ 1149 году Юрій Долгорукій и Вячеславъ называли польскаго короля, Болеслава Храбраго, братомъ, а сына его, Индриха, своимъ сыномъ.

Названіе отца и старшаго также зависѣло отъ договора и согласія союзниковъ и оно нисколько не относилось къ степенямъ родства или родовымъ отношеніямъ; посему, отцемъ или старшимъ могъ называться и младшій союзникъ и даже, пожалуй, чужеземецъ. Такъ, напр., Рязанскіе князья были внуки Ярослава, а Ростиславъ былъ потомокъ Всеволода, стало-быть, родство между ними было не ближе, какъ въ седьмомъ, или восьмомъ колѣнѣ. Слѣдовательно, здѣсь не разбирались степени родства, а единственнымъ правомъ на старшинство была только сила, могущество того, кому давалось оно союзни-

ками. Эти Рязанскіе князья въ 1155 году признали по договору отцемъ своимъ Ростислава Смоленскаго, въ надеждѣ получить отъ него помощь противъ Юрія Долгорукаго, какъ говоритъ лѣтопись: *„Они же вси зряху на Ростислава, имѣяхуть и отцомъ себѣ"*. Даже народъ, вступая съ княземъ въ договоръ, употреблялъ выраженіе, что онъ будетъ имѣть его, какъ отца, во всемъ слушаться и повиноваться ему. Такъ, въ лѣтописи подъ 1151 годомъ говорится о полочанахъ: *„И приславшася Полочане къ Святославу Ольговичу съ любовью, яко имѣти отцомъ собѣ и ходити въ послушаніи его и на томъ цѣловаше крестъ"*. А Святославъ вовсе не былъ ихъ княземъ, а правилъ Черниговомъ, но они вступили въ союзъ съ нимъ, надѣясь, что онъ поможетъ имъ противъ Смоленскихъ князей. Бывали примѣры того, что Русскіе князья называли отцемъ Полоцкаго хана; такъ, въ 1228 году, Даніилъ Галицкій, нуждаясь въ помощи Половцевъ, писалъ къ Котяну, хану ихъ: *„Отче!... прими мя въ любовь свою"*. Итакъ, названіе отца не выражало родственныхъ связей, а давалось только по договору, и только до тѣхъ поръ, пока не нарушался договоръ; оно употреблялось только для того, чтобы не употреблять названія „Господинъ" или „Государь" и такимъ образомъ сдѣлать отношенія болѣе мягкими; точно также князья называли себя дѣтьми, чтобы избѣжать названія подчиненнаго, или подручника.

Власть князя кіевскаго, какъ великаго князя, какъ старшаго, потерявшая свое значеніе съ появленіемъ общихъ княжескихъ съѣздовъ, не возвращалась и въ періодъ отдѣльныхъ договоровъ; лѣтописи даже не признаютъ за нимъ и названія великаго князя, а называютъ его просто кіевскимъ княземъ. Ясно, что въ это время власть кіевскаго князя не имѣла уже никакого значенія. Дѣйствительно, въ историческихъ событіяхъ разсматриваемаго нами времени мы не замѣчаемъ никакихъ привиллегій за кіевскимъ княземъ. И самое старѣйшинство кіевскаго князя въ это время было историческое только, и хотя кіевскій престолъ по-прежнему еще былъ предметомъ исканій удѣльныхъ князей, но они добивались кіевскаго стола не для него самого, а для города, который былъ очень богатъ и давалъ много денегъ. Да и въ этомъ отношеніи многіе изъ новыхъ городовъ, какъ напр. Владиміръ на Клязьмѣ, не уступали Кіеву; слѣдовательно, старѣйшинство оставалось за Кіевомъ только по преданію. На сколько утратилъ свое значеніе кіевскій престолъ, видно изъ слѣдующаго факта: въ 1169 году войска Андрея Боголюбскаго взяли Кіевъ, но не смотря на это Андрей Боголюбскій не пошелъ въ Кіевъ княжить, а прислалъ въ него на княженіе своего младшаго брата; самъ же, принявъ титулъ великаго князя, остался во Владимірѣ. На самомъ же дѣлѣ старѣйшимъ между князьями былъ тотъ, кто былъ признанъ таковымъ по договору—владѣлъ ли онъ кіевскимъ престоломъ, или другимъ какимъ-либо княжествомъ. Поэтому бывало даже по нѣскольку старшихъ князей въ одно и то же время, потому что каждый союзъ имѣлъ своего старшаго князя; такъ напр. у Давидовичей считался старшимъ княземъ Изяславъ Мстиславичъ, у Ольговичей Юрій Долгорукій, у князей Рязанскихъ—Ростиславъ Смоленскій и т. п. Но это старшинство не выражало той власти, которая прежде принадлежала великому князю. Впрочемъ, *старшій князь могъ лишить*

младшаго владѣній, но это право имѣло смыслъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требовали всѣ князья-союзники, когда младшій оказывался виновнымъ противъ договора, и удерживалось только до тѣхъ поръ, пока младшій состоялъ въ союзѣ, скрѣпленномъ договорною грамотою и крестнымъ цѣлованіемъ; въ противномъ же случаѣ старшій утрачивалъ право лишать младшаго владѣній. Такъ, въ 1177 году Святославъ Всеволодовичъ Черниговскій, бывшій въ союзѣ съ Романомъ Ростиславовичемъ Кіевскимъ, прямо требовалъ у Романа на основаніи договора, чтобы онъ, какъ старшій, отнялъ у Давида Ростиславовича Смоленскъ, такъ какъ Давидъ нарушилъ договоръ. Святославъ говорилъ: *„Брате! я не ищу подъ тобою ничего, но рядъ нашъ таковъ, что если кто виноватъ, того лишать волости“*. Здѣсь старшій князь скорѣе имѣлъ обязанность, чѣмъ власть, лишать младшаго владѣній, и то, повторяемъ, исключительно въ силу договора. А если бы старшій князь вздумалъ лишить младшаго волости безъ вины и суда надъ нимъ, по своей волѣ, то младшіе князья въ такомъ случаѣ разрывали съ нимъ союзъ, отсылали ему крестную договорную грамоту, и объявляли войну. Такъ, Ростиславичи прямо говорили Андрею Боголюбскому, выславшему ихъ безъ всякой вины изъ ихъ владѣній: *„Ты кажешь намъ путь изъ Русской земли безъ нашей вины... за всѣми Богъ и крестная сила“*. Кромѣ права, или обязанности старшаго князя лишать младшихъ союзныхъ князей владѣнія, старшій князь имѣлъ еще право надѣла владѣній младшимъ князьямъ. Но и это право въ сущности не выражало прежней власти великаго князя, потому что и въ этомъ случаѣ старшій имѣлъ право только по договору съ младшими князьями; такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи старшій князь имѣлъ скорѣе обязанность, чѣмъ право, такъ что вслучаѣ неисполненія имъ этой обязанности младшіе князья обыкновенно говорили ему: *„А у насъ есть съ тобой рядъ, чтобы надѣлитъ насъ волостьми, ежели получишь такое-то княженіе, а ты получилъ и насъ не надѣлилъ или далъ не тѣ, которые написаны въ рядѣ“*. Когда Всеволодъ Ольговичъ занялъ Кіевъ и не надѣлилъ Давидовичей по договору, то они вступили въ союзъ противъ него. Слѣдовательно, старшіе князья давали младшимъ только тѣ волости, о которыхъ было сказано въ договорѣ, и поэтому давали не по праву, а по обязанности, неисполненіе которой вело къ разрыву союза и даже къ войнѣ. Такимъ образомъ, всѣ формы отношеній княжескихъ во время частныхъ договоровъ зависѣли отъ договоровъ и основывались на нихъ. Въ это время всѣ князья были равны, хотя одни изъ нихъ и назывались старшими, а другіе младшими, но эти названія существовали только по договору; точно также по договору старшіе князья раздавали младшимъ волости, и какъ скоро нарушались, условія договора то уничтожались и всѣ права и обязанности, основывавшіяся на договорѣ.

Право престолонаслѣдія во время договорныхъ грамотъ было вообще неопредѣленно и постоянно колебалось между правомъ наслѣдованія сыновьями послѣ отца и установившимся обычаемъ наслѣдовать братьямъ послѣ братьевъ, къ прямой обидѣ дѣтей умершаго, съ явнымъ насиліемъ и борьбою. Къ этому еще присоединилось право выбора народнаго, а еще болѣе — право сильнаго и умѣющаго пользоваться обстоятельствами. Въ періодъ отдѣльныхъ или частныхъ съѣз-

довъ и договоровъ рѣшительно не обращалось вниманія ни на право наслѣдованія сыномъ, ни на право наслѣдованія старшимъ въ родѣ, а все зависѣло отъ согласія и воли союзниковъ и силы и ловкости того, кто заявлялъ свои претензіи на занятіе престола. Въ особенности такъ было въ отношеніи къ занятію кіевскаго престола. Тамъ не было никакой опредѣленной формы наслѣдованія, потому что предки всѣхъ княжескихъ родовъ успѣли перебывать на кіевскомъ престолѣ и слѣдовательно всѣ роды имѣли право претендовать на него. Сталобыть, Кіевъ былъ общимъ столомъ, не принадлежалъ ни одному княжескому роду въ отдѣльности. Многіе князья старались соединить Кіевъ съ своими наслѣдственными владѣніями, сдѣлать его отчиною для своего потомства и всѣхъ больше успѣли въ этомъ Всеволодъ Ярославичъ и сынъ его Мономахъ, такъ что послѣ почти тридцатилѣтняго владѣнія Кіевомъ, въ потомствѣ Мономаха выработалось убѣжденіе, что Кіевъ принадлежитъ къ ихъ отчинѣ. Но со времени Всеволода Ольговича Кіевъ въ дѣйствительности пересталъ быть отчиною какого-либо княжескаго рода. Право на Кіевъ стало зависѣть отъ союзовъ, отъ договоровъ между князьями, отъ силы успѣховъ въ войнѣ, безъ отношенія въ вотчинному праву. На основаніи договоровъ Кіевомъ стали владѣть и Мономаховичи всѣхъ поколѣній и всѣхъ степеней родства, и Ольговичи и Давыдовичи. Когда Мономаховичи, чувствуя себя сильными, требовали, чтобы Ольговичи навсегда отреклись отъ Кіева, то постоянно получали отрицательный отвѣтъ. Напримѣръ, когда въ 1195 году Рюрикъ кіевскій вмѣстѣ съ могущественнымъ Всеволодомъ и братомъ своимъ Давыдомъ Смоленскимъ послалъ къ Ярославу и ко всѣмъ Ольговичамъ требованіе: *„цѣлуй намъ крестъ со всею своею братьею, како бы не искати отчины нашея Кіева и Смоленска, подъ нами и подъ нашими дѣтьми, и подо всимъ нашимъ Володимеримъ племенемъ“*, то Ольговичи, признавая Смоленскъ отчиною Мономаховичей, о Кіевѣ отвѣчали: *„Ажъ ны еси вмѣнилъ Кыевъ, то же ны его блюсти подъ тобою и подъ сватомъ твоимъ Рюрикомъ, то въ томъ стоимъ; ажъ ны лишитися его велишъ отъинудь, то мы есмы не Угре, ни Ляховѣ, но единаго дѣда есмы внуцы, при вашемъ животѣ не ищемъ его, ажъ по васъ кому Богъ дастъ“*. Здѣсь явно отвергается всякое право отчинности, наслѣдства или родового старѣйшинства и признается только *право договора и право силы*. Въ одинаковое положеніе съ Кіевомъ былъ поставленъ и Переяславль — первоначальная отчина Всеволода Ярославича; онъ считался оплечьемъ Кіева отъ Половцевъ и потому долженъ былъ нести одинакую съ нимъ участь, т. е. имѣть князей не отчинниковъ, а по договорамъ кіевскаго князя съ своими союзниками. Кіевскій князь, получая кіевское княжество по договору съ своими союзниками, обыкновенно платился за это городами кіевской области и не только во время вступленія своего на престолъ, но и нерѣдко впродолженіи всего своего княженія, послѣ каждой ссоры съ своими ротниками, онъ переводилъ посаженниковъ изъ одного кіевскаго города въ другой, или выводилъ старыхъ не своихъ посаженниковъ, чтобы удовлетворить сильныхъ союзниковъ. Въ другихъ удѣльныхъ княжествахъ право престолонаслѣдія было болѣе опредѣленно, такъ какъ князья помощью отдѣльныхъ договоровъ постоянно старались ограждать неприкосновенность своихъ наслѣдственныхъ владѣній

и послѣ себя утверждать ихъ за своими дѣтьми. Впрочемъ, и въ этихъ княжествахъ, гдѣ успѣвалъ утверждаться тотъ, или другой княжескій родъ, также нельзя указать определеннаго закона престолонаслѣдія: въ однихъ изъ нихъ наслѣдовалъ братъ послѣ брата, въ другихъ—сынъ послѣ отца. Но этотъ порядокъ наслѣдованія не оставался постояннымъ и легко измѣнялся при обстоятельствахъ. Вслѣдствіе преобладанія отчиннаго права въ удѣльныхъ княжествахъ, хотя перемѣны князей и были довольно часты, но не такъ разнообразны и не такъ спорны, какъ въ Кіевѣ, и владѣнія почти не переходили изъ одного рода въ другой. Благодаря развитію отчиннаго права, княжества стали усиливаться; но это развитіе не вездѣ было одинаково и потому княжества получили не одинакую силу и значеніе. Такъ, Галицкое, слабѣйшее по своему началу, при помощи единовластія и наслѣдованія отъ отца къ сыну, т. е. при полномъ развитіи отчиннаго права, впродолженіи 93 лѣтъ, сдѣлалось сильнѣйшимъ между русскими княжествами. Княжество Суздальское впродолженіи 60 лѣтъ почти постоянно переходило отъ отца къ сыну и хотя послѣ Андрея Боголюбскаго тамъ начались безпорядки отъ вмѣшательства рязанскихъ князей, но за существовавшее отчинное право вступился народъ и одинъ изъ младшихъ сыновей Долгорукаго, Всеволодъ, успѣлъ окончательно утвердить за своимъ потомствомъ владѣніе столомъ отца. Впрочемъ и здѣсь не обошлось безъ раздробленія владѣній, но за то навсегда было отстранено постороннее вмѣшательство другихъ княжескихъ родовъ въ дѣла суздальскихъ князей. Въ Черниговскихъ владѣніяхъ отчинное право, со времени утвержденія его за Святославичами, хотя никогда не было нарушаемо, но постоянное вмѣшательство Святославичей въ дѣла кіевскаго княжества много препятствовало усиленію черниговскаго края: само отчинное право въ черниговскихъ владѣніяхъ нерѣдко подвергалось опасности, подчиняясь время отъ времени договорамъ между князьями, такъ какъ черниговскіе отчинники нерѣдко ставили впереди мѣстныхъ интересовъ черниговскаго края заманчивое право на владѣніе Кіевомъ. Рязанскія и Муромскія владѣнія, отдѣлившіяся отъ Черниговскихъ съ тѣхъ поръ, какъ Всеволодъ Ольговичъ выгналъ своего дядю Ярослава Святославича изъ Чернигова, постоянно оставались отчиною только по смерти Мстислава, сына Мономахова, когда онѣ достались его третьему сыну — Ростиславу. (Ростиславу наслѣдовалъ его сынъ Романъ; по смерти Романа княземъ сталъ его братъ Рюрикъ; Рюрику наслѣдовалъ двоюродный братъ его Мстиславъ, потомъ княжилъ Давидъ, сынъ Мстислава). Сильное участіе смоленскихъ князей въ дѣлахъ кіевскихъ препятствовало усиленію Смоленскаго княжества, но тамошніе князья жили согласно между собою, такъ что порядокъ престолонаслѣдія у нихъ почти не подчинялся договорамъ. Позднѣе другихъ сдѣлалось отчиннымъ владѣніемъ княжество Владимиро-Волынское. Тамошніе отчинники начинаются только съ сыновей Изяслава Мстиславича, который, получивъ это владѣніе по договору дядей, успѣлъ удержать его за своими наслѣдниками. Такимъ образомъ, Изяславъ исключилъ это княжество изъ того круговорота, въ которомъ оно обращалось вмѣстѣ съ Кіевомъ, и далъ ему нѣкоторую самостоятельность.

Отношеніе князей къ народу и къ землѣ. Въ непосредственной связи съ отношеніями князей другъ къ другу находятся отношенія князей

къ народонаселенію. Власть князя, освященная христіанскою церковью при Владимирѣ Святомъ и при сынѣ его Ярославѣ получила большое развитіе, такъ что лѣтописецъ называетъ уже Ярослава „*Самовласцемъ*“ русской земли. Но въ сущности Ярославъ не былъ самовластцемъ, преемники же его не только не могли продолжать это развитіе и усиленіе власти, но даже не могли удержать и того, что было пріобрѣтено Ярославомъ. Частые переходы, запутанность между-княжескихъ отношеній и происходившія оттуда насилія и непрочность правъ на владѣнія—все это не давало князьямъ возможности сблизиться съ народонаселеніемъ. Народъ, по здравому смыслу и по опыту предшествовавшаго времени, ясно сознавалъ необходимость княжеской власти и свято ее уважалъ, но по причинѣ частой перемѣны князей онъ долго не могъ привязаться ни къ одному княжескому дому изъ потомства Ярослава и для него всѣ князья сдѣлались равны. Народъ сталъ хладнокровенъ къ перемѣнамъ князей и старался возможно менѣе принимать участія въ этомъ дѣлѣ. Населеніе съ одинаковымъ усердіемъ принимало и Изяславичей, и Святославичей, и Всеволодовичей, защищало ихъ, если не могло уклониться отъ этой обязанности и считало возможнымъ отстаивать князя; въ противномъ же случаѣ оно прямо говорило князю, чтобы онъ уступилъ мѣсто противнику и удалился. „Теперь не твое время, приходи, когда будешь силенъ, не губи волость свою“. Особенно частая перемѣна князей происходила въ Кіевѣ, который сдѣлался какъ бы общимъ городомъ. Въ первые 65 лѣтъ по смерти Ярослава на кіевскомъ престолѣ успѣли перебывать всѣ князья, даже полоцкіе въ лицѣ Всеслава. Понятно, что земцы не имѣли возможности свыкнуться съ своими государями, слѣдовательно и князья не могли разсчитывать на ихъ помощь и защиту. Словомъ, княжеская власть въ настоящее время распространялась только на поверхности русскаго общества и не входила въ глубь его.

Князья во всѣхъ своихъ передвиженіяхъ и пріобрѣтеніяхъ волостей дѣйствовали первоначально только помощью своихъ дружинниковъ, этой вольницы, стекавшейся къ тороватому и удалому князю со всѣхъ сторонъ; это была первая опора княжеской власти, не имѣющая ничего общаго съ народомъ. Вторымъ пособникомъ князей въ ихъ завоеваніяхъ были Половцы. Они жили на самой Русской границѣ, за Сулою на Донцѣ, вплоть до Дуная, и въ настоящемъ періодѣ рѣшительно замѣнили собою Варяговъ. Половцы очень охотно поступали въ дружину князей; для нихъ было все равно—съ своими ли князьями грабить русскую землю, или съ русскими. Поэтому ни одно почти междоусобіе не обошлось безъ нихъ. Впродолженіи всего описываемаго времени не найдется такихъ князей, которые не прибѣгали бы къ Половцамъ, даже любимецъ народа — Владимиръ Мономахъ, пользовался ихъ помощью въ войнѣ съ Олегомъ, и, благодаря имъ, остался побѣдителемъ. На земщину же князья въ дѣлѣ пріобрѣтенія волостей не могли разсчитывать: земщина давала только содержаніе князю и его дружинѣ, а свои полки выставляла только на защиту городовъ. Лишь черезъ 70 лѣтъ по смерти Ярослава, когда княжескіе роды въ нѣкоторыхъ владѣніяхъ успѣли утвердиться и сблизиться съ народомъ, послѣдній сталъ принимать участіе въ ихъ дѣлахъ и интересахъ; такъ напр. Андрей Боголюбскій сблизился съ Суздальцами; точ-

но также въ Галичѣ, гдѣ постоянно были князьями Ростиславичи, земщина всегда стояла твердо за своего князя. Но все это въ то время было еще въ немногихъ владѣніяхъ. Участіе народонаселенія въ дѣлахъ своихъ князей—отчинниковъ съ своей стороны также много способствовало привязанности князей къ своимъ отчинамъ. Князья увидѣли, что однѣ дружины не достаточны для утвержденія ихъ власти, что въ междукняжескихъ спорахъ перевѣсъ силы почти всегда оставался за тѣмъ, кто дѣйствовалъ не одними дружинниками, но пользовался и помощью отчиннаго народонаселенія. Все это ежели и не уничтожало междоусобія, то по крайней мѣрѣ способствовало развитію княжеской власти и отучило князей отъ передвиженій изъ одной области въ другую. Князья стали заботиться не столько о переходѣ съ одного стола на другой, сколько о присоединеніи къ своимъ отчиннымъ владѣніямъ новыхъ областей и о подчиненіи себѣ сосѣднихъ князей на основаніи договоровъ. Такъ, Юрій Суздальскій, желая усилиться, сталъ постоянно жить въ Суздалѣ и вслѣдствіе этого оказался сильнѣе другихъ князей, такъ что скоро успѣлъ увеличить свои владѣнія на счетъ Смоленскаго княжества и Новгородцевъ. Андрей Боголюбскій еще тверже держался этого правила; такъ, завоевавъ Кіевъ, онъ не перешелъ туда княжить и уступилъ это право своему младшему брату, самъ же остался на сѣверѣ, стараясь присоединить другія владѣнія къ своей отчинѣ. Необходимымъ слѣдствіемъ этого порядка княжескихъ отношеній было появленіе нѣсколькихъ центровъ, къ которымъ стали примыкать сосѣднія владѣнія отдѣльныхъ князей; такимъ образомъ, появилось нѣсколько союзовъ — черниговскій, волынскій, галицкій, смоленскій, суздальскій; явилось нѣсколько федерацій, въ которыхъ всѣ союзные князья тянули къ старшему. Но эти центры, эти союзы были только временные и потому не могли раздѣлить Россіи на нѣсколько независимыхъ государствъ. Рано, или поздно всѣ эти центры должны были примкнуть къ одному главному и общему центру. Таковымъ центромъ могло сдѣлаться то владѣніе, въ которомъ князь близко сойдется съ народомъ и гдѣ опорой своей власти будетъ имѣть земщину. Единство религіи, языка и происхожденія всего русскаго народа постоянно ручались за его единство и нераздѣльность и за то, что отдѣльные союзы, сосредоточенные около своихъ центровъ, составятъ одинъ общій и неразрывный союзъ около главнаго центра. Такъ, когда Кіевъ утратилъ свое центральное значеніе, то всѣ русскіе города потянули къ Владиміру, а когда Владиміръ пересталъ быть центромъ всѣхъ городовъ и союзовъ, тогда возвысилась Москва и сложилось московское государство.

Утверждаясь въ своихъ отчинныхъ владѣніяхъ и сближаясь съ земщиной, князья вмѣстѣ въ этимъ старались о пріобрѣтеніи земель въ свою частную собственность; они начали покупать волости, расчищать лѣса, населять ихъ своими челядинцами, или вольными земледѣльцами и промышленниками, и вводить въ этихъ земляхъ хозяйственное устройство частныхъ собственниковъ. Конечно, княжеская частная поземельная собственность не была новостью въ этомъ періодѣ, она существовала и раньше, но въ прежнее время поземельная собственность князей имѣла другое значеніе; тогда она нужна была

князьямъ, какъ пришельцамъ для того, чтобы дать ихъ власти надлежащій вѣсъ въ отношеніи къ общинѣ; въ настоящее же время въ поземельной собственности князья находили главную опору своего могущества: она и сближала ихъ съ земщиною и привязывала къ нимъ дружинниковъ, которые стали получать въ этомъ періодѣ помѣстья и можетъ быть даже отчины. Такъ, въ 1150 году Изяславъ Мстиславичъ, въ походѣ своемъ къ Кіеву противъ Юрія, побуждалъ дружинниковъ именно тѣмъ, что онъ, выгнавъ Юрія, возвратилъ свою поземельную собственность, лежащую въ кіевскихъ владѣніяхъ. Вотъ слова лѣтописи: „*Изяславъ же рече дружинѣ своей: вы есте по мнѣ изъ Русскыe земли вышли, своихъ селъ и своихъ жизній лишився, а азъ пакы своея дѣдины и отчины не могу перезрѣти; но любо голову свою сложу, пакы ли отчину свою налезу и вашу всю жизнь*“. Князья въ настоящемъ періодѣ особенно старались о распространеніи своей поземельной собственности и поэтому пріобрѣтали ее посредствомъ купли у частныхъ лицъ, дареніемъ, по наслѣдству и расчисткою дикихъ полей и лѣсовъ. Такъ князь Волынскій Владиміръ Васильковичъ въ своемъ завѣщаніи говоритъ, что онъ купилъ село Березовичи у Юрьевича у Давыдовича Ѳедорко и далъ на немъ 50 гривенъ кунъ, 5 локоть скорлато, да брони досчатыя. Князья этого періода такъ дорожили частною поземельною собственностью, что обыкновенно называли ее своею жизнью. Такъ подъ 1148 годомъ лѣтопись говоритъ: „Изяславъ ту (у Чернигова) стоя и позже вся селы ихъ (черниговскихъ князей) Оли и до Бѣловска. И нача молвити Изяславъ: „*се есмы села ихъ пожгли вся и жизнь ихъ всю и они* (кн. Черниг.) *къ намъ не идутъ* (не вступаютъ въ сраженіе и не просятъ мира); *а поидемъ къ Любчю, идѣже ихъ есть вся жизнь*“. И походъ Изяслава къ Любечу оправдалъ его слова: Черниговскіе князья, опасаясь за свою поземельную собственность, сосредоточенную у Любеча, дѣйствительно пошли туда съ своими полками и Половцами вслѣдъ за Изяславомъ. При таковомъ значеніи княжеской поземельной собственности князья въ своихъ междоусобіяхъ вступали въ договоры съ городами, принадлежащими ихъ противникамъ, и щадили земщину, но въ то же время были неумолимы къ частной собственности своихъ соперниковъ. Напр. Изяславъ въ 1146 году вмѣстѣ съ Кіевлянами грабилъ дома дружины Игоревой и Всеволодовой, и села, и скотъ и всякое имѣніе въ домахъ и монастыряхъ. Точно также и союзники Изяслава, осаждая Новгородъ-Сѣверскій, безжалостно грабили и жгли села, дворы и жита, принадлежавшіе Святославу и Игорю. Но тотъ же Изяславъ и его союзники цѣловали крестъ Путивльцамъ, подданнымъ Святослава, на томъ, что они не будутъ безпокоить ихъ и не отдадутъ на полонъ; и дѣйствительно, взявши Путивль, они только вывели оттуда посадника Святославова и посадили своего, горожанъ же не безпокоили. Но бывшій тамъ дворъ Святославовъ съ церковью разграбили въ конецъ,— не пощадили ни сосудовъ церковныхъ, ни ризъ, ни колоколовъ; въ лѣтописи прямо сказано: „*И не оставиша ничто же княжа, но все раздѣлиша*“. Впрочемъ, не смотря на такія отношенія однихъ князей къ частной собственности другихъ, тогда же входило въ правило то, что князья имѣли частную поземельную собственность въ областяхъ своихъ противниковъ, — значитъ, частная собственность князей была

совершенно отдѣлена отъ собственности государственной. Частная поземельная собственность князей и ихъ дружинниковъ нѣкоторымъ образомъ связывала всѣ русскія владѣнія между собою. Право на частную поземельную собственность по всѣмъ владѣніямъ Руси, конечно, было одною изъ многихъ причинъ, почему князья, часто несогласные между собою, почти постоянно были согласны въ томъ, чтобы не допускать чужеземцевъ къ занятію какой-либо части Русской земли.

Княжеская власть по отношенію къ народонаселенію во второмъ періодѣ, также, какъ и въ первомъ, выражалась:

во 1-хъ, *въ судѣ и въ управленіи волостями.* Судъ и управа производились княземъ черезъ его посадниковъ и тіуновъ. Поэтому, первымъ дѣломъ князя по занятіи какой-либо волости было смѣнить посадниковъ и тіуновъ прежняго князя и назначить своихъ; такъ напр. въ 1146 году Изяславъ по занятіи Путивля немедленно выслалъ оттуда прежняго посадника и посадилъ своего; или еще раньше, въ 1079 г. Всеволодъ Ярославичъ, отнявши Тмутаракань у Святославичей, немедленно посадилъ тамъ своего посадника Ратибора [1]). Эти свидѣтельства показываютъ, что посадникамъ ввѣрялась отъ князей защита княжескихъ владѣній; слѣдовательно, при нихъ была и дружина, которая поддерживала власть князя и вмѣстѣ съ тѣмъ охраняла волость. Посадники въ этомъ періодѣ значили то же, что въ первомъ княжескіе мужи, которымъ князья поручали города, и что впослѣдствіи—намѣстники, городскіе воеводы. Посадникамъ иногда предоставлялась не только защита волости и поддержаніе княжеской власти, но имъ принадлежалъ и княжій судъ съ правомъ судить даже уголовныя преступленія съ тѣмъ, однако, ограниченіемъ, чтобы они судили не иначе, какъ при посредствѣ земскихъ выборныхъ людей. Подъ 1176 г. лѣтопись говоритъ: *„Сѣдящемъ въ княжескые земля Ростовскы роздаяли бяста по городамъ посадничество русьскимъ дѣтьцкимъ; они же многу тяготу людямъ симъ сотвориша продажами и вирами“.* Съ тѣми же правами и обязанностями князья сажали по городамъ тіуновъ; разница состояла только въ томъ, что тіунамъ поручались города и волости незначительныя. Но главная обязанность тіуновъ состояла въ томъ, чтобы быть при князѣ, или посадникѣ для суда и расправы. Такъ, въ 1146 г. Кіевляне, недовольные кіевскимъ тіуномъ Ратшею и вышгородскимъ Тудоро, требуютъ отъ Святолослава и Игоря, чтобы они сами занимались судомъ и расправою: *„рекуче: Ратша ны погуби Кіевъ, а Тудоръ Вышегородъ; се нынѣ княже Святославъ цѣлуй намъ хрестъ и съ братомъ своимъ: аще кому насъ будетъ обида, то ты прави“.* (II, 22). Посылка тіуна въ какой-нибудь городъ была первымъ и главнымъ выраженіемъ княжеской власти. Такъ, когда въ 1169 г. Кіевъ былъ уступленъ Мстиславу Изяславичу, то лѣтопись говоритъ, что „Мстиславъ посла Володислава Воротиславича передъ собою къ Василькови Ярославичу, веля

---

[1]) Всеволодъ, князь Кіевскій,—см. „Разск. изъ Русской Исторіи“, Бѣляева; кн. I, стр. 122.

Объ Олегѣ Святославичѣ лѣтопись подъ 1096 годомъ говоритъ: *„И перея всю землю Муромскую и Ростовскую и посажая посадники своя по городамъ и дани поча имати“.* (Ник. сп. ч. II, стр. 17, изд. 1768 г.).

ему сѣдѣти въ Кіевѣ до себѣ, и тіунъ свой посла". Имѣя посадниковъ и тіуновъ, князья въ то же время сами производили судъ и расправу и съ этою цѣлью ѣздили по областямъ. Во время этихъ объѣздовъ князья собирали такъ называемое полюдье. Подъ 1190 годомъ въ лѣтописи сказано о епископѣ Ростовскомъ Іоаннѣ, что онъ пришелъ въ свою епископію *„тогда сущу великому князю* (Всеволоду) *въ Ростовѣ въ полюдьи"*. Это была подать подушная; она не была опредѣлена заранѣе и давалась князю, какъ подарокъ.

Во 2-хъ, княжеская власть *выражалась въ законодательствѣ*. Такъ, мы знаемъ, Ярославъ Владимировичъ издалъ законъ подъ именемъ „Русской Правды"; потомъ сыновья его—Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ—вмѣстѣ съ своими мужами: Коснячкомъ, Перенегомъ, Микифоромъ Кіяниномъ и Чудиномъ Микулою дополнили „Правду" Ярослава. Далѣе, Владиміръ Мономахъ съ кіевскимъ тысяцкимъ Ратиборомъ, Прокопіемъ Бѣлогородскимъ и Станиславомъ Переяславскимъ, съ Нажиромъ Мирославомъ и съ Ольговымъ мужемъ Иванкомъ Чудиновичемъ издали законъ о ростахъ и другія узаконенія. Очевидно и другіе князья также издавали свои узаконенія для судныхъ дѣлъ и для опредѣленія различныхъ правъ; такъ, извѣстны церковные уставы князей новгородскихъ Святослава и Всеволода, уставъ Ростислава Смоленскаго и узаконеніе о ворахъ Изяслава Ярославича. Вмѣстѣ съ судными законами князьямъ также принадлежали законы о разныхъ податяхъ и повинностяхъ, на что частію указываетъ и Русская Правда, гдѣ есть уроки мостнику, городнику и пр. Въ Русской же Правдѣ и въ лѣтописи упоминаются мытники, т. е. сборщики мытныхъ пошлинъ на торгахъ, мостахъ и перевозахъ, которые для исправленія должности, конечно, получали наказы или уставы отъ князей; самая раскладка податей, или по крайней мѣрѣ основныя правила раскладки, также зависѣли отъ князя. Мы не знаемъ, какую долю участія народъ имѣлъ въ законодательствѣ, но участіе его въ лицѣ выборныхъ тысяцкихъ засвидѣтельствовано во многихъ памятникахъ. Притомъ, нельзя предполагать, чтобы все законодательство было сосредоточено въ рукахъ князя. Въ описываемое время не было полнаго положительнаго закона, право выражалось въ обычаяхъ. Поэтому князья только формулировали или отмѣняли утвердившійся обычай.

Въ 3-хъ, князю принадлежало право *собирать опредѣленную дань съ волостей*. По общему тогдашнему порядку дань и подать установлялись по обоюдному согласію князя съ земщиной и по заранѣе составленнымъ росписямъ, въ которыхъ ясно опредѣлялось, съ какой волости и какую именно брать дань и пошлину. Доказательство на это мы находимъ въ уставной грамотѣ Ростислава Мстиславича Смоленскаго, изданной въ 1150 г., въ которой росписано, съ какого города, волости, или погоста сколько получать пошлинъ. Кромѣ того, мы имѣемъ на это указаніе въ лѣтописяхъ, въ которыхъ разсказывается напр. о томъ, что когда какой нибудь князь уступалъ другому свою волость, то обыкновенно требовалъ, чтобы ему ежегодно выплачивалось столько, сколько давала дохода уступленная волость. Вообще, земщина платила князю подати не иначе, какъ по заранѣе составленному условію. Впрочемъ, бывали случаи, что князья налагали подати на земцевъ и безъ ихъ согласія; но это было исключеніе изъ общаго

правила,—именно, князья назначали подати только на волости, провинившіяся передъ ними. Такъ, Мстиславъ Даниловичъ Владимиро-Волынскій установилъ собирать ловчую съ города Берестья за то, что жители его передались было польскому королю. Въ грамотѣ Мстислава Даниловича, Владимиро-Волынскаго князя, сказано: „*Се азъ князь уставляю ловчее на Бератьяны: со ста по двѣ лукнѣ меду, а по двѣ овцѣ, а по пятнадцать десятка въ льну, а по сту хлѣбовъ, а по пяти цебровъ овса, а по пяти цебровъ ржи, а по 20 куровъ; и по толку со всякаго ста, а на горожанахъ четыре гривны кунъ*“ (П. 225). Князья имѣли право отдѣлять на себя разныя угодья и доходы; такъ, въ 1240 г. Даніилъ Романовичъ велѣлъ отлучить на себя колымыйскую соль (П. 179). Князья посылали отъ себя довѣренныхъ чиновниковъ для переписи областей; такъ, въ 1241 г. Даніилъ Романовичъ посылалъ печатника Кирилла исписати грабительства нечестивыхъ бояръ; или по выходѣ изъ галицк. владѣній Телебуги и Нечая: „*Левъ князь*“, сказано въ лѣтописи: „*сочте, колко погибло въ его землѣ людій, што поимано, избито и што ихъ волею Божіею измерло*“ (П. 212). Что волости у князей всѣ были переписаны и приведены въ извѣстность (относительно доходовъ, съ нихъ получаемыхъ), на это очень ясно указываетъ лѣтопись подъ 1195 годомъ, гдѣ сказано, что Романъ Волынскій, при передачѣ городовъ Всеволоду Суздальскому, говорилъ великому князю кіевскому Рюрику: „*Отче! то ти про мене тобѣ не жити, сватомъ своимъ и въ любовь не внити? а мнѣ любо иную волость въ тое мѣсто даси любо купами даси за нее, во что будетъ была*“ (П. 145). Или еще яснѣе уставная грамота Ростислава Смоленскаго 1150 г., гдѣ даже показано, сколько съ какого погоста шло разныхъ доходовъ въ казну князя.

Въ 4-хъ, князья *получали отъ земщины города* съ землями и угодьями. Такіе города назывались княжими и находились въ полной зависимости отъ князей. Изъ этихъ земель князь выдѣлялъ часть на помѣстья своимъ дружинникамъ, а съ остального самъ непосредственно получалъ доходы на свое содержаніе. Такая отдача городовъ князьямъ существовала еще со времени призванія Варяговъ, и этотъ порядокъ продолжался до прекращенія Рюриковой династіи. Говорятъ, что помѣстья получали начало со временъ Ивана Васильевича III, но это мнѣніе не выдерживаетъ критики. Указанія лѣтописей свидѣтельствуютъ, что помѣстья существовали уже при Владимирѣ Св. Со временъ Ивана Васильевича, правда, впервые встрѣчаются указы, сколько земли дается такому-то дворянину; но заключать изъ этого, что именно съ этого времени началась раздача помѣстій — значитъ не знать русской исторіи.

Княжеская власть въ это время поддерживалась не столько силою, сколько правомъ князей, освященнымъ религіею и любовью народа къ своимъ отчиннымъ князьямъ. Тогдашняя исторія представляетъ намъ множество примѣровъ расположенія къ князьямъ народа; такъ, напр., подъ 1168 г. въ лѣтописи говорится, что когда отчинный смоленскій князь Ростиславъ Мстиславичъ ѣхалъ изъ Кіева въ Новгородъ черезъ Смоленскъ, то начали его встрѣчать лучшіе мужи Смольняне за 300 верстъ, затѣмъ встрѣтили внуки, далѣе сынъ Романъ, епископъ Мануилъ и тысяцкій,—и наконецъ „*малъ не весь градъ изиде*

противу ему; и тако вельми обрадовашася вси приходу его и множество даровъ подаяши ему". Подобная же встрѣча была Изяславу Мстиславичу въ Новгородѣ; подъ 1148 годомъ лѣтопись говоритъ: „*Слышавше Новгородцы оже Изяславъ идетъ къ нимъ и возрадовашася радостью великою и тако изыдоша Новгородци противу ему три днищъ, а иніи всими силами усрѣтоша й днеще отъ Новгорода*". Князья съ своей стороны дорожили расположеніемъ народа и не упускали случая выказывать свое вниманіе и расположеніе къ нему. Такъ, Изяславъ, ласково встрѣченный въ Новгородѣ, на другой же день, по словамъ лѣтописи, „*посла подвойсковы и берючь по улицамъ кликати, зовучи на обѣдъ отъ мала до велика, и тако обѣдавше веселишася радостью великою и честью и разъидошася во своя домы*". Владиміръ Св., какъ извѣстно, каждую недѣлю давалъ обѣды всѣмъ нарочитымъ людямъ. О Владимірѣ Мономахѣ и Андреѣ Боголюбскомъ лѣтописи говорятъ, что они часто давали обѣды народу и раздавали много милостыни нищимъ и убогимъ. Подобныхъ примѣровъ щедрости князей лѣтописи представляютъ намъ очень много. Нужно замѣтить, что народъ въ особенности любилъ и уважалъ тѣхъ изъ своихъ многочисленныхъ государей, которые славились дѣлами милости; поэтому изъ всѣхъ князей того времени мы не найдемъ и пяти, подобныхъ Святополку — Михаилу, которые были бы грубы и жестоки съ народомъ. Вотъ положеніе княжеской власти въ первую половину описываемаго періода.

Дружина. Характеръ княжеской дружины потерпѣлъ сильное измѣненіе во второмъ періодѣ. Еще при Владимірѣ Святомъ варяжскій элементъ дружины потерялъ свое первенствующее значеніе. Владиміръ, отнявши Кіевъ у Ярополка, выпроводилъ въ Грецію буйныхъ Варяговъ — дружинниковъ и оставилъ изъ нихъ только немногихъ, людей смышленныхъ и храбрыхъ. Онъ понималъ, что эти вольные и безпокойные дружинники могли быть большой помѣхой для его власти и что гораздо лучше замѣнить ихъ русскими, незнакомыми съ характеромъ старой дружины и съ ея отношеніями къ князьямъ. Преемники Владиміра подражали его примѣру и Варяги перестали наполнять княжескія дружины, такъ что хотя при Ярославѣ еще отъ времени до времени они и появлялись въ Новгородѣ и Приднѣпровьѣ, но уже не какъ дружинники, а какъ наемники, подобно Печенѣгамъ, и по окончаніи похода, за очень немногими исключеніями, удалялись на родину. По смерти же Ярослава лѣтописи уже больше не упоминаютъ о варяжскихъ дружинахъ. Князья нашли средства дополнять свои дружины, не вызывая Варяговъ; въ дружину стали поступать охотники изъ туземцевъ и пришельцевъ изъ разныхъ странъ — изъ Венгріи, Польши, отъ Торковъ, Печенѣговъ, Половцевъ, Яссовъ, Коссоговъ и др., въ чемъ можно убѣдиться по именамъ дружинниковъ, встрѣчающимся въ лѣтописяхъ. Такъ, у Бориса Владиміровича мы встрѣчаемъ дружинникомъ Георгія, родомъ Угрянина, или Венгерца, у Святополка Ляшко, очевидно Ляхъ, Полякъ, — у Глѣба Торчино, у Владиміра Ярославича — Вышоту, очевидно Новгородца или Кіевлянина, у Ростислава Владиміровича Тмутараканскаго Порея и Вышоту, сына Остромира, воеводы Новгородскаго; у Андрея Боголюбскаго былъ ключникъ Анъбалъ, Ясинъ родомъ; у Владиміра Мстиславича въ 1149 году былъ въ числѣ дружинниковъ Нѣмчинъ. Въ самыхъ народныхъ сказкахъ явля-

ются дружинниками Владимира — Добрыня Никитичъ — Новгородецъ, Илья Муромецъ, Алеша Поповичъ—Ростовецъ, Акундинъ Ивановичъ, Микула Микитичъ, Чурило Пленковичъ—пришлецъ изъ Суража.

Новый составъ дружинъ съ явнымъ перевѣсомъ на сторонѣ туземцевъ, хотя и не слилъ ихъ съ земщиною, но тѣмъ не менѣе далъ нѣсколько иное направленіе ихъ характеру. Дружинники со временъ Ярослава много утратили отъ своей прежней подвижности, они сдѣлались болѣе осѣдлыми. Это произошло съ одной стороны оттого, что дружинники, принадлежавшіе по своему происхожденію къ туземцамъ, привязывались къ мѣсту родственными связями съ земщиною и недвижимыми имѣніями, имъ принадлежащими, а съ другой стороны дружинники и изъ чужеземцевъ скоро обзаводились поземельными владѣніями частью на помѣстномъ правѣ, полученными отъ князя, а частью вотчинами — по покупкамъ, приданому за женами и другимъ способомъ пріобрѣтенія. Впрочемъ, дружинники въ это время не на столько еще были привязаны къ землѣ, чтобы она всегда могла удержать ихъ въ случаѣ перехода князя въ другое владѣніе; личная привязанность къ доброму князю, а чаще всего богатая добыча и смѣлыя предпріятія князя побуждали дружинниковъ оставлять пріобрѣтенныя ими земли и слѣдовать за княземъ. Такъ, въ 1150 году, когда Изяславъ Мстиславичъ былъ прогнанъ Юріемъ Долгорукимъ изъ Кіева на Волынь, то многіе изъ дружинниковъ, имѣнія которыхъ лежали въ Кіевскомъ княжествѣ, послѣдовали за Изяславомъ на Волынь и, какъ говоритъ лѣтопись, *„вы есте по мнѣ изъ Русскіе земли вышли, своихъ селъ и своихъ жизней лишився“*. Нерѣдко дружинники шли за княземъ, но имѣнія ихъ все-таки оставались за ними, если эти имѣнія были родовыя. Но не всѣ дружинники слѣдовали за своимъ княземъ, многіе оставались въ прежней области на правахъ земцевъ. Впрочемъ, для дружины было не безопасно оставаться по переходѣ князя въ другое владѣніе. Въ этомъ случаѣ не только имущество, но и жизнь ихъ бывали въ опасности отъ земцевъ, а иногда и отъ новыхъ князей. Лѣтописи представляютъ много доказательствъ на это; такъ, подъ 1158 годомъ говорится, что Кіевляне по удаленіи изъ Кіева Юрія Долгорукаго, стали грабить и убивать дружинниковъ, оставшихся послѣ него въ кіевскомъ княжествѣ: *„избивахутъ Суздальцы по городомъ и по селомъ, а товаръ ихъ грабяче“*. Сами дружинники, если они были пришельцами изъ другого княжества, плохо сживались съ земцами, грабили ихъ и вообще дѣлали разныя насилія; такъ напр., дружинники, приведенные въ Суздальскую землю Ростиславичами изъ Приднѣпровья, отягощали народъ вирами и продажами, вслѣдствіе чего Владимирцы говорили о Ростиславичахъ: *„а си князи, акы не свою волость творита, ако не творячеся у насъ сѣдѣти, грабита не только волость всю, но и церкви“*. Въ самомъ законодательствѣ того времени княжая дружина была рѣзко отдѣлена отъ земщины и въ нѣкоторомъ отношеніи поставлена даже выше ея. Такъ, въ троицкомъ спискѣ Русской Правды за убійство дружинника положено виры 80 гривенъ, а за убитіе земца 40 гривенъ: *„Положити за голову 80 гривенъ, аче будетъ княжъ мужъ, или тіуна княжа; аще ли будетъ Русинъ, или гридь, любо купецъ, любо тивунъ боярскъ, любо мечникъ, любо изгой, или Словенинъ, то 40 гривенъ положити занъ“*. Впрочемъ, должно

допустить, что дружинники въ разное время и въ разныхъ княжествахъ находились не въ одинаковыхъ отношеніяхъ къ земщинѣ; такъ, дружина тѣснѣе сливалась съ земщиною въ тѣхъ княжествахъ, въ которыхъ удавалось владѣть безъ перерыва нѣсколькимъ поколѣніямъ изъ одного и того же княжескаго дома, въ силу перехода владѣнія отъ отца къ сыну, или даже и отъ брата къ брату, и отъ дяди къ племяннику, лишь бы только новые владѣльцы проживали прежде въ томъ же краю и не приводили съ собою новой дружины незнакомой туземцамъ. Такъ это и было, по свидѣтельству лѣтописи, въ Галичѣ, Смоленскѣ, Полоцкѣ и въ Рязани, исторія которыхъ рѣзко отличается отъ исторіи другихъ княжествъ русскихъ, и именно тѣмъ, что здѣсь дружина является почти совершенно слитою съ земщиною. Дружинники впродолженіи нѣсколькихъ поколѣній, проживая на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, до того привязывались къ своей новой родинѣ, что уже не отличали своихъ интересовъ отъ интересовъ земщины и превратились въ совершенныхъ земцевъ. Въ самихъ лѣтописяхъ мы уже не встрѣчаемъ различія между дружинниками и земцами ни въ Галицѣ, ни въ Полоцкѣ, ни въ Смоленскѣ, ни въ Рязани; во всѣхъ событіяхъ, принадлежащихъ исторіи этихъ княжествъ, лѣтописи ни разу не говорятъ о княжой дружинѣ,—у нихъ вездѣ являются полки Смолянъ, Полочанъ, бояре галицкіе, бояре рязанскіе, состоящіе на службѣ у тамошнихъ князей, но не княжіе дружинники въ смыслѣ пришельцевъ съ княземъ. Совершенно иное видимъ мы въ Кіевѣ, Черниговѣ, а въ началѣ и въ Суздалѣ, который по характеру дружины рѣзко отличался напр. отъ Рязани. Въ немъ дружина была пришлая, постоянно измѣнявшаяся, тогда какъ въ Рязани она сдѣлалась постоянной, туземной. Въ Рязани, напр., у князя было 500 совѣтниковъ; а въ такомъ огромномъ числѣ непремѣнно должно предполагать и земскихъ бояръ; въ Кіевѣ же и Суздалѣ земщина не принимала никакого участія въ дѣлахъ князя; 500 совѣтниковъ являются и въ Галичѣ, въ краѣ отдаленномъ отъ Рязани, но связаннымъ съ нимъ родствомъ княжескаго дома. Такимъ образомъ, мы видимъ два рода отношеній дружины къ земщинѣ: въ однѣхъ княжествахъ дружинники находились въ очень близкихъ отношеніяхъ къ земщинѣ; въ другихъ же, напротивъ, дружинники такъ мало сближались съ ними, что при переходѣ князя въ другое владѣніе должны были слѣдовать за нимъ, потому что въ противномъ случаѣ они потерпѣли бы различныя притѣсненія отъ земцевъ.

Отношеніе дружины къ князю. Въ отношеніи къ князю дружина по прежнему была главной опорой его власти, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Дружинники составляли непосредственное войско князя,—съ ними онъ добывалъ себѣ волости, съ ними защищалъ свою власть. Дружинники переходили съ княземъ изъ одного владѣнія въ другое и даже бывали при князьяхъ, не имѣвшихъ владѣнія; такъ, князь Иванъ Берладникъ съ своею дружиною переходилъ на службу отъ одного князя къ другому и содержалъ свою дружину жалованьемъ, которое получалъ отъ князей. Сынъ Берладника, бывшій тоже безудѣльнымъ княземъ, также имѣлъ свою дружину, въ лѣтописи сказано, что онъ, позванный Галичанами, „*приде къ полкимъ галичьскимъ въ малѣ дружинѣ*“. Предокъ Берладника, князь Ростиславъ Владими-

ровичъ, не имѣвши еще никакой области и проживая въ Новгородѣ, также имѣлъ уже при себѣ дружину и при ея помощи завоевалъ Тмутаракань; сыновья Ростислава—Рюрикъ, Володарь и Василько—также имѣли при себѣ дружины, прежде нежели успѣли добыть себѣ волости. Олегъ Святославичъ, лишенный отцовскихъ владѣній, также имѣлъ при себѣ дружину и съ помощью ея и Половцевъ, успѣлъ возвратить себѣ отчину. Вообще, каждый князь, имѣвшій хоть какія нибудь средства и пріобрѣтшій извѣстность своею храбростью, ласкою, или щедростью, не имѣлъ недостатка въ дружинникахъ, хотя не многочисленныхъ, но храбрыхъ и преданныхъ ему. Даніилъ Заточникъ, жившій въ XII в., такъ описываетъ легкое пріобрѣтеніе дружины: „*Князь щедръ отецъ есть всѣмъ, слузи бо мнози отца и матери лишаются и къ нему прибѣгаютъ*". По свидѣтельству того же Даніила имѣть много дружины считалось честью и славою князя. Князья принимали въ дружину всякаго, къ какому бы онъ роду или племени ни принадлежалъ; сначала вновь поступившему давали должности самыя незначительныя, но впослѣдствіи, по заслугамъ, онъ могъ достичь высшихъ степеней, сана боярскаго и богатства. Такъ, у Андрея Боголюбскаго былъ одинъ дружинникъ, пришедшій къ нему безъ куска хлѣба, весь оборванный, онъ кололъ дрова при княжемъ дворѣ, а впослѣдствіи сталъ управлять всѣмъ княжимъ дворомъ.

Раздѣленіе дружины. Дружина княжая раздѣлялась на старшую и младшую. Старшую дружину составляли бояре и мужи, думцы князя, занимавшіе важныя должности; къ младшей же принадлежали отроки, дѣтскіе, слуги, гриди, мечники и другіе мелкіе прислужники. Различіе между старшею и младшею дружиною рѣзко было обозначено и въ самомъ законодательствѣ, ибо въ одномъ изъ списковъ Русской Правды за старшаго дружинника положено виры 80 гривенъ, а за младшаго, наравнѣ съ земцемъ, 40 гривенъ. Впрочемъ, въ сущности, какъ старшіе, такъ и младшіе, были равны; каждый дружинникъ могъ дослужиться до высшихъ государственныхъ должностей. Условія службы, какъ въ старшей, такъ и въ младшей дружинѣ, были одни и тѣ же; основаніемъ же дѣленія были заслуги и богатство каждаго. Но легче всего видѣть отличіе старшей дружины отъ младшей изъ разсмотрѣнія правъ и обязанностей той и другой.

Старшая дружина. Разсмотримъ ея права и значеніе. 1) Старшіе дружинники постоянно представляются въ лѣтописяхъ думцами князя, княжими мужами, боярами, безъ ихъ совѣта князь почти ничего не предпринималъ. Такъ, Даніилъ Заточникъ говоритъ, что „*князь не самъ впадаетъ во многія въ злыя вещи, но думцы вводятъ; за добрымъ бо думцею князь высока стола додумается, а съ лихимъ думцею думаетъ и малаго стола лишенъ будетъ*". Въ лѣтописяхъ дружинники также являются совѣтниками князей. Такъ, подъ 1157 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что Юрій Долгорукій послѣ неудачной осады Владиміро-Волынска „*вздумавъ съ дѣтьми своими и съ мужи своими, воротися въ Кіевъ*". Даже о своихъ намѣреніяхъ князья всегда напередъ объявляли своей дружинѣ, въ противномъ случаѣ дружинники отказывались помогать князю и прямо говорили: „*О себѣ еси, княже, замыслилъ, а не ѣдемъ по тебѣ; мы того не вѣдали*",—какъ

это было съ Владимиромъ Мстиславичемъ, который, не посовѣтовавшись съ старшею дружиною, хотѣлъ ѣхать къ Берендеямъ.

2) Иногда старшіе дружинники являются главными предводителями войскъ при младшихъ князьяхъ. Такъ, къ 1116 году Владиміръ Мономахъ посылалъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ молодымъ Вячеславомъ, главнымъ предводителемъ войскъ, Ѳому Ратибора на Дунай; также и въ 1113 году, во время похода на Болгаръ, хотя при войскѣ находились сыновья князей Владимірскаго, Муромскаго и Рязанскаго, тѣмъ не менѣе главнымъ предводителемъ войска былъ дружинникъ Борисъ Жидиславичъ. Въ лѣтописи прямо сказано: „*И Борисъ Жидиславичъ бѣ воевода въ то время, и нарядъ весь держаше*". Конечно, не всѣ старшіе дружинники были предводителями войскъ, но они всегда были главной военной силой князя; они всегда сражались около князя, въ центрѣ войска, и рѣшали сраженіе.

При вступленіи въ походъ старшіе дружинники приводили съ собою значительные отряды вооруженныхъ слугъ на своемъ иждивеніи, и чѣмъ кто больше водилъ на войну слугъ, тѣмъ больше имѣлъ значенія у князя, такъ что въ лѣтописи мы встрѣчаемъ особыя дружины, принадлежащія боярамъ, или старшимъ княжимъ мужамъ. Такъ, подъ 1095 годомъ упоминается дружина Ратибора, принадлежавшая старшему боярину Всеволода Ратибору. Бояре или старшіе дружинники иногда вступали въ бой только съ своимъ полкомъ. Такъ, рязанскій бояринъ Евстафій Коловратъ, при нашествіи Батыя на Рязанскую землю, привелъ свой полкъ въ 1700 человѣкъ изъ Чернигова и смялъ полки Батыевы. Иногда же старшіе мужи держали своими людьми города. Такъ подъ 1213 годомъ лѣтопись говоритъ, что Галицкій бояринъ Судиславъ держалъ своими людьми Городокъ и успѣлъ отстоять его отъ войскъ Мстислава. Послѣдующее законодательство московскаго періода подтверждаетъ существованіе отдѣльныхъ отрядовъ у бояръ, ибо въ этомъ періодѣ было узаконено, сколько слугъ долженъ былъ привести съ собою каждый бояринъ на службу московскаго государя. Понятно, это узаконеніе было только опредѣленіемъ исконнаго порядка службы боярской.

3) Старшіе дружинники были какъ бы посредниками между князьями. Князья сносились другъ съ другомъ не иначе, какъ черезъ старшихъ дружинниковъ; и всѣ договоры между князьями скрѣплялись клятвою какъ самихъ князей, такъ и ихъ дружинниковъ. Такъ, въ 1150 году, при заключеніи союза между Изяславомъ и Вячеславомъ сказано: „*И тако цѣловаша крестъ у святаго мученику на гробѣ, на томъ: Изяславу имѣти отцемъ Вячеслава, а Вячеславу имѣти сыномъ Изяслава, на томъ же и мужи его цѣловаша крестъ, яко межи ими добра хотети и чести его стеречи, а не сваживати его*". Дружинники даже участвовали въ судѣ между князьями. Такъ, въ 1096 году Святополкъ и Мономахъ, приглашая въ Кіевъ Олега, говорили ему: „*Поиде Кыеву, да порядъ положимъ о Рустѣй землѣ предъ епископы и предъ игумены и предъ мужи отецъ нашихъ и передъ людьми градскими*".

4) Старшимъ дружинникамъ поручалась даже опека надъ малолѣтними князьями. Въ этомъ отношенія князья руководились прямымъ интересомъ: отдать сына въ опеку другому князю, даже своему родственнику, значило подчинить ему свою волость, а на это земщина

никогда не соглашалась,—поэтому князья болѣе довѣряли дружинникамъ. Такъ, Мстиславъ Ростиславовичъ въ 1179 г. при смерти своей поручилъ опеку надъ малолѣтнимъ сыномъ своимъ Владиміромъ своему дружиннику Борису Захарьичу, подъ покровительствомъ своихъ братьевъ - Рюрика и Давида. Лѣтопись говоритъ: *„Мстиславъ, возрѣвъ на дружину свою и на княгиню.... и нача имъ молвити: Се приказываю дѣтя свое Володиміра Борисови Захарьичу; и со симъ даю брату Рюрикови и Давыдови съ волостью на руцѣ"*. И на другой годъ по смерти Мстислава мы встрѣчаемъ Бориса Захарьича предводителемъ войскъ вмѣсто своего княжича. Въ лѣтописи сказано, что въ битвѣ съ Половцами *„лѣпшіи мужи осталися бяхуть, Лазарь воевода съ полкомъ Рюриковымъ и Борисъ Захарьичъ съ полкомъ своего княжича Володиміра и возрѣвши на Богъ и поѣхавши противу Половцомъ"*. Этотъ порядокъ поручать опеку надъ своими дѣтьми старшимъ дружинникамъ существовалъ до второй половины второго періода. Вообще, всѣ близкія родовыя дѣла свои князья поручали дружинникамъ, какъ самымъ довѣреннымъ людямъ.

5) Старшіе дружинники, если не имѣли какихъ-нибудь порученій отъ князя, то находились при немъ постоянно и въ мирное и въ военное время. Они были думцами князя; съ ними князь судилъ и управлялъ своею волостью; съ ними вмѣстѣ велъ онъ всѣ дѣла по сношеніямъ съ другими князьями. Они постоянно участвовали въ договорахъ князей, сопровождали послѣднихъ и по дѣламъ управленія и на богомольяхъ и на пирахъ и на охотѣ; такъ, Владиміръ Мономахъ пишетъ дѣтямъ, чтобы они каждый день поутру занимались дѣлами управленія,—„сѣдше думати со дружиною или людъ оправливати". Въ 1100 году, дружинники участвовали въ судѣ надъ Давидомъ Игоревичемъ на Увѣтичскомъ съѣздѣ; лѣтопись говоритъ: *„И сдумавше послаша къ Давыду мужи свое: Святополкъ Путяту, Володиміръ Орогостя и Ратибора, Давидъ и Олегъ Торчина"*. Или еще прежде въ составленіи новой редакціи Русской Правды по смерти Ярослава въ семъ дѣлѣ вмѣстѣ съ сыновьями Ярослава участвовали и ихъ старшіе дружинники; въ спискахъ Правды написано: *„По Ярославѣ же паки совокупившеся сынове его Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ: Коснячко, Перенегъ, Никифоръ, и отложиша убіеніе за голову"*. Объ участіи дружинниковъ въ богомольи и посѣщеніи монастырей князьями мы встрѣчаемъ извѣстія въ Патерикѣ и лѣтописяхъ; такъ, въ лѣтописи подъ 1227 годомъ читаемъ: *„Сѣдящу Ярославу въ Лучьскѣ, ѣха Данилъ въ Жидичинъ кланятися и молитися Св. Николѣ, и зва и Ярославъ къ Лучьску, и рѣша ему бояре его: „Пріими Луческъ, здѣ ими князя ихъ. Оному же отвѣщавшу, яко приходилъ здѣ молитву сотворити св. Николѣ и не могу того сотворити"*. Объ участіи въ пирахъ и охотѣ также есть извѣстія въ лѣтописяхъ; напр. при описаніи свадебнаго пира у Изяслава въ Переяславлѣ сказано: *„И Всеволодъ, князъ кіевскій, приде съ женою и со всѣми бояре и съ Кыяны Переяславлю на свадьбу"*. Или, подъ 1180 годомъ, лѣтопись, описывая охоту Давида и Святослава по Днѣпру, говоритъ: *„Ходяшетъ Давыдъ Ростиславичъ по Днѣпру въ лодьяхъ, ловы дѣя, а Святославъ ходяшетъ по Черниговской сторонѣ, ловы дѣя противу Давыдови.... И абіе удари Святославъ на товарѣхъ на Давыдовыхъ.*

Давыду же невѣдущу ни мыслящу на ся ни откуду же зла и вбѣже въ лодью и со княгинею своею, Святославъ же изъими дружину его и товары его". Вотъ значенiе старшей дружины во второмъ перiодѣ. Теперь укажемъ на тѣ должности, которыя они занимали при князьяхъ.

Должности старшихъ дружинниковъ были: тысяцкiе, дворскiе, посадники, княжескiе тiуны, печатники, стольники и дьяки.

Тысяцкiй былъ главнымъ предводителемъ и начальникомъ всѣхъ земскихъ полковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и главнымъ посредникомъ между дружиною и земщиною; онъ имѣлъ гражданскую и военную власть и по своему значенiю былъ первымъ лицемъ послѣ князя, и имя его всегда упоминалось рядомъ съ княжескимъ. Такъ, напр. при извѣстiи объ освященiи Печерской церкви въ 1089 году лѣтописецъ говоритъ: *Священа бысть церква Печерская при благороднемъ князѣ Всеволодѣ державному Русская земля и чадома его Владимiра и Ростислава, воеводство держащу кыевскыя тысяща Яневи"*. Это свидѣтельство показываетъ, что тысяцкiе были прямыми земскими начальниками, ибо сказано: *„Воеводство держащу кыевскыя тысящи"*. То же подтверждаетъ другое свидѣтельство лѣтописи подъ 1147 годомъ, гдѣ Изяславовы послы предъ всею кiевскою земщиною говорятъ словами князя брату Изяславову Владимиру и кiевскому тысяцкому Лазарю: *„Цѣловалъ тя братъ и Лазаря цѣловалъ и Кыяне всѣ"*.

Указавши важность значенiя тысяцкаго, пересмотримъ его обязанности. 1) Первою и главнѣйшею обязанностью тысяцкаго было предводительствованiе земскими полками; ему была поручена вся земская рать и послѣ князя онъ былъ главнымъ начальникомъ ея. Такъ, въ лѣтописи подъ 1195 годомъ при описанiи битвы Давида Ростиславовича Смоленскаго съ Ольговичами говорится, что княжимъ полкомъ предводительствовалъ Мстиславъ Романовичъ, племянникъ Давида, а смоленскимъ полкомъ тысяцкiй Михайло. Какъ военные начальники, тысяцкiе усмиряли возмутившихся земцевъ, защищали города отъ непрiятелей и вообще дѣлали все то, что касалось земщины. 2) Кромѣ военныхъ обязанностей на тысяцкихъ лежали обязанности и гражданскiя. Какъ представители земщины, они принимали участiе въ законодательствѣ, такъ что законы издавались не иначе, какъ по согласiю тысяцкаго. Такъ, напр., въ составленiи и изданiи закона о ростахъ вмѣстѣ съ Владимиромъ Мономахомъ участвовали тысяцкiе: Кiевскiй—Ратиборъ, Бѣлгородскiй—Прокопiй и Переяславскiй—Станиславъ. 3) Тысяцкому давались порученiя дипломатическiя; такъ, въ 1221 г., Демьянъ, тысяцкiй Данила Романовича Галицкаго, велъ переговоры съ польскимъ королемъ Лешкомъ и заключилъ съ нимъ мiръ. 4) На обязанности тысяцкаго лежали разныя придворныя дѣла; такъ, въ 1187 году Рюрикъ Ростиславичъ кiевскiй посылалъ тысяцкаго къ Всеволоду Юрьевичу суздальскому за его дочерью Верхуславою, сговоренною за своего сына Ростислава. Впрочемъ, дипломатическiя и придворныя дѣла были чисто второстепенными обязанностями тысяцкаго, а его главными обязанностями были первыя двѣ: военная и гражданская. Съ должностью тысяцкаго соединены были извѣстные доходы, состоявшiе въ сборѣ податей съ извѣстныхъ областей, прописанныя на путь тысяцкаго. Впрочемъ, объ областяхъ, приписанныхъ на тысяцкаго, мы имѣемъ только одно и притомъ неясное ука-

заніе лѣтописи подъ 1149 годомъ о Сновской тысячи, которая, вѣроятно, была назначена на путь тысяцкаго. Вотъ слова лѣтописи: *„И Святославъ Ольговичъ поча молвити Владиміру: держиши мою отчину и тогда взя Курскъ съ Посемьемъ и Сновскую тысячу у Изяслава“*.

Дворскій былъ то же, что воевода въ первомъ періодѣ и что въ послѣдующемъ третьемъ періодѣ — московскомъ — значилъ дворовый воевода. Онъ былъ главнымъ начальникомъ всей княжеской дружины, какъ тысяцкій земской. О должности дворскаго въ первый разъ упоминается въ лѣтописи подъ 1169 годомъ при взятіи Кіева войсками Андрея Боголюбскаго и его союзниковъ. По всему вѣроятію должность дворскаго существовала и прежде, потому что здѣсь говорится не объ учрежденіи должности дворскаго воеводы, а о кіевскомъ дворскомъ Олексѣ. Дворскій имѣлъ значеніе дворскаго воеводы московскаго періода и былъ главнымъ начальникомъ всей дружины. Мы имѣемъ много свидѣтельствъ лѣтописцевъ о томъ, что у каждаго князя былъ свой дворскій, которому поручалось управленіе дружиной, всѣ распоряженія по которой принадлежали ему. Какъ начальникъ дружины, дворскій обязанъ былъ защищать княжескую власть; такъ, въ 1235 году дворскій Григорій былъ оставленъ Ростиславомъ Михайловичемъ въ Галичѣ для защиты его власти противъ Даніила Романовича и противъ галицкой земщины, уже признавшей Даніила своимъ княземъ. Но объ обязанностяхъ дворскаго въ мирное время мы не имѣемъ прямыхъ лѣтописныхъ указаній; впрочемъ, если допустить, что дворскій имѣлъ тѣ же права и обязанности, какія мы видимъ въ московскомъ періодѣ у дворскаго воеводы, то очевидно, ему принадлежалъ судъ и управа между дружинниками, и, подобно дворскому московскаго періода, онъ имѣлъ свой путь, т. е. доходы съ областей, приписанныхъ къ его должности, какъ тысяцкій, напр., имѣлъ свою тысячу. Кромѣ того, по всему вѣроятію, дворскій пользовался доходами съ судныхъ дѣлъ между дружинниками.

Посадникъ былъ представителемъ княжеской власти въ городахъ и волостяхъ, поручаемыхъ его управленію. Посему князь, какъ скоро занималъ какое-нибудь владѣніе, то первой его заботой было смѣнить посадника прежняго князя и посадить тамъ своего. О подробностяхъ посаднической власти мы почти вовсе не имѣемъ извѣстій за этотъ періодъ. Впрочемъ и на основаніи этихъ немногихъ извѣстій о посаднической власти, которыя представляютъ намъ лѣтописи, мы видимъ, что обязанностью посадниковъ было во 1) доставлять своимъ князьямъ опредѣленную подать съ той области, или города, которымъ они управляли и содержать свои отряды дружины на счетъ своей области; 2) творить судъ и управу въ областяхъ и взыскивать виры и продажи по суднымъ дѣламъ; 3) наблюдать за порядкомъ и тишиной въ областяхъ, порученныхъ ему, преслѣдовать воровъ, разбойниковъ, бѣглецовъ и др. Въ Русской Правдѣ говорится, что посадники имѣли при себѣ особыхъ приставовъ или дѣтскихъ, назначенныхъ для поимки бѣжавшихъ рабовъ. 4) Посадникъ обязанъ былъ защищать свой городъ и область отъ непріятелей, поэтому на его отвѣтственности лежало попеченіе о городскихъ укрѣпленіяхъ и постройкѣ стѣнъ городскихъ. 5) Вмѣстѣ съ защитой города и области, принадлежавшей посаднику,

ему же принадлежало и начальствованіе надъ дружиной, находившейся тамъ; слѣдовательно, онъ велъ и счетъ дружинникамъ и высылалъ ихъ въ полки. На опредѣленный, или неопредѣленный срокъ назначались посадники—мы на это не имѣемъ указаній лѣтописей за этотъ періодъ, но надобно думать, что они всегда назначались на опредѣленный срокъ, потому что посадничество давалось въ кормленіе въ награду за военныя заслуги, а городовъ у князей было очень немного; поэтому, чтобы имѣть возможность награждать посадничествомъ всѣхъ, оказавшихъ военныя услуги, князья не могли назначать посадниковъ на неопредѣленные сроки и назначали обыкновенно на годъ и только при особенномъ благоволеніи къ какому-нибудь изъ нихъ – на два, или на три года. Вообще, русскіе князья имѣли правило не назначать изъ дружинниковъ въ высшія должности на большіе сроки, потому что иначе многіе изъ старшихъ дружинниковъ могли бы сдѣлаться независимыми владѣльцами города и области, поручаемой имъ. Такой порядокъ былъ причиною того, что у насъ не могъ развиться феодализмъ, такъ какъ служебная аристократія наша не имѣла возможности слиться съ земцами. Впрочемъ, на опредѣленные сроки посадники назначались только въ княжескихъ владѣніяхъ, но совсѣмъ другая была форма назначенія посадниковъ отъ народа. Характеръ посадниковъ, назначаемыхъ отъ народа, лучше всего высказался въ исторіи Новгорода, гдѣ власть посадниковъ и тысяцкаго, назначаемыхъ народомъ, была совершенно иная, чѣмъ въ городахъ Приднѣпровья; поэтому я считаю нужнымъ сказать о должности посадника и тысяцкаго въ Новгородѣ.

Посадникъ въ Новгородѣ былъ первою выборною властью. Посадники первоначально присылались въ Новгородъ изъ Кіева и были не больше, какъ намѣстниками князя, княжескими чиновниками [1]). Но со времени борьбы Новгорода съ своимъ княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ этотъ порядокъ измѣнился и посадники изъ княжескихъ чиновниковъ обратились въ выборныхъ отъ народа съ властью немногимъ меньшею противъ княжеской власти, такъ что князь въ Новгородѣ ничего не могъ сдѣлать безъ посадника. Первымъ выборнымъ посадникомъ былъ Мирославъ Горятиничъ, избранный новгородскимъ вѣчемъ въ 1126 году [2]). Въ посадники, по новгородскимъ порядкамъ, выбирались исключительно одни бояре и притомъ изъ извѣстныхъ, богатѣйшихъ и могущественнѣйшихъ боярскихъ фамилій, такъ что впродолженіи почти 300 лѣтъ — отъ 1126 до 1400 года — по лѣтописямъ мы можемъ насчитать не болѣе 40 фамилій, изъ которыхъ выбирались посадники. Избирались ли посадники на опредѣленный срокъ, или безсрочно—объ этомъ нельзя ничего сказать положительнаго. Но, судя по общему порядку выборовъ въ Новгородѣ, можно догадываться, что въ санъ посадника, равно какъ и въ санъ владыки и въ другія должности, Новгородцы выбирали безсрочно, только съ неотъемлемымъ правомъ вѣча смѣнять выбраннаго посадника, какъ скоро онъ будетъ неугоденъ общинѣ. А посему, нѣкоторые изъ посадниковъ исправляли

---

1) Софійскій временникъ ч. I, стр. 55: *„Владиміръ же посади Добрыню уя своего въ Новгородѣ“*. Тамъ же, стр. 156: *„И пріиде Изяславъ къ Новгороду и посади Остромира въ Новгородѣ и иде Остромиръ съ Новгородцы на Чудь“* и пр.

2) См. Новгородскій лѣтописецъ, помѣщенный въ продолженіи Россійской Библіотеки ч. II, стр. 381.

свою должность много лѣтъ сряду. Лучшимъ свидѣтельствомъ того, что посадники избирались не на срокъ, служитъ то, что въ лѣтописяхъ смѣна посадниковъ обыкновенно обозначалась такъ: „отъяша посадничество у такого-то и даша такому-то“, или: „выгнаша такого-то“, или: „убиша такого-то“. Если бы посадникъ выбирался на срокъ, то, конечно, не было бы надобности употреблять такія выраженія.

Посадники новгородскіе раздѣлялись на *степенныхъ* и *старыхъ*. Степеннымъ посадникомъ назывался тотъ, который въ данное время былъ посадникомъ, исправлялъ прямыя обязанности посадника; старымъ же посадникомъ назывался тотъ, который прежде былъ посадникомъ и въ данное время не управлялъ уже городомъ. Какъ въ древнемъ Римѣ разъ бывшій консуломъ на всю жизнь оставался кунсуляромъ, такъ и въ Новгородѣ: разъ бывшій степеннымъ посадникомъ, на всю жизнь оставался старымъ посадникомъ и нерѣдко имѣлъ преимущество предъ другими боярами въ общественной службѣ, не бывшими въ посадникахъ. Но старые посадники не составляли въ Новгородѣ какого-либо отдѣльнаго правительственнаго класса, сошедши со степени настоящаго правительствующаго посадника, поступали въ разрядъ бояръ, удерживая только за собою имя старыхъ посадниковъ, но отнюдь не дѣлаясь черезъ это выше бояръ, не бывшихъ посадниками. Такъ мы видимъ, что они нерѣдко назначались на должности, состоявшія подъ другими боярами, не бывшими посадниками. Но вообще старые посадники, какъ болѣе опытные въ дѣлахъ общественной службы, назначались на важнѣйшія должности. Они предводительствовали войсками, правили посольства къ князьямъ и въ сосѣднія государства. Вмѣстѣ съ степенными посадниками участвовали въ пріемѣ пословъ отъ сосѣднихъ государствъ и утверждали договорныя грамоты.

Права и обязанности степеннаго посадника. Степенный посадникъ въ Новгородѣ былъ главнымъ и полнымъ представителемъ Новгорода въ дѣлахъ мира и войны. Всѣ договоры Новгородцевъ съ сосѣдями, если они не были писаны прямо отъ имени вѣча, писались отъ имени посадника, владыки и тысяцкаго. Впрочемъ, имена послѣднихъ иногда и пропускались, но ни одна грамота, относящаяся къ цѣлому Новгороду, не могла быть написана безъ имени степеннаго посадника. Посадникъ особенно былъ представителемъ Новгорода отъ земщины, постояннымъ органомъ народной воли, выбраннымъ на эту службу вѣчемъ. Западные европейцы въ сношеніяхъ своихъ съ Новгородомъ называли, обыкновенно, новгородскаго посадника бургграфомъ. Значеніе степеннаго посадника въ Новгородѣ было такъ велико, что Новгородцы въ иное время оставались довольно продолжительно безъ князя, за однимъ посадникомъ. Въ своемъ управленіи посадникъ былъ настолько самостоятеленъ, что, по закону, не иначе могъ быть смѣненъ княземъ, какъ только по опредѣленію вѣча и то по суду, когда онъ окажется въ чемъ нибудь виноватымъ. Такъ, когда въ 1218 году князь Святославъ прислалъ сказать на вѣче, что не можетъ быть съ посадникомъ Твердиславомъ и отнимаетъ у него посадничество, то вѣче спросило, въ чемъ виноватъ Твердиславъ; и на отвѣтъ князя, что онъ лишаетъ его посадничества безъ вины, Новгородцы отвѣчали,— *„Княже! ежели нѣтъ за нимъ вины, то ты къ намъ крестъ цѣловалъ*

безъ вины мужа не лишати; а тебѣ кланяемся, а Твердиславъ намъ посадникъ, мы не уступимъ".

Права и обязанности степеннаго новгородскаго посадника состояли въ слѣдующемъ: 1) посадникъ былъ необходимымъ посредникомъ между княземъ и народомъ, такъ что князь безъ посадника не имѣлъ права ни судить, ни управлять въ Новгородѣ; даже военные походы князя были въ сопровожденіи посадника; князь былъ непосредственнымъ начальникомъ надъ своею дружиною, или надъ повольниками, если они къ нему присоединялись; полки же новгородскіе, правильно собранные по раскладкѣ, всегда были подъ непосредственнымъ начальствомъ посадника, или того воеводы, которому посадникъ, или вѣче, поручитъ ихъ. И посадникъ, и воевода, предводительствуя новгородскимъ войскомъ, отвѣчали не передъ княземъ, а передъ вѣчемъ. 2) У посадника была новгородская печать съ такимъ штемпелемъ: *„Новгородская печать посадника"*. Эта печать прикладывалась ко всѣмъ грамотамъ, выдаваемымъ отъ имени посадника. 3) Посадникъ сзывалъ вѣче, велъ его торжественно на Ярославовъ дворъ, открывалъ собраніе, предлагалъ на разсмотрѣніе вѣча вопросы, требовавшіе вѣчевого обсужденія. Правильно собранное вѣче, обыкновенно, находилось подъ руководствомъ посадника; онъ смотрѣлъ за порядкомъ и разсуждалъ съ членами вѣча. 4) Посадникъ предводительствовалъ новгородскимъ войскомъ и водилъ его въ походы даже безъ князя, тогда какъ князь безъ посадника, или безъ его воеводы, не могъ водить въ походы земскій полкъ. 5) Посадникъ укрѣплялъ какъ самый Новгородъ, такъ и пригороды, по приговору вѣча, или распоряженію вѣча. 6) Посадникъ отъ имени Новгорода велъ переговоры съ сосѣдними владѣтелями, а посему во всѣхъ договорныхъ грамотахъ новгородскихъ прописывалось имя посадника, при которомъ заключенъ миръ. Иногда посадникъ ѣздилъ къ тому князю, съ которымъ у Новгородцевъ было какое либо дѣло, требовавшее переговоровъ; также иногда посадникъ, вмѣстѣ съ Владыкой и другими выборными ѣздилъ приглашать князя въ Новгородъ. 7) Посадникъ былъ защитникомъ гражданъ противъ князя, если бы этотъ вздумалъ обижать ихъ. По закону князь не имѣлъ права арестовать и осудить Новгородца безъ согласія посадника; поэтому князья всегда старались о томъ, чтобы посадникъ былъ изъ ихъ сторонниковъ. 8) Посадникъ съ тысяцкимъ новоизбраннаго Владыку вводилъ въ домъ св. Софіи на сѣни, т. е. передавалъ новоизбранному управленіе новгородскою церковью. 9) Должности посадника, равно какъ и должности тысяцкаго, были предоставлены опредѣленные доходы съ разныхъ областей подъ именемъ *поралья посадника и тысяцкаго*. Вліяніе посадника въ Новгородѣ было такъ сильно, что за посадника, въ случаѣ нападеній отъ князя, вступался народъ, бралъ оружіе и защищалъ его. Такъ, въ 1220 году за посадника Твердислава вооружились противъ князя Всеволода Пруссы, Людинъ конецъ и Загородцы, и стали около Твердислава 5-ю полками. Вообще, чтобы ссадить посадника, на это требовалось согласіе большинства, и если у посадника была сильная партія, то дѣло не обходилось безъ боя и грабежа на улицахъ; при общемъ же согласіи народа смѣна посадника по приговору вѣча производилась тихо, безъ споровъ и смятенія.

Новгородскіе тысяцкіе. Тысяцкіе, такъ же, какъ и посадники, выбирались вѣчемъ изъ боярскихъ фамилій, изъ тѣхъ же самыхъ, изъ которыхъ выбирались и посадники. Санъ тысяцкаго очевидно былъ ниже сана посадника, потому что изъ тысяцкихъ выбирались въ посадники, такъ что санъ тысяцкаго былъ ступенью, хотя не необходимою, къ посадничеству. Судя по грамотѣ, данной княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ, тысяцкіе были собственно начальниками черныхъ людей, такъ какъ посадникъ былъ земскимъ начальникомъ всего Новгорода. Тысяцкій имѣлъ важное значеніе, потому что онъ вовсе не нуждался въ князѣ, и качествомъ его власть была очень сильна, потому что онъ управлялъ черными людьми одинъ. Черезъ подчиненныхъ ему черныхъ людей онъ многое могъ сдѣлать на вѣчѣ; черные люди составляли большинство, и по указанію тысяцкаго могли переселить лучшихъ людей. А посему бывали случаи, что иногда князь, поддерживаемый своею партіею, поднималъ вѣче на тысяцкаго. Тысяцкій назначался сперва княземъ, но впослѣдствіи сталъ выбираться вѣчемъ. Съ котораго именно года началось избираніе тысяцкихъ — неизвѣстно. Сдѣлавшись выборнымъ, тысяцкій, конечно, получилъ большее значеніе, нежели какое онъ имѣлъ, бывши чиновникомъ князя. Уже въ XII столѣтіи имя тысяцкаго въ договорныхъ грамотахъ Новгорода ставится вслѣдъ за именемъ князя и посадника; такъ, договорная грамота князя Ярослава Владимировича и Новгородцевъ съ Нѣмцами, заключенная въ 1195 году, начинается такъ: *„Се язъ князь Ярославъ Володимірович, сгадавъ съ посадникомъ Мирошкою и съ тысяцкимъ Яковомъ и со всьми Новгородцы, подтвердили мира стараго“*. Подобно тому, какъ посадники, сошедшіе съ посаднической степени, получали на всю жизнь званіе старыхъ посадниковъ, точно такъ же и тысяцкіе, сошедшіе со степени, получали названіе старыхъ тысяцкихъ, въ отличіе отъ степенныхъ тысяцкихъ, и принимали дѣятельное участіе и въ военныхъ, и въ гражданскихъ дѣлахъ, и въ сношеніяхъ Новгорода съ сосѣдними государствами; мы встрѣчаемъ ихъ печати въ договорныхъ и другихъ новгородскихъ грамотахъ вслѣдъ за печатями степенныхъ тысяцкихъ, а по лѣтописямъ старые тысяцкіе, наравнѣ съ старыми посадниками, бывали воеводами въ новгородскихъ полкахъ и участниками въ посольствахъ и договорахъ съ сосѣдними государствами, а также членами вѣча вмѣстѣ съ другими боярами.

Права и обязанности степеннаго тысяцкаго были слѣдующія: 1) степенный тысяцкій вмѣстѣ съ княземъ и посадникомъ предводительствовалъ новгородскимъ войскомъ, какъ вождь и начальникъ черныхъ людей; такъ, въ лѣтописи, подъ 1268 годомъ, сказано, что когда въ Раковорскомъ бою палъ степенный посадникъ Михаилъ Ѳедоровичъ и пропалъ безъ вѣсти степенный тысяцкій Кондратъ, то, по возвращеніи домой, Новгородцы, на мѣсто убитаго Михаила, выбрали въ посадники Павшу Ананьича, а мѣста тысяцкаго не дали никому, поджидая вѣстей, не живъ ли еще Кондратъ. Этотъ фактъ показываетъ еще и то, что въ степенные тысяцкіе назначались на безсрочное время, потому что иначе Новгородцы, получивъ извѣстіе о томъ, что пропалъ тысяцкій Кондратъ, вмѣстѣ съ посадникомъ выбрали бы и тысяцкаго. У иностранцевъ, въ ихъ договорныхъ грамотахъ съ Нов-

городцами, писанныхъ по-латыни, новгородскій тысяцкій прямо называется *„дих“*. 2) На обязанности тысяцкаго лежало заботиться вмѣстѣ съ посадникомъ о городскихъ укрѣпленіяхъ. 3) Тысяцкій вмѣстѣ съ посадникомъ велъ переговоры съ сосѣдними государями, отправлялъ посольства и заключалъ миръ, разумѣется по рѣшенію вѣча. Такъ, въ 1348 г. шведскій король Магнусъ велъ переговоры съ владыкою, посадникомъ и тысяцкимъ, и требовалъ, чтобы Новгородцы прислали на съѣздъ своихъ ученыхъ спорить о вѣрѣ—чья лучше. На это владыка Василій, посадникъ Өеодоръ Даниловичъ и тысяцкій Авраамъ со всѣми Новгородцами отвѣчали Магнусу: „Ежели хочешь узнать, которая вѣра лучше, пошли въ Царьградъ къ патріарху, а съ тобою не споримъ о вѣрѣ; ежели же между нами есть какая обида, то о томъ, шлемъ къ тебѣ на съѣздъ“, и послали Магнусу тысяцкаго Авраама, Кузьму Твердиславля и иныхъ бояръ. 4) Степенный тысяцкій былъ необходимымъ товарищемъ и помощникомъ посадника при открытіи народнаго вѣча; они вмѣстѣ наблюдали за порядкомъ на вѣчѣ, вмѣстѣ предлагали дѣла на разсужденіе. Во всѣхъ извѣстіяхъ о правильно созванныхъ вѣчахъ мы непремѣнно встрѣчаемъ степеннаго посадника и степеннаго тысяцкаго; во всѣхъ грамотахъ, издаваемыхъ вѣчемъ, писались имена степеннаго посадника и тысяцкаго вслѣдъ за именемъ владыки новгородскаго, или за именемъ князя, если онъ участвовалъ въ изданіи грамоты. Всѣ переговоры съ иностранными государями велись отъ имени владыки, посадника, тысяцкаго и всего Новгорода. Въ договорныхъ грамотахъ также прописывалось имя степеннаго тысяцкаго во всякомъ случаѣ, писались ли грамоты отъ имени новгородскаго вѣча, или отъ имени князя. 5) Тысяцкій имѣлъ свой отдѣльный судъ, независимый отъ князя и посадника, судъ чисто земскій, народный, на которомъ не участвовали княжескіе судьи и съ котораго не шли судебныя пошлины въ казну князя. По свидѣтельству грамоты Всеволода Мстиславича, данной церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ, тысяцкій съ 5-ю старостами завѣдывалъ судомъ по торговымъ дѣламъ, а также, вѣроятно, судомъ между черными людьми. Въ этой грамотѣ прямо сказано о судѣ тысяцкаго и старостъ: *„Управливати имъ вся дѣла торговая Иванская и гостинная, а Мирославу посаднику въ то не вступатися, ни бояромъ новгородскимъ“*. 6) Тысяцкіе имѣли свою печать, которая прикладывалась къ договорнымъ, жалованнымъ и другимъ новгородскимъ грамотамъ вслѣдъ за печатью посадника, а дѣла, подлежавшія суду тысяцкаго, утверждались, конечно, и одной печатью тысяцкаго. Тысяцкій, такъ же какъ и посадникъ, имѣлъ по закону опредѣленные доходы съ разныхъ новгородскихъ областей, которыя были приписаны на путь тысяцкаго.

Тіунъ. Слово *тіунъ* вообще означало приставника къ какому либо дѣлу у князя, или у его дружинниковъ, и въ частномъ быту у каждаго хозяина; тіунъ былъ именно приставникъ съ правомъ извѣстной власти и начальствованія надъ низшими служителями въ томъ же дѣлѣ. Виды тіуновъ были различны: были тіуны княжескіе, были тіуны боярскіе, сельскіе, конюшіе, огнищные и другіе; всему этому мы имѣемъ много свидѣтельствъ въ лѣтописяхъ, Русской Правдѣ и другихъ памятникахъ; есть даже свидѣтельство, что принятіе должности

тіуна влекло за собою рабство; въ Русской Правдѣ сказано: „*а се-третіе холопство тіунство безъ ряду, или привяжеть ключь къ себѣ безъ ряду*“. Въ поученіи Мономаха тіуномъ называется приставникъ къ какому либо дѣлу на княжемъ дворѣ; Мономахъ пишетъ своимъ дѣтямъ: „въ дому своемъ не лѣнитеся, но все видите; не зрите на тіуна ни на отрока, да не посмѣются приходящіе къ вамъ, ни дому вашему, ни обѣду вашему“.

Но кромѣ общаго значенія приставника, тіунъ собственно княжій имѣлъ частное значеніе судьи, т. е. княжаго мужа приставленнаго творить судъ людямъ. И въ этомъ значеніи должность тіуна была принадлежностью княжихъ мужей, старшей дружины. На принадлежность должности княжаго тіуна старшей дружинѣ ясно указываетъ Русская Правда; въ ней за убійство княжаго тіуна, какъ и вообще за княжаго мужа, старшаго дружинника, полагается вира въ 80 гривенъ. А что княжій тіунъ былъ собственно приставникъ князя, чтобы творить судъ и расправу отъ имени князя, на это мы имѣемъ прямое свидѣтельство лѣтописи подъ 1146 годомъ; съ лѣтописи Кіевляне говорятъ Святославу Ольговичу: „Всеволодовы тіуны—кіевскій Ратьша погубилъ Кіевъ, а другой его тіунъ—Тудоръ погубилъ Вышгородъ; а нынѣ княже Святославѣ цѣлуй намъ крестъ и съ братомъ своимъ, аще кому насъ будетъ обида, то ты прави“, т. е. ты будь судьей, а не поручай суда тіуну. Тіунъ, какъ главный судья и представитель княжеской власти на судѣ, первый являлся отъ князя, какъ скоро князь получалъ какое либо владѣніе; такъ въ 1169 году, когда князь Мстиславъ Изяславичъ получилъ княжескую власть надъ Кіевомъ, то прежде всего послалъ туда своего тіуна. Но кромѣ должности судьи, княжіе тіуны, какъ старшіе дружинники, управляли и городами и предводительствовали войсками; такъ тіунъ князя Всеволода Георгіевича, Гюря, въ 1195 году построилъ и колонизировалъ по приказу князя Городецъ на Острѣ, и управлялъ этимъ городомъ; а въ 1169 г. Родъ, тіунъ князя Мстислава Изяславича, былъ начальникомъ въ войскѣ и попался въ плѣнъ въ битвѣ подъ Кіевомъ.

Печатникъ. Прямыя указанія на эту должность по лѣтописямъ мы находимъ не раньше XIII вѣка, но, судя по другимъ памятникамъ, должно заключить, что она существовала гораздо ранѣе этого времени. По извѣстіямъ, дошедшимъ до насъ о должности печатника, видно, что она давалась лицамъ, приближеннымъ къ князю, старшимъ дружинникамъ и соединяла въ себѣ многоразличныя порученія; такъ, по лѣтописнымъ указаніямъ печатники предводительствовали войсками и правили городами и посылались въ области для приведенія въ извѣстность ея состоянія. Волынскій лѣтописецъ подъ 1241 годомъ говоритъ: „*Кириллови, сущу печатнику тогда въ Бакотѣ, послану Даниломъ княземъ и Василькомъ исписати грабительства нечестивыхъ бояръ*“. Кромѣ того, самое названіе его показываетъ, что онъ былъ хранителемъ княжой печати, самымъ довѣреннымъ лицемъ князя. Впрочемъ, позднѣе печать поручалась и высшимъ лицамъ изъ духовенства, напр. митрополиту, епископу и т. п., которые, конечно, не имѣли другихъ обязанностей должности печатника.

Стольники. Первыя указанія на нихъ мы находимъ въ старинныхъ нашихъ сказкахъ, въ которыхъ говорится о стольникахъ Влади-

мира Святославича, а лѣтописныя указанія о стольникахъ мы встрѣчаемъ не ранѣе XIII столѣтія; такъ, подъ 1228 годомъ говорится о стольникѣ новгородскаго архіепископа; потомъ, подъ 1230 годомъ говорится о стольникѣ кіевскаго князя, Владимира Рюриковича, Георгіѣ, который вмѣстѣ съ митрополитомъ Кирилломъ участвовалъ въ посольствѣ къ Суздальскому князю Юрію Всеволодовичу. Въ этомъ извѣстіи стольникъ названъ „княжимъ мужемъ“; слѣдовательно, должность его была очень значительна и принадлежала старшимъ дружинникамъ. Наконецъ въ Волынской лѣтописи подъ 1240 годомъ говорится о стольникѣ Данила Романовича Галицкаго Яковѣ, котораго князь посылалъ сдѣлать смотръ областей своего княжества. Болѣе подробныхъ извѣстій о стольникахъ мы не имѣемъ, а потому и не можемъ ничего сказать объ нихъ. Но, судя по тому значенію, какое стольники имѣли въ послѣдующее время, мы можемъ заключать, что они были самыми приближенными лицами къ князю; они были чѣмъ-то въ родѣ флигель-адъютантовъ; имъ поручалось предводительствовать войсками, управлять городами и вообще они имѣли самыя разнообразныя должности.

Дьяки. Объ этой должности мы имѣемъ только два лѣтописныхъ указанія за настоящій періодъ, изъ которыхъ видно, что она давалась старшимъ дружинникамъ и имѣла, какъ гражданскія, такъ и военныя обязанности. Первое изъ этихъ двухъ извѣстій показываетъ, что гражданская должность дьяковъ была очень важная, именно — они вели переговоры отъ имени князя съ другими князьями, слѣдовательно были лицами очень приближенными къ князю. Въ этомъ извѣстіи говорится, что въ 1169 году Владимиръ Мстиславичъ, пріѣхавши въ Кіевъ оправдываться передъ Мстиславомъ Изяславичемъ, послалъ къ нему своего дьяка. Второе лѣтописное извѣстіе о дьякахъ, встрѣчаемое подъ 1213 годомъ, свидѣтельствуетъ, что дьяки принимали участіе въ битвахъ. Это извѣстіе слѣдующее: „*И Дмитрови* (кіевскій тысяцкій) *бьющися подъ городомъ придоша нанъ Угре и Ляхове и побѣже Дмитрій, тогда же и Василько дьякъ застрѣленъ бысть подъ городомъ*“. Этотъ характеръ военныхъ и гражданскихъ начальниковъ дьяки удержали за собой и въ слѣдующіе періоды: они и тогда участвовали въ дѣлахъ гражданскихъ, придворныхъ и военныхъ; такъ, наприм., въ 1559 г. московскій дьякъ Даніилъ Адашевъ водилъ войска Іоанна IV на Крымцевъ. О должности дьяковъ въ слѣдующіе періоды мы имѣемъ много извѣстій, изъ которыхъ видно, что они были людьми близкими къ князю и выбирались изъ лучшихъ фамилій.

Вѣроятно старшіе дружинники имѣли въ этомъ періодѣ и многія другія должности при князѣ, но мы не имѣемъ о нихъ болѣе подробныхъ извѣстій. Въ заключеніе мы должны сказать, что старшіе дружинники въ первой половинѣ второго періода назывались вообще боярами и мужами; посему подъ именемъ бояръ въ это время нужно разумѣть старшихъ дружинниковъ съ ихъ семействами вообще, а не чинъ, какъ это было впослѣдствіи въ московскомъ періодѣ. Боярство было въ то время родовымъ, какъ въ наше время дворянство, но его можно было пріобрѣтать и личными заслугами и притомъ не только для себя, но и для своего потомства. Устройство древняго русскаго общества имѣло ту особенность, что въ немъ не было замкнутыхъ кастъ, хотя и были разныя сословія, имѣвшія свои права

и обязанности. Эти сословія не смѣшивались между собою, и члены ихъ передавали безпрепятственно своему потомству свои сословныя права и особенности, но въ то же время не было запрещено для желающихъ переходить изъ одного сословія въ другое; такъ, простой крестьянинъ, купецъ, поповичъ и др. могли поступить въ службу князя и службою у него достигнуть званія старшаго дружинника, боярина и передать его своему потомству; точно также и дружинникъ могъ оставить службу у князя и поступить на службу церкви, принять духовный санъ, или сдѣлаться земцемъ, если какая-либо община согласится принять его; земледѣлецъ свободно переходилъ въ горожане, горожанинъ—въ сельскія общины и т. д.; вообще, повторяемъ, ни одно сословіе не представляло большихъ преградъ для перехода въ него изъ другого сословія, но напротивъ каждое изъ сословій было доступно для желающихъ перейти въ него.

Младшая дружина, т. е. отроки, гриди, дѣтскіе пасынки и подобные имъ составляли отдѣльный классъ отъ старшей дружины; они также были люди вольные и могли, смотря по службѣ и по распоряженію князя, поступать и въ старшую дружину; но, будучи младшими дружинниками, не были думцами князя, и исправляли только незначительныя придворныя должности. Этотъ отдѣлъ княжей дружины былъ очень многочисленъ; къ нему причислялись всѣ разряды вольныхъ слугъ государевыхъ, состоявшихъ, по тогдашнему обычаю, въ одно и то же время при дворѣ и въ войскѣ. Младшая дружина рѣзко отличалась отъ старшей и въ законодательствѣ того времени и въ лѣтописяхъ, гдѣ первая постоянно называется молодью, дѣтскими, дружиной отроковъ, молодшею дружиною. Впослѣдствіи, въ XIII столѣтіи младшая дружина получила другое общее названіе слугъ, и съ этого времени замѣтно ея преобразованіе. Со второй половины второго періода младшіе дружинники, продолжая по прежнему называться слугами, получили въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще новое названіе „дворянъ". Въ первый разъ младшая дружина названа слугами подъ 1217 годомъ при описаніи измѣнническаго умерщвленія шестерыхъ Рязанскихъ князей Глѣбомъ и Константиномъ рязанскими, которые умертвили не однихъ князей—своихъ родныхъ и двоюродныхъ братьевъ, но вмѣстѣ съ ними „ихъ бояры и слуги". Суздальскій лѣтописецъ говоритъ: „*И яко начаша пити и веселитися и ту абье проклятый Глѣбъ съ братомъ веземше мечи своя начаста сѣщи преже князи тоже бояры и слуги ихъ, много множество однихъ князей шесть, а прочихъ бояръ и слугъ безъ числа изби съ своими слуги и съ Половцы*". Это описываетъ современникъ событія, суздалецъ, а московскій лѣтописецъ XV столѣтія переводитъ по своимъ понятіямъ слово „слуги" словомъ „дворяне",—„*прочихъ же бояръ и дворянъ ихъ безъ числа избиша*". Новгородскій лѣтописецъ при описаніи того же событія также называетъ княжескихъ слугъ дворянами: „*начаста сѣщи прежи князи и тоже бояръ и дворянъ множество*". Слѣдовательно, дворяне въ XV вѣкѣ было то же самое, что прежде называлось молодшей дружиной, а въ XIII в. слугами. Главныя отличія младшей дружины отъ старшей состояли въ слѣдующемъ: 1) младшая дружина не участвовала въ княжеской думѣ и князья не объявляли ей о своихъ предпріятіяхъ и сношеніяхъ съ другими князьями. Лѣтопись подъ 1169 годомъ го-

воритъ, что когда старшая дружина говорила Владимиру Мстиславичу: *„О себѣ еси, княже, замыслилъ, а не ѣдимъ по тобѣ; мы того не вѣдали. Владимiръ же рече, взрѣвъ на дѣцкы: а се будуть мои бояре“*. Здѣсь дѣтскiе не сѣтуютъ, что князь не объявлялъ имъ своей думы, а являются простыми исполнителями княжеской воли. Впрочемъ, бывали случаи, что князья иногда приглашали на свою думу и старшую и младшую дружину; такъ, подъ 1143 годомъ сказано: *„Изяславъ же (съ братьями) созва бояры своѣ и всю дружину свою и начаша думати съ ними“*. 2) Младшимъ дружинникамъ поручались низшiя должности: военныя, гражданскiя и придворныя. О должностяхъ младшей дружины мы имѣемъ свидѣтельство въ поученiи Владимира Мономаха своимъ дѣтямъ: *„Въ дому своемъ“*, говоритъ онъ, *„не лѣнитеся, но все видите; не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящiе къ вамъ и дому вашему и обѣду вашему“*. Здѣсь мы видимъ отроковъ, младшихъ дружинниковъ служителями въ княжемъ домѣ, поварами и приставниками къ домашнимъ должностямъ. Далѣе продолжаетъ онъ: *„Куда же ходящiе путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокамъ ни своимъ, ни чужимъ, ни въ сльхъ, ни въ житѣхъ“*. Здѣсь отроки являются сопровождающими князя въ его путешествiяхъ по своимъ землямъ. Затѣмъ продолжаетъ Мономахъ: *„Еже было творити отроку моему, то самъ есть творилъ дѣла на войнѣ и на ловѣхъ... самъ творилъ, что было надобѣ, весь нарядь и въ дому своемъ, то я творилъ есмъ и ловчiй нарядъ самъ есмь держалъ и въ конюсѣхъ и о соколѣхъ и о ястребѣхъ“*. Здѣсь мы видимъ отроковъ и на войнѣ и на охотѣ и въ домѣ—ловчими, конюхами, сокольниками и ястребниками. Въ Русской Правдѣ въ числѣ младшихъ дружинниковъ встрѣчаются мечники и гриди, а также сельскiе тiуны, мытники, т. е. сборщики мытныхъ пошлинъ на торгахъ, мостахъ и перевозахъ. На мечникахъ, по свидѣтельству Русской Правды, лежала обязанность завѣдывать тюрьмами, гдѣ содержались подсудимые по тяжбамъ о кражѣ и разныхъ обидахъ. 3) Младшiе дружинники, принимая участiе въ военныхъ походахъ князей, обыкновенно составляли сторожевые полки его войска. По свидѣтельству лѣтописей младшими дружинниками иногда населяли цѣлые города. Такъ, подъ 1159 годомъ Святославъ Ольговичъ говоритъ Изяславу Давидовичу: *„Виждь мое смиренiе, колико на ся поступахъ, взяхъ Черниговъ съ семью городъ пустыхъ, въ нихъ же сѣдятъ псаревѣ и Половцы“*. Или въ другомъ мѣстѣ лѣтописи, подъ 1179 годомъ, упоминается о волостяхъ, занятыхъ сѣдельниками княжими. Вѣроятно младшими же дружинниками были заняты города, пограничные съ степями, и они же содержали разъѣзды въ степяхъ для наблюденiя за кочевниками. Этотъ обычай былъ исконнымъ въ русской землѣ: еще Владимиръ построилъ нѣсколько крѣпостей въ Приднѣпровьѣ для защиты отъ Печенѣговъ и другихъ кочевниковъ и поручилъ охрану ихъ младшимъ дружинникамъ. Точно также впослѣдствiи московскiе государи построили цѣлый рядъ крѣпостей отъ Оки почти до Чернаго моря, въ которыхъ содержали младшихъ дружинниковъ. Послѣднiе поступали на службу не къ однимъ князьямъ—и старшiе дружинники имѣли также цѣлые полки младшей дружины и содержали ее на свой счетъ. 5) Младшiе дружинники отличались отъ старшихъ по своимъ правамъ передъ закономъ: такъ

Русская Правда рѣзко различаетъ тѣхъ и другихъ дружинниковъ, назначая за убійство мужа, т. е. за старшаго дружинника, 80 гривенъ, а за младшаго только 40, наравнѣ съ земцемъ.

Младшая дружина имѣла одинаковое происхожденіе съ старшею, т. е. состояла какъ изъ туземцевъ, поступившихъ въ княжескую службу, такъ и изъ пришельцевъ изъ разныхъ странъ. Люди богатые, или знаменитые по своему происхожденію и своимъ подвигамъ, поступали въ старшую дружину, а люди бѣдные и неизвѣстные — въ младшую. Переходъ изъ младшей дружины въ старшую былъ возможенъ или по особому расположенію князя, или по особымъ заслугамъ и подвигамъ. Такъ, тотъ отрокъ, который при Владимирѣ Св. побѣдилъ на поединкѣ Печенѣжскаго воина, былъ сдѣланъ бояриномъ съ отцемъ своимъ. Другой примѣръ того же находимъ въ лѣтописи: Ясинъ Амбалъ, пришедшій и поступившій въ службу къ Андрею Боголюбскому безвѣстнымъ бѣднякомъ, впослѣдствіи былъ любимцемъ князя и имѣлъ въ своихъ рукахъ весь княжій дворъ и власть надъ всѣми слугами.

Свободный переходъ дружинниковъ. Такъ какъ старшіе и младшіе дружинники были свободными пришельцами и поступали въ службу добровольно, то посему также добровольно и свободно они могли переходить изъ службы одного князя къ другому. Въ московскихъ договорныхъ грамотахъ мы будемъ впослѣдствіи встрѣчать постоянную статью, которой князья обязывались не препятствовать свободному переходу дружинниковъ отъ одного князя къ другому: *„а боярамъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля"*. Въ извѣстіяхъ же разсматриваемаго времени мы имѣемъ только намеки на свободный переходъ дружинниковъ, или на отсылку ихъ самимъ княземъ въ случаѣ какой либо вины; такъ, подъ 1169 годомъ лѣтопись говоритъ, что Мстиславъ Изяславичъ отпустилъ отъ себя Петра и Нестора Бориславичей *„про ту вину, оже бяху холопи его покрали кони Мстиславли у стадъ"*. Или подъ 1211 годомъ сказано: *„Король Андрей* (Угрскій) *я Володислава* (бояриня) *въ Галичи, заточи й, и въ томъ заточеньи умре, нашедъ зло племени своему и дѣтямъ своимъ, княженія дѣля: вси бо князи не призряху дѣтей его того ради"*. Здѣсь князья не принимаютъ дѣтей Володислава, потому что онъ хотѣлъ сдѣлаться княземъ галицкимъ; слѣдовательно, дѣти Владиславовы безъ этой исключительной причины могли бы перейти въ службу къ любому князю. Подъ 1237 годомъ лѣтопись очень ясно говоритъ, что дружинники имѣли право свободнаго перехода отъ одного князя къ другому; въ ней при описаніи кончины Василька Константиновича, сказано: *„Бѣ бо Василько сердцемъ легокъ, до бояръ ласковъ; никто бо отъ бояръ, кто ему служилъ и хлѣбъ его ѣлъ и чашу пилъ и дары его имѣлъ, тотъ никого же у инаго князя можаше быти за любовь его, излише же слуги свои любляше"*. Былъ ли утвержденъ договорными грамотами свободный переходъ дружинниковъ, какъ это мы видѣли въ московскомъ періодѣ, или основывался на одномъ обычаѣ, объ этомъ нельзя сказать ничего положительнаго по неимѣніи историческихъ свидѣтельствъ. Вѣрнѣе будетъ сказать, что переходъ поддерживался обычаемъ и князья не имѣли надобности договариваться объ этомъ съ своими дружинниками.

Земщина. Положеніе земщины. Развитіе княжеской власти при Владимирѣ по удаленіи безпокойныхъ Варяговъ въ Константинополь и

помощь, оказанная Новгородцами Ярославу въ борьбѣ его съ Святополкомъ, и болѣе тѣсная связь князя съ земщиной, естественно должны были мало по малу измѣнить прежнія отношенія земщины къ князю, и даже въ самомъ устройствѣ земщины должны были произойти нѣкоторыя перемѣны. Но по смерти Ярослава, по случаю раздѣленія Руси на удѣлы и по безпрерывнымъ спорамъ князей, измѣненіе отношеній земщины къ князю и наоборотъ, а равнымъ образомъ, измѣненіе устройства земщины, было незначительно и шло очень медленно. Впрочемъ, это было не одинаково во всѣхъ мѣстностяхъ Руси: въ иныхъ мѣстахъ оно болѣе и скорѣе сближалось съ княземъ и съ дружиною, въ другихъ медленнѣе и позднѣе. Начнемъ наше изслѣдованіе объ устройствѣ земщины въ этомъ періодѣ съ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ земщина удержала болѣе свой прежній характеръ. Въ этомъ отношеніи первое мѣсто принадлежитъ Новгороду.

Новгородская земщина. Новгородцы, какъ и въ прежнее время, считали себя свободными въ выборѣ князей. Къ прежнимъ правамъ въ этомъ дѣлѣ въ настоящемъ періодѣ присоединились грамоты Ярослава Великаго, будто бы данныя Новгородцамъ за помощь въ войнѣ съ Святополкомъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Софійская и Никоновская лѣтописи. Но эти грамоты до насъ не дошли, и въ чемъ онѣ состояли — мы не знаемъ. Въ своихъ сношеніяхъ съ князьями Новгородцы постоянно ссылаются на эти грамоты, какъ на законъ, опредѣляющій отношенія князя къ Новгороду; такъ, напримѣръ, въ 1228 году Новгородцы говорятъ Ярославу Всеволодовичу: *„На всей воли нашей и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ ты нашь князь, или ты собѣ и мы собѣ“*. И князья, дѣйствительно, иногда признавали законность этихъ грамотъ; такъ въ 1224 году Михаилъ Всеволодовичъ *„цѣлова крестъ на всей волѣ новгородстей и на всѣхъ грамотѣхъ Ярославлихъ“*. Но какъ бы то ни было, — дѣйствительно ли существовали грамоты Ярослава, опредѣляющія отношенія Новгородцевъ къ князьямъ, или ихъ не было, — только преемники Ярослава, такъ же, какъ и его предшественники, далеко не имѣли той власти въ Новгородѣ, какою они пользовались въ другихъ владѣніяхъ. Такъ, новгородская и псковская земщины воевали и мирились съ сосѣдями безъ всякаго отношенія къ своимъ князьямъ, даже отказывались иногда сопутствовать князю, ежели онъ звалъ ихъ въ походъ противъ сосѣдей, съ которыми они были въ мирѣ. Такъ, въ 1228 году Псковичи говорили Ярославу, приглашавшему ихъ противъ Рижанъ: *„Тобѣ ся, княже, кланяемъ, на путь нейдемъ, а съ Рижаны мы взяли миръ“*. То же говорили и Новгородцы: *„Мы безъ своя братьи безъ Пъсковичъ не имемся на Ригу и тобѣ ся княже кланяемъ“*. Даже во внутреннемъ управленіи Новгородцы назначали князьямъ извѣстныя условія, безъ которыхъ не принимали ихъ; такъ, напримѣръ, князь не имѣлъ права посылать въ новгородскіе города и области своихъ судей и правителей; также не могъ безъ суда и объявленія вины лишать власти выборныхъ новгородскихъ чиновниковъ; даже право сажать посадниковъ, во всѣхъ княжествахъ Руси принадлежавшее князьямъ, въ Новгородѣ съ 1126 года принадлежало новгородскому вѣчу, такъ что посадникъ почти не зависѣлъ отъ князя. То же должно сказать и о тысяцкомъ, который также былъ избираемъ вѣчемъ и

почти не подчинялся князю. Князь даже не имѣлъ права жить въ Новгородѣ, а всегда жилъ въ Городищѣ, находившемся въ пяти верстахъ отъ Новгорода, вверхъ по Волхову, и всѣ свои дѣла производилъ тамъ, въ Новгородъ же онъ могъ только пріѣзжать и то безъ дружины. Какъ было въ Новгородѣ, такъ было и въ пригородахъ новгородскихъ, такъ что отношенія князей къ Новгороду въ настоящемъ періодѣ были менѣе близки, нежели при Рюрикѣ и его ближайшихъ преемникахъ. И хотя русскіе князья называли Новгородъ своею отчиною, но это только въ томъ значеніи, что ихъ предки изъ того, или другого поколѣнія Ярославова, въ то, или другое время княжили въ Новгородѣ, собственно же весь новгородскій край, по правамъ тамошней земщины, составлялъ отдѣльное и почти независимое владѣніе, нисколько не подходящее подъ категорію другихъ русскихъ владѣній. Сами князья русскіе сознавали это, ибо ни одинъ изъ нихъ и ни одинъ княжескій родъ не думалъ утвердиться въ Новгородѣ и при первомъ удобномъ случаѣ (даже любимѣйшіе новгородскіе князья, напр., Мстиславъ Удалой) спѣшили удалиться въ другія владѣнія, даже гораздо менѣе значительныя въ сравненіи съ Новгородомъ. И если иные князья старались удержать за собою Новгородъ, то не съ тѣмъ, чтобы жить тамъ, а чтобы только пользоваться доходами и управлять тамошнимъ краемъ черезъ своихъ намѣстниковъ.

Кіевская земщина. Съ новгородской земщиной было довольно сходно устройство земщины кіевской. Постоянное стремленіе всѣхъ княжескихъ родовъ владѣть Кіевомъ, какъ первымъ и богатѣйшимъ городомъ, имѣло прямымъ слѣдствіемъ то, что тамъ не утвердился ни одинъ княжескій родъ, что Кіевъ не сдѣлался отчиннымъ владѣніемъ. Кіевская земщина при всемъ своемъ желаніи сблизиться съ какимъ-либо княжескимъ родомъ, не сблизилась ни съ однимъ, хотя къ нѣкоторымъ и высказывала особенное расположеніе и преданность, напр., къ роду Мономаха. Впродолженіи 190 лѣтъ, отъ смерти Ярослава Великаго до покоренія Кіева Монголами, кіевскими князьями успѣли побывать отчинные князья и черниговскіе, и переяславскіе, туровскіе и новгородъ-сѣверскіе, и смоленскіе, и волынскіе, и суздальскіе и даже одинъ изъ полоцкихъ князей, такъ что за исключеніемъ князей рязанскихъ и галицкихъ всѣ роды остальныхъ князей русскихъ въ разное время владѣли Кіевомъ, отнимая его другъ у друга. Все это разноплеменную, богатую и торговую кіевскую земщину должно было поставить въ положеніе болѣе, или менѣе независимое, такъ что она въ иное время могла произвольно мѣнять князей, оставлять неугодныхъ и приглашать тѣхъ, которые ей нравились, или однимъ помогать, а другихъ оставлять безъ помощи. Сами князья, до покоренія Кіева войсками Андрея Боголюбскаго въ 1169 году, уважали голосъ Кіевлянъ и всегда отдавали предпочтеніе тому искателю кіевскаго престола, который имѣлъ на своей сторонѣ кіевскую земщину. До княженія Всеволода Ольговича Кіевляне сами приглашали себѣ князей; такъ, изгнавши Изяслава, они пригласили Святослава, послѣ Святополка пригласили Мономаха, а послѣ Мономаха — Мстислава. Но со времени княженія Всеволода Ольговича кіевскій престолъ сталъ заниматься по договору союзниковъ. Но и тогда кіевская земщина еще не утратила своего значенія въ выборѣ

князей, такъ что князья одинаково дорожили какъ союзомъ съ князьями, вступившими съ ними въ договоръ, такъ и союзомъ съ кіевскою земщиною, и если кіевскій князь вступалъ въ союзъ съ другими князьями, безъ земщины, то положеніе его въ союзѣ было очень незначительно. Такимъ образомъ, въ отношеніяхъ къ князьямъ кіевская земщина имѣла много сходства съ земщиной новгородской; но Кіевъ далеко не имѣлъ той полноты земскаго устройства, какая была въ Новгородѣ, — поэтому Кіевляне даже на короткое время не могли оставаться безъ князя. Безъ князя у нихъ не было административныхъ средствъ ни для поддержанія внутренняго порядка, ни для защиты отъ внѣшнихъ нападеній. Смерть кіевскаго князя, или переходъ его въ другое владѣніе немедленно вызывали въ Кіевлянахъ потребность пригласить другого князя. Такъ, въ 1154 г. когда Ростиславъ, разбитый черниговскими князьями, оставилъ Кіевъ, то Кіевляне немедленно послали каневскаго епископа Демьяна къ Исяславу Давидовичу и предложили ему кіевскій столъ: „*Поиди Кыеву, ать не возмутъ насъ Половцы*"; и въ лѣтописи прямо названа причина приглашенія: „*тогды тяжко бысть Кіяномъ, не осталъ бо ся бяшетъ у нихъ никаковъ князь*". Но эта настоятельная необходимость въ князѣ не могла много стѣснять кіевской земщины, потому что охотниковъ княжить въ Кіевѣ всегда было много, и они были наготовѣ, почти у воротъ, а это всегда давало большое значеніе кіевской земщинѣ, такъ что князья до 1169 года не иначе владѣли Кіевомъ, какъ съ согласія и уговорившись съ тамошней земщиной. Такъ, въ 1154 году, по смерти Вячеслава, дружина говорила Ростиславу, владѣвшему Кіевомъ отъ имени Вячеслава; „*Вотъ, князь, Богъ взялъ твоего дядю Вячеслава, а ты еще не соглашался съ Кіевлянами,— поѣзжай въ Кіевъ и уговорись съ тамошними людьми*". Ежели обстоятельства не дозволяли Кіеву сдѣлаться отчиною какого-либо княжескаго рода, то тѣмъ менѣе онѣ дозволяли земщинѣ сблизиться съ дружиною; всѣ дружинники, начиная съ дружинниковъ Всеволода Ольговича, были чужеземцы, пришельцы въ Кіевѣ, и такъ какъ князья княжили большею частію недолго, то и дружинники также не могли долго оставаться въ кіевскихъ владѣніяхъ: ихъ или изгоняли дружинники, приходившіе съ новымъ княземъ, или сами Кіевляне, какъ это было съ дружинниками Всеволода Ольговича, или — Юрія Долгорукаго. Невозможность сблизиться ни съ однимъ княжескимъ родомъ и ни съ одною княжескою дружиною, и недостатокъ въ общественномъ устройствѣ, чтобы жить безъ князя,—произвели то, что кіевская земщина была большею частію равнодушна къ своимъ князьямъ, — однихъ встрѣчала, а другихъ провожала безъ особаго участія и старалась какъ можно менѣе принимать участія въ ихъ спорахъ, такъ что рѣдкій князь могъ разсчитывать на помощь кіевской земщины, чтобы удержаться въ Кіевѣ. Даже любимымъ князьямъ Кіевляне помогали не усердно и прямо говорили: „*Князь, теперь не твое время—уѣзжай изъ Кіева и пріѣзжай назадъ, когда будешь силенъ, тогда мы твои, лишь только увидимъ твои знамена*". Такимъ образомъ, Кіевляне удерживали своего князя только тогда, когда онъ былъ силенъ, и этимъ успѣвали спасать себя и свой городъ отъ разграбленія во время княжескихъ междоусобій, такъ что лѣтописи

впродолженіи 190 лѣтъ отъ смерти Ярослава до покоренія Руси Монголами, насчитываютъ только три случая, когда Кіевъ былъ раззоренъ князьями; но за то, когда Кіевъ въ 1169 году былъ взятъ и разграбленъ войсками Андрея Боголюбскаго, то кіевская земщина сразу потеряла свое значеніе; какъ прежде Кіевляне не заботились поддерживать своихъ князей, не имѣя отчиннаго князя, такъ теперь ни одинъ князь не хотѣлъ защищать ихъ самихъ. Съ 1169 года князья уже не спрашивали голоса вѣча кіевскаго, какъ прежде, такъ что Кіевъ еще за 70 лѣтъ до нашествія Батыя потерялъ всякое значеніе и князья въ немъ были уже не выборные, или вотчинные, а посаженники другихъ князей — то суздальскихъ, то черниговскихъ, то смоленскихъ. Конечно, Кіевъ и въ это время былъ еще очень богатъ, и только поэтому князья и добивались владѣть имъ; овладѣвши же Кіевомъ, князья обращались съ нимъ, какъ съ добычею, какъ съ чужимъ городомъ, грабили и раззоряли его, но не думали промѣнять на него свои родовыя владѣнія. Вообще, Кіевъ вытерпѣлъ въ это время всѣ несчастія и униженія, какія только могъ вытерпѣть городъ не имѣвшій своего отчиннаго князя; его только грабили и никто изъ князей не хотѣлъ вступиться за него. Припомнимъ осаду его въ 1203 году Рюрикомъ Ростиславичемъ, который отдалъ его на разграбленіе Половцамъ, которые грабили и сожгли верхній и нижній городъ, а жителей увели плѣнниками въ степи. Здѣсь Кіевъ вполнѣ пожалъ плоды своихъ своекорыстныхъ отношеній къ князьямъ и утратилъ всякое значеніе.

Земщины: *Переяславская* (Переяславля русскаго), *Туровская*, *Пересопницкая*, *Курская* и др. незначительныхъ городовъ Приднѣпровья по сходству своего устройства очень близки къ кіевской земщинѣ. Здѣсь князья, по большей части, были перемѣнны и слѣдовательно не могли сблизиться съ земщиной, равно какъ и дружинники ихъ. Впрочемъ, земщина городовъ этого разряда далеко не пользовалась тѣмъ значеніемъ, какимъ пользовались Кіевляне; такъ какъ эти города были не богаты и незначительны, то охотниковъ княжить въ нихъ было немного и они, большею частію, давались въ придачу къ другимъ владѣніямъ, или же отдавались второстепеннымъ князьямъ по условію съ кіевскимъ княземъ; слѣдовательно, тамошняя земщина находилась, большею частію, въ зависимости отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, отъ перемѣнъ въ Кіевѣ и другихъ значительныхъ владѣніяхъ. Это же было причиною тому, что эти города нерѣдко подвергались опустошеніямъ отъ сильныхъ князей, которые, желая страхомъ привлечь къ себѣ слабѣйшихъ, иногда безпощадно жгли и разоряли ихъ области.

Вообще, земщина всѣхъ этихъ городовъ была далеко не самостоятельна. Даже земщина болѣе важнаго изъ нихъ Переяславля — пользовалась, сравнительно съ кіевской и новгородской земщинами, очень незначительными правами. Онѣ, такъ же, какъ и кіевская земщина, не отличались привязанностью къ своимъ князьямъ; поэтому князья мѣнялись у нихъ очень часто и такимъ образомъ онѣ не сблизились ни съ однимъ княжескимъ родомъ; отъ этого и участь большей части этихъ городовъ была одинакова съ кіевской земщиной, подъ покровительствомъ которой они состояли. Когда въ 1169 году Кіевъ былъ

разрушенъ, и кіевская земщина потеряла свое значеніе, то и все Приднѣпровье, за исключеніемъ черниговскихъ владѣній, было расхищено и разорено. Совсѣмъ другое значеніе имѣла земщина въ тѣхъ владѣніяхъ, которыя сдѣлались отчинными въ одномъ какомъ-либо родѣ князей; такъ напр., въ Галичѣ, Смоленскѣ, Полоцкѣ, Ростовѣ, Суздалѣ, Рязани, Муромѣ, на Волынѣ съ Изяслава Мстиславича и въ Черниговѣ съ Всеволода Ольговича отчинность княжеской власти въ одномъ родѣ произвела то, что земщина болѣе или менѣе притянула къ себѣ дружину и потому получила большую силу и значеніе. Но и въ этой категоріи владѣній значеніе и сила земщины не вездѣ были одинаковы.

Галицкая земщина была самая сильная между земщинами этого разряда. Въ Галичѣ, гдѣ постоянно княжилъ одинъ родъ и притомъ недробившійся на вѣтви, утратилось всякое различіе между дружиною и земщиною; тамъ дружинники такъ успѣли слиться съ земщиной, что сдѣлались главными землевладѣльцами и предводителями земщины, такъ что лѣтописи постоянно называютъ ихъ галицкими боярами, или мужами, но не княжими, какъ въ большей части другихъ владѣній. Дружинники сдѣлались аристократами земщины въ явный ущербъ власти князя и свободы народа. Галицкіе бояре еще при Ярославлѣ Осмомыслѣ начали высказывать большое своеволіе и вмѣшиваться даже въ семейныя дѣла князя; такъ, въ 1173 году, Галичане, предводимые боярами, избили приверженцевъ Ярослава, Чагрову чадь, сожгли княжескую любовницу Настасью, захватили самого Ярослава и обязали его клятвою жить въ любви съ княгиней. По смерти Ярослава они раздѣлились на партіи и стали произвольно распоряжаться и княжескою властью и обществомъ; своеволіе ихъ дошло до того, что они произвели мятежъ, изгнали изъ Галича старшаго сына Ярослава, Олега, и перевели на галицкій столъ изъ Перемышля другого сына его, Владимира. Потомъ, черезъ годъ, они принудили и Владимира бѣжать въ Венгрію и послѣ этого, впродолженіи 56 лѣтъ, постоянно ссорились между собою и продавали галицкій столъ разнымъ князьямъ. Хотя во всѣхъ перемѣнахъ князей главными руководителями были бояре, но тѣмъ не менѣе народъ не замеръ совершенно и черезъ 56 лѣтъ, когда въ Галичѣ сталъ единодержавнымъ княземъ Даніилъ Романовичъ, Галичъ возстановилъ прежнюю силу и значеніе и сдѣлался сильнѣйшимъ княжествомъ на Руси.

Смоленская земщина. Въ Смоленскѣ, постоянно остававшемся за родомъ Ростислава Мстиславича, внука Мономахова, земщина также получила большое значеніе, благодаря тѣсному соединенію съ дружиною. Смоленская земщина, хотя никогда не исключала изъ княженія племени Ростислава, тѣмъ не менѣе принимала сильное участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Князья смоленскіе были очень ограничены земщиной, такъ какъ не могли опереться на дружину, которая была за-одно съ земщиной, и потому волей-неволей должны были согласоваться во всемъ съ земщиной. Насколько Смоленская земщина имѣла значенія въ дѣлахъ междукняжескихъ, это видно изъ исторіи смоленскаго князя Ростислава. Когда Ростислава пригласили въ Кіевъ по смерти Юрія Долгорукаго, то онъ посылалъ туда прежде себя отъ Смольнянъ мужа Ивана Ручечника и отъ Новгородцевъ Якупа дого-

вориться съ приглашавшими князьями и Кіевлянами о томъ, на какихъ условіяхъ они принимаютъ его въ кіевскіе князья. Эта посылка земцевъ, а не дружинниковъ, прямо указываетъ на сильное участіе земщины въ дѣлахъ княжескихъ: здѣсь Ростиславъ принимаетъ кіевскій столъ явно съ согласія Смольнянъ и Новгородцевъ; онъ считаетъ для себя одинаково нужнымъ, какъ согласіе князей и Кіевлянъ, приглашавшихъ его въ Кіевъ, такъ и земцевъ новгородскихъ и смоленскихъ, отпускавшихъ его на кіевскій престолъ; слѣдовательно, уѣзжая княжить въ Кіевъ, Ростиславъ дорожилъ еще расположеніемъ Смольнянъ и, такъ сказать, не хотѣлъ разрывать своей связи съ Смоленскомъ. Смоленскіе земцы, крѣпко любившіе князей, поступавшихъ по обычаямъ смоленскихъ, являлись непреклонными, какъ скоро князья оказывали неуваженіе къ народнымъ правамъ. Такъ, сынъ Ростислава, Романъ, когда, по волѣ Андрея Боголюбскаго, занялъ Кіевъ и не посовѣтовавшись съ смоленскою земщиною, далъ Смоленскъ своему сыну Ярополку, возбудилъ негодованіе земцевъ, кончившееся изгнаніемъ Ярополка и передачей Смоленска брату Романа, знаменитому защитнику народныхъ правъ, Мстиславу Ростиславичу. Впрочемъ, изгнаніе Ярополка не разсорило Смольнянъ съ дѣтьми перваго ихъ отчиннаго князя, любимаго народомъ, Ростислава: они черезъ два года признали своимъ княземъ самого Романа, когда тотъ по обстоятельствамъ принужденъ былъ оставить Кіевъ и возвратиться въ Смоленскъ; а по смерти Романа съ радостью приняли брата его, Давида, и всѣ вмѣстѣ съ своимъ епископомъ и духовенствомъ вышли встрѣчать его. Но тѣ же самые Смольняне, которые такъ радушно встрѣтили Давида, уже въ 1185 году возстали противъ князя, видя въ его дѣйствіяхъ нарушеніе своихъ правъ. Лѣтописецъ говоритъ объ этомъ слѣдующее: *„всталъ бысть въ Смоленскѣ промежду княземъ Давыдомъ и Смоляны и много головъ паде лучшихъ мужъ"*. Смоленская земщина принимала также дѣятельное участіе и въ войнахъ своихъ князей. Такъ въ 1216 году во время войны Юрія и Ярослава Всеволодовичей, князей суздальскихъ, съ Новгородцами, въ союзъ съ послѣдними вступилъ князь смоленскій Владиміръ Рюриковичъ, а съ Владиміромъ приняли участіе въ походѣ и смоленскіе земцы своимъ полкомъ. Объ участіи земцевъ въ дѣлахъ мира свидѣтельствуютъ договорныя грамоты Мстислава Давидовича съ Ригою и Готскимъ берегомъ. Въ этой грамотѣ прямо сказано, что для переговоровъ о мирѣ князь посылалъ въ Ригу отъ Смольнянъ попа Еремѣя и сотскаго Пантелѣя, а еще прежде сихъ пословъ велъ переговоры съ Нѣмцами Тумашъ Смольнянинъ. По смерти Мстислава Давидовича Смоленская земщина думала имѣть выборныхъ князей изъ другихъ княжескихъ домовъ, но это ей не удалось [1]).

Полоцкая земщина была давно уже отдѣлена отъ другихъ земщинъ. Она выдѣлилась изъ общей связи русской земли едва ли еще не при Олегѣ, потому что въ это время она имѣла своего самостоятельнаго князя. При Владимірѣ Св. Полоцкое княженіе досталось сыну его Изяславу и съ этого времени почти постоянно находилось въ его родѣ. Временно, при Мстиславѣ I, который выгналъ Изяславичей

---

1) Смоленская земщина, см. Разсказы изъ Русской Исторіи Бѣляева; т. I, стр. 344—348.

изъ ихъ владѣній, Полоцкое княженіе было присоединено къ Кіеву, но во время междоусобій, происшедшихъ между Мстиславичами, Изяславичи волею полоцкой земщины были вызваны изъ Греціи, гдѣ они жили по удаленіи изъ Полоцка, и снова стали владѣть Полоцкимъ княженіемъ. После этого Полоцкая земщина получила такую силу, какой, за исключеніемъ Новгорода, не имѣла ни одна земщина. Впрочемъ, отношенія Полоцкой земщины къ своимъ князьямъ были не совсѣмъ одинаковы съ новгородскою. Какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Полоцкѣ, князья были выборные, но разница въ этомъ отношеніи состояла въ томъ, что Новгородцы выбирали князей изъ всѣхъ Рюриковичей, а Полочане только изъ потомковъ Изяслава Владимировича; съ другой стороны, князья, избираемые Новгородцами, имѣли гдѣ-нибудь свои особенныя, отчинныя владѣнія, такъ что если Новгородцы прогоняли своего князя, то онъ удалялся въ свое владѣніе. Полоцкіе же князья не имѣли другихъ владѣній, кромѣ Полоцка, и если бы Полочане вздумали лишить власти своего князя, то ему некуда было бы дѣваться; поэтому, князья въ Полоцкѣ были болѣе стѣснены, болѣе были въ зависимости отъ земщины, чѣмъ въ Новгородѣ. Чтобы не оставаться безъ владѣній, они, волей-неволей, непремѣнно должны были соглашаться на всѣ условія и требованія земщины, или искать себѣ покровительства у сосѣднихъ князей, или держаться полудикой, сосѣдней Литвы. Надобно замѣтить, что Литва была колонизована Полочанами и Кривичами. Сѣверный край ея почти до устьевъ Западной Двины и Нѣмана былъ колонизованъ Полочанами, а южный, почти до Припети — Кривичами; поэтому она зависѣла отъ Полоцкаго княжества; но такъ какъ племена литовскія не были ославянены, и притомъ имѣли своихъ князей (князцы), число которыхъ было очень значительно, такъ что чуть не въ каждой литовской деревнѣ былъ свой князь, то поэтому полоцкіе князья, въ случаѣ раздоровъ съ земщиной, нерѣдко искали покровительства у Литовцевъ и съ помощью ихъ занимали то, или другое изъ Полоцкихъ владѣній. При такомъ порядкѣ Полоцкая земщина къ концу XII-го столѣтія достигла такой степени самоуправленія, что заключала мирные договоры съ сосѣдними владѣтелями, не спрашивая объ этомъ своихъ князей: такъ, въ 1186 году Полочане заключили миръ съ Давидомъ Ростиславичемъ Смоленскимъ, прямо отъ своего имени, а не отъ имени князя; *„И сдумаша Полочане, рекуще: не можемъ мы стати противу Новгородцемъ и Смольняномъ, и собрашася вси и идоша къ нимъ и стретоша и на межахъ съ поклономъ и честію“*. Все это довело Полоцкую земщину до того, что она лишилась своихъ отчинныхъ князей, много потерпѣла отъ княжескихъ междоусобій и подчинялась попеременно Черниговскимъ и Смоленскимъ князьямъ и, наконецъ, покорена Литовцами при Гедиминѣ и Витовтѣ [1]).

Волынская и Черниговская земщины хотя постоянно жили съ одними княжескими родами, первая за потомствомъ Изяслава Мстиславича, а вторая за потомствомъ Давида и Олега Святославичей, слѣдовательно имѣли много времени сблизиться съ своими князьями и ихъ дружинниками; но частыя войны князей съ сосѣдями и сильное

1) См. Полоцкая земщина, Разск. изъ Русск. Ист. Бѣляева, Т. I, стр. 348—354.

участіе въ дѣлахъ другихъ княжествъ заставляли тамошнихъ князей постоянно усиливать свои дружины; а во время войны на дружинную службу было всегда много охотниковъ и изъ земцевъ въ надеждѣ на добычу. Все это не дозволяло земщинѣ поглощать дружину, какъ это было въ Галичѣ, Смоленскѣ и Полоцкѣ. На Волыни, въ Черниговской и Сѣверной сторонѣ дружина всегда на столько была сильна, что земщина не могла имѣть надъ ней большого перевѣса и присвоить себѣ болѣе рѣшительное вліяніе на дѣла общественныя; частыя нападенія сосѣдей и набѣги Половцевъ заставляли земщину дорожить княжею дружиною, какъ надежною помощью при защитѣ родной земли. Поэтому въ лѣтописи мы не встрѣчаемъ ни одного извѣстія, которое бы указывало на несогласіе между земщиною и княземъ ни на Волыни, ни въ Черниговскомъ краѣ.

Рязанская и Муромская земщины [1]) еще со времени Мстислава Великаго имѣли своихъ отчинныхъ князей изъ рода Ярослава Святославича, которые были тамъ постоянно. Эта отчинность князей изъ одного и того же рода сдѣлала то, что земщина этихъ городовъ получила огромное значеніе; она не только участвовала на равнѣ съ дружиной во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ и войнахъ князя, но дѣйствовала самостоятельно и одна, когда князь ея почему либо не могъ дѣйствовать; такъ, когда въ 1154 году Юрій Долгорукій выгналъ Ростислава Рязанскаго и посадилъ на его мѣсто своего сына Андрея Боголюбскаго, то Рязанцы ночью подвели къ городу Ростислава съ Половцами и Андрей едва успѣлъ убѣжать изъ Рязани въ одномъ сапогѣ, а дружина его была частію убита, частію потоплена въ рѣкѣ; или въ 1207 году, когда Всеволодъ Юрьевичъ выгналъ изъ Пронска тамошняго князя Михаила, то Проняне выбрали себѣ въ князья одного изъ родственниковъ Михаила, Изяслава Владиміровича, и три недѣли бились съ войсками Всеволода. Когда же Всеволодъ посадилъ сына своего Ярослава въ Рязани, заставивъ рязанцевъ выдать ему своихъ князей и Ярославъ сталъ поступать не по обычаямъ рязанскимъ, то Рязанцы стали сноситься съ пронскими князьями и хотѣли имъ выдать своего князя. Хотя замыселъ этотъ и неудался и Всеволодъ отвелъ множество рязанскихъ бояръ во Владиміръ, но Рязанцы отомстили ему въ томъ же году опустошеніемъ окрестностей Москвы, и добились того, что сынъ Всеволода, Юрій; заключилъ съ рязанскими князьями миръ и отпустилъ взятыхъ въ плѣнъ бояръ. Есть извѣстія, что Рязанцы (они называются въ лѣтописяхъ буими, гордыми, своеобычными людьми), когда князья присылали къ нимъ намѣстника, прогоняли его и управлялись сами, такъ что управленіе самихъ родовыхъ князей было сильно стѣснено земщиной. По дошедшимъ до насъ рязанскимъ жалованнымъ грамотамъ мы видимъ, что даже и ихъ давалъ князь не отъ своего только лица, но и отъ земщины. Такимъ образомъ, Рязанская земщина была на столько крѣпка, что успѣла отстоять свою независимость и тогда, когда князья ея были или побиты, или въ плѣну. Такому развитію земщины главнымъ образомъ способствовало то, что тамъ постоянно былъ одинъ княжескій родъ

---

[1]) См. Рязанско-Муромская земщина. Разск. изъ Русск. Ист. Бѣляева, т. I, стр. 332—344.

и тѣ же дружинники, которые такъ слились съ земщиной, что составили съ нею одно нераздѣльное цѣлое.

Суздальская и Ростовская земщины [1]), прежде почти неизвѣстныя и подчинявшіяся княжескимъ посадникамъ, присылаемымъ сперва изъ Кіева, а потомъ, со времени Владиміра Мономаха изъ Переяславля, и не имѣвшіе никакого голоса въ княжескихъ отношеніяхъ, съ возвышеніемъ Юрія Долгорукаго такъ усилились, что сдѣлались однѣми изъ первыхъ земщинъ и держали у себя князей хотя и изъ одного и того же рода, но не иначе, какъ по вольному избранію. Такъ, по смерти Юрія Долгорукаго Суздальская и Ростовская земщины избрали себѣ въ князья сына его Андрея Боголюбскаго не по старшинству, а по желанію только, потому что Юрій въ завѣщаніи распорядился, чтобы ему наслѣдовали младшіе сыновья его Всеволодъ и Василько, но Суздальцы и Ростовцы выгнали этихъ князей и приняли Андрея. А по смерти Андрея Боголюбскаго Суздальская и Ростовская земщины помимо сына его вольными голосами признали своими князьями племянниковъ его Мстислава и Ярополка Ростиславичей. Этихъ же князей сначала признали и Владимирцы; но когда Ростиславичи стали плохо править, то Владимирцы собрали вѣче и прямо сказали: „мы по своей воли избрали князей, а они пустошатъ землю нашу, какъ бы не думая оставаться въ ней князьями“ и послали звать къ себѣ въ князья брата Андреева Михаила Юрьевича, по смерти котораго они избрали другого его брата, Всеволода, и цѣловали крестъ на него и его дѣтей. Вслѣдствіе этого отдѣленія Владимирской земщины отъ Суздальской и Ростовской, началась небывалая до того война земщины съ земщиной, война замѣчательная тѣмъ, что въ ней главными дѣятелями были не князья, а земщины, такъ что князья иногда были готовы заключить миръ, но земщины не соглашались на это. Такъ во время этой войны, Всеволодъ предложилъ племяннику заключить миръ съ тѣмъ условіемъ, чтобы подѣлить полюбовно владѣнія, и когда племянникъ согласенъ былъ принять предложеніе дяди, то Ростовцы прямо объявили: *„Ежели ты дашъ миръ Всеволоду, то мы не дадимъ“*. Или Владимирцы, побѣдивъ Ростовцевъ и Мстислава, требовали у Всеволода чтобы онъ казнилъ взятыхъ въ плѣнъ Ростовцевъ: *„Княже! мы тебѣ добра хотимъ и за тебя головы свои складываемъ, а ты держишь враговъ своихъ просто, а се враги твои и наши—Суздальцы и Ростовцы, любо казни ихъ, любо слѣпи, или отдай намъ“*. По смерти Всеволода сынъ его Ярославъ, которому, по завѣщанію, назначался Переяславль (Залѣскій, Суздальскій), утвердился въ этомъ городѣ не иначе, какъ съ согласія самихъ Переяславцевъ. Онъ, прибывши въ Переяславль, собралъ вѣче и говорилъ Переяславцамъ: *„Братья Переяславцы! вотъ отецъ мой отошелъ къ Богу, а васъ отдалъ мнѣ, а меня вамъ далъ на руки; скажите, братья, хотите ли меня имѣть у себя, какъ имѣли отца, моего и сложить за меня свои головы“*. И отвѣчали Переяславцы: *„Оченъ господине, да будетъ такъ; ты нашъ господинъ, ты нашъ Всеволодъ“*. Но несмотря на сильное вліяніе земщины въ этомъ краѣ, вообще долго не погасавшая вражда старой Ростовской и Суздальской

---

1) См. Суздальская земщина. Разск. изъ Русск. Ист. Бѣляева, т. I, стр. 337—339.

земщины съ молодой земщиной—Владимирской препятствовала той и другой земщинѣ поглотить въ себѣ княжую дружину, вслѣдствіе чего здѣсь произошло почти единственное на Руси явленіе—отдѣльность и неподчиненность другъ другу дружины и земщины при сильной преданности той и другой князю. Это исключительное на Руси отношеніе между дружиною и земщиною было, кажется, одною изъ причинъ, почему Суздальско-Ростовскій край особенно усилился и впослѣдствіи въ лицѣ Москвы подчинилъ себѣ всю Русь; ибо собственно дружинникамъ на Руси нигдѣ не удалось совершенно подчинить себѣ земщины, и тѣ русскія владѣнія, гдѣ земщина успѣла поглотить дружину, всѣ, рано, или поздно, пали и именно отъ поглощенія дружины земщиной.

Устройство земщины. Старое земское устройство, составлявшее существенную основу жизни русскаго общества, продолжало существовать по прежнему, охраняло законную самостоятельность общества отъ всѣхъ внѣшнихъ притязаній, способствовало къ его постепенному и правильному развитію и не допускало погибнуть русскому народу въ княжескихъ междоусобіяхъ и въ войнахъ съ внѣшними непріятелями. Собственно общественное устройство земщины въ настоящемъ періодѣ по прежнему оставалось общиннымъ, какъ въ городахъ, такъ и въ селеніяхъ. Развитіе княжеской власти нисколько не касалось этого устройства, да и не имѣло въ томъ никакой нужды, потому что не было началомъ противуположнымъ и уничтожающимъ; напротивъ, земщина примкнула къ ней, какъ туловище примыкаетъ къ головѣ. Всѣ извѣстія лѣтописей и оффиціальныхъ памятниковъ за настоящее время служатъ только дополненіемъ и объясненіемъ того, что мы уже знаемъ объ общинномъ устройствѣ земщины въ 1-мъ періодѣ. Какъ въ прежнее время, Русская земля продолжала еще состоять изъ разныхъ крупныхъ и мелкихъ общинъ, находившихся въ болѣе, или менѣе тѣсной связи другъ съ другомъ. Общины сіи носили названіе городовъ и селеній. Городами тогда назывались тѣ главныя крупныя общины, къ которымъ тянули мелкія общины; они дѣлились на старшіе города и пригороды. Сельскія также дѣлились на села и починки, а нѣсколько селъ и починковъ, состоявшихъ другъ съ другомъ въ связи, составляли новые центры, подчиненные городамъ, и назывались волостями, такъ что любой край въ русской землѣ непремѣнно имѣлъ въ себѣ главный городъ, отъ котораго большею частію получалъ и свое названіе; въ каждомъ краѣ отъ главнаго города зависѣли и тамошіе пригороды, т. е. или колоніи главнаго города, или города, построенные на землѣ, тянувшей къ старому городу, хотя бы они были населены выведенцами изъ другихъ земель. Цѣлый край, тянувшій къ своему старому городу, одновременно съ властью княжеской управлялся и вѣчемъ стараго города, отъ котораго зависѣли и пригороды; въ каждомъ пригородѣ было также свое вѣче, которому повиновались волости, тянувшія къ городу; равнымъ образомъ волости и каждая мелкая община имѣли свой міръ, свое вѣче, приговору котораго должны были повиноваться члены общины. Такимъ образомъ, каждый край русской земли былъ союзомъ общинъ, его населявшихъ, или большимъ міромъ, состоявшимъ изъ союза малыхъ міровъ, населенныхъ на его землѣ и ему подчиненныхъ, а вся русская земля бы-

ла общимъ русскимъ міромъ. Но для этого общаго міра во времена сыновей Ярослава и долго послѣ нихъ еще не было выработано жизнью и исторіею общаго вѣча, ибо ни одинъ большой міръ, ни одинъ самостоятельный край русской земли не признавалъ себя подчиненныхъ другому краю; а изъ князей того времени, и долго послѣ, ни одинъ ни могъ назваться главою и представителемъ всего русскаго міра, ибо каждый изъ нихъ былъ только княземъ одного, или нѣсколько большихъ міровъ русской земли. Связь, выражающая единство общаго міра русскаго, или всей русской земли, тогда состояла только въ единствѣ религіи, языка и общественнаго устройства.

Кромѣ общихъ указаній объ устройствѣ русскаго общества въ 1-й половинѣ второго періода, мы имѣемъ еще частныя указанія двухъ родовъ: оффиціальные памятники того времени и лѣтописи. *Къ оффиціальнымъ памятникамъ* принадлежатъ: во 1) Русская Правда, во 2) уставы княжескіе и въ 3) договорныя грамоты. Въ Русской Правдѣ мы находимъ извѣстія объ устройствѣ Новгорода, именно — въ статьѣ о городскихъ мостовыхъ мы видимъ, что община новгородская находила уже нужнымъ мощеніе улицъ и наблюдала за исправнымъ исполненіемъ этой повинности. Тутъ же встрѣчаемъ извѣстіе, что Новгородъ, кромѣ дѣленія на концы и улицы, еще дѣлился на сотни, которыхъ въ статьѣ насчитывается десять съ названіемъ каждой по имени сотскаго (Давыджа ста, Слѣпцева ста и пр.). Это же извѣстіе о сотскихъ подтверждается другимъ оффиціальнымъ извѣстіемъ, именно, уставомъ Всеволода Мстиславича, гдѣ сказано, что Всеволодъ для разсужденія объ уставѣ созвалъ десять сотскихъ и старосту Болеслава и бирича Мирошку и старосту Иванскаго Васяту. Другая уставная грамота Всеволода, данная церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ, свидѣтельствуетъ, что Новгородъ въ своемъ земскомъ устройствѣ состоялъ изъ нѣсколькихъ общинъ, составлявшихъ приходы, улицы и концы, которые имѣли своихъ старостъ, особыхъ для житьихъ людей и купцовъ и тысяцкаго, особаго для черныхъ людей на весь Новгородъ. Эти представители и начальники каждой общины управляли всѣми ея дѣлами и судомъ; они же собирали и завѣдывали вкладами, получаемыми ими отъ всякаго новаго члена, поступающаго въ купеческую сотню или общину. Каждый пригородъ новгородскій дѣлился на присуды, имѣвшіе опредѣленную окрестность, которая тянула къ нему судомъ и данью, обязывалась помогать ему во всѣхъ его нуждахъ и сама имѣла право на его помощь. Присуды дѣлились на погосты, которые состояли изъ нѣсколькихъ селеній, имѣвшихъ въ погостѣ свой судъ и управу; всѣ общественныя дѣла сельчанъ рѣшалъ погостъ. Образованіе погостовъ въ новгородскихъ владѣніяхъ относится къ глубокой древности; о погостахъ упоминается уже при великой княгинѣ Ольгѣ. А въ началѣ XII вѣка мы находимъ, что княжая дань въ новгородскихъ владѣніяхъ раскладывалась по погостамъ и погосты уже были въ самыхъ отдаленныхъ новгородскихъ владѣніяхъ, куда только достигла новгородская колонизація; въ грамотѣ новгородскаго князя Святослава Ольговича, данной въ 1137 году на десятину, въ пользу новгородской епископіи, десятина разложена уже на погосты, которыхъ насчитано до 47; погосты упоминаются уже на Онегѣ, въ Заволочьѣ и по берегамъ Бѣлаго моря. Погостъ въ новго-

родскихъ владѣніяхъ былъ первоначальною бытовою формою новгородской колонизаціи; гдѣ только заводились новгородскія поселенія, тамъ прежде всего являлись и погосты. Погостъ въ волости или присудѣ значилъ то же, что улица въ городѣ, т. е. бытовую единицу — общину. Собственно селенія, деревни, и починки въ новгородскихъ владѣніяхъ были очень мелки и малолюдны, — они болѣе походили на хутора, чѣмъ на деревни, и состояли изъ одного, или двухъ дворовъ и рѣдко изъ десяти; сами собою, отдѣльно, они не могли составлять какое-либо самостоятельное цѣлое и по необходимости спѣшили примкнуть къ какому-либо ближайшему центру, чтобы составить союзъ, въ которомъ имѣть постоянную защиту, отпоръ внѣшнимъ нападеніямъ, судъ и управу въ сношеніяхъ другъ съ другомъ, и таковымъ ближайшимъ центромъ или бытовымъ союзомъ, безъ всякаго административнаго характера, былъ погостъ. Администрація только впослѣдствіи воспользовалась готовымъ учрежденіемъ жизни, чтобы съ распоряженіями изъ города относиться не къ мелкимъ, едва уловимымъ единицамъ — селеніямъ, а къ союзамъ болѣе замѣтнымъ и уже имѣющимъ свою бытовую организацію и свое управленіе. Лучшимъ доказательствомъ всего этого историческаго порядка образованія погостовъ служитъ во 1-хъ то, что управленіе въ нихъ постоянно выборное, мѣстное, безъ участія городскихъ властей; во 2-хъ, неравномѣрность поселенія одного погоста съ другимъ; такъ напримѣръ, по переписной окладной книгѣ 1500 года въ Ладожскомъ присудѣ считалось: въ Ильменскомъ погостѣ 28 деревень, 31 дворъ и 53 человѣка населенія; въ Полоцкомъ погостѣ — 43 деревни, 63 двора и 106 человѣкъ; въ Теребужскомъ погостѣ—137 деревень, 201 дворъ и 337 человѣкъ, и т. п. Очевидно, что администрація не могла допустить такой несоразмѣрности деревень, причисленныхъ къ погосту, ежели бы погосты были ея учрежденіемъ, а не бытовою формою жизни, образовавшеюся исторически. Погостъ, какъ чисто бытовое, а не административное учрежденіе, состоялъ изъ деревень разныхъ разрядовъ, по праву владѣнія на землю. Въ одномъ и томъ же погостѣ были деревни и черныя и владѣльческія, между которыми встрѣчались и монастырскія и боярскія и своеземныя и принадлежащія тому, или другому концу, или улицѣ въ городѣ. Всѣ они въ экономическомъ отношеніи управлялись каждый разрядъ особо,—черныя сами собою, а владѣльческія или самими владѣльцами, тутъ же живущими, или присылаемыми отъ нихъ ключниками и посельскими; но судъ и управа и всѣ общественныя распоряженія были одни и тѣ же для деревень всѣхъ разрядовъ и производились на погостѣ или старостами и сотскими, которые выбирались самими жителями часто даже безъ отношенія къ владѣльцамъ, или—погостскимъ вѣчемъ, сходкою, и до этого суда и управы землевладѣльцы не касались, выключая тѣ случаи, впрочемъ довольно частые, когда частные землевладѣльцы, получали отъ новгородскаго вѣча особыя грамоты на судъ и управу въ своихъ владѣніяхъ.

Въ каждомъ погостѣ деревни и села, по различію правъ владѣнія землею, раздѣлялись на три вида: къ 1-му принадлежали *земли черныя*, составлявшія собственность государства, они были предоставлены во владѣніе всѣмъ свободнымъ людямъ, желавшимъ тамъ поселиться, подъ однимъ необходимымъ условіемъ — тянуть къ главному городу

судомъ и данью по землѣ и водѣ, т. е. принять на себя обязанности по отношенію къ государству; на таковыхъ земляхъ и при таковомъ условіи, безъ различія въ правахъ, селились и жители города, и пришельцы, и исконные старожилы въ странѣ, хотя бы и не новгородскаго племени. Эти земли не подлежали частному отчужденію: продажѣ, даренію, передачѣ по завѣщанію и т. п., и хозяинъ, оставляя таковую землю, терялъ всякое право на нее, какъ на свою принадлежность. Ко 2-му виду принадлежали *владѣльческія земли*, составлявшія собственность или цѣлаго города, или какой-нибудь городской общины. Эти земли отдавались на оброкъ всякому, кто желалъ на нихъ селиться, при чемъ земли, принадлежащія цѣлому городу, нерѣдко приписывались къ какой-либо общественной должности; а потому лице, получавшее эту должность, съ тѣмъ вмѣстѣ получало и право на пользованіе доходами съ приписанной земли, какъ жалованье за службу. Земли этого разряда подлежали частному отчужденію и составляли собственность общинъ, владѣвшимъ ими. 3-й видъ— *земли, составлявшія частную собственность* бояръ, купцевъ, монастырей, церквей и другихъ частныхъ собственниковъ. Эти земли могли свободно продаваться, дариться, мѣняться и т. д., вообще владѣльцы этихъ земель имѣли полное право частнаго отчужденія, которое ограничивалось только однимъ запрещеніемъ — передавать ихъ иноземному государю.

Городскія земли, какъ въ Новгородѣ, такъ и въ пригородахъ, были двухъ родовъ: *тяглыя* и не *тяглыя*. Тяглыя земли раздѣлялись на три вида: 1) *земли своеземцевъ*, т. е. принадлежавшія собственникамъ, имѣвшимъ собственность въ томъ же уѣздѣ. 2) *Земли городскихъ людей* лучшихъ и молодшихъ, имѣвшихъ только право владѣнія этими землями, безъ права отчужденія. 3) *Поземныя*, т. е. такія, которыя отдавались городскими жителями на оброкъ. Всѣ эти земли были тяглыя, т. е. онѣ несли извѣстныя городскія повинности и вносили въ городскую казну опредѣленные платежи. Не тяглыми же назывались земли, которыя не несли никакихъ общественныхъ повинностей и не платили податей. Это были: во 1-хъ) *земли церковныя*, 2) *земли, назначавшіяся служилымъ людямъ* вмѣсто жалованья за службу. Вотъ земское устройство и распредѣленіе разныхъ поселеній и земель въ новгородской области.

То же самое, по свидѣтельству Ростиславовой договорной грамоты (1150 г.) было и въ Смоленской области. По свидѣтельству этой грамоты въ Смоленской области насчитывалось 43 города съ уѣздами, которые дѣлились на погосты. Каждый изъ погостовъ состоялъ изъ нѣсколькихъ селеній. Всѣ уѣзды были подробно описаны съ обозначеніемъ, сколько брать съ какого уѣзда податей и разныхъ пошлинъ. Первыя уменьшались и увеличивались, смотря потому, оскудѣвали, или богатѣли уѣзды и погосты съ ихъ населеніемъ. Таковая, или иная какая форма областныхъ раздѣловъ была въ другихъ русскихъ владѣніяхъ, по оффиціальнымъ памятникамъ намъ неизвѣстно, но что во всей Руси продолжало дѣйствовать между земцами общинное устройство впродолженіи всего настоящаго періода лучшимъ доказательствомъ служитъ Русская Правда во всѣхъ своихъ редакціяхъ. Юридическое значеніе общины въ разныхъ статьяхъ Русской Правды раскрывается

съ большими подробностями и показываетъ, что община была постоянною, исключительною формою на Руси. Таковыя указанія объ общественномъ устройствѣ русскаго общества даютъ намъ во 1-хъ законы уголовные, находящіеся въ Русской Правдѣ, во 2-хъ законы гражданскіе. Начнемъ съ законовъ уголовныхъ.

Въ Русской Правдѣ мы находимъ указанія на то, что вся русская земля, въ отношеніи къ платежу виръ по уголовнымъ дѣламъ, раздѣлялась на общины, называвшіяся вервями. Каждая такая община принималась закономъ, какъ юридическое лицо, и, когда это требовалось закономъ, платила сообща дикую виру. Верви составлялись по свободному согласію членовъ и нисколько не обусловливались, ни родствомъ, ни мѣстомъ жительства. Членомъ верви признавался только тотъ, кто ежегодно вносилъ опредѣленную сумму. Каждый членъ пользовался покровительствомъ и защитой всей общины, но онъ лишался права на это покровительство, какъ скоро оказывался явнымъ нарушителемъ общественнаго покоя—разбойникомъ, или грабителемъ. Подобныхъ членовъ община сама выдавала князю.

Въ узаконеніяхъ Русской Правды по дѣламъ гражданскимъ мы точно также находимъ указанія на общинное устройство русской земли. По смыслу этихъ указаній семья представляется прямымъ членомъ общины безъ посредства рода. Русская Правда знаетъ только семью и ограждаетъ ея права, не признавая рода. Это всего яснѣе видно изъ статей о наслѣдствѣ, въ которыхъ говорится, что по смерти земца, или смерда, жившаго на общинной землѣ, имѣніе его переходитъ сыновьямъ, а если у него нѣтъ сыновей, то имѣніе поступаетъ въ собственность князя, за выдѣломъ изъ него извѣстной части на приданое дочерямъ, другіе же родственники вовсе не допускаются къ наслѣдству. При родовомъ бытѣ такое раздѣленіе наслѣдства было бы немыслимо, значитъ Русская Правда не признаетъ рода и отрицаетъ всякое юридическое значеніе его,—иначе наслѣдство должно было бы перейти къ родственникамъ умершаго. Далѣе, въ Русской Правдѣ сказано, что имѣніе оставшееся послѣ боярина, или дружинника, отдается сыновьямъ, или же дочерямъ его, а остальные его родственники не допускаются къ наслѣдованію. Кромѣ того, въ Русской Правдѣ есть законъ, дозволяющій высказывать свою послѣднюю волю въ завѣщаніи, которое должно было исполняться безпрекословно. Это также вполнѣ противорѣчитъ родовому быту: въ родовомъ бытѣ завѣщаніе не мыслимо, потому что тамъ имѣніе принадлежитъ не лицу, а цѣлому роду; значитъ, если Русская Правда охраняетъ завѣщаніе, то не признаетъ рода.

Но всего яснѣе общинное устройство земщины выступаетъ въ статьяхъ Русской Правды объ опекѣ, потому что 1) если она признаетъ опеку, то прямо отрицаетъ этимъ родъ: при родовомъ устройствѣ быта дѣти никогда не остаются сиротами,—слѣдовательно тамъ неумѣстно и существованіе опеки. 2) Самый порядокъ учрежденія опеки прямо отстраняетъ всякое участіе и авторитетъ рода, потому что опека поручается міру, общинѣ. По закону Русской Правды имѣніе передается опекунамъ, а также и сдается опекунами по прекращеніи опеки не при родственникахъ, а при постороннихъ свидѣтеляхъ. Члены рода или родственники не имѣютъ даже преимущественнаго

права быть опекунами. По Русской Правдѣ опека прежде всего принадлежитъ женѣ умершаго безъ всякаго вмѣшательства родственниковъ въ дѣла опеки. Послѣ же матери опека принадлежитъ отчиму; и только въ такомъ случаѣ, когда дѣти умершаго не имѣютъ ни матери, ни отчима, опека надъ ними поручалась близкимъ родственникамъ. Кромѣ того, каждый въ своемъ завѣщаніи могъ назначить опекуномъ кого хотѣлъ—будетъ ли это близкій родственникъ его, или только пріятель, и никто не могъ отвергать такого завѣщанія. Самый раздѣлъ наслѣдства производился не передъ родомъ, а передъ княжимъ дѣтскимъ, т. е. судьею, приставленнымъ къ подобнымъ дѣламъ, или, гдѣ его не было—передъ цѣлымъ обществомъ. Общинныя же начала постоянно проглядываютъ въ Русской Правдѣ, какъ при опредѣленіи частныхъ сдѣлокъ, такъ и въ дѣлахъ, относящихся къ цѣлому обществу. Такъ, по опредѣленію Русской Правды почти всѣ покупки и сдѣлки между частными людьми должны были совершаться или на торгу, или при свидѣтеляхъ и свидѣтели, или торговый мытникъ, въ случаѣ спора по закону освобождали покупщика отъ отвѣтственности, или подозрѣнія въ кражѣ. На торгу же дѣлались всѣ объявленія о пропажахъ и послѣ явки на торгу принявшій къ себѣ пропажу обязывался возвратить ее хозяину. Покупка раба также непремѣнно должна была быть при „послухахъ"; въ противномъ случаѣ хозяинъ лишался своего права. Въ дѣлахъ чисто общественныхъ законъ обыкновенно относился къ цѣлой общинѣ, а не къ ея членамъ въ отдѣльности. Такъ, въ сборѣ податей и назначеніи повинностей законъ дѣлалъ свои распоряженія только на общины, раскладку же повинностей и податей общины между своими членами производили сами. Такимъ образомъ, оффиціальные памятники показываютъ, что земское устройство въ 1-й половинѣ второго періода основывалось на чисто общинныхъ началахъ.

Лѣтописныя извѣстія объясняютъ, или дополняютъ свидѣтельства оффиціальнныхъ памятниковъ. Такъ, изъ нихъ мы узнаемъ, во-1) что дѣленіе на сотни, имѣвшія своихъ сотскихъ, было не только въ Новгородѣ, но и въ Кіевѣ, Владимирѣ, Галичѣ, и др. городахъ; слѣдовательно, это учрежденіе было общимъ земскимъ учрежденіемъ по всей Руси. Изъ лѣтописныхъ извѣстій мы видимъ, что сотскіе были довольно значительные земскіе чиновники, которыхъ и князья и земщина употребляли и въ посольствахъ и въ земскихъ дѣлахъ. 2) Городскія земщины заводили у себя разныя общественныя учрежденія; такъ, въ 1230 году Смоленская земщина, по случаю мора, устроила четыре скудельницы для погребенія умершихъ. Это извѣстіе лѣтописи можно поставить въ параллель съ оффиціальнымъ свидѣтельствомъ о мостовыхъ въ Новгородѣ; туда же принадлежатъ и нѣкоторыя другія извѣстія, свидѣтельствующія, что земская община въ русскихъ городахъ на столько была устроена и развита, что сознавала необходимость въ разныхъ полицейскихъ мѣрахъ и по мѣрѣ силы приводила ихъ въ исполненіе. 3) Мы находимъ, что въ то время въ земщинѣ еще соблюдались правила подчиненія младшихъ городовъ старшимъ и такимъ образомъ поддерживалась связь между земщинами тѣхъ и другихъ, такъ что въ случаѣ какихъ-либо притѣсненій отъ князя, или его намѣстниковъ, младшіе города искали защиты у старшихъ. Такъ

напр., когда въ 1175 году Ростиславичи стали тѣснить Владимирскую земщину, то Владимирцы, по словамъ лѣтописи: *„послашася къ Ростовцемъ и Суздальчемъ, являюще имъ обиду свою"*. Въ лѣтописи даже прямо выражено правило подчиненія младшей земщины старшей, откуда ясно видно, что это правило было повсемѣстнымъ на Руси. Суздальская лѣтопись подъ 1176 годомъ говоритъ: *„Новгородцы бо изначала и Смольняне и Кіяне и Полочане и вся власти, яко же на думу, на вѣче сходятся, на чемъ же старшіе сдумаютъ, на томъ же пригороды сатнутъ"*. Слѣдовательно, мимо княжескихъ отношеній, городскія земщины на Руси имѣли свои земскія отношенія, свои связи и свое устройство, до которыхъ князья не касались. Впрочемъ, это общее правило подчиненія младшихъ городовъ старшимъ въ настоящемъ періодѣ начинаетъ уже колебаться. Младшіе города во многихъ мѣстностяхъ настолько усилились, что могли освободиться отъ покровительства и помощи старшихъ городовъ. Этому, конечно, много способствовали и сами князья, которые вовсе не имѣли интересовъ поддерживать существованіе прежняго порядка земскаго устройства, который много препятствовалъ усиленію ихъ власти. Напротивъ, болѣе умные изъ князей, въ виду ограниченія стариннаго значенія старшихъ городовъ, старались возвышать нѣкоторые изъ младшихъ городовъ; такъ, Юрій Долгорукій, Андрей Боголюбскій и Всеволодъ III впродолженіи всего своего княженія хлопотали о томъ, чтобы унизить значеніе старшаго города Суздальскаго княжества — Ростова и поднять пригородъ его — Владимиръ. А во время монгольскаго ига старинная связь городовъ старшихъ съ младшими совершенно уничтожилась.

Элементы земщины. Общее начало, основная матерія земщины на Руси состояла по прежнему изъ Славянъ и разныхъ аборигеновъ края, покоренныхъ Славянами и принявшихъ болѣе или менѣе образъ жизни Славянъ и ихъ общественное устройство. Такимъ образомъ, элементы, основныя начала русской земщины и въ настоящемъ періодѣ оставались тѣ же, которые мы видѣли и въ первомъ періодѣ, но введеніе Христіанства много измѣнило эти старыя начала, — оно обновило ихъ и, соединивъ одно съ другимъ, дало имъ новыя силы. Съ принятіемъ Христіанства и Славяне и Финны и другіе чужеродцы сдѣлались братьями о Христѣ, стали исповѣдывать одну вѣру, слѣдовательно утратили самое важное различіе и стали называться однимъ общимъ именемъ православныхъ христіанъ. Православный христіанинъ доселѣ въ русскомъ народѣ считается главнымъ отличіемъ отъ другихъ народовъ и въ понятіи народа иноземецъ, откинувъ это главное отличіе, перестаетъ быть не русскимъ; принявшаго нашу вѣру народъ называетъ нашимъ православнымъ. А если это понятіе доселѣ сохранилось въ нашемъ народѣ, то еще сильнѣе было въ немъ въ то время, когда христіанство было одинаковою новостью и для Славянъ и для инородцевъ. Христіанство тѣмъ болѣе должно было соединить Славянъ и аборигеновъ, что вмѣстѣ съ христіанствомъ распространился между аборигенами и славянскій языкъ, потому что въ нашей церкви тогда не употреблялось иного языка, кромѣ славянскаго. Слѣдовательно, Финны и другіе аборигены, дѣлаясь по религіи братьями Славянъ, въ то же время дѣлались ими и по языку

и утрачивали, такимъ образомъ, свое послѣднее племенное различіе; и тѣмъ скорѣе уничтожалось это племенное различіе, что одинаковость религіи отстраняла разныя препятствія въ заключеніи браковъ между разноплеменниками; слѣдовательно, инородцы и въ обществѣ, и въ церкви, и даже въ семьѣ дѣлались русскими, славянами, православными христіанами. Все это доставило земщинѣ особенную плотность и крѣпость, и въ свою очередь сообщило русскому государству ту непоколебимую твердость, которая не могла быть разрушена въ самыя тяжкія годины испытанія, которой не могли уничтожить ни раздробленіе Руси на удѣлы, ни иноплеменныя нашествія, ни внутреннія смуты. Вся земщина русской земли отъ востока до запада и отъ сѣвера до юга, вслѣдствіе введенія христіанства, составляла одну земщину, — поэтому ни одинъ иноплеменный народъ до монгольскаго ига не могъ отнять ни одного клочка русской земли; она всегда была цѣла и какъ скоро какой-либо народъ иноплеменный овладѣвалъ той, или другой частью ея, тогда подымалась вся русская земля на защиту братьевъ своихъ. Такъ, когда во время смутъ, произведенныхъ боярами въ Галичѣ, Венгерцы завладѣли Галичемъ, митрополитъ кіевскій поднимаетъ на защиту Галича всѣхъ русскихъ князей, которые и прогоняютъ Венгерцевъ. Такъ было до татарскаго погрома, когда была покорена вся русская земля, а не та, или другая часть ея.

Русское общество, обновленное и сплоченное христіанствомъ, оставалось при прежнемъ своемъ раздѣленіи на классы. Члены его по мѣсту жительства дѣлились на горожанъ и сельчанъ, а по общественному положенію на большихъ и меньшихъ людей, и составляли классы бояръ, купцевъ, ремесленниковъ и землевладѣльцевъ. Постепенное развитіе общественной жизни имѣло большое вліяніе, какъ на каждый классъ въ отдѣльности, такъ и на отношеніе ихъ другъ къ другу, вслѣдствіе чего произошли многія значительныя измѣненія въ русскомъ обществѣ. Чтобы вѣрнѣе представить намъ состояніе и устройство тогдашняго общества, мы представимъ каждый классъ отдѣльно въ томъ видѣ, въ какомъ представляютъ его лѣтописи и оффиціальные памятники.

Бояре. Первый классъ въ русскомъ обществѣ составляли бояре или огнищане. Объ нихъ постоянно упоминаютъ лѣтописи, какъ о высшихъ представителяхъ земщины, и отличаютъ ихъ передъ другими классами. Лѣтописи, въ отличіе земскихъ бояръ отъ дружинниковъ, обыкновенно дружинниковъ называютъ княжими боярами, а земскихъ бояръ обозначаютъ именемъ того города, или земщины, которымъ принадлежатъ бояре, напр. боярами кіевскими, или галицкими, и т. п. По всѣмъ извѣстіямъ лѣтописей, земскіе бояры являются главными представителями земщины и въ мирное и въ военное время; они руководятъ народомъ въ приглашеніи князей въ ту или другую область и въ удаленіи ихъ, когда князья не оправдывали надеждъ земщины. Но съ постепеннымъ развитіемъ княжеской власти земскіе бояре постепенно теряютъ свое значеніе и силу въ народѣ. Князья сами, сближаясь съ народомъ, дѣлаются прямыми защитниками и оберегателями народныхъ правъ, а народъ, вмѣсто того, чтобы, какъ бывало прежде, искать защиты и покровительства у своихъ бояръ, ищетъ уже покровительства у князя, нерѣдко противъ самихъ бояръ. Такъ

въ 1175 году Владимирцы, не найдя себѣ управы и защиты у ростовскихъ бояръ, какъ у своихъ старшихъ, обратились съ просьбою о защитѣ къ князю Махаилу Юрьевичу. Подобное раздѣленіе между боярами и остальными земцами произошло въ 1226 году въ Галичѣ, когда галицкіе бояре желали передать престолъ Венгерскому королю, а народъ, напротивъ, благопріятствовалъ Даніилу Романовичу. Впрочемъ, не во всѣхъ княжествахъ и не всегда земскіе бояре находились во враждѣ съ народомъ, — напротивъ того, наши лѣтописи нерѣдко за настоящій періодъ представляютъ примѣры самыхъ близкихъ отношеній народа къ своимъ земскимъ боярамъ. Такъ, напр., новгородская лѣтопись подъ 1220 годомъ говоритъ, что за обиженнаго княземъ боярина Твердислава, бывшаго тогда посадникомъ, вооружились три новгородскіе конца; тоже въ 1224 году, когда Юрій Всеволодовичъ требовалъ отъ Новгородцевъ выдачи нѣсколькихъ бояръ, то посадникъ, отъ имени Новгородцевъ, отвѣчалъ ему: „*Княже! кланяемся тебѣ, а братьи своей не выдаемъ, а крови не проливай, или твой мечъ, а наши головы*“. Въ 1176 и 1177 гг. Ростовцы и Суздальцы, за-одно съ своими боярами, воевали въ пользу Ростиславичей противъ Михаила и Всеволода Юрьевичей. Нѣкоторые изъ бояръ были такъ богаты и сильны, что содержали на свой счетъ цѣлые полки, съ которыми поступали на службу къ тому, или другому князю по своему желанію; особенно богатѣйшіе изъ нихъ строили даже города и жили въ нихъ князьками. Въ лѣтописи сохранено преданіе о томъ, что Москва принадлежала боярину Степану Ивановичу Кучкѣ, который даже велъ войну съ Андреемъ Боголюбскимъ. Самое законодательство рѣзко отличаетъ бояръ отъ прочаго народа и сравниваетъ ихъ съ старшими дружинниками. Такъ, въ статьѣ о наслѣдствѣ сказано: „аще въ боярахъ, любо въ дружинѣ, то за князя статокъ не идетъ; но оже не будетъ сыновъ, то дщери возмутъ“. Тогда какъ наслѣдство послѣ бездѣтнаго земца — не боярина поступало въ казну княжескую. Уставъ князя Всеволода показываетъ, что новгородскіе земскіе бояре участвовали въ управленіи общественными дѣлами, также какъ и посадники. Въ уставѣ сказано: „*А Мирославу посаднику въ то не вступатиса, ни инымъ посадникамъ въ Иваньковъ ни въ что же, ни боярамъ новгородскимъ*. Впослѣдствіи, по свидѣтельству оффиціальныхъ памятниковъ, мы встрѣчаемъ бояръ предводителями земскихъ войскъ и въ разныхъ должностяхъ по земской службѣ. Кажется, земскіе бояре назывались иначе огнищанами, по крайней мѣрѣ въ Новгородѣ. Въ новгородской лѣтописи въ иныхъ мѣстахъ вмѣсто названія бояръ стоитъ названіе огнищанъ. Такъ, напримѣръ, подъ 1167 годомъ сказано: „*Пріиде Ростиславъ изъ Кіева на Луки и позва къ себѣ Новгородцы на порядъ: огнищане гридь, купце вящшее*“. Или подъ 1195 годомъ: „*Позва Всеволодъ Новгородце на Черниговъ и Новгородци не отпрешася ему, идоша съ княземъ Ярославомъ огнищане, и гридьба и купци*“. То же самое и тѣми же словами повторяетъ Софійская лѣтопись и Воскресенская. Названіе огнищанъ встрѣчается только въ нѣкоторыхъ спискахъ Русской Правды [1]). Но имѣли ли земскіе бояре

---

1) По списку Русской Правды, сохранившемуся въ новгородской лѣтописи, принадлежащей Академіи Наукъ, къ огнищанамъ относятся статьи: 18—

названіе огнищанъ во всѣхъ земщинахъ мы не можемъ сказать по недостатку лѣтописныхъ извѣстій.

Въ нашей исторіи есть небольшое подраздѣленіе класса бояръ, существующее, впрочемъ, только въ Новгородѣ. Въ другихъ мѣстностяхъ Россіи за боярами слѣдовали непосредственно купцы; но въ Новгородѣ существовалъ еще второй классъ бояръ, это—*гриди.* Въ другихъ владѣніяхъ Руси гриди принадлежали къ младшей дружинѣ князя, но въ Новгородѣ они, очевидно, принадлежали къ земщинѣ, какъ свидѣтельствуютъ лѣтописи. Чтобы опредѣлить значеніе этого класса новгородской земщины, нужно обратиться къ лѣтописному извѣстію 1014 года, гдѣ сказано: „Ярославу сущу Новгородѣ, и урокомъ дающу Кіеву 2000 гривнъ отъ года до года, а 1000 Новгородѣ гридямъ раздаваху; а тако даяху посадницы новгородскіе“. Это извѣстіе указываетъ, что и въ Новгородѣ гридями назывались, какъ и въ другихъ княжествахъ, младшіе дружинники князя и что жалованье имъ раздавали князья, или новгородскіе посадники, присылаемые ими. Слѣдовательно, и новгородскіе гриди въ первое время принадлежали дружинѣ князя, а не къ земщинѣ. Но впослѣдствіи, со временъ Всеволода Мстиславича, когда посадники изъ княжихъ дружинниковъ измѣнились въ земскихъ выборныхъ людей и стали назначаться вѣчемъ, а не княземъ, то и воины, окружавшіе посадника и получавшіе отъ него жалованье, обратились въ земцевъ и составили особый классъ земщины, средній между боярами и купцами. Въ позднѣйшихъ памятникахъ новгородскихъ гриди стали называться дворянами. Въ мирное время они исправляли незначительныя полицейскія должности и состояли въ вѣдѣніи земскихъ властей: посадника, тысяцкаго, старостъ и др., а въ военное время они составляли или гарнизоны въ крѣпостяхъ, или отправлялись въ походъ вмѣстѣ съ временными земскими войсками и находились подъ начальствомъ общаго предводителя войскъ. Гриди съ тѣхъ поръ, какъ изъ дружинниковъ князя сдѣлались земцами, стали получать и жалованье отъ новгородской земщины. Это жалованье состояло обыкновенно въ поземельной дачѣ на помѣстномъ правѣ владѣнія, поэтому они и назывались земцами и отношенія ихъ къ другимъ землевладѣльцамъ, безъ сомнѣнія, были иныя. Конечно, у нихъ была своя управа—военная, а не земская, хотя и выборная, но имѣвшая свой особенный характеръ.

Купцы составляли второй классъ земщины послѣ бояръ. Объ нихъ въ лѣтописяхъ вездѣ упоминается, какъ объ особомъ классѣ, прямо послѣ бояръ. Такъ, въ Лаврентьевскомъ спискѣ подъ 1177 годомъ сказано: „*И всташа бояре и купцы, рекуще: Княже, мы тебѣ добра хочемъ*“. Внутреннее устройство этого класса земщины въ настоящемъ періодѣ оставалось прежнее. Купцы по прежнему дѣлились

„*аще убъетъ огнищанина въ обиду, то платити занъ 80 гривенъ убійцъ*“, 19—„*аще убъетъ огнищанина въ разбой....*“, 20—„*аще убъетъ огнищанина у клѣти...*“. Въ другихъ спискахъ Правды слово „огнищанинъ“ встрѣчается въ статьѣ о мукѣ: „*Аще огнищанина мучитъ, то 12 гривенъ продажи, за муку гривна кунъ*“; еще упоминается объ огнищномъ тіунѣ при опредѣленіи виры: „*А за тіунъ огнищный и за конюшій по 80 гривенъ*“. Всѣ эти свидѣтельства показываютъ, что огнищане принадлежали къ высшему классу, именно къ боярамъ, потому что вира за него назначалась 80 грив., равномѣрная съ вирою за княжескаго мужа.

на общины, имѣвшія свои капиталы, составлявшіеся изъ вкладовъ общинниковъ, и только тѣ считались настоящими купцами, или, какъ ихъ называли, пошлыми, которые внесли въ общинную казну опредѣленную сумму денегъ. Этотъ взносъ дѣлалъ пошлымъ купцемъ не только внесшаго, но и все его потомство. Уставъ Иванской купеческой общины въ Новгородѣ говоритъ: *„Аще кто хочетъ въ купечество вложитеся въ Иванское, даетъ купцемъ пошлымъ вкладу 50 гривенъ серебра, ино то не пошлый купецъ. А пошлымъ купцемъ идти имъ отчиною и вкладомъ"*. Каждая купеческая община, по свидѣтельству того же устава, имѣла свой судъ и свою управу, по таковымъ дѣламъ и своихъ старостъ: *„отъ купцевъ два старосты, управляти имъ вся дѣла Иванская и торговая и гостиная и судъ торговый"*. Русская Правда предоставляетъ купцамъ нѣсколько очень важныхъ привиллегій, изъ чего видно, что купцы были не только особеннымъ классомъ, но и пользовались большимъ значеніемъ. Хотя Русская Правда въ назначеніи платежа виры и не отдѣляетъ купцевъ отъ другихъ классовъ, но относительно торговли она даетъ имъ значительныя преимущества. Во 1-хъ, купцамъ предоставлялось входить другъ съ другомъ въ долговыя обязательства безъ представленія свидѣтелей; посему всѣ долговые споры ихъ могли рѣшаться безъ свидѣтелей, а одной присягой, и судъ взыскивалъ долгъ, если кредиторъ только присягнетъ, что онъ дѣйствительно давалъ въ займы тому, съ кого требуетъ долгъ, тогда какъ принадлежавшіе къ другимъ классамъ во всѣхъ подобныхъ дѣлахъ должны были представлять по 12 свидѣтелей. 2) Относительно несостоятельныхъ должниковъ Русская Правда назначаетъ особенныя правила, по которымъ они раздѣляются на несчастныхъ и виноватыхъ. Несчастнымъ, т. е. такимъ, состояніе которыхъ погибло отъ какого-нибудь несчастнаго случая: сгорѣло, потонуло, отнято непріятелемъ и т. п., Русская Правда даетъ средства для поправленія ихъ дѣлъ; такъ, она дозволяетъ имъ разсрочивать платежъ долга на нѣсколько лѣтъ; виноватыхъ же, растерявшихъ товаръ по своей винѣ, вслѣдствіе ли пьянства, или чего другого, отдаетъ на полную волю заимодавцевъ, которые, если не хотѣли ждать уплаты долга, то могли продать ихъ въ неволю. 3) При удовлетвореніи заимодавцевъ, гость, т. е. иностранный купецъ, или же заѣзжій изъ другого города, удовлетворялся прежде всѣхъ. Онъ бралъ свое даже прежде князя, а потомъ уже удовлетворялись заимодавцы, принадлежавшіе къ одному съ должникомъ городу. 4) Въ обезпеченіе пошлыхъ настоящихъ купцевъ, Русская Правда узаконяетъ, что ежели господинъ или князь пошлетъ торговать отъ своего имени своего раба, а рабъ сей по торговлѣ задолжаетъ, то господинъ не имѣетъ права отказываться отъ своего раба и долженъ удовлетворить купцевъ заимодавцевъ изъ своего капитала. Далѣе весьма важное свидѣтельство о правахъ пошлыхъ купцевъ представляетъ договорная грамота (1229 г.) Мстислава Давидовича Смоленскаго съ Ригой и Готскимъ берегомъ. Въ ней сказано, что никто не можетъ взять пошлаго купца безъ дозволенія купеческаго старосты его общины. Такихъ правъ не имѣлъ ни одинъ классъ земщины. Какъ люди богатые, купцы пользовались уваженіемъ общества и имѣли значительное вліяніе на общественныя дѣла. Особенно въ торговомъ, вольномъ Новгородѣ голосъ

купцевъ рѣшалъ многое: тамъ отъ нихъ часто зависѣло рѣшеніе вопроса о мирѣ, или войнѣ. Новгородскіе купцы даже принимали участіе въ походахъ, какъ отдѣльное сословіе; такъ, въ 1195 году они вмѣстѣ съ боярами и гридями принимали участіе въ походѣ Всеволода Юрьевича въ Черниговскую область и отрядъ ихъ былъ самымъ лучшимъ во всемъ войскѣ Всеволода. Купцы, какъ имѣвшіе голосъ на вѣче, участвовали и въ посольствахъ для приглашенія князей; такъ, въ 1215 году, Новгородцы для приглашенія Ярослава Всеволодовича отправили посольство, состоявшее изъ посадника Георгія Ивановича и тысяцкаго Якуна, и изъ десяти лучшихъ купцевъ. Такимъ значеніемъ пользовались купцы не въ одномъ Новгородѣ, но и въ другихъ мѣстахъ; такъ напр. въ 1177 году во Владимирѣ купцы заодно съ боярами требовали у Всеволода Юрьевича, чтобы онъ казнилъ бывшихъ у него въ плѣну ростовскихъ и суздальскихъ бояръ: *„Въ градѣ Владимирѣ всташа бояре и купцы, рекуще: княже, мы тебѣ добра хочемъ, за тя головы свои складываемъ, нынѣ ворогы свои держишь просты, а и ворогы твои и наши Суздальцы и Ростовцы, а казни ихъ, любо слѣпи, аль дай намъ“.*

Купцы, какъ и въ прежнее время, дѣлились на *гостей*, т. е. купцевъ, торгующихъ съ иноземцами и по разнымъ княженіямъ Руси, и на *купцевъ городскихъ*, производившихъ торговыя операціи въ одномъ княжествѣ, или въ одномъ городѣ. Кромѣ того, по свидѣтельству Всеволодовой грамоты, въ Новгородѣ, купцы дѣлились на пошлыхъ и не пошлыхъ, а по свидѣтельству Мстиславовой — въ Смоленскѣ купцы дѣлились на *правыхъ и не правыхъ*. Правые (т. е. полные купцы вложившіеся въ общину) были главными торговцами и имѣли право голоса по всѣмъ торговымъ дѣламъ. Неправыми же назывались тѣ изъ купцевъ, которые не принадлежали ни къ какой изъ купеческихъ общинъ; поэтому, они не имѣли права голоса на купеческомъ вѣчѣ. По Кіевскимъ лѣтописямъ за этотъ періодъ мы находимъ *раздѣленіе купцевъ по предметамъ ихъ торговли*; такимъ образомъ, гречники—тѣ, которые торговали съ Греціей; залозники—тѣ, которые торговали въ степяхъ половецкихъ и съ Азіей; солоники—тѣ, которые торговали солью, или вообще торговали съ Венгріей и Галиціей, откуда получалась соль, и т. п. Кромѣ того, встрѣчаются лѣтописныя извѣстія, которыя упоминаютъ о *вящшихъ и старѣйшихъ купцахъ*. Конечно, вящшіе или старѣйшіе купцы не составляли особаго класса, особаго сословія, и это названіе придавалось только лучшимъ, богатѣйшимъ торговымъ домамъ; по крайней мѣрѣ мы нигдѣ не встрѣчаемъ указаній на особыя права вящшихъ купцевъ.

Третій классъ русскаго общества и въ настоящемъ періодѣ составляли *черные люди*. Къ этому классу причислялись какъ *горожане*. не принадлежавшіе къ первымъ двумъ классамъ земщины—къ боярамъ и купцамъ, такъ и *сельчане*, т. е. жители селъ, принадлежавшіе сельскимъ общинамъ и жившіе на общинныхъ или на чужихъ земляхъ, а не на своихъ собственныхъ. Черные люди горожане были или ремесленники, или земледѣльцы. Черные люди горожане или причислялись къ купеческимъ общинамъ, ежели они занимались мелкою торговлею, и въ управленіи общиною отъ нихъ къ купеческимъ старостамъ присоединялся тысяцкій отъ черныхъ людей, или черные люди

въ городѣ имѣли свои отдѣльныя общины, называвшіяся сотнями, и управлялись своими выборными сотскими, которые, какъ представители своихъ сотенъ, имѣли большое участіе въ общемъ земскомъ управленіи цѣлаго города. Сотни черныхъ людей, наравнѣ съ прочими классами земцевъ, несли на себѣ всѣ городскія повинности, по тогдашнему выраженію—по животамъ и промысламъ, т. е. въ той мѣрѣ, какая приходилась на нихъ по раскладкѣ, или какъ тогда говорилось — по разрубу, соображаясь съ ихъ капиталами, или доходами отъ промысловъ. Черныя сотни, по свидѣтельству Ярославова устава, между прочимъ несли повинность содержать мостовыя въ городѣ наравнѣ съ прочими классами, а также поддерживать городскія укрѣпленія; они также несли и военную службу, какъ при защитѣ города, въ случаѣ непріятельскаго нападенія, такъ и въ военныхъ походахъ земской рати, когда земщина находила нужнымъ принять участіе въ войнѣ.

Къ сотнямъ черныхъ людей принадлежали только тѣ изъ городскихъ жителей, которые имѣли свои дворы на городской общинной землѣ, которые были хозяевами, и всѣ лежащія на нихъ земскія повинности опредѣлялись собственно долею общинной земли, находящейся въ ихъ владѣніи, или, какъ тогда говорилось, дворомъ; они только какъ домохозяева были членами сотни или общины, имѣли голосъ въ общинномъ управленіи и несли тягло, почему и назывались тяглецами или истужниками. Всѣ же городскіе жители, неимѣвшіе въ своемъ владѣніи общинной земли, не считались членами общины и не имѣли никакого голоса въ общинномъ управленіи, не несли тягла и обыкновенно назывались вольными людьми; они или жили на землѣ члена общины въ качествѣ подсусѣдниковъ, или какъ вольные люди ходили по русской землѣ, занимались разными работами по найму, или поступали въ закупы къ боярамъ, купцамъ и вообще къ членамъ общины, т. е. отдавали свою волю во временное служеніе хозяину, дѣлались какъ бы полусвободными, или наконецъ вольные земскіе люди, непринадлежавшіе ни къ какой общинѣ и неимѣвшіе за собою земли, поступали въ службу къ князю, какъ младшіе дружинники и, такимъ образомъ, выбывали изъ земщины.

Между городскими черными людьми особый разрядъ составляли ремесленники. Они по закону Русской Правды считались выше земледѣльцевъ, называвшихся тогда смердами, ибо по закону за убійство ремесленника взыскивалось виры 12 гривенъ, а за убійство смерда пять гривенъ. Ремесленники тогда дѣлились на земскихъ и княжихъ. Земскими ремесленниками назывались тѣ, которые владѣли опредѣленною долею общинной городской земли и потому, какъ члены общины, несли съ своихъ ремеслъ земское тягло и черезъ своихъ выбранныхъ старостъ участвовали въ земскомъ управленіи. Княжими же ремесленниками назывались тѣ, которые своимъ ремесломъ служили князю, жили особыми слободами на княжой землѣ, не принадлежали къ земской городской общинѣ и не несли земскаго тягла; они по всему вѣроятію составляли особый разрядъ младшей княжей дружины и въ послѣдующемъ періодѣ обыкновенно назывались дѣлюями, или дѣловыми людьми.

Сельскіе черные люди вообще назывались *смердами*. Они раздѣлялись на смердовъ, жившихъ на общинныхъ земляхъ, и на смердовъ, жившихъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ. Оба эти разряда въ от-

ношеніи къ обществу имѣли одинаковое значеніе. И тѣ, и другіе были свободны, считались полноправными членами общинъ и несли по раскладкѣ тягло, почему и назывались тяглыми или тяглецами, истужниками. Но относительно владѣнія землей между ними была значительная разница.

Смерды, жившіе на общинной землѣ, были владѣльцами своего участка; мало этого—онъ принадлежалъ имъ, какъ собственность, хотя безъ права отчужденія, потому что полное право собственности принадлежало всей общинѣ, и только тотъ, кто принадлежалъ общинѣ, могъ владѣть землей. Община не иначе отдавала свою землю, какъ только своимъ членамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ каждый посторонній, садившійся на общинную землю, поступалъ въ члены той общины, которой пренадлежитъ земля, и по общей раскладкѣ принималъ на себя тягло, лежавшее на этой землѣ. Притомъ, каждый смердъ владѣлъ землею общины только до тѣхъ поръ, пока состоялъ членомъ общины, а оставляя ее, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ терялъ право и на землю, которая была вѣчною, неотъемлемою собственностью общины. Сама община могла покупать, мѣнять, продавать, и вообще отчуждать землю.

Смерды, жившіе на земляхъ частныхъ владѣльцевъ—бояръ, купцевъ, монастырей, церквей и др. были только жильцами занятой ими земли, а не хозяевами, и могли селиться на этой землѣ не иначе, какъ заключивши условіе съ хозяиномъ земли, который могъ согнать жильца, если онъ ему не понравился, или не выполнилъ принятыхъ имъ по условію обязательствъ. Смерды этого разряда называются въ Русской Правдѣ *ролейными закупами.* Они, обыкновенно, заключали съ хозяевами условія, по которымъ обязывались платить ему опредѣленную сумму деньгами, или натурой, или же обработывать такой же участокъ земли, какой они получали отъ хозяина для своего пользованья. Это были, по большей части, бѣдняки, которые приходили къ владѣльцу только съ своими руками; владѣлецъ вмѣстѣ съ землей давалъ имъ хлѣбъ, сѣмена, дворы, земледѣльческія орудія, рабочій скотъ и даже иногда деньги. Конечно, въ такомъ случаѣ отъ закупа требовалось и болѣе работъ; такъ, иногда за каждую десятину, взятую у хозяина, онъ долженъ былъ обработать для него пять десятинъ, или отдать ему девять десятыхъ отъ урожая съ своей земли. Состояніе ролейныхъ закуповъ было для бѣдняковъ ступенью къ переходу на общинную землю, или чтобы обзавестись собственною землею и хозяйствомъ. Положеніе закуповъ въ обществѣ XII вѣка довольно ясно опредѣлено въ Русской Правдѣ. Изъ ея статей о закупахъ мы видимъ во 1-хъ, что они не были рабами; ибо, по закону Русской Правды, рабы ни въ какомъ случаѣ не признавались свидѣтелями на судѣ, а закупы могли быть приняты свидѣтелями въ малыхъ тяжбахъ; слѣдовательно, по русскому закону XII в. признавалась личность закупа, онъ считался членомъ русскаго общества, хотя и незначительнымъ. За обиду закупа законъ назначалъ пеню, какъ за свободнаго человѣка. Закупъ за побѣгъ отъ господина безъ разсчету и за воровство наказывался обращеніемъ въ полные обѣльные рабы; слѣдовательно, самъ по себѣ не былъ рабомъ, не составлялъ собственности господина. Во 2-хъ, закупы, какъ свободные члены русскаго общества, имѣли по закону право защищать себя отъ обидъ судомъ, даже противъ своего госпо-

дина. Господинъ, осмѣливавшійся продать закупа, или заложить въ рабы, не только лишался своихъ правъ на него, но даже терялъ право и на тѣ деньги, за которыя закупъ поступалъ къ нему, и сверхъ того долженъ былъ еще заплатить ему за обиду 12 гривенъ, самую большую неуголовную пеню по Русской Правдѣ. Въ 3-хъ, закупы были двухъ родовъ —ролейные и не ролейные. Но въ XII в. еще не было строгаго различія между этими двумя разрядами закуповъ, потому что ролейные и не ролейные закупы получали отъ господъ деньги, за которыя обязывались работать на господина и даже просто назывались наймитами и отличались отъ простыхъ рабочихъ только тѣмъ, что брали деньги впередъ, какъ бы взаймы, тогда какъ наемные работники получали плату послѣ работы. Тѣмъ не менѣе, хотя не строгое, но уже существовало различіе между закупомъ ролейнымъ и не ролейнымъ, иначе не было бы различія и въ названіяхъ. Русская Правда представляетъ только въ зародышѣ, впослѣдствіи далеко расшедшіеся два разряда закуповъ — крестьянъ и кабальныхъ холоповъ, т. е. свободныхъ членовъ русскаго общества, по собственной волѣ шедшихъ въ работу къ другимъ членамъ общины и тѣмъ самымъ вступавшихъ въ разрядъ полусвободныхъ людей. Главное различіе между ролейнымъ и не ролейнымъ закупомъ, какъ можно судить по неяснымъ указаніямъ Русской Правды, кажется, состояло въ томъ, что ролейные закупы садились на чужой землѣ и обработывали ее частью на господина, частью на себя; закупы же неролейные работали при домѣ господина, находились при личныхъ услугахъ, какъ должники, получившіе напередъ деньги подъ залогъ личной свободы. Въ 4-хъ, Русская Правда указываетъ, что закупы могли отходить отъ своего господина, выплативши занятыя деньги, или сдѣлавши съ хозяиномъ разсчеты въ обязательствахъ, какія существовали между ними. Вѣроятно ролейный закупъ, крестьянинъ, сидѣвшій на чужой землѣ и не получавшій отъ господина ничего, кромѣ земли, могъ свободно переходить отъ одного землевладѣльца къ другому. Впрочемъ, ролейные закупы временъ Русской Правды рѣдко были въ такомъ положеніи, чтобы свободно могли пользоваться правами перехода, предоставленными закономъ; они, кажется, садились на господской землѣ всегда при господской ссудѣ, слѣдовательно, не иначе могли отойти отъ господина, какъ выплативши напередъ ссуду. Русская Правда, говоря о ролейныхъ закупахъ, упоминаетъ о плугѣ, боронѣ и рабочемъ скотѣ, которыя землевладѣлецъ давалъ закупу для обработыванія земли, и даже указываетъ, что закупъ долженъ былъ загонять рабочій скотъ на господскій дворъ въ хлѣвъ и запирать, гдѣ прикажетъ господинъ. Слѣдовательно, въ ролейные закупы поступали только такіе бѣдняки, которые не имѣли ни своихъ орудій земледѣлія, ни рабочаго скота, ни хлѣба для прокорма, ни сѣмянъ, такъ что все это получали отъ господина, на землѣ котораго садились. Въ 5-хъ, изъ Русской Правды мы видимъ, что каждая семья ролейныхъ закуповъ жила своимъ хозяйствомъ и кромѣ работъ на господина работала и на себя господскимъ же рабочимъ скотомъ и орудіями и на господской землѣ.

Смерды, жившіе на общинной землѣ, также какъ и жившіе на землѣ частныхъ владѣльцевъ, пользовались правомъ свободнаго перехода. Законъ того времени не назначаетъ для смерда срока пользова-

нія землей и перехода съ одной земли на другую, а только предоставляетъ ему право оставить общину, на землѣ которой онъ жилъ, разумѣется, напередъ разсчитавшись съ общиною, или же посадивъ на свое мѣсто другого смерда, который бы обязался удовлетворить за него общину. Сама община всегда могла отказать смерду въ своей землѣ, если онъ неисправно несъ тягло, или былъ вреднымъ членомъ. Тѣ и другіе изъ смердовъ жили не иначе, какъ общинами, и управлялись выборными старостами и вѣчемъ, или мірскою сходкою. Общины, жившія на черныхъ земляхъ, защищали сами членовъ, принадлежавшихъ имъ; напротивъ, общины, поселившіяся на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, состояли подъ покровительствомъ и защитой своего хозяина, владѣльца занимаемой ими земли. Но всѣ повинности и подати въ княжескую казну, какъ тѣ, такъ и другія общины, т. е. и черныя и владѣльческія, собирали по раскладкѣ сами. Въ селахъ, также какъ и въ городахъ, могли жить затяглые люди, т. е. неимѣющіе своей земли и тягла. Но они не были членами общины; они назывались вольными людьми и жили или у своихъ родственниковъ, или по найму у разныхъ хозяевъ. Они считались вольными людьми до тѣхъ поръ, пока не приписывались къ какой нибудь общинѣ, которая давала имъ землю, и не несли общественныхъ повинностей, состоявшихъ въ устройствѣ и починкѣ мостовъ и дорогъ, перевозовъ черезъ рѣки и въ повозѣ, т. е. въ постановкѣ лошадей для переѣздовъ князя съ его слугами и для перевоза вещей, принадлежавшихъ ему. Смерды, кромѣ того, участвовали въ укрѣпленіи того города, къ которому тянули они, потому что эти укрѣпленія спасали ихъ во время нашествія непріятелей. Сельскіе жители также участвовали и въ военныхъ походахъ, особенно при защитѣ своего родного края. Они отправлялись въ походъ пѣшими и худо вооруженными и составляли самую плохую часть тогдашней рати. Говоря о сельскихъ и городскихъ жителяхъ, нужно обозрѣть положеніе на Руси самихъ городовъ и селеній въ XII вѣкѣ.

Города. Города на Руси въ настоящемъ періодѣ, также какъ и въ прежнее время, дѣлились на старшіе города и пригороды. Отношеніе пригородовъ къ старшимъ городамъ въ этомъ періодѣ стало измѣняться, частью при помощи самихъ князей, а частію отъ перемѣны самого положенія дѣлъ. Но эта перемѣна отношеній пригородовъ къ старшимъ городамъ въ настоящемъ періодѣ коснулась только очень немногихъ пригородовъ. Вообще же младшіе города вполнѣ зависѣли отъ старшихъ, такъ что князь, владѣвшій старшимъ городомъ, признавался княземъ и въ пригородахъ. Кромѣ собственно *земскихъ городовъ* былъ еще разрядъ особыхъ *городовъ княжихъ*, построенныхъ самими князьями. Начало существованія этихъ городовъ относится еще къ 1 періоду (города, построенные Олегомъ), но полное развитіе ихъ принадлежитъ настоящему періоду. Они дѣлились на два разряда. Къ первому разряду принадлежали города, построенные для огражденія границъ, ко 2-му—города, построенные для увеличенія княжескихъ доходовъ, или вообще для тѣхъ выгодъ, которыя князья находили отъ построенія города въ томъ, или другомъ мѣстѣ. Первые города строились на границахъ преимущественно противъ степныхъ сосѣдей. Таковы были города, построенные Владиміромъ по Деснѣ, Остеру, Трубежу, Сулѣ и Сожѣ. Причина построенія этихъ городовъ выражена въ лѣтописи,

гдѣ сказано: „Нача борубати мужи лучшіе отъ Словенъ и отъ Кривичей и отъ Чудь и отъ Вятичь, и отъ сихъ несли грады; бѣ борать отъ Печенѣгъ, и бѣ воюяся съ ними и одаляя". Изъ этого свидѣтельства мы ясно видимъ, что таковые города имѣли значеніе крѣпостей, въ которыхъ жители, собранные изъ разныхъ странъ, занимали собою гарнизоны, или, по тогдашнему, засады. Стало быть, въ этихъ городахъ не могло быть промысловъ: жители ихъ были военные и поэтому характеръ самихъ городовъ былъ военный. Нерѣдко города эти заселялясь плѣнниками, захваченными на войнѣ. Такъ, въ 1032 г. Ярославъ строилъ города и населилъ ихъ плѣнниками, приведенными изъ Польши. Впослѣдствіи времени эти города были заселены кочевниками, которые, принявъ покровительство русскаго князя, стали служить оплотомъ отъ набѣговъ другихъ кочевниковъ. Такъ, въ Приднѣпровьѣ города по рр. Роси и Трубежу были заняты: Торками, Берендѣями, Печенѣгами и др. кочевниками, извѣстными подъ общимъ именемъ Черныхъ Клобуковъ или Черкасовъ. Эти кочевники служили передовою стражею русской земли отъ Половцевъ. Подобные же города были построены въ Черниговскомъ княжествѣ по р. Семи и Сожи и заселены Бѣловѣжцами или Хозарами и мирными Половцами. Полукочевое народонаселеніе тогдашнихъ городовъ, хотя и управлялось своими племенными князьями, но по территоріи тянули къ земщинѣ того города, на землѣ котораго они селились. Поэтому они вполнѣ зависѣли отъ старшихъ городовъ и принимали большое участіе въ земскихъ дѣлахъ, поддерживали старшіе города и въ свою очередь получали отъ нихъ помощь. Княжіе города второго разряда строились въ мѣстахъ или удобныхъ для производства какихъ либо промысловъ, или въ мѣстахъ почему либо пріятныхъ строителю. Эти города имѣли характеръ исключительно частной собственности; князья пользовались съ нихъ доходами и распоряжались ими, какъ своею собственностію, по своему усмотрѣнію; такъ, напр., Владиміръ Васильковичъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи пишетъ; *„далъ есмь княгинѣ свой городъ Кобринъ и съ людьми, и съ данью, какъ при мнѣ даяли, такъ и по мнѣ атъ даютъ княгини моей"*. Частное право князей на эти города не отымало у нихъ земскаго значенія. Города, какъ земскіе, такъ и частныхъ собственниковъ, по территоріи, т. е. по землѣ и водѣ, тянули къ старшему городу и дѣлались его пригородами. Такъ, Владиміръ, построенный Владиміромъ Мономахомъ на землѣ Суздаля и Ростова, считалъ себя пригородомъ или колоніею этихъ городовъ, хотя населеніе его состояло изъ пришельцевъ изъ разныхъ странъ, и когда Владимірцы при пріемникахъ Андрея Боголюбскаго возстали на Ростовцевъ, то Ростовцы говорили: *„Владиміровцы наши пригородные и холопи, пожжемъ ихъ городъ и опять поставимъ тамъ своего посадника."*

Кромѣ княжескихъ, были еще въ этомъ періодѣ *города, принадлежавшіе церквамъ и другимъ частнымъ собственникамъ*. Такъ, соборная Владимірская церковь владѣла нѣсколькими городами, пожалованными ей Андреемъ Боголюбскимъ, а также у новгородскихъ бояръ были города въ Заволочьѣ. Тоже было въ Рязанскомъ княжествѣ, въ Черниговскомъ и, вѣроятно, и въ другихъ. Но эти города вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежали и земщинѣ, они тянули къ старшимъ городамъ

и никакихъ особенныхъ отношеній къ другимъ городамъ и гражданскихъ отличій не имѣли. Поэтому, рѣшеніе вѣча старшаго города имѣло вліяніе на всѣ города, были ли они построены самими старшими городами, или частными собственниками. Право частной собственности на города на Руси никогда не было полнымъ и самостоятельнымъ, совершенно иначе, чѣмъ это было, напр., въ Германіи. Если бы какой нибудь частный собственникъ, владѣвшій городомъ, вздумалъ отдѣлиться отъ земщины, то это не обошлось бы безъ войны съ ней. Это составляетъ отличительный характеръ русскихъ городовъ,— что кѣмъ бы они ни были построены, всегда принадлежали земщинѣ.

Селенія въ настоящемъ періодѣ дѣлились на *земскія или черныя, княжескія, церковныя и монастырскія и другихъ частныхъ собственниковъ.* По устройству своему они всѣ имѣли общинный характеръ, а по населенію состояли изъ свободныхъ людей, по своему усмотрѣнію селившихся на той, или другой землѣ и принимавшихъ на себя обязанности по взаимному договору съ владѣльцемъ земли, т. е. съ княземъ, или съ монастыремъ, или съ земскою общиною, или бояриномъ, и другимъ частнымъ собственникомъ. А посему жители всѣхъ рязрядовъ селеній безъ различія составляли одинъ классъ сельцевъ, носившихъ одно названіе смердовъ или общинниковъ. По занятіямъ или промысламъ жители селеній были преимущественно земледѣльцы. Впрочемъ, не всѣ селенія были земледѣльческія: были также селенія бортниковъ, т. е. людей, занимавшихся пчеловодствомъ, рыболововъ, звѣролововъ, и др. сельскихъ промышленниковъ; были также селенія, которыя занимались извозомъ купеческихъ товаровъ, изъ одного мѣста въ другое. Такими были премущественно селенія, лежавшія по волокамъ между судоходными рѣками. По свидѣтельству договорной грамоты Ростислава Смоленскаго съ Ригой, жители селеній, лежавшихъ между Западной Двиной и Днѣпромъ, занимались на свой страхъ подъ круговою порукой извозомъ русскихъ и нѣмецкихъ товаровъ и составляли общины извощиковъ, къ которымъ принадлежали только внесшіе опредѣленную плату. По всему вѣроятію, подобныя общины находились по всѣмъ волокамъ. Въ нѣкоторыхъ памятникахъ упоминается еще объ общинахъ перевозчиковъ по рѣкамъ; такъ въ договорной грамотѣ Новгорода съ Ганзою упоминается община перевозчиковъ по Ижерѣ и Невѣ; безъ сомнѣнія такія же общины были и по Волгѣ, Днѣпру, Волхову, Двинѣ и по другимъ судоходнымъ рѣкамъ.

Селенія, какъ и въ первомъ періодѣ, находились въ подчиненности своимъ городамъ, или, какъ тогда говорили, „тянули къ городамъ судомъ и данью“ или—„тянули къ городамъ по землѣ и водѣ“, т. е. всѣ сельскія поземельныя имѣнія, какъ общинныя, земскія, принадлежали къ земщинѣ того или другого города. Поэтому селенія не могли быть перечислены отъ одной земщины къ другой. Такъ, князья, или другіе собственники, переходя въ другое мѣсто, не могли также переводить съ собою и селеній. Частное право собственниковъ населенія не уничтожало правъ земщины, на земляхъ которыхъ стояли они. Каждое изъ селеній, на чьей бы землѣ ни находилось оно, управлялось своимъ вѣчемъ, или мірскою сходкою и выборными изъ самихъ же сельчанъ старостами. Въ селеніяхъ частныхъ собственниковъ при выборныхъ старостахъ были еще тіуны, ключники, посель-

скіе и другіе приставники, присылаемые въ селенія владѣльцами ихъ. Но всѣ эти правители завѣдывали въ селеніяхъ только экономическою частію, въ управленіе же ихъ не вмѣшивались, и предоставляли имъ управляться своимъ вѣчемъ и старостами. Владѣльческія имѣнія не всегда населялись свободными людьми, но иногда и рабами; впрочемъ, это бывало рѣдко; рабы поселялись своими господами между свободными поселенцами, да и то въ немногихъ семьяхъ; такъ по крайней мѣрѣ можно заключить по дошедшимъ до насъ писцовымъ книгамъ XV вѣка.

Поземельное владѣніе на Руси по прежнему было общинное, вотчинное, княжое, помѣстное и сверхъ того со введеніемъ Христіанства появившееся—церковное или монастырское.

Общинныя земли въ настоящемъ періодѣ стали называться черными землями и попрежнему не составляли ничьей частной собственности, а считались землями государственными. На нихъ были построены земскіе города и селенія и каждая община—городская, или сельская, владѣла принадлежащей ей землей, какъ собственностью, нераздѣльно. Члены общины имѣли только право пользованія участками общинной земли и не могли ни продавать ихъ, ни закладывать, иначе какъ тѣмъ лицамъ, которые пожелали бы вступить въ члены общины и приняли бы на себя тягло, лежащее на землѣ; поэтому защита или охраненіе общинной земли, лежала на цѣлой общинѣ, а не на отдѣльныхъ членахъ ея, и въ случаѣ споровъ за владѣніе судъ имѣлъ дѣло съ самими общинами, и съ ихъ выборными представителями, а не съ отдѣльными членами. Владѣніе общинной или черной землей всегда влекло за собою исполненіе разныхъ повинностей и платежъ податей, лежащихъ на общинѣ: членъ общины, получая участокъ земли, съ тѣмъ вмѣстѣ принималъ на себя и ту долю общинныхъ повинностей, которыя лежали на землѣ,—безъ этого условія община не давала земель. Общинныя земли дѣлились въ городахъ на дворы, а въ селахъ на оковы, бочки, четверти и т. д. по количеству хлѣба засѣваемаго на нихъ. Соразмѣрно съ пространствомъ засѣваемой земли взимались подати. Кромѣ того, сельскія земли дѣлились на выти, у Новгородцевъ на обжи, т. е. такія доли, которыя представляли полный надѣлъ того или другого члена общины. По качеству черныя земли раздѣлялись, также какъ и другіе разряды земель, на пахатныя, сѣнокосныя, лѣсныя и др. Къ нимъ же причислялись разныя угодья и промыслы: рыбныя и звѣриныя ловли, бортные ухожаи и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ соляные промыслы.

Вотчинныя земли попрежнему составляли частную собственность; они попрежнему пріобрѣтались расчисткою дикихъ полей и лѣсовъ, покупкою и дареніемъ, по наслѣдству и по другимъ гражданскимъ сдѣлкамъ между собственниками, а также, хотя изрѣдка, пожалованьемъ отъ князя. Владѣніе вотчинными землями, какъ полною собственностью, вообще оставалось на прежнихъ основаніяхъ, но, вслѣдствіе раздѣленія Руси на удѣлы, явилось нѣкоторое ограниченіе правъ собственника на вотчинную землю, состоящее въ томъ, что вотчинникъ, переходя на службу другого князя, а не того, во владѣніяхъ котораго находится его вотчина, хотя и не терялъ своего права на вотчину, но тѣмъ не менѣе вотчина съ своимъ владѣльцемъ не переходила во

владѣнія другого князя—она принадлежала къ прежней земщинѣ, платила дань прежнему князю и тянула къ своему городу; поэтому вотчинникъ не могъ перечислить вотчину изъ одного владѣнія въ другое. Такимъ образомъ, съ появленіемъ удѣловъ ясно обозначилось, что частная поземельная собственность имѣла тѣсную связь съ общиннымъ или земскимъ поземельнымъ владѣніемъ, что вотчина не могла отдѣлиться отъ земщины, къ которой она тянула судомъ и данью. Поземельная собственность хотя и не стѣсняла личности самого владѣльца, но тѣмъ не менѣе налагала на него нѣкоторыя обязательства въ отношеніи къ той земщинѣ, къ которой принадлежали его владѣнія, такъ что дружинникъ, принимая на себя разныя повинности и платежи, лежавшіе на его землѣ, дѣлался до нѣкоторой степени земцемъ. Вотчинныя земли могли быть и городскія; послѣднія обыкновенно назывались бѣлыми или обѣленными, въ противоположность сельскимъ, которыя назывались черными.

Княжія земли, по происхожденію своему, какъ мы уже знаемъ, или были уступлены князю земщиной, или пріобрѣтены имъ покупкою у частныхъ собственниковъ и расчисткою дикихъ полей и лѣсовъ. Тѣ и другія земли составляли собственность князя; но появленіе удѣловъ на Руси показало ясно, что права его на эту собственность были неодинаковы, именно, — князь, переходя изъ одного удѣла въ другой, терялъ уже всякое право на земли, уступленныя ему замщиной, потому что онѣ цѣликомъ переходили къ новому князю; земли же, пріобрѣтенныя покупкою, или расчисткою и заселеніемъ дикихъ полей и лѣсовъ, оставались за нимъ, какъ частная собственность, и тогда, когда онъ переходилъ въ другое владѣніе и новый князь не имѣлъ на нихъ правъ собственника. Отсюда понятно, что земли, уступавшіяся князю земщиной, составляли принадлежность собственно княжеской власти, а не личности того или другого князя. Земщина уступала ихъ только на власть князя; слѣдовательно, онѣ не составляли частной собственности князя, а принадлежали къ землямъ государственнымъ. Изъ этихъ земель князь раздавалъ участки своимъ дружинникамъ за ихъ службу; но онъ не имѣлъ права отдавать ихъ въ вотчинное владѣніе. Въ земляхъ покупныхъ, составлявшихъ частную собственность, князья устроивали разныя хозяйственныя заведенія, доходы съ которыхъ шли въ ихъ казну. Къ частной собственности князей принадлежали не только сельскія земли и угодья, но и городскіе дворы, которые они покупали у частныхъ собственниковъ; такъ, въ Путивлѣ былъ домъ Святослава Ольговича, о которомъ лѣтопись упоминаетъ подъ 1146 годомъ при взятіи Путивля Изяславомъ: „*И ту дворъ Святославль раздѣли на 4 части, и скотницѣ, брестъяницѣ и товаръ, иже бѣ не мочно двинути и въ погребѣхъ было 500 берковесковъ меду, а вина 80 корчагъ, и церковь св. Вознесенія всю оплупиша и не оставиша ничтоже княжа, но вся раздѣлиша и челяди семь сотъ*“. Также подъ 1158 годомъ, лѣтопись упоминаетъ о дворахъ Юрія Долгорукаго, разсказывая о мятежѣ, бывшемъ въ Кіевѣ по смерти этого князя: „*Много зла сотворися въ тотъ день: разграбиша дворъ его красный и другій дворъ его за Днѣпромъ разграбиша, его же зваше самъ раемъ, и Васильковъ дворъ, сына его разграбиша въ городѣ*“. Частныя княжескія земли хотя принадлежали къ земщинѣ и входили въ составъ

государственныхъ земель, но въ то же время управлялись волостелями и посельскими или тіунами, присылаемыми княземъ; слѣдовательно, онѣ ничѣмъ не отличались отъ земель частныхъ владѣльцевъ. Управу приставниковъ въ княжескихъ земляхъ Даніилъ Заточникъ характеризуетъ слѣдующими словами: „*Не имѣй двора близъ княжа двора, не держи села близъ княжа села, тіунъ бо его, яко огнь трепетицею накладенъ*“.

Помѣстныя земли въ этомъ періодѣ, какъ и въ предъидущемъ, не составляли собственности своихъ владѣльцевъ; онѣ раздавались князьями дружинникамъ на правѣ пользованія впродолженіи службы ихъ князю; и такъ какъ онѣ раздавались изъ тѣхъ земель, которыя были уступлены княжеской власти собственно, а не лично князю, то въ настоящемъ періодѣ, съ развитіемъ удѣльнаго разновластія, значеніе помѣстныхъ земель ясно опредѣлялось, потому что дружинники, переходя вмѣстѣ съ своими князьями изъ одного владѣнія въ другое, лишались всѣхъ правъ на помѣстья въ прежнемъ владѣніи, которыя переходили къ новому князю и раздавались имъ его дружинникамъ. Такимъ образомъ ясно обозначалось, что помѣстья никогда не были частной собственностью и не могли быть ею; они всегда составляли собственность государственную и въ сущности имѣли одинаковый характеръ съ черными землями. Какъ община раздавала черныя земли по участкамъ своимъ членамъ съ обязательствомъ нести извѣстныя повинности и подати, лежащія на томъ или другомъ участкѣ, такъ же точно и союзъ общинъ — государство отдавало князю земли съ тѣмъ, чтобы онъ раздавалъ ихъ своимъ дружинникамъ также съ обязательствомъ нести службу съ своего участка. Впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, съ помѣстныхъ земель была опредѣлена служба съ такою же отчетливостью, съ какою опредѣлялись повинности и подати съ черныхъ земель; именно, отъ помѣщика требовалось, чтобы онъ выходилъ на войну въ извѣстномъ вооруженіи и съ опредѣленнымъ числомъ слугъ, сообразно съ количествомъ земли, данной ему въ помѣстное владѣніе. Впрочемъ, это было только впослѣдствіи, въ XI, XII и XIII вв. едва ли была такая точность и опредѣленность въ распредѣленіи повинностей съ помѣстныхъ земель, по крайней мѣрѣ до насъ не дошло ни одного памятника, въ которомъ бы указывалось, какія повинности лежали въ этомъ періодѣ на помѣстныхъ земляхъ. Но во всякомъ случаѣ нужно предположить то, что помѣстныя земли въ этомъ періодѣ несли опредѣленныя повинности, потому что, какъ мы уже сказали, онѣ не имѣли характера исключительности и, какъ и черныя земли, составляли собственность государственную. Разница между черными землями и помѣстными состояла только въ томъ, что общины раздавали своимъ членамъ меньшіе участки сравнительно съ тѣми, какіе давали князья своимъ дружинникамъ. Характеръ помѣстныхъ земель, условливавшійся тѣмъ, что онѣ были собственностью государства, имѣлъ большое вліяніе на самое устройство русскихъ владѣній. Такой характеръ помѣстьевъ въ связи съ удѣльной системой произвелъ то, что русскіе помѣщики не могли усилиться на столько, чтобы быть въ тягость князьямъ и народу, какъ феодалы въ Западной Европѣ, потому что хотя помѣстье и ленъ по формѣ своей были почти одинаковы, т. е. означали неполное, временное владѣніе

за службу, но въ сущности между ними была огромная разница: ленъ принадлежалъ государю, а не государству, — слѣдовательно, феодалъ, получивъ отъ государя ленъ на время службы, могъ незамѣтно обратить его въ полную собственность и увеличить свои владѣнія полученіемъ новыхъ земель отъ государя и помѣстнымъ обращеніемъ ихъ въ полную себственность. Такъ дѣйствительно и было сдѣлано феодалами Западной Европы, владѣнія которыхъ изъ ленныхъ сдѣлались родовыми. Но русскіе помѣщики не могли этого сдѣлать, потому что ни постоянная служба одному князю, ни переходъ изъ службы одного князя на службу къ другому не упрочивали за ними помѣстьевъ и не дозволяли обращать ихъ въ полную собственность. Продолжая службу у одного князя, помѣщикъ долженъ былъ переходить изъ одного удѣла въ другой, слѣдовательно терять свои права на помѣстья, и если бы для удержанія за собою помѣстья онъ вздумалъ перейти на службу того князя, которому доставался удѣлъ, гдѣ было его помѣстье, то и это не всегда упрочивало за нимъ права на помѣстье, потому что князь приводилъ съ собою своихъ дружинниковъ, которыхъ долженъ былъ надѣлять помѣстьями и слѣдовательно, волей неволей, долженъ былъ или выгонять прежнихъ помѣщиковъ, или же убавлять ихъ помѣстья. Конечно, князь могъ удовлетворять своихъ дружинниковъ и не касаясь помѣстьевъ, принадлежащихъ дружинникамъ, перешедшимъ къ нему на службу отъ прежняго князя, — онъ могъ назначить имъ жалованье и кормленіе, но это не всегда было возможно и притомъ только сохраняло помѣщикамъ право владѣнія на болѣе продолжительное время, но тѣмъ нисколько не увеличивало и не давало средствъ обращать помѣстье въ полную собственность и тѣмъ рѣзко отличало помѣщиковъ отъ феодаловъ.

Монастырскія и церковныя земли появились на Руси вмѣстѣ съ введеніемъ Христіанства, потому что уже во Владимировомъ уставѣ упоминаются монастыри, лѣчебницы, страннопріимные дома, гостиницы и пр., принадлежащіе церквамъ, епископамъ и митрополиту. Точно также и при Ярославѣ, какъ это видно изъ устава его, всѣ эти учрежденія принадлежали церкви. Мы не знаемъ, давались ли въ это время монастырямъ и церквамъ вотчины, —по всему вѣроятію онѣ не давались. Это должно заключать изъ того, что лѣтописецъ, пересчитывая все то, что сдѣлалъ для церкви Ярославъ, говоритъ только, что онъ давалъ церквамъ урокъ, но о земляхъ и угодьяхъ не говоритъ ничего. Въ первый разъ о пожертвованіи церкви земли лѣтописецъ упоминаетъ подъ 1061 годомъ при Изяславѣ Ярославичѣ. Изяславъ, по словамъ лѣтописца далъ Антонію, основателю печерскаго монастыря, печерскую гору. Впослѣдствіи монастыри и церкви пріобрѣли значительныя недвижимыя имѣнія или черезъ покупку у вотчинниковъ, или черезъ расчистку дикихъ полей и лѣсовъ, или черезъ дареніе на поминъ души князьями и частными лицами, или наконецъ черезъ пожалованіе отъ князей на содержаніе и устройство церквей. Такъ, въ грамотѣ Ростислава Мстиславича Смоленскаго, данной имъ въ 1150 году смоленской епископіи, сказано: *„И се даю на посвѣтъ св. Богородицы изъ двора своего осмь капій воску и на горѣ огородъ съ капустникомъ и съ женою и съ дѣтьми, за рѣкою тетеревникъ съ женою и съ дѣтьми“*. Особенно были богаты недвижимыми имѣніями

наиболѣе уважаемые монастыри и епископскія каѳедры; такъ, епископъ Владимирскій, Симонъ, такъ говоритъ о богатствѣ своей каѳедры: „*Кто не вѣстъ мене грѣшнаго епископа Симона и сія соборныя церкви Владимірскія и другія Суздальскія церкви, колико же имѣста градовъ и селъ*“. А что монастыри и церкви получали большіе вклады отъ частныхъ лицъ, это видно изъ монастырскихъ и церковныхъ вкладныхъ описей XII вѣка. Онѣ, наприм., свидѣтельствуютъ, что одинъ богатый Новгородецъ Олекса, впослѣдствіи Варлаамъ Хутынскій, пожертвовалъ большой участокъ земли Хутынскому монастырю. Извѣстія же о томъ, что монастыри пріобрѣтали земли расчисткою дикихъ полей и лѣсовъ, разсыпаны, преимущественно, по новгородскимъ памятникамъ; мы не имѣемъ надобности перечислять эти извѣстія. Земли монастырскія и церковныя носили характеръ вотчинныхъ земель, т. е. частной поземельной собственности съ правомъ отчужденія. Но вмѣстѣ съ этимъ онѣ имѣли свой особый характеръ, состоявшій въ томъ, что онѣ принадлежали не физическому лицу, а юридическому; онѣ составляли принадлежность не того или другого епископа, или монаха, а — епископскаго сана и монастыря. При такомъ характерѣ этихъ земель во владѣніи ими были нѣкоторыя особыя условія. Такъ, епископъ могъ свои земли продавать, закладывать, промѣнивать, или отдавать въ помѣстное владѣніе своимъ боярамъ и слугамъ, но онъ не могъ дарить ихъ, или отдавать по завѣщанію, и онѣ цѣликомъ переходили къ послѣдующему епископу. Иное дѣло, если епископъ имѣлъ родовыя вотчины, или пріобрѣтенныя покупкою на собственныя деньги; такія вотчины онъ могъ дарить и завѣщать. Точно также и монастырскія земли принадлежали собственно монастырю, а не монахамъ и потому не могли быть ни продаваемы, ни закладываемы, ни отдаваемы по завѣщанію монахами ихъ родичамъ и т. д., а всегда составляли принадлежность монастыря. Церковныя земли составляли также принадлежность церкви, а не причта, который только имѣлъ право пользоваться доходами съ нихъ. Слѣдовательно, владѣніе этими землями предоставлялось только въ извѣстныхъ предѣлахъ и онѣ не могли быть отчуждаемы какимъ либо образомъ. Кромѣ того, по тѣсному соединенію церкви съ приходомъ, въ охраненіи и управленіи церковнымъ имуществомъ принимали участіе всѣ прихожане въ лицѣ, избираемыхъ ими, церковныхъ старостъ. Доказательство на это мы находимъ въ уставной грамотѣ Всеволода Мстиславича, данной имъ церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ (въ Новгородѣ), въ которой именно сказано, что для управленія имѣніемъ этой церкви были избираемы церковные старосты. Но власть причта и прихода относительно церковныхъ земель была еще ограничена властью епископа, такъ что ни причтъ, ни приходъ не могли безъ согласія епископа распоряжаться церковными землями.

Доходы князей по прежнему раздѣлялись на доходы съ племенъ, уступившихъ силѣ, но еще не совершенно покоренныхъ и не составлявшихъ русскаго государства, и на доходы съ племенъ, совершенно покоренныхъ и вошедшихъ въ составъ русскаго государства, т. е. принявшихъ русское управленіе и совершенно подчинившихся всѣмъ требованіямъ и законамъ русскаго правительства. Перваго рода доходы состояли изъ даней, за которыми ходили сами русскіе князья, или

ихъ дружинники. Таковыми племенами были: Литовцы, Ятвяги и нѣкоторые изъ финскихъ племенъ, жившихъ за Сѣверною Двиною и Печерою и далѣе къ Уральскому хребту. У этихъ племенъ русскіе обыкновенно сбирали дань вооруженною силою, посылали туда воинскіе отряды, или строили тамъ городки и содержали тамъ гарнизоны, или, по тогдашнему выраженію, засады, которые отъ времени до времени выходили изъ городковъ для сбора дани, или и сами плательщики дани приносили дань въ городки. Таковой сборъ дани впослѣдствіи сталъ называться *ясакомъ* и до сего времени удерживаетъ это названіе въ отношеніи къ инородческимъ племенамъ Сибири. О сборѣ дани силою нерѣдко упоминаютъ лѣтописи; такъ, подъ 1187 годомъ въ новгородской лѣтописи сказано: *„Въ то же время избіени быша Печерскъи данники и Югръскыи въ Печерѣ, а друзіи за Волокомъ, и паде головъ о стѣ къметъства“*. Подъ 1071 годомъ лѣтопись упоминаетъ о Янѣ Вышатичѣ, ходившемъ съ дружиною въ Бѣлозерскій край для сбора дани на Святослава. Лѣтописи же свидѣтельствуютъ, что князья Полоцкіе ходили за данью къ Литвѣ, а Волынскіе къ Ятвягамъ.

Второго рода доходы собирались самими жителями областей, составлявшихъ Русское государство, и подраздѣлялись на нѣсколько видовъ, которые не всегда были одинаковы по разнымъ княжествамъ, составлявшимъ тогдашнюю Русь. Довольно подробныя свѣдѣнія о видахъ податей представляетъ уставная грамота Ростислава Мстиславича Смоленскаго, писанная въ 1150 году. Изъ нея мы видимъ: 1) что одни изъ этихъ доходовъ были опредѣленные, напередъ уже сочтенные сколько котораго дохода собирается съ какой области, а другіе были неопредѣленные, зависѣвшіе отъ случая, напр. гостиное, перевозъ, торговое, корчмита и мыто; ибо, конечно, князь опредѣлялъ сколько брать съ воза мытныхъ пошлинъ, или почемъ долженъ платить гость гостиной дани, но князь, естественно, не могъ напередъ знать, сколько придетъ возовъ, съ которыхъ брать мыто и перевозъ, и сколько будетъ гостей, платящихъ гостиное; 2) что при сборѣ доходовъ наблюдались порядокъ и опредѣленность, которые давали возможность напередъ знать какую сумму какого дохода приноситъ та или другая область. Такъ, въ грамотѣ сказано: *„У Вержавленехъ у великихъ 9 погостовъ, а въ тѣхъ погостехъ платитъ, кто жъ свою дань и передмѣръ и истужницы по силѣ, кто что мога, а въ тѣхъ погостехъ а нѣкоторый погибнетъ, то ти и досятины убудетъ, а въ тыхъ погостѣхъ во всѣхъ сходится дини осьмсотъ гривенъ; а передмѣра сто гривенъ, а на истужницѣхъ сто гривенъ; то ти изъ того взяти епископу, къ Святѣй Богородицѣ 100 гривенъ. А въ Хотишинѣ дани 200 гривенъ; изъ того епископу взяти 20 гривенъ; въ Пацинѣ дани 30 гривенъ, а изъ того епископу три гривны, а въ гостинѣй дани невѣдомо, что ся сойдетъ, изъ того Святѣй Богородицѣ и епископу десятина. Дѣдичи и данъ и вира 15 гривенъ, гость семь гривенъ, а изъ того Св. Богородицѣ и епископу три гривны безъ семи ногатъ. На Копысѣ полюдья четыре гривны, а перевозу четыре гривны, а торговаго четыре гривны, а кормчити невѣдомо что ся сойдетъ. Въ Лучинѣ полюдья четыре гривны, а мыта кормчити невѣдомо, но что ся снидетъ, изъ того епископу десятина“*. Эта опредѣленность и точность

въ сборѣ доходовъ ясно свидѣтельствуетъ, что доходы княжескіе не были случайными и произвольными, но были установлены и утверждены закономъ и производились въ порядкѣ по извѣстнымъ правиламъ, указывающимъ на ту степень благоустройства, на которой находилось тогдашнее общество. 3) Въ то время употреблялись три формы сбора доходовъ: первая форма состояла въ томъ, что доходы собирались непосредственно слугами князя—даньщиками, мытниками и др.; вторая же форма заключалась въ отдачѣ на откупъ какой-нибудь доходной статьи — правительство прямо получало установившуюся на торгахъ цѣну и потомъ отдавало, заплатившему ее, въ полное распоряженіе какую-нибудь доходную статью; третья форма состояла въ томъ, что правительство оброчило какую-нибудь статью дохода, т. е. входило въ условія съ общиною и назначало сколько въ извѣстный срокъ — иногда даже за нѣсколько лѣтъ напередъ — должно внести оброку, а община уже сама раскладывала этотъ оброкъ между своими членами и сама сбирала его. 4) Въ разсматриваемое нами время правительство слѣдовало различнымъ формамъ сбора и измѣняло ихъ сообразно съ обстоятельствами. Такъ, напр. изъ грамоты Ростислава мы видимъ, что въ Дѣдичахъ гостиная пошлина была опредѣлена въ семь гривенъ, слѣдовательно отдавалась на оброкъ, а въ Пацинѣ она вовсе не была опредѣлена, слѣдовательно, здѣсь правительство брало ее само. 5) Подати взимались, по свидѣтельству Ростиславовой грамоты, не со всѣхъ плательщиковъ одинаково, а смотря по имуществу каждаго, слѣдовательно тогда взимались подати не съ лица, а съ капитала или дохода, или, какъ выражались тогда, „по животамъ и промысламъ“. Такъ, въ грамотѣ сказано: „*А въ тѣхъ погостѣхъ платитъ кто-жъ свою дань по силѣ, кто что могъ*“. Эта новая система сбора податей въ основаніи своемъ рѣзко отличается отъ системы сбора въ первомъ періодѣ, когда дань платилась съ двора, или съ дыму. Это показываетъ, что русское общество сдѣлало въ это время значительный успѣхъ въ своемъ развитіи, и, конечно, въ этомъ нельзя не заподозрить значительнаго вліянія церкви. Податная система, основанная на сборѣ процентовъ съ капитала или дохода, показываетъ, что доходы были тогда приведены въ извѣстность, слѣдовательно тогда существовалъ кадастръ, иначе правительство не могло бы заранѣе опредѣлять количество своихъ доходовъ. И мы дѣйствительно въ XIII и XIV столѣтіяхъ встрѣтимъ множество ясныхъ указаній на кадастрацію имуществъ и промысловъ въ русскомъ обществѣ, а отъ XV и XVI столѣтія до насъ даже дошло много оффиціальныхъ книгъ тогдашняго кадастра; а, конечно, ни въ XIII, ни въ XIV, ни даже въ XV вѣкѣ эта система общественнаго устройства не могла образоваться и развиться на Руси, потому что тогда Россія была подъ гнетомъ кочевниковъ — Татаръ, слѣдовательно начала этой системы именно и должно искать въ XI и XII столѣтіяхъ, когда многія русскія княжества были въ цвѣтущемъ состояніи, въ чемъ вполнѣ и согласны приведенныя выше свидѣтельства Ростиславовой уставной грамоты. Мы находимъ также лѣтописныя свидѣтельства объ описаніи частныхъ имуществъ въ Галицкихъ владѣніяхъ въ 1241 году, а объ опредѣленной суммѣ доходовъ съ областей въ кіевскихъ владѣніяхъ, о чемъ лѣтопись упоминаетъ подъ 1195 годомъ, гдѣ Романъ Волын-

скій говоритъ кіевскому князю Рюрику: *„А мнѣ любо иную волость въ тое мѣсто даси, любо кунами даси за нее, во что будетъ была“*. 6) Наконецъ въ Ростиславовой грамотѣ мы находимъ указаніе, что подати не во всѣхъ областяхъ были одни и тѣ же; въ однѣхъ областяхъ собиралась одна, въ другихъ другая подать, съ однихъ областей одинъ видъ, съ другихъ нѣсколько видовъ податей. Разсмотрѣвши общую систему княжескихъ доходовъ въ настоящемъ періодѣ, мы теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію и объясненію каждаго вида доходовъ отдѣльно, и раздѣлимъ виды на тѣ категоріи, къ которымъ тотъ, или другой видъ принадлежитъ по своей натурѣ и по источникамъ.

Категоріи и виды доходовъ. Категоріи, на которыя раздѣлялись доходы, были: *судебная*, *торговая и собственно податная*. Къ первой категоріи принадлежали: 1) виры, 2) продажи, 3) судебные уроки, 4) пересудъ, 5) ротные уроки, 6) желѣзное.

Вирою назывался платежъ въ княжескую казну, взыскиваемый за убійство человѣка. Цѣна виры въ Русской Правдѣ была установлена въ 80 гривенъ кунъ, или 20 гривенъ серебра, за княжаго мужа и вообще за боярина, а за людина и за младшаго дружинника по 40 гривенъ кунъ, или 10 гривенъ серебра; эта же вира въ 40 гривенъ и въ 80 гривенъ кунъ была установлена и въ договорной грамотѣ Мстислава Давидовича Смоленскаго съ Ригою и Готландомъ. Вира платилась или самимъ убійцею, когда онъ убилъ въ разбоѣ, или когда онъ не былъ вкладчикомъ въ дикую виру, или платилась вира общиною, что называлось *дикою вирою*, когда убійца былъ не извѣстенъ, или когда убійство совершилось во время ссоры, или явно, на пиру. Кромѣ того было полувирье, когда кто кому отрубитъ руку, или ногу, или выколетъ глазъ. Вира иногда отдавалась на оброкъ; такъ, въ Ростиславовой грамотѣ сказано: *„Въ Дѣдичи данъ и вира 15 гривенъ“*.

Продажею называлась пеня за личное оскорбленіе, или за нарушеніе правъ собственности. Платежъ продажи былъ различенъ, смотря по преступленію, но не превышалъ 12 гривенъ кунъ. Въ иныхъ случаяхъ она платилась самимъ виноватымъ, въ иныхъ обществомъ; но отдавалась ли продажа, также какъ и вира, на оброкъ—это неизвѣстно.

Судебные уроки собирались съ суда, какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ дѣлъ. По закону Русской Правды судебные уроки были опредѣлены по 9 кунъ отъ виры, по 30 кунъ отъ бортной и ролейной земли, а во всѣхъ другихъ тяжбахъ по 4 куны: *„А се уродцы судебніи; отъ виры 9 кунъ, а отъ бортное земли 30 кунъ, а отъ иныхъ отъ всѣхъ тяжбъ кому помогутъ по 4 куны“*. Изъ этой статьи Русской Правды видно, что судебныя пошлины платила та сторона, которая выигрывала дѣло,—*„кому помогутъ“*, сказано въ статьѣ; но означало ли это указаніе платежа 4 кунъ отъ всякой тяжи, или 30 кунъ отъ ролейной земли, или 9 кунъ отъ виры, проценты съ гривны, или полный платежъ, въ какую бы цѣну ни была тяжба, т. е. платилась ли съ каждаго тяжебнаго дѣла, въ какую бы цѣну оно ни было, только по 4 куны,—на все это Русская Правда не представляетъ никакихъ объясненій.

Впрочемъ, кажется, правильно будетъ допустить, что здѣсь законъ говоритъ о процентахъ съ тяжебной гривны; по крайней мѣрѣ

впослѣдствіи судебныя пошлины составляли проценты съ той суммы, въ которую оцѣнивалась тяжба.

Пересудъ. Подъ симъ названіемъ, вѣроятно, разумѣлась пошлина при производствѣ вторичнаго суда по тому же дѣлу; такъ, по крайней мѣрѣ, этотъ юридическій терминъ былъ понимаемъ впослѣдствіи.

Ротные уроки взимались на князя при приводѣ къ присягѣ или ротѣ, т. е. когда кто очищалъ свою тяжбу присягою. Подъ именемъ ротныхъ уроковъ въ древности также были извѣстны крѣпостныя пошлины, платимыя при покупкѣ и продажѣ недвижимыхъ имуществъ. Ротнымъ этотъ урокъ назывался потому, что продававшій давалъ передъ судомъ клятву (роту) въ томъ, что онъ продаетъ имѣніе за такую-то цѣну. Закрѣпленіе состояло въ записываніи въ судѣ ротнаго урока, который платилъ продавецъ, сообразно съ суммою, взятою имъ за проданное имѣніе. Въ Русской Правдѣ уроки эти опредѣлены слѣдующимъ образомъ: „*А се уроки ротніи: отъ головы* (при покупкѣ раба) *30 кунъ, а отъ бортной земли 30 кунъ безъ трехъ, также и отъ ролейной земли, а отъ свободы* (раба) *9 кунъ*“.

Желѣзное. Желѣзнымъ назывался тотъ платежъ въ княжескую казну, который давался истцемъ, или отвѣтчикомъ, смотря потому, кто требовалъ рѣшенія судебной тяжбы испытаніемъ посредствомъ горячаго желѣза. Въ Русской Правдѣ этотъ платежъ опредѣленъ слѣдующимъ образомъ: „*А желѣзнаго платити 40 кунъ, а мечнику 5 кунъ, а полгривны дѣтскому; то ти желѣзный урокъ, кто си въ чемъ емлетъ*“. Вѣроятно одинаковый урокъ платился при испытаніи водою и при судебныхъ поединкахъ, или полѣ.

Къ категоріи торговыхъ пошлинъ принадлежали: 1) гостиное, 2) торговое, 3) мытъ, 4) перевозъ, 5) вѣсчая, 6) предмѣръ, 7) корчмиты, 8) пись, 9) пятно.

Гостиная; такъ называлась пошлина, сбираемая съ гостей, т. е. купцовъ, пріѣзжавшихъ для торговли изъ иныхъ городовъ или изъ иныхъ земель. Она могла, какъ мы уже видѣли, отдаваться на откупъ, въ оброкъ, или же взималась слугами правительства. По свидѣтельству Всеволодовой грамоты пошлина сія взималась за складку гостинаго товара на торговой площади, гдѣ, конечно, имѣлись для сего особые амбары. Въ грамотѣ сказано: „А буевище Петрянина дворище отъ прежнихъ дверей Св. Іоанна до погреба, а отъ погреба до кончанскаго мосту, а съ того буевища имати куны старостѣ Иванскому и по бережанскому. А тые куны класть въ домъ Св. Іоанна Великаго“. По позднѣйшимъ памятникамъ гостиная пошлина состояла изъ слѣдующихъ частей—изъ подворнаго, амбарнаго, свальнаго и привязнаго. Гость, привозившій транспортъ товару, непремѣнно долженъ былъ останавливаться на гостиномъ дворѣ, а на другихъ дворахъ ему не дозволялось останавливаться, и за въѣздъ на гостиный дворъ платилъ первую часть пошлины, называвшуюся *подворнымъ* или поворотнымъ; потомъ платилъ вторую часть пошлины за складку товара въ амбаръ на гостиномъ дворѣ, что называлось *амбарнымъ*, третья доля пошлины, называвшаяся *свальнымъ*, сбиралась при складкѣ товаровъ съ судна, или съ воза, и наконецъ четвертая доля, извѣстная подъ именемъ *привязнаго*, собиралась съ судовъ, входившихъ въ торговую пристань. Еще въ договорѣ Новгородцевъ съ Ганзою въ XII вѣкѣ

упоминается о пошлинѣ при входѣ судна въ гостиную пристань; въ грамотѣ сказано: „*Когда гости входили въ гостиную пристань, то всякое судно, нагруженное товарами, платило пошлины гривну кунъ*". Эта пошлина разнилась по правамъ тѣхъ гостей, съ которыхъ она взималась.

Торговое была пошлина, взыскивавшаяся при самой продажѣ товаровъ на торгу. Для этого, по свидѣтельству Русской Правды, на торгу всегдо присутствовалъ сборщикъ, называвшійся тогда вообще мытникомъ. Сбиралась эта пошлина, какъ съ своихъ торговцевъ, такъ и съ пріѣзжихъ гостей. Какимъ образомъ взыскивалась и какой процентъ товара составляла торговая пошлина, дошедшіе до насъ памятники не объясняютъ; но судя по позднѣйшимъ свидѣтельствамъ, должно допустить, что торговую пошлину платилъ покупатель, а не продавецъ.

Мытъ. Это была пошлина, собираемая за провозъ товаровъ черезъ мытныя заставы, которыя, преимущественно, устроивались при мостахъ, перевозахъ и при въѣздахъ въ селенія и города; при заставахъ, обыкновенно, строились мытныя избы, въ которыхъ находился мытникъ и его помощники. Каждый пріѣзжающій съ товаромъ былъ останавливаемъ мытникомъ и долженъ былъ платить мытную пошлину, какъ съ людей, находящихся при обозѣ, такъ и съ товаровъ. Мытная пошлина съ людей, иначе называвшаяся косткою или поголовщиною, взималась съ головы; пошлина же съ товаровъ бралась съ воза, или съ судна; кромѣ того, пошлина съ судна различалась по величинѣ судна, — именно, раскладка пошлины шла по числу досокъ, составлявшихъ дно судна, при чемъ съ судна съ набоемъ съ каждой доски взималась двойная пошлина. Въ сборѣ мытной пошлины наблюдалось различіе и въ томъ, съ кого она собиралась — съ своихъ ли торговцевъ, или съ иногородныхъ; иногородные платили дороже. Пошлина сія иногда отдавалась на откупъ, иногда на оброкъ, а иногда собиралась непосредственно слугами князя.

Перевозъ. Перевозомъ называлась пошлина за перевозъ товаровъ и обозовъ черезъ рѣки; она была неопредѣленна, и ею пользовались не только князья, но и частные землевладѣльцы, которые устраивали въ своихъ имѣніяхъ перевозы черезъ рѣки и установляли перевозныя пошлины по своему благоусмотрѣнію, ставили своихъ людей по рѣкамъ и не дозволяли торговцамъ переѣзжать въ бродъ. Взималась эта пошлина съ возовъ, лошадей и людей. Она иногда отдавалась на откупъ казною постороннимъ откупщикамъ, или на оброкъ земскимъ общинамъ, во владѣніяхъ которыхъ были перевозы. Пошлина сія учреждалась только на лѣтнее время, или, какъ когда выражались, отъ полой воды до тѣхъ мѣстъ, какъ рѣки станутъ.

Вѣсчее была пошлина, взимаемая за взвѣшиванье товаровъ; для этого правительствомъ учреждались на торгахъ общіе вѣсы, за исправностью которыхъ по уставамъ Владиміра и Ярослава строго смотрѣла церковь и повѣряла ихъ ежегодно, для чего образцы гирь всегда хранились или при извѣстныхъ церквахъ, или въ другихъ безопасныхъ мѣстахъ и гири, употребляемыя на торгу, сравнивались съ этими образцами. При всѣхъ вѣсахъ находились особые старосты, въ должность которыхъ избирались люди, пользующіеся особою довѣрен-

ностью общества, настоящіе, пошлые купцы. Такъ въ грамотѣ Всеволода, данной церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ, сказано: *„А въсити имъ въ притворъ Св. Ивана, гдѣ дано ту его и держати; а въсити старостамъ Иванскимъ двѣма купцемъ пошлымъ, добрымъ людемъ, и не пошлымъ купцемъ старощенья не держати, ни въсу имъ не въсити Иванскаго"*. А въ другой Всеволодовой грамотѣ—*о церковныхъ судѣхъ и о мѣрилахъ торговыхъ*, такъ описанъ надзоръ за торговыми вѣсами, предоставленный епископу: *„торговая вся въсы, мѣрила и скалвы вощаныя и пудъ ладовой и гривенка рублевая и всякая извѣсъ, иже на торгу промежъ людьми, епископу блюсти безъ пакости не умаливати, ни умноживати, а на всякій годъ извѣшивати; а искривится, а кому приказано, и того казнити близко смерти а животъ его на-трое: треть живота Св. Софіи, а другая треть Свят. Ивану, а третья треть сцикимъ и Новгороду"*. О повѣркѣ же вѣсовъ и о храненіи образцовъ при церквахъ упоминается въ договорной грамотѣ Мстислава Давидовича Смоленскаго съ Ригою и Готскимъ берегомъ: *„Аже вощчный пудъ исказится, лежитъ капъ въ Св. Богородици на горѣ, а другая въ Нѣмечской Богородицы, то тымъ пудъ извиряче, право учинити"*. Платежъ вѣсчей пошлины — по чемъ съ капи, пуда, берковца и гривенки и за какой товаръ, обыкновенно опредѣлялся особыми уставными грамотами и плательщикомъ всегда былъ покупатель, а не продавецъ, и обыкновенно съ пріѣзжихъ купцевъ или гостей бралась пошлина дороже, нежели съ своихъ. Такъ, въ грамотѣ Всеволода, данной Новгородской церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ, сказано: *„А у гостя имъ имати у Низовскаго отъ дву берковска вощаныхъ полгривне серебра, да гривенка перцу, у Полоцкаго и у Смоленскаго по двѣ гривны кунъ отъ берковска вощанаго, у Новоторженина полторы гривны кунъ отъ берковска вощанаго, у Новгородца шесть мордокъ отъ берковска вощанаго."* Вѣсчая пошлина преимущественно, кажется, жаловалась церкви и епископу, но впрочемъ не безъ участія въ ней и самого князя. Такъ, во Всеволодовой грамотѣ, по которой вѣсъ предоставлялся Иванской церкви, сказано: „А взять князю великому изъ вѣсу вощанаго полтретьядцать гривенъ серебра черезъ годъ". Впрочемъ, иногда вѣсъ содержался и самимъ правительствомъ, а иногда отдавался на откупъ и на оброкъ, какъ и всѣ пошлины.

Предмѣръ или помѣрное. Такъ называлась пошлина, взимаемая при перемѣрѣ сыпучихъ товаровъ—ржи, пшеницы, гороху, орѣховъ и другихъ, для чего правительство имѣло на торгахъ казенныя мѣры, называвшіяся кадями (кадь = 6 четверикамъ), оковами (половина кади), коробьями, четвертями, осминами; вѣроятно, правила при взиманіи помѣрной пошлины были одинаковы съ правилами вѣсчей пошлины, но мы на это не имѣемъ никакихъ свидѣтельствъ изъ первой половины второго періода Русскаго законодательства, кромѣ одной Ростиславовой грамоты, гдѣ упоминается о предмѣрѣ, какъ о пошлинѣ, доставлявшей доходъ князю. Притомъ въ грамотѣ эта пошлина очевидно представлена отданною на откупъ, или переведенною на землю, т. е. пооброченною, потому что грамота говоритъ, что предмѣра съ 9 вержавскихъ погостовъ сходится въ годъ 100 гривенъ, чего, конечно, нельзя было бы сказать опредѣленно, еслибы эта пошлина не была

переведена на землю или пооброчена. Обычай переводить торговыя пошлины на землю мы встрѣчаемъ и въ послѣдующее время; объ этомъ свидѣтельствуетъ одна уставная грамота 1564 года, гдѣ сказано: *„А будетъ таможенныя деньги возмутъ на землю, и вы бъ земскіе люди и казаки всѣ безъ помѣны платили по торгамъ и головамъ, а не животамъ, кто больше торгуетъ, тотъ больше и даетъ.“* Помѣрное, т. е. платежъ пошлинъ за перемѣръ товара, по свидѣтельству позднѣйшихъ памятниковъ, лежало на продавцѣ, а не на покупателѣ; такъ, въ одной грамотѣ 1551 года сказано: *„А помѣрное имъ имати съ продажи“*; но кто платилъ это пошлину въ настоящемъ періодѣ — неизвѣстно.

Пись. Объ этой пошлинѣ упоминается въ грамотѣ Всеволода о судѣхъ церковныхъ и о мѣрахъ торговыхъ. Въ грамотѣ сказано: *„А попу Иванскому Русская пись съ Борисоглѣбскимъ на полъ“*, т. е. писчая пошлина отъ товару, привозимаго изъ Руссы, дѣлилась пополамъ между Ивановскимъ и Борисоглѣбскимъ священниками, или, можетъ быть, причтами. Пошлина, очевидно, взималась при запискѣ въ книги товара, привезеннаго на торгъ, ибо торговцы, пріѣзжая на торгъ, обыкновенно должны были объявлять свой товаръ мытникамъ, или таможникамъ, которые и записывали товаръ въ книги привоза и брали за это пошлины.

Пятно. Пятномъ называлось клейменіе лошадей при продажѣ. О клейменіи лошадей упоминается подъ 1170 годомъ, гдѣ сказано, что Мстиславъ отослалъ отъ себя Петра и Нестора Бориславичей *„про ту вину, оже бяху холопи его покрали кони Мстиславли у стадѣ и пятны свое всклалѣ, разнаменываюче“*. То же говорится о клейменіи лошадей и въ Русской Правдѣ: *„А за княжъ конь, иже той съ пятномъ, три гривнѣ“*. Отъ пятна или клейменія и самая пошлина, взимаемая при продажѣ лошадей, называлась пятномъ, а сборщикъ сей пошлины назывался пятенщикомъ. Пошлина эта взималась съ покупателя и продавца. Торговля лошадьми, обыкновенно, производилась слѣдующимъ образомъ: продать, или купить лошадь нельзя было иначе, какъ только при пятенщикѣ, или мытникѣ, который при совершеніи торговой сдѣлки клалъ на лошадь пятно или клеймо и вносилъ имена покупщика и продавца въ особую книгу, гдѣ помѣщалось показаніе и о самой лошади — какой она шерсти и какихъ примѣтъ. Пятенная пошлина иногда давалась отъ государя владѣльцамъ земли на оброкъ, чтобы они собирали ее на себя со всѣхъ продаваемыхъ и покупаемыхъ лошадей въ ихъ имѣніи; иногда она отдавалась на откупъ, а иногда она отдавалась постороннимъ лицамъ, какъ бы въ жалованье, или награду. Такъ, во Всеволодовой грамотѣ о церковныхъ судахъ пятно съ русскихъ лошадей отдано было Иванскому сторожу.

Корчмиты. Эта пошлина упоминается только въ уставной грамотѣ Ростислава Смоленскаго, а именно въ слѣдующихъ выраженіяхъ: *„На Копысѣ корчмити невѣдомо что ся сойдетъ; на Прупаи 10 гривенъ, а изъ того епископу гривна, а въ корчмитѣхъ не вѣдати, что ся сойдетъ. Въ Лучинѣ мыта, корчмити не вѣдомо, что ся сойдетъ“*. Изъ этого свидѣтельства видно только то, что корчмита, какъ и прочія пошлины, по природѣ своей не была опредѣлена, но, судя по свидѣтельству грамоты, иногда отдавалась на откупъ, или на оброкъ; но

въ чемъ состояла эта пошлина, въ какихъ случаяхъ взималась, грамота этого не объясняетъ, а другихъ современныхъ свидѣтельствъ мы пока не имѣемъ. Но если судить по свидѣтельству позднѣйшихъ памятниковъ, въ которыхъ пошлина за вареніе и продажу пива и меду называлась корчмитою, то можно допустить, что въ XII вѣкѣ корчмита имѣла то же значеніе, какъ и въ позднѣйшее время.

Категорія собственно податей. Къ категоріи податей принадлежали во 1-хъ дань, 2) полюдье, 3) истужница, 4) урокъ или оброкъ, 5) почестье, 6) вѣно, 7) повозъ.

Данъ была извѣстна еще въ первый періодъ, но тогда она была неопредѣлена и собиралась съ двора, или съ дыма. Въ настоящемъ же періодѣ она была опредѣлена и назначалась на цѣлыя общины. Правительство обыкновенно назначало только съ какой области сколько слѣдуетъ дани, и общины уже сами собирали ее и доставляли правительству. Такъ, въ Ростиславовой грамотѣ сказано: „*Въ Торопчи дани 400 гривенъ, а епископу съ того взяти 40 гривенъ, а въ Жижици дани 130 гривенъ, а съ того епископу взяти 13 гривенъ, а въ Каспеси 100 гривенъ. а изъ того епископу взяти 10 гривенъ*“. Въ назначеніи податей правительство отличало богатыя области отъ бѣдныхъ и налагало на бѣдныя области меньшее количество податей, чѣмъ на богатыя. Точно также и сами общины производили разверстаніе податей между своими членами по животамъ и промысламъ.

Полюдье. Этотъ видъ податей также былъ одинъ изъ древнѣйшихъ. Константинъ Порфирородный, писатель X вѣка, уже упоминаетъ о полюдьи; по его словамъ русскіе князья ѣздили осенью къ славянскимъ племенамъ въ полюдье. Полюдье собиралось тремя способами: или самъ князь отправлялся за нимъ по областямъ, или посылалъ своихъ слугъ, или же собирали и доставляли князю полюдье сами общины. Первоначально полюдье давалось князю въ видѣ подарка при его объѣздѣ областей для суда и управы, но потомъ оно измѣнилось въ чистую дань, такъ что князь могъ напередъ опредѣлить сколько каждая область даетъ ему полюдья. Такъ, въ Ростиславовой грамотѣ прямо опредѣлено: „*на Копысь полюдья 4 гривны*“.

Истужницы. Этотъ видъ податей встрѣчается только въ одной Ростиславовой грамотѣ, гдѣ сказано; „*У Вержавленехъ у 9 великихъ погостъ дани 800 гривенъ, а предмѣра сто гривенъ; а на истужницѣхъ 100 гривенъ*“. Изъ этого свидѣтельства мы видимъ, что истужницы составляли особый видъ податей, и что подать эта опредѣлялась княземъ напередъ; но въ чемъ состояла эта подать, на комъ лежала и какъ сбиралась — на это мы не имѣемъ никакихъ свидѣтельствъ ни древнихъ, ни позднѣйшихъ.

Урокъ или оброкъ. Это былъ одинъ изъ разнообразнѣйшихъ видовъ податей и притомъ древнѣйшій; объ оброкахъ лѣтопись упоминаетъ еще при Ольгѣ, которая, по словамъ лѣтописи, уставила оброки и дани по Лугѣ. Оброкомъ вообще назывались всѣ виды повинностей и пошлинъ, когда онѣ раскладывались или переводились на землю, т. е. когда вмѣсто того, чтобы отправлять какую либо повинность или службу натурою, правительство соглашалось брать вмѣсто этого деньгами, или произведеніями промышленности, опредѣляя напередъ сумму, какую цѣлая область должна платить вмѣсто отправленія службы, или

повинности, и предоставляя самимъ общинамъ дѣлать раскладку долямъ этой суммы по вытямъ общинной земли; то же, когда правительство оброчило разныя торговыя и другія пошлины. Кромѣ того, оброкомъ назывались подати, собираемыя съ разныхъ угодій и промысловъ, напр. съ рыбныхъ ловель, съ солеваренъ, съ бортныхъ ухожаевъ, съ бобровыхъ гоновъ и вообще съ ловли звѣрей и другихъ промысловъ. Такъ, въ Ростиславовой грамотѣ упоминается объ оброкѣ съ рыбныхъ ловель въ Торопцѣ, и тамъ же объ оброкѣ съ ловли куницъ, лисицъ и съ бортныхъ ухожаевъ: *„А у Торопци урока 40 гривенъ и 15 лисицъ и 10 черныхъ кунъ, неводъ, бредникъ, трои сани рыбы, двѣ скатерти, три убрусы, берковескъ меду“*. Здѣсь мы видимъ, что оброкъ собирался и натурой и деньгами.

Почестье. Такъ, кажется, назывался прибавокъ къ оброку въ видѣ дара. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить изъ свидѣтельства Ростиславовой грамоты, гдѣ почестье именно показано, какъ пополненіе оброка; вотъ слова грамоты: *„Се отъ Мстиславля 6 гривенъ урока, а почестья гривна и три лисицы; отъ Копысы 6 гривенъ урока и двѣ лисицы, а почестья 35 кунъ; отъ Ростиславля три гривны, а почестья гривна и четыре лисицы“*. Изъ этого свидѣтельства мы еще видимъ, что почестье, также какъ и оброкъ, въ количествѣ своемъ опредѣлялось напередъ. Почестье, даръ, пополненіе при платежѣ оброковъ, было рѣшительно въ духѣ тогдашняго русскаго общества. Лучшимъ свидѣтельствомъ здѣсь служатъ дошедшія до насъ древнія купчія, гдѣ почти постоянно къ сторгованной цѣнѣ покупщикъ, или плательщикъ писалъ пополнку, почестье, даръ. Почестье существовало долго на Руси; въ московскомъ періодѣ оно было уже опредѣлено и называлось данскою пошлиною, которая была ничѣмъ инымъ, какъ процентомъ, прилагаемымъ къ дани. Такъ, напр. въ одной купчей XIV столѣтія сказано: *„Се купи Игнате село на Лукини береги и да Игнате на той земли 8 рублевъ и 20 сороковъ бѣлкъ, а пополнка за телицу полтретьядцатъ бѣлъ“*; или въ другой купчей: *„Се купи Филипъ лоскутъ земли и далъ Филипъ на той земли 50 бѣлъ да полоть мяса пополонка“*.

Вѣно. Объ этомъ платежѣ въ казну въ первый разъ упоминается въ грамотѣ Мстислава Великаго Юрьеву Новгородскому монастырю, гдѣ сказано: *„отдати Буице св. Георгеви съ данію и съ вирами и съ продажами и вѣно вотъское“*. Вѣномъ называлась пошлина, сбиравшаяся въ казну князя отъ браковъ; впослѣдствіи она стала называться вѣнечною пошлиною. Ее составляли двѣ доли, — *выводная куница* и *новоженный убрусъ*; первая доля платилась невѣстою, а вторая женихомъ. Вѣно или вѣнечная пошлина была различна, смотря по тому— была ли невѣста изъ той же волости, изъ которой и женихъ, или были они разныхъ волостей и разныхъ уѣздовъ. Если женихъ и невѣста были изъ разныхъ волостей, то вѣнечная пошлина была втрое больше противъ той, когда невѣста и женихъ были одной волости; если же они были не только изъ разныхъ волостей, но и изъ разныхъ уѣздовъ, то въ такомъ случаѣ платили втрое болѣе, чѣмъ если бы они были изъ разныхъ только волостей. Причина того была та, что при такихъ бракахъ то или другое общество, волость, или уѣздъ, теряло одного изъ своихъ членовъ работниковъ.

Повозъ. Это собственно была подводная повинность, а не подать, т. е. жители уѣзда были обязаны доставлять подводы и проводниковъ для казенныхъ надобностей. Но такъ какъ эту повинность можно было и не отправлять натурою, взнеся за нее напередъ деньгами и разложивъ этотъ платежъ по животамъ и промысламъ на цѣлую волость, или уѣздъ, то мало по малу изъ повинности образовалась подать, сперва подъ именемъ „повоза", а потомъ подъ названіемъ „ямскихъ денегъ", когда образовался особый классъ повозчиковъ или ямщиковъ, которыхъ правительство на собираемыя деньги устроивало особыми слободами по большимъ дорогамъ. Ямское устройство уже принадлежитъ ко второй половинѣ настоящаго періода,—по крайней мѣрѣ мы не встрѣчаемъ о немъ извѣстій въ памятникахъ первой половины.

Важнѣйшимъ также источникомъ княжескихъ доходовъ были *недвижимыя имѣнія*, составлявшія частную собственность князей, пріобрѣтенныя ими покупкою, или другими средствами. Съ этихъ имѣній князья получали доходы, какъ частные собственники. Они заводили тамъ разныя хозяйственныя заведенія для извлеченія большихъ выгодъ съ своихъ имѣній.

Торговля также продолжала быть источникомъ княжескихъ доходовъ. Подробностей объ этомъ предметѣ намъ не оставили тогдашнія лѣтописи; мы имѣемъ только одно лѣтописное извѣстіе о торговлѣ князей въ настоящемъ періодѣ, именно, лѣтопись говоритъ, что Владиміръ Васильковичъ, князь Волынскій, послалъ въ лодьяхъ по Бугу продавать жито въ землѣ Ятвяжской. Но нѣтъ сомнѣнія, что торговля у князей тогда была обильнымъ источникомъ доходовъ, потому что большая часть податей, собираемыхъ въ казну князя, вносилась разными произведеніями: хлѣбомъ, медомъ, воскомъ, звѣриными шкурами, рыбою, скотомъ и т. п. Этотъ сборъ произведеній, скапливавшійся у князей въ большихъ размѣрахъ, и служилъ предметомъ княжеской торговли. Княжеская торговля производилась или княжескими приставами—купчинами, или выборными отъ общества купцами, на которыхъ торговля княжими товарами налагалась какъ служба или повинность.

Наконецъ, къ княжескимъ доходамъ должно причислить разныя *угодья и промыслы*, уступленные князю народомъ; таковы были рыбные промыслы въ разныхъ рѣкахъ и озерахъ; солеваренные промыслы и разныя лѣсныя угодья, которыя отдавались или на оброкъ, или состояли за княжими людьми, доставлявшими князю, добываемыя ими, произведенія отъ угодій и промысловъ. Такъ, напримѣръ, въ лѣтописи подъ 1240 годомъ упоминается, что Даніилъ Романовичъ Галицкій приказалъ взять на себя всю добычу Коломыйской соли. Впрочемъ, такія угодья и промыслы, какъ можно судить по дошедшимъ до насъ грамотамъ, давались князьямъ только во временное пользованіе. Кромѣ того, и въ самой торговлѣ князья не имѣли монополій, а поэтому торговля ихъ нисколько не стѣсняла частной торговли и промышленности. Такъ, Святополкъ-Михаилъ кіевскій закупилъ было соль, чтобы возвысить цѣну, но явились конкуренты и князь принужденъ былъ сбавить свою цѣну на соль.

Доходы дружинниковъ въ настоящемъ періодѣ раздѣлялись на четыре вида: 1) доходы отъ управленія въ областяхъ, 2) отъ суда, 3) отъ помѣстій и 4) жалованье.

1) *Управленіе* составляло прямой доходъ дружинниковъ, почему и называлось кормленіемъ. Сколько и чего города должны были давать на содержаніе посадниковъ, тіуновъ и другихъ княжескихъ чиновниковъ — это всегда строго было опредѣляемо князьями и земщиною. Впрочемъ, кормленіе не составляло главнаго, постояннаго дохода дружинниковъ, потому что давалось только на время, на извѣстные сроки, по большей части на годъ, или много — на два года въ вознагражденіе за военныя услуги и потери, понесенныя ими во время войны.

Судебныя и административныя пошлины составляли второй видъ доходовъ дружинниковъ. Объ нихъ довольно подробно говорится въ Русской Правдѣ, изъ которой видно, что онѣ были строго опредѣлены закономъ; поэтому, дружинники могли требовать отъ народа только то, что дозволялось закономъ, а болѣе того они не имѣли права требовать. Къ тому же не только посадники, но и тіуны и другіе княжескіе чиновники въ то время часто смѣнялись и слѣдовательно не имѣли случая утвердить свою власть въ томъ, или другомъ мѣстѣ. Все это, вмѣстѣ взятое, послужило причиною того, что дружинники, которымъ поручалось управленіе и судъ въ городахъ и волостяхъ, не были притѣснителями и грабителями народа, такъ что строгая опредѣленность пошлинъ закономъ дѣлалась не столько для огражденія интересовъ народа, сколько для огражденія дружинниковъ отъ неподатливости народа, потому что безъ этого народъ не далъ бы имъ ничего, или давалъ бы имъ слишкомъ мало. Конечно, и въ то время бывали случаи, что посадники, тіуны и проч. дѣлали различныя вымогательства относительно подсудимыхъ и излишніе поборы, но это было не болѣе, какъ исключеніе изъ общаго правила; за такіе поборы Владимирцы изгнали Ростиславичей. Подобные примѣры хотя встрѣчаются въ исторіи, но рѣдко.

3) *Помѣстья* были основнымъ и постояннымъ доходомъ дружинниковъ. Помѣстья раздавались всѣмъ дружинникамъ, состоявшимъ на службѣ у князя, такъ что поступать на службу и получать помѣстья для дружинниковъ было одно и то же; дружинникъ былъ равнозначителенъ помѣщику. Князья особенно старались тогда распространять отдачу помѣстій дружинникамъ, чтобы болѣе привязать ихъ къ себѣ и такимъ образомъ сдѣлать ихъ болѣе ревностными защитниками княжескихъ владѣній. Этотъ порядокъ особенно сильно развитъ былъ въ тѣхъ владѣніяхъ, въ которыхъ утверждался одинъ какой-нибудь княжескій родъ, напримѣръ — въ Смоленскомъ княжествѣ, въ Галичѣ и другихъ. Дружинникъ, получивъ помѣстье, или самъ велъ въ немъ хозяйство, или же отдавалъ его въ аренду свободнымъ земледѣльцамъ. По свидѣтельству лѣтописей, дружинники, не имѣвшіе особенныхъ должностей при дворѣ княжескомъ, или въ городахъ и волостяхъ, въ мирное время жили обыкновенно въ своихъ помѣстьяхъ и занимались хозяйствомъ.

4) *Княжеское жалованье* раздавалось въ настоящемъ періодѣ не всѣмъ дружинникамъ, а только тѣмъ изъ нихъ, которые поступали на службу не иначе, какъ договорившись получать отъ него жалованье. Но разрядъ этихъ дружинниковъ былъ очень немногочисленъ; нѣкоторые князья вовсе не дѣлали условій съ дружинниками, чтобы давать имъ жалованье.

Денежная система въ 1-й половинѣ второго періода. Общіе знаки цѣнностей, называющіеся у насъ деньгами, въ первой половинѣ второго періода назывались кунами. Названіе „деньги“ — татарское, и оно вышло въ употребленіе на Руси только во 2-й половинѣ второго періода, во время татарскаго ига. Поэтому слово „деньги“ мы не встрѣтимъ ни въ одномъ изъ памятниковъ разсматриваемаго нами періода: во всѣхъ нихъ оно замѣняется словомъ куны (въ древнемъ переводѣ евангелія стоитъ кунолюбцы, т. е. сребролюбцы). Названіе знаковъ цѣнностей кунами произошло оттого, что въ то время мѣновымъ товаромъ на Руси служили обыкновенно шкуры разныхъ звѣрей и преимущественно шкуры куницъ, какъ у Римлянъ pecunia отъ pecus. Отыскавши, такимъ образомъ, общее названіе тогдашнихъ денегъ, слѣдуетъ опредѣлить тогдашній счетъ денегъ и прежде всего отыскать высшую денежную единицу, а потомъ показать виды низшихъ единицъ и отношеніе ихъ къ высшей.

Высшею монетною единицею въ то время считалась *гривна*. Гривнами назывались продолговатые серебряные слитки, немного подлиннѣе пальца и въ два пальца ширины. До насъ дошли только позднѣйшія гривны уже нѣсколько измѣненныя и относящіяся къ рублямъ, т. е. къ гривнамъ разрѣзаннымъ, разрубленнымъ; изъ настоящихъ же гривенъ до насъ дошло не болѣе двухъ экземпляровъ. Но на гривнахъ обыкновенно находимъ клейма княжескихъ городовъ. Гривна собственно означала вѣсъ металла — золота, или серебра, и почти равнялась нынѣшнему фунту. Но въ то же время она означала и монету и была равна греческой литрѣ, которая вѣсила на нашъ вѣсъ 72 золотника, или 68 золотниковъ стариннаго вѣса. Гривны были двухъ видовъ—гривны серебра и гривны кунъ. Первыя относились къ послѣднимъ, какъ 1 : 4. Впрочемъ, отношеніе между ними было не всегда одинаково. Такъ, по уставу Владимира Святославича отношеніе между ними было, какъ 1 : 7, или даже какъ 1 : $7^1/_2$. Слѣдовательно, въ началѣ второго періода отношеніе между гривнами было иное, и оно уже измѣнилось впослѣдствіи. Кромѣ того, въ этомъ же уставѣ опредѣляется еще отношеніе гривенъ золота къ гривнамъ кунъ; именно, золотая гривна=50 гривнамъ кунъ. Впрочемъ, я не думаю, чтобы гривны золота были мѣновою единицею, а прямо означали только вѣсъ золота, тогда какъ гривна серебра была ходячею монетою. Доказательство на это намъ представляетъ Волынская лѣтопись. Въ ней подъ 1288 годомъ говорится, что когда Владимиръ Всеволодовичъ, умирая, вздумалъ раздать свое имущество бѣднымъ, то для этого велѣлъ разбить свои серебряныя блюда и сосуды и передѣлать ихъ въ гривны. Напротивъ того, гривны кунъ означали скорѣе не вѣсъ, а только счетъ, подобно нынѣшнимъ англійскимъ фунтамъ стерлинговъ.

За гривнами слѣдовали *куны и рѣзани*, на которыя обыкновенно дѣлились въ счетъ гривны, какъ у насъ теперь рубли дѣлятся на гривны и копейки. Отношеніе кунъ къ гривнамъ было двоякое: до XII в. гривна содержала въ себѣ 25 кунъ, а съ XII она состояла уже изъ 50 кунъ. На сколько можно судить по дошедшимъ до насъ кладамъ (особенно въ этомъ отношеніи замѣчателенъ кладъ Нѣжинскій, открытый лѣтъ 20 тому назадъ, въ которомъ было множество

разныхъ монетъ, относящихся къ XII и даже къ XI вв., ко времени Владимира-Мономаха, Святополка-Михаила, Изяслава и Юрія Долгорукаго), кунами назывались монеты съ нашъ полтинникъ величиною, только нѣсколько тоньше его. Онѣ состояли изъ сплава нѣсколькихъ металловъ нецѣнныхъ. Рѣзанью называлась 50-я доля гривны. Эта монета появилась въ Приднѣпровьѣ только въ XII вѣкѣ и вѣроятно замѣнила куну, значеніе которой, какъ мы сказали, въ это время уже измѣнилось и она составляла уже не 25-ю долю гривны, а 50-ю.

Послѣ кунъ и рѣзаней при денежномъ счетѣ были тогда еще *ногаты*. Онѣ относились къ рѣзани, или къ кунѣ XII столѣтія, какъ 1 : $2^1/_2$. Слѣдовательно, въ гривнѣ считалось 20 ногатъ. *Бѣли*, или *бѣлка* по тогдашнему счету составляла 8-ю долю ногаты, или 160-ю долю гривны. Самою мелкою монетною единицею была такъ называемая *вѣкша* или *веверица*; ихъ въ кунѣ было 18, а въ гривнѣ 900. Все это было ничто иное, какъ переводъ на монету цѣнности шкуръ разныхъ звѣрей; такъ куна выражала цѣнность мѣха куницы, ногата—неизвѣстнаго намъ звѣрка, вѣроятно соболя, бѣлка выражала цѣнность мѣха горностая, а вѣкша цѣнность мѣха бѣлки.

Надобно замѣтить, что новгородскія деньги были почти вдвое тяжелѣе низовыхъ. Поэтому, встрѣчая въ какомъ-либо изъ новгородскихъ памятниковъ указаніе о той, или другой монетѣ, надобно различать, по какому счету оно употребляется въ данномъ случаѣ: по новгородскому, или по низовому. Такъ, напримѣръ, въ новгородской гривнѣ серебра считалось не 4, а $7^1/_2$ гривенъ кунъ, какъ это было установлено Владимиромъ Святославичемъ. Очевидно, въ Новгородѣ долѣе чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Руси удержались старыя отношенія монетныхъ единицъ.

Теперь остается разрѣшить послѣдній вопросъ о деньгахъ того времени: изъ какого матеріала они дѣлались. Памятники XI, XII и XIII вв. разрѣшаютъ намъ этотъ вопросъ двояко: они представляютъ свидѣтельства, что деньги того времени состояли изъ металловъ и изъ шкуръ звѣрей, слѣдовательно тогда деньги металлическія не успѣли еще вытѣснить звѣриныхъ шкуръ, какъ мѣновыхъ знаковъ. Въ Русской Правдѣ и другихъ памятникахъ того времени послѣднія всегда рѣзко отличались отъ первыхъ; такъ, о нихъ всегда говорится: „куна шерстью", „обѣушная бѣлка", или — „куны еже есть мордъ куней" и т. п. Притомъ и самый счетъ шкурокъ, какъ денегъ, былъ совершенно иной, чѣмъ счетъ денегъ металлическихъ: шкурки считались большею частью сороками, тогда какъ металлическія деньги считались всегда по другому счету. Металлическія деньги были двухъ сортовъ: одинъ изъ нихъ (гривны серебра) дѣлались изъ чистаго серебра высокаго достоинства, достоинства гораздо высшаго чѣмъ нынѣшнія деньги, а другія (куны, бѣлки и другія мелкія деньги) дѣлались изъ смѣшеннаго металла. Опредѣлить съ точностью, какіе именно металлы входили въ эту смѣсь - невозможно, мнѣ не приходилось подвергнуть ихъ химическому анализу, но во всякомъ случаѣ это смѣсь серебра съ нецѣнными металлами. Вотъ и все, что можно сказать о монетной системѣ того времени.

Законодательные памятники за первую половину второго періода. Отъ первой половины второго періода до насъ дошло нѣсколько законо-

дательныхъ памятниковъ. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ слѣдующіе: 1) уставъ Владимира Святославича „о судѣхъ церковныхъ и о десятинѣ“, 2) „Судный Законъ людемъ“—его же, 3) уставъ Ярослава о судахъ церковныхъ и 4) Русская Правда разныхъ редакцій, представляющая цѣлый кодексъ. Есть еще нѣсколько памятниковъ за этотъ періодъ, напримѣръ, уставъ Всеволода Мстиславича, уставныя и жалованныя грамоты разныхъ князей, но они не столь важны для насъ и поэтому мы не будемъ говорить о нихъ подробно.

Уставъ Владимира Св. „о судѣхъ церковныхъ и десятинѣ“; внѣшняя исторія устава. Первымъ по старшинству памятникомъ во 2-мъ періодѣ является уставъ В. К. Владимира Святославича „о судѣхъ церковныхъ и десятинѣ“. Вотъ его подлинное заглавіе: „Уставъ Св. князя Володиміра, крестившаго Русьскую землю, о церковныхъ судѣхъ“. Уставъ Св. Владимира дошелъ до насъ въ одной кормчей XIII столѣтія, хранящейся теперь въ Московской Синодальной библіотекѣ. Въ этой кормчей находится слѣдующая приписка; „въ лѣто 6790 написаны быша книги сія повѣленіемъ благовѣрнаго князя новгородскаго Дмитрія и стяжаніемъ боголюбиваго архіепископа новгородскаго Климента, и положены быша въ церкви Св. Софіи на почитаніе священникамъ и на послушаніе крестьеномъ и собѣ на спасеніе души“. Отсюда видно, что списокъ Владимирова устава сдѣланъ никакъ не позже 267 лѣтъ по смерти Владимира, и слѣдовательно старше 95 годами Лаврентьевскаго списка лѣтописи, который считается древнѣйшимъ и почти не потерпѣвшимъ искаженія, а тѣмъ менѣе мы можемъ подозрѣвать въ поддѣлкѣ, или искаженіи текста переписчика, который былъ старше мниха Лаврентія. Притомъ же уставъ былъ записанъ въ книгу по приказанію самого князя, и именно для почитанія и наученія, т. е. руководства въ дѣлахъ, какъ памятникъ законодательный, оффиціальный; поэтому, переписка его, конечно, была сдѣлана съ большею тщательностью, нежели переписка какой-нибудь лѣтописи. Мы также не можемъ предполагать, что уставъ былъ написанъ не Владимиромъ, а какимъ-либо монахомъ въ позднѣйшее время, т. е. въ XI, XII, или XIII столѣтіи, для какихъ-либо выгодъ, или привиллегій, потому что о поддѣлкахъ и ложныхъ актахъ такого рода въ нашей древней исторіи нѣтъ и помину; они нисколько не подходили къ характеру нашихъ прѣдковъ; даже въ гражданскомъ законодательствѣ того времени нѣтъ и вопроса о подложныхъ актахъ; слѣдовательно и въ жизни русскаго народа они тогда не встрѣчались; притомъ, поддѣлка, или сочиненіе подложныхъ актовъ, подобныхъ Владимирову, не могло доставить какихъ-либо выгодъ въ то время, ибо, какъ мы уже видѣли изъ сличенія уставовъ, князья руководствовались соображеніемъ мѣстныхъ обстоятельствъ, а не слѣдовали безотступно уставамъ своихъ предшественниковъ, да и самое отношеніе духовенства къ княжеской власти, сколько мы его знаемъ, вовсе не нуждалось въ подложныхъ актахъ. Притомъ, десятина и суды церковные, главныя привиллегіи, заключающіяся во Владимировомъ уставѣ, подтверждаются во 1-хъ лѣтописью, гдѣ при извѣстіи о построеніи десятинной церкви прямо сказано: „Владиміръ рекъ сице: даю церкви Святѣй Богородици отъ имѣнья моего и отъ градъ моихъ десятую часть“, а во 2-хъ, то же подтверждаютъ послѣдующіе уставы:

Всеволода, Святослава-Николая и Ростислава Мстиславича Смоленскаго. Наконецъ, языкъ Владимирова устава дышетъ неподдѣльною древностью, противъ которой не могли даже возражать и тѣ изслѣдователи, которые сомнѣвались въ подлинности устава; при сравненіи языка, которымъ написанъ уставъ, съ языкомъ Русской Правды, мы не встрѣчаемъ никакихъ подновленій въ первомъ, ни грамматическихъ, ни лексикологическихъ; предположить, что кто-нибудь могъ такъ поддѣлаться въ XIII, или XII столѣтіи, нѣтъ никакой возможности. Тѣмъ не менѣе относительно этого устава въ нашей ученой литературѣ было очень много споровъ. Многіе, въ томъ числѣ и Карамзинъ, считали его подложнымъ. Самою главною причиною сомнѣнія было то, что въ уставѣ Владимиръ говоритъ о себѣ: *„вспріялъ есмъ св. крещеніе отъ грецькаго царя и отъ Фотія, патріарха царегородьскаго“*. Въ этихъ словахъ повидимому заключается противорѣчіе: извѣстно, что патріархъ Фотій былъ современникомъ Рюрику, прадѣду Владимирову, и скончался въ IX вѣкѣ; во время же принятія Владимиромъ св. крещенія въ Константинополѣ былъ патріархомъ Николай Хризовергесъ; слѣдовательно, Владимиръ не могъ принять крещенія отъ патріарха Фотія. Дѣйствительно, выраженіе устава: „вспріялъ крещеніе отъ Фотія патріарха“ повидимому указываетъ на позднѣйшее составленіе устава, и притомъ человѣкомъ не свѣдущимъ въ византійской хронологіи. Но сомнѣніе, наводимое симъ выраженіемъ на уставъ, уничтожается само собою, если мы вникнемъ въ истинный его смыслъ и сообразимъ съ историческими данными X вѣка. Истинный смыслъ выраженія состоитъ въ томъ, что Владимиръ св. крещеніе и ученіе христіанское принялъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно содержалось православною церковью на востокѣ, и въ какомъ оно утверждено Фотіемъ, послѣ многихъ споровъ съ римскими папами, т. е. выраженіе *„вспріялъ есмь св. крещеніе отъ грецьскаго царя и отъ Фотія, патріарха царегородьскаго“* означаетъ не то, что Владимиръ крестился при Фотіѣ, но что принялъ крещеніе и ученіе православной церкви, утвержденной Фотіемъ. Болгары и Греки въ X столѣтіи говорили обыкновенно: *„Наша вѣра—вѣра Фотіева, наше благочиніе—Фотіево“*. Болгары и Греки такими выраженіями хотѣли представить, что они вѣруютъ православно, а не по ученію Римской церкви. Точно также и Владимиръ, современникъ Болгаръ, называвшихъ свою вѣру Фотіевой, и вѣроятно ученикъ Болгаръ въ христіанствѣ, легко могъ написать въ своемъ уставѣ, что онъ принялъ вѣру отъ Фотія, желая тѣмъ показать, что принятая имъ христіанская вѣра—истинная, православная, восточная, именно та самая, которую исповѣдуетъ византійскій императоръ и которую утвердилъ патріархъ Фотій цареградскій. Въ то время отдѣленіе западной церкви отъ восточной было еще очень свѣжо, и притязанія папъ на новопросвѣщенныхъ Греками Славянъ были еще настолько сильны и настойчивы, что какъ Болгары, такъ и Руссы, свидѣтельствуя свое православіе и принадлежность восточной, а не западной церкви, должны были говорить, что они приняли крещеніе отъ Фотія, т. е. ограждать себя Фотіевымъ именемъ отъ соединенія съ Римскою церковью. Замѣчательно, что и самое имя царя греческаго не упомянуто, тогда какъ въ предисловіи къ уставу по кормчей 1499 года прямо

сказано, что Владимиръ принялъ крещеніе въ 6490 году при царяхъ Константинѣ и Василіѣ. Такимъ образомъ, имя Фотія, повидимому наводящее сомнѣніе въ подлинности Владимирова устава, въ сущности своей, по соображенію съ исторіей того времени, служитъ однимъ изъ сильнѣйшихъ доказательствъ въ пользу подлинности устава; позднѣйшій составитель устава не могъ здѣсь употребить Фотіева имени, какъ ничего не подтверждающаго и не защищающаго. Редакцій устава пять: 1-я) отысканная митрополитомъ кіевскимъ Евгеніемъ въ одной Новгородской кормчей; эта редакція очевидно сокращенная; въ ней даже не упоминается Фотіева имени; 2-я) редакція находится въ степенной книгѣ; здѣсь уставъ представленъ въ выпискѣ, написанъ языкомъ позднѣйшимъ и съ новой разстановкою статей, принаровленною къ лѣтописному разсказу; 3-я) редакція напечатана въ 6-мъ томѣ Древней Россійской Вивліоѳики; здѣсь уставъ изложенъ съ ясными передѣлками, вставками изъ лѣтописей, съ дополненіями и объясненіями позднѣйшаго составителя и языкомъ новымъ, вѣроятно XVI столѣтія и даже XVII. Вотъ образчикъ этого языка; въ древнемъ уставѣ было сказано: „А се церковные суды: роспустъ, смильное, заставанье, пошибанье, промежи мужемъ и женою о животѣ“. Позднѣйшій же составитель написалъ по своему мудрованію: „А се управа и разсужденіе и суды церковные, святительскіе. Вѣнчанія, молитвы, обрученія и сихъ преобидѣнія, разпущенія, смильное, промежь мужемъ и женою нестроенія и брани, и о животѣхъ и душахъ ихъ“. Наконецъ, 4-я) редакція дошла до насъ въ спискѣ кормчей XIII столѣтія, о которой мы уже говорили выше. Эта редакція и по языку и по содержанію явно принадлежитъ древности. Списокъ этой редакціи напечатанъ археографическою коммиссіею въ 1-мъ томѣ дополненій къ Историческимъ Актамъ, и Карамзинымъ въ 506 примѣчаніи къ 1 тому Исторіи государства Россійскаго. Еще есть 5-я редакція въ одной кормчей 1499 года. Эта редакція весьма близка къ 4-й, но имѣетъ важное предисловіе, въ которомъ упоминаются имена греческихъ царей, при коихъ Владимиръ принялъ крещеніе.

Содержаніе устава. По содержанію своему уставъ Владимира дѣлится на 4 отдѣла. Въ первомъ изложено *правило о сборѣ десятины для церкви.* По правиламъ устава для церкви предоставлялось въ десятину: 1) десятая часть судебныхъ доходовъ князя, 2) десятая недѣля или десятая часть торговыхъ пошлинъ, собираемыхъ въ казну князя, и въ 3) десятая часть доходовъ отъ княжескихъ домовъ, стадъ и земли. Вотъ подлинныя слова устава: „.... *отъ всего княжа суда десятую вѣкшу, изъ торгу десятую недѣлю, а изъ домовъ на всякое лѣто, отъ всякаго стада и отъ всякаго жита Чудному Спасу и Чуднѣй Богородици*“. Эти правила для церковной десятины послужили образцемъ и для слѣдующихъ князей, которые, впрочемъ, въ своихъ изданіяхъ церковныхъ уставовъ не строго слѣдовали Владимирову уставу, а измѣняли его по обстоятельствамъ и по своимъ отношеніямъ къ церкви. Такъ, Ростиславъ Смоленскій далъ въ десятину Смоленской церкви десятую долю отъ всѣхъ своихъ доходовъ, не исключая даже и полюдья, и сверхъ того подписалъ ей нѣсколько селъ. Но, какъ извѣстно изъ исторіи, положеніе Ростислава было совсѣмъ другое, чѣмъ Владимирово. Ростиславу хотѣлось округлить свои владѣнія, но этому

много препятствовало положеніе духовенства въ его владѣніяхъ: въ Смоленскѣ не было своего епископа, и смоленское духовенство зависѣло отъ епископа черниговскаго, а такъ какъ Ростиславъ былъ вовсе не въ ладахъ съ княземъ черниговскимъ, то поэтому употреблялъ всѣ мѣры устроить такъ, чтобы въ Смоленскѣ былъ свой епископъ. Чтобы легче привести въ исполненіе свой планъ, Ростиславъ вошелъ въ сдѣлку съ черниговскимъ епископомъ и предложилъ епископскую каѳедру въ Смоленскѣ его племяннику, обѣщаясь назначить ему и всему смоленскому духовенству самую значительную десятину. Напротивъ того, Андрей Боголюбскій далъ въ десятину церкви хотя и болѣе того, что далъ Владиміръ, но все таки гораздо менѣе Ростислава. Боголюбскій далъ Владимирской церкви десятину отъ судныхъ и торговыхъ пошлинъ и отъ селъ своихъ. А въ нѣкоторыхъ владѣніяхъ и десятина отъ судебныхъ доходовъ князя не отдѣлялась въ пользу церкви. Изъ всего этого видно, что уставъ Владиміра вовсе не былъ непреложнымъ закономъ для послѣдующихъ князей.

Второй отдѣлъ, въ которомъ заключаются *правила о церковныхъ судахъ*, составленъ по византійскому Номоканону. (О десятинѣ въ византійскимъ Номоканонѣ нѣтъ и помину и Владиміръ, вѣроятно, заимствовалъ правила о церковной десятинѣ изъ узаконеній западной церкви). Церковному суду по уставу Владиміра подлежали:

1) Всѣ преступленія и тяжбы по дѣламъ семейнымъ: раздоры, похищенія, разводы, споры между мужемъ и женою, дѣла по наслѣдству, опекѣ и т. п.

2) Чародѣи, колдуны, составители отравъ и т. п.

3) Христіане, не оставлявшіе языческихъ суевѣрій и обрядовъ.

4) Оскорбители Церкви, церковные тати и гробограбители.

5) Всѣ дѣла, касавшіяся людей, состоявшихъ въ вѣдомствѣ церкви.

Судъ, по большей части этихъ дѣлъ былъ отдѣленъ на церковь, согласно съ греческимъ Номоканономъ. Но Владиміръ не удовлетворился греческимъ Номоканономъ, а желая какъ можно рѣзче отдѣлить своихъ подданныхъ — христіанъ отъ подданныхъ—язычниковъ, узаконилъ, чтобы во всѣхъ даже и въ свѣтскихъ судахъ вмѣстѣ съ княжескими судьями участвовалъ въ судѣ и митрополитъ, или его намѣстникъ, который бы пояснялъ то, или другое дѣло въ духѣ христіанскаго ученія. Въ уставѣ сказано такъ: *„А тіуномъ своимъ приказываю суда церковнаго не обидити, ни судити безъ владычня намѣстника“*.

Впрочемъ, пошлины со всѣхъ судовъ Владиміръ предоставилъ себѣ, а церкви опредѣлилъ выдѣлять только десятую часть. Въ уставѣ его говорится: *„И своимъ тивуномъ приказываю судовъ церковныхъ не обидѣти и съ суда давати девять частей князю, а десятая часть святѣй церкви“*. Такимъ образомъ, по уставу Владиміра, судъ церковный и судъ свѣтскій только обозначились, но еще не были раздѣлены; Владиміръ еще не могъ, или по крайней мѣрѣ не хотѣлъ рѣшиться раздѣлить ихъ.

Въ третьемъ отдѣленіи Владимірова устава находятся *правила о надзорѣ церкви за торговыми мѣрами и вѣсами*. Эта часть устава взята прямо изъ византійскаго законодательства, которое поручало епископамъ смотрѣть за торговыми вѣсами и мѣрами и хранить образцы

ихъ въ притворахъ церковныхъ; епископъ же отвѣчалъ и за исправность ихъ. Это узаконеніе долго существовало на Руси во всей своей силѣ и нѣсколько разъ было возобновляемо уставами XIV и XV вв. Оно существовало въ Смоленскѣ, Новгородѣ, Псковѣ и другихъ городахъ. Такъ, въ Смоленскѣ торговые вѣсы и мѣры находились въ притворѣ церкви Пресвятой Богородицы на горѣ, въ Новгородѣ, по свидѣтельству грамоты Всеволода, въ притворѣ церкви Іоанна Предтечи па Опокахъ, въ Псковѣ—въ церкви Св. Троицы. Порядокъ этотъ былъ общимъ во всей Европѣ: во всѣхъ европейскихъ государствахъ духовенство наблюдало за вѣсами и мѣрами, образцы которыхъ находились въ притворахъ церковныхъ. Изъ договорныхъ грамотъ Мстислава Давидовича съ Ригою и Готскимъ берегомъ и Новгородцевъ съ Гамбургомъ видно, что Нѣмецкіе купцы, проживавшіе въ Смоленскѣ и Новгородѣ, имѣли также въ своихъ церквахъ образцовые вѣсы и мѣры.

Въ четвертомъ отдѣленіи говорится *о людяхъ церковныхъ*, т. е. о лицахъ, находившихся въ вѣдомствѣ церкви. По уставу Владимира къ церковному вѣдомству принадлежали: 1) все духовенство, т. е. всѣ лица, служащія церкви съ ихъ семействами; 2) паломники и рабы, отпущенные на волю на поминъ души, пока они не приписывались ни къ какой общинѣ. Церковь, исходатайствовавшая вѣчную свободу рабамъ, брала ихъ и подъ свое покровительство, когда они оставались внѣ законовъ; они селились, большею частью, на церковной землѣ и для нихъ не было обязательнымъ приписываться къ какой либо общинѣ, потому что они на всю жизнь могли оставаться въ церковномъ вѣдомствѣ. Такъ, въ Новгородѣ были цѣлыя улицы, населенныя изгоями, т. е. лицами, не принадлежавшими ни къ какому изъ свѣтскихъ обществъ и состоявшими въ вѣдомствѣ церковномъ. 3) Всѣ престарѣлые, вдовы, сироты, хромцы, слѣпцы, и т. п. и 4) гостиницы, странноиріимные дома, больницы, и лѣкаря; послѣдніе были причислены къ церкви потому, что они прежде лѣчили волшебствомъ и призываньемъ нечистыхъ духовъ, церковь же дозволяла лѣчить только естественными средствами. Всѣ вышепоименованныя лица и учрежденія были въ полномъ вѣдѣніи церкви и всѣ дѣла, касавшіяся ихъ, какого бы рода они не были, рѣшались епископомъ или судьями, поставленными имъ. Въ уставѣ сказано: „*Митрополитъ, или епископъ, вѣдаетъ межи ими судъ, или обида, или котора, или вражда, или задница. Аже будетъ иному человѣку съ тѣмъ человѣкомъ рѣчь, то обчій судъ*". Такимъ образомъ, дѣла, касавшіяся вѣры и нравственности, а также и всѣ дѣла лицъ, находившихся въ церковномъ вѣдомствѣ, судились чисто церковнымъ судомъ; но если въ какомъ-нибудь дѣлѣ былъ замѣшанъ съ церковнымъ человѣкомъ и нецерковный, въ такомъ случаѣ они судились общимъ, смѣшаннымъ судомъ, въ которомъ вмѣстѣ съ церковными судьями присутствовали и свѣтскіе.

Значеніе устава. Владимировъ уставъ оставался во всей своей силѣ на Руси впродолженіи долгаго времени. Хотя онъ и подвергался въ разное время различнымъ измѣненіямъ и сокращеніямъ, но тѣмъ не менѣе въ основныхъ своихъ чертахъ оставался однимъ и тѣмъ же. Какъ первый уставъ, опредѣлившій отношенія русской церкви къ

обществу, онъ въ основныхъ своихъ положеніяхъ считался образцомъ для всѣхъ уставовъ послѣдующаго времени: на него ссылается Московскій соборъ 1556 года; мало того, даже патріархъ Адріанъ, современникъ Петра Великаго, ссылался на уставъ Владимира, какъ на одинъ изъ основныхъ законовъ русской церкви. Дѣйствительно, уставъ этотъ имѣетъ весьма важное значеніе, потому что имъ обозначился тотъ путь, которому и слѣдовало нововобращенное русское общество и князья въ своихъ отношеніяхъ къ Греціи. Отношенія эти были совершенно отличны отъ тѣхъ, въ какія становились къ римской церкви западно-европейскія государства, получившія отъ нея христіанство. Вмѣстѣ съ христіанской вѣрой они получаютъ отъ Рима и гражданскіе законы, точно также и всѣ церковные законы, какъ опредѣляющіе отношенія церкви къ обществу, такъ и чисто церковные. У насъ же напротивъ, со введенія христіанства изъ Греціи, князья по-прежнему издаютъ законы, и отъ Греціи заимствуютъ одни только законы церковные. Но изъ этихъ они берутъ цѣликомъ только законы чисто церковные; тѣ же, которые опредѣляютъ гражданскія отношенія церкви, наши князья издаютъ сами. Поэтому, между греческимъ Номоканономъ и Уставомъ Владимира заключается значительная разница. Номоканонъ былъ взятъ Владимиромъ только какъ образецъ для его устава. Такимъ образомъ отношенія русской церкви къ греческой, опредѣлившіяся уставомъ Владимира, были совершенно свободны.

Судный законъ; внѣшняя исторія. Этотъ законодательный памятникъ помѣщенъ въ Софійскомъ временникѣ рядомъ съ Русской Правдой подъ такимъ заглавіемъ: „Законъ судный людемъ“. Законъ этотъ былъ изданъ Владимиромъ вмѣстѣ съ его уставомъ, или по крайней мѣрѣ, вслѣдъ за нимъ. Несомнѣнно, что Судный Законъ чисто греческаго происхожденія; онъ есть ничто иное, какъ сборникъ церковно-гражданскихъ византійскихъ установленій, но онъ былъ составленъ не для Грековъ, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что до сего времени не найдено ни одного изъ византійскихъ сборниковъ законовъ, въ которомъ бы помѣщенъ былъ этотъ законъ. Къ такому же заключенію приводитъ и знакомство съ самымъ содержаніемъ Суднаго Закона. Поэтому надобно думать, что онъ былъ составленъ Греками для Русскихъ по принятіи ими христіанской вѣры, или, можетъ быть, для Болгаръ, которые приняли христіанство незадолго передъ Русскими. Когда и кѣмъ составленъ былъ Судный Законъ — на это нѣтъ прямыхъ указаній, но несомнѣнно то, что онъ появился на Руси еще при Владимирѣ Святомъ, и служилъ руководствомъ для суда по всѣмъ гражданскимъ дѣламъ и тяжбамъ. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то, что въ Русскую Правду, по мѣрѣ распространенія ея, постоянно вносимы были статьи изъ Суднаго Закона, иныя цѣликомъ, а иныя измѣненныя. На эту же мысль указываетъ и то обстоятельство, что Русская Правда въ первоначальномъ своемъ видѣ, изданная Ярославомъ, не имѣла статей по гражданскому праву, а только по уголовному; но естественно, ни одно общество не можетъ обойтись безъ законовъ гражданскихъ, а это заставляетъ думать, что въ одно время съ Русской Правдой на Руси существовалъ уже сборникъ гражданскихъ законовъ. Такимъ сборникомъ, вос-

полняющимъ Русскую Правду и былъ Судный Законъ. Такимъ образомъ, Судный Законъ есть существенный памятникъ гражданскаго законодательства на Руси временъ Владимира и Ярослава. Въ существованіи Суднаго Закона при Владимірѣ убѣждаетъ насъ и то, что этотъ князь чувствовалъ глубокое отвращеніе ко всему языческому и поэтому, конечно, желалъ имѣть законы христіанскіе, заимствованные изъ Византіи.

Источниками для составленія Суднаго Закона послужили: правила Василія Великаго, кодексы Θеодосія и Юстиніана, Базилики или царскія книги; Прохейронъ Василія Македонянина и сына его — Льва Философа; правила святыхъ отцевъ и даже нѣкоторые изъ законовъ Моисея.

Содержаніе Суднаго Закона. Судный Законъ раздѣляется на 32 главы, но это дѣленіе принадлежитъ уже позднѣйшему времени, мы не находимъ его въ древнихъ кормчихъ; притомъ же, въ немъ нѣтъ порядка и системы. Поэтому, не принимая въ основаніе прежняго дѣленія, мы раздѣлимъ Судный Законъ на нѣсколько отдѣловъ. Разбирать въ подробности Судный Законъ намъ нѣтъ надобности, а мы разберемъ только основныя его положенія.

I. Въ началѣ Суднаго Закона помѣщено узаконеніе императора Констанція *противъ язычниковъ*. Вотъ содержаніе его; *„Всяко село, въ немъ же бываютъ жертвоприношенія и другіе языческіе обряды, да отдастся въ храмъ Божій со всѣмъ имѣніемъ“*. Относительно этого закона надобно сказать, что ни въ Византіи, ни у насъ на Руси онъ не былъ строго обязательнымъ, такъ какъ мы знаемъ, что, какъ въ Византіи, такъ и на Руси, язычники были обращаемы въ христіанство преимущественно проповѣдью и убѣжденіемъ; по крайней мѣрѣ мы не знаемъ принимались ли на Руси для обращенія язычниковъ въ христіанскую вѣру какія-либо другія мѣры, кромѣ проповѣди.

II. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ статей *о порядкѣ суда, о свидѣтеляхъ и другихъ судебныхъ доказательствахъ*. Въ статьяхъ этихъ — онѣ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ вошли и въ Русскую Правду — заключаются важныя нововведенія относительно суда. Изъ этихъ нововведеній особенно важно узаконеніе о свидѣтеляхъ, какъ о главномъ судебномъ доказательствѣ. О свидѣтеляхъ въ Судномъ Законѣ, на основаніи кодекса Юстиніанова, говорится: *Всякъ творяй клеветы князю и судіи не послушате ихъ безъ свидѣтели многъ“*. Слѣдовательно, Судный Законъ опредѣляетъ во 1-хъ, что всякая жалоба на судѣ должна быть подтверждаема свидѣтелями, и что нельзя начинать искъ по такому дѣлу, которое не можетъ быть подтверждено свидѣтелями. Это совершенно новое узаконеніе на Руси, потому что по договорамъ Олега и Игоря, въ судѣ, какъ доказательство, требовалось поличное и рота. Но тѣмъ не менѣе этотъ законъ получилъ на Руси полную силу и вошелъ въ Русскую Правду Ярослава, въ которой говорится о видокахъ, т. е. свидѣтеляхъ — очевидцахъ. Такимъ образомъ, съ Суднымъ Закономъ проникли въ Русь нѣкоторыя формы византійскаго законодательства. Впрочемъ Судный Законъ не отвергаетъ и другихъ формъ суда; такъ напр. онъ допускаетъ судъ Божій или поединокъ въ томъ случаѣ, когда тяжущіеся не могли представить свидѣтелей или иныхъ судебныхъ доказательствъ правоты своего дѣла. Но эта форма суда

Божія первоначально не имѣла приложенія на Руси, по крайней мѣрѣ о ней не упоминается въ Русской Правдѣ, хотя въ ней и говорится объ испытаніи желѣзомъ и огнемъ, какъ о судебномъ доказательствѣ. Въ законодательныхъ памятникахъ XIII вѣка мы уже имѣемъ указанія о судебныхъ поединкахъ. Такъ, объ нихъ упоминается въ договорной грамотѣ (1229 г.) Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою, Готландомъ и нѣмецкими городами.

Во 2-хъ, Судный Законъ, согласно съ Византійскими законами, требуетъ, чтобы въ свидѣтели на судѣ принимались люди, заслуживающіе довѣрія, и чтобы число ихъ было въ большой тяжбѣ 18, а въ малой — отъ 3 до 7; требуетъ, чтобы свидѣтели на судѣ пользовались довѣріемъ и назначаетъ наказаніе за ложное свидѣтельство. Всѣ эти положенія прямо заимствованы изъ кодекса Юстиніана, или изъ эклоги Льва Философа. Но не смотря на свое иностранное происхожденіе, они имѣли на Руси полную силу и вошли впослѣдствіи въ Русскую Правду. Такъ, въ Русскую Правду вошло узаконеніе, заимствованное изъ Суднаго Закона, что рабы не должны быть допускаемы къ свидѣтельству, что свидѣтелями должны быть очевидцы и что свидѣтелей должно приводить къ присягѣ или ротѣ.

III. Судный Законъ представляетъ рядъ *Узаконеній по гражданскому праву*. Здѣсь 1-е мѣсто занимаютъ узаконенія относительно семейнаго права. На основаніи Эклоги Льва Философа, Судный Законъ налагаетъ тѣлесное наказаніе тому, кто имѣетъ двухъ женъ, или женится на родственницѣ. На основаніи Эклоги же Льва Философа, Судный Законъ запрещаетъ расторженіе брака и назначаетъ страшное наказаніе тому, кто расторгнетъ бракъ насильственною смертію, именно, мужъ, или жена, оказавшіеся преступными противъ этого закона, наказывались — сожженіемъ. За незаконную связь законъ назначаетъ отрѣзать носъ. Эти наказанія, какъ несогласныя съ духомъ русскаго общества, были смягчены уставомъ Ярослава и замѣнены денежной пеней.

2) Далѣе, въ Судномъ Законѣ слѣдуетъ узаконенія о наслѣдствѣ, о завѣщаніяхъ и объ опекѣ.

Относительно наслѣдства Судный Законъ, на основаніи Эклоги Льва Философа и Прохейрона Василія Македонянина, требуетъ, чтобы отецъ дѣлилъ свое имущество поровну всѣмъ; если же онъ одному даетъ больше, а другому меньше, или по гнѣву на кого-нибудь изъ дѣтей лишитъ наслѣдства, то дѣти, по смерти отца, могутъ передѣлиться. Относительно этого узаконенія надобно сказать, что оно едва ли имѣло силу на Руси, потому что мы видимъ узаконенія противоположныя этому: въ Русской Правдѣ говорится, что отецъ могъ дѣлить свое имущество, какъ хотѣлъ.

Относительно составленія духовныхъ завѣщаній, Судный Законъ постановилъ слѣдующія правила:

a) Духовныя завѣщанія должны начинаться исповѣданіемъ вѣры завѣщателя.

b) Въ завѣщаніи должны быть помѣщены распоряженія объ освобожденіи рабовъ, о выдачѣ части изъ имущества бѣднымъ, духовенству и церкви, о назначеніи части имущества женѣ и дѣтямъ Притомъ, сказано что завѣщатель не можетъ назначить женѣ болѣе половины своего имѣнія.

c) Чтобы завѣщаніе имѣло законную силу, для этого оно должно писаться при свидѣтеляхъ, которыхъ должно быть не менѣе 7. Въ свидѣтели при написаніи завѣщанія должны браться люди, заслуживающіе довѣрія.

d) Самъ завѣщатель при составленіи завѣщанія долженъ находиться въ здравомъ умѣ и твердой памяти и долженъ назначить душеприкащиковъ и опекуновъ, которые бы послѣ его смерти исполнили его волю.

Относительно душеприкащиковъ и опекуновъ Судный Законъ постановляетъ:

a) Душеприкащиками и опекунами должны быть не пьяницы, не расточители и не состоящіе во враждѣ съ женою, или съ дѣтьми завѣщателя. Въ душеприкащики и опекуны законъ допускаетъ и рабовъ, отпущенныхъ на волю.

b) Душеприкащики и опекуны должны принимать имущество по смерти завѣщателя при свидѣтеляхъ и въ распредѣленіи и употребленіи его руководствоваться завѣщаніемъ, если бы даже этому и противились жена, или дѣти покойнаго.

c) Если душеприкащики и опекуны будутъ поступать несправедливо, нарушая завѣщаніе въ ущербъ жены и дѣтей, то обиженные могутъ жаловаться на нихъ особому сиротскому судьѣ. (Скорѣе епископу, или его намѣстнику, потому что уже въ уставѣ о дѣлахъ церковныхъ всѣ дѣла по опекѣ отнесены къ суду епископскому).

d) Ежели душеприкащикъ или опекунъ расточитъ порученное ему имѣніе, то по суду подвергается тѣлесному наказанію, а имѣніе обязывается возвратить все подъ клятвою и сверхъ того придать половину изъ своего имѣнія.

Всѣ эти узаконенія, взятыя, большею частью, изъ Прохейрона Василія Македонянина, по всему вѣроятію были дѣйствующимъ закономъ въ одно время съ Русской Правдой. Это видно изъ того во 1-хъ, что дѣла по духовнымъ завѣщаніямъ и опекѣ по уставу Ярослава предоставлены церковному суду, а во 2-хъ изъ того, что Русская Правда, подробно излагая статьи о наслѣдствѣ по закону, совсѣмъ не упоминаетъ ни о наслѣдствѣ по завѣщанію, ни объ опекунахъ и душеприкащикахъ по завѣщанію. Изъ этого можно заключать, что по этимъ дѣламъ тогдашніе судьи руководствовались Суднымъ Закономъ.

3) Къ узаконеніямъ Суднаго Закона по праву гражданскому относятся *узаконенія о договорахъ поклажи* (отдачи чего нибудь на сохраненіе), *займа и ссуды.*

Относительно поклажи Судный законъ говоритъ: ежели кто приметъ что либо отъ другого на сохраненіе, и ежели взятое будетъ у него украдено, то въ случаѣ неотысканія вора, взявшій на сохраненіе обязуется дать клятву въ томъ, что у него дѣйствительно украдено, что онъ не обманываетъ, не скрываетъ взятаго, и ежели онъ будетъ уличенъ въ противномъ, то долженъ заплатить вдвое. Это узаконеніе вошло и въ Русскую Правду; въ ней говорится, что при отдачѣ на сохраненіе чего либо не требуются свидѣтели, и въ случаѣ спора, принявшій на сохраненіе обязуется только очистить себя клятвою.

Относительно займа Судный Законъ говоритъ: при отдачѣ взаймы недолжно брать процентовъ. Это узаконеніе взято изъ Моисеева за-

кона. Оно не имѣло силы на Руси, ибо мы знаемъ, что по Русской Правдѣ, брать проценты тогда дозволялось.

Относительно ссуды или найма Судный Законъ представляетъ слѣдующія статьи, заимствованныя изъ Новеллъ Юстиніана: a) если конь, взятый кѣмъ либо у хозяина на извѣстный срокъ, падетъ, то взявшій у хозяина обязанъ заплатить цѣну коня хозяину его.

b) Своевольно, безъ согласія хозяина, взявшій чужого коня признается воромъ и подвергается тѣлесному наказанію. Эта статья вошла въ Русскую Правду еще при Ярославѣ, но только въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, именно—въ Русской Правдѣ тѣлесное наказаніе замѣнено пеней.

c) Уморившій какимъ либо образомъ чужую скотину долженъ заплатить хозяину ея двойную цѣну и сверхъ того подвергается тѣлесному наказанію. Эта статья также вошла въ Русскую Правду, а тѣлесное наказаніе въ ней замѣнено пенею въ 12 гривенъ.

d) Земледѣлецъ, взявшій землю по найму и не доработавшій по договору, лишался найма.

IV. Судный Законъ заключаетъ въ себѣ рядъ узаконеній *по уголовному праву.*

1) Въ первыхъ четырехъ статьяхъ этого отдѣла запрещаются порочныя связи съ рабынями и вообще — *развратная жизнь.* За нарушеніе этого закона назначалось отрѣзываніе носа, или палочные удары. Узаконеніи эти взяты изъ Эклоги Льва Философа и Прохейрона Василія Македонянина. Оно вошло и въ Русскую Правду, но только тамъ палочные удары и отрѣзываніе носа замѣнены денежной пеней и церковной эпитеміею.

2) Далѣе, Судный Законъ говоритъ *о поджогѣ.* Статья о поджогѣ взята также изъ Эклоги Льва Философа. За поджогъ въ ней назначается смертная казнь. Статья эта вошла въ Русскую Правду въ измѣненномъ видѣ: Русская Правда назначаетъ брать изъ имѣнія поджигателя часть на вознагражденіе пострадавшаго отъ поджога, а остальное имѣніе на потокъ и разграбленіе, самъ же преступникъ отдавался князю.

3) *За убійство свободнаго человѣка* Судный Законъ назначаетъ смертную казнь. Этому же наказанію подвергается разбойникъ, а также и нанесшій смертельную рану во время ссоры. Если же рана не смертельная и раненый выздоровѣетъ, то ранившій обязывался заплатить только за его лѣченіе. Равнымъ образомъ, смертная казнь назначается тому, кто нанесетъ побои беременной женщинѣ, если она отъ этого выкинетъ мертваго ребенка. Относительно тѣлесныхъ наказаній, назначаемыхъ Суднымъ Закономъ, надобно замѣтить, что они были замѣнены вѣроятно еще при Владимирѣ денежной пеней, потому что онѣ были не въ духѣ русскихъ того времени, а смертная казнь считалась только правомъ частной мести.

4) *Относительно наказаній за воровство* Судный Законъ за кражу церковную назначаетъ, на основаніи Эклоги Льва Философа, продажу, или ссылку. Но если кто либо будетъ три раза пойманъ въ церковной кражѣ, тому законъ назначаетъ отрѣзываніе носа и выкалываніе глазъ. По Владимирову и Ярославову уставамъ, церковная татьба была предоставлена церковному суду. Ежели кто украдетъ свободу другого,

т. е. продастъ его, или обратитъ въ рабство незаконно, тотъ самъ отдавался въ рабство. Впослѣдствіи эта статья была внесена въ Русскую Правду только относительно закуповъ. Въ отношеніи же порабощенія, или продажи совершенно свободнаго человѣка, вѣроятно оставалась во всей силѣ статья Суднаго закона, по крайней мѣрѣ мы не находимъ ея отмѣненія ни въ Русской Правдѣ, ни въ другихъ узаконеніяхъ того времени.

5) *За кражу коня и оружія* Судный Законъ назначаетъ обращеніе въ рабство и тѣлесное наказаніе. Въ Русской Правдѣ за это преступленіе назначена пеня въ 3 гривны. Укравшій овцу, или теленка по Судному Закону долженъ былъ отдать 5 овецъ, или 5 телятъ. По Русской Правдѣ укравшій долженъ былъ платить пять кунъ, какъ за овцу, такъ и за теленка. Если укравшій будетъ чей либо рабъ, то Судный Законъ предоставляетъ хозяину его на волю — или выкупать раба, или отдавать его тому, у кого совершена была кража. Это узаконеніе вполнѣ вошло и въ Русскую Правду.

6) *При защитѣ допускалось убить вора*: если кто убьетъ вора, говоритъ Судный Законъ, защищая свое имущество, то не подлежитъ никакому наказанію; но подвергается наказанію тотъ, кто, поймавъ вора ночью, продержитъ его до утра и потомъ убьетъ, а не представитъ куда слѣдуетъ. Это узаконеніе перешло и въ Русскую Правду.

7) Наконецъ, узаконеніе *о защитѣ церкви*, помѣщенное въ Судномъ Законѣ, взято изъ Новеллъ Юстиніана. Прибѣгающій къ церкви долженъ былъ объявить священнику свою вину и тогда священникъ давалъ ему убѣжище въ церкви, при чемъ желающій похитить прибѣгшаго къ защитѣ церкви подвергался 140 палочнымъ ударамъ и предавался суду. Къ защитѣ церкви на Руси прибѣгали рѣдко, потому что каждый членъ общества принадлежалъ къ какой либо общинѣ и пользовался ея защитой. Такъ, мы знаемъ не болѣе четырехъ случаевъ за XVI и XVII вв., въ которыхъ обращались къ церкви, прося убѣжища. Въ Римѣ же и въ западныхъ государствахъ прибѣжище къ церкви было необходимо, такъ какъ тамъ не было общины. Вотъ и всѣ статьи Суднаго Закона, взятыя изъ византійскихъ источниковъ.

V. Въ Софійскомъ спискѣ къ Судному Закону присоединено еще четыре статьи. Статьи эти чисто русскаго происхожденія. Онѣ въ особенности замѣчательны тѣмъ, что указываютъ на нѣкоторые старинные русскіе обычаи, отзывающіеся глубокою, дохристіанскою стариною.

1-я статья говоритъ: *о дѣтяхъ*, или, какъ говорится въ самомъ спискѣ Суднаго Закона: *„о дѣтяти“*: *„Аще дадятъ дитя выкормити доильницѣ* (кормилицѣ), *а само разумѣетъ лжицу взяти, прокорма три гривны взяти“*. Эта статья указываетъ на старинный русскій и скандинавскій обычай отдавать трех- и четырехлѣтнихъ дѣтей на воспитаніе. Первоначально законодательство не касалось отдачи дѣтей на воспитаніе, но съ теченіемъ времени были изданы нѣкоторыя правила, опредѣлявшія условія воспитанія. На воспитаніе тогда отдавали мальчиковъ и дѣвочекъ, и воспитаніе тѣхъ и другихъ ничѣмъ не отличалось одно отъ другого; какъ въ мальчикахъ, такъ и въ дѣвочкахъ старались преимущественно развивать физическую силу и ловкость.

Относительно гражданскихъ правъ мужчинъ и женщинъ того времени надобно замѣтить, что тогда существовала полная равноправность мужчинъ и женщинъ.

2-я статья говоритъ *о службѣ изъ прокорма* во время голода. Статья эта слѣдующая: ежели кто во время голода пойдетъ въ услуженіе изъ-за корма, то онъ ни въ какомъ случаѣ не обращается въ рабство и можетъ отойти, когда хочетъ, заплативъ за прокормъ три гривны и отслуживъ даромъ опредѣленный срокъ.

3-я статья свидѣтельствуетъ *о законной цѣнѣ стога сѣна*. „*А за стогъ*, сказано въ этой статьѣ, *за тяжебный, за сѣнный гривна кунъ, а за тяжа ненадобно*". Въ Русской Правдѣ судебная оцѣнка сѣна выражена иначе; тамъ сказано: „*А въ сѣнѣ въ дровѣхъ, колько будетъ возъ крадено, господину платити по двѣ ногаты за нъ*". А въ другомъ мѣстѣ Русской Правды стогъ сѣна также оцѣненъ въ гривну кунъ. Слѣдовательно, въ стогѣ полагалось десять возовъ, такъ какъ мы знаемъ, что въ гривнѣ считалось 20 ногатъ.

4-я статья говоритъ *о пеняхъ за безчестье*: „*А за бесчестье гривну золота, аже будетъ баба была въ золотѣ и мати взяти ему 50 гривенъ за гривну золота. Аже будетъ баба не была въ золотѣ, а по матери ему не взяти золота, взяти ему гривну серебра, а за гривну серебра полъ осми гривнѣ*" ($7^1/_2$ гривенъ кунъ). Эта статья указываетъ на древній обычай опредѣлять достоинство, происхожденіе человѣка не по отцѣ, а по матери и бабкѣ. Этотъ порядокъ существовалъ не въ одной Руси, но и въ другихъ древнихъ государствахъ. Въ Аѳинахъ, напр., если дѣти были не отъ аѳинянки, то не считались гражданами; примѣромъ служитъ Кимонъ, сынъ Мильтіада, отъ скиѳянки; такимъ же былъ у насъ Владиміръ, получившій отказъ при сватовствѣ Рогнѣды оттого, что былъ сынъ рабыни; такъ было и въ Скандинавіи. При существованіи многоженства такой порядокъ очень естественъ, такъ какъ на ряду съ свободными женами часто были рабыни; слѣдовательно, родившіяся дѣти, имѣя одного отца, должны были различаться по происхожденію и по матери.

Уставъ Ярослава о судѣхъ церковныхъ. Внѣшняя исторія. Относительно этого памятника надобно сказать, что онъ, по своему значенію, принадлежитъ къ самымъ важнымъ памятникамъ законодательства первой половины второго періода; но, къ несчастію, онъ дошелъ до насъ въ позднѣйшихъ спискахъ очень искаженныхъ. Мы имѣемъ собственно четыре редакціи этого памятника.

Свитокъ Ярослава, который былъ представленъ кіевскимъ митрополитомъ Іосифомъ великому князю литовскому Александру въ 1499 году для подтвержденія правъ кіевской церкви. Списокъ этотъ самый искаженный. Онъ былъ искаженъ умышленно для увеличенія правъ духовенства и съ цѣлію совершеннаго отдѣленія церкви отъ свѣтскаго общества.

Вторая редакція Устава Ярославова помѣщена въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ. Редакція эта относится къ 1553 году. Въ ней хотя и нѣтъ умышленныхъ искаженій Устава Ярославова, но тѣмъ не менѣе она даетъ намъ очень незначительное знакомство съ этимъ памятникомъ, потому что передаетъ его слишкомъ сокращенно.

Третья редакція Ярославова Устава найдена Карамзинымъ въ разныхъ рукописныхъ сборникахъ XVI столѣтія и напечатана во второмъ томѣ его „Исторія государства Россійскаго“. Она была еще прежде напечана Бергомъ въ его историческомъ описаніи россійскихъ законовъ. Проф. Бѣляевъ нашелъ списокъ этой редакціи въ одной рукописной Кормчей 1499 года, хранящейся въ библіотекѣ Московскаго Чудова монастыря, современной свитку Ярославлю. По содержанію этотъ списокъ гораздо лучше списковъ двухъ первыхъ редакцій и близко подходитъ къ списку, помѣщенному въ лѣтописи Переяславля Суздальскаго, хотя нѣсколько сокращеннѣе его и кажется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подновленнымъ.

Четвертая, самая лучшая *редакція Ярославова Устава* относится также къ XV вѣку. Она помѣщена въ лѣтописи Переяславля Суздальскаго, изданной во Временникѣ Историческаго Общества. Хотя и этотъ списокъ не лишенъ искаженій, но въ немъ осталось болѣе слѣдовъ древности. На сколько осталось въ немъ этихъ слѣдовъ — мы не можемъ опредѣлить, но тѣмъ не менѣе списокъ этотъ, за неимѣніемъ другого, болѣе древняго, надобно признать самымъ лучшимъ.

Разбирать Уставъ Ярослава въ подробности намъ нѣтъ никакой надобности; поэтому, мы коснемся этого памятника только въ главныхъ, характеристическихъ чертахъ его.

На основаніи всѣхъ списковъ Ярославова Устава, дошедшихъ до насъ, мы можемъ заключить, что онъ написанъ дѣйствительно Ярославомъ. По общему смыслу его, какой можно вывести изъ трехъ послѣднихъ редакцій, онъ не только не противорѣчитъ Русской Правдѣ, но даже убѣждаетъ въ томъ, что онъ былъ изданъ одновременно съ Русской Правдой, потому что въ немъ, даже по позднимъ редакціямъ, замѣтны измѣненія Владимирова Устава, вполнѣ согласныя съ Русской Правдой.

Содержаніе Устава. Отличительныя черты Ярославова Устава состоятъ въ слѣдующемъ:

1. Ярославъ въ своемъ уставѣ отдѣляетъ церковный судъ отъ свѣтскаго. По Владимирову уставу на церковномъ судѣ долженъ былъ присутствовать княжій тіунъ, а на свѣтскомъ — епископскій намѣстникъ; у Ярослава же этого нѣтъ. Ярославъ, согласно съ греческимъ Номоканономъ, рѣшается совершенно отдѣлить церковный судъ отъ свѣтскаго.

2. Владимиръ въ своемъ уставѣ старался, сколько можно, распространить церковный судъ на всѣ виды дѣлъ. Ярославъ же, напротивъ, допускаетъ церковный судъ только надъ дѣлами, касающимися церкви, нравственности и семейныхъ отношеній; въ Уставѣ его судъ церковный прямо названъ судомъ *„надъ грѣховными вещьми духовными“*. Притомъ же хотя судъ по этимъ дѣламъ Ярославъ и предоставляетъ епископу и даже отказывается отъ своихъ девяти частей судныхъ доходовъ по этимъ дѣламъ, но приводить въ исполненіе приговоры церковнаго суда онъ предоставляетъ гражданской власти, а не церковной. Здѣсь Ярославъ вполнѣ слѣдовалъ византійскимъ законамъ, въ которыхъ церковному суду предоставлялось налагать только духовныя наказанія. Это составляетъ самую характеристическую черту Ярославова Устава, которая удерживается постоянно въ нашемъ за-

конодательствѣ и такъ рѣзко отличаетъ его отъ законодательствъ западной Европы, которыя предоставляли духовенству право налагать и тѣлесныя наказанія и которыя довели западную Европу до ужасовъ инквизиціи.

3. Ярославовъ Уставъ, оставляя неприкосновеннымъ епископскій судъ надъ людьми, принадлежащими церкви, тѣмъ не менѣе исключаетъ изъ этого суда и лицъ церковныхъ по дѣламъ уголовнымъ. Такъ Ярославъ говоритъ въ своемъ Уставѣ, что онъ отдалъ „*Святителемъ тыя духовныя суды судити оприсно мірянъ, развѣ татьбы съ поличнымъ, тожъ и душегубленіе; а въ иныя дѣла никакожъ моимъ не вступатися, иже отъ рода моего вступиться, да будетъ проклятъ*". Такой порядокъ сохраняется во всѣхъ жалованныхъ грамотахъ духовенству даже въ XVI столѣтіи; во всѣхъ этихъ грамотахъ судъ по уголовнымъ дѣламъ предоставляется одному князю. Такимъ образомъ, и въ томъ искаженномъ видѣ, въ какомъ дошелъ до насъ Уставъ Ярослава, онъ служитъ для насъ однимъ изъ важнѣйшихъ законодательныхъ памятниковъ первой половины второго періода.

4. Владимиръ въ своемъ Уставѣ нигдѣ не опредѣлилъ наказаній за преступленія, очевидно предоставляя церковнымъ судьямъ руководствоваться Номоканономъ; Ярославъ же вездѣ замѣнилъ тѣлесныя наказанія Номоканона денежными пенями.

Русская Правда. Русская Правда изъ всѣхъ памятниковъ 1-й половины 2-го періода отличается чисто русскимъ характеромъ, выработаннымъ русскою жизнью; она свидѣтельствуетъ о тѣхъ юридическихъ вѣрованіяхъ, коими жило русское общество того времени, хотя и въ ней есть нѣсколько статей не русскаго происхожденія (изъ Суднаго Закона), но онѣ передѣланы на русскій ладъ. Въ Судномъ Законѣ, Уставѣ Владимира видно вліяніе византійскаго права; здѣсь же все чужеземное откинуто и все заимствованное передѣлано по-русски. У насъ подъ именемъ Русской Правды разумѣется сборникъ законодательныхъ памятниковъ и называется Правдою Русскою Ярослава Владимировича. Но Ярославъ издалъ лишь первыя семнадцать статей. Затѣмъ этотъ памятникъ постоянно пополнялся впослѣдствіи. Есть прибавленія сыновей Ярослава, Мономаха и другихъ. Нѣкоторыя прибавленія относятся даже къ концу XII в. и началу XIII-го. Изъ этого памятника видно, какъ росли и измѣнялись юридическія вѣрованія общества. Одинъ и тотъ же вопросъ рѣшается нѣсколько разъ и притомъ различно.

Внѣшняя исторія Русской Правды. Начнемъ съ литературы этого памятника. Первое ученое открытіе Русской Правды въ позднѣйшее время принадлежитъ Татищеву, который отыскалъ ее въ одной Новгородской лѣтописи XV вѣка, и, объяснивъ ее своими примѣчаніями, представилъ въ Императорскую Академію въ 1738 году. Потомъ Шлецеръ, пользуясь спискомъ ли Татищева, или какимъ другимъ близко подходящимъ, издалъ Русскую Правду въ первый разъ въ 1767 году. Списокъ Правды, который былъ у Татищева, принадлежитъ къ древнѣйшей редакціи этого памятника. Черезъ 20 лѣтъ послѣ Шлецеровскаго изданія найдены еще два списка Русской Правды: одинъ отысканъ въ Ростовской лѣтописи; онъ представляетъ весьма немногія, но довольно важныя отмѣны противъ упомянутаго Новгородскаго,

и употребленъ Академіею въ дополненіе при изданіи Татищевской рукописи, которая была напечатана Академіею во 2-й книгѣ продолженія Древней Вивліоѳики. Второй списокъ доставленъ въ Академію Крестининымъ; онъ выписанъ изъ одной Кормчей, принадлежавшей сольвычегодской Благовѣщенской церкви. Списокъ сей гораздо полнѣе прежнихъ и совершенно позднѣйшей редакціи; въ немъ уже находятся законы Владиміра Мономаха. Онъ напечатанъ въ 3-части продолженія Древней Вивліоѳики.

Потомъ отысканы еще шесть списковъ Русской Правды въ 1791 году и по симъ спискамъ извѣстный изслѣдователь древностей, генералъ-маіоръ Болтинъ, составилъ новое изданіе Русской Правды въ 1792 году, въ С.-Петербургѣ; потомъ оно безъ перемѣнъ было повторено въ 1799 году въ Москвѣ. Изданіе это сдѣлано съ переводомъ Правды на новый языкъ и съ разными примѣчаніями, но въ немъ важный недостатокъ въ томъ, что издатель не позаботился описать рукописей, которыми пользовался, и, принявши одну рукопись за главный оригиналъ, вносилъ въ текстъ варіанты изъ другихъ рукописей безъ означенія, что это именно варіанты и взяты изъ такой-то рукописи. Рукописи, которыми пользовался Болтинъ, очевидно содержали въ себѣ Правду позднѣйшей редакціи, ибо въ изданіи помѣщены и законы Мономаха. Вообще изданіе Русской Правды Болтина полнѣе Крестининскаго.

Въ 5-й разъ Русская Правда издана Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ, въ первой части достопамятностей въ 1815 году, по списку взятому изъ Кормчей XIII столѣтія, хранящейся въ синодальной библіотекѣ и считающейся древнѣйшею изъ всѣхъ донынѣ извѣстныхъ. Это изданіе общества отличается предъ всѣми другими вѣрностію и отчетливостію, съ которыми былъ снятъ подлинникъ и напечатанъ текстъ; при немъ есть варіанты изъ прежнихъ изданій и ученое предисловіе, составленное Калайдовичемъ. Самая рукопись, по содержанію одинаковая съ Болтинскою, много разнится особымъ порядкомъ статей; относится она къ XVI вѣку, хотя и помѣщена въ Кормчей XIII вѣка.

6-е изданіе Русской Правды находится въ Софійскомъ Временникѣ, изданномъ подъ редакціею Строева въ 1821 году по двумъ вновь открытымъ рукописямъ XV и XVI столѣтій. Здѣсь Русская Правда издана въ полнѣйшемъ видѣ со многими прибавленіями противъ прежнихъ изданій.

7-е изданіе Русской Правды сдѣлано по списку XIII вѣка, принадлежавшему Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ. Оно находится во 2-й части достопамятностей, напечатанной въ 1843 году; симъ изданіемъ занимался членъ общества г. Дубенскій. Текстъ Русской Правды въ рукописи, съ которой напечатано сіе изданіе, по полнотѣ принадлежитъ къ одному разряду съ списками Синодальнымъ и Крестинина, но отличается отъ того и другого порядкомъ расположенія нѣкоторыхъ статей и прибавленіемъ статьи о конѣ порченомъ и коньи. Ближе всѣхъ подходитъ къ этой редакціи списокъ Русской Правды, помѣщенный въ Кормчей XV вѣка, принадлежащей библіотекѣ Чудовскаго монастыря.

8-е изданіе Русской Правды сдѣлано профессоромъ Калачевымъ въ его изслѣдованіи о Русской Правдѣ, изданномъ въ 1846 году. Въ этомъ изданія текстъ Правды напечатанъ по 30 спискамъ и расположенъ въ извѣстномъ порядкѣ статей, не въ томъ, въ какомъ они находились въ которомъ либо изъ списковъ, а въ порядкѣ, придуманномъ самимъ издателемъ; а именно—всѣ статьи Русской Правды у него разбиты на 4 отдѣла: въ 1-мъ помѣщены статьи, относящіяся къ государственному праву, во 2-мъ—къ гражданскому праву, въ 3-мъ—статьи, относящіяся къ преступленіямъ и наказаніямъ, и въ 4-мъ статьи, относящіяся къ судопроизводству. Такое раздѣленіе статей, конечно, показываетъ полный составъ Русской Правды, но имѣетъ то важное неудобство, что уничтожаетъ настоящій характеръ памятника, представляетъ его не въ томъ видѣ, каковъ онъ есть самъ по себѣ.

9-е изданіе Русской Правды выдано въ свѣтъ въ томъ же 1846 году тѣмъ же профессоромъ Калачевымъ; оно составлено по четыремъ спискамъ разныхъ редакцій, по каждому списку отдѣльно: 1-е по списку Академическому, тому самому, по которому въ первый разъ была издана Русская Правда Шлецеромъ, списокъ этотъ XV вѣка; 2-е по Троицкому списку, относящемуся къ концу XIV вѣка; редакція Правды находящейся въ семъ спискѣ чаще всего встрѣчается въ рукописныхъ кормчихъ; 3-е по Карамзинскому списку, находящемуся въ одной новгородской лѣтописи XV столѣтія; здѣсь редакція Правды одинакова съ редакціею ея въ Софійскомъ Временникѣ; и, наконецъ, 4-е по списку князя Оболенскаго, взятому изъ одной кормчей второй половины XVII столѣтія; редакція Правды, здѣсь помѣщенная, отлична отъ всѣхъ предшествовавшихъ и указываетъ на позднее составленіе, вѣроятно уже въ концѣ XIV или началѣ XV столѣтія. Это изданіе одно изъ лучшихъ и удобнѣйшихъ для пользованія Русскою Правдою.

Кромѣ изданій, Русская Правда возбудила много изслѣдованій въ нашей литературѣ. О Русской Правдѣ болѣе или менѣе писали всѣ, занимавшіеся русской исторіей и русскимъ правомъ; иные отвергали подлинность Русской Правды, называли ее поддѣлкою позднѣйшихъ лѣтописцевъ, другіе защищали мнѣніе противоположное; иные называли Правду чисто славянскимъ древнимъ законодательствомъ, общимъ для всѣхъ славянскихъ племенъ, другіе, напротивъ, называли ее переводомъ германскихъ древнихъ уложеній; иные же находили въ Правдѣ смѣсь узаконеній скандинавскихъ, германскихъ, византійскихъ и славянскихъ. Результатомъ всѣхъ сихъ споровъ въ настоящее время составилось въ наукѣ положеніе, что Русская Правда не поддѣлка позднѣйшихъ лѣтописцевъ, а подлинное законоположеніе древней Руси, что въ Русской Правдѣ заключаются именно тѣ законы, которые употреблялись на Руси въ практикѣ и что въ сіи законы вошли элементы: славянскій, скандинавскій и византійскій, ибо во время изданія Русской Правды русское общество находилось подъ вліяніемъ сихъ трехъ элементовъ. А посему, не занимаясь отдѣльнымъ разборомъ каждаго мнѣнія, мы прямо перейдемъ къ внѣшней исторіи Русской Правды, какъ подлиннаго памятника древности и, разберемъ основанія его подлинности.

Здѣсь прежде всего рождается вопросъ: къ какому времени должно отнести начало Русской Правды? По всѣмъ почти спискамъ, какіе только теперь извѣстны, начало Русской Правды относится ко времени Ярослава Владимировича, ибо всѣ списки имѣютъ заглавіе: *„Судъ Ярославль Владимірич"*, или *„Уставъ в. к. Ярослава Владиміровича о судѣхъ"*.

Конечно, всѣ дошедшіе до насъ списки Русской Правды не восходятъ ранѣе XIII столѣтія, но мы не можемъ отвергать ихъ свидѣтельство, ибо и лѣтописи говорятъ, что Ярославъ *„далъ новгородцамъ Правду и Уставъ, списавъ грамоту, рѣче: по сему ходите и держите, якоже списахъ вамъ"*. (Соф. 134). Да и самое содержаніе Правды, въ первоначальномъ ея видѣ, свидѣтельствуетъ, что она вполнѣ согласна съ духомъ того времени, къ которому ее относятъ списки: въ Правдѣ еще отличены русинъ, варягъ и славянинъ, что, конечно, могло быть только при Владимирѣ и Ярославѣ и можетъ быть при ихъ дѣтяхъ, впослѣдствіи же рѣзкое различіе, въ показанныхъ элементахъ русскаго общества, неминуемо должно было изгладиться, и не могло уже входить въ законодательство, что мы дѣйствительно и видимъ въ позднѣйшихъ редакціяхъ Русской Правды, гдѣ уже не упоминается ни о варягахъ ни о русинахъ; такъ напримѣръ въ Карамзинскомъ спискѣ, относящемся къ XV столѣтію, не встрѣчается имени варягъ, а въ спискѣ князя Оболенскаго уже не упоминается и о русинѣ.

Другой вопросъ при разсмотрѣніи внѣшней исторіи Русской Правды состоитъ въ томъ: для кого написана Русская Правда? По свидѣтельству лѣтописей, Ярославъ первоначально написалъ Правду для Новгородцевъ въ 1019 году, когда, по прогнаніи Святополка, окончательно завладѣлъ Кіевомъ. Въ лѣтописи сказано, что Ярославъ *„нача вои дѣлити: старостамъ своимъ по 10 гривенъ, и отпусти я домовъ; и давъ имъ правду и уставъ, списавъ грамоту, рѣче: по сему ходите и держите, якоже списахъ вамъ"*. (Соф. 134). Слѣдовательно, Русская Правда первоначально была дана Новгородцамъ, а впослѣдствіи съ разными измѣненіями перешла въ Кіевъ и другія владѣнія Руси, какъ увидимъ при дальнѣйшемъ разборѣ сего памятника въ разныхъ редакціяхъ. Противъ свидѣтельства лѣтописи въ нашей ученой литературѣ есть возраженіе, состоящее въ томъ, что, по смыслу лѣтописи, Ярославъ далъ Новгородцамъ льготную грамоту въ награду за ихъ пособіе въ войнѣ съ Святополкомъ, а въ Русской Правдѣ нѣтъ и помину о льготахъ. Но, при разсмотрѣніи Русской Правды, это возраженіе вполнѣ уничтожается. Стоитъ только припомнить, что главный доходъ князя отъ суда состоялъ собственно въ сборѣ судебныхъ пошлинъ, а въ Русской Правдѣ, въ первой редакціи, ни въ одной статьѣ нѣтъ и помину о пошлинахъ въ пользу князя; слѣдовательно, Русская Правда въ первомъ своемъ составѣ, какъ она была дана Новгородцамъ, вмѣстѣ съ судною грамотою представляла въ себѣ и грамоту льготную—она освобождала Новгородцевъ отъ судныхъ пошлинъ въ пользу князя и, конечно, эти льготы, это освобожденіе въ то время должны были считаться важными и за нихъ новгородцы всегда сильно вступались въ своихъ отношеніяхъ къ преемникамъ Ярослава. Впрочемъ, вѣроятно, Ярославъ далъ Новгородцамъ еще и другія льготныя грамоты, которыя до насъ не дошли и на которыя впо-

слѣдствіи ссылались Новгородцы въ своихъ сношеніяхъ съ князьями; но присутствіе другихъ льготныхъ грамотъ не препятствуетъ принять и Русскую Правду, въ первоначальномъ ея видѣ, какъ льготную грамоту.

Третій вопросъ, при разсмотрѣніи внѣшней исторіи Русской Правды, состоитъ въ томъ: Правда, данная Новгородцамъ, была ли принята въ другихъ владѣніяхъ Руси? На это Русская Правда отвѣчаетъ утвердительно: въ ней мы находимъ извѣстіе, что по смерти Ярослава: *„паки совокупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, и мужи ихъ Коснячько Перенегъ, Никифоръ Кіянинъ, Чудинъ, Микула и отложиша убіеніе за голову, но кунами ся выкупати; а ино все, якоже Ярославъ судилъ, такоже и сынове его уставиша“*. Здѣсь мы видимъ съ одной стороны нѣкоторое измѣненіе Ярославова закона, а съ другой—указаніе, что Правда, данная Новгородцамъ, была принята и въ другихъ владѣніяхъ Руси, ибо предъ приведеннымъ извѣстіемъ въ одномъ спискѣ состоитъ заглавіе: *„Правда уставлена Русской земли“*. Потомъ далѣе встрѣчаемъ, въ измѣненной сыновьями Ярослава Правдѣ, слѣдующую статью: *„А конюхъ старый у стада 80 гривенъ, яко уставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же убили Дорогобудьци“*. Эта статья приводитъ въ примѣръ приложеніе Правды на практикѣ въ Дорогобужѣ еще до формальнаго измѣненія ея сыновьями Ярослава; слѣдовательно уже и при Ярославѣ, или, по крайней мѣрѣ, вскорѣ по смерти Ярослава, Русская Правда была дѣйствующимъ закономъ не въ одномъ Новгородѣ, но и въ Дорогобужѣ, а, конечно, и въ другихъ краяхъ Руси. Здѣсь рождается еще вопросъ въ той ли формѣ дѣйствовала Правда въ другихъ русскихъ владѣніяхъ, въ какой была дана Новгородцамъ, т. е. была ли она тамъ льготною грамотою, освобождающею отъ судебныхъ пошлинъ? Очевидно она не была льготною грамотою въ другихъ областяхъ Руси; на это мы имѣемъ свидѣтельство въ уставѣ Ярослава о вирныхъ пошлинахъ, помѣщенномъ въ Академическомъ спискѣ Русской Правды, послѣ измѣненій, дѣланныхъ въ Правдѣ сыновьями Ярослава. Въ этомъ уставѣ прямо сказано, что вирники должны оканчивать сборъ виры на князя въ продолженіи недѣли: *„а до недѣли виро сберутъ вирницы“*. Этотъ уставъ о вирахъ оставленъ сыновьями Ярослава безъ измѣненія и названъ прямо Ярославовымъ: *„то ти урокъ Ярославль“*. Слѣдовательно виры и другія судебныя пошлины сбирались при Ярославѣ также, какъ при Владимирѣ и его предшественникахъ, и Русская Правда, изданная Ярославомъ, отмѣняла судебныя пошлины только въ Новгородѣ, въ другихъ же владѣніяхъ она вѣроятно опредѣляла сколько какихъ пошлинъ съ какого суднаго дѣла должно итти въ казну князя. Но списковъ Ярославовой Правды съ назначеніемъ пошлинъ до насъ не дошло и потому мы объ этомъ ничего не можемъ сказать утвердительно. Наконецъ, должно еще рѣшить вопросъ: который, изъ дошедшихъ до насъ списковъ Русской Правды, принадлежитъ по своей редакціи Ярославу, или иначе: которая изъ редакцій Русской Правды, какъ мы уже видѣли, приписывается Ярославу? Но уже первая статья въ каждой редакціи ясно свидѣтельствуетъ, что всѣхъ редакцій нельзя приписать Ярославу, что они составлялись въ разное время, ибо ни въ одной редакціи первая статья не похо-

дитъ на первую же статью другой редакціи. Такъ въ редакціи, къ которой принадлежитъ Академическій списокъ Русской Правды, въ первой статьѣ сказано: „*Аще небудетъ кто мстяй, то 80 гривенъ за голову, аще будетъ русинъ, любо гриденъ, любо купчина, любо ябетникъ, любо мечникъ; аще изгой будетъ, любо словенинъ, то 40 гривенъ положити за нъ*“. Въ Троицкомъ спискѣ напротивъ стоитъ: „*положити за голову 80 гривенъ, аче будетъ княжъ мужъ, или тіунъ княжъ, аще ли будетъ русинъ, или гридь, любо купецъ, любо тіунъ болярскъ, любо мечникъ, любо изгой, или словенинъ, то 40 гривенъ положити за нъ*“. А въ спискѣ Историческаго Общества: „*За голову 80 гривенъ ачи будетъ ли мужъ княжъ или тіуна княжа; ачи будетъ горожанинъ, любо гридь, любо купецъ, любо тіунъ боярскъ, любо мечникъ, любо изгой, любо словенинъ, то 40 гривенъ положити за нъ*“. Наконецъ въ спискѣ князя Оболенскаго уже сказано: „*положити за голову 80 гривенъ, любо разсудити по мужи смотря*“. Это простое сопоставленіе одной первой статьи разныхъ редакцій ясно говоритъ, что всѣ онѣ составлялись въ разное время, ибо въ каждой изъ нихъ свое раздѣленіе лицъ на классы и свое значеніе классовъ; такъ, напримѣръ, въ первой редакціи купецъ, гридь и русинъ отнесены къ высшему рязряду въ 80 гривенъ за голову; напротивъ, въ Троицкомъ спискѣ— тѣ же лица отнесены къ низшему разряду по 40 гривенъ за голову. А въ спискѣ Историческаго Общества вмѣсто русина уже стоитъ горожанинъ и также отнесенъ къ низшему разряду въ 40 гривенъ. Наконецъ, въ спискѣ князя Оболенскаго вира уже не раздѣляется на два разряда и вмѣсто дѣленія на классы сказано: „*любо разсудити по мужи смотря*“. Конечно, такое разнообразіе и несходство нельзя приписать ошибкѣ или своеволію переписчиковъ, ибо здѣсь замѣтенъ порядокъ и постепенность въ распредѣленіи классовъ, явно указывающіе на постепенное развитіе общественнаго устройства.

А посему, чтобы опредѣлить, которая изъ редакцій старшая, или которая принадлежитъ Ярославу, нужно принять въ соображеніе состояніе общества на Руси въ Ярославово время. Ярославъ былъ праправнукъ Рюрика, перваго князя на Руси, и жилъ во второмъ столѣтіи отъ приглашенія варяго-руссовъ; при его отцѣ, Владимирѣ, варяги составляли главную дружину кіевскаго князя. Потомки варяго-руссовъ, приведенныхъ Рюрикомъ, въ продолженіи какихъ-либо 150 лѣтъ, т. е. въ 3-хъ или 4-хъ поколѣніяхъ, еще рѣзко отличались отъ славянъ, между которыми жили на Волховѣ и въ приднѣпровьѣ, и, какъ одноплеменники князей, конечно, считались по слѣдними выше, дороже славянъ; но въ послѣдующее время, особенно при удѣльномъ разновластіи, русины уже потеряли свое прежнее значеніе, а потомъ и совершенно должны были затеряться, ибо и славяне на Руси всѣ стали называться Русью. Такое постепенное измѣненіе въ общественномъ значеніи русина мы находимъ и въ редакціяхъ Правды: въ 1-й редакціи русинъ отнесенъ къ первому разряду, во 2-й—ко второму, а въ 3-й—русинъ, какъ классъ, исчезаетъ, и вмѣсто него стоитъ горожанинъ. Слѣдовательно, по общественному значенію русина, первую редакцію, т. е. Академическій списокъ Правды, должно признать старшею, т. е. современною Ярославу, хоть самый списокъ, въ которомъ она дошла до насъ, относится и къ XV столѣтію. Стар-

шинство этой редакціи рѣзко обозначается и другими статьями, коихъ всего семнадцать. Потомъ въ томъ же спискѣ прямо начинается Правда, уже измѣненная сыновьями Ярослава: „*Правда уставлена Русской земли; егда ся совокупилъ Изяславъ, Всеволодъ*“, и проч. Въ прочихъ редакціяхъ Правда, измѣненная Ярославовыми сыновьями, начинается прямо послѣ первой статьи: „*убьетъ мужъ мужа, то мстити брату брата*“; слѣдующія же за симъ 16 статей Ярославовой Правды въ прочихъ редакціяхъ опускаются—явно, что сіи редакціи уже позднѣйшаго времени. Притомъ, въ статьѣ: „*аже холопъ ударитъ свободна мужа*“, во всѣхъ другихъ редакціяхъ сказано: „*то Ярославъ былъ уставилъ убити и, но сынове его по отцы уставиша на куны, любо ли бити и развязавше, любо ли взяти гривна кунъ*“. И въ Академическомъ спискѣ мы дѣйствительно находимъ статью, по которой обиженный имѣлъ право убить холопа: „*а за тѣмъ гдѣ его налезутъ ударенный той мужъ, да бьютъ его*“. Явно, что Академическій списокъ принадлежитъ къ древнѣйшей редакціи самого Ярослава. Наконецъ, въ одной только этой редакціи ни въ одной статьѣ не упоминается о судебныхъ пошлинахъ въ пользу князя; а Ярославова Правда, данная Новгородцамъ, по смыслу лѣтописнаго свидѣтельства, именно должна была носить на себѣ характеръ льготной грамоты, освобождающей отъ судебныхъ пошлинъ, слѣдовательно и по сему признаку мы должны признать Академическій списокъ Правды древнѣйшею редакціею, принадлежащею самому Ярославу.

Многіе изъ изслѣдователей считаютъ Академическій списокъ Русской Правды сокращеннымъ и не полнымъ; говорятъ, что лѣтописецъ выписалъ въ него не всю Ярославову Правду, а только сдѣлалъ выборки изъ нея, и притомъ неудачно, опустивши существенныя статьи сего законодательнаго памятника, именно — всѣ относящіяся къ гражданскому праву, которыя встрѣчаются въ другихъ редакціяхъ Правды. Но простое сличеніе Академическаго списка Правды съ другими ея редакціями уже ясно показываетъ, что это не сокращеніе, а особый самостоятельный памятникъ, имѣющій свой характеръ, котораго уже незамѣтно въ другихъ редакціяхъ. Для примѣра возьмемъ хоть 2-ю статью; она въ Ярославовой Правдѣ, т. е. въ Академическомъ спискѣ, изложена такъ: „*Или будетъ кровавъ или синъ надраженъ, то не искати ему видока человѣку тому; аще не будетъ на немъ знаменія никотораго же, то ли пріидетъ видокъ; аще ли не можетъ, то ту конецъ. Ожели себе не можетъ мстити, то взяти ему за обиду 3 гривны, а лѣтьцу мзда*“. Но та же статья въ другой редакціи носитъ уже иной характеръ и изложена такъ: „*Аже пріидетъ кровавъ мужъ на дворъ или синъ, то видока ему неискати, но платити ему продажу три гривны; аще ли не будетъ на немъ знаменія, то привести ему видокъ — слово противу слова; а кто будетъ почалъ тому платити 60 кунъ. А че же и кровавъ пріидетъ или будетъ самъ почалъ, а вылезутъ послуси, то то ему за платежъ, оже и били*“. Очевидно, что здѣсь первая редакція не есть сокращеніе второй, ибо въ ней есть особое назначеніе — за лѣченіе ранъ, а во второй этого назначенія нѣтъ, хотя вторая редакція изложена подробнѣе первой. Такой же получимъ результатъ изъ сравненія и остальныхъ статей первой редакціи съ таковыми же статьями слѣдующихъ редакцій. Слѣдователь-

но, ясно, что первая редакція не есть сокращеніе или выборка изъ послѣдующихъ редакцій. Но здѣсь еще можетъ родиться мнѣніе, что первая редакція, ежели и не есть сокращеніе послѣдующихъ, то по крайней мѣрѣ дошла до насъ не вполнѣ, въ отрывкахъ, по прихоти лѣтописца, который сохранилъ этотъ памятникъ. Но и съ такимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Мы не имѣемъ никакого права обвинять лѣтописца въ сокращеніяхъ; онъ сохранилъ Ярославову Правду въ полномъ ея составѣ, онъ ничего въ ней не перемѣнилъ, онъ даже сохранилъ неприкосновеннымъ языкъ сего памятника, ибо языкъ, на которомъ написана дошедшая до насъ Ярославова Правда, дышетъ неподдѣльною древностью и нисколько не походитъ на языкъ лѣтописи, въ которой она сохранилась. Недоумѣнія же, которыя могутъ родиться отъ недостатка въ Ярославовой Правдѣ статей, относящихся къ гражданскому праву, разрѣшаются тѣмъ, что, какъ мы уже частію видѣли выше, въ Ярославово и Владимирово время для судебныхъ дѣлъ гражданскаго права и даже частію уголовнаго, былъ особый законодательный памятникъ, дошедшій до насъ подъ именемъ *Закона Суднаго людемъ*. Законъ Судный и Русская Правда имѣютъ другъ съ другомъ самую тѣсную связь — они другъ друга дополняютъ и объясняютъ: чего недостаетъ въ Русской Правдѣ, то дополняется Суднымъ Закономъ, и чего нѣтъ въ Судномъ Законѣ, то находимъ въ Русской Правдѣ. Памятники сіи въ такомъ отношеніи другъ къ другу находились не только при Ярославѣ, но и во все послѣдующее время, въ которое дѣйствовала и развилась Русская Правда. Она постепенно переносила, пересаживала къ себѣ статьи Суднаго Закона по мѣрѣ того, какъ статьи сіи измѣнялись согласно съ требованіями русской жизни, и принимали на себя русскій характеръ. Это пересаживаніе и перенесеніе статей изъ Суднаго Закона въ Русскую Правду началось уже при Ярославѣ, чему мы имѣемъ явныя доказательства въ его Правдѣ. Такъ, напримѣръ, въ Ярославовой Правдѣ уже требуются въ подтвержденіе жалобъ свидѣтели, именно видоки, что прямо взято изъ Суднаго Закона, ибо по древнимъ русскимъ обычаямъ, засвидѣтельствованнымъ договорами Олега и Игоря, свидѣтели не требовались на судѣ. Или — Русская Правда измѣняетъ статью о наказаніи того, кто своевольно возьметъ чужого коня, и замѣняетъ тѣлесное наказаніе вору денежною пенею. Наконецъ, всѣ статьи гражданскаго права, которыя мы встрѣчаемъ въ послѣдующихъ редакціяхъ Русской Правды, явно перенесены туда изъ Суднаго Закона, что мы частію уже видѣли при разборѣ сего памятника, и что еще подробнѣе увидимъ впослѣдствіи при разборѣ разныхъ редакцій Русской Правды. Такимъ образомъ, недостатокъ статей гражданскаго права въ редакціи Правды, которую мы приписываемъ Ярославу, не только не уничтожаетъ довѣрія къ этому памятнику, въ томъ именно видѣ, въ какомъ онъ до насъ дошелъ, но и еще болѣе увеличиваетъ его, ибо, по соображенію всѣхъ обстоятельствъ дѣла, всякое дополненіе Ярославовой Правды и помѣщеніе статей гражданскаго закона свидѣтельствовало бы объ искаженіи и подновленіи сего памятника и колебало бы довѣріе къ нему. Всѣ редакціи Русской Правды явно свидѣтельствуютъ, что первая ея редакція, принадлежащая Ярославу, не могла быть въ иномъ какомъ-либо видѣ, какъ

только въ томъ, въ какомъ сохранилась въ Академическомъ спискѣ, ибо весь періодъ русскаго законодательства, объемлющій постепенное развитіе Русской Правды, представляетъ постоянную борьбу началъ, выраженныхъ въ Судномъ Законѣ и въ другихъ византійскихъ узаконеніяхъ, перенесенныхъ къ намъ въ Номоканонѣ, съ началами права чисто русскими, національными. Борьба сія выражалась постепеннымъ сообщеніемъ византійскимъ началамъ чисто русскаго характера и перенесеніемъ ихъ въ Русскую Правду, и, наконецъ, разрѣшилась тѣмъ, что Судный Законъ и другія византійскія узаконенія, принятыя у насъ, и Русская Правда слились вмѣстѣ въ Судебникѣ царя Ивана Васильевича и въ его Стоглавѣ.

Содержаніе Ярославовой Правды. Законы Ярославовой Правды по содержанію дѣлятся на три отдѣла: первый содержитъ въ себѣ узаконенія объ устройствѣ, второй — о личныхъ оскорбленіяхъ, третій — о дѣлахъ по нарушенію правъ собственности.

Отдѣлъ первый. Первому вопросу у Ярослава посвящена одна первая статья. Въ ней сказано: *„Аще убьетъ мужъ мужа, то мстити брату брата, любо отцю, любо сыну, любо брату—чаду, ли братню сынови, оже не будетъ кто его мьстяй, то положитъ за голову 80 гривенъ, аще ли будетъ княжъ мужъ, или тіунъ княжъ. А если будетъ Русинъ, горожанинъ, любо гридь, или купець, или тіунъ болярьскый, или мечникъ, любо изгой, ли Словенинъ, 40 гривенъ положити за нъ“.* Изъ этой статьи ясно, что въ дѣлахъ по убійству и въ Ярославово время основнымъ закономъ была месть. Русское общество того времени не могло еще отказаться отъ этого исконнаго своего обычая. Но тѣмъ не менѣе настоящая статья свидѣтельствуетъ, что русское общество подвинулось впередъ въ періодъ времени отъ Олега и Игоря до Ярослава. По законамъ сихъ послѣднихъ, месть за убитаго была предоставлена всѣмъ родственникамъ его и единственное спасеніе отъ этой мѣсти было бѣгство. По закону же Ярослава месть ограничивалась степенями родства, такъ что только ближайшіе родственники убитаго—отецъ, сынъ, братъ, племянникъ, дядя—могли мстить убійцѣ. Если же не было ближайшихъ родственниковъ, то никто не имѣлъ права мстить, а только взыскивалась съ убійцы въ пользу родственниковъ убитаго опредѣленная пеня. Далѣе, по Олегову договору все имущество убійцы безъ изъятія слѣдовало ближайшимъ родственникамъ убитаго, хотя бы и у самого убійцы оставались дѣти. Напротивъ того, по Ярославовой Правдѣ, не все имѣніе достается родственникамъ убитаго, а лишь опредѣленная пеня, смотря по общественному состоянію убитаго. Это положеніе Ярослава указываетъ на ограниченіе мести. Здѣсь является предварительно оцѣнка преступленія на мѣсто прежней безотчетной мести. Дѣти преступника не лишаются всего состоянія, у нихъ берется лишь законная пеня. Это постановленіе указываетъ на вліяніе христіанства и сильное развитіе общественной жизни. По Ярославовой Правдѣ вознагражденіе за убійство есть дѣло частное. Дальнія степени родства не имѣли права вознагражденія. Слѣдовательно, Русская Правда не уничтожаетъ частнаго, личнаго характера наказанія. По Русской Правдѣ видно, что законъ не разбиралъ, какъ убилъ убійца—злонамѣренно, или нѣтъ. Во время Ярослава всѣ убійцы были одинаково виновны и одинаково подвергались мести родствен-

никовъ, которые не заботились о причинахъ и побужденiяхъ, которыя были мотивомъ къ убiйству, а довольствовались однимъ простымъ фактомъ. Изъ Ярославовой Правды видно, что законъ заботился не объ уничтоженiи прежней мести, а только о томъ, чтобы ограничить ее, чтобы остановить безконечную рѣзню. Такимъ образомъ, законы Ярослава объ убiйствѣ суть ограниченiе, видоизмѣненiе мести.

Второй отдѣлъ Правды содержалъ въ себѣ узаконенiя *о личныхъ оскорбленiяхъ.* Онъ состоитъ изъ 8 статей, въ которыхъ разбираются разнаго рода побои и опредѣляются наказанiя за нихъ. Личнымъ оскорбленiемъ тогда считались только побои, а оскорбленiя словами, какъ напр. брань, клевета, не считались оскорбленiемъ. По крайней мѣрѣ мы не видимъ въ Русской Правдѣ и другихъ позднѣйшихъ узаконенiяхъ, чтобы что либо, за исключенiемъ побоевъ, запрещалось закономъ, какъ личное оскорбленiе. Уже только въ судебникѣ мы встрѣчаемъ запрещенiе „лаянiя", т. е. брани, на которую законъ смотритъ, какъ на личное оскорбленiе. Здѣсь точно также, какъ и въ законѣ объ убiйствѣ, основной законъ — право частной мести. Обиженному предоставлялось на выборъ — или мстить обидчику, или взыскать съ него плату за оскорбленiе. Плата эта по Ярославовой Правдѣ опредѣлялась такъ: 1) если кто кого прибьетъ до крови, или надѣлаетъ синяковъ руками, а не оружiемъ, то платитъ три гривны выкупа за обиду и сверхъ того платитъ обиженному за лѣченiе. Статья (ст. 2. Ак. сп.), въ которой изложено это законоположенiе, представляетъ любопытный фактъ борьбы нашего законодательства съ византiйскимъ. Статья эта есть явно передѣлка подобной статьи суднаго закона (въ 25 главѣ), но въ Правдѣ эта статья принимаетъ чисто русскiй характеръ и подводится подъ русское начало мести. 2) Если кто ударитъ кого палкой, или инымъ чѣмъ и даже мечемъ, но не обнаженнымъ, то платитъ 12 гривенъ за обиду. Статьи (ст. 3 и 4. Ак. сп.), сюда оносящiяся, представляютъ повторенiе Олегова и Игорева договоровъ о побояхъ; въ нихъ даже сохранены всѣ формы прежнихъ законовъ, именно,—по законамъ Олега и Игоря, за ударъ мечемъ, или другимъ орудiемъ, назначалось 5 литръ серебра; та же пеня назначается и Ярославовой Правдой, только греческiя литры перемѣнены здѣсь на русскiя гривны и посему положено 12 гривенъ. Далѣе, по Олегову закону, если кто не могъ уплатить 5 литръ серебра, то платилъ обиженному сколько могъ, а въ остальномъ клялся, что ему негдѣ взять. Тотъ же порядокъ сохраненъ и въ Ярославовой Правдѣ. 3) Если кто кого ударитъ обнаженнымъ мечемъ по ногѣ, или по рукѣ, такъ что нога или рука отпадутъ, то платитъ за это 40 гривенъ. 4) Если кто кому отрубитъ палецъ, то платитъ за это три гривны обиженному. 5) Если кто у кого вырветъ бороду или усъ, то платитъ ему за обиду 12 гривенъ (ст. 5, 6 и 7. Ак. сп.). Замѣчательно, что борода или усъ цѣнились дороже, чѣмъ палецъ. Это свидѣтельствуетъ о сильномъ развитiи на Руси личности, такъ какъ замѣтное обезображенiе цѣнилось дороже, чѣмъ незамѣтное увѣчье. 6) Если кто на кого вынетъ мечъ, но не ударитъ, то платитъ за это одну гривну. Статья (ст. 8. Ак. сп.), въ которой изложено это узаконенiе, замѣчательна тѣмъ, что здѣсь наказывается и самое покушенiе на убiйство, или насилiе, что указываетъ на строгое охраненiе

въ обществѣ тишины и мира и свидѣтельствуетъ о сильно развитомъ общественномъ устройствѣ. 7) Если кто толкнетъ кого отъ себя, или къ себѣ, то платитъ за это три гривны обиженному. Во всѣхъ этихъ статьяхъ законъ, какъ и при Олегѣ, поддерживаетъ права мести. Очевидно, эти статьи были изданы въ отмѣну статей Суднаго Закона, несогласныхъ съ духомъ общества. Но вліяніе Суднаго Закона было такъ сильно, что Ярославъ не могъ уже вполнѣ отрѣшиться отъ византійскаго права и обратиться къ старымъ русскимъ обычаямъ. По старымъ русскимъ обычаямъ въ дѣлахъ по личнымъ оскорбленіямъ судебными доказательствами были знаменіе (знаки отъ побоевъ) и рота. Ярославъ отмѣнилъ роту и ввелъ новое судебное доказательство, чисто византійскаго происхожденія, — свидѣтелей или видоковъ. Въ Правдѣ сказано: „*Оже пріидетъ кровавъ мужъ, или синь, то видока ему не искати. Аще ли не будетъ на немъ знаменія, то привести ему видокъ*"; а если обвиненный не могъ найти свидѣтелей, то искъ его прекращался. Ярославъ оставилъ роту въ одномъ только случаѣ—если обиженный былъ Варягъ, или Колбягъ. Это, вѣроятно, потому, что ни въ Скандинавіи, ни въ Помераніи не было введено христіанство и потому Ярославъ не хотѣлъ подчинить Варяговъ и Колбяговъ христіанскимъ законамъ.

Третій отдѣлъ Ярославовой Правды заключаетъ въ себѣ узаконенія по дѣламъ нарушенія собственности. Статьи, сюда относящіяся, числомъ 8, могутъ быть раздѣлены на два разряда. Статьи перваго разряда говорятъ о наказаніи преступниковъ, а во второмъ излагается порядокъ судопроизводства по дѣламъ нарушенія права собственности. Законъ, въ случаѣ нарушенія права собственности, не думаетъ объ общественномъ наказаніи преступника, а только взыскиваетъ съ него за обиду, помогаетъ частному лицу возстановить право, взыскивая съ преступника въ пользу обиженнаго. Ясно, что и здѣсь самое наказаніе преступника является еще въ формѣ частной мести. Первыя три статьи взяты изъ Суднаго Закона, только тѣлесное наказаніе замѣнено здѣсь пенею въ три гривны. Пеня эта налагалась: 1) за укрывательство чужого раба, 2) за своевольное и безъ вѣдома хозяина употребленіе чужого коня и 3) за произвольное присвоеніе себѣ оружія, коня, платья, или иной какой либо вещи (ст. 10, 11 и 12 Ак. сп.). Преступникъ въ этомъ случаѣ, кромѣ цѣны покраденной вещи, долженъ былъ платить еще пеню въ три гривны собственнику. Эти статьи подтверждаютъ высказанную выше мысль, а именно, что основаніемъ законныхъ преслѣдованій преступника было вознагражденіе; слѣдовательно, наказаніе являлось въ формѣ частной мести, хотя произволъ лица былъ устраненъ и его мѣсто заняло правительствомъ опредѣленное мщеніе. Ту же пеню, т. е. три гривны, долженъ былъ платить должникъ, отвергавшій свой долгъ (ст. 14 Ак. сп.). Онъ считался воромъ и судился, какъ таковой. — Второй разрядъ узаконеній настоящаго отдѣла представляетъ важное свидѣтельство о тогдашнемъ порядкѣ суда и вообще объ устройствѣ тогдашняго общества. Въ этихъ статьяхъ говорится во 1), что укрывателю чужого раба давалось три дня сроку, чтобы объявить объ укрывающемся рабѣ и вывести его на торгъ; если же онъ этого не дѣлалъ, то считался воромъ и подвергался пенѣ въ три гривны (ст. 10 Ак. сп.). 2) Хо-

зяинъ, увидавшій у другого своего коня, оружіе, платье, или другую вещь, не могъ ее взять, но могъ только требовать, чтобы тотъ, у кого онъ ее увидѣлъ, указалъ на того, отъ кого онъ получилъ, и велъ бы его на сводъ къ нему, если же тотъ не шелъ на сводъ, то ему давалось 5 дней срока найти поручителей, что вещь не украдена, а пріобрѣтена законно (ст. 13 Ак. сп.). Если въ предшествующихъ узаконеніяхъ мы видимъ преобладаніе частнаго произвола надъ началомъ общественнаго благоустройства и порядка, то въ этой статьѣ замѣчаемъ обратное явленіе. Въ ней законъ ограждаетъ неприкосновенность владѣнія противъ предъявленія недоказанныхъ правъ на вещь. Въ этой же статьѣ мы встрѣчаемъ поручителей и судебные сроки, что указываетъ на развитіе судебнаго устройства на Руси. 3) Если должникъ станетъ отпираться отъ долга, то кредитору представлялось право представить 12 свидѣтелей, которые могли бы подтвердить, что кредиторъ дѣйствительно давалъ взаймы то, что требуетъ съ должника (ст. 14, Ак. сп.). Статья, гдѣ излагается это узаконеніе, есть единственная статья во всей Ярославовой Правдѣ изъ гражданскаго права. Она вошла сюда потому, что ея нѣтъ въ Судномъ Законѣ; слѣдовательно, на Руси въ Ярославово время долги взыскивались инымъ путемъ, чѣмъ въ Византіи. Византійскіе законы о кредитѣ были неприложимы у насъ, такъ какъ у насъ не было маклеровъ, заемныхъ писемъ и прочихъ мѣръ, которыми ограждался тамъ кредитъ. 4) Господинъ, отыскавшій своего пропавшаго раба у какого либо хозяина, могъ требовать у послѣдняго, чтобы тотъ велъ его на сводъ къ тому, у кого онъ купилъ раба; а этотъ долженъ былъ привести его къ другому, у кого онъ купилъ, а другой къ третьему, у котораго господинъ бралъ его раба, или вмѣсто раба деньги, и предоставлялъ ему дальнѣйшія розысканія вора (ст. 15, Ак. сп.). Порядокъ суда, засвидѣтельствованный этими статьями, былъ чисто общинный по дѣламъ о нарушеніи правъ собственности. Дѣла рѣшались сводомъ, свидѣтелями, или поручителями, для отысканія которыхъ предоставлялось 5 дней сроку. Судъ производился міромъ, обществомъ, безъ участія князя и его посадника,—слѣдовательно, на чисто общинномъ началѣ. Всѣ сдѣлки производились публично, при свидѣтеляхъ, такъ что, въ случаѣ иска, каждый членъ общества ограждалъ свое право сводомъ, поручительствомъ и свидѣтелями, а если не могъ этого сдѣлать, то признавался виновнымъ.

Опредѣливъ пени и порядокъ суда въ дѣлахъ о нарушеніи собственности, законъ опредѣляетъ тѣ случаи, въ которыхъ нарушеніе права собственности не бываетъ преступно, не подлежитъ наказанію. Этихъ исключительныхъ случаевъ два. Во 1) когда рабъ ударилъ свободнаго человѣка, то обиженный могъ безнаказанно убить его. Мало того, если ударившій рабъ укрывался въ домѣ господина своего, то послѣдній долженъ былъ выдать его обиженному, или заплатить 12 гривенъ; но и затѣмъ обиженный, встрѣтя гдѣ-нибудь оскорбившаго его раба, могъ убить его и не платить пени (ст. 16, Ак. сп.). Здѣсь обида, полученная отъ раба, оцѣнивается въ 12 гривенъ, одинаково съ обидою отъ свободнаго человѣка, очевидно потому, что здѣсь вину его принимаетъ на себя господинъ, слѣдовательно и обида перестаетъ быть обидою отъ раба. Но отсюда нельзя заключать, чтобы обида отъ

раба считалась наравнѣ съ обидою отъ свободнаго человѣка. Обиженный имѣлъ право убить раба даже и тогда, когда онъ получилъ отъ господина законное вознагражденіе за обиду. Слѣдовательно, безъ вмѣшательства господина рабъ платилъ за обиду жизнью, а не пенею, и слѣдовательно обида отъ раба не считалась наровнѣ съ обидою отъ свободнаго человѣка. Второй случай состоялъ въ томъ, что кто, взявши съ дозволенія хозяина оружіе, или платье испортилъ бы его, то, по закону Ярослава, пени онъ не платитъ, а долженъ былъ отдать только цѣну вещи (ст. 17, Ак. сп.).

Эти узаконенія показываютъ, что Русская Правда составлена по исконнымъ русскимъ обычаямъ, основаннымъ на общинномъ началѣ, хотя и не безъ вліянія Суднаго Закона. А съ другой стороны, тѣ же узаконенія свидѣтельствуютъ, что памятникъ сей есть именно та судно-льготная грамота, которую Ярославъ далъ Новгородцамъ въ благодарность за усердную помощь въ войнахъ его съ Святополкомъ, ибо во всей грамотѣ нѣтъ и помину не только о судныхъ пошлинахъ князю, но и о какомъ либо участіи князя въ судныхъ дѣлахъ—во всей грамотѣ мы видимъ, что судъ по всѣмъ дѣламъ принадлежалъ обществу, міру, а не князю. Конечно, это была привилегія только Новгородцевъ, а не общій порядокъ суда на Руси, ибо по лѣтописямъ мы знаемъ, что князья были призваны судить и рядить и это право всегда за ними оставалось.

Уставъ Ярослава о вирныхъ урокахъ. Уставъ этотъ во всѣхъ спискахъ приписывается Ярославу, поэтому мы не имѣемъ права сомнѣваться въ его подлинности, тѣмъ болѣе, что самое содержаніе его, подходящее къ характеру Русской Правды, не позволяетъ относить его къ другому времени. Уставъ этотъ свидѣтельствуетъ о вирномъ устройствѣ того времени; изъ него видно, что виры составляли главный доходъ князя, что засвидѣтельствовано и лѣтописями. По свидѣтельству Ярославова устава виры собирались для князя самимъ обществомъ и князь въ извѣстные сроки посылалъ своихъ вирниковъ для полученія ихъ. Когда при Ярославѣ старинная месть была ограничена и за убійство назначена была денежная пеня, то, въ случаѣ совершенія преступленія, обиженный жаловался обществу и общество уже взыскивало съ виновнаго и вело счетъ преступленіямъ. Другой счетъ велъ, вѣроятно, княжескій посадникъ. Пріѣзжавшій въ извѣстное время вирникъ получалъ накопленную виру по числу преступленій. Сборы вирныхъ пошлинъ и разсчеты вирника производились быстро, ибо они оканчивались не болѣе, какъ въ недѣлю. Въ уставѣ сказано: „*До недѣли же виръ сберутъ вирницы*“. Вирникъ получалъ содержаніе отъ той общины, въ которую посылался для сбора виръ. Содержаніе его такъ опредѣлялось въ уставѣ: „*Вирнику взяти 7 ведеръ солоду на недѣлю, да овенъ, или полоть, или двѣ ногаты, а въ середу куна, оже сыръ, а въ пятницу тако же, а куровъ ему по двое на день, а хлѣбовъ 7 на недѣлю, а пшена 7 уборковъ, а гороху такожъ, а соли 7 головаженъ; то ти вирнику съ отрокомъ; а кони 4, а овесъ конимъ сути на ротъ; вирнику 8 гривенъ, а десять кунъ перекладная, а метальнику 12 вѣкошъ, а ссадная гривна*“. Это опредѣленіе корма вирника показываетъ, что вирникъ былъ довольно значительнымъ лицомъ у князя. Подробности, съ какими опредѣляется содержаніе вирника,

а также формальное назначеніе числа лошадей ему во время объѣздовъ для сбора виръ и предписаніе того, въ какой срокъ онъ долженъ собрать всѣ виры, свидѣтельствуютъ о замѣчательной строгости и опредѣленности въ распредѣленіи правъ и обязанностей княжескихъ слугъ. Отсюда видно, что доходы дружинниковъ отъ управленія не были произвольными поборами, а съ достаточною точностью опредѣлялись самимъ закономъ, а это, въ свою очередь, свидѣтельствуетъ о значительной степени развитія тогдашней администраціи. При вирникѣ былъ оффиціальный служитель, называемый *переда*. Кромѣ кормленія вирниковъ, были строго опредѣлены доходы мостниковъ. По Ярославову уставу о мостникахъ, мостникъ получалъ по одной нагатѣ въ недѣлю, и сверхъ того послѣ каждой починки моста, или городьбы - по 1 ногатѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что доходы и другихъ княжескихъ чиновниковъ были опредѣлены съ такою же точностію, на что мы имѣемъ много свидѣтельствъ въ послѣдующихъ, такъ называемыхъ наказахъ и вообще подобная опредѣленность существовала, вѣроятно, и по всѣмъ частямъ тогдашней администраціи.

Правда сыновей Ярослава. Постепенное развитіе русскаго общества имѣло неизбѣжнымп своимъ слѣдствіемъ сознаніе несоотвѣтствія Правды Ярослава съ новыми потребностями общества. Это сознаніе несоотвѣтствія вызвало черезъ 17 лѣтъ послѣ смерти Ярослава пополненіе Правды его сыновьями. Съ этою цѣлью они собрались въ Кіевѣ въ 1072 году съ избранными мужами: Коснячкомъ, Перенегомъ, Никифоромъ, Чудиномъ и Микулою и составили новую Правду для всей Руси. Новая Правда ограничивалась тоже одними уголовными постановленіями. Правду сыновей Ярослава можно раздѣлить на три отдѣла. Первый, состоящій изъ 11 статей, заключаетъ въ себѣ узаконенія о преступленіяхъ противъ лица; второй, состоящій изъ 13 статей, заключаетъ въ себѣ узаконенія по дѣламъ о нарушеніи правъ собственности; третій—изъ 2 статей—говоритъ о судѣ и судебныхъ пошлинахъ.

Въ первомъ отдѣлѣ основнымъ началомъ служитъ полное отмѣненіе мести и замѣна ея денежными выкупами. Въ первой статьѣ Правды прямо сказано: „*Сынове Ярослава отложиша убіеніе за голову, но кунами ся выкупати*“. Въ первыхъ трехъ статьяхъ въ этомъ отдѣлѣ Правды опредѣлено кому когда платить виру, или не платить. Первая статья говоритъ—когда убійца платитъ виру самъ, безъ участія общины. По закону сыновей Ярослава это назначается въ томъ случаѣ, когда убійство учинено въ обиду, т. е. съ намѣреніемъ ограбить и вообще съ дурнымъ умысломъ. Въ Правдѣ это выражалось такъ: „*Оже кто убіетъ огнищанина въ обиду, то виру платити 80 гривенъ, а людемъ не надобе*“. Здѣсь мы видимъ замѣчательное движеніе впередъ русскаго законодательства подъ вліяніемъ Суднаго Закона. Надо замѣтить вообще, что византійское законодательство вносило новыя начала въ русскую жизнь. Въ Ярославовой Правдѣ законъ обращалъ вниманіе на одинъ внѣшній фактъ, намѣреніе же преступника совершенно не бралось въ разсчетъ; напротивъ, въ Правдѣ сыновей Ярослава разсматривается и самый мотивъ преступленія, берется во вниманіе не только фактъ, но и воля преступника, который, въ случаѣ, если совершилъ преступленіе съ умысломъ, отвѣчалъ за преступленіе одинъ, безъ пособія общины. Русскій законъ принялъ во вниманіе

начало римскаго права: *in maleficiis voluntas spectatur non exitus*. Вторая статья опредѣляетъ, когда виру платило общество. Это имѣло мѣсто въ трехъ случаяхъ: 1) когда убійство было совершено въ разбоѣ, 2) когда убійцы не было на лицо и въ 3) когда его не отыскалось: *„а оже убъютъ огнищанина въ разбой, или убійца не ищутъ, то вирное платити въ ней же верви голова лежитъ“*. Подъ именемъ разбоя тогда понималось не то, что теперь, т. е. нападеніе на человѣка съ цѣлью ограбить, — это называлось тогда грабежомъ; подъ именемъ же разбоя разумѣлась драка, возникшая вслѣдствіе ссоры, нѣчто въ родѣ западной дуэли. Чтобы отомстить за невыносимое оскорбленіе, въ то время существовалъ такой обычай: оскорбленный, набравъ ватагу своихъ пріятелей, пріѣзжалъ въ домъ обидѣвшаго, билъ и колотилъ что попадалось подъ руку, и если въ этомъ случаѣ совершалось убійство, то оно называлось совершеннымъ въ разбоѣ. Очевидно, убійство было не изъ желанія ограбить, часто невзначай. Другіе два случая, когда виру платила община, были: когда убійцы нѣтъ на лицо, или когда онъ неизвѣстенъ, когда общество не знаетъ, или не хочетъ выдать убійцы, считая его хорошимъ человѣкомъ. Эти узаконенія свидѣтельствуютъ, что русская земля въ то время была раздѣлена на общины, называвшіяся вервями, члены которыхъ были связаны круговой порукой, такъ что въ случаѣ совершенія преступленія однимъ изъ ея членовъ, виру платила вся община. Община могла даже отказать въ выдачѣ убійцы. Вервь платила виру лишь за тѣхъ, которые были связаны круговою порукою. Вирное устройство было исконнымъ на Руси и не составляло поэтому учрежденія Русской Правды; указанія на него мы имѣемъ еще въ договорахъ Олега и Игоря. Такъ, въ договорѣ Олега сказано, что нанесшій кому-либо личное оскорбленіе, если не въ состояніи былъ заплатить виру, долженъ былъ поклясться въ томъ, что ему некому помочь. Третья статья говоритъ о разрядѣ убійствъ, за которыя никто не платитъ, или когда убійство не считалось преступленіемъ. Къ этому разряду относится убійство вора во время кражи. За это убійство ни самъ виновникъ, ни общество не отвѣчало. Въ законѣ сказано; *„Оже убъютъ у которыя татьбы, то убитъ и въ пса мѣсто“*. Впрочемъ, и здѣсь законъ, жалая ограничить произволъ хозяина, считаетъ убійство непреступнымъ лишь въ томъ случаѣ, когда воръ защищался; а если воръ позволилъ себя связать, то убить его нельзя. Законъ говоритъ, что если хозяинъ успѣлъ связать вора, то, продержавъ его до утра, долженъ былъ вести его на княжій дворъ, а если посторонніе засвидѣтельствуютъ, что хозяинъ убилъ связаннаго вора, то также убійство считается въ обиду, и убійца платилъ виру самъ, безъ пособія общины. Разрѣшивши эти общіе вопросы, когда кому платить виру, обратимся къ тѣмъ статьямъ Правды сыновей Ярослава, въ которыхъ опредѣляется самое количество выкупа или головщины, идущихъ не князю, а потерпѣвшему. Этихъ статей четыре; въ нихъ говорится, что за убійство огнищанина, княжихъ — тіуна и старшаго стаднаго конюха — по 80 гривенъ, за убійство княжихъ отроковъ, конюховъ и поваровъ — 40 гривенъ, за убійство сельскаго княжаго старосты, рабы кормилицы и раба кормильца — 12 гривенъ, а за убійство княжаго рядовича — смерда и холопа — по 5 гривенъ. Здѣсь

ясно законъ говоритъ только о княжихъ людяхъ, а не о земскихъ, и выставленный въ этихъ статьяхъ платежъ относится не къ вирамъ, а къ головщинамъ, т. е. къ выкупамъ за голову, потому что здѣсь показанъ платежъ и за холопа и за рабу, а по общему смыслу всего древняго законодательства вира платилась только за свободныхъ людей, а не за рабовъ. Рабъ тогда считался вещью, а не лицомъ, и потому за его голову не полагалось виры, а только платилось хозяину вознагражденіе и особая пошлина князю, называвшаяся *продажею.*

Относительно личныхъ оскорбленій Правда сыновей Ярослава представляетъ три статьи. Въ первой говорится, что окровавленный, или съ синяками человѣкъ не обязанъ представлять свидѣтелей; во второй, что за побои смерда безъ княжескаго позволенія платится за обиду три гривны; въ третьей говорится, что за побои огнищанина, тіуна, или княжескаго мечника платится за обиду 12 гривенъ. Здѣсь законъ опять говоритъ объ однихъ княжихъ людяхъ, а не о земцахъ; слѣдовательно, по отношенію къ земцамъ узаконенія Правды Ярославовой остались въ прежней силѣ. Въ такой же силѣ остались постановленія Ярославовой Правды относительно различія побоевъ разнаго рода. Сыновья Ярослава не упоминаютъ о нихъ въ своей Правдѣ именно потому, что подробности эти остались неизмѣнны. Сыновья Ярослава говорятъ въ своей Правдѣ лишь о томъ, въ чемъ были сдѣланы измѣненія. Въ Правдѣ сказано: *„А ино все, яко же Ярославъ судилъ, такоже и сынове его уставиша“.*

Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ статьи о нарушеніи правъ собственности. Статьи этого отдѣла раздѣляются на три разряда. Въ первомъ разрядѣ опредѣляется плата пени за покраденныя вещи, которую долженъ былъ выплатить воръ, если у него не окажется налице покраденныхъ вещей. Здѣсь княжескій конь оцѣнивался въ 3 гривны, а конь смерда въ 2 гривны, кобыла — въ 60 рѣзаней, волъ въ 1 гривну, корова въ 40 рѣзаней, баранъ въ 1 ногату. Во второмъ разрядѣ статей излагаются различныя пени, которыя должны были платить уличенные въ нарушеніи права собственности. Пени эти были слѣдующія: 1) за уводъ чужого раба 12 гривенъ, 2) за кражу коня или вола изъ клѣти 1 гривну и 30 рѣзаней. А если въ одномъ воровствѣ участвовали нѣсколько лицъ, то съ каждаго по 3 гривны и 30 рѣзаней. Въ статьѣ объ этомъ сказано: *„Оже ихъ было 18, то по 3 гривны и 30 рѣзаней платитъ мужеви“.* 3) За порчу чужой межи — 12 гривенъ, за порчу княжей борти — 3 гривны, а за порчу борти смерда—3 гривны. Въ статьяхъ 3-го разряда говорится о мелкой кражѣ и также обозначаются цѣны за покраденныя вещи и пени, или продажи за нихъ въ пользу князя. Здѣсь замѣчательно то, что продажа за мелкую кражу назначается вдвое болѣе противъ цѣны покраденной вещи; такъ, гусь оцѣнивался въ 30 рѣзаней; а продажа за покражу его назначалось въ 60 рѣзаней; кромѣ того, если въ кражѣ участвовали 10, или болѣе человѣкъ, то каждый изъ нихъ долженъ былъ платить продажи по 60 рѣзаней.

Въ отдѣлѣ узаконеній противъ нарушителей права собственности, особенно обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія постановленія: 1) въ первой статьѣ за убійство раба назначается пеня въ 5 гривенъ,

а за уводъ раба платилось 12 гривенъ, слѣдовательно болѣе, чѣмъ вдвое. Это показываетъ, что русское общество того времени смотрѣло на раба, какъ на вещь. Убійство раба не могло принести никому пользы, слѣдовательно не могло быть часто,—напротивъ, уводъ раба приносилъ большую или меньшую пользу тому, кто уводилъ, слѣдовательно это преступленіе совершалось чаще, а слѣдовательно должно быть наказываемо строже. Во 2) въ Правдѣ сыновей Ярослава дѣлается различіе между одиночнымъ воровствомъ и воровствомъ, совершеннымъ цѣлою шайкою, причемъ за послѣднее пеня была болѣе. Въ 3-хъ въ Правдѣ сыновей Ярослава особенно замѣчательна статья о порчѣ межей. Въ Ярославовой Правдѣ о ней нѣтъ и помину. Но, конечно, необходимо должно допустить, что мѣры противъ порчи межей существовали, какъ въ Ярослававо время, такъ и прежде него, потому что и въ это время русскій народъ былъ земледѣльческимъ народомъ, а слѣдовательно дорожилъ своими полями, тѣмъ болѣе, что тогда было еще очень немного обработанныхъ полей. Межевыми знаками служили ямы, зарубки на деревьяхъ и разные естественные признаки. Отсутствіе въ Ярославовой Правдѣ узаконеній относительно порчи межей можно объяснить тѣмъ, что Ярославъ, конечно, предоставлялъ разбирательство дѣлъ этого рода или старому обычаю, или, что всего вѣроятнѣе, Судному Закону, въ которомъ есть статья о порчѣ межей. Но черезъ 50 лѣтъ по смерти Ярослава русское общество уже настолько развилось, что не могло оставаться ни при обычномъ правѣ, ни при Судномъ Законѣ, полагавшихъ тѣлесное наказаніе, несогласное съ русскимъ духомъ, и потребовало законовъ новыхъ. Поэтому-то сыновья Ярослава и помѣщаютъ въ своей Правдѣ статью относительно порчи межей. По Правдѣ сыновей Ярослава, порча межей считалась очень важнымъ преступленіемъ—за нее назначалась пеня въ 12 гривенъ, равная пени за увозъ раба.

Третій отдѣлъ Правды сыновей Ярослава заключаетъ статьи о судѣ и судебныхъ пошлинахъ по уголовнымъ дѣламъ. Отдѣлъ этотъ состоитъ изъ двухъ статей. Первая изъ нихъ говоритъ, что *„пойманаго вора должно вести на княжій дворъ“*, т. е. къ князю, или намѣстнику его, или къ тіуну. Статья эта прямо отрицаетъ самоуправство: по ней, убившій вора, связаннаго и немогшаго никому вредить, считался убійцею и приговаривался за это къ платѣ виры. Во 2-й статьѣ этого отдѣла опредѣляются слѣдующія судебныя пени: а) емцу, т. е. тому кто ловилъ вора, 10 рѣзаней; б) княжему мечнику—1 куна отъ гривны; в) въ десятину на церковь 15 кунъ; г) князю три гривны. Если же дѣло будетъ оцѣнено въ 12 гривенъ, то емцу 70 кунъ, въ церковь 2 гривны, а князю 10 гривенъ. Это распредѣленіе судебныхъ пошлинъ очевидно относится къ преступленіямъ по нарушенію правъ собственности; относительно преступленій противъ личности оставленъ былъ во всей силѣ старый Ярославовъ уставъ „о вирныхъ урокахъ и продажахъ“. Подробное разсмотрѣніе Правды сыновей Ярослава показываетъ, что она составляетъ продолженіе, пополненіе и развитіе Ярославовой Правды, но не составляетъ ея повторенія. Она ясно выражаетъ понятіе русскаго общества ея времени о правѣ, понятіе, которое оно имѣло въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ по смерти Ярослава и которое въ это время довольно развилось. Такъ,

Ярославъ въ своей Правдѣ еще не могъ отмѣнить совершенно месть родственниковъ за убитаго, онъ только ограничилъ ее, опредѣливъ, кто изъ родственниковъ убитаго могъ мстить за него. Сыновья же Ярослава прямо отрицаютъ законность права мести. Они замѣняютъ месть пенями, которыя въ ихъ Правдѣ раздѣляются на три вида, именно: когда общество должно платить за убійцу, когда—самъ убійца, и, наконецъ, когда пеня отмѣнялась и убійство не вмѣнялось въ преступленіе. Точно также и въ дѣлахъ по нарушенію правъ собственности сыновья Ярослава на столько опередили своего отца, что уже разграничили воровство единичное отъ воровства шайками. Это разграниченіе указываетъ на возникновеніе въ русскомъ обществѣ новыхъ вопросовъ и на развившуюся въ немъ потребность яснѣе опредѣлять общественныя отношенія. Но какъ видно изъ предъидущаго, и Правда сыновей Ярослава еще не выходитъ изъ предѣловъ законовъ уголовныхъ: въ ней нѣтъ узаконеній по гражданскому праву, а одни только узаконенія уголовныя.

Русская правда XII столѣтія. Развитіе общественной жизни на Руси породило новые вопросы, требовавшіе законодательнаго рѣшенія. А потому Русская Правда не могла оставаться на той же ступени развитія, на какой она была при сыновьяхъ Ярослава. Вмѣстѣ съ развитіемъ общества развиваются и его законы. Конечно, общество въ этомъ своемъ движеніи опережаетъ законъ, который, такимъ образомъ, остается позади, но все-таки и онъ движется. Хотя въ русское общество не входило новыхъ элементовъ до самаго татарскаго нашествія, но тѣмъ не менѣе прежніе элементы его: варяжскій, славянскій и византійскій постепенно измѣнялись и принимали одинъ характеръ — чисто русскій. Это постепенное сліяніе элементовъ должно было измѣнять развитіе общества, а это измѣненіе должно было отразиться на законодательствѣ. Слѣды этого развитія общества мы замѣчаемъ въ дальнѣйшихъ измѣненіяхъ и редакціяхъ Русской Правды. Дѣйствительно, въ послѣдующихъ редакціяхъ Русской Правды мы встрѣчаемъ ясныя доказательства постепеннаго развитія и измѣненія Правды Ярослава и Правды сыновей его. При внимательномъ разсмотрѣніи послѣдующихъ редакцій Русской Правды нельзя не замѣтить, что онѣ не суть повтореніе, или искаженіе Правды Ярослава и Правды сыновей его, но составляютъ отдѣльные законодательные памятники разныхъ временъ, приспособленные къ разнымъ степенямъ развитія русскаго общества. При разсматриваніи редакцій Русской Правды послѣдующихъ временъ нельзя не замѣтить, что почти во всѣхъ нихъ упоминается о Русской Правдѣ Ярославовой редакціи и о ея измѣненіи при сыновьяхъ Ярослава. Это обстоятельство служитъ прямымъ указаніемъ на то, что всѣ редакціи Русской Правды послѣ сыновей Ярослава составляютъ отдѣльные законодательные памятники, которые не должно смѣшивать съ двумя, разсмотрѣнными нами.

Содержаніе Правды XII вѣка во всѣхъ спискахъ начинается слѣдующими словами: „*Судъ Ярославль Володимірич, Правда Русская*". Не смотря на такое заглавіе, она, очевидно, не есть Ярославова Правда, а отдѣльный законодательный памятникъ, въ которомъ изъ Ярославой Правды и Правды сыновей его заимствована только одна первая статья, все же прочее въ ней составляетъ новость, основанную на новыхъ

началахъ, выработанныхъ русскимъ обществомъ. Поэтому, заглавіе: *„Судъ Ярославль Володимірічь“* — собственно можно отнести только къ одной первой статьѣ, которая дѣйствительно взята изъ Ярославовой Правды. Правду XII столѣтія можно раздѣлить на 4 отдѣла: въ первомъ изъ нихъ говорится о преступленіяхъ противъ жизни, во второмъ—о личныхъ оскорбленіяхъ, въ третьемъ—о нарушеніи правъ собственности, въ четвертомъ излагаются узаконенія о займахъ. Изъ этого раздѣленія статей мы ясно видимъ, что памятникъ сей, подобно предшествующимъ, еще преимущественно относится къ уголовному законодательству,—изъ гражданскаго права въ немъ помѣщенъ только одинъ отдѣлъ—о займахъ.

Первый отдѣлъ. Правда XII вѣка начинается первой статьей Ярославовой Правды и Правды сыновей его, отмѣнившихъ местъ за убійство и замѣнившихъ ее кунами. Указавши, такимъ образомъ, на основное начало законодательствъ предшествующаго времени, Правда XII вѣка приступаетъ къ развитію юридическихъ понятій своего времени, именно, излагаетъ узаконенія о вирахъ. Она во 1-хъ опредѣляетъ, что такое дикая вира и головщина и кто платилъ ихъ. По этому опредѣленію, дикою вирою называлась a) пеня за убійство, совершенное во время разбоя, или когда нѣтъ на-лицо убійцы, или же когда община не хочетъ выдать его; b) пеня за убійство, учиненное въ ссорѣ; c) вира за убійство, учиненное на пиру явно, а не скрытно. Отличительный характеръ дикой виры былъ тотъ, что ея платилъ не самъ убійца, а цѣлая община вервь, къ которой принадлежалъ убійца, и притомъ община платила эту виру не вдругъ, а погодно, въ теченіи нѣскольких лѣтъ. Основаніемъ для платежа дикой виры общиною служило то, что совершившій убійство былъ самъ членомъ этой общины или верви, и состоялъ вкладчикомъ по постоянному и каждогодному платежу дикой виры, хотя бы онъ и не совершилъ убійства. Въ законѣ прямо сказано: *„Будетъ ли головникъ ихъ въ верви, то за не къ нимъ прикладываютъ того же дѣля имъ помогати головнику (убійцѣ)“*. Итакъ, дикую виру, т. е. пеню князю за убійство, головникъ платилъ не одинъ, а при помощи цѣлой общины. Но самую головщину, т. е. плату родственникамъ за голову убитаго, онъ платилъ одинъ, тутъ община не помогала ему. Въ той же статьѣ говорится: *„А головничьство, а то самому головнику; а въ сороцѣ гривенъ (т. е. дикую виру) заплатити ему изъ дружины (т. е. вмѣстѣ съ членами верви) свою часть“*. Изъ учрежденія дикой виры видно, что здѣсь дѣйствовало юридическое понятіе о вмѣненіи. Общество, вервь, не вмѣняло въ преступленіе убійство въ 3-хъ показанныхъ нами случаяхъ, считало это убійство неумышленнымъ, или, по крайней мѣрѣ, извиняло убійцу, находило его хорошимъ членомъ и потому помогало ему, какъ своему вкладчику, въ платѣ виры и не выдавало его. Во 2-хъ, настоящій памятникъ опредѣляетъ: когда не допускается дикая вира, т. е. когда платилъ виру самъ убійца. Во первыхъ, виру платилъ тотъ убійца, который убилъ другого безъ ссоры, безъ причины со стороны убитаго, а единственно съ злымъ умысломъ, чтобы его ограбить. Такой убійца въ законѣ прямо названъ разбойникомъ; за него вервь не платила, а напротивъ самого его съ семействомъ и со всѣмъ имѣніемъ отдавала *„на потокъ и на разграбленіе“*. Въ

законѣ сказано: *„за разбойника люди не платятъ, но выдадятъ самого всего и съ женою и съ дѣтьми на потокъ и на разграбленіе“.* Община явно не терпитъ злоумышленнаго убійцу; она не только не защищаетъ его, а, напротивъ, исключаетъ его изъ своихъ членовъ, какъ нетерпимаго злодѣя, и убійство съ злымъ умысломъ считается достойнымъ строгой кары. Во вторыхъ, пособіемъ общины въ уплатѣ виры не пользовались тѣ изъ убійцъ, хотя бы и неумышленныхъ, которые не принадлежали ни къ какой верви, не вкладывали своей доли въ дикую виру: *„аже кто не вложится въ дикую виру“*, говорится въ законѣ, *„тому люди не помогаютъ, но самъ платитъ“*. Здѣсь головникъ, хотя и самъ платитъ, безъ пособія общины, но онъ, какъ неумышленный убійца, слѣдовательно, терпимый членъ, не изгоняется изъ общины, не отдается на потокъ и на разграбленіе; онъ по прежнему остается членомъ общины, только самъ, своими средствами уплачиваетъ виру и головщину, такъ какъ онъ не вкладывался въ дикую виру. Въ третьихъ, настоящій памятникъ говоритъ о такъ называемой *поклепной вирѣ.* Поклепною вирою называлась вира, платимая тѣмъ, на кого падало подозрѣніе въ убійствѣ, или кого уличили въ убійствѣ свидѣтели, но кто не былъ схваченъ во время самаго совершенія убійства. Законъ въ такомъ случаѣ требуетъ суда и судебными доказательствами признаетъ свидѣтелей, а ежели ихъ не будетъ, то испытаніе желѣзомъ. Для полнаго доказательства совершеннаго преступленія по закону требуется 7 свидѣтелей, ежели истецъ будетъ Русскій, а ежели Варягъ, или другой иноземецъ, то достаточно 2 свидѣтелей, т. е. обвиняемый признается преступникомъ, ежели семь, или двое свидѣтелей подтвердятъ обвиненіе. Но Русская Правда допускаетъ поклепъ въ убійствѣ и искъ только въ такомъ случаѣ, когда найденъ будетъ еще не разложившійся трупъ; когда же будутъ найдены только кости, или до того истлѣвшій трупъ, что убитаго нельзя и узнать, въ такомъ случаѣ ни искъ, ни судъ по закону не допускаются. Въ законѣ сказано: *„А на костѣхъ и по мертвецѣ не платити виры, оже имени не вѣдаютъ, ни знаютъ его“.* Это ясно показываетъ, что въ XII вѣкѣ уголовное дѣло только тогда разбиралось, когда были истцы по этому дѣлу, т. е. процессъ былъ чисто обвинительный.

Относительно узаконеній о вирныхъ пошлинахъ Правда XII столѣтія слѣдуетъ уставу Ярослава о вирныхъ урокахъ, только нѣсколько измѣняетъ его, именно: 1) вирные уроки она раздѣляетъ на два разряда: а) на виры въ 80 гривенъ и b) на виры въ 40 гривенъ. Вмѣсто вирнаго урока въ 60 гривенъ въ пользу вирника, какъ это узаконяетъ Ярославова Правда, Правда XII вѣка узаконяетъ брать въ пользу вирника отъ 80 гривенъ 16 гривенъ, а отъ 40 гривенъ 8. Кормы же вирнику Правда XII вѣка опредѣляетъ такъ же, какъ и Ярославова Правда. Далѣе въ настоящемъ отдѣлѣ помѣщена оцѣнка, по чемъ платить за каждую голову головщины. Эта оцѣнка одинакова съ оцѣнкою по Правдѣ сыновей Ярослава, только здѣсь прибавлено: во 1-хъ, раздѣленіе княжескихъ служителей на два разряда, причемъ къ первому, въ 80 гривенъ за голову, отнесены тіуны — огнищный и конюшій; а ко второму, въ 40 гривенъ, княжіе отроки, конюхи и повара, — слѣдовательно, младшая дружина; во 2-хъ, въ двѣ-

надцати-гривенную головщину включены ремесленники и ремесленницы, а въ пяти-гривенную къ княжескимъ рядовичамъ причислены и боярскіе рядовичи. Первый отдѣлъ настоящаго памятника оканчивается статьею о пошлинахъ, платимыхъ въ томъ случаѣ, когда кто оправдается отъ обвиненія въ убійствѣ; здѣсь пошлины въ пользу княжаго отрока брались одинаково съ оправданнаго и съ обвинителя. Въ законѣ сказано: *„А кто свержетъ виру, то гривна кунъ смѣтная отроку; а кто и клепалъ, а тому дати другую гривну“*.

Во второмъ отдѣлѣ о личныхъ оскорбленіяхъ настоящій памятникъ перечисляетъ тѣ же преступленія, какія перечислены и въ Правдѣ Ярослава. Самое наказаніе остается большею частію прежнимъ, но настоящій памятникъ развиваетъ нѣкоторыя новыя юридическія понятія, на которыя прежніе законодатели не обращали вниманія. Такъ, напримѣръ, въ статьѣ: *„оже кто кого ударитъ батогомъ....“* въ Ярославовой Правдѣ просто назначена пеня въ 12 гривенъ, согласно съ Олеговымъ договоромъ; въ настоящемъ же памятникѣ къ пени въ 12 гривенъ прибавлено еще: *„Не терпя ли противу тому тнетъ мечемъ, то вины ему въ томъ нѣтъ“*. Или въ статьѣ: *„Аже пріидетъ кровавъ мужъ на дворъ (княжъ)“* по Ярославову закону предоставлялось на волю обиженнаго или мстить, или взять три гривны за обиду и плату за лѣченье, а обида доказывалась на судѣ знаками на тѣлѣ: ранами, синяками и проч., а за недостаткомъ ихъ — свидѣтелями. Точно тотъ же порядокъ удержанъ и въ настоящемъ памятникѣ, но здѣсь прибавлено, что свидѣтели должны говорить *„слово противу слова“* съ обвинителемъ и сверхъ того сказано, что кто началъ драку, тотъ обязанъ платить, сверхъ 3 гривенъ обиженному, 60 кунъ и еще 3 гривны продажи въ казну княжескую. Это узаконеніе вошло въ Правду XII вѣка прямо изъ Суднаго Закона, въ который оно вошло изъ Юстиніанова кодекса. Если же окажется по указанію свидѣтелей, что избитый, пришедшій жаловаться, самъ началъ драку, то лишался права на полученіе вознагражденія за обиду. Въ законѣ сказано: *„Аще и кровавъ пріидетъ, а будетъ самъ почалъ, а вылезутъ послуси, то то ему за платежъ, оже и били“*. Слѣдовательно, въ Правдѣ XII столѣтія принималось уже въ разсчетъ, кто началъ драку; прежде же достаточно было показать знаки побоевъ, или привести свидѣтелей, чтобы получить вознагражденіе за обиду; теперь же, кто началъ драку, хотя бы онъ и дѣйствительно былъ оскорбленъ, или потерпѣлъ побои, тотъ терялъ всякое право на вознагражденіе отъ обидчика и не имѣлъ права жаловаться. Слѣдовательно, законъ здѣсь обращалъ вниманіе и судилъ не по одному факту, а по причинамъ, вызвавшимъ фактъ, чего въ прежнемъ русскомъ законодательствѣ не было замѣтно. Такимъ образомъ, отдѣлъ о личныхъ оскорбленіяхъ замѣчателенъ для насъ въ томъ отношеніи, что въ немъ разбирается не одинъ фактъ, а также и мотивъ факта, или воля совершившаго преступленіе.

Третій отдѣлъ о преступленіяхъ противъ правъ собственности представляетъ очень много новаго о порядкѣ суда и слѣдствіяхъ по этимъ дѣламъ, что тогда извѣстно было подъ именемъ свода. Статьи о сводѣ начинаются измѣненною статьею Ярославовой Правды о томъ же предметѣ. По Ярославовой Правдѣ, увидавшій свою пропавшую

вещь въ рукахъ другого не могъ тотчасъ брать ее, а долженъ былъ требовать свода; а ежели владѣвшій покраденною вещью не шелъ на сводъ, то въ теченіе 5 дней долженъ представить поручителей въ томъ, что онъ купилъ, а не укралъ опознанную вещь. Въ настоящемъ же памятникѣ во 1-хъ поручительство и пятидневный срокъ отмѣнены. Это отмѣненіе очевидно произошло оттого, что сроки и поручительство заимствованы были изъ византійскаго Номоканона и, какъ несогласные съ духомъ русскаго общества, не могли долго держаться въ русскомъ законодательствѣ; во 2-хъ послѣдствія свода выражены довольно опредѣленно, тогда какъ у Ярослава они вовсе опущены. Въ настоящемъ памятникѣ прямо сказано, что найденный посредствомъ свода настоящій тать долженъ платить хозяину покраденной вещи и все то, что пропало вмѣстѣ съ нею. Напримѣръ, у хозяина пропала лошадь съ телѣгою и съ разными товарами въ телѣгѣ; если хозяинъ увидалъ у кого-либо свою пропавшую лошадь и посредствомъ свода открылъ настоящаго татя, то тать долженъ заплатить ему и за телѣгу съ товарами, хотя они у него не были найдены. Далѣе, настоящій памятникъ полагаетъ границы сводамъ, именно: въ одномъ городѣ сводъ долженъ производиться до конца, т. е. пока не отыщется настоящій тать; но если сводъ придется вести по разнымъ городамъ и деревнямъ, то по новому закону истецъ идетъ только до третьяго свода, и третій за лицо, т. е. за найденную у него краденую вещь, долженъ заплатить истцу деньги, а съ самою покраденною вещью, или лицемъ, итти до конца свода, т. е. пока найденъ будетъ настоящій тать, который долженъ былъ платить все: и пеню, или продажу, князю, и другія вещи, пропавшія вмѣстѣ съ найденною, а также и всѣ расходы по сводамъ. Притомъ, при сводахъ соблюдался такой порядокъ: если тотъ, у кого найдена покраденная вещь, скажетъ: „я купилъ ее на торгу", то долженъ представить двухъ свободныхъ мужей, или мытника, при которыхъ совершена покупка, и ежели притомъ скажетъ, что не знаетъ у кого купилъ, то вмѣстѣ съ своими свидѣтелями долженъ будетъ присягнуть въ томъ, что найденная у него вещь дѣйствительно куплена имъ на торгу у неизвѣстнаго лица при свидѣтеляхъ, которые также должны дать клятву. Послѣ этого вещь отдавалась истцу, а покупщику предоставлялось искать того неизвѣстнаго, у котораго онъ купилъ ее, и если, хотя и чрезъ долгое время, этотъ неизвѣстный находился, то долженъ былъ возвратить взятыя у покупщика деньги и заплатить хозяину вещи все то, что пропало вмѣстѣ съ нею и выплатить пеню или продажу въ казну князя. Далѣе, въ настоящемъ отдѣлѣ говорится, что при отысканіи украденнаго раба порядокъ свода былъ назначенъ тотъ же, какой и для отысканія пропавшихъ вещей: настоящій хозяинъ раба шелъ только до третьяго свода, у третьяго бралъ раба, а своего оставлялъ ему, какъ поличное, чтобы итти ему до конечнаго свода и, когда на конечномъ сводѣ отыскивался настоящій тать, то рабъ, оставленный въ поличное, возвращался хозяину его, а тать платилъ всѣ убытки по своду и продажу князю въ 12 гривенъ. Въ заключеніи о сводахъ настоящій памятникъ повторяетъ законъ Ярославовыхъ сыновей, что воръ, пойманный при воровствѣ, въ случаѣ сопротивленія, могъ быть безнаказанно убитъ хозяиномъ,

поймавшимъ его; но если хозяинъ возьметъ вора живымъ и свяжетъ, а потомъ, вмѣсто того, чтобы вести на княжій дворъ, убьетъ его связаннаго, то за это подвергается пени въ 12 гривенъ. Настоящій отдѣлъ Правды XII вѣка заканчивается пятью статьями о количествѣ продажи, или пени, за разныя кражи и о законной цѣнѣ разнымъ вещамъ, которую воръ долженъ платить хозяину вещи въ случаѣ, если не будетъ вещи на лицо. Статьи эти почти всѣ взяты изъ Правды сыновей Ярослава и только нѣкоторыя изъ нихъ измѣнены и пополнены. Наконецъ, въ заключеніи этого отдѣла сказано, что продажа или пеня за татьбу налагалась только тогда, когда тати были люди свободные; ежели же тати были рабы, то на нихъ, какъ на несвободныхъ, не налагались пени, а только господа ихъ платили вдвое противъ покраденнаго. Въ законѣ сказано: *„Оже будетъ холопи тати, либо княжи, либо болярскыи, либо чернцевы ихъ же князь продажею не казнитъ, занеже суть не свободни, то двоичи платити къ исцу за обиду“*. Это совершенно новый законъ, неизвѣстный ни Ярославовой Правдѣ, ни Правдѣ сыновей Ярослава. Но въ основныхъ своихъ чертахъ законъ этотъ вполнѣ согласенъ съ Ярославовой Правдой, которая не признаетъ личности въ холопѣ, а считаетъ его безгласною собственностью господина наравнѣ съ домашними животными; какъ въ случаѣ нанесенія какого-либо вреда домашними животными, за убытокъ, понесенный при этомъ, платилъ хозяинъ, которому принадлежали животныя, такъ и холопу не вмѣнялись преступленія и за него, какъ за домашнее животное, долженъ былъ отвѣчать господинъ. Такимъ образомъ, Правда XII вѣка въ узаконеніяхъ о преступленіяхъ противъ правъ собственности имѣетъ тѣ же основанія, какъ и Ярославова Правда и Правда сыновей Ярослава, только въ Правдѣ XII в. отдѣлъ этотъ нѣсколько пополненъ и особенно отличается развитіемъ понятій о порядкѣ свода, или отысканія татя.

Четвертый отдѣлъ Правды XII вѣка составляютъ законы о займахъ и процентахъ. Отдѣлъ этотъ, какъ и предшествовавшій, начинается статьею Ярославовой Правды о взысканіи долговъ: *„Аще кто взыщетъ кунъ на друзѣ, а онъ ся учнетъ запирати, то оже на нь послуси выведетъ, то ти пойдутъ на роту, а онъ возьметъ куны свои; занеже не далъ есть ему за много лѣтъ, то платити ему за обиду 3 гривны“*. Здѣсь противъ Ярославовой Правды прибавлено только то, что послухи, представленные истцемъ, должны итти на роту, т. е. дать клятву; у Ярослава же клятвы съ послуховъ не требовалось. Но Правда XII вѣка, принявши за основаніе Ярославову Правду, относительно взысканія долговъ пошла еще далѣе, постоянно имѣя въ виду дать болѣе удобства и опредѣленности, какъ заключенію займа, такъ и взысканію долга. Русская Правда XII вѣка освободила купцевъ отъ представленія свидѣтелей: судъ, по новому закону, принималъ купеческіе иски по долгамъ и безъ свидѣтелей, только отвѣтчикъ, или должникъ долженъ былъ очистить себя клятвою, ежели отпирался отъ долга. Въ законѣ сказано: *„Аще кто купецъ купцу дастъ въ куплю куны или въ гостьбу, то купцу предъ послухи кунъ не имати: послуси ему не надобѣ, но ити ему самому ротѣ, оже ся учнетъ запирати“*. Во-2) настоящее узаконеніе освобождаетъ отъ представленія свидѣтелей, когда кто свои вещи, или деньги, отдаетъ на сохраненіе; по

новому закону, въ случаѣ спора, приниматель очищалъ себя присягою, и тѣмъ оканчивалъ дѣло. *„А оже кто поклажеи кладетъ у кого либо, то ту послуха нѣтъ, у кого товаръ тотъ лежитъ; но оже начнетъ большимъ клепати, тому итти ротѣ у кого лежало, како толко еси у мене положилъ, за неже ему благо дѣялъ и хранилъ"*. Этотъ законъ очевидно былъ изданъ въ отмѣну 27 главы Суднаго Закона, которая требовала въ этомъ случаѣ свидѣтелей и другихъ доказательствъ. Явно, что эта глава Суднаго Закона, какъ узаконеніе не туземное, которое требовало многихъ и сложныхъ доказательствъ, оказалась несогласною съ духомъ русскаго общества и въ XII вѣкѣ была замѣнена настоящимъ не сложнымъ узаконеніемъ — требованіемъ роты. Въ настоящемъ отдѣлѣ Правды XII вѣка помѣщены двѣ совершенно новыя статьи о процентахъ. Въ прежнихъ узаконеніяхъ — ни у Ярослава, ни у сыновей его нѣтъ и помину о процентахъ, а Судный Законъ даже прямо запрещалъ брать проценты: *Аще даси брату нищу взаимъ*, говорится въ Судномъ Законѣ, *не буди на нь нападая, ни за долги роста"*. Это правило любви христіанской, предложенное церковью, очевидно оказалось неисполнимымъ въ русскомъ обществѣ,— проценты, не смотря на запрещеніе, все таки брались и, конечно, при запрещеніи брались въ гораздо большей мѣрѣ, нежели когда бы они были дозволены. Посему русское законодательство должно было отступиться отъ запрещенія процентовъ и обратиться къ другимъ началамъ, именно: принять мѣры, чтобы условія процентовъ были болѣе гласны и не производили споровъ, а также продолжительныхъ и разорительныхъ тяжбъ. Съ этою цѣлью 46 статья настоящей редакціи Русской Правды на первый разъ узаконяетъ только то, чтобы проценты назначались при свидѣтеляхъ, и чтобы кредиторъ сверхъ условленныхъ процентовъ не требовалъ новыхъ. Въ законѣ сказано: *Аще кто куны даетъ въ рѣзы, или медъ въ наставы, или жито въ присыпъ, то послухи ему ставити како ся съ нимъ будетъ рядилъ, тако же ему имати"*. Далѣе законъ не ограничивается одною гласностью условій, ибо проценты и при гласности могли быть обременительны, и къ гласности присоединяетъ еще и мѣры процентовъ; онъ установляетъ, чтобы заимодавецъ, если мѣсячный долгъ затянется на годъ, не имѣлъ права брать мѣсячные проценты съ своего должника, а переводилъ ихъ на годовые и третные. Притомъ, въ настоящемъ законѣ подтверждено, что при назначеніи процентовъ непремѣнно должны быть свидѣтели; въ противномъ случаѣ заимодавецъ не только лишался процентовъ, но не имѣлъ права взыскивать и самый капиталъ. Изъ этого общаго правила было допущено только одно исключеніе: небольшія суммы, до 3 гривенъ кунъ, заимодавецъ могъ давать безъ свидѣтелей и могъ подтвердить свой искъ, въ случаѣ неплатежа долга, только клятвою. Въ законѣ сказано: *„А мѣсячный рѣзъ, оже за мало дній, то ему плати; а зайдутъ куны до того же году, то дадятъ ему куны въ треть, а мѣсячный рѣзъ погренути, послуховъ ли не будетъ, а будетъ кунъ три гривны, то ити ему про свои куны ротѣ"*. А ежели кредиторъ давалъ взаймы безъ свидѣтелей болѣе трехъ гривенъ, то судья говорилъ ему такъ словами закона: *„Привиновалъся еси, аже еси послуха не ставилъ"*. Такимъ образомъ, Русская Правда XII вѣка представляетъ съ одной стороны постепенное развитіе Правды

Ярославовой и Правды сыновей Ярослава, а съ другой даетъ нѣсколько статей, неизвѣстныхъ ни Правдѣ Ярослава, ни Правдѣ сыновей его, и показывающихъ, что въ русскомъ законодательствѣ въ XII вѣкѣ мало-по-малу стали вводиться юридическіе обычаи общества, которымъ, такимъ образомъ, сообщилась обязательная сила закона. Такъ и всегда бываетъ въ естественномъ развитіи законодательства; сперва является обычай, по мѣрѣ развитія общества обычай слабѣетъ и на мѣсто его являются положительные законы. Но основа народнаго юридическаго обычая не теряется въ положительныхъ законахъ, а проводится въ нихъ во всей своей силѣ.

Уставъ Владимира Мономаха. Уставъ этотъ начинается слѣдующими словами: *„Володимиръ Всеволодичъ по Святополцѣ созва дружину свою на Берестовѣмъ: Ратибора, кіевскаго тысяцкаго, и Прокопія, тысяцкаго бѣлгородскаго, Станислава, тысяцкаго переяславскаго, Нажира, Мирослава, Иванка Чудиновича, Ольгова мужа и уставили и до третьяго рѣзу“*. Указаніе самаго памятника, что онъ изданъ былъ вслѣдъ за смертью Святополка, показываетъ особую причину, побудившую Владимира Мономаха поспѣшить изданіемъ новаго закона о рѣзѣ. Эта причина, по свидѣтельству лѣтописи, заключалась въ томъ, что при Святополкѣ сильно развилось лихоимство и жиды, покровительствуемые самимъ Святополкомъ, угнетали народъ высокими процентами, такъ что Кіевляне, по смерти Святополка, бросились грабить жидовъ и требовали отъ Мономаха, чтобы онъ установилъ проценты. Поэтому первый отдѣлъ Мономахова устава посвященъ узаконеніямъ о кредитѣ.

Первый отдѣлъ можетъ быть раздѣленъ на двѣ части. Въ 1-й говорится о кредитѣ вообще, а во 2-й—о кредитѣ, когда для обезпеченія долга должникъ представлялъ свою личность, свою свободу и въ случаѣ неуплаты дѣлался рабомъ кредитора. Говоря о кредитѣ вообще, Мономахъ издаетъ новые законы о процентахъ; онъ хотя и не уничтожаетъ процентовъ, но установляетъ, чтобы взявшій два раза третные проценты, довольствовался однимъ возвращеніемъ капитала. Мѣсячныхъ процентовъ Мономахъ не признаетъ, а третные допускаетъ лишь подъ однимъ условіемъ: если кто взялъ три раза третные проценты то тотъ терялъ право и на полученіе самаго капитала. Причина прекращенія лихоимства состояла въ установленіи мѣры процентовъ 10 кунъ на гривну въ годъ, (что на нашъ счетъ составляло около 20%). Во вторыхъ, Мономахъ обращалъ вниманіе на неоплатныхъ должниковъ, раздѣливъ ихъ на несчастныхъ и виноватыхъ. Первыхъ онъ защищаетъ отъ притѣсненій кредитора, разсрочивая ихъ долгъ на годы, а вторыхъ отдаетъ на произволъ кредиторовъ: хотятъ — ждутъ, хотятъ — продадутъ должника. Далѣе, у Мономаха сказано, какъ удовлетворять кредиторовъ изъ имѣнія несостоятельныхъ должниковъ. Первое мѣсто принадлежало иногороднымъ кредиторамъ на томъ основаніи, что они, какъ чужеземцы, могли не знать о состояніи того, кому дѣлали кредитъ; второе мѣсто принадлежало князю, а третье кредиторамъ, живущимъ въ одномъ съ должникомъ городѣ, при чемъ бравшіе большіе проценты лишались права получить капиталъ. Вотъ слова закона: *„Аще кто многимъ долженъ будетъ, а пришедъ гость изъ инаго города или чужезе-*

меиъ, а не вѣдая запустить за нъ товаръ, а опять начнетъ не дати гостю кунъ, а первіи должницы запинати ему начнутъ, не дадучи кунъ, то вести я на торгъ и продати и отдати же первое гостеви куны, а домачнымъ, что ся останетъ кунъ, тѣмъ ся подѣлятъ; паки ли будутъ княжи куны, то княжи куны переже взяти; а прокъ въ дѣлъ; оже кто много рѣза ималъ, то тому не имати".

Вторая статья кредитныхъ установленій Мономахова устава относится къ кредиту подъ залогъ личности или свободы. Такого рода должники носятъ въ Мономаховомъ уставѣ названіе закуповъ и раздѣляются на два разряда: 1) на закуповъ въ кунахъ или серебрянинковъ, т. е. взявшихъ въ долгъ деньги, и 2) на закуповъ ролейныхъ или крестьянъ, т. е. живущихъ на чужой землѣ. Закупъ въ деньгахъ, по Мономахову уставу, признавался свободнымъ человѣкомъ и пользовался правами лица; онъ не продавался, а закладывался и удерживалъ за собою личныя права, чѣмъ отличался отъ раба. Правъ личной свободы лишался онъ, въ случаѣ если онъ убѣгалъ отъ хозяина, отъ заимодавца, не платя денегъ; тогда онъ становился обѣльнымъ холопомъ. Впрочемъ, лишенію правъ состоянія закупъ подвергался лишь въ томъ случаѣ, если онъ уходилъ тайно, съ намѣреніемъ не платить денегъ; но если онъ уходилъ съ тѣмъ, чтобы найти денегъ въ уплату, то это не ставилось ему въ вину. Если же онъ убѣгалъ, хотя и тайно, но съ жалобой на притѣсненія и обиды хозяина къ судьямъ, то онъ не только не обращался въ раба, но по его жалобѣ производился судъ, въ которомъ закупъ и хозяинъ имѣли одинаковое значеніе, одинаковыя права, и въ случаѣ справедливой жалобы судъ удовлетворялъ закупа, взыскивая съ хозяина. Такимъ образомъ, законъ обезпечивалъ, какъ личность закупа, такъ и капиталъ хозяина. Теперь слѣдуютъ ролейные закупы. Ролейные закупы, по свидѣтельству Мономахова устава, были собственно жильцами на землѣ своего заимодавца; они жили на чужой землѣ по взаимному договору съ хозяиномъ ея и могли свободно, во всякое время, оставить занятую землю. За пользованіе землею ролейные закупы платили извѣстную часть доходовъ заимодавцу. По крайней мѣрѣ такими представляетъ намъ уставъ Мономаха отношенія ролейныхъ закуповъ къ хозяевамъ занимаемыхъ ими земель. Но такъ какъ ролейные закупы, кромѣ земли, обыкновенно получали еще отъ своего хозяина въ ссуду рабочій скотъ, земледѣльческія орудія, хлѣбъ, какъ для посѣвовъ, такъ и на свое содержаніе до времени жатвы, то отсюда возникали различныя обстоятельства, препятствовавшія свободному переходу ролейныхъ закуповъ съ одной земли на другую. По поводу вещей, занятыхъ ролейнымъ закупомъ у своего хозяина, могли возникнуть различныя столкновенія между ними, очень затрудняющія ихъ взаимныя отношенія; поэтому, Мономахъ въ своемъ уставѣ обратилъ вниманіе только на тѣ условія отношеній ролейныхъ закуповъ къ ихъ хозяевамъ, когда ролейные закупы, кромѣ земли, получали отъ хозяевъ въ ссуду различныя вещи. Такъ, по закону Мономаха, ролейный закупъ не платитъ, если у него пропадетъ воинскій конь, ибо хозяинъ не былъ обязанъ давать закупу воинскаго коня, но обязанъ платить за рабочій скотъ, орудія, сѣмена, безъ чего онъ не имѣлъ права отойти, но и въ этихъ случаяхъ закупъ платилъ тогда только, когда пропажа

совершилась при немъ; но если господинъ отошлетъ его по своимъ дѣламъ и въ его отсутствіе совершится пропажа, то закупъ не отвѣчаетъ за нее. Слѣдовательно закупъ отвѣчаетъ только тогда, когда пропажа совершится по его небрежности. Такъ, закупъ не обязанъ платить за рабочій скотъ, выведенный изъ запертаго хлѣва, но если закупъ по небрежности забудетъ загнать скотъ въ хлѣвъ, то платитъ за это. Также отвѣчаетъ онъ, если лошадь падетъ у него на работѣ. Такимъ образомъ, ролейный закупъ, если онъ ничѣмъ не былъ обязанъ хозяину, кромѣ какъ землей, то онъ могъ всегда уйти отъ него свободно; но такъ какъ онъ обыкновенно, кромѣ земли, получалъ еще различныя вещи, то законъ налагалъ на него извѣстныя обязанности относительно заимодавца. Вмѣстѣ съ этимъ законъ установлялъ нѣсколько правилъ, чтобы заимодавецъ не притѣснялъ закупа. Мѣры эти были слѣдующія: 1) господинъ, или заимодавецъ, не давшій закупу по условію участка земли, или недозволившій ему пользоваться извѣстной частью доходовъ, обязывался закономъ не только дать то, что условлено, но и заплатить за обиду 60 кунъ. 2) Господинъ, взявшій деньги на закупѣ (т. е. заложившій закупа въ обезпеченіе занятыхъ денегъ) повиненъ былъ возвратить деньги и сверхъ того заплатить закупу три гривны за обиду. 3) Господинъ, продавшій закупа въ полное рабство, не только терялъ право на закупа и на данный ему капиталъ, но и платилъ 12 гривенъ пени. 4) Господинъ, прибившій закупа безвинно, долженъ былъ платить ему 60 кунъ, какъ и свободному. Вотъ правила, ограждающія закупа отъ обидъ. Наконецъ, въ настоящемъ отдѣлѣ Мономахова устава помѣщено узаконеніе о томъ, какъ взыскивать съ закупа за его преступленіе. Закупъ, хотя и пользовался правами лица, но тѣмъ не менѣе не былъ вполнѣ свободенъ и самостоятеленъ въ средѣ общества, а зависѣлъ отъ заимодавца, поэтому законъ предоставляетъ на волю хозяина—заплатить ли за него пеню, слѣдуемую съ него за преступленіе, или продать закупа для уплаты пени. Въ первомъ случаѣ заимодавецъ, заплативши деньги за закупа, получалъ его въ полную собственность и закупъ дѣлался обѣльнымъ холопомъ, а во второмъ—если господинъ продаетъ закупа, то изъ проданнаго уплачиваетъ слѣдуемую за закупа пеню, а остальное беретъ себѣ. А если закупъ обокралъ господина, то онъ тѣмъ самымъ обращается въ полную его собственность.

Второй отдѣлъ устава Мономахова слѣдуетъ за статьями о кредитѣ и говоритъ о личныхъ оскорбленіяхъ. Этотъ отдѣлъ начинается статьей о личномъ оскорбленіи, нанесенномъ рабомъ свободному человѣку, и о томъ, какъ удовлетворять подобныя оскорбленія. Эта статья указываетъ на измѣненіе 16 ст. Ярославовой Правды. Въ ней мы видимъ постепенное развитіе закона объ обидахъ. По Ярославовой Правдѣ, обиженный могъ убить холопа, гдѣ бы ни встрѣтилъ, хотя бы и получилъ уже пеню въ 12 гривенъ. По смерти Ярослава сыновья его вообще замѣнили убійство вирою. Эта замѣна стала относиться и къ обидамъ холоповъ. Но такъ какъ въ Правдѣ сыновей Ярослава нѣтъ особой статьи объ этомъ предметѣ, то чтобы толкованіе общаго смысла узаконеній сыновей Ярослава получило болѣе опредѣленности въ отношеніи къ холопамъ, въ настоящемъ отдѣлѣ Мономахова устава постановлено, что обиженный имѣетъ право или бить холопа, но не-

связаннаго, или взять гривну кунъ за безчестье. Далѣе въ томъ же отдѣлѣ помѣщены двѣ статьи объ обидахъ между свободными людьми. Первая: „*А кто порветъ бороду, а выметъ знаменіе, а будетъ людіе, то 12 гривенъ продажи, а иже безъ людей, а въ поклепъ, то нѣтъ продажи*". Вторая: „*Аже выбьютъ зубъ, а кровь увидятъ у него во ртѣ, а людіе вылезутъ, то 12 гривенъ продажи, а зубъ гривна*".—Статья о бородѣ есть явное повтореніе таковой же статьи изъ Правды Ярослава, даже и пеня назначена та же самая. Но здѣсь статья Ярославовой Правды взята только за основаніе относительно пени; взглядъ же на дѣлопроизводство совершенно новый. Настоящая статья требуетъ свидѣтелей даже тогда, когда будетъ признакъ, что вырванъ клокъ бороды, и безъ свидѣтелей освобождаетъ обвиняемаго отъ платежа пени. Въ прежнихъ же законодательныхъ памятникахъ о свидѣтеляхъ въ подобныхъ случаяхъ нѣтъ и помину. Статья о зубѣ совершенно новая; относительно пени она также основана на Ярославовой статьѣ о бородѣ, но по требованію свидѣтелей беретъ въ основаніе юридическія начала, высказанныя въ предшествующей статьѣ.

Третій отдѣлъ Мономахова устава составляютъ 4 статьи о преступленіяхъ противъ собственности. Изъ нихъ 1-я говоритъ о покражѣ бобра, живущаго въ чьемъ-либо угодьѣ, а 3 остальныя — о порчѣ межей бортныхъ, ролейныхъ и дворныхъ. За всѣ эти преступленія назначена одинаковая пеня въ 12 гривенъ, именно та самая, которая помѣщена въ Правдѣ сыновей Ярослава въ статьѣ: „*иже межу переоретъ*". Въ этихъ статьяхъ, между прочимъ, помѣщено важное правило, какъ искать татя, укравшаго бобра, ежели онъ не будетъ пойманъ на дѣлѣ, а оставитъ только признаки, что бобръ пойманъ и украденъ, а не самъ ушелъ. По этому правилу обиженный объявлялъ верви, или общинѣ, что у него украденъ бобръ, и доказывалъ это тѣмъ, что въ его борти была оставлена воромъ сѣть, или что тамъ разсѣчена земля, и вервь должна была или сама искать татя, или заплатить продажу, т. е. 12 гривенъ. Это правило совершенно одинаково съ правиломъ дикой виры, которую также платила цѣлая вервь. Слѣдовательно, вирный порядокъ по Мономахову уставу перенесенъ былъ отъ преступленій противъ жизни на преступленія противъ собственности.

Четвертый отдѣлъ Мономахова устава занятъ изложеніемъ правилъ судопроизводства и сбора судныхъ пошлинъ. Относительно судопроизводства уставъ Мономаха обращаетъ особенное вниманіе на свидѣтелей. Свидѣтели еще на Ярославовой Правдѣ признавались какъ необходимое судебное доказательство, но прежніе доказательные памятники не опредѣляли качества свидѣтелей; въ Мономаховомъ же уставѣ узаконено, что свидѣтелями на судѣ могли быть только свободные люди, а отнюдь не рабы; ежели не будетъ свободнаго, то можно принять свидѣтелемъ боярскаго тіуна, который былъ рабомъ только по должности, а въ малой тяжбѣ могъ быть принятъ свидѣтелемъ и закупъ. Закупъ былъ свободный человѣкъ, но по своему положенію онъ находился въ зависимости отъ истца, или отвѣтчика, какъ отъ своего господина, и слѣдовательно по его приказанію могъ свидѣтельствовать невѣрно. Относительно судебныхъ пошлинъ уставъ Мономаха представляетъ лишь нѣсколько нововведеній. Онъ ограничи-

вается лишь вирными пошлинами и не сходенъ ни съ Ярославовымъ уставомъ о вирныхъ урокахъ, ни съ правдою сыновей Ярослава. Впрочемъ, очевидно онъ основанъ на однихъ началахъ съ симъ послѣднимъ, т. е. и здѣсь и тамъ пошлины вирника и его служителей являются не въ видѣ сбора со всѣхъ вирныхъ дѣлъ общины впродолженіе какого либо опредѣленнаго срока, а въ видѣ прибавки, или процента на каждую виру отдѣльно, почему въ законѣ и называются накладами. Будучи сходными относительно началъ сбора, оба узаконенія разно опредѣляютъ количество его. Настоящее узаконеніе говоритъ, что *„вирныхъ накладовъ слѣдуетъ отъ виры: вирнику 12 гривенъ, отроку 2 гривны и 20 кунъ, а самому ѣхати съ отрокомъ на дву кони, сути же на ротъ овесъ, а мясо дати овенъ, любо полоть, а инымъ кормомъ, что има черево возметъ, писцу 10 кунъ, перекладнаго 5 кунъ, а за мѣхъ двѣ ногаты"*. — По старымъ же законамъ о вирахъ вирнику назначенъ урокъ *„въ 16 гривенъ, 10 кунъ и 12 вѣкшей, переди ссадная гривна, метельнику 12 вѣкшей; а за голову три гривны"*. Но кромѣ разногласія въ количествѣ пошлинъ, законъ Мономаха свидѣтельствуетъ о важномъ нововведеніи въ судопроизводствѣ, — о введеніи письменности, ибо въ числѣ вирниковыхъ служителей уже упоминается писецъ, записывающій дѣла, тогда какъ прежде метельникъ дѣлалъ только метки на биркѣ — сколько взято судныхъ пошлинъ. Этому писцу назначена было пошлины въ 15 разъ больше, чѣмъ прежнему метельнику, ибо метельникъ получалъ лишь 12 вѣкшей, тогда какъ писцу полагалось 10 кунъ, и сверхъ того 2 ногаты за мѣхъ, подъ именемъ котораго должно разумѣть пергаментъ или кожу, на которой писались дѣла. Нѣсколько позднѣе, а именно при сыновьяхъ Мономаха, есть свидѣтельство лѣтописи о введеніи письменности въ судопроизводство. Вотъ всѣ узаконенія Мономаха.

Узаконенія послѣ Мономахова устава. За Мономаховымъ уставомъ въ Русской Правдѣ помѣщенъ новый законодательный памятникъ. Кѣмъ онъ изданъ — неизвѣстно. Относительно времени можно сказать, что онъ изданъ или во 2-й половинѣ XII, или въ 1-й половинѣ XIII вѣка. Новый уставъ состоитъ изъ 17 статей; его можно раздѣлить на три отдѣла. Въ первомъ говорится о преступленіяхъ противъ собственности, во 2-мъ — о преступленіяхъ противъ лица, а въ 3-мъ — о судопроизводствѣ; о преступленіяхъ же противъ жизни въ этомъ памятникѣ ничего не говорится, слѣдовательно они остались по прежнимъ уставамъ. Узаконенія о судопроизводствѣ, хотя находятся въ уставѣ Мономаха, въ Правдѣ XII в. и въ Правдѣ сыновей Ярослава, но въ настоящемъ памятникѣ мы находимъ значительныя измѣненія этихъ узаконеній, что указываетъ на самостоятельность этого памятника.

Первый отдѣлъ о преступленіяхъ противъ собственности можетъ быть раздѣленъ на двѣ половины. Къ первой принадлежитъ 5 статей, взятыхъ изъ Правды Ярославовыхъ сыновей, именно — о покражѣ ладьи, ястреба, сокола, голубя, курицы, утки, гуся, лебедя, журавля, сѣна, дровъ; въ этихъ статьяхъ противъ Правды сыновей Ярослава только измѣнены нѣкоторыя пени или продажи, а въ иныхъ прибавленъ платежъ хозяину за украденныя вещи. Во 2-й половинѣ помѣщены пять совершенно новыхъ статей, неизвѣстныхъ по прежнимъ редакціямъ Русской Правды, таковы: о подломѣ бортнаго дерева, о выдра-

ніи пчелъ изъ улья, объ испорченіи верви въ перевѣсѣ, о зажженіи чужого гумна или двора и о зарѣзаніи чужой скотины. Особенное вниманіе привлекаютъ 2 послѣднія статьи. Онѣ, очевидно, взяты изъ Суднаго Закона, но передѣланы на русскіе нравы, ибо здѣсь за поджогъ назначался потокъ и разграбленіе, а по Судному Закону — обезглавливанье; за умышленное убіеніе чужой скотины назначалась пеня или продажа въ 12 гривенъ и 1 гривна хозяину за убытокъ; въ Судномъ же законѣ за это преступленіе было положено тѣлесное наказаніе и платежъ вдвое за убытокъ.

Второй отдѣлъ говоритъ о преступленіяхъ противъ личности. Онъ состоитъ изъ 4 статей. Изъ нихъ двѣ первыя суть слѣдующія: *„Аще смердъ мучитъ смерда безъ княжа слова, то три гривны продажи, а за муку гривна кунъ“*, — и вторая: *„Аще огнищанина мучитъ, то 12 гривенъ продажи, а за муку гривна“*. Статьи эти взяты изъ Правды сыновей Ярослава, только здѣсь три гривны и 12 гривенъ, по Правдѣ сыновей Ярослава назначенныя въ платежъ за обиду, обращены въ пеню или продажу, а обиженному назначено особенное вознагражденіе по гривнѣ кунъ за муку. Слѣдовательно, здѣсь законъ признаетъ оскорбленіе противъ лица преступленіемъ и требуетъ, чтобы за него платилась пеня виноватымъ, и то, что прежде считалось частной обидой, считается теперь оскорбленіемъ общества. Здѣсь виденъ естественный прогрессъ общества. Первоначально каждый платилъ обидчику тѣмъ же, потомъ оскорбленія стали оплачиваться деньгами, но продолжались считаться частными оскорбленіями, пока наконецъ въ нихъ не стали видѣть оскорбленія цѣлаго общества. Слѣдующія затѣмъ двѣ статьи представляютъ узаконенія, совершенно неизвѣстныя въ прежнихъ законодательныхъ памятникахъ. Въ первой изъ нихъ говорится о наказаніи за убійство женщины. Въ законѣ сказано: *„Аще кто убъетъ жену, то тѣмъ же судомъ судити, якоже и мужа аже будетъ виноватъ, то полвиры, 20 гривенъ“*; вторая статья говоритъ объ убійствѣ раба: *„А въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтутъ, но оже будетъ безъ вины убіенъ, то за холопъ, или за робу урокъ платити, а князю 12 гривенъ продажи“*. Въ прежнихъ редакціяхъ Русской Правды не было положено особой виры за убійство женщины; слѣдовательно вира тогда была одинакова, какъ за убійство женщины, такъ и за убійство мужчины, потому что нельзя думать, чтобы въ свободномъ русскомъ обществѣ не назначалось никакого наказанія за убійство женщины; въ настоящемъ же памятникѣ плата за убійство женщины убавилась,—вмѣсто 40 гривенъ за убійство ея назначается только 20 гривенъ. Но изъ этого не слѣдуетъ заключать, что при сыновьяхъ Мономаха измѣнилось и самое значеніе женщинъ въ русскомъ обществѣ, потому что въ настоящемъ памятникѣ убавлена только судебная плата князю за убійство женщины, головщина же за убійство ея оставалась прежняя. Предъ княземъ женщина стояла дѣйствительно ниже мужчины, такъ какъ она не платила податей и не отбывала военныхъ и другихъ повинностей, но въ семьѣ и обществѣ она имѣла значеніе равное съ мужчиной. Относительно второй статьи должно сказать, что она представляетъ для насъ весьма важное юридическое опредѣленіе о непризнаніи за рабомъ правъ личности; законъ прямо и ясно говоритъ: *„а въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтутъ“*. Вира назначается

только за лице, а холопъ, рабъ не лице, а вещь—собственность господина; слѣдовательно въ убійствѣ холопа нарушается только собственность господина, за нарушеніе собственности назначается продажа и платежъ за убытокъ.

Третій и послѣдній отдѣлъ настоящаго памятника состоитъ изъ 3 статей. Одна статья говоритъ, какъ отыскивать татя, не пойманнаго на дѣлѣ, и узаконяетъ, что для отысканія его должно итти по слѣду; слѣдъ же вести съ посторонними людьми, или послухами; а если слѣдъ велъ къ обозу, или селу, то кому принадлежалъ обозъ или село, если не отведутъ отъ себя слѣда, или не пойдутъ на слѣдъ, или отобьются, то должны будутъ заплатить продажу (т. е. пеню) и татьбу (цѣну вещи). А если слѣдъ затеряется въ пустомъ мѣстѣ, или на большой дорогѣ, то искъ прекращается. Въ основаніе этого правила было принято уже извѣстное намъ начало, чтобы всѣ судебные иски производились при свидѣтеляхъ. Но здѣсь видно развитіе права, ибо по настоящей статьѣ достаточно не отвести слѣдъ, чтобы быть признаннымъ воромъ (вести слѣдъ и итти по сводамъ до конечнаго татя въ основаніи своемъ одинаковы, но тѣмъ не менѣе вести слѣдъ указываетъ уже на развитіе права; ибо по „сводамъ“ можно было итти только тогда, когда есть поличное). Здѣсь не нужно поличнаго, но довольно одного слѣда, чтобы начать искъ о воровствѣ. Вторая статья этого отдѣла говоритъ, что всѣ тяжбы, чтобы начинать искъ, требуютъ свободныхъ свидѣтелей, а не рабовъ; въ законѣ сказано: 1) *„тяжи вѣ (т. е. тяжбы) судятъ послухи свободными, будетъ ли послухъ холопъ, то холопу на правду не вылазити. Но оже хощетъ истецъ иметъ и (холопа) река тако: по сего рѣчи азъ емлю тя, а не холопъ, и емлетъ и на желѣзо, оже обинитъ и то емлетъ на немъ свое, не обинитъ ли его, платити гривна за муку, за не по холопьи рѣчи ялъ и“*. Здѣсь важно и ново то, что рабъ могъ быть свидѣтелемъ, если того требуетъ истецъ, но не иначе, какъ отъ лица истца (*по рѣчи холопа азъ емлю тя, а не холопъ*). Вслѣдствіе этого истецъ принимаетъ на себя и послѣдствія, ежели свидѣтельство холопа окажется ложнымъ (*не обвинитъ ли платити ему гривна за муку, зане по холопьи рѣчи ялъ).* Слѣдовательно законъ не признаетъ личности у раба, но позволяетъ истцу свидѣтельство раба перенести на свою личность и требуетъ испытанія желѣзомъ, чего не нужно, когда свидѣтелемъ является свободный человѣкъ. Если отвѣтчикъ отвергалъ свидѣтельство холопа, то по закону подвергался испытанію желѣзомъ.—Въ третьей статьѣ изложены правила о собраніи пошлинъ, когда судебнымъ доказательствомъ будетъ испытаніе желѣзомъ.—Въ законѣ сказано: *„А желѣзнаго платити 40 кунъ, а мечнику 5 кунъ, а полгривны дѣтскому; то ти желѣзный урокъ, кто си въ чемъ емлетъ. А еже иметъ на желѣзо, по свободныхъ людей рѣчи, любо ли запа нанъ будетъ, любо прохожденіе нощное, или кимъ любо образомъ, оже не ожъжется, то про муки не платити ему; но едино желѣзное кто и будетъ ялъ“*. Во второй половинѣ этой статьи опредѣляется, когда за испытаніе желѣзомъ истецъ платилъ только желѣзное князю, но не платилъ отвѣтчику за муку; въ ней представляются два такихъ случая: 1) „когда отвѣтчикъ подвергнутъ былъ испытанію желѣзомъ *„по свободныхъ людей рѣчи“*; 2) когда отвѣтчикъ *не ожъжется, любо ли запа нанъ будетъ, любо прохоженіе*

нощное, или кимъ любо образомъ, т. е. если кто незамѣтно для другихъ загородится (запа значитъ загородка), или отведетъ глаза, или обманетъ, или вообще какимъ нибудь образомъ не обожжется. Испытаніе желѣзомъ производилось съ разными церемоніями въ присутствіи княжескаго мечника и отрока, причемъ расходы лежали на томъ изъ тяжущихся, который требовалъ подвергнуть испытанію другого. Расходы эти состояли въ уплатѣ 40 кунъ князю, 5 кунъ мечнику и полгривны отроку, гривны подвергнутому испытанію и вѣроятно опредѣленной платы въ церковь. Испытаніе желѣзомъ было крайнее средство, въ родѣ судебнаго поединка на западѣ. Церемоніи при этомъ испытаніи доказываютъ, что средство это распространялось все болѣе и болѣе. Въ прежнихъ Правдахъ нѣтъ и помину о желѣзномъ. Законъ этотъ, очевидно, чужой, взятый съ запада. Но испытаніе желѣзомъ отличается отъ этого же испытанія на западѣ. Это испытаніе имѣетъ характеръ религіозный—это ордаліи, суды Божіи. Тамъ испытуемый утверждалъ, что онъ не ожжется, если онъ правъ; Богъ ему поможетъ. У насъ же церемоніи введены быть можетъ для того, чтобы при испытаніи не произошло мошенничества, а самое испытаніе имѣетъ характеръ не ордаліи, а простой пытки.

Законы Русской Правды о наслѣдствѣ. За Мономаховымъ уставомъ былъ помѣщенъ въ Русской Правдѣ сборникъ узаконеній о наслѣдствѣ. Неизвѣстно, были ли эти узаконенія простымъ продолженіемъ прежняго памятника, или составляли нѣчто самостоятельное. Настоящій сборникъ раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ каждая была издана отдѣльно—одна прежде, а другая послѣ. Дѣла о наслѣдствѣ по Владимирову и Ярославову уставамъ подлежали духовному суду и производились по Судебному Закону. О нихъ не упоминается въ прежнихъ редакціяхъ Русской Правды. Но, по всему вѣроятію, Номоканонъ не имѣлъ на Руси всеобщаго приложенія, ибо на Руси еще до принятія христіанства были свои обычаи, которые дѣйствовали рядомъ съ Номоканономъ. Вообще дѣла о наслѣдствѣ производились большею частію по старымъ обычаямъ—судили сами родственники; къ суду же церкви прибѣгали лишь только тѣ, которые оставались недовольны старыми обычаями. При такомъ положеніи дѣлъ стали возникать споры между наслѣдниками, изъ которыхъ одни опирались на старые обычаи, другіе—на Номоканонъ. Чтобы прекратить такія столкновенія законодатель издалъ новые законы.

Первый изъ настоящихъ сборниковъ узаконеній о наслѣдствѣ состоитъ изъ 5 частей, опредѣляющихъ собственно порядокъ наслѣдованія дѣтьми послѣ родителей безъ завѣщанія.

Въ первыхъ двухъ статьяхъ говорится о различіи наслѣдованія у смердовъ и у бояръ, или, лучше сказать, у общинныхъ и частныхъ поземельныхъ собственниковъ. Эти статьи суть: 1) „*Аже смердъ умретъ то задницю князю; аже будутъ дщери у него дома, то даяти часть на нѣ; аже будутъ замужемъ, то не даяти части имъ*“. 2) „*Аже въ боярехъ, любо въ дружинѣ, то за князя задниця не идетъ; но оже не будетъ сыновъ, а дщери возмутъ*“. Статьи эти узаконяютъ, что смерду могутъ наслѣдовать только сыновья его, а боярину, напротивъ, сыновья и дочери. Такой порядокъ наслѣдованія былъ не у однихъ Русскихъ, а у всѣхъ Славянъ: Чеховъ, Сербовъ, Поляковъ и друг. Основаніемъ для такого порядка было то, что у Русскихъ (и другихъ

славянскихъ народовъ), какъ народа, занимавшагося по преимуществу земледѣліемъ, земля составляла главную собственность; прочее же имѣніе, движимое и недвижимое, для него составляло неопредѣленную и сомнительную собственность, которая не могла служить основою въ дѣлѣ исправленія имъ общественныхъ обязанностей. А такъ какъ поземельное владѣніе у нихъ было двоякое: общинное и частное, то это и послужило причиною различія въ наслѣдованіи у смердовъ и у бояръ. Смердъ владѣлъ землею на общинныхъ правахъ, т. е. съ обязанностью нести извѣстныя общественныя повинности. Поэтому естественно, что право наслѣдованія въ классѣ смердовъ ограничивалось только одними сыновьями, потому что только сыновья смерда могли по смерти его заступить его мѣсто, т. е. сдѣлаться членами общины, способными отбывать общественныя повинности и исполнять различныя обязательства въ отношеніи къ общинѣ. Дочери же смерда не могли замѣнить своего отца въ общинѣ; поэтому какъ скоро умиралъ смердъ, не имѣя сыновей, то имѣніе его, за исключеніемъ части замужнимъ его дочерямъ, отдавалось князю, а земля князю, или общинѣ. Напротивъ, бояре были полными владѣльцами своихъ земель, поэтому имъ могли наслѣдовать и дочери и имѣніе боярина только тогда считается выморочнымъ, когда послѣ него не оставалось ни сыновей, ни дочерей. Этотъ порядокъ наслѣдованія указываетъ еще на то, что законъ тогда зналъ только семью и не зналъ рода. Братья, дяди, племянники и др. родственники не имѣли права на наслѣдованіе, и имѣніе боярина, если у него не было ни сыновей ни дочерей, а у смерда только сыновей, считалось выморочнымъ. Такимъ образомъ, здѣсь видно полное отсутствіе родового порядка наслѣдованія. Третья статья настоящаго сборника говоритъ: *„аже кто умирая раздѣлитъ домъ свои дѣтемъ, на томъ же стояти; паки ли безъ ряду умретъ, то всѣмъ дѣтемъ, а на самаго часть дати по души“*. Изъ этой статьи видно, что завѣщатель могъ по своей волѣ раздѣлить имѣніе между сыновьями, не стѣсняясь никакими требованіями. Такой порядокъ явно противорѣчитъ Судному Закону, по которому завѣщатель долженъ былъ дѣлить свое имѣніе всѣмъ дѣтямъ по-ровну, и вполнѣ согласенъ съ характеромъ русскихъ законовъ о наслѣдствѣ, выраженныхъ въ договорѣ Олега съ Греками. Слѣдовательно, статья эта была составлена въ отмѣну узаконеній Суднаго Закона. Впрочемъ это можно сказать только относительно первой половины этой статьи; вторая же половина ея, гдѣ узаконяется, что завѣщатель долженъ отдѣлять часть своего имущества въ церковь, на поминъ души, цѣликомъ взята изъ Суднаго Закона. — Четвертая статья опредѣляетъ участіе жены въ наслѣдствѣ послѣ мужа. Она въ основаніи своемъ взята изъ Суднаго Закона. Вотъ эта статья: *„Аще жена сядетъ по мужи, то дати ей часть, а у своихъ дѣтей взяти часть; а что на ню мужъ взложилъ, тому же естъ госпожа а задница ей мужня не надобѣ; будутъ ли дѣти, то что первой жены, то то возмутъ дѣти матери своей, любо си на жену будетъ взложилъ, обаче матери своей возмутъ“*. Въ силу этой статьи, жена по смерти мужа имѣла право на такую же долю въ наслѣдствѣ, какую получали и всѣ сыновья, если только мужъ при жизни своей не выдѣлилъ уже ей части своего имущества. Не смотря на то, что статья эта имѣетъ много сходнаго съ

подобною же статьею Суднаго Закона, она имѣетъ и свою важную особенность, а именно: по Номоканону жена получала долю изъ мужнина имѣнія только на прожитіе, по Русской же Правдѣ они получала такую долю въ полную собственность, такъ что если она выходила второй разъ замужъ, то по смерти ея дѣти первой жены ея мужа не имѣли права на ея имущество, если она сама, по доброй волѣ, не отказывала имъ имущества своего. – Въ пятой статьѣ говорится: *„Аже будетъ сестра въ дому, то той задницы не имати, но отдадятъ ю братія замужъ, како си могутъ“*. Статья эта удаляетъ сестру отъ участія вмѣстѣ съ братьями въ наслѣдованіи имѣнія послѣ отца. Она, очевидно, составлена на основаніи русскихъ, или общеславянскихъ обычаевъ. Въ Судномъ Законѣ подобной статьи нѣтъ, напротивъ, она находится во всѣхъ славянскихъ законодательствахъ, по которымъ сестра не допускалась къ участію въ наслѣдствѣ; только братья должны были пристроить ее сообразно съ своими средствами.

Эти пять статей узаконеній о наслѣдствѣ очевидно вскорѣ оказались недостаточными; въ практической жизни возникло очень много юридическихъ вопросовъ, которые должно было разрѣшить законодательство. Отвѣтомъ на эти вопросы служитъ новый сборникъ узаконеній о наслѣдствѣ.

Во второмъ сборникѣ узаконеній о наслѣдствѣ разрѣшаются слѣдующіе вопросы: во 1-хъ, имѣютъ ли незаконнорожденныя дѣти права наслѣдства, равныя съ законнорожденными? — По древнимъ русскимъ и вообще славянскимъ законамъ не дѣлалось никакого различія между законнорожденными дѣтьми и незаконнорожденными, но со введеніемъ христіанства на Руси относительно этого вопроса возникли недоумѣнія, такъ какъ по Номоканону незаконнорожденныя дѣти не признавались равноправными съ законнорожденными. Настоящій памятникъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ такъ: *„аще будутъ робьи дѣти у мужа, то задници имъ не имати, но свобода имъ съ матерью“*. Такимъ образомъ, настоящій памятникъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ явно въ духѣ старинныхъ русскихъ юридическихъ обычаевъ, такъ какъ по этому памятнику дѣти незаконныя, прижитыя съ рабою, хотя и не пользовались наравнѣ съ законнорожденными дѣтьми правами наслѣдованія имущества отца, но за то получали, какъ наслѣдство, отъ свободнаго отца свободу вмѣстѣ съ матерью. Очевидно и это исключеніе незаконнорожденныхъ основано было частію на томъ порядкѣ, существовавшемъ въ русскомъ обществѣ, что честь и значеніе человѣка опредѣлялись честью и значеніемъ его матери. Мать у такихъ незаконнорожденныхъ рабыня, слѣдовательно и они должны быть рабами. Во 2-хъ, настоящій памятникъ разрѣшаетъ такой вопросъ: какой долженъ быть порядокъ наслѣдованія дѣтьми послѣ матери? Мы видѣли, что мать могла имѣть свое имущество: приданое, подарокъ и пр. Этотъ вопросъ разрѣшается полнымъ отрицаніемъ того порядка, который былъ узаконенъ относительно наслѣдованія дѣтьми послѣ отца. Въ законѣ прямо сказано: *„а матерня часть дѣтемъ не надобѣ, но кому мати взхощетъ, тому дастъ: дастъ ли всѣмъ, и вси раздѣлятъ; безъ языка ли умретъ, то у кого ли будетъ на дворѣ была и мертва и кто ю кормилъ, тому взяти“*. Изъ этой статьи видно, что жена могла завѣщевать свое имущество кому хотѣла, какъ сыновьямъ, такъ

и дочерямъ; если же она умирала, не объявивъ своей воли, то долю ея имущества бралъ тотъ, въ домѣ кого она жила и умерла, безъ различія—былъ ли это сынъ, или же дочь. Въ 3-хъ въ настоящемъ памятникѣ опредѣляется порядокъ наслѣдованія дѣтьми отъ двухъ отцовъ и одной матери. Дѣти разныхъ отцовъ наслѣдовали каждый своему отцу; но они не прежде дѣлили имѣніе своихъ отцовъ, какъ пригласивши свидѣтелей, которые знали имѣніе обоихъ отцовъ, и при которыхъ имѣніе перваго мужа ихъ матери было сдано на руки второго для сохраненія. Эти свидѣтели показывали, что такія-то вещи составляли имѣніе перваго отца, а такія-то—второго. Если при этомъ не оказывалось извѣстной части имѣнія перваго отца, то оно пополнялось равной долей изъ имѣнія второго отца, растратившаго не свое имѣніе. Когда все это было исполнено, то дѣти перваго отца дѣлили имѣніе своего отца, а оставшееся затѣмъ дѣлилось между дѣтьми второго отца. Это узаконеніе кажется заимствовано въ основныхъ своихъ чертахъ изъ эклоги Льва Философа, но оно отличается отъ статьи Льва Философа тѣмъ, что по послѣдней вотчимъ, принимая имѣніе дѣтей своей жены отъ перваго ея мужа, обязанъ былъ обезпечить его собственнымъ имѣніемъ; тогда какъ по Русской Правдѣ не требовалось подобнаго обезпеченія. Въ 4-хъ, Русская Правда разрѣшаетъ вопросъ о наслѣдованіи имѣнія дѣтьми отъ одного отца и двухъ матерей. Вопросъ этотъ въ Русской Правдѣ разрѣшается такъ: „.... *будутъ ли дѣти* (отъ второй жены), *то что первой жены, то то̂ возмуть дѣти матери своей, любо си на жену будетъ взложилъ, обаче матери своей возмутъ*". Это значитъ, что дѣти отъ двухъ женъ дѣлятъ по-ровну имѣніе отца, но имѣніе, принадлежавшее каждой изъ женъ, поступало въ раздѣлъ только между ихъ дѣтьми; такъ напр. имѣніе первой жены и дѣлилось только между сыновьями первой жены. Этотъ порядокъ также заимствованъ изъ эклоги Льва Философа, только по эклогѣ отецъ, вступившій во второй бракъ, не долженъ былъ отказывать второй женѣ болѣе того, что получали отъ него дѣти отъ первой его жены; по Русской же Правдѣ онъ въ этомъ отношеніи ничѣмъ не былъ ограничиваемъ.

Законы Русской Правды объ опекѣ. Вмѣстѣ съ новыми законами о наслѣдствѣ введены были новые законы и объ опекѣ. Со времени введенія христіанства на Руси, порядокъ опеки опредѣлялся по Номоканону, но съ побѣдою чисто русскихъ юридическихъ обычаевъ надъ обычаями византійскими были изданы новые, чисто-русскіе законы объ опекѣ. По новому закону Русской Правды порядокъ опеки былъ слѣдующій: опека надъ малолѣтними дѣтьми и имуществомъ, принадлежавшимъ имъ, назначалась только въ такомъ случаѣ, когда у нихъ не было въ живыхъ ни отца, ни матери, или когда мать ихъ во второй разъ выходила замужъ. Если же она не вступала во второе замужество, то относительно дѣтей вполнѣ замѣняла мужа, пользовалась всѣми правами его и становилась главою семейства. Дѣти не могли выходить изъ ея повиновенія даже и въ такомъ случаѣ, если бы она оставляла домъ перваго своего мужа и выходила замужъ во второй разъ, но тогда опекунами назначались или родственники отца, или второй мужъ матери. Имѣніе покойнаго передавалось опекуну передъ людьми, т. е. передъ свидѣтелями, которые назначались отъ

самого общества. По окончанiи опеки, когда дѣти выростутъ, опекуны обязывались сдать это имѣнiе тоже при свидѣтеляхъ, и ежели что-либо изъ него затрачивалось опекунами, то опекуны обязаны были уплатить утраченное по оцѣнкѣ постороннихъ людей, или тѣхъ же свидѣтелей. Но до окончанiя воспитанiя дѣтей, во время управленiя ихъ имѣнiями, опекуны пользовались всѣми доходами, получаемыми съ земли и со всего имѣнiя; впрочемъ, приплодъ отъ скота и дѣти отъ рабовъ должны были поступать не въ пользу опекуновъ, а въ пользу, находившихся подъ опекою, наслѣдниковъ. Настоящее узаконенiе очевидно составлено въ дополненiе Суднаго Закона, въ которомъ говорится только объ опекѣ и наслѣдствѣ по завѣщанiю, т. е. когда самъ покойникъ назначилъ опекуна и раздѣлилъ имѣнiе; объ опекѣ же по закону въ немъ нѣтъ и помину. Такимъ образомъ, настоящiй отдѣлъ Русской Правды служилъ дополненiемъ этого пробѣла. Законы объ опекѣ, составленные въ дополненiе Суднаго Закона, чисто русскаго происхожденiя и заимствованы изъ исконныхъ русскихъ обычаевъ, а не изъ византiйскихъ узаконенiй; потому что во-1-хъ, опека надъ малолѣтними дѣтьми назначается по Русской Правдѣ только въ такомъ случаѣ, когда мать ихъ выходила опять замужъ; по римскимъ же законамъ и надъ самой матерью назначалась опека. Такой порядокъ существовалъ во всей западной Европѣ, гдѣ женщина постоянно находилась подъ опекой отца, мужа, или же старшаго сына, и законодательство западно-европейскихъ государствъ во взглядѣ на женщину рѣзко отличается отъ нашего древняго законодательства. Во-2-хъ, по настоящимъ узаконенiямъ опекунъ пользовался, какъ вознагражденiемъ за опеку, доходами съ имѣнiй малолѣтнихъ; напротивъ, въ Судномъ Законѣ нѣтъ и помину о вознагражденiи опекуну за его хлопоты по опекѣ. Но съ другой стороны новые законы объ опекѣ, помѣщенные въ Русской Правдѣ, представляютъ и заимствованiя изъ Суднаго Закона. Они требуютъ, чтобы имѣнiе малолѣтнихъ отдавалось опекуну при свидѣтеляхъ. То же самое требованiе находимъ и въ Судномъ Законѣ, гдѣ сказано: *„тому поручити имѣнiе устроити при послухи“*.

Законы о холопствѣ. Этотъ послѣднiй отдѣлъ мы встрѣчаемъ въ Русской Правдѣ только въ полномъ ея объемѣ и развитiи. Статьи этого памятника можно раздѣлить на три отдѣла.

Въ первомъ отдѣлѣ говорится о томъ, въ какомъ случаѣ свободный человѣкъ признавался полнымъ холопомъ, или обѣльнымъ рабомъ. Такихъ случаевъ настоящее узаконенiе представляетъ три. 1-й случай—когда кто купилъ человѣка на торгу, или въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ, хотя бы за $^1/_2$ гривны, или за ногату, при свидѣтеляхъ. Если свободный человѣкъ, при покупкѣ его въ рабы, молчалъ, то это молчанiе принималось за его согласiе на продажу себя въ холопы и законъ, въ такомъ случаѣ, узаконялъ за купившимъ право собственности на продавшаго себя въ рабы свободнаго человѣка. 2-й случай —когда кто вступалъ въ бракъ съ рабою извѣстнаго господина, не договорившись съ нимъ о своей свободѣ и такимъ образомъ тѣмъ самымъ признавалъ себя какъ бы рабомъ господина своей жены. Въ противномъ случаѣ, если свободный человѣкъ вступалъ въ бракъ съ рабою, договариваясь съ господиномъ о своей свободѣ, то законъ признавалъ ее неприкосновенною и всячески ограждалъ. 3-й случай—

когда свободный человѣкъ добровольно принималъ должность тіуна, или ключника у извѣстнаго господина, также не договорившись съ нимъ о своей свободѣ; при этомъ господинъ могъ послѣдняго обратить въ рабы и законъ признавалъ за господиномъ право собственности на свободнаго прежде тіуна, какъ на раба. Если же принимая должность тіуна, свободный человѣкъ договаривался о своей свободѣ, въ такомъ случаѣ, она оставалась также неприкосновенною. Такимъ образомъ, настоящее узаконеніе ограждаетъ права свободныхъ людей и признаетъ ихъ несвободными, или рабами, только въ тѣхъ случаяхъ, когда они не договариваются о свободѣ, поступая въ услуженіе къ извѣстному господину и, такъ сказать, въ самомъ молчаніи своемъ изъявляютъ желаніе продать свою свободу и поступить къ извѣстному господину въ рабы. Далѣе, законъ ограждаетъ права свободныхъ отъ насилія въ тѣхъ случаяхъ, когда они были должниками и съ обязательствомъ работать на своего заимодавца. Онъ говоритъ, что нельзя обратить въ холопы того, кто получитъ взаймы деньги, или хлѣбъ, или даже жалованье съ обязательствомъ работать годъ. Хотя бы и отказался отъ работы сдѣлавшій заемъ, не дослуживши года, то и въ такомъ случаѣ онъ не долженъ былъ обращаться въ холопство, а только обязывался возвратить хозяину то, что взялъ взаймы.

Второй отдѣлъ излагаетъ узаконенія *„о бѣглыхъ холопѣхъ“*. Здѣсь во 1-хъ, узаконяется: если холопъ убѣжитъ, а господинъ объ этомъ побѣгѣ объявитъ, и потомъ кто либо, слышавши объ этомъ побѣгѣ, встрѣтитъ холопа и, зная его, дастъ ему хлѣба, или же укажетъ ему дорогу, тотъ подвергался пени — за раба въ 5, а за рабу въ 6 гривенъ; во 2-хъ, узаконяется — кто переиметъ холопа, тотъ за переимку отъ господина холопа получаетъ одну гривну, а если опуститъ его, то платитъ уже господину — за раба 4 гривны, а за рабу 5 гривенъ. Такимъ образомъ, настоящія узаконенія сильно ограждаютъ права собственности въ отношеніи къ рабамъ. Но, ограждая права собственности на раба, новый законъ въ то же время ограничиваетъ самоуправство господина. По настоящимъ узаконеніямъ Русской Правды, господинъ, отыскивая бѣглаго раба, если узнавалъ, гдѣ онъ находится, то не могъ самъ связать его и взять, но долженъ былъ объявить о своемъ рабѣ городскому посаднику, который и посылалъ своего слугу взять бѣглаго раба, связать и представить господину его. За это господинъ платилъ посадничьему слугѣ 10 кунъ (вязебное), но гривны за переемъ не платилъ уже никому, потому что самъ отыскивалъ раба. Законъ ограничиваетъ отъ излишнихъ притязаній господина и тѣхъ, которые по невѣдѣнію указывали дорогу бѣглому рабу, или же держали его въ своемъ домѣ, а потомъ отпускали. Господинъ бѣжавшаго раба не могъ считать такихъ укрывателями раба и не могъ подвергнуть ихъ платежу пени, если они присягали въ томъ, что дѣлали это по невѣдѣнію. Въ законѣ прямо сказано: *„оже кто не вѣдая чюжъ холопъ усрящетъ или повѣсти дѣетъ или держитъ и у себя, а оттыдетъ отъ него, то ити ротѣ, яко не вѣдалъ есмь, оже есть холопъ, а платежа въ томъ нѣту“*.

Третій отдѣлъ узаконеній о холопствѣ содержитъ въ себѣ статьи объ обязанностяхъ господина отвѣчать за своего холопа. Здѣсь во 1-хъ, говорится: ежели бы холопъ взялъ въ долгъ деньги, или то-

варъ у кого-либо, назвавши себя свободнымъ, то господинъ обязывался выплатить взятое холопомъ, или долженъ былъ отдать его въ полную собственность кредитору. Но господинъ не обязанъ былъ выплачивать долгъ холопа въ такомъ случаѣ, если кредиторъ, давая взаймы, зналъ, что даетъ холопу. Во 2-хъ, узаконяется: если господинъ поручалъ холопу торговлю отъ своего имени, то обязывался отвѣчать за всѣ долги, въ которые впалъ холопъ, и не могъ его самого отдать въ уплату долговъ, потому что кредиторы вѣрили не холопу, а поручившемуся за него господину. Въ 3-хъ, выплачивая долги холопа, господинъ по закону имѣлъ полное право собственности на все, что пріобрѣталъ холопъ, даже находясь въ бѣгахъ, заработками, торговлею и другими средствами. Въ законѣ сказано: *„оже холопъ бѣгая добудетъ товару, то господину холопъ и долги, господину же и товаръ“*. Въ 4-хъ, узаконяется, что господинъ, имѣя право на все, пріобрѣтенное рабомъ въ бѣгахъ, долженъ былъ вмѣстѣ съ этимъ и уплачивать все, что рабъ въ бѣгахъ переворовалъ, или набралъ въ долгъ. Въ 5-хъ, равнымъ образомъ, господинъ, по настоящему узаконенію, обязывался платить за всѣ убытки, которые наносилъ рабъ его свободнымъ людямъ. Господинъ долженъ былъ въ такомъ случаѣ— или выкупить раба, или же отдать его въ полную собственность истцу. Но въ томъ и другомъ случаѣ господинъ не лишался права собственности на жену и дѣтей раба, если они не участвовали съ послѣднимъ въ воровствѣ и не укрывали его; въ противномъ случаѣ господинъ тоже обязывался — или выплатить за нихъ все истцу, или отдать въ полную его собственность. Впрочемъ, господинъ по настоящему закону не отвѣчаетъ за всю кражу своего холопа, если она произведена была вмѣстѣ съ свободнымъ человѣкомъ: свободные люди сами должны были за себя отвѣчать и платить пеню, или продажу, въ княжую казну. Въ законѣ сказано: *„оже холопъ крадетъ кого-либо, господину выкупати и, любо выдати съ кымъ будетъ кралъ, а женѣ и дѣтемъ не надобѣ, а оже будетъ съ нимъ крали или хоронили, то всѣхъ выдати, пакы ли выкупаетъ господинъ, аже будутъ съ нимъ свободніи крали или хоронили, то ти князю въ продажи“*. Весь этотъ отдѣлъ узаконеній о холопахъ показываетъ, что рабы по Русской Правдѣ признавались вещью, или домашними животными господина и составляли полную его собственность. Общество, какъ видно изъ Русской Правды, не хотѣло знать раба, а знало только его господина, который и отвѣчалъ за раба передъ обществомъ. Рабъ не имѣлъ права собственности; не только все, пріобрѣтенное трудомъ раба, но и жена и дѣти раба составляли собственность его господина. Законъ не признавалъ за рабомъ даже правъ семейныхъ; такъ, если рабъ переходилъ во владѣніе другого господина — жена и дѣти его оставались у прежняго господина. Такимъ образомъ, все законодательство о холопахъ построено на одной идеѣ — именно: *холопъ какъ вещь господина*. Отсюда уже вытекаютъ всѣ узаконенія, въ силу которыхъ господинъ долженъ былъ платить за всѣ обиды и долги и выкупать его; за свои преступленія рабъ не подлежитъ наказанію: раба продажею князь не казнитъ, за него въ отвѣтѣ господинъ, хотѣлъ — платилъ, не желалъ — отдавалъ истцу; за него законъ не вступался, не назначалъ за убійство, имъ совершенное, и за другія преступленія

пени въ княжую казну. За все это отплачивался самъ господинъ, который могъ убить раба, продать, заложить и т. п. Воля господина была единственнымъ закономъ для раба. Отсюда же вытекаетъ и та строгость закона, съ какою онъ охраняетъ права свободныхъ людей. Законъ признавалъ полнымъ рабомъ только того, кто по собственной волѣ не ограждалъ своей свободы. И дѣйствительно, при значеніи, какимъ пользовался рабъ въ обществѣ, законъ долженъ былъ всѣми силами охранять права свободныхъ людей, ибо общество, при поступленіи въ рабы свободнаго человѣка, теряло въ немъ своего члена, участвовавшаго во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ и отвѣтственнаго передъ обществомъ. Но въ то же время, тогдашнее законодательство, идя отъ другой идеи, отъ той, что свободный человѣкъ ничѣмъ не долженъ быть стѣсняемъ, пришло къ тому заключенію, что не слѣдуетъ препятствовать переходу свободнаго человѣка въ холопы. Поэтому-то въ Русской Правдѣ нѣтъ и помину объ ограниченіяхъ въ этомъ родѣ: законъ дозволяетъ, напримѣръ, продажу свободнаго человѣка въ рабы, только строго наблюдаетъ при этомъ, чтобы продажа свободнаго человѣка дѣлалась съ его согласія и чтобы при ней не было насилія и обмана. Кромѣ того, законъ Русской Правды предоставляетъ значительныя льготы при освобожденіи раба. При покупкѣ раба законъ взималъ въ пользу князя 30 кунъ, а при отпускѣ раба на волю 9 кунъ, и тѣ взимались, кажется, болѣе для того, чтобы господинъ раба передъ самымъ судомъ засвидѣтельствовалъ свою волю о дарованіи рабу правъ свободнаго человѣка, послѣ чего послѣдній не могъ уже подвергнуться притязаніямъ на него прежняго господина, какъ на собственность. Законъ Русской Правды, желая обезпечить свободу проданнаго раба, даже признаетъ особый классъ свободныхъ людей, извѣстный подъ именемъ изгоевъ, находившихся подъ защитою церкви. Освобожденные рабы считались изгоями до тѣхъ поръ, пока не причислялись къ какой-либо общинѣ и тогда изъ подъ защиты церкви поступали подъ защиту своей общины.

РАЗДѢЛЪ II.

(1237—1497).

От покоренія Россіи Монголами до Судебника.

Монгольское иго. Во второй половинѣ второго періода хотя продолжала дѣйствовать Русская Правда, какъ основной законъ суда и расправы на Руси, но тѣмъ не менѣе общее развитіе русскаго законодательства шло своимъ чередомъ впередъ, какъ по естественному развитію общества, такъ и по вліянію Монголовъ, которые хотя были посредственными и отдаленными владыками Русской земли, тѣмъ не менѣе не могли не дѣйствовать на ея законодательство. И дѣйствительно, Монголы настолько дѣйствовали своимъ вліяніемъ на общественную жизнь и законодательство, что въ томъ и въ другомъ отношеніяхъ время монгольскаго владычества въ Россіи рѣзко отличается отъ предшествовавшаго времени и носитъ на себѣ особый характеръ, который въ исторіи Русскаго законодательства должно изучать отдѣльно, какъ въ отношеніи къ общественному устройству, такъ и въ отношеніи къ законодательству. Причина, побуждающая къ таковому отдѣльному изученію, заключается именно въ монгольскомъ владычествѣ, какъ внесшемъ въ русское общество новый элементъ и частію измѣнившемъ отношенія прежнихъ элементовъ общества. А посему, мы теперь обратимся прямо къ объясненію монгольскаго владычества на Руси.

Татары, владычествовавшіе на Руси, представляли смѣсь тюркскихъ и монгольскихъ племенъ средней Азіи. Подъ предводительствомъ одного монгольскаго князька Темучина и его преемниковъ, они составили огромное государство, заключавшее въ себѣ сѣверный Китай, всю сѣверную и среднюю Азію съ Хивою и Бухарою, часть Персіи, владѣнія Половецкія и почти всю Россію. Монгольскія и тюркскія племена были племена кочевыя и остались таковыми во все время своего владычества. Завоеваніе Китая имѣло громадное вліяніе на устройство Темучиновой монархіи: китайская администрація, не касаясь кочевыхъ обычаевъ побѣдителей, цѣликомъ перешла въ управленіе Монголовъ надъ покоренными народами. Темучинъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ Чингисъ-хана, и его преемники: Угедей, Куюкъ и Мункэ устроили свой дворъ и управленіе по китайскому образцу. Ученый Китаецъ Блюй-Чуцай, первый министръ Чингисъ-хана и Угедея, составилъ придворныя церемоніи и разныя уложенія для управленія государствомъ, выбравши ихъ изъ китайскихъ уложе-

ній, и такимъ образомъ, внесъ въ монгольское управленіе покоренными народами всю многосложность китайской администраціи съ многочисленными разрядами чиновниковъ, канцелярскими формами и со всею подозрительностью устарѣвшаго Китая. Эти законы, составленные Китайцемъ, который не могъ составлять ихъ иначе, какъ по китайски, приложили Татары и къ правленію Россіею. Читая ханскіе ярлыки, нужно удивляться, какъ монгольскіе дикари могли устроить такую сложную машину, какова была китайская администрація. Татарскіе ханы въ своемъ управленіи Россіей строго держались наставленій Чингисъ-хана, выраженныхъ имъ въ его книгѣ „Тунджинъ" (книга запретовъ). Они предоставили Россіи управляться своими князьями, не коснулись ни обычаевъ, ни религіи страны, а лишь опредѣлили формы отношеній, въ которыхъ должно было стоять русское общество къ хану. Вліяніе китайцевъ чувствуется въ этой политикѣ. Китайцы въ покоренныхъ странахъ никогда не стремились сглаживать народныя особенности, а лишь опредѣляли подданство этихъ странъ китайскому императору. Но введеніе этихъ формъ повело ко многимъ важнымъ измѣненіямъ въ русскомъ обществѣ, носящимъ на себѣ татарскій характеръ. Подчиненіе Татарамъ выразилось главнымъ образомъ въ 4 условіяхъ: 1) въ признаніи верховной власти татарскаго хана, 2) въ платежѣ дани, 3) въ доставкѣ войскъ хану и 4) въ содержаніи баскаковъ и войскъ, посылаемыхъ въ Россію. Эти четыре условія должны были сильно повлiять на русское общество.

По первому условію русскіе князья должны были получать *ярлыки* [1]) отъ хана, которыми они признавали владычество хановъ надъ собою и съ тѣмъ вмѣстѣ утверждались въ правѣ владѣнія въ данномъ отъ хана княжествѣ. Въ первые сто лѣтъ владычества Татаръ ни одинъ князь — ни великій, ни удѣльный, не вступалъ на престолъ, не получивъ напередъ ханскаго ярлыка. Притомъ, при каждой перемѣнѣ хана, князья должны были ѣздить въ орду испрашивать новый ярлыкъ. Ярлыки эти были необходимы также, какъ для епископовъ, такъ и для митрополита. При каждомъ вступленіи на престолъ новаго хана князья и епископы, или ихъ повѣренные, ѣхали въ орду, кланялись хану, подносили всевозможные подарки хану, ханшамъ и вельможамъ ордынскимъ. Вмѣстѣ съ правомъ давать ярлыки ханы имѣли право отнимать ихъ, а слѣдовательно, и судить князей. Поэтому всѣ споры между князьями подчинялись ханскому суду, или суду его чиновниковъ, и, такимъ образомъ, ослабѣла связь между великимъ княземъ и удѣльными князьями, ибо верховною инстанціей сдѣлался ханскій дворъ. Удѣльные князья, получая отъ хана такое же утвержденіе своей власти, какъ и великіе, естественно считали себя владѣльцами независимыми и самостоятельными, и при первомъ неудовольствіи шли на судъ хана, гдѣ рѣшеніе зависѣло отъ ловкости и богатства той, или другой стороны. Передъ ханомъ и его судьями великіе и удѣльные князья были равны, ибо всѣ споры на судѣ хана разбира-

---

1) Ярлыкъ значитъ письменный приказъ, указъ. Къ сожалѣнію до насъ не дошелъ ни одинъ изъ ярлыковъ, данныхъ ханами князьямъ. Наши князья, по окончаніи татарскаго владычества, уничтожали ханскіе ярлыки, напоминавшіе имъ объ ихъ собственномъ униженіи. До насъ дошли только 7 ярлыковъ, данныхъ разными ханами русскимъ митрополитамъ.

лись не по русскимъ законамъ, а по желанію хана, который заботился только объ одномъ, чтобы какъ можно болѣе собрать поборовъ съ покореннаго народа. Недовольные князьями бояре ѣхали съ жалобой на нихъ къ хану и чернили ихъ въ глазахъ его. Такъ, князь Ярославъ Всеволодовичъ погибъ въ ордѣ въ 1246 году жертвою клеветы своего боярина Феодора Яруновича. Въ первые сто лѣтъ ханскаго владычества всѣ подобныя жалобы имѣли своимъ послѣдствіемъ вызовъ князя въ орду, гдѣ судъ надъ нимъ въ большинствѣ случаевъ оканчивался отнятіемъ владѣнія и насильственною смертью. Предвидя въ ордѣ такія опасности, князья передъ отправленіемъ своимъ туда писали завѣщаніе, прощались съ родными, какъ бы отправляясь на смерть. Такое завѣщаніе писалъ, напримѣръ, Иванъ Калита. Въ спорахъ за владѣніе судъ хана склонялся на ту сторону, которая представляла наиболѣе выгодныя условія для сбора дани, причемъ князья даже напередъ вносили часть этой дани изъ своихъ собственныхъ средствъ, или занимали у ордынскихъ купцевъ подъ залогъ разныхъ государственныхъ доходовъ. Вслѣдствіе такихъ ханскихъ распоряженій, князья стали покупать у хана владѣнія другихъ князей. Такъ, напримѣръ, князь Василій Дмитріевичъ купилъ у хана княжества — Нижегородское и Суздальское и съ помощью ханскихъ пословъ выгналъ оттуда княжившихъ тамъ князей. Татарскіе ханы, желая ослабить русскихъ князей, не только продавали имъ княжества, но иногда давали новому искателю ярлыкъ на то княжество, которое они сами передъ тѣмъ передавали другому. Такъ, въ 1318 году ханъ Узбекъ отдалъ Владимирское княженіе князю Юрію Даниловичу Московскому, а въ 1322 году то же княженіе отдалъ князю Михаилу Дмитріевичу, и это дѣлалось очень часто, такъ что русскіе князья стали включать въ свои договоры, чтобы не брать у хана ярлыковъ на владѣніе другъ подъ другомъ. Но въ первые сто лѣтъ до смерти Узбека, когда владычество Татаръ было еще очень сильно, подобные договоры не могли имѣть мѣста, ибо всякое своеволіе со стороны князя вызывало присылку татарскихъ полчищъ, опустошавшихъ княжество, подвергшееся ханскому гнѣву. Китайская подозрительность, вошедшая въ татарскую администрацію, породила множество надсмотрщиковъ, разсѣянныхъ по Россіи. Возлѣ князя постоянно жили ханскіе чиновники, зорко слѣдившіе за дѣйствіями князя. Къ этимъ чиновникамъ присоединялись другіе, наѣзжавшіе по временамъ для введенія новыхъ учрежденій. Въ ордѣ всѣ дѣла поступали къ *„дорогѣ“* — ханскому министру. Дорога представлялъ собою власть татарскаго государя надъ покоренными племенами. Прежде чѣмъ дойти до хана, русскіе князья являлись къ своему дорогѣ (русскій дорога) и потомъ съ подарками обходили царицъ, ханскихъ вельможъ и, наконецъ, представлялись хану. Такимъ образомъ, между князьями и ханомъ находилась цѣлая цѣпь подозрительныхъ чиновниковъ. Лѣтопись подъ 1284 г. упоминаетъ, что къ курскимъ князьямъ — Олегу и Святославу, пріѣхали въ качествѣ надсмотрщиковъ ханскіе сокольники подъ видомъ ловли лебедей. Такъ связаны были русскіе князья первымъ условіемъ своего подданства хану.

Вторымъ условіемъ подданства была *данъ*, платимая хану. Дань эта дѣлилась на многіе виды и представляла много точекъ соприкос-

новенія Русскихъ съ Татарами. При наложеніи дани Татары начали съ того, что великій ханъ Мункэ въ 1253 г. послалъ Бицикъ-Беркэ сдѣлать общую перепись всѣмъ русскимъ владѣніямъ. Этою переписью всѣ жители русскихъ княжествъ безъ различія земцевъ и дружинниковъ, бояръ и людиновъ, были перечислены, на основаніи китайскихъ началъ народной переписи, не поголовно, а посемейно, потомъ были обложены данью по ихъ поземельнымъ владѣніямъ и промысламъ. Отъ дани освобождено было лишь одно духовенство съ его владѣніями и людьми, принадлежащими церкви. Въ нашихъ лѣтописяхъ общихъ народныхъ переписей, сдѣланныхъ Татарами, упоминается только двѣ— въ 1257 и 1275 годахъ, но, по всему вѣроятію, ихъ было гораздо больше, лѣтописцы же не занесли ихъ въ свои лѣтописи или потому, что это сдѣлалось обыкновеннымъ дѣломъ, или же потому, что переписи эти были мѣстныя, ограничивались однимъ княжествомъ и посему не производили впечатлѣнія на лѣтописцевъ. А что дѣйствительно кромѣ общихъ упомянутыхъ двухъ переписей были и другія, но только частныя, на это указываютъ ханскіе ярлыки, простирающіеся до XIV вѣка, въ которыхъ упоминаются имена чиновниковъ, производившихъ эти переписи. Ханы при сборѣ дани употребляли три формы: 1) или ханы собирали дань черезъ своихъ чиновниковъ, 2) или отдавали ее на откупъ, или же 3) поручали сборъ ея русскимъ князьямъ, напередъ условившись съ ними о количествѣ дани, которое надлежало собрать съ извѣстнаго города или области.

Разные виды даней, платимыхъ Русскими въ орду, можно раздѣлить: 1) на дани, введенныя Татарами, и 2) на дани, еще до Татаръ бывшія въ употребленіи на Руси. Къ первому разряду податей принадлежитъ 1) *царева пошлина или дань*, потомъ особая пошлина царицѣ, далѣе особыя пошлины ордынскимъ князьямъ, посламъ и всѣмъ гонцамъ, посылаемымъ ханомъ въ Россію. Къ монгольскимъ же пошлинамъ должно причислить: во 2) *запросъ*, т. е. надбавка дани по новому ханскому приказанію; въ 3) *ямъ* — подать, платимая на содержаніе татарскихъ почтъ. По всѣмъ степямъ были устроены ямы, гдѣ находились ямщики съ лошадьми, и на содержаніе ихъ шелъ ямъ; въ 4) *тамга*,—пошлина, собираемая на торгу отъ покупки и продажи товаровъ; въ 5) *заказъ*—временное требованіе ханомъ какихъ-либо произведеній земли, или промысловъ; въ 6) *кормы* ханскихъ пословъ и коней, *становое, въѣздное и мимоходное*; въ 7) *поминки*, т. е. подарки ханамъ, его женамъ и придворнымъ, посылаемые въ знакъ подданства—чисто китайскій обычай. Къ татарской дани принадлежатъ, наконецъ, въ 8) *работы и службы* по приказанію хана, или ордынскихъ князей. Второй разрядъ податей составляли сборы, заимствованные отъ русскихъ. Въ ханскихъ ярлыкахъ упоминается, что въ казну ханскую шли слѣдующія подати: 1) *мытъ*, 2) *мостовщина*, 3) *дары*, 4) *почестье*, 5) *полюдье*; кромѣ того особыя пошлины отъ суда въ пользу рядцевъ или ордынскихъ судей и особые *намѣстничьи кормы*, или посадничьи, въ пользу дороги и въ пользу баскаковъ. Сборъ всѣхъ этихъ пошлинъ производился подъ надзоромъ ханскихъ чиновниковъ, присылавшихся въ Россію и которые, конечно, при исполненіи своихъ обязанностей прибѣгали не къ русскимъ, а къ татарскимъ, или скорѣе къ китайскимъ формамъ и такимъ образомъ, мало

по малу, вводили на Руси формы своей администраціи. Здѣсь они познакомили Русскихъ съ правежами, вымучиваніями и тѣлесными наказаніями, сильно распространенными въ Китаѣ и Монголіи. Въ отношеніи къ сбору и раскладкѣ податей, татарская администрація имѣла столь сильное вліяніе на Русскихъ, что многія подати, пошлины и разные порядки сбора и раскладки податей остались въ Россіи и по освобожденіи ея отъ татарскаго ига.

Третье условіе подданства Татарамъ состояло въ высылкѣ русскихъ войскъ хану для его войнъ. Предводителями русскихъ войскъ бывали иногда всѣ князья русской земли, иногда только нѣкоторые, по усмотрѣнію хана, иногда же войсками предводительствовали княжескіе воеводы. Этотъ обычай кончился со смертью Узбека; по крайней мѣрѣ, въ ханскихъ ярлыкахъ не упоминается болѣе объ этомъ условіи.

Четвертое условіе подданства состояло въ принятіи и содержаніи баскаковъ и татарскихъ войскъ, присылаемыхъ для наблюденія за сборомъ податей и за поведеніемъ князей русскихъ. Власть баскаковъ была такъ сильна, что князья должны были безпрекословно исполнять всѣ ихъ повелѣнія, хотя, впрочемъ, князья, въ случаѣ несправедливыхъ притязаній баскаковъ, имѣли право жаловаться на нихъ въ орду. Права баскака были обширны. Онъ рѣшительно одинъ завѣдывалъ всѣмъ княжествомъ, по своей волѣ объявляя войну, заключая миръ, и князь повиновался ему подъ опасеніемъ вооружить его противъ себя и тѣмъ навлечь на себя гнѣвъ хана, присылавшаго для возстановленія своей власти полчища, разорявшія княжества; но мало-по-малу князья съ позволенія хановъ начали удалять отъ себя баскаковъ. Въ ярлыкахъ Узбека говорится уже о баскакѣ, какъ о временно проживающемъ чиновникѣ.

Чтобы понять положеніе баскаковъ, надо обратить вниманіе на всю іерархію татарскихъ чиновниковъ. Подозрительность Монголовъ имѣла слѣдствіемъ учрежденіе огромнаго количества чиновниковъ, имѣвшихъ цѣлью наблюдать лишь за поступками князя. Одни чиновники находились въ ордѣ, другіе временно наѣзжали въ Россію, наконецъ, третьи постоянно жили въ Россіи. Къ высшему чиновничеству, жившему постоянно при ханскомъ дворѣ и управлявшему оттуда Россіею, принадлежали дороги, ордынскіе князья или рядцы, судьи. Второй разрядъ чиновничества, временно наѣзжавшаго на Русь для выполненія порученій хана, составляли: послы, данщики, ловцы соколовъ, лебедей и другіе охотники и, наконецъ, писцы или численники. Наконецъ, третій разрядъ чиновничества, постоянно жившаго въ Россіи, составляли баскаки.

Дорогою назывался значительный монгольскій сановникъ. У татаръ дорогами назывались собственно области; отсюда такъ назывались и начальники всѣхъ областей, принадлежащихъ Татарамъ. Дороги, въ качествѣ представителей своихъ областей, жили при дворѣ хана, откуда управляли своими областями. Когда Русь вошла въ составъ монгольской имперіи, то она получила своего дорогу. Этотъ дорога завѣдывалъ всѣми русскими дѣлами, сносился съ князьями, передавалъ имъ ханскія повелѣнія, заключалъ съ ними договоры относительно податей. Таковымъ дорогою при первыхъ ханахъ былъ Улавчій, происходившій изъ рода Чингизъ-хана. Къ нему обращались русскіе князья

для переговоровъ о первой переписи, раскладки дани и для удержанія за собою своихъ владѣній. Первоначально когда Россія была соединена, въ глазахъ Татаръ, подъ властью одного великаго князя Ярослава Всеволодовича и русскій дорога при ханскомъ дворѣ былъ одинъ, но впослѣдствіи, когда Татары увидѣли, что имъ будетъ выгоднѣе поддерживать въ Россіи раздробленность княжествъ и независимость ихъ одно отъ другого, они установили для каждаго княжества особаго дорогу. Такъ, въ 1432 году въ лѣтописи упоминается о московскомъ дорогѣ Минъ-Булатѣ. За дорогою слѣдовали *рядцы* или думцы хана и просто ханскіе вельможи, состоявшіе изъ родичей хана. Съ званіемъ вельможъ, или рядцевъ, была соединена судебная власть по государственнымъ дѣламъ, а по свидѣтельству монгольской исторіи они были первыми сановниками государства, находившимися постоянно при ханѣ. Къ нимъ прибѣгали русскіе князья, чтобы снискать расположеніе хана; ихъ осыпали подарками, чтобы удержать за собою престолъ. Они были судьями русскихъ князей въ случаѣ доносовъ или споровъ между ними.

Второй разрядъ чиновничества, временно наѣзжавшиго въ Москву, составляли ханскіе *послы*. Для русскихъ князей они имѣли значеніе и надсмотрщиковъ, и судей, и представителей ханской власти. Они пріѣзжали съ полками Татаръ и разбирали дѣла на мѣстѣ, основываясь на поданныхъ имъ баскаками жалобахъ, передавали ханскіе приказы, раздавали ярлыки, попеременно возводя и низводя князей. Ханъ рѣдко вызывалъ на свой судъ, а давалъ его обыкновенно черезъ своего посла, пріѣздъ котораго равнялся вражескому нашествію. Полки грабили и разоряли русскія княжества, какъ непріятельскія земли. Въ лѣтописи говорится о пріѣздѣ пословъ, какъ о страшномъ несчастіи. Послы большею частію были родственники хана, царевичи и вообще знатные вельможи. Они просили посольства, чтобы нажиться, а отправляясь въ Россію, забирали своихъ родственниковъ и друзей, чтобы и тѣмъ доставить случай пограбить. За послами слѣдовали *данщики*, *сокольники*, *ловцы лебедей*, *численники* и т. д. Своеволіе этихъ чиновниковъ было безпредѣльно. Каждаго изъ нихъ сопровождали ратники и все это искало случая поживиться на счетъ побѣжденнаго народа. Кромѣ буйства, ихъ самое назначеніе и обязанности посланца были уже тягостны для русскаго народа. Посланцы для сбора дани были страшно жестоки. Они подвергали неисправныхъ плательщиковъ разнымъ вымучиваніямъ, правежу, продавали ихъ въ рабство, или цѣлыми толпами уводили въ орду, гдѣ они употреблялись на разныя работы. Не меньшей жестокостью отличались писцы или численники. Они ходили по домамъ, описывали и оцѣнивали имущество и, сообразно съ цѣнностью имуществъ, раскладывали подати (китайскій кадастръ). При этой описи дѣлались всевозможнѣйшія злоупотребленія; писцы увеличивали и уменьшали произвольно цѣнность описываемыхъ ими имуществъ, вслѣдствіе чего подати раскладывались произвольно, несообразно съ дѣйствительною цѣнностью имуществъ. Всѣ эти несправедливости и жестокости дѣлали то, что бѣдные жители, услыхавъ о пріѣздѣ такихъ писцевъ, убѣгали въ лѣса. Отсюда на практикѣ выходило то, что половина жителей не была перечислена. Попавшіе въ запись назывались численниками. Ловцы, сокольники и другіе ханскіе посланники были не только самовластны-

ми распорядителями въ Русской землѣ, но и доносчиками хана, и пріѣздъ ихъ былъ истиннымъ несчастіемъ для областей, куда они являлись.

Третій разрядъ чиновниковъ, жившихъ постоянно въ Россіи, составляли *баскаки.* Баскаки были ближайшими надсмотрщиками за князьями и проводниками ханскаго вліянія на Русь. Они были также прямые представители татарскаго владычества и первые явились у насъ на Руси. Плано-Карпини, путешественникъ и писатель XIII в., посѣтившій Русь въ 1245 году (спустя 5 лѣтъ послѣ завоеванія и разрушенія Кіева Татарами), говоритъ, что въ ней сидѣли ханскіе баскаки. По свидѣтельству лѣтописей баскаки находились въ каждомъ значительномъ городѣ, гдѣ только былъ князь. Баскаки принимали сильное участіе въ дѣлахъ внутренняго управленія княжества. При нихъ находились отряды войскъ, которыми они располагали по желанію. Этими отрядами они часто безъ воли хана, по одной дружбѣ съ князьями, помогали имъ въ войнѣ. Такъ, въ лѣтописи подъ 1269 годомъ великій баскакъ Владимирскій Огарманъ и зять его Айдаръ со многими татарскими полчищами помогали великому князю Ярославу Ярославичу въ походѣ на Нѣмцевъ. По отношенію къ князю баскакъ былъ важнымъ лицемъ. Сблизившись съ баскакомъ, князь могъ много сдѣлать. Напротивъ того, разсорившись съ баскакомъ князь подвергалъ себя большимъ опасностямъ. Баскакъ могъ наклеветать на него хану и ханъ наказывалъ ослушника. Конечно, князь имѣлъ право жалобы на несправедливость баскака, но эта жалоба рѣдко сопровождалась благопріятными для князя послѣдствіями. Баскакъ, имѣя въ ордѣ сильныя связи, легко могъ оправдаться. Притомъ, были случаи, что ханъ безъ суда, на основаніи одной жалобы баскака, посылалъ войска для усмиренія мнимо-возмутившагося князя. Съ постепеннымъ ослабленіемъ монгольскаго ига падало и значеніе баскаковъ. По смерти Узбека объ нихъ уже не упоминается въ лѣтописяхъ, вѣроятно потому, что значеніе ихъ сдѣлалось ничтожно. Хотя имя баскаковъ и упоминается въ ханскихъ ярлыкахъ до XV в., но объ нихъ говорится, какъ о временно-присылаемыхъ чиновникахъ.

Полное владычество Татаръ продолжалось не болѣе 100 лѣтъ. При Узбекѣ ханскіе чиновники были удалены изъ Россіи и сборы дани были переданы князьямъ, съ которыми ханы стали торговаться о количествѣ ея; ханы, видя неудобство сбора дани черезъ своихъ чиновниковъ, стали вступать въ договоры съ князьями. Хотя при Узбекѣ ханскіе чиновники продолжали наѣзжать въ Россію и хотя власть хана была тяжела и дань собиралась исправно, но все-таки эту политику хановъ должно считать за благопріятный для Россіи переворотъ. Московскіе князья, начиная съ Юрія Даниловича, были вѣрными слугами хана, но служили они уже ему не даромъ: ханъ усиливалъ ихъ, отдавая имъ владѣнія другихъ князей; такъ, князь Іоаннъ Даниловичъ Калита получилъ отъ хана до 50 тыс. вспомогательнаго войска, съ которымъ онъ грабилъ владѣнія своихъ противниковъ. Московскіе князья хорошо поняли слабыя стороны татарской администраціи,—они знали, что, удовлетворяя корыстолюбіе татарскихъ вельможъ, они многое могли сдѣлать въ Ордѣ. А по смерти Узбека, когда въ ордѣ начались междоусобія, власть ханская до того ослабѣла, что

не только московскіе, но и другіе князья, стали вступать съ ханомъ въ переговоры относительно дани, увеличивая и уменьшая ее, смотря по тому—силенъ или слабъ былъ ханъ. Мало по малу московскіе и другіе великіе князья успѣли отстранить всѣхъ удѣльныхъ князей отъ сношенія съ Ордою, и устроили такъ, что всѣ сношенія съ Ордою происходили черезъ нихъ. Судъ хана надъ князьями по смерти Узбека болѣе не существовалъ, пропускъ въ Орду доносчикамъ годъ отъ году дѣлался затруднительнѣе; ханскіе посланцы въ Россіи подкупались подарками и доносили такъ, какъ желали князья; дань уменьшалась, утаивалась, переходила въ недоимку, которая выплачивалась медленно и неисправно; многіе виды дани еще значились въ ярлыкахъ, но въ дѣйствительности не существовали съ XIV в. Ханъ, если онъ былъ силенъ, вознаграждалъ себя запросами, т. е. временными требованіями, но это не всегда удавалось. Не прошло и 25 лѣтъ по смерти Узбека, какъ уже ханскіе ярлыки потеряли свою силу: князь могъ лишь тогда опереться на ярлыкъ, если у него было войско, — иначе, не смотря на его ярлыкъ, его выгоняли сильные противники. Не только ярлыки, но и послы и войска ханскіе перестали быть страшными для русскихъ князей. Такъ, Михаилъ Александровичъ Тверской не разъ приглашалъ къ себѣ на помощь татарскіе полки, и тѣ, не вступая въ бой, отступали предъ московскими полками. Разные царевичи татарскіе, по приказанію хана, или по своей волѣ, дѣлавшіе набѣги на пограничныя русскія владѣнія, начали встрѣчать сильный отпоръ. На границахъ устроены были караульни, такъ что съ начала XIV ст. пробраться въ городъ не было никакой возможности. По Окѣ проведена была линія сторожекъ, въ этихъ сторожкахъ сидѣло всегда 12 человѣкъ и придѣланы были особые телеграфы, такъ что при первомъ появленіи Татаръ издалека вѣсть объ этомъ передавалась по всей линіи. Разъединенныя станицы, т. е. конница, разъѣзжали по степи, наблюдая не видать ли гдѣ татарскаго слѣду. При такихъ предосторожностяхъ со стороны Москвы, Татарамъ трудно было дѣлать нападенія. Наконецъ, въ 1380 г. вел. кн. московскій Дмитрій Іоанновичъ Донской выступилъ въ походъ противъ самого татарскаго хана Мамая и разбилъ его въ страшномъ сраженіи на Куликовомъ полѣ. Послѣ этого послы ханскіе стали уже бояться ѣздить въ Москву. Куликовская битва хотя и не освободила Москву отъ татарскаго владычества, но сильно подняла Русскихъ во мнѣніи Татаръ, и хотя преемникъ Мамая, Тохтамышъ, успѣлъ обманомъ взять и разорить Москву, но временный успѣхъ его не могъ возвратить Татарамъ прежней власти надъ Россіей. Самъ Тохтамышъ, услыхавъ, что московскій князь собираетъ войска, поспѣшилъ удалиться изъ предѣловъ Россіи и въ слѣдующемъ году прислалъ своего посла Карача съ добрыми рѣчами. Нашествіе Тохтамыша касалось только Москвы, прочія области оставались спокойными и Тохтамышъ старался даже поддержать ихъ съ цѣлью ослабить Москву, у которой, впрочемъ, онъ не могъ отнять Владимирскаго княжества. Въ 1409 г. ордынскій князь Эдигей своимъ нечаяннымъ нападеніемъ напомнилъ Русскимъ князьямъ о татарской силѣ, но онъ не могъ уже взять Москву, а удовольствовавшись окупомъ въ 3000 р. и разграбленіемъ окрестностей, удалился во свояси. Эти два нашествія еще нѣсколько поддерживали зависимость Русскихъ

отъ Татаръ, но эта зависимость годъ отъ году слабѣла и выражалась въ невсегда исправномъ платежѣ дани. Междоусобія въ Москвѣ, по смерти Василія Дмитріевича, дали поводъ Татарамъ вмѣшаться въ дѣла этого княжества и ханы сдѣлались было опять рѣшителями между-княжескихъ споровъ, но усобицы, раздиравшія самую Орду, помѣшали не только увеличиться этому вліянію, но даже значительно ослабили его. Дань годъ отъ году платилась неисправнѣе; ордынскіе царевичи стали прибѣгать къ покровительству Москвы и московскіе князья давали имъ удѣлы съ обязанностью служить имъ противъ хана и защищать Россію. Наконецъ въ 1480 г. Іоаннъ III окончательно свергнулъ иго Татаръ и самъ сталъ подчинять себѣ разныя татарскія царства.

Княжеская власть во время монгольскаго ига. Монголы не вступали въ отношенія князей къ народу. Княжеская власть нисколько не уменьшилась подъ вліяніемъ Монголовъ; ханамъ мало было дѣла до того, въ какихъ отношеніяхъ стояли князья къ своему народу,—имъ нужна была только дань, да внѣшняя власть. Баскаки имѣли право распоряжаться въ дѣлахъ внутренняго управленія, но они ограничивались только мелкими распоряженіями. Баскакъ имѣлъ въ виду только одно—нажиться и пользовался всею своею властью лишь тогда, когда онъ былъ въ ссорѣ съ княземъ, ибо ему самому было выгоднѣе дѣйствовать за одно съ княземъ. Баскакъ зналъ, что онъ не замѣнитъ русскаго князя, царствовавшаго по волѣ хана, и ханъ, смѣнивъ одного князя по жалобѣ баскака, отдастъ удѣлъ другому русскому же князю. Судъ хана, грозный для русскихъ князей, оканчивавшійся нерѣдко муками и насильственностью смертью князя, имѣлъ мѣсто лишь въ отношеніяхъ князей другъ къ другу и татарскому правительству. Слѣдовательно этимъ не стѣснялась княжеская власть въ предѣлахъ самаго княжества. Правда, недовольные княжескимъ судомъ могли жаловаться въ Орду; но естественно, что къ татарскому суду прибѣгали немногіе, потому что онъ не согласовался съ духомъ русскаго общества. Впрочемъ нельзя отрицать, что татарское владычество повліяло на развитіе княжеской власти, давши ей направленіе иное, нежели какое она приняла бы, если бы не было Татаръ. Татары подготовили многое для будущаго торжества единодержавія, которое утвердилось бы и безъ нихъ, но гораздо позднѣе. Подъ монгольскимъ вліяніемъ совершилось важное дѣло: сгладилось рѣзкое различіе между дружиною и земщиною. Вписавъ тѣхъ и другихъ въ списки платящихъ дань, Татары соединили ихъ интересы и утвержденіемъ такого единства открыли болѣе широкій путь для развитія самодержавія. Такимъ образомъ, Татары, способствуя сліянію земцевъ съ дружиною и утвержденію единодержавія, оказали не малое вліяніе на ходъ исторіи нашего отечества. Второе пособіе къ развитію единодержавія состояло въ томъ, что Татары часто давали ярлыки однимъ князьямъ на владѣніе другихъ князей и помогали любимымъ князьямъ своими войсками. Все это способствовало сосредоточенію нѣсколькихъ княжествъ подъ властью одного. Прежде князья должны были усиливаться на свои собственныя средства, теперь же они получили значительную помощь въ татарскихъ ханахъ. Сверхъ того, обѣднѣвшіе князья охотно продавали свои владѣнія другимъ, богатѣйшимъ, ибо имъ было не въ

мочь платить дань ханамъ. Такимъ путемъ московскіе князья пріобрѣли себѣ много княжествъ. Іоаннъ Даниловичъ Калита купилъ себѣ нѣсколько удѣловъ въ Бѣлоозерѣ и Ростовѣ, о чемъ духовная грамота Дмитрія Ивановича Донскаго говоритъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „А сына своего Юрія благословляю куплею дѣда своего Галичемъ со всѣми волостьми и селами. А сына своего князя Петра благословляю куплею своего дѣда Угличемъ полемъ, а что къ нему потягло. А сына своего князя Андрея куплею дѣда моего Бѣлымъ озеромъ со всѣми волостьми“.

Татарское владычество также не мало способствовало сближенію князя съ народомъ и притомъ косвенно. — Въ домонгольскомъ періодѣ народъ видѣлъ въ князьяхъ судей, блюстителей тишины и спокойствія и защитниковъ отъ Половцевъ и другихъ иноплеменниковъ. Но съ подчиненіемъ Монголамъ, русскіе князья, не переставая быть тѣмъ же, сдѣлались сверхъ того собирателями земли русской, защитниками народа отъ жестокости Татаръ. Отправляясь въ орду, князь говорилъ, что ѣдетъ въ Орду вымаливать прощеніе своему народу у грознаго повелителя, что онъ ѣдетъ съ опасностью жизни и готовясь принять смерть за своихъ подданныхъ. Отсюда родилась у народа такая любовь и преданность къ князю, какую трудно было предположить. Тяжело ложились на русскій народъ подати, платимыя князю, но онъ не тяготился этимъ, зная, что подати эти идутъ въ Орду. Народъ живымъ опытомъ узналъ разницу между сборомъ податей татарскими сборщиками и русскими князьями. Все это привязывало народъ къ князьямъ и придавало высшее значеніе княжеской власти. Такимъ образомъ, косвенное вліяніе Татаръ измѣнило нравственныя отношенія между княземъ и народомъ, а вслѣдъ за ними и юридическія. Такимъ образомъ, князья, незамѣтно для себя, очутились въ другомъ положеніи. Указавъ на значеніе княжеской власти во времена монгольскаго ига, слѣдуетъ сказать объ измѣненіи отношеній князей другъ къ другу.

Отношенія между великими и удѣльными князьями. Въ 1243 г. покоритель Россіи, Батый, вызвалъ къ себѣ Ярослава Всеволодовича, князя Владимирскаго, въ Орду и нарекъ его старѣйшимъ княземъ на Руси. Это старѣйшинство, данное Батыемъ Ярославу, не только не сдѣлало его государемъ всей Руси, но даже не дало ему той власти, какою пользовался отецъ его Всеволодъ. Главная причина такого уменьшенія великокняжеской власти заключалась въ томъ, что Батый не далъ Ярославу ни права суда надъ прочими князьями, ни права покровительства ихъ и защиты; все это Батый оставилъ за собою. Мало того, Батый даже не поставилъ Ярослава въ положеніе представителя Руси и наравнѣ съ нимъ принималъ въ Ордѣ и всѣхъ прочихъ князей, такъ что въ слѣдующемъ году, послѣ утвержденія Ярослава старѣйшимъ княземъ, князья Угличскій и Ростовскій поѣхали сами къ хану, нисколько не сносясь съ великимъ княземъ, и представили ему споръ о своихъ вотчинахъ на разрѣшеніе. Батый выслушалъ ихъ и далъ имъ свое рѣшеніе. Въ 1245 г. Ярославъ съ братьями и племянниками долженъ былъ ѣхать въ Орду къ Батыю и оттуда одинъ къ великому хану въ Монголію. Лѣтопись не говоритъ, зачѣмъ собственно долженъ былъ ѣхать Ярославъ къ Батыю, для рѣшенія ли какихъ междукняжескихъ споровъ, для переговоровъ ли по

поводу дани и народной переписи, но ясно, что онъ не считался въ Ордѣ представителемъ Россіи и старѣйшинство ничего но значило въ глазахъ хана. Тѣ же отношенія существовали и при преемникахъ Ярослава. Всѣ они перебывали на Владимирскомъ престолѣ и носили титулъ великаго князя, хотя и не пользовались никакимъ вліяніемъ; мало того, всѣ сыновья Ярослава, съ дозволенія хана, образовали изъ своихъ удѣловъ великія княжества, независящія отъ Владимирскаго великаго княженія, Татары покровительствовали такому раздробленію Руси, ибо черезъ это они видѣли возможность обезсилить русскихъ князей. Такъ, Александръ Невскій образовалъ Переяславское княжество, Андрей—Суздальское, Ярославъ—Тверское. Такъ явилось четыре великихъ княженія, князья которыхъ всѣ восили титулъ великаго князя. По смерти послѣдняго сына Ярослава, Василія Костромскаго, Владимирское княженіе должно было достаться которому нибудь изъ внуковъ Ярослава и первыми претендентами на него явились сыновья Александра Невскаго — Дмитрій и Андрей, которые затѣяли по поводу великаго княженія споры, ссорились въ теченіи 20 лѣтъ, нѣсколько разъ приводили татарскія войска, впутали всѣхъ, судились передъ ханскими послами, ѣздили въ Орду и выгоняли другъ друга. По смерти Дмитрія воевать продолжали сыновья и союзники. Приглашенія татарскихъ войскъ имѣли самыя печальныя для Россіи послѣдствія: татары, приходившіе съ цѣлью поживиться, безжалостно грабили страну и вся эта безурядица продолжалась до 1301 года. Наконецъ Русскіе князья убѣдились, что посредничество Татаръ не примиритъ ихъ ссоръ, а только разоритъ страну, и рѣшились обойтись въ дѣлѣ примиренія безъ ихъ посредничества. Въ 1301 году въ первый разъ съѣхались князья въ Дмитровъ и уладили дѣла между собою, не обращаясь къ Татарамъ. Лѣтопись говоритъ: *„Лѣта 6809 бысть съѣздъ всѣмъ князьямъ въ Дмитровѣ о княженіяхъ, и бысть молва велія, что князь великій Андрей Александровичъ Володимірскій, князь Михаилъ Ярославичъ Тверскій, князь великій Даніилъ Александровичъ Московскій, князь Иванъ Дмитріевичъ Переяславскій и подѣлишася отчиною между собою и смиришася“*. Хотя такое примиреніе было неполное и не устранило вмѣшательства Татаръ впослѣдствіи, но тѣмъ не менѣе оно послужило началомъ самостоятельныхъ отношеній между князьями, обращеніемъ къ старымъ обычаямъ — съѣздамъ и договорнымъ грамотамъ. Плодомъ такого порядка было то, что по смерти князя Ивана Дмитріевича Переяславскаго въ 1302 г., его княжество безъ посредства Татаръ перешло въ Московское княженіе. А по смерти князя Андрея Александровича новое направленіе въ княжеской политикѣ высказалось еще рѣзче. Въ это время у князей вошло въ обычай поддерживать другъ друга договорными союзами, и князь, вступавшій на престолъ, не меньше заботился о пріобрѣтеніи такихъ договорныхъ грамотъ, какъ и ханскихъ ярлыковъ. Въ этихъ договорныхъ грамотахъ опредѣлялись отношенія князей другъ къ другу. Къ счастію до насъ дошло много такихъ грамотъ и на основаніи ихъ мы можемъ опредѣлить эти отношенія. Изъ договорныхъ грамотъ вытекаютъ два разряда правилъ въ отношеніяхъ князей другъ къ другу. Къ первому относятся правила между великими и удѣльными князьями, а ко 2-му — правила объ отношеніяхъ между великими князьями.

Отношенія между великими князьями и удѣльными первоначально были довольно неопредѣленны. Въ началѣ XIV в. вошли въ употребленіе между князьями формы, въ которыхъ высказывались и опредѣлялись эти отношенія, это именно—договорныя грамоты. На основаніи этихъ грамотъ можно заключить, что эти отношенія заключали въ себѣ семь условій. *Первое* и важнѣйшее условіе состояло въ томъ, что удѣльные князья должны были жить заодно съ великимъ княземъ, защищать его, считать его за отца или старѣйшаго брата и имѣть общихъ съ нимъ друзей и недруговъ. Этимъ опредѣлялись общія условія союза. Далѣе требовалось, чтобы ни великій князь не вступалъ въ союзы безъ согласія удѣльныхъ, ни удѣльные безъ согласія великаго князя. Изъ всего этого видно, что великій князь, въ отношеніи къ удѣльнымъ, стоялъ въ качествѣ союзника, а отнюдь не былъ ихъ государемъ. Въ грамотахъ онъ назывался старѣйшимъ братомъ и господиномъ, да и то только съ Ивана Васильевича и его сыновей. *Второе* условіе состояло въ томъ, чтобы великій князь не посягалъ на владѣнія другого удѣльнаго князя, и даже по смерти его не отнималъ бы удѣла у его наслѣдниковъ, а напротивъ оберегалъ бы его; съ своей стороны, удѣльные князья обязывались блюсти неприкосновенность владѣній великаго князя. Это взаимное обязательство неприкосновенности на всѣ владѣнія — на тѣ, которыя были въ наличности при совершеніи договора, равно и на тѣ, которыя они могли „примыслить“, пріобрѣсть впослѣдствіи. Слѣдовательно великій князь былъ равенъ удѣльному и всѣ они были равно самостоятельными государями. Кромѣ того, ни великіе, ни удѣльные князья не обязаны были дѣлиться между собою въ примысленныхъ ими впослѣдствіи владѣніяхъ. Это правило не вступаться въ примысленныя владѣнія другого продолжалось до XIV и даже до XV вв. Такого правила не было у князей до монгольскаго періода. Напротивъ того, въ XII и XIII вв. великіе князья обязаны были дѣлиться новопріобрѣтенными владѣніями съ удѣльными. *Третье* условіе отношеній между великими и удѣльными князьями состояло въ томъ, чтобы ни великіе князья не покупали селъ въ отчинахъ удѣльныхъ князей, ни удѣльные—въ отчинахъ великихъ князей, ни бояры великихъ и ни бояры удѣльныхъ, и чтобы не держали въ отчинахъ одинъ другого ни закладней, ни оброчниковъ, а также, чтобы ни великіе, ни удѣльные князья не посылали бы своихъ даньщиковъ во владѣнія одинъ другого, а въ общія владѣнія посылались бы общіе даньщики. По этому условію неприкосновенность владѣній была обезпечена даже въ административномъ отношеніи, потому что князь отказывался самъ и запрещалъ своимъ боярамъ покупать поземельныя владѣнія въ отчинѣ другого. Это дѣлалось съ цѣлью предотвратить всякіе споры о владѣніи и чтобы владѣнія въ одномъ княжествѣ принадлежали одному князю. *Четвертое* условіе: великій князь обязывался не судить людей, принадлежащихъ удѣльному, а удѣльный, наоборотъ — людей великаго князя. Въ общихъ дѣлахъ судьи назначались съ обѣихъ сторонъ; этотъ порядокъ оставался неприкосновеннымъ во все время существованія удѣловъ; онъ основанъ на исконномъ началѣ русскаго права: тянуть судомъ и данью по землѣ и водѣ—начало чисто общинное. Назначеніе при общихъ судахъ судей съ обѣихъ сторонъ основывалось на томъ, что князю

шли доходы съ суда, а потому такъ какъ при спорахъ подданныхъ одного князя съ подданными другого ни тотъ, ни другой князь не желалъ лишиться своихъ доходовъ, то судьи назначались съ той и другой стороны. Впослѣдствіи произошло то, что судилъ судья одного князя, а другой тѣмъ не менѣе получалъ, слѣдуемыя ему, пошлины. *Пятое* условіе состояло въ томъ, что ни великій князь не могъ давать жалованныхъ грамотъ, ни какихъ либо льготъ во владѣніяхъ удѣльнаго князя, ни удѣльный—во владѣніяхъ великаго, и всякая данная такая грамота считалась недѣйствительною. Условіе это, очевидно, вытекало изъ условія неприкосновенности владѣній союзниковъ и вполнѣ обезпечивало его. *Шестое* условіе относилось къ тому порядку, въ какомъ удѣльные князья—союзники должны были помогать великому князю въ случаѣ войны. Правила эти были слѣдующія: 1) когда самъ великій князь отправлялся на войну, то съ нимъ должны были итти удѣльные. 2) Если самъ великій князь не отправлялся на войну, а посылалъ удѣльныхъ, то они должны были итти безъ сопротивленія, по взаимному согласію и обсужденію относительно плановъ и успѣха войны. 3) Если во время похода былъ недосмотръ отъ великаго князя, или удѣльнаго, или отъ воеводы того или другого, то за проигранное сраженіе князья не должны ссориться, а должны отыскать виновнаго. 4) Бояре удѣльныхъ князей, живущіе во владѣніяхъ великаго князя, должны были итти на войну, но не иначе, какъ по повелѣнію удѣльнаго князя своего и подъ покровительствомъ своего удѣльнаго воеводы. Если кто изъ бояръ своевольно не пошелъ на войну, то великій князь имѣлъ право казнить его, но не иначе, какъ съ дозволенія удѣльнаго. Удѣльный князь могъ и не посылать кого либо изъ своихъ бояръ на войну, но не иначе, какъ по взаимному согласію съ великимъ княземъ, которому онъ долженъ былъ доложить объ этомъ. 5) Удѣльные князья во время походовъ вели свои войска подъ своими знаменами и со своими воеводами и великій князь долженъ былъ содержать войска удѣльныхъ на свой счетъ во все время похода. 6) Правило относилось къ городской осадѣ. Великій князь могъ оставаться самъ въ осадѣ, а удѣльныхъ князей отправить въ походъ и наоборотъ. Эти правила постоянно встрѣчаются въ договорныхъ междукняжескихъ грамотахъ; слѣдовательно они составляли законы веденія войны удѣльныхъ князей въ союзѣ съ великими и опредѣляли степень подчиненія первыхъ послѣднимъ. *Седьмое* условіе касалось отношеній удѣльныхъ князей къ татарской Ордѣ и татарскому хану. Здѣсь были приняты слѣдующія правила: 1) удѣльные князья не должны были сноситься съ Ордою и даже свою долю дани, платимой Татарамъ, отвозить къ великому князю: *„А Орду знати и вѣдати великому князю, а удѣльнымъ Орды не знати“*, говорится во всѣхъ договорныхъ грамотахъ этого времени. Это право великаго князя было весьма важно: оно поставило удѣльныхъ князей въ невозможность соперничать съ великимъ княземъ въ Ордѣ. 2-е правило состояло въ томъ, что въ случаѣ какихъ либо споровъ между князьями, эти споры князья должны были рѣшать судомъ бояръ съ той и другой стороны; въ случаѣ же нерѣшенія судомъ бояръ, дѣло передавалось на третейскій судъ—или митрополиту, или избраннымъ для сего русскимъ княземъ, непричастнымъ спора, но ни въ какомъ случаѣ не обращаться за рѣшеніемъ къ хану.

Изъ всѣхъ этихъ условій взаимныхъ отношеній между великими и удѣльными князьями ясно, что эти послѣдніе, хотя и находились въ нѣкоторой зависимости отъ великаго князя, но нисколько не теряли своего значенія самостоятельныхъ и независимыхъ государей. Къ великому князю они стояли въ качествѣ союзниковъ. Понятно, что всѣ эти отношенія продолжались лишь до тѣхъ поръ, пока князья находились въ союзѣ; съ нарушеніемъ же договора рушилась и связь и князь снова былъ свободенъ вступить въ союзъ съ кѣмъ хотѣлъ. Что касается до внутренняго управленія, то въ немъ удѣльные князья имѣли полную и независимую власть: въ ихъ рукахъ было верховное право суда, они увеличивали и уменьшали налоги, держали свое войско, назначали судей и правителей, раздавали земли своимъ боярамъ, писали законы и уставы и даже принимали къ себѣ на службу бояръ великаго князя. Удѣльные князья имѣли свои дворы, которые отличались отъ дворовъ великихъ князей лишь меньшею степенью пышности. Впрочемъ, не смотря на такую самостоятельность, удѣльные князья не могли сравняться съ великими и въ договорахъ они именовали великихъ князей отцами. Сверхъ того удѣльные князья обязывались держать его княженіе честно и грозно и служить ему безъ ослушанія, что, впрочемъ, обусловливалось силою великихъ князей. Великій князь, вступая въ договоръ съ удѣльными, требовалъ, чтобы они отказывались отъ договоровъ, заключенныхъ съ кѣмъ бы то ни было прежде, и за это великій князь обязывался вводить удѣльныхъ князей въ свои договоры съ другими князьями. Все это ставило удѣльныхъ князей въ какую-то зависимость отъ великаго князя. Но всего важнѣе было то, что удѣльные князья н могли сноситься съ Ордою и должны были доставлять ордынскую дань великому князю. Это одно ставило удѣльнаго князя въ положеніе низшее, чѣмъ положеніе великаго князя, ибо удѣльные князья не были слѣдовательно вполнѣ представителями своихъ княжествъ и Орда не знала ихъ, а знала лишь великаго князя.

Отношеніе великихъ князей другъ къ другу. Во время татарскаго владычества, на сѣверовостокѣ Россіи, несмотря на старѣйшинство, данное отъ хана Ярославу Всеволодовичу Владимирскому, образовалось нѣсколько великихъ княжествъ, также признанныхъ ханами: Смоленское, Рязанское, Тверское, Нижегородское, Ростовское, Суздальское и, наконецъ, Московское. Каждое великое княжество представляло группу нѣсколькихъ удѣльныхъ княжествъ, князья которыхъ находились въ подчиненіи великому князю, и въ каждомъ изъ нихъ княжилъ свой родъ: въ Смоленскѣ—Ростиславичи, въ Нижнемъ-Новгородѣ — родъ отъ Ростислава Константиновича, въ Суздальскомъ — отъ Андрея Александровича, въ Москвѣ—отъ Даніила Александровича; и т. д. Каждое великое княжество было самостоятельное цѣлое и враждебное по отношенію къ другимъ. Отношенія между великими князьями основывались на слѣдующихъ условіяхъ. Первое условіе опредѣляло старѣйшинство, которое принадлежало тому, кто владѣлъ Владимиромъ, такъ какъ Владимиромъ всегда владѣлъ сильнѣйшій. Въ договорахъ равные князья всегда именовали другъ друга братьями, а сильнѣйшаго – старѣйшимъ братомъ. Такимъ образомъ, *„братъ“* и *„старѣйшій братъ“* прилагались къ князьямъ, смотря по степени ихъ мо-

гущества: когда какой нибудь князь былъ силенъ, то другіе князья звали его *„старѣйшимъ братомъ“*; если же онъ дѣлался слабѣе, тогда тѣ же князья звали его просто *„братомъ“*, или даже—*„младшимъ братомъ“*. Такъ, Дмитрій Іоанновичъ Донской называетъ себя старшимъ братомъ Михаила Александровича Тверского: *„На семъ брате молодшій, князь великій Михайле Александровичъ, цѣлуй намъ крестъ къ брату твоему старѣйшему, князю великому Дмитрію Ивановичу“*. А преемникъ Дмитрія Донского называется уже просто братомъ Тверского князя. Борисъ Александровичъ Тверской, преемникъ Михаила Александровича, пишетъ уже такъ Василію Дмитріевичу: *„.... на семъ на всемъ брате, князь великій, Василій Дмитріевичъ цѣлуй ко мнѣ крестъ, ко своему брату, къ великому князю, къ Борису Александровичу.“* Такимъ образомъ, безъ отношенія къ силѣ и могуществу всѣ великіе князья были равны и никто изъ нихъ не назывался старѣйшимъ, потому что владѣлъ извѣстнымъ княжествомъ. Въ договорахъ великихъ князей между собою никто изъ нихъ никогда не называлъ себя *„господиномъ“* по отношенію къ другому, какъ мы это видѣли въ договорахъ съ удѣльными, что указываетъ на полную равноправность и независимость великихъ князей между собою. Второе условіе касается отношеній къ татарской Ордѣ и хану. Изъ договорныхъ грамотъ видно, что великіе князья всѣ имѣли право сноситься съ Ордою. *„А въ Орду тебѣ путь чистъ“* — всегда писалось въ грамотахъ. Вслѣдствіе права свободныхъ сношеній великіе князья должны были писать въ договорахъ, чтобъ не принимать ярлыковъ отъ хана на владѣнія другого, чего мы не замѣчаемъ въ договорахъ съ удѣльными князьями, такъ какъ послѣдніе лишены были права сноситься съ Ордою. Третье условіе состояло въ томъ, что договаривающіеся великіе князья обязываются жить въ мирѣ между собою, воевать, или не платить имъ дань по взаимному согласію. Это условіе показываетъ, что каждый великій князь, если онъ не былъ связанъ особымъ договоромъ, могъ по произволу воевать и платить дань Татарамъ, тогда какъ удѣльные князья воевали и мирились съ Татарами, платили имъ дань или не платили по распоряженію своего великаго князя. Четвертое условіе: договаривающіеся великіе князья обязывались не вступаться въ дѣла другихъ великихъ князей съ удѣльными. Всякое вмѣшательство великаго князя въ дѣла другого великаго князя считалось нарушеніемъ правъ великокняжеской власти и вело за собою войну великихъ князей между собою. Такъ, когда московскій великій князь, Дмитрій Донской, вмѣшался въ дѣла тверскихъ князей и взялъ подъ свое покровительство князя Кашинскаго, то Тверской великій князь, Михаилъ Александровичъ, объявилъ ему войну. Пятое условіе относилось къ третейскому суду, назначаемому по случаю споровъ между великими князьями, состоявшими въ договорѣ. Для сего требовалось первоначально назначеніе бояръ съ обѣихъ сторонъ, подобно спорамъ между великимъ княземъ и удѣльными. Если же бояре не рѣшали, то третейскимъ судьей уже назначался не тотъ, кого пожелаютъ стороны, какъ это бывало при спорахъ удѣльныхъ князей съ великимъ, а третинскимъ, судьею долженъ былъ быть одинъ изъ великихъ князей, заранѣе означенный въ договорѣ. Впрочемъ, условіе это, какъ кажется, не всегда

строго соблюдалось. Третейскимъ судьей писался иногда митрополитъ, а иногда выборъ третейскаго судьи предоставлялся на волю судящихся князей, иногда даже писалось въ договорной грамотѣ такъ, что кто ищетъ, тотъ могъ представить въ третейскіе судьи трехъ христіанскихъ князей, а тотъ, на комъ ищутъ, долженъ былъ выбрать одного изъ нихъ. Шестое условіе состояло въ томъ, чтобы великій князь, суда другого великаго князя не пересуживалъ, не переманивалъ бы людей изъ другихъ княжествъ въ свое, не заводилъ бы новыхъ мытовъ и пошлинъ, стѣснительныхъ для торговли, а также въ судебныхъ пошлинахъ, по дѣламъ подданнаго одного князя съ подданнымъ другого, слѣдовалъ договору, въ которомъ опредѣлялось ихъ количество. Седьмое условіе относилось къ службѣ бояръ и вольныхъ слугъ. По этому условію бояре и слуги могли переходить изъ одного великаго княжества въ другое и это не лишало ихъ права на вотчины въ покинутомъ ими великомъ княжествѣ. Но вотчины эти относительно суда и дани „тянули по землѣ и водѣ", т. е. подати съ нихъ бралъ тотъ князь, во владѣніи котораго они находились. Бояре и слуги, переходя со службы одного великаго князя на службу къ другому, не обязывались нести военную службу тому великому князю, во владѣніи котораго находилась его вотчина, тогда какъ бояринъ, или слуга, переходившій со службы великаго князя на службу къ удѣльному, долженъ былъ нести военную службу великому князю. Всѣ приведенныя выше условія, опредѣлявшія отношенія великихъ князей между собою, показываютъ, что великіе князья были вполнѣ независимы другъ отъ друга, какъ во внѣшнихъ, такъ и во внутреннихъ дѣлахъ. Каждый изъ нихъ могъ имѣть своихъ друзей и недруговъ, мириться и воевать съ кѣмъ хотѣлъ, не сообразуясь съ интересами другихъ князей. Начиная съ половины XIV вѣка, ни лѣтописи, ни другіе памятники даже и не упоминаютъ болѣе о великокняжескихъ съѣздахъ. У великихъ князей того времени было только два средства рѣшить всѣ возникавшіе между ними споры: оружіе и третейскій судъ. Великій князь, не имѣя возможности мирнымъ путемъ покончить свой споръ, брался за оружіе и рѣшалъ, какъ могъ. Русская земля раздѣлилась, такимъ образомъ, на нѣсколько самостоятельныхъ государствъ: Московское, Тверское, Рязанское, Суздальское, Смоленское и Новгородское, не состоящихъ въ постоянномъ союзѣ и, по большей части, находящихся въ такихъ же отношеніяхъ другъ къ другу, въ какихъ находилось, напримѣръ, Московское княжество къ Литвѣ, или Ордѣ, и т. д. Впрочемъ, всѣ эти разъединенія существовали между одними князьями и не мѣшали полному народному единенію. Помимо княжеской власти всѣ они составляли Русскую землю, населенную однимъ племенемъ, которое говорило однимъ языкомъ, исповѣдывало одну вѣру, принадлежало къ одной церкви, состоящей подъ вѣдѣніемъ московскаго и кіевскаго митрополитовъ, и которое держалось, наконецъ, однихъ обычаевъ и законовъ. Эта внутренняя связь, соединявшая Русскій народъ, была очень сильна; ее онъ всегда чувствовалъ и постоянно желалъ соединенія, которому всегда до извѣстнаго времени препятствовали княжескія междоусобицы. Исключеніемъ изъ этого былъ одинъ Новгородъ, стоявшій особнякомъ и выработавшій себѣ нѣкоторыя учрежденія, несогласныя съ духомъ остальныхъ русскихъ областей. Но и онъ, какъ показываетъ исторія, не по-

казалъ значительныхъ препятствій къ соединенію. Понятно теперь, почему при первомъ благопріятномъ случаѣ весь русскій народъ слился въ одно цѣлое и на Руси утвердилось единодержавіе.

Общественное значеніе духовенства. Русская церковь, во время владычества Татаръ, оставалась въ прежнихъ отношеніяхъ къ князю и народу, но духовенство получило большее значеніе. Монгольскіе ханы, согласно съ правилами Чингисъ-Хановой „книги запретовъ", приняли русское духовенство подъ свое покровительство; они освободили духовенство и всѣхъ церковныхъ людей отъ даней; кромѣ того, духовенство получило отъ хановъ многія и очень важныя привиллегіи. По свидѣтельству ханскихъ ярлыковъ мы видимъ во 1-хъ, что митрополитамъ былъ предоставленъ полный и безспорный судъ надъ всѣми церковными людьми. Право духовнаго суда ханы распространили даже на дѣла уголовныя. Во 2-хъ, ханы утвердили за митрополитомъ и церковью всѣ церковныя владѣнія, признали законными всѣ распоряженія митрополитовъ и епископовъ по дѣламъ духовнаго вѣдомства. При этомъ ханы строго запретили дѣлать какія-либо обиды людямъ и владѣніямъ, принадлежащимъ церкви. Въ ярлыкѣ Узбека сказано: *„Да не вступается никто же ни въ чемъ въ церковныя и въ митрополичи, ни волости ихъ, ни въ села ихъ, ни во всякія ловли ихъ, ни въ борти ихъ, ни въ земли ихъ, ни въ луги ихъ, ни въ лѣсы, ни въ волостныя мѣста ихъ, ни въ мельницы, ни въ зимовища ихъ, ни въ стада ихъ конскія, ни во всякія скотскія стада, ни во вся стяжанія и имѣнія ихъ церковныя, и люди ихъ, и вся причты ихъ, и вся законы ихъ уложенныя старыя отъ начала ихъ,—то все вѣдаетъ митрополитъ, или кому прикажетъ; да не будетъ ничтоже причинено или порушено, или кѣмъ изобижено"*. Въ 3-хъ, по свидѣтельству ярлыковъ освобождаются отъ всѣхъ даней и пошлинъ не только духовенство, но и всѣ люди и владѣнія церкви; равнымъ образомъ они не обязываются и военною службою ханамъ. Вотъ слова ярлыка; *„А поѣдутъ наши баскаки и таможники и данщики, поборщики по симъ нашимъ грамотамъ, какъ наше слово молвило и уставило, да всѣ будутъ цѣлы соборныя церкви митрополичи, никѣмъ ни отъ кого не изобижены вся его люди и вся его стяжанія, какъ ярлыкъ имѣетъ: архимандриты, игумены, и попы и вся причты церковные ничѣмъ никто да не будетъ изобиженъ, данъ ли на насъ емлютъ, или иное что ни буди; тамга ли, поплужское ли, ямъ ли, мытъ ли, мостовщина ли, война ли, ловитва ли, кая ни буди наша, или егда на службу нашу съ нашихъ улусовъ повелимъ ратъ сбирати, гдѣ восхотимъ воевати, а отъ соборныя церкви и отъ Петра митрополита никто же да не взимаетъ и отъ ихъ людей и отъ всего его причта"*. Въ 4-хъ, ханы признали за церковью разныхъ ремесленниковъ и также освободили ихъ отъ разныхъ податей и повинностей въ пользу ханской казны. Въ ярлыкѣ сказано: *„А что будутъ церковные люди, ремесленницы кои, или писцы, или каменные сдатели, или деревянные, или иные мастеры, каковы ни буди, или ловцы, какого лова ни буди, или сокольницы; и въ то наши никто не вступаются, и на наше дѣло да не емлютъ ихъ и да не отнимаютъ ничего же"*. Въ 5-хъ, ханы утвердили и признали неприкосновенность церквей, монастырей и часовенъ и за оскорбленіе ихъ назначали смертную казнь. *„А что законъ ихъ и*

въ законѣ церкви и монастыри и часовни ихъ ничемъ да не вредятъ ни хулятъ, а кто учнетъ вѣру хулити, или осуждати, и тотъ человѣкъ не извинится ничьмъ же и умретъ злою смертью". А въ ярлыкѣ Атюляка неприкосновенность церковныхъ и митрополичьихъ людей и имуществъ до того распространена, что въ церковныхъ домахъ не имѣли права ставиться и посланцы ханскіе. Ханъ не только самъ казнилъ обидчиковъ церкви по жалобѣ митрополита, но и дозволялъ церковнымъ людямъ убивать ихъ, хотя бы то были послы ханскіе; за убіеніе церковныхъ людей назначалъ смертную казнь. „*А въ церковныхъ домѣхъ ни ставити никому, ни рушити ихъ, а кто ся станетъ ставити въ церковныхъ домѣхъ, или рушити ихъ, а намъ ся на кого пожалуютъ церковные люди, и тотъ отъ насъ неживотною казнію казненъ будетъ. А кого нашихъ пословъ или пошлинниковъ убьютъ церковные люди надъ своимъ добромъ, тому вины нѣтъ; а кого нашъ убьетъ церковныхъ людей, и тотъ самъ смертію да умретъ*". Въ 6-хъ, ханъ дозволяетъ митрополиту русскому принимать къ себѣ въ службу и зачислять за себя не только церковныхъ, но и постороннихъ людей, кто захочетъ ему служить. Въ ярлыкѣ Узбека сказано: „*А кто будетъ попъ, или діаконъ, или причетникъ церковный, или людинъ, кто ни буде откуда ни есть, митрополиту похотятъ служити и о насъ Бога молити, что будетъ о нихъ у митрополита въ мысли, то вѣдаетъ митрополитъ*". Въ 7-хъ, ханы не только утверждаютъ своимъ признаніемъ разныя привиллегіи за митрополитомъ и церковью, но и церковнымъ людямъ предписываютъ жить въ повиновеніи у митрополита на основаніи данныхъ ему ханскихъ ярлыковъ. Ярлыкъ Узбека такъ выражаетъ это утвержденіе митрополичьей власти надъ церковными людьми. „*Дали есмы Петру митрополиту грамоту сію крѣпости для, да сію грамоту видяще и слышаще вси людіе и вси церкви и вси монастыри и вси причты церковные да не прислушаютъ его ни въ чемъ, но послушни ему будутъ по ихъ закону и по старинѣ, какъ у нихъ изстари идетъ*".

Русское духовенство татарскими ханами было поставлено въ исключительное положеніе предъ всѣми общественными классами на Руси и быть въ подчиненіи или подъ покровительствомъ у церкви было тогда, очевидно, самою завидною долею для русскихъ людей. А такъ какъ предоставляется на волю митрополита принимать къ себѣ въ службу постороннихъ не церковныхъ людей, и митрополитъ, конечно, не имѣлъ надобности отвергать тѣхъ, которые добровольно шли къ нему на службу, то посему нѣтъ сомнѣнія, что многіе охотно шли въ службу къ митрополиту и селились на церковныхъ земляхъ во избѣжаніе притѣсненій и обидъ, причиняемыхъ татарскими сборщиками даней и разными ханскими посланцами, особенно въ первое время татарскаго владычества, когда князья, состоящіе подъ надзоромъ баскаковъ, не могли дать вѣрной защиты своимъ подданнымъ. При такихъ выгодныхъ условіяхъ церковь и духовенство, очевидно, не только привели въ цвѣтущее состояніе церковныя имущества относительно своего населенія, но и дворъ митрополичій сдѣлался многочисленнѣе и важнѣе противъ прежняго, особенно когда митрополиты перебрались на постоянное житье въ Москву. Въ таковомъ же положеніи, вѣроятно, находились и дворы епископовъ. Бояре, желая воспользоваться

привиллегіями, предоставленными отъ Татаръ церковнымъ людямъ, охотно шли въ службу къ митрополиту и епископамъ. Кромѣ свидѣтельства ханскихъ ярлыковъ о положеніи русскаго духовенства во время татарскаго владычества, мы имѣемъ объ этомъ еще свидѣтельство уставной грамоты великаго князя Василія Дмитріевича и митрополита Кипріана, писанной въ 1392 г. Грамота эта въ сравненіи съ ханскими ярлыками хотя принадлежитъ къ позднѣйшимъ памятникамъ, относящимся уже къ тому времени, когда татарское владычество значительно ослабѣло, и когда великіе князья пріобрѣли уже довольно независимости отъ татарскихъ хановъ и слѣдовательно сильнѣе развили свою власть, тѣмъ не менѣе въ грамотѣ еще замѣтно такое значеніе митрополита Кипріана, какимъ не пользовался ни одинъ митрополитъ до татарскаго владычества. Грамота написана въ одинаковомъ тонѣ съ договорными грамотами, которыя князья заключали между собою. Въ грамотѣ великій князь отказывается во 1-хъ, отъ всякаго суда въ митрополичьихъ владѣніяхъ и запрещаетъ боярамъ покупать митрополичьи села: *„Судити митрополиту Луховца съ волостелемъ или съ доводчикомъ, а судьѣ моему, великаго князя, не быти; а боярамъ и слугамъ князя великаго и митрополичьихъ земель Луховскихъ не купити, а которые будутъ покупили, а тѣмъ лезти вонъ, а сребро свое взяти“*. Во 2-хъ, великій князь обѣщается брать съ митрополичьихъ селъ татарскую дань по особой оброчной грамотѣ, а другихъ никакихъ даней не брать и даже не посылать туда своихъ даньщиковъ; при томъ и по оброчной грамотѣ брать только тогда, когда и съ княжескихъ владѣній будетъ сбираться дань Татарамъ. Въ грамотѣ сказано: *„А на тѣхъ (митрополичьихъ) селѣхъ даньщику и бѣльщику моему, князя великаго, не быти, а дань имати съ тѣхъ селъ въ выходъ по оброку, по моей грамотѣ, великаго князя, по оброчной, а лише того оброка не имати; а ямъ по старинѣ—шестой дань, а коли мои села, князя великаго, дадутъ, тогда и митрополичьи дадутъ“*. Въ 3-хъ, великій князь допускаетъ общій судъ съ митрополичьей и княжеской стороны, когда изъ подсудимыхъ одинъ будетъ принадлежать митрополичью вѣдомству, а другой великокняжескому; но въ случаѣ митрополичьяго отъѣзда и общій судъ предоставляетъ себѣ только съ тѣмъ, чтобы пошлинами отъ суда дѣлиться пополамъ съ митрополитомъ. Также князь предоставляетъ себѣ судъ надъ митрополичьимъ намѣстникомъ или десятникомъ и волостителемъ, когда на нихъ будутъ жаловаться князю. Въ 4-хъ, великій князь освобождаетъ церковныхъ людей отъ всѣхъ торговыхъ пошлинъ, когда они не занимаются прикупомъ, а продаютъ только свое домашнее, и назначаетъ брать съ церковныхъ людей условленный оброкъ только тогда, когда нужно было платить дань Татарамъ, которая въ это время посылалась не часто и отнюдь не каждый годъ. Въ грамотѣ сказано: *„А митрополичьимъ людемъ церковнымъ тамги не давати, какъ было и при Алексеѣ митрополитѣ; кто продаетъ свое домашнее, тотъ тамги не даетъ, а который иметъ прикупомъ которымъ торговати, а тотъ тамгу даетъ. А коли дань дати въ Татары, тогды и оброкъ дати церковнымъ людемъ; а коли дани не дати въ Татары, тогды и оброкъ не дати церковнымъ людемъ“*. Настоящая статья грамоты уже указываетъ на нѣкоторыя стѣсненія привиллегій, данныхъ ханами русскому духовенству: по ханскимъ

ярлыкамъ духовенство было освобождено отъ всѣхъ даней и торговыхъ пошлинъ. Здѣсь же мы встрѣчаемъ и дань, хотя не постоянную, и торговыя пошлины, когда духовные будутъ торговать прикупомъ, т. е. купечествовать. Отсюда видно, что русское духовенство не отдѣляло себя отъ народа, но помогало ему нести тягости и налоги, но только по особымъ договорнымъ грамотамъ. Въ 5-хъ, великій князь условливается съ митрополитомъ, въ какой степени митрополичьимъ людямъ участвовать въ военныхъ походахъ князя. *„А про войну, коли язъ самъ, великій князь, сяду на конь, тогды и митрополичьимъ боярамъ и слугамъ, а подъ митрополичьимъ воеводою, а подъ стягомъ моимъ, великаго князя“*. Эта статья очень много говоритъ намъ о значеніи въ то время митрополита, какъ свѣтскаго владѣльца. Мы здѣсь видимъ, что у митрополита было столько бояръ и слугъ, что они могли составлять цѣлые военные отряды съ своими воеводами, только полки митрополита не имѣли своего знамени. Здѣсь же есть свидѣтельство или указаніе, что въ службу митрополита охотно записывались разные бояре и слуги княжескіе и слѣдовательно службу эту считали для себя выгодною, ибо въ грамотѣ отдѣляется особый классъ митрополичьихъ бояръ и слугъ, которые приписывались вновь къ митрополиту уже по смерти Алексѣя митрополита, предмѣстника Кипріанова; слѣдовательно приписка бояръ въ митрополичью службу постоянно увеличивалась и чтобы сколько нибудь сократить это увеличеніе — великій князь новоприписанныхъ митрополичьихъ бояръ и слугъ отдѣляетъ отъ старыхъ бояръ и требуетъ, чтобы они ходили на войну подъ княжимъ воеводою, гдѣ кто живетъ, а не подъ митрополичьимъ воеводою. Въ грамотѣ сказано: *„а кто будетъ бояръ или слугъ не служивалъ Алексѣю митрополиту, а приказался ново — митрополиту, а тѣ пойдутъ подъ моимъ воеводою, великаго князя, гдѣ который живетъ, инъ подъ тѣмъ воеводою и есть“*. Въ 6-хъ, великій князь запрещаетъ ставить въ діаконы и попы княжихъ слугъ и данныхъ людей, какъ бы въ подтвержденіе предшествовавшей статьи, дабы была возможность сократить записку не церковныхъ людей въ церковную службу; а еще болѣе сокращаетъ распространеніе духовенства тѣмъ, что не признаетъ принадлежащими къ духовному вѣдомству священническихъ дѣтей, ежели они не посвящены въ церковную службу и живутъ отдѣльными домами отъ отцовъ, но не запрещаетъ священническимъ дѣтямъ, состоящимъ въ княжеской службѣ, опять возвращаться въ духовное вѣдомство, ежели они желаютъ посвятиться въ священники, или діаконы. Въ грамотѣ сказано: *„А слугъ моихъ, князя великаго и моихъ данныхъ людей въ діаконы и въ попы митрополиту не ставити; а который поповичъ, хотя будетъ писанъ въ мою службу, и всхочетъ стати въ попы, или въ діаконы, ино ему вольно стати; а поповичъ, который живетъ у отца, а хлѣбъ ѣстъ отцевъ, ино той митрополичъ, а который поповичъ отдѣленъ и живетъ опричъ отца, а хлѣбъ ѣстъ свой, а то мой, князя великаго“*. Наконецъ, въ 7-хъ, грамота представляетъ свидѣтельство вмѣшательства великаго князя въ права митрополита относительно сбора митрополичьихъ доходовъ съ тѣхъ церквей, которыя находились въ вѣдомствѣ митрополита. Князь, конечно, по взаимному согласію съ митрополитомъ ограничиваетъ сборъ доходовъ митрополита и его намѣстниковъ только немногими видами до-

ходовъ и притомъ въ опредѣленномъ количествѣ, именно: митрополиту предоставляется во 1-хъ, *„сборное“* съ церкви по 6 алтынъ; во 2-хъ, *„заѣздъ“* по три деньги; митрополичьему же десятиннику *„наѣздъ“* назначается по шести алтынъ; въ этой пошлинѣ ему зачисляется и за въѣздное и за Рождественное и за Петровское. Время для сбора сихъ доходовъ назначается митрополиту о Рождествѣ Христовѣ, а десятиннику о Петровѣ днѣ. Притомъ, митрополитъ не имѣлъ права брать своихъ доходовъ съ тѣхъ церквей, которыя не давали ихъ прежде при Алексѣѣ митрополитѣ. Настоящая уставная грамота (1392 г.) служитъ прямымъ свидѣтельствомъ, что не смотря на ханскіе ярлыки, поставившіе митрополита и церковныхъ людей въ исключительное положеніе и какъ бы освободившіе ихъ отъ всякой другой зависимости, кромѣ хана, въ сущности, на дѣлѣ, митрополитъ и церковные люди оставались и при татарскомъ владычествѣ почти въ прежнихъ отношеніяхъ къ князю: церковь и князь попрежнему составляли одну нераздѣльную власть, митрополитъ и епископы болѣе или менѣе продолжали дѣйствовать заодно съ княземъ и духовенство нисколько не измѣнило своихъ отношеній къ обществу.

Представивши значеніе и права духовенства во время татарскаго владычества, какъ это засвидѣтельствовано и ханскими ярлыками и русскою уставною грамотою, мы теперь должны обратиться къ свидѣтельствамъ о вліяніи духовенства на общественную жизнь въ Россіи и объ участіи его въ ней. Здѣсь намъ лучшимъ и вѣрнѣйшимъ свидѣтельствомъ служатъ договорныя грамоты князей и другіе оффиціальные памятники. Всѣ договорныя грамоты князей, начиная съ грамоты Дмитрія Донского съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ Серпуховскимъ, свидѣтельствуютъ о сильномъ участіи митрополитовъ въ сношеніяхъ князей другъ съ другомъ. По свидѣтельству этихъ грамотъ мы видимъ во 1-хъ, что всѣ договоры князей, утверждаемые обыкновенно крестнымъ цѣлованіемъ, заключались въ присутствіи митрополита или епископа, а самыя грамоты договорныя писались по благословенію митрополита въ Москвѣ и по благословенію епископа въ другихъ княжествахъ. Такъ, въ первой договорной грамотѣ Дмитрія Донского съ Владиміромъ Андреевичемъ, писанной въ 1362 г., сказано: *„По благословенію отца нашего митрополита Алексѣя всея Руси се язъ, князь великій, Дмитрій Ивановичъ докончали есьмы съ братомъ своимъ молодшимъ, со княземъ Володимеромъ Ондреевичемъ, цѣловали есмы крестъ у отца своего Алексѣя митрополита всея Руси“*. Точно также писались и всѣ др. договорныя грамоты Дмитрія Донского и сына его Василія Дмитріевича. А договорныя грамоты Василія Васильевича Темнаго не только писались по благословенію митрополита, но для большаго подтвержденія и подписывались митрополитомъ. Такъ, первая договорная грамота Василія Васильевича съ дядею его Юріемъ Дмитріевичемъ, написанная въ 1428 г., подписана митрополитомъ Фотіемъ; потомъ всѣ договорныя грамоты Василія Васильевича, начиная съ 1452 г., подписаны рукою митрополита Іоны, а духовныя его грамоты—рукою митрополита Θеодосія. Договорныя грамоты великаго князя Ивана Васильевича всѣ писаны по митрополичьему благословенію и подписаны митрополитомъ, а къ договорной грамотѣ его съ князьями Θедоромъ и Иваномъ Борисовичами Волоцкими, писанной

въ 1497 г., даже привѣшена вмѣстѣ съ княжескими печатями печать митрополита Симона, подписавшаго грамоту. А на договорныхъ грамотахъ великаго кн. Ивана Васильевича съ кн. Михаиломъ Андреевичемъ Верейскимъ, писанныхъ въ 1463 и 1465 гг. даже есть подпись, что онѣ хранились у митрополитовъ: первая — у митроп. Филиппа, а вторая — у митроп. Геронтія. Изъ грамотъ Рязанскихъ князей мы также видимъ, что онѣ писались по благословенію рязанскаго епископа и подписывались имъ: такъ, въ договорной грамотѣ великаго князя Ивана Васильевича съ его удѣльнымъ княземъ Өеодоромъ Васильевичемъ, писанной въ 1496 г., сказано: *„Божіею милостью и пречистыя Богоматери и по благословенію отца нашего Симеона, владыки рязанскаго и муромскаго, и по нашей любви на семъ на всемъ цѣлуй ко мнѣ крестъ“*. Вѣроятно то же бы мы встрѣтили въ грамотахъ и др. князей: Смоленскаго, Тверского, Нижегородскаго и др., но къ сожалѣнію грамоты ихъ не дошли до насъ.

Во 2-хъ, митрополиты и епископы не только писались въ договорныхъ грамотахъ князей, какъ свидѣтели и посредники между ними, но нерѣдко назначались князьями судьями въ княжескихъ спорахъ. Такъ, напр., въ договорной грамотѣ Василія Дмитріевича съ Рязанскимъ княземъ Өедоромъ Ольговичемъ, писанной въ 1402 г., и въ договорной грамотѣ Юрія Дмитріевича съ Рязанскимъ княземъ Иваномъ Өедоровичемъ, писанной въ 1433 г., въ случаѣ суда и споровъ между князьями третейскимъ судьею назначался митрополитъ. Вотъ слова этихъ грамотъ: *„....а о чемъ ся судьи наши сопрутъ, ино имъ третій митрополитъ, а кого митрополитъ обинитъ, ино обидное отдати“*. — Въ 3-хъ, лѣтописи представляютъ много свидѣтельствъ объ участіи митрополитовъ, епископовъ и др. духовныхъ лицъ въ дѣлахъ междукняжескихъ и вообще въ устройствѣ порядка и тишины въ Русской землѣ. Такъ, по свидѣтельству лѣтописи первый же, во время татарскаго владычества, митрополитъ Кириллъ въ 1270 г. примирилъ Новгородцевъ съ Ярославомъ Ярославичемъ, тогда какъ прежде этого Ярославъ безъ успѣха испыталъ всѣ средства примиренія съ ними. Митрополитъ, по просьбѣ Ярослава написалъ Новгородцамъ грамоту, въ которой ручался за Ярослава, что онъ не будетъ обижать Новгорода; вотъ слова митрополичьей грамоты: *„Азъ вамъ ручаюсь по немъ и вы бы его приняли съ честію достойною“* (Ник. III, 52). О епископѣ Сарскомъ [1]), Өеогностѣ, есть извѣстіе, что онъ нѣсколько разъ былъ въ Константинополѣ посломъ даже и отъ хана Менгу-Темира; такъ, подъ 1279 г. въ лѣтописи говорится, что въ этомъ году пріѣхалъ въ Москву изъ Константинополя Сарскій епископъ Өеогностъ, куда онъ былъ посылаемъ уже въ третій разъ отъ Менгу-Темира и митрополита Кирилла съ грамотами и дарами византійскому импера-

---

[1]) Сарскимъ или Сарайскимъ епископомъ назывался православный епископъ, находившійся при дворѣ ордынскихъ хановъ. При дворѣ хановъ были представители всѣхъ религій, исповѣдуемыхъ народами, входившими въ составъ Монгольской имперіи. Они имѣли тамъ свои храмы, въ которыхъ свободно совершали свое богослуженіе. Русскій епископъ при дворѣ ханскомъ назывался еще Подонскимъ (Сарскій и Подонскій), такъ какъ въ его вѣдѣніи находились всѣ христіанскія поселенія, лежавшія отъ Сарая вверхъ по Волгѣ и по Дону съ его притоками: Донцемъ, Хопромъ, Медвѣдицей и др.

тору и патріарху (Ibid. 68). Въ 1280 г. Новгородцы посылали своего епископа Климента къ великому князю Дмитрію Александровичу; а въ 1281 г. ростовскій епископъ Игнатій мирилъ ростовскихъ князей, враждовавшихъ другъ съ другомъ, и ѣздилъ къ великому князю Дмитрію Александровичу съ просьбою о томъ, чтобы онъ принялъ участіе въ примиреніи ростовскихъ князей (Ibid. 71). Въ 1296 г. Владимирскій епископъ Симеонъ присутствовалъ во Владимирѣ на судѣ князей передъ ханскимъ посломъ и убѣдилъ ихъ примириться и подѣлить свои вотчины, тогда какъ они уже готовы были начать междоусобную войну (Ibid. 94). Въ 1311 г. митрополитъ Петръ остановилъ походъ Тверского князя Дмитрія Михайловича на Новгородъ — Нижній (Ibid. 107). Въ 1365 г. Тверской епископъ Василій по приказанію митрополита Алексѣя судилъ тверскихъ князей, споившихъ объ удѣлахъ. Въ томъ же году, для примиренія нижегородскихъ князей — Дмитрія и Бориса Константиновичей, былъ посылаемъ Дмитріемъ Ивановичемъ Донскимъ преподобный Сергій Радонежскій. Сергій позвалъ Бориса Константиновича въ Москву, и когда тотъ не послушался, то онъ, по приказанію митрополита Алексѣя и великаго князя московскаго, затворилъ въ Нижнемъ всѣ церкви, чѣмъ и принудилъ нижегородскихъ князей смириться. Въ 1385 г. преподобный Сергій, по порученію Дмитрія Ивановича Донского, ѣздилъ въ Рязань для заключенія мира съ Олегомъ Рязанскимъ, что Сергій исполнилъ съ большимъ успѣхомъ. По его убѣжденіямъ Олегъ заключилъ вѣчный миръ съ княземъ московскимъ и сдѣлался постояннымъ его союзникомъ (Ibid. 148). О митрополитѣ Іонѣ въ лѣтописяхъ говорится, что онъ, еще бывши епископомъ рязанскимъ, принималъ самое дѣятельное участіе въ борьбѣ Василія Васильевича съ Дмитріемъ Шемякою: когда въ 1446 г. Дмитрій захватилъ Василія, его мать и дѣтей, то Іона, по словамъ лѣтописи, каждодневно не переставалъ говорить Дмитрію, что онъ учинилъ неправо, и этимъ наконецъ достигъ того, что Дмитрій освободилъ Василія и далъ ему въ удѣлъ Вологду, а это дало возможность Василію возвратить и московскій престолъ (Ibid. 209). До насъ дошло нѣсколько посланій и окружная грамота Іоны, въ которыхъ ясно выражается его участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Первое изъ этихъ посланій, къ князю Дмитрію Юрьевичу, писанное отъ лица всего русскаго духовенства, относится къ 1447 г., когдь Іона еще былъ епископомъ Рязанскимъ. Въ этомъ посланіи соборъ епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ и священниковъ убѣждаетъ Дмитрія прекратить междоусобіе и примириться съ великимъ княземъ, а въ противномъ случаѣ грозитъ ему своимъ неблагословеніемъ (Ак. Ист. I, № 40). Потомъ въ 1448 г. Іона, сдѣлавшись митрополитомъ, немедленно послалъ окружную грамоту ко всѣмъ князьямъ и ко всему народу русскому, въ которой убѣждаетъ ихъ не держаться стороны Дмитрія Юрьевича, возставшаго на великаго князя (№ 44). Участіе Іоны въ государственныхъ дѣлахъ было извѣстно и за предѣлами Россіи; такъ, король Польскій присылалъ Іонѣ грамоты, въ которыхъ просилъ его позаботиться о поддержаніи согласія между Москвою и Польшею, о чемъ упоминаетъ самъ Іона въ своемъ посланіи къ Казиміру, писанномъ въ 1450 г. (А А. т. I, № 49). Іона писалъ посланіе тверскому епископу Ильѣ, приказывая ему убѣдить Бориса Александровича Твер-

скаго отправить полки на помощь великому князю Василію Васильевичу противъ казанскихъ Татаръ. Въ 1452 г. Іоною были написаны два посланія къ новгородскому архіепископу Геннадію противъ Дмитрія Шемяки, укрывавшагося въ Новгородѣ. Въ 1456 г. Іона писалъ посланіе къ Смоленскому епископу Михаилу противъ бѣжавшаго въ Литву Можайскаго князя Ивана Андреевича.

Какъ не одни митрополиты, но и епископы и игумены принимали участіе въ общественныхъ дѣлахъ, точно также и посланія къ князьямъ писались не одними митрополитами и епископами: до насъ дошли два посланія Кирилла, игумена Бѣлозерскаго монастыря. Въ одномъ изъ этихъ посланій Кириллъ убѣждаетъ великаго князя Василія Дмитріевича примириться съ князьями Суздальскими, а въ другомъ пишетъ Можайскому князю Андрею Дмитріевичу, чтобы онъ былъ внимательнѣе по управленію своимъ княжествомъ и особенно настаиваетъ, чтобы князь былъ внимательнѣе и строже къ судьямъ. Вотъ слова этой грамоты: „*Господине княже, властелинъ еси въ отчинѣ, отъ Бога поставленъ люди, господине, свои уймати отъ лихаго обычая. Судъ бы, господине, судити праведно, какъ передъ Богомъ право, поклеповъ бы, господине, не было, подметовъ бы, господине, не было, судьи бы, господине, посуловъ не имали, довольны были бы уроки своими, разбоя бы и татьбы въ твоей отчинѣ не было, а крестьяномъ, господине, не лѣнисъ давати управы самъ*“. (А. К. т. I, № 16).

Митрополитъ Іона былъ почти послѣднимъ изъ русскихъ митрополитовъ, дѣятельно участвовавшихъ въ междукняжескихъ сношеніяхъ. Со смертью Шемяки, противъ котораго такъ сильно вооружался митрополитъ Іона, удѣльное разновластіе было уже не такъ сильно и при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ удѣлы почти перестали существовать; слѣдовательно, за немногими исключеніями, прекратились и случаи участія духовенства въ дѣлахъ князей. Но съ уничтоженіемъ удѣловъ не прекратилась общественная дѣятельность духовенства; для духовныхъ властей осталось еще обширное поприще быть совѣтниками при великомъ князѣ и ходатайствовать предъ нимъ за людей, подвергавшихся опалѣ. И мы дѣйствительно видимъ, что напр. Иванъ Васильевичъ во всѣхъ важныхъ дѣлахъ приглашалъ на совѣтъ митрополита. До насъ дошло даже посланіе всего московскаго духовенства, писанное въ 1480 г. въ великокняжескій столъ на Угру, въ которомъ духовенство убѣждаетъ великаго князя мужественно противостоять хану Золотой Орды—Ахмату. Еще настойчивѣе писалъ великому князю въ то же время и о томъ же предметѣ архіепископъ ростовскій Вассіанъ; а когда Иванъ Васильевичъ не послушалъ его совѣтовъ, оставилъ войска на попеченіе своего сына Василія и пріѣхалъ въ Москву, то Вассіанъ встрѣтилъ его съ такими словами: „*Ты бѣглецъ, ты убѣжалъ изъ войска; вся кровь христіанская падетъ на тебя, что не поставилъ бою съ Татарами*“, и т. д. Эта рѣчь Вассіана имѣла такое вліяніе на Ивана Васильевича, что онъ поспѣшилъ возвратиться къ войску, не успѣвъ даже побывать во дворцѣ своемъ. Этотъ же Вассіанъ передъ нашествіемъ Ахмата, по приказанію великаго князя, два раза ѣздилъ къ великокняжескимъ братьямъ Андрею и Борису Васильевичамъ, готовившимся бѣжать въ Литву, и убѣждалъ ихъ примириться съ Великимъ княземъ. Лучшимъ свидѣтельствомъ о ходатай-

ствѣ духовныхъ передъ великимъ княземъ за провинившихся передъ нимъ князей и бояръ служатъ такъ называемыя „клятвенныя записи“, въ которыхъ митрополитъ, епископы и другія лица изъ духовныхъ являются постоянными ходатаями и поручителями за опальныхъ. Такъ, въ первой изъ дошедшихъ до насъ клятвенной записи, данной въ 1474 г. княземъ Даніиломъ Дмитріевичемъ Холмскимъ великому князю Ивану Васильевичу, Холмскій говоритъ: *„а въ томъ во всемъ по сей моей грамотѣ поручился по мнѣ господарю моему, великому князю Ивану Васильевичу и его дѣтемъ и до моего живота господинъ мой, Геронтій, митрополитъ всея Руси и со своими дѣтьми и съ служебники, со владыками и съ архимандритами, которые въ сей моей грамотѣ писаны“*. Въ клятвенной записи князя Константина Острожскаго точно также сказано, что за него ходатайствовалъ у великаго князя и поручался Симонъ митрополитъ съ своими служебниками—владыками и архимандритами. То же повторяется и во всѣхъ другихъ клятвенныхъ записяхъ, данныхъ разными князьями и боярами, подпадавшими великокняжеской опалѣ. Лѣтописи также постоянно свидѣтельствуютъ о ходатайствѣ митрополитовъ и вообще духовенства передъ великимъ княземъ за всѣхъ провинившихся, или впавшихъ въ немилость. Такимъ образомъ духовенство, во время удѣльнаго разновластія и междоусобій усердно служившее единодержавію, съ прекращеніемъ удѣловъ стало на другую чреду общественнаго служенія—явилось защитникомъ и ходатаемъ общества противъ самовластія. Какъ оно сослужило эту послѣднюю службу, мы увидимъ впослѣдствіи.

Содержаніе духовенства. Мы уже видѣли изъ ханскихъ ярлыковъ, что духовенство владѣло значительными недвижимыми имѣніями; то же самое говорятъ лѣтописи и другіе памятники того времени. Во время татарскаго владычества имѣнія пріобрѣтались духовенствомъ частію пожалованіемъ князей и бояръ, а преимущественно по завѣщаніямъ и вкладамъ. На все это мы имѣемъ письменныя свидѣтельства въ дошедшихъ до насъ жалованныхъ грамотахъ, купчихъ, вкладныхъ записяхъ и въ духовныхъ завѣщаніяхъ, изъ которыхъ нѣтъ ни одного, въ которомъ бы не назначалась часть имущества на церковь и духовенство; этого требовала и самая форма духовныхъ завѣщаній. Но особенно значительнымъ источникомъ пріобрѣтенія имѣній монастырями служили такъ называемые вклады, т. е. отдача монастырю имѣнія: каждый князь, или бояринъ, или другой кто, желая поступить въ монастырь, долженъ былъ сдѣлать вкладъ въ монастырскую казну. Эти вклады, смотря по усердію и богатству вкладчиковъ, были иногда очень велики. Великіе и удѣльные князья нерѣдко жертвовали въ пользу церквей и монастырей извѣстную часть своихъ доходовъ [1]). Въ настоящее время явилась новая форма пріобрѣтенія земель церковью—*„приписка“*. Она состояла въ томъ, что, поступая на службу митрополита и записываясь за церковью, бояре и вообще всѣ собственники

1) Такъ, напр., великій князь Иванъ Ивановичъ, отецъ Дмитрія Донского, въ своей духовной грамотѣ пишетъ: *„А изъ тамги изъ Коломенской далъ есмь четвертую часть къ Святей Богородицѣ на Крутицу собѣ въ память. А костки московскія далъ есмь на Москвѣ къ св. Богородицѣ и къ св. Михайлу въ память по своемъ отцѣ и по своей братьи и по себѣ, то имъ руга.*

приписывались со всѣмъ своимъ имуществомъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время церковь обладала громадными недвижимыми имуществами. Но во время татарскаго владычества мы уже не встрѣчаемъ указаній о сборѣ десятины въ пользу церкви; слѣдовательно въ это время церковная десятина была отмѣнена, и вѣроятно само духовенство отказалось отъ нея при видѣ всеобщаго народнаго истощенія. Правда и въ это время упоминаются десятинники, но это были только свѣтскіе чиновники, управители митрополичьихъ имѣній, кормы съ которыхъ въ пользу десятинника назывались также досятиною или „десятильничьимъ". Но, конечно, съ прекращеніемъ десятинъ не уничтожились судныя пошлины митрополиту, такъ какъ суды церковные существовали и во время татарскаго владычества. Рядомъ съ судными пошлинами въ пользу духовенства оставались и пошлины отъ администраціи: *„заѣздъ"*, *„сборное"* и *„десятильничье"*. Но эти пошлины собирались только съ церковныхъ причтовъ и вообще съ лицъ, подлежавшихъ церковному управленію, и были незначительны. Главнымъ же источникомъ содержанія духовенства въ это время служили вотчины. Вотчины и вообще поземельныя владѣнія преимущественно были сосредоточены въ рукахъ митрополитовъ, епископовъ, монастырей и соборныхъ церквей; вотчины же приходскихъ церквей были чрезвычайно рѣдки, и содержаніе приходскаго духовенства состояло, главнымъ образомъ, изъ доходовъ съ церковной земли, опредѣленное количество которой имѣла каждая церковь и безъ которой не могла даже и строиться церковь, и потомъ изъ доходовъ отъ церковныхъ службъ. Кромѣ того, между источниками доходовъ и содержанія приходскаго духовенства нужно упомянуть о такъ называемой ругѣ. Ругою называется жалованье деньгами или различными припасами, выдаваемое церковному причту тѣмъ лицемъ, по желанію котораго была построена церковь. Но это жалованье не было распространено на всѣ церкви, а только на нѣкоторыя. Сюда причислялись церкви придворныя, княжескія, церкви, построенныя богатыми землевладѣльцами, которые не приписали къ построеннымъ имъ церквамъ извѣстной доли земли, и наконецъ церкви, построенныя по распоряженію правительства въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ мало было христіанъ; такія церкви и причты, находившіеся при нихъ, получали содержаніе отъ правительства. Впрочемъ, число ружныхъ церквей послѣдняго изъ указанныхъ нами видовъ во второмъ періодѣ было еще очень незначительно и вообще относительно ружныхъ церквей надо замѣтить, что онѣ только еще начали появляться въ этомъ періодѣ, распространеніе же ихъ относится уже къ слѣдующему періоду.

Дружина. Относительно дружины прежде всего надобно сказать, что ни въ лѣтописяхъ, ни въ другихъ памятникахъ настоящаго періода мы нигдѣ не встрѣтимъ названія „дружина", или — „дружинникъ". Но это не значитъ, что въ это время дружины не существовало: дружинники были и во время татарскаго владычества на Руси, но только въ это время измѣнилось названіе ихъ; теперь дружинники стали называться: *боярами*, *боярскими дѣтьми*, *вольными слугами и дворянами*. Первыя два названія относятся къ старшей дружины, а два послѣднія—къ младшей. Впрочемъ, нельзя отвергать того, что дружина во второй половинѣ второго періода и въ самомъ быту своемъ потерпѣла

значительныя измѣненія и эти измѣненія были прямымъ слѣдствіемъ татарскаго владычества на Руси. Это случилось такимъ образомъ: Татары, какъ извѣстно, не хотѣли знать ни земцевъ, ни дружинниковъ, и знали только русскую землю, которую считали своимъ улусомъ; поэтому они внесли въ свою перепись русскаго народа какъ земцевъ, такъ и дружинниковъ, и одинаково какъ тѣхъ, такъ и другихъ обложили данью. Это имѣло весьма важныя послѣдствія для дружинниковъ. Прежде дружинники были совершенно отдѣлены отъ земцевъ, они не несли общественныхъ податей и имѣли свое особое устройство. Но Татары своимъ уравненіемъ дружинниковъ съ земцами поставили ихъ въ болѣе близкія отношенія другъ къ другу. Такимъ образомъ, вслѣдствіе татарскаго владычества значеніе дружинниковъ до нѣкоторой степени ослабѣло. Далѣе, ослабленію значенія дружинниковъ въ періодѣ татарскаго владычества много способствовало уничтоженіе удѣловъ, вслѣдствіе котораго дружинники мало по малу обращались въ служилыхъ людей и, такимъ образомъ, принимали характеръ земцевъ. Но полное слитіе дружины съ земщиной произошло уже въ слѣдующемъ періодѣ. Поэтому въ настоящемъ періодѣ мы должны еще разсматривать дружину и земщину отдѣльно. Въ слѣдующемъ періодѣ мы будемъ дѣлить все русское общество только на служилыхъ и не служилыхъ людей.

Названіе дружинниковъ. Во всѣхъ договорныхъ грамотахъ, начиная съ 1328 г. и кончая 1432 г., для обозначенія княжеской дружины встрѣчаются названія *„бояръ“* и *„вольныхъ слугъ“*. Первымъ изъ этихъ названій обозначалась вся старшая дружина, а послѣднимъ — вся младшая. Боярство означало состояніе старшаго дружинника; этимъ словомъ обозначалось не только личное достоинство дружинника, но и происхожденіе. Боярство было равнозначительно нынѣшнему дворянству, а бояринъ означало то же, что нынѣ — дворянинъ. Словомъ „вольные люди“ или „дворяне“ обозначался низшій разрядъ княжеской дружины: княжескіе истопники, конюхи, псари, ловчіе и т. п. Около 1388 г. высшій классъ дружины — бояре, сталъ подраздѣляться на *„бояръ“* просто и *„большихъ бояръ“*, или *„путниковъ“*. Путниками назывались тѣ изъ бояръ, исправлявшихъ высшія государстренныя должности, которые получали „путь“, т. е. доходъ, приписанный къ должности, съ области, или города, или же отъ извѣстной доходной статьи. Это раздѣленіе бояръ было, такъ сказать, предтечею болѣе радикальныхъ измѣненій старшей дружины. Съ 1433 г. (по крайней мѣрѣ извѣстія объ этомъ начинаются съ этого года) при Василіѣ Васильевичѣ старшіе дружинники, какъ сословіе, стали называться „боярскими дѣтьми“; словомъ же „бояринъ“ съ этого времени сталъ обозначаться чинъ, а не званіе. Боярство съ этого времени уже перестало передаваться потомству, и всѣ боярскія дѣти перестали уже называться боярами. Объ этомъ прямо свидѣтельствуютъ всѣ лѣтописи и оффиціальные памятники того времени. Во всѣхъ этихъ памятникахъ тѣ, которые до 1433 г. назывались боярами, стали называться „боярскими дѣтьми“. Въ нашей литературѣ относительно „боярскихъ дѣтей“ встрѣчаются неправильныя мнѣнія. Такъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ изъ нашихъ историковъ, боярскими дѣтьми назывался низшій разрядъ княжескихъ дружинниковъ. Но это мнѣніе неправильно. Въ

XVI столѣтіи дѣйствительно такъ назывались не всѣ боярскіе роды, а только тѣ, которые составляли низшій разрядъ служилыхъ людей, но въ XV и въ первой четверти XVI в. этимъ названіемъ обозначались вообще всѣ боярскіе роды. Такъ, въ лѣтописяхъ и въ разныхъ оффиціальныхъ памятникахъ XV в. между фамиліями боярскихъ дѣтей встрѣчаются: Оболенскіе, Ряполовскіе, Стригины, Руно и многія другія знатныя фамиліи, изъ коихъ иныя состояли въ родствѣ съ великими князьями и вели свое начало отъ удѣльныхъ князей. Это свидѣтельство прямо указываетъ на правильность изложеннаго нами мнѣнія. Точно также мы много имѣемъ свидѣтельствъ о томъ, что въ XV и въ первой четверти XVI в. многіе изъ боярскихъ дѣтей занимали въ московскомъ государствѣ высшія государственныя должности. Впрочемъ, это переименовеніе старшихъ дружинниковъ принадлежитъ только московскому княжеству: въ договорныхъ грамотахъ и другихъ памятникахъ другихъ княжествъ старшіе дружинники по прежнему называются боярами. Младшая дружина во всѣхъ договорныхъ грамотахъ московскихъ князей, начиная съ грамоты Симеона Гордаго, обозначалась именемъ „вольныхъ слугъ государя“ и „дворянъ“. Точно также и въ грамотахъ др. княжествъ младшіе дружинники называются то дворянами, то княжими слугами; такъ въ договорной грамотѣ Новгородцевъ съ Михаиломъ Ярославичемъ Тверскимъ, писанной въ 1307 г., говорится: *„А въ Бѣжицахъ, княже, тобѣ, ни твоей княгини, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ дворяномъ селъ не держати“*. А въ другой договорной грамотѣ того же князя съ Новгородцами, писанной въ 1395 г., говорится: *„А чего будетъ искати мнѣ и моимъ бояромъ и моимъ слугамъ у Новгородцевъ и Новоторжцевъ и у Волочанъ, а потому всему судъ дати безъ перевода“*. Здѣсь, очевидно, бояре противопоставлены дворянамъ, старшіе дружинники — младшимъ.

Значеніе бояръ. Старшіе дружинники и при Татарахъ удержали прежнее значеніе. Они, по памятникамъ того времени, являются совѣтниками князя, спутниками его на войнѣ и ближайшими участниками въ управленіи народомъ. Всѣ высшія должности государственныя въ періодѣ татарскаго владычества поручались старшимъ дружинникамъ или боярамъ. Такъ напр., они по разнымъ дѣламъ ѣздили въ Орду вмѣстѣ съ князьями, а впослѣдствіи одни вмѣсто князей. Въ 1360 г. московскіе бояре выпросили у хана великокняжескій московскій престолъ малолѣтнему Дмитрію Ивановичу, и удержали престолъ за Дмитріемъ Ивановичемъ во все время его малолѣтства, такъ что онъ во всѣхъ спорахъ съ князьями Тверскими и Рязанскими остался побѣдителемъ. Точно также московскіе бояре являются самыми дѣятельными защитниками великаго князя во время междоусобія Василія Васильевича съ Дмитріемъ Шемякою, продолжавшагося около 20 лѣтъ. Сами князья признавали за своими боярами очень большое значеніе. Такъ, Дмитрій Ивановичъ Донской въ своей духовной грамотѣ говоритъ о боярахъ: *„Вы же есть обычаи моя и нравы знаете; передъ вами родихся и возростахъ, съ вами царствовахъ, отчину свою, великое княженіе, держахъ двадцать и семь лѣтъ; съ вами на многія страны много шествовахъ, вами въ браняхъ страшенъ бѣхъ, съ вами великое княженіе вельми укрѣпихъ, и миръ и тишину княженію своему учи-*

нихъ, и державу отчины своея соблюдохъ, великую же честь и любовь къ вамъ имѣхъ и передъ вами города держахъ и великія волости". При великомъ князѣ Василіѣ Васильевичѣ князья Ряполовскіе подняли на Шемяку всѣхъ удѣльныхъ князей и собрали войско, съ помощью котораго освободили отъ плѣна великаго князя московскаго и возвратили ему престолъ. Значеніе бояръ и участіе ихъ въ государственныхъ дѣлахъ подтверждается и оффиціальными памятниками. Такъ изъ договорныхъ грамотъ великаго князя Семена Ивановича съ братьями и Димитрія Ивановича Донского съ Олгердомъ Литовскимъ видно, что бояре принимали участіе въ сношеніяхъ князей другъ съ другомъ; а духовныя княжескія грамоты почти всѣ съ боярскими подписями. Въ жалованныхъ грамотахъ монастырямъ рязанскихъ князей прописывались имена бояръ, что показываетъ ихъ значеніе, какъ думцевъ князя. Кромѣ того, иногда князья поручали боярамъ разбирательство различныхъ споровъ своихъ съ другими князьями; такъ, Дмитрій Донской въ духовной своей говоритъ: „*А что вытягалъ бояринъ мой Ѳеодоръ Андреевичъ на обчемъ рѣтѣ Товъ и Медынь у Смольнянъ, а то сыну же моему Андрѣю*". Такимъ образомъ и оффиціальные памятники и лѣтописи свидѣтельствуютъ, что бояре во время татарскаго владычества имѣли такое же значеніе, какое въ предшествовавшее время имѣли старшіе дружинники, а собственно московскіе бояре даже и большее.

Служебныя права и обязанности бояръ. Относительно правъ и обязанностей старшіе дружинники во время татарскаго владычества имѣли двоякое значеніе: тогдашнее правительство смотрѣло на нихъ, какъ на служилыхъ людей, съ одной стороны, съ другой, какъ на жителей той или другой области или уѣзда. На этомъ различіи въ значеніи старшихъ дружинниковъ основывалось и различіе ихъ правъ и обязанностей. На боярахъ, какъ на служилыхъ людяхъ, лежала во 1-хъ обязанность военной службы. Бояре и вольные слуги были единственными воинами князей. Они составляли княжеское войско и по первому же зову князя должны были являться къ нему и отправляться съ нимъ въ походъ подъ его знаменемъ и командою, хотя бы они жили и не въ его княжествѣ. Во всѣхъ договорныхъ грамотахъ того времени мы встрѣчаемъ такое выраженіе: „А кто которому князю служитъ, полѣсти ему съ тѣмъ княземъ, которому служитъ". По свидѣтельству тѣхъ же грамотъ военная служба была непремѣнною обязанностью бояръ, такъ что за уклоненіе отъ нея они подвергались наказанію и освобождались отъ нея не иначе, какъ только съ дозволенія князя. Въ походъ бояре являлись съ своими вооруженными слугами, съ своими военными запасами и преимущественно на коняхъ. (Между боярскими слугами, составлявшими полки бояръ, часто находились и боярскіе дѣти, которые по бѣдности не могли служить князю непосредственно; они, поступая на службу къ богатымъ боярамъ, получали отъ нихъ вооруженіе, содержаніе и все необходимое для военной службы). Всѣ права бояръ, какъ служилыхъ людей, обусловливались числомъ слугъ, въ сопровожденіи которыхъ они являлись на службу къ князю; бояринъ, имѣвшій большее число слугъ, пользовался и большимъ почетомъ отъ князя и получалъ отъ него высшія должности Такъ, о бояринѣ Родіонѣ Несторовичѣ, пришедшимъ въ Москву изъ

Приднѣпровья въ сопровожденіи 1700 вооруженныхъ слугъ, въ лѣтописяхъ разсказывается, что онъ былъ первымъ бояриномъ у Юрія и Ивана Даниловичей. Иные же бояре получали отъ князей за свою службу цѣлые города, доходами отъ которыхъ они пользовались, пока состояли на службѣ у князя, давшаго городъ; такъ, по смерти Ольгерда нѣкоторые литовскіе князья со всею своею дружиною перешли на службу князя московскаго (между прочимъ Патрикѣевы) и получили въ окладъ многіе города. Иные получали отъ князей вотчины въ полную собственность, которая оставалась за ними и тогда, когда они переходили на службу къ другому князю. Во 2-хъ, вмѣстѣ съ военною службою бояре исправляли различныя придворныя должности: конюшихъ, дворецкихъ, казначеевъ, ловчихъ, ясельничихъ, стольниковъ, кравчихъ и другихъ. Впрочемъ, какъ мы уже сказали, каждый бояринъ были прежде всего военнымъ, а придворныя должности были уже для него второстепенными, или собственно порученіями. Знатнѣйшіе и довѣреннѣйшіе изъ бояръ засѣдали въ княжескомъ совѣтѣ или Думѣ; съ ними князь рядилъ и рѣшалъ государственныя дѣла. Это было продолженіемъ прежняго порядка, по которому старшіе дружинники были „думцами“ князя. Какъ въ предъидущіе періоды, такъ и въ настоящій каждый старшій дружинникъ уже по самому званію своему былъ думцемъ князя, и князья, не столько по доброй волѣ, сколько по обязанности, должны были приглашать на совѣтъ свою старшую дружину. Далѣе, бояре участвовали въ судѣ, даже въ судѣ надъ князьями. Посольскія дѣла также поручались боярамъ, — черезъ нихъ князья сносились другъ съ другомъ, черезъ нихъ вели переговоры съ иностранными государями и черезъ нихъ же отправляли дань татарскимъ ханамъ. Въ 3-хъ, бояре управляли городами и областями въ качествѣ намѣстниковъ и волостелей. Служба этого рода давалась преимущественно въ награду за ихъ военную службу; но управленіе поручалось боярамъ обыкновенно на годъ и рѣдко на два, или на три года. Во время управленія городами и волостями бояре получали такъ называемые кормы, которые строго были опредѣлены закономъ; далѣе, пользовались доходами отъ суда. Кромѣ того, каждый бояринъ во время своего намѣстничества получалъ еще кормы на своихъ слугъ, т. е. чиновниковъ, помогавшихъ ему въ управленіи городомъ и волостью. Выборъ и назначеніе этихъ чиновниковъ зависѣли отъ самого намѣстника.

Права бояръ были слѣдующія: 1) бояре, какъ свободные и по доброй волѣ поступившіе на службу къ князю, имѣли право оставлять ее по желанію во всякое время, даже въ военное, и переходить на службу къ другому князю. Князья, какъ это видно изъ дошедшихъ до насъ грамотъ, не имѣли права удерживать бояръ у себя на службѣ и препятствовать ихъ переходу. 2) Боярамъ принадлежало право мѣстничества. Это право состояло въ томъ, что боярскіе роды могли считаться другъ съ другомъ степенями службы по старшинству родовъ. По праву мѣстничества для занятія какой нибудь высшей государственной должности не требовалось ни заслугъ, ни способностей, а только одно происхожденіе отъ стариннаго и знатнаго рода, и это право было такъ сильно развито за настоящій періодъ, что его никакъ не могла ограничить княжеская власть: когда князь отдавалъ

какую-нибудь высшую государственную должность члену незнатнаго рода, то всѣ старшіе и знатные роды считали себя оскорбленными (обойденными) и требовали удовлетворенія отъ князя; въ противномъ же случаѣ они отходили къ другому князю. Такъ, когда къ Юрію Даниловичу московскому пришелъ бояринъ Родіонъ Несторовичъ и Юрій Даниловичъ принялъ его съ большимъ почетомъ, то бояринъ Акинѳъ Шуба, бывшій до того времени первымъ бояриномъ въ Москвѣ, счелъ себя оскорбленнымъ этимъ. Онъ перешелъ къ Тверскому князю и сталъ воевать съ Юріемъ Даниловичемъ. — 3) Бояре, поступая на службу къ князю, получали отъ него значительныя поземельныя владѣнія, иногда вотчины, а большею частію помѣстья. Въ этихъ владѣніяхъ бояре пользовались очень значительными правами: они были тамъ полными распорядителями и нерѣдко, не спрашивая князя, при помощи своихъ слугъ, воевали съ сосѣдними владѣльцами, принадлежавшими къ другимъ княжествамъ. Князья предоставляли боярамъ распоряжаться въ ихъ владѣніяхъ совершенно самостоятельно и не вмѣшивались въ ихъ дѣла; такъ, во всѣхъ договорныхъ княжескихъ грамотахъ мы встрѣчаемъ такое условіе: „*а боярамъ и слугамъ въ своихъ домахъ вѣдатъся самимъ, а намъ ся въ нихъ не вступати*“.

Права и обязанности бояръ по владѣнію. Относительно правъ и обязанностей бояръ, какъ жителей извѣстнаго уѣзда, или волости, и какъ землевладѣльцевъ, надобно замѣтить, что въ этомъ отношеніи бояре и всѣ служилые люди принимались не по службѣ ихъ, а по поземельнымъ владѣніямъ. Въ этомъ отношеніи бояре имѣли тѣ же права и обязанности, какія имѣли земцы: на нихъ, также какъ на земцахъ, лежала обязанность тянуть судомъ и данью по землѣ и водѣ къ тому городу, въ уѣздѣ котораго находились ихъ владѣнія; точно также относительно землевладѣнія, податей и повинностей съ земель, бояре со времени татарскаго владычества нисколько не отличались отъ земцевъ, но за то права бояръ въ ихъ владѣніяхъ были очень велики. Имъ во 1-хъ, предоставлялось полное и независимое отъ князя распоряженіе своими землями; князья въ это не вступались, какъ это видно изъ слѣдующаго условія, встрѣчающагося во всѣхъ договорныхъ грамотахъ того времени: „*А бояромъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля; а домы имъ свои вѣдати, а намъ ся въ нихъ не вступати*“. Нерѣдко боярамъ, какъ землевладѣльцамъ, предоставлялось и право суда и управленія надъ людьми, жившими въ ихъ владѣніяхъ. Впрочемъ, это право было только привиллегіею нѣкоторыхъ изъ бояръ, а не составляло необходимой принадлежности боярскаго званія. Этимъ правомъ, какъ привиллегіей, пользовались и нѣкоторыя изъ общинъ; слѣдовательно оно чисто зависѣло отъ князя и не вытекало изъ правъ боярскаго званія. (Въ нашей литературѣ было мнѣніе противоположное этому, но это невѣрно). Во 2-хъ, бояре были совершенно обезпечены относительно правъ на свои имѣнія, хотя бы эти имѣнія находились во владѣніяхъ другого князя, а не того, которому служитъ бояринъ. (Это право существовало, конечно, только относительно вотчинъ, потому что помѣстья бояре получали только на время службы тому князю, который давалъ помѣстье). Неприкосновенность поземельной собственности и личныхъ правъ бояръ простиралась до того, что въ случаѣ обиды, нанесенной бояриномъ въ своей отчинѣ

князю, которому онъ не служилъ, судъ надъ бояриномъ назначался общій, т. е. какъ со стороны князя, котораго онъ обидѣлъ, такъ и со стороны того князя, у котораго онъ находился на службѣ. — Въ 3-хъ, въ самомъ платежѣ податей и въ отправленіи разныхъ повинностей бояре и вообще служилые люди пользовались большими преимуществами и льготами предъ людьми неслужилыми: съ бояръ хотя и шли подати и они наравнѣ съ земцами отбывали различныя повинности, но гораздо въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ неслужилые люди.

За всѣ эти права и привиллегіи бояринъ по первому же зову князя долженъ былъ являться на службу; въ противномъ же случаѣ онъ лишался своихъ правъ и привиллегій; а потому даже старые и дряхлые и вообще больные изъ бояръ не освобождались отъ службы. Если какой-нибудь бояринъ не могъ самъ итти въ походъ, или вообще явиться на службу, то долженъ былъ въ такомъ случаѣ выставить опредѣленное число слугъ, или послать своего родственника, который бы принялъ на себя его службу. Таковы были правила относительно службы вотчинниковъ; относительно же помѣщиковъ существовали еще болѣе строгія правила. Какъ скоро какой-нибудь бояринъ, имѣвшій помѣстье, лишался возможности служить, то долженъ былъ сдать свое помѣстье сыну или другому родственнику, который бы могъ исполнять его служебныя обязанности; но если такого не находилось, то у него отбиралось помѣстье. Исключеніе изъ этого было только одно—если помѣщикъ дѣлался неспособнымъ служить отъ ранъ, полученныхъ на войнѣ, то въ такомъ случаѣ помѣстье не отбиралось отъ него, а оставлялось ему на прокормленіе.

Права и обязанности вольныхъ слугъ. Вольные слуги или дворяне имѣли одинаковыя права состоянія съ боярами. Они во 1-хъ, пользовались правомъ свободнаго перехода отъ одного князя къ другому; такъ, въ договорныхъ грамотахъ князей мы постоянно встрѣчаемъ такое условіе: *„А бояромъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля“*. Во 2-хъ, вольные слуги подобно боярамъ могли имѣть вотчины въ разныхъ княжествахъ, даже во владѣніяхъ не тѣхъ князей, которымъ они служили. Въ 3-хъ, дворяне или вольные слуги пользовались доходами, или, по старинному выраженію — кормами отъ управляемыхъ ими городовъ и волостей, а также получали помѣстья за службу. Въ 4-хъ, съ своихъ недвижимыхъ имѣній вольные слуги обязывались платить подати по землѣ и водѣ, доказательствомъ чему служитъ слѣдующее условіе, встрѣчаемое въ грамотахъ того времени: *„А кто иметъ жити моихъ бояръ и слугъ въ твоей отчинѣ и тебѣ ихъ блюсти, какъ и своихъ, и дань взяти, какъ и на своихъ“*. — Въ 5-хъ, подлежа платежу дани и суду по землѣ и водѣ, дворяне и вольные слуги въ отношеніи къ своимъ домашнимъ дѣламъ были независимы и свободны, и князья не вмѣшивались въ ихъ домашнія распоряженія; въ договорныхъ грамотахъ князей говорится: *„А бояромъ и слугамъ межи насъ вольному воля, а домы своя вѣдаютъ сами, а намъ ся въ нихъ не вступати“*. Такимъ образомъ, относительно правъ и обязанностей вольные слуги были совершенно равны съ боярами, — вся разница между ними состояла только въ богатствѣ и знатности. Но тѣмъ не менѣе, вольные слуги и бояре составляли два класса служилыхъ людей, которые никогда не смѣшивались, но всегда были раздѣлены, подобно тому, какъ

въ предъидущемъ періодѣ младшая и старшая дружина. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, тотъ и другой классъ составляли одно служилое сословіе, свободно поступавшее на службу къ князю и также свободно оставлявшее эту службу.

Дворяне или княжіе слуги участвовали во всѣхъ родахъ княжеской службы: военной, придворной, гражданской. Въ договорной грамотѣ Дмитрія Донского съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, писанной въ 1362 г., сказано: *„А коли ти будетъ всѣсти на конь со мною, и кто будетъ твоихъ бояръ и слугъ, гдѣ кто ни живетъ, тѣмъ быти подъ твоимъ стягомъ“*. Но впрочемъ, военная служба дворянъ не могла равняться службѣ бояръ. Дворяне не были главными предводителями и начальниками полковъ, и если когда и начальствовали, то очень незначительными отрядами: десяткомъ, или сотнею. Въ числѣ обязанностей военной службы на дворянахъ лежала обязанность, которой не знали бояре: это—охраненіе русскихъ границъ со стороны Татаръ. По пограничной линіи русскихъ владѣній тогда стояли городки, въ которыхъ дворяне содержали караулы или сторожи (поэтому и помѣстья дворянъ находились преимущественно въ мѣстностяхъ, пограничныхъ съ татарскими владѣніями), дѣлали станичные разъѣзды для наблюденія за Татарами, а въ случаѣ нападенія Татаръ давали знать воеводамъ, стоявшимъ съ главными полками обыкновенно около Коломны, или Каширы. Въ службѣ гражданской дворяне могли занимать должности: разсыльщиковъ, недѣльщиковъ, сторожей при судахъ, сборщиковъ пошлинъ при перевозахъ и на торгахъ, и вообще исправляли незначительныя должности, за которыя они пользовались опредѣленными кормами. Въ придворной службѣ дворяне исполняли также различныя мелкія должности смотрителей за разными припасами княжескими и лошадьми, а также принимали участіе въ княжей охотѣ въ качествѣ псарей, кречетниковъ, сокольниковъ и т. п. Такимъ образомъ дворяне во всѣхъ родахъ службы могли занимать только незначительныя должности; но имъ не былъ прегражденъ путь къ высшимъ должностямъ; они могли переходить въ высшій классъ служилыхъ людей и занимать высшія государственныя должности. Переходъ въ высшій классъ пріобрѣтался военною службою, а служба такого рода обыкновенно зависѣла отъ состоянія служащаго; кто имѣлъ болѣе средствъ, тотъ скорѣе могъ достигнуть и повышенія по службѣ, потому что по правиламъ тогдашней администраціи время отъ времени составлялись разборные списки служилыхъ людей. Въ этихъ спискахъ отмѣчалось— за кѣмъ какое имѣніе и какъ кто коненъ, люденъ и оруженъ могъ явиться на службу. Поэтому, если оказывалось, что кто либо изъ дворянъ имѣлъ большее число слугъ, нежели бояринъ, то послѣдній выключался изъ списка бояръ и его мѣсто занималъ первый. Вообще, княжіе служилые люди не имѣли характера замкнутой корпораціи: изъ дружинниковъ они могли дѣлаться земцами, и наоборотъ; равнымъ образомъ, изъ низшаго служилаго сословія можно было дослужиться боярскаго званія. Кромѣ исчисленныхъ родовъ службы дворянъ, былъ еще родъ службы, принадлежавшій имъ — это служба, такъ называемая, приборная. Отличительный характеръ приборной службы былъ тотъ, что за нее давалась земля не на вотчинномъ, или помѣстномъ правѣ владѣнія, а на общинномъ. Городъ который приглашалъ

извѣстное число слугъ,—пушкарей, пищальниковъ, казаковъ и др.— отдѣлялъ опредѣленное пространство своихъ земель, которыя и отдавалъ приборнымъ. Такимъ образомъ, приборные слуги составляли общину, владѣвшую своими землями сообща. По прибору служили казаки, которые составляли собственно гарнизонъ въ пограничныхъ степныхъ городкахъ и въ то же время вмѣстѣ съ дворянами отправляли станичную службу; пушкари и пищальники, т. е. слуги, состоявшіе при крѣпостныхъ пушкахъ и пищаляхъ; воротники, т. е. слуги, державшіе караулъ въ крѣпостяхъ; далѣе плотники, кузнецы и др., исправлявшіе различныя должности въ крѣпостяхъ. Всѣ эти лица служили по прибору и получали за свою службу землю, которою они владѣли на общинныхъ правахъ.

Земщина. Въ первое время татарскаго владычества земщина оставалась при прежнихъ отношеніяхъ къ князю и дружинѣ, по прежнему принимала участіе въ государственныхъ дѣлахъ и въ сношеніяхъ князей другъ съ другомъ и съ Ордою. Такъ, въ 1296 г. на съѣздѣ во Владимирѣ передъ судомъ ханскаго посла Неврюя, рядомъ съ князьями Московскимъ и Тверскимъ противъ князей: Владимирскаго, Ростовскаго и Ярославскаго стояли выборные отъ земщинъ—Переяславской и Суздальской. Даже есть извѣстія, что та, или другая изъ земщинъ отправляли въ Орду своихъ пословъ. Есть еще извѣстіе, что въ 1262 г. земщины всѣхъ городовъ русскихъ по рѣшенію общаго вѣча поднялись на баскаковъ, татарскихъ сборщиковъ податей. Хотя князья и участвовали въ этомъ возстаніи противъ Татаръ, но они были увлечены примѣромъ земщины и начало возстанія принадлежало вовсе не имъ. Но такой порядокъ дѣлъ существовалъ только до половины XIV стол. Послѣ этого, особенно, когда московскіе князья сдѣлались первенствующими, участіе земщины въ государственныхъ дѣлахъ значительно уменьшилось. Этому ослабленію значенія земщины особенно много способствовало сосредоченіе въ рукахъ князей, при помощи Татаръ, огромныхъ поземельныхъ владѣній, когда, такимъ образомъ, князья совмѣстили въ себѣ государственную власть съ властью вліятельныхъ земцевъ. Кромѣ того, ослабленію участія земщины въ государственныхъ дѣлахъ способствовало и то, что дѣла эти сдѣлались болѣе сложны и запутаны, такъ что князьямъ было гораздо удобнѣе дѣлать ихъ однимъ, или же при помощи своихъ слугъ. Къ концу татарскаго владычества земщина уже настолько лишилась своего значенія, что за нею оставалось только право раскладки податей между своими членами; въ самомъ же назначеніи податей и въ опредѣленіи ихъ общаго количества князья уже не спрашивали мнѣнія земщины. Въ этомъ отношеніи князья послѣдовали примѣру татарскихъ хановъ: какъ ханы наложили на земщину разныя подати, не спрашивая на это согласія самой земщины, и предоставивши ей только право разверстанія податей между ея членами, такъ, вслѣдъ за ханами, и князья наложили на земщину свои подати, лишивъ ея права назначать общее количество податей и предоставивъ ей только право раскладки ихъ. Но та же самая татарская дань, такъ много способствовавшая усиленію княжеской власти съ одной стороны, много способствовала сохраненію многихъ правъ земщины; именно: она поставила князей въ такія отношенія къ земщинѣ, что они должны были въ видахъ собственныхъ интересовъ защищать права земщины. Такъ, во

1-хъ, Татары, какъ мы знаемъ, брали дань съ тѣхъ, которые были внесены въ ихъ податныя переписи, съ такъ называемыхъ численныхъ людей или числяковъ. Ясное дѣло, что въ прямой выгодѣ князей было заботиться о томъ, чтобы число численныхъ людей не уменьшалось, чтобы черезъ это подати не были слишкомъ обременительны. Поэтому, въ договорныхъ грамотахъ князей мы находимъ такое условіе, по которому князья обязывались сообща блюсти численныхъ людей, препятствовать обращенію ихъ въ рабы, не лишать ихъ земель и т. п. Во 2-хъ, татарская дань падала на земли и на различные промыслы; поэтому, чтобы дань не была слишкомъ отяготительною, князья должны были заботиться о томъ, чтобы тяглыя земли, т. е. такія, на которыхъ лежали извѣстныя подати и повинности, не обращались въ нетяглыя. Во всѣхъ договорныхъ грамотахъ того времени мы читаемъ слѣдующее условіе: „*А численныхъ людей блюсти, съ одинаго, а земель ихъ не покупати*". Поэтому если нетяглый человѣкъ покупалъ тяглую землю, то долженъ былъ или внести въ общинную казну такой капиталъ, который бы оплачивалъ процентами всѣ подати съ купленной имъ земли, или же долженъ былъ вмѣстѣ съ тяглыми тянуть судомъ и данью, т. е. приписаться къ тяглымъ людямъ, а если онъ не дѣлалъ ни того, ни другого, то у него отнималась купленная имъ земля. Такимъ образомъ, князья, стараясь охранять неприкосновенность земскихъ общинъ, тѣмъ самымъ способствовали сохраненію правъ земщины во многихъ отношеніяхъ въ прежнихъ границахъ.

Значеніе земщины. Въ первые сто лѣтъ татарскаго владычества и нѣсколько позднѣе земщина имѣла еще прежнее значеніе. Она въ это время была настолько самостоятельна, что имѣла свои войска, которыми начальствовали воеводы, выбранные самими же земцами. Это засвидѣтельствовано договорными грамотами князей; такъ, въ договорной грамотѣ Дмитрія Донского съ кн. Владимиромъ Андреевичемъ, писанной въ 1388 г., сказано: „*А московская рать, кто ходилъ съ воеводами, тѣ и нонѣча съ воеводами, а намъ ихъ не примати*". Но при великомъ князѣ Василіѣ Дмитріевичѣ земскіе воеводы были отмѣнены, и московская земская рать стала ходить уже съ воеводами великаго князя. Такъ, въ договорной грамотѣ Василія Дмитріевича съ Владимиромъ Андреевичемъ и во всѣхъ послѣдующихъ договорныхъ грамотахъ московскихъ князей сказано: „А московская рать ходитъ съ моимъ воеводою". Еще ранѣе Василія Дмитріевича Дмитріемъ Іоановичемъ положено было прочное основаніе будущимъ преобразованіямъ земщины; онъ въ 1374 г. уничтожилъ должность московскаго тысяцкаго (когда умеръ тысяцкій Василій Васильевичъ Вельяминовъ, то Дмитрій Іоановичъ не назначилъ новаго тысяцкаго) и такимъ образомъ лишилъ земщину главнаго представителя и руководителя. Послѣ уничтоженія должности тысяцкаго Василію Дмитріевичу было уже легко отмѣнить и земскихъ воеводъ и передать земскіе полки въ вѣдѣніе княжихъ воеводъ. Все это имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что лучшіе и знатнѣйшіе изъ бояръ, не находя болѣе въ земской службѣ должностей, имѣющихъ важное значеніе, волей-неволей должны были переходить въ великокняжескую дружину, дабы вовсе не лишиться вѣса и уваженія въ народѣ и у князя. Ближайшіе преемники Василія Дмитріевича, вѣроятно, руководимые совѣтами своихъ дружинниковъ, продолжали итти по слѣдамъ своего предшественника. Они такъ успѣ-

ли привязать къ себѣ московскую земщину, что безъ всякаго опасенія могли дать ей значеніе почти одинаковое съ дружиною и до того возвысить ее передъ другими земщинами, что служить по „московскому списку“ для дружинниковъ удѣльныхъ князей и для земцевъ иныхъ городовъ считалось привиллегіей и высшимъ почетомъ.

Такимъ образомъ, не уничтожая московской земщины и не касаясь многихъ исконныхъ правъ ея, московскіе князья сдѣлали ее вѣрнѣйшимъ орудіемъ для усиленія своей власти и для покоренія земщинъ другихъ городовъ русскихъ. Вниманіе московскихъ князей къ земщинѣ имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что всѣ земщины русскихъ городовъ искали случая поддаться Москвѣ. Такъ, земцы нижегородскіе выдали даже своего князя посламъ московскимъ. Тверская земщина поддалась также Москвѣ, по уходѣ своего князя въ Литву; такъ было и въ др. городахъ, за исключеніемъ Великаго Новгорода. Необходимымъ слѣдствіемъ такого порядка было то, что земщина и дружина незамѣтно очутились при одинаковыхъ правахъ, такъ что ко времени Василія Васильевича Темнаго вопросъ о томъ, принадлежалъ ли кто къ дружинѣ, или къ земщинѣ, потерялъ уже свое значеніе, и его мѣсто заступилъ другой вопросъ: кто состоитъ на государевой службѣ, и кто не состоитъ? Вслѣдствіе этого всѣ жители Московскаго государства раздѣлились на два главные разряда: на „*служилыхъ*“ и „*неслужилыхъ людей*“, и это раздѣленіе сдѣлалось главнымъ основаніемъ правъ между разными классами русскаго общества. Въ другихъ княжествахъ постепенное измѣненіе значенія земщины шло нѣсколько иначе, но я не считаю нужнымъ говорить объ этихъ земщинахъ, такъ какъ онѣ не остались самостоятельными, а подчинились Москвѣ и приняли характеръ московской земщины; притомъ же и извѣстій объ этихъ земщинахъ мы имѣемъ очень мало.

Устройство земщины. Внутреннее устройство земщины во время татарскаго владычества оставалось то же, какое было до него. Хотя Татары во время первой своей переписи русскаго народа и земель, въ 1257 г., поставили вездѣ десятниковъ, сотниковъ, тысячниковъ и темниковъ, и все устроили по своему монгольскому или кочевому порядку, но эти порядки не могли привиться къ русскому народу, жизнь котораго сложилась при общинномъ порядкѣ. Черезъ какія нибудь пять—шесть лѣтъ послѣ этого, именно въ 1262 г. произошелъ общій бунтъ всѣхъ русскихъ земщинъ, которыя рѣшились перерѣзать всѣхъ татарскихъ чиновниковъ и уничтожить введенныя ими учрежденія. Такимъ образомъ татарскія учрежденія относительно внутренняго устройства русской земщины по всему вѣроятію были примѣняемы только при сборѣ дани въ ханскую казну и то только до тѣхъ поръ, пока эту дань собирали ханскіе чиновники, присылаемые въ Россію; но какъ скоро ханы поручили сборъ дани русскимъ князьямъ, то всѣ татарскіе порядки на Руси были уничтожены, такъ что съ первыхъ годовъ XIV столѣтія ни въ лѣтописяхъ, ни въ оффиціальныхъ памятникахъ мы уже не встрѣчаемъ извѣстій ни о тысячникахъ, ни о темникахъ на Руси. Во всѣхъ договорныхъ грамотахъ, дошедшихъ до насъ, мы находимъ свидѣтельства не о татарскомъ раздѣленіи народа— на десятки, сотни, тысячи и тьмы, — но чисто русское распредѣленіе на однѣ сотни. Русская сотня представляла не численную единицу на-

родонаселенія, какою была сотня у Татаръ, а была дѣленіемъ народонаселенія по занятіямъ. Такъ, въ первой договорной грамотѣ Дмитрія Донского съ Владиміромъ Андреевичемъ, писанной въ 1362 г., сказано: *„А которые люди потягли къ дворскому, а черные люди къ сотникамъ, тыхъ ны въ службу не пріимати“*; или въ другой договорной грамотѣ тѣхъ же князей, писанной въ 1388 г., говорится: *„А которые люди къ дворскому, а черные люди къ становщику, тыхъ ны въ службу не пріимати“*.

При Татарахъ земцы по прежнему дѣлились на горожанъ и сельчанъ. Но между горожанами, именно между торговцами, по лѣтописямъ и разныхъ оффиціальнымъ памятникамъ мы встрѣчаемъ въ Москвѣ еще новое дѣленіе: на *гостей*, *суконниковъ*, *сурожанъ* и *купцовъ*. Такъ, въ договорной грамотѣ 1388 г. сказано: *„А гости, и суконниковъ и городскихъ людей блюсти ны съ одинаго“*, а въ договорной грамотѣ Юрія Дмитріевича Галицкаго съ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, писанной въ 1433 году, сказано: *„А что есмь занялъ у гостей и у суконниковъ шесть сотъ рублевъ, ...и на кабалахъ, есмь то серебро подписалъ“*; или въ лѣтописи подъ 1379 г. сказано: *„Поятъ же тогда князь великій съ собою десять мужей: сурожанъ, гостей“*. Сказать что либо положительное объ этомъ дѣленіи городскихъ торговыхъ людей за настоящій періодъ—нельзя, такъ какъ это вполнѣ выработалось уже въ слѣдующемъ періодѣ. Впрочемъ, на основаніи памятниковъ слѣдующаго періода можно по крайней мѣрѣ опредѣлить самыя названія торговыхъ людей. Такъ, гостемъ назывался тотъ, кто производилъ торговлю въ разныхъ городахъ, суконниками назывались тѣ, которые торговали сукномъ и вообще всѣ тѣ, которые вели торгъ съ западомъ, откуда тогда получалось сукно; точно также сурожанами назывались продавцы шелковыхъ парчевыхъ матерій и другихъ дорогихъ товаровъ, получаемыхъ съ Юга, преимущественно изъ Константинополя черезъ Сурожъ (вѣроятно генуэзская колонія), находившійся въ Крыму. Но какое значеніе имѣлъ каждый изъ этихъ классовъ—объ этомъ мы ничего не можемъ сказать за настоящій періодъ.

Городское и сельское устройство. Во время татарскаго владычества на Руси города утратили свое прежнее дѣленіе на „старшіе города“ и „пригороды“. Во всѣхъ владѣніяхъ Руси города въ это время сравнялись, исключая Новгорода и Пскова, гдѣ старый порядокъ общественнаго устройства держался гораздо долѣе, такъ какъ вліяніе Татаръ въ этихъ владѣніяхъ было не такъ сильно, какъ въ прочихъ. Въ прочихъ же владѣніяхъ Руси значеніе многихъ городовъ утратилось само собою безъ всякихъ насилій. Причиною этого было то, что многіе изъ тогдашнихъ князей стали жить не въ старшихъ городахъ, какъ прежде, а въ пригородахъ. Притомъ же, въ это время сформировалось нѣсколько новыхъ княжествъ около младшихъ и почти неизвѣстныхъ до того времени городовъ; таковы княжества: Московское, Нижегородское, Тверское и другія. Напротивъ того, нѣкоторые изъ старѣйшихъ городовъ, каковы: Ростовъ, Бѣлоозеро, Суздаль и другіе снизошли на степень незначительныхъ городовъ и лишились своихъ самостоятельныхъ князей. При такомъ измѣненіи значенія прежнихъ русскихъ городовъ естественно не могло быть мѣста для стараго дѣленія ихъ на старшіе города и пригороды. Конечно, появленію такого

порядка дѣлъ много способствовали и Татары; но припомнимъ, что еще въ предшествующемъ періодѣ началась уже борьба между старшими городами и пригородами, напримѣръ между Ростовомъ и Владимѣромъ-Залѣсскимъ.

По оффиціальнымъ памятникамъ устройство русскихъ городовъ во время татарскаго владычества было слѣдующее: городскія земли дѣлились тогда на *черныя* и *бѣлыя*. Черными землями назывались тѣ, которыя составляли собственность всей общины, и которыя община дѣлила между своими членами по участкамъ. Къ бѣлымъ же землямъ принадлежали тѣ, которыя или составляли собственность частнаго лица, или такія, которыя давались служилымъ людямъ на время ихъ службы. Такъ какъ послѣднія земли не шли уже подъ общую раскладку податей и повинностей, то это влекло за собою другое дѣленіе городскихъ земель на *тяглыя* и *нетяглыя* или *бѣломѣстныя*. Къ тяглымъ землямъ принадлежали черныя земли. Владѣльцы ихъ несли всѣ городскія повинности; эти земли нельзя было ни продать, ни заложить. Онѣ хотя и переходили по наслѣдству отъ одного члена общины къ другому, но не составляли полной собственности. Владѣлецъ черныхъ земель могъ продать ихъ, но не иначе, какъ только такому же гражданину, какъ и онъ самъ, т. е. тяглому человѣку, такъ какъ община при этомъ ничего не теряла, но онъ не могъ продавать ихъ бѣломѣстцу, т. е. нетяглому. Въ то время существовало даже такое установленіе, что если нетяглый человѣкъ покупалъ тяглую землю, то долженъ былъ или выкупить ее, т. е. внести за нее общинѣ такой капиталъ, который бы оплачивалъ всѣ подати съ нея, или же долженъ былъ самъ приписаться къ тяглецамъ или чернымъ людямъ; если же купившій черную землю не дѣлалъ ни того, ни другого, то она отбиралась отъ него. Бѣломѣстныя земли освобождались отъ платежа городскихъ податей и повинностей, потому что на нихъ лежали свои особенныя подати и повинности. Городскія земли въ административномъ отношеніи раздѣлялись на дворы. Дворъ былъ единственною, закономъ утвержденною единицею городскихъ земель при соразмѣреніи въ раскладкѣ податей и повинностей. Посему дворъ, общая единица мѣры, естественно долженъ былъ имѣть одно опредѣленное пространство земли для всего города и увеличить, или уменьшить свой дворъ при посредствѣ частной сдѣлки было невозможно: всякое увеличеніе или уменьшеніе двора могло быть сдѣлано не иначе, какъ съ разрѣшенія городской общины, и непремѣнно влекло за собою увеличеніе, или уменьшеніе податей и повинностей. А отъ этого въ древнихъ административныхъ книгахъ городскіе жители дѣлились на владѣльцевъ двухъ, или трехъ и болѣе дворовъ, на владѣльцевъ одного двора, или полдвора, или трети, четверти и даже 24-й доли двора. Кромѣ дворовыхъ земель, отдававшихся въ общинное владѣніе, во владѣніи городскихъ общинъ были еще такъ называемыя оброчныя земли. Сюда относились разныя угодья, торговыя и промышленныя мѣста, мельницы, звѣриныя, рыбныя и др. ловли и т. п. Всѣ эти земли и угодья, какъ непосредственная собственность городской общины, не могли состоять въ частномъ владѣніи и отдавались всею общиною частнымъ лицамъ въ оброчное содержаніе по условіямъ, ею предложеннымъ.

Оброчныя статьи, собственно городскія, носили названіе лавокъ, амбаровъ, палатокъ, шалашей, прилавокъ, полокъ и проч.

Уѣздныя земли, по населенію своему, раздѣлялись на слободы, села, деревни и починки; а по владѣнію были черныя, вотчинныя, дворцовыя, монастырскія и помѣстныя. Дѣленіе здѣсь было бытовое, а не административное. Къ каждой слободѣ, селу, или деревнѣ были приписаны пахатныя земли, луга, лѣса, рыбныя и звѣриныя ловли и др. угодья. Слободы были тѣ же села, но между ними было то различіе, что слободы освобождались отъ общей раскладки податей и повинностей (слово „слобода" равнозначуще съ словомъ „свобода"). Онѣ заселялись не земледѣльцами, а разными промышленниками: рыболовами, бортниками, бобровниками, ямщиками, псарями и др., которые были освобождены отъ поземельныхъ податей и платили свои особенныя подати. (Въ новгородской землѣ подобныя поселенія назывались рядки). Къ слободамъ приписывались по нѣскольку деревень и починковъ, вѣроятно заселенныхъ людьми одного съ ними вѣдомства, т. е. одного промысла. Управлялись слободы особенными чиновниками, назначаемыми княземъ, слободниками, рядомъ съ которыми были выборные слободскіе старосты. Но судомъ и данью слободы тянули къ тому городу, въ уѣздѣ котораго онѣ находились. По владѣнію слободы раздѣлялись на дворцовыя, вотчинныя, владычнія, монастырскія, помѣстныя и черныя. Нѣкоторыя изъ слободъ были очень значительны и имѣли характеръ городовъ [1]). Жители слободъ, хотя и тянули судомъ и данью къ своимъ городамъ наравнѣ съ волостными людьми, но такъ какъ они не были земледѣльцами, то разрубами и разметами своими не вкладывались въ одну кость съ сельчанами, но считались во всѣхъ раскладкахъ податей только сами съ собою. Села были заселяемы преимущественно земледѣльцами и къ каждому изъ нихъ всегда приписывалось по нѣскольку деревень и починковъ, т. е. поселеній, только зачинающихся. Деревни и починки, по количеству населенія, обыкновенно бывали очень незначительны и не могли составить отдѣльной общины; поэтому, они во всѣхъ разрубахъ и разметахъ складывались въ одну кость съ селами и составляли съ ними одно цѣлое; въ селахъ же они имѣли и свою управу въ лицѣ старостъ, сотскихъ и десятскихъ. Отношенія жителей селъ, деревень и починковъ вотчинныхъ, помѣстныхъ, владычнихъ и др. къ своимъ владѣльцамъ были тѣ же, какія существовали и до татарскаго владычества. Точно также и въ селахъ и деревняхъ черныхъ отношенія жителей къ землѣ были тѣ же, какія и прежде, т. е. жители селились на общинныхъ земляхъ добровольно, съ обязательствомъ нести извѣстныя повинности и оставляли свои земли, когда хотѣли. Распредѣленіе земель между общинниками по приговору всей общины производилось слѣдующимъ образомъ: обыкновенно передъ переписью, или послѣ нея, дѣлались мірскія сходки, на которыхъ и распредѣлялась земля не въ равномѣрномъ

1) Въ лѣтописи подъ 1284 г. говорится о слободахъ, построенныхъ въ курскомъ княжествѣ баскакомъ Ахматомъ: „*Сей же Ахматъ сотвори себѣ двѣ великія слободы и созва себѣ людей много, и умножишася людіе въ слободѣхъ тѣхъ, и быша тамо торги и мастеры всякіе, и быша тѣ двѣ великія слободы, яко грады великіе*". (Ник. III, 78).

количествѣ для каждаго изъ общинниковъ, а сообразно съ его средствами и состоянiемъ. Во время татарскаго владычества появилось новое дѣленiе земель, неизвѣстное прежде, — это дѣленiе на обжи и выти, по которому и дѣлалась раскладка податей и повинностей. Тѣ члены общины, которые могли обработать болѣе одной выти, получали двѣ выти и болѣе; а тѣ, которые не могли обработать и одной выти, получали извѣстную долю ея. (Общинники владѣвшiе не цѣлою вытью, а только долею ея, впослѣдствiи стали называться бобылями). Дѣленiе земель на выти было чисто административное, введенное для болѣе точнаго распредѣленiя ихъ между всѣми членами общинъ и взиманiя съ нихъ податей и повинностей. На выти дѣлились только пахатныя и сѣнокосныя земли; лѣса же, озера, рѣки съ береговыми землями и другiя угодья не подлежали раздѣлу между общинниками, и ими владѣла община сообща. Этотъ порядокъ засвидѣтельствованъ въ тогдашнихъ писцевыхъ и др. административныхъ книгахъ.

Административное дѣленiе земель. Въ административномъ отношенiи земли дѣлились на уѣзды, волости, станы, пятины, присуды, губы и погосты. Уѣздомъ называлась цѣлая страна, приписанная судомъ и данью къ одному городу. Въ уѣздѣ, кромѣ главнаго города, были пригороды, которые также имѣли городское устройство, и—слободы. Какъ тѣ, такъ и другiе были приписаны по управленiю къ своему уѣздному городу; такъ по рязанскимъ платежнымъ книгамъ 7105 года въ рязанскомъ уѣздѣ значатся: Переяславль Рязанскiй, Пронскъ, Ряжскъ и Николо-Зарайскiй монастырь. Слово уѣздъ, въ значенiи области или страны, имѣющей свое особенное устройство, встрѣчается въ самыхъ первыхъ памятникахъ московской администрацiи. Такъ, въ первой духовной грамотѣ Iоанна Даниловича Калиты сказано: *„А тамгою и иными волостьми городскими подѣлятся сынове мои; такоже и мыты, которыи въ которомъ уѣздѣ“*.... Въ этой же грамотѣ есть намеки на то, что въ московскомъ государствѣ, при первыхъ князьяхъ изъ дома Невскаго, уѣздъ имѣлъ равное значенiе съ удѣломъ; поэтому, выраженiе: „которыи въ которомъ уѣздѣ“— значитъ: которые въ которомъ удѣлѣ. А такое значенiе уѣзда ведетъ къ заключенiю, что онъ въ московскомъ государствѣ и, вѣроятно, и въ другихъ русскихъ княжествахъ первоначально представлялъ отдѣльное, болѣе или менѣе самостоятельное цѣлое, имѣлъ своего князя, свои права и уставы. (Мы находимъ эти уставы и по присоединенiи различныхъ удѣловъ къ Москвѣ въ уставныхъ грамотахъ, которыя давались московскими князьями разнымъ уѣздамъ и волостямъ). Такимъ образомъ, уѣздъ былъ скорѣе бытовою единицею; администрацiя только воспользовалась готовымъ устройствомъ его и не измѣнила въ немъ ничего. Средоточiемъ и представителемъ уѣзда былъ всегда главный городъ, названiе котораго носилъ и весь уѣздъ. Въ главномъ уѣздномъ городѣ сосредоточивались всѣ власти, управлявшiя уѣздомъ. Сюда присылались на рѣшенiе и утвержденiе уголовныя дѣла; равнымъ образомъ здѣсь же былъ судъ и по всѣмъ другимъ дѣламъ. Въ уѣздномъ же городѣ велись записныя книги всѣмъ землямъ и угодьямъ, находившимся въ уѣздѣ, а также и списки всѣхъ уѣздныхъ жителей съ обозначенiемъ, кто находится на службѣ, и кто не находится, на какой землѣ живетъ: на вотчинной, помѣстной, или

черной, у кого какое семейство и сколько за кѣмъ какой земли. По этимъ спискамъ и книгамъ дѣлалась общая раскладка податей и повинностей и по нимъ же соображались всѣ наряды на службу. Въ городѣ собирались, большею частью, всѣ податные сборы и отсюда ихъ уже отправляли въ государеву казну. Въ городѣ же съѣзжались всѣ служилые люди предъ отправленіемъ въ походъ; здѣсь воеводы дѣлали имъ смотръ и записывали ихъ въ свои смотряныя книги, съ обозначеніемъ, кто какъ люденъ, коненъ и оруженъ отправляется на службу.

Уѣздныя или негородскія земли дѣлились на волости и станы. Эти единицы до нѣкоторой степени были также бытовыми. Деревни первоначально были очень малы; поэтому имъ нужно было примкнуть къ какому-нибудь центру,—такимъ центромъ и были въ новгородской землѣ погосты, а въ другихъ мѣстностяхъ—волости и станы. Этимъ-то дѣленіемъ и воспользовалась администрація. Когда и кѣмъ устроены волости и станы въ разныхъ княжествахъ — мы не знаемъ. Волости представляютъ болѣе древнее дѣленіе уѣздовъ, станы же появились только со времени Іоанна Васильевича III. Въ московскомъ государствѣ станы замѣняли съ этихъ поръ волости [1]). При этомъ, кажется, перемѣнились только названія, а самое устройство волостей оставлено то же, даже и прозвища ихъ сохранились тѣ же; такъ вмѣсто прежнихъ волостей: Сурожской, Инабожской, Корзеневской и др., мы встрѣчаемъ станы: Сурожскій, Инабожскій, Корзеневскій и др. Впрочемъ, и самое названіе волости не вполнѣ замѣнилось новымъ; такъ, въ Московскомъ, Ростовскомъ и Бѣлозерскомъ княжествахъ оба эти названія употребляются одновременно и притомъ—какъ это видно изъ грамотъ того времени—такъ, что иногда станъ составлялъ часть волости и, слѣдовательно, волость дѣлилась на станы, а иногда, напротивъ, волость составляла часть стана [2]). Волость или впослѣдствіи станъ, составляла отдѣльную часть уѣзда и состояла изъ нѣсколькихъ слободъ, селъ, деревень, приселковъ и починковъ, которые управлялись однимъ волостелемъ или становщикомъ. Раскладку податей и повинностей жители волости назначали сами, точно также и первоначальный судъ по всѣмъ дѣламъ лицъ, принадлежавшихъ къ волости, производился волостелемъ. Каждая волость была такъ отдѣлена отъ другой, что въ случаѣ суда между двумя лицами разныхъ волостей, волостели должны были судить съ общаго согласія другъ съ другомъ и дѣлиться пошлинами отъ суда пополамъ. Даже въ случаѣ выхода дѣвицы въ замужество въ другую волость, назначалась особая пошлина, извѣстная подъ названіемъ „выводной куницы". При неотысканіи убійцы дикая вира или головщина платилась всею волостью, на землѣ которой былъ найденъ убитый.

---

1) Названіе волости встрѣчается, въ грамотахъ первыхъ московскихъ князей; такъ въ духовной грамотѣ Іоанна Даниловича Калиты мы читаемъ слѣдующее: *„Се далъ есмь сыну моему большему Семену: Можаескъ со всими волостьми, Коломну со всими волостьми...."*

2) Такъ, въ одной Бѣлозерской оффиціальной грамотѣ читаемъ: *„Билъ намъ челомъ Бѣлозерскаго уѣзда, Заозерскаго стана, Инабожской волости крестьянинъ Митька Дмитровъ"*; напротивъ того, въ Каширской переписной книгѣ мы встрѣчаемъ обратное дѣленіе; въ этой книгѣ говорится: *„Въ Соломенской волости станы: Архангельскій, Никольскій и Ильинскій"*.

Пятины, присуды, губы и погосты. Это дѣленіе земель было собственно новгородскимъ; въ другихъ русскихъ владѣніяхъ мы не находимъ подобнаго дѣленія, и хотя нѣкоторыя изъ этихъ названій встрѣчаются въ другихъ владѣніяхъ сѣверовосточной Руси (напримѣръ погостъ), но они здѣсь имѣютъ совершенно другое значеніе, чѣмъ въ Новгородѣ—скорѣе историческое, какъ остатокъ древности, чѣмъ административное. Пятиною называлась пятая часть новгородскихъ владѣній; въ каждой пятинѣ было по нѣскольку уѣздовъ, называемыхъ въ Новгородѣ присудами, въ каждомъ присудѣ по нѣскольку погостовъ и волостей. Новгородскія пятины имѣли слѣдующія названія: Деревская, лежавшая на границахъ Новгорода съ Тверью; Обонежская—вокругъ Онежскаго Озера; Шелонская—по берегамъ Шелони и Ловати; Вотьская—по берегамъ Луги и Бѣжецкая, пограничная съ Московскими и отчасти и съ Тверскими владѣніями. Каждая пятина дѣлилась на двѣ половины; число погостовъ въ пятинахъ было неодинаково. Нельзя утвердительно сказать, когда появилось въ Новгородѣ дѣленіе земель на пятины. Въ новгородскихъ административныхъ актахъ пятины появляются не раньше XV вѣка. Есть намеки на то, что и гораздо ранѣе этого въ Новгородѣ была такая группировка земель; такъ, въ уставной грамотѣ новгородскаго князя Святослава Ольговича говорится объ Обонежскомъ рядѣ, въ которомъ полагается значительное число городовъ и погостовъ. Хотя число, а отчасти и названіе этихъ городовъ и погостовъ не тѣ, какія носятъ принадлежавшіе къ Обонежской пятинѣ, но не должно забывать, что грамота Святослава Ольговича была написана еще въ 1-й половинѣ XII вѣка. Губы и погосты въ новгородскихъ и псковскихъ владѣніяхъ имѣли то же значеніе, какое въ древнихъ владѣніяхъ русскихъ волости и станы. Погосты преимущественно встрѣчаются въ актахъ новгородскихъ, а губы—въ псковскихъ. Впрочемъ не во всѣхъ псковскихъ владѣніяхъ были губы, а только въ тѣхъ, которыя были пограничны съ новгородскими; въ другихъ же владѣніяхъ Пскова были также погосты. Кѣмъ и когда было введено дѣленіе земель на погосты и губы—неизвѣстно; извѣстно только, что погостъ былъ очень древнимъ учрежденіемъ въ Новгородѣ. Такъ, въ грамотѣ Святослава Ольговича, данной въ 1137 г. на десятину въ пользу новгородской епископіи, десятина раздѣлена уже на погосты; погосты упоминаются уже на Онегѣ, въ Заволочьѣ и по берегамъ Бѣлаго Моря. Въ Новгородѣ еще встрѣчается дѣленіе на волости, но это дѣленіе было не административное, а экономическое. Въ Новгородѣ волости значили то же, что въ древности на Руси вотчины; онѣ составляли крупныя владѣнія частныхъ собственниковъ; такъ были волости княжія, монастырскія, частныхъ владѣльцевъ. Въ новгородскихъ административныхъ актахъ встрѣчаются еще ряды, или рядки; такъ назывались поселенія, имѣвшія городской характеръ, но не имѣвшія значенія городовъ и приписанныя судомъ и данью къ городамъ, на землѣ которыхъ они стояли. Это были только зарождающіеся города; они были большею частью на судоходныхъ рѣкахъ и вообще на бойкихъ мѣстахъ, а потому въ нихъ была развита торговля и промышленность. Жители рядка признавались горожанами и носили названіе рядовичей, посадскихъ людей. Къ рядкамъ прина-

длежала иногда и пахатная земля и разныя угодья, которыя сдавались ими на оброкъ. Земля, находившаяся собственно подъ рядкомъ, дѣлилась, какъ въ городахъ, на дворы, а не на четверти, какъ въ селахъ, и раскладка податей и повинностей рядовичей дѣлалась также по дворамъ.

Финансовое дѣленіе земель. Всѣ земли въ сѣверовосточной Руси, городскія и не городскія, приведенныя въ извѣстность, т. е. описанныя и измѣренныя при описаніи ихъ для сбора податей и раскладки повинностей въ XIII, XIV и XV вв., дѣлились во 1) на чети и сохи, 2) на выти и обжи и 3) на кости. Сохою на древнемъ административномъ языкѣ называлась самая большая единица земли, признаваемая главною мѣрою при раскладкѣ податей и повинностей. Время учрежденія сохъ неизвѣстно. Въ московскихъ административныхъ актахъ въ первый разъ упоминается въ жалованной грамотѣ Дмитрія Донского Сергіеву монастырю, но въ этомъ извѣстіи не указывается время учрежденія сохъ. Какъ чисто финансовая мѣра соха означала только общую платежную единицу для сбора податей и раскладки повинностей по всему государству, а посему она не могла быть постоянною и одинаковою геометрическою мѣрою земли, но часто измѣнялась по соображеніямъ правительства, сообразно съ временемъ, государственными нуждами и т. п., сообразно съ мѣстностью, т. е. съ отношеніемъ земли къ народнымъ промысламъ, съ качествомъ земли, и, наконецъ, сообразно съ отношеніями поземельнаго владѣнія къ государству. Во 1-хъ, соха измѣнялась, смотря по времени, или сообразуясь съ нуждами государства. Грамота данная Новгородцами въ 1437 году великому князю Василію Васильевичу на черный боръ по новгородскимъ волостямъ, ясно намекаетъ на это. Въ грамотѣ сказано: „*а въ соху два коня, а третья припряжъ, да тшанъ кожевнической за соху; неводъ за соху, лавка за соху, плугъ за двѣ сохи, кузнецъ за соху, четыре пешци за соху, ладья за двѣ сохи, црѣнъ* (црѣномъ называется особеннаго устройства котелъ, употребляемый для выварки соли) *за двѣ сохи, а кто сидитъ на исполовьи, на томъ взяти за полсохи*“. Далѣе, въ концѣ XV вѣка по завоеваніи Новгорода великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ мы видимъ неоднократную перемѣну въ измѣреніи новгородскихъ сохъ; такъ, въ одной новгородской переписной книгѣ въ соху положено 3 обжи, а на обжу четыре коробьи или восемь четей, слѣдовательно, въ соху 24 чети, — а въ другой новгородской писцовой книгѣ въ соху кладено 126 четей или четвертей; потомъ встрѣчаемъ по 30 четей въ новгородскую соху; такое же непостоянство въ измѣреніи сохъ мы встрѣчаемъ и въ другихъ русскихъ владѣніяхъ. Во 2-хъ, соха имѣла неодинаковую мѣру, смотря по мѣстности, или по отношенію земли къ народнымъ промысламъ. Въ мѣстностяхъ земледѣльческихъ, гдѣ доходы жителей получались преимущественно съ земли, и гдѣ земледѣліе составляло главное занятіе жителей, правительство расширяло пространство сохъ; въ странахъ же ремесленныхъ, или торговыхъ, гдѣ промыслы были въ меньшей зависимости отъ пространства земли, напротивъ, сокращало пространство сохъ и даже иногда не дѣлало никакого различія между сохами доброй, средней и худой земли. Такъ, въ городахъ, посадахъ и рядкахъ, какъ мѣстностяхъ преимущественно торговыхъ

и ремесленныхъ, четвертная пашня вовсе не принималась въ разсчетъ при росписаніи сохъ, всѣ финансовые разсчеты правительства производились въ нихъ по дворамъ и, промысламъ и самыя сохи измѣрялись дворами. Въ 3-хъ, соха соразмѣрялась съ качествомъ земли. Въ этомъ отношеніи земли дѣлились на добрыя, среднія и худыя; нормою для опредѣленія достоинства земли служилъ доходъ, даваемый ею, причемъ неравенство доходовъ необходимо должно было произвести неравенство платежныхъ единицъ относительно ихъ объема. Правительство, желая соблюсти, сколько возможно, единство въ сборѣ податей, и въ то же время уравнять всѣхъ плательщиковъ, необходимо должно было прибѣгнуть къ системѣ такъ называемаго тогда „одобренія земель", т. е. земли неравныя по своей добротѣ, уравнивать посредствомъ наддачи на сохи. Эта наддача производилась въ среднихъ земляхъ на четвертую долю противъ добрыхъ земель, а въ худыхъ на цѣлую половину; а посему, если въ соху доброй земли полагалось 800 четвертей, то въ соху средней полагалось 1000, а въ соху худой — 1200 четвертей. Впрочемъ, это правило не вездѣ соблюдалось въ одинаковой мѣрѣ; такъ въ иныхъ мѣстностяхъ, для одобренія средней земли противъ доброй назначалась шестая доля сохи послѣдней, а для худой — третья; иногда же на одобреніе средней земли назначалась третья доля, а для худой—половина. Въ 4-хъ, соха соразмѣрялась съ отношеніями поземельнаго владѣнія къ государству. Мы знаемъ, что земли по владѣнію раздѣлялись на черныя, вотчинныя, помѣстныя, монастырскія и дворцовыя, а посему и сохи имѣли такое же дѣленіе: онѣ были черныя, вотчинныя помѣстныя и проч., и каждый изъ этихъ разрядовъ сохъ имѣлъ свое измѣреніе. Причина этого заключалась въ томъ, что разныя права владѣнія влекли за собою и различіе въ платежѣ податей и отправленіи повинностей. Правительство, не желая разнообразить сборной податной единицы, т. е. требуя, чтобы со всѣхъ земель собиралось номинально одно количество податей, по необходимости должно было ввести различную мѣру платежныхъ единицъ, т. е. для каждаго разряда поземельныхъ владѣній назначить особый объемъ сохи. Первое мѣсто по тяжести податей и службъ занимали черныя земли, какъ непосредственная собственность общины и государства. Черныя сохи были мельче всѣхъ другихъ сохъ; ихъ maximum 600, а minimum 400 четей для доброй земли. Второе мѣсто по мелкости сохъ и тяжести податей съ нихъ занимали монастырскія земли, не превышавшія въ своей мѣрѣ 700 четей въ соху доброй земли, и доходившія иногда до 200 четей. Эта близость монастырскихъ сохъ къ чернымъ была, кажется, одною изъ главныхъ причинъ, по которымъ правительство въ прежнее время не дѣлало никакихъ ограниченій къ распространенію монастырскихъ имѣній и къ переводу въ монастырское владѣніе вотчинныхъ владѣній. Значительною льготою передъ монастырскими и черными землями пользовались земли вотчинныя и помѣстныя; ихъ сохи были на цѣлую треть крупнѣе высшей мѣры черныхъ и монастырскихъ сохъ; а именно—въ нихъ полагалось по 800 четвертей доброй земли на соху, а средней по 1000 четвертей, а соха худой земли доходила до 1200 четвертей. Причиною столь значительной привиллегіи, очевидно, была служба помѣщиковъ и вотчинниковъ, которую они

должны были нести съ своихъ земель по числу четвертей, и чтобы эта служба не была для нихъ слишкомъ обременительною, правительство увеличивало сохи вотчинныхъ и помѣстныхъ земель. Самый льготный классъ земель составляли земли подклѣтныя или дворцовыя. По свидѣтельству писцовыхъ книгъ въ дворцовыхъ владѣніяхъ въ соху доброй земли полагалось 1300 четвертей; слѣдовательно, съ дворцовыхъ земель оплачивалось податей слишкомъ вдвое менѣе сравнительно съ черными и монастырскими. Такою льготою дворцовыя земли пользовались, конечно, потому, что на нихъ лежали еще различныя дворцовыя повинности, которыя и безъ того составляли значительную тяжесть. Послѣдній разрядъ земель составляли земли, такъ называемыя, тарханныя, или грамотничья. Объ этихъ земляхъ мы не можемъ сказать ничего опредѣлительнаго, такъ какъ въ нихъ не было общей и постоянной мѣры сохъ и повинностей, а въ нихъ все это всегда зависѣло отъ государевой грамоты, на которой основывалось право владѣнія землею. Здѣсь сохи увеличивались и уменьшались по волѣ государя для того, чтобы платежъ съ нихъ былъ болѣе или менѣе легокъ для владѣльца, имѣющаго грамоту.

Сохи земель городскихъ, посадскихъ и рядскихъ измѣрялись не четями, а дворами. Здѣсь также, какъ и въ сельскихъ земляхъ, не было одинаковой и постоянной мѣры; такъ, въ иныхъ памятникахъ мы находимъ, что въ соху городской земли клалось 62 двора, въ иныхъ 392, въ иныхъ по 40 дворовъ лучшихъ людей на 80 дворовъ среднихъ людей и по 160 дворовъ молодшихъ людей. Разнообразіе въ раздѣленіи сохъ городскихъ, или вообще торговыхъ и промышленныхъ людей, основывалось на различіи капиталовъ ихъ. На этомъ основаніи городскія сохи дѣлились: 1) на сохи лучшихъ торговыхъ людей; 2) на сохи среднихъ людей (въ сохѣ среднихъ людей было вдвое болѣе дворовъ, чѣмъ въ сохѣ лучшихъ людей); 3) на сохи молодшихъ людей (въ четыре раза болѣе дворовъ, чѣмъ въ сохѣ лучшихъ людей); и 4) на сохи „бобыличьи", 24 двора которыхъ равнялись одному двору лучшихъ людей. При назначеніи сохъ городскихъ и посадскихъ принимались отношенія различныя съ тѣми, какія прилагались къ уѣзднымъ землямъ. Въ селахъ земли составляли капиталъ и источникъ капитала, а въ городахъ капиталъ составляли торговля и промыслы; поэтому и соразмѣрять ихъ было невозможно. Въ промыслахъ и торговлѣ все зависитъ отъ ума и оборотливости торговцевъ и промышленниковъ—самаго разнообразнаго источника и условія капитала, поэтому и сохи по промысламъ и торговлѣ могли быть сравнительно самыми разнообразными. Сохи дѣлились на доли, которыя были утверждены правительствомъ и постоянно оставались неизмѣнными. Здѣсь основаніемъ служило дѣленіе сохи на 2 и на 3, а поэтому было два разряда дѣленій: половинныя и третныя. Къ первымъ принадлежали полъ-сохи ($^1/_2$), четь сохи ($^1/_4$), полчети сохи ($^1/_8$), полъ-полчети сохи ($^1/_{16}$) и полъ-полъ-полчети сохи ($^1/_{32}$); ко вторымъ: треть сохи ($^1/_3$), полтрети сохи ($^1/_6$), полъ-полтрети сохи ($^1/_{12}$) и полъ-полъ-полтрети сохи ($^1/_{24}$). Это опредѣленіе долей правительствомъ было необходимо, потому что частныя поземельныя владѣнія не всегда составляли полныя доли, а посему при раскладкѣ податей и повинностей необхо-

димо было знать, какая доля податной единицы падаетъ на долю платежной единицы.

Общею условною единицею мѣры сохъ была четь или четверть. Основаніемъ для принятія такой общей мѣры вѣроятно служило прямое значеніе сохи, которое первоначально могло быть отнесено къ однимъ пахатнымъ землямъ. Переносное значеніе, т. е. значеніе мѣры поземельнаго капитала и промысловъ, соха получила уже довольно поздно; но и при такомъ значеніи сохъ главною основою ихъ были только пахатныя земли; прочія же земли, т. е. луга, лѣса и др. разсматривались только какъ прибавочныя къ пахатнымъ. Эти послѣднія, хотя также измѣрялись, но уже своею, особенною мѣрою; такъ луга измѣрялись копнами, а лѣса десятинами и верстами. Мѣрою пахатной земли было то количество хлѣба, которое засѣвалось на ней; такъ, пространство, на которомъ засѣвалось четверть ржи, называлось четью. Понятно, что эта мѣра не была геометрическою, а только примѣрною, но тѣмъ не менѣе она всегда была болѣе или менѣе одинаковою; четь, по общепринятому правилу, равнялась половинѣ десятины, какъ это видно изъ памятниковъ того времени. Четверти, такъ же, какъ и сохи, имѣли свои доли. Эти доли были слѣдующія: осминникъ, т. е. половина четверти, полъ-осминника ($^1/_4$), четверикъ ($^1/_8$), полчетверика ($^1/_{16}$), полъ-полчетверика ($^1/_{32}$), полъ-полъ-полчетверика — ($^1/_{64}$), и, наконецъ, малый четверикъ ($^1/_{128}$). Кромѣ того, были еще доли третныя: третникъ ($^1/_3$ четверти). полтретника ($^1/_6$), полъ-полтретника ($^1/_{12}$), полъ-полъ-полтретника ($^1/_{24}$), и малый третникъ ($^1/_{48}$). Третники еще раздѣлялись на третники четвертные и третники осьминные. Геометрически же земля измѣрялась десятинами, которыя были въ 80 саженей длиннику и 40 поперечнику, или квадратныя—въ 60 саженей длиннику и 60 поперечнику. Въ Новгородскихъ грамотахъ встрѣчается мѣра сохи, называемая коробьею; эта мѣра по величинѣ своей была одинакова съ десятиною; слѣдовательно, въ каждой коробьѣ было по двѣ четверти. При раскладкѣ земли въ чети или коробьи въ нашихъ старинныхъ оффиціальныхъ памятникахъ встрѣчается обыкновенно такое выраженіе: *„столько-то чети въ полѣ, а въ дву (поляхъ) потомужъ“*. Это выраженіе указываетъ на трехпольную систему въ старинномъ русскомъ хозяйствѣ, какъ объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ грамота великаго князя Василія Іоанновича, писанная въ 1512 году, въ этой грамотѣ говорится: *„.... и ты бы ѣхалъ на Ерголъское, да на ямскомъ дворѣ хоромы велѣлъ подѣлати, да земли бы еси отмѣрилъ къ яму ямщикомъ на пашню и поженъ на сѣно и ямскимъ конемъ на выпускъ, чья земля ни буди; которая пришла кругъ яму, во всѣхъ трехъ поляхъ по десяти десятинъ въ полѣ, да 60 копенъ сѣна“*. По сему свидѣтельству выраженіе: „пять чети въ полѣ и въ дву потомужъ“, надобно принимать такъ, что во всѣхъ трехъ поляхъ пятнадцать чети. Потому и въ нашемъ современномъ законодательствѣ принято такое правило, что если у кого-нибудь будутъ очень древніе документы на владѣніе землею, то каждую четь, значущуюся въ нихъ, принимать за три чети или за полторы десятины. А поэтому и въ сохахъ число четей должно быть принимаемо втрое; такъ если въ сохѣ сказано 1200 четей, то значитъ здѣсь указывается только на одно поле, и посему тутъ должно

подразумѣвать: „а въ дву потомужъ“, т. е. что въ сохѣ во всѣхъ трехъ поляхъ было 3600 четей. Что это именно было такъ, на это мы имѣемъ доказательства въ различныхъ памятникахъ того времени. Для примѣра разберемъ показаніе одной раздаточной тверской книги. Въ этой книгѣ на соху положено 1200 четей худой земли, а соха раздѣлена на 75 вытей, на выть же кладено по 16 четей въ полѣ и „въ дву потомужъ“, т. е. по 48 четей на выть во всѣхъ трехъ поляхъ; слѣдовательно, на соху приходилось прямо по 1200 четей въ полѣ, а во всѣхъ трехъ поляхъ—3600 четвертей.

Мелкою платежною единицею пахатной земли была въ московскихъ владѣніяхъ *выть*, а въ новгородскихъ *обжа*. Выти, подобно сохамъ, не имѣли постоянной и одинаковой мѣры, но измѣнялись во 1-хъ, по отношенію къ времени, или нуждамъ государства; во 2-хъ, по отношенію къ качеству земли; такъ, въ Крестининской таблицѣ въ помѣстныхъ земляхъ на выть доброй земли положено 12 чет., на выть средней — 14, а на выть худой земли — 16 чет.; въ 3-хъ, выти измѣнялись по отношенію поземельнаго владѣнія къ государству, т. е. иное число четвертей на выть полагалось въ помѣстныхъ земляхъ, иное въ дворцовыхъ, иное въ черныхъ и монастырскихъ. Выть была платящая единица; она составляла долю, на которую раскладывалась податная единица — соха. Соха была отвлеченная, общественная податная единица, выть — опредѣленная, хозяйственная, извѣстнаго плательщика. Отношеніе между вытями разнокачественныхъ земель было не такое, какое между сохами; такъ, напримѣръ, въ помѣстныхъ владѣніяхъ на соху средней земли противъ доброй земли полагалось наддачи четверть сохи, а для одобренія худой земли — полсохи, т. е. если соха доброй земли полагалась въ 800 четвертей, то соха средней земли въ 1000, а соха худой въ 1200 четвертей; въ вытяхъ же, для одобренія средней земли, дѣлалась наддача $^1/_6$ доли доброй земли, а для одобренія худой — $^1/_3$ доля выти доброй земли; поэтому, если въ выть доброй земли полагалось 12 четвертей, то въ выть средней — 14, а въ выть худой — 16 четвертей. Причина неодинаковости правилъ для расширенія и сокращенія сохъ и вытей заключалась въ различіи взглядовъ на тѣ и другія. При назначеніи сохъ правительство смотрѣло на землю, какъ на капиталъ, съ котораго должно получать доходы. При такомъ взглядѣ на предметъ, естественно, главною цѣлью при распредѣленіи сохъ было возможное уравненіе платежныхъ единицъ соотвѣтственно получаемымъ съ нихъ доходамъ. При распредѣленіи же вытей правительство имѣло въ виду не одинъ поземельный капиталъ, но плательщиковъ съ этого капитала. Выть составляла полное хозяйство и слѣдовательно капиталъ владѣльца; такимъ образомъ, здѣсь нужно было уравнивать еще самихъ владѣльцевъ. Ежели бы плательщики имѣли одинаковыя средства и каждый изъ нихъ жилъ на цѣлой выти, то, конечно, лучше всего было бы держаться одинаковаго распредѣленія и для сохъ и для вытей, но средства плательщиковъ были далеко неодинаковы — иной изъ нихъ владѣлъ цѣлою вытью, даже двумя и тремя вытями, другіе же только половиною, третью и даже $^1/_{12}$ долею выти. А посему правило прилагавшееся къ распредѣленію сохъ было не всегда удобоприложимо къ распредѣленію вытей; такъ, если количество вы-

тей на соху положить постоянно одинаковымъ для земли хорошаго, средняго и худого качества, то выть земли худого качества растянулась бы такъ обширно, что бѣдному было бы не подъ силу обработать ее, и наоборотъ: въ краяхъ, гдѣ земледѣльцы богаты и въ силахъ обработывать большія пространства земли, слишкомъ мелкія выти сдѣлались бы ненужнымъ дробленіемъ платежныхъ единицъ. А посему правительство, при опредѣленіи вытей, должно было соразмѣрять величину ихъ сколько можно ближе съ силами земледѣльца. Отъ чего произошло, что иногда въ земляхъ, разныхъ по качеству, выти были одинаковы, и наоборотъ: въ земляхъ, одинаковыхъ по раскладкѣ въ сохи, выти являлись неодинаковыми. Иногда же при раскладкѣ вытей значеніе сохъ даже вовсе упускалось изъ виду, — именно, дѣлалось обыкновенно такъ: пахатная земля, принадлежащая извѣстному селу, или деревнѣ, писалась особою статьею, общимъ числомъ, сколько четей приходилось на цѣлую деревню; выти же считались отдѣльно, своимъ чередомъ, черезъ сложеніе долей, записанныхъ за крестьянами. Выти и обжи имѣли одинаковыя дроби съ сохами, т. е. дѣлились на 2 и на 3. Это дѣленіе было слѣдующее: отъ дѣленія на два происходили: полвыти, четь-выти, полъ-чети выти и т. д., отъ дѣленія на 3: треть выти, полтрети выти, полъ-полтрети выти и т. д. Правила для такого дѣленія постоянно оставались неизмѣнными. Какъ сохи, такъ и выти съ ихъ подраздѣленіями имѣли еще общее названіе *кости*. Кость на тогдашнемъ административномъ языкѣ означала разрядъ сохъ и вытей, одинаковыхъ относительно платежа податей и отправленія повинностей, т. е. каждая кость имѣла общіе разрубы и разметы; такъ, въ одной грамотѣ того времени сказано: *„велѣно чердынцамъ, уѣзднымъ крестьянамъ, выборнымъ людямъ Чердынскій уѣздъ для платежу денежныхъ доходовъ росписать по писцовымъ книгамъ въ выти и въ сотное письмо порознь, по костямъ, кому съ кѣмъ ближе въ платежъ быши“*. При росписаніи земель на кости сначала обращалось вниманіе на качество сохъ, а съ другой стороны на состояніе и промыслы плательщиковъ. Поэтому сохи, равныя по платежу податей, зачислялись въ одну кость и имѣли общіе разрубы и разметы, и наоборотъ — сохи, не подходящія подъ одинъ уровень, писались отдѣльно, особою костью съ тѣми, которыя съ ними одинаковы; такъ, напримѣръ, черныя сохи не могли быть въ одной кости съ монастырскими, такъ какъ измѣреніе тѣхъ и другихъ было неодинаково; отъ этого и произошло обычное въ древнихъ оффиціальныхъ памятникахъ выраженіе: *„быть въ однихъ сохахъ съ такими-то“*, или: *„съ такими-то въ одной кости быть не мочно“*. Точно такое же различіе наблюдалось и въ отношеніи къ промысламъ плательщиковъ. Въ этомъ отношеніи плательщики, состоявшіе даже въ одной сохѣ, т. е. жившіе на одинаковыхъ земляхъ, не могли верстаться между собою въ податяхъ и повинностяхъ, если ихъ промыслы были неодинаковы; такъ, напримѣръ, земледѣлецъ не могъ итти въ разметъ съ рыболовомъ, разрубы посадскихъ людей не сходились съ разрубами сельчанъ, и т. д. Посему люди, принадлежавшіе къ извѣстной сохѣ и по своимъ промысламъ не подходившіе подъ общій уровень съ другими, находившимися въ той же сохѣ, писались особою статьею, которая и называлась костью, и получали отъ правительства опредѣ-

ленную сошную выпись, или выпись изъ общихъ писцовыхъ книгъ уѣзда, въ которой прописывались всѣ дворы и земли, причисляемые къ извѣстной кости; по этой же сошной всѣ находившіеся въ кости верстались между собою въ податяхъ и повинностяхъ. При раскладкѣ податей и повинностей принимались въ разсчетъ не одни промыслы, но и состояніе плательщиковъ; посему богатые члены извѣстной сохи составляли особую кость, средніе — особую, бѣдные также особую, изъ коихъ каждая имѣла свои разрубы и разметы. Отъ этого бѣдные, въ случаѣ притѣсненія со стороны богатыхъ, которые желали бы равняться съ ними въ податяхъ и повинностяхъ, обыкновенно говорили, что *„намъ-де съ ними въ одной кости быть тяжело, не по животомъ и промысломъ“*. Вслѣдствіе такого распорядка жители дѣлились: на лучшихъ, среднихъ и молодшихъ; каждый изъ этихъ классовъ составлялъ особенную кость, и при раскладкѣ податей правительство назначало для каждой кости особенную мѣру; эта мѣра обыкновенно обозначалась количествомъ дворовъ на соху и принималась плательщиками въ соображеніе при верстаньи между собою. При такомъ распорядкѣ богатымъ приходилось платить больше, а бѣднымъ меньше. Такъ, по свидѣтельству одной платежной книги рязанскаго уѣзда по раскладкѣ по костямъ лучшіе люди платили съ каждаго двора 80-ю долю податной единицы, средніе—100-ю, а молодшіе или бѣдные—120-ю, и этими долями каждая кость уже верстались сама собою, безъ вмѣшательства правительства; въ тогдашнихъ грамотахъ обыкновенно писалось: *„а въ государевыхъ податяхъ верстатися самимъ по животамъ и промысламъ“*. Для раскладки податей и повинностей на плательщиковъ велись особыя книги, которыя назывались писцовыми, переписными и окладными или обложными.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ за 2-ю половину II періода.

Въ этотъ періодъ времени Русская Правда продолжала быть дѣйствующимъ закономъ, даже имѣла новыя редакціи конца XIII в. и XIV; но эти редакціи не представляютъ особенныхъ измѣненій прежнихъ законовъ и доказываютъ только, что Русская Правда оставалась общимъ закономъ для Русской земли. Редакція Русской Правды, относящаяся ко 2-й половинѣ II-го періода, встрѣчается въ нѣкоторыхъ новгородскихъ лѣтописяхъ, въ разныхъ спискахъ Софійскаго временника и отдѣльно въ рукописяхъ. По содержанію и по порядку статей редакція эта одинакова съ прежними, но въ ней есть нѣсколько очень важныхъ прибавленій, изъ которыхъ видно, что она могла быть составлена не ранѣе татарскаго владычества. Прибавленія эти слѣдующія: 1) въ новой редакціи помѣщена статья о томъ, что „суднымъ кунамъ росту нѣтъ“, т. е. что деньги, о которыхъ идетъ тяжба, процентовъ не даютъ. Статья такого содержанія могла появиться въ законодательствѣ только тогда, когда въ самомъ обществѣ довольно сильно развита необходимость брать въ долгъ, а эта необходимость была особенно сильна во время татарскаго владычества, когда для уплаты татарской дани русскій народъ долженъ былъ прибѣгать къ займамъ, когда и самые князья входили въ огромные долги, и когда

дань съ Русскихъ отдавалась ханами на откупъ. 2) Далѣе слѣдуютъ прибавочныя статьи, относящіяся къ скотоводству и земледѣлію. Всѣхъ статей этихъ 17. Въ нихъ говорится о приплодѣ и цѣнѣ приплода отъ разныхъ домашнихъ животныхъ и о расцѣнкѣ годичной земледѣльческой работы. Въ первой изъ этихъ статей говорится о приплодѣ отъ 22 овецъ въ продолженіи 12 лѣтъ. По этой статьѣ отъ 22 овецъ въ 12 лѣтъ должно быть приплода овецъ и барановъ 180,224 головы. Весь приплодъ этотъ оцѣнивался въ 45,055 грив. и 40 рѣзаней, полагая за овцу по 6 ногатъ, а за барана по 10 рѣзаней. Со всѣхъ приплодныхъ овецъ и барановъ положено 360,446 рунъ, а руны эти оцѣнены въ 7,208 гривенъ и 46 рѣзаней, причемъ руно цѣнилось въ рѣзань. Въ слѣдующихъ статьяхъ говорится о приплодѣ и цѣнѣ приплода отъ козъ, свиней, кобылъ и коровъ. Статьи эти, прямо относящіяся къ разсчетамъ о скотоводствѣ, могли быть заимствованы отъ народа кочевого, преимущественно занимающагося скотоводствомъ, — а такимъ народомъ были Монголы, которымъ, конечно, для болѣе точнаго сбора дани нужно было высчитать число головъ скота въ Россіи. Очевидно, этотъ памятникъ долженъ быть отнесенъ къ первымъ 100 годамъ татарскаго владычества. 3) Далѣе слѣдуетъ статья о приплодѣ и цѣнѣ приплода отъ пчелъ. Въ этой статьѣ отъ 2 роевъ пчелъ въпродолженіи 12 лѣтъ положено приплода съ старыми пчелами 256 роевъ, полагая по одному рою въ годъ. На деньги это оцѣнено въ 128 гривенъ, полагая по полгривнѣ за рой. 4) За статьею о пчелахъ слѣдуютъ 7 статей о ростѣ или прибыткѣ отъ разнаго хлѣба и сѣна. Статьи эти имѣютъ интересъ историческій, какъ памятники состоянія земледѣлія на Руси во время татарскаго владычества. Въ 1-й статьѣ этого отдѣла сказано, что на два плуга ржи сѣется 16 кадей, а на одно лѣто прибытка на два плуга 100 копенъ ржи, а на 12 лѣтъ—1200 копенъ. Во 2-й статьѣ разсчитывается, что 40 копенъ немолоченой ржи прибытка 20 копенъ на одинъ годъ, а на 12 лѣтъ — 4660 копенъ. Въ 3-й статьѣ дѣлается разсчетъ прибытка отъ немолоченной полбы; по этой статьѣ отъ 15 копенъ полбы прибытка 7 копенъ на одинъ годъ, а на 12 лѣтъ—1750 копенъ. Въ 4-й статьѣ разсчитано, что отъ 21 половника молоченнаго овса прибытка на одно лѣто 11 половниковъ, а на 12 лѣтъ — 2863 половника. Въ 5-й статьѣ отъ 6 половниковъ молоченнаго ячменя прибытка разсчитано 3 половника на лѣто, а на 12 лѣтъ — 711 половниковъ. Въ 6-й статьѣ сдѣланъ общій разсчетъ всего исчисленнаго въ предъидущихъ статьяхъ хлѣба, молоченнаго и немолоченнаго, и высчитана цѣна его на тогдашнія деньги. По этому разсчету прибытка отъ немолоченнаго хлѣба въ 12 лѣтъ положено 7610 копенъ, полагая прибытка отъ 2 копенъ третья, а прибытка отъ молоченнаго жита, овса и ячменя въ 12 лѣтъ—3574 половника, полагая отъ 2 половниковъ третій. Все это въ общей сложности оцѣнено на тогдашнія деньги въ 179,394 гривны и 31 рѣзань. Въ 7-й статьѣ полагается прибытка отъ 5 стоговъ сѣна въ 12 лѣтъ 60 стоговъ, что оцѣнено въ 60 гривенъ, полагая по гривнѣ за стогъ. 5) За этими статьями помѣщена статья о расцѣнкѣ годичной земледѣльческой работы. Статья эта стоитъ подъ заглавіемъ: „*О сиротьемъ вырядкѣ*“. Сиротами въ древней Руси назывались всѣ бѣдные, не имѣвшіе своего хозяйства и занимавшіеся работами по найму, а вы-

рядкомъ называлась такса цѣны на земледѣльческую работу. Въ этой статьѣ сказано: „*А жонка съ дчерью, тъмъ страды на 12 лѣтъ, по гривнѣ на лѣто, 20 гривенъ и 4 гривны кунами*". Это, конечно, была такса, ниже которой нельзя было оцѣнивать работу. Статья эта весьма важна въ историческомъ отношеніи; она указываетъ на развитіе вольнонаемнаго труда, который былъ настолько силенъ, что законодательству нужно было опредѣлить цѣну его. Значитъ работа рабовъ была недостаточна для тогдашняго земледѣлія, и въ рабочее время, кромѣ закуповъ, которые по условію съ владѣльцемъ должны были работать на него, землевладѣльцы должны были принимать работниковъ. Статьи о доходахъ отъ земледѣлія свидѣтельствуютъ, что во время татарскаго владычества земледѣліе на Руси приняло опредѣленныя и правильныя формы, по которымъ правительство могло опредѣлить приблизительную мѣру доходовъ съ земли, а это свидѣтельствуетъ о значительномъ развитіи земледѣльческой промышленности и о томъ, что правительство сбирало подати сообразно съ доходами и капиталомъ плательщиковъ. Подушной подати еще не было, и тогдашнюю подать составляли собственно проценты съ дохода и капитала.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ здѣсь прибавленій въ настоящей редакціи Русской Правды есть еще два прибавленія. 1-е изъ этихъ прибавленій составляетъ статья, которая заглавляется такъ: „*о городскыхъ мостехъ осменникы поплата*". Эта статья въ нѣкоторыхъ спискахъ прямо названа уставомъ Ярослава Владимировича, но очевидно ея нельзя отнести ко времени Ярослава. Въ ней описываются такія мѣстности въ Новгородѣ, какихъ въ Ярославово время еще не было тамъ; такъ, въ настоящей статьѣ сказано, что платить за мостовую жителямъ..... „*отъ Бискупли улицы съ Прусы до Бориса и Глѣба*". Извѣстно, что Борисъ и Глѣбъ въ Ярославово время еще не были канонизованы, и слѣдовательно во имя ихъ тогда еще не могла быть построена церковь, и притомъ достовѣрно извѣстно, что церковь Бориса и Глѣба въ Новгородѣ была построена уже въ XII в.; ясно, стало-быть, что въ законодательствѣ Ярослава не могло появиться подобное выраженіе. Далѣе, въ настоящей статьѣ встрѣчается такое выраженіе: „.... *Софіяномъ до тысяцькаго, тысяцьскому до вощникъ, отъ вощникъ посаднику до великаго ряду, отъ великаго ряду князю до Нѣмоцкаго вымола, Нѣмцемъ до Ивана вымола, Гтомъ до Гелардова вымола, до задняю*". Изъ этого выраженія видно, что здѣсь говорится не о Ярославовомъ времени, названія: „Нѣмецкій вымолъ", „Геральдовъ вымолъ" и „Готы"— могли появиться не раньше XII в., потому что Нѣмцы, какъ извѣстно, начали торговать въ Новгородѣ только съ XII в. А названія новгородскихъ сотенъ, помѣщенныя въ этой статьѣ, прямо указываютъ на время тверского князя Ярослава Ярославича, княжившаго въ Новгородѣ въ XIII в. Названія эти слѣдующія:... „Олексѣна ста, Ратиборева ста, Кондратова ста, Романова ста, Сидорова ста, Гаврилова ста". Въ лѣтописяхъ XIII в., именно между 1268 и 1272 гг. встрѣчаются имена всѣхъ тѣхъ бояръ, отъ которыхъ получили свое названіе новгородскія сотни, упоминаемыя въ настоящей статьѣ: Олекса, Ратиборъ, Кондратъ, Романъ, Сидоръ и Гаврило; поэтому, появленіе статьи надобно отнести къ этому времени. Очевидно, что это указаніе не точное, а только приблизительное; опредѣлительно же можно ска-

зать о настоящей статьѣ только то, что она появилась во время татарскаго владычества, именно въ концѣ XIII столѣтія.

2-е прибавленіе. Послѣ устава о мостѣхъ въ настоящей редакціи Русской Правды есть еще слѣдующая приписка: *„Оже утяжутъ въ мукъ, а посидитъ у дворянина, 8 ногатъ за ту муку, а у колокольницы бьютъ кнутомъ, а за ту муку 80 гривенъ“*. Эта приписка совершенно не входитъ въ счетъ статей Русской Правды; она, очевидно, не принадлежитъ собственно къ Русской Правдѣ, а попала въ нее случайно, и притомъ въ позднѣйшее время, потому что ни въ одномъ русскомъ законодательномъ памятникѣ до 1497 г. не упоминается о наказаніи кнутомъ. (Впрочемъ, въ договорной грамотѣ Новгорода съ Нѣмцами упоминается кнутъ, именно: въ ней говорится, что Нѣмцы предложили Новгородцамъ ввести наказаніе кнутомъ, но Новгородцы отвергнули такое предложеніе). Нѣтъ спора, что во время татарскаго владычества кнутъ былъ въ употребленіи на Руси, но онъ употреблялся Татарами, а не былъ установленъ русскимъ закономъ. Вотъ и всѣ прибавленія, которыя во второй половинѣ 2-го періода были помѣщены въ Русской Правдѣ. Всѣ эти прибавленія относятся къ гражданскому праву; по уголовному же праву за это время не сдѣлано было никакихъ прибавленій къ Русской Правдѣ.

Номоканонъ. Въ одно время съ Русскою Правдою и дополнительными къ ней узаконеніями впродолженіи 2-й половины II періода дѣйствовалъ *греческій Номоканонъ или Кормчая.* Этотъ періодъ времени, какъ мы знаемъ, былъ самымъ дѣятельнымъ въ исторіи русскаго законодательства, такъ что всѣ узаконенія этого времени развивались и измѣнялись очень быстро; поэтому и Номоканонъ въ это время постоянно измѣнялся и пополнялся новыми узаконеніями. Русскіе митрополиты, бывшіе, большею частію, изъ грековъ, часто привозили съ собою, или выписывали изъ Греціи различныя церковныя узаконенія, частію на греческомъ языкѣ, а частію въ болгарскихъ переводахъ. Кромѣ того и въ самой Россіи Номоканонъ въ теченіи 2-й половины II періода много измѣнился: онъ пополнился правилами чисто русскаго происхожденія, составленными па церковныхъ соборахъ русскихъ епископовъ, или же написанныхъ русскими митрополитами по поводу частныхъ церковныхъ вопросовъ. Такимъ образомъ Номоканонъ на Руси мало по малу получилъ свой особенный характеръ, отличный отъ греческаго; въ него вошли, кромѣ греческихъ узаконеній, и церковныя правила, составленныя русскимъ духовенствомъ, и Русская Правда и другіе законодательные памятники древней Руси. Этотъ постоянный ростъ кормчей и притомъ ростъ, обусловливаемый не одною греческою жизнью, но и русской, дѣлаетъ ее весьма важнымъ законодательнымъ памятникомъ; поэтому мы, хотя въ самыхъ общихъ чертахъ должны разсмотрѣть ея содержаніе.

Кормчая (Кормчая по русскимъ рукописямъ большею частію имѣетъ такое заглавіе: *„Книга, глаголемая Кормчая, рекше правило закону греческимъ языкомъ—номосъ канонъ“*, — это переводъ греческаго слова „номоканонъ“, переводъ, впрочемъ, не безсмысленный, хотя и неточный) дошла до насъ во множествѣ списковъ и составъ ея по этимъ спискамъ большею частію неодинаковъ, но тѣмъ не менѣе всѣ статьи, входящія въ нее, можно раздѣлить на 6 отдѣловъ. Въ первомъ отдѣлѣ

русскихъ Кормчихъ большею частію помѣщается: *„Слово о святыхъ вселенскихъ соборахъ, гдѣ, когда и почему который соборъ былъ собранъ“.* Это краткая исторія вселенскихъ соборовъ безъ изложенія ихъ правилъ. Она и въ печатной кормчей, изданной при Алексѣѣ Михайловичѣ, поставлена первою статьею. Кромѣ вселенскихъ соборовъ, въ ней по нѣкоторымъ рукописямъ кратко упоминается и о помѣстныхъ соборахъ греческой церкви, съ показаніемъ, когда и почему были созываемы они. Во второмъ отдѣлѣ полагается изложеніе правилъ апостольскихъ и отеческихъ по толкованію діакона Алексѣя Аристина, законохранителя и эконома константинопольской церкви, извѣстнаго византійскаго законотолкователя XII в. Это изложеніе начинается приведеніемъ апостольскихъ правилъ и ихъ изъясненіемъ; потомъ слѣдуютъ правила соборныя и ихъ толкованія. Въ иныхъ рукописяхъ правила эти излагаются болѣе или менѣе вполнѣ по сборнику извѣстнаго византійскаго законовѣдца Зонары, а въ иныхъ сокращенно по Аристину; толкованія же на правила помѣщаются преимущественно Аристіановы. Въ иныхъ рукописяхъ вмѣсто Аристиновыхъ толкованій помѣщается собраніе законовъ Константинопольскаго патріарха и законовѣда Іоанна Схоластика, раздѣленное на 50 титлъ, а въ иныхъ — Номоканонъ патріарха Фотія, раздѣленный на 14 титлъ.— Третій отдѣлъ составляютъ *„правила Василія Великаго“*, относящіяся къ церковнымъ законамъ. Эти правила собраны изъ разныхъ посланій Василія Великаго; ихъ 91 правило. Въ иныхъ рукописяхъ въ этомъ отдѣлѣ, вмѣстѣ съ правилами Василія Великаго, помѣщены правила церковныя и др. отцовъ и учителей церкви. Всѣ эти правила размѣщены въ рукописяхъ неодинаково, такъ что ихъ нельзя подвести подъ одинъ порядокъ. — Четвертый отдѣлъ составляютъ церковно-гражданскія узаконенія греческихъ императоровъ. Онѣ въ нашихъ кормчихъ извѣстны подъ слѣдующими названіями: 1) *Заповѣди царя Юстиніана, или отъ различныхъ титлъ, рекше граней, царя Юстиніана новыхъ заповѣдей главы избраны различны“.* Такъ оглавляются въ кормчей различныя статьи, извлеченныя изъ Юстиніановыхъ новеллъ патріархомъ Фотіемъ въ его номоканонѣ.—2) *„Юстініана царя 6 собора узаконеніе, коего подобаетъ поставляти въ епископы и клирики“.* Это собственно отрывокъ изъ Юстиніановой новеллы о постановленіи епископовъ и клириковъ. - 3) *„Отъ книгъ божественныхъ повелѣній блаженныя кончины Юстиніана различныя заповѣди, правилъ 87“.* Этотъ сборникъ приписывается Іоанну Схоластику. Въ немъ помѣщены узаконенія о церковномъ устройствѣ, управленіи и имуществахъ. — 4) *„Леона царя премудраго и Константина вѣрнаго царю главизны о совѣщаніи обрученія и о обрѣзахъ и о инѣхъ различныхъ винахъ“.* Такъ здѣсь названа эклога императора Льва Исаврянина и Константина Копронима, изданная 739 — 741 гг. Здѣсь, кромѣ узаконеній о бракѣ и о гражданскихъ обязанностяхъ брачущихся, помѣщены узаконенія объ опекѣ, объ освобожденіи рабовъ, о займахъ, о залогахъ, о дарахъ, о завѣщаніяхъ, о наслѣдствѣ безъ завѣщанія, объ наймахъ, о свидѣтеляхъ и о разныхъ преступленіяхъ. — 5) *„Законы градскаго главы различны въ 40 граняхъ“.* Подъ этимъ заглавіемъ въ кормчей помѣщены въ переводѣ статьи Прохирона Василія Македонянина. 6) *„Новая заповѣдь царя Алексѣя Комнена“.* Она составляетъ первую

статью 43-й главы печатной кормчей. Въ ней говорится объ уравненіи брака рабовъ съ браками свободныхъ, именно — чтобы браки между рабами совершались по тѣмъ же церковнымъ правиламъ, какъ и браки свободныхъ. Это первое узаконеніе христіанскаго царя о признаніи брака рабовъ. — 7) *„Царя Алексѣя Комнена отъ новыхъ заповѣдей“*. Такъ названы двѣ новеллы Алексѣя Комнена; въ нихъ помѣщены узаконенія о бракахъ. — 8) *„Изложеніе бывшаго церковнаго соединенія при Константинѣ и Романѣ въ лѣто 6428“*. Подъ этимъ заглавіемъ въ нашихъ кормчихъ помѣщены постановленія о третьемъ и четвертомъ бракѣ, сдѣланныя на соборѣ въ Константинополѣ въ 920 г. при императорахъ Константинѣ и Романѣ. Въ этихъ постановленіяхъ отвергается четвертый бракъ, а для третьяго назначаются годы, старше которыхъ бракъ не можетъ быть совершенъ. — 9) Статьи *„объ усыновленіи и братотвореніи, о бракѣ и степеняхъ родства, воспрещающихъ супружество“*. Статьи эти явно византійскаго происхожденія, но въ подлинникѣ онѣ еще не открыты, и только отрывками попадаются въ матеріалахъ, напечатанныхъ въ „Jus graeco-romanum“ Левенклавія. Въ печатной кормчей онѣ помѣщены подъ заглавіемъ *„О тайнѣ супружества, сі есть законнаго брака и о беззаконныхъ брацѣхъ, или взбраненныхъ“*. Къ этому же отдѣлу по нѣкоторымъ Кормчимъ принадлежатъ еще двѣ статьи. Первая статья заглавляется такъ: *„Законъ, данный Богомъ Моисею*, или *„Избраніе отъ закона Богомъ даннаго Израильтяномъ Моисеемъ о судѣ и правдѣ“*. Такъ названо въ Кормчей извлеченіе изъ Моисеевыхъ книгъ: Исходъ, Левитъ, Числъ и Второзаконіе, извлеченіе, заключающее гражданскія узаконенія. Вторую статью составляетъ уже извѣстный намъ *„Законъ Судный людемъ“*, или такъ называемый *„Судебникъ царя Константина“*.— Пятый отдѣлъ въ русскихъ Кормчихъ составляютъ разныя церковныя и гражданскія узаконенія русскихъ князей. Сюда относятся: 1) *„Уставъ князя Владиміра, крестившаго русскую землю, о церковныхъ судѣхъ и о десятинахъ“*; 2) *„правило о церковныхъ людѣхъ, о десятинахъ и о судѣхъ епископскихъ, о мѣрилахъ градскихъ и о прочихъ вещехъ“* Владимира же; 3) Уставъ Ярослава *„о судѣхъ церковныхъ“*; 4) *„Судъ Ярославль Володіміричъ Правда Русская“*; 5) *Уставъ князя новгородскаго Святослава о десятинахъ*, данныхъ новгородской софійской церкви. Кромѣ этихъ узаконеній, изданныхъ собственно князьями русскими, здѣсь же помѣщены и памятники, изданные русскимъ духовенствомъ Въ числѣ этихъ памятниковъ мы находимъ: 1) *„Слово святыхъ отецъ 165 о обидящихъ церкви святыя“*. Почему такъ заглавляется эта статья, и о какихъ отцахъ здѣсь говорится этого наука еще не знаетъ. Въ этомъ Словѣ за похищеніе церковныхъ вещей и за грабежъ монастырскихъ и церковныхъ имѣній полагается взыскивать вчетверо, а противящихся такому взысканію и производящихъ церковный мятежъ сожигать, а домы ихъ и все имущество передавать въ церковное владѣніе. Это узаконеніе, какъ видите, не русскаго происхожденія—на Руси не было обычая наказывать сожженіемъ. Да оно и не могло быть иначе, потому что прежде на Руси христіанства не было, слѣдовательно у ней и право церковное не могло скоро выработаться; поэтому ей естественно было дѣлать заимствованія по церковному праву у Византіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ па-

мятникъ очень древняго происхожденія; въ заглавіи его сказано: „установлено первыми князьями“; слѣдовательно онъ прямо относится ко временамъ Владимира, или Ярослава. Вѣроятно, онъ современенъ Русской Правдѣ, потому что и во время ея изданія были, конечно, церковные грабители и тати, но въ ней нѣтъ ни одного узаконенія противъ церковныхъ татей и грабителей, тогда какъ въ то время было вполнѣ необходимо подобное узаконеніе. Извѣстно, что въ старое время, время безпрестанныхъ войнъ и набѣговъ разныхъ кочевниковъ, всѣ приносили на сохраненіе все свое лучшее и болѣе цѣнное въ церкви, для чего и устроивались при церквахъ особыя комнаты и подвалы,—значитъ тогда тѣмъ болѣе былъ необходимъ законъ, ограждающій неприкосновенность всего хранящагося въ церквахъ; такимъ закономъ и былъ, конечно, разсматриваемый нами памятникъ. — 2) Далѣе, въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются главы *„о послусѣхъ“*. Здѣсь узаконяется, чтобы не принимать въ свидѣтели еретиковъ и рабовъ и только въ крайности, за недостаткомъ свидѣтелей изъ свободныхъ, въ небольшихъ тяжбахъ принимать свидѣтельство боярскаго тіуна, который былъ рабомъ только по должности, и закупа. Ясно, что это узаконеніе не чисто русскаго происхожденія, потому что въ немъ говорится о еретикахъ, которыхъ въ древней Руси не было.—3) *„Вопрошеніе князя Изяслава, сына Ярославова, игумена печерскаго Ѳеодосія о Латынѣ“* (Латинской церкви). Здѣсь Ѳеодосій главнымъ образомъ исчисляетъ обряды и правила, которыми Латинская церковь въ его время отличалась отъ Греческой. Въ заключеніе своихъ отвѣтовъ Ѳеодосій убѣждаетъ Изяслава строго держаться правилъ Православной церкви, но въ то же время убѣждаетъ его быть милостивымъ къ иновѣрцамъ.—4) *„Вопросы Кирика къ епископу новгородскому Нифонту“*. Здѣсь изложены разные вопросы Кирика діакона и законохранителя (Номофилаксъ) новгородской Софійской церкви, относящіеся къ церковному устройству. Нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ разрѣшены Нифонтомъ, нѣкоторые — другими епископами: Ильею, Іаковомъ и др.; а большая часть самимъ же Кирикомъ. — 5) *„Іоанна, митрополита русскаго, нарѣченнаго пророкомъ, правило церковное къ Іакову Черноризцу“*. Здѣсь помѣщены девять правилъ, весьма живо изображающихъ, какъ положеніе тогдашняго русскаго общества, такъ и характеръ церковнаго и гражданскаго устройства Руси. Первое изъ этихъ правилъ требуетъ, чтобы больныхъ младенцевъ крестить до 6 недѣль по рожденіи, не дожидаясь, пока они выздоровѣютъ. Далѣе, въ этомъ же правилѣ запрещается ѣсть звѣроядину и удавленину, предписывается священникамъ внушать ихъ прихожанамъ, чтобы они пріобщались каждый годъ, соблюдали посты, не держали по двѣ жены и не прибѣгали къ волхвованію и чародѣйству. Второе правило требуетъ, чтобы священники были въ подчиненіи у своего мѣстнаго архіерея. Третье правило требуетъ, чтобы не поставлять въ поддьяконы и дьяконы неженатыхъ. Четвертое правило говоритъ о построеніи церквей. Пятое дозволяетъ поставлять въ священники того, кто поступилъ въ монастырь, разведшись съ женою. Шестое правило требуетъ, чтобы князья не выдавали своихъ дочерей въ чужую землю за иновѣрцевъ. Седьмое правило дозволяетъ священникамъ входить въ церковь и совершать богослуженіе въ овчинномъ платьѣ „ради холода“

и предписываетъ священникамъ, чтобы они не дозволяли своимъ прихожанамъ приносить жертвы колодезямъ, болотамъ и бѣсамъ и жить съ женами безъ церковнаго вѣнчанія. Восьмое правило непокоряющихся священникамъ въ правилахъ жизни христіанской повелѣваетъ отлучать отъ церкви. Девятое правило запрещаетъ священнослужителямъ присутствовать на безчинныхъ пирахъ, запрещаетъ продавать рабовъ — христіанъ иновѣрцамъ, излагаетъ степени родства, въ которыхъ не допускается бракъ, запрещаетъ монахамъ жить внѣ монастыря и заводить пиры въ монастыряхъ, предписываетъ священникамъ стараться объ уничтоженіи между ихъ прихожанами обычая жить съ женами безъ церковнаго вѣнчанья, повелѣваетъ, чтобы епископы не умножали церквей безъ нужды и строили ихъ съ согласія князя, и наконецъ, чтобы священнослужители не носили богатыхъ одеждъ. — 6) „*Посланіе* того же Іоанна, митрополита русскаго къ папѣ, архіепископу римскому, *о опрѣснокахъ*“. Въ этомъ посланіи Іоаннъ убѣждаетъ римскаго папу Александра III отказаться отъ разногласія съ Православною церковью. — 7) „*Кирилла, епископа Туровскаго сказаніе о Черноризскомъ чину*“. Здѣсь помѣщены правила монастырской жизни, собранныя Кирилломъ изъ разныхъ уставовъ. — 8) „*Исправленіе архіепископа новгородскаго Иліи съ бѣлогородскимъ епископомъ о забытіи вина и воды, иже не влити при службѣ*“. — 9) *Посланіе Германа, патріарха константинопольскаго, и съ нимъ 6 греческихъ митрополитовъ къ русскому митрополиту Кириллу 1-му о непосвященіи рабовъ въ духовный санъ*“. — 10) „*Правила Кирилла митрополита и епископовъ, сшедшихся на поставленіе владимірскаго епископа Серапіона*“. — Этими правилами требуется во 1-хъ, чтобы епископы не поставляли священниковъ и діаконовъ и игуменовъ „на мздѣ“, т. е. чтобы не брали съ нихъ денегъ за поставленіе; чтобы прежде поставленія наводили справки у сосѣдей о жизни ищущихъ поставленія и чтобы поставленіе не было тайнымъ; во 2-хъ, запрещается поставлять въ діаконы и священники пришедшихъ изъ другого города, а также рабовъ, не получившихъ свободы; въ 3-хъ, требуется чтобы за поставляемаго поручались въ его жизни духовный отецъ его и 7 священниковъ, и не дозволяется поставлять въ діаконы моложе 25, а въ священники моложе 30 лѣтъ; въ 4-хъ, предписывается, чтобы крещеніе совершалось вездѣ одинаково; въ 5-хъ, правила запрещаютъ разныя языческія игры въ праздничные дни, и особенно возстаютъ противъ „боя дреколіемъ“ и отказываютъ въ христіанскомъ погребеніи убитымъ въ такихъ бояхъ; въ 6-хъ, постановляютъ заботиться о соблюденіи порядка при богослуженіи и запрещаютъ непосвященнымъ входить въ алтарь, читать Апостолъ и пѣть прокимны. — 11) Того же Кирилла митрополита „*поученіе къ попамъ*“. Въ этомъ же поученіи есть еще „*обращеніе къ князю*“, котораго Кириллъ называетъ сыномъ Александра Невскаго и напоминаетъ ему, чтобы онъ соблюдалъ десятины и суды церковные, которые узаконены въ уставѣ Владимира Святославича. — 12) *Вопросы, предложенные Константинопольскому собору Ѳеогностомъ*, епископомъ Сарскимъ и Подонскимъ, въ 1301 г. Вопросы эти и отвѣты на нихъ касаются преимущественно чина священнослуженія. Такъ, напримѣръ, Ѳеогностъ спрашивалъ на Константинопольскомъ соборѣ: въ какіе дни Евангеліе во время служенія должно чи-

тать епископу? Можно ли одному священнику крестить, а другому читать молитвы? Можно ли служить литургію въ Великую Пятницу? Ежели епископъ въ болѣзни пострижется въ схиму, а потомъ выздоровѣетъ, то можно ли ему оставаться въ санѣ и должности епископа? и т. п.—13) *Правила Максима, митрополита русскаго* (написанныя въ 1305 г.), *о средѣ и пятницѣ, о мясопустѣ и о законномъ бракѣ*,—14) *Грамота вел. кн. Василія Дмитріевича митрополиту Кипріану о судахъ церковныхъ*, данная въ 1403 г. Этою грамотою великій князь подтверждаетъ всѣ права церкви по Номоканону и по уставамъ Владимира и др. русскихъ князей.—15) *Постановленія великаго князя Ивана Васильевича*, касающіяся церковныхъ дѣлъ, изданныя по совѣщанію съ митрополитомъ Симономъ.

Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ спискахъ Кормчей встрѣчаются церковно-юридическія статьи, относящіяся къ западной или литовской Руси. Сюда относятся: посланіе литовскихъ епископовъ къ всероссійскому митрополиту Фотію, коимъ они отрекаются отъ подсудности ему въ духовныхъ дѣлахъ; окружная грамота литовскихъ епископовъ объ избраніи и посвященіи кіевскаго митрополита Григорія Цамблака; окружная грамота литовскаго великаго князя Витовта объ отдѣленіи кіевской митрополіи отъ московской; жалованная грамота короля польскаго Казиміра III литовскому, русскому и жмудскому духовенству, дворянству, рыцарямъ, шляхтѣ, боярамъ и мѣстичамъ о сравненіи ихъ правъ съ поляками (1457 г.); Судебникъ того же короля Казиміра, данный Литвѣ въ 1468 г.; уставы относящіеся къ правамъ литовскаго духовенства.

Наконецъ, въ шестомъ отдѣлѣ помѣщаются нѣкоторыя статьи не юридическаго содержанія, греческія и русскія; такъ, напримѣръ, „*Никифора, патріарха цареградскаго, лѣтописецъ вскорѣ*“, т. е. краткая лѣтопись, пополненная въ Россіи разными русскими извѣстіями; „*Рѣчь жидовскаго языка, переложенное на русское, неразумное—на разумъ*“, т. е. объясненіе еврейскихъ словъ, встрѣчающихся въ Св. Писаніи; „*Сказаніе, како Кириллъ философъ состави азбуку по языку словѣнску и книги переведе отъ греческихъ на словѣнскій языкъ*“; „*отъ св. отецъ сказаніе о томъ, какія книги подобаетъ чести и какія не чести*“; „*Князя Владиміра о крещеніи русской земли и похвала ему*“. Сюда же относится „*Бесѣда Полоцкаго князя Константина съ епископомъ о тіунѣ*“ и многія другія статьи разнаго содержанія. Всѣ эти статьи въ разныхъ Кормчихъ XIII, XIV и XV столѣтій помѣщены не въ одинаковомъ порядкѣ и числѣ: иныя Кормчія сокращеннѣе, иныя полнѣе, въ однѣхъ помѣщены только греческіе каноническіе законы, въ другихъ каноническіе и не каноническіе, въ иныхъ и греческія и русскія статьи, а въ иныхъ болгарскія и сербскія. Вообще составъ Кормчихъ хотя носитъ на себѣ болѣе или менѣе одинаковый характеръ, по преимуществу—характеръ юридическаго сборника, но тѣмъ не менѣе онъ очень разнообразенъ. Въ Кормчихъ русское духовенство, а можетъ быть и сами князья, видѣли общій юридическій кодексъ законовъ не только церковныхъ, но и гражданскихъ; къ нимъ прибѣгали для рѣшенія разныхъ юридическихъ вопросовъ не только церковныхъ, но и свѣтскихъ. При исчисленіи статей, встрѣчающихся въ Кормчихъ, мы видѣли не только Русскую Правду, но и Литовскій Судебникъ царя Казиміра и разныя привиллегіи его русскому духо-

венству, дворянству и др. классамъ западной или Литовской Руси; слѣдовательно въ Кормчихъ; по мѣсту, гдѣ онѣ составлялись, помѣщались всѣ мѣстныя узаконенія, какъ свѣтскія, такъ и духовныя.

Кромѣ редакцій Русской Правды и Номоканона, мы имѣемъ за настоящій періодъ другіе законодательные памятники, а именно: Двинскую уставную грамоту, Псковскую судную грамоту, Московскую губную запись и Бѣлозерскую уставную грамоту. Эти особенно важны для насъ, такъ какъ въ нихъ выступаютъ новыя понятія о правѣ, составляющія новый періодъ въ исторіи развитія русскаго законодательства.

Двинская уставная грамота. Двинская уставная грамота есть самый старѣйшій послѣ Русской Правды законодательный памятникъ. Она дана была Двинской области великимъ княземъ московскимъ Василіемъ Дмитріевичемъ въ 1397 году. Въ это время Двиняне отложились отъ Новгородцевъ, которымъ они были подчинены, и признали власть московскаго князя. Такъ какъ по присоединеніи Двинянъ къ Москвѣ и судъ у нихъ долженъ былъ быть московскій, то они вошли въ сношеніе съ московскимъ княземъ, прося его дать имъ такой уставъ, который бы служилъ для нихъ руководствомъ въ судныхъ дѣлахъ; результатомъ этихъ сношеній и явилась настоящая грамота. Она относится собственно къ суду и доходамъ, какими имѣлъ право пользоваться въ Двинской области московскій великій князь. Судъ по Двинской грамотѣ очень близокъ къ Русской Правдѣ, но вмѣстѣ съ этимъ она заключаетъ въ себѣ нѣсколько болѣе или менѣе важныхъ нововведеній въ судопроизводствѣ. По содержанію своему Двинская грамота раздѣляется на слѣдующіе отдѣлы: 1) о видахъ суда по уголовнымъ преступленіямъ; 2) о порядкѣ суда; 3) о подсудности и 4) о торговыхъ пошлинахъ.

Отдѣлъ 1. Первымъ видомъ суда по Двинской грамотѣ, такъ же, какъ и по Русской Правдѣ, поставляется судъ *„въ душегубствѣ“*. Судъ этотъ носитъ болѣе или менѣе тотъ же характеръ, какой онъ имѣетъ и по Русской Правдѣ: судъ по дѣламъ этого рода принадлежитъ княжескому намѣстнику и пошлины отъ таковыхъ судныхъ дѣлъ удерживаютъ прежнее названіе—виръ. Въ случаѣ убійства община должна была отыскать убійцу и выдать его княжескому намѣстнику; если же община не могла отыскать убійцу, то должна была платить за него въ княжую казну дикую виру въ 10 рублей. Такимъ образомъ, основныя начала суда по Двинской грамотѣ тѣ же, какія и по Русской Правдѣ, т. е. судъ по дѣламъ объ убійствахъ принадлежалъ князю, и дикая вира, въ случаѣ неотысканія убійцы, платилась въ княжую казну общиною. Впрочемъ, Двинская грамота въ этомъ отношеніи представляетъ много важныхъ нововведеній, указывающихъ на развитіе общественнаго устройства на Руси. Во 1-хъ, по закону Русской Правды виры сбирались особымъ княжескимъ служителемъ—вирникомъ, который для сбора виръ въ опредѣленное время разъѣзжалъ по волостямъ; по Двинской же грамотѣ сборъ виръ принадлежалъ намѣстнику княжескому. Во 2-хъ, по Русской Правдѣ община платила виру и тогда, когда не отыскивала убійцу и тогда, когда не хотѣла выдавать его; по Двинской же грамотѣ община платила виру въ случаѣ только неотысканія убійцы, но когда убійца былъ отыскиваемъ, то

община должна была выдать его князю. Убійство раба по Двинской грамотѣ, какъ и по Русской Правдѣ, не считалось уголовнымъ преступленіемъ; въ грамотѣ сказано, что ежели господинъ наказывая убьетъ своего раба до смерти, то виры въ этомъ нѣтъ и убившій не выдается на судъ намѣстника и не платитъ никакой пени. Изъ этой статьи видно, что значеніе рабовъ въ концѣ XIV вѣка было то же, какое и прежде, т. е. рабъ считался попрежнему вещью или домашнимъ животнымъ. *Ко второму виду суда* въ Двинской грамотѣ относятся дѣла по побоямъ, ранамъ и безчестью. Побои и раны по Двинской громотѣ, такъ же какъ и по Русской Правдѣ, раздѣлялись на синяки и кровавыя раны. За кровавыя раны обидчикъ долженъ былъ платить въ княжескую казну и обиженному 30 бѣлокъ, а за синяки 15. Эта статья совершенно согласна съ Русской Правдою, но удовлетвореніе за обиду и безчестье бояръ и боярскихъ слугъ въ Двинской грамотѣ опредѣляется иначе, нежели въ Русской Правдѣ. Мы знаемъ, что въ Русской Правдѣ относительно пени за безчестье, раны и побои было такое дѣленіе: княжъ мужъ, отрокъ, людинъ и пр.; въ Двинской же грамотѣ нѣтъ такого дѣленія, а въ ней удовлетвореніе за безчестье, или обиду боярина назначается по отечеству, т. е. по знатности его; это указываетъ на существовавшій тогда обычай у бояръ мѣстничать, т. е. считаться заслугами предковъ и знатностью происхожденія. Ссоры, или драки на пиру разбирались уже иначе, чѣмъ по Русской Правдѣ. Именно: намѣстники и ихъ слуги не имѣли права вмѣшиваться въ ссоры и драки на пиру, если поссорившіеся на пиру же помирятся; но если они не помирятся и выйдутъ изъ пира въ ссорѣ другъ съ другомъ, то въ такомъ случаѣ подлежатъ суду намѣстника и платятъ ему пени „по куницѣ шерстью", хотя бы они и примирились вскорѣ. Всѣ споры и драки на пиру, въ братчинахъ, разбирались обществомъ; всѣ такіе пиры всегда на Руси имѣли особыя привиллегіи. *Къ третьему виду суда* по уголовнымъ преступленіямъ относятся дѣла по нарушенію и порчѣ межей. Во взглядѣ на это преступленіе въ Двинской грамотѣ замѣчается много сходнаго съ Русской Правдою; она такъ же, какъ и Русская Правда, считаетъ порчу межей самымъ важнымъ нарушеніемъ правъ собственности. Но только оба эти памятника расходятся въ отношеніи пени, назначаемой за это преступленіе. По закону Русской Правды за порчу межей назначалась одна пеня въ княжескую казну — 12 гривенъ; въ Двинской же грамотѣ пеня эта раздѣлена на три разряда: первый разрядъ пеней назначался за порчу межи въ полѣ, принадлежавшемъ одному селенію, — за это испортившій межу платилъ барана, или двѣ ногаты; второй разрядъ пеней, въ 30 бѣлокъ, назначался за порчу межи, отдѣляющей поля двухъ разныхъ селеній; третій разрядъ пеней назначался за порчу межей въ княжескихъ земляхъ, — за это полагалось пени „три сорока бѣлокъ", т. е. 120 бѣлокъ. *Къ четвертому виду суда* принадлежатъ дѣла по покражѣ или воровству. Дѣла эти по Двинской грамотѣ судились также, какъ и по Русской Правдѣ—сводами. Какъ по Русской Правдѣ хозяинъ, опознавшій свою вещь, долженъ итти по сводамъ до настоящаго татя, такъ и по Двинской грамотѣ онъ долженъ итти до такъ называемаго чеглаго татя, или до того владѣльца опознанной вещи, который не могъ от-

вести свода указаніемъ того, отъ кого онъ получилъ опознанную вещь. Какъ видите, здѣсь основаніе и порядокъ суда одни и тѣ же, какіе и по Русской Правдѣ; но относительно наказанія за кражу Русская Правда и Двинская грамота имѣютъ большую разницу: по Русской Правдѣ за кражу положена одна пеня—въ 3 гривны, будетъ ли то первая кража, или вторая,—по Двинской же грамотѣ продажа или пеня за кражу назначается разная, смотря по тому, какая это кража— первая, вторая, или третья. За первую кражу воръ платилъ цѣну украденной имъ вещи; за вторую кражу вора продавали въ неволю, — въ законѣ сказано: *„а въ другіе уличатъ—продадутъ его, не жалуя"*. За третью кражу воръ подвергался повѣшанію; въ законѣ прямо сказано: *„а уличатъ въ третіе, ино повѣсити"*. Кромѣ того, въ это время вошло въ обычай, какъ предохранительная полицейская мѣра, клейменіе воровъ послѣ первой и второй кражи: *„а татя всякаго пятнити"*, сказано въ настоящей статьѣ; это первое извѣстіе о клейменіи; въ прежнихъ законодательныхъ памятникахъ нѣтъ указаній на него. Законъ Двинской грамоты такъ строго преслѣдуетъ воровъ, что обвиняетъ въ „самосудѣ", т. е. самоуправствѣ, и подвергаетъ пени въ 4 рубля того, кто, поймавъ вора, отпуститъ его, а не приведетъ къ намѣстнику.

Отдѣлъ II. Въ этомъ отдѣлѣ Двинской грамоты говорится во 1-хъ, что истецъ или обиженный, для удовлетворенія въ своемъ искѣ, долженъ бить челомъ намѣстнику княжескому, чтобы онъ разсудилъ его съ отвѣтчикомъ или обидчикомъ. По этому челобитью намѣстникъ вызывалъ отвѣтчика къ суду черезъ двухъ лицъ, назначаемыхъ для этой цѣли — *дворянина*, слугу своего и *подвойскаго*, выборнаго отъ земщины, иначе отвѣтчикъ могъ не явиться въ судъ. Во 2-хъ, дворянинъ и подвойскій должны были привести отвѣтчика въ судъ; но если отвѣтчикъ жилъ далеко отъ намѣстничьяго города, то могъ не являться немедленно, а только представлялъ поручителей въ томъ, что онъ явится въ судъ въ извѣстный срокъ. Въ случаѣ же неявки отвѣтчика, по истеченіи назначеннаго срока, намѣстникъ не ждалъ его болѣе и не дѣлалъ ему вторичнаго вызова, а выдавалъ истцу такъ называемую *правую безсудную грамоту*, по которой истецъ безъ суда признавался оправданнымъ, а отвѣтчикъ — виновнымъ. Въ 3-хъ, если отвѣтчикъ по вызовѣ въ судъ не могъ тотчасъ явиться, или представить поручительство въ своей явкѣ къ извѣстному сроку, то онъ немедленно арестовывался и заковывался въ цѣпи. Въ 4-хъ, въ настоящемъ отдѣлѣ Двинской грамоты говорится о разныхъ судныхъ пошлинахъ. Пошлины эти были слѣдующія: 1) намѣстнику или судьѣ съ виноватаго отъ рубля полтина; 2) пошлина подвойскому и дворянину за вызовъ въ судъ; пошлина эта обыкновенно соразмѣрялась съ разстояніемъ, какое нужно было проѣхать дворянину и подвойскому для вызова отвѣтчика; 3) разныя мелкія пошлины, такъ, напримѣръ, особая пошлина намѣстнику отъ печати и дьякамъ отъ письма. Въ статьѣ сказано: „А отъ печати намѣстникомъ по три бѣлки, а дьякомъ отъ письма отъ судные грамоты двѣ бѣлки.

Отдѣлъ III Двинской грамоты говоритъ о подсудности. Въ этомъ отдѣлѣ опредѣляется, чтобы каждый судился въ своей области. Это правило основывалось на общемъ законѣ того времени: *„А судомъ и*

данью потянути по землѣ и водѣ". Поэтому истецъ долженъ былъ бить челомъ тому намѣстнику, къ области котораго принадлежалъ отвѣтчикъ, а отвѣтчика изъ другого округа нельзя было ни взять на поруки, ни арестовать. Впрочемъ, такой порядокъ суда относился только къ дѣламъ гражданскимъ, въ дѣлахъ же уголовныхъ былъ другой порядокъ, именно: убійца и воръ съ поличнымъ судились на томъ мѣстѣ, гдѣ совершили преступленіе, или самимъ великимъ княземъ, а не тамъ, куда они тянутъ судомъ и данью по землѣ и водѣ. Выраженіе—„*воръ съ поличнымъ*" означаетъ преступника, пойманнаго на мѣстѣ преступленія; этотъ воръ судился уголовнымъ судомъ, а воръ „въ поклепѣ" — гражданскимъ. Неприкосновенность мѣстнаго суда по Двинской грамотѣ была такъ велика, что даже великокняжескіе пристава не могли вмѣшиваться въ судъ мѣстнаго намѣстника. Впрочемъ, это было привиллегіей однихъ Двинянъ, у которыхъ намѣстниками были лица, выбираемыя изъ Двинянъ же, и которые, какъ только что подчинившіеся московскимъ князьямъ, пользовались разными льготами. Въ другихъ областяхъ было не такъ: туда князь всегда могъ прислать (или „ввести", откуда и произошло названіе „бояринъ введенный") своего чиновника и вмѣшиваться въ дѣла тамошняго намѣстника. Но если намѣстникъ судилъ несправедливо, то на него можно было бить челомъ князю. Въ такомъ случаѣ князь назначалъ намѣстнику срокъ для явки въ судъ, въ теченіи котораго, если онъ не являлся, то на него выдавалась истцу безсудная грамота.

Отдѣлъ IV. Въ немъ говорится о торговыхъ пошлинахъ. Двинская грамота опредѣляетъ собственно только пошлины съ гостей, т. е. иногородныхъ торговцевъ; двинскіе же купцы освобождены были отъ всѣхъ торговыхъ пошлинъ. Пошлины съ гостей Двинская грамота дѣлитъ на два вида: первый видъ составляли пошлины въ пользу подвойскаго и сотскаго, т. е. земскимъ смотрителямъ, которымъ назначалось „*съ лодьи по пузу* (по мѣшку) *ржи*"; второй видъ составляли пошлины, взимаемыя съ двинскихъ гостей, когда они отправлялись для торга въ другіе города. Гости эти платили съ ладьи, если они отправлялись рѣчнымъ путемъ, „*по два пуза соли*", а если сухимъ путемъ провозили свой товаръ, то платили „*съ воза по двѣ бѣлки*". О другихъ торговыхъ пошлинахъ въ Двинской грамотѣ не упоминается.

Псковская судная грамота. Этотъ памятникъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ послѣ Русской Правды, но, къ сожалѣнію, онъ дошелъ до насъ только въ одномъ спискѣ и то съ большими пропусками, такъ что цѣльнаго представленія о немъ мы не можетъ составить. Псковская грамота представляетъ послѣдующую за Русскою Правдою ступень въ развитіи русскаго законодательства. Хотя въ ней есть много узаконеній, указывающихъ на сродство ея съ Русскою Правдою, но тѣмъ не менѣе между этими двумя памятниками видна уже значительная разница. Время появленія Псковской грамоты опредѣлить съ точностью невозможно. Въ заглавіи ея сказано, что она была написана на псковскомъ общемъ вѣчѣ въ 1397 году, „по благословенію поповъ всѣхъ пяти соборовъ и священноиноковъ и діаконовъ и всего божіяго священства". Но здѣсь годъ появленія грамоты, очевидно, показанъ невѣрно. Извѣстно, что въ 1397 году въ Псковѣ было не

пять, а только четыре собора. Псковскіе соборы имѣли значеніе церковно-политическое; въ Псковѣ не было архіерея, а только его намѣстникъ, не пользовавшійся никакимъ значеніемъ, —поэтому псковское духовенство нуждалось въ единеніи, для чего и явились соборы. Нѣсколько церквей составляли соборъ—церковную общину, имѣвшую свое управленіе и своихъ представителей въ лицѣ старостъ, избираемыхъ, какъ изъ духовныхъ, такъ и изъ свѣтскихъ лицъ; такъ до XV вѣка было утверждено четыре собора. Появленіе же пятаго псковскаго собора относится уже къ XV вѣку, именно, къ 1462 году; поэтому и время появленія Псковской грамоты никакъ нельзя отнести къ 1397 году, какъ сказано въ заглавіи ея, а необходимо предположить, что она появилась не раньше 1462 г., или 1463 г. Изъ самой Псковской грамоты видно, что она есть ничто иное, какъ только окончательная редакція узаконеній, изданныхъ въ разное время псковскими князьями; такъ въ заглавіи ея сказано: „*Сія грамота выписана изъ великаго князя Александровы грамоты, изъ княжъ Костянтиновы грамоты, и изъ всѣхъ приписковъ псковскихъ пошлинъ (обычаевъ).*“ Псковская грамота дѣлится на двѣ части, которыя подраздѣляются на нѣсколько отдѣловъ.

1-я часть псковской судной грамоты раздѣляется на три отдѣла.

Въ I отдѣлѣ первой части исчисляются различные виды суда. По Псковскому закону было пять видовъ суда: 1) судъ князя и посадника; 2) судъ псковскихъ выборныхъ судей; 3) судъ владычняго намѣстника; 4) братчинный судъ и 5) судъ вѣча. 1) *Судъ князя и посадника* былъ одно и то же; ни князь не могъ судить безъ посадника, ни посадникъ безъ князя. Князь и посадникъ были представителями двухъ началъ, неразрывно связанныхъ, государственнаго и земскаго. Судъ княжій и посадничій производился у князя на сѣняхъ и ему подлежали головщина, татьба, бой, грабежъ и разбой. Въ псковскихъ пригородахъ судъ по этимъ дѣламъ принадлежалъ намѣстнику княжему, который, впрочемъ, долженъ былъ судить въ присутствіи выборныхъ отъ земщины посадниковъ. 2) *Судъ выборныхъ псковскихъ, а по пригородамъ судъ пригородскихъ посадниковъ и старостъ*. Ему подлежали дѣла гражданскія, какъ-то: дѣла по займамъ, наймамъ, покупкамъ, наслѣдствамъ и дѣла о поземельномъ владѣніи. Впрочемъ, въ послѣднемъ участвовалъ и князь; въ грамотѣ сказано: „*А коли имутъ тягатся о земли, или о водѣ, а положатъ двои грамоты, ино одни грамоты чести дьяку княжому, а другія грамоты чести дьяку городскому*“. 3) *Судъ владычня или епископскаго намѣстника* (въ Псковѣ не было своего епископа и псковская епархія зависѣла отъ новгородскаго епископа) производился какъ по дѣламъ церковнымъ, такъ и по гражданскимъ, когда они касались лицъ духовныхъ, или вообще тѣхъ, которыя принадлежали къ церковному вѣдомству. Въ этомъ судѣ не участвовали ни князь, ни посадникъ, ни земскіе судьи; впрочемъ, нельзя сказать, чтобы онъ производился совсѣмъ безъ участія свѣтскихъ людей: при немъ всегда находились два особые пристава, назначаемые отъ общества. Но по тяжбамъ людей церковныхъ съ нецерковными судъ назначался общій, т. е. такія тяжбы разбирались съ одной стороны княземъ съ посадникомъ, или, судя по роду дѣлъ, городскими земскими судьями, а съ другой — намѣстни-

комъ владычнимъ, и доходъ отъ суда дѣлился ими пополамъ. Владычній судъ основывался на Номоканонѣ. 4) *Судъ братчины.* Этому суду подлежали всѣ дѣла и споры, возникшіе на братчинномъ пиру; онъ производился выборнымъ братчиннымъ княземъ пира и судьями, которые судили, на основаніи исконныхъ народныхъ обычаевъ. Приговоры братчиннаго суда приводила въ исполненіе сама братчина. Впрочемъ, по настоящей грамотѣ братчинный судъ былъ очень ограниченъ. Мы знаемъ, что ни на одинъ судъ въ Новгородѣ и Псковѣ нельзя было дѣлать аппелляціи, но братчинный судъ не пользовался такимъ преимуществомъ; его рѣшеніямъ подчинялись только тѣ, которые были согласны съ ними,—недовольные же братчиннымъ судомъ могли переносить свой искъ въ общіе суды. 5) *Судъ вѣча.* Относительно его въ Псковской грамотѣ упоминается только то, что на этомъ судѣ не долженъ былъ присутствовать ни князь, ни посадникъ. Приговоры этого суда были рѣшительны только волею всего народа; но какія дѣла подлежали ему, объ этомъ въ грамотѣ ничего не сказано. Очевидно, что ему принадлежали только дѣла высшія, касавшіяся всего Пскова, а можетъ быть и частныя, но такія, которыхъ не могъ рѣшить ни князь, ни посадникъ.

По Псковской грамотѣ судъ, кому бы ни принадлежалъ онъ—князю ли съ посадникомъ или другимъ, пользовался такимъ уваженіемъ, что каждое дѣло, рѣшенное имъ, не подлежало аппелляціи и всякій приговоръ его всегда былъ окончательнымъ; въ грамотѣ сказано: „*А которому посаднику сѣсти на посадничество, ино тому посаднику крестъ цѣловати на томъ, что ему судитъ право по крестному цѣлованію, а городскими кунами не корыстоватися, а судомъ не мстится ни на кого-жъ, а судомъ не отчитисъ, а праваго не погубити, а виноватаго не жаловати; а безъ исправы человѣка не погубити, ни на суду, на вѣчи... А не всудятъ въ правду, ино Богъ буди имъ судія на второмъ пришествіи Христовѣ. А тайныхъ посуловъ не имати ни князю, ни посаднику*“. Неприкосновенность того или другого суда такъ сильно высказывается въ Псковской грамотѣ, что по ней посадникъ, или судья, оставляя свою должность, должны были предварительно окончить всѣ дѣла, начавшіяся во время ихъ службы, и новый посадникъ не имѣлъ права вступаться въ дѣла своего предшественника. Но псковскій законъ, признавая неприкосновеннымъ судъ властей, въ то же время требовалъ, чтобы судьи были правдивы и безпристрастны. Обезпеченіе этого требованія псковскій законъ находитъ въ присягѣ; а посему по Псковской грамотѣ каждый судья—посадникъ, или князь, при вступленіи въ свою должность должны были цѣловать крестъ на томъ, что они будутъ судить въ правду—виновнаго не оправдаютъ, а праваго не обвинятъ и не погубятъ и т. п.

Во II отдѣлѣ Псковской грамоты говорится о порядкѣ суда. Судъ по Псковской грамотѣ начинался жалобой, или челобитьемъ истца, или искомъ самого общества въ дѣлахъ по преступленіямъ, на которыя не было частныхъ жалобъ. По челобитью судъ дѣлалъ вызовъ отвѣтчика черезъ особыхъ служителей, такъ называемыхъ *позовниковъ* или приставовъ, которые были двухъ родовъ—княжіе и земскіе; первые назывались *дворянами*, а вторые—*подвойскими*. При каждомъ вызовѣ въ судъ позовники непремѣнно должны быть отъ обѣихъ сто-

ронъ — отъ князя и отъ земщины, иначе отвѣтчикъ имѣлъ право и не являться въ судъ. Позовникамъ назначалась особая пошлина, называемая *ѣздомъ* или *хоженымъ*; количество этой пошлины соразмѣрялось съ разстояніемъ, которое должны были проѣхать или пройти позовники для вызова отвѣтчика въ судъ. Впрочемъ, законъ не обязываетъ истца посылать за отвѣтчикомъ непремѣнно оффиціальнаго позовника, а дозволяетъ ему въ такомъ случаѣ, если тотъ не соглашается итти за отвѣтчикомъ за опредѣленную плату—нанять и посторонняго человѣка и дать ему *позывницу*, т. е. грамоту, по которой отвѣтчикъ вызывался въ судъ. Приставы или позовники, какъ княжіе, такъ и земскіе, должны быть люди честные и добросовѣстные и которые должны быть извѣстны князю или посаднику, какъ люди вполнѣ заслуживающіе довѣрія. Позывница писалась княжескимъ писцемъ и къ ней прикладывалась княжая печать. Ежели же княжескій писецъ не соглашался писать позывницы за опредѣленную закономъ пошлину, то позывница могла быть написана и мимо княжаго писца и запечатана печатью церкви Св. Троицы. Получивъ позывницу, позовникъ отправлялся въ то мѣсто, гдѣ жилъ отвѣтчикъ, и тамъ у церкви передъ священникомъ и всѣмъ народомъ прочитывалъ ее. Сюда же приглашался и отвѣтчикъ, который, по прочтеніи позывницы, долженъ былъ объявить, что онъ въ извѣстный срокъ явится въ судъ. Впрочемъ, присутствіе самого вызываемаго при чтеніи позывницы не было обязательнымъ для него и необходимымъ и если бы онъ и не явился, то было бы достаточно, чтобы позывница была прочтена у церкви предъ священникомъ и народомъ. Если отвѣтчикъ по первому вызову не являлся въ судъ, то на пятый день по истеченіи назначеннаго срока истцу выдавалась новая позывная грамота „на виновнаго" (отвѣтчика). Съ этой грамотой позовники снова отправлялись къ отвѣтчику и, прочитавъ ее, уже не давали никакого срока отвѣтчику, а прямо вели въ судъ. Но при этомъ позовники не должны были мучить и бить отвѣтчика, равнымъ образомъ и отвѣтчикъ не долженъ былъ сопротивляться позовникамъ, а если онъ противился имъ и билъ ихъ, то за это подвергался уголовному суду. Если же отвѣтчикъ по первому вызову отъ суда скрывался, то въ такомъ случаѣ на него выдавалась истцу безсудная, „правая грамота", т. е. онъ безъ суда признавался виновнымъ, а истецъ утверждался въ своемъ искѣ и признавался правымъ. Правая грамота писалась княжимъ писцемъ и къ ней прикладывалась печать князя; но она могла быть написана и не оффиціальнымъ лицемъ, и скрѣплялась или печатью князя, или же печатью церкви Св. Троицы. (Эта церковь имѣла весьма важное значеніе въ Псковѣ; здѣсь были особые судьи, повѣрявшіе всѣхъ судей, и печать ея могла замѣнять печать князя). По Псковской грамотѣ при истцѣ и отвѣтчикѣ допускались въ судъ и адвокаты, или, по-тогдашнему, пособники и стряпчіе. Но этотъ институтъ не пользовался въ Псковѣ большимъ довѣріемъ и допускался только съ большими ограниченіями, именно: пособничество на судѣ допускалось только въ такомъ случаѣ, когда истцемъ, или отвѣтчикомъ была женщина, или малолѣтній, чернецъ, черница, или больной, старый, глухой и т. п. При этомъ Псковскою грамотою было постановлено, что одинъ стряпчій не имѣетъ права участвовать въ

двухъ дѣлахъ въ одинъ день. Во всѣхъ же другихъ случаяхъ по псковскому закону строго запрещалось приводить въ судъ пособниковъ, для чего при дверяхъ судебныхъ палатъ всегда находились два подверника,—отъ князя и отъ земщины, обязанностью которыхъ было наблюдать, чтобы кромѣ истца и отвѣтчика никто не входилъ въ судъ. За исправленіе этой обязанности подверники получали по одной деньгѣ съ обвиненнаго. Если же истецъ, или отвѣтчикъ приходилъ въ судъ съ пособникомъ, который врывался туда силою, то за это его „сажали въ дыбу“, т. е. заковывали въ колодки и взыскивали пени рубль въ пользу князя и 10 денегъ подверникамъ.

Въ III отдѣлѣ Псковской грамоты заключаются статьи о судебныхъ доказательствахъ и судебныхъ пошлинахъ. Судебныя доказательства по Псковской грамотѣ были различны, смотря по характеру и различію самихъ дѣлъ. Такъ, во 1-хъ, въ дѣлахъ по поземельному владѣнію судебными доказательствами считались: 1) показанія старожиловъ и окольныхъ людей, 2) межевые знаки, 3) грамоты на право владѣнія, 4) крестное цѣлованіе и наконецъ 5) судебные поединки, или поле, если свидѣтели истца и отвѣтчика говорили розно и упорно стояли на своемъ. (Въ дѣлахъ о поземельномъ владѣніи поле между самими тяжущимися по псковскому закону не дозволялось). Во 2-хъ, въ дѣлахъ по займамъ и поклажѣ судебными доказательствами признавались: „доски“ (то же, что у насъ теперь конторскія или счетныя книги), „рядницы“ и всякія другія записи относительно займа, или поклажи. Но каждая изъ записей только тогда имѣла законную силу, когда была написана при церкви св. Троицы и когда копія съ нея была оставлена „въ ларѣ св. Троицы“. Въ подтвержденіе этихъ доказательствъ допускалось крестное цѣлованіе, а также и поле; впрочемъ при закладѣ судебный поединокъ не допускался, а только крестное цѣлованіе. Въ 3-хъ, въ дѣлахъ между господиномъ и закупомъ судебными доказательствами признавались записи или контракты и сверхъ того—показанія свидѣтелей. Въ 4-хъ, въ дѣлахъ по татьбѣ, грабежамъ и разбоямъ судебными доказательствами считались показанія свидѣтелей, крестное цѣлованіе и поле. Чужеземцы, въ случаѣ иска по бою, или грабежу, освобождались отъ представленія свидѣтелей, но въ такомъ случаѣ тому, на комъ искали они, представлялось или самому цѣловать крестъ, или заставить истца сдѣлать это. Отъ свидѣтелей во всѣхъ дѣлахъ требовалось, чтобы они говорили „слово противу слова“ съ тѣми, за кого свидѣтельствуютъ; въ противномъ случаѣ ихъ свидѣтельство не признавалось свидѣтельствомъ. Истецъ и отвѣтчикъ имѣли полное право заявлять на свидѣтелей противной стороны подозрѣніе; въ такомъ случаѣ предоставлялось судьямъ признавать ли подозрѣваемаго свидѣтелемъ, или не признавать. При доказательствахъ присягою, или крестнымъ цѣлованіемъ большею частію предоставлялось на волю истца: или самому цѣловать крестъ, или же требовать, чтобы это сдѣлалъ отвѣтчикъ.

Судебные поединки. По Псковскому закону истцу, или отвѣтчику малолѣтнему, больному, престарѣлому, чернецу, черницѣ, попу, увѣчному и т. п. предоставлялось выставлять вмѣсто себя на судный поединокъ наемныхъ бойцевъ. При судебныхъ поединкахъ во Псковѣ соблюдались нѣкоторыя обрядности, именно, во 1-хъ, они могли быть

не иначе, какъ въ присутствіи двоихъ приставовъ—княжаго и городского, которые брали за это съ виноватаго или побѣжденнаго 6 денегъ, если поединокъ состоялся, и 3 деньги, если поединщики мирились не вступая въ бой; во 2-хъ, побѣжденный на поединкѣ платилъ пеню или продажу князю; въ 3-хъ, если одинъ изъ тяжущихся выставитъ за себя наемнаго бойца, то другой могъ или самъ итти на бой, или также выставить наемнаго бойца. Но сами тяжущіеся, во всякомъ случаѣ, бились ли они сами, или выставляли за себя наемныхъ бойцевъ, передъ поединкомъ должны были цѣловать крестъ; въ 4-хъ, побѣдившій на поединкѣ, какъ доказавшій правоту свою судомъ Божіимъ, признавался оправданнымъ и бралъ свой искъ, и сверхъ того, какъ побѣдитель, бралъ съ побѣжденнаго все то, въ чемъ онъ вышелъ на бой. Въ 5-хъ, въ случаѣ спора между двумя женщинами, ни одна изъ нихъ не могла выставлять за себя наемнаго бойца, а должны были сами выходить на бой. (Въ спорѣ же съ мужчиною женщина могла нанять бойца).

Судебныя пошлины. Судебныя пошлины, по свидѣтельству Псковской грамоты, различались по лицамъ, участвовавшимъ въ судѣ, и по роду самихъ дѣлъ. Во 1-хъ, князь и посадникъ получали отъ дѣлъ по разбою и грабежу по 4 деньги, а отъ дѣлъ по поземельному владѣнію по 10 денегъ; отъ печати по всѣмъ дѣламъ князь получалъ по 1 деньгѣ; съ того, кто силою врывался въ судебную палату, князь получалъ пени рубль. Во 2-хъ, судебные пристава, посылаемые для наблюденія за судебными поединками, получали по 6 денегъ, если поединокъ состоялся, а если поединщики, ставъ на полѣ, мирились, то—по 3 деньги. Въ 3-хъ, позовники, отправляемые для вызова отвѣтчика въ судъ, получали „ѣзду" по деньгѣ на 10 верстъ, если отвѣтчикъ вызывался по гражданскому дѣлу; если же вызовъ дѣлался по татебному дѣлу, то позовники получали по 2 деньги на 10 верстъ. Въ 4-хъ, княжіе писцы отъ позывницы и отъ безсудной грамоты получали по деньгѣ, а отъ „правой грамоты" или судницы на поземельное владѣніе по 5 денегъ. Въ 5-хъ, подверники при судебныхъ палатахъ получали отъ всѣхъ судныхъ дѣлъ по 1 деньгѣ съ виноватаго и по 10 денегъ съ того, кто врывался силою въ судебную палату. Пристава и позовники, какъ княжіе, такъ и городскіе, ѣздившіе подвое, дѣлились пошлинами пополамъ. Точно также дѣлили пополамъ пошлины и подверники княжіе и городскіе.

2-ая часть псковской судной грамоты дѣлится на 8 отдѣловъ, изъ которыхъ въ первомъ говорится объ уголовныхъ преступленіяхъ, во второмъ—о поземельной собственности, въ третьемъ о займахъ, кредитѣ и процентахъ, въ четвертомъ—о наслѣдствѣ и опекѣ, въ пятомъ—о братчинѣ, въ шестомъ—о пайщикахъ или „сябрахъ", въ седьмомъ—о договорахъ, въ восьмомъ—о торговлѣ.

I отдѣлъ дѣлится на двѣ половины, изъ коихъ первую составляютъ законы о татьбѣ и грабежѣ, вторую—законы объ убійствѣ, бояхъ и поджогахъ.

Законы о татьбѣ, разбоѣ и грабежѣ. Различіе между грабежомъ, разбоемъ и татьбою или простымъ воровствомъ въ Псковской грамотѣ выражено въ различіи пени, назначаемой за эти преступленія, именно—за воровство Псковская грамота назначаетъ 9 гривенъ пени князю,

а за грабежъ и разбой 70 гривенъ. Кромѣ того, въ Псковской грамотѣ рѣзко отличены отъ простыхъ татей церковные тати и конокрады, которые наказывались смертною казнью. Далѣе, въ настоящемъ отдѣлѣ говорится о порядкѣ иска по татебнымъ дѣламъ. Этотъ порядокъ былъ слѣдующій: чтобы отыскать пропавшую вещь, хозяинъ ея долженъ былъ прежде всего заявить о пропажѣ мѣстному старостѣ и сосѣднимъ людямъ, или же пировымъ судьямъ и членамъ братчины, если покража сдѣлана на пиру. Послѣ явки о покражѣ хозяинъ покраденной вещи, если имѣлъ на кого подозрѣніе, то долженъ былъ заявить объ этомъ суду и судъ вызывалъ подозрѣваемаго. Если подозрѣваемый желалъ оправдаться, то отъ него требовалась присяга на мѣстѣ кражи. Если же у кого либо находилась украденная вещь, то въ такомъ случаѣ, какъ и по Русской Правдѣ, требовался сводъ, т. е. тотъ, у кого найдена вещь, долженъ былъ — если онъ утверждалъ, что купилъ ее—указать того, у кого купилъ; если же онъ скажетъ, что купилъ на торгу и не знаетъ у кого именно, то долженъ присягнуть въ истинности своего показанія, и если онъ не былъ прежде сего подозрѣваемъ въ кражѣ, то вполнѣ оправдывался присягою, и найденная вещь оставалась у него. Послѣднее узаконеніе противно Русской Правдѣ. Если же тотъ, у кого найдена пропавшая вещь, представитъ 4 или 5 добрыхъ и честныхъ свидѣтелей, которые бы подтвердили справедливость его показанія, то онъ освобождался отъ присяги. А если у кого найдена будетъ украденная корова, или лошадь, и тотъ станетъ утверждать, что она у него доморощенная, то долженъ подтвердить это клятвою. Розыски по татебнымъ дѣламъ производились слѣдующимъ образомъ: когда у кого сдѣлана кража, то обокраденный заявлялъ объ этомъ и указывалъ, кого онъ подозрѣваетъ въ кражѣ; тогда князь, или посадникъ давалъ ему пристава, съ которымъ онъ при постороннихъ людяхъ дѣлалъ обыскъ въ домѣ подозрѣваемаго. Если подозрѣваемый не пускалъ въ свой домъ обысчиковъ, или мѣшалъ имъ дѣлать обыскъ, то тѣмъ самымъ признавался виновнымъ и приговаривался заплатить всѣ судебныя издержки, пеню и возвратить покраденную вещь. Но если приставъ и истецъ ложно показывали на отвѣтчика, что онъ не пустилъ ихъ къ себѣ съ обыскомъ, или что по обыскѣ нашли у него украденную вещь, и если свидѣтели, участвовавшіе въ обыскѣ, доказывали ложность этого показанія, то приставъ считался не въ пристава, а отвѣтчикъ совершенно оправдывался во взводимомъ на него преступленіи. Если тотъ будетъ на кого либо клепать, то не вѣрить ему, а дѣлать обыскъ въ дому того, кого онъ клеплетъ; и когда по обыску найдется въ этомъ дому поличное, то хозяинъ дома судился также какъ тать, а ежели не найдется поличнаго, то онъ не виноватъ. По Псковскому закону назначаются слѣдующія наказанія за кражу: обвиненный въ кражѣ въ первый разъ платилъ за покраденнаго барана 6 денегъ, за овцу 10 денегъ, за гуся, утку и курицу по двѣ деньги, и сверхъ того по три деньги съ каждой покраденной вещи судьѣ; за вторую кражу денежное наказаніе увеличивалось; обвиненный же въ третьей кражѣ наказывался смертью; въ законѣ сказано: *„а въ третій рядъ изличивъ живота ему не дати“*.

Законы объ убійствахъ, бояхъ и поджогахъ. Эти законы показываютъ, что Псковитяне уже во многомъ отступились отъ Русской Правды: въ Псковской грамотѣ нѣтъ и помину о „вирахъ“, а говорится только о „продажѣ“, и притомъ продажа, по Псковскому закону взыскивается только съ самого убійцы, а не съ общины, и только тогда, когда убійца будетъ уличенъ; въ статьѣ сказано: *„А гдѣ учинится головщина, а доличатъ коего головника, ино князю на головникохъ взяты рубль продажи“*. Подвергался ли головникъ какому другому наказанію, кромѣ продажи — на это мы не находимъ никакихъ указаній въ Псковской грамотѣ. Но, судя по характеру Псковской грамоты, вообще не отличающейся снисходительностью къ преступникамъ и осуждающею на смертную казнь святотатцевъ, конокрадовъ и вообще даже простыхъ воровъ, уличенныхъ въ третьей кражѣ, необходимо предположить, что за убійство по Псковской грамотѣ назначалась также смертная казнь. — Въ дѣлахъ по боямъ и ранамъ Псковскій законъ не довольствуется одними боевыми знаками, но требуетъ отъ истца и отвѣтчика свидѣтелей, которые въ доказательство справедливости своихъ показаній должны были присягать и потомъ показывать „слово противу слова“ съ истцомъ и отвѣтчикомъ; а если они что либо не договорятъ, или переговорятъ, то ихъ свидѣтельство не считалось свидѣтельствомъ. Если бой былъ учиненъ на торгу, или на улицѣ при многихъ свидѣтеляхъ, то для подтвержденія показаній истца или отвѣтчика требовалось представить не болѣе 4 или 5 свидѣтелей. За побои назначалось денежное взысканіе: продажа князю и рубль обиженному. Если же въ бою участвовали многіе, то всѣ они вмѣстѣ платили одну продажу князю и рубль обиженному. — Зажигатели и измѣнники государству наказывались смертною казнью; но если противъ зажигателя, или государственнаго измѣнника не было прямыхъ уликъ, то истцу предоставлялось на волю или самому давать присягу, или приводить къ присягѣ отвѣтчика.

II отдѣлъ Псковской грамоты (2-й части), заключающей въ себѣ законы о поземельномъ владѣніи, начинается во 1-хъ, узаконеніемъ о земской давности. Это узаконеніе совершенно новое; мы не встрѣчаемъ его ни въ Русской Правдѣ, ни въ другихъ разобранныхъ нами памятникахъ. Въ Псковѣ назначалась 4 или 5-лѣтняя давность, въ силу которой владѣвшій землею и водою безспорно въ теченіи 4 — 5 лѣтъ совершенно освобождался отъ притязаній на нее прежняго владѣльца. Но что всего важнѣе, по Псковскому закону давность назначалась собственно только относительно воздѣланныхъ или застроенныхъ земель; именно—по Псковскому закону только тогда нельзя было искать земли по прошествіи 4 — 5 лѣтъ, когда захватившій обработалъ ее— засѣялъ, или застроилъ. Напротивъ, давность не признавалась за землями необработанными, хотя бы ими владѣлъ кто либо около 100 лѣтъ [1]). Во 2-хъ, въ настоящемъ отдѣлѣ помѣщенъ законъ о судѣ

---

1) Псковскій законъ о давности совершенно не сходенъ съ современнымъ ему московскимъ закономъ. По московскому закону Василія Дмитріевича, изданному въ первыхъ годахъ XV столѣтія, для земской давности назначалось 15—20 лѣтъ; притомъ эта давность существовала одинаково какъ для земель застроенныхъ и засѣянныхъ, такъ и для незасѣянныхъ и незастроенныхъ.

по поземельному владѣнію по грамотамъ. Въ Псковской грамотѣ узаконяется, что, въ случаѣ тяжбы по поземельному владѣнію, обѣ тяжущіяся стороны должны представить свои грамоты на право владѣнія спорною землею и привести къ судьямъ межниковъ, т. е. окольныхъ людей, которымъ извѣстны межи ихъ земель. Судьи, осмотрѣвъ грамоты, отправлялись вмѣстѣ съ тяжущимися и ихъ свидѣтелями на спорную землю и отводили межи ея. Если на это межеваніе не соглашались обѣ тягавшіяся стороны, или же одна какая либо изъ нихъ, то судьи отводили имъ „поле“, т. е. предоставляли рѣшеніе спора судебному поединку, и если при этомъ одна какая либо сторона соглашалась на судебный поединокъ, то ей выдавалась „судница“ или правая грамота на владѣніе. Если же поле принимали обѣ тяжущіяся стороны, то судница выдавалась побѣдившей, а побѣжденная признавалась виновною и присуждалась къ платежу пени и пошлины въ пользу князя, посадника, сотскихъ и другихъ судей 10 денегъ. Въ 3-хъ, по псковскому закону допускался выкупъ земель. Это также новое узаконеніе, не встрѣчавшееся ни въ одномъ изъ прежнихъ памятниковъ. Выкупъ дозволяется только тѣмъ, кто имѣлъ старшую, т. е. болѣе давнюю грамоту на право владѣнія землей, такъ напримѣръ если бы кто продалъ свою землю и умеръ, а наслѣдники его пожелали бы пріобрѣсть ее снова въ свое владѣніе, то имъ дозволяли выкупъ. Ежели же послѣдній владѣлецъ имѣлъ грамоту старшую, чѣмъ тотъ, кому предоставлялось право выкупа, то споръ ихъ рѣшался судебнымъ поединкомъ, или же владѣлецъ земли могъ потребовать истца къ присягѣ. Въ 4-хъ, псковскій законъ признаетъ и помѣстное и вотчинное владѣніе землею. Это опять новое узаконеніе: въ Русской Правдѣ нѣтъ узаконенія на различныя права владѣнія землею. Псковскій законъ строго запрещаетъ продавать помѣстныя земли, какъ не составляющія полной собственности владѣльца; въ грамотѣ сказано: „ежели помѣщикъ будетъ уличенъ въ продажѣ земли, или сада, данныхъ ему на прокормленіе, то за это приговаривался выкупить ихъ и такимъ образомъ возвратить ихъ обществу, и сверхъ того лишался кормленія“. Въ 5-хъ, между поземельными псковскими законами встрѣчается узаконеніе о земляхъ, которыми владѣютъ нѣсколько хозяевъ, такъ называемыхъ пайщиковъ или сябровъ, каждый своею долею въ собственность по особымъ грамотамъ или купчимъ. Въ случаѣ суда по сябренному владѣнію въ судной грамотѣ сказано: „*А кто съ кимъ растяжутся о земли, или о борти, да положатъ грамоты старыя и свою купленую* (купчую) *грамоту; и его грамоты зайдутъ многыхъ бо сябровъ земли и борти, и вси сябры станутъ на суду въ одномъ мѣстѣ отвѣчаючи ктожъ за свою землю или за борть, да и грамоты предъ господою покладутъ, да ы межниковъ возмутъ и тои отведутъ у стариковъ по своей купной грамотѣ свою часть, ино ему правда дати на своей части; а цѣлованью быть одному, а поцѣлуетъ во всѣхъ сябровъ, ино ему и судница дать на часть, на которой поцѣлуетъ*“. До насъ даже дошла одна правая грамота о судѣ въ сябренномъ владѣніи, изъ которой видно, что этотъ судъ производился передъ псковскимъ княземъ, двумя степенными посадниками и передъ сотскими у князя на сѣняхъ и на судѣ стояли всѣ сябры и положили передъ судьями свои грамоты, и судьи, прочитавши грамоты, отдали ихъ одному изъ сотскихъ и по-

слали его вмѣстѣ съ княжимъ бояриномъ осмотрѣть спорную землю на мѣстѣ, и посланные досмотрѣли землю и нанесли ее на чертежъ и, отведши по чертежу межи, представили судьямъ, которые спросили тяжущихся: признаютъ ли они чертежъ правильнымъ, или снимаютъ съ межниковъ межничество? И когда тяжущіеся отвѣчали—снимаемъ, то спросили истцовъ, кто у нихъ старики, которымъ бы вѣдомо было, что спорная земля принадлежитъ истцамъ. И когда одинъ таковый старикъ былъ указанъ, то судьи спросили противную сторону, шлются ли они на указаннаго старика, и, получивъ утвердительный отвѣтъ отъ всѣхъ сябровъ противной стороны, утвердили спорную землю за тою стороною, на которую указалъ старикъ, и отправили на мѣсто какъ самого старика, такъ и боярина съ сотскимъ, чтобы выдѣлить утвержденную судомъ землю оправданной сторонѣ. Сябренное владѣніе землею было въ обычаѣ и у Новгородцевъ, особенно въ Заволочьѣ, но по новгородскимъ законамъ оно ничѣмъ не отличалось отъ обыкновеннаго единичнаго владѣнія землею и, въ случаѣ тяжбы, судъ по сябренному владѣнію производился такъ же, какъ и по простому — всѣ сябры не вызывались на судъ, а только тотъ сябръ, у котораго была какая либо крѣпость, или управа, объясняющая дѣло.

III отдѣлъ.—Кредитные законы. Узаконенія Псковской грамоты о кредитѣ суть слѣдующія: 1) о взысканіи долговъ послѣ умершаго; 2) о взысканіи долговъ между живыми; 3) о взысканіи долговъ по торговымъ сдѣлкамъ; 4) о поручительствѣ; 5) о поклажѣ и 6) о долгахъ, обезпечиваемыхъ свободою должника.

1. По псковскому закону кредиторъ только тогда могъ взыскивать долгъ съ наслѣдниковъ умершаго, когда этотъ долгъ былъ прописанъ въ завѣщаніи умершаго, хранившемся въ ларѣ Св. Троицы. Далѣе, кредиторъ имѣлъ право взыскивать долгъ умершаго, когда могъ представить долговыя записи или закладъ, оставленный у него умершимъ въ обезпеченіе займа. Равнымъ образомъ и наслѣдники умершаго не могли взыскивать на другихъ отданнаго въ ссуду умершимъ, если послѣ него не оставалось записей, или заклада. Но ежели имѣніе умершаго находилось въ общемъ владѣніи съ родственниками, то таковые могли искать долгъ даже и безъ заклада, или безъ записей; равнымъ образомъ и съ нихъ кредиторы могли взыскивать долгъ безъ записей и безъ заклада. Ежели послѣ умершаго нѣсколько кредиторовъ предъявятъ свой искъ по закладамъ, или грамоты на домъ или землю умершаго, и притомъ ежели у однихъ будетъ только закладъ, а у другихъ записи, то всѣ они должны подтвердить свои иски присягою. При этомъ обыкновенно предоставлялось кредиторамъ избирать изъ среды своей одного, который бы взялъ имѣніе умершаго, а остальныхъ удовлетворилъ деньгами. Ежели бы наслѣдники покойнаго захотѣли выкупить это имѣніе, то послѣдній владѣлецъ его, т. е. получившій его по записи, или по закладу покойнаго, имѣлъ полное право не допускать ихъ до выкупа.

2. О взысканіи долга между живыми. Здѣсь во 1-хъ, говорится о займахъ съ закладомъ. Если кредиторъ представитъ и доски, т. е. долговыя записи, и закладъ, по которому онъ вѣрилъ должнику, то имѣлъ право или самъ цѣловать крестъ, или требовать, положивъ у креста доски и закладъ, чтобы должникъ цѣловалъ крестъ. Закладъ считался на судѣ достаточнымъ доказательствомъ долга даже и тогда,

когда не было представлено досокъ, т. е. когда долгъ не былъ нигдѣ записанъ. При закладѣ никогда не присуждалось поле или поединокъ. Предъявившій на судѣ одинъ закладъ или самъ цѣловалъ крестъ, или, положивъ закладъ подъ крестъ, требовалъ, чтобы должникъ цѣловалъ крестъ. Во 2-хъ, по Псковскому закону дозволялось давать ссуды и безъ закладовъ, по однѣмъ доскамъ, но не болѣе рубля, а кто давалъ болѣе, тотъ не имѣлъ права предъявлять искъ по таковому долгу. Въ 3-хъ, ежели бы кто сталъ искать па комъ долгъ и представилъ при этомъ закладъ, а должникъ сталъ бы отпираться отъ долга и заклада, то въ такомъ случаѣ закладъ оставался въ пользу кредитора, а должникъ освобождался отъ долга. Въ 4-хъ, ежели бы должникъ принесъ свой долгъ кредитору и сталъ требовать свой закладъ, а кредиторъ сказалъ бы, что онъ денегъ ему не давалъ и заклада не бралъ, то тогда искъ изъ долгового обращался въ искъ по поклажѣ, т. е. отдачѣ на сохраненіе, и рѣшался или крестнымъ цѣлованіемъ, — причемъ предоставлялось на волю кредитора, или самому цѣловать крестъ, или заставить сдѣлать это истца, — или же судебнымъ поединкомъ. Въ 5-хъ, ежели должникъ будетъ отпираться отъ долга и не явится въ сроки на судъ, и ежели по этому дѣлу кредиторъ понесетъ какіе либо убытки, то всѣ они падаютъ на должника и въ такомъ случаѣ должника заковывали въ желѣзо и сажали въ тюрьму. Но ежели бы кредиторъ, взявши у судей пристава для представленія должника въ судъ, вмѣсто того взялъ съ него долгъ силою, не представляя его въ судъ, то за это судился, какъ за грабежъ, и приговаривался къ платѣ пени въ 1 рубль въ пользу князя и платилъ вознагражденіе приставу. Въ 6-хъ, псковскій законъ, подобно Русской Правдѣ, допускаетъ и проценты, но не опредѣляетъ maximum ихъ, какъ это сдѣлано въ Русской Правдѣ. Впрочемъ для предупрежденія споровъ онъ требуетъ, чтобы количество процентовъ прописывалось въ записи, по которой дѣлался заемъ, а также въ записи же долженъ быть обозначенъ и срокъ, на который дано въ долгъ. А въ случаѣ, если должникъ не принесетъ долга въ срокъ, то кредиторъ обязанъ немедленно объявить объ этомъ суду, а если бы онъ объявилъ позднѣе, то въ такомъ случаѣ лишался права на полученіе процентовъ за просроченное время. Равнымъ образомъ, если бы кредиторъ сталъ требовать деньги съ должника до срока, то лишался права требовать съ него полные проценты. Если должникъ приносилъ самъ деньги кредитору до срока, то процентовъ платилъ столько, сколько ихъ приходилось по разсчету, т. е. проценты уменьшались сообразно уменьшенію срока займа.

3. Узаконенія о взысканіи долговъ по торговлѣ. Въ Псковской грамотѣ, также какъ и въ Русской Правдѣ, сдѣлано различіе между простымъ займомъ и торговымъ, но только въ Русской Правдѣ, какъ мы знаемъ, взысканіе торговаго долга облегчалось для кредиторовъ; такъ, напримѣръ, кредиторы по Русской Правдѣ освобождались отъ обязанности представлять въ судъ свидѣтелей по торговымъ займамъ; Псковская же грамота на долги по торговлѣ смотритъ совершенно иначе. По Псковскому закону, ищущій торговаго долга по доскамъ долженъ былъ представлять еще *„рядницу“*, т. е. долговую запись, изъ которой было бы видно, что деньги даны были въ долгъ по торговлѣ. Рядница эта должна была писаться при церкви Св. Троицы, и копія съ нея

или, по тогдашнему, „*противень*“, должна была храниться въ ларѣ Св. Троицы. Если рядница, представленная истцемъ, была „слово противу слова“ съ противнемъ ея, то долгъ взыскивался съ отвѣтчика, а если они разногласили, то судъ отвергалъ долгъ и не удовлетворялъ кредитора.

4. Узаконенія о поручительствѣ. По Псковскому закону поручительство въ займахъ допускалось только тогда, когда заемъ не превышалъ рубля (около $1/2$ ф. серебра); по займамъ же болѣе рубля требовался закладъ или запись. Поручитель по псковскому закону обязанъ былъ самъ платить долгъ, если тотъ, за кого онъ поручился, отпирался отъ долга, или не въ состояніи былъ уплатить его. При этомъ узаконено, что если кредиторъ будетъ требовать съ поручителя долгъ, а должникъ представитъ рядницу, въ уплатѣ долга, и если эта рядница будетъ „слово противу слова“ съ копіей ея, хранившейся въ ларѣ Св. Троицы, то должникъ и поручитель освобождались отъ платежа по иску; въ противномъ же случаѣ они обязаны были уплатить по требованію кредитора.

5. Узаконенія о поклажѣ или о соблюденіи. По псковскому закону, ежели взявшій у кого что либо на сохраненіе будетъ запираться въ томъ, то давшій на сохраненіе обязанъ былъ объявить передъ судомъ, по какому случаю онъ отдавалъ на сохраненіе. По этому объявленію судъ предоставлялъ на волю отвѣтчика или самому цѣловать крестъ, или заставить цѣловать крестъ истца, или же наконецъ рѣшить дѣло поединкомъ. По Псковскому закону требовалось, чтобы тотъ, кто отдалъ свои вещи на сохраненіе, непремѣнно имѣлъ запись, подписанную принявшимъ вещи на сохраненіе, и въ которой было бы подробно обозначено, какія именно вещи и сколько ихъ отдано на сохраненіе; иначе искъ по поклажѣ не принимался на судъ.

6. О долгахъ, обезпечиваемыхъ свободою должника. По Русской Правдѣ, какъ мы знаемъ, должники, обезпечивающіе свои долгъ личною свободою, называются закупами и дѣлятся на закуповъ въ кунахъ или серебрянниковъ и ролейныхъ закуповъ. Въ Псковской грамотѣ мы не встрѣчаемъ ни одной статьи, въ которой бы говорилось о закупахъ въ кунахъ. Судя по тому, какъ вообще смотритъ Псковскій законъ на должниковъ, мы должны заключить, что въ Псковѣ вовсе не было закуповъ этого рода, а были только ролейные закупы, т. е. крестьяне, которые брали на извѣстныхъ условіяхъ землю у землевладѣльцевъ. Они называются въ Псковской грамотѣ слѣдующими именами, — обозначающими занятія или промыслы ихъ: 1) изорники, 2) огородники и 3) хотечники или кочетники. Изорники были то же, что и ролейные закупы, т. е. они брали у землевладѣльцевъ землю подъ условіемъ денежной платы или работы. Изорники въ Псковѣ обыкновенно платили за землю землевладѣльцу половину своихъ доходовъ; поэтому они и назывались еще исполовниками. Огородники назывались тѣ, которые также подъ условіемъ платы брали во временное пользованіе огородъ. Хотечниками или кочетниками назывались рыболовы, которые брали рыбную ловлю въ чьемъ либо угодьѣ съ условіемъ платы половины дохода владѣльцу угодья. Названіе „хотечникъ“ происходитъ отъ слова „хотцы“ — особый снарядъ для рыбной ловли, причемъ перегораживали рѣку кольями, а кочетникъ — отъ слова „кочетъ“—ключъ или колышекъ въ лодкѣ, на которомъ держит-

ся весло. Псковскій законъ рѣзко отличаетъ изорниковъ или ролейныхъ закуповъ отъ наймитовъ; онъ принимаетъ ихъ только какъ жильцовъ или арендаторовъ чужой земли, тогда какъ Русская Правда не отличаетъ ролейныхъ закуповъ отъ наймитовъ и говоритъ объ нихъ какъ-то темно и неопредѣленно; главное отличіе изорниковъ отъ наймитовъ было то, что наймиты нанимались всегда на срокъ, или на отрядъ, тогда какъ изорники получали землю безсрочно и оставались на занятыхъ ими земляхъ столько, сколько хотѣли. Равнымъ образомъ и хозяинъ давалъ землю изорникамъ до тѣхъ поръ, пока не находилъ для себя другого болѣе выгоднаго жильца. Изъ этого основного условія вытекали и всѣ отношенія изорниковъ къ хозяевамъ. Отношенія эти были слѣдующія: 1) Въ отношеніи къ землевладѣльцу или хозяину изорники, или крестьяне, признавались совершенно свободными, — они всегда могли уйти отъ него, равнымъ образомъ и хозяинъ могъ всегда отказать имъ въ землѣ. Здѣсь требовалось только одно, чтобы отказъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны дѣланъ былъ въ опредѣленное время, именно по окончаніи земледѣльческихъ работъ (обыкновенно „о филипповомъ заговѣньѣ"). Если же крестьянинъ уходилъ, пропустивши срокъ, напр. передъ весною или при наступленіи ея, то обязывался уплатить хозяину весь тотъ убытокъ, который понесъ онъ, такъ какъ онъ не могъ уже отдать свою землю другому. 2) Крестьянинъ могъ жить на господской землѣ „безъ покруты", т. е. не получая отъ господина ничего, кромѣ земли, а также могъ взять и покруту, т. е. земледѣльческія орудія и рабочій скотъ, хлѣбъ и даже деньги. Если крестьянинъ бралъ у хозяина одну только землю, то при разсчетѣ съ нимъ платилъ только половину полученнаго имъ дохода; а когда хозяинъ давалъ крестьянину землю и покруту, крестьянинъ, оставляя хозяина, долженъ былъ возвратить ему покруту. А ежели бы крестьянинъ сталъ отпираться въ полученіи покруты отъ хозяина, то законъ въ такомъ случаѣ дозволяетъ хозяину представить 4 или 5 свидѣтелей, которые бы могли подтвердить справедливость его иска, или же присягнуть. 3) Псковскій законъ за крестьяниномъ, живущимъ на чужой землѣ, признаетъ право собственности и свято охраняетъ его имущество. Хозяинъ земли не имѣлъ никакого права на имущество крестьянина, жившаго на его землѣ. А въ случаѣ, если бы крестьянинъ убѣжалъ, не желая платить покруты, то хозяинъ имѣлъ право продать его имущество и изъ вырученныхъ отъ этой продажи денегъ взять себѣ покруту; если этихъ денегъ не достанетъ, то онъ могъ искать на крестьянинѣ, когда его найдетъ. Но при этой продажѣ было строго обезпечиваемо имущество крестьянина. По Псковскому закону, въ случаѣ бѣгства крестьянина, хозяинъ могъ не прежде продать имущество его, какъ заявивъ предварительно о его бѣгствѣ суду, потомъ долженъ былъ взять отъ суда двухъ приставовъ—отъ князя и отъ Пскова—а также губныхъ старостъ своей волости и стороннихъ людей и при нихъ продать имѣніе крестьянина. Въ случаѣ же, если бы хозяинъ продалъ имущество крестьянина незаконнымъ порядкомъ, то считался похитителемъ чужой собственности и крестьянинъ имѣлъ право искать на немъ, представивши суду причину своей отлучки изъ дому. 4) Псковскій законъ, признавая за крестьяниномъ право собственности, допускаетъ искъ съ его стороны не только на

постороннихъ людей, но и на господина, на землѣ котораго онъ жилъ. Иски крестьянина на господина были слѣдующіе: 1. когда господинъ присвоивалъ себѣ крестьянскую собственность; 2. когда господинъ не платилъ крестьянину долгъ. По первому иску господинъ долженъ былъ представить свидѣтелей изъ сосѣдей, которые бы показали, что имущество, на которое крестьянинъ предъявилъ свой искъ, принадлежитъ не крестьянину, а ему. Если же господинъ не могъ представить свидѣтелей, то имѣніе отдавалось крестьянину и сверхъ того господинъ обязывался уплатить всѣ судебныя издержки. По второму же иску крестьянинъ обязывался представить запись или счетъ, и судъ производилъ дѣло уже по этой записи или счету. 5) Псковскій законъ охраняетъ крестьянскую собственность и по смерти крестьянина. По закону имѣніе крестьянина переходило къ наслѣдникамъ его, которые при принятіи наслѣдства должны были удовлетворить господина его за покруту, а самовольно господинъ не имѣлъ права брать крестьянское имущество, въ противномъ случаѣ наслѣдники крестьянина могли предъявить искъ на господина, и онъ судился, какъ похититель чужой собственности. А ежели бы крестьянинъ умеръ на селѣ господина, не оставивъ послѣ себя ни жены, ни сына, ни брата, ни другихъ родственниковъ, которые бы жили вмѣстѣ съ нимъ, то господинъ не иначе могъ удовлетворить себя за покруту извѣстною частью изъ имущества крестьянина, какъ продавъ это имущество узаконеннымъ порядкомъ, т. е. въ присутствіи двухъ приставовъ, губныхъ старостъ и стороннихъ людей, въ противномъ же случаѣ родственники крестьянина, жившіе въ другихъ селахъ, могли искать на господинѣ и требовать проданное имъ имѣніе. 6) Обезпечивая и охраняя собственность крестьянина, Псковскій законъ обезпечиваетъ въ то же время неприкосновенность правъ собственности и господина, который могъ искать свое на крестьянинѣ не только по записи, но и безъ записи. Такъ, ежели на крестьянинѣ было записано, что онъ взялъ у господина покруты, то въ случаѣ смерти крестьянина его наслѣдники должны были заплатить господину за покруты, а если же не было записей, то господинъ долженъ былъ представить 4 или 5 свидѣтелей и цѣловать крестъ на томъ, что покрута крестьянину была дѣйствительно дана имъ.

IV Отдѣлъ. Законы о наслѣдствѣ. Псковская грамота относительно наслѣдства вводитъ много новаго противъ Русской Правды. Она дѣлитъ наслѣдства на два вида: 1) на наслѣдства по завѣщанію и 2) на наслѣдства по закону.

Наслѣдство по завѣщанію. Владѣлецъ имущества могъ написать въ завѣщаніи — кому оставлялъ какую долю имущества своего. Въ завѣщаніи назначались душеприкащики, какъ исполнители воли покойнаго согласно съ его завѣщаніемъ, а также прописывались всѣ долги на покойномъ и долги его на другихъ лицахъ. Завѣщаніе должно быть составлено при священникѣ и постороннихъ свидѣтеляхъ и вполнѣ утвержденное и скрѣпленное должно храниться въ ларѣ Св. Троицы. По завѣщанію наслѣдниками умершаго могли быть, какъ наслѣдники по закону, такъ и тѣ, которыхъ безъ завѣщанія законъ не допустилъ бы къ наслѣдству. Первое наслѣдство называлось „*отморщиною*“, а второе — „приказомъ“. Это названіе заимствовано изъ русскаго зако-

нодательства. По римскимъ законамъ въ завѣщаніи прежде всего назначался душеприкащикъ; далѣе завѣщатель писалъ въ завѣщаніи кому и сколько долженъ выдать по смерти его изъ оставшагося имущества душеприкащикъ, что называлось въ римскихъ законахъ „legatum“, т. е. что приказано душеприкащику. Это-то слово и переведено въ Псковской грамотѣ словомъ „приказъ“, но переведено, очевидно, невѣрно, потому что по Псковской грамотѣ завѣщатель не былъ стѣсняемъ назначеніемъ душеприкащика. Умирающій могъ и безъ завѣщанія передать свое движимое имѣніе или грамоты на свои вотчины, кому хотѣлъ еще при жизни. По закону только требовалось, чтобы эта передача дѣлалась при священникѣ и при стороннихъ лицахъ, свидѣтеляхъ.

Наслѣдство по закону. Псковская грамота во 1-хъ не ограничиваетъ права наслѣдства одною нисходящею линіею, а простираетъ эти права на всѣхъ родственниковъ нисходящей, восходящей и боковой линій. По псковскому закону не полагается даже различія относительно состоянія наслѣдниковъ. По Русской Правдѣ, какъ мы знаемъ, у смерда полными наслѣдниками были только сыновья, а дочери смерда получали изъ его имущества только часть; по Псковской же грамотѣ этого не было,—по ней, какъ сыновья такъ и дочери, признавались полными наслѣдниками и у бояръ и у крестьянъ. 2) Псковскій законъ, допуская къ наслѣдству всѣхъ родственниковъ нисходящей, восходящей и боковой линій въ мужскомъ и женскомъ полѣ, совершенно сравнялъ ихъ въ правахъ на наслѣдство и согласно съ Номоканономъ оставилъ только одно различіе, основанное на близости степеней родства; всѣмъ же родственникамъ одной степени далъ совершенно одинаковыя права на наслѣдство, какъ мужчинамъ, такъ женщинамъ, какъ замужнимъ, такъ и незамужнимъ. 3) Относительно наслѣдства мужа послѣ бездѣтной жены, или жены послѣ бездѣтнаго мужа псковскій законъ полагаетъ, чтобы тотъ и другая были наслѣдниками оставшагося имѣнія только въ пожизненное владѣніе и до вступленія во второй бракъ. Здѣсь этотъ законъ формулируется иначе, чѣмъ въ Русской Правдѣ. По Русской Правдѣ вдова дѣлалась распорядительницею всего имущества своего мужа даже и въ такомъ случаѣ, когда послѣ него оставались дѣти, а часть, выданная собственно ей, оставалась за ней и по выходѣ ея во второй разъ въ замужество; по Псковской же грамотѣ вдова получала наслѣдство послѣ своего мужа только тогда, когда онъ умиралъ бездѣтнымъ, и притомъ получала только въ пожизненное владѣніе и до второго замужества, стало быть безъ права отчужденія, не въ полную собственность. Допустивши такой порядокъ наслѣдованія, псковскій законъ долженъ былъ допустить и искъ родственниковъ бездѣтнаго мужа, или жены, по ихъ смерти, или по вступленіи во второй бракъ. Но этотъ искъ псковскій законъ допускаетъ только относительно недвижимаго имѣнія, а можетъ быть и относительно денегъ и товаровъ, но отнюдь не относительно платья, или домашней движимости, ибо законъ прямо говоритъ, что искъ относительно мужнина, или женина платья не долженъ доходить до суда, а чтобы оканчивался добровольно отдачею платья „по душѣ“, безъ всякихъ доказательствъ относительно того, все ли платье выдано, или не все. 4) Права наслѣдованія жены послѣ бездѣтнаго мужа, или

мужа послѣ бездѣтной жены псковскій законъ допускаетъ только тогда, когда мужъ съ женою жили отдѣльно отъ мужнина отца и его семейства, когда они имѣли свое особенное хозяйство. Въ случаѣ же, ежели мужъ съ женою жили въ нераздѣльной семьѣ мужнина отца, то наслѣдованіе жены послѣ бездѣтнаго мужа не допускалось; жена, или ея родственники могли въ такомъ случаѣ требовать только своего приданаго и могли требовать даже судомъ. 5) Принявши порядокъ наслѣдованія болѣе или менѣе сходный съ Номоканономъ, Псковская грамота узаконяетъ и порядокъ исключенія изъ наслѣдства, согласный съ Номоканономъ, именно: сынъ, отдѣлившійся при жизни отца и не кормившій отца и мать до смерти ихъ, лишался отцовскаго наслѣдства. 6) Наконецъ, Псковская грамота указываетъ и на послѣдствія, проистекавшія отъ принятія наслѣдства, или на тѣ обязательства, которыя принималъ на себя наслѣдникъ. По псковскому закону наслѣдникъ извѣстнаго имѣнія, вступая во всѣ права собственника этого имѣнія, въ то же время вступалъ и во всѣ обязательства по нему. А поэтому съ одной стороны онъ имѣлъ право начинать искъ по всѣмъ долгамъ покойнаго на другихъ, а съ другой обязывался отвѣчать по всѣмъ долговымъ искамъ на покойномъ, если только онъ не отказался совсѣмъ отъ наслѣдства. Впрочемъ такой отказъ отъ всѣхъ правъ на наслѣдство законъ допускалъ для наслѣдниковъ только въ такомъ случаѣ, когда они жили съ покойнымъ не въ одной семьѣ и не въ одномъ капиталѣ.

V отдѣлъ Псковской грамоты говоритъ *о братчинѣ*. По псковскому закону братчина судилась своимъ судомъ, имѣла своего выборнаго князя и судей и судилась по своимъ исконнымъ обычаямъ и правамъ; общій законъ уклонялся отъ вмѣшательства въ дѣла братчины. Но псковская грамота уже значительно сокращаетъ права братчиннаго суда; по ней общій законъ или общій судъ только тогда не вступался въ судъ братчины, когда судимые братчиннымъ судомъ были довольны рѣшеніемъ его, а когда они не были довольны рѣшеніемъ братчиннаго суда, то могли аппеллировать въ общіе суды. Но тѣмъ не менѣе и по Псковской грамотѣ объемъ братчиннаго суда былъ еще очень обширенъ; братчина судила дѣла даже по татьбѣ и убійствамъ и не платила никакихъ судебныхъ пошлинъ.

VI отдѣлъ. О сябрахъ или пайщикахъ. Сябрами или правильнѣе шабрами назывались владѣльцы общаго капитала по долямъ, не раздѣльно, то же, что въ наше время акціонеры компаній. Сябренное владѣніе по псковскимъ законамъ могло быть и въ движимомъ и недвижимомъ имѣніи. Сябренное владѣніе отличается отъ общиннаго, ибо въ общинномъ владѣніи доля общинника не составляетъ его полной собственности; напротивъ, въ сябренномъ она составляла полную собственность сябра, которую онъ могъ продать, заложить, словомъ имѣлъ право на всякій видъ отчужденія. Въ движимомъ имѣніи сябры могли владѣть и по доскамъ и безъ досокъ, но искъ по владѣнію безъ досокъ не принимался въ судѣ. Въ случаѣ исковъ между сябрами, по представленіи на судъ доски, представлялось отвѣтчику или самому цѣловать крестъ, или положить свою доску у креста и представить цѣлованіе креста истцу, или же, наконецъ, рѣшить дѣло судебнымъ поединкомъ. Во владѣніи недвижимыхъ имѣніемъ всѣ сяб-

ры должны были имѣть грамоты на владѣніе своею долею и въ случаѣ иска по одной какой-либо долѣ сябреннаго владѣнія всѣ должны представлять въ судъ свои грамоты, цѣловать же крестъ обязывался только тотъ сябръ, противъ котораго начатъ искъ; ему же выдавалась и правая грамота.

VII отдѣлъ. О наймахъ. Наймы по псковскому закону производились по записямъ, или безъ записей, и заключались или на отрядъ, т. е. до окончанія извѣстной работы, или на сроки—на мѣсяцы, годы. Нанявшійся на отрядъ по окончаніи работы имѣлъ право требовать съ хозяина задѣльную плату „въ закличъ", т. е. публично на площади, или на рынкѣ. А который наймитъ подрядился на сроки, то отживши ихъ имѣлъ право требовать съ хозяина заработанныя деньги. Если же онъ отойдетъ отъ хозяина не доживши срока, то имѣетъ право только на ту долю наемной платы, которая ему слѣдуетъ за прожитое время и при томъ такъ, что подрядившійся на годичные сроки имѣетъ право получить только за круглые годы, если же онъ работалъ сколько нибудь сверхъ года, хотя бы нѣсколько мѣсяцевъ или почти годъ, то не имѣлъ права на полученіе платы за мѣсяцы не составлявшіе года. Равнымъ образомъ, если наймитъ подрядился помѣсячно, то лишніе сверхъ цѣлыхъ мѣсяцевъ дни, или недѣли также не принимались въ разсчетъ. Если же наймитъ отойдетъ отъ хозяина, не окончивъ подрядной работы, и будетъ утверждать, что онъ окончилъ работу, и потребуетъ плату за нее, а хозяинъ его, напротивъ, будетъ утверждать, что работа имъ еще не окончена, и если при этомъ подрядной записи у нихъ не будетъ, то въ такомъ случаѣ хозяинъ или самъ долженъ цѣловать крестъ, или же заставлялъ цѣловать крестъ работника, положивъ у креста требуемую имъ плату. То же начало принималось въ Псковской грамотѣ и относительно разсчетовъ мастеровъ съ ихъ учениками: если мастеръ будетъ искать на ученикѣ плату за ученіе, а ученикъ будетъ отпираться отъ нея, то или самъ мастеръ цѣлуетъ крестъ, или заставляетъ своего ученика цѣловать крестъ.

VIII отдѣлъ. О торговлѣ и мѣнѣ. Торговля или мѣна по псковскому закону признавались дѣйствительными только между людьми, находившимися въ трезвомъ состояніи. Если же кто продастъ, купитъ или промѣняетъ, будучи пьянъ, то имѣетъ право возвратить проданное или купленное и законъ въ этомъ случаѣ не полагаетъ даже крестнаго цѣлованія. Вообще въ Псковѣ требовалось, чтобы торговля и мѣна были совершенно свободными сдѣлками, и о псковской торговлѣ всѣ иностранцы, бывшіе въ Псковѣ, отзывались, какъ о самой честной. Даже при покупкѣ скота въ Псковѣ покупатель имѣлъ право требовать у продавца свои деньги и возвратить ему купленную скотину, если находилъ у нея пороки, которыхъ при покупкѣ не замѣчалъ. Торговыя сдѣлки допускались при свидѣтеляхъ и безъ свидѣтелей и за порукою, но въ случаѣ иска торговыя сдѣлки при свидѣтеляхъ и за порукою имѣли на судѣ больше значенія, чѣмъ сдѣлки безъ свидѣтелей; купившій безъ свидѣтелей обязывался доказать фактъ покупки крестнымъ цѣлованіемъ. Въ случаѣ исковъ по торговымъ дѣламъ, предоставлялось на волю отвѣтчика или итти на судебный поединокъ, или предоставить истцу цѣловать крестъ.

Новгородская судная грамота. Объ этой грамотѣ прежде всего нужно сказать, что она составлена собственно не въ 1471 году, а еще въ 1456 году; въ 1471 году она была только переписана на имя великаго князя Московскаго, Іоанна (III) Васильевича. Первоначальный составъ ея былъ сдѣланъ на общемъ вѣчѣ въ Новгородѣ, когда Новгородцы были въ войнѣ съ Василіемъ Васильевичемъ Московскимъ и когда Новгородъ былъ раздѣленъ на двѣ партіи, изъ коихъ одна держалась московской стороны, а другая польской, когда всю власть въ Новгородѣ забрали въ свои руки бояре и богатые купцы, ибо и при равенствѣ голосовъ въ Новгородѣ большіе люди имѣли такую силу, что совершенно стѣснили меньшихъ людей. Въ видахъ этого стѣсненія меньшихъ людей большими и была составлена настоящая грамота. Іоаннъ Васильевичъ послѣ Шелонскаго погрома, покоривши Новгородъ, нашелъ выгоднымъ для себя оставить эту грамоту неприкосновенною; онъ утвердилъ ее, приказавъ только переписать ее на свое имя. Въ надписи на Новгородской судной грамотѣ говорится, что эта грамота составлена на общемъ вѣчѣ на Ярославовомъ дворѣ по докончаніи Великаго Новгорода съ великимъ княземъ Московскимъ Іоанномъ III. Новгородская судная грамота ограничивается узаконеніями о судѣ и порядкѣ суда; другихъ узаконеній въ ней нѣтъ. Статьи содержащіяся въ ней можно раздѣлить на слѣдующіе отдѣлы: 1) о видахъ суда и объ огражденіи суда закономъ; 2) объ истцѣ, отвѣтчикѣ и повѣренныхъ или адвокатахъ; 3 о послухахъ или свидѣтеляхъ; 4) о вызовѣ въ судъ; 5) о судебныхъ срокахъ; 6) о порядкѣ суда; 7) о судебныхъ пошлинахъ.

I отдѣлъ. Виды суда были слѣдующіе: *1-й, владычній судъ* или судъ новгородскаго архіепископа. Этотъ судъ по закону Новгородской грамоты долженъ былъ производиться архіепископомъ Новгородскимъ и людьми, поставленными имъ, по правиламъ св. отцовъ и по Номоканону. Слѣдовательно, этотъ судъ былъ совершенно самостоятельный и отдѣльный отъ другихъ судовъ: въ немъ не участвовали ни княжіе, ни городскіе, ни другіе какіе-либо судьи. Онъ касался всѣхъ новгородцевъ, но только въ извѣстныхъ случаяхъ. Самыя дѣла, подлежавшія этому суду, были тѣ же, какія по прежнимъ законамъ подлежали церковному суду; въ Новгородской грамотѣ только прибавлено, что во владычномъ судѣ не должно быть никакого пристрастія, что бояре, житьи люди и меньшіе должны быть судимы одинаково. *2-й. Судъ посадника.* Этотъ судъ въ Новгородѣ, такъ же какъ и во Псковѣ, нераздѣльно принадлежалъ двумъ властямъ: князю, или его намѣстнику и представителю земской власти — посаднику. По настоящей грамотѣ ни князь не могъ судить безъ посадника, ни посадникъ безъ князя. *3-й. Судъ тысяцкаго.* Этотъ судъ отличался отъ посадничьяго тѣмъ, что въ немъ вовсе не участвовали представители со стороны князя. Это былъ судъ совершенно независимый отъ князя, то же, что въ Псковѣ судъ городскихъ судей и сотскихъ. *4-й. Судъ новгородскихъ докладчиковъ.* Этотъ судъ совершенно новый, неизвѣстный въ Новгородѣ до составленія настоящей грамоты, судъ, придуманный въ данномъ случаѣ аристократіею для того, чтобы давить меньшихъ людей; онъ-то и составляетъ суть настоящей грамоты, черезъ него-то большіе люди, главнымъ образомъ, и надѣялись подчинить себѣ мень-

шихъ. Судъ новгородскихъ докладчиковъ имѣлъ свои засѣданія во владычней комнатѣ, а судьями на немъ были отъ каждаго новгородскаго конца по боярину и по житію, т. е. по богатому купцу; слѣдовательно всѣхъ судей было 10; они собирались въ судъ въ каждую недѣлю по 3 раза (въ понедѣльникъ, среду и пятницу). Какія дѣла подлежали этому суду изъ грамоты не видно. Новгородская грамота вообще не указываетъ—какому суду какія подлежали дѣла; исключеніемъ изъ этого служитъ только владычній судъ. Всѣ судьи въ Новгородѣ ежедневно, какъ только являлись на судъ, должны были цѣловать крестъ на этой судной грамотѣ въ томъ, что будутъ судить въ правду, другу не дружить никакою хитростью, посуловъ не принимать и недругу не мстить и пр. Эта странная клятва даетъ намъ понятіе о новгородскомъ судѣ и судьяхъ, очень не выгодное для нихъ. Дѣйствительно, новгородскіе суды отличались несправедливостью, лихоимствомъ и медлительностью въ рѣшеніи дѣлъ; извѣстно, что дѣло московскаго государя по Двинской землѣ тянулось въ новгородскихъ судахъ цѣлыя 25 лѣтъ, но за то они и не пользовались никакимъ уваженіемъ; нерѣдки были такіе случаи, что какой-нибудь недовольный рѣшеніемъ суда собиралъ толпу другихъ недовольныхъ, съ которой нападалъ на судей и разгонялъ весь судъ. Такое положеніе судей и суда въ Новгородѣ вызвало особенный законъ, ограждающій неприкосновенность ихъ. По этому закону, если бояринъ дѣлалъ „наводку“ на судъ, то платилъ въ пользу князя и Новгорода 50 руб., житій—20, а молодшій—10 руб. Равнымъ образомъ, этой же пенѣ подвергался и тотъ, кто нападалъ на своего истца во время суда, или у доклада, или же на судей во время поединка.

II отдѣлъ. Объ истцѣ, отвѣтчикѣ и повѣренныхъ. По Новгородской грамотѣ истцемъ и отвѣтчикомъ могъ быть безъ различія званія, состоянія и пола каждый, даже и полный холопъ. Тяжущіеся могли или сами являться въ судъ, или посылать отъ себя повѣреннаго, или по новгородски „отвѣтчика“. Повѣреннымъ могъ быть какъ посторонній, такъ и родственникъ тяжущагося: сынъ отъ матери, мужъ отъ жены и т. д. Первою обязанностію тяжущихся и ихъ повѣренныхъ передъ началомъ суда было цѣлованіе креста на грамотѣ въ томъ, что каждый изъ нихъ считаетъ свое дѣло правымъ и вполнѣ согласнымъ съ новгородскими законами; безъ цѣлованія же креста по Новгородской грамотѣ судъ не могъ начаться, и тотъ, кто не цѣловалъ креста, безъ суда признавался виновнымъ и на него выдавалась правая грамота. Цѣлованіе креста требуется отъ тяжущихся даже и тогда, когда они поручали свое дѣло повѣреннымъ, безъ того повѣренный не допускался въ судъ. Исключеніе изъ этого было одно: когда мужъ былъ повѣреннымъ своей жены, или сынъ—повѣреннымъ своей матери. Богатые и знатные совершали крестное цѣлованіе у себя на дому въ присутствіи приставовъ отъ суда, а бѣдные — въ судѣ. Повѣренные, не смотря на присягу тяжущихся- ихъ довѣрителей, также должны были цѣловать крестъ за себя при самомъ началѣ суда, безъ чего судъ не начинался.

III отдѣлъ. О послухахъ. Свидѣтелемъ въ Новгородѣ могъ быть каждый, такъ же какъ истцемъ и отвѣтчикомъ. Впрочемъ, здѣсь были нѣкоторыя ограниченія; именно къ свидѣтельству не допускались

полные холопы, которые могли свидѣтельствовать только по дѣламъ холоповъ же, и—Псковитяне. Недопущеніе къ свидѣтельству послѣднихъ объясняется временемъ: во время составленія Новгородской грамоты Псковитяне были въ крайней враждѣ съ Новгородцами,—Псковитяне держались московской стороны, а Новгородцы—польской; поэтому они смотрѣли на Псковитянъ, какъ на своихъ враговъ и измѣнниковъ. Представлять послуховъ на послуха не дозволялось. По Новгородской грамотѣ, если кто объявлялъ своего послуха отсутствующимъ, то для вызова его долженъ былъ давать закладъ шестнику или гонцу „по старинѣ" на 100 верстъ и сверхъ того также по старинѣ по 4 гривны на 100 верстъ подвойскимъ, бирючамъ и софіянамъ, т. е. служителямъ церкви Св. Софіи и извѣтникамъ. Если кто-либо изъ тяжущихся сошлется на послуха, находящагося на разстояніи болѣе 100 вер., то для вызова его въ судъ и для отсточки суда онъ долженъ просить согласія другой стороны. Если же ему не дано будетъ согласія на отсрочку, то онъ долженъ представить своего послуха въ 3-хъ недѣльный срокъ, который назначался и для вызова послуха, жившаго на разстояніи 100 верстъ.

IV отдѣлъ. О вызовѣ въ судъ. По Новгородской грамотѣ вызовъ въ судъ имѣлъ слѣдующія 4 формы: 1) вызовъ истца и отвѣтчика по тяжебнымъ дѣламъ; 2) вызовъ свидѣтелей; 3) вызовъ товарищей или шабровъ и 4) вызовъ по уголовнымъ дѣламъ. 1. По первой формѣ Новгородская грамота узаконяетъ, что судъ прежде всего долженъ извѣстить отвѣтчика о предъявленномъ на него искѣ и потребовать отъ него назначенія срока, когда онъ можетъ явиться въ судъ. Но ежели въ срокъ, назначенный имъ судьѣ, почему-либо нельзя будетъ сѣсть на судѣ, то онъ долженъ извѣстить объ этомъ вызываемаго и назначить ему свой срокъ. Если отвѣтчикъ въ первый срокъ назначенный имъ самимъ, или судьею, не являлся, то судъ дѣлалъ ему новый вызовъ черезъ отсылку, которая дѣлалась трижды и по особенной формѣ; именно—судъ трижды посылалъ позовниковъ на дворъ вызываемаго и въ то же время ему дѣлался вызовъ черезъ бирючей, которые ходили по городу или волости и кликали, что такой-то вызывается въ судъ по такому-то дѣлу. А если кто и послѣ этого не являлся, то на него выдавалась такъ называемая обѣтная грамота со взятіемъ 3 денегъ за неявку. Если вызываемый силою сопротивлялся позовнику, явившемуся къ нему съ обѣтною грамотою, прогонялъ и билъ его, то на него родственникамъ и друзьямъ позовника выдавалась безсудная грамота. Въ законѣ сказано: *„А примутъ позовника въ селѣ, а почнутъ надъ нимъ силу дѣять, то дать въ позовниково мѣсто грамота безсудная, племяннику его или другу"*. На судъ вызываемаго сопровождали два выборные отъ того общества, къ которому принадлежалъ онъ, такъ называемые ятцы, которые посылались при немъ на тотъ случай, что ежели бы община вздумала въ защиту подсудимаго сдѣлать нападеніе на позовниковъ, въ такомъ случаѣ ятцы отвѣчали передъ Новгородомъ за оскорбленіе позовниковъ. 2. Свидѣтелей, какъ и самихъ тяжущихся, въ Новгородѣ вызывали особые служители—шестники, подвойскіе, бирючи, софіяне и извѣтники. Но особенность вызова свидѣтелей состояла въ томъ, что закладъ и издержки по вызову ихъ долженъ дѣлать тотъ, кто вызы-

ваетъ, тогда какъ издержки по вызову отвѣтчика падали на обвиняемаго. Кромѣ того, по новгородскому закону не полагалось никакихъ принудительныхъ мѣръ при вызовѣ въ судъ свидѣтелей; законъ вполнѣ представлялъ заботиться объ явкѣ въ судъ свидѣтеля тому, правота котораго опиралась на немъ; а если свидѣтель не являлся въ судъ, то на тяжущагося, который представлялъ его въ свидѣтели, выдавалась безсудная грамота. 3. Для вызова въ судъ шабровъ или товарищей тяжущагося, у которыхъ были крѣпости, или иные документы, подтверждающіе справедливость его иска, судъ не посылалъ отъ себя служителей и вообще не принималъ въ этомъ никакого участія, а представлялъ это самому тяжущемуся. Здѣсь дѣло суда ограничивалось только назначеніемъ срока для вызова въ судъ шабровъ (срокъ 3 недѣли на 100 верстъ, а больше или меньше по разсчету) и выдачею истцу срочной грамоты для вызова. Впрочемъ, судъ выдавалъ срочную грамоту только тогда, когда обѣ стороны согласны на вызовъ и когда вызывающій присягалъ въ томъ, что у его сябровъ дѣйствительно есть документы, необходимые для рѣшенія его дѣла. 4. Для отвѣтчиковъ, обвиняемыхъ въ татьбѣ, убійствѣ, грабежѣ, разбоѣ, холопствѣ (бѣглый холопъ) и другихъ уголовныхъ преступленіяхъ, назначался особый вызовъ. Здѣсь судъ прежде всего требовалъ отъ обвинителя, или истца присяги на судной грамотѣ въ томъ, что онъ объявилъ искъ и обвиняетъ преступника законно. Послѣ такого подтвержденія дѣйствительности преступленія судъ бралъ на себя всѣ хлопоты по вызову отвѣтчика и посылалъ грамоты къ правителю области, къ которой принадлежалъ обвиняемый, или къ землевладѣльцу, на землѣ котораго жилъ онъ. При этомъ судъ требовалъ, чтобы областные начальники или владѣльцы высылали обвиняемыхъ въ узаконенный срокъ (3 недѣли на 100 верстъ); а если не вышлютъ и будутъ укрывать преступниковъ, то за это платятъ всѣ убытки истцу—обвинителю и, въ случаѣ укрывательства бѣглаго холопа, не могутъ ссылаться на какія-либо грамоты и не имѣютъ права тайно провозить укрывающагося изъ одного имѣнія въ другое, или изъ одной волости въ другую. А ежели кто приметъ укрывающагося преступника и въ этомъ уличатъ его, тотъ, кромѣ платежа убытковъ истцу, подвергается еще особому штрафу.

V отдѣлъ. О судебныхъ срокахъ. По Новгородской судной грамотѣ полагается два разряда судебныхъ сроковъ: первый для судей, а второй для тяжущихся и ихъ свидѣтелей.

Первый разрядъ судебныхъ сроковъ. Въ дѣлахъ по земельному владѣнію назначался 2-хъ мѣсячный срокъ, т. е. судья долженъ былъ окончить судъ по этимъ дѣламъ въ теченіи 2-хъ мѣсяцевъ, а во всѣхъ остальныхъ дѣлахъ — мѣсячный. Впрочемъ, если-бы проволочка дѣла зависѣла не отъ судьи, а отъ самихъ тяжущихся—вслѣдствіе ли ихъ отсрочекъ для вызова свидѣтелей, или по другимъ какимъ причинамъ, то судья за это не отвѣчалъ; вслѣдствіе этой оговорки въ законѣ дѣла въ новгородскихъ судахъ рѣшались вообще очень медленно. Ежели же виною проволочки дѣла былъ самъ судья, то истецъ и отвѣтчикъ имѣли право жаловаться на него Новгородскому вѣчу, которое давало имъ приставовъ отъ себя; въ присутствіи этихъ приставовъ судья долженъ былъ рѣшать дѣло недовольныхъ тяжущихся. А ежели-бы по земляному дѣлу посадникъ, тысяцкій или владыч-

ній намѣстникъ, вызвавъ межниковъ и назначивъ срокъ для суда, сами не прибыли для рѣшенія дѣла, то за это должны были платить штрафу 50 рублей въ пользу Новгорода и великаго князя и сверхъ того платить истцу и отвѣтчику всѣ ихъ убытки. Второй разрядъ судебныхъ сроковъ относится собственно до явки въ судъ самихъ тяжущихся, или ихъ свидѣтелей и шабровъ, или товарищей. Для этого были разные виды сроковъ: 1-й изъ нихъ назначался для истца и отвѣтчика, жившихъ въ одномъ городѣ; онъ зависѣлъ отъ отвѣтчика, который назначалъ срокъ по своему усмотрѣнію. Въ назначенный срокъ должны были явиться въ судъ истецъ съ отвѣтчикомъ, такъ и судья; но если бы судья почему-либо не могъ явиться въ срокъ, назначенный отвѣтчикомъ, то долженъ былъ извѣстить объ этомъ тяжущихся и назначить новый срокъ для суда. А если кто изъ тяжущихся не являлся на судъ въ назначенный срокъ, то ему посылались черезъ бирючей три повѣстки, по полученіи которыхъ, если онъ все еще не являлся, то на него выдавалась обѣтная грамота и взыскивалось 3 деньги штрафа за неявку. 2-й видъ сроковъ назначался для отвѣтчиковъ, жившихъ не въ одномъ городѣ съ истцемъ; онъ назначался смотря по разстоянію, въ которомъ жилъ отвѣтчикъ; если это разстояніе было 100 верстъ, то срокъ назначался двухнедѣльный, а если отвѣтчикъ жилъ отъ истца дальше или ближе, чѣмъ въ 100 верстахъ, то срокъ назначался по разсчету. 3-й видъ сроковъ назначался для вызова послуховъ и шабровъ. Здѣсь полагалось три недѣли на 100 верстъ, а дальше или ближе—по разсчету. Но для вызова шабровъ, жившихъ дальше 100 верстъ, нужно было имѣть согласіе противной стороны, причемъ положено было брать у судьи срочную грамоту, за которую платилось ему 3 деньги. 4-й видъ сроковъ давался истцу и отвѣтчику уже по окончаніи дѣла для взаимныхъ переговоровъ и для совѣта съ судьями. Этотъ срокъ былъ мѣсячный, и пропустившему его уже нельзя было аппеллировать на рѣшеніе суда. 5-й видъ сроковъ назначался для лицъ, обвиняемыхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ. Это срокъ былъ трехнедѣльный на 100 верстъ, а дальше или ближе—по разсчету.

VI отдѣлъ. Судебныя пошлины. По Новгородской грамотѣ судебныя пошлины были разныхъ видовъ. 1-й въ исковыхъ или гражданскихъ дѣлахъ владыкѣ, его намѣстнику и ключнику отъ печати полагалась гривна съ суднаго рубля (т. е. когда искъ кончался по суду), а отъ безсуднаго рубля, когда искъ кончался безъ суда, когда, вслѣдствіе, напримѣръ, неявки отвѣтчика въ судъ, истцу выдавалась безсудная или правая грамота, по 3 деньги отъ печати. Посадникъ же, тысяцкій и всякій другой судья отъ суднаго рубля получали по 7 денегъ, а отъ безсуднаго—по 3 деньги. 2-й видъ составляли пошлины по условнымъ дѣламъ. По Новгородскому закону, ежели кто кого утяжетъ или уличитъ на судѣ въ татьбѣ съ поличнымъ, въ разбоѣ, въ головщинѣ, въ холопствѣ, и въ полевой грамотѣ, то судьямъ по таковымъ дѣламъ выдавалась отъ судной грамоты по 4 гривны, а отъ безсудной по 2 гривны. 3-й видъ составляли пошлины сбираемыя при выдачѣ срочной грамоты. Здѣсь судья получалъ отъ печати 1 гривну. 4-й видъ пошлины при выдачѣ обѣтной грамоты и истцу. Здѣсь судья получалъ 3 деньги отъ печати. 5-й бирючамъ, подвойскимъ, извѣтникамъ и со-

фіянамъ выдавалась пошлина въ 4 гривны на 100 верстъ по всѣмъ дѣламъ за исключеніемъ земляныхъ дѣлъ, съ которыхъ не брались пошлины.

VII отдѣлъ. О порядкѣ суда. По Новгородской грамотѣ судъ, чей бы онъ ни былъ, во 1) начинался въ тіуновой „одринѣ“ или комнатѣ; каждый судья послѣ челобитья истца, назначивъ срокъ для суда, передавалъ дѣло своему тіуну на разсмотрѣніе. Въ Новгородѣ каждый судья имѣлъ своего тіуна, который долженъ сдѣлать предварительное разсмотрѣніе дѣла: собрать и сличить показанія свидѣтелей, разсмотрѣть грамоты и разныя доказательства по дѣлу и занести дѣло въ особую грамоту, такъ называемый „судный списокъ“. 2) Разсмотрѣвши дѣло, тіунъ вызывалъ въ судъ отвѣтчика После этого истецъ и отвѣтчикъ въ назначенный срокъ являлись къ тіуну въ сопровожденіи своихъ приставовъ, или такъ называемыхъ судныхъ мужей, которые должны были засѣдать на судѣ по ихъ дѣлу. При этомъ, какъ отвѣтчикъ, такъ и истецъ или ихъ повѣренные должны были цѣловать крестъ—истецъ на томъ, что онъ ищетъ праваго дѣла, а отвѣтчикъ на томъ, что будетъ судиться и показывать правильно; точно также и пристава и самъ тіунъ должны были цѣловать крестъ на томъ, что они будутъ судить вправду. Если же отвѣтчикъ или истецъ не будетъ цѣловать крестъ, то та сторона, которая не цѣловала креста, безъ суда обвинялась и проигрывала дѣло, а противная сторона безъ суда оправдывалась. 3) По разсмотрѣніи дѣла тіунъ приносилъ его къ своему судьѣ (посаднику, или тысяцкому, владычнему намѣстнику, или докладчикамъ); вмѣстѣ съ этимъ тіунъ приводилъ въ судъ и самихъ тяжущихся или ихъ повѣренныхъ и судей. Посадникъ, тысяцкій или другой судья, начиная дѣло, присягалъ на грамотѣ въ томъ, что будетъ судить вправду, безпристрастно и проч. 4). По новгородскому закону судъ оканчивался тѣмъ же судьей, которому дѣло было представлено на докладъ, и каждый судья, по окончаніи дѣла, долженъ былъ приказать своему дьяку записать рѣшеніе, а разскащики, или судьи отъ сторонъ, должны къ тому списку дѣла приложить свои печати. Но ежели судья дастъ тяжущимся срокъ для суда и по этому сроку срочную запись за печатью и въ это время перейдетъ на другое мѣсто, или вообще смѣнится другимъ, то тяжущіеся должны обратиться къ новому судьѣ и представить ему срочную запись; этотъ новый судья долженъ былъ окончить дѣло, начатое его предшественникомъ. 5) Ежели на одномъ и томъ же лицѣ будетъ искъ по наѣзду, или грабежу и земляному дѣлу, то ему предоставлялось на волю, или отвѣчать прежде по дѣлу о наѣздѣ, а потомъ по земляному дѣлу, или же по обоимъ этимъ дѣламъ вмѣстѣ. Въ первомъ случаѣ, т. е. когда истецъ обвинялся въ наѣздѣ или грабежѣ, приговаривался къ платежу пени въ пользу князя и Новгорода и сверхъ того платилъ истцу судебные убытки. Если въ наѣздѣ обвинялся бояринъ, то платилъ пени князю и Новгороду 50 руб., житій – 20 руб., а младшій—10 руб. Что же касается до земляного дѣла, то оно судилось своимъ чередомъ: здѣсь отвѣтчикъ или истецъ признавался правымъ и ему выдавалась правая грамота независимо отъ грабежа или наѣзда. Во второмъ же случаѣ, т. е. когда оба дѣла шли вмѣстѣ, оправданной сторонѣ выдавалась одна правая грамота и обвиненный платилъ пеню только по

наѣзду, по земляному же дѣлу пени не полагалось, а только убытки истцу. 6) Отвѣтчикъ, по какому нибудь дѣлу вызываемый въ судъ, могъ въ то же время самъ начать искъ на другомъ лицѣ. Но на этотъ разъ по третьему дѣлу его никто уже не могъ вытребовать въ судъ. и если бы судъ сдѣлалъ ему въ это время вызовъ по новому дѣлу, то онъ имѣлъ полное право не являться, пока не оканчивалъ 2-хъ первыхъ дѣлъ. 7) Если кто изъ тяжущихся былъ не доволенъ медленностью суда и ежели при томъ виною этой медленности былъ самъ судья, то въ такомъ случаѣ тяжующіеся имѣли право просить у Новгорода приставовъ и судья долженъ былъ рѣшать дѣло уже при этихъ приставахъ. 8) Если же чей либо повѣренный возьметъ у суда срокъ по извѣстному дѣлу для представленія свидѣтелей и въ этотъ срокъ умретъ, то въ такомъ случаѣ на тотъ же срокъ довѣритель долженъ былъ или самъ явиться въ судъ, или же представить новаго повѣреннаго, а если онъ не дѣлалъ ни того ни другого, то тѣмъ самымъ проигрывалъ дѣло и на него выдавалась безсудная грамота. Вотъ и всѣ дошедшія до насъ узаконенія Новгородской грамоты. Надобно думать, что въ ней были и другія узаконенія, но такъ какъ она дошла до насъ только въ одномъ спискѣ, да и то безъ конца, то мы и не можемъ сказать, какія именно узаконенія и сколько ихъ было еще въ Новгородской грамотѣ.

Московская губная запись 1486 года. Московская губная запись преимущественно опредѣляетъ порядокъ суда по уголовнымъ дѣламъ, на это указываетъ и самое названіе ея—„губная". Въ ней есть нѣсколько и гражданскихъ узаконеній, но преимущественно она относится къ уголовнымъ дѣламъ и опредѣляетъ порядокъ суда по этимъ дѣламъ. Въ этомъ порядкѣ еще проглядываетъ старое вирное устройство, хотя о вирахъ здѣсь нѣтъ и помину. Изъ губной записи, во 1-хъ, видно, что судопроизводство по вирнымъ дѣламъ въ Московскомъ государствѣ въ то время распредѣлялось по округамъ. Разные города и волости съ селами и деревнями причислялись къ одному округу, составлявшему въ этомъ отношеніи одно цѣлое. Но эти округи нисколько не совпадали съ административнымъ дѣленіемъ государства на уѣзды, волости и станы; такъ къ московскому уголовному округу. кромѣ города Москвы и московскаго уѣзда, причислялись: Серпуховъ, Хотунь, Руза, Звенигородъ и часть волостей Дмитровскихъ. Уголовнымъ судьею этого округа былъ большой намѣстникъ Московскій. Въ административномъ отношеніи Москва была раздѣлена на 2 отдѣла; въ ней было два намѣстника и сверхъ того намѣстникъ великаго князя, или большой намѣстникъ Московскій, который и судилъ всѣ уголовныя дѣла цѣлаго округа; городскіе же намѣстники или волостели судили только гражданскія дѣла по своимъ уѣздамъ, или волостямъ. Во 2-хъ, самые уголовные округи имѣли свое подраздѣленіе собственно для платежа головщины; такъ, по записи городъ Москва былъ раздѣленъ на 5 отдѣловъ и по этимъ отдѣламъ распредѣлялся платежъ головщины въ случаѣ неотысканія убійцы: такъ напримѣръ, еслибы душегубство случилось въ Замоскворѣчьи, то платежъ головщины по этому душегубству падалъ на Замоскворѣчье и на Даниловское, составлявшія одинъ отдѣлъ; если бы душегубство случилось на Варваровской, то платежъ головщины падалъ на Варваровскую, Мясницкую и Покровку

Такой порядокъ имѣетъ много сходнаго съ прежними вервями. Различіе между вервями и московскими уголовными отдѣлами было только то, что верви учреждались добровольно самимъ обществомъ, тогда какъ округи были введены администраціею; притомъ вервь платила головщину только за тѣхъ, кто вложился въ дикую виру, здѣсь же каждый принадлежавшій къ тому отдѣлу, въ которомъ совершено душегубство, долженъ былъ учавствовать въ платежѣ головщины и головщина платилась здѣсь за каждаго. Въ 3-хъ Губная запись дѣлитъ уголовный судъ на 2 вида: a) на судъ безъ поличнаго, т. е. по подозрѣнію, и b) судъ съ поличнымъ. Эти суды имѣли разное значеніе. Въ записи сказано, что если москвичъ искалъ на немосквичѣ безъ поличнаго, то хотя судъ по этому иску производитъ большой московскій намѣстникъ, но тѣмъ не менѣе въ судѣ участвовалъ и гражданскій судья отвѣтчика, ради своихъ пошлинъ. Слѣдовательно здѣсь уголовный судъ не былъ вполнѣ отдѣленъ отъ гражданскаго. Ежели же москвичъ судился съ немосквичемъ по дѣлу съ поличнымъ, то судилъ одинъ большой намѣстникъ московскій безъ участія гражданскаго судьи отвѣтчика. Въ 4-хъ судебныя пошлины по Московской губной записи распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: 1) по посуламъ пошлина шла большому намѣстнику съ 2 третниками, а тіуну великаго князя что посулятъ. 2) Въ дѣлахъ, о которыхъ нужно было кликать на торгу, что въ записи названо—„у заповѣди“ — пошлина шла только по третямъ большому намѣстнику съ 2-мя третниками, тіуну же великокняжескому у заповѣди пошлинъ не полагалось. 3) При судебномъ поединкѣ „вязчее“ и пошлина отъ пересуда шли также намѣстнику и третникамъ по третямъ, при чемъ тіунъ великаго князя получалъ по трети отъ намѣстника и третниковъ. Пошлины пересудной положено по 10 денегъ съ рубля, а въ дѣлахъ, оцѣненныхъ менѣе рубля, пересудъ не допускался, исключая дѣлъ о безчестьи. 4) Отъ головщины, которая въ это время стала штрафомъ общественнымъ, намѣстнику съ третниками полагалось пошлины 4 руб. Въ 5-хъ Губная запись отличаетъ судныя дѣла съ поличнымъ отъ дѣлъ пенныхъ, т. е. исковыхъ, гражданскихъ. Въ судныхъ дѣлахъ съ поличнымъ, кто бы ни былъ пойманъ — московскаго ли губнаго округа, или немосковскаго, того судилъ и казнилъ московскій намѣстникъ съ двумя третниками; въ пенныхъ же дѣлахъ московскій намѣстникъ обязанъ былъ дать срокъ, чтобы отвѣтчикъ могъ поставить своего отвѣтчикова судью; слѣдовательно здѣсь было недостаточно одного уголовнаго судьи. Такой порядокъ суда запись называетъ новымъ, введеннымъ великою княгинею Софьею Витовтовною, по старому же порядку всѣ суды безъ различія на Москвѣ производилъ большой намѣстникъ и отвѣтчиковыхъ судей не было. Въ 6-хъ Московскій судья не ѣздилъ для суда изъ Москвы по селамъ, а посылалъ туда пристава съ товарищемъ, который и давалъ отвѣтчика на поруки, чтобы явиться къ суду большого намѣстника въ Москву; вмѣстѣ съ отвѣтчикомъ приходилъ на судъ и судья того общества, къ которому онъ принадлежалъ „ради своихъ пошлинъ“, какъ сказано въ грамотѣ. Въ 7-хъ въ имѣніяхъ удѣльныхъ князей, состоявшихъ въ Московскомъ уѣздѣ, судъ уголовный и гражданскій по записи принадлежалъ волостелямъ удѣльныхъ князей. Но ежели волостель какое либо дѣло судить не могъ и долженъ былъ доложить

такое дѣло удѣльному князю, то онъ могъ дѣлать этотъ докладъ только тогда, когда удѣльный находился въ Москвѣ; если же его не было въ Москвѣ, то за окончательнымъ рѣшеніемъ дѣла волостель долженъ былъ обратиться къ великому князю, или же къ большому намѣстнику, а не долженъ былъ водить подсудимыхъ къ докладу по другимъ городамъ. Въ 8-хъ, если въ Москвѣ поймаютъ съ поличнымъ, напримѣръ, тверского жителя, т. е. подданнаго другого княжества, то его и судитъ и казнитъ московскій намѣстникъ, не отсылая его въ Тверь и не требуя оттуда судьи; равнымъ образомъ и москвича, пойманнаго въ Твери съ поличнымъ, въ Твери же и судили. Въ дѣлахъ же пенныхъ тверянина отдавали на поруки и отсылали для суда въ Тверь. Всѣ эти условія губной записи были основаны на взаимныхъ договорахъ великихъ и удѣльныхъ князей другъ съ другомъ.

Уставная Бѣлозерская грамота опредѣляетъ порядокъ суда и управы бѣлозерскихъ намѣстниковъ и пошлины, ими получаемыя. Эту грамоту можно раздѣлить на 4 отдѣла. Въ 1-мъ, грамота говоритъ собственно о пошлинахъ намѣстниковъ и ихъ судей. Намѣстникъ получалъ пошлины при въѣздѣ на намѣстничество, что называлось въѣзжимъ. Пошлина эта не опредѣлялась закономъ, а предоставлялась на волю плательщиковъ, кто что дастъ. За въѣзжимъ слѣдовали намѣстничьи и тіунскіе кормы и поборы доводчиковъ. Эти кормы и поборы платились въ два срока: на Рождество Христово и на Петровъ день. Кормы намѣстничьи на Рождество Христово цѣнились въ 7 алтынъ и 2 деньги, а на Петровъ день — въ 3 алтына съ каждой сохи; намѣстничью тіуну: въ эти же сроки половину противъ намѣстника, а доводчику съ каждой сохи на Рождество Христово 4 деньги, а на Петровъ день— 2 деньги. Намѣстники и ихъ тіуны и доводчики должны были получать эти кормы и поборы въ городѣ отъ сотскихъ, а сами не имѣли права собирать ихъ по станамъ и волостямъ. Намѣстникъ долженъ подѣлить волости и станы между своими доводчиками, такъ чтобы каждый доводчикъ вѣдалъ опредѣленный ему округъ и не имѣлъ право ѣздить по другимъ округамъ. (Доводчикъ былъ чѣмъ-то въ родѣ нынѣшняго судебнаго слѣдователя, судно-полицейскій чиновникъ, посылаемый въ деревни и села для обслѣдованія дѣла на мѣстѣ). Доводчикъ долженъ ѣздить по своему округу на одной лошади и безъ работника, и гдѣ ночуетъ, тамъ ему не обѣдать, и гдѣ обѣдаетъ, тамъ не ночевать. Намѣстники, тіуны и доводчики назначались на годъ. Кромѣ кормовъ, намѣстникамъ представлялась явочная пошлина съ пріѣзжихъ торговцевъ или гостей; пошлину эту съ большого судна ватманъ (начальникъ судна) платилъ по гривнѣ и сверхъ того съ каждаго человѣка по деньгѣ съ головы; съ малыхъ же гребныхъ судовъ ватманъ и другіе, находившіеся на нихъ, платили только по деньгѣ съ головы. Кромѣ того ежели пріѣзжіе торговцы будутъ торговать не въ указанныхъ мѣстахъ, то за это бралось заповѣди съ купца и продавца съ каждаго по 2 рубля, изъ которыхъ одинъ рубль шелъ намѣстнику, а другой — таможенникамъ, а товаръ отбирался на великаго князя. Во 2-мъ отдѣлѣ грамота собственно говоритъ о порядкѣ намѣстничья суда и о судебныхъ пошлинахъ. По грамотѣ на судѣ намѣстника, или его тіуна, непремѣнно должны быть сотскіе и „добрые люди“; безъ нихъ же ни намѣстникъ, ни его тіунъ не имѣли права

судить. Пошлины отъ исковыхъ дѣлъ опредѣляются оцѣнкою иска (каждый начинающій искъ долженъ предварительно сдѣлать ему оцѣнку и потомъ въ челобитной обозначить, что онъ оцѣниваетъ свой искъ во столько то) и распредѣлялись такъ: ежели истецъ и отвѣтчикъ до суда помирятся передъ намѣстникомъ, или его тіуномъ, то въ такомъ случаѣ взималось съ рубля по гривнѣ: это намѣстнику вмѣстѣ съ тіуномъ и доводчикомъ за всѣ пошлины. Та же пошлина взималась и въ такомъ случаѣ, ежели бы дѣло по суду было доведено до поединка, но тяжущіеся, ставъ у поля, помирились; а если поединокъ состоялся, то побѣжденный платилъ полный искъ истцу и противень противъ иска намѣстнику въ раздѣлъ съ тіуномъ и доводчикомъ за всѣ пошлины. Въ дѣлахъ уголовныхъ: ежели на кого доведутъ татьбу, разбой, или душегубство, то на виноватомъ сперва доправляется искъ истца, а потомъ уже виноватый отдавался намѣстнику для взысканія съ него продажи и для казни. Если же душегубецъ не будетъ отысканъ, то волость или станъ, гдѣ найденъ убитый, обязаны выплатить пени 4 рубля. Ежели бы кто поймалъ вора и отпустилъ его, не представивъ въ судъ, то это называлось самосудомъ, за который виноватый платилъ намѣстнику пени 2 рубля. Если бы у кого признали татебное, то въ такомъ случаѣ по настоящей грамотѣ соблюдался тотъ же порядокъ, какъ и по Русской Правдѣ, т. е. хозяинъ опознанной вещи по сводамъ отыскиваетъ ее хоть до 10-го свода, до тѣхъ поръ, пока не доходитъ до того, кто не могъ указать, гдѣ онъ взялъ найденную вещь, и намѣстники за это не получали никакой пошлины съ тѣхъ, которые свели съ себя обвиненіе, а всѣ свои пошлины доправляли на настоящемъ татѣ. Поличнымъ по Бѣлозерской грамотѣ называлось только то, что истецъ съ приставами вынетъ у подозрѣваемаго изъ клѣти, или изъ подъ замка, а то что найдетъ у него на дворѣ, или въ домѣ, но не подъ замкомъ, не считалось поличнымъ. Такого опредѣленія поличнаго мы не встрѣчаемъ ни въ Русской правдѣ, ни въ другихъ законодательныхъ памятникахъ предшествовавшаго времени. Въ порчѣ межей намѣстники отъ своего суда получали съ виноватаго по 8 денегъ за всѣ свои пошлины. Въ 3-мъ отдѣлѣ грамоты опредѣляются пошлины намѣстнику и владычню десятиннику отъ выдачи дѣвицъ въ замужество. Ежели кто выдастъ дочь замужъ изъ одной волости въ другую, то за это платитъ такъ называемую выводную куницу, которая опредѣлялась въ алтынъ; а ежели кто выдавалъ дочь „за рубежъ“, т. е. не въ Бѣлозерскій уѣздъ, то платилъ пошлины 2 алтына; а ежели кто выдавалъ въ своей же волости, то выводной куницы не полагалось, а бралось въ пользу намѣстника только свадебное или новоженный убрусъ — 2 деньги, владычню десятиннику отъ выдачи „знаменія“ на вѣнчаніе полагалось 3 деньги. Въ 4-мъ отдѣлѣ грамоты говорится, что ежели бѣлозерцы будутъ терпѣть обиды отъ намѣстника, или его тіуна, или доводчика, то имѣютъ право жаловаться на нихъ великому князю и назначать сроки, когда намѣстнику, или волостелю, или ихъ тіунамъ и доводчикамъ явиться на судъ великаго князя.

Московская губная запись и Бѣлозерская уставная грамота имѣютъ весьма важное значеніе въ исторіи русскаго законодательства; онѣ указываютъ на связь стараго — по Русской Правдѣ съ новымъ поряд-

комъ—по Судебникамъ: въ нихъ мы видимъ еще и виры и своды и распредѣленіе уголовныхъ округовъ, подобное древнимъ вервямъ, и въ тоже время встрѣчаемъ новыя судебныя пошлины, получившія впослѣдствіи полное развитіе въ Судебникахъ. Съ другой стороны, Губная запись и Бѣлозерская грамота свидѣтельствуютъ намъ о порядкѣ намѣстничьяго управленія, о пошлинахъ, кормахъ намѣстника и его людей, объ участіи въ судѣ и управленіи выборныхъ людей, какъ представителей земщины, объ ограниченіи власти намѣстниковъ выборными властями: сотскими, старостами и лучшими людьми. Впрочемъ это отнюдь не значитъ, что въ прежнее время выборные люди не участвовали на судѣ, — это показываетъ только, что обычай участія выборныхъ людей на судѣ вошелъ наконецъ въ законъ. Въ этихъ же грамотахъ мы находимъ ясное свидѣтельство, что порядокъ суда и управы въ своихъ основаніяхъ былъ одинаковъ, какъ въ Новгородскихъ и Псковскихъ владѣніяхъ, такъ и въ Московскихъ, — что какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ владѣніяхъ правительственныя и земскія власти стояли рядомъ, хотя, конечно, въ Москвѣ власти, поставленныя княземъ, имѣли болѣе силы, нежели земскія, а въ Новгородѣ и Псковѣ было наоборотъ.

Періодъ III.

ОТЪ ИЗДАНІЯ СУДЕБНИКОВЪ ДО ИЗДАНІЯ УЛОЖЕНІЯ.

(1497—1649).

Мы уже видѣли, что въ первомъ періодѣ русскаго законодательства главнымъ двигателемъ, починнымъ факторомъ, была земщина славянскихъ племенъ на Руси; она въ Новгородѣ рѣшила на общемъ вѣчѣ пригласить князей изъ Скандинавіи, она же въ Кіевѣ и другихъ городахъ по Днѣпру и его притокамъ изъявила согласіе безспорно припять князей, пришедшихъ изъ Новгорода, по взаимнымъ условіямъ и усердно служила князьямъ при внѣшнемъ объединеніи Русской земли, раздѣленной между разными независимыми другъ отъ друга славянскими племенами. Во второмъ періодѣ главнымъ факторомъ была христіанская церковь, какъ причина и могущественнѣйшая сила, сообщившая внутреннеее объединеніе Русской землѣ, которая, несмотря на внѣшнюю раздробленность, внесенную удѣльной системой, сообщила такую крѣпость и плотность Русской землѣ, что она могла выдержать даже страшный гнетъ монгольскаго ига и не только не пала подъ этимъ гнетомъ, но еще болѣе укрѣпилась и даже воспользовалась могуществомъ монгольскихъ хановъ для уничтоженія удѣльнаго разновластія и окончательнаго своего объединенія; такъ что, свергнувши монгольское иго, она, какъ земля православная, сдѣлалась могущественною державою на востокѣ Европы и потянула къ себѣ всѣ сосѣднія земли. По мѣстности, гдѣ сосредоточивалась государственная дѣятельность, первый періодъ можно назвать новгородско-кіевскимъ, а второй періодъ—кіевско-владимирскимъ; третій же періодъ по мѣстности, откуда развивалась сила, должно назвать московскимъ, а по характеру дѣятельности — періодомъ развитія великокняжеской, а потомъ царской власти на Руси. А посему, начиная третій періодъ, мы должны прежде всего сказать о постепенномъ развитіи значенія Москвы, какъ центра единой нераздѣльной Русской земли.

Преданія о Москвѣ. Первоначальная исторія Москвы для насъ мало извѣстна. Первое положительное упоминаніе о ней въ нашихъ лѣтописяхъ мы встрѣчаемъ подъ 1147 годомъ, подъ которымъ лѣтопись говоритъ, что Владимиро-Суздальскій князь Юрій приглашалъ въ Москву своего союзника, Новгородъ-Сѣверскаго князя Святослава Ольговича. Вотъ слова лѣтописи: „и приславъ Гюрьги къ Святославу

рече: „*приди ко мнѣ брати въ Московъ*". Святославъ же ѣха къ нему съ дѣтятемъ своимъ Олгомъ въ малѣ дружинѣ, поима съ собою Владиміра Святославича; Олегъ же ѣха на передъ къ Гюргеви, и да ему пардусъ. И пріѣха по немъ отецъ его Святославъ, и тако любезно цѣловастася и быша весели. На утра же повелѣ Гюрги устроити обѣдъ силенъ, и сотвори честь велику". Такимъ образомъ, первое положительное извѣстіе о Москвѣ было заявлено веселымъ пиромъ двухъ князей союзниковъ. Въ этомъ извѣстіи мы находимъ чисто историческаго только то, что въ 1147 году городъ Москва уже существовалъ и принадлежалъ Владиміро-Суздальскому княжеству. Затѣмъ, второе извѣстіе о Москвѣ относится къ 1175 году. Въ этомъ году четверо князей, ѣхавши изъ Чернигова во Владиміръ для занятія Владимірскаго княженія по смерти Андрея Боголюбскаго, останавливались въ Москвѣ и принимали тамъ посольство отъ Суздальцевъ и Владимірцевъ. Третье извѣстіе относится къ 1176 году, когда князь Михаилъ Юрьевичъ съ братомъ съ своимъ Всеволодомъ останавливался въ Москвѣ на пути во Владиміръ, и туда же спѣшилъ князь Ярополкъ Ростиславичъ съ дружиною, чтобы не пропустить Михаила во Владиміръ. Четвертое извѣстіе относится къ 1177 году, и повѣствуетъ о томъ, что князь Глѣбъ Рязанскій, находясь въ войнѣ съ Всеволодомъ Владимірскимъ, пожегъ Москву и опустошилъ всѣ села и волости московскія. Это извѣстіе важно для насъ въ томъ отношеніи, что указываетъ на Москву, какъ на городъ довольно значительный, уже имѣющій свои волости и села, т. е. свой уѣздъ. Далѣе подъ 1209 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Рязанскіе князья, находясь въ войнѣ съ Всеволодомъ Владимірскимъ, опять воевали около Москвы. А подъ 1213 годомъ лѣтопись уже упоминаетъ объ особомъ Московскомъ князѣ Владимірѣ Всеволодовичѣ, котораго въ этомъ году братья перевели изъ Москвы въ Переяславль-Русскій, т. е. приднѣпровскій. Въ 1237 г. Москва была однимъ изъ первыхъ городовъ великаго княжества Владимірскаго, взятыхъ Татарами; въ лѣтописи сказано: „*Тояже зимы взяша Москву Татарове*, и воеводу убиша Филипка Нянка за правовѣрную христіанскую вѣру, а Московскаго князя Владиміра Юрьевича руками яша, а люди убиша отъ старца до ссущаго младенца; а градъ и церкви святыя огневи предаша, и монастыри всѣ и села пожегоша, и многи имѣнья вземше отъидоша". Это извѣстіе свидѣтельствуетъ, что Москва въ то время была уже столицею удѣла, гдѣ княжилъ сынъ великаго князя Владимірскаго, и что она была довольно значительна и богата, имѣла нѣсколько церквей и монастырей. Черезъ сто лѣтъ послѣ перваго извѣстія о Москвѣ именно, подъ 1248 годомъ, мы читаемъ въ лѣтописи, что Московскій князь Михаилъ Ярославичъ Хоробритъ, сынъ великаго князя Ярослава Всеволодовича, палъ въ битвѣ съ литовцами на берегахъ Протвы. Затѣмъ черезъ сорокъ восемь лѣтъ по смерти Михаила, именно, подъ 1296 годомъ, встрѣчаемъ извѣстіе о съѣздѣ русскихъ князей во Владимірѣ, на которомъ московскій князь Даніилъ Александровичъ, младшій сынъ Александра Невскаго, уже является великимъ княземъ Московскимъ. Такимъ образомъ, на пространствѣ 148 лѣтъ отъ перваго извѣстія о Москвѣ мы находимъ въ лѣтописяхъ девять упоминаній о ней и къ концу этого времени Москва уже сдѣлалась отдѣль-

нымъ и самостоятельнымъ княжествомъ наравнѣ съ Владимиромъ, Тверью, Ярославлемъ и Переяславлемъ. Рядъ лѣтописныхъ упоминаній съ одной стороны свидѣтельствуетъ, что Москва была однимъ изъ младшихъ городовъ здѣшняго края и очевидно явилась на свѣтъ не задолго до перваго лѣтописнаго извѣстія о ней; а съ другой стороны, въ томъ же рядѣ упоминаній, мы находимъ прямое свидѣтельство, что Москва въ продолженіи неполныхъ полутораста лѣтъ выросла сперва въ удѣльное, а потомъ въ самостоятельное великое княжество, на столько сильное, что сравнялось съ другими старѣйшими великими княжествами сѣверо-восточной Руси. Вотъ и вся исторія Москвы по лѣтописямъ за первые полутораста лѣтъ, – исторія, какъ всякій можетъ замѣтить, самая слабая и отрывочная, проводящая сухо замѣтную нить событій.

Но, какъ всѣ крупныя историческія единицы—будутъ ли то личности, или города, имѣютъ кромѣ лѣтописей и народныя преданія, часто фантастическія въ подробностяхъ, тѣмъ не менѣе достовѣрныя въ основаніи и дающія свой характеръ и жизнь сухимъ лѣтописныхъ извѣстіямъ; точно также и за Москвою, какъ крупною и міровою историческою единицею, есть свои народныя преданія, пополняющія худость первоначальныхъ лѣтописныхъ извѣстій. Преданія сіи обнимаютъ собою именно періодъ времени отъ князя Юрія Владиміровича Долгорукаго, при которомъ мы встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ первое упоминаніе о Москвѣ, до перваго великаго князя Московскаго Даніила Александровича и даже его сына Ивана Даниловича.

По народному преданію мѣстность, занимаемая теперь Москвою, принадлежала богатому боярину Степану Ивановичу Кучкѣ, который здѣсь былъ богатымъ и сильнымъ потомственнымъ землевладѣльцемъ, владѣвшимъ цѣлою волостью съ селами и деревнями и имѣвшимъ главную свою усадьбу, какъ говоритъ преданіе, *оба полы Москвы рѣки*. Далѣе продолжаетъ преданіе: „тотъ Кучка возгордѣвся зѣло и непочтилъ великаго князя Юрія Владиміровича Долгорукаго во время проѣзда его во Владиміръ и поносилъ его. Князь же великій нестерпя хулы, повелѣ боярина того смерти предати; сыны же его, видѣвъ млады сущи и лѣпы зѣло, и дщерь едину благообразну, отослалъ во Владиміръ къ сыну своему Андрею. Самъ же вошедши на гору и обозрѣвъ оба берега Москвы рѣки и за Неглинною, повелѣлъ сдѣлать деревянный городъ и назвалъ его *градъ Москва*, т. е. именемъ Москвы рѣки. Сочеталъ своего сына Андрея бракомъ съ дочерью убитаго Кучки и заповѣдалъ ему городъ Москву населить людьми и распространить“. Къ этому преданію Татищевъ въ своей исторіи присоединяетъ варіантъ, отысканный имъ въ одной раскольничьей лѣтописи, по которому Степанъ Ивановичъ Кучка былъ тысяцкимъ у Юрія Долгорукаго и, замѣтивъ любовную связь князя съ своею женою, увезъ послѣднюю въ свои имѣнія на берегахъ Москвы рѣки, и оттуда думалъ бѣжать къ Юрьеву врагу, князю Изяславу Мстиславичу; но Юрій явился въ Московскія имѣнія Кучки, убилъ его и заложилъ городъ Москву, а дочь его выдалъ за своего сына Андрея.

Приводимые два разсказа преданій о началѣ Москвы явно противорѣчатъ хронологіи; они относятъ начало Москвы и убійство Кучки къ 1158 году, когда Юрія уже не было въ живыхъ, и прямо

несогласны съ лѣтописью, въ которой о Москвѣ упоминается, какъ мы уже видѣли, подъ 1147 годомъ. Тѣмъ не менѣе за сими разсказами остаются слѣды исторической достовѣрности; такъ, одинъ изъ Кучковичей Якимъ и по лѣтописямъ находился въ числѣ приближенныхъ Андрея Боголюбскаго и участвовалъ въ заговорѣ на его жизнь, и далѣе нѣкоторыя мѣстности Москвы даже въ XIV и XV столѣтіяхъ носили названіе Кучковыхъ; такъ, напримѣръ, мѣстность, гдѣ теперь стоитъ Срѣтенскій монастырь, въ XIV и XV столѣтіяхъ называлась Кучковымъ полемъ. Такимъ образомъ, начало Москвы согласно съ преданіемъ тѣсно связано съ именемъ боярина Кучки. Самыя лѣтописи не отрицаютъ связи начала Москвы съ Кучкой; такъ въ Волынской лѣтописи, подъ 1176 годомъ, Москва еще удерживаетъ прежнее названіе Кучкова; лѣтопись говоритъ: „и несли князя Михаила еле жива на носилкахъ до Кучкова, рекше до Москвы“.

Кто-же былъ этотъ полузабытый Кучка? Преданіе его называетъ бояриномъ, а Татищевъ даже тысяцкимъ, въ лѣтописяхъ одинъ изъ Кучковичей, Якимъ, также состоитъ въ числѣ бояръ Андрея Боголюбскаго; поэтому, съ перваго взгляда можно подумать, что Кучка принадлежалъ къ числу княжескихъ дружинниковъ, но преданіе, какъ мы уже видѣли, говоритъ, что „Кучка разгордѣвся зѣло и непочти князя, поносилъ его“, а другое преданіе даже разсказываетъ, что Кучка воевалъ съ княземъ и былъ убитъ въ одномъ сраженіи вмѣстѣ съ сыновьями своими. Изъ всего этого видно, что Кучка былъ не дружинникъ князя, а богатый земскій бояринъ, который, живя вдали отъ княжаго двора, не хотѣлъ знать князя и при встрѣчѣ съ княземъ не только не почтилъ его, но даже обругалъ. И тѣмъ съ большею увѣренностью должно признать Кучку земскимъ бояриномъ, что князья до Юрія Долгорукаго даже вовсе не жили въ Суздальскомъ краю, а потому не могло быть тамъ и богатыхъ дружинниковъ землевладѣльцевъ; напротивъ того, отсутствіе князей давало въ здѣшнемъ краю полную свободу старымъ новгородскимъ колонистамъ. А что бояринъ Кучка по всему вѣроятію принадлежалъ къ старинному роду сильныхъ новгородскихъ колонистовъ въ Суздальскомъ краю, это подтверждается тѣмъ, что родъ Кучковичей существовалъ въ Новгородѣ даже въ XV и XVI столѣтіяхъ. Развивать свою власть, распространять свои владѣнія и управлять всѣмъ краемъ въ званіи земскихъ бояръ, подобно тому, какъ земскіе новгородскіе бояре-землевладѣльцы впослѣдствіи почти безконтрольно управляли отъ имени Новгорода Двинскою землею и Заволочьемъ, или прежде, до Владиміра Святого, Волынскую и Галицкую земли держали за собою тамошніе земскіе бояре-землевладѣльцы, въ родѣ сказочныхъ Дюка Степановича, или Чурилы Плеѳковича. Къ числу таковыхъ земскихъ бояръ старожиловъ въ Московской мѣстности принадлежалъ бояринъ Кучка.

Естественно, что суздальскіе бояре-землевладѣльцы, привыкшіе къ полной свободѣ и самовластію не только въ своихъ вотчинахъ, но и въ цѣломъ краю, должны были не дружелюбно смотрѣть на князя Юрія Владимировича Долгорукаго, рѣшившагося утвердить свою власть въ Суздальскомъ краю не по имени только, какъ было прежде, а на самомъ дѣлѣ. Юрій первый изъ князей Рюрикова дома рѣшился жить

въ доставшемся ему послѣ отца здѣшнемъ удѣлѣ, началъ строить здѣсь города и приглашать поселенцевъ изъ Приднѣпровья и другихъ краевъ Русской земли, и тѣмъ до нѣкоторой степени стѣснять полное приволье здѣшнихъ старожиловъ, особенно богатыхъ и самовластныхъ земскихъ бояръ, изъ старинныхъ новгородскихъ колонистовъ, едва признававшихъ власть прежнихъ, постоянно отсутствовавшихъ, князей, а ежели и признававшихъ, то главнымъ образомъ изъза того, чтобы не подчиниться власти сосѣднихъ князей Рязанскихъ. На эти стѣсненія и новости, вводимыя поселившимся здѣсь княземъ, земскіе бояре, старые хозяева края, отвѣчали или глухимъ неповиновеніемъ, или явнымъ сопротивленіемъ. Гнѣздомъ таковыхъ недовольныхъ были имѣнія богатѣйшаго и сильнѣйшаго землевладѣльца боярина, по другому преданію тысяцкаго, Степана Ивановича Кучки. Князь Юрій Владимировичъ, силою смиривши недовольныхъ и убивши и предводителя Кучку, рѣшился въ самыхъ имѣніяхъ Кучки построить княжескій городъ, чтобы самую мѣстность, гдѣ было успѣли утвердиться недовольные, навсегда утвердить за собою и своимъ потомствомъ. Такимъ образомъ, по первому ряду преданій, сосредоточенныхъ около имени Юрія Долгорукаго, Москва является какъ опорный пунктъ для развитія княжеской власти въ самомъ гнѣздѣ противниковъ этой власти.

Но построеніемъ Москвы и другихъ городовъ въ здѣшнемъ краѣ, тайные и явные противники княжеской власти не были еще уничтожены окончательно, они только были ослаблены и въ Москвѣ потеряли центральную мѣстность, гдѣ прежде удобно могли скопляться и дѣйствовать общими силами; тѣмъ не менѣе глухая борьба старыхъ порядковъ съ княжескими нововведеніями продолжалась и Москва мало-по-малу принимала все большее значеніе, конечно, уже въ новомъ смыслѣ. По смерти Юрія Долгорукаго, при его преемникахъ хотя и не вскорѣ нашлось нужнымъ въ интересахъ княжеской власти образовать въ Москвѣ особое удѣльное княжество, въ которомъ, какъ мы уже видѣли, первымъ удѣльнымъ княземъ былъ внукъ Долгорукаго, Владиміръ Всеволодовичъ. До образованія удѣльнаго княжества въ Москвѣ, защитники старыхъ самовольныхъ порядковъ были еще настолько сильны, что ни одна перемѣна князей въ Суздальскомъ краю не обходилась безъ ихъ участія. Такъ своевольники и въ числѣ ихъ одинъ изъ Кучковичей, убили Андрея Юрьевича Долгорукаго; потомъ тѣ-же своевольники подъ именемъ старыхъ ростовскихъ и суздальскихъ бояръ, мимо младшихъ сыновей Юрія Долгорукаго, пригласили его внуковъ, Ростиславичей; затѣмъ, когда младшіе Юрьевичи, Михаилъ и Всеволодъ, явились по приглашенію Владимирцевъ во Владиміръ, то тѣ-же Ростовцы и Суздальцы навели на нихъ Ростиславичей и борьба продолжалась около двухъ лѣтъ, причемъ Москва была сожжена Рязанскимъ княземъ Глѣбомъ, помогавшимъ Ростовцамъ и земскимъ боярамъ противъ сыновей Юрія.

Продолженіе борьбы старыхъ земскихъ бояръ здѣшняго края съ княжескими нововведеніями и значеніе Москвы какъ удѣльнаго княжества породили второй рядъ преданій о Москвѣ, свазанныхъ съ именемъ сыновей Невскаго, и особенно съ именемъ Даніила Александровича, перваго великаго князя Московскаго, гдѣ также не обошлось

безъ боярина Степана Ивановича Кучки, который, подобно Владиміру Красному Солнышку, служилъ общимъ миѳомъ для всѣхъ преданій относящихся къ Москвѣ, какъ представитель старыхъ порядковъ, поддерживаемыхъ земскими боярами здѣшняго края, противъ княжескихъ нововведеній. Но уже здѣсь главными дѣйствующими лицами являются сыновья Кучки, находящіеся въ службѣ у князя и представляющіе собою миѳъ потомковъ старыхъ земскихъ бояръ, а миѳъ княжеской власти перенесенъ съ Юрія Долгорукаго на его праправнука, Даніила Александровича Московскаго. Вотъ содержаніе этого новаго рода преданій. Были по Москвѣ-рѣкѣ села красныя хорошаго боярина Кучки, Степана Ивановича; у боярина-же того были два сына вельми красны. И свѣда про нихъ князь Данило Александровичъ Невскаго, и нача просити у Кучки боярина двухъ сыновъ его къ себѣ во дворъ съ великимъ преніемъ, и глагола ему аще: не даси сыновъ своихъ мнѣ во дворъ, и азъ на тя войною приду и тебя мечемъ побью, а села твои красныя огнемъ пожгу. И Кучка бояринъ, страха ради, отдалъ обоихъ своихъ сыновей князю Даніилу Суздальскому. И князю Даніилу полюбились оба Кучкова сына, и онъ одного сдѣлалъ стольникомъ, а другого чашникомъ. Полюбились тѣ два юноши княгинѣ Даніиловой Улитѣ Юрьевнѣ; привязалась она къ нимъ преступною похотью; и умыслили они съ княгинею — какъ бы князя предать смерти. Избравши удобный случай во время охоты за зайцами, напали на него въ лѣсу и убили, а окровавленную его одежду, какъ свидѣтельство совершившагося убійства, привезли въ Суздаль къ княгинѣ Улитѣ Юрьевнѣ, и стали жить съ нею въ прежней преступной связи. Между тѣмъ, послѣ убитаго Даніила остался малолѣтній сынъ Иванъ Даниловичъ на рукахъ лютаго и яраго дружинника Давыда. Этотъ Давыдъ, какъ вѣрный слуга покойнаго князя, черезъ два мѣсяца послѣ его убійства тайно ночью бѣжалъ съ малолѣтнимъ княжичемъ къ родному дядѣ его, Андрею Александровичу, князю Владимирскому, и принесъ туда вѣсть объ измѣнническомъ убіеніи Даніила Александровича. Князь Андрей Александровичъ Владимирскій, собравъ 5,000 войска, пошелъ на Суздаль. Услыхавши о походѣ его, Кучковичи бѣжали къ своему отцу Степану Ивановичу Кучкѣ, а Суздальцы сдали свой городъ Андрею и объявили, что они не только не были совѣтниками на смерть брата его Даніила, но и даютъ ему свой полкъ въ три тысячи мстить за смерть покойнаго. Андрей Александровичъ сперва приказалъ казнить княгиню Улиту, а потомъ вмѣстѣ съ Суздальцами и съ своимъ полкомъ пошелъ на боярина Степана Ивановича Кучку. У Кучки вокругъ его красныхъ селъ не было ограды ни каменной, ни деревянной, и князь Андрей съ своею силою вскорѣ взялъ приступомъ всѣ села и слободы, а самого Кучку съ сыновьями приказалъ казнить. А на утро, осмотрѣвъ мѣстность Кучковыхъ селъ и слободъ, повелѣлъ ставить тамъ городъ и назвалъ его Москвою; воздвигъ тамъ деревянную церковь Благовѣщенія Пресвятой Богородицы. Построивши городъ Москву, князь Андрей Александровичъ остался жить тамъ, а во Владимиръ и Суздаль послалъ своего сына Юрія, племянника же Ивана Даниловича оставилъ при себѣ. Поживши нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ и устроивъ тамъ много церквей, князь

Андрей Александровичъ скончался и приказалъ Москву своему племяннику, Ивану Даниловичу.

Изъ настоящаго разсказа мы усматриваемъ: во 1-хъ, что по народному преданію первое требованіе Суздальскихъ князей отъ тамошнихъ земскихъ бояръ-землевладѣльцевъ состояли въ томъ, чтобы бояре отдавали въ княжую службу своихъ сыновей. Это требованіе совершенно одинаково съ требованіемъ Кіевскихъ князей отъ волынскихъ и галицкихъ земскихъ бояръ, какъ видно изъ народной былины о томъ, что великій князь Владиміръ Святославичъ требовалъ отъ волынскаго боярина Стараго Плена, чтобы онъ отпустилъ на службу своего сына Чурила Пленковича. Такимъ образомъ, Суздальскіе князья въ здѣшнемъ краю повторяли то, что прежде дѣлали Кіевскіе князья на Волыни и въ Галичѣ, такъ что самое преданіе здѣсь является какъ бы повтореніемъ приднѣпровской былины.

Во 2-хъ, преданіе свидѣтельствуетъ, что земскіе бояре или ихъ дѣти, поступивши на службу въ княжескій дворъ, затѣваютъ тамъ крамолу, которая кончается тѣмъ, что и дѣти и сами бояре, ихъ отцы, лишаются не только имущества, но и самой жизни, а владѣнія ихъ переходятъ къ князю, который строитъ тамъ городъ, причемъ граждане сосѣднихъ городовъ становятся на сторонѣ князя и помогаютъ ему, какъ въ преслѣдованіи крамольныхъ бояръ, такъ и въ построеніи города. Такимъ образомъ, настоящій рядъ преданій о Москвѣ захватываетъ тотъ періодъ развитія княжеской власти, когда отстаиваніе старыхъ порядковъ земскаго боярства въ глазахъ народа перестаетъ быть законнымъ, а потому преданіемъ облекается въ форму безнравственной крамолы, къ которой никакъ не можетъ присоединиться чистота народной нравственности. Въ приднѣпровскихъ народныхъ былинахъ мы этой черты не встрѣчаемъ; значитъ тамъ борьба земскаго боярства не заходила такъ далеко,—тамъ не было сильныхъ новгородскихъ колонистовъ, продолжавшихъ бороться даже тогда, когда борьба теряла свою законность.

Въ 3-хъ, изъ настоящаго ряда преданій оказывается, что мѣсто прежней власти земскихъ бояръ въ здѣшнемъ краю заступаетъ прямо княжеская власть. Она является непосредственно какъ бы наслѣдницею боярской власти; князь среди боярскихъ селъ строитъ городъ и самъ садится въ немъ жить, заводитъ новые порядки, въ чемъ народъ сочувствуетъ князю и помогаетъ ему. Значитъ старые здѣшніе порядки, которыми такъ дорожили земскіе бояре, были не въ пользу народа, который видѣлъ для себя больше льготы и удобствъ отъ порядковъ, вводимыхъ княземъ. Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ ни въ былинахъ, ни въ лѣтописяхъ приднѣпровскихъ и заднѣпровскихъ: тамъ князья дорожатъ старыми земскими городами, воюютъ и рѣжутся изъ за нихъ, о новыхъ же городахъ своей постройки почти не заботятся, отдаютъ ихъ другимъ, мѣняются ими и ввѣряютъ своимъ посадникамъ, ключникамъ и тіунамъ, смотрятъ на нихъ, какъ на чистую частную собственность и не придаютъ имъ никакого государственнаго значенія. Такимъ образомъ, настоящая черта преданій о началѣ Москвы указываетъ на начало новаго строя общественной жизни всей Русской земли, представительницею котораго въ глазахъ русскаго народа была Москва, занявшая мѣсто красныхъ боярскихъ

селъ и слободъ и тѣмъ уже самымъ представляющая собою отрицаніе старыхъ порядковъ и олицетвореніе порядковъ новыхъ. Здѣсь народное воображеніе въ миѳѣ о началѣ Москвы хотѣло олицетворить зачало новаго строя жизни общественной на Руси, полное развитіе котораго дѣйствительно впослѣдствіи времени завершилось въ Москвѣ, какъ мы и увидимъ въ свое время при изслѣдованіи исторіи Московскаго государства, охватившаго всю Русскую землю.

Въ 4-хъ, наконецъ въ одномъ варіантѣ преданія о началѣ Москвы въ заключеніе сказано, что Иванъ Даниловичъ Московскій, по смерти своего двоюроднаго брата, Юрія Андреевича, взялъ къ себѣ на воспитаніе его малолѣтняго сына Димитрія и, такимъ образомъ, сдѣлался государемъ Московскимъ, Владимирскимъ и Суздальскимъ, а затѣмъ къ нему вскорѣ пріѣхалъ Петръ митрополитъ изъ Кіева и поселился въ Москвѣ. Здѣсь преданіе заканчиваетъ свой миѳъ о началѣ Москвы той степенью развитія Московскаго государства, когда Москва и ея князь сосредоточили въ себѣ главныя силы всей сѣверо-восточной Руси, когда уже довольно ясно обозначилось, что Москвѣ принадлежитъ значеніе столицы и сердца всей Русской земли до крайнихъ ея предѣловъ и что Московскій князь долженъ быть государемъ всея Руси. Это заключеніе лучше всего характеризуетъ миѳическій смыслъ преданія о началѣ Москвы, гдѣ на перекоръ всѣмъ хронологическимъ даннымъ почти двухъсотъ-лѣтняя исторія Москвы втискана въ рамку почти одной жизни князя Андрея Александровича, гдѣ историческія имена князей такъ дико перемѣшаны, что въ нихъ едва замѣчается историческій характеръ, имъ принадлежащій, гдѣ столько вымышленныхъ чисто миѳическихъ подробностей и нѣтъ ни одной подробности исторической и гдѣ тѣмъ не менѣе смыслъ цѣлаго сказанія вполнѣ вѣренъ исторіи и необходимъ для выясненія отрывочныхъ лѣтописныхъ извѣстій.

Такимъ образомъ, всѣ дошедшія до насъ преданія о началѣ Москвы разсказываютъ не собственную исторію Москвы при ея началѣ, а напротивъ олицетворяютъ тѣ представленія о новомъ строѣ общественной жизни, которыя въ народномъ воззрѣніи тѣсно были связаны съ представленіемъ о Москвѣ, въ исторіи которой дѣйствительно новый строй жизни общественной выразился во всей своей полнотѣ. Народное воображеніе не ошиблось, олицетворивъ новый строй общественной жизни на Руси въ миѳѣ о началѣ Москвы; миѳъ этотъ дѣйствительно даетъ жизнь и смыслъ отрывочнымъ и безжизненнымъ лѣтописнымъ извѣстіямъ о первыхъ полутораста годахъ исторіи Москвы. Принявъ въ соображеніе этотъ миѳъ, историкъ не только освѣтитъ для себя почти забытые въ лѣтописяхъ первые годы Москвы, но и для послѣдующей ея исторіи, уже болѣе извѣстной по лѣтописямъ, откроетъ многое и важное, что осталось бы незамѣченнымъ безъ этого миѳа. Чтобы сильнѣе впечатлѣть значеніе преданія о Москвѣ, какъ о миѳѣ, олицетворяющемъ новый строй общественной жизни на Руси, мы соберемъ въ одно цѣлое всѣ черты этого преданія и потомъ перейдемъ къ самой исторіи Москвы, какъ представительницы этого новаго строя.

Мы уже видѣли, что преданія о началѣ Москвы рѣзко раздѣляются на два разряда, изъ коихъ въ первомъ, старѣйшемъ, основаніе Москвы приписывается Юрію Владимировичу Долгорукому, а во второмъ, позднѣйшемъ — князю Андрею Александровичу Владимирскому. Въ пер-

вомъ разрядѣ преданій представляется борьба княжеской власти съ самовольнымъ и гордымъ земскимъ боярствомъ въ Суздальскомъ краю, этой старинной и богатой новгородской колоніи, которая хотя и признавала власть русскихъ князей еще со временъ Рюрика, но гдѣ князья не жили постоянно и довольствовались только сборомъ дани, которая должно быть доставлялась исправно богатыми новгородскими колонистами. Князь Юрій Долгорукій, поселившись въ Суздальской землѣ съ своею приднѣпровскою дружиною, принялся строить тамъ города и заводить новые порядки и, конечно, въ ущербъ самовластію земскихъ бояръ, за отсутствіемъ князей въ прежнее время хозяйничавшихъ въ здѣшнемъ краѣ безконтрольно. Очевидно, что порядки, вводимые Юріемъ, были въ пользу меньшихъ людей противъ большихъ или бояръ, ибо иначе успѣхъ Юрія былъ бы немыслимъ и меньшіе люди выступили бы на защиту большихъ людей, а князь принужденъ бы былъ отказаться отъ своихъ нововведеній. Но, наоборотъ, когда меньшіе люди стали на сторонѣ князя, находя въ его порядкахъ защиту отъ притѣсненій, то большимъ людямъ, или земскимъ боярамъ, осталось одно —засѣсть въ своихъ деревняхъ, гдѣ они были сильнѣе, и вступить въ явную борьбу съ княземъ. Но борьба, какъ послѣднее средство для бояръ, оставленныхъ меньшими людьми, какъ и должно было ожидать, кончалась не въ ихъ пользу: упорнѣйшіе изъ нихъ были казнены, а въ ихъ поземельныхъ владѣніяхъ, какъ гнѣздахъ сопротивленія, князь началъ строить города и населять ихъ людьми независимыми отъ земскихъ бояръ, какъ туземцами, такъ и пришельцами, — сыновей же казненныхъ бояръ зачислялъ въ княжую службу при своемъ дворѣ. Вотъ смыслъ перваго разряда преданій о Москвѣ. Должно еще прибавить, что, по свидѣтельству преданія, князь Юрій Долгорукій не хотѣлъ совершеннаго истребленія боярскихъ родовъ, а требовалъ только, чтобы они повиновались его власти, ибо онъ дочь убитаго боярина Кучки отдалъ въ замужество за своего сына Андрея Боголюбскаго и тѣмъ показалъ, что онъ не прочь сблизиться съ земскими боярами и даже породниться съ ними.

Второй рядъ преданій хотя также говоритъ о началѣ Москвы, но въ сущности здѣсь рѣчь идетъ о новомъ періодѣ борьбы земскихъ бояръ съ княжескою властію, когда бояре уже вступили въ княжую службу и потеряли ту самостоятельность, которою пользовались въ долгій періодъ отсутствія князей въ Суздальскомъ краю, когда они принуждены были не номинально только, но и на дѣлѣ признать власть князя, когда борьба даже и видимо перестала быть законною и обратилась въ преступную крамолу, которая рано или поздно должна была кончиться окончательнымъ паденіемъ земскихъ бояръ и обращеніемъ ихъ въ служилыхъ людей. Здѣсь преданіе указываетъ, что торжество княжеской власти послѣдовало при великомъ князѣ Иванѣ Даниловичѣ, который сдѣлался великимъ княземъ Московскимъ, Владимирскимъ и Суздальскимъ. Дѣйствительно время Ивана Даниловича было временемъ торжества княжеской власти надъ земскимъ боярствомъ; но борьба боярства продолжалась и послѣ, какъ мы увидимъ въ исторіи Москвы. Впрочемъ, преданіе продолженіе этой борьбы уже не обхватываетъ, ибо борьба, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, приняла такія тонкія и неуловимыя формы, что преданіе уже не совладѣло съ олицетвореніемъ ихъ.

ИСТОРІЯ МОСКВЫ.

Суздальско-Ростовскій край, гдѣ построилась съ XII столѣтія Москва, занималъ собою уголъ, образуемый впаденіемъ Оки въ Волгу. Этотъ край, лежащій на водныхъ путяхъ сообщенія съ востокомъ—съ Болгаріею и Козаріею, а чрезъ нихъ—съ Азіею, еще въ доисторической древности былъ уже знакомъ предпріимчивымъ Новгородцамъ; исторія застаетъ въ этомъ краю богатыя новгородскія колоніи—Ростовъ и Суздаль, чрезъ которыя шла новгородская торговля съ Азіею. Ростовско-Суздальскія колоніи были устроены частными людьми, боярами новгородскими, и составляли ихъ волости, или по нынѣшнему—вотчины, которыми они владѣли самовластно отъ имени Новгорода, признавая надъ собою верховную власть новгородскаго вѣча, которое посылало отъ себя главныхъ начальниковъ края — посадниковъ въ главные города здѣшнихъ колоній—въ Ростовъ и Суздаль, куда доставлялась и дань, слѣдующая въ Новгородъ. Колоніи сіи, не составлявшія собственно новгородской земли, а считавшіяся волостями новгородскими, въ древнее время были въ такомъ же отношеніи къ Новгороду и въ такомъ же положеніи, какъ впослѣдствіи Заволочье и Двинская земля: въ нихъ собственно хозяевами и новыми распорядителями были тамошніе земскіе бояре, богатые колонисты новгородскіе. Все тамошнее населеніе, какъ туземное, такъ и пришлое изъ Новгорода, зависѣло отъ земскихъ бояръ. Земскіе бояре не только были неограниченными владыками въ своихъ владѣніяхъ, т. е. селахъ и слободахъ, но и въ городахъ имѣли большую власть, такъ что управленіе всѣмъ краемъ было въ ихъ рукахъ. И хотя по исконному новгородскому порядку по городамъ были свои вѣча, на которыхъ участвовали всѣ граждане, но, также по новгородскому порядку, вѣча сіи состояли подъ руководствомъ бояръ, или большихъ людей.

Когда Новгородцы въ 862 г. пригласили къ себѣ Варяго-Русскихъ князей: Рюрика, Синеуса и Трувора, то между прочими владѣніями уступили имъ и Ростовско-Суздальскій край въ непосредственное владѣніе. Князья стали строить тамъ города и посылать туда своихъ мужей, какъ прямо сказано въ лѣтописи: *„и раздая Рюрикъ мужамъ своимъ грады: овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро, и повелѣ грады рубити“*, т. е. вновь строить города. Но передача Ростовско-Суздальскаго края князьямъ не много измѣнила положеніе этого края и строй тамошней общественной жизни: земскіе бояре этого края были настолько могущественны, что князья съ перваго раза не нашли для себя возможнымъ приступить къ радикальнымъ перемѣнамъ и ограничились только построеніемъ нѣсколькихъ городовъ, оставляя край въ томъ же положеніи въ отношеніи къ своей власти, въ какомъ онъ былъ въ прежнее время въ отношеніи къ Новгороду. Даже преемникъ Рюрика, Олегъ, недовольный своимъ положеніемъ въ Новгородѣ, не рѣшился удалиться въ Ростовско-Суздальскій край, вѣроятно не находя возможнымъ вступить въ борьбу съ тамошними земскими боярами, родными братьями Новгородцевъ, пошелъ на югъ, и спустившись внизъ по Днѣпру, утвердился въ Кіевѣ, а оттуда началъ подчинять себѣ различныя славянскія племена по обоимъ берегамъ Днѣпра и его притокамъ. Удаленіе Олега на югъ еще болѣе обезпечило свободу

и самовластіе новгородскихъ бояръ колонистовъ въ Ростовско-Суздальскомъ краю. Олегъ и его преемники, занятые многими дѣлами на югѣ въ Приднѣпровьѣ, не имѣли ни средствъ, ни времени, къ переустройству Ростовско-Суздальскаго края; они довольствовались только почти номинальною покорностію тамошнихъ хозяевъ, земскихъ бояръ, и исправнымъ доставленіемъ условленной дани. Такъ было до Юрія Владимировича Долгорукаго. Во все это время, продолжавшееся слишкомъ двѣсти шестьдесятъ лѣтъ, земскіе бояре были полными хозяевами Ростовско-Суздальскаго края; тамошніе жители, какъ туземцы, такъ и пришельцы, находились въ полной отъ нихъ зависимости; во все это время ни одинъ русскій князь не жилъ здѣсь, даже ни откуда не видно, чтобы по смерти Рюрика здѣсь сидѣли княжіе намѣстники или посадники, а напротивъ мы имѣемъ прямыя извѣстія, что сюда только временно присылались княжіе даньщики съ небольшими отрядами дружины, которые обыкновенно, собравъ дань и учинивъ судъ и управу людьми, удалялись къ своимъ князьямъ.

Хотя по смерти Ярослава Великаго Ростовско-Суздальскій край былъ причисленъ къ приднѣпровскому Переяславскому удѣлу и достался третьему Ярославову сыну, Всеволоду, но отъ этого причисленія къ удѣлу здѣшнія дѣла нисколько не измѣнились; здѣшній край былъ слишкомъ удаленъ отъ Русскаго Переяславля и отдѣлялся владѣніями Черниговскими, Рязанскими и Муромскими, принадлежащими къ удѣлу второго Ярославова сына, Святослава; да и земля Вятичей, лежавшая на дорогѣ, была еще не совсѣмъ покорена. Всеволоду и его знаменитому сыну, Владиміру Мономаху, было столько дѣла въ Приднѣпровьѣ, гдѣ они хлопотали о томъ, чтобы окончательно утвердить за собою и своимъ потомствомъ Кіевъ, что вовсе не оставалось ни времени, ни средствъ обратить надлежащее вниманіе на Ростовско-Суздальскій край. Правда есть не совсѣмъ вѣроятное предположеніе, что Мономахъ построилъ тамъ городъ Владиміръ на Клязьмѣ, и, какъ кажется, изъ Смоленска заѣзжалъ сюда, а также мы имѣемъ прямыя извѣстія, что Мономаховъ сынъ, Мстиславъ, во время войны съ Олегомъ Святославичемъ приходилъ изъ Новгорода въ Суздальскую землю и разбилъ Олега подъ Суздалемъ на Кулачцѣ, при чемъ ростовско-суздальскіе бояре усердно помогали ему; но, по прогнаніи Олега изъ Суздальской земли, Мстиславъ немедленно удалился въ свой Новгородъ; онъ приходилъ сюда собственно только выгнать Олега, захватившаго было Суздаль и Ростовъ, а отнюдь не для управленія краемъ, который уже вовсе не принадлежалъ къ Новгороду, княземъ котораго въ то время былъ онъ. Посему, несмотря на причисленіе здѣшняго края къ Переяславскому удѣлу, край этотъ продолжалъ оставаться при прежнемъ устройствѣ и находился совершенно въ рукахъ здѣшнихъ земскихъ бояръ, богатыхъ и сильныхъ землевладѣльцевъ, которые, кажется, даже не ѣздили къ своимъ далеко живущимъ князьямъ и знали объ нихъ только потому, что платили дань присылаемымъ отъ нихъ даньщикамъ. Здѣсь даже въ городахъ не было княжескихъ дружинъ и намѣстниковъ, а все зависѣло отъ здѣшнихъ же земскихъ бояръ, которые и управляли краемъ и защищали его отъ непріятелей. Лучшимъ свидѣтельствомъ сказаннаго служитъ упомянутый выше походъ Олега Святославича, который, по разбитіи Изяслава Владиміро-

вича въ Муромѣ вступивши въ Ростовско-Суздальскую землю, не встрѣтилъ тамъ никакихъ княжескихъ полковъ и безъ сопротивленія занялъ Суздаль и Ростовъ, ибо ростовскіе и суздальскіе бояре не считали нужнымъ сопротивляться Олегу, полагая, что для нихъ все равно признавать-ли власть Олега Святославича или Владимира Всеволодовича.

Но походъ Олега Святославича въ Ростовско-Суздальскую землю открылъ глаза Владимиру Мономаху; онъ увидалъ, что этого края нельзя оставлять на прежнемъ положеніи, что его должно перестроить и поставить въ иныя, болѣе надежныя, отношенія къ княжеской власти, что здѣшніе земскіе бояре хотя и исправные плательщики дани и подданные повидимому мирные и покорные, но не надежные, и вовсе не охотники защищать права своего прирожденнаго князя, а напротивъ готовы признать власть любого сосѣда, лишь бы онъ не слишкомъ тревожилъ ихъ. Владимиръ Мономахъ, какъ только поуправился съ дѣлами въ Приднѣпровьѣ, не замедлилъ отправить въ Ростовско-Суздальскую землю своего младшаго сына Юрія Владимировича Долгорукаго, назначивъ ему въ удѣлъ Ростовъ и Суздаль, и далъ ему достаточную дружину и надежныхъ совѣтниковъ. Юрій Долгорукій, прибывши въ здѣшній край, вѣроятно по указанію родителя или старшаго своего брата Мстислава Владимировича, началъ съ того, что сталъ строить новые города и населять ихъ охотниками, какъ изъ туземцевъ, такъ и изъ приглашаемыхъ со всѣхъ сторонъ переселенцевъ, и прежде всего недалеко отъ Суздаля на рѣкѣ Клязьмѣ построилъ городъ Владимиръ, вѣроятно во имя своего отца Владимира Мономаха, и чтобы менѣе сталкиваться съ неуступчивыми боярами здѣшнихъ старыхъ городовъ Ростова и Суздаля, поселился въ ново-построенномъ городѣ, сдѣлавъ его столицею своего княжества. Затѣмъ онъ построилъ Юрьевъ Польскій въ свое имя, Ярославль на Волгѣ, Кострому, Переяславль Залѣскій, Дмитровъ и многіе другіе города, пользуясь для этого всякимъ случаемъ и предлогомъ: такъ напримѣръ Дмитровъ на берегахъ Яхромы онъ построилъ потому, что во время путешествія по здѣшнему краю у него здѣсь родился сынъ Димитрій Всеволодъ. По всѣмъ симъ городамъ онъ сажалъ своихъ слугъ правителями и судіями въ званіи намѣстниковъ, посадниковъ и тіуновъ, а самъ каждогодно по осени разъѣзжалъ съ своимъ семействомъ и приближенною дружиною чинить судъ и управу по волостямъ, строго соблюдая старый княжескій обычай полюдья.

Гордые земскіе бояре старыхъ городовъ Ростова и Суздаля сперва, вѣроятно, не обращали вниманія на построеніе княземъ новыхъ городовъ въ краю, въ которомъ населеніе было рѣдко и немноголюдно; они даже были довольны, что князь оставляетъ ихъ спокойно управлять старыми городами и не стѣсняетъ ихъ своимъ присутствіемъ въ сихъ городахъ. По старой укорененной вѣками привычкѣ, они и не думали выслуживаться передъ княземъ и искать службы при его дворѣ, предоставляя это людямъ незнатнымъ и не сильнымъ. Но вскорѣ новые княжіе города показали себя старымъ земскимъ боярамъ; намѣстники и слуги княжескіе, управлявшіе городами и селами княжескими, повели дѣло посвоему; они стали высоко и грозно держать княжое имя и при всякомъ столкновеніи съ земскими боярами стѣс-

нять ихъ самовластіе, такъ что при Юріѣ же Долгорукомъ у земскихъ бояръ здѣшняго края сложилась пословица: „не имѣй себѣ двора близъ княжаго двора, не держи села близъ княжа села; тіунъ бо его яко огнь трепетицею накладенъ, а рядовичи его яко искры; аще отъ огня устрежешися, но отъ искры не можешь устеречься, чтобы не зажечь платья“, какъ объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ современникъ Долгорукаго, бывшій у него въ службѣ бояринъ Даніилъ, сосланный имъ въ заточеніе на Лаче озеро. И дѣйствительно не совсѣмъ-то было удобно здѣшнимъ земскимъ боярамъ, привыкшимъ къ своеволію, жить поблизости отъ князя, или его слугъ, управлявшихъ княжими городами и селами, ибо съ одной стороны въ такомъ случаѣ имъ мудрено было дѣлать обычные наѣзды на слабыхъ сосѣдей, которые находили всегда защиту у князя и у княжихъ слугъ, да и княжескіе слуги сами не упускали случая захватить тамъ и сямъ изъ боярскихъ необмежеванныхъ поземельныхъ владѣній; а съ другой стороны земскіе бояре, живущіе въ сосѣдствѣ съ княжими слугами, даже въ своихъ имѣніяхъ не могли пользоваться такою свободою, какою пользовались въ былое время и вдали отъ княжихъ слугъ, ибо обиженные бояриномъ вольные люди, живущіе на его земляхъ, легко могли найти защиту у княжескихъ слугъ, управлявшихъ сосѣдними княжескими землями, а княжіе слуги, призираемые богатыми и гордыми земскими боярами, всегда были рады вмѣшаться въ ихъ дѣла именемъ князя. Все это ставило земскихъ бояръ въ такое положеніе, что они старались не встрѣчаться съ княземъ и жить въ имѣніяхъ болѣе удаленныхъ отъ княжескихъ земель, гдѣ нибудь въ лѣсной глуши.

Но Юрій Долгорукій, рѣшившись во что бы то ни стало перестроить здѣшній край и сдѣлаться здѣшнимъ княземъ не по имени только, но и на самомъ дѣлѣ, кажется, самъ искалъ встрѣчь съ здѣшними земскими боярами, и, разъѣзжая каждогодно въ полюдье, нарочно отыскивалъ тѣ глухія мѣста, гдѣ безконтрольно хозяйничали земскіе бояре. Въ одну изъ таковыхъ поѣздокъ Юрій Владимировичъ, по свидѣтельству преданія, какъ мы уже видѣли, наткнулся на строптивую встрѣчу боярина Степана Ивановича Кучки, владѣвшаго огромными имѣніями по берегамъ Москвы рѣки; разгнѣванный такою встрѣчею князь приказалъ казнить боярина Кучку, а въ его владѣніяхъ построить городъ Москву, дѣтей же Кучки отдалъ своему старшему сыну Андрею во дворъ, или по прежнему—въ число дружинниковъ. Князю Юрію Владимировичу тѣмъ удобнѣе было справляться съ земскими боярами Ростовско-Суздальскаго края, что онъ при жизни отца и старшаго брата Мстислава, почти въ продолженіи тридцати лѣтъ, не былъ обезпокоиваемъ никакими дѣлами на сторонѣ и не принималъ никакого участія въ далекихъ приднѣпровскихъ междоусобіяхъ. Владиміръ Мономахъ и Мстиславъ Великій все это время не тревожили Юрія, какъ бы возложивъ на него одну важную обязанность—устроить Ростовско-Суздальскій край, уничтожить въ немъ старые новгородскіе порядки боярскаго самовластія, несогласные съ княжескою властію. Въ лѣтописяхъ мы не встрѣчаемъ ни одного извѣстія, чтобы Юрій былъ вызываемъ отцомъ, или братомъ въ Кіевъ, чтобы ему давались какія-либо порученія въ Приднѣпровьѣ, такъ что лѣтописцы за все это время какъ бы забыли о первомъ Ростовско-Суздальскомъ

князѣ и только одинъ разъ упомянули объ немъ подъ 1107 годомъ, по случаю женитьбы его на дочери Половецкаго хана Аэпы. Можетъ быть Юрій въ продолженіе этого времени бывалъ нѣсколько разъ въ Кіевѣ у отца, или брата, но только за совѣтомъ или за помощію въ своемъ суздальскомъ дѣлѣ. И не даромъ такъ долго не отвлекали Юрія ни отецъ, ни братъ отъ занятій въ Ростовско-Суздальскомъ краю; Юрій, при своей неусыпной дѣятельности и при свободѣ отъ постороннихъ занятій, достигъ того, что, ко времени кончины Мстислава Великаго, новые порядки, вводимые имъ въ Суздальскомъ краю, принесли уже обильные плоды: тамошніе земскіе бояре или пали, подобно московскому Кучкѣ, или согласились принять княжую службу, а меньшіе люди, находя для себя постоянную защиту въ новыхъ порядкахъ отъ притѣсненій со стороны большихъ людей, сдѣлались самыми преданными княжескими слугами, готовыми на всякія пожертвованія, только бы поддержать князя, такъ что, при начавшихся по смерти Мстислава междоусобіяхъ въ Приднѣпровьѣ, Юрій явился уже туда съ голосомъ сильнаго князя и кромѣ того успѣлъ уже составить себѣ сильную партію въ Новгородѣ, извѣстную подъ именемъ Суздальщинцовъ, стоявшихъ постоянно во всѣхъ новгородскихъ спорахъ на сторонѣ Юрія, который такимъ образомъ въ продолженіи всей своей жизни былъ уже грознымъ сосѣдомъ Новгорода. По всему вѣроятію, князь Юрій Владимировичъ въ продолженіе своей жизни окончательно бы устроилъ свои дѣла въ Суздальскомъ краѣ и вывелъ бы изъ него старые порядки земскихъ бояръ, но, вступивши въ десятилѣтнюю войну съ своимъ племянникомъ Изяславомъ Мстиславичемъ изъ-за Кіева, онъ волей-неволей сталъ какъ бы сквозь пальцы смотрѣть на то, что происходило въ здѣшнемъ краѣ, и скончался въ Кіевѣ въ 1157 году, не докончивши своего ростовско-суздальскаго дѣла.

Пользуясь продолжительною кіевскою войною, поглощавшею все вниманіе Юрія, ростовско-суздальскіе земскіе бояре опять подняли голову и съ большимъ успѣхомъ стали защищать свои старые порядки и предъявлять прежнія права на управленіе здѣшнимъ краемъ. Они еще при жизни Юрія вызвали къ себѣ изъ Приднѣпровья его старшаго сына, Андрея, и, въ противность распоряженія Юрія отдать Ростовско-Суздальскій край въ удѣлъ младшимъ сыновьямъ, объявили Андрея своимъ княземъ по выбору, а не по распоряженію отца. Что вызовъ Андрея изъ Приднѣпровья и объявленіе его княземъ Ростовско-Суздальскимъ по выбору было дѣломъ здѣшнихъ бояръ, на это мы имѣемъ прямое свидѣтельство лѣтописи, въ которой сказано: *„въ лѣто 1155 пришелъ изъ Кіева въ градъ Владиміръ князь Великій, Андрей Юрьевичъ, безъ отча повелѣнія, его же лѣстію подъяша Кучковичи“*. Лѣтопись прямо указываетъ на Кучковичей, прежнихъ владѣльцевъ московской мѣстности; значитъ та же партія здѣшнихъ бояръ, которые подъ предводительствомъ Степана Ивановича Кучки открыто противилась Юрію въ его молодости, теперь передъ концомъ его жизни снова подняла свою голову подъ руководствомъ дѣтей Кучки, бывшихъ на службѣ у Андрея и пользовавшихся его полнымъ довѣріемъ. Чтобы удобнѣе достигнуть своей цѣли — поддержанія стараго, выгоднаго для земскихъ бояръ, порядка, бояре избрали своимъ орудіемъ воспитаннаго

и родившагося въ Суздальской землѣ Юріева сына, знаменитаго Андрея. Андрей, сдѣлавшись княземъ Ростовско-Суздальскимъ, первыя десять лѣтъ своего княженія употребилъ на устройство своихъ владѣній и не принималъ никакого участія въ дѣлахъ другихъ княжествъ, что, конечно, нравилось здѣшнимъ земскимъ боярамъ, не любившимъ княжескихъ походовъ въ Приднѣпровье. Но внутренніе порядки, вводимые Андреемъ и бывшіе продолженіемъ Юріевыхъ порядковъ, конечно, не могли нравиться здѣшнимъ боярамъ; они думали видѣть въ немъ свое орудіе и защитника старыхъ порядковъ, а онъ оказался самымъ усерднымъ продолжателемъ нововведеній Юрія, и такимъ продолжателемъ, который рѣшился довести дѣло до конца, и такъ великолѣпно устроилъ свою столицу, молодой Владимиръ, что затмилъ окончательно славу старыхъ городовъ—Ростова и Суздаля, такъ что этотъ недавній, еще ничтожный пригородъ, населенный первоначально каменщиками и плотниками, сдѣлался господиномъ всего края; жизнь потянула къ Владимиру, а не къ Ростову и Суздалю. Андрей Юрьевичъ, наученный опытомъ отца, испортившаго свое дѣло въ Суздалѣ продолжительною войною за Кіевъ, рѣшился ни для чего не оставлять здѣшняго края и постоянно собственными глазами надзирать за утвержденіемъ и развитіемъ новыхъ порядковъ и за уничтоженіемъ старыхъ, боярскихъ. Видя, какъ жестоко обманулись въ Андреѣ, не находя никакихъ средствъ явно ему противиться и не исполнять его повелѣній, бояре рѣшились на послѣднее средство—убить Андрея измѣннически. И здѣсь, по свидѣтельству лѣтописей, зачинщиками и руководителями заговора опять являются старые вотчинники Москвы, Кучковичи, которые съ своими товарищами въ ночь на Петровъ день 1175 года убиваютъ Андрея при помощи его ключника, ворвавшись въ его спальню.

Такимъ образомъ, Москва, въ продолженіе княженій Юрія и Андрея, какъ княжескій городъ почти не имѣетъ никакого значенія и только служитъ земскимъ боярамъ живымъ свидѣтельствомъ потери ихъ прежняго могущества, и въ этомъ отношеніи, какъ разоренное гнѣздо стараго боярства, постоянно колетъ глаза земскимъ боярамъ, неумѣвшимъ отстоять свои прежнія права, принужденнымъ поступить въ княжую службу, и подстрекаетъ ихъ къ противоборству княжеской власти, а Кучковичи, прежніе вотчинники Москвы, постоянно являются во главѣ княжескихъ противниковъ, или, по крайней мѣрѣ, выставляются напереди, загораживая собою другихъ.

По убіеніи Андрея, въ Суздальской землѣ начался мятежъ, продолжавшійся недѣлю, причемъ по всей волости были избиты и ограблены посадники, тіуны и другіе княжескіе слуги. Наконецъ, большіе люди изъ Ростова, Суздаля и Переяславля съѣхались во Владимиръ на общую земскую думу и рѣшили пригласить въ князья племянниковъ Андреевыхъ—Мстислава и Ярополка Ростиславичей, мимо младшихъ сыновей Юрія – Михаила и Всеволода Юрьевичей. Въ началѣ Михаилъ Юрьевичъ успѣлъ было захватить Владимиръ, но Ростовцы и всѣ старшіе земскіе бояре двинулись полками къ Владимиру и осадили городъ, и, послѣ семинедѣльной осады, принудили Михаила удалиться въ Приднѣпровье, а во Владимирѣ посадили младшаго Ростиславича—Ярополка, а старшаго—Мстислава повезли въ старшій

городъ Ростовъ. Торжествуя свою побѣду, земскіе бояре отдали Владимиръ Ярополку и его дружинѣ на разграбленіе, имѣя въ виду руками же князей разорить княжескій городъ. Владимирцы, не стерпя княжескихъ грабежей, сперва обратились съ жалобою къ Ростовцамъ, но, не получивъ отъ нихъ защиты, пригласили изъ Чернигова Михаила и Всеволода Юрьевичей. Ростовцы и Суздальцы, услыхавъ о походѣ Юрьевичей, выступили подъ предводительствомъ своего князя Мстислава загородить имъ дорогу, но были разбиты Михаиломъ, не доходя пяти верстъ до Владимира; Ростиславичи бѣжали, а Ростовцы и Суздальцы и старшіе земскіе бояре, видя свою неудачу, волей-неволей признали Михаила своимъ княземъ.

Такимъ образомъ, надежда земскихъ бояръ—посредствомъ Андреева убійства воротить свои прежніе порядки, не оправдалась, но тѣмъ не менѣе они еще не думали отказываться отъ своихъ притязаній, такъ что Михаилъ Юрьевичъ, не смотря на свою побѣду, не могъ отговориться отъ заключенія особыхъ условій съ Ростовцами и Суздальцами и долженъ былъ утвердить сіи условія цѣлованіемъ креста. Смерть Михаила, послѣдовавшая на другой годъ, показалась боярамъ самымъ удобнымъ случаемъ возстановить свои прежнія права на счетъ княжеской власти и они опять вызвали въ Ростовъ Мстислава Ростиславича и повели его на Владимиръ, гдѣ уже утвердился по согласію гражданъ Михаиловъ братъ, Всеволодъ Юрьевичъ. Здѣсь они хотѣли однимъ разомъ покончить съ послѣднимъ Юрьевичемъ и собрались большимъ полкомъ, состоявшимъ изъ лучшихъ и богатѣйшихъ людей, и такъ надѣялись на успѣхъ, что когда Всеволодъ, вышедши къ нимъ на встрѣчу къ Суздалю, предлагалъ Мстиславу миръ, требуя только, чтобы онъ не тревожилъ его во Владимирѣ, то Ростовцы и бояре на отрѣзъ сказали Мстиславу: *„не мирисъ, а ежели ты дашъ миръ Всеволоду, то мы не дадимъ“*. Но битва, которой такъ желали бояре, кончилось не въ ихъ пользу: разбитый Мстиславъ бѣжалъ въ Новгородъ, главнѣйшіе же бояре — Добрыня Долгій и Иванко Степановичъ (не сынъ ли Степана Ивановича Кучки?) пали въ битвѣ, а прочіе попались въ плѣнъ къ Всеволоду; села же ихъ, кони и скотъ Всеволодъ взялъ частію на себя, а частію подѣлился съ своими дружинниками—Владимирцами и Переяславцами. Такимъ образомъ, одною битвою покончилась вся затѣя гордыхъ бояръ и они столько были ослаблены этою битвою, что въ продолженіи всего Всеволодова княженія уже не подымали своего голоса, жили мирно и въ послушаніи у князя. Впрочемъ, Всеволодъ Юрьевичъ, занятый дѣлами въ Рязани, Новгородѣ и Приднѣпровьѣ, самъ старался жить въ согласіи съ своими земскими боярами и, довольный ихъ усердною службою въ веденныхъ имъ многочисленныхъ войнахъ, уважалъ многія старыя боярскія права и, такимъ образомъ, мирилъ требованія княжеской власти съ притязаніями боярства. Въ его время бояре уже болѣе не прятались по своимъ вотчинамъ, какъ было при Юріѣ, а напротивъ—искали княжеской службы. Богатому земскому болрину стало мудрено сыскать боевыхъ слугъ, чтобы составить полкъ, ибо всѣ хотѣли лучше служить, хотя бы и въ нуждѣ и въ маломъ чинѣ, при княжемъ дворѣ, чѣмъ въ большемъ почетѣ и богатствѣ у бояръ, какъ объ этомъ прямо пишетъ одинъ современникъ къ самому Всеволоду: *„княже мой,*

господине, лучши мнѣ видѣть нога своя въ лычницы въ дому твоемъ, нежели въ черленѣ сапозѣ въ боярскомъ дворѣ, луче бы ми тобѣ въ дерюзѣ служити, нежели въ богряницѣ въ боярскомъ дворѣ". Такъ не говорили бояре ни въ Юрьево, ни въ Андреево время, когда за лучшее считали жить въ лѣсной глуши въ своихъ вотчинахъ, чѣмъ при княжескомъ дворѣ. Самыя отношенія и обращенія бояръ къ Всеволоду далеко уже не походили на обращенія бояръ къ Юрію Долгорукому. Даніилъ Заточникъ въ письмѣ къ Юрію прямо писалъ: не держи двора близъ княжа двора, не имѣй села близъ княжа села, а современникъ Всеволода писалъ къ князю: „Княже мой, господине, яви ми зракъ и образъ твой красенъ, млеку источаютъ устнѣ твои, посланія твоя, яко рай съ плодомъ, руцы твои исполнены отъ злата фарсиска, ланите твои, яко сосудъ ароматъ, гортань твой, яко кранъ капая миро милость твою, видъ твой, яко ливанъ избранъ, очи твои, яко кладязь воды живы, чрево твое бысть, яко стогъ пшениченъ, многи питая".

Тридцатишести-лѣтнее княженіе Всеволода Юрьевича, одного изъ могущественнѣйшихъ князей того времени, имѣвшаго большое вліяніе на дѣла всей тогдашней Русской земли, произвело величайшій переворотъ въ общественномъ строѣ Ростовско-Суздальскаго края. Всеволодъ Юрьевичъ, напоминавшій своимъ характеромъ дѣда своего Владимира Мономаха, ловко умѣлъ воспользоваться всѣмъ тѣмъ, что успѣли сдѣлать въ здѣшнемъ краю отецъ его Юрій и старшій братъ Андрей. Съ одной стороны, какъ мы уже видѣли, онъ съ перваго же раза, при первой встрѣчѣ показалъ земскимъ боярамъ, что еще строже отца и брата будетъ казнить тѣхъ, кто осмѣлится ему противиться; съ другой же стороны—Всеволодъ, будучи гораздо образованнѣе отца и брата и знакомый съ политикою византійскаго двора, гдѣ прожилъ нѣсколько лѣтъ, хорошо видѣлъ, что можно достигнуть развитія княжеской власти и не прибѣгая къ излишней строгости противъ строптивыхъ земскихъ бояръ, что умѣренными уступками ихъ можно не только примирить съ княжескою властію, но и привлечь къ себѣ и сдѣлать усерднѣйшими слугами. Принявши такой планъ дѣйствія относительно здѣшнихъ земскихъ бояръ, Всеволодъ дѣйствительно достигъ того, что здѣшніе земскіе бояре, довольные уступками могущественнѣйшаго князя, сдѣлались усерднѣйшими слугами Всеволода и его дома и сохранили сіе усердіе до позднѣйшаго потомства. Всеволодъ, оставивши за здѣшними земскими боярами значительную долю ихъ старыхъ правъ и допустивши нѣкоторыя старыя новгородскія формы общественнаго строя, окончательно уничтожилъ неудовольствіе бояръ и слилъ ихъ интересы съ княжескими интересами, такъ что послѣ Всеволода, при его потомкахъ, здѣшніе земскіе бояре нерѣдко были единственными защитниками княжеской власти. Въ этомъ отношеніи больше всѣхъ отличились бояре московскіе. Въ Москвѣ, въ этомъ старомъ гнѣздѣ боярщины, потомки Всеволода особенно какъ-то умѣли слить интересы бояръ съ своими интересами, какъ это мы увидимъ впослѣдствіи, тогда какъ въ другихъ княжествахъ здѣшняго края бояре не всегда были заодно съ князьями.

По смерти Всеволода, во время междоусобія его сыновей: Константина Ростовскаго и Юрія Владимирскаго, земскіе бояре, особенно ста-

рѣйшіе изъ нихъ — ростовскіе, опять было подняли вопросъ, но уже не о боярскихъ старыхъ правахъ, а о старшинствѣ Ростова, и втянули въ это дѣло Новгородцевъ и Смольнянъ съ ихъ князьями. Но Ростовскій князь Константинъ, побѣдивши своего противника Юрія Владимирскаго, самъ остался жить во Владимирѣ и тѣмъ порѣшилъ вопросъ не въ пользу Ростова. Потомъ, когда черезъ четыре года Константинъ умеръ, предоставивъ владимирскій престолъ своему прежнему противнику, брату Юрію, то ростовскія владѣнія, по договору сихъ двухъ князей, перешли къ дѣтямъ Константина и составили отдѣльное, самостоятельное княжество. Такимъ образомъ и послѣдніе старые счеты старыхъ ростовскихъ бояръ съ новыми владимирскими кончились полюбовнымъ раздѣломъ между князьями, одни же земскіе бояре безъ князей уже не могли вести своего дѣла, чѣмъ окончательно прекратилась борьба старыхъ новгородскихъ порядковъ въ здѣшнемъ краѣ съ новыми княжескими порядками. Въ это время Москва сдѣлалась удѣльнымъ княжествомъ и досталась сыну Юрія Всеволодовича, Владимиру, и такимъ образомъ, старое боярское гнѣздо стало гнѣздомъ княжескимъ и здѣшніе бояре одни изъ первыхъ сдѣлались слугами князя.

Подчиненіе Россіи монгольскому игу не измѣнило устроеннаго въ здѣшнемъ краѣ Всеволодомъ общественнаго порядка и бояре остались въ прежнемъ отношеніи къ князьямъ. Правду сказать, въ первые годы монгольскаго ига, здѣшніе бояре думали сыскать себѣ поддержку въ ханской власти; такъ есть извѣстіе, что бояринъ Ѳедоръ Яруновичъ оклеветалъ передъ ханомъ великаго князя Ярослава Всеволодовича и Ярославъ по этой клеветѣ погибъ въ Ордѣ. Но бояре скоро увидали, что въ борьбѣ съ князьями на помощь хана разсчитывать нельзя, ибо ханъ не думалъ разбирать отношеній князя къ боярамъ и на мѣсто одного князя назначалъ другого, не спрашиваясь — угоденъ ли онъ былъ боярамъ, такъ что и успѣшные происки противъ того или другого князя нисколько не помогали боярскому дѣлу, а напротивъ роняли его въ глазахъ народа, нетерпѣвшаго монгольскаго вмѣшательства и считавшаго бояръ, заискивавшихъ ханскаго покровительства, измѣнниками отечеству. Искательство бояръ у хана тѣмъ болѣе вредило боярскому дѣлу, что князья никогда не искали ханской помощи противъ бояръ и тѣмъ пріобрѣтали себѣ любовь народа, а посему бояре сами поспѣшили отказаться отъ искательствъ при ханскомъ дворѣ противъ своихъ князей. А между тѣмъ князья, не имѣя возможности княжить безъ ханскаго утвержденія, безъ ханскаго ярлыка, самимъ ханскимъ ярлыкомъ могли ограждаться отъ всякихъ притязаній на стѣсненіе ихъ власти дома. Теперь мудрено было предлагать князю со стороны бояръ какія - либо условія, когда у князя былъ уже въ рукахъ ханскій ярлыкъ. А посему ежели положеніе бояръ еще не измѣнялось, то, конечно, оттого, что сами князья не находили нужнымъ измѣнять общественный строй, введенный въ здѣшнемъ краѣ Всеволодомъ. Сами князья находили въ томъ собственную пользу, ибо земскіе бояре, видя безполезность борьбы съ князьями при помощи монгольскаго хана, были самыми усерднѣйшими слугами тѣхъ князей, которые старались не нарушать сложившагося порядка дѣлъ, не измѣняли своихъ отношеній къ боярамъ.

Строже другихъ князей по пути охраненія сложившагося при Всеволодѣ порядка дѣлъ, шли князья Московскіе. Москва, это старое гнѣздо упорной боярщины, выростила князей до того строгихъ въ консерватизмѣ, въ охраненіи сложившихся и признанныхъ правъ, какъ княжеской власти, такъ и большихъ и меньшихъ людей, что ни въ одномъ княжествѣ здѣшняго края не было такого согласія между князьями, боярами и народомъ, какъ въ Москвѣ, гдѣ за небольшими исключеніями не было недовольныхъ, гдѣ всѣ общественныя дѣла шли по заведенному порядку, гдѣ не было скачковъ, гдѣ личности перемѣнялись, а ходъ дѣлъ постоянно слѣдовалъ одному направленію, особенно въ отношеніи къ сосѣдямъ. Въ Москвѣ, напримѣръ, малолѣтній, четырехлѣтній или семилѣтній князь велъ дѣла точно такъ же, какъ и совершеннолѣтній и даже какъ престарѣлый его отецъ, и сосѣди не могли надѣяться, что по смерти одного князя, при малолѣтнемъ его преемникѣ, они одержатъ важный перевѣсъ надъ Москвою, измѣнятъ направленіе московскихъ дѣлъ; князья мѣнялись, одни умирали, а другіе заступали ихъ мѣсто; характеры князей были далеко не одинаковы, а Москва оставалась неизмѣнною. Можно было нечаяннымъ набѣгомъ захватить Москву, разорить, сжечь ее, взять Московскаго князя въ плѣнъ, ослѣпить его, но Москва и сожженная и разоренная и временно безъ князя оставалась тою-же Москвою, съ тѣмъ же постояннымъ направленіемъ, съ неотступнымъ слѣдованіемъ впередъ, и сожженная вскорѣ являлась грознѣе несожженной, и ослѣпленный князь оказывался проницательнѣе и болѣе зрячимъ, чѣмъ зрячіе. Въ Москвѣ такъ ловко сложился общественный строй, что по надобности одна сила замѣняла другую и дѣйствовала на общую пользу; напримѣръ, государь малолѣтній, или государь въ плѣну — за него и въ его пользу дѣйствуютъ бояре; нѣтъ государя, а бояре свихнулись — выступаютъ меньшіе люди, народъ съ своими общинами и дѣйствуютъ и въ пользу государя и въ пользу бояръ; или: народъ и бояре въ смятеніи, потеряли голову, поднимается государь, и все снова оживаетъ, Москва — опять Москва неизмѣнная, неотступная. Такою силою, такою живучестію Москва была обязана тому, что князья ея строго охраняли общественный порядокъ, устроенный Всеволодомъ. А московскіе князья явились таковыми потому, что они въ Москвѣ иными быть не могли: въ Москвѣ, княжескомъ городѣ, построенномъ въ гнѣздѣ гордой и упорной земской боярщины, князь или долженъ былъ истребить всѣхъ земскихъ бояръ, или признать за ними извѣстный опредѣленный кругъ въ дѣлахъ общественныхъ и строго охранять признанныя права. Но московскимъ князьямъ нельзя было и думать объ истребленіи или изгнаніи земскихъ бояръ изъ своего княжества, когда этого не смогли сдѣлать самые энергическіе и могущественные реформаторы здѣшняго края: Юрій Долгорукій и Андрей Боголюбскій; слѣдовательно, имъ оставалось одно—строго охранять порядокъ дѣлъ, сложившійся при Всеволодѣ Юрьевичѣ, т. е. соблюдать признанныя за боярами права и строго наблюдать, чтобы бояре не выходили изъ очерченнаго для нихъ исторіею круга дѣятельности.

Первымъ московскимъ княземъ при Монголахъ былъ сынъ Ярослава, Михаилъ, по прозванію Хоробритъ; онъ настолько уже былъ

силенъ, что въ 1248 году успѣлъ выгнать изъ Владимира своего дядю, Святослава Всеволодовича, и объявилъ себя великимъ княземъ Владимирскимъ, слѣдовательно, старшимъ надъ всѣми князьями здѣшняго края; но въ томъ же году, отправясь ратью на Литву, палъ въ битвѣ съ литовцами, и привезенный съ поля битвы похороненъ во Владимирѣ, въ церкви Пречистой Богородицы. Никакихъ другихъ извѣстій о Михаилѣ Московскомъ мы не имѣемъ и насколько вѣренъ настоящій разсказъ лѣтописи—мы не знаемъ, но для насъ важно то въ настоящемъ извѣстіи, что Московскій князь въ первые же годы монгольскаго владычества надъ Россіею былъ уже настолько силенъ, что могъ одолѣть великаго князя Владимирскаго. Но Михаилъ, очевидно, плохо еще вѣрилъ въ Москву, если могъ промѣнять ее на Владимиръ; слѣдовательно, онъ былъ еще не настоящій Московскій князь съ московскимъ характеромъ, онъ не понималъ еще значенія Москвы и не цѣнилъ ея заслугъ, хотя ей былъ обязанъ тѣмъ, что одолѣлъ великаго князя Владимирскаго, или можетъ быть ему было тяжело жить Москвѣ въ средѣ гордой земской боярщины, въ одно и то же время усердной къ службѣ князя и неуступчивой относительно своихъ признанныхъ правъ.

Первымъ истымъ Московскимъ княземъ, родоначальникомъ и физическимъ и нравственнымъ всѣхъ послѣдующихъ Московскихъ князей, былъ князь Даніилъ Александровичъ, младшій сынъ Александра Невскаго, пользовавшійся общимъ уваженіемъ, какъ князей, такъ бояръ и меньшихъ людей. Лѣтописи не говорятъ какимъ образомъ и въ которомъ году онъ сдѣлался княземъ Московскимъ и какъ успѣлъ устроить самостоятельность и независимость Московскаго княжества; въ лѣтописи онъ прямо является великимъ княземъ Московскимъ подъ 1282 годомъ, какъ союзникъ великаго князя Тверского, Святослава Ярославича, противъ великаго князя Владимирскаго, Дмитрія Александровича. Въ лѣтописи сказано: „*Того же лѣта князь великій Тверскій, Святославъ Ярославичъ со Тверичи, и князь великій Московскій Данило Александровичъ съ Москвичи, и посадники новгородскія съ Новгородцы поидоша ратью къ Переяславлю, на великаго князя Дмитрія Александровича*“. Прежде же этого извѣстія упоминается въ лѣтописи подъ 1261 годомъ о рожденіи Даніила за два года до кончины его отца Александра Невскаго. По всему вѣроятію Даніилъ получилъ себѣ въ удѣлъ Москву прямо по смерти родителя и увезенъ въ нее еще двухлѣтнимъ ребенкомъ, воспитался и выросъ среди московскихъ порядковъ и не зналъ другой жизни, кромѣ московской. Москвичи первые увидали, какъ онъ началъ ходить еще младенцемъ, какъ онъ занимался дѣтскими играми съ своими сверстниками; Москвичи первые услыхали его дѣтскій лепетъ и московскіе бояре были главными и постоянными его пестунами и руководителями; они на своихъ плечахъ выростили и князя и княжество. Московскіе бояре, во время малолѣтства Даніила управлявшіе Московскимъ княжествомъ, конечно, оставались его руководителями и соправителями и тогда, когда онъ уже выросъ. Они, какъ значится по лѣтописямъ, во все это время, продолжавшееся почти двадцать лѣтъ, съумѣли уклоняться отъ междоусобій сосѣднихъ княжествъ и, такимъ образомъ, такъ успѣли укрѣпить Московское княжество и поставить его въ такое независимое по-

ложеніе отъ сосѣднихъ князей, что къ двадцать первому году жизни Даніила Москва уже сложилась въ великое княжество, а Даніилъ на двадцать первомъ году своего возраста изъ владѣльца незначительнаго, чуть незабытаго въ лѣтописяхъ городка, вдругъ является великимъ княземъ и вступаетъ въ союзъ противъ великаго князя Владимирскаго, своего ближняго сосѣда и старшаго брата, съ другимъ своимъ сосѣдомъ великимъ княземъ Тверскимъ и съ далекимъ вольнымъ господиномъ Новгородомъ Великимъ. Это начало великаго княжества Московскаго въ малолѣтство князя стараніями московскихъ бояръ положило свою печать на всю послѣдующую исторію Москвы и, очевидно, было тайною причиною послѣдующаго величія Москвы. И не даромъ народное преданіе находитъ какую-то связь начала Москвы съ княженіемъ Даніила Александровича; дѣйствительно, княженіемъ Даніила положено начало будущему величію Москвы. Здѣсь собственно зародилась та Москва, которая потомъ выросла въ цѣлую Русскую землю.

Союзъ, заключенный Московскимъ княземъ Даніиломъ Александровичемъ и Тверскимъ княземъ, продолжался и въ 1286 году; подъ этимъ годомъ въ лѣтописи сказано, что при нападеніи Литовцевъ на владѣнія тверского владыки совокупились: Москвичи, Тверичи, Волочане, Новоторжцы, Дмитровцы, Зубчане и Ржевичи, побили Литву и князя ихъ Доманта взяли въ плѣнъ. Здѣсь мы видимъ продолженіе союза Москвы съ Тверью и Новгородомъ. Но особенно замѣчательно въ настоящемъ извѣстіи то, что здѣсь нѣтъ и помину о князьяхъ, а дѣйствуютъ только одни земскія силы: Тверичи, Москвичи, Волочане, Новоторжцы и проч. Ясно отсюда, что союзъ, заключенный въ 1282 году, былъ союзомъ не только князей, не и земщинъ: Москвы, Твери и Новгорода; отсюда является новое и важное подтвержденіе, что въ Москвѣ именно сложилось знаменательное соединеніе и солидарность интересовъ княжеской власти и земщины въ ея представителяхъ боярахъ. Въ 1288 году союзъ Москвы съ Тверью разрушился и во время войны великаго князя Михаила Ярославича Тверского съ великимъ княземъ Владимирскимъ, великій князь Даніилъ Александровичъ Московскій держалъ сторону своего старшаго брата Дмитрія Александровича. Москва осталась вѣрною союзу съ Дмитріемъ Александровичемъ даже и тогда, когда въ 1293 году на него возстали почти всѣ князья здѣшняго края, и за это жестоко поплатилися разореніемъ отъ Татаръ, приведенныхъ княземъ Городецкимъ, Андреемъ Александровичемъ. Но это разореніе не устрашило Москвичей и ихъ князя и союзъ Москвы съ Дмитріемъ Александровичемъ продолжался даже, по смерти его, съ его сыномъ, Иваномъ Дмитріевичемъ, и когда въ 1296 году пріѣхалъ во Владимиръ ханскій посолъ Неврюй, чтобы разобрать споры русскихъ князей, то противъ князя Андрея Александровича, владѣвшаго тогда уже Владимиромъ, и его союзниковъ выступили: Московскій князь Даніилъ Александровичъ, Тверской князь Михаилъ Ярославичъ и Переяславцы вмѣсто своего князя Ивана Дмитріевича, бывшаго тогда въ Ордѣ. Когда же Андрей Александровичъ, недовольный судомъ ханскаго посла, вздумалъ итти ратью на Переяславль, то Московскій и Тверской князья собрали свои полки, выступили къ Юрьеву, загородили Андрею дорогу и заставили его смириться. Москва не даромъ такъ крѣпко держалась союза съ Переяславскимъ

княземъ—наградою этого союза былъ Переяславль со всѣми Переяславскими владѣніями, ибо въ 1302 году Переяславскій бездѣтный князь Иванъ Дмитріевичъ, умирая, благословилъ своимъ княженіемъ дядю своего, Даніила Александровича Московскаго, на что изъявили свое согласіе и сами Переяславцы; когда же Владимирскій князь Андрей Александровичъ изгономъ захватилъ было Переяславль, то Переяславцы, при появленіи московской рати, сами передались Москвичамъ, выгнали Андрея и приняли намѣстниковъ Даніиловыхъ. Такимъ образомъ, союзъ съ Переяславскимъ княземъ, стоившій такъ дорого Москвѣ, наконецъ окупился съ лихвою; московскія владѣнія съ присоединеніемъ богатаго Переяславскаго княжества увеличились болѣе нежели вдвое. Но что всего важнѣе—Московскій князь младшій по рожденію въ домѣ Александра Невскаго, съ присоединеніемъ Переяславля къ Москвѣ сдѣлался старшимъ, ибо Переяславль постоянно считался гнѣздомъ въ домѣ Всеволода Юрьевича, Ярослава Всеволодовича и Александра Ярославича Невскаго.

Но еще за годъ до присоединенія Переяславля, совершившагося мирнымъ путемъ по желанію тамошняго князя и самихъ Переяславцевъ, Московскій князь имѣлъ значительный успѣхъ въ сосѣднемъ великомъ княжествѣ Рязанскомъ. Лѣтопись подъ 1301 годомъ говоритъ: „Князь Данило Александровичъ Московскій приходилъ ратью на Рязань, и бишася у града Переяславля, и князь Московскій одолѣ, и много бояръ и людей избилъ, и князя ихъ, Константина Романовича Рязанскаго, нѣкоторою хитростію взялъ, кромолою ихъ же бояръ рязанскихъ, и приведе его съ собою къ Москвѣ, и держа его у себя въ нятьи въ береженьи, и въ чести всякой, хотяше-бо съ нимъ укрѣпити крестнымъ цѣлованіемъ, а отпустити его на великое княженіе Рязанское, на его отчину“. Это извѣстіе лѣтописи показываетъ, съ одной стороны, что строй московской общественной жизни и отношенія Московскаго князя къ своимъ боярамъ нравились и рязанскимъ боярамъ, извѣстнымъ въ исторіи своею гордостію и своеволіемъ, а съ другой стороны, изъ этого же извѣстія мы видимъ, что Даніилъ Александровичъ, одолѣвши Рязанскаго князя и взявши его въ плѣнъ, еще не могъ завладѣть Рязанскою землею, а думалъ только подчинить ее своему вліянію при помощи Рязанскаго же князя, находящагося у него въ плѣну. Здѣсь, кажется, дѣло не обошлось безъ участія московскихъ бояръ, которымъ не хотѣлось имѣть себѣ соперниковъ при княжескомъ дворѣ въ рязанскихъ боярахъ, съ присоединеніемъ Рязани долженствовавшихъ поступить на службу къ Московскому князю, и тѣмъ болѣе опасныхъ, что Московскій князь одолѣлъ Рязанскаго князя при помощи рязанскихъ же бояръ, а слѣдовательно, рязанскіе бояре за свою услугу должны были бы занять лучшія мѣста при московскомъ дворѣ; къ тому же рязанскіе бояре своими богатствами и гордостію превосходили московскихъ. Все это заставляло московскихъ бояръ отклонить Даніила Александровича отъ непосредственнаго занятія Рязанской земли.

Въ 1303 году, великій князь Даніилъ Александровичъ скончался и его мѣсто занялъ старшій сынъ его, Юрій Диниловичъ, бывшій во время кончины родителя въ Переяславлѣ. Переяславцы, услыхавши о кончинѣ Даніила, первые присягнули Юрію и первоначально даже

не пустили его на погребеніе отца, такъ они дорожили соединеніемъ съ Москвою и домомъ Даніила Александровича. Юрій Даниловичъ, съ перваго же года по смерти родителя, началъ дѣлать примыслы къ Московскимъ владѣніямъ: онъ вмѣстѣ съ своими боярами, собравъ достаточную рать, отправился на Можайскъ и, разбивъ и взявъ въ плѣнъ тамошняго князя Святослава, присоединилъ Можайскъ къ Московскимъ владѣніямъ. На слѣдующій годъ скончался Владимирскій князь Андрей Александровичъ. Для молодого Московскаго князя открылось новое поприще дѣятельности; онъ на столько чувствовалъ себя сильнымъ, что рѣшился искать Владимирскаго престола, чтобъ быть старшимъ между великими князьями Суздальско-Ростовской земли. По свидѣтельству лѣтописей, это дѣло началось слѣдующимъ образомъ: „по смерти Андрея, старшіе его бояре и старѣйшій изъ нихъ Акиѳъ немедленно отправились къ великому князю Тверскому, Михаилу Ярославичу, чтобы вести его на Владимирскій престолъ. И заспорили два князя о великомъ княженіи Владимирскомъ — князь великій Михаилъ Ярославичъ Тверской и князь великій Юрій Даниловичъ Московскій, и пошли въ Орду къ царю въ спорѣ и брани великой, и была замятня на всей Суздальской землѣ, во всѣхъ городахъ“. Изъ этого извѣстія видно, что спорили не одни князья, а вся Суздальская земля, на всей Суздальской землѣ была замятня, во всѣхъ городахъ; вся земля раздѣлилась между Москвою и Тверью, быть ли первенствующей Москвѣ съ новыми порядками, или Твери съ старыми порядками? Начало раздѣла положили бояре Андрея Александровича и между ними сильнѣйшій Іакинфъ, служившій прежде московскому князю Даніилу Александровичу и перешедшій къ Андрею по неудовольствіямъ, а за нимъ и все старое боярство, избравшее представителемъ старыхъ порядковъ старшаго князя Михаила Ярославича Тверского дядю Московскимъ князьямъ—Даниловичамъ. И когда князья соперники отправились, какъ и слѣдовало, для разбора тяжбы въ Орду на судъ хана, бояре—защитники стараго порядка—стали распоряжаться по своему: они захватили въ Костромѣ Московскаго князя Бориса Даниловича и хотѣли перехватить самого Юрія Даниловича на пути въ Орду, но тотъ ускользнулъ отъ нихъ; потомъ отправили своихъ намѣстниковъ въ Новгородъ Великій; но старые новгородцы, не желая быть подъ командою суздальскихъ бояръ, прогнали намѣстниковъ, и сказали: подождемъ, что скажетъ князьямъ ханъ. Затѣмъ Іакинфъ съ другими боярами, собравши большой полкъ, думали изгономъ захватить Ивана Даниловича въ Переяславлѣ; но этотъ князь получилъ вѣсть о ихъ замыслѣ и вмѣстѣ съ боярами московскими и переяславскими далъ имъ сильный отпоръ въ битвѣ подъ Переяславлемъ, въ которой палъ Іакинфъ и другіе старшіе бояре, а дѣти Іакинфовы съ прочими бѣжали въ Тверь. Между тѣмъ татарскій ханъ разсудилъ явившихся къ нему князей и отдалъ Владимирскій престолъ старшему—Михаилу Ярославичу Тверскому. Михаилъ, засѣвши во Владимирѣ и побуждаемый защитниками старыхъ порядковъ, пошелъ на Юрія къ Москвѣ, но, встрѣтивъ отъ москвичей сильное сопротивленіе, принужденъ былъ заключить съ Юріемъ миръ. Миръ этотъ продолжался три года, а на четвертомъ году Михаилъ вторично ходилъ къ Москвѣ съ большою ратью, произвелъ тамъ большое разореніе,

но города взять не могъ и возвратился домой, не заключивъ съ Московскимъ княземъ мира. И дѣйствительно мудрено было заключить миръ, когда это зависѣло не столько отъ личности князей, сколько отъ воли сторонъ стараго и новаго порядка, а стороны сіи совмѣстно жить не могли,—у нихъ борьба шла не на животъ, а на смерть; требовалось, чтобы которая-либо сторона пала окончательно.

Между тѣмъ, въ 1313 году умеръ татарскій ханъ Тохта, стоявшій на сторонѣ стараго порядка, и его мѣсто заступилъ ханъ Узбекъ, отвергнувшій у себя дома старый порядокъ и перемѣнившій язычество на магометанство. Михаилъ Ярославичъ немедленно отправился къ новому хану за утвержденіемъ на престолѣ и за ярлыкомъ; Юрій же Даниловичъ Московскій, воспользовавшись отсутствіемъ соперника, вошелъ въ тайныя сношенія съ Новгородцами, которыя кончились тѣмъ, что Новгородцы выгнали отъ себя намѣстниковъ Михайловыхъ и объявили своимъ княземъ Юрія. Михаилъ Ярославичъ былъ утвержденъ новымъ ханомъ на Владимирскомъ княженіи и успѣлъ выставить передъ ханомъ Московскаго князя человѣкомъ безпокойнымъ и опаснымъ, а потому, прежде нежели Михаилъ возвратился изъ Орды, въ Москву пришло ханское повелѣніе немедленно ѣхать Юрію въ Орду къ хану. Юрій, бывшій въ то время въ Новгородѣ, немедленно отправился въ путь, не заѣзжая даже въ Москву. Михаилъ же, возвратившись изъ Орды съ татарскими послами и войскомъ, прежде всего отправился къ Торжку и отнялъ его у брата Московскаго князя, Аѳанасья Даниловича, а потомъ посадилъ своихъ намѣстниковъ и въ Новгородѣ. Между тѣмъ Юрій Даниловичъ, проживши въ Ордѣ около двухъ лѣтъ, нетолько успѣлъ оправдаться, но и пріобрѣлъ благосклонность хана Узбека и, женившись на его сестрѣ Кончакѣ, получилъ ярлыкъ на великое княженіе Владимирское, и съ тремя ханскими послами и значительнымъ татарскимъ войскомъ отправился домой. Михаилъ, услыхавши объ этомъ, по совѣщаніи съ Суздальскими князьями, собравъ рать, вышелъ на встрѣчу Юрію и загородилъ ему дорогу у Костромы. Юрій, посовѣтовавшись съ татарскими послами, не рѣшился вступить въ битву и уступилъ Владимирское княженіе Михаилу. Но, когда Михаилъ, получивъ такую уступку, возвратился въ Тверь, то Суздальскіе князья передались на сторону Юрія, а потомъ его же сторону приняли Новгородцы и всѣ съ сильными полками двинулись къ Твери. Михаилъ, узнавши объ этомъ, немедленно вооружился, пошелъ на встрѣчу противникамъ и разбилъ ихъ на голову, такъ что Юрій только въ малой дружинѣ успѣлъ спастись въ Новгородѣ, а братъ его Борисъ и княгиня, сестра Узбека, попались въ плѣнъ и отвезены въ Тверь, главный же ханскій посолъ, Кавгадый, принужденъ былъ просить у Михаила мира и, бывъ принятъ съ честью въ Твери, отпущенъ Михаиломъ домой съ богатыми дарами, а Юрьева княгиня, сестра ханская, оставленная въ плѣну, вскорѣ скончалась въ Твери, какъ говорятъ, отъ отравы.

Юрій, бѣжавшій въ Новгородъ, получивъ отъ Новгородцевъ войско, отправился домой. Михаилъ встрѣтилъ его на Волгѣ, но до битвы дѣло не дошло: противники послѣ долгихъ переговоровъ смирились на томъ, чтобы обоимъ итти въ Орду на судъ къ хану. Михаилъ,

пропустивши Юрія въ Москву, немедленно отправилъ въ Орду своего сына Константина, самъ же, чувствуя неловкость своего положенія, думалъ какъ-нибудь мирно покончить съ Юріемъ, не доводя дѣла до ханскаго суда, и для сего отправилъ своего посла въ Москву. Но Москва не думала мириться съ Тверскимъ княземъ, надѣясь на больщій успѣхъ у хана; Юрій, приказавши убить Тверского посла, немедленно отправился со многими князьями и боярами въ Орду и, дѣйствуя за-одно съ Кавгадыемъ, успѣлъ выставить передъ ханомъ Тверского князя безпокойнымъ и опаснымъ человѣкомъ, непризнающимъ ханской власти и нежелающимъ платить дани въ Орду. Все это не трудно было дѣлать Московскому князю. Михаилъ дѣйствительно былъ противникомъ ханской власти и когда онъ, наконецъ, явился въ Ордѣ, то немедленно былъ преданъ суду и по суду ханскихъ вельможъ приговоренъ къ смерти и убитъ татарами по ханскому повелѣнію. Такимъ образомъ, борьба новыхъ порядковъ и Москвы съ старыми порядками и Тверью кончилась въ пользу Москвы и новыхъ порядковъ. Юрій возвратился изъ Орды великимъ княземъ Владимірскимъ, т. е. старшимъ княземъ между великими князьями сѣверо-восточной Руси. Получивши старѣйшинство, Юрій Даниловичъ, по совѣту московскихъ бояръ, на другой годъ по пріѣздѣ изъ Орды собралъ большое войско и пошелъ ратью къ Тверскому городу Кашину, думая присоединить его къ своимъ владѣніямъ, но Тверской князь, сынъ убитаго Михаила, храбрый Димитрій, выступилъ противъ него къ Волгѣ и при посредствѣ тверского епископа Андрея заключилъ миръ, по которому обязался внесть всѣ ордынскія дани съ тверскихъ владѣній Московскому князю, т. е. по тогдашнему порядку дѣлъ, призналъ свою зависимость отъ Юрія, или - какъ бы поступилъ къ нему въ отношенія удѣльнаго князя.

Но, естественно, на этомъ дѣло не могло остановиться. Съ новымъ унизительнымъ положеніемъ Тверской князь не могъ примириться, и, не имѣя достаточно силъ для борьбы съ Москвою, отправился въ Орду искать милости у хана. Между тѣмъ Юрій сдѣлалъ важную ошибку, ибо вмѣсто того, чтобы ханскую дань, взятую отъ Тверского князя, везти немедленно въ Орду или передать ханскому послу, ѣхавшему за нею, онъ отправился въ Новгородъ и занялся новгородскими дѣлами. Дмитрій Михайловичъ Тверской воспользовался этою ошибкою какъ не надо лучше: онъ объявилъ Юрія измѣнниковъ и утаителемъ ханскихъ даней. Ханъ далъ Димитрію ярлыкъ на Владимірское княженіе. Юрій, услыхавши объ этомъ, немедленно отправился въ Орду оправдываться. Въ Ордѣ, прежде нежели Юрій явился передъ ханомъ, встрѣтилъ его Дмитрій Михайловичъ и, надѣясь на благосклонность къ себѣ хана, немедленно при встрѣчѣ убилъ Юрія. Такъ кончилось бурное княженіе Юрія Даниловича.

Княженіе Юрія Даниловича, такъ несчастно кончившееся собственно для него, вывело Москву на тотъ путь, на которомъ она — или должна была погибнуть на первыхъ же порахъ, или явиться тѣмъ крѣпкимъ общественнымъ организмомъ, исполненнымъ внутренней силы, который притягиваетъ къ себѣ все, къ чему только прикоснется; или, иначе сказать, Москва на этомъ новомъ пути должна была показать: имѣетъ ли она на столько внутренней силы, чтобы стянуть

къ себѣ всю Русскую землю и сдѣлаться городомъ всероссійскимъ. На первыхъ же порахъ соперницею Москвы на этомъ пути явилась Тверь, также какъ и Москва, городъ новый, образовавшійся изъ новгородскихъ колоній и представлявшій въ себѣ всѣ задатки прочности, тягучести и энергіи, но стоявшій не въ такихъ благопріятныхъ внѣшнихъ отношеніяхъ какъ Москва, да и во внутреннемъ своемъ устройствѣ придерживавшійся болѣе старыхъ порядковъ, которымъ суждено было пасть передъ новыми порядками, представителемъ которыхъ была Москва. Борьба Москвы съ Тверью съ перваго же раза, какъ мы уже видѣли, показала, что здѣсь борятся не личности, а начала, что личности могутъ мѣняться, а борьба будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока одно начало рухнетъ, и что дѣлежъ и примиреніе въ этой борьбѣ немыслимы. Показанія или существенные признаки сей борьбы, высказывавшіеся при самомъ началѣ, вполнѣ оправдались исторіею. Борьба сія продолжалась 180 лѣтъ и кончилась безповоротнымъ паденіемъ Твери.

Дмитрій Михайловичъ Тверской, какъ мы уже видѣли, понадѣявшись на милость хана Узбека, при первой же встрѣчѣ убилъ Юрія Даниловича Московскаго. Ханъ дѣйствительно сначала, кажется, думалъ оставить безъ вниманія дѣло объ убіеніи Юрія, продержалъ Дмитрія Михайловича въ Ордѣ десять мѣсяцевъ, не объявляя своего гнѣва, но потомъ, вѣроятно, подстрекаемый своими вельможами, ходатаями за Московскаго князя, далъ повелѣніе казнить Дмитрія. Такимъ образомъ, соперницы — Москва и Тверь, почти въ одно время лишились своихъ князей, но это не произвело никакихъ безпорядковъ: Москвою еще при жизни Юрія, постоянно занятого борьбою, управлялъ его братъ, Иванъ Даниловичъ; въ Твери точно также за отсутствіемъ Димитрія оставался правителемъ Александръ Михайловичъ, братъ Димитрія; оба они еще при жизни старшихъ братьевъ уже бывали по нѣскольку разъ въ Ордѣ для разсчетовъ по платежу дани, такъ что въ этомъ отношеніи они уже были довольно знакомы ордынскимъ вельможамъ и каждый имѣлъ свою партію въ Ордѣ. По заведенному порядку оба князя отправились въ Орду для полученія ярлыковъ на свои княженія. Ханъ Узбекъ принялъ обоихъ князей, какъ уже хорошо извѣстныхъ ему, и далъ ярлыкъ на великое княжество Владимирское Тверскому князю Александру Михайловичу. Такимъ образомъ, споръ между Тверью и Москвою изъ за Владимирскаго княжества, продолжавшійся 20 лѣтъ и стоившій жизни Михаилу Ярославичу, Юрію Даниловичу и Дмитрію Михайловичу, по суду ханскому кончился въ пользу Твери. Ханъ Узбекъ, по какимъ-то разсчетамъ, права Александра Михайловича на Владимиръ предпочелъ правамъ Ивана Даниловича. Конечно, передъ судомъ ханскимъ Москва должна была молчать и выжидать случая къ поправленію своихъ дѣлъ. Случай, такъ желанный, благопріятный для Москвы, открылся на первомъ же году княженія Александра Михайловича. Въ Августѣ мѣсяцѣ пришелъ ханскій посолъ, Узбековъ племянникъ, Шевкалъ и вскорѣ разнесся слухъ въ народѣ, что Шевкалъ пріѣхалъ за тѣмъ, чтобы избить Тверскихъ князей, а народъ обратить въ татарскую вѣру. Такимъ слухомъ народъ взволновался, князь Александръ Михайловичъ также повѣрилъ слуху, или не умѣлъ успокоить народа и принялъ на себя предводительство

взволнованнымъ народомъ, чтобы избить посла и всѣхъ бывшихъ при немъ Татаръ. Какъ-бы то ни было, только Шевкалъ съ своими Татарами былъ убитъ въ Твери. Ханъ Узбекъ, получивши объ этомъ извѣстіе, немедленно вытребовалъ въ Орду Ивана Даниловича Московскаго и, давъ ему 50 тысячъ татарскаго войска съ пятью темниками, поручилъ наказать Александра и его сообщниковъ. Иванъ Даниловичъ вполнѣ съумѣлъ воспользоваться открывшимся случаемъ: онъ не только взялъ Тверь и другіе города Тверского княженія и разорилъ ихъ, но именемъ хана вступилъ въ новгородскія владѣнія, взялъ и опустошилъ Торжекъ и двинулся къ Новгороду, но остановленный посольствомъ и данью Новгородцевъ, поворотилъ назадъ и страшно опустошилъ владѣнія почти всѣхъ князей здѣшняго края, такъ что этотъ походъ Ивана, извѣстный въ лѣтописяхъ подъ именемъ Ѳедорчуковой рати, долго былъ памятенъ въ народѣ; только московскія и суздальскія владѣнія остались не опустошенными. Такимъ образомъ, Иванъ Даниловичъ и бояре московскіе съ помощію Татаръ за одинъ разъ такъ поправили дѣла московскія, что Москва, уцѣлѣвшая отъ разоренія, получила громадный перевѣсъ надъ всѣми сосѣдними княжествами. Иванъ и его бояре вели это дѣло съ большою ловкостью; они всюду произвели опустошеніе именемъ хана и помощію татарскаго войска, но не взяли и не присоединили къ Москвѣ ни одного городка и ни одной деревни, такъ что народъ во всѣхъ опустошенныхъ владѣніяхъ видѣлъ только страшный гнѣвъ хана и нисколько не сѣтовалъ на Московскаго князя и москвичей; Москва не только осталась въ сторонѣ, а разоренные жители сосѣднихъ княжествъ потянулись въ московскія владѣнія и тѣмъ усилили населеніе Москвы.

Въ Твери, напротивъ, дѣло не кончилось однимъ разореніемъ и опустошеніемъ: Тверь, волей-неволей, должна была поступить подъ опеку Московскаго князя. Тверской князь Александръ Михайловичъ, услыхавши о грозной Татарской рати, бѣжалъ сперва въ Новгородъ, но, непринятый Новгородцами, укрылся съ своимъ семействомъ во Псковъ. Этотъ поступокъ Александра никакъ нельзя назвать малодушіемъ или полнымъ безсиліемъ недавно еще могущественной Твери; напротивъ того, мы имѣемъ прямое свидѣтельство лѣтописи, что „Александръ, не стерпя лукавыя бѣсовскія крамолы и татарскаго насилья, оставилъ княженіе великое и все отечество свое, и иде во Псковъ съ княгинею и съ дѣтьми своими, и жилъ во Псковѣ десять лѣтъ“. Значитъ, успѣхъ московскаго князя и москвичей и самое убіеніе Шевкала и татаръ въ Твери были дѣломъ внутренней крамолы тверскихъ бояръ, чему мы увидимъ скоро прямыя свидѣтельства, а въ Тверь крамола шла изъ Москвы; тверскіе бояре-измѣнники были увлечены московскими боярами и Московскимъ княземъ. Князь Александръ Михайловичъ не потому бѣжалъ и не защищалъ своихъ владѣній, что струсилъ, а потому, что защититься было не съ кѣмъ, что онъ былъ оставленъ своими боярами, которые увлекались завиднымъ положеніемъ московскихъ бояръ и тайно передались на сторону Москвы. Александръ увидалъ, что главнымъ образомъ ищутъ его головы и что всякое сопротивленіе невозможно. И дѣйствительно, такъ и было, ибо вслѣдъ за бѣгствомъ Александра и разореніемъ тверскихъ владѣній, меньшіе братья Александра и бояре вступили спо-

койно въ Тверь и занялись мирнымъ устройствомъ Тверской земли, и ни Московскій князь и никто имъ въ томъ не дѣлалъ никакой помѣхи. На другой же годъ Московскій князь, отправляясь въ Орду, взялъ съ собою Тверского князя Константина Михайловича и новгородскихъ пословъ и всѣ были приняты Узбекомъ милостиво и съ почетами. Московскій князь получилъ великое княженіе Владимирское „и иныя княженія къ Москвѣ", какъ сказано въ лѣтописи, а Константина Михайловича ханъ утвердилъ на великомъ княженіи Тверскомъ, Новгородцевъ же пожаловалъ по ихъ челобитью и всѣмъ далъ приказъ искать и представить къ нему князя Александра Михайловича.

Такимъ образомъ, Московскій князь Иванъ Даниловичъ и московскіе бояре, помутивъ тверскихъ бояръ, при помощи Татаръ за одинъ разъ поставили Москву въ такое высокое положеніе, въ какомъ она еще никогда не бывала; вся Ростовско-Суздальская земля по приказу самого хана была разорена и подчинена Московскому князю, даже Тверь, недавно еще сильная и опасная, отдана въ его опеку, Тверскіе князья дѣйствуютъ по его указаніямъ, а сильнѣйшіе тверскіе бояре тянутъ къ Москвѣ. Но главный врагъ и опасный соперникъ, представитель иныхъ началъ, князь Александръ Михайловичъ, еще живъ и находится подъ защитою демократическаго Пскова; а посему Московскій князь и московскіе бояре не могутъ еще заснуть спокойно; Александръ для нихъ страшенъ и въ изгнаніи— имъ нужна его голова. И вотъ по приказу хана отъ Московскаго и Тверского князей и отъ Новгорода летятъ гонцы во Псковъ и требуютъ выдачи Александра, но Псковичи отказываютъ; такъ проходитъ 1327 годъ. Въ слѣдующемъ году, по проискамъ московскимъ, снова приходитъ приказаніе отъ хана къ русскимъ князьямъ — достать Александра. Московскій князь подымаетъ Тверскихъ князей, меньшихъ Александровыхъ братьевъ, князя Суздальскаго, своего давнишняго союзника и Новгородцевъ и самъ съ своею ратью и съ союзниками отправляется въ Новгородъ, а оттуда со всѣми полками идетъ къ псковскимъ границамъ и требуетъ выдачи Александра. Псковичи опять отказываютъ и обѣщаютъ сложить свои головы за несчастнаго изгнанника. Московскій князь изобрѣтаетъ новое средство: онъ убѣждаетъ бывшаго при немъ митрополита всея Руси Өеогноста, предать Псковитянъ проклятію; митрополитъ посылаетъ во Псковъ проклятіе. Александръ, не желая подвергать церковной карѣ своихъ защитниковъ, оставляетъ свое семейство подъ защитою Псковичей, а самъ удаляется въ Литву подъ защиту могущественнаго литовскаго князя, Гедимина. Вслѣдъ за удаленіемъ Александра митрополитъ снялъ проклятіе съ Псковичей, а Московскій князь съ своими союзниками, давши миръ Пскову, удалился домой и послалъ гонцовъ къ хану, что Александръ бѣжалъ въ Литву и Нѣмцы.

Отдѣлавшись отъ опаснаго соперника, московскій князь, Иванъ Даниловичъ, занялся украшеніемъ и укрѣпленіемъ Москвы, которая еще съ перваго года его княженія сдѣлалась каѳедрою митрополита всея Руси; ибо митрополитъ Петръ, полюбивъ ласковаго Московскаго князя и тамошнихъ бояръ, перебрался изъ Владимира въ Москву и тамъ скончался и погребенъ въ новопостроенномъ по его желанію

соборномъ храмѣ, Успенія Пресвятыя Богородицы. Преемникъ Петра, Θеогностъ, также поселился въ Москвѣ при гробѣ, какъ сказано въ лѣтописи, чудотворца всея Руси Петра; а преемники Θеогноста послѣдовали его примѣру. Такимъ образомъ, Москва сдѣлалась старѣйшимъ городомъ на Руси, и какъ столица великаго князя, и какъ каѳедра митрополита всея Руси. Это послѣднее обстоятельство давало Москвѣ едва-ли не большее значеніе въ глазахъ всей Руси, чѣмъ княжеская власть, ибо великихъ князей тогда было еще много, митрополитъ же былъ одинъ и по церковнымъ дѣламъ всѣ княжества зависѣли отъ него; да и въ дѣлахъ мірскихъ онъ имѣлъ большую силу и тотъ князь, на сторонѣ котораго былъ митрополитъ, всегда могъ разсчитывать на большій успѣхъ.

На третій годъ по удаленіи Александра Михайловича въ Литву, Московскій князь поѣхалъ въ Орду къ хану Узбеку и взялъ съ собою Константина Михайловича, Тверского князя. Зачѣмъ они ѣздили въ Орду, лѣтописи не говорятъ, но только Московскій князь—воротившись отъ хана, принялся за своихъ прежнихъ союзниковъ Новгородцевъ и потребовалъ отъ нихъ небывалой еще дани — закамскаго серебра, а въ обезпеченіе своего требованія занялъ Торжокъ и Бѣжецкій верхъ. Когда же Новгородцы отказали ему, то со всѣми низовыми князьями, даже съ Рязанскими, пришелъ въ Торжокъ, свелъ съ Новгорода своихъ намѣстниковъ и, сидя въ Торжкѣ, приказалъ своимъ полкамъ опустошать новгородскія владѣнія. Тщетно Новгородцы посылали къ нему посольство за посольствомъ, онъ не принималъ пословъ и на-глаза и, простоявши въ Торжкѣ отъ Крещенья до Сборнаго воскресенья, отправился въ Москву, гдѣ его ждалъ ханскій посолъ съ требованіемъ итти въ Орду. Пользуясь отъѣздомъ Московскаго князя, Новгородцы успѣли укрѣпить свой городъ, вступили въ сношеніе съ княземъ Александромъ Михайловичемъ, уже воротившимся во Псковъ, заключили союзъ съ Литовскимъ княземъ Гедиминомъ и приняли себѣ въ князья его сына, Нариманта. Возвратившись изъ Орды и разузнавши новгородскія дѣла, великій князь Иванъ Даниловичъ поспѣшилъ примириться съ Новгородцами, ласково принялъ ихъ посольства, самъ пріѣхалъ въ Новгородъ съ миромъ и прожилъ тамъ довольно долго. По возвращеніи въ Москву, онъ узналъ, что Литва воюетъ Новоторжскія волости, послалъ свои полки въ сосѣднія литовскія владѣнія и тѣмъ заставилъ Литовцевъ выйти изъ Новоторжскихъ волостей; позвалъ къ себѣ въ гости владыку новгородскаго, посадника, тысяцкаго и нарочитыхъ бояръ, принялъ ихъ съ большимъ почетомъ и угощалъ пирами.

Между тѣмъ, изгнанникъ, князь Александръ Михайловичъ, ободренный сношеніями съ Новгородомъ, послалъ своего сына Θедора Александровича, въ Орду къ хану попытать: не повѣетъ ли вѣтеръ въ его пользу при ханскомъ дворѣ. Проба удалась: Θедоръ Александровичъ возвратился изъ Орды благополучно и привелъ съ собою къ отцу ханскаго посла Авдула. Узнавши объ этомъ, Московскій князь немедленно отправился въ Орду, чтобы испортить Александрово дѣло. Въ Ордѣ Ивана Даниловича приняли милостиво и хотя съ почетомъ и пожалованіемъ, но выпроводили скоро, слѣдовательно не дали испортить дѣла князя Александра. Пользуясь поѣздкою Московскаго

князя въ Орду, Александръ попытался было воротиться въ Тверь, но скоро увидалъ, что въ Твери ему еще нечего дѣлать, и съ своимъ сыномъ Ѳедоромъ опять ушелъ во Псковъ. Изъ Пскова онъ послалъ своихъ бояръ къ митрополиту Ѳеогносту просить его молитвъ и благословенія на путешествіе въ Орду и, получивъ благословеніе, на слѣдующій годъ отправился къ хану Узбеку; явясь передъ ханомъ, онъ успѣлъ своимъ смиреніемъ и умомъ снискать его благоволеніе, такъ что Узбекъ утвердилъ за нимъ великое княженіе Тверское, и съ своими послами отпустилъ его домой, съ тѣмъ, чтобы они возвели его на Тверской престолъ. Противъ приказа грознаго хана и его пословъ, естественно, въ Твери никто не посмѣлъ итти, но бояре заводчики первой крамолы, чувствуя свою вину, немедленно отъѣхали въ Москву, откуда шла вся смута. Имъ, какъ крамольникамъ и измѣнникамъ, нельзя уже было оставаться въ Твери, гдѣ въ продолженіи десяти лѣтъ выяснилась ихъ крамола; вѣрные же отечеству Тверичи, опираясь на волю хана и поддерживаемые княземъ, не оставили бы ихъ въ покоѣ.

Встревоженный возвращеніемъ Александра Михайловича и успѣхами его у хана, Иванъ Даниловичъ немедленно самъ отправился въ Орду и такъ успѣлъ, при помощи своихъ ордынскихъ пріятелей, оклеветать Александра передъ ханомъ, что Узбекъ отправилъ въ Тверь одного изъ приближенныхъ слугъ съ требованіемъ, чтобы Александръ съ сыномъ своимъ Ѳедоромъ немедленно ѣхалъ въ Орду. Александръ Михайловичъ, хотя и получилъ вѣсти о ханскомъ гнѣвѣ, но тѣмъ не менѣе не осмѣлился противиться Узбекову повелѣнію, началъ снаряжаться въ путь, впрочемъ, не очень спѣша поѣздкою. Этимъ не замедлилъ воспользоваться Иванъ Даниловичъ и съ своими старшими сыновьями Семеномъ и Иваномъ опять явился въ Ордѣ и такъ успѣлъ вооружить Узбека, что тотъ вторично послалъ за Александромъ Михайловичемъ. Затѣмъ Иванъ Даниловичъ поспѣшилъ домой, сыновей же оставилъ въ Ордѣ. По второму призыву Александръ немедленно отправилъ въ Орду сына своего, Ѳеодора, а потомъ и самъ пустился въ путь. Прибывши въ Орду, онъ при первой же встрѣчѣ съ сыномъ своимъ Ѳеодоромъ узналъ, что ханъ сильно гнѣвается па него, то же подтвердили и пріятели изъ ордынскихъ вельможъ; но ханъ первоначально принялъ дары и велѣлъ Александру дожидаться отпуску; такъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ, а между тѣмъ Московскіе княжичи работали у хана. Наконецъ, вышло повелѣніе казнить Александра и сына его, Ѳеодора. Такимъ образомъ, Московскій князь избавился отъ самаго опаснаго соперника и получилъ еще больше власти надъ несчастною Тверью, даже приказалъ снять большой тверской колоколъ отъ соборной церкви и отвезти въ Москву.

Сурово поступилъ Иванъ Даниловичъ съ княземъ Александромъ Михайловичемъ и Тверью, но онъ былъ поставленъ въ такое положеніе, что или самому пасть, или погубить соперника. Александръ былъ очень уменъ и вкрадчивъ для того, чтобы оставить его въ покоѣ, и притомъ, при первомъ его усиленіи, всѣ бы защитники старыхъ порядковъ стали на его сторонѣ и Москвѣ пришлось бы вступить въ новую опасную борьбу, которая могла кончиться гибелью новыхъ началъ и Москвы. Здѣсь средины и примиренія нельзя было ждать,

тѣмъ болѣе, что Александръ былъ очень даровитъ и могъ пріобрѣсти полную довѣренность хана. Управившись съ Александромъ, Московскій князь опять принялся за Новгородъ; онъ потребовалъ отъ Новгородцевъ новой дани, ханъ де проситъ новую дань, т. е. прибавокъ къ той дани, которую Новгородцы уже выплатили. Новгородцы на это небывалое требованіе отвѣчали: *„того у насъ не было отъ начала міру, а ты крестъ цѣловалъ Новгороду по старой пошлинѣ новгородской и по грамотамъ Ярославовымъ“*. Получивши такой отвѣтъ отъ Новгорода, защитника старины, князь Московскій, какъ представитель новыхъ порядковъ, послалъ приказъ своимъ намѣстникамъ выйти изъ Новгорода и объявилъ Новгородцамъ войну. Но война эта не состоялась, ибо князь Иванъ Даниловичъ скончался во время приготовленія къ войнѣ. Такъ кончилось княженіе Ивана Даниловича, продолжавшееся 12 лѣтъ.

Москва, только что выведенная на большую дорогу въ княженіе Юрія Даниловича, въ княженіе Ивана Даниловича утвердилась на этой дорогѣ и оттолкнула отъ нея своихъ соперниковъ. При Иванѣ Даниловичѣ новыя начала, которыхъ представительницею была Москва, одержали рѣшительный верхъ; даже Тверь, эта представительница старыхъ началъ при Юріѣ Даниловичѣ, теперь значительною партіею своего боярства стала тянуть къ Москвѣ, или по крайней мѣрѣ въ Твери завелась довольно сильная партія недовольныхъ тверскими порядками, которая главнымъ образомъ и погубила Александра Михайловича, такъ что черезъ нее все, что ни затѣвалось въ Твери, немедленно передавалось въ Москву. Что же касается до другихъ княжествъ здѣшняго края, то они до того были разорены, такъ называемою Ѳедорчуковою ратью, что находились въ полной зависимости отъ Москвы и только одно Суздальское княжество пользовалось нѣкоторою самостоятельностью, да и то потому, что тамошній князь былъ въ родствѣ и постоянномъ союзѣ съ Московскимъ княземъ. Такіе блестящіе успѣхи Москвы обыкновенно приписываютъ благосклонности хана Узбека къ Московскому князю Ивану Даниловичу и личнымъ качествомъ сего князя. Повидимому дѣйствительно это было такъ: Узбекъ далъ свое войско Московскому князю, чтобы смирить всѣхъ противниковъ Москвы, и жестоко казнилъ князей, чѣмъ либо опасныхъ для Московскаго князя. Московскій князь дѣйствительно обладалъ способностями вполнѣ пригодными къ тому дѣлу, которое велъ: онъ былъ хитеръ, предусмотрителенъ, настойчивъ и крайне остороженъ. Но и соперникъ его, Александръ Михайловичъ, не только не уступалъ въ способностяхъ, но даже былъ гораздо даровитѣе: онъ обладалъ такою вкрадчивостію и умѣньемъ снискивать благосклонность у людей, въ которыхъ нуждался, что его вездѣ любили, куда бы онъ ни прибылъ, за него, находящагося въ изгнаніи, Псковичи готовы были положить свои головы, его принялъ подъ свое покровительство могущественный Гедиминъ Литовскій, онъ умѣлъ снискать благосклонность хана Узбека, даже тогда, когда былъ кругомъ виноватъ предъ нимъ, убивши его любимаго племянника Шевкала; а въ первое время онъ пользовался такою довѣренностію Узбека, что послѣ казни Димитрія Михайловича, онъ прямо далъ ему великое княженіе Владимирское. Такимъ образомъ, ни благосклонностью хана, ни личными талантами

Московскій князь не имѣлъ преимущества передъ Тверскимъ, а въ иномъ даже ему уступалъ; слѣдовательно причина успѣховъ Москвы передъ Тверью заключалась въ чемъ-то другомъ, именно въ томъ, что въ Москвѣ князь дѣйствовалъ не одинъ, что съ нимъ была заодно вся Москва, что московская земщина по отношенію ея къ князю была такъ поставлена, что въ интересахъ княжескихъ находила собственные интересы и поэтому между княземъ и земскими боярами не было розни; московскіе бояре имѣли вездѣ своихъ агентовъ, и въ Ордѣ, и въ Тверскомъ, и въ другихъ княжествахъ, и всюду старались устроить дѣла такъ, чтобы они были въ пользу Москвы и Московскаго князя. Напротивъ того, въ Твери между боярами была рознь, одни, и очевидно слабое меньшинство, были на сторонѣ князя, другіе же, сильное большинство, находили для себя интересъ тянуть къ Москвѣ, имъ московское устройство болѣе нравилось, лучше обезпечивало ихъ общественное положеніе.

Что же такое былъ князь въ Москвѣ и отчего были такъ солидарны его интересы съ интересами земщины, такъ что между Московскимъ княземъ и московскою земщиною не было розни? На это лучшимъ отвѣтомъ служатъ дошедшія до насъ духовныя завѣщанія Московскихъ князей. Завѣщанія сіи во 1-хъ показываютъ, что Московскій князь былъ богатѣйшимъ поземельнымъ собственникомъ, чисто на частномъ правѣ, такъ что богатѣйшіе земскіе бояре не только въ Москвѣ, но и въ другихъ княжествахъ далеко не имѣли столько вотчинъ, сколько ихъ было у Московскаго князя. Онъ владѣлъ на правѣ частной собственности цѣлыми городами съ ихъ уѣздами, отдѣльными волостями и слободами и отдѣльными селами въ другихъ уѣздахъ, несоставлявшихъ его собственности, и даже въ другихъ княжествахъ; онъ постоянно старался пріумножить свои вотчины: покупалъ и мѣнялъ у бояръ и монастырей, получалъ въ подарокъ или по завѣщанію, или по наслѣдству отъ родственниковъ и знакомыхъ. Такъ, напримѣръ, судя по 1-му завѣщанію князя Ивана Даниловича, онъ владѣлъ на правѣ частной собственности: восемью городами въ московскихъ владѣніяхъ, 46 слободами и волостями, и сорока отдѣльными селами, которыя онъ подѣлилъ между своими дѣтьми и женою, вмѣстѣ съ шубами, ожерельями, перстнями, цѣпями, серебряными ковшами, мисами и другими домашними богатствами. А по 2-му завѣщанію, писанному лѣтъ черезъ восемь послѣ перваго, значатся въ числѣ вновь пріобрѣтенныхъ княжескихъ селъ князя Ивана Даниловича семнадцать селъ, о которыхъ прямо сказано въ завѣщаніи, которое у кого куплено, или промѣнено. Во 2-хъ, тѣ же завѣщанія ясно показываютъ, что въ Москвѣ строго отдѣлялись княжескія недвижимыя имѣнія, которыми онъ владѣлъ по частному праву наравнѣ со всѣми вотчинниками, отъ владѣній, которыя принадлежали ему по государственному праву и не составляли частной княжеской собственности. Послѣднія владѣнія не поступали въ раздѣлъ и въ завѣщаніяхъ объ нихъ даже не упоминалось. И наконецъ, въ 3-хъ, въ отношеніи князя къ митрополиту и боярамъ въ завѣщаніяхъ писалось наслѣдникамъ: *„слушали бы есте отца нашего владыки, такоже старыхъ бояръ, кто хотѣлъ отцу нашему добра и намъ; и приказываю вамъ жити за одинъ, а лихихъ бы есте людей не слушали, и кто имѣтъ васъ сваживати“.*

Это писалъ Семенъ Ивановичъ, сынъ Калиты. Здѣсь всего лучше видна солидарность Калиты съ боярами. Такимъ образомъ, по завѣщаніямъ Московскій князь былъ богатѣйшимъ землевладѣльцемъ — собственникомъ, у котораго должны были быть одни интересы со всѣми московскими боярами и другими землевладѣльцами собственниками, болѣе или менѣе зависѣвшими отъ него, какъ отъ богатаго сосѣда, въ нужныхъ случаяхъ могущаго пособить имъ, а въ случаѣ ссоры и повредить; поэтому у бояръ былъ интересъ не ссориться съ княземъ и служить ему усердно. Князь, какъ сосѣдъ по имѣніямъ, былъ близокъ со всѣми боярами, не только по службѣ, но и по сосѣдству, находился съ ними въ частыхъ сношеніяхъ, но въ то же время онъ былъ государь всей Московской земли и сосѣднихъ земель, подчиненныхъ Москвѣ по государственному праву. Здѣсь онъ уже не былъ безотчетнымъ хозяиномъ—собственникомъ, а правилъ государствомъ вмѣстѣ съ боярами, какъ прямо говорится въ завѣщаніи: „слушали бы отца нашего владыки, такъ же старыхъ бояръ, кто хотѣлъ отцу нашему добра и намъ“. Конечно, между Московскимъ княземъ и московскими боярами не было заключено договора, утвержденнаго грамотою, или, иначе сказать, не было писаной конституціи, но за то этотъ негласный договоръ, эта неписаная, не формулированная конституція жила въ обычаѣ, въ самой жизни, въ солидарности интересовъ той и другой стороны. Князь и бояре, хорошо обезпеченные въ своихъ частныхъ интересахъ, ясно видѣли на самомъ опытѣ всю пользу дружной и согласной дѣятельности въ дѣлахъ государственныхъ и всю пагубу вражды и розни; они не могли не замѣтить какъ все преклонялось и падало предъ ихъ дружною и согласною дѣятельностью, какъ могущественные противники, борьба съ которыми казалась даже невозможною, оказывались слабыми и безсильными. Все это и безъ договоровъ и формулированныхъ конституцій заставляло князя и бояръ въ Москвѣ строго соблюдать взаимность сложившихся отношеній и дружно, безъ розни, работать на общую пользу государства. Эта-то дружная дѣятельность, постепенно укрѣплявшаяся еще со времени Даніила Александровича, при князѣ Иванѣ Даниловичѣ достигла того, что при встрѣчѣ съ этою дружною дѣятельностью Московскаго князя и московскихъ бояръ всякая сила и могущество оказывались слабыми и недостаточными и эта же дружная дѣятельность при Иванѣ же Даниловичѣ рѣшительно утвердила незыблемость могущества Москвы и дала Ивану Даниловичу имя—*собирателя земли Русской*.

По смерти Московскаго князя, Ивана Даниловича Калиты, сыновья его: Семенъ, Иванъ и Андрей отправились въ Орду. Узбекъ принялъ ихъ какъ знакомыхъ, ибо они еще при отцѣ были уже по нѣсколько разъ въ Ордѣ и работали противъ Александра Михайловича по указанію отца. При такомъ знакомствѣ съ Ордою московскимъ княжичамъ не могло быть соперниковъ между другими князьями и Узбекъ далъ ярлыкъ на великое княженіе Владимирское и Московское старшему сыну Калиты, Семену Ивановичу, а прочихъ князей, пріѣзжавшихъ тогда же въ Орду, отпустилъ по домамъ, кажется, съ наказомъ повиноваться князю Московскому; по крайней мѣрѣ намъ извѣстно, что Семенъ Ивановичъ первый изъ Московскихъ князей сталъ назы-

вать себя княземъ всей Руси, а прочiе русскiе князья по его приглашенiю съѣзжались къ нему въ Москву и слушались его приказанiй.

Первымъ дѣломъ князя Семена Ивановича, прозваннаго гордымъ, было покончить счеты съ Новгородомъ, недоконченные отцомъ его по случаю смерти. Вскорѣ по возвращенiи изъ Орды, князь Семенъ Ивановичъ отправилъ своихъ намѣстниковъ и даньщиковъ въ Торжокъ сбирать дань, но Новоторжцы и Новгородцы воспротивились такому насилiю и послали сказать Московскому князю: *„ты еще не сѣлъ у насъ на княженiи, а уже бояре твои сигу дѣютъ“*. Получивши такой отзывъ Новгородцевъ, великiй князь Семенъ Ивановичъ созвалъ съѣздъ изъ всѣхъ русскихъ князей на Москвѣ, откуда всѣ князья съ своими полками отправились въ Новгородскiя владѣнiя и заняли Торжокъ. Новгородцы поспѣшили собрать свои полки для защиты Новгорода, а между тѣмъ отправили посольство къ Московскому князю, которое и заключило съ княземъ миръ на томъ, чтобы Новгородцы приняли княжескихъ намѣстниковъ и дозволили князю собрать черный боръ со всей Новгородской земли и тысячу рублей съ Торжка. Такимъ образомъ, князь Семенъ Ивановичъ однимъ походомъ покончилъ счеты съ Новгородомъ, начатые его отцомъ, и сверхъ того убѣдился, что сосѣднiе князья дѣйствительно состоятъ въ его воли и послушны его требованiямъ. Не имѣя себѣ внѣшнихъ противниковъ, онъ занялся украшенiемъ Москвы, чтобы и по наружности сравнять ее съ старыми знатными городами.

Между тѣмъ въ 1340 году умеръ ханъ Узбекъ и въ Ордѣ начались междоусобiя, продолжавшiяся цѣлый годъ. Великiй князь Семенъ Ивановичъ, выждавъ окончанiя ордынскаго междоусобiя и узнавши, что новый ханъ Чанибекъ чрезъ своего посла отнялъ Рязань у Рязанскаго князя и отдалъ Пронскому князю, не желая дождаться чего нибудь подобнаго себѣ, въ 1341 году поспѣшилъ въ Орду, и тѣмъ больше, что Тверской, Суздальскiй, Ростовскiй и Ярославскiй князья всѣ вмѣстѣ отправились въ Орду напередъ. Ханъ Чанибекъ не измѣнилъ положенiя русскихъ князей и попрежнему оставилъ великое княженiе Владимирское за княземъ Московскимъ. Но черезъ два года опять понадобилось ѣхать въ Орду и Московскiй князь опять повезъ съ собою всѣхъ князей; зачѣмъ былъ этотъ съѣздъ князей у хана—лѣтопись не говоритъ, но только упоминаетъ, что Московскiй князь возвратился отъ хана съ пожалованiемъ и со многою честiю. Князю Семену Ивановичу не было противника въ Русской землѣ; онъ даже прянялъ подъ свое покровительство жену и дѣтей покойнаго Александра Михайловича Тверского, которыхъ сталъ обижать тогдашнiй великiй князь Тверской, Константинъ Михайловичъ, прежнiй послушный союзникъ Ивана Даниловича, и далъ въ Москвѣ убѣжище Александрову сыну, Всеволоду, а потомъ помогъ ему отправиться въ Орду тягаться съ его дядею, Константиномъ Михайловичемъ. Когда же Константинъ умеръ въ Ордѣ, Всеволодъ Александровичъ при московской же помощи получилъ отъ хана ярлыкъ на великое княжество Тверское подъ другимъ дядею своимъ, Василiемъ Михайловичемъ; а потомъ князь Семенъ Ивановичемъ вступилъ даже въ близкое родство съ семействомъ Александра Михайловича, женившись на дочери его Марiи Александровнѣ. Вступленiе Семена Ивановича въ родство съ семействомъ

заклятаго врага отцу его, Ивану Даниловичу, и принятіе этого семейства подъ свое покровительство противъ прежняго послушнаго союзника, Константина, ясно показываетъ, что здѣсь дѣйствовала не одна личность князя, но цѣлое московское правительство, постоянно искавшее случая вмѣшаться во внутреннія дѣла сосѣднихъ княженій, чтобы такимъ образомъ постоянно держать ихъ въ зависимости. Только для такой не личной системы не могло быть ни заклятыхъ враговъ, ни неизмѣнныхъ друзей и послушниковъ.

Когда Московскому князю не было противниковъ во всей здѣшней сторонѣ, когда всѣ здѣшніе князья находились у него въ послушаніи, Москвѣ явился сильный неизвѣстный прежде противникъ — князь Литовскій, Ольгердъ. Ольгердъ еще въ 1340 году нападалъ на Можайскъ и Тишиновъ и сдѣлалъ большое опустошеніе, потомъ вступился въ дѣла псковскія и новгородскія; за все это Московскій князь отомстилъ въ 1344 году принятіемъ подъ свое покровительство рассорившихся съ Ольгердомъ его братьевъ. Такимъ образомъ, Москва уже не ограничивалась княжествами здѣшняго края, а волей-неволей принуждена была вмѣшаться и въ дѣла сосѣдей, значитъ твердо уже стала на той большой дорогѣ, на которой московское вліяніе необходимо должно было распространяться все далѣе и далѣе. Ольгердъ, чтобы отстранить Московскаго князя отъ вмѣшательства въ литовскія дѣла, отправилъ большое посольство подъ начальствомъ брата своего, Коріада, къ хану Чанибеку, стараясь вооружить его противъ Московскаго князя. Но тогда не то еще было время, чтобы литвину можно было вооружить Орду на Московскаго князя; при ханскомъ дворѣ постоянно жили Московскіе бояре для огражденія московскихъ интересовъ; они немедленно дали вѣсть Московскому князю о большомъ литовскомъ посольствѣ и зачѣмъ оно пріѣхало. Князь немедленно выслалъ свое посольство, которое при помощи московской партіи между ордынскими вельможами повернуло дѣло такъ ловко, что Чанибекъ приказалъ руками выдать Московскому князю литовскихъ пословъ и Ольгердова брата Коріада и отправилъ ихъ въ Москву подъ охраною собственнаго посланника. Ольгердъ, потерпѣвъ полную неудачу въ Ордѣ, невольно сталъ заискивать расположенія Московскаго князя и отправилъ въ Москву свое посольство съ богатыми дарами и просьбою о мирѣ и объ отпускѣ Коріада и посольства домой. Московскій князь согласился на предложенный миръ и отпустилъ Коріада и посольство въ Литву. А вслѣдъ затѣмъ Ольгердъ вступилъ въ родство съ Московскимъ княземъ, женившись на родной сестрѣ Московской княгини, второй дочери Александра Михайловича Тверского, Юліаніи, причемъ Ольгердъ присылалъ въ Москву посольство съ просьбою о дозволеніи вступить въ этотъ бракъ. Значитъ семейство Александра Михайловича было рѣшительно подъ опекою князя Семена Ивановича Московскаго.

Въ 1351 году великій князь Семенъ Ивановичъ поднялъ всѣхъ русскихъ князей здѣшняго края на Смоленскъ. Войска Московскаго князя и его послушныхъ союзниковъ уже стали выше города на Поротвѣ, но до битвы дѣло не дошло: на Поротву явились послы Литовскаго князя Ольгерда съ предложеніемъ остановить войну и заключить миръ. Московскій князь, не желая вооружать противъ себя Ольгерда, согласился на заключеніе мира и отпустилъ литовскихъ

пословъ, а самъ подвинулся къ Угрѣ, ближе къ Смоленску, куда и пришли къ нему Смоленскіе послы. Простоявъ на Угрѣ восемь дней, князь Семенъ Ивановичъ отправилъ свое посольство въ Смоленскъ и, заключивъ миръ, возвратился домой. Что было причиною этой войны и на какихъ условіяхъ былъ заключенъ миръ, лѣтописи объ этомъ рѣшительно не говорятъ ничего; но для насъ эта война важна, какъ свидѣтельство, что Москва здѣсь является представительницею восточной Руси и становится лицомъ къ лицу съ Литвою, какъ представительницею западной Руси, и обѣ слѣдятъ другъ за другомъ. Это еще небывалая роль Москвы.

Между тѣмъ въ Твери продолжались смуты и ссоры между великимъ княземъ Тверскимъ, Всеволодомъ Александровичемъ, и его дядею, княземъ Кашинскимъ, Василіемъ Михайловичемъ, такъ что въ 1347 году они нашли нужнымъ отправиться въ Орду къ хану Чанибеку для разбора споровъ. Чанибекъ, кажется по ходатайству Москвы, рѣшилъ споръ въ пользу Всеволода Александровича и по прежнему утвердилъ за нимъ великое княженіе Тверское, чѣмъ разумѣется споры не окончились: князь Кашинскій продолжалъ подымать недовольныхъ противъ своего племянника и великаго князя, такъ что дѣло едва не дошло до кровопролитія. Въ 1348 году Тверской епископъ Ѳеодоръ успѣлъ было примирить враждующихъ, убѣдивъ Всеволода Александровича уступить тверской престолъ своему дядѣ, Василію Кашинскому; помирившись, оба цѣловали крестъ жить въ совѣтѣ и единомысліи. Но миръ этотъ продолжался не болѣе двухъ лѣтъ, именно до тѣхъ поръ, пока князь Кашинскій не получилъ ярлыка ханскаго на великокняжескій Тверской престолъ. По полученіи ярлыка, Василій Михайловичъ началъ тѣснить племянника своего, Всеволода Александровича, и въ нарушеніе договора отягощать излишними данями бояръ Всеволодовыхъ и вообще наносить обиды какъ Всеволоду, такъ и его боярамъ. Впрочемъ не въ одной Твери начались смуты и ссоры, въ самой Москвѣ не обошлось безъ нихъ. Хотя лѣтописи не упоминаютъ о какомъ либо нелюбьи между великимъ княземъ Семеномъ Ивановичемъ и его братьями—Иваномъ и Андреемъ Ивановичами, но до насъ дошла подлинная договорная грамота, заключенная княземъ Семеномъ Ивановичемъ, написаная не раньше 1347 или 1348 года. Въ этой грамотѣ, къ сожалѣнію плохо сохранившейся, мы встрѣчаемъ, что между Семеномъ и его братьями едвали не было войны, ибо въ грамотѣ есть мѣсто, къ сожалѣнію вытертое, гдѣ сказано: „*А которые люди по нашимъ волостемъ выиманы нын.... войны де... намъ къ себѣ не пріимате*". Какъ бы то ни было, по грамотѣ видно, что князь Семенъ Ивановичъ нашелся вынужденнымъ заключить съ родными братьями договоровъ и закрѣпить его крестнымъ цѣлованіемъ у родительскаго гроба. Въ этомъ договорѣ въ числѣ первыхъ условій поставлено, чтобы старшій братъ безъ младшихъ ни съ кѣмъ не заключалъ договоровъ. Кромѣ свидѣтельства о какой-то ссорѣ между Московскими князьями — братьями, въ настоящей грамотѣ есть еще важное указаніе о крамолѣ боярина Алексѣя Петровича Босаволока. Въ грамотѣ объ этомъ дѣлѣ сказано такъ: „*А что Олекса Петровичъ вшелъ въ коромолу къ великому князю, намъ князю Ивану и князю Андрею къ себѣ его непріимати, ни его дѣтей, и не надеитись ны его къ собѣ до Оле-*

ксѣева живота; воленъ въ немъ князь великій, и въ его женѣ и въ его дѣтехъ. А тобѣ, господине, князь великій, къ собѣ его непріимати въ бояре, а мнѣ, князю Ивану, что далъ князь великій изъ Алексѣева живота, того ми Алексѣю не давати, ни его женѣ, ни его дѣтемъ, ни инымъ ничѣмъ не подмогати ихъ". Грамота была заключена при свидѣтельствѣ тысяцкаго, бояръ и окольничихъ. Такимъ образомъ, московскіе бояре, до сего времени согласно и дружно работавшіе съ своими князьями, теперь стали заводить крамолу, ссорить князей и притомъ крамола была такъ сильна, что о заводчикѣ крамолы бояринѣ Алексѣѣ Петровичѣ понадобилось упомянуть въ договорной грамотѣ князей, а князья братья должны были обязаться клятвою не принимать крамольнаго боярина и его дѣтей; у крамольнаго боярина было отобрано имѣніе и раздѣлено между князьями. Эта новость въ исторіи Москвы, съ одной стороны, объясняется болѣе близкимъ знакомствомъ московскихъ бояръ съ боярскимъ бытомъ въ сосѣднихъ княжествахъ, особенно въ Твери. О бояринѣ Алексѣѣ Петровичѣ мы именно знаемъ, что онъ въ 1346 году былъ посылаемъ въ Тверь за невѣстою великаго князя, Маріею Александровною, и, конечно, былъ выбранъ на это дѣло, какъ человѣкъ имѣвшій въ Твери связи и хорошо знакомый съ бытомъ Тверичей, а можетъ быть при Иванѣ Даниловичѣ бывавшій въ Твери и участвовавшій въ заведеніи крамолы тамошними боярами; освоившись же съ чужою крамолою, вздумалъ провести ее и въ Москвѣ. Съ другой стороны въ вызовѣ на крамолу безъ сомнѣнія участвовалъ и характеръ великаго князя Семена Ивановича, ибо Семенъ Ивановичъ по характеру своему далеко не походилъ на своего отца, Ивана Даниловича, осторожнаго и ласковаго съ боярами и народомъ. Разницу характеровъ того и другого князя лучше всего объясняютъ тѣ прозвища, которыми они отмѣчены въ народѣ и въ лѣтописяхъ: Ивана Даниловича прозвали *Калитою*, т. е. милостивымъ, щедрымъ, а Семена Ивановича — *Гордымъ*, неприступнымъ. Конечно, отъ гордости князя прежде всего должны были терпѣть высокомѣрные бояре, привыкшіе къ ласковому и дружественному обхожденію прежнихъ князей, строителей величія Москвы. Новое непривычное обращеніе князя естественно должно было возбудить неудовольствіе и крамолу бояръ, особенно богатѣйшихъ изъ нихъ и тѣхъ, которые понавыкли къ крамолѣ, производя ее въ сосѣднихъ княжествахъ.

Великій князь Семенъ Ивановичъ скончался отъ черной смерти въ 1352 году, на 36 году отъ рожденія, кажется не уничтоживъ, какъ слѣдуетъ, боярской крамолы, затѣянной Алексѣемъ Петровичемъ, и только успѣвши примирить своихъ братьевъ.

Двѣнадцатилѣтнее княжествованіе Семена Ивановича было самымъ блестящимъ временемъ въ исторіи Москвы. Семенъ Ивановичъ вполнѣ умѣлъ воспользоваться успѣхами своихъ предшественниковъ и поставилъ Москву на такую высоту, что всѣ княженія здѣшняго края безпрекословно повиновались повелѣніямъ Московскаго князя. Князь Семенъ Ивановичъ во все свое княженіе не встрѣтилъ ни разу никакого сопротивленія ни отъ одного изъ князей здѣшняго края, а о соперничествѣ съ нимъ никто не смѣлъ и думать; мало этого, онъ успѣлъ выдвинуть вліяніе Москвы даже на дѣла западной Руси, т. е.

первый выставилъ всероссійское значеніе Москвы. Но съ другой стороны, то же время княженія Семена Ивановича и именно вслѣдствіе характера этого князя было временемъ первой московской смуты, первой крамолы боярской, которую князь Семенъ Ивановичъ при всей своей энергіи не могъ уничтожить и которая сразу дала знать о себѣ пониженіемъ вліянія Москвы на сосѣдей. Сосѣди скоро увидали, что и въ Москвѣ можно мутить и только что умеръ князь Семенъ Ивановичъ, едвали его успѣли еще похоронить, какъ уже явился соперникъ Московскому князю, хотя на первый разъ и безъуспѣшный.

По смерти князя Семена Ивановича, братъ его, Иванъ Ивановичъ, отправился по порядку въ Орду за ханскимъ утвержденіемъ на княжествѣ; въ ордынскихъ вельможахъ Московской партіи, какъ старый знакомый, онъ встрѣтилъ обычную пріязнь, но въ то же время онъ встрѣтилъ въ Ордѣ и соперника, князя Суздальскаго, Константина Васильевича, за котораго ходатайствовало передъ ханомъ новгородское посольство и который искалъ великаго княженія Владимирскаго. Впрочемъ московская партія, еще сильная при ханскомъ дворѣ, одолѣла и Владимирское великое княженіе отдано ханомъ князю Московскому, Ивану Ивановичу. Въ этомъ дѣлѣ важно не то, что московская партія при ханскомъ дворѣ успѣла выхлопотать княженіе Владимирское Московскому князю, этого иначе, разумѣется, и быть не могло—Московскій князь давно былъ тамъ знакомъ, а важно и знаменательно то, что осмѣлился явиться соперникъ Московскому, да и притомъ же изъ Суздальскихъ князей, всегдашнихъ послушныхъ союзниковъ Москвы. Значитъ Московская боярская крамола не дремала, ходя заводчикъ ея Алексѣй Петровичъ и былъ изгнанъ покойнымъ княземъ Семеномъ Ивановичемъ. Вліяніе этой крамолы еще сильнѣе высказалось въ другомъ дѣлѣ: въ первый же годъ княженія Ивана Ивановича Рязанскій князь, еще молодой, Олегъ Ивановичъ напалъ на московскія владѣнія и взялъ пограничный московскій городъ Лопасню; дѣло Рязанскаго князя было бы немыслимо при Иванѣ Калитѣ, или Семенѣ Гордомъ, а теперь Московскій князь даже не мстилъ за обиду и безсильно смотрѣлъ, какъ намѣстники князя Рязанскаго сидѣли въ московскомъ городѣ Лопаснѣ. Въ лѣтописяхъ нѣтъ и намека на попытку князя Ивана Ивановича къ возвращенію отнятой Рязанцами Лопасни; мало этого, Московскій князь на другой годъ нашелся вынужденнымъ заключить миръ съ своимъ соперникомъ, княземъ Константиномъ Васильевичемъ Суздальскимъ, а на слѣдующій годъ Московскій князь дозволилъ безпрепятственно Литовскому князю, Ольгерду, воевать Смоленскъ и не имѣлъ силы вступиться за Смоленскаго князя.

Небывалое доселѣ бездѣйствіе Московскаго князя въ дѣлахъ, такъ близко относящихся къ Москвѣ, въ дѣлахъ не только оскорбительныхъ, но и убыточныхъ для Москвы, конечно, нельзя объяснять уступчивымъ характеромъ князя Ивана Ивановича,—не уступилъ же онъ Владимирскаго престола князю Суздальскому; да ежели бы и можно было допустить уступчивость со стороны князя, то чего же смотрѣли бояре московскіе, еще недавно такъ усердно трудившіеся на возвеличеніе Москвы, какъ они могли вынести такое оскорбительное пренебреженіе къ правамъ Москвы отъ сосѣдей; куда же дѣлась энергія сотрудниковъ

Ивана Калиты и Семена Гордаго? Не вымерли же они всѣ въ пять—шесть лѣтъ! Причина таковаго безчестнаго бездѣйствія явно заключается не въ недостаткѣ ума и энергіи, которыми такъ еще недавно отличались государственные дѣятели Москвы, а въ смутѣ, въ розни, которая появилась между московскими боярами и княземъ въ послѣдніе годы княженія Семена Ивановича и которая, конечно, не могла уничтожиться изгнаніемъ заводчика розни, боярина Алексѣя Петровича. Лѣтописцы долго молчали объ этой розни и мы о ней узнали только изъ договорной грамоты Семена Ивановича съ братьями, но наконецъ лѣтописцы проговорились и мы вдругъ подъ 1355 годомъ читаемъ удивительное, ничѣмъ не предупрежденное извѣстіе: „Тоеже зимы мѣсяца февраля въ 3-й день сотворись на Москвѣ въ нощи, егда завтреню благовѣстятъ, убіенъ быть тысяцкій московскій, Алексѣй Петровичъ. Убіеніе же его страшно и незнаемо и невѣдомо ни отъ когоже: точію обретеся убіенъ лежа на площади, егда заутреню благовѣстятъ. И нѣціи глаголютъ о немъ, яко совѣтъ сей сотворися или отъ бояръ, или отъ иныхъ втайнѣ. И тако убіенъ бысть, якоже князь великій Андрей Боголюбскій отъ Кучковичевъ; и бысть мятежъ великій на Москвѣ того ради убійства. И тако тоеже зимы по послѣднемъ пути большіи бояре московскіи отъѣхаша на Рязань съ женами и дѣтьми“.

Это совершенно отрывочное извѣстіе по лѣтописямъ въ сопоставленіи съ свидѣтельствомъ договорной Семеновой грамоты раскрываетъ передъ нами всю связь событій, которую старались закрыть лѣтописи. Тысяцкій, убитый на площади неизвѣстно кѣмъ въ 1355 году, тотъ же самый Алексѣй Петровичъ, который по грамотѣ былъ изгнанъ княземъ Семеномъ Ивановичемъ и не принимать котораго Московскіе князья—братья клялись у родительскаго гроба. Тайное убійство этого изгнаннаго князьями тысяцкаго, по извѣстію лѣтописи, произвело въ Москвѣ страшный мятежъ и большіе бояре московскіе той же зимы по послѣднему пути отъѣхали съ семействами въ Рязань. Значитъ старый заводчикъ крамолы, бояринъ Алексѣй Петровичъ, изгнанный князьями, клявшимися у гроба родительскаго не возвращать его, былъ не только возвращенъ въ Москву, но и получилъ самый высшій земскій чинъ тысяцкаго. Кто же его возвратилъ и выбралъ в тысяцкіе? Лѣтописи объ этомъ прямо и ясно не говорятъ, но по убіеніи его былъ большой мятежъ и большіе бояре московскіе отъѣхали въ Рязань; значитъ возвратила Алексѣя Петровича и выбрала въ тысяцкіе партія большихъ московскихъ бояръ и она же произвела великій мятежъ изъ-за его убійства и, потерпѣвши неудачу, отъѣхала въ Рязань къ тому самому еще юному Рязанскому князю Олегу Ивановичу, который три года назадъ безнаказанно захватилъ пограничный московскій городъ Лопасню. Значитъ и завоеваніе Лопасни и оставленіе Олега безъ наказанія, и даже безъ попытки наказать его, имѣетъ тѣсную связь съ крамолой московской партіи большихъ бояръ; значитъ московскій князь бездѣйствовалъ, когда оскорбляли Москву сосѣди, не по уступчивости характера, а потому, что ради розни и крамолы въ самой Москвѣ не могъ дѣйствовать, что крамольная партія была очень сильна и стѣсняла власть князя, что князю было не до внѣшнихъ отношеній къ сосѣдямъ, когда онъ не могъ воспрепятствовать возвращенію того

самаго заводчика прежней смуты, котораго не возвращать онъ клялся у гроба отца.

Но убійство крамольнаго тысяцкаго, кажется предпринятое для избавленія отъ крамолы, не принесло тѣхъ плодовъ, которыхъ отъ него ожидали: оно произвело сильный мятежъ, кончившійся отъѣздомъ большихъ бояръ въ Рязань; слѣдовательно, убійство не дало примиренія, а только усилило рознь; крамольники удалились изъ Москвы, чтобы дѣйствовать свободнѣе на сторонѣ. Хотя великому князю, Ивану Ивановичу, черезъ годъ и удалось воротить двухъ бояръ, отъѣхавшихъ въ Рязань, но тамъ еще осталось ихъ довольно, и, кажется, не безъ ихъ участія вслѣдъ затѣмъ былъ поднятъ вопросъ объ опредѣленіи границъ между Рязанью и Москвою, для чего былъ приглашенъ въ Рязань великій посолъ изъ Орды, царевичъ Моматъ-Хожа. Но эта затѣя Рязанцевъ и крамольныхъ московскихъ отъѣзчиковъ не удалась: Московскій князь не пустилъ въ свои владѣнія татарскаго царевича, приглашеннаго Рязанцами, а между тѣмъ ханъ по какой-то клеветѣ, можетъ быть московской партіи въ Ордѣ, отозвалъ царевича назадъ и тамъ за какую-то крамолу приказалъ его убить. Тѣмъ и кончилось размежеваніе границъ между Рязанью и Москвою. Черезъ годъ, послѣ шестилѣтняго княженія скончался великій князь, Иванъ Ивановичъ, на 31 году отъ рожденія, оставивъ послѣ себя двухъ сыновей, изъ коихъ старшему Димитрію было только 9 лѣтъ. Изъ духовныхъ завѣщаній, оставленныхъ великимъ княземъ, Иваномъ Ивановичемъ, оказывается, что онъ умеръ не размежевавшись съ Рязанью, и даже не надѣясь удержать за Москвою не только прежнихъ рязанскихъ мѣстъ, лежавшихъ на московской сторонѣ Оки, но и самой Коломны, стараго московскаго города. Въ грамотѣ, или завѣщаніи своемъ онъ пишетъ: „А ежели по грѣхомъ станутъ изъ Орды искать Коломны, или Лопастинскихъ мѣстъ, или отмѣнныхъ мѣстъ рязанскихъ, и ежели по грѣхомъ отъимется которое мѣсто, дѣти мои: князь Дмитрій и князь Иванъ, и князь Володимеръ въ то мѣсто и княгини подѣлятся безпеньными мѣсты“, т. е. владѣніями, которыя въ этомъ краю останутся по ханскому суду за Москвою. Значитъ, умирающій князь хорошо зналъ, что въ Ордѣ шла работа не въ пользу Москвы.

Послѣ великаго князя, Ивана Ивановича, Москва осталась въ такомъ слабомъ и разстроенномъ внутренними крамолами положеніи, что московскіе бояре первоначально даже не осмѣлились и искать въ Ордѣ великаго княженія Владимирскаго своему малолѣтнему князю, Дмитрію Ивановичу, и ханъ отдалъ Владимирскій престолъ Суздальскому князю Дмитрію Константиновичу. Но, кажется, малолѣтство наслѣдника послужило на пользу Москвѣ: бояре при малолѣтномъ князѣ естественно сдѣлались отъ имени князя правителями государства и, помня несчастія происшедшія отъ розни, успѣли какъ-то уладиться и начали дѣйствовать дружно и единодушно. Это естественно не могло сдѣлаться вдругъ, только черезъ два года по смерти Іоанна московскіе бояре, наконецъ, собрались везти своего одинадцатилѣтняго князя въ Орду, чтобы получить ярлыкъ на Московское княжество. А потомъ, пользуясь междоусобіями, бывшими тогда въ Ордѣ, московскіе бояре предъявили споръ и противъ Суздальскаго князя Дмитрія Константиновича о владѣніи великимъ кня-

жествомъ Владимирскимъ, довели дѣло до суда ханскаго и своими происками въ Ордѣ вынесли отъ хана Амурата ярлыкъ на Владимирское княжество своему малолѣтнему князю, Дмитрію Ивановичу. Собравши войско, бояре принудили Дмитрія Константиновича удалиться изъ Владимира въ Переяславль, а потомъ выгнали его и изъ Переяславля. Такимъ образомъ, по прекращеніи домашней розни, бояре московскіе съ перваго же разу показали, что въ нихъ еще не вымерла прежняя энергія стороителей московскаго величія, что Москва по прежнему сильна и не боится соперниковъ, хотя бы и утвержденныхъ ханомъ.

По прогнаніи князя Дмитрія Константиновича изъ Переяславля, московскіе бояре повезли своего одинадцатилѣтняго князя, Дмитрія Ивановича, брата его, Ивана Ивановича и двоюроднаго брата, Владимира Андреевича, во Владимиръ. Посадивъ Дмитрія на Владимирскомъ престолѣ и проживъ во Владимирѣ три недѣли, всѣ — и князья и бояре возвратились въ Москву. Между тѣмъ, московская боярская партія въ то же время слѣдила зорко за междоусобіями въ Ордѣ и, замѣтивъ, что соперникъ Амурата ханъ Мамаевой Орды Авдулъ началъ усиливаться, успѣла выхлопотать ярлыкъ своему князю и отъ Авдула. Ханъ Амуратъ, узнавши объ этомъ, разгнѣвался на Московскаго князя, и съ Бѣлозерскимъ княземъ, бывшимъ тогда у него въ Ордѣ, и съ своимъ посломъ отправилъ къ Суздальскому князю, Дмитрію Константиновичу, ярлыкъ на великое княженіе Владимирское. Суздальскій князь, получивъ ярлыкъ отъ Амурата, съ ханскимъ посломъ и съ княземъ Бѣлозерскимъ немедленно отправился во Владимиръ и вторично занялъ Владимирскій великокняжескій престолъ. Но теперь уже была не прежняя пора московской розни: бояре московскіе быстро собрали сильную рать и повели своего великаго князя и его братьевъ къ Владимиру. Дмитрій Константиновичъ, покняживши во Владимирѣ только 12 дней, принужденъ былъ бѣжать въ Суздаль; московскіе бояре съ своими князьями погнались за нимъ и туда и принудили его бѣжать въ Нижній-Новгородъ къ его старшему брату, Андрею Константиновичу. Потомъ не откладывая до другого времени, благо войско было въ сборѣ, бояре московскіе подчинили власти своего князя Ростовскаго князя Константина; затѣмъ, за одинъ походъ согнали съ Галичскаго княженія тамошняго князя, Димитрія, а съ Стародубскаго княженія Стародубскаго князя, Ивана Ѳедоровича; такимъ образомъ, за одинъ походъ бояре покончили съ тремя удѣльными княжествами и присоединили ихъ къ московскимъ владѣніямъ. Изгнанные князья всѣ собрались въ Нижнемъ-Новгородѣ у тамошняго князя Андрея Константиновича, или скорѣе, къ брату его, бывшему Владимирскому князю, Димитрію; но не московскимъ боярамъ, прекратившимъ домашнюю рознь, бояться изгнанниковъ! Правду сказать, изгнанники на другой годъ успѣли выхлопотать въ Ордѣ ярлыкъ на Владимирское княженіе своему покровителю, Димитрію Константиновичу, но этотъ, тѣснимый своимъ роднымъ братомъ, Борисомъ Константиновичемъ, самъ отослалъ вынесенный ярлыкъ Московскому князю и просилъ его защиты противъ Бориса, уже завладѣвшаго Нижнимъ-Новгородомъ. Бояре московскіе не замедлили выслать въ помощь ему рать и подѣлили враждующихъ братьевъ; такимъ

образомъ, прежняго соперника своему князю они обратили въ послушнаго и благодарнаго союзника.

Между тѣмъ въ Тверскомъ княженіи ссоры князей, начавшіяся еще при великомъ князѣ Семенѣ Ивановичѣ, продолжались: Кашинскіе князья тѣснили попрежнему Холмскихъ князей, покровительствуемыхъ при Семенѣ Ивановичѣ Москвою, а при Иванѣ Ивановичѣ—оставленныхъ безъ покровительства. Къ этимъ ссорамъ, во время Дмитрія Ивановича, присоединился новый поводъ: князь Семенъ Константиновичъ, умирая бездѣтнымъ, отдалъ удѣлъ свой Холмскому князю, Михаилу Александровичу. Наконецъ, въ это дѣло вмѣшалась Москва, не желая упустить удобнаго случая, чтобы опять взять подъ свою опеку Тверскихъ князей, какъ это было при Иванѣ Даниловичѣ, при сынѣ его, Семенѣ Гордомъ. Вмѣшательство это началось слѣдующимъ образомъ: спорящіе князья просили митрополита Алексѣя разсудить ихъ святительскимъ судомъ; митрополитъ приказалъ это сдѣлать тверскому епископу, Василію; Василій разсудилъ споръ въ пользу Михаила Александровича Холмскаго. Такое рѣшеніе тверского спора не понравилось въ Москвѣ, ибо московскіе бояре, хорошо развѣдавши о способностяхъ и характерѣ Михаила Александровича Холмскаго, признали его опаснымъ для Москвы и вовсе не имѣли желанія его усиливать. Посему митрополитъ Алексѣй, дѣйствовавшій заодно съ боярами московскими, какъ непремѣнный участникъ въ правленіи, вызвалъ тверского епископа Василія въ Москву и тамъ передъ боярами осудилъ его за неправильный судъ надъ Тверскими князьями. Затѣмъ, московскій судъ оправдалъ князя Кашинскаго, для сего нарочно пріѣзжавшаго съ своими родственниками въ Москву. Въ Москвѣ, довольные его пріѣздомъ и искательствами, дали ему московское войско и отпустили домой управляться съ соперникомъ. Но соперника его уже не было въ Тверской землѣ, онъ напередъ зная, что московскій судъ кончится не въ его пользу, еще до суда уѣхалъ въ Литву къ своему зятю, Ольгерду. Московская рать, провожавшая Кашинскаго князя, сильно пограбила тверскія владѣнія и, не встрѣчая противниковъ, возвратилась домой. Но лишь распустили московскую рать по домамъ, какъ Михайло Александровичъ, нежданно-негаданно, явился въ тверскихъ владѣніяхъ съ литовскою ратью, занялъ Тверь, захватилъ тамъ женъ и бояръ своихъ противниковъ и немедленно двинулся къ Кашину. Кашинскій князь, Василій Михайловичъ, безъ московской помощи не имѣя силъ противиться, выслалъ на встрѣчу Михаилу отъ епископа Василія и отъ себя посольство съ просьбою о мирѣ, обѣщая во всемъ повиноваться своему племяннику. Михаилъ, довольный этими условіями, заключилъ миръ и съ Кашинскимъ княземъ и съ московскимъ. Но, разумѣется, этотъ миръ не могъ быть прочнымъ: его условія, заключенныя по необходимости, явно были неугодны въ Москвѣ, соперники Михаила тяготились ими и одинъ изъ нихъ, князь Еремѣй Константиновичъ, сложилъ крестное цѣлованіе и поѣхалъ въ Москву.

Въ Москвѣ почти цѣлый годъ думали, какъ бы поправить тверское дѣло и, наконецъ, въ 1367 году надумались такъ не ловко и неосторожно, какъ рѣдко случалось московскимъ боярамъ. Они отъ имени своего семнадцатилѣтняго князя и отъ имени митрополита, уважае-

маго всѣми Алексѣя, зазвали въ Москву князя Михаила Александровича въ гости и, зазвавши, завели рѣчи о тверскихъ дѣлахъ, а затѣмъ нарядили третейскій судъ, и измѣннически схватили самого Михаила и посадили подъ арестъ на Гавшинѣ Дворѣ, а бояръ, бывшихъ съ нимъ, разсадили по другимъ дворамъ также подъ стражу. Къ чему бы повело московскихъ бояръ такое гадкое начало — мы не знаемъ, ибо, къ счастью ихъ, нечаянно пріѣхали изъ Орды три татарскихъ князя. Испугавшись ихъ пріѣзда, московскіе бояре поспѣшили отпустить князя Михаила Александровича и его бояръ, обязавши его клятвою остаться въ мирѣ съ Москвою. Но такого чернаго дѣла, конечно, нельзя было замазать никакою клятвою, это хорошо понимали сами московскіе бояре и немедленно принялись за оружіе; собравъ многочисленную рать, они отправили ее въ тверскія владѣнія, взяли Городокъ и отдали его князю Еремѣю Константиновичу, посадивши съ нимъ московскихъ намѣстниковъ. Михаилъ, не имѣя силъ, отправился искать помощи въ Литву; тогдашній литовскій князь, Ольгердъ, зять Михаила, давно искавшій повода вмѣшаться въ дѣла восточной Руси, съ такою быстротою собралъ значительную рать и вступилъ съ нею въ предѣлы московскихъ владѣній, что въ Москвѣ узнали о его походѣ только тогда, когда онъ уже успѣлъ занять лежавшіе по дорогѣ Стародубъ и Оболенскъ. Собравши наскоро ближайшіе полки московскіе, дмитровскіе и коломенскіе, бояре московскіе поспѣшили выслать ихъ къ Троснѣ, чтобы загородить дорогу Ольгерду. Но Ольгердъ разбилъ ихъ на голову и, не останавливаясь, двинулся къ Москвѣ. Москвичамъ, не успѣвшимъ приготовиться, осталось одно—сжечь пригородные посады и засѣсть въ осаду. Ольгердъ, подойдя къ Москвѣ и видя, что пригородные посады сожжены, а городъ укрѣпленъ надежно, принялся опустошать окрестности, и такое произвелъ опустошеніе, что Московскій князь и бояре, сидѣвшіе въ осадѣ, поспѣшили заключить миръ, разумѣется, на условіяхъ, предложенныхъ Ольгердомъ. По этому миру недавно захваченный Городокъ былъ возвращенъ и Михаилъ признанъ великимъ княземъ Тверскимъ, ему даже выдали упорнаго противника, князя Еремѣя Константиновича, проживавшаго въ Москвѣ. Такимъ образомъ, безчестное дѣло бояръ московскихъ принесло самые горькіе плоды и притомъ не послѣдніе.

Прошло уже два года послѣ литовскаго погрома; Михаилъ Александровичъ спокойно княжилъ въ Твери, а въ Москвѣ собирали силу такъ или иначе отмстить ему за литовскій погромъ. Наконецъ, въ послѣдніе дни второго года девятнадцатилѣтній Московскій князь отправилъ посланника въ Тверь съ объявленіемъ войны. Михаилъ, чувствуя себя не въ силахъ одному бороться съ Москвою, по прежнему удалился въ Литву просить помощи у Ольгерда, а Московскій князь на слѣдующій годъ лично повелъ свои войска въ Тверскую землю, взялъ тамошніе города Зубцовъ и Микулинъ и, сильно опустошивъ тверскія владѣнія, возвратился въ Москву съ богатою добычею и множествомъ плѣнниковъ. Но не успѣлъ еще осмотрѣться послѣ похода Московскій князь и только что распустилъ свои полки, какъ сильная литовская рать, предводимая Ольгердомъ, Михаиломъ Тверскимъ и Святославомъ Смоленскимъ, явилась подъ Волокомъ и,

не занимаясь долго осадою этого довольно укрѣпленнаго города, устремилась къ Москвѣ и въ декабрѣ сожгла всѣ московскіе посады. Но на этотъ разъ Москва была не въ такомъ беззащитномъ положеніи, какъ въ первый Ольгердовъ походъ; князь Владиміръ Андреевичъ, двоюродный братъ великаго князя, успѣлъ собрать значительную рать, при помощи князей Рязанскаго и Пронскаго, и, укрѣпясь въ Перемышлѣ, могъ отрѣзать Ольгерду отступленіе домой, или вести свою рать на выручку Москвы. Свѣдавъ объ этомъ, Ольгердъ поспѣшилъ заключить миръ на шесть мѣсяцевъ. Тѣмъ не менѣе миръ этотъ былъ не совсѣмъ въ пользу Москвы; по условіямъ этого мира Московскій князь обязался заключить миръ съ Михаиломъ Александровичемъ и отказаться отъ своихъ недавнихъ завоеваній въ Тверской землѣ. На этотъ разъ князь Михаилъ Александровичъ не думалъ уже сидѣть дома и ждать пока опять придетъ московская рать, напротивъ, въ концѣ той же зимы отправился въ Мамаеву орду, и такъ успѣлъ тамъ, что къ лѣту получилъ ярлыкъ на великое княженіе Владимирское и предложеніе взять съ собою татарскую рать, т. е. съумѣлъ стать въ такое же положеніе, въ какомъ когда-то былъ Иванъ Даниловичъ Калита, но онъ не рѣшился воспользоваться своимъ положеніемъ и, отказавшись отъ татарской рати, отправился только съ ярлыкомъ и ханскимъ посломъ, думая, можетъ быть, что въ Москвѣ не осмѣлятся противиться ханскому ярлыку. Въ Москвѣ, напротивъ, взглянули на это дѣло иначе: московскій князь, какъ только узналъ объ этомъ, немедленно привелъ къ крестному цѣлованію всѣхъ жителей Владимирскаго княженія не пускать въ свои города Тверского князя, несмотря на ханскій ярлыкъ. А посему Владимирцы не пустили къ себѣ ни Михаила, ни ханскаго посла. Ханскій посолъ, желая покончить какъ-нибудь порученное ему дѣло, послалъ къ Московскому князю требованіе, чтобы ѣхать во Владимиръ къ ярлыку, но получилъ отвѣтъ: „къ ярлыку не ѣду, Владимирскаго княженія не уступлю, а тебѣ послу путь чистъ". Къ этому отвѣту были еще прибавлены богатые дары ханскому послу и просьба, чтобы пожаловалъ въ Москву. Посолъ, чтобы развязаться съ дѣломъ, отдалъ ханскій ярлыкъ Михаилу Александровичу и, простившись съ нимъ, поѣхалъ будто-бы домой въ Орду, а самъ, между тѣмъ, повернулъ въ Москву, гдѣ не пощадили разумѣется ни ласки, ни почестей, ни даровъ, чтобы привлечь его на свою сторону и тѣмъ сколько-нибудь смягчить неуваженіе къ ханскому ярлыку, въ чемъ вполнѣ и успѣли. Посолъ пріѣхалъ изъ Москвы въ Орду ходатаемъ за Московскаго князя, а вслѣдъ за нимъ отправился въ Орду и самъ Московскій князь съ боярами и тамъ, задобривъ богатыми дарами могущественнаго при ханскомъ дворѣ татарскаго князя Мамая, былъ принятъ ласково и получилъ снова ярлыкъ на великое княженіе Владимирское; а къ Михаилу отъ хана былъ посланъ чисто татарскій отвѣтъ: „дали мы тебѣ великое княженіе и давали рать и силу посадить тебя на немъ; а ты рати не взялъ, обѣщаясь сѣсть своею силою; и ты сиди съ кѣмъ тебѣ любо, а отъ насъ помощи не жди". Мало этого, Татары выдали Московскому князю Михаилова сына, бывшаго въ Ордѣ. Такимъ образомъ, московскіе бояре съ своимъ двадцатилѣтнимъ княземъ обдѣлали дѣло въ Ордѣ на-славу и

совершенно оттерли отъ Орды Тверского князя, такъ что ему нельзя было и явиться туда.

Но еще важнѣе ордынскаго дѣла московскіе бояре обдѣлали дѣло литовское и на-славу провели хитраго и многоумнаго Ольгерда. Тверской князь Михаилъ Александровичъ, не съумѣвши занять великое княженіе Владимирское, тѣмъ не менѣе успѣлъ захватить московскіе города: Кострому, Мологу, Улече-поле и Бѣжецкій и посажалъ тамъ своихъ намѣстниковъ; затѣмъ, съ литовскою помощію повоевалъ Кистьму, Дмитровъ и Переяславль и совершенно подчинилъ себѣ московскаго союзника, князя Кашинскаго, и наконецъ, разбивши на-голову Новгородцевъ, завладѣлъ Торжкомъ; но чтобы вѣрнѣе порѣшить съ Москвою окончательно, опять убѣдилъ Ольгерда Литовскаго объявить войну Московскому князю. Ольгердъ, принявши приглашеніе, по обычаю быстро двинулся въ московскіе предѣлы и соединясь въ Калугѣ съ Михаиломъ Александровичемъ Тверскимъ и Святославомъ Смоленскимъ, спѣшилъ къ Москвѣ; но Москвичи съ своимъ княземъ успѣли уже собрать войско и также спѣшили встрѣтить Ольгерда и его союзниковъ и подъ Любутскомъ стремительнымъ натискомъ заставили Ольгерда попятиться назадъ; но обратить въ бѣгство не могли. Ольгердъ и Михаилъ, занявши крѣпкую позицію за крутымъ и глубокимъ оврагомъ, принудили Москвичей остановиться. Та и другая сторона, равныя въ силахъ, долго стояли другъ противъ друга, наконецъ, вступили въ переговоры, и здѣсь-то Московскіе бояре одержали полную побѣду ума и ловкости. По мирному договору, заключенному подъ Любутскомъ, Ольгердъ не только не поддержалъ Михаила Тверского, какъ бывало прежде, но даже обязался принудить его къ возвращенію занятыхъ имъ московскихъ городовъ. Ближайшимъ слѣдствіемъ таковаго договора было то, что Смоленскій князь поспѣшилъ вступить въ союзъ съ Московскимъ, а Тверской князь, принужденный заключить миръ съ Московскимъ княземъ, не только возвратилъ занятые города, но и обязался сложить крестное цѣлованіе къ Ольгерду, а ежели Литовскій князь пойдетъ на Московскаго князя, или на его союзниковъ, то Тверскому князю стоять заодно съ ними противъ Литовскаго князя. Этотъ блестящій подвигъ московскихъ бояръ и ихъ князя, которому тогда было только двадцать одинъ годъ отъ роду, не только лишилъ Тверского князя Ольгердовой помощи и отнялъ у него возможность быть соперникомъ Москвы, но, что всего важнѣе, отодвинулъ слишкомъ на 200 лѣтъ Литву отъ посредническаго вмѣшательства въ дѣла восточной Руси. По Любутскому миру Москва получила полную свободу распоряжаться дѣлами восточной Руси и освободилась отъ соперничества Литвы.

Впрочемъ, Михаилъ Александровичъ Тверской не оставлялъ еще намѣренія потягаться съ Москвою за Владимирское княженіе и ждалъ только случая. Случай этотъ скоро представился. Въ 1373 году скончался Московскій тысяцкій Василій Васильевичъ Вельяминовъ; великій князь Дмитрій Ивановичъ разсудилъ не назначать новаго тысяцкаго, чтобы тѣмъ самымъ уничтожить эту важнѣйшую земскую должность въ Москвѣ, довольно стѣснительную для княжеской власти. Какъ ни хитро велъ это дѣло великій князь, но все же оно не обошлось безъ

недовольныхъ и безъ крамолы; старшій сынъ покойнаго тысяцкаго, надѣявшійся по прежнимъ примѣрамъ занять эту должность, неуспѣвши ничего въ Москвѣ, гдѣ за князя стояло большинство бояръ, бѣжалъ въ Тверь къ князю Михаилу Александровичу вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ, упрямымъ земцемъ, Некоматомъ Суражаниномъ. Въ Твери они наговорили, что въ Москвѣ много недовольныхъ княземъ и что стоитъ только Михаилу поднять дѣло о Владимирскомъ княженіи, успѣхъ будетъ несомнѣненъ, Москва ослабленная крамолою не сможетъ сдѣлать сильнаго сопротивленія. Михаилъ повѣрилъ московскимъ крамольникамъ и послалъ ихъ въ Орду хлопотать о ярлыкѣ на Владимирское княженіе, а самъ поѣхалъ въ Литву искать помощи для новой войны съ Москвою. Въ Ордѣ были уже недовольны Московскимъ княземъ и съ большою охотою выдали ярлыкъ посланцамъ Михаила и обѣщались прислать военную помощь. Михаилъ Александровичъ, обнадеженный помощію и въ Литвѣ, возвратившись домой, поспѣшилъ сложить крестное цѣлованіе къ Московскому князю и объявить войну. Москва, любившая своего князя и не думавшая крамольничать, между тѣмъ хорошо знала, что дѣлалось въ Твери, и не дремала приготовленьями съ своей стороны; только лишь Михаилъ объявилъ войну, какъ Московскій князь немедленно двинулъ къ Твери двадцать князей своихъ послушныхъ союзниковъ и, прежде нежели литовская и татарская помощь успѣли прійти, осадилъ Тверь; осада продолжалась четыре недѣли, а полки татарскіе и литовскіе еще не приходили на выручку, наконецъ, вмѣсто того явились новгородскіе полки на помощь къ осаждающимъ и начались приметы и приступы къ Твери. Михаилъ защищался съ большимъ мужествомъ и искусствомъ, отбивалъ приступы и разрушалъ осадныя работы, поджидая своихъ союзниковъ. Наконецъ, союзники Литовцы явились, но видя силу осаждающихъ, ушли домой; тогда Михаилъ, оставленный союзниками, вступилъ въ переговоры съ Дмитріемъ Ивановичемъ и заключилъ миръ на предложенныхъ съ московской стороны условіяхъ. Этимъ миромъ Москва навсегда освободилась отъ притязаній Тверского князя. Михаилъ Александровичъ послѣ мира подъ стѣнами Твери навсегда отказался отъ притязаній на соперничество съ Москвою и оставался до самой своей кончины мирнымъ и уважаемымъ союзникомъ Московскаго князя.

По примиреніи съ Михаиломъ Александровичемъ Тверскимъ, Москва получила рѣшительное первенство надъ всѣми княжествами восточной Руси и начала готовиться къ борьбѣ съ Татарами. Это дѣло началось посылкою московскихъ полковъ на помощь князю Дмитрію Константиновичу Суздальскому и Нижегородскому, тестю и вѣрному союзнику Московскаго князя. Татары въ это время начали дѣлать набѣги на Нижній-Новгородъ подъ предлогомъ мести Нижегородскому князю за походъ подъ Тверь. Набѣги сіи, иногда удачные, иногда неудачные, возобновлялись нѣсколько разъ, и полки московскіе всякій разъ приходили помогать Нижегородскому князю. Кромѣ того, Московскій князь нѣсколько разъ ходилъ съ полками на Оку и за Оку и стоялъ тамъ для наблюденія за Татарами; для того же постоянно были разставлены московскіе сторожа за Окою почти до самыхъ татарскихъ кочевьевъ. Москва, не разъ уже не обращавшая вниманія на

ханскіе ярлыки, ждала татарскаго нашествія и держала себя съ большою осторожностью. Наконецъ, въ 1377 году Мамай, бывшій всемогущимъ въ Ордѣ, послалъ князя ордынскаго Бегича съ большою ратью на Московскаго князя. Степные московскіе сторожа немедленно дали знать въ Москву о походѣ Татаръ и Московскій князь съ всегда готовымъ войскомъ самъ поспѣшилъ на Оку, встрѣтилъ Бегича въ Рязанской землѣ и далъ Татарамъ битву на рѣкѣ Вожѣ; битва эта кончилась совершеннымъ пораженіемъ Бегичевыхъ полчищъ; однихъ ордынскихъ князей пало въ битвѣ пять человѣкъ. Москвичи, погнавшіеся за бѣгущими Татарами, не могли ихъ догнать и собрали по степи брошенные ими шатры и множество разнаго имущества, такъ что возвратились домой съ богатою добычею. Въ этой битвѣ между многими плѣнниками былъ пойманъ одинъ попъ, посланный, проживавшимъ въ Ордѣ и подговаривавшимъ Мамая, сыномъ покойнаго московскаго тысяцкаго.

Пораженіе Татаръ на Вожѣ, естественно, крайне раздражило Мамая и онъ рѣшился наказать Москву, и для сего напередъ послалъ, проживавшаго въ Ордѣ, сына покойнаго московскаго тысяцкаго Вельяминова, конечно, съ намѣреніемъ поднять крамолу въ Москвѣ, а самъ сталъ собирать войско. Но крамола рѣшительно не удалась; московскіе агенты вездѣ слѣдили за Вельяминовымъ и даже можетъ быть дали знать изъ Орды о его посылкѣ, а посему онъ дошелъ только до Серпухова и тамъ былъ схваченъ и отвезенъ въ Москву, гдѣ по приказанію князя ему отсѣкли голову на Кучковѣ полѣ. Между тѣмъ Мамай, собравши многочисленное войско, перебрался черезъ Волгу и остановился кочевать въ воронежскихъ степяхъ и тамъ вступилъ въ союзъ съ Олегомъ, княземъ Рязанскимъ, и Ягайломъ, княземъ Литовскимъ, чтобы общими силами напасть на Московскаго князя. Въ Москвѣ объ этомъ получены были вѣсти еще зимою 1379 года и Московскій князь, съ своей стороны, также сталъ готовиться къ войнѣ, разослалъ пригласительныя грамоты ко всѣмъ своимъ союзникамъ, т. е. ко всѣмъ князьямъ восточной Руси, выключая Рязанскаго. Сборы князей продолжались цѣлый мѣсяцъ, наконецъ, всѣ князья съ своими полками явились на срокъ къ Коломнѣ, даже Тверской князь, Михаилъ Александровичъ, прислалъ свои полки. Великій князь Дмитрій Ивановичъ, осмотрѣвши собравшуюся рать и сдѣлавши разрядъ князьямъ и воеводамъ, кому какимъ полкомъ начальствовать, двинулся со всею ратью къ Лопаснѣ, и тамъ, получивши вѣсти изъ степи, перешелъ Оку въ числѣ болѣе двухсотъ тысячъ воиновъ. Затѣмъ всѣ двинулись къ Дону и 7-го Сентября переправились черезъ Донъ. Великій князь, переѣзжая послѣдній, приказалъ сломать мостъ, чтобы никто и не надѣялся на отступленіе. Восьмого числа явился и Мамай съ своими Татарами и началась кровопролитнѣйшая битва на берегахъ рѣчки Непрядвы, на полѣ Куликовѣ. Битва продолжалась цѣлый день и кончилась пораженіемъ и бѣгствомъ Мамая, но и Русскимъ стоила весьма дорого, такъ что изъ двухсотътысячной рати, едва осталось сорокъ тысячъ; самъ великій князь Московскій былъ сильно избитъ и насилу былъ отыскань между убитыми; на цѣлыя десять верстъ степь была покрыта татарскими и русскими трупами. О преслѣдованіи Мамая нечего было и думать; великій князь, опомнившись отъ

сильныхъ ушибовъ, занялся погребеніемъ убитыхъ воиновъ, а потомъ повелъ оставшіеся полки домой.

Но страшная Куликовская битва, доставившая Дмитрію Ивановичу Московскому знаменитое прозваніе Донского, не покончила дѣла съ Татарами. Пораженный на Куликовомъ полѣ, Мамай былъ добитъ новымъ ханомъ Тахтамышемъ на Калкѣ. Тахтамышъ, побѣдивъ Мамая и утвердившись окончательно въ Ордѣ, немедленно отправилъ своихъ посланниковъ къ Московскому великому князю и ко всѣмъ русскимъ князьямъ съ извѣщеніемъ о побѣдѣ надъ Мамаемъ и о своемъ воцареніи. Русскіе князья, по заведенному порядку, отвѣчали на это извѣщеніе своими посольствами съ обычными дарами и поминками новому хану. Тахтамышъ принялъ пословъ ласково и отпустилъ, какъ сказано въ лѣтописи, съ пожалованіемъ и честію, а между тѣмъ скрытно собиралъ войско и на другой годъ нежданно-негаданно перевезся черезъ Волгу и изгономъ пошелъ прямо къ Москвѣ. Московскій князь, не ожидавшій такого нашествія, посовѣтовавшись съ своими союзниками, не рѣшился вступить въ битву, оставилъ Москву и сперва ушелъ въ Переяславль, а оттуда перебрался въ Кострому. Между тѣмъ, Тахтамышъ, взявши Серпуховъ, явился подъ Москвою. Москвичи, подъ начальствомъ литовскаго князя Остея, укрѣпились и не думали сдаваться и удачно отбили нѣсколько татарскихъ приступовъ; тогда Тахтамышъ вступилъ съ гражданами въ переговоры и, обманомъ выманивъ къ себѣ Остея, среди переговоровъ ворвался въ городъ и произвелъ тамъ страшное опустошеніе. Потомъ изъ Москвы разослалъ свои полки для грабежа и опустошенія по сосѣднимъ городамъ. Между тѣмъ, двоюродный братъ Московскаго князя, князь Владиміръ Андреевичъ, собравши значительную силу, стоялъ неподалеку отъ Волока; одинъ изъ татарскихъ отрядовъ нечаянно наткнулся на него и былъ разбитъ наголову; Тахтамышъ, узнавши объ этомъ, испугался и заблаговременно убрался домой съ богатою добычею и множествомъ плѣнниковъ. Вслѣдъ за Тахтамышемъ и русскіе князья должны были отправляться въ Орду съ поклонами и дарами. Ханъ, злобствуя на Московскаго князя, далъ ярлыкъ на Владимірское княженіе Тверскому князю, Михаилу Александровичу. Московскій князь, узнавши объ этомъ, наконецъ, рѣшился и самъ отправить въ Орду своего старшаго сына, Василія Дмитріевича, съ старѣйшими боярами и съ дарами. Это посольство имѣло желанный успѣхъ: Тахтамышъ сперва прислалъ своего посла въ Москву съ пожалованіемъ и добрыми рѣчьми, а потомъ далъ Московскому князю и ярлыкъ на Владимірское княженіе. Такимъ образомъ, дѣла съ Ордою пошли по прежнему, только увеличилась дань хану и послы ордынскіе стали притязательнѣе; впрочемъ, московскіе бояре, искусные въ сношеніяхъ съ Ордою мало-по-малу успѣли поправить дѣло.

Между тѣмъ, князь Олегъ Ивановичъ Рязанскій не оставлялъ своего стараго желанія исправить границы Рязани съ Москвою и, думая воспользоваться ослабленіемъ Москвы отъ Тахтамышева нашествія, напалъ изгономъ на Коломну и захватилъ тамошняго намѣстника и московскихъ бояръ. Великій князь Московскій, въ отвѣтъ на это, собралъ значительную рать и послалъ съ нею князя Владиміра Андреевича наказать рязанскаго князя. Но московской рати не посчастливи-

лось въ Рязани; Олегъ разбилъ ее и принудилъ къ отступленію. Тогда Московскій князь прибѣгнулъ къ новому средству, онъ отправилъ къ Олегу посланникомъ, уважаемаго всѣми, святого мужа, Сергія Радонежскаго, и старѣйшихъ бояръ съ предложеніемъ мира и любви.

Это посольство имѣло полный успѣхъ; умный Олегъ Ивановичъ внимательно принялъ посредничество святого мужа и заключилъ съ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ вѣчный миръ, а впослѣдствіи вступилъ съ нимъ въ родство. По миру, заключенному ходатайствомъ преподобнаго Сергія, граница между Москвою и Рязанью исправлена слѣдующимъ образомъ: по Окѣ, вверхъ отъ Коломны, всѣ мѣста, лежащія на московскомъ берегу Оки — къ Москвѣ, а на рязанскомъ — къ Рязани; точно также и на низъ отъ Коломны, по Окѣ до Цны, мѣста на московской сторонѣ — къ Москвѣ, а на рязанской сторонѣ — Рязани; владимирскій рубежъ оставленъ по прежнему, какъ онъ былъ при Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ, а равнымъ образомъ, что и на рязанской сторонѣ за Окою принадлежало Москвѣ, то и оставить за Москвою; сверхъ-того оставить за Москвою всѣ пріобрѣтенія Московскаго князя въ Мещерѣ и отнятыя у Татаръ. Такимъ образомъ, московскіе бояре, сопровождавшіе преподобнаго Сергія къ Рязанскому князю Олегу, исправили рязанскую границу съ соблюденіемъ всѣхъ интересовъ Москвы и тѣмъ покончили споръ съ Рязанью, продолжавшійся 30 лѣтъ.

Уладивши дѣла съ Ордою, Московскій князь и московскіе бояре, не имѣя предъ собою сильныхъ враговъ и вообще чувствуя себя довольно свободными, чтобы заняться дѣломъ по своему выбору, въ 1384 году обратили вниманіе на Новгородцевъ, считавшихся до сего времени союзниками великаго князя Дмитрія Ивановича и дѣйствительно помогавшихъ Москвѣ въ войнѣ съ Тверью, но вообще жившихъ вполнѣ независимо и не думавшихъ принимать приказаній изъ Москвы. Зимою 1384 года вдругъ пріѣхали изъ Москвы бояре брать черный боръ по новгородскимъ областямъ. Этотъ пріѣздъ московскихъ бояръ произвелъ большое неудовольствіе въ Новгородѣ, кончившееся тѣмъ, что бояре московскіе принуждены были бѣжать, не добравши чернаго бора; а потомъ Новгородское вѣче рѣшило не зваться на судъ къ Митрополиту въ Москву, а устроить свой церковный судъ. Ближайшимъ слѣдствіемъ таковаго распоряженія въ Новгородѣ была война съ Москвою. Великій князь Дмитрій Ивановичъ, помирившись съ Рязанскимъ княземъ, въ 1386 году открылъ походъ противъ Новгорода; въ этомъ походѣ сопровождали его рати изъ двадцати девяти областей. Новгородцы немедленно отправили къ нему навстрѣчу посольство съ просьбою о мирѣ; князь не принялъ и на глаза пословъ и продолжалъ итти, опустошая все по дорогѣ, и, не дошедъ 30 верстъ до Новгорода, остановился на Ямнѣ. Новгородцы переполошились, стали укрѣплять свой городъ и отправили къ князю посломъ своего владыку, Алексѣя. Съ этимъ новымъ посломъ Московскій князь вступилъ въ переговоры, которые нѣсколько разъ прерывались и опять возобновлялись въ продолженіе четырехъ недѣль и, наконецъ, великій князь согласился дать Новгороду миръ на слѣдующихъ условіяхъ: 1-е) немедленно внести князю на Ямнѣ 3000 рублей; 2-е) взыскать въ пользу князя пять тысячъ рублей на Заволочанахъ; и 3-е) принять

великокняжескихъ намѣстниковъ и допустить черноборцевъ добирать черный боръ. Такимъ образомъ, Московскій князь съумѣлъ смирить и Новгородцевъ, въ продолженіи слишкомъ двадцати лѣтъ почти непризнававшихъ власти Московскаго князя.

Наконецъ въ 1387 году произошла ссора между великимъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Московскихъ и его двоюроднымъ братомъ, княземъ Владимиромъ Андреевичемъ Серпуховскимъ. Что было причиною ссоры—мы не знаемъ, только въ лѣтописи сказано: „бысть размиріе великому князю съ братомъ его, Владиміромъ—Андреевичемъ, и поиманы быша бояре старѣйшіе княже — Владиміровы и разведены всѣ розно по городамъ и посажены въ нятьи и въ крѣпости велице и въ истомленіи, и бяху у всякаго приставленіи приставники жестоки зѣло“. Въ договорной грамотѣ, написанной князьями по случаю примиренія между ними, также ничего не упоминается о причинахъ ссоры и въ чемъ она состояла. Но для насъ весьма важно и краткое извѣстіе лѣтописей объ этой ссорѣ. — мы въ немъ находимъ прямое указаніе на важное участіе бояръ въ дѣлахъ своего князя, укоренившееся въ быту Московскихъ князей. При ссорѣ князей первые были захвачены старѣйшіе бояре и разведены по разнымъ городамъ и посажены подъ арестъ, подъ надзоромъ строгихъ приставниковъ, чтобы они не сносились ни съ княземъ, ни другъ съ другомъ. Значитъ все дѣло было въ боярахъ; боярами держался тотъ или другой порядокъ, въ ихъ рукахъ находилось управленіе и безъ нихъ князь терялъ свое положеніе; ибо въ настоящемъ случаѣ какъ скоро Владимировы бояре были схвачены и разведены по городамъ, то и князь, Владимиръ Андреевичъ, поспѣшилъ примириться съ великимъ княземъ.

На другой годъ по примиреніи съ княземъ Владимиромъ Андреевичемъ, скончался великій князь Дмитрій Ивановичъ Донской въ цвѣтѣ лѣтъ, на 39 году отъ рожденія, вѣроятно, вслѣдствіе неимовѣрныхъ трудовъ и ушибовъ, полученныхъ имъ въ страшной Куликовской битвѣ.

Княженіе Дмитрія Ивановича Донского служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ, какую важную роль въ управленіи государствомъ занимали бояре, что Москва только тогда являлась непобѣдимою, непреклонною, настойчивою и успѣвающею во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, когда московское боярство дѣйствовало согласно и дружно съ княземъ, когда въ боярахъ не было крамолы. Великій князь Иванъ Ивановичъ, вслѣдствіе боярскихъ крамолъ, оставилъ Москву своему малолѣтнему сыну въ самомъ жалкомъ положеніи; но едва прошло два года послѣ его смерти, какъ Москва стараніями бояръ, управлявшихъ государствомъ за малолѣтняго князя, вдругъ поднялась на такую высоту, что отняла великое княженіе Владимирское у князя Суздальскаго, Дмитрія Константиновича, и за одинъ походъ подчинила себѣ три независимыя княжества и вообще сдѣлалась первенствующимъ княжествомъ въ здѣшнемъ краѣ. А потомъ когда князь выросъ и сталъ заниматься дѣлами заодно съ боярами, то Москва рѣшительно стала выше всѣхъ своихъ соперниковъ и даже вышла, хотя кратковременною, побѣдительницею въ битвѣ съ татарскимъ ханомъ на берегахъ Непрядвы.

Что Москва своими громадными успѣхами въ княженіе Димитрія Ивановича была обязана дружной и согласной дѣятельности князя и

бояръ, объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Димитрій Ивановичъ Донской въ своей предсмертной прощальной грамотѣ, въ которой онъ прямо говоритъ своимъ дѣтямъ: „бояръ же своихъ любите, и честь имъ достойну воздавате противу дѣлу коегождо, безъ ихъ думы ничтоже творите“. И затѣмъ обращаясь къ боярамъ говоритъ: „вы жъ вѣсте обычаи и нравы мои, предъ вами я родился и выросъ, и съ вами царствовалъ отчину свою, великое княженіе, 27 лѣтъ, съ вами на многи страны множествовалъ, вами въ браняхъ страшенъ былъ и Божіею помощію низложилъ враговъ своихъ и покорилъ подъ себя, съ вами великое княженіе вельми укрѣпилъ, и миръ и тишину княженію своему сотворилъ, и державу отчины своея соблюлъ, великую жъ честь и любовь къ вамъ имѣлъ и подъ вами городы держалъ и великія власти, радовался и скорбѣлъ съ вами, вы же не нарѣкостеся у мене бояре, но князи земли моей“. Значитъ, по сознанію и прямому свидѣтельству самого великаго князя, въ Москвѣ бояре имѣли почти княжескую власть, но только тогда, когда они дѣйствовали дружно и согласно съ княземъ, въ противномъ же случаѣ они являлись крамольниками. Крамольники, какъ мы уже видѣли, появились въ Москвѣ при великомъ князѣ Семенѣ Ивановичѣ, особенно сильны были при его братѣ, великомъ князѣ Иванѣ Ивановичѣ, при великомъ же князѣ Дмитріи Ивановичѣ крамола, хотя не совсѣмъ прекратилась, но была на столько слаба, что рѣшительно не имѣла никакого успѣха въ Москвѣ и только продолжала свои происки противъ Москвы въ сосѣднихъ княжествахъ, преимущественно въ Твери и Рязани; но и тамъ ея затѣи, временно удачныя, обыкновенно кончались торжествомъ Москвы, гдѣ бояре, дѣйствовавшіе согласно съ княземъ, всегда умѣли успѣшно справляться съ происками крамольниковъ. Послѣднимъ убѣжищемъ московской крамолы была Орда, особенно при Мамаѣ и Тахтамышѣ, но и здѣсь московскіе бояре, наконецъ, успѣли изъ крамолы получить выгоды для Москвы, ибо подъ личиною крамольниковъ въ Орду проникали московскіе агенты, которые успѣвали нерѣдко пересылать въ Москву тайныя извѣстія о замыслахъ въ Ордѣ; такъ одною изъ причинъ пораженія Мамая на Куликовомъ полѣ была та, что московскіе агенты во время успѣли подать вѣсти въ Москву о томъ, что Мамай собираетъ большія силы на Московскаго князя; равнымъ образомъ, одною изъ важнѣйшихъ причинъ успѣха, полученнаго Тахтамышомъ при походѣ на Московскаго князя, было умѣнье скрыть отъ московскихъ агентовъ приготовленія къ походу. Тахтамышъ, кажется, не жаловалъ московскихъ крамольниковъ; по его приказанію въ 1383 года убитъ былъ въ Ордѣ послѣдній изъ нихъ, извѣстный Некоматъ Сурожанинъ, получившій въ послѣднее время прозваніе—*Брехъ*, т. е. лгунъ, конечно, данное ему за многія лживыя обѣщанія и обнадеживанія относительно силы крамольниковъ въ Москвѣ и свидѣтельствующее о немъ, какъ о самомъ отчаянномъ и ничѣмъ не укротимомъ крамольникѣ.

Преемникъ великаго князя Дмитрія Ивановича Донского, старшій сынъ его, Василій Дмитріевичъ, послѣ отца остался 17 лѣтъ отъ рожденія. Онъ получилъ по смерти родителя московскій престолъ въ самомъ цвѣтущемъ состояніи: Москвѣ въ то время не было уже соперниковъ во всей восточной Руси, Москва тогда наслаждалась ми-

ромъ и согласіемъ со всѣми сосѣдними княжествами. Покойный великій князь Дмитрій Ивановичъ передалъ своему 17-лѣтнему сыну свою отчину и дѣдину — Москву совершенно обезпеченную, и ни откуда не угрожаемую извнѣ, а внутри согласную и полную бодрости и надежды на будущіе успѣхи. Ханъ Тахтамышъ самъ прислалъ своего посла посадить Василья Дмитріевича на великое княженіе Владимирское, и никто не осмѣлился предъявить притязаній на этотъ столъ, всѣ смотрѣли на него какъ уже на отчину Московскаго князя. Единственнымъ облачкомъ при вступленіи Василія на престолъ было размирье его съ княземъ Владимиромъ Андреевичемъ, который было ушелъ въ Торжокъ. Причиною этого размирья, судя по указаніямъ дошедшей до насъ договорной грамоты, было то, что Московскій князь сталъ посылать своихъ даньщиковъ и приставовъ въ удѣлъ Владимира Андреевича, а московскіе бояре начали покупать села и деревни въ томъ же удѣлѣ безъ вѣдома князя Владимира; далѣе, Московскій князь началъ судить общіе городскіе суды безъ намѣстниковъ князя Владимира и поставилъ на княже-владимировой землѣ свою слободу, противъ Боровска. Всѣ сіи явныя оскорбленія княжеской власти Владимира Андреевича, естественно, не могли не вызвать съ его стороны протеста, который повелъ къ военнымъ дѣйствіямъ, кончившимся занятіемъ Владимировыхъ владѣній и посаженіемъ въ нихъ московскихъ намѣстниковъ. Но успѣшное удаленіе князя Владимира Андреевича въ Торжокъ испугало московскихъ бояръ и ихъ молодого князя, — они увидѣли, что Новгородцы, недовольные московскою опекою, съ радостію примутъ князя Владимира и тогда придется воевать съ сильными Новгородцами, предводительствуемыми воинственнымъ и опытнымъ княземъ, а посему поспѣшили примириться съ княземъ Владимиромъ Андреевичемъ, возвративши ему всѣ его владѣнія, даже прибавивши къ нимъ Волокъ и Ржевъ и отказавшись отъ всѣхъ нововведеній, явно оскорбительныхъ для власти удѣльнаго князя.

На четвертомъ году по восшествіи на престолъ, великій князь Василій Дмитріевичъ отправился въ Орду и былъ принятъ Тахтамышемъ, какъ старый знакомый, три года прежде проживщій въ Ордѣ. Лѣтопись прямо говоритъ, что ни одному изъ прежнихъ князей не воздавали въ Ордѣ такой чести, какую встрѣтилъ великій князь Василій Дмитріевичъ. Этой поѣздкою въ Орду въ первый разъ выказалось новое направленіе московской политики. Въ прежнее время Москва хлопотала только о томъ, чтобы быть первенствующею державою въ восточной Руси, чтобы не имѣть соперниковъ и всѣхъ сосѣдей держать въ послушаніи, или, по крайней мѣрѣ въ мирныхъ отношеніяхъ. Всего этого достигла Москва въ княженіе Дмитрія Ивановича, теперь же, обезпеченная вполнѣ съ этой стороны, она начинаетъ окончательно присоединять къ своимъ владѣніямъ сосѣднія владѣнія, изгонять тамошнихъ князей и на мѣсто ихъ сажать своихъ намѣстниковъ. Для этой-то новой цѣли великій князь Василій Дмитріевичъ ѣздилъ въ Орду въ 1392 году, гдѣ онъ, пользуясь стѣсненнымъ обстоятельствомъ хана Тахтамыша, бывшаго тогда въ войнѣ съ Тамерланомъ, повелъ дѣло о присоединеніи къ Москвѣ великаго княженія Нижегородскаго и Суздальскаго и объ изгнаніи тамошнихъ князей, а также о присоединеніи Мещеры и Тарусы, гдѣ уже все бы-

ло подделано въ пользу Москвы при помощи внутренней крамолы, произведенной неудовольствіями между тамошними князьями и боярами. Ханъ, вообще расположенный къ Московскому князю и по обстоятельствамъ нуждавшійся въ его послушаніи, а также, вѣроятно, получившій значительныя деньги и еще большія обѣщанія, рѣшилъ дѣло по желанію Московскаго князя, далъ ему ярлыкъ на означенныя владѣнія и отправилъ съ нимъ своего посла для предъявленія ярлыка. Мещера и Таруса были уже почти въ рукахъ Московскаго князя и объ окончательномъ присоединеніи ихъ не было нужды въ особыхъ приготовленіяхъ, но не въ такомъ положеніи находилось великое княженіе Суздальское и Нижегородское: тамошній великій князь, Борисъ Константиновичъ, недавно еще былъ утвержденъ на своемъ княженіи ярлыкомъ того-же хана Тахтамыша и считался довольно сильнымъ, чтобы не безъ сильнаго сопротивленія уступить Москвѣ. Поэтому Московскій князь на возвратномъ пути изъ Орды, еще съ Коломны послалъ въ Нижній-Новгородъ ханскаго посла, чтобы предъявить ярлыкъ и тѣмъ подать знакъ къ внутренней крамолѣ между нижегородскими боярами, которая уже заранѣе была тайно подготовлена; потомъ за ханскимъ посломъ отправился и самъ съ достаточнымъ войскомъ. Борисъ Константиновичъ, узнавши о ханскомъ ярлыкѣ, созвалъ своихъ бояръ и началъ просить ихъ, чтобы они его не выдали; старѣйшій изъ нижегородскихъ бояръ увѣрилъ князя, что они всѣ готовы положить за него свои головы, тогда какъ между нижегородскими боярами и Московскимъ княземъ было уже условлено, какъ вести дѣло, и только ожидали пріѣзда ханскаго посла. Наконецъ, явился и ханскій посолъ въ сопровожденіи московскихъ бояръ. Князь Борисъ Константиновичъ приказалъ было затворить предъ ними городъ, но нижегородскіе бояре сему воспротивились и сказали князю: „мы не можемъ не пустить въ городъ ханскаго посла съ ярлыкомъ и московскихъ бояръ, да и что они могутъ сдѣлать съ тобою, мы всѣ за тобою; они пришли только подтвердить миръ и вѣчную любовь, и тебѣ не слѣдъ начинать войну“. Когда же ханскій посолъ и московскіе бояре были впущены въ городъ, то немедленно зазвонили въ колокола, собрали народъ на вѣчѣ и прочли ему ханскій ярлыкъ о присоединеніи Нижегородскаго княжества къ Москвѣ. Потомъ нижегородскіе бояре явились къ своему князю Борису Константиновичу и старѣйшій изъ нихъ, тотъ же Василій Румянецъ, объявилъ ему: „ты господине, княже, пойманъ великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ, мы уже больше не твои слуги, а его, по ханскому приказанію“. Затѣмъ вскорѣ явился съ войскомъ и самъ великій князь, Василій Дмитріевичъ, посадилъ въ Нижнемъ-Новгородѣ московскихъ намѣстниковъ, а князя Бориса Константиновича, его семейство и его приверженцевъ изъ бояръ приказалъ развести по городамъ, оковать цѣпями и держать подъ строгимъ карауломъ. Такъ пало внутреннею крамолою, еще сильное, великое княженіе Суздальское и Нижегородское; тамошніе бояре, увлекаясь положеніемъ московскихъ бояръ и подстрекаемые ими, продали свое отечество и приняли желанную ими службу московскую, а князь Борисъ Константиновичъ, когда-то сильный, а теперь, оставленный своими, черезъ два года скончался московскимъ плѣнникомъ; двумъ же племянникамъ

его — Василію Кирдяпѣ и Симеону, хотя и удалось убѣжать изъ подъ стражи, но они уже не могли воротить потеряннаго княженія и умерли въ изгнаніи, а сыновья ихъ, не находя нигдѣ помощи, вступили въ службу Московскаго князя.

Покончивъ съ Нижегородскимъ княжествомъ, великій князь Василій Дмитріевичъ и его бояре принялись за Новгородъ Великій. Они и здѣсь, оставивъ споры о правахъ великаго князя надъ Новгородомъ, принялись посредствомъ крамолы присоединять къ Москвѣ сосѣднія Новгородскія области. Дѣло это они начали составленіемъ плана, при помощи новгородской крамолы, отдѣлять отъ Новгорода богатую Двинскую область, или Заволочье. Заволочьемъ владѣли богатые Новгородскіе бояре, которые имѣли тамъ свои обширныя земли съ городами и селами; они нерѣдко производили смуты даже въ самомъ Новгородѣ, а въ своихъ владѣніяхъ были почти полными самостоятельными владыками, а посему, естественно, многіе изъ нихъ тяготились зависимостію тамошняго края отъ новгородскаго вѣча. Къ этимъ-то своевольнымъ богачамъ, воображавшимъ себя чуть не владѣтельными князьями, обратился Московскій князь съ разными обѣщаніями и ласками, онъ съ нѣкоторыми изъ нихъ вошелъ въ тайныя сношенія чрезъ московскихъ бояръ, своихъ агентовъ, обѣщая Двинской области подъ своимъ покровительствомъ такую же независимость и самостоятельность, какою пользовался самъ господинъ Великій Новгородъ, и даже послалъ туда уставную грамоту, какъ управляться всему тамошнему краю подъ московскимъ покровительствомъ. Дѣло это, веденное тайно московскими боярами въ продолженіи 5 лѣтъ, наконецъ, въ 1397 году доведено было до того, что Московскій князь прислалъ въ Заволочье, на Двину, своихъ бояръ—Андрея Албердова съ товарищами, которые княжескимъ именемъ объявили всю Двинскую область свободною и сказали на тамошнемъ вѣчѣ: „разорвите всѣ связи съ Новгородомъ и цѣлуйте крестъ великому князю, онъ хочетъ оборонять васъ отъ Новгорода и стоять за васъ“. Двинскіе бояре, уже прежде договорившіеся съ княземъ и московскими боярами, пристали къ рѣчамъ посланниковъ и убѣдили Двинянъ отложиться отъ Новгорода и цѣловать крестъ къ великому князю. Вмѣстѣ съ тѣмъ московская рать безъ объявленія войны, съ другой стороны, отняла у Новгорода Волокъ-Ламскій, Торжокъ, Вологду и Бѣжецкій Верхъ съ волостьми, а вслѣдъ затѣмъ великій князь объявилъ войну Новгороду и, скинувъ крестное цѣлованіе, прислалъ разметныя грамоты. Но вѣче новгородское не походило на вѣче нижегородское и нижегородскихъ бояръ: Новгородцы, оскорбленные такимъ насиліемъ, быстро собрали свою рать, смирили двинскихъ крамольниковъ и выгнали изъ Заволочья намѣстниковъ московскихъ. Великій князь три раза послѣ того возобновлялъ войну съ Новгородомъ изъ-за Двинской области и крѣпко поддерживалъ тамошнихъ крамольниковъ, тянувшихъ къ Москвѣ, но всѣ три раза получалъ сильный отпоръ и, наконецъ, въ 1417 году принужденъ былъ отступиться отъ своихъ замысловъ на отторженіе Двинской области отъ Новгорода. Здѣсь московскіе бояре, при всемъ своемъ искусствѣ вести крамолу у сосѣдей въ пользу Москвы, встрѣтили непреодолимое препятствіе въ новгородскомъ вѣчѣ, уже привыкшемъ справляться съ крамолами, а о ханскихъ ярлыкахъ нечего было

й думать: съ ними нельзя было показаться въ Новгородъ, а не то чтобы на нихъ утверждать свои права. Московскіе бояре знали это очень хорошо и потому къ ярлыкамъ и не прибѣгали въ этомъ дѣлѣ, а соблазняли Двинскихъ бояръ только высокимъ значеніемъ боярства въ Москвѣ, гдѣ меньшіе, или черные люди не могли приглашать бояръ на судъ вѣча и наказывать ихъ. Но подобный соблазнъ далеко не на всѣхъ могъ дѣйствовать даже въ Двинской области, не говоря уже о Новгородѣ, а посему московская затѣя и не могла здѣсь имѣть успѣха, хотя была ведена очень искусно. Противъ Новгорода должно было дѣйствовать не чрезъ боярскую крамолу, но московскіе бояре пока еще не надумались отыскать другое средство — они доселѣ вездѣ употребляли только боярскую крамолу. Но неудача въ отнятіи Двинской области только тѣмъ и ограничилась, что эта область осталась за Новгородомъ, обычная же власть великаго князя надъ Новгородцами продолжалась попрежнему, и сверхъ того Московскій князь успѣлъ удержать за собою Бѣжецкій Верхъ и Вологду, захваченные имъ при первомъ нападеніи на Двинскую землю.

Отношенія между Москвою и Тверью, судя по лѣтописямъ, вообще были мирныя съ самаго начала княженія Василія Дмитріевича; но до насъ дошла договорная грамота между Московскимъ княземъ и Тверскимъ, Михаиломъ Александровичемъ, писанная въ 1398 году, по которой, между прочимъ, Тверской князь обязывается отпустить безъ окупа московскихъ и новгородскихъ плѣнниковъ; слѣдовательно у Тверского князя была война съ Новгородомъ и Московскимъ княземъ; но когда была эта война и по какому случаю — неизвѣстно; грамота же говоритъ только, что Тверь, Москва и Новгородъ должны оставаться при старыхъ границахъ, а Московскій и Тверской князья обязываются жить въ мирѣ, помогать одинъ другому въ случаѣ чьего либо нападенія и другъ безъ друга не заключать мира съ непріятелями. Михаилъ Александровичъ скончался въ 1399 году, 66 лѣтъ отъ рожденія, и Тверской великокняжескій престолъ занялъ его старшій сынъ, князь Иванъ Михайловичъ; при этомъ новомъ великимъ князѣ опять начались ссоры между Тверскими князьями и Москва опять стала вмѣшиваться въ тверскія дѣла и поддерживать недовольныхъ тамошнимъ великимъ княземъ. Но князь Иванъ Михайловичъ, подобно отцу, былъ довольно силенъ и остороженъ, а посему московское вліяніе на тверскія дѣла было вообще незначительно и даже въ 1406 году Московскій великій князь вступилъ въ союзъ съ Тверскимъ великимъ княземъ противъ великаго князя Литовскаго, Витовта, и оба объявили ему войну; а въ 1407 году, когда Московскій князь, Василій Дмитріевичъ, выступилъ въ походъ на Витовта, то Тверской князь, Иванъ Михайловичъ, прислалъ къ нему на помощь по договору своихъ братьевъ и бояръ съ сильными полками. Послѣ этого Москва еще менѣе имѣла вліянія на Тверскія дѣла и ежели когда недовольные великимъ княземъ тверскіе удѣльные князья укрывались на время въ Москвѣ, то Московскій князь уже за нихъ не вступался и недовольные обыкновенно отправлялись за судомъ въ Орду къ хану; такъ, напримѣръ, въ 1412 году Кашинскій князь, Василій Михайловичъ, бѣжалъ въ Москву, но, не нашедши тамъ защиты, долженъ былъ ѣхать въ Орду къ тогдашнему хану Зелени Салтану.

Относительно Рязани, при великомъ князѣ Васильѣ Дмитріевичѣ, Москва почти не имѣла никакого вліянія на тамошнія дѣла. До 1402 года Рязанскимъ великимъ княземъ былъ Олегъ Ивановичъ, который еще съ Дмитріемъ Ивановичемъ Донскимъ заключилъ мирный договоръ, и отношенія между Московскимъ и Рязанскимъ князьями, опредѣленныя симъ договоромъ, оставались неизмѣнными до конца жизни князя Олега Ивановича: ни Рязанскій князь не вмѣшивался въ дѣла московскія, ни Московскій князь въ рязанскія. По смерти Олега Ивановича великимъ княземъ Рязанскимъ сдѣлался сынъ его, Ѳедоръ Ольговичъ, который на первомъ же году заключилъ мирный договоръ съ великимъ княземъ Васильемъ Дмитріевичемъ. Этотъ договоръ дошелъ до насъ, въ немъ опредѣляются прежнія границы между Москвою и Рязанью и Московскій князь обязывается не вступаться ни въ землю Рязанскую, ни въ князей рязанскихъ, а Рязанскій князь обѣщается жить въ мирѣ съ союзниками Московскаго князя — княземъ Пронскимъ и князьями Тарусскими. Этотъ договоръ съ московской и рязанской сторонъ соблюдался искренно и не только Московскій князь не нападалъ на Рязанскаго, но даже, когда Пронскій князь въ 1408 году прогналъ Рязанскаго князя, то Московскій князь принялъ сторону Рязанскаго и помогъ ему примириться съ Пронскимъ княземъ и возвратиться въ Рязань, такъ что за Рязанскаго князя стояли московскіе полки.

Но кромѣ Тверского и Рязанскаго княжествъ, пользовавшихся самостоятельностію и съ которыми Москва была въ мирныхъ отношеніяхъ, всѣ остальныя княжества восточной Руси при Васильѣ Дмитріевичѣ были подчинены Москвѣ и управлялись—или московскими намѣстниками, или удѣльными князьями изъ московскаго дома. Мало этого Москва въ это время считала себя представительницею всей восточной Руси и была таковою на самомъ дѣлѣ; она уже простирала свои виды на далекія окраины Русской земли и считала своей обязанностію охранять интересы ихъ, сколько могла. Такъ съ 1400 года Василій Дмитріевичъ взялъ подъ свою защиту Псковъ, тѣснимый и ливонскими нѣмцами и Литовскимъ княземъ, Витовтомъ; онъ въ продолженіи всей своей остальной жизни былъ опорою псковской независимости, безпрекословно исполнялъ всѣ просьбы псковскаго вѣча: присылалъ во Псковъ князей, какихъ только хотѣли Псковичи, снабжалъ ихъ значительною дружиною, даже два раза присылалъ по просьбѣ вѣча своего меньшого брата, Константина Дмитріевича, а въ 1407 году за псковскія обиды разорвалъ миръ съ своимъ тестемъ, Витовтомъ Литовскимъ; и потомъ, когда въ 1409 году помирился съ нимъ, то въ свою мирную, докончальную грамоту включилъ и Псковъ; впослѣдствіи, когда въ 1421 году Витовтъ объявилъ свой гнѣвъ Пскову, Московскій князь три раза отправлялъ своихъ пословъ къ Витовту ходатайствовать объ отложеніи гнѣва. Что же касается до ливонскихъ нѣмцевъ, то Псковъ могъ бороться съ ними рѣшительно только при помощи Москвы. Но что всего важнѣе — московское правительство во все это время ничѣмъ не пользовалось отъ Пскова, даже рѣшительно не вмѣшивалось во внутреннія дѣла Псковичей и въ ихъ отношенія къ своимъ князьямъ, присылаемымъ изъ Москвы. Такое безкорыстное покровительство, отдаленному отъ московскихъ границъ,

Пскову служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ, что московское правительство при Васильѣ Дмитріевичѣ, еще не владѣя многими землями на Руси и даже не предъявляя на нихъ своего притязанія, считало себя обязаннымъ защищать сіи земли отъ иноплеменниковъ только потому, что они были русскія земли. Значитъ въ Москвѣ было уже какое-то, пока еще не ясное, сознаніе, что рано или поздно вся Русская земля будетъ принадлежать московскому государю, а посему и должно ее защищать по мѣрѣ силъ.

Въ отношеніяхъ къ Смоленскому княжеству и вообще ко всѣмъ княжествамъ, лежавшимъ на западъ и юго-западъ отъ московской границы, также замѣтно постоянное стремленіе Москвы быть защитницею и покровительницею сихъ княжествъ противъ Литвы, хотя здѣсь относительно безкорыстія еще можно сомнѣваться, ибо, поддерживая сосѣднія княжества, здѣсь Москва загораживала собственныя свои границы отъ литовскихъ нападеній. Всѣ русскія княжества, лежавшія на западъ и юго-западъ отъ московскихъ границъ, смотрѣли на Москву какъ на свою защитницу отъ литовскихъ притязаній и при первой возможности сами тянули къ Москвѣ; тамошніе князья добровольно признавали надъ собою и своими владѣніями власть Московскаго великаго князя, а нерѣдко лично поступали въ московскую службу. Такъ, въ 1404 году князь Юрій Святославичъ Смоленскій, тѣснимый Литовскимъ княземъ Витовтомъ, пришелъ въ Москву и билъ челомъ великому князю Василью Дмитріевичу, отдаваясь ему со всѣмъ своимъ княженіемъ и говоря такъ: „княже великій! пиши себѣ Смоленскъ, что отчина твоя, а я тебѣ служу, а не продай меня поганому Витовту“. Или въ 1408 году пришли служить Московскому князю изъ Литвы: Свидригайло Ольгердовичъ Брянскій, да съ нимъ же князь Патрикій Звенигородскій, князь Александръ Звенигородскій, изъ Путивля князь Өедоръ Александровичъ, князь Семенъ Перемышльскій и князь Михайло Хотетовскій, всего семь князей, да бояре черниговскіе, стародубскіе, любечскіе, ярославскіе и брянскіе; великій князь Московскій отдалъ имъ Владиміръ, Переяславль и еще четыре города. Московскій великій князь и бояре московскіе внимательно слѣдили за тѣмъ, что дѣлалось въ Литвѣ, и при всякомъ удобномъ случаѣ старались сдерживать властолюбіе Витовта Литовскаго; поэтому нѣсколько разъ была предпринимаема война съ Литвою, несмотря на близкое родство Литовскаго князя съ Московскимъ. Такъ въ 1407 году Московскій князь заключилъ союзъ съ Тверскимъ и даже выпросилъ себѣ татарскую рать у хана Шадибека и двинулся на границы Литовскія, но встрѣченный Витовтомъ съ сильными полками Ляховъ и Жмуди, не вступая въ битву, послѣ нѣсколькихъ дней переговоровъ, противники заключили перемиріе и разошлись. Потомъ въ 1409 году Московскій князь снова собралъ рать и пошелъ къ границамъ литовскимъ и опять встрѣтилъ Витовта съ большою ратью на литовскомъ берегу Угры, и опять, не переходя Угры, оба противники, вступили въ переговоры и, заключивъ миръ, разошлись. Этотъ походъ Московскаго князя очевидно былъ предпринятъ въ надеждѣ присоединить къ Москвѣ удѣлы тѣхъ князей, которые въ 1408 году оставили свои удѣлы и поступили въ службу Московскаго князя. Конечно, московское правительство надѣялось найти въ этихъ удѣлахъ сильныхъ

сторонниковъ бѣжавшихъ князей, но вѣроятно надежды не оправдались, а потому Московскій князь не рѣшился вступить въ битву съ Витовтомъ и поспѣшилъ заключить миръ. До насъ не дошла договорная грамота этого мира, но должно быть условіями этой грамоты было положено, что, въ случаѣ нападенія Татаръ, Витовтъ и Василій Дмитріевичъ обязаны были помогать другъ другу, ибо въ 1424 году, при нападенія татарскаго хана на Одоевъ, Витовтъ послалъ сказать Московскому князю, чтобы прислалъ помощь противъ хана; когда же мѣстные литовскіе полки разбили и прогнали хана и между плѣнниками взяли двухъ его женъ, то одна была отправлена въ Литву, а другая — въ Москву, хотя московское войско не поспѣло къ участію въ битвѣ. Вообще въ отношеніи къ Литвѣ московское правительство наблюдало крайнюю осторожность и постоянно старалось сдерживать напоръ Литовскаго князя, могущественнаго и хитраго Витовта, который постоянно стремился завладѣть тою, или другою областію восточной Руси, сосѣднею съ его владѣніями и постоянно встрѣчалъ со стороны Москвы такое препятствіе, что находился вынужденнымъ оставить свое предпріятіе. Единственное его удачное предпріятіе, занятіе Смоленска, не могло бы исполниться, ежели бы Смоленскій князь пораньше обратился къ покровительству Московскаго князя; но онъ надѣялся справиться съ Витовтомъ при помощи Рязанскаго князя и обратился къ Москвѣ слишкомъ поздно, когда Смоленскъ былъ уже въ рукахъ Витовта.

Отношенія Московскаго великаго княжества къ татарской Ордѣ при Васильѣ Дмитріевичѣ далеко не походили на прежнія отношенія. Мы уже видѣли, что Василій Дмитріевичъ не только безъ просьбы былъ посаженъ ханскимъ посломъ на Владимирское великое княжество, но получилъ отъ хана Тахтамыша ярлыкъ и на великое княжество Суздальское и Нижегородское, и вообще постоянно находился въ самыхъ благопріятныхъ отношеніяхъ къ Тахтамышу. Но, по смерти Тахтамыша, Московскій князь, пользуясь замѣшательствами въ Ордѣ, вовсе уже не уважалъ татарскихъ хановъ, не ѣздилъ въ Орду и не платилъ дани, хотя послы того или другого хана еще иногда пріѣзжали въ Москву, но вмѣсто дани получали только дары. Ханы Тимуръ, Кутлукъ и Шадибекъ звали нѣсколько разъ въ Орду Василія Дмитріевича, но онъ не только не думалъ самъ ѣздить, но и не посылалъ значительныхъ пословъ, а напротивъ, при помощи своихъ агентовъ и московскихъ пріятелей изъ татаръ, старался поддерживать въ Ордѣ междоусобія, давая у себя убѣжища тѣмъ или другимъ знаменитымъ ордынскимъ бѣглецамъ. Лучше всего опредѣляетъ отношенія Московскаго князя къ Ордѣ посланіе татарскаго знаменитаго князя Едигея къ великому князю Василію Дмитріевичу; въ этомъ посланіи Едигей пишетъ: „ты у себя укрываешь Тахтамышевыхъ сыновей; послы царевы и гости изъ Орды къ вамъ пріѣзжаютъ, и вы пословъ и гостей на смѣхъ подымаете и чините имъ обиды и истому великую; сѣлъ на царство ханъ Темиръ-Кутлукъ, а ты у него и не побывалъ и въ очи не видалъ, и не посылалъ къ нему ни князей, ни старѣйшихъ бояръ ни съ которымъ словомъ. Потомъ Шадибекъ царствовалъ восемь лѣтъ, а ты у него не бывалъ и никого не посылалъ ни съ которымъ словомъ. А нынѣ царь Булатъ-Салтанъ сѣлъ на царствѣ уже третій годъ,

а ты ни самъ не бывалъ, ни брата, ни сына, ни старѣйшаго боярина не присылывалъ“. Наконецъ, въ 1409 году князь Едигей собралъ многочисленное татарское войско, нечаянно напалъ на Московскія владѣнія, осадилъ самую Москву, началъ дѣлать страшныя опустошенія по сосѣднимъ городамъ, разсылая приказанія къ Василію Дмитріевичу, ушедшему въ Кострому, чтобы шелъ къ нему въ станъ, и къ Тверскому великому князю Ивану Михайловичу, чтобы велъ свое войско на разореніе Москвы; но, не встрѣтивъ послушанія ни отъ того, ни отъ другого князя, а между тѣмъ, получивши изъ Орды вѣсть о происшедшемъ тамъ возмущеніи, Едигей принужденъ былъ оставить московскіе предѣлы, не успѣвши даже побывать въ Москвѣ и взявши съ нея только окупъ въ три тысячи рублей. Такимъ образомъ, Москва, приготовившаяся подъ начальствомъ князя Владимира Андреевича къ упорной оборонѣ, безъ битвы освободилась отъ полчищъ Едигеевыхъ. Набѣгъ Едигея, хотя не принесъ ему никакой существенной пользы, ибо возмущеніе, происшедшее въ Ордѣ, кончилось пораженіемъ хана Булатъ-Салтана и прогнаніемъ самого Едигея, тѣмъ не менѣе Московскій князь нашелъ нужнымъ самъ ѣхать въ Орду къ новому хану, былъ принятъ ласково, утвержденъ на Владимирскомъ престолѣ, но обязался платить дань въ Орду и дѣйствительно кажется платилъ ее остальные десять лѣтъ своей жизни, но, конечно, неисправно, ибо въ Ордѣ тогда были сильныя междоусобія и ханы свергали одинъ другого, и вообще Орда годъ отъ году дѣлалась менѣе страшною для Москвы. Московскіе полки въ княженіе Василія Дмитріевича уже не разъ нападали на сосѣднія татарскія области и воевали тамъ съ успѣхомъ; такъ въ 1399 году Московскіе полки взяли Болгары, Казань и другіе тамошніе города и воевали тамъ три мѣсяца. Въ княженіе Василія Дмитріевича татарскіе князья и знаменитые мурзы уже стали поступать въ Московскую службу.

Но Москва, почти вездѣ успѣшно дѣйствовавшая въ отношеніи къ сосѣдямъ ближнимъ и дальнимъ и вообще стоявшая довольно высоко въ своихъ внѣшнихъ отношеніяхъ, въ княженіе Василія Дмитріевича начала подвергаться внутреннимъ ссорамъ между своими же князьями, меньшими братьями великаго князя. Мы уже видѣли на первомъ же году княженія Василія Дмитріевича ссору его съ Владимиромъ Андреевичемъ Серпуховскимъ и видѣли изъ договорной грамоты, что ссора эта произошла изъ неуваженія великаго князя къ правамъ князя удѣльнаго и что московскіе бояре вовсе не признавали княжескихъ правъ за удѣльнымъ княземъ, считали его чуть не равнымъ себѣ. Этотъ характеръ отношеній московскихъ бояръ къ удѣльнымъ князьямъ былъ одною изъ главныхъ причинъ къ ссорамъ удѣльныхъ князей съ великими князьями. Сложившійся строй московской жизни еще допускалъ дѣленіе владѣній княжескаго дома на удѣлы, но только какъ старину, и отнюдь не думалъ поддерживать и распространять. Въ Москвѣ на удѣльныхъ князей всегда смотрѣли неуважительно и бояре, служащіе удѣльнымъ князьямъ, считались ниже московскихъ бояръ и самая служба въ удѣлѣ не засчитывалась въ московскую службу. Москва всегда тянула къ единодержавію; московскіе бояре выше Москвы ничего не признавали и постоянно стремились къ тому,

чтобы все немосковское дѣйствительно было ниже московскаго; а отсюда, естественно, вытекало отрицаніе удѣловъ и стараніе унижать удѣльныхъ князей, такъ сказать, держать ихъ въ черномъ тѣлѣ передъ великимъ княземъ Московскимъ. Необходимымъ слѣдствіемъ такового положенія было то, что удѣльные князья московскаго дома постоянно были въ тревогѣ относительно огражденія своихъ княжескихъ правъ, и при первой попыткѣ на стѣсненіе сихъ правъ или вооружались, ежели могли, или, подобно Владимиру Андреевичу, искали защиты у сосѣдей; московское же правительство, чтобы не допускать вмѣшательства сосѣдей въ чисто московскія внутренія дѣла, обыкновенно спѣшило такъ или иначе поладить съ обидѣвшимся удѣльнымъ княземъ,—великій князь вступалъ съ нимъ въ договоръ, прибавлялъ ему какую нибудь область и грамотою утверждалъ неприкосновенность правъ удѣльнаго князя, обязывая его въ то же время жить за одинъ и признавать старѣйшинство и извѣстную степень власти великаго князя. Въ лѣтописяхъ мы встрѣчаемъ только два извѣстія о ссорахъ московскихъ удѣльныхъ князей съ великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ; первое уже извѣстное намъ о ссорѣ Владимира Андреевича въ 1388 году, а второе—о ссорѣ родного брата великаго князя, Константина Дмитріевича, бывшей въ 1419 году. Причина этой ссоры состояла въ томъ, что великій князь хотѣлъ насильно подписать своего меньшого брата, Константина, подъ своего четырехлѣтняго сына, Василія. Константинъ этому воспротивился и, будучи лишенъ за это своего удѣла, ушелъ въ Новгородъ и прожилъ тамъ два года, владѣя новгородскими пригородами, данными ему по волѣ новгородскаго вѣча; потомъ въ 1421 году опять возвратился въ Москву, вѣроятно получивъ обратно отобранный у него удѣлъ и примирившись на какихъ либо условіяхъ съ великимъ княземъ. Но по договорнымъ грамотамъ Василія Дмитріевича съ московскими удѣльными князьями, дошедшимъ до насъ, мы имѣемъ еще нѣсколько указаній о ссорахъ московскихъ удѣльныхъ князей съ великимъ княземъ за время княженія Василія Дмитріевича; такъ въ 1390 году была заключена договорная грамота великаго князя съ своимъ братомъ Юріемъ Дмитріевичемъ, въ которой опредѣляются отношенія этого удѣльнаго князя къ великому князю и по которой великій князь обѣщается не обижать удѣльнаго князя. Потомъ отъ 1405 года мы имѣемъ договорную грамоту великаго князя съ своими меньшими братьями—Андреемъ и Петромъ Дмитріевичами, въ которой удѣльные князья обязываютъ великаго князя взаимною клятвою между прочимъ блюсти подъ ними удѣлы въ тѣхъ границахъ, въ которыхъ имъ оставилъ покойный отецъ, а не обижать ихъ. Отъ того же 1405 года мы имѣемъ еще вторую договорную грамоту между великимъ княземъ и княземъ Владимиромъ Андреевичемъ, въ которой великій князь даетъ ему вмѣсто Волока— Городецъ, а вмѣсто Ржевы — Углече поле, и къ тому еще жалуетъ его и его дѣтей Козельскомъ, Гоголемъ и Алексинымъ. Всѣ сіи грамоты, дошедшія до насъ, ясно говорятъ, что неудовольствія между великимъ княземъ и московскими удѣльными князьями продолжались во все княженіе Василія Дмитріевича, хотя лѣтописи и не упоминаютъ объ нихъ, можетъ быть потому, что неудовольствія сіи скоро прекращались и при дружной и согласной дѣятельности великаго кня-

зя и московскихъ бояръ не имѣли важныхъ послѣдствій. Но со смертію великаго князя Василія Дмитріевича отношенія удѣльныхъ московскихъ князей къ великому князю выступаютъ на первый планъ и обращаются въ продолжительное междоусобіе, по своей жестокости превзошедшее всѣ прежнія усобицы русскихъ князей.

Въ 1425 году скончался великій князь Василій Дмитріевичъ, оставивъ послѣ себя наслѣдникомъ единственнаго своего сына, десятилѣтняго князя Василія Васильевича. Великій князь Василій Дмитріевичъ передъ смертью своей хорошо видѣлъ, что его малолѣтнему сыну не будетъ покоя отъ дядей и двоюродныхъ братьевъ, а потому въ завѣщаніи своемъ написалъ главнымъ попечителемъ и защитникомъ его своего тестя великаго князя Литовскаго Витовта. Въ этомъ же завѣщаніи онъ явно выдѣлилъ своего старшаго брата Юрія Дмитріевича, упомянувъ только о меньшихъ своихъ братьяхъ, князьяхъ Андреѣ, Петрѣ и Константинѣ Дмитріевичахъ и о сыновьяхъ уже умершаго князя Владиміра Андреевича, обязавшихся повиноваться малолѣтнему великому князю Василію Васильевичу по особому докончанію, или по договорной грамотѣ, до насъ не дошедшей. Значитъ князь Юрій Дмитріевичъ еще при жизни Василія Дмитріевича открыто не признавалъ права племянника на великокняжескій престолъ и завѣщаніе было написано по договору только съ меньшими братьями Василія Дмитріевича и съ двоюродными братьями, сыновьями князя Владиміра Андреевича, а для большаго утвержденія укрѣплено благословеніемъ митрополита и свидѣтельствомъ шести старѣйшихъ бояръ московскихъ.

По смерти великаго князя Василія Дмитріевича, митрополитъ Фотій въ ту же ночь послалъ своего боярина въ Звенигородъ, звать князя Юрія Дмитріевича въ Москву. Эта посылка, очевидно, была сдѣлана митрополитомъ по общему совѣту московскихъ бояръ, которые думали, заманивши Юрія въ Москву, принудить его къ признанію за племянникомъ права на велико-княжескій престолъ, а затѣмъ надѣялись взять съ него присягу въ повиновеніи новому великому князю. Но Юрій хорошо зналъ, что его ожидало въ Москвѣ: поступокъ московскихъ бояръ при малолѣтнемъ Димитріѣ Донскомъ съ Михайломъ Александровичемъ Тверскимъ, конечно, былъ ему не неизвѣстенъ, а потому онъ вмѣсто Москвы поспѣшилъ въ Галичъ, гдѣ онъ вдали отъ Москвы былъ болѣе безопасенъ и силенъ, чѣмъ въ Звенигородѣ. Изъ Галича Юрій отправилъ посольство въ Москву съ угрозами и бояре московскіе, пестуны десятилѣтняго Василія, заключили съ нимъ перемиріе на пять мѣсяцевъ. Перемиріемъ обѣ стороны воспользовались для приготовленія къ открытой войнѣ. Напередъ успѣли приготовиться московскіе бояре и повели своего малолѣтняго князя и его младшихъ дядей на старшаго дядю Юрія. Юрій, услыхавши объ этомъ походѣ и о прибытіи московскихъ полковъ въ Кострому, бѣжалъ въ Нижній Посланный за нимъ въ погоню, князь Константинъ Дмитріевичъ загналъ его за Суру; но здѣсь Юрій укрѣпился на неприступномъ мѣстѣ и Константинъ принужденъ былъ воротиться въ Москву. По удаленіи Константина, Юрій пробрался въ свой Галичъ и оттуда прислалъ въ Москву съ требованіемъ перемирія на годъ; но въ Москвѣ о перемиріи не думали, а желали мира и съ тѣмъ послали митрополита Фотія въ Галичъ. Юрій принялъ Фотія съ боль-

шими почестями и сказалъ ему, что трактовать о мирѣ пришлетъ своихъ бояръ въ Москву. Дѣйствительно вслѣдъ за митрополитомъ явилось въ Москвѣ посольство Юрія и заключило миръ на томъ условіи, чтобы обоимъ дядѣ и племяннику итти въ Орду на судъ къ хану, и кого ханъ пожалуетъ великимъ княженіемъ, тому и быть великимъ княземъ. Миръ этотъ продолжался пять лѣтъ; наконецъ, въ 1431 г. Юрій Дмитріевичъ прислалъ въ Москву разметныя грамоты и въ концѣ этого года Московскій князь поѣхалъ въ Орду съ своими боярами а вслѣдъ за нимъ отправился туда же и князь Юрій Дмитріевичъ. Въ Ордѣ Московскаго князя принялъ дорога московскій Минъ-Булатъ, а Юрія Дмитріевича любимецъ ханскій, ордынскій князь Ширинъ-Тегиня. Русскіе князья — соперники, ожидая ханскаго суда, прожили въ Ордѣ цѣлую зиму и въ это время сопровождавшій Московскаго князя московскій бояринъ Иванъ Дмитріевичъ такъ успѣлъ склонить ордынскихъ князей въ пользу Московскаго, что Ширинъ-Тегиня остался съ Юріемъ одинъ, мало этого самому хану успѣли столько наговорить на Ширинъ-Тегиня, что ханъ пересталъ довѣрять ему; на самомъ же ханскомъ судѣ московскій бояринъ ловкою рѣчью такъ убѣдилъ хана, что тотъ отдалъ великое княженіе Московскому князю, а князю Юрію Дмитріевичу придалъ Дмитровъ къ его прежнему удѣлу. Такимъ образомъ московскіе бояре съумѣли поставить на своемъ и не пустили удѣльнаго князя на великокняжескій престолъ.

Соперники князья, дядя и племянникъ, примиренные судомъ ханскимъ, не могли жить въ мирѣ. Въ Москвѣ по характеру боярства не довѣряли Юрію и ненавидѣли его и все его семейство; Юрій, съ своей стороны, также не довѣрялъ московскому боярству и потому, боясь жить близъ Москвы, оставилъ новопожалованный Дмитровъ и удалился въ свой отчинный Галичъ; а бояре московскіе, какъ будто бы того только и ждавшіе, взяли Дмитровъ за своего князя и посадили тамъ московскихъ намѣстниковъ, намѣстниковъ же Юрія выгнали, а иныхъ даже захватили. Такимъ образомъ открытая война опять сдѣлалась необходимою; впрочемъ Юрій еще медлилъ, можетъ быть думая побольше собраться съ силами, или выжидая удобнаго случая; въ Москвѣ же удаленіе Юрія въ Галичъ приняли за робость и стали пренебрегать имъ, и пренебреженіе это дошло до того, что сыновья Юріевы Василій Косой и Димитрій Шемяка, бывшіе въ гостяхъ на свадьбѣ у великаго князя Московскаго, встрѣтили такое невыносимое оскорбленіе, что немедленно должны были оставить Москву. Между тѣмъ къ князю Юрію Дмитріевичу пришелъ, оскорбленный великимъ княземъ и его матерью Софіею Витовтовной, извѣстный уже намъ бояринъ московскій Иванъ Дмитріевичъ и сталъ подстрекать Юрія къ скорѣйшему начатію войны съ Москвою; Юрій по его совѣту уже послалъ за сыновьями въ Москву, какъ тѣ сами явились съ жалобою на невыносимое оскорбленіе. Въ Галичѣ рѣшенъ уже походъ къ Москвѣ и полки съ князьями и воеводами уже выступили, а въ Москвѣ узнали объ этомъ только тогда, когда прибѣжалъ намѣстникъ ростовскій съ вѣстью, что Юрій уже въ Переяславлѣ. Великій князь и бояре поспѣшили собрать какое могли войско, пошли на встрѣчу Юрію, сошлись съ нимъ, не доходя 20 верстъ до Клязьмы, и были разбиты на-голову. Великій князь, тогда еще 17-лѣтній юноша, бѣжалъ въ

Москву и, взявши тамъ свое семейство, сперва укрылся въ Твери, а потомъ перешелъ въ Кострому. Юрій же Дмитріевичъ, занявши Москву, пошелъ въ погоню за племянникомъ и захватилъ его въ Костромѣ. Казалось дѣло Василія Васильевича было окончательно проиграно,—онъ былъ уже въ плѣну у своего соперника, но московскіе бояре тутъ-то и не потеряли головы: они съумѣли снискать благосклонность Юріева любимца, галицкаго боярина Семена Морозова, и его стараніями достигли того, что Юрій рассорился съ своими сыновьями, и не только освободилъ племянника, но и далъ ему въ удѣлъ Коломну и отпустилъ туда со всѣми его боярами.

По удаленіи Василія Васильевича въ Коломну, крамола, прежде вредившая Московскимъ князьямъ, теперь стала работать на пользу новаго Коломенскаго владѣльца. Юрій, какъ чужой, приведшій въ Москву своихъ бояръ изъ Галича, не могъ снискать расположенія московскихъ бояръ и гражданъ; всѣ потянулись изъ Москвы въ Коломну къ родному князю, у котораго по его молодости московскіе бояре надѣялись имѣть больше силы, чѣмъ у чужого князя, приведшаго съ собою своихъ бояръ. И Юрій Дмитріевичъ, видя опасность своего положенія въ Москвѣ, поспѣшилъ примириться съ племянникомъ, уступилъ ему великое княженіе и Москву, а самъ удалился въ свой отчинный Галичъ, гдѣ его всѣ любили, какъ отчиннаго князя, княжившаго тамъ около сорока лѣтъ. Но для Москвы и удалившійся Юрій былъ опасенъ, — московскіе бояре и тамошній князь не могли простить ему и забыть недолговременнаго занятія Москвы, тѣмъ болѣе, что сыновья Юрія засѣли въ Костромѣ. Къ Костромѣ немедленно были отправлены московскіе полки подъ начальствомъ воеводы князя Юрія Патрекѣевича, гдѣ сверхъ чаянія встрѣтили Юріевыхъ сыновей готовыми къ бою съ полками Вятчанъ и Галичанъ и потерпѣли сильное пораженіе, такъ что самъ московскій воевода попался въ плѣнъ къ сыновьямъ Юрія. Когда въ Москвѣ узнали, что у старшихъ Юріевыхъ сыновей Василія Косого и Димитрія Шемяки были въ бою противъ Московской рати Юріевы галицкіе полки, то причли Юрію это въ измѣну противъ московскаго договора, такъ какъ дѣйствительно въ дошедшей до насъ договорной грамотѣ помѣщено условіе, обязывавшее Юрія не помогать старшимъ сыновьямъ и не принимать ихъ; Московскій великій князь повелъ свою рать прямо къ Галичу и Юрій, неждавшій такого нашествія, бѣжалъ на Бѣлоозеро, а Москвичи, взявши и сожегши беззащитный Галичъ, возвратились домой, не позаботясь о преслѣдованіи бѣжавшаго Юрія. Что было причиною такой оплошности со стороны московскихъ бояръ, на это мы не имѣемъ никакихъ указаній, только эта оплошность дорого стоила и Московскому князю и московскимъ боярамъ.

По удаленіи московскихъ войскъ въ Москву, князь Юрій Дмитріевичъ немедленно возвратился въ разоренный Галичъ и, соединясь съ своими старшими сыновьями, весною того же 1434 года съ многочисленнымъ войскомъ отправился противъ великаго князя. Великій князь, узнавши о его походѣ, самъ съ княземъ Можайскимъ, своимъ двоюроднымъ братомъ, Иваномъ Андреевичемъ пошелъ къ нему на встрѣчу; противники сошлись за Ростовомъ и вступили въ бой, который кончился полнымъ пораженіемъ Москвичей, такъ что Московскій князь

вмѣсто Москвы убѣжалъ въ Новгородъ, а Можайскій князь въ Тверь. Князь Юрій Дмитріевичъ, одержавъ побѣду, свободно пошелъ къ Москвѣ и послѣ осады, продолжавшейся недѣлю, вступилъ въ Москву, взялъ великихъ княгинь и отослалъ въ Звенигородъ. Затѣмъ онъ объявилъ себя великимъ княземъ и заключилъ союзъ со всѣми московскими удѣльными князьями и съ великимъ княземъ Рязанскимъ, обязавъ ихъ клятвою - не имѣть сношеній съ изгнаннымъ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ. Между тѣмъ изгнанный Василій изъ Новгорода пробрался въ Нижній; Юрій послалъ за нимъ въ погоню двухъ своихъ сыновей — Димитрія Шемяку и Дмитрія Краснаго, которые и пришли уже во Владиміръ. Василій, не видя ни откуда помощи, уже готовился бѣжать въ Орду, какъ вдругъ во Владиміръ пришла вѣсть, что Юрій скончался въ Москвѣ и его старшій сынъ Василій Косой объявилъ себя великимъ княземъ. Эта неожиданная вѣсть перемѣнила все дѣло: два Дмитрія Юрьевича, получивъ отъ старшаго брата объявленіе о кончинѣ родителя и своемъ вокняженіи въ Москвѣ, отвѣчали ему: „ежели Богъ не захотѣлъ, чтобы княжилъ отецъ нашъ, а тебя мы сами не хотимъ"; а затѣмъ немедленно пригласили Василія Васильевича во Владиміръ, примирились съ нимъ и пошли всѣ трое съ своими полками къ Москвѣ. Василій Юрьевичъ Косой, услыхавши объ этомъ, бѣжалъ изъ Москвы въ Орду, прокняживши только одинъ мѣсяцъ.

Дмитрій Шемяка и Дмитрій Красный, вступая въ союзъ съ Василіемъ Васильевичемъ противъ своего брата Василія Юрьевича Косого, конечно, имѣли въ виду получить болѣе выгодъ отъ двоюроднаго брата, находившагося въ изгнаніи, чѣмъ отъ родного брата, владѣвшаго тогда Москвою. И дѣйствительно въ договорной между ними грамотѣ, дошедшей до насъ, мы видимъ, что Василій Васильевичъ уступилъ имъ удѣлъ недавно умершаго своего дяди Константина Дмитріевича: Ржеву, Углече Поле и Бѣжецкій Верхъ. Но уступка эта, сдѣланная въ крайности, не усиливъ существенно двухъ Юрьевичей, въ то же время была тяжела для Московскаго князя, и, такимъ образомъ, при самомъ заключеніи союза было положено начало неудовольствія и недовѣрія между новыми союзниками, еще недавно бывшими врагами; это начало недовѣрія не замедлило выступить наружу. Князь Василій Юрьевичъ Косой, бѣжавши изъ Москвы, успѣлъ собраться съ силами и занялъ Кострому. Василій Васильевичъ, услыхавши объ этомъ, на другой годъ пошелъ противъ него и, разбивъ его на Которосли, въ Ярославскомъ уѣздѣ, не преслѣдовалъ. Василій же Юрьевичъ, собравшись съ силами въ Кашинѣ, занялъ изгономъ Вологду и потомъ возвратился въ Кострому, куда къ нему пришли Вятчане. Московскій князь, услыхавши объ этомъ, снова двинулся къ Костромѣ, но вмѣсто боя заключилъ съ Юрьевичемъ миръ и далъ ему въ удѣлъ Дмитровъ. Но сила Юрьевича была на сѣверѣ, а не подъ Москвою, и онъ, не проживши и году въ Дмитровѣ, удалился опять въ Кострому, гдѣ, соединясь съ Вятчанами, занялъ Устюгъ послѣ девятинедѣльной осады. Въ Москвѣ, узнавши объ этомъ, стали сбираться къ походу; а въ это время пріѣхалъ въ Москву князь Дмитрій Шемяка звать къ себѣ въ Угличъ на свадьбу Московскаго князя. Въ Москвѣ, чтобы обезпечить походъ на Василія Юрьевича, захватили гостя Шемяку и

отправили въ Коломну за стражею. Походъ дѣйствительно удался, противники сошлись въ Ростовской области и Юрьевичъ, разбитый, попался въ плѣнъ къ Москвичамъ. Московскій князь, возвратившись въ Москву, приказалъ князя Василія Юрьевича ослѣпить, а брата его Дмитрія Юрьевича освободилъ изъ подъ стражи и, вызвавъ изъ Коломны въ Москву, обязалъ новымъ договоромъ на прежнихъ условіяхъ и отпустилъ на прежній удѣлъ.

Послѣднимъ договоромъ великаго князя съ княземъ Дмитріемъ Шемякою казалось кончились всѣ междукняжескіе ссоры въ Московскомъ княжествѣ: Василій Юрьевичъ ослѣпленный и въ плѣну былъ уже не опасенъ, да и ничего не предпринималъ, Дмитрій Юрьевичъ Шемяка только что заключилъ съ великимъ княземъ союзъ и дружбу, другихъ же противниковъ и соперниковъ въ княжескомъ домѣ не было. И, дѣйствительно, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ 1436 года между московскими князьями не было междоусобій, князь Дмитрій Шемяка и другіе удѣльные князья московскіе мирно повиновались великому князю Василію Васильевичу; такъ въ 1438 году по приказанію великаго князя Дмитрій Шемяка и другіе князья ходили противъ хана Улу-Ахмета подъ Бѣлевъ. Но при нашествіи на Москву того же хана Улу-Ахмета въ 1439 году Дмитрій Шемяка съ братомъ, не смотря на нѣсколько посылокъ отъ великаго князя, не явились на помощь московскому войску, за что великій князь въ 1440 году ходилъ на Шемяку къ Угличу; Шемяка бѣжалъ въ новгородскія владѣнія, послѣ чего великій князь возвратился въ Москву и вскорѣ заключилъ миръ съ Юрьевичами на прежнихъ условіяхъ. Этотъ миръ продолжался до 1445 года. Въ этомъ году Улу-Ахметъ въ бою подъ Суздалемъ взялъ въ плѣнъ великаго князя Василія Васильевича и послалъ извѣстить объ этомъ Дмитрія Юрьевича Шемяку, желая съ нимъ вступить въ союзъ; но пока Шемяка переговаривался съ посломъ хана, Улу-Ахметъ, взявши хорошій окупъ, освободилъ Василія Васильевича. О договорѣ великаго князя съ ханомъ Улу-Ахметомъ разнеслись крамольные слухи, что великій князь условился уступить хану Москву съ тѣмъ, чтобы самому властвовать въ Твери. Этими слухами воспользовался Шемяка и заключилъ тайный союзъ съ Тверскимъ великимъ княземъ Борисомъ Александровичемъ и съ Можайскимъ княземъ Иваномъ Андреевичемъ, чтобы дѣйствовать за одно противъ Московскаго князя. Между тѣмъ тайная крамола работала въ Москвѣ и сносилась съ Шемякою, передавая ему всѣ московскія вѣсти. Крамольники извѣстили Шемяку и Можайскаго князя, что великій князь поѣхалъ молиться въ Троицкій монастырь и что все готово сдать имъ измѣннически Москву. По этой вѣсти Шемяка и Можайскій князь подошли изъ Русы съ своими полками къ Москвѣ ночью, крамольники отворили имъ ворота и они заняли такимъ образомъ городъ; потомъ тою же ночью Можайскій князь ворвался въ Троицкій монастырь, схватилъ тамъ великаго князя и привезъ на другой день въ Москву, гдѣ на четвертый день Шемяка приказалъ его ослѣпить и отправилъ узникомъ въ Угличъ, а мать его, княгиню Софію, заточилъ въ Чухлому. Малолѣтніе сыновья Василія были спасены пестунами и отвезены изъ монастыря подъ защиту вѣрнаго боярина, князя Ивана Ряполовскаго, который увезъ ихъ въ Муромъ.

Князь Дмитрій Юрьевичъ Шемяка, утвердившись измѣннически въ Москвѣ, немедленно привелъ къ присягѣ московскихъ бояръ и гражданъ, причемъ князь Василій Ярославичъ Боровскій и князь Семенъ Ивановичъ Оболенскій, не желая присягать Шемякѣ, бѣжали въ Литву и получили отъ тамошняго государя Брянскъ, Гомей и Стародубъ, утвердились тамъ и приняли къ себѣ боярина Ѳедора Басенка, бѣжавшаго изъ московской тюрьмы. Князь Дмитрій Юрьевичъ Шемяка, желая захватить дѣтей великаго князя, укрывавшихся въ Муромѣ, убѣдилъ епископа рязанскаго, Іону, привезти ихъ въ Москву, обѣщая принять ихъ благосклонно и дать имъ вмѣстѣ съ отцомъ довольную вотчину. Когда же Іона привезъ дѣтей, то Шемяка отправилъ ихъ въ заточеніе къ отцу въ Угличъ. Этотъ послѣдній поступокъ поднялъ противъ Шемяки князей Ряполовскихъ, князя Стригу-Оболенскаго и другихъ московскихъ бояръ, которые сперва уговорились итти къ Угличу и освободить великаго князя съ дѣтьми, но, не успѣвши въ этомъ удалились въ Литву къ князю Василію Ярославичу, а за ними потянулись туда же и всѣ недовольные. Князь Дмитрій Юрьевичъ, опасаясь, чтобы не остаться въ Москвѣ одному, и по неотступнымъ просьбамъ епископа Іоны, наконецъ, рѣшился освободить Василія Васильевича съ дѣтьми и далъ ему въ удѣлъ Вологду, разумѣется заключивши съ нимъ договоръ и обязавши его клятвою не искать великаго княженія. Но клятва, данная въ неволѣ, естественно, не могла удержать Василія, когда къ нему со всѣхъ сторонъ стали стекаться приверженцы и подзывать въ Москву. Василій, проживши нѣсколько дней въ Вологдѣ, сперва пошелъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, какъ бы для богомолья, а потомъ перебрался въ Тверь и заключилъ союзъ съ тамошнимъ княземъ, Борисомъ Александровичемъ, получилъ отъ него дружину и пошелъ къ Москвѣ. Шемяка вышелъ къ Волоку-Ламскому загородить ему дорогу, а въ это время въ Москвѣ работала крамола въ пользу Василія и передала Москву Василіеву боярину, Плещееву, прошедшему туда съ небольшою дружиною. Шемяка, видя вокругъ измѣну и чувствуя слабость силъ, вступилъ въ переговоры съ Василіемъ, который послѣ долгихъ переговоровъ и далъ миръ Шемякѣ и Можайскому князю, оставивъ имъ прежніе наслѣдственные удѣлы и обязавъ клятвою въ вѣрности. Но, разумѣется, ни клятвы, ни договорныя грамоты не могли водворить довѣрія между двумя противниками, такъ много измѣнявшими клятвамъ, а посему вражда и недовѣріе продолжались послѣ заключеннаго мира еще пять лѣтъ, и, наконецъ, въ 1453 году Шемяка, разбитый на-голову подъ Устюгомъ, бѣжалъ въ Новгородъ и тамъ погибъ отравленный поваромъ, подкупленнымъ изъ Москвы. Такъ кончились крамолы и междоусобія князей московскаго дома, изъ нихъ — Василій Васильевичъ вышелъ побѣдителемъ единственно потому, что бояре московскіе рѣшились во что бы ни стало отстоять его права на московскій престолъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ отстоять и свое значеніе въ управленіи государствомъ.

Смерть Дмитрія Юрьевича Шемяки развязала руки Московскому великому князю и московскимъ боярамъ, такъ много ему послужившимъ, и они въ нарушеніе мирнаго договора, не церемонясь, на слѣдующій же годъ пошли войною на прежняго союзника Шемяки князя

Ивана Андреевича Можайскаго и принудили его бѣжать въ Литву, а можайскій удѣлъ присоединили къ московскимъ владѣніямъ. Покончивъ, такимъ образомъ, съ княземъ Можайскимъ, московскіе бояре и ихъ великій князь, желая уничтожить даже всякую возможность къ смутамъ въ московскомъ княжескомъ домѣ, ни съ того, ни съ сего, безъ всякой вины и безъ объясненій въ 1456 году схватили и заточили въ Угличѣ бывшаго въ Москвѣ Серпуховского князя Василія Ярославича, самаго вѣрнаго и усерднаго союзника московскому князю во время войны съ Шемякою, а удѣлъ его присоединили къ Москвѣ. Въ лѣтописяхъ даже не объявлено никакого предлога къ такому нечестному поступку съ вѣрнымъ союзникомъ,—значитъ, никто и не думалъ объ этомъ предлогѣ, а поступали просто и открыто по разсчетамъ холодной, ни передъ чѣмъ не останавливающейся, политики. Было разочтено, что хорошо-бы присоединить къ Москвѣ богатый и довольно сильный Серпуховской уѣздъ и, несмотря на вѣрность и великія заслуги Серпуховского князя, схватили его оплошно пріѣхавшаго въ Москву, и сослали въ тюрьму въ Угличъ. Съ присоединеніемъ Серпуховского удѣла, въ московскомъ княжескомъ домѣ остался только одинъ удѣльный князь Верейскій, Михаилъ Андреевичъ, родной братъ изгнаннаго князя Можайскаго. Такимъ образомъ, Москва, по своему строю никогда не благоволившая къ удѣламъ, при первомъ удобномъ случаѣ, такъ сказать не отрываясь, за одно княженіе покончила со всѣми московскими удѣлами. На сколько не любимы были въ Москвѣ удѣлы, лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что за удѣльныхъ князей въ Москвѣ никто не заступался, а при уничтоженіи удѣловъ самая вопіющая неправда въ Москвѣ считалась дѣломъ законнымъ, такъ что даже не пробовалось хоть какого-нибудь предлога для прикрытія явной и возмутительной неправды, тогда какъ въ другихъ случаяхъ та же Москва была крайне требовательна и даже строга относительно соблюденія законности, хотя бы только для вида, или напоказъ.

Московское правительство, во все продолжительное княженіе Василія Васильевича занятое московскими междоусобіями и уничтоженіемъ московскихъ удѣловъ, въ отношеніи къ сосѣднимъ русскимъ княжествамъ—Тверскому и Рязанскому, старалось соблюдать миръ и согласіе, а сосѣднія княжества, съ своей стороны, только издали смотрѣли на московскія междоусобія и почти не принимали въ нихъ никакого участія. Такъ, Рязанскій князь Иванъ Ѳедоровичъ одинаково заключалъ договоры и съ княземъ Юріемъ Дмитріевичемъ, когда онъ владѣлъ Москвою, и съ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, когда сей утвердился въ Москвѣ, и въ условіяхъ тѣхъ и другихъ договоровъ, Московскій князь считался старѣйшимъ передъ Рязанскимъ великимъ княземъ, и Рязанскій князь обязывался не вступать ни въ какіе договоры иначе, какъ по думѣ съ Московскимъ княземъ. Рязанскій великій князь, Иванъ Ѳедоровичъ, въ такихъ былъ тѣсныхъ отношеніяхъ къ Московскому князю, что въ 1456 году, умирая, княженіе свое и сына своего, восьмилѣтняго Василія, поручилъ великому князю Московскому въ опеку. Московскій князь по смерти Ивана Ѳедоровича разсадилъ по разанскимъ городамъ своихъ намѣстниковъ для охраненія, а молодого Рязанскаго князя и сестру

покойнаго Ивана Өедоровича, Өеодосію, взялъ къ себѣ въ Москву. Конечно, присоединеніе Рязанской земли къ московскимъ владѣніямъ было бы весьма удобно, но въ Москвѣ на этотъ разъ считали незаконнымъ таковой поступокъ и Рязанскій малолѣтній князь, какъ скоро выросъ, безпрепятственно былъ отпущенъ въ Рязань и принялъ отъ московскихъ намѣстниковъ всѣ свои владѣнія въ цѣлости, а затѣмъ за него была выдана замужъ дочь великаго князя Московскаго, княжна Анна Васильевна.

Борисъ Александровичъ, великій князь Тверской, подобно Рязанскому князю во все время княженія Василія Васильевича жилъ въ мирѣ съ Москвою. До насъ дошли двѣ договорныхъ грамоты этого князя съ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ: первая относится къ 1437 или 1438 году, а вторая къ 1451 году. Въ той и другой грамотѣ Тверской великій князь договаривается съ Московскимъ, какъ равный съ равнымъ, даже Московскій князь не присвоиваетъ себѣ старѣйшинства; вообще обѣ грамоты свидѣтельствуютъ о полномъ согласіи Московскаго и Тверского князей; въ нихъ даже нѣтъ и намека, чтобы между ними было какое-нибудь недоумѣніе или вражда. Главныя условія грамотъ жить въ мирѣ и стоять за одинъ противъ Татаръ, Ляховъ и Нѣмцевъ, сторого охранять старыя границы владѣній, не принимать измѣнниковъ; и тотъ и другой князь на случай смерти взаимно поручаютъ своихъ княгинь и дѣтей въ печалованье или защиту. Но Тверской князь, Борисъ Александровичъ, не былъ безъучастенъ къ московскимъ междоусобіямъ, по лѣтописнымъ извѣстіямъ Тверской князь будто бы былъ въ союзѣ съ княземъ Дмитріемъ Юрьевичемъ Шемякою противъ Московскаго князя Василія Васильевича въ 1445 году; впрочемъ, это извѣстіе сомнительно, съ одной стороны потому, что ни въ лѣтописяхъ, ни по другимъ памятникамъ, нѣтъ никакихъ извѣстій о послѣдствіяхъ сего союза, да Шемякѣ этотъ союзъ вовсе и не былъ нуженъ; а съ другой стороны, князь Василій Васильевичъ въ слѣдующемъ году искалъ защиты у Тверского князя и съ Тверскою ратью пошелъ отнимать Москву у Шемяки и Борисъ Александровичъ тогда же обручилъ свою дочь за Московскаго княжича Ивана Васильевича. Слѣдовательно, Тверской князь былъ не только въ постоянномъ, но и дѣятельномъ союзѣ съ Московскимъ княземъ, Василіемъ Васильевичемъ, и считалъ въ своемъ интересѣ защищать его права на Московскій престолъ.

Несмотря на продолжительное междоусобіе, Московское правительство не опускало своихъ видовъ на Новгородъ Великій и постоянно шло впередъ въ подчиненіи Новгорода. Великій князь Василій Васильевичъ только что утвердился въ Москвѣ по смерти дяди своего Юрія Дмитріевича, какъ въ 1435 году вступилъ въ переговоры съ Новгородцами, и на первый разъ, чтобы получить право быть Новгородскимъ княземъ, цѣловалъ къ Новгороду крестъ на томъ, что отступается отъ новгородскихъ отчинъ: Бѣжецкаго Верха, Волока-Ламскаго и Вологды, и далъ слово выслать своихъ бояръ на разводъ новгородскихъ и московскихъ пограничныхъ владѣній, но не только не выслалъ и отвода нигдѣ не сдѣлалъ, напротивъ того, въ 1437 г. принудилъ Новгородцевъ дать ему черный боръ. Потомъ въ 1441 году, узнавши о сношеніяхъ Новгородцевъ съ Литовскимъ великимъ кня-

земъ, Казиміромъ, Московскій князь объявилъ свой гнѣвъ Новгороду, а вслѣдъ затѣмъ самъ съ большимъ войскомъ вступилъ въ новгородскія владѣнія, имѣя при себѣ помощныя войска изъ Пскова и Твери, остановился сперва въ Торжкѣ, а потомъ передвинулся въ Деманъ, опустошая все по дорогѣ, и принудилъ Новгородцевъ заплатить ему 8000 рублей, обязавъ ихъ не мстить своимъ союзникамъ Пскову и Твери. Борьба съ Шемякою на нѣкоторое время остановила притязанія великаго князя на Новгородъ. Но по смерти Шемяки, управившись съ князьями Можайскимъ и Серпуховскимъ, зимою 1456 года великій князь Василій Васильевичъ открылъ свой походъ на Новгородъ занятіемъ Волока, потомъ вступилъ въ новгородскія владѣнія и, опустошая все по дорогѣ, дошелъ до Яжелбицъ; здѣсь онъ остановился, а воеводъ своихъ послалъ къ Русѣ, гдѣ они на-голову разбили новгородскую рать. Новгородцы отправили посольство въ великокняжескій столъ, въ Яжелбицъ, и заключили тамъ миръ, по которому обязались: 1) заплатить 8500 рублей новгородскихъ; 2) въ судныхъ дѣлахъ новгородскую печать замѣнить великокняжескою печатью; 3) не давать судебныхъ вѣчевыхъ грамотъ; 4) безотговорочно платить черный боръ, когда потребуетъ князь и, наконецъ 5) не давать у себя убѣжища лиходѣямъ великаго князя и ни съ кѣмъ не заключать договоровъ безъ дозволенія изъ Москвы. Такимъ образомъ, великій князь Василій Васильевичъ въ отношеніи къ Новгороду поставилъ себя и свою власть въ такое выгодное положеніе, что немного оставалось, чтобы подчинить Новгородъ окончательно Москвѣ.

Относительно Пскова Василій Васильевичъ также успѣлъ увеличить свою власть сравнительно съ своими предшественниками. Онъ въ 1443 году ввелъ во Псковѣ новость, состоявшую въ томъ, что Псковскій князь сталъ называться намѣстникомъ великаго князя Московскаго и при вступленіи на престолъ долженъ былъ присягать, какъ Пскову, такъ и великому князю Московскому; потомъ сталъ отзывать своихъ намѣстниковъ и присылать новыхъ, не спрашивая согласія псковскаго вѣча, что впрочемъ не всегда удавалось.

Отношенія къ Литвѣ во все княженіе Василія Васильевича были большею частію мирны. Первоначально великій князь Литовскій Витовтъ, какъ опекунъ Московскаго князя, даже помогалъ совѣтами московскимъ боярамъ, и въ 1430 году въ договорахъ съ князьями Рязанскимъ и Пронскимъ, требовалъ отъ сихъ князей, чтобы они помогали его внуку, князю Московскому, Василію Васильевичу, противъ его недруговъ. По смерти Витовта въ самой Литвѣ начались ссоры и междоусобія и литовскіе князья не имѣли времени и подумать о московскихъ дѣлахъ; но когда утвердился въ Литвѣ королевичъ Казиміръ Ягайловичъ, то отношенія къ Литвѣ нѣсколько измѣнились,—Казиміръ сталъ вмѣшиваться въ дѣла новгородскія. Московскій князь въ отвѣтъ на это въ 1444 г. послалъ двухъ татарскихъ царевичей на Брянскъ и Вязьму, которые своимъ нечаяннымъ набѣгомъ произвели тамъ сильное опустошеніе и доходили почти до Смоленска. Казиміръ въ слѣдующемъ году за этотъ набѣгъ мстилъ также набѣгомъ: по его приказанію нѣсколько пановъ съ 7000 литовской рати нечаянно напали на Калугу и Козельскъ и, пограбивши, удалились домой съ добычею и плѣнниками. Но въ 1446 году сторонники Василія Васильевича, князья Боровскій

и Оболенскій, бѣжавшіе отъ Шемяки, были благосклонно приняты Казиміромъ и, получивъ отъ него въ вотчину Брянскъ, Стародубъ и другіе города, собрали тамъ войско въ помощь Василію Васильевичу. Впрочемъ въ Литвѣ одинаково принимали, какъ сторонниковъ великаго князя, такъ и его враговъ, когда они искали тамъ убѣжища; такъ напримѣръ въ 1454 году князь Иванъ Можайскій бѣжалъ въ Литву; а равнымъ образомъ и въ Москвѣ радушно принимали всѣхъ бѣглецовъ изъ Литвы. Хотя собственно войны Москвы съ Литвою не было во все княженіе Василія Васильевича, тѣмъ не менѣе въ Москвѣ на Литву всегда смотрѣли, какъ на врага, и Московскій князь во всѣхъ своихъ договорныхъ грамотахъ писалъ, чтобы договаривающіеся съ нимъ князья не вступали въ союзъ ни съ Татарами, ни съ Литвою.

Отношенія Москвы къ Татарамъ. Хотя въ началѣ княженія великій князь Василій Васильевичъ искалъ суда передъ ханомъ въ спорѣ съ дядею своимъ Юріемъ Дмитріевичемъ, но тѣмъ не менѣе Орда почти не имѣла прямого вліянія на дѣла московскія и Василій Васильевичъ почти не платилъ дани Татарамъ. Напротивъ того, татарскіе князья и царевичи поступали въ службу къ Московскому князю и даже иные ханы татарскіе искали его дружбы и покровительства. Правду сказать, тѣ или другіе татарскіе князья продолжали дѣлать набѣги во все княженіе Василія Васильевича, но набѣги сіи большею частію были незначительны и ограничивались грабежомъ, при чемъ Московскій князь почти всегда успѣвалъ посылать свои отряды, ежели не для вторженія, то для преслѣдованія татарскихъ грабителей. Такъ въ 1429 году какой-то татарскій царевичъ сдѣлалъ набѣгъ на Галичъ и Кострому; московскій князь, узнавши объ этомъ, немедленно послалъ своихъ воеводъ для преслѣдованія и тѣ, хотя не догнали самого царевича, тѣмъ не менѣе побили заднія его толпы грабителей. Или въ 1431 году Татары ограбили Мценскъ, и великій князь Московскій послалъ своего воеводу грабить камскихъ и волжскихъ Болгаръ, подчиненныхъ Татарамъ. Или въ 1444 году татарскій царевичъ Мустафа съ своею ордою только что остановился у московскихъ границъ, какъ Московскій князь, узнавши объ этомъ, послалъ туда своихъ воеводъ, которые разбили татаръ на-голову, убили самого царевича и многихъ его князей, и другихъ татарскихъ князей привели плѣнниками въ Москву. Походъ казанскаго хана Улу-Махмета въ 1445 году къ Нижнему-Новгороду дорого стоилъ Москвичамъ, самъ князь Василій Васильевичъ въ бою подъ Суздалемъ попался въ плѣнъ къ Татарамъ; но тѣмъ не менѣе ханъ Улу-Махметъ не могъ продолжать своего похода и нашелся вынужденнымъ выпустить изъ плѣна Московскаго князя, взявши хорошій выкупъ, даже не дождавшись отвѣта отъ Дмитрія Юрьевича Шемяки, къ которому послалъ своего гонца для переговоровъ. Московскій князь даже сталъ посылать Татаръ же на татарскихъ грабителей; такъ въ 1449 и 1450 годахъ татарскіе царевичи Кайсымъ и Ягупъ, состоящіе на службѣ у Московскаго князя, били по его приказанію Татаръ на Похрѣ и подъ Коломной. Въ 1451 году царевичу Мазовшѣ изъ Седи-Ахматовы орды удалось дойти подъ самую Москву и пожечь ея посады; но и на этотъ разъ, несмотря на временный успѣхъ, Татары, боясь за собою пого-

ни бѣжали не взявши города, и въ своемъ бѣгствѣ побросали большую часть добычи, которую успѣли было награбить. Потомъ въ 1455 и 1459 годахъ Татары Седи-Ахматовы Орды приступили къ Окѣ около Коломны, но въ оба раза были отражены полками высылаемыми Московскимъ княземъ, а въ послѣдній разъ старшій сынъ великаго князя, Иванъ Васильевичъ, даже не допустилъ ихъ перебраться черезъ Оку. Такимъ образомъ, татарская Орда, раздираемая междоусобіями, потеряла всякое значеніе для Москвы; на Татаръ смотрѣли въ Москвѣ уже не какъ на прежнихъ повелителей, а какъ на разбойниковъ, дерзкихъ, но уже вовсе не страшныхъ, такъ что во время московскихъ междоусобій, послѣ перваго ханскаго суда, ни одинъ изъ московскихъ князей не бѣгалъ въ Орду и не искалъ покровительства у хана, о ханскихъ ярлыкахъ не было и помину, по крайней мѣрѣ въ Москвѣ и между московскими князьями.

Исторія Москвы за все время княженія великаго князя Василія Васильевича, скончавшагося въ 1462 году, представляетъ явленіе удивительное, выходящее изъ ряду обыкновенныхъ, свидѣтельствующее объ изумительной прочности и тягучести общественнаго строя въ Москвѣ. Въ продолженіи почти тридцати лѣтъ Московское княженіе было раздираемо ужасными княжескими междоусобіями и народными крамолами; Москва восемь разъ переходила отъ одного князя къ другому, изъ четверыхъ князей, попеременно занимавшихъ Московскій престолъ, двое были ослѣплены, одинъ отравленъ; тотъ изъ князей, за которымъ, наконецъ, осталась Москва, былъ три раза изгоняемъ, три раза былъ въ плѣну и одинъ разъ уже приготовился бѣжать въ Орду; въ это страшное и темное время было заключено до двадцати договоровъ между князьями, и всѣ они были нарушены самымъ вѣроломнымъ и постыднымъ образомъ. Все казалось разрушеннымъ, разстроеннымъ, всѣ общественныя связи разорванными, а на самомъ дѣлѣ, въ концѣ концовъ, Москва еще никогда не была такъ сильна, какъ въ это злополучное время. Изъ сосѣднихъ княжествъ, постоянно соперничествовавшихъ съ Москвою и тогда наслаждавшихся внутреннимъ покоемъ, ни одно не осмѣлилось воспользоваться московскими смутами и крамолами, а такіе сильные враги какъ Литва и Татары, хотя и пытались дѣлать непаденія и даже Татары разъ приходили къ самой Москвѣ, но всегда встрѣчали сильный отпоръ, да и Москвичи не оставались въ долгу и такъ же врывались въ ихъ владѣнія; мало этого, Московскій князь среди междоусобій успѣлъ сдѣлать нѣсколько походовъ въ новгородскія владѣнія и поставилъ Новгородъ въ такую зависимость отъ себя, въ какой онъ не находился еще ни отъ одного князя. Но что всего важнѣе для послѣдующей исторіи Москвы, въ Москвичахъ, какъ въ бояряхъ, такъ и гражданахъ, патріотизмъ и полная неоглядочная преданность общественнымъ пользамъ и готовность на всѣ пожертвованія еще никогда не являлись въ такомъ свѣтѣ, какъ въ смутное и темное время княженія Василія Васильевича. Москвичи, такъ сказать, на своихъ плечахъ вынесли Москву изъ омута междоусобій и сами поставили княжескую власть на такую высоту, на какой она еще никогда не бывала на Русской землѣ; они въ это время такъ плотно слили свою власть и волю объ общемъ благѣ съ волею и властью князя, что сіи двѣ

власти и воли составили одну волю и власть великаго князя Московскаго, которая уже ни передъ чѣмъ не уступала, такъ что съ этого времени значеніе Москвы слилось съ значеніемъ княжеской власти, къ исторіи которой мы теперь и перейдемъ.

Княжеская власть. Внутренняя жизнь Руси въ настоящій періодъ является совершенно иною противъ предшествующихъ періодовъ. Въ первомъ періодѣ на первомъ планѣ была земщина разныхъ славянскихъ племенъ, владѣвшихъ раздѣльно Русскою землею; во второмъ періодѣ земщина сначала уступаетъ первое мѣсто дѣятельности христіанской церкви, а потомъ подчиняется монгольскому игу; а въ третьемъ періодѣ главнымъ дѣятелемъ является верховная власть великаго князя всей Руси. Въ первомъ періодѣ, приглашенные Новгородцами, варяго-русскіе князья едва успѣваютъ соединить славянскія племена только внѣшнимъ образомъ; они заботятся только о распространеніи предѣловъ, мало касаясь внутренняго устройства племенъ, которыя, признавая власть русскихъ князей, остаются попрежнему еще разъединенными; во второмъ періодѣ христіанская церковь успѣваетъ соединить всѣ племена на Руси нравственнымъ союзомъ братства въ Христѣ, и едва только касается общественнаго устройства племенъ, введеніемъ греческаго Номоканона, какъ закона общаго для христіанъ, который, впрочемъ, не вытѣсняетъ прежнихъ юридическихъ вѣрованій, высказанныхъ Русскою Правдою, а, напротивъ того, самъ постепенно подчиняется ихъ вліянію, по частямъ входя въ Русскую Правду въ измѣненномъ видѣ. Но что всего важнѣе и что собственно характеризуетъ второй періодъ, такъ это то, что въ это время Русская земля, еще слабо соединенная въ первомъ періодѣ, распалась на нѣсколько независимыхъ владѣній и видимо утратила свое единство. Въ третьемъ же періодѣ Московскіе великіе князья на сѣверо-востокѣ, а литовскіе на юго-западѣ, успѣвши уничтожить, или лишить владѣній другихъ князей, постоянно заботятся о томъ, чтобы всѣмъ владѣніямъ сообщить одинаковое устройство, уничтожить всѣ племенныя особенности, несогласныя съ общимъ характеромъ единодержавной земли, и вообще направить общественную жизнь къ цѣлямъ согласнымъ съ видами правительства, такъ что каждая половина Руси, какъ восточная, такъ и западная являлись стройнымъ цѣлымъ не только по единству церкви и верховной власти, но и по отрицанію всякой двойственности во власти, пагубной для успѣховъ благоустройства общественнаго.

Такъ какъ княжеская власть въ настоящемъ періодѣ является главнымъ дѣятелемъ, около котораго сосредоточивается вся дѣятельность внутренней жизни русскаго общества, то посему на княжескую власть и должно прежде всего обратить вниманіе. Важнѣйшій шагъ къ болѣе полному и правильному развитію княжеской власти былъ сдѣланъ еще въ концѣ втораго періода и заключался въ уничтоженіи удѣльнаго разновластія и подчиненіи разныхъ владѣній одному князю. Первыми на этомъ важномъ поприщѣ выступили Литовскіе князья—Гедиминовичи: въ концѣ XIV и началѣ XV столѣтій Ольгердъ и Витовтъ успѣли уже подчинить себѣ всю западную Русь съ Смоленскими, Черниговскими и Сѣверскими владѣніями. Но несчастный союзъ съ Польшею остановилъ успѣхи Литовскихъ князей. Ягайло и Ви-

товтъ, для союза съ Польшею принявши латинскую вѣру, поставили себя въ самыя невыгодныя отношенія къ народонаселенію юго-западной Руси, исповѣдовавшему греческую вѣру, а старанія соединить юго-западную Русь съ Польшею еще болѣе увеличили невыгоду положенія Литовскихъ великихъ князей. Русскій народъ, не сочувствовавшій ни латинской вѣрѣ, ни соединенію съ Польшею, очутился въ борьбѣ съ Литовскими князьями и отдѣлилъ свои интересы отъ интересовъ иновѣрнаго правительства. Естественное стремленіе оградить свою вѣру и народность вызвали въ западно-русскомъ обществѣ необходимость договоровъ между великимъ княземъ и народомъ, и, такимъ образомъ, раздвоили верховную власть, сообщили особую силу неполноправнымъ владѣльцамъ—служилымъ князьямъ и вельможамъ— и дали важное значеніе народнымъ сеймамъ, враждебнымъ единодержавію, миру и порядку въ обществѣ; сеймы еще болѣе усилились, когда совершилось полное соединеніе Литвы съ Польшею и корона сдѣлалась избирательною. Къ тому же, для умноженія безпорядковъ, присоединилось стремленіе распространить латинскую унію, враждебную греческой церкви. Все это не только остановило первые успѣхи Литовскихъ князей на поприщѣ развитія княжеской власти, но и внесло въ западно-русское общество то внутреннее разложеніе, которое приготовило присоединеніе западной Руси къ восточной, совершившееся въ слѣдующемъ періодѣ.

Московскіе великіе князья на сѣверо-востокѣ Руси почти въ одно время съ Литовскими князьями начали дѣйствовать въ духѣ совершеннаго подчиненія, или уничтоженія удѣловъ; но ихъ дѣйствія были много медленнѣе литовскихъ, такъ что еще въ началѣ XVI вѣка оставались болѣе или менѣе независимыми отъ Москвы — Псковъ и Рязань, да и Новгородъ съ Тверью утратили свою независимость только въ концѣ XV столѣтія. За то успѣхи Московскихъ князей были постояннѣе и прочнѣе, единство вѣры здѣсь не отдѣляло интересовъ народа отъ интересовъ правительства; а потому каждый удѣльный князь, потерявшій свое владѣніе, съ тѣмъ вмѣстѣ утрачивалъ всякое значеніе въ народѣ, прежде ему подвластномъ, и дѣлался — или слугою московскаго государя безъ всякихъ правъ на прежнія владѣнія, или убѣгалъ въ Литву; даже нерѣдко Московскіе князья успѣвали привлечь къ себѣ народъ какого-либо удѣльнаго княжества прежде нежели удѣльный князь оставлялъ свою область; такъ это случилось въ Нижнемъ-Новгородѣ при великомъ князѣ Василіѣ Дмитріевичѣ; самый Великій Новгородъ большею и лучшею частію своихъ гражданъ уже тянулъ къ Москвѣ задолго до уничтоженія своей независимости. Все это поставило Московскихъ князей въ такое выгодное положеніе, что въ настоящемъ періодѣ не было уже никакихъ, хотя видимо законныхъ, препятствій къ полному развитію ихъ самодержавной власти, не было причинъ къ законной борьбѣ, такъ что вслѣдъ за единодержавіемъ Московскихъ князей, пріобрѣтеннымъ въ концѣ второго періода, въ третьемъ періодѣ развилось постепенно и самодержавіе. Уже о великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ III посолъ императора, Герберштейнъ, разсказывалъ, что „бояре трепетали передъ Іоанномъ и на пирахъ во дворцѣ не смѣли шепнуть слова, ни тронуться съ мѣста, когда государь дремалъ по цѣлымъ часамъ за

обѣдомъ, всѣ сидѣли въ глубокомъ молчаніи, ожидая новаго приказа веселить его и веселиться“. Впрочемъ, чужестранца, Герберштейна, кажется, обманула чинность московскаго двора, ибо бояре во время Іоанна III-го еще много имѣли правъ, независѣвшихъ отъ воли государя, они еще принимали сильное участіе въ дѣлахъ правленія; Іоаннъ III, преимущественно занятый уничтоженіемъ разновластія удѣльнаго, мало еще касался боярскихъ правъ и другихъ несообразностей русскаго общества съ полнымъ самодержавіемъ. Современникъ Іоанна, московскій бояринъ Берсень, говоритъ о немъ, что онъ „противъ себя встрѣчу любилъ, и тѣхъ жаловалъ, которые противъ него говаривали, и старыхъ обычаевъ не перемѣнялъ“. То же подтверждаетъ о немъ и князь Курбскій въ своей исторіи, говоря: „зѣло, глаголютъ, его любосовѣтна быти, и ничто-же починати безъ глубочайшаго и многаго совѣта“. Болѣе сильныя перемѣны начались съ Іоаннова сына великаго князя Василія Ивановича, о которомъ тотъ же бояринъ Берсень говоритъ: „здѣсь у насъ старые обычаи князь великій перемѣнилъ; встрѣчи противъ себя не любитъ, кто ему встрѣчю говоритъ, и онъ на того опаляется; а нынѣ де и государь нашъ запершися самъ-третей у постели всякія дѣла дѣлаетъ. А какъ пришли сюда Грекове, ибо земля наша замѣшалася; а дотолѣ земля Русская жила въ тишинѣ и въ миру. А какъ пришла сюда мати великаго князя, великая княгиня Софья, съ своими Греки, такъ наша земля замѣшалася и пришли нестроенія великія“.

Великій князь Иванъ Васильевичъ III-й, уничтоживъ почти всѣ отдѣльныя самостоятельныя владѣнія въ сѣверовосточной Руси, еще не касался отдѣльныхъ правъ, принадлежавшихъ той или другой области, ежели они не противорѣчили единодержавію, и только заботился о томъ, чтобы всѣ области тянули къ Москвѣ, чтобы Москва была центромъ управленія и чтобы всѣ отдѣльныя права областей считались даромъ государя Московскаго, а не историческимъ достояніемъ отъ прежняго времени. Такъ въ 1477 году Іоаннъ Новгородцамъ, когда они хотѣли знать какой власти надъ Новгородомъ желаетъ Московскій государь, отвѣчалъ чрезъ своихъ бояръ: „ино то наше государство великихъ князей таково: вѣчу колоколу въ вотчинѣ нашей, въ Новгородѣ, не быти, посаднику не быти; а государство намъ свое держати, ино на чемъ великимъ княземъ быти въ своей отчинѣ, волостямъ быти, селомъ быти какъ у насъ въ Низовой землѣ, а которыя земли наши великихъ князей за вами, а тобъ было наше. А что есте били челомъ мнѣ великому государю, чтобы вывода изъ Новгородскія земли не было, да у бояръ у новгородскихъ въ вотчины, въ ихъ земли, намъ великимъ государемъ не вступатися; и мы тѣмъ свою отчину жалуемъ, вывода бы не паслися, а въ вотчины въ ихъ не вступаемся; а суду быти въ нашей отчинѣ, въ Новгородѣ, по старинѣ, какъ въ землѣ судъ стоитъ“. (Ник. VI. 93). Мало этого, Іоаннъ согласился и на то, чтобы не звать Новгородцевъ на судъ въ Москву и чтобы не нести имъ службы въ Низовской землѣ. Но когда Новгородцы стали просить, чтобы государь далъ крѣпость своей отчинѣ, Великому Новгороду, цѣловалъ бы крестъ, то Іоаннъ не согласился на это и отвѣчалъ: „не быти моему крестному цѣлованію“, и даже отказалъ Новгородцамъ, когда они просили, чтобы за него цѣловали крестъ

бояре, или по крайней мѣрѣ присягалъ бы Новгороду намѣстникъ, котораго онъ пошлетъ туда. Эти отвѣты Ивана Васильевича Новгородцамъ ясно показываютъ образъ мыслей этого государя относительно верховной власти, признанія который онъ требовалъ отъ своихъ подданныхъ. Въ покоренномъ Новгородѣ онъ уничтожаетъ только вѣче и званіе посадника, какъ свидѣтельство самостоятельности этого народа; требуетъ только, чтобы ему были уступлены нѣкоторыя волости и села для поддержанія своей верховной власти, какъ онъ самъ выражаетъ въ своемъ отвѣтѣ Новгородцамъ: „а государство намъ свое держати, ино начемъ великимъ княземъ быти въ своей отчинѣ, волостямъ быти, селамъ быти“, при этомъ прямо указываетъ, что такъ устроено и во всей Низовой землѣ: „какъ у насъ въ Низовой землѣ“. Это указаніе великаго князя на Низовую землю, т. е. на все Московское государство, ясно свидѣтельствуетъ, что великій князь Иванъ Васильевичъ нисколько не измѣнилъ стараго порядка въ Низовой землѣ, ибо мы уже знаемъ, что уступка князю отъ земщины нѣсколькихъ волостей и селъ, для поддержанія княжеской власти, представляла на Руси исконную форму подчиненія какой-либо земщины князю, форму вѣроятно заимствованную отъ первой уступки Ладоги, Изборска и Бѣлоозера первымъ варяго-русскимъ князьямъ. Всѣ остальныя старыя привиллегіи Новгорода Іоаннъ оставляетъ неприкосновенными; но когда Новгородцы стали просить, чтобы онъ цѣловалъ крестъ Новгороду для утвержденія этихъ привиллегій, то великій князь отказался, дабы тѣмъ показать, что всѣ привиллегіи, уступленныя Новгородцамъ, они считали не исконнымъ своимъ правомъ, а государевымъ даромъ, пожалованіемъ, которое государь по своему усмотрѣнію могъ и измѣнить, какъ то и было съ Новгородомъ черезъ десять лѣтъ, именно въ 1489 году, когда великій князь перевелъ изъ Новгорода болѣе 1000 человѣкъ бояръ, житьихъ людей и гостей, и далъ имъ помѣстья въ московскихъ владѣніяхъ, а на мѣсто ихъ прислалъ въ Новгородъ гостей и боярскихъ дѣтей изъ московскихъ владѣній. При завоеваніи Твери Иванъ Васильевичъ также не измѣнялъ тверскихъ порядковъ, но, чтобы сколько-нибудь подвести Тверскія владѣнія подъ одинъ уровень съ прочими Московскими владѣніями, послалъ туда московскихъ писцовъ описать тверскія земли по московски въ сохи. Также при завоеваніи Вятки Московскій государь привелъ Вятчанъ только къ крестному цѣлованію на свое имя и для ослабленія вывелъ изъ Вятки лучшихъ людей и поселилъ ихъ въ московскихъ городахъ. Даже въ духовной своей грамотѣ великій князь Иванъ Васильевичъ удерживаетъ почти всѣ порядки духовныхъ завѣщаній, писанныхъ его предшественниками; такъ, оставляя главное наслѣдство старшему своему сыну, говоритъ „благословляю сына своего старѣйшаго, Василія, своею отчиною — великими княжествы, чѣмъ мя благословилъ отецъ мой и что ми Богъ далъ. А даю ему городъ Москву съ волостьми и съ путьми, и съ станы, и съ селы, и съ дворы съ городскими со всѣми, и съ слободами, и съ тамгою, и съ пудомъ, и съ помѣрнымъ, и съ торги, и съ лавками, и съ дворы съ гостиными, и съ Добрятинымъ селомъ, и съ бортью, и съ Васильцовымъ стомъ, да числяки и ордынцы. А сынъ мой, Василій, держитъ на Москвѣ большаго своего намѣстника по старинѣ и какъ

было при мнѣ; а другого своего намѣстника держитъ на Москвѣ, на княжь Володимеровѣ трети Андреевича. А что которые мои дворы внутри города на Москвѣ, и за городомъ за моими бояры и за князьми и за дѣтьми боярскими, и тѣ всѣ дворы сыну моему, Василію. А у кого будутъ у бояръ и у князей, и у дѣтей боярскихъ внутри города на Москвѣ и за городомъ дворы ихъ вотчины и купли, или кому буду далъ на Москвѣ на дворы грамоты свои жалованныя прочныя, и сынъ мой, Василій, въ тѣ дворы у нихъ не вступается". Изъ этихъ распоряженій Ивана Васильевича очевидно, что всѣ прежнія отношенія государя къ государству и при немъ оставались неизмѣнными; поземельныя владѣнія въ завѣщаніи раздѣляются, какъ и прежде: на дворцовыя, помѣстныя, вотчинныя и черныя; права владѣльцевъ также остаются неприкосновенными; государь прямо опредѣляетъ и исчисляетъ свои доходы на Москвѣ и доходы сіи по завѣщанію оказываются тѣми же, какіе мы встрѣчали при предшественникахъ Ивана Васильевича. Важнѣйшее измѣненіе, засвидѣтельствованное духовною грамотою, относится къ свободному переходу служебныхъ князей изъ одной службы въ другую; въ грамотѣ сказано: „А кто тѣхъ служебныхъ князей отъ моего сына, отъ Василія, отъѣдетъ къ моимъ дѣтемъ меньшимъ, или къ кому нибудь, и тѣхъ князей вотчины сыну моему, Василію". Но и эта была уже не новость: въ договорной грамотѣ Шемяки съ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, писанной въ 1436 году, мы уже встрѣчаемъ условіе: „а князей ти, брате, съ вотчинами не пріимати". Впрочемъ, свободный переходъ бояръ и служебныхъ князей изъ одной службы въ другую, дѣйствительно, со времени Ивана Васильевича сдѣлался затруднительнымъ, потому что свободныхъ прежде отъѣзжанъ теперь стали останавливать и сажать подъ стражу. Такъ, когда въ 1474 году знаменитый полководецъ Іоанна, князь Даніилъ Холмскій, вздумалъ было отъѣхать изъ Москвы въ другое владѣніе, то его посадили подъ стражу и только тогда выпустили, когда онъ далъ на себя клятвенную запись не оставлять великокняжеской службы, и когда за него поручились митрополитъ и епископы, и когда бояринъ, Иванъ Никитичъ Воронцовъ, далъ на себя поручную кабалу, чтобы въ случаѣ отъѣзда Холмскаго, заплатить ему Воронцову въ великокняжескую казну 250 рублей. Лучшимъ и болѣе яснымъ выраженіемъ намѣреній великаго князя Ивана Васильевича III-го относительно государственнаго устройства служитъ Судебникъ, изданный имъ въ 1497 году; въ немъ Московскій государь собралъ всѣ прежнія узаконенія, которыя не противорѣчили новому порядку вещей, присоединилъ къ прежнимъ узаконеніямъ нѣсколько новыхъ, которыя требовались современнымъ ему развитіемъ русскаго общества, и сборникъ этотъ назначилъ быть общимъ закономъ для всей подвластной ему Россіи, впрочемъ, не уничтожая старыхъ правъ и привиллегій, имъ же самимъ оставленныхъ и утвержденныхъ за разными областями. Этотъ порядокъ потверждать старыя права и привиллегіи ясно говоритъ, что Иванъ Васильевичъ преимущественно заботился о томъ только, чтобы все дѣлалось съ его соизволенія, было ли это старое или новое, для него все равно.

Сынъ и преемникъ Ивана Васильевича, Василій Ивановичъ уничтожилъ послѣднія независимыя владѣнія на Руси - Рязань и Псковъ и присоединилъ ихъ къ Москвѣ, кромѣ того завоевалъ у Литовцевъ Смоленскъ. Основная мысль о княжеской власти у него первоначально была та же, которой слѣдовалъ отецъ его, Іоаннъ; онъ хотѣлъ, чтобы все государственное устройство проистекало изъ его власти, чтобы все старое и новое утверждалось его пожалованіемъ, но онъ въ развитіи этой мысли пошелъ далѣе отца, чему, конечно, много способствовало, съ одной стороны, воспитаніе его, на которое, конечно, имѣла большее вліяніе мать его Софія Ѳоминишна, отрасль императоровъ византійскихъ, а съ другой — сосредоточеніе большей силы и сознаніе своего могущества. Въ первые дни своего правленія онъ еще слѣдовалъ методѣ отца, не касался боярскихъ правъ, призывалъ на совѣтъ и братьевъ своихъ и бояръ. Такъ, напримѣръ, въ началѣ его правленія лѣтопись говоритъ о немъ: „Князь великій, посмотря въ шертныя грамоты Менгли-Гиреевы царевы, что были со отцемъ его, да приговоривъ съ братьею своею и съ бояры, и послалъ въ Крымъ ближняго человѣка своего Василья Наумова“ (Ник. V. 173). Но скоро онъ оставилъ этотъ старый и уже не нужный по обстоятельствамъ обычай и, какъ свидѣтельствуетъ Берсень, пересталъ приглашать бояръ на совѣтъ, особенно со времени завоеваніи Смоленска, и всѣми дѣлами сталъ распоряжаться при помощи двухъ или трехъ совѣтниковъ, приближенныхъ и преданныхъ себѣ людей, и не въ опредѣленномъ мѣстѣ — въ Боярской Думѣ, а около своей постели. Лучшими свидѣтелями сильнаго развитія власти при Василіѣ Ивановичѣ служатъ слѣдственныя и розыскныя дѣла о князѣ Михаилѣ Глинскомъ, о князѣ Василіѣ Ивановичѣ Шемякинѣ, знаменитомъ полководцѣ и вѣрномъ слугѣ великаго князя Ивана Васильевича, о бѣгствѣ изъ Москвы Рязанскаго князя Ивана Ивановича, о разводѣ великаго князя съ супругою своею Соломоніею Юрьевною, а также поручныя и клятвенныя записи знаменитѣйшихъ бояръ князя Василія Васильевича Шуйскаго, князей — Дмитрія и Ивана Ѳедоровичей Бѣльскихъ поручная запись князей Ростовскихъ по боярахъ, ручавшихся по князьяхъ Иванѣ и Андреѣ Михайловичахъ Шуйскихъ, и многія другія, частію дошедшія до насъ, частію не дошедшія. Всѣ эти подлинные оффиціальные акты вполнѣ оправдываютъ показаніе Берсеня, что великій князь Иванъ Васильевичъ сильно измѣнилъ старые обычаи и порядки въ высшемъ управленіи государствомъ и потѣснилъ старыя московскія права бояръ; вмѣсто держателей земли, какими они названы въ завѣщаніи Дмитрія Донского, сдѣлалъ ихъ почти своими слугами вполнѣ зависящими отъ его воли. Конечно, такому развитію княжеской власти способствовали сами обстоятельства, а не личный характеръ великаго князя. Бояре по своему составу и по положенію тогдашняго общества, давно уже перестали быть держателями земли, слитіе дружины съ земщиною, совершившееся постепенно во второмъ періодѣ, уничтожило прежнее значеніе бояръ и ихъ притязанія, ихъ неудовольствія на великаго князя были только безплоднымъ воплемъ отжившей старины. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ царствованіе Ивана Васильевича IV, къ которому мы теперь обратимся.

Кончина великаго князя Василія Ивановича и малолѣтство его преемника, Ивана Васильевича IV, продолжавшееся 14 лѣтъ, въ продолженіе которыхъ государствомъ управляли разныя боярскія партіи, дѣйствительно, такъ сказать, развязали боярамъ руки и дали просторъ всѣмъ боярскимъ притязаніямъ. Но бояре въ эти 14 лѣтъ самовластнаго управленія государствомъ ничего не могли сдѣлать въ пользу своихъ отжившихъ притязаній; они по прежнему остались слугами Московскаго государя, лишь только выросъ ихъ природный повелитель. Всѣ четырнадцать лѣтъ боярскаго управленія прошли въ смутахъ и спорахъ партій, бояре не только не успѣли пріобрѣсти довѣренности народа, но возбудили всеобщую ненависть, и явились передъ народомъ не заступниками и защитниками его правъ, но грабителями и кровопійцами (посл. царя И. В. къ Курбскому, стр. 183). Оно и не могло быть иначе по составу тогдашняго московскаго боярства, въ которое въ продолженіи послѣднихъ ста лѣтъ передъ тѣмъ вошли самые разнородные элементы и нерѣдко враждебные другъ другу; его составляли и древніе боярскіе роды государей Московскихъ, вынесшіе Москву на своихъ плечахъ изъ всѣхъ превратностей судьбы, и прожившіеся удѣльные князья, поступившіе на службу къ Московскимъ государямъ, и бояре другихъ княжествъ, поглощенныхъ Москвою, и новые выходцы изъ Литвы, Орды и другихъ странъ. Все это составляло самый обильный матеріалъ для образованія партій, а посему лишь только умеръ Василій Ивановичъ, какъ бояре, составлявшіе его дворъ, раздѣлились на партіи и стали враждовать другъ противъ друга. Первою на поприщѣ государственной дѣятельности явилась партія старинныхъ бояръ московскаго княжескаго дома, подъ предводительствомъ конюшаго, князя Овчины-Телепнева-Оболенскаго. (Ник. V. 211). Сторону этой партіи, какъ благоразумнѣйшей и опытнѣйшей, приняла и мать государя, великая княгиня Елена, тогдашняя правительница государства. Но съ кончиною правительницы пала московская партія, и прежніе удѣльные, прожившіеся князья, предводительствуемые княземъ Василіемъ Васильевичемъ Шуйскимъ, стали въ челѣ правленія. Они, какъ бы воображая себя возвратившими удѣльныя права, начали грабить великокняжескую казну и угнетать народъ, чѣмъ и возбудили противъ себя общее неудовольствіе. Московскіе старинные бояре, соединясь съ позднѣйшими литовскими выѣзжанами, воспользовались этимъ неудовольствіемъ и подъ предводительствомъ государева родственника, князя Ивана Бѣльскаго, опять захватили на три года правленіе. Но удѣльная партія была еще сильна; ея новый предводитель князь Иванъ Шуйскій, управляя Владиміромъ и начальствуя сильнымъ войскомъ, въ 1542 г. произвелъ мятежъ и, силою занявъ Москву, снова передалъ правленіе своей партіи, и снова начались прежніе безпорядки, угнетеніе народа и наглое оскорбленіе другихъ бояръ, не принадлежавшихъ къ партіи удѣльныхъ, и даже явное неуваженіе къ государю, которому тогда было уже тринадцать лѣтъ. Въ 1543 году партіи литовскихъ выѣзжанъ, предводительствуемыхъ государевыми дядями, князьями Глинскими, удалось свергнуть удѣльную партію. Но Глинскіе были плохими правителями, они начали свое дѣло жестокимъ преслѣдованіемъ пораженной партіи удѣльныхъ; сторонники и слуги Глинскихъ стали тѣснить

народъ. Всеобщая ненависть къ Глинскимъ была слѣдствіемъ таковаго порядка дѣлъ. Наконецъ народный бунтъ въ Москвѣ въ 1547 году, подготовленный московскою и удѣльною партіями, ниспровергъ Глинскихъ и ихъ сторонниковъ. Великій князь Иванъ Васильевичъ, которому тогда уже было 17 лѣтъ, самъ принялъ правленіе подъ руководствомъ московской партіи, приблизившейся къ государю въ лицѣ молодого и прекраснаго Алексѣя Ѳедоровича Адашева и умнаго почтеннаго священника, Сильвестра.

Московская партія, не успѣвши возстановить прежнихъ боярскихъ правъ во время малолѣтства Іоанна, думала успѣть въ этомъ при помощи самого Іоанна, а посему окружила его лучшими мужами, вліянію которыхъ молодой Іоаннъ совершенно подчинился, такъ что, по словамъ Курбскаго, безъ ихъ совѣта ничего не устроялъ и не мыслилъ. Такъ прошло пять лѣтъ, Іоаннъ во все это время былъ самымъ исправнымъ ученикомъ своихъ наставниковъ — бояръ; но онъ уже тяготился такою продолжительною опекою, ему уже давно хотѣлось быть такимъ же державнымъ государемъ, какими были его отецъ и дѣдъ, о чемъ, конечно, ему уже успѣли передать недоброжелатели московской партіи. Къ сожалѣнію московская партія этого не замѣчала, не думала отступаться отъ присвоенной власти; она смотрѣла на 22-лѣтняго Іоанна, какъ онъ самъ говоритъ въ письмѣ къ Курбскому, какъ на младенца, не давала ему свободы ни въ самомалѣйшихъ дѣлахъ, даже относительно пищи и одежды; не обращала никакого вниманія на его голосъ въ совѣтѣ. А между тѣмъ эта партія сама начала возвращать вотчины, отобранныя у бояръ при дѣдѣ и отцѣ Іоанна и на которыя было уже уложеніе, чтобы не отчуждать отъ имѣній государя; сама стала жаловать высшими почестями, даже дерзко осмѣливалась наряжать слѣдствія и хотѣла судить царя, какъ частнаго человѣка, въ дѣлѣ Курлятева, Прозоровскихъ и Сицкаго. Впрочемъ, умный царь еще переносилъ всѣ эти стѣсненія терпѣливо, можетъ быть считая, что боярская партія лично привязана къ нему и его семейству; но отчаянная болѣзнь Іоанна, случившаяся черезъ пять мѣсяцевъ по взятіи Казани, открыла ему глаза. Онъ на смертномъ одрѣ увидалъ, что приближеннѣйшіе къ нему и довѣреннѣйшіе бояре не были преданными ему слугами и питали явную холодность къ нему и къ его семейству, ибо большая часть бояръ отказалась исполнить его послѣднюю волю — присягнуть его сыну, Димитрію, и явно и упорно высказала свое желаніе возвести на московскій престолъ удѣльнаго князя Владимира Андреевича, вѣроятно, на условіяхъ составленныхъ самими боярами. Послѣ такого открытія Іоаннъ, естественно, долженъ былъ охладѣть къ московской боярской партіи и вступить къ ней въ иныя отношенія, или, иначе сказать, начать съ ней упорную борьбу. Въ этой борьбѣ Іоаннъ принялъ за правило сначала дѣйствовать сколько можно осторожнѣе, до времени не раздражать могущественной партіи, а между тѣмъ незамѣтно готовить сподручныя и надежныя средства на случай открытой борьбы. Съ этою послѣднею цѣлью онъ началъ замѣщать разныя должности по службѣ людьми, происходящими не изъ боярскаго сословія и преимущественно сыновьями священниковъ, оказывая къ нимъ особое довѣріе; потомъ старался привлечь къ себѣ стрѣлецкое войско, составленное изъ

простолюдиновъ, привелъ его въ лучшее устройство, увеличилъ въ числѣ и далъ ему большія привиллегіи. Чтобы ослабить вліяніе боярскихъ родовъ по городамъ и областямъ, старался судъ и управу передать городскимъ и сельскимъ общинамъ, мимо намѣстниковъ и волостелей. Приготовившись такимъ образомъ къ явной борьбѣ, Іоаннъ удалилъ отъ двора замѣчательнѣйшихъ представителей московской боярской партіи—Сильвестра и Адашева и нѣкоторыхъ другихъ бояръ, при чемъ царь потребовалъ, чтобы всѣ остальные бояре присягнули служить ему вѣрой и правдой и не держаться болѣе партіи удаленныхъ. Боярская партія, не могшая явно бунтовать, на первый разъ дала требуемую присягу и тѣмъ самымъ лишила себя всѣхъ средствъ дѣйствовать въ законныхъ формахъ, и, такимъ образомъ, подписала себѣ смертный приговоръ. Вскорѣ по вытребованіи подобной присяги началось постепенное, жестокое преслѣдованіе боярскихъ родовъ московской партіи, чему, конечно, много способствовали другіе боярскіе роды, не принадлежавшіе къ ней и старавшіеся выслужиться передъ царемъ на счетъ своихъ противниковъ.

Преслѣдуя боярскіе роды, Іоаннъ постоянно имѣлъ въ виду одну цѣль, чтобы тѣмъ же сдѣлаться въ отношеніи къ московскому боярству, чѣмъ былъ его дѣдъ въ отношеніи къ удѣльнымъ князьямъ. Онъ ясно видѣлъ, что, для лучшаго устройства и силы Московскаго государства, преслѣдованіе этой цѣли такъ же необходимо, какъ для его дѣда было необходимо преслѣдованіе удѣльныхъ князей. Онъ собственно преслѣдовалъ не личности бояръ, а боярскія права, несообразныя съ развитіемъ государства. Лучшимъ доказательствомъ этому служатъ тѣ общія мѣры, которыя онъ постепенно вводилъ для ограниченія старинныхъ боярскихъ правъ, напоминавшихъ прежній порядокъ вещей, явно противорѣчащій и настоящему положенію государства и правамъ самодержавія.

Общія мѣры къ ограниченію старинныхъ правъ боярства, постепенно вводимыя царемъ Иваномъ Васильевичемъ, были слѣдующія: во 1-хъ, онъ устроилъ строгій надзоръ за своевольными отъѣздами бояръ въ Литву и другія земли; при малѣйшемъ подозрѣніи отъѣзда, съ подозрѣваемаго бралась клятвенная запись не оставлять государства, — близкіе и родственники его обязывались за него поруками со взносомъ огромныхъ денежныхъ суммъ. По свидѣтельству Курбскаго, отъѣздъ сдѣлался почти невозможенъ и, что всего важнѣе, потерялъ свою прежнюю законность, юридически онъ уже считался измѣною государству. Такимъ образомъ, боярство лишилось самаго древнѣйшаго и драгоцѣннѣйшаго права—свободнаго отъѣзда.

Потомъ Іоаннъ придумалъ новую мѣру ограниченія, которая еще болѣе обезпечивала его власть и силу. Эта новая мѣра была—опричина, учрежденная въ 1565 году. Въ опричнѣ царь возобновилъ старыя права княжеской дружины; онъ объявилъ своею опричною собственностію 27 городовъ и нѣсколько волостей въ Московскихъ и другихъ уѣздахъ, сюда же отчислилъ нѣсколько улицъ въ самой Москвѣ; все это поступило въ непосредственное распоряженіе государя и его отдѣльной дружины, которая содержалась на доходы опричныхъ городовъ и волостей и тамъ получала себѣ помѣстья и вотчины. Все остальное государство осталось при названіи земщины и было ввѣрено

управленію бояръ, названныхъ земскими, которые въ важныхъ дѣлахъ должны были докладывать государю. Въ опричнинѣ Іоаннъ пріобрѣлъ новыя силы дѣйствовать съ большею самостоятельностію и независимостію отъ упорной партіи бояръ; опричники, самымъ своимъ отдѣленіемъ отъ земщины, поставлялись уже въ такое положеніе, что ихъ интересы дѣлались нераздѣльными отъ интересовъ государя. Опираясь на эту новую, имъ созданную силу, царь смѣло приступилъ къ своему задушевному плану – обратить боярство въ слугъ государевыхъ и даже уничтожить поводы къ притязаніямъ на возобновленіе, или поддержаніе его древнихъ земскихъ правъ, противорѣчившихъ современному состоянію государства. Онъ, около 1566 года, всѣ боярскіе роды переименовалъ въ дворянъ, т. е. слугъ государевыхъ, боярскими же дѣтьми, какъ со времени Василія Васильевича назывались всѣ боярскіе роды, назвалъ низшихъ служилыхъ людей, которые прежде назывались дворянами, и, такимъ образомъ, юридически измѣнилъ родословное значеніе боярскихъ родовъ въ служебное.

Мѣры, придуманныя Іоанномъ противъ старинныхъ притязаній боярскихъ родовъ, имѣли обширное вліяніе и бояре такъ были ослаблены, и столько потеряли съ утратою прежнихъ правъ, что не могли уже бороться не только съ государемъ, преемникомъ Іоанна, но даже съ его любимцемъ, своимъ младшимъ собратомъ, бояриномъ Борисомъ Годуновымъ. Годуновъ, при царѣ Ѳеодорѣ захвативши въ свои руки всю власть, пошелъ по стопамъ своего державнаго учителя, Іоанна; при немъ Боярская Дума потеряла всякое значеніе и существовала только по имени, безпрекословно исполняя его приказанія, хотя онъ сидѣлъ въ ней на четвертомъ мѣстѣ, уступая видимый почетъ старшимъ по роду. Всѣ попытки старшихъ бояръ сдѣлаться старинными совѣтниками и руководителями государя остались безъуспѣшными; упорнѣйшіе и знаменитѣйшіе изъ бояръ частію были удалены отъ двора, частію отправлены въ ссылку, а частію казнены. Годуновъ пошелъ далѣе Іоанна относительно стѣсненія бояръ; онъ произвелъ на нихъ нападеніе со стороны боярскихъ правъ на ихъ частную собственность. Съ этою цѣлію, около 1591 года, изданъ былъ указъ о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ. Этотъ указъ былъ принятъ боярами съ явнымъ неудовольствіемъ; въ прикрѣпленіи крестьянъ они видѣли посягательство на право частной собственности, ибо по новому закону они поневолѣ обязывались держать на своихъ земляхъ работниковъ, даже и тогда, когда послѣдніе нерадиво исполняли свои обязанности въ отношеніи къ хозяину земли; при томъ же, съ прикрѣпленіемъ крестьянъ землевладѣльцы теряли большіе выгоды при платежѣ податей, ибо тогда подати сбирались только съ жилой или населенной земли; а посему, при свободномъ переходѣ крестьянъ, землевладѣльцы могли показывать въ писцовыхъ книгахъ большую часть земель не жилыми, съ прикрѣпленіемъ же крестьянъ, этого сдѣлать уже было нельзя; земли, разъ показанныя жилыми, оставались таковыми навсегда. Въ 1596 году былъ выданъ еще указъ о мытахъ и перевозахъ съ новымъ ограниченіемъ правъ относительно частной собственности землевладѣльцевъ, гдѣ опять главныя невыгоды пали на бояръ, какъ на важнѣйшихъ поземельныхъ владѣльцевъ. Въ прежнее время каждый землевладѣлецъ имѣлъ безспорное право учреждать

на своей землѣ мыты и перевозы и пользоваться ими какъ доходной статьей; по новому же указу—всѣ мыты и перевозы частныхъ собственниковъ были отобраны въ казну и къ нимъ назначены вѣрные цѣловальники для сбора указныхъ пошлинъ, изъ которыхъ только половина предоставлялась владѣльцамъ перевозовъ. Этимъ же указомъ многіе перевозы и мосты, какъ ненужные и стѣснительные для проѣзжихъ, были уничтожены.

Паденіе бояръ и развитіе самодержавной власти государя еще сильнѣе выказалось по смерти царя Өедора Ивановича. Бояре даже здѣсь не могли воспользоваться самымъ благопріятнымъ случаемъ для обезпеченія своихъ старинныхъ правъ; несмотря на свою ненависть къ Годуному, они нашлись вынужденными согласиться на выборъ его въ преемники Өеодору, и даже не осмѣлились заикнуться о возстановленіи старинныхъ правъ своего сословія: въ соборномъ опредѣленіи 1598 года всѣ единогласно написали: „служити намъ ему, государю своему, царю и великому князю, Борису Өедоровичу и сыну его, и въ послушаньи намъ быти ихъ государскихъ повелѣній во всемъ и добра хотѣли имъ, государемъ своимъ, правдою, и головъ намъ своихъ за ихъ, государей, не щадити. И межъ собою того смотрѣти накрѣпко, чтобы государю въ разрядныхъ и земскихъ дѣлехъ кручины не приносити на которыми дѣлы, на которою хитростію". Мало того, въ подкрестной записи того же года бояре подъ присягою должны были отказаться отъ старинныхъ правъ свободнаго отъѣзда, за который сильно ратовала московская партія при царѣ Иванѣ Васильевичѣ. Утвердившись на Московскомъ престолѣ, царь Борисъ Өедоровичъ еще сильнѣе началъ развивать самодержавную власть. Онъ, чтобы болѣе ослабить бояръ, постоянно старался удалять отъ дѣлъ богатѣйшихъ и умнѣйшихъ изъ нихъ, многихъ разослалъ по сибирскимъ городамъ подъ стражу, охотно слушалъ доносы на нихъ и щедро награждалъ доносчиковъ; такими средствами онъ достигъ того, что при немъ у кормила государственнаго управленія почти не оставалось старинныхъ бояръ, опасныхъ своими связями, богатствомъ, способностями и умѣніемъ вести дѣла мимо его. Достигши этого, царь Борисъ Өедоровичъ сталъ дѣйствовать еще сильнѣе противъ старинныхъ боярскихъ правъ; такъ въ 1603 году отъ издалъ указъ, что бояре не могутъ ссылать своихъ холоповъ на прокормленье безъ отпускныхъ и что холопы, сосланные господиномъ безъ отпускной, должны являться въ Холопій Приказъ, гдѣ имъ по указу государя выдавались отпускныя мимо ихъ господъ. Вѣроятно, Борисъ Өедоровичъ и еще болѣе развилъ бы свою систему постепеннаго ограниченія боярскихъ правъ, но голодъ, разбои, смуты въ народѣ, успѣхи самозванца и, наконецъ, смуты самого царя остановили развитіе этой системы.

Смерть царя, Бориса Годунова, и восшествіе на престолъ самозванца Лжедимитрія не измѣнили боярскихъ отношеній къ государю; подкрестная запись, по которой давали присягу самозванцу, въ сущности одинакова съ записью, по которой цѣловали крестъ Борису Годунову. Дума, составленная Лжедимитріемъ изъ 15 епископовъ, 36 бояръ, 16 окольничьихъ и 6 думныхъ дворянъ, нисколько не возстановляла прежнихъ земскихъ правъ боярства; она скорѣе была сколкомъ

польскаго Сената и члены ея, въ дошедшемъ до насъ оффиціальномъ спискѣ, даже прямо названы московскими сенаторами. Возстаніе бояръ на Лжедимитрія служитъ лучшимъ доказательствомъ, что бояре жестоко обманулись въ своихъ надеждахъ на самозванца.

Избранный на царство по убіеніи Лжедимитрія, князь Василій Ивановичъ Шуйскій, конечно, скорѣе кого либо другого могъ утвердить старинныя права боярства; онъ даже при вступленіи на престолъ цѣловалъ крестъ, чтобы безъ боярскаго суда никого не осуждать на смерть и не лишать имѣнія. Но бояре, раздѣленные на партіи, не умѣли удержать этого царя, сами низвели его съ престола и выдали Полякамъ.

Боярское правленіе, въ продолженіи междуцарствія, преисполненное смутъ и безпорядковъ, наконецъ, вполнѣ доказало, что всѣ притязанія бояръ на старинныя права земства и дружины отжили уже свой вѣкъ и, какъ несообразныя съ развитіемъ государства, не могутъ быть возстановлены, что самодержавіе государя не должно стѣсняться никакою другою властію. Поэтому при избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича Романова уже не было и помину объ обезпеченіи старинныхъ правъ боярства, или о стѣсненіи верховной власти. Бояре вмѣстѣ со всѣмъ народомъ цѣловали крестъ: „за царя, Михаила Ѳеодоровича, и за дѣтей, которыхъ ему впередъ Богъ дастъ, души свои и головы положити; а также намъ, бояромъ и дворяномъ и приказнымъ людемъ не по отечеству и не по своему достоинству, свыше своего отечества и службы, мимо царскаго повелѣнія, чести себѣ никакой не хотѣти и не искати; и вотчины и помѣстья держати по своей мѣрѣ, чѣмъ кого государь пожалуетъ; и быти въ государскихъ дѣлѣхъ безъ прекословія, какъ кому государь велитъ быть на своей службѣ, такъ тому и быти“. Хотя Боярская Дума, какъ государевъ совѣтъ, имѣла большой вѣсъ во все продолженіе царствованія Михаила Ѳеодоровича, но это нисколько не усилило боярскихъ правъ, ибо рядомъ съ Думою были Земскіе Соборы, въ которыхъ принимали равное участіе съ боярами — духовенство и выборные отъ всей Русской земли. Такимъ образомъ, постепенное развитіе верховной власти государя, начавшееся съ Ивана Васильевича III, послѣ упорной борьбы московскаго боярства, наконецъ, съ избраніемъ на царство Михаила Ѳеодоровича Романова, получило настоящую свою форму въ самодержавіи московскаго государя, вспомоществуемаго Думою и Соборами, состоявшими изъ выборныхъ отъ всей Русской земли, которые впрочемъ приглашались по указу государя.

Жители Московскаго государства. Въ настоящемъ періодѣ раздѣленіе жителей Московскаго государства на дружину и земщину уже не существовало, дружина и земщина слились въ одно еще въ концѣ второго періода, и вмѣсто прежняго дѣленія явилось новое дѣленіе жителей: *на служилыхъ людей* и *неслужилыхъ*, или, какъ тогда писалось на оффиціальномъ языкѣ, *жилецкихъ людей*.

Духовенство. Первымъ классомъ между служилыми людьми по тогдашнему административному порядку считалось духовенство, которое раздѣлялось на высшее и низшее. Члены высшаго духовенства тогда назывались вообще властями. Первенствующимъ представителемъ и главою духовенства сперва былъ митрополитъ московскій и всея Руси,

а съ 1589 года патріархъ московскій и всѣхъ сѣверныхъ странъ. За митрополитомъ слѣдовали: архіепископы, епископы, архимандриты и игумены, которые въ оффиціальныхъ бумагахъ всѣ назывались властями. Нисшее духовенство раздѣлялось на бѣлое и черное: бѣлое духовенство составляли: городскіе и сельскіе священники, діаконы и причетники; къ черному же принадлежали: монахи и монахини. Въ духовномъ же вѣдомствѣ считались по прежнему: вдовы, калѣки, больные, и т. п.

Права духовенства въ настоящемъ періодѣ были большею частію еще прежнія: оно имѣло свой судъ не только въ духовныхъ, но и въ гражданскихъ дѣлахъ надъ лицами своего вѣдомства. Митрополиты, епископы и монастыри владѣли нерѣдко большими недвижимыми имѣніями. Митрополиты и епископы кромѣ того считались совѣтниками государей и пользовались правомъ ходатайства у царскаго престола за опальныхъ. Митрополиты, епископы и архимандриты, по свидѣтельству дошедшихъ до насъ оффиціальныхъ памятниковъ, несмотря на требованіе царя, Ивана Васильевича, не вмѣшиваться въ дѣла относительно наложенія царской опалы, продолжали ходатайствовать и ручаться за опальныхъ бояръ даже послѣ учрежденія опричины. Такъ, напримѣръ, въ записи клятвенной князя Михайлы Ивановича Воротынскаго, писанной въ 1566 году, мы находимъ ходатаями и поручителями—митрополита Аѳонасія, архіепископовъ: Новгородскаго, Казанскаго и Ростовскаго, и епископовъ: Суздальскаго, Рязанскаго, Коломенскаго и Сарскаго. Или въ клятвенной записи князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго, въ утвержденіе и поручительство привѣшена печать митрополита Кирилла и нѣсколько рукоприкладствъ архіепископовъ, епископовъ и архимандритовъ. Бѣлое духовенство находилось по прежнему въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ народомъ и имѣло на него большое вліяніе не только въ духовныхъ, но и въ гражданскихъ дѣлахъ. Въ это время принималось почти за непреложное правило, чтобы при опредѣленіи священника къ церкви требовать на это согласіе прихожанъ: прихожане, большею частію, сами приводили къ епископу того, кого они желаютъ имѣть священникомъ или діакономъ при своей церкви. Въ стоглавѣ сказано: „по всѣмъ св. церквамъ избираютъ прихожане священниковъ и дьяконовъ искусныхъ и грамотѣ гораздыхъ и житьемъ непорочныхъ, и денегъ у нихъ отъ церкви мзды не емлютъ ничего. И приводятъ ихъ ко святителю, и святитель, ихъ поучивъ и наказавъ, благословляетъ. А отъ проскурницъ, и отъ пономарей, и отъ сторожей попомъ, и уличаномъ, и прихожаномъ посуловъ не имати“. Въ настоящемъ періодѣ начались продолжительные споры относительно признанія правъ духовенства на недвижимыя имѣнія. Великій князь Иванъ Васильевичъ III, по праву завоеванія отобравши половину недвижимыхъ имѣній у новгородскаго духовенства, предложилъ московскому собору въ 1503 году отобрать имѣнія у всѣхъ монастырей въ московскихъ владѣніяхъ; но это предложеніе тогда не имѣло успѣха. На соборѣ 1531 года также возобновился споръ о церковныхъ имѣніяхъ, но въ этомъ спорѣ правительство не принимало участія; онъ былъ возбужденъ монахами и конченъ митрополитомъ. Впрочемъ еще при Васильѣ Ивановичѣ было установлено по нѣкоторымъ городамъ, чтобы не давать въ монастыри

вотчинъ безъ доклада государю. Въ 1551 году, по соборному приговору, это уложеніе Василія Ивановича было распространено на всѣ московскія владѣнія, и епископамъ и монастырямъ настрого было запрещено покупать вотчины безъ доклада государю, и тутъ же установлено, чтобы никоимъ образомъ не выкупать вотчинникамъ своихъ вотчинъ, отданныхъ въ монастыри. Наконецъ, въ 1581 году, по соборному приговору, опредѣлено впередъ не принимать вотчинъ по душамъ въ монастыри, а въ замѣнъ ихъ брать деньги, по цѣнѣ, чего будутъ стоить вотчины, которыя кто завѣщаетъ въ монастырь. Это же подтверждено и соборнымъ приговоромъ въ 1584 году, и сверхъ того этимъ же приговоромъ вовсе запрещено епископамъ и монастырямъ покупать вотчины и брать ихъ въ закладъ. Изъ этого правила были исключены только бѣдные монастыри, которымъ дозволялось просить государя о надѣленіи землею.

За церковною службою слѣдовала *свѣтская или мірская служба.* Служилые люди этого разряда дѣлились на два класса. Къ первому классу принадлежали тѣ изъ вольныхъ слугъ, которые поступали на службу по рожденію отъ служилыхъ людей, которымъ служба вмѣнялась въ обязанность, и которые были, такъ сказать, прикрѣплены къ службѣ. Ко второму классу принадлежали люди, поступавшіе на службу не по происхожденію своему, а по доброй волѣ. Эта служба на языкѣ тогдашнихъ оффиціальныхъ бумагъ называлась службою *„по прибору“*.

Дворяне. Къ служилымъ людямъ перваго класса принадлежали дворяне, это названіе они получили въ царствованіе Ивана Васильевича IV около 1566 года. Дворянство составляли какъ потомки прежнихъ старшихъ дружинниковъ, такъ и земскіе бояре и удѣльные князья, лишившіеся своихъ удѣловъ и поступившіе на службу къ Московскимъ государямъ. Со времени Ивана Васильевича они стали дѣлиться на три разряда: 1) *Московскихъ дворянъ*, 2) *Жильцевъ* и 3) *городовыхъ дворянъ.* Московскими дворянами назывались тѣ, которые хотя и состояли на службѣ въ Москвѣ, но не имѣли въ Московскомъ уѣздѣ вотчинъ; а городовыми дворянами назывались тѣ изъ служилыхъ людей, которые прежде составляли дворъ какого-нибудь удѣльнаго князя и поступали на службу къ Московскому государю вмѣстѣ съ своимъ княземъ. Постепенное измѣненіе отношеній дворянъ къ верховной власти въ настоящемъ періодѣ мы уже прослѣдили въ исторіи развитія верховной власти, а посему теперь разсмотримъ только служебную и частную жизнь дворянъ.

Служебная жизнь дворянъ. Для дворянъ, какъ прямыхъ потомковъ прежнихъ дружинниковъ, служба всегда считалась обязательной: дворянинъ, пока былъ въ силахъ, всегда былъ обязанъ являться на службу по первому востребованію правительства. Со временъ царя Ивана Васильевича въ эту службу введенъ былъ новый порядокъ, который сильно стѣснилъ служилыхъ людей. Въ прежнее время дворяне являлись на службу съ отрядомъ вооруженныхъ слугъ, какой кому вздумается привести, такъ-что одинъ приводилъ больше слугъ, другой меньше, у одного слуги были лучше вооружены, у другого хуже; но Иванъ Васильевичъ узаконилъ, чтобы каждый дворянинъ приводилъ на службу число слугъ сообразное съ количествомъ чет-

вертей земли, состоящихъ въ его владѣніи, и чтобы эти слуги были одѣты и вооружены такъ, какъ предписывалось государевымъ уложеніемъ. А по новому уложенію требовалось, чтобы дворянинъ со 100 четвертей вотчинной или помѣстной земли приводилъ вооруженнаго слугу на конѣ и въ полномъ доспѣхѣ, а въ дальній походъ и *„о дву конь“*. Въ этомъ же уложеніи сказано: „а хто послужитъ по землѣ и государь пожалуетъ ихъ своимъ жалованьемъ, кормленіемъ; а хто землю держитъ, а службы съ нея не платитъ, и на тѣхъ на самихъ имати деньги за люди; а хто дастъ въ службу люди лишніе передъ землею, черезъ уложенные люди, и тѣмъ отъ государя большое жалованье самимъ, а людямъ предъ уложенными въ полтретья давати деньгами“. Вмѣстѣ съ этимъ былъ введенъ и новый порядокъ — смотры. По этому порядку каждый дворянинъ, являясь на службу, долженъ былъ представиться своему полковому начальнику или воеводѣ, который осматривалъ дворянъ и ихъ служителей и записывалъ имена ихъ въ смотренныя книги, подробно прописывая подъ каждымъ именемъ, кто какъ коненъ, люденъ и оруженъ явился на службу; потомъ дворяне избирали изъ среды своей окладчиковъ, которые разбирали ихъ по помѣстнымъ и денежнымъ окладамъ и отмѣчали въ особыхъ десятильныхъ книгахъ, кто явился на службу сполна по окладу, а кто не сполна, и кто привелъ лишнихъ людей противъ своего оклада. По этому разбору докладчиковъ пріѣхавшіе служилые люди записывались въ высшія и низшія статьи, смотря по ихъ службѣ. По росписи 1550 года дворяне, или, какъ тогда назывались они, боярскія дѣти были раздѣлены на три статьи [1]). Этотъ порядокъ службы соблюдался не только относительно мужчинъ, но и относительно вдовъ, дѣвицъ и дѣтей, которыя также должны были выставлять вооруженныхъ слугъ, смотря по количеству четвертей земли, оставленной имъ на прожитокъ по смерти отца или мужа. Для большаго порядка по службѣ устроенъ былъ *„Разрядъ“*, или высшее присутственное мѣсто, въ которомъ вѣдались всѣ служилые люди и всѣ присутственныя мѣста. Съ устройствомъ Разряда, каждый дворянинъ, достигшій совершеннолѣтія (15-лѣтняго возраста) долженъ былъ явиться въ Москвѣ въ Разрядъ, а въ городахъ—къ мѣстному городскому начальнику для записи своего имени въ реестръ служилыхъ людей. При этомъ онъ долженъ былъ записать свое имѣніе и подавалъ челобитную, въ которой прописывалъ, будетъ ли онъ служить съ отцовскаго имѣнія или вотчины, или съ прожиточнаго, оставленнаго за нимъ по смерти отца до возраста, или просилъ новичнаго оклада. По этой челобитной наводилась справка по окладнымъ книгамъ, и подавшій челобитную записывался въ десятокъ *„новиковъ“* съ службою, или съ отцовскаго помѣстья, или съ прожиточнаго, которое при этомъ зачиталось ему въ окладъ, или-же по новому окладу. За неявку на службу или укрывательство, или какъ это тогда называлось *„за нѣты“*, дворяне лишались своихъ помѣстій - или всѣхъ сполна, или части. Впрочемъ они могли возвращать свои помѣстья новою службою, или по особой милости государя. Если же нѣтчикъ

---

1) Первой статьѣ назначено помѣстной дачи около Москвы 200 четвертей, второй—150, а третьей—100 четвертей.

представлялъ законную причину своей неявки на службу, то не лишался помѣстья.

Частная жизнь дворянъ. Въ тѣсной связи съ служебною жизнію находилась и частная жизнь дворянъ, именно, та сторона этой жизни, которою дворянскіе роды сталкивались другъ съ другомъ на службѣ. Мы еще въ прошедшемъ періодѣ замѣтили, что между древними боярскими родами были споры относительно первенства, или старшинства одного передъ другимъ. Но тогда таковые споры были не такъ замѣтны, потому что тогда при первомъ неудовольствіи бояре могли оставить своего князя и перейти къ другому, и при томъ тогда князья рѣдко рѣшались нарушать права старѣйшинства родовъ, какъ по собственной привязанности къ отцовскимъ и дѣдовскимъ боярамъ, такъ и потому что тогда съ старѣйшинствомъ рода дѣйствительно соединялась большая сила и значеніе его въ обществѣ, такъ что оскорбленіе его было бы опасно; отъ этого и происходило то, что и важнѣйшія должности въ государствѣ большею частію постоянно оставались въ одномъ и томъ же боярскомъ родѣ, переходя отъ отцовъ къ дѣтямъ, какъ бы по наслѣдству. Но съ уничтоженіемъ удѣловъ и съ развитіемъ верховной власти князя такой порядокъ не могъ долѣе существовать. Государи Московскіе, подчинивъ себѣ всю сѣверовосточную Русь и принявъ къ себѣ на службу удѣльныхъ князей и бояръ изъ разныхъ владѣній, естественно не могли и не имѣли ни надобности, ни охоты въ ущербъ своей власти подчиняться вполнѣ старому порядку счетовъ между боярскими родами. Отсюда въ настоящемъ періодѣ особенно развились споры и счеты между боярскими родами, извѣстные подъ именемъ мѣстничества. Въ самомъ началѣ настоящаго періода великій князь Иванъ III уже долженъ былъ прибѣгнуть къ единственно возможному для него средству для прекращенія родовыхъ споровъ, къ назначенію службы „безъ мѣстъ", т. е. чтобы извѣстная служба не была принимаема въ родовыхъ счетахъ мѣстничества ни за повышеніе, ни за пониженіе родовъ, такъ чтобы въ послѣдующее время въ родовыхъ спорахъ никто не ссылался на мѣста этой службы и не утягивалъ ими своихъ соперниковъ. Этому-же правилу слѣдовалъ и сынъ его Василій Ивановичъ, и оно оставалось болѣе или менѣе постояннымъ и во все послѣдующее время; но, несмотря на это, мѣстничество оставалось въ силѣ до самаго уничтоженія его при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Другія средства, къ которымъ прибѣгали Московскіе князья для уничтоженія мѣстничества, также не имѣли успѣха. Бояре, потерявши большую часть своихъ правъ и изъ дружинниковъ, держателей земли, обратившись въ полныхъ слугъ государевыхъ, тѣмъ упорнѣе старались удержать за собою право считаться старшинствомъ родовъ; они никакъ не могли примириться съ мыслію, что, служа подъ начальствомъ коголибо изъ своихъ товарищей, они служатъ не ему, а государю; уступая государю во всемъ, они не уважали его грамотъ, не согласныхъ съ ихъ обычнымъ правомъ мѣстничества, не брали разрядныхъ списковъ и не являлись на службу и обыкновенно говорили: „въ своихъ холопѣхъ государь воленъ, какъ кого пожалуетъ, а тою грамотою ни малу, ни велику быть нельзя", и даже самому государю въ своихъ жалобахъ писали, что назначенная имъ служба „не вмѣстна, что они

не берутъ списковъ, и что ихъ посылаютъ на посмѣхъ". Каждая семья имѣла свои родословныя и разрядныя книги и даже лѣтописи и въ спорахъ на судѣ поднимала всю старую службу своихъ предковъ и своихъ соперниковъ. Счеты по мѣстничеству возрастали по мѣрѣ развитія верховной власти государя и по мѣрѣ того, какъ правительство свободнѣе распоряжалось назначеніемъ службы. Особенно споры эти умножились въ царствованіи Θеодора Ивановича и Бориса Годунова, такъ что мѣстники этого времени въ своихъ челобитныхъ писали: „случаевъ-де у насъ много, да передъ бояры ихъ положить не мочно, потому что и до многихъ бояръ въ случаѣхъ дойдетъ". То же было и при царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ, такъ что ни одинъ военный походъ, ни одно важное дѣло не обходилось безъ мѣстническихъ споровъ. Вообще въ настоящемъ періодѣ счеты по мѣстничеству, какъ протестъ противъ правительственныхъ распоряженій по службѣ, были въ полномъ разгарѣ.

Боярскія дѣти. Второй разрядъ служилыхъ людей составляли дѣти боярскія, называвшіяся прежде младшею дружиною, потомъ дворянами, а около 1566 года переименованныя Иваномъ Васильевичемъ съ боярскихъ дѣтей, одновременно съ тѣмъ, какъ высшій классъ служилыхъ людей сталъ называться дворянствомъ. Этотъ классъ служилыхъ людей пользовался во многомъ одинаковыми правами съ первымъ классомъ, но по службѣ онъ занималъ низшія должности; такъ въ военной службѣ боярскія дѣти занимали должности десятниковъ, сотниковъ, и простыхъ воиновъ; притомъ служба ихъ была преимущественно на границахъ государства: литовской, казанской, нагайской, астраханской, въ Сибири и т. п., гдѣ они получали и помѣстья; въ придворной службѣ боярскія дѣти занимали должности конюховъ, псарей, тенетчиковъ, истопниковъ и т. п., а въ гражданской — приказныхъ, разсыльныхъ, приставовъ на заставахъ, перевозахъ и разныхъ казенныхъ работахъ, сборщиковъ податей и т. п. Впрочемъ для нихъ не былъ загражденъ переходъ и въ высшій служилый классъ. Переходъ этотъ пріобрѣтался военною службою, которая, какъ мы уже говорили, соразмѣрялась съ состояніемъ служащаго. кто имѣлъ болѣе средствъ, тотъ могъ лучше и служить, могъ привести большее число вооруженныхъ слугъ, и поэтому въ спискахъ служилыхъ людей могъ верстаться въ высшія статьи. О мѣстническихъ спорахъ между боярскими дѣтьми нѣтъ и помину.

Служилые люди по прибору. Къ этому разряду служилыхъ людей принадлежали: стрѣльцы, пушкари, затинщики, воротники, плотники, кузнецы, городовые казаки и проч., а со временъ Михаила Θеодоровича: рейторы, копейщики, драгуны, солдаты и гусары, или вообще служилые люди иноземнаго строя. Служба по прибору, вѣроятно, началась въ украйныхъ городахъ на границахъ съ крымцами, нагайцами, литовцами и др., гдѣ еще въ XIV вѣкѣ была уже протянута линія сторожевыхъ городковъ и засѣкъ. Эта линія постоянно выдвигалась въ степи и населялась по городамъ и слободамъ приборными людьми, которые тамъ получали земли для поселенія на помѣстномъ правѣ владѣнія, съ обязанностію дѣлать разъѣзды и держать караулы въ степяхъ для надзора за движеніями татаръ и извѣщать, въ случаѣ непріятельскаго набѣга, воеводъ, стоявшихъ обыкновенно съ

своими полками по Окѣ въ городахъ: Коломнѣ, Каширѣ, Серпуховѣ, Тулѣ и др. Въ приборную службу поступали всѣ свободные или, какъ тогда говорили *гулящіе* люди, т. е. сыновья отъ отцовъ, братья отъ братьевъ, племянники отъ дядей, люди не имѣвшіе своего отдѣльнаго семейства и хозяйства, не бывшіе въ тяглѣ и не платившіе податей, безъ различія званія — изъ дворянъ, духовныхъ, посадскихъ и другихъ; но только не изъ крестьянъ, или холоповъ. Въ такомъ положеніи находилась приборная служба въ концѣ прошедшаго періода; въ настоящемъ же періодѣ права приборныхъ служилыхъ людей значительно измѣнились; теперь правительство стало зачислять въ службу по прибору не на помѣстномъ правѣ, а на тягломъ, давая землю не на лицо, а на цѣлыя общины или, какъ тогда говорили, „на слободы", т. е. приборные люди стали населять слободы на общинномъ правѣ владѣнія, съ тѣмъ, чтобы земля, отчисленная на слободу, навсегда и оставалась за извѣстною общиною приборныхъ служилыхъ людей, за которую они должны нести опредѣленную — казачью, стрѣлецкую, пушкарскую и другую службу. Такъ какъ земля у цѣлой слободы приборныхъ служилыхъ людей была общая, то по этому въ приборную службу принимали не иначе, какъ по круговой порукѣ всѣхъ слобожанъ, которые отвѣчали и за исправность службы каждаго изъ своихъ членовъ. За свою службу приборные люди, кромѣ надѣла землею, еще освобождались отъ всѣхъ податей и могли свободно и безпошлинно заниматься разными промыслами въ опредѣленныхъ закономъ размѣрахъ, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы половина людей считавшихся въ общинѣ, пополугодно, поочереди, находилась въ дѣйствительной службѣ.

Значительнѣйшій разрядъ служилыхъ людей по прибору составляли стрѣльцы. Первоначальное устройство стрѣлецкое войско получило при царѣ Иванѣ Васильевичѣ IV; при немъ стрѣлецкое войско состояло изъ 12-ти тысячъ человѣкъ, изъ коихъ 5 тысячъ постоянно находились въ Москвѣ. Высшій разрядъ стрѣльцовъ составляли такъ называемые стремянные стрѣльцы; число ихъ простиралось до 2 тысячъ и они составляли государеву стражу. Остальные же стрѣльцы въ мирное время составляли гарнизоны въ украйныхъ городахъ и преимущественно въ городахъ Литовской Украйны, куда требовалось вообще войско лучше организованное. Въ военное время стрѣльцы участвовали въ походахъ конные и пѣшіе. При Иванѣ Васильевичѣ IV, который улучшилъ стрѣлецкое войско и увеличилъ число его, оно участвовало во всѣхъ военныхъ походахъ и составляло самую лучшую часть войска. Стрѣлецкая служба была пожизненная и только за ранами или за болѣзнью можно было освободиться отъ нея. Стрѣльцы въ городахъ получали казенные дворы, казенное оружіе, денежное жалованье и хлѣбную дачу, а въ случаѣ войны подводы или деньги на подъемъ. Они дѣлились на полки разной величины, самые большіе полки стрѣлецкіе состояли изъ 1200, а меньшіе изъ 700—600 человѣкъ. Начальники стрѣлецкихъ полковъ назывались головами, а впослѣдствіи — полковниками, за головами слѣдовали: сотники, пятидесятники и десятники. Въ стрѣлецкіе головы обыкновенно назначались дворяне и даже изъ старшихъ дворянскихъ фамилій. Каждый полкъ, жившій отдѣльной слободой, имѣлъ свою особую съѣзжую избу, въ

которой головы или полковники чинили судъ и управу стрѣльцамъ своего полка.

За стрѣльцами по значенію слѣдовали: пушкари, затинщики (застрѣльщики), городовые казаки, воротники, плотники и кузнецы. Они по времени учрежденія были старше стрѣльцовъ, но не имѣли такого значенія, какъ стрѣльцы. Пушкари и затинщики въ первый разъ встрѣчаются при Димитріи Ивановичѣ Донскомъ. Служба ихъ была преимущественно гарнизонная и крѣпостная. Гарнизонную службу несли также казаки, впервые они появились въ Рязани при Васильѣ Темномъ, казаки держали по преимуществу караулъ по границамъ и наблюдали за движеніемъ Татаръ. Къ крѣпостнымъ же служилымъ людямъ принадлежали: воротники, т. е. караульщики при крѣпостныхъ воротахъ, плотники, кузнецы и другіе мастера.

Къ разряду приборныхъ служилыхъ людей иноземнаго строя первоначально принадлежали только военные иностранцы: Поляки, Голланцы, Шотланцы, Греки, Датчане и Шведы. Они были вооружены по образцу западно-европейскихъ регулярныхъ войскъ. Въ первый разъ о нихъ упоминается въ царствованіе царя Ѳеодора Ивановича, а первоначальное устройство ихъ принадлежитъ, кажется, Борису Ѳеодоровичу Годунову. Въ царствованіе Ѳедора Ивановича всѣ войска иноземнаго строя состояли изъ однихъ иностранцевъ, которые дѣлились на кормовыхъ и помѣстныхъ; къ первымъ принадлежали служившіе собственно по найму и получавшіе жалованье и поденные кормы; а ко вторымъ — тѣ, которые получали землю на помѣстномъ правѣ владѣнія. Со времени царя Михаила Ѳеодоровича въ службу иноземнаго строя стали прибирать охотниковъ и изъ русскихъ, на тѣхъ же основаніяхъ и правахъ, какъ прибирались и стрѣльцы, и мало-по-малу къ концу этого періода число войскъ иноземнаго строя увеличилось до 50 тысячъ, изъ коихъ иноземцы собственно едвали составляли пятую часть. Въ иноземномъ строѣ числились: рейторы, солдаты, копейщики, драгуны и гусары. Наборъ въ эту службу производился изъ боярскихъ дѣтей, новокрещеныхъ и татаръ, изъ братьевъ и племянниковъ стрѣлецкихъ, казачьихъ и всякихъ вольныхъ охочихъ людей, вообще всѣхъ тѣхъ, которые нигдѣ не состояли на службѣ, не имѣли ни вотчинъ, ни помѣстій, не были ни въ тяглѣ, ни въ холопствѣ. Служилые люди иноземнаго строя также, какъ и стрѣльцы, селились особыми слободами и волостями въ городахъ и уѣздахъ на казенныхъ земляхъ, которыя давались имъ не на лица, а на цѣлыя общества. Кромѣ земель они получали отъ казны жалованье, провіантъ, аммуницію и оружіе, а конные и лошадей, и освобождались отъ пошлинъ и податей за промыслы. Они дѣлились на полки, имѣвшіе полковниковъ, ротмистровъ и капитановъ изъ иностранцевъ и русскихъ дворянъ.

Неслужилые или жилецкіе люди. Неслужилые или жилецкіе люди дѣлились въ настоящемъ періодѣ: 1) на городскихъ или посадскихъ людей и 2) на сельскихъ или уѣздныхъ.

1. *Городскіе или посадскіе люди* во всѣхъ городахъ дѣлились на лучшихъ, среднихъ и молодшихъ, а въ Москвѣ — на гостей, торговыхъ людей гостинныя сотни, сурожанъ, суконниковъ, купцовъ и торговыхъ людей черныхъ сотенъ.

Гости были первымъ классомъ городскихъ людей; въ этотъ классъ зачислялись только оптовые торговцы, торговавшіе съ другими городами и иностранными землями. Въ Судебникѣ въ статьѣ о безчестьи сказано, что гостямъ за безчество платилось 50 рублей, тогда-какъ прочимъ торговымъ людямъ только 5 рублей; даже многимъ изъ служилыхъ людей платилось менѣе, такъ какъ пеня за безчестье опредѣлялась жалованьемъ, получаемымъ отъ государя. Гости, богатѣйшій классъ горожанъ, пользовались большимъ уваженіемъ и во многихъ правахъ равнялись съ дворянствомъ. Они имѣли вотчины и, что всего страннѣе, помѣстья, и въ общей раскладкѣ податей по сохамъ не мѣшались съ крестьянами, а несли свои особенныя повинности. Помѣстья давались гостямъ за службу, которая была какая-то смѣшанная: то выборная общественная, то касавшаяся только частныхъ государевыхъ дѣлъ; такъ гости были главными распорядителями при сборѣ податей и торговыхъ пошлинъ, а также продавцами государевыхъ товаровъ; на нихъ лежала обязанность пересматривать товары у пріѣзжихъ иностранцевъ и отбирать часть ихъ въ казну государева двора въ видѣ пошлины. Для этой службы гости избирали изъ среды себя людей каждый годъ, такъ какъ они служили по выбору только въ теченіи одного года.

Торговые люди гостинной сотни составляли второй классъ городскихъ людей. Когда учрежденъ этотъ классъ,—неизвѣстно; въ первый разъ по памятникамъ онъ упоминается при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ, а потомъ въ приговорной грамотѣ объ избраніи на царство Бориса Ѳедоровича Годунова, въ которой за подписью гостей слѣдуетъ надпись торговыхъ людей гостинной сотни. Въ гостинныя сотни, кажется, зачислялись средніе и младшіе гости. Въ службѣ по выборамъ люди гостинной сотни занимали низшія должности цѣловальниковъ или присяжныхъ депутатовъ по своему классу, назначались сборщиками при таможняхъ, мытницахъ и перевозахъ и ларечными старостами при продажѣ государевыхъ товаровъ небольшой важности.

Сурожане и суконники составляли третій классъ городскихъ людей въ Москвѣ. Они упоминаются еще при Димитріи Ивановичѣ Донскомъ и, по всѣмъ дошедшимъ до насъ памятникамъ, принадлежали къ зажиточнѣйшимъ горожанамъ и рѣзко отличались своими правами отъ остальныхъ городскихъ жителей; въ грамотахъ говорилось объ нихъ: „съ черными сотнями никакихъ дѣлъ имъ не дѣлати и не тянути ни въ чемъ, опричь своей суконной сотни, и питье имъ всякое у себя держати про себя безпѣнно и безвымочно, [1]) и подводъ у нихъ по всѣмъ городамъ и по ямамъ и на дорогѣ не имати“.

Остальные купцы были извѣстны подъ именемъ **торговыхъ людей черныхъ сотенъ**. Они вели торгъ только въ томъ городѣ, гдѣ жили, и для этого имѣли торговые ряды. Кромѣ городскихъ податей и платы оброка за лавки на нихъ лежали различныя мелкія службы по городу или посаду; такъ они выбирались въ таможенные и ларечные цѣловальники при разныхъ казенныхъ сборахъ; кромѣ того, на нихъ

1) Въ прежнее время каждый имѣлъ право курить вино для себя; для этого только нужно было выправить извѣстную грамоту и заплатить въ казну пошлины. Сурожане же съ суконниками были освобождены отъ этого.

лежали траты по укрѣпленію города, на содержаніе улицъ, площадей и др. городскіе расходы. Въ соборной грамотѣ 1642 года вотъ какъ говорятъ торговые люди черныхъ сотенъ о своихъ повинностяхъ: „Я, мы, сироты твои, черныхъ сотенъ и слободъ сотскіе, и старостники и всѣ тяглые людишки нынѣ грѣхомъ своимъ оскудѣли и обнищали отъ даточныхъ людей, отъ подводъ, отъ поворотныхъ денегъ и отъ городоваго и землянаго дѣла и отъ твоихъ великихъ государевыхъ податей и отъ многихъ цѣловальныхъ службъ; а служатъ съ насъ, сиротъ твоихъ, въ твоихъ государевыхъ разныхъ приказѣхъ на всякій годъ по 145 человѣкъ цѣловальниковъ, да съ насъ же, сиротъ твоихъ, стоятъ на земскомъ дворѣ безпрестанно и безсъѣзду 75 человѣкъ ярыжныхъ, да извозчики съ лошадьми для ради пожарнаго времени и платимъ цѣловальникамъ, и ярыжнымъ, и извозчикамъ ежемѣсяцевъ кормовыя и подможныя деньги“.

Къ чернымъ же сотнямъ городскихъ людей тогда причислялись еще разные ремесленники городскіе, или, какъ тогда называли ихъ, *дѣлюи*, т. е. дѣловые люди. Они во всѣхъ податяхъ и повинностяхъ тянули вмѣстѣ съ купцами черныхъ сотенъ по своимъ животамъ и промысламъ. Этотъ классъ городскихъ людей раздѣлялся на два разряда, рѣзко отличающіеся одинъ отъ другого по своимъ отношеніямъ къ государству: 1) на вольныхъ и 2) на казенныхъ или государевыхъ дѣлюевъ. Вольные дѣлюи собственно состояли въ городскомъ тяглѣ, были членами городской общины, а казенные хотя и жили въ городѣ, но не участвовали въ городскихъ размежахъ и разрубахъ, а тянули тягло по своимъ разметамъ и жили особыми слободами въ городахъ; ихъ тягло состояло въ службѣ своимъ ремесломъ казнѣ или двору государеву, или же, когда не было казенныхъ и дворцовыхъ работъ, въ оброкѣ, который опредѣлялся цѣною ихъ обыкновенной годичной работы. Къ нимъ принадлежали: казенные плотники, кирпичники, гончары, каменьщики, хамовники или ткачи столоваго бѣлья, бараши или строители государевыхъ палатокъ, садовники и огородники, котельщики, мельники, пушкари, зелейные (*пороховые*) печатные и денежные мастера, кодашевцы или бочары, портные и другіе ремесленники, подвѣдомые дворцу государеву и имѣвшіе свою управу.

Всѣ исчисленные здѣсь классы городскихъ жилецкихъ людей составляли отдѣльныя общины, управлявшіяся своими старостами, сотскими и десятскими и въ раскладкѣ податей и повинностей имѣвшія свои, отдѣльныя отъ другихъ общинъ, разметныя книги и именные списки. Въ судебникѣ сказано: „Разметныя книги старостамъ, сотскимъ и десятскимъ и всѣмъ людемъ тѣхъ городовъ своихъ разметовъ земскаго дьяка руку за своими руками ежегодъ присылать въ Москву“.

Въ городахъ, кромѣ Москвы, жилецкіе люди дѣлились, какъ мы уже сказали, на лучшихъ, среднихъ и молодшихъ. Здѣсь основаніемъ дѣленія было только различіе капиталовъ и при раскладкѣ податей и повинностей разсчитывалось, чтобы дворъ лучшій платилъ вдвое противъ средняго, и средній вдвое противъ молодшаго. Эти лучшіе, средніе и молодшіе люди въ свою очередь въ раскладкѣ податей имѣли свои отдѣльные разрубы и разметы по животамъ и промысламъ. Всѣ они имѣли общую управу въ лицѣ своихъ выборныхъ старостъ и сотскихъ, которые защищали права своей общины.

Во всѣхъ городахъ, кромѣ лучшихъ, среднихъ и молодшихъ людей, были еще бобыли, сосѣди, подсусѣдники и захребетники. Бобыли тянули въ городское тягло, какъ и прочіе городскіе жители, только ихъ тягло было въ 24 раза менѣе тягла лучшихъ городскихъ людей. Захребетники же, сосѣди и подсусѣдники жили за чужимъ тягломъ и сами не вносились въ городскіе разметы; они не были членами городской общины и не имѣли своей поземельной собственности, а жили, какъ наемники или работники, на чужихъ земляхъ.

Сельскіе или уѣздные жилецкіе люди носили одно общее названіе крестьянъ. Они раздѣлялись во 1-хъ, по землѣ: на черныхъ, дворцовыхъ, вотчинныхъ и монастырскихъ; во 2-хъ, по промысламъ: на земледѣльцевъ, бортниковъ, рыболововъ, сокольниковъ и др. сельскихъ промышленниковъ. Всѣ вообще крестьяне въ настоящемъ періодѣ такъ же, какъ и въ предъидущемъ, большею частію не имѣли личной поземельной собственности, а селились или на владѣльческихъ земляхъ или на общинныхъ, т. е. черныхъ; были въ настоящемъ періодѣ и собственники между крестьянами, но такихъ было очень не много. Они, какъ и прежде, могли свободно переходить съ одной земли на другую, только бы этотъ переходъ дѣлался въ извѣстный срокъ, именно „за недѣлю до Юрьева дня осенняго и недѣлю послѣ Юрьева дня". Этотъ срокъ былъ опредѣленъ еще прежде въ Псковской грамотѣ, но въ настоящемъ періодѣ онъ получилъ по Судебнику болѣе строгое опредѣленіе. Кромѣ того въ Судебникѣ 1497 г. опредѣлена и плата, которую обязанъ былъ давать крестьянинъ за землю, занятую имъ у владѣльца, и за дворъ или за пожилое. Плата за пожилое раздѣлялась на 4 равныя доли, взносъ которыхъ разсрочивался на 4 года. По Судебнику царя Ивана Васильевича хотя эта плата и увеличена, но за то узаконено, что владѣлецъ ни подъ какимъ предлогомъ не можетъ удержать у себя крестьянина, если онъ сполна заплатилъ ему за пожилое, а если бы крестьянинъ былъ долженъ владѣльцу, то послѣдній обязанъ былъ искать свой долгъ законнымъ порядкомъ, а не могъ удерживать у себя крестьянина. Такимъ образомъ въ настоящемъ періодѣ значительно измѣнены отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ занимаемыхъ ими земель; припомнимъ, что по прежнимъ законодательнымъ памятникамъ, напримѣръ, по Псковской грамотѣ, замлевладѣлецъ имѣлъ право не отпускать крестьянина до тѣхъ поръ, пока онъ не уплачивалъ ему не только за землю, но и за покруту, вообще пока не оканчивалъ съ нимъ всѣхъ разсчетовъ. Но самая важная перемѣна въ правахъ крестьянъ въ этомъ періодѣ была сдѣлана указомъ 1591 г. При царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ въ въ 1591 г. былъ изданъ указъ, [1]) которымъ отмѣненъ былъ переходъ крестьянъ съ одной земли на другую и крестьяне были прикрѣплены къ тѣмъ землямъ, на которыхъ они находились при выходѣ указа, какого бы рода ни были эти земли, — черныя ли, вотчинныя, или другія. Если же крестьянинъ по изданіи указа вздумалъ бы оставить

---

1) Самый указъ этотъ не дошелъ до насъ; но тѣмъ не менѣе можно положить за вѣрное, что онъ былъ изданъ именно въ 1591 г., потому что въ 1590 г. существовалъ еще свободный переходъ крестьянъ съ одной стороны земли на другую, а въ 1591 г. онъ уже прекращается.

занимаемую имъ землю, то владѣлецъ этой земли могъ отыскивать его какъ бѣглаго, и возвратить на свою землю. Впрочемъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, крестьяне, прикрѣпленные къ землѣ, оставались вполнѣ свободными. Въ отношеніи къ владѣльцу земли они оставались на прежнихъ правахъ жильцевъ, съ тою только разницею, что прежде они были только временными жильцами, а теперь сдѣлались навсегда крѣпкими къ тѣмъ землямъ, на которыхъ засталъ ихъ указъ. Указомъ Өеодора Ивановича не былъ однако безъисключительно запрещенъ переходъ крестьянъ съ одной земли на другую, потому что и по изданіи его крестьяне часто были на тѣхъ или другихъ земляхъ по ряднымъ записямъ съ владѣльцами ихъ; слѣдовательно въ случаѣ неисполненія условій со стороны владѣльцевъ могли требовать на нихъ суда и по суду разойтись съ ними. Главная цѣль изданія указа 1591 г. была та, чтобы сдѣлать сборъ податей съ земли болѣе удобнымъ и вѣрнымъ. При появленіи своемъ онъ возбудилъ всеобщій ропотъ, потому что былъ не выгоденъ не только землевладѣльцамъ, которые съ изданіемъ его лишались возможности скрывать значительное число живущихъ на ихъ земляхъ крестьянъ и должны были держать на своихъ земляхъ, какъ хорошихъ роботниковъ, такъ и дурныхъ, но и для крестьянъ, которые лишались возможности расходиться съ землевладѣльцами, обременявшими ихъ разными неумѣренными оброками. Вслѣдствіе этого указъ въ то время еще не имѣлъ полной силы, и даже правительство тогда же пыталось отмѣнить его. Такъ при Борисѣ Өедоровичѣ Годуновѣ появились кряду два указа, которыми опять было дозволено крестьянамъ переходить съ одной земли на другую. Впрочемъ это дозволеніе дано было только крестьянамъ, жившимъ на земляхъ мелкихъ землевладѣльцевъ, и притомъ въ одно время имъ могли пользоваться крестьяне однихъ городовъ, а въ другое—крестьяне другихъ. Слѣдовательно у Бориса была мысль учредить что-то въ родѣ табели для крестьянъ, по которой въ одно время крестьяне тамъ-то имѣли право перехода съ одной земли на другую, а въ другое—въ другомъ мѣстѣ. Сверхъ того черезъ шесть лѣтъ по изданіи указа о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ былъ изданъ другой указъ, которымъ узаконялся пятилѣтній срокъ, въ теченіи котораго землевладѣлецъ могъ отыскивать крестьянина, бѣжавшаго съ его земли. Если владѣлецъ земли въ теченіи этого срока не находилъ крестьянина, то потомъ уже терялъ право возвратить его на свою землю. До насъ дошло нѣсколько рядныхъ записей, изъ которыхъ видно, что и по изданіи указа 1591 года крестьяне селились по договору не только на помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ, но и общественныхъ и слѣдовательно еще свободно могли переходить изъ одной земли на другую. Такъ въ одной рядной записи 1596 г. мы читаемъ слѣдующее: „Се язъ, Григорій Филиповъ сынъ, далъ есми на собя запись Тавренскаго стану старостѣ Вахромѣю Трофимову сыну Воронину и всѣмъ крестьяномъ Тавренскіе волости, что язъ взялъ у нихъ на льготу 12 долю обжи пустого, съ велика дни Пасхи Христовы—104 году да до велика жъ дни 105 году; а хоромъ дали полъизбы, да полприруба, да половина сѣнника и подклѣта, да полъмякинницы и со всѣмъ угодьемъ; а того мнѣ жеребья впустѣ не покинуть и дворъ вновь починивать; а дани и оброку въ тотъ льготный годъ ни давать

ни коихъ разрубовъ, а какъ отъидетъ льготный годъ и мнѣ всякая подать платить съ крестьяны вмѣстѣ; а покину язъ впустѣ землю въ той прилукной деревнѣ не насѣю и жильца не посажу и на мнѣ, на Григорьѣ, по сей записи взяти старостѣ въ міръ рубль денегъ", (Ак. Ист. № 187). Въ этой записи мы находимъ всѣ условія, на которыхъ крестьяне соглашались жить на земляхъ извѣстнаго частнаго землевладѣльца; такъ они обязывались жить до извѣстнаго срока, какъ сказано въ записи: „съ велика дня 104 г. до велика жъ дня 105 г.", и если они не хотѣли исполнить это условіе, то обязывались посадить на свое мѣсто новаго жильца, въ противномъ же случаѣ съ нихъ взыскивалось черезъ мѣстныхъ старостъ по рублю—„а жильца не посажу и на мнѣ взяти по сей записи старостѣ въ міръ рубль денегъ", какъ сказано въ записи. Такимъ образомъ крестьяне тогда еще не были крѣпостными въ полномъ смыслѣ, какими они сдѣлались впослѣдствіи. Всѣ подати и повинности крестьяне, жившіе на владѣльческихъ земляхъ, платили собственно владѣльцамъ занимаемыхъ ими земель; казенныя подати въ такомъ случаѣ платили за нихъ уже сами владѣльцы. Впрочемъ такъ было не всегда: иногда крестьяне договаривались съ владѣльцемъ платить ему только за землю, а казенныя подати вносили за себя сами безъ посредства владѣльца. Казенныя подати и повинности, лежавшія на крестьянахъ, были различны по разнымъ областямъ, по льготнымъ и уставнымъ грамотамъ и по землямъ, занимаемымъ ими—жили ли они на земляхъ черныхъ, или же на земляхъ частныхъ владѣльцевъ. При раскладкѣ податей и повинностей обращалось вниманіе на животы и промыслы крестьянъ, т. е. на ихъ дворы, скотъ, землю, промыслы и проч.

Между крестьянами, какъ и между городскими жилецкими людьми, жили еще бобыли и захребетники. Бобыли платили въ половину менѣе крестьянъ. Захребетники между крестьянами назывались казаками, подсусѣдниками и безвытными людьми. Они не имѣли своей земли, а жили за чужимъ тягломъ, а потому и податей въ казну не платили, а платили только тѣмъ, въ тяглѣ которыхъ они состояли. Но когда они обзаводились своимъ хозяйствомъ,—дворомъ, лошадью и проч., то записывались въ число тяглыхъ людей, включались въ разрубы и разметы крестьянскихъ общинъ, и по своимъ животамъ и промысламъ несли соотвѣтственную долю государственныхъ податей и повинностей.

Кромѣ крестьянъ въ уѣздахъ и тяглыхъ жилецкихъ людей въ городахъ въ настоящемъ періодѣ, существовалъ еще значительный классъ вольныхъ *государевыхъ людей.* Это были люди ни за кѣмъ не состоявшіе въ службѣ, не принадлежавшіе ни къ какой общинѣ и жившіе или вольною работою, или мірскимъ подаяніемъ, или какимъ нибудь промысломъ, не привязывающимъ ни къ какому мѣсту жительства; сюда относились: скоморохи, шерстобиты, вожаки медвѣдей и т. п. Этотъ классъ государевыхъ людей былъ самый безпокойный и буйный; тутъ были бродяги, нищіе и разбойники; вообще это были представители пролетаріата. Впрочемъ такой образъ жизни скоро надоѣдалъ вольнымъ людямъ, и они спѣшили приписаться къ какой нибудь общинѣ. Образъ жизни вольныхъ людей очень ясно выражается въ одной порядной записи, данной четырьмя человѣками вольныхъ людей Тихвину монастырю, куда они поступили въ крестьянство, наскучивъ

девятилѣтнею бродячею жизнію. Въ этой грамотѣ они говорятъ: „кормились мы Христовымъ именемъ и черною работою, а за государемъ, и за патріархомъ, и за монастыри, и за дворяны, и за дѣти боярскими и ни за какими чинами въ крестьянѣхъ и въ бобылѣхъ и въ холопствѣ ни за кѣмъ не живали“. Условія, на которыхъ поступали эти люди въ Тихвинъ монастырь въ крестьянство, ясно показываютъ, что они ничего не имѣли своего; такъ въ рядной записи ихъ сказано, что они взяли отъ монастыря въ ссуду по 5 руб. на человѣка, на лошадей, на коровъ и на мелкій скотъ, на хлѣбъ и на всякую домовую посуду. Изъ вольныхъ людей въ настоящемъ періодѣ образовался классъ *ямщиковъ*. Ямская гоньба первоначально лежала на всѣхъ городскихъ и сельскихъ жителяхъ, которые отправляли ее натурою или сами, или нанимая за себя вольныхъ людей. Но еще съ конца прошедшаго періода правительство установило устроить землю дворами, лошадьми и др. принадлежностями ямской гоньбы тѣхъ вольныхъ людей, которые отправляли ямскую гоньбу частныхъ людей по найму. Для этого оно устроило въ городахъ и по большимъ дорогамъ ямы или земскія свободы, гдѣ вольные люди записывались въ ямщики, обязывались имѣть на готовѣ опредѣленное число лошадей для казенныхъ разъѣздовъ, и отмежевало къ нимъ нужное количество земли и сверхъ того обоброчило селеніе и города выдавать ямщикамъ ежегодно опредѣленную подмогу деньгами или хлѣбомъ. За исправностью ямской гоньбы смотрѣли ямскіе стройщики; они же завѣдывали судомъ и управою между ямщиками. Ямщики не причислялись ни къ городскимъ, ни къ сельскимъ жилецкимъ людямъ и тянули тягла ни съ тѣми, ни съ другими.

Изъ вольныхъ же людей въ настоящемъ періодѣ образовались *кабальные холопы* (отъ слова „кабала“ - заемное письмо), которые были прикрѣплены ни къ землѣ, какъ крестьяне, а къ лицу. Они были тѣмъ же, чѣмъ по Русской Правдѣ закупы въ кунахъ, т. е. людьми, заложившими кредитору свою свободу въ обезпеченіе уплаты долга и процентовъ работою. Но въ настоящемъ періодѣ съ прикрѣпленіемъ крестьянъ въ землѣ произошла перемѣна и въ положеніи кабальныхъ холоповъ; именно правительство раздѣлило кабальныхъ холоповъ на два рода: на кабальныхъ въ деньгахъ и въ службѣ. По первой кабалѣ, въ случаѣ уплаты долга, кабальному возвращалась свобода, а въ силу послѣдней онъ и по уплатѣ долга оставался работникомъ и холопомъ своего кредитора до самой смерти послѣдняго. Кабальные холопы не состояли ни въ какомъ тяглѣ, государство, ничего не давая имъ, ничего и не требовало съ нихъ.

Администрація въ Московскомъ государствѣ. Въ настоящемъ періодѣ администрація въ Московскомъ государствѣ получила болѣе опредѣленныя формы. Единство власти Московскихъ государей естественно привело къ централизаціи управленія, поэтому въ настоящемъ періодѣ Москва сдѣлалась центромъ, откуда вытекали всѣ распоряженія по управленію государствомъ и куда стекались всѣ отчеты по управленію разными областями, для чего въ Москвѣ и были устроены особыя, центральныя вѣдомства, называвшіяся въ тогдашнихъ оффиціальныхъ бумагахъ приказами. Всѣхъ приказовъ можно насчитать до 16-ти. Изъ нихъ самыми важными были: Посольскій Приказъ, Разрядъ, По

мѣстный Приказъ и Приказъ Большого Прихода. Первымъ вѣдомствомъ по управленію была государева Боярская Дума, предсѣдателемъ въ которой былъ самъ государь. Это былъ прежній дружинничій совѣтъ, но только съ меньшими правами. Въ настоящемъ періодѣ Московскіе государи совѣтовались съ Боярскою Думою только тогда, когда находили это для себя нужнымъ, притомъ въ важныхъ случаяхъ въ Думу приглашались не только бояре, но и духовные и выборные отъ городовъ. Поэтому государева Боярская Дума совершенно утратила характеръ дружинничьяго совѣта; бояре московскіе уже не могли говорить своему государю, какъ прежде говорили старшіе дружинники своимъ князьямъ, „княже, о собѣ еси задумалъ, а мы того не вѣдали“. Предметомъ занятій Боярской Думы въ настоящемъ періодѣ были преимущественно сношенія съ иноземными государями и разныя новыя учрежденія, относившіяся къ дѣламъ внутренняго управленія. Первоначально при царѣ Иванѣ Васильевичѣ всѣ дѣла по управленію были сосредоточены въ Боярской Думѣ, но потомъ при немъ стали отдѣляться отъ нея слѣдующіе приказы:

1. *Посольскій Приказъ*, прежде Посольская Палата, завѣдывалъ дѣлами по сношенію съ иностранными государствами: здѣсь принимались послы иностранныхъ государей, пріѣзжавшіе въ Москву, здѣсь же назначались послы отъ Московскаго государя къ иностраннымъ государямъ; отсюда же выдавалось и жалованье, какъ иностраннымъ посламъ, бывшимъ въ Москвѣ, такъ и русскимъ, отправленнымъ къ иноземнымъ государямъ. Поэтому къ нему было приписано нѣсколько городовъ и областей съ тѣмъ, чтобы доходы, получаемые съ нихъ, шли на расходы по посольскимъ дѣламъ. Главнымъ начальникомъ Посольскаго Приказа былъ Думный Дьякъ, а впослѣдствіи бояринъ и оберегатель государевой печати, т. е. хранитель государственной печати. Въ немъ считалось до 30 человѣкъ подъячихъ. Посольскій Приказъ, по свидѣтельству Флетчера, назывался первою четвертью.

2. *Разрядъ* или Разрядный Приказъ (вторая четверть, по свидѣтельству Флетчера) завѣдывалъ всѣми дѣлами по службѣ. Онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ недавно отмѣненнаго Инспекторскаго Департамента по военнымъ и гражданскимъ дѣламъ, и въ служебномъ отношеніи былъ первою и главною инстанціею, такъ что всѣ роды службы военной, придворной и гражданской зависѣли отъ него. Онъ посылалъ указы во всѣ другіе приказы и вѣдомства, назначалъ начальниковъ и дѣлопроизводителей, дѣлалъ взысканія по службѣ, наряжалъ слѣдствія и производилъ судъ надъ лицами, не оправдавшими своею службою довѣрія начальства; онъ завѣдывалъ всѣми войсками, какъ прирожденными, т. е. дворянами и боярскими дѣтьми, такъ и приборными и др. Въ непосредственной зависимости отъ Разряда были и всѣ пограничные города и крѣпости съ ихъ населеніемъ и землями, доходъ съ которыхъ всегда шелъ въ Разрядный Приказъ; онъ велъ книги всѣмъ служилымъ людямъ въ государствѣ, съ обозначеніемъ, у кого какой помѣстный окладъ, какое денежное жалованье и кто какъ исправенъ по службѣ. Смотря по службѣ и состоянію, Разрядный Приказъ увеличивалъ или уменьшалъ окладъ служилыхъ людей, повышалъ или понижалъ ихъ изъ одного чина въ другой; отъ него

также зависѣло и назначеніе войскъ тѣхъ или другихъ городовъ въ походъ; онъ же дѣлалъ и всѣ распоряженія относительно похода, содержанія войскъ во время похода, и выдавалъ деньги полковымъ казначеямъ или воеводамъ для раздачи тѣмъ служилымъ людямъ, которые получали денежное жалованье, наконецъ чрезъ Разрядъ приводились въ исполненіе всѣ высшія распоряженія по службѣ, и имъ же представлялись государю всѣ донесенія и отписки воеводъ. При такой сложности дѣлъ въ Разрядномъ Приказѣ было 70 человѣкъ подъячихъ. Главнымъ начальниковъ Разряднаго Приказа былъ государевъ Дьякъ.

3. *Помѣстный Приказъ* завѣдывалъ всѣми дѣлами, относящимися до помѣстныхъ и вотчинныхъ земель и вообще до поземельнаго владѣнія. Въ немъ велись ежегодно книги или списки, въ которыхъ обозначалось, сколько за кѣмъ и гдѣ помѣстій и вотчинъ; эти книги назывались даточными или дачными. Отъ Помѣстнаго же Приказа посылались писцы, дозорщики, межевщики и другіе чиновники для составленія писцовыхъ, переписныхъ, окладныхъ, дозорныхъ, приправочныхъ, межевыхъ и т. п. книгъ. Отсюда же выдавались жалованныя грамоты, вводныя, отказныя, межевыя и сошныя выписки и др. крѣпостные акты на право владѣнія землею. Въ Помѣстномъ Приказѣ производился и судъ по всѣмъ дѣламъ по поземельному владѣнію, ежели они возникали при составленіи писцовыхъ и межевыхъ книгъ, а также записывались всѣ переходы недвижимыхъ имѣній отъ одного лица къ другому чрезъ куплю, мѣну, наслѣдство и пр. По свидѣтельству Флетчера, въ Помѣстный Приказъ поступали и всѣ подати съ земель, находившихся въ его вѣдѣніи. Относительно раздачи помѣстій и обращеніи ихъ въ вотчины Помѣстный Приказъ находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Разрядомъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ только исполнителемъ приказаній Разряда, такъ какъ самъ онъ не имѣлъ права ни раздавать помѣстій, ни обращать ихъ въ вотчины. Обыкновенно всѣ челобитныя о помѣстьяхъ и вотчинахъ тогда подавались въ Разрядъ. Разрядъ, сдѣлавши справку о томъ, дѣйствительно ли челобитчикъ находился на службѣ, и нѣтъ ли за нимъ какихъ земель, посылалъ въ Помѣстный Приказъ отписку или указъ объ отмежеваніи ему такого-то количества и такихъ-то земель. Начальникомъ Помѣстнаго Приказа былъ бояринъ съ товарищемъ и дьякъ; подъячихъ въ немъ было 200 человѣкъ. Помѣстный Приказъ прежде назывался Помѣстною Избою. По Флетчеру онъ составлялъ третью четверть.

4. *Приказъ Казанскаго Дворца*, былъ очевидно, утвержденъ Иваномъ Васильевичемъ по завоеваніи Казанскаго царства. Въ его вѣдѣніи находились всѣ города этого царства, а также и всѣ другіе города, лежащіе по Волгѣ между Казанью и Астраханью. Казанскій Приказъ назначалъ во всѣ эти города намѣстниковъ и другихъ чиновниковъ и завѣдывалъ управленіемъ и доходами въ этихъ городахъ. Въ Казанскомъ Приказѣ были: бояринъ съ товарищемъ, дьякъ и 40 человѣкъ подъячихъ. По Флетчеру, Приказъ этотъ составлялъ четвертую четверть.

5. *Приказъ Большого Дворца* завѣдывалъ всѣми дворцовыми имѣніями; ему были подчинены 36 городовъ съ ихъ уѣздами и множество волостей и селъ, росписанныхъ въ разныхъ городахъ. Въ этомъ При-

казѣ производились всѣ дѣла по дворцовымъ имѣніямъ и дѣлались всѣ распоряженія по дворцовой службѣ. Вѣдѣнію его подлежали также всѣ монастырскія земли. Начальниками Приказа Большого Дворца были: дворецкій, его товарищъ и дьякъ. Впослѣдствіи отъ Приказа Большого Дворца отдѣлилось нѣсколько приказовъ или вѣдомствъ: Житный дворъ, Сытный дворецъ, Кормовой дворецъ, Хлѣбный и др., которые, впрочемъ, всѣ находились въ зависимости отъ него. Какъ отдѣльный отъ Приказа Большого Дворца существовалъ еще при Иванѣ Васильевичѣ IV *Казенный Приказъ*. Начальникомъ его при Иванѣ Васильевичѣ былъ окольничій Иванъ Ѳедоровичъ Колычевъ, начальникъ Опричины. Въ вѣдѣніи этого приказа были всѣ драгоцѣнности государева дворца (по тогдашнему „кузня", отсюда слово казна). Ему же подлежала и раздача государевыхъ наградъ.

6. *Судный Приказъ* былъ высшею судебною инстанціею по гражданскимъ искамъ. Онъ учрежденъ, кажется, не раньше царствованія Бориса Ѳедоровича Годунова. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ, онъ былъ раздѣленъ на Судный Владимирскій и Судный Московскій. Въ этотъ приказъ вносились всѣ судебныя дѣла по гражданскимъ искамъ, которыя не могли быть вершены въ подчиненныхъ ему городахъ намѣстниками, воеводами и губными старостами; сюда же, вѣроятно, поступали и всѣ жалобы на судей по гражданскимъ дѣламъ. Въ каждомъ Судномъ приказѣ начальниками были: бояринъ съ товарищемъ и дьякъ; подьячихъ было 30 человѣкъ въ обоихъ Судныхъ Приказахъ.

7. *Стрѣлецкій Приказъ* по всему вѣроятію былъ учрежденъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ. Въ его вѣдѣніи находились всѣ дѣла стрѣлецкаго войска, какъ по службѣ военной, по нарядамъ на войну, по пріему людей въ стрѣлецкую службу, такъ равно и по управленію и содержанію стрѣлецкаго войска. Впослѣдствіи подъ его же вѣдомствомъ состоялъ Приказъ сбора стрѣлецкаго хлѣба. Начальниками Стрѣлецкаго Приказа были: бояринъ, его товарищъ и дьякъ; при нихъ было до 50 человѣкъ подъячихъ.

8. *Иноземный Приказъ* былъ учрежденъ при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ. Онъ завѣдывалъ дѣлами войскъ иноземнаго строя. Впослѣдствіи, со времени Михаила Ѳедоровича, онъ сталъ завѣдывать и русскими, поступавшими въ полки иноземнаго строя. Для содержанія войскъ иноземнаго строя къ Иноземному Приказу было приписано нѣсколько городовъ и волостей, изъ которыхъ также выдавались помѣстья тѣмъ изъ служилыхъ иностранцевъ, которые оставались на всегда въ Россіи.

9. *Пушкарскій Приказъ* въ первый разъ встрѣчается при Михаилѣ Ѳедоровичѣ. Онъ завѣдывалъ артиллеріей; главнымъ предметомъ его заботъ было снабженіе артиллеріи всѣми нужными матеріалами; поэтому въ его же вѣдѣніи были всѣ оружейные, мѣдноплавильные, пороховые, селитрянные и др. заводы. Отъ него же зависѣло снабженіе крѣпостей всѣми военными запасами.

10. *Земскій Дворъ или Приказъ* существовалъ еще при царѣ Иванѣ Васильевичѣ. Онъ завѣдывалъ полицейскими дѣлами въ самой Москвѣ. Поэтому подъ его надзоромъ находилась постройка и поправка общественныхъ зданій, предохраненіе отъ пожаровъ, содержаніе въ чистотѣ улицъ, ночные караулы по городу, сборъ городскихъ податей и на-

блюденіе за порядкомъ въ городѣ. Въ вѣдѣніи его состояли всѣ старосты, сотскіе и десятскіе разныхъ городскихъ общинъ, которые доставляли въ Земскій Приказъ свѣдѣнія о членахъ своихъ общинъ и о пришлыхъ людяхъ, а также и о томъ, кто у кого живетъ и имѣетъ-ли законный видъ для прожитія. Здѣсь производили расправу съ людьми подозрительными или безпокойными, на которыхъ были жалобы отъ домохозяевъ или старостъ и сотскихъ; здѣсь содержались пожарныя трубы, и здѣсь же клеймились и выдавались торговымъ людямъ торговые вѣсы и мѣры. Начальниками Земскаго Приказа были два дворянина и дьякъ, при нихъ 40 человѣкъ подъячихъ и столько же рѣшеточныхъ приказчиковъ или надзирателей за ночными караулами въ Москвѣ. При царѣ Иванѣ Васильевичѣ отъ Земскаго Приказа было отдѣлено особое вѣдомство городскихъ построекъ, называвшееся *Каменнымъ Приказомъ*.

11. *Холопій Приказъ* былъ учрежденъ, кажется, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ. Въ вѣдѣніи его находились всѣ дѣла о холопяхъ. Здѣсь совершались крѣпости на холопей, заявлялись отпускныя холоповъ, споры между холопами и господами и явки о бѣглыхъ холопахъ; тутъ же отыскивали свободу отъ холопства и писались кабалы на кабальныхъ холоповъ.

12. *Ямской Приказъ* завѣдывалъ ямскою гоньбою. Въ его вѣдѣніи было устройство ямовъ, управленіе ямскими землями, сборъ денегъ на подмогу ямщикамъ, выдача подорожныхъ и надзоръ за дорогами. Извѣстія объ Ямскомъ Приказѣ начинаются со времени царя Ивана Васильевича; конечно, онъ имъ и основанъ. Начальниками этого Приказа были ямскіе стройщики.

13. *Разбойный Приказъ* былъ учрежденъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ; онъ былъ высшею инстанціею уголовнаго суда. Въ немъ производился судъ по татиннымъ и разбойнымъ дѣламъ, когда тати или разбойники были пойманы съ поличнымъ, а также и надъ тѣми, кого на повальномъ обыскѣ называли лихимъ человѣкомъ, татемъ, грабителемъ, разбойникомъ, пристанодержателемъ и укрывателемъ краденыхъ вещей, равно и надъ тѣми, кто въ Судномъ Приказѣ были приговариваемы къ пыткѣ, какъ тати и разбойники. Въ вѣдѣніи Разбойнаго Приказа находились всѣ губные старосты и цѣловальники, губные дьяки и тюремные сторожа; они пріѣзжали въ Москву передъ отправленіемъ своихъ обязанностей, давали присягу въ этомъ приказѣ; всѣ жалобы на нихъ со всего государства подавались въ этотъ Приказъ. Устройство и содержаніе тюремъ зависѣло также отъ Разбойнаго Приказа.

14. *Приказъ Большого Прихода* завѣдывалъ сборомъ всѣхъ казенныхъ пошлинъ: торговыхъ, проѣзжихъ и др. во всѣхъ городахъ; имъ отдавались на откупъ: бани, кабаки, и др. оброчныя статьи. Сюда же поступали всѣ судебныя пошлины изъ Суднаго, Разбойнаго и др. приказовъ, а также полишки, или остатки отъ поземельныхъ доходовъ съ городовъ и волостей приписанныхъ къ Разряду, Посольскому, Стрѣлецкому, Казанскому и др. приказамъ. Впослѣдствіи отъ Приказа Большого Прихода были отдѣлены и составились особыя вѣдомства подъ названіемъ Большой Таможни, Померной Избы, Мытной Избы

и Сбора десятой деньги. Когда учрежденъ этотъ Приказъ — неизвѣстно; первыя извѣстія о немъ встрѣчаются при Ѳедорѣ Ивановичѣ.

15. *Печатный Приказъ* былъ также выдѣленъ изъ Приказа Большого Дворца, вѣроятно, въ царствованіе Ѳедора Ивановича, а можетъ быть и при отцѣ его. Въ вѣдѣніи его состоялъ сборъ печатныхъ пошлинъ со всѣхъ крѣпостныхъ актовъ и др. бумагъ по челобитнымъ. Записныя книги этого Приказа, дошедшія до насъ, начинаются съ 1613 года.

16. *Новая Четверть* завѣдывала откупными, оброчными, корчемными и др. дѣлами. Она была выдѣлена изъ Приказа Большого Прихода. Время учрежденія этого Приказа неизвѣстно.

Кромѣ исчисленныхъ приказовъ, въ дошедшихъ до насъ разныхъ памятникахъ, упоминаются приказы подъ названіями: *Новгородской Чети*, *Владимірской Чети*, *Галицкой Чети*, *Рязанскаго Приказа*, *Сибирскаго Приказа*, *Костромской Чети*, *Устюжской Чети*. Когда учреждены эти приказы — подлинно неизвѣстно; но они уже встрѣчаются въ оффиціальныхъ бумагахъ временъ царя Михаила Ѳеодоровича. Этимъ приказамъ были подвѣдомы области: Новгородская, Владимирская, Рязанская, Костромская, Галицкая, Устюжская и Сибирскій край; въ нихъ же сбирались и всѣ доходы этихъ областей и присылались всѣ отчеты тамошнихъ воеводъ и намѣстниковъ. Далѣе, еще были приказы патріаршаго вѣдомства, учрежденные, вѣроятно, при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ и патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ; таковы были: Судный Приказъ, Патріаршій Разрядъ, Дворцовый и Казенный Приказы и Монастырскій Приказъ.

Всѣ описанные нами приказы составляли центральныя правительственныя мѣста разныхъ вѣдомствъ управленія и находились постоянно въ Москвѣ, но сверхъ ихъ были еще разныя мѣстныя правительственныя мѣста и лица по городамъ и областямъ, подчиненныя приказамъ, къ описанію которыхъ мы и перейдемъ.

Областное Управленіе. *Лица составлявшія приказное вѣдомство*. Областное Управленіе въ городахъ и уѣздахъ Московскаго государства сперва принадлежало намѣстникамъ, которые еще въ концѣ прошедшаго періода заступили мѣсто посадниковъ, а потомъ съ конца настоящаго періода, именно съ конца XVI и начала XVII столѣтій, были замѣнены и совершенно вытѣснены городскими воеводами. Власть намѣстниковъ и воеводъ была почти одна и та же; различіе между ними состояло въ томъ только, что намѣстникъ являлся въ городъ, поручаемый его управленію одинъ и уже самъ назначалъ по разнымъ частямъ управленія областью своихъ людей, которые отъ него одного и зависѣли, воевода же не самъ назначалъ себѣ помощниковъ по управленію, а его помощниками были государевы приказные люди, высшій надзоръ за которыми принадлежалъ правительству; кромѣ того, намѣстникъ получалъ кормы, т. е. содержаніе отъ области управляемой имъ, а воевода—государево жалованье. Кормы намѣстниковъ не были произвольнымъ поборомъ, а были строго опредѣлены закономъ; такъ они собирались собственно въ три срока: въ Рождество, въ Петровъ день и на Великъ день, т. е. о Пасхѣ; и закономъ опредѣлялось, сколько должно итти на намѣстничьи кормы съ каждой сохи. Намѣстники даже не могли сами собирать свои кормы съ жи-

телей, или посылать за ними своихъ людей, а жители сами раскладывали намѣстничьи кормы вмѣстѣ съ государевыми податями по вытямъ и животамъ и доставляли ихъ своимъ выборнымъ старостамъ, или сотскимъ, которые уже доставляли ихъ намѣстнику и его людямъ. При составленіи окладныхъ или переписныхъ книгъ всегда ясно обозначалось, сколько съ какого селенія должно итти на намѣстничьи кормы и поборы на намѣстничьихъ людей. Кромѣ кормовъ и поборовъ намѣстники получали еще доходы отъ судныхъ дѣлъ, производившихся въ ихъ судѣ. Доходы эти также строго опредѣлялись закономъ; именно законъ опредѣлялъ, сколько процентовъ отъ извѣстнаго суднаго дѣла слѣдовало получить намѣстнику. Въ половинѣ XVI вѣка Иванъ Васильевичъ IV, передъ введеніемъ воеводъ, разослалъ указъ, которымъ предоставлялось городамъ и уѣздамъ управляться самимъ чрезъ своихъ выборныхъ „излюбленныхъ“ судей или головъ, иногда называвшихся старостами и губными старостами, помимо намѣстниковъ. Излюбленные головы и губные старосты имѣли одинаковую власть съ намѣстниками и воеводами, но они не получали ни кормовъ, ни жалованья отъ государя, а какъ и воеводы собирали намѣстничьи кормы и въ формѣ оброка съ области отсылали въ государеву казну. По этому указу во многихъ городахъ и уѣздахъ дѣйствительно появлялись излюбленные головы и судьи, но такъ какъ Иванъ Васильевичъ не настаивалъ на этомъ особенно, а сами области не находили для себя выгоднымъ, ни особенно удобнымъ управляться самимъ, то поэтому предложеніе Ивана Васильевича и не имѣло полнаго успѣха: имъ воспользовались не всѣ области, однѣ изъ нихъ управлялись сами, а другіе по прежнему черезъ воеводъ, присылаемыхъ государемъ. Попытка дать самоуправленіе областямъ повторилась и при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, который на третьемъ или четвертомъ году своего царствованія издалъ также распоряженіе, въ которомъ предлагалось волостямъ управляться самимъ безъ воеводъ. Но и при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ также не всѣ волости управлялись сами. Главной причиной этого было то, что при самоуправленіи волости, кромѣ содержанія своимъ излюбленнымъ старостамъ и судьямъ, должны были еще давать въ казну воеводское жалованье; къ тому же излюбленные головы и судьи часто были не лучше намѣстниковъ или воеводъ. Такимъ образомъ съ половины XVI вѣка управленіе областями было смѣшанное: однѣ изъ нихъ управлялись своими выборными, а другіе были подчинены намѣстникамъ или городскимъ воеводамъ. Такой порядокъ областного управленія существовалъ до конца XVII ст.; онъ былъ отмѣненъ уже Петромъ I.

Намѣстники и воеводы. Области Московскаго государства въ административномъ отношеніи раздѣлялись на нѣсколько разрядовъ. Значительнѣйшія области, каковы: Новгородъ Великій, Казань и Сибирь, а потомъ Бѣлгородскій полкъ составляли высшую степень; они были какъ бы отдѣленіями Разряда, въ нихъ посылалось иногда по двое и по трое воеводъ, преимущественно изъ бояръ, и при воеводахъ всегда было по двое дьяковъ и нѣсколько подъячихъ. Намѣстники и воеводы всѣхъ этихъ областей имѣли вообще огромное значеніе. Какъ намѣстники пограничныхъ областей, они завѣдывали и дипломатическою частью; такъ они вели переговоры съ Швеціей, Персіей, Хивой,

Бухарой. Послы шведскіе принимались новгородскимъ намѣстникомъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ, по особому распоряженію государя, пріѣзжали въ Москву, а равно и посольства къ Шведамъ по большей части отправлялись не отъ государя изъ Москвы, а изъ Новгорода отъ намѣстника. Вторую степень составляли города, въ которыхъ при воеводѣ всегда былъ дьякъ и нѣсколько подъячихъ. Въ городахъ третьяго разряда—при воеводѣ было по одному или по двое подъячихъ, и наконецъ въ городахъ четвертаго разряда—при воеводахъ не посылалось подъячихъ. Воеводы посылались по городамъ изъ тѣхъ приказовъ, въ вѣдѣніи которыхъ состояли города; такъ напримѣръ, въ города, состоявшіе въ вѣдѣніи Казанскаго дворца, воеводы посылались изъ Казанскаго дворца, въ Сибирскіе города воеводы посылались изъ Сибирскаго Приказа; а посему воеводы по управленію городами и областями были въ прямомъ подчиненіи тому приказу, въ вѣдомствѣ котораго состоялъ городъ. Въ воеводы посылались исключительно служилые люди, начиная съ бояръ до дворянъ первой статьи; воеводство давалось обыкновенно на годъ, и по особой милости государя, или по обстоятельствамъ и по просьбѣ жителей—на два года и на три. Въ городѣ первой степени назначеніе воеводъ зависѣло, кажется, прямо отъ государя, въ городѣ же второй степени и особенно въ города украинные, гдѣ нужно было отражать непріятелей, воеводы назначались Разряднымъ Приказомъ, въ города же незначительные и гдѣ не предполагалось нападенія отъ непріятелей, воеводы назначались или по челобитной самихъ служилыхъ людей, или по просьбѣ жителей тѣхъ городовъ. Впрочемъ каждое назначеніе въ городскіе воеводы представлялось на утвержденіе государя.

При смѣнѣ одного воеводы другимъ старый воевода сдавалъ всѣ дѣла и все казенное имущество по описямъ и по книгамъ. Ежегодные отчеты воеводъ въ приказы назывались смѣтными списками, а книги сдачи города однимъ воеводою другому носили названіе сдаточныхъ описей или росписныхъ списковъ; одинъ экземпляръ таковыхъ описей старый воевода отвозилъ въ приказъ, а другой экземпляръ оставался у новаго воеводы. Есть также извѣстія, что новый воевода и самъ извѣщалъ приказъ о пріемѣ города съ описью, что имъ принято. Воевода, отправляясь на воеводство, получалъ изъ приказа подробный наказъ, въ которомъ прописывались воеводскія обязанности общія и особенныя, согласно съ мѣстными потребностями той области, куда отправлялся воевода. Особенныя воеводскія обязанности были чрезвычайно разнообразны, общія же для всѣхъ воеводъ, сколько можно судить по наказамъ, были слѣдующія.

Первою и главною обязанностью намѣстника или воеводы былъ *судъ и управа* надъ всѣми жителями города и уѣзда, кромѣ тѣхъ, которые имѣли особые жалованныя грамоты, освобождавшія ихъ отъ намѣстничьяго суда. Судъ намѣстниковъ по судебнику производился не иначе, какъ въ присутствіи старостъ и выборныхъ отъ города и уѣзда; въ Судебникѣ прямо сказано: „а безъ старосты и безъ цѣловальниковъ намѣстникомъ и волостелемъ не судити". Въ дополнительныхъ статьяхъ къ Судебнику до изданія самаго Уложенія, этотъ порядокъ нигдѣ не былъ измѣненъ; слѣдовательно старосты и цѣловальники присутствовали и на судѣ воеводъ. Намѣстники по Судебнику

относительно права суда раздѣлялись, главнымъ образомъ, на двѣ степени: на намѣстниковъ съ боярскимъ судомъ и на намѣстниковъ безъ боярскаго суда. Различіе ихъ состояло въ томъ, что намѣстникъ съ боярскимъ судомъ могъ окончательно рѣшать болѣе важныя дѣла, которыя не дозволялось рѣшать намѣстнику безъ боярскаго суда; такъ напримѣръ, намѣстникъ безъ боярскаго суда не могъ давать ни полныхъ, ни докладныхъ, ни бѣглыхъ грамотъ на холоповъ. Да и намѣстники съ боярскимъ судомъ не всѣ дѣла рѣшали окончательно; такъ напримѣръ, отпускныя холопамъ по Судебнику давались только въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ. Впрочемъ по дополнительнымъ статьямъ къ Судебнику отпускныя дозволялось давать и въ другихъ городахъ, гдѣ были намѣстники съ боярскимъ судомъ. Суду намѣстниковъ подлежали сперва, какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла; но когда были учреждены губные старосты, то уголовныя дѣла перешли къ нимъ; впрочемъ, въ тѣхъ городахъ, гдѣ губныхъ старостъ не было, эти дѣла попрежнему подлежали суду намѣстниковъ и воеводъ. Въ XVII вѣкѣ и гражданскія дѣла не всѣ подлежали суду воеводъ; такъ Котошихинъ пишетъ, что воеводы большихъ городовъ, при которыхъ были дьяки, могли судить долговыя дѣла цѣною отъ 100 до 10,000 рублей, однако же въ большихъ искахъ отъ 1,000 до 10,000 рублей они никого не могли обвинить безъ царскаго указа; въ среднихъ же и малыхъ городахъ, куда опредѣлялись воеводы одни или съ подъячими, они могли судить дѣла только до 20 рублей, а болѣе цѣнныя тяжбы должны были отсылать въ Москву.

Послѣ судебныхъ дѣлъ обязанность намѣстниковъ и воеводъ составляли *дѣла полицейскія.* Сюда относились: 1) надзоръ за казенными постройками и вообще за городскими строеніями, за порядкомъ въ этомъ дѣлѣ; 2) проложеніе новыхъ дорогъ и уничтоженіе прежнихъ, а также надзоръ за исправнымъ содержаніемъ ихъ, т. е. чтобы въ надлежащихъ мѣстахъ были мосты, перевозы и гати; 3) надзоръ за ямскою гоньбою; 4) принятіе мѣръ противъ морового повѣтрія, т. е. устройство заставъ, оцѣпленіе зараженныхъ мѣстъ и т. п.; 5) охраненіе городовъ отъ пожаровъ; 6) высшій надзоръ за порядкомъ и тишиною, чтобы не было бою, грабежа, корчмы, распутства, непозволенной игры и проч., чтобы не укрывались бѣглые; 7) воеводы обязаны были имѣть надзоръ за правильнымъ населеніемъ земель ввѣренной области, т. е., чтобы крестьяне не оставляли полей не обработанными и не переходили съ одной земли на другую не въ узаконенные сроки, а съ прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ, воеводы бѣглыхъ крестьянъ выводили на ихъ старыя мѣста. Въ областяхъ новозаселенныхъ, особенно въ Сибири и украинныхъ городахъ, намѣстники и воеводы должны были ежегодно присылать въ Москву вѣдомости, сколько распахано земли, сколько засѣяно хлѣба и сколько снято; 8) попеченіе о торговлѣ; воевода обязанъ былъ смотрѣть, чтобы торговля производилась въ узаконенныхъ мѣстахъ и въ узаконенное время, чтобы не было контрабанды и чтобы мѣры и вѣсы были исправны.

За полицейскими обязанностями воеводъ слѣдовали *обязанности финансовыя.* Сюда относились: надзоръ за сборомъ податей и пошлинъ и за отправленіемъ повинностей, надзоръ за таможеннымъ и кабац-

кимъ управленіемъ. Всѣмъ этимъ непосредственно завѣдывали общины чрезъ своихъ выборныхъ людей — старостъ и цѣловальниковъ, воевода же здѣсь былъ только главнымъ высшимъ охранителемъ казеннаго интереса, онъ помогалъ выборнымъ начальникамъ на ослушниковъ, а также наблюдалъ, чтобы и выборные начальники не дѣлали ущерба казнѣ. Но главное дѣло воеводы въ финансовыхъ распорядкахъ состояло въ управленіи казенными оброчными статьями и промыслами; всѣ оброчныя статьи и казенные промыслы были въ непосредственномъ вѣдѣніи воеводъ, куда общинные выборные начальники нисколько не вмѣшивались.

Наконецъ, въ вѣдѣніи воеводы состояли всѣ *служилые люди*, живущіе въ городѣ и уѣздѣ; онъ велъ имъ подробные списки: сколько за кѣмъ имѣнія, сколько кто получаетъ жалованья, и какъ кто исправенъ является на службу; онъ дѣлалъ служилымъ людямъ смотры и отправлялъ ихъ на службу по первому требованію изъ Разряда; на его главной отвѣтственности были всѣ городскія укрѣпленія, крѣпостныя пушки и разные военные и съѣстные казенные запасы; онъ ихъ принималъ и сдавалъ по описи. А въ украинныхъ городахъ на воеводѣ лежало защищеніе границъ и отраженіе непріятельскихъ набѣговъ, высылка разъѣздныхъ станицъ и сторожей въ степи, исправность засѣкъ и засѣчныхъ крѣпостей. Воевода же долженъ прибирать приборныхъ служилыхъ людей, устроивать ихъ землями и дворами и выдавать имъ оружіе.

Намѣстникъ, или воевода, имѣлъ приказную или съѣзжую избу, въ которой производились всѣ дѣла по управленію областью; здѣсь хранились всѣ государевы грамоты, приходныя и расходныя книги и росписи разныхъ податей и сборовъ. Въ приказной избѣ воевода принималъ челобитныя и производилъ судъ; здѣсь же хранилась собираемая съ области государева казна. Приказная изба, смотря по значительности города, а также и по большей или меньшей власти воеводы, раздѣлялась на столы, которые состояли въ вѣдѣніи подъячихъ. Кромѣ подъячихъ въ приказной избѣ были пристава или недѣльщики, разсыльщики и сторожа, которые приводили въ исполненіе приказанія воеводы. Въ приказной же избѣ хранилась государева печать; она хранилась въ особомъ ящикѣ за печатью воеводы. Но впрочемъ государева печать, кажется, была только въ значительныхъ городахъ, въ городахъ же низшихъ степеней воеводы всѣ бумаги печатали своею печатью.

Дьяки были не во всѣхъ городахъ, а только въ главныхъ; они были товарищами намѣстниковъ или воеводъ. Главная ихъ обязанность состояла въ надзорѣ за сборомъ податей и пошлинъ и исправнымъ веденіемъ приходныхъ и расходныхъ книгъ, а также въ составленіи ежегодныхъ отчетовъ, посылаемыхъ въ Разрядъ или Приказъ; вообще дьякъ завѣдывалъ всею письменною частью по управленію, и ему были подчинены всѣ подъячіе, служившіе въ одномъ съ нимъ городѣ. Впрочемъ, обязанности дьяка не ограничивались однимъ надзоромъ за письмоводствомъ, но онъ имѣлъ право дѣлать и отдѣльныя распоряженія по нѣкоторымъ частямъ управленія, независимо отъ намѣстника или воеводы; такъ, напримѣръ, онъ былъ главнымъ начальникомъ по сбору казенныхъ податей. Такъ какъ дьяки имѣли

большое вліяніе на областное управленіе и къ нимъ стекалось огромное число дѣлъ, то поэтому срокъ ихъ службы былъ гораздо продолжительнѣе службы намѣстниковъ и воеводъ, такъ что дьякъ въ одномъ и томъ-же городѣ служилъ нѣсколько воеводскихъ и намѣстничьихъ перемѣнъ; при томъ-же дьяки большею частію посылались въ города изъ того же приказа, въ вѣдѣніи котораго состояли эти города; такъ, напримѣръ, въ Сибирскіе города дьяками посылались служащіе въ Сибирскомъ Приказѣ, въ украинскіе города—изъ Разряднаго Приказа и т. д., стало-быть, дьяки обыкновенно знали лучше потребности городовъ, въ которыхъ они служили, чѣмъ сами намѣстники. Дьякъ былъ собственно товарищемъ намѣстника и его имя во всѣхъ оффиціальныхъ грамотахъ писалось рядомъ съ именемъ намѣстника. То же значеніе и даже обязанности имѣли и подъячіе въ тѣхъ городахъ, гдѣ дьяковъ не полагалось.

Кромѣ дьяковъ при намѣстникахъ или воеводахъ были: тіуны, доводчики и праветчики. Это были чиновники, имѣвшіе только обязанность исполнительную. При намѣстникахъ, это были *намѣстничьи люди*, назначаемые самимъ же намѣстникомъ и отвѣтственные предъ нимъ однимъ; но когда намѣстники были замѣнены воеводами, то это были *„приказные"*, т. е. люди, состоящіе на государственной службѣ. Число ихъ въ разныхъ областяхъ было различно, смотря по величинѣ области.

Должность тіуна при намѣстникѣ состояла въ первоначальномъ производствѣ судебныхъ дѣлъ; тіунъ первый дѣлалъ разборъ челобитныхъ, допрашивалъ тяжущихся и ихъ свидѣтелей, отбиралъ крѣпостные акты и другія бумаги, представляемыя тяжущимся въ подтвержденіе своихъ правъ на искъ, записывалъ показанія тяжущихся и ихъ свидѣтелей въ судный списокъ и туда же вносилъ копіи съ представляемыхъ крѣпостей и другихъ грамотъ и списокъ этотъ за своею печатью представлялъ намѣстнику или дьяку, если онъ былъ при намѣстникѣ, при чемъ проводилъ къ нему и самихъ тяжущихся. Тіуны жили или въ городахъ при намѣстникахъ, для разбора городскихъ дѣлъ, или же разсылались по станамъ и волостямъ, для разбора дѣлъ уѣздныхъ. Намѣстникъ не могъ смѣнить тіуна до истеченія годичнаго срока. Это было установлено для того, чтобы жители не обязывались въ теченіи одного года давать по нѣскольку разъ кормы тіуну. Такимъ образомъ, тіуны были собственно судебные чиновники при намѣстникахъ или воеводахъ.

Доводчики распредѣлялись намѣстникомъ по волостямъ и станамъ уѣзда и намѣстники или воеводы до истеченія годичнаго срока не могли смѣнять ихъ. Доводчики вѣдали тѣ станы и волости, которые имъ были поручены, переѣзжать же изъ стана въ станъ они не имѣли права. Должность доводчика была судно-полицейская; онъ, во 1-хъ, обязывался по суднымъ вызовамъ представлять въ судъ тяжущихся, или брать съ нихъ поруки о явкѣ въ судъ; во 2-хъ, на немъ лежала обязанность брать подсудимыхъ подъ арестъ; въ 3-хъ, онъ производилъ слѣдствіе въ тѣхъ случаяхъ; ежели гдѣ поднимутъ мертваго; ему же представляли воровъ и разбойниковъ для препровожденія ихъ въ судъ; въ 4-хъ, имѣлъ надзоръ за тѣмъ, чтобы жители въ его станѣ или волости не корчемствовали, не играли въ азартныя игры, не

держали у себя бѣглыхъ холопей и невѣдомыхъ людей, не давали пристанища разбойникамъ и татямъ и не держали развратныхъ женщинъ.

Праветчиками назывались, состоявшіе при намѣстникахъ или воеводахъ, полицейскіе служители. Ихъ посылали намѣстники или воеводы для сбора недоимокъ, для взысканія штрафовъ по судебнымъ приговорамъ и вообще по всемъ дѣламъ, по которымъ производились денежные взыски. При взысканіяхъ праветчики брали виновныхъ на поруки, а тѣхъ, кто не могъ преставить ни денегъ, ни поручителей, держали подъ арестомъ и каждодневно приводили къ судебному дому для правежа посредствомъ битья палками по пяткамъ и икрамъ. По тогдашнимъ законамъ правежъ продолжался не больше мѣсяца, послѣ чего для уплаты по взысканію продавалась имѣніе виновнаго.

Кромѣ намѣстниковъ или воеводъ въ областяхъ были еще чиновники, присылаемые государемъ для управленія, съ властью почти равной власти намѣстниковъ. Это были слѣдующіе чиновники: *волостели*, т. е. начальники волостей, *становщики* — начальники católicaновъ, *слободчики*—начальники слободъ, и *посельщики*—начальники селъ, принадлежавшихъ государю, или такъ называемыхъ подклѣтныхъ или дворцовыхъ. Они чинили судъ и управу въ своихъ вѣдомствахъ, но, какъ и намѣстники, не иначе какъ въ присутствіи выборныхъ сотскихъ, старостъ и цѣловальниковъ и притомъ не имѣли права судить по уголовнымъ дѣламъ, такъ какъ судъ уголовныхъ дѣлъ по всему уѣзду принадлежалъ намѣстнику, а съ изданіемъ Разбойнаго устава — губнымъ старостамъ. На какую сумму они могли судить по гражданскимъ дѣламъ, на это нѣтъ никакихъ указаній. Они также имѣли надзоръ за сборомъ податей и вообще имѣли тѣ же права и обязанности въ своихъ вѣдомствахъ, которыя принадлежали намѣстнику въ цѣломъ уѣздѣ, за исключеніемъ управленія служилыми людьми и суда по уголовнымъ дѣламъ, и также, какъ и намѣстники, пользовались опредѣленными кормами. По замѣненіи намѣстниковъ воеводами, волостели, становщики и пр. были также замѣнены *приказчиками*. Впрочемъ разница между ними и приказчиками была только та, что волостели и пр. получали кормы, а приказчики—жалованье; размѣръ же власти тѣхъ и другихъ былъ одинаковъ.

Кромѣ того были еще слѣдующіе чиновники, присылаемые въ города государемъ, смотря по надобности: *осадные* головы, *засѣчные* головы, это были чиновники въ пограничныхъ крѣпостяхъ. Засѣчные головы смотрѣли за укрѣпленіемъ границъ, т. е. за устройствомъ засѣкъ, сторожевыхъ будокъ и т. п.; осадный же голова былъ ничто иное какъ комендантъ крѣпости, *стрелецкіе* головы, *казачьи*, *пушкарскіе*, *объѣзжіе* [1]), *житничьи*, *ямскіе* и *острожные* головы, т. е. начальники внутреннихъ крѣпостей.

---

[1]) Обязанностью объѣзжихъ головъ было запечатывать и распечатывать печи въ домахъ. Въ прежнее время употреблялась въ городахъ слѣдующая предохранительная мѣра противъ пожаровъ: при наступленіи весны намѣстникъ или воевода дѣлалъ распоряженія, чтобы топка печей въ городскихъ домахъ была прекращена; для этого разсылались по городу объѣзжіе головы, которые запечатывали всѣ печи, а для варки кушанья отводили особыя мѣста. Въ случаѣ же перемѣны погоды, или когда въ какомъ домѣ будутъ больные или старые, то топить печь можно было только съ разрѣшенія намѣстника. Осенью объѣзжіе головы опять распечатывали печи.

Лица, служившие по выбору отъ земщины. По общему порядку, существовавшему на Руси въ теченіи всего предъидущаго и настоящаго періодовъ, рядомъ съ государевыми служилыми людями во всѣхъ обществахъ, какъ городскихъ, такъ и сельскихъ, были еще чиновники выборные отъ земщины, такъ что въ параллель каждому изъ государевыхъ людей непремѣнно былъ выборный отъ земщины, и ни одинъ изъ чиновниковъ государя не могъ ничего сдѣлать по службѣ безъ участія параллельнаго ему чиновника отъ земщины. Въ параллель намѣстнику или воеводѣ общество выбирало, такъ называемаго, *городового приказчика.* Какъ намѣстникъ имѣлъ приказную избу или съѣзжую, такъ и городовой приказчикъ имѣлъ свою земскую избу, гдѣ онъ производилъ вмѣстѣ съ сотскими, десятскими, старостами и цѣловальниками всѣ дѣла по управленію городомъ. Должность городового приказчика была очевидно установлена для предупрежденія своевольства и притѣсненій отъ намѣстниковъ или воеводъ и ихъ чиновниковъ. Они выбирались отъ общества всѣхъ жителей данной области, отъ служилыхъ людей, отъ купцовъ и крестьянъ и были защитниками народа и охранителями его правъ. По свидѣтельству Судебника, намѣстничьи люди не могли никого взять подъ стражу или заковать въ цѣпи до суда, ни послѣ суда, не заявивъ этого городовому приказчику и его товарищамъ, въ противномъ же случаѣ они освобождали взятаго изъ подъ стражи и взыскивали на намѣстничьихъ людяхъ безчестье, смотря по званію обиженнаго. Городовые приказчики смотрѣли: 1) чтобы воеводскіе люди не притѣсняли жителей при нарядахъ къ городовымъ и другимъ казеннымъ работамъ; 2) чтобы торговля производилась на узаконенныхъ мѣстахъ, чтобы никто въ ущербъ городской торговлѣ не заводилъ торговъ по селамъ и деревнямъ безъ государевой жалованной грамоты; 3) чтобы въ сборѣ податей и отправленіи повинностей соблюдался порядокъ, согласный съ общинной раскладкой, и чтобы никто не былъ обиженъ въ раскладкѣ или сборѣ, а поэтому имъ было предоставлено рѣшеніе всѣхъ споровъ въ земскихъ и податныхъ дѣлахъ; 4) къ нимъ городскіе старосты, сотскіе и десятскіе должны были представлять всѣхъ пришлыхъ и подозрительныхъ людей, которые окажутся въ той или другой городской общинѣ; 5) наконецъ, они наблюдали за цѣлостію общественныхъ имуществъ и защищали ихъ отъ намѣстниковъ или воеводъ и ихъ людей. Въ городахъ было по двое городовыхъ приказчиковъ и по одному, но были города и безъ нихъ. Когда и кѣмъ учреждена должность городовыхъ приказчиковъ — неизвѣстно; первое извѣстіе о нихъ относится къ 1521 году. Такъ какъ городовые приказчики встрѣчаются не во всѣхъ городахъ, то надобно думать, что они назначались только на время, по особеннымъ нуждамъ, напримѣръ, по жалобѣ жителей на намѣстника и т. п. Въ городахъ пограничныхъ, въ которыхъ населеніе было преимущественно военное, городовыхъ приказчиковъ не было вовсе.

Кромѣ городовыхъ приказчиковъ отъ земщины были еще выборные старосты. Ихъ было нѣсколько разрядовъ. Къ первому изъ этихъ разрядовъ принадлежалъ *земскій староста.* Онъ былъ въ тѣхъ городахъ, которые не имѣли городовыхъ приказчиковъ, и имѣлъ то же значеніе, какое они; всѣ земскія городскія дѣла онъ производилъ

въ своей земской избѣ. Далѣе въ городахъ были еще: *старосты торговые, старосты таможенные* (въ большихъ городахъ этими старостами были не выборные изъ мѣстныхъ жителей, а присылаемые изъ Москвы, преимущественно изъ класса гостей), *кабацкіе старосты*, которые наблюдали за продажею вина, если общество торговало имъ само, а не отдавало его на откупъ, *и старосты при судѣ*, которые засѣдали на намѣстничьемъ судѣ. Всѣ эти старосты были только въ городахъ, а въ волостяхъ были *дворскіе и сотскіе*. Далѣе въ нѣкоторыхъ городахъ были еще *губные старосты*. Губной староста былъ выборный судья по уголовнымъ дѣламъ, общій для цѣлаго уѣзда. Обыкновенно они выбирались изъ дворянъ первой статьи. Эта должность была учреждена Иваномъ Васильевичемъ IV, около 1566 года. Въ этомъ учрежденіи Иванъ Васильевичъ только возобновилъ старый порядокъ. Припомнимъ, что еще по Русской Правдѣ вѣдѣніе уголовныхъ дѣлъ было отчасти предоставлено самимъ обществамъ, которыя или выдавали уголовнаго преступника намѣстнику, или же платили за него виру. Впослѣдствіи, во второй половинѣ второго періода, уголовныя дѣла какъ-то смѣшались съ гражданскими и перешли къ намѣстнику: но это было, кажется, не вездѣ, по крайней мѣрѣ при Иванѣ Васильевичѣ III и Василіи Ивановичѣ мы не встрѣчаемъ извѣстія о губныхъ старостахъ. Стало быть въ ихъ время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были уголовные судьи, отдѣльные отъ гражданскихъ. Въ помощники къ губнымъ старостамъ выбирались: *цѣловальники, земскіе дьяки, сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе*. Это были собственно полицейскіе чиновники, выборные отъ общества; они были при старостахъ всѣхъ разрядовъ, какъ въ городахъ, такъ и въ уѣздахъ. Они имѣли прямой непосредственный надзоръ за своими общинами, вели книги жителей своихъ общинъ, наблюдали, чтобы между ними не было лихихъ людей — татей и разбойниковъ, дѣлали своими общественными, окладными людьми раскладки и разметы для платежа податей и отправленія повинностей, защищали интересы своихъ общинъ, участвовали въ судѣ и безъ ихъ вѣдома нельзя было ни взять подъ арестъ, ни наказать члена общины.

Царь Иванъ Васильевичъ думалъ было совершенно отмѣнить намѣстниковъ и волостелей; поэтому въ 1555 году онъ издалъ указъ или уложеніе, которымъ судъ и управа въ областяхъ предоставлялась излюбленнымъ головамъ и старостамъ и земскимъ дьякамъ, избираемымъ самими жителями, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы утвержденіе этихъ выборныхъ зависѣло отъ государя и чтобы всѣ доходы, собираемые на содержаніе намѣстниковъ и волостелей, присылались въ государеву казну. Но это узаконеніе Ивана Васильевича не имѣло полнаго успѣха, далеко не всѣ области воспользовались имъ. Вслѣдствіе этого Иванъ Васильевичъ предоставилъ на волю областныхъ жителей, управляться ли самимъ чрезъ своихъ излюбленныхъ головъ и старостъ, или чрезъ намѣстниковъ, присылаемыхъ государемъ. Этотъ же порядокъ существовалъ и послѣ Ивана Васильевича. До насъ дошла оффиціальная роспись городовъ и уѣздовъ, которые при Ѳедорѣ Ивановичѣ и Борисѣ Ѳедоровичѣ Годуновѣ управлялись излюбленными головами и старостами и такихъ городовъ по росписи насчитывается 32, между ними: Владиміръ, Ярославль, Суздаль, Му-

ромъ, Коломна и другіе значительные города. Отъ временъ Михаила Ѳеодоровича до насъ дошло нѣсколько челобитныхъ, изъ которыхъ въ однихъ жители просили государя прислать имъ намѣстниковъ или воеводъ, а въ другихъ дозволить управляться излюбленными головами и старостами. При этомъ жители не только сами выбирали своихъ головъ и старостъ, но и указывали государю — кого именно они хотятъ къ себѣ въ воеводы. Такъ, въ 1631 году Угличане били челомъ государю отставить губного старосту Павла Ракова и прислать къ нимъ воеводою Бѣжечанина Игнатія Мономахова и государь далъ указъ Ракова отставить, а Мономахова послать въ Угличъ воеводою; или въ 1644 г. Кашинцы просили прислать къ нимъ въ воеводы московскаго дворянина Дементія Лазарева. Иногда управленіе городомъ дѣлилось между губнымъ старостою и воеводою, т. е. губной староста вѣдалъ татинныя, разбойныя и душегубныя дѣла, а воевода завѣдывалъ остальными дѣлами; иногда даже всѣ дѣла по городу и уѣзду поручались одному воеводѣ, а иногда всѣми дѣлами завѣдывалъ выборный губной староста, т. е. имѣлъ на своей отвѣтственности и укрѣпленіе города, и служилыхъ людей, и сборъ податей, и судъ и расправу во всѣхъ дѣлахъ.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ 3-го ПЕРІОДА.

Судебникъ 1497 года. Судебникъ Ивана III имѣетъ иной характеръ, чѣмъ всѣ предшествующіе памятники, поэтому съ него и начинается новый періодъ исторіи законодательства. Главная задача его состоитъ въ томъ, чтобы сообщить всѣмъ судамъ опредѣленную и однообразную форму и централизовать ихъ. Въ немъ хотя и стоитъ на первомъ планѣ раздѣленіе суда на разные виды, какъ это было и въ прежнихъ законодательныхъ памятникахъ, но эти суды служатъ представителями централизаціи и тяготѣютъ къ одному главному суду; они не стоятъ каждый особнякомъ, а составляютъ высшія и низшія инстанціи одного и того же суда, изъ коихъ послѣднія подчинены первымъ, а первыя или высшія верховному суду великаго князя.

По Судебнику судъ для всѣхъ жителей Московскаго государства былъ равенъ и одинаковъ; по нему всѣ вѣдались однимъ судомъ: бояре, купцы, крестьяне, служилые и неслужилые люди и никому не было привиллегіи въ судѣ. Главная задача Судебника состоитъ въ устройствѣ суда и сообщеніи ему большаго однообразія, согласно съ основными началами централизаціи. Собственно же юридическихъ вѣрованій и воззрѣній русскаго народа Судебникъ не измѣняетъ, а оставляетъ ихъ такими, какими они были въ Русской Правдѣ и другихъ памятникахъ прежняго времени; важныхъ новыхъ законовъ Судебникъ въ себѣ не содержитъ, поэтому одновременно съ нимъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи имѣла силу Русская Правда и разныя уставныя грамоты. Впрочемъ Судебникъ содержитъ и нѣкоторыя новыя узаконенія, выработанныя современною ему жизнію; но эти узаконенія служатъ только дополненіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ началъ, высказанныхъ въ прежнихъ памятникахъ, притомъ же число этихъ новыхъ узаконеній въ Судебникѣ весьма незначительно, и они

не имѣютъ большой важности. Согласно съ содержаніемъ Судебника его можно раздѣлить на 2 половины: въ первой изъ нихъ говорится о порядкѣ суда, а во второй содержатся различныя новыя узаконенія, которыхъ или вовсе нѣтъ въ Русской Правдѣ, или которыя получили здѣсь значительныя измѣненія.

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА СУДЕБНИКА 1497 ГОДА ПОДРАЗДѢЛЯЕТСЯ НА 5 ОТДѢЛОВЪ.

I. **О судоустройствѣ и судопроизводствѣ.** Судебникъ 1497 г. дѣлитъ судъ на слѣдующіе виды: A) Судъ великаго князя. B) Судъ боярскій. C) Намѣстничій или волостельскій и D) Святительскій. Изъ этихъ видовъ суда только четвертый представляетъ отдѣльный, независимый судъ, которому было подчинено все духовенство и всѣ лица церковнаго вѣдомства; прочіе же три вида суда суть ничто иное, какъ степени или инстанціи одного и того же суда. Изъ нихъ низшею степенью былъ намѣстничій судъ, среднею — боярскій, а высшею — великокняжескій; а посему главное различіе этихъ судовъ заключалось не въ родѣ дѣлъ, подлежавшихъ имъ, а въ составѣ суда и въ количествѣ судныхъ пошлинъ.

A. *Намѣстничій или волостельскій судъ* состоялъ изъ намѣстника— въ городахъ, или волостеля въ уѣздахъ, какъ представителей правительственной власти на судѣ, и дворскаго или старосты и лучшихъ людей, как представителей общества. По Судебнику ни намѣстникъ, ни волостель безъ дворскаго старосты и лучшихъ людей не могли судить. Далѣе, къ составу намѣстничьяго суда принадлежали: тіунъ, на которомъ лежало начальное производство судебнаго дѣла, и дьякъ, который занимался письмоводствомъ.

Судебныя пошлины отъ намѣстничьяго суда по Судебнику дѣлились на три разряда: 1) *Пошлины отъ иска.* Въ судебникѣ сказано, что отъ иска намѣстникъ и его тіунъ получали противъ истцева, т. е. столько сколько получитъ истецъ, если онъ будетъ оправданъ, если же истецъ будетъ обвиненъ, то намѣстнику шло по 2 алтына съ искового рубля, а тіуну по 8 денегъ. 2) *Пошлины отъ судебнаго поединка.* Ежели судъ назначитъ поединокъ, а тяжущіеся помирятся, не бившись, то намѣстнику и тіуну взять половину противъ истцева, а ежели побьются, то намѣстнику и тіуну взять противъ истцева. 3) *Пошлины отъ правыхъ грамотъ, отъ холопьихъ правыхъ грамотъ и отпускныхъ.* Отъ правой грамоты намѣстнику съ тіуномъ отъ печати съ рубля $2^1/_2$ алтына, а дьяку за письмо съ рубля 3 деньги. Отъ холопьей правой грамоты намѣстнику съ тіуномъ отъ печати $2^1/_2$ алтына съ головы, а дьяку за письмо 3 деньги съ головы. Тѣ же пошлины полагались и при явкѣ холопьей отпускной и купчей на холопа.

B. *Боярскій судъ* состоялъ изъ боярина или окольничьяго и дьяка; представители же отъ земщины здѣсь были тѣ же, какіе и на намѣстничьемъ судѣ, потому что судъ боярскій былъ только высшею инстанціею намѣстничьяго суда. Пошлины на боярскомъ судѣ были также трехъ видовъ: 1) *Пошлины отъ иска.* Боярину полагалось по 2 алтына съ рубля, а дьяку по 8 денегъ „съ виноватаго“, безъ различія — бу-

детъ ли это истецъ или отвѣтчикъ. 2) *Пошлины отъ судебнаго поединка.* Здѣсь по Судебнику принимались три разные момента: а) ежели тяжущіеся помирятся, не выходя на поле, то пошлины прежнія, т. е. боярину 2 алтына, а дьяку 8 денегъ; б) ежели они помирятся, вышедши на поле, то въ такомъ случаѣ къ прежнимъ пошлинамъ прибавляются еще полевыя пошлины, именно: окольничему, который долженъ присутствовать при поединкѣ, съ рубля четверть, или 50 денегъ, дьяку 4 алтына съ деньгою и недѣльщику четверть или 50 денегъ съ рубля и сверхъ того вязчаго 2 алтына; в) а ежели тяжущіеся, вышедши на на поле, вступятъ въ бой, то въ искѣ по заемному дѣлу или по дракѣ, боярину съ дьякомъ взять отъ суда на побѣжденномъ прежнія пошлины (т. е. боярину 2 алтына, а дьяку 8 денегъ съ рубля), а собственно полевыхъ денегъ окольничему взять полтину съ рубля, дьяку 50 денегъ и недѣльщику полтину, а вязчаго 4 алтына; а ежели искъ былъ въ разбоѣ, душегубствѣ, поджогѣ или татьбѣ, то на побѣжденномъ доправлялось: окольничему полтина отъ рубля, да доспѣхъ, т. е. оружіе побѣжденнаго, а недѣльщику и дьяку прежнія пошлины; равнымъ образомъ и боярину съ дьякомъ за производство дѣла пошлины прежнія. 3) *Пошлины отъ грамотъ.* а) Отъ правой грамоты: боярину отъ печати по 9 денегъ съ рубля, дьяку отъ подписи 1 алтынъ, подъячему отъ письма 3 деньги съ рубля; б) отъ докладного списка: боярину за печать съ рубля по алтыну, дьяку за подпись по 4 деньги съ рубля, подъячему за письмо по 2 деньги съ рубля; в) отъ холопьей правой грамоты и отпускной: боярину отъ печати 9 денегъ съ головы, дьяку за подпись алтынъ, подъячему за письмо 3 деньги.

С. *Судъ великаго князя.* На этомъ судѣ присутствовалъ или самъ великій князь, или его сынъ, или бояринъ, котораго назначалъ великій князь; кромѣ того на этомъ судѣ были еще: дьякъ и подъячій, а при выдачѣ правыхъ грамотъ и другихъ — печатникъ. Судебныя пошлины въ этомъ судѣ были тѣ же, какія и въ боярскомъ, исключая пошлинъ отъ докладного списка, именно: дьяку съ рубля по алтыну и 2 деньги съ рубля подъячему; а за печать съ рубля 9 денегъ.

II. **Формы суда.** По судебнику грамоты, выдаваемыя судомъ, были слѣдующія: 1) *Правая грамота.* Такъ называлась копія съ окончательнаго рѣшенія суда, по которому одна сторона признавалась оправданною, а другая виноватою. Правая грамота состояла собственно изъ трехъ частей, изъ коихъ въ первой части прописывался весь ходъ судебнаго дѣла и всѣ судебныя доказательства, представленныя въ судъ: грамоты, акты, показаніе свидѣтелей и пр.; во второй заключался судебный приговоръ; въ третьей—исполненіе судебнаго рѣшенія. Въ искахъ о владѣніи она выдавалась, какъ документъ на право владѣнія, и въ случаѣ вторичныхъ споровъ представлялась на судъ, какъ доказательство. Къ правой грамотѣ прикладывалась печать великаго князя, или боярина, или намѣстника, смотря по тому, чьимъ судомъ рѣшалось дѣло; она подписывалась дьякомъ, бывшимъ на судѣ, а писалась подъячимъ. Въ правой грамотѣ прописывались также имена судей отъ правительства и отъ общества участвовавшихъ въ судѣ. 2) *Докладные списки.* Они по формѣ были одинаковы съ правыми грамотами, только въ нихъ не прописывалось исполненіе судебнаго рѣшенія, а одинъ ходъ судебнаго дѣла и судебный приговоръ; они выдавались

собственно для приведенія рѣшенія суда въ исполненіе. Къ докладному списку прикладывалась печать судьи, рѣшавшаго дѣло, и сверхъ того онъ утверждался подписью дьяка, бывшаго на судѣ. 3) *Судные списки*. Такъ назывались тѣ бумаги, въ которыхъ прописывалось судебное дѣло въ томъ порядкѣ, въ какомъ оно производилось, со всѣми допросами тяжущимся и ихъ свидѣтелямъ и показаніями. Это была собственно записка тіуна, представляемая судьѣ, по которой онъ и рѣшалъ дѣло. Судный списокъ обыкновенно прописывался въ началѣ докладныхъ и правыхъ грамотъ. 4) *Холопьи правыя грамоты и отпускныя*. Онѣ выдавались холопямъ, которые по суду признавались свободными. Грамоты эти по Судебнику утверждались печатью судьи и подписью дьяка и вообще онѣ имѣли одинаковую форму съ другими правыми грамотами, только выдавать ихъ могли тѣ изъ намѣстниковъ, которые имѣли право боярскаго суда, или тѣ бояре въ Москвѣ, которые завѣдывали холопьимъ судомъ. Отпускныя по Судебнику признавались дѣйствительными только тѣ, которыя были написаны рукою господина, отпускавшаго холопа. 5) *Безсудныя грамоты*. Онѣ были одинаковы съ правыми грамотами и докладными списками и имѣли ту же силу, но онѣ выдавались только одной сторонѣ и притомъ тогда, когда не было суда вслѣдствіе неявки въ судъ одной изъ тяжущихся сторонъ; грамоты эти выдавались дьякомъ безъ доклада судьѣ, такимъ образомъ, дьякъ, разсмотрѣвши срочныя грамоты, представленныя явившеюся стороною, и прождавши другую сторону семь дней послѣ срока, на восьмой день выдавалъ безсудную грамоту за своею подписью и за печатью судьи. 6) *Срочныя*. Такъ назывались тѣ судебныя бумаги, которыя выдавались тяжущимся для явки въ назначенный срокъ на судъ. По Судебнику онѣ дѣлились на два вида: *на срочныя простыя и срочныя отписныя*. Простыми срочными назывались тѣ, въ которыхъ назначался первый срокъ для явки въ судъ, а отписными тѣ, въ которыхъ по просьбѣ тяжущихся назначалась имъ отсрочка для явки въ судъ. По Судебнику тѣ и другія срочныя выдавались дьякомъ за его подписью со взятіемъ опредѣленной пошлины. 7) *Приставныя*. Такъ назывались тѣ грамоты, которыя выдавались судомъ недѣльщикамъ или приставамъ для вызова въ судъ тяжущихся. По Судебнику приставная подписывалась дьякомъ и выдавалась иногда одна по нѣсколькимъ дѣламъ, ежели вызываемые жили въ одномъ городѣ.

III. **О вызовѣ въ судъ и судебныхъ срокахъ.** Для вызова въ судъ на великокняжескомъ и боярскомъ судѣ посылались недѣльщики, а на намѣстничьемъ доводчики или пристава. По Судебнику вызовъ въ судъ производился слѣдующимъ порядкомъ: во 1-хъ, истецъ подавалъ въ судъ челобитную, въ которой прописывалъ, чего стоитъ его искъ, и просилъ выдать приставную память для вызова въ судъ отвѣтчика. Такая челобитная принималась дьякомъ, который вмѣстѣ съ недѣльщикомъ разсматривалъ, стоитъ ли искъ тѣхъ издержекъ, которыя потребуются для вызова въ судъ отвѣтчика. (Для опредѣленія этой стоимости недѣльщикъ имѣлъ таксу, въ которой было росписано, сколько потребуется издержекъ для вызова въ судъ отвѣтчика изъ того или другого мѣста). Если оказывалось, что предъявленный искъ стоитъ издержекъ по вызову, то дьякъ подписывалъ приставную грамоту, за что и получалъ опредѣленную пошлину, —и

отдавалъ ее недѣльщику; а если искъ оказывался не стоющимъ издержекъ, то приставная не выдавалась и судъ отвергалъ этотъ искъ. Во 2-хъ, по полученіи приставной грамоты недѣльщикъ—или самъ отправлялся за отвѣтчикомъ, или посылалъ за нимъ своего помощника. Пріѣхавши въ городъ или волость, прописанные въ приставной, недѣльщикъ, или его помощникъ, долженъ былъ представить приставную намѣстнику или волостелю, а тѣ передавать ее мѣстному доводчику, который и приводилъ недѣльщика къ отвѣтчику. Отвѣтчикъ, по прочтеніи приставной, долженъ былъ дать недѣльщику поручную запись, что онъ явится на судъ въ срокъ. Если же онъ не могъ дать поручной записи, то недѣльщикъ арестовывалъ его и держалъ у себя до времени производства суда.

Судебные сроки. Тяжущіеся могли отложить срокъ суда на опредѣленное время; для этого имъ выдавалась *срочная память.* По Судебнику дозволялось три срока для явки въ судъ, съ тѣми условіями только, чтобы требующіе срока вносили за это опредѣленную плату. Кромѣ того тяжущимся дозволялось вмѣсто себя присылать въ судъ повѣренныхъ. Если кто изъ тяжущихся не явился въ судъ въ назначенный срокъ, то на него выдавалась *безсудная грамота.* Впрочемъ эта грамота выдавалась не прежде, какъ по истеченіи 7 дней на 8 день послѣ срока. Всѣ судебныя издержки и пошлины доправлялись на виноватомъ, хотя первоначально, напримѣръ, для вызова отвѣтчика, платитъ тотъ, кто началъ искъ.

IV. **О судныхъ доказательствахъ.** По Судебнику судебными доказательствами признавались: 1) *письменные документы.* Относительно этихъ доказательствъ мы знаемъ только, что они признавались на судѣ, но какіе именно документы признавались доказательствами, что требовалось для удостовѣренія въ ихъ подлинности, этого Судебникъ не опредѣляетъ; онъ, вѣроятно, предоставляетъ рѣшать это самимъ судьямъ. 2) *Показанія свидѣтелей.* Отъ свидѣтелей Судебникъ требуетъ, чтобы они были очевидцами и говорили правду, а иначе они платили искъ истцу и всѣ издержки по суду. По вызовѣ въ судъ, свидѣтели немедленно должны являться, не разбирая могутъ или не могутъ они свидѣтельствовать; въ противномъ же случаѣ съ нихъ взыскивались всѣ убытки истца и всѣ пошлины и издержки по суду. По Судебнику показаніе свидѣтелей имѣло такую силу, что если оно не подтверждало показаній истца, то онъ терялъ искъ. Они даже имѣли право требовать для подтвержденія своихъ показаній судебнаго поединка съ другимъ свидѣтелемъ, съ истцомъ или отвѣтчикомъ. 3) *Крестное цѣлованіе.* По Судебнику оно допускалось только въ случаѣ спора между русскими и чужеземцами, причемъ предоставлялось на волю отвѣтчика, самому ли цѣловать крестъ, или предоставить это истцу. Между русскими—крестное цѣлованіе допускалось только тогда, когда не было другихъ судебныхъ доказательствъ, или когда истецъ, или отвѣтчикъ отвергали показанія свидѣтелей противной стороны. 4) *Поле или судебный поединокъ.* Судебный поединокъ долженъ былъ совершаться при окольничемъ и дьякѣ, которые, пріѣхавши на поле, должны были спросить у бойцовъ, кто у нихъ стряпчіе или поручники, и приказывали этимъ лицамъ присутствовать при поединкѣ, но никакого оружія при себѣ не держать; людей

постороннихъ окольничій и дьякъ должны были удалять, а въ случаѣ сопротивленія отдавать ихъ въ тюрьму. Судебникъ допускаетъ поединокъ не только между истцомъ и отвѣтчикомъ, но и между ихъ свидѣтелями. Если истцомъ, или отвѣтчикомъ, былъ малолѣтній или старый, женщина, попъ, чернецъ или черница, то имъ дозволялось нанимать за себя бойцовъ, но въ такомъ случаѣ и противная сторона могла также представить за себя наемнаго бойца. Свидѣтель не имѣлъ права поставить за себя бойца, но точно также если свидѣтелемъ былъ старый, больной, увѣчный, малолѣтній и проч., то имъ дозволялось выставлять на поединокъ вмѣсто себя наймитовъ, но ихъ наймиты предварительно обязаны были цѣловать крестъ; въ такомъ случаѣ и противная страна могла выставить наемнаго бойца.

V. **О порядкѣ суда по уголовнымъ дѣламъ.** Этотъ судъ по Судебнику принимаетъ новый характеръ, или по крайней мѣрѣ новую форму. Судебникъ въ дѣлахъ по татьбѣ, разбою, душегубству, ябедничеству и другимъ преступленіямъ представляетъ совершенно новый, неизвѣстный прежде взглядъ на преслѣдованіе уголовныхъ преступниковъ. Онъ назначаетъ наказаніе не по качеству самаго преступленія, а по степени виновности преступника, т. е. смотря по тому, первый или не первый разъ уличается въ преступленіи преступникъ. Для дознанія этого по Судебнику употреблялся повальный обыскъ. Если по повальному обыску оказывалось, что уличаемый въ преступленіи „лихой человѣкъ“, т. е. что онъ уже нѣсколько разъ попадался въ преступленіи, то какое бы преступленіе онъ ни совершилъ, хотя бы его уличали въ самой незначительной кражѣ, его казнили за это смертною казнію, наравнѣ съ головникомъ, разбойникомъ, поджигателемъ и церковнымъ татемъ. Въ Судебникѣ сказано: „а будетъ вѣдомый лихой человѣкъ, и того велѣти казнити смертною казнію“. Но если кто въ первый разъ былъ уличаемъ въ кражѣ, но не церковной, то его, по Судебнику, должно было казнить только торговою казнію (бить кнутомъ), а имѣніе его продать для удовлетворенія истца и для уплаты пошлинъ судьѣ; если же у него нѣтъ имѣнія, то его самого выдать истцу головою на продажу. Судебникъ оказываетъ такое довѣріе къ общественному мнѣнію, что и безъ поличнаго и безъ суда предписываетъ обвиняемому въ кражѣ платить все то, что на немъ будетъ искать истецъ, ежели 5 или 6 человѣкъ „добрыхъ людей“ подъ крестнымъ цѣлованіемъ назовутъ его воромъ; а если бы тотъ былъ пойманъ съ поличнымъ, то хотя бы онъ попался и въ первый разъ, но если 5 или 6 добрыхъ людей подъ крестнымъ цѣлованіемъ называли его лихимъ человѣкомъ, то по Судебнику обвиняемый приговаривался къ смертной казни. Такъ же сильно высказывается въ Судебникѣ довѣріе къ общественному мнѣнію и въ случаѣ татинныхъ оговоровъ; такъ, ежели бы воръ на судѣ кого оговорилъ своимъ соучастникомъ, то такого только тогда дозволялось приводить въ судъ и подвергать пыткѣ, когда общество отзывалось о немъ, какъ о человѣкѣ подозрительномъ, а если общество давало о немъ хорошій отзывъ, то онъ отдавался на поруки.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА СУДЕБНИКА 1497 года. Вторая половина Судебника 1497 года заключаетъ въ себѣ узаконенія частнаго гражданскаго права, а именно: 1) о куплѣ, 2) о займахъ, 3) о крестьянскомъ выходѣ или отказѣ, 4) о поземельномъ владѣніи, 5) о холопствѣ и 6) о наслѣдствѣ.

I. **О куплѣ.** Относительно купли Судебникъ говоритъ, что ежели кто купитъ на торгу что-нибудь новое, кромѣ лошади, то для него достаточно представить 2 или 3 свидѣтелей, при которыхъ купилъ, чтобы очистить себя и оправдаться передъ тѣми, кто сталъ бы называть покупку свою собственностію. Столько же свидѣтелей достаточно и въ такомъ случаѣ, если бы кто купилъ что „на чужой землѣ", т. е. въ другомъ городѣ. А ежели бы кто не могъ представить 2-хъ или 3-хъ свидѣтелей, то онъ въ случаѣ иска очищался присягою и освобождался отъ иска. Впрочемъ, для покупки лошадей Судебникъ указываетъ иной порядокъ, именно, по Судебнику лошадь должна покупаться при пятенщикѣ, пятнившемъ ее и записывавшемъ въ книгу съ подробнымъ обозначеніемъ примѣтъ ея, купившій же лошадь не при пятенщикѣ могъ лишиться ея въ случаѣ иска.

II. **О займахъ.** Судебникъ, кажется, оставляетъ неприкосновенными всѣ прежнія узаконенія о займахъ; онъ обращаетъ вниманіе только на одинъ случай, именно, на случай несостоятельности между купцами. Судебникъ также, какъ и Русская Правда, дѣлитъ несостоятельныхъ купцовъ на *несчастныхъ и виноватыхъ.* Но здѣсь Судебникъ вводитъ новое начало, неизвѣстное въ Русской Правдѣ, начало строгой администраціи и судебныхъ формъ: онъ требуетъ обысковъ для доказательства справедливости показаній несчастнаго должника. Если назвавшій себя несчастнымъ несостоятельнымъ должникомъ по обыску оказался дѣйствительно такимъ, то ему выдавалась великокняжескимъ дьякомъ *полѣтная грамота*, за княжею печатью, по которой онъ обязывался выплатить по срокамъ одинъ только капиталъ безъ процентовъ; оказавшійся же несостоятельнымъ по своей винѣ выдавался головою истцу на продажу.

III. **О крестьянскомъ отказѣ** или о переходѣ крестьянъ отъ одного землевладѣльца къ другому. Законъ Судебника строго отличаетъ крестьянъ отъ наймитовъ. Наймитъ, по Судебнику, поступалъ на службу къ извѣстному землевладѣльцу на срокъ, или съ условіемъ опредѣленныхъ работъ въ пользу послѣдняго, напротивъ, крестьянинъ садился на землю безсрочно; наймитъ, не исполнивши условной работы или не доживши срока, лишался наемной платы; для крестьянина же законъ назначаетъ срокъ, когда онъ свободно могъ оставить своего владѣльца, или владѣлецъ могъ сослать его — это за недѣлю до осенняго Юрьева дня и спустя недѣлю послѣ Юрьева дня. По Судебнику, крестьянинъ для свободнаго перехода отъ одного землевладѣльца къ другому долженъ былъ исполнить относительно его одно условіе — заплатить ему за пожилое. Плата за пожилое въ малолѣсныхъ мѣстахъ назначалась въ 4 руб. за дворъ, а въ лѣсистыхъ—полтина, притомъ этотъ платежъ былъ раздѣленъ на четыре доли, такъ что крестьянинъ, проживши одинъ годъ, платитъ только одинъ рубль или четверть двора, прожившій два года — полдвора и т. д.

IV. **О поземельномъ владѣніи.** Въ 1-й статьѣ этого отдѣла Судебника говорится *объ изгородяхъ*. По Судебнику изгороди между селами и деревнями должно дѣлать смежнымъ владѣльцамъ пополамъ. А въ случаѣ, если отъ худой изгороди случится какой убытокъ, то за это отвѣчаетъ тотъ владѣлецъ, чья изгородь. Въ отхожихъ же лугахъ, между чужими пашнями, изгородь долженъ дѣлать владѣлецъ пашни, а не тотъ, кому принадлежитъ лугъ. Во 2-й ст. настоящаго отдѣла говорится *о межахъ*. Въ Судебникѣ основаніемъ для дѣленія межей было принято право поземельнаго владѣнія, поэтому межи въ немъ раздѣлены на владѣльческія и общинныя. За нарушеніе или порчу межей между разными владѣніями Судебникъ назначаетъ торговую казнь, а за порчу межей въ одномъ владѣніи назначаетъ только 2 алтына пени и сверхъ того взысканіе за раны или побои, ежели бы портившій межу прибилъ при этомъ хозяина межи. Въ 3 ст. говорится *о земской давности*. Судебникъ вводитъ два рода земской давности — трехлѣтнюю и шестилѣтнюю. Трехлѣтняя давность полагается въ искахъ по землямъ между вотчинниками (боярами и монастырями) между помѣщиками, которые владѣли казенными землями на помѣстномъ правѣ владѣнія, и между крестьянскими общинами, т. е. въ искахъ помѣщиковъ на помѣщиковъ и общинъ на общины, и въ искахъ между помѣщиками и общинами. А шестилѣтняя давность полагается только въ искахъ на вотчинниковъ, т. е. бояръ и монастыри, черныхъ или государевыхъ земель.

V. **О холопяхъ.** Узаконенія Судебника о холопяхъ почти одинаковы съ подобными же узаконеніями Р. Правды. По Судебнику признавались слѣдующія три формы перехода изъ свободнаго состоянія въ холопство: 1) „по полной грамотѣ“, т. е. когда кто самъ продаетъ себя въ холопство; 2) по должности сельскаго тіуна или ключника, будетъ ли то съ доклада или безъ доклада намѣстнику съ боярскимъ судомъ. При этомъ только въ такомъ случаѣ признавались въ холопствѣ и жена съ дѣтьми принявшаго должность тіуна или ключника, если они жили при отцѣ своемъ, а если они жили не при отцѣ, а у кого-либо изъ своихъ родственниковъ или сами по себѣ, то оставались свободными. Должность тіуна или ключника въ городѣ не дѣлала холопомъ того, кто принималъ на себя эту должность; 3) женившійся на рабѣ, или поступившій въ чье-либо владѣніе въ приданое, или по духовной, также считался холопомъ. Холопъ, взятый въ плѣнъ татарами, если успѣвалъ бѣжать изъ плѣна, переставалъ быть холопомъ и дѣлался свободнымъ. Бѣжавшаго холопа нельзя было взять безъ доклада намѣстнику съ боярскимъ судомъ и не взявши у него для этого бѣглой грамоты. Намѣстники же или волостели, не имѣвшіе права боярскаго суда, не могли даже выдать бѣжавшаго холопа его господину, а равно не могли выдать и бѣглой грамоты для отысканія бѣжавшаго холопа. Это установлено было для того, чтобы дать возможность холопу избавиться отъ холопства бѣгствомъ. Въ то время намѣстники съ боярскимъ судомъ были только въ шести городахъ: въ Москвѣ, въ Новгородѣ, въ Псковѣ, въ Твери, въ Нижнемъ и въ Рязани. Слѣдовательно бѣглый холопъ всегда имѣлъ много времени, чтобы скрыться прежде чѣмъ господинъ его могъ начать розыски.

VI. **О наслѣдствѣ.** Судебникъ признаетъ два вида наслѣдства: по закону и по завѣщанію. Для наслѣдства по завѣщанію Судебникъ не полагаетъ никакихъ правилъ вѣроятно потому, что дѣла по завѣщаніямъ тогда подлежали суду святительскому, который обыкновенно руководился Кормчею или Номоканономъ. Относительно же наслѣдованія по закону онъ принялъ совсѣмъ другія начала, чѣмъ тѣ, какія мы видѣли въ Р. Правдѣ. Судебникъ предоставляетъ право наслѣдованія по закону въ 1-хъ, сыновьямъ, во 2-хъ, если сыновей не было — дочерямъ и въ 3-хъ, за неимѣніемъ сыновей и дочерей наслѣдовали другіе родственники по степенямъ родства, кто ближе къ умершему.

Судебникъ 1550 года или Царскій Судебникъ. Судебникъ 1550 г. по словамъ самого царя Ивана Васильевича представляетъ „исправленіе прежняго Судебника, приноровленное къ современнымъ потребностямъ общества и къ старымъ русскимъ узаконеніямъ, которыя были опущены при изданіи прежняго Судебника“ [1]). Въ первомъ Судебникѣ замѣтно особое стремленіе къ централизаціи и отчасти неуваженіе къ старымъ порядкамъ суда и управы, новый же хотя и не отрицаетъ централизаціи, но въ то же время обезпечиваетъ и децентрализацію, т. е. мѣстное управленіе, и относится съ уваженіемъ къ прежнимъ порядкамъ. Кромѣ того новый Судебникъ отличается строгостію наказаній за нарушеніе утвержденнаго порядка. Новыя неотмѣненныя узаконенія прежняго Судебника царскій Судебникъ развилъ съ большею подробностію.— Судебникъ царя Ивана Васильевича такъ же, какъ и Судебникъ 1497 г., дѣлится на двѣ половины, изъ коихъ въ первой говорится о порядкѣ суда, а вторая заключаетъ въ себѣ узаконенія по частному гражданскому праву.

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА СУДЕБНИКА 1550 года.

I. Виды суда. По судебнику 1550 г. виды суда были тѣ же, какіе и по Судебнику 1497 г., т. е. 1) судъ государя, 2) судъ боярскій, 3) судъ намѣстничій и 4) святительскій. Первые три вида суда царскій Судебникъ такъ же, какъ и прежній, признаетъ только разными инстанціями одного и того же суда; но въ подробности развитія этихъ судовъ вносится много новаго. Такъ, не приступая еще къ изложенію самихъ судовъ, онъ напередъ назначаетъ наказанія самимъ судьямъ за неправильный судъ и за посулы. Наказанія эти слѣдующія: 1) Ежели обыщется вправду, что бояринъ и дьякъ взяли посулы и обвинили не по суду, то на нихъ доправить весь искъ и всѣ судебныя пошлины втрое и сверхъ того пеню, какую назначитъ государь. 2) Ежели дьякъ безъ вѣдома судьи, взявши посулъ, составитъ судный списокъ или запишетъ дѣло не такъ, какъ было на судѣ, то на немъ доправить вполовину противъ боярина и сверхъ того посадить его въ тюрьму. 3) Если подъячій безъ судьи и безъ дьяка что либо запишетъ не такъ, какъ нужно по суду, то подвергается за это торговой казни—битью кнутомъ.

---

1) Эти слова заимствованы изъ 4-й главы правилъ Стоглаваго собора, заключающей въ себѣ рѣчь царя Ивана Васильевича, произнесенную при открытіи этого собора.

1) *Судъ намѣстничій или волостельскій.* По царскому Судебнику на судѣ намѣстника, или волостеля, должны были присутствовать земскіе выборные: дворскій или староста, цѣловальники — лучшіе люди. То же мы видимъ и въ Судебникѣ 1497 года; но царскій Судебникъ развиваетъ гораздо подробнѣе начало участія общества въ судѣ намѣстниковъ или волостелей. Онъ требуетъ: 1) чтобы всѣ судныя дѣла у намѣстниковъ записывались земскимъ дьякомъ, а дворскій или староста прикладывали руки къ этимъ суднымъ спискамъ; съ этихъ списковъ намѣстничій дьякъ долженъ списывать копію слово въ слово, а намѣстникъ къ ней долженъ прикладывать свою печать. 2) Записку суднаго дѣла, писанную земскимъ дьякомъ и подписанную дворскимъ или старостою и цѣловальниками, намѣстникъ долженъ хранить у себя, а противень этой записки, писанный намѣстничьимъ дьякомъ и за печатью намѣстника, долженъ храниться у дворскаго или старосты и цѣловальниковъ. 3) Хотя царскій Судебникъ предоставляетъ намѣстникамъ и волостелямъ съ ихъ тіунами судить татей, душегубцевъ и всякихъ лихихъ людей, но безъ докладовъ въ высшій судъ ни казнить ихъ, ни сажать въ тюрьму, ни отпускать не дозволяетъ, а если они поступали противъ этого узаконенія, то съ нихъ доправлялось вдвое противъ иска и ихъ самихъ сажали въ тюрьму. 4) Ежели въ одномъ городѣ или волости будутъ два намѣстника или волостеля, то они должны судить вмѣстѣ и дѣлить кормы и судныя пошлины пополамъ, но не должны брать двойныхъ кормовъ и пошлинъ, иначе съ нихъ взыскивалось втрое. 5) Недовольные судомъ намѣстника или волостеля имѣли право жаловаться государю, который вызывалъ ихъ въ свой судъ и судилъ, какъ простыхъ отвѣтчиковъ.

2) *Судъ боярскій.* По царскому Судебнику боярскій судъ былъ предоставленъ боярамъ и окольничимъ — членамъ Царской Думы, начальникамъ приказовъ, въ вѣдомствѣ которыхъ былъ тотъ или другой городъ. Кромѣ того боярскій судъ предоставлялся нѣкоторымъ намѣстникамъ, а также и дворецкимъ и казначеямъ, завѣдывавшимъ Дворцовымъ и Казеннымъ приказами. На боярскомъ судѣ были также дьяки и подъячіе. Ежели бояринъ не давалъ суда жалобщику по его челобитной, то послѣдній имѣлъ право жаловаться государю, который отсылалъ жалобщика назадъ къ боярину съ приказаніемъ дать ему судъ; а ежели и послѣ этого бояринъ не давалъ суда, то подвергался государевой опалѣ. Пошлины на боярскомъ судѣ по Судебнику 1550 г. почти тѣ же, какія и по прежнему, только прибавлено, что ежели кто возьметъ лишнія пошлины, на томъ доправить втрое.

3) *Царскій судъ.* Этотъ судъ принадлежалъ самому государю, или его сыну, или тому изъ приближенныхъ государя, кого онъ назначалъ. Въ немъ участвовали: дьякъ, печатникъ и подъячій. Пошлины на царскомъ судѣ оставлены прежнія, только съ небольшимъ измѣненіемъ и прибавленіемъ; такъ отъ льготныхъ, уставныхъ и полѣтныхъ и вообще жалованныхъ, выдаваемыхъ за красною печатью, дьяку назначено пошлинъ столько же, сколько и печатнику. Кромѣ того выдача новыхъ тарханныхъ грамотъ царскимъ Судебникомъ отмѣнялась, а прежнія повелѣвалось отбирать у тѣхъ, кому онѣ были даны [1].

[1] Тарханными назывались грамоты, освобождавшія отъ мѣстнаго суда того, кому онѣ выдавались, и подчинявшія его только суду самого государя.

4) *Судъ святительскій.* Относительно этого суда царскій Судебникъ не вводитъ ничего новаго, а оставляетъ его въ прежнемъ положеніи и на прежнихъ основаніяхъ.

II. **О судебныхъ доказательствахъ.** Судебныя доказательства по царскому Судебнику были тѣ же, какія и по Судебнику 1497 г., т. е. письменные документы, показанія свидѣтелей, крестное цѣлованіе и поле; только относительно свидѣтелей царскій Судебникъ вводитъ новое узаконеніе, по которому если истецъ представитъ нѣсколько свидѣтелей и одни изъ нихъ скажутъ „въ его рѣчи", т. е. сходно съ нимъ, а другіе противъ его рѣчей, то первые имѣютъ право требовать поединка съ послѣдними. Сторона побѣжденная на этомъ поединкѣ признавалась виновною и должна была (виноватый и его послухи) платить искъ и всѣ судебныя пошлины. А если послухи не требовали поля, то платилъ только одинъ виноватый, послухи же въ платежѣ не участвовали. Если послухъ опослушествуетъ отвѣтчика, то послѣднему предоставлялось на волю—или стать съ послухомъ на поле, или, ставъ у поля—у креста, цѣловать крестъ, или и безъ цѣлованія отдать то, что на немъ ищутъ—въ такомъ случаѣ отвѣтчикъ не платитъ полевыхъ пошлинъ.

III. Вслѣдъ за указаніемъ о судебныхъ доказательствахъ Судебникъ представляетъ *рѣшеніе слѣдующихъ случаевъ иска:*

1) Ежели кто будетъ искать на 3 или 4 человѣкъ и въ челобитной своей напишетъ еще нѣсколько человѣкъ ихъ товарищей, то судъ долженъ судить только тѣхъ изъ неявившихся товарищей, за которыхъ отвѣчаютъ явившіеся, а за тѣми, за которыхъ не отвѣчаютъ, посылать пристава, и если они по полученіи приставной не являлись въ судъ, то на нихъ выдавалась безсудная грамота (на тѣ доли, въ которыхъ они судились). Но если одинъ кто нибудь изъ товарищей, получивши срочную грамоту, въ которой прописаны и другіе его товарищи, не покажетъ ее товарищамъ, то въ случаѣ безсудной на ихъ доли, законъ предоставляетъ имъ искать на товарищѣ, который не показалъ имъ срочной. 2) Ежели кто будетъ искать на намѣстничьихъ или волостельскихъ людяхъ, то судъ не дозволяетъ намѣстнику, или волостелю, за однихъ изъ своихъ людей отвѣчать, а за другихъ не отвѣчать, а взыскиваетъ весь искъ и на тѣхъ людяхъ, за которыхъ намѣстникъ, или волостель, не отвѣчаютъ. 3) Истцы въ своихъ искахъ на людей намѣстника, или волостеля, не должны примѣшивать къ нимъ городскихъ или волостныхъ людей; а если бы они въ своихъ челобитныхъ примѣшали бы кого либо изъ нихъ, то намѣстнику, или волостелю, представлялось на волю отвѣчать за нихъ и не отвѣчать. Если намѣстникъ, или волостель, не захочетъ отвѣчать не за своихъ людей, то они судятся отдѣльно отъ намѣстничьихъ или волостельскихъ людей. 4) Городскіе или волостные люди въ своихъ искахъ на обиды и притѣсненія отъ намѣстника, или волостеля и ихъ людей, должны подавать свои челобитныя въ продолженіи того времени, пока эти состоятъ на службѣ, по прошествіи же срока ихъ служ-

---

Онѣ были введены въ Россіи татарскими ханами, которые выдавали ихъ удѣл. княз. и боярамъ. Хотя по Судебнику царя Ивана Вас. тарханныя грамоты отмѣнялись, но на самомъ дѣлѣ онѣ, кажется, не были отмѣнены, потому что объ нихъ еще говорится и въ Уложеніи Алексѣя Михайловича.

бы законъ запрещаетъ подавать на нихъ жалобы. 5) Когда искъ будетъ предъявленъ по двумъ предметамъ, напримѣръ—по бою и грабежу, и ежели отвѣтчикъ въ одномъ чемъ нибудь повинится, а въ другомъ нѣтъ, то его и обвинять только въ одномъ, а по другому долженъ производиться судъ и правда и крестное цѣлованіе, но отнюдь не дѣлать такъ, что если кто повинится въ одномъ, то его обвинять и въ другомъ. 6) Въ искахъ за безчестье по суду царскій Судебникъ назначаетъ пени, судя по разнымъ классамъ общества. Это дѣлалось такъ: пеня служилымъ людямъ опредѣлялась ихъ кормленіемъ или государевымъ жалованьемъ, пеня дьякамъ палатнымъ или дворцовымъ опредѣлялась особымъ государевымъ указомъ, пеня большимъ гостямъ—50 руб., а торговымъ, посадскимъ, среднимъ и лучшимъ боярскимъ людямъ (конечно, не рабамъ) 5 рублей;—тіуну боярскому, доводчику и праветчику—противъ ихъ окладного дохода; крестьянину пашенному и непашенному, боярскому человѣку молодшему и городскому черному за безчестье 1 рубль. А женамъ всѣхъ классовъ—вдвое противъ ихъ мужей. За увѣчье пеня назначалась, смотря по увѣчью и по состоянію того, кто получилъ увѣчье. 7) Въ искахъ съ чужеземцами царскій Судебникъ такъ же, какъ и Судебникъ 1497 г., полагаетъ одно доказательство — крестное цѣлованіе. Но настоящій Судебникъ прибавляетъ еще слѣдующее опредѣленіе этого иска: „ежели искать будетъ чужеземецъ на русскомъ, или русскій на чужеземцѣ, то бросить имъ жребій, кому цѣловать крестъ“. 8) Когда истецъ и отвѣтчикъ будутъ подвѣдомы разнымъ судьямъ, то въ такомъ случаѣ по закону Судебника требуется только, чтобы истецъ взялъ сторожа у своего судьи и съ нимъ шелъ къ тому судьѣ, которому подвѣдомъ отвѣтчикъ. Отвѣтчиковъ судья рѣшалъ искъ, но пошлинами отъ этого иска онъ дѣлился пополамъ съ истцевымъ судьею. Это называлось *смѣтнымъ* судомъ.

IV. **О вызовѣ въ судъ**. Вызовъ въ судъ по правиламъ царскаго Судебника производился въ томъ же порядкѣ, какъ и по Судебнику 1497 г., т. е. чрезъ недѣльщиковъ и приставовъ, только старому порядку здѣсь дано болѣе опредѣленности. По Судебнику 1497 года недѣльщики и пристава могли и не сами отвозить приставную къ вызываемому, а послать съ нею кого нибудь изъ своихъ родственниковъ или знакомыхъ. Вслѣдствіе этого тогда было много злоупотребленій при вызовѣ: лица посылаемыя недѣльщиками и приставами, какъ не отвѣтственныя предъ правительствомъ, обыкновенно брали посулы съ вызываемыхъ, вызывали не тѣхъ кого нужно и пр. Для прекращенія этого въ настоящемъ Судебникѣ изложены нѣкоторыя правила, обезпечивающія отвѣтчиковъ отъ своеволія недѣльщиковъ и приставовъ. Въ видахъ этого царскій Судебникъ узаконилъ слѣдующій порядокъ вызова въ судъ: 1) Онъ запрещаетъ недѣльщикамъ и приставамъ посылать за отвѣтчикомъ своихъ родственниковъ или знакомыхъ и приказываетъ каждому недѣльщику образовать особую общину ѣздоковъ, которые бы обязывались ѣздить за него, когда онъ не можетъ, и которые были бы записаны въ особой книгѣ у дьяка вслѣдъ за недѣльщиками. Поэтому каждый недѣльщикъ при наступленіи его очередной недѣли долженъ былъ вмѣстѣ съ своими ѣздоками являться къ дьяку, который, осмотрѣвши ихъ, записывалъ ихъ вмѣстѣ съ не-

дѣльщикомъ въ книгу. Такой порядокъ царскій Судебникъ узаконилъ съ тою цѣлью, чтобы недѣльщики, въ случаѣ какихъ либо исковъ за притѣсненія при вызовѣ отвѣтчика, не могли запираться. 2) Для удобнѣйшаго наблюденія за порядкомъ при вызовѣ царскій Судебникъ узаконилъ, чтобы каждый недѣльщикъ имѣлъ не болѣе 7 ѣздоковъ, которые бы находились въ круговой порукѣ, и въ случаѣ исковъ на одномъ отвѣчали бы за него всѣ, такъ же, какъ и недѣльщикъ; сверхъ того виновный сажался въ тюрьму. 3) Организовавши общину недѣльщиковыхъ ѣздоковъ, царскій Судебникъ узаконилъ, чтобы не было ѣздоковъ незаписанныхъ, или какъ тогда говорили, „несостоявшихъ въ заговорѣ“ съ какимъ нибудь недѣльщикомъ. По новому закону каждый изъ таковыхъ ѣздоковъ наказывался торговою казнью за то только, что онъ назвался ѣздокомъ; а ежели при этомъ на немъ будутъ искать за обиду или за обманъ, то, кромѣ торговой казни, онъ еще приговаривался безъ суда къ уплатѣ по всѣмъ искамъ. 4) Недѣльщики или ѣздоки, пріѣхавши въ городъ или волость гдѣ жилъ вызываемый, должны представить свою приставную намѣстнику, или волостелю и ихъ тіунамъ; отъ намѣстника или волостеля давался имъ доводчикъ, чрезъ котораго уже они и вызывали отвѣтчика; при этомъ они брали съ отвѣтчика поручную запись въ томъ, что онъ явится на судъ въ срокъ, и отвозили эту запись въ тотъ судъ, отъ котораго были посланы. Если же отвѣтчикъ не могъ или не хотѣлъ дать поручной записи о своей явкѣ въ судъ, то въ такомъ случаѣ недѣльщикъ обязанъ былъ заковать его въ цѣпи и держать подъ арестомъ до срока суда. Поэтому, въ видахъ огражденія отвѣтчика отъ насилія недѣльщиковъ или ѣздоковъ, царскій Судебникъ требуетъ, чтобы каждый недѣльщикъ не прежде арестовалъ отвѣтчика, какъ объявивъ городскимъ или волостнымъ выборнымъ людямъ, что такой-то вызывается въ судъ, и что никто не ручается за своевременную явку его въ судъ; если и выборные также не поручались за отвѣтчика, то тогда недѣльщикъ могъ сковать и арестовать его. Но если бы недѣльщикъ или приставъ арестовалъ отвѣтчика безъ заявленія выборнымъ, то родственники или друзья отвѣтчика имѣли право жаловаться на недѣльщика, и по этой жалобѣ арестованный освобождался, а недѣльщикъ или приставъ приговаривался къ уплатѣ опредѣленной пени за безчестье отвѣтчику, да сверхъ того, если бы при этомъ его обвиняли въ какихъ нибудь убыткахъ, причиненныхъ отвѣтчику при вызовѣ, то за эти убытки онъ обязанъ былъ заплатить вдвое. Организовавши общины ѣздоковъ и оградивши подсудимыхъ отъ произвола недѣльщиковъ и приставовъ, царскій Судебникъ оставляетъ неприкосновенными всѣ прежніе порядки вызова въ судъ: онъ оставилъ въ прежней силѣ и три срока для явки въ судъ и семь дней для отсрочки до выдачи безсудной грамоты, и присылку повѣренныхъ вмѣсто самихъ тяжущихся, и прежнее количество пошлинъ какъ дьякамъ съ подъячими за печать, такъ и приставамъ и недѣльщикамъ за ѣздъ и хоженое, и только прибавилъ одно правило, что ежели недѣльщикъ будетъ вызывать нѣсколько товарищей по одному дѣлу, то онъ обязанъ объявить о вызовѣ только одному изъ нихъ, который уже обязывался объявлять и всѣмъ другимъ вызываемымъ. Наконецъ 5) царскій Судебникъ узаконяетъ особыя формы для вызова въ судъ намѣст-

никовъ и волостелей и ихъ тіуновъ и доводчиковъ. По этой формѣ они: во 1-хъ, должны, также, какъ и всѣ подсудимые, являться въ судъ сами или прислать своихъ повѣренныхъ въ опредѣленный срокъ; а если они не являлись въ срокъ, то на нихъ, какъ и на всѣхъ другихъ отвѣтчиковъ, выдавалась безсудная грамота. Во 2-хъ, приставная грамота на намѣстника, волостеля, тіуна и доводчика получалась недѣльщикомъ не отъ боярина или дьяка, а отъ Боярской Думы, и притомъ срокъ для явки въ судъ имъ назначался „когда они съѣдутъ съ жалованья", т. е. по окончаніи ихъ службы.

V. **О порядкѣ судопроизводства.** Царскій Судебникъ, узаконивши при вызовѣ въ судъ такія мѣры, которыя обезпечивали бы отвѣтчиковъ отъ произвола судебныхъ приставовъ и недѣльщиковъ, обезпечиваетъ ихъ и отъ произвола самихъ истцовъ, чтобы истцы не входили въ судъ съ ложными жалобами, но чтобы жалобы ихъ основывались на дѣйствительныхъ фактахъ. Царскій Судебникъ узаконяетъ во 1-хъ, чтобы каждый истецъ предъявлялъ только тотъ искъ, который не превышаетъ суммы имущества, находящагося въ его владѣніи. Съ этою цѣлью было установлено, чтобы старосты, сотскіе и цѣловальники, которые производили раскладку податей и повинностей, каждогодно присылали въ Москву въ свои приказы разметныя и др. данныя книги за своею подписью, а другія таковыя же книги своихъ разметовъ передавали бы тѣмъ старостамъ и цѣловальникамъ своего города, которые сидятъ на судѣ у намѣстника. На основаніи этихъ книгъ судьи въ дѣлахъ по искамъ и должны были рѣшать: давать судъ истцу, или отказать ему въ судѣ. Если истецъ предъявлялъ искъ на сумму, не превышавшую тотъ капиталъ, съ котораго онъ платилъ подати, то его искъ признавался судомъ; но если истецъ предъявлялъ искъ по суммѣ, превышавшей тотъ капиталъ, который онъ оплачивалъ податьми, то судьи тѣмъ самымъ безъ суда обвиняли его и брали съ него пеню, а за укрывательство государевыхъ податей отсылали его въ Москву къ государю, взявши съ него напередъ поручную запись. На этихъ же основаніяхъ производился судъ и по искамъ городскихъ жителей на намѣстникѣ. Если кто нибудь изъ городскихъ жителей подавалъ жалобу на намѣстника, то судъ прежде всего требовалъ разметныя книги тѣхъ городскихъ жителей; но если они не доставляли своихъ разметныхъ книгъ, то и въ судѣ на намѣстника имъ отказывали. Во 2-хъ, истецъ и отвѣтчикъ, допущенные къ суду, могли требовать отсрочки суда или оба вмѣстѣ, или одинъ изъ нихъ. Въ первомъ случаѣ судебныя срочныя пошлины они платили пополамъ, а въ послѣднемъ тотъ, кто просилъ отсрочки. Срочныя грамоты долженъ былъ держать у себя дьякъ за своею печатью. Если отвѣтчикъ не являлся на судъ въ срокъ, прописанный въ срочной, то по прошествіи 7—8 дней послѣ этого на него выдавалась истцу безсудная грамота, и сверхъ того онъ обязанъ былъ заплатить весь искъ, судебныя пошлины и все то, что издержалъ въ теченіи 7 дней послѣ срока явившійся на судъ его противникъ, за что полагалось по три деньги въ день. Въ 3-хъ, судъ допускался только тогда, когда истецъ и отвѣтчикъ, или ихъ повѣренные, были на лицо, а иначе суда не было, и на неявившагося выдавалась безсудная грамота. Въ 4-хъ, при явкѣ въ судъ истца и отвѣтчика, или ихъ повѣренныхъ, судъ производился не иначе, какъ въ присутствіи старосты и цѣловаль-

никовъ, избираемыхъ обществомъ для присутствованія на судѣ намѣстничьемъ. Эти выборные должны были имѣть при себѣ земскаго дьяка, который записывалъ весь порядокъ суда, всѣ вопросы и отвѣты на судѣ, всѣ грамоты и др. доказательства и составлялъ изъ всего этого судный списокъ, который за подписью земскихъ выборныхъ и за земскою печатью оставался у намѣстника, а копія съ него, писанная намѣстничьимъ писцомъ, подписанная дьякомъ намѣстника и скрѣпленная печатью намѣстника, отдавалась на сохраненіе земскимъ выборнымъ. (Эта копія обыкновенно отдавалась тѣмъ изъ выборныхъ судей, которые не знали грамотѣ). Въ 5-хъ, при докладѣ суднаго списка для окончательнаго рѣшенія дѣла или произнесенія судебнаго приговора должны были опять быть въ судѣ истецъ и отвѣтчикъ, или ихъ повѣренные, и если они оговаривали подложнымъ судный списокъ, то въ такомъ случаѣ выборные судные мужи, участвовавшіе въ составленіи суднаго списка, должны были явиться въ судъ и принести съ собою копію суднаго списка, хранившуюся у нихъ, для сличенія ея съ подлинникомъ. Ежели судные мужи говорили, что судъ былъ именно такъ, какъ написано въ судномъ спискѣ, и копія будетъ слово противу слова со спискомъ, то оболживившаго списокъ тѣмъ и обвиняли. Но если судные мужи говорили, что судъ былъ не таковъ, и списокъ писанъ не земскимъ дьякомъ, подписи на спискѣ не ихъ, и списокъ не будетъ сходенъ съ копіей слово противу слова, то въ такомъ случаѣ обвинялся первый судья: на немъ доправлялся искъ, и сверхъ того онъ платилъ пеню, назначаемую государемъ. А если судные мужи, знающіе грамотѣ, порознятъ съ судными мужами, незнающими грамотѣ, и примутъ сторону судьи, и если по сличеніи суднаго списка съ копіею судныхъ мужей, не знающихъ грамотѣ, окажется между ними разница, то въ такомъ случаѣ искъ и государева пеня доправлялись какъ на судѣ, такъ и на судныхъ мужахъ, принявшихъ его сторону. Въ 6-хъ, ежели на судъ намѣстничій или волостельскій поступала жалоба въ судъ боярскій или государевъ, то судъ по этой жалобѣ производился передъ судьями государевымъ дьякомъ, который записывалъ всѣ истцовы и отвѣтчиковы показанія и ссылки ихъ на послуховъ, отдавалъ записанное подъячему для переписки, потомъ скрѣплялъ каждый листъ дѣла своею подписью и держалъ его у себя за свою печатью. Если какое судебное дѣло не за печатью дьяка и безъ его подписи вынутъ у подъячаго, то подъячій за это подвергался торговой казни, а съ дьяка взыскивался весь искъ и всѣ судебные убытки и пошлины. А если дѣло было вынуто у подъячаго на квартирѣ или за городомъ, то искъ и всѣ судебные убытки платилъ тоже дьякъ, а подъячаго били кнутомъ и отставляли отъ должности съ тѣмъ, чтобы никогда не поставлять его въ подъячіе. Въ 7-хъ, когда боярскій судъ рѣшалъ дѣло и произносилъ приговоръ, то этотъ приговоръ записывался дьякомъ, и истецъ и отвѣтчикъ не должны были присутствовать при этомъ. Если же встрѣчалась надобность спросить что либо у истца и отвѣтчика, то ихъ вызывали въ судъ, но по допросѣ удаляли опять. А когда пригоръ былъ записанъ дьякомъ, то его читали только въ присутствіи бояръ.

VI. **О порядкѣ суда по уголовнымъ дѣламъ.** Уголовный судъ по царскому Судебнику въ главныхъ своихъ основаніяхъ одинаковъ съ тѣмъ,

какой былъ и по Судебнику 1497 г., въ царскомъ Судебникѣ онъ только развитъ подробнѣе. Особенно важнымъ нововведеніемъ царскаго Судебника относительно уголовнаго суда надобно признать то, что онъ сдѣлалъ дѣленіе между разбойными и душегубными дѣлами и татебными и назначалъ для первыхъ особыхъ судей, называвшихся губными старостами. Относительно суда надъ татями царскій Судебникъ предписываетъ во 1-хъ, что если тать будетъ приведенъ съ поличнымъ въ первый разъ, то его судить обыкновеннымъ судомъ, т. е. гражданскимъ, но въ то время, когда намѣстникъ будетъ производить судъ, сдѣлать повальный обыскъ о татѣ, т. е. спросить о немъ у того общества, къ которому онъ принадлежитъ. Если общество на повальномъ обыскѣ называло татя лихимъ человѣкомъ, то его подвергали пыткѣ [1]) и если подъ пыткою онъ сознавался въ преступленіи, то его казнили, а если не сознавался, то сажали въ тюрьму и держали въ тюрьмѣ до смерти, а искъ доправляли изъ его имѣнія. Если же при повальномъ обыскѣ общество называло уличаемаго въ кражѣ добрымъ человѣкомъ и показывало, что онъ не бывалъ уличаемъ въ кражѣ прежде, то его били кнутомъ на торгу и отдавали на поруки, а ежели порукъ по немъ не было, то его сажали въ тюрьму до тѣхъ поръ, пока не находились поруки. Если же тать будетъ пойманъ съ поличнымъ въ другой разъ, то его прямо подвергать пыткѣ, и если онъ подъ пыткой сознается во взводимомъ на него преступленіи, то его казнить смертью, а ежели не сознается, то объ немъ также производить повальный обыскъ. Если по повальному обыску воръ оказывался добрымъ человѣкомъ, то его казнили торговою казнью и отдавали „на крѣпкія поруки", или же сажали въ тюрьму, если у него не было порукъ; а если общество называло вора лихимъ человѣкомъ, то его казнили смертною казнію. Во 2-хъ относительно суда надъ разбойниками, душегубцами, крамольниками, поджигателями и проч. царскій Судебникъ узаконяетъ: ежели разбойникъ, душегубецъ, ябедникъ, поддѣлыватель монетъ и актовъ и пр., оглашенные въ обществѣ вѣдомыми лихими людьми, будутъ судиться въ Москвѣ, то по боярскому суду безъ выдачи ихъ истцу головою казнить смертью при тіунѣ и дворскомъ, а искъ доправить изъ ихъ имущества. Въ другихъ же городахъ судъ надъ таковыми преступниками принадлежалъ губнымъ старостамъ, которые судили по особымъ губнымъ грамотамъ. Намѣстники обязаны были отсылать подобныхъ людей къ губнымъ старостамъ. Въ 3-хъ, убійца своего господина, обвиненный въ сдачѣ города непріятелю, крамольникъ, святотатецъ, головной тать (т. е. тотъ, кто крадетъ свободу другого, продаетъ другого въ неволю обманомъ или насильно) и зажигальщикъ, если по повальному обыску оказывались вѣдомыми лихими людьми, то ихъ казнили смертною казнію, а изъ имущества ихъ доправляли искъ.

---

[1]) Съ Судебника ли началась пытка, или она существовала прежде, объ этомъ ничего нельзя сказать опредѣленнаго. По всему вѣроятію Судебникъ только узаконилъ то, что существовало прежде него въ обычаѣ.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА СУДЕБНИКА 1550 года. Во второй половинѣ Судебника царя Ивана Васильевича помѣщены узаконенія: о холопствѣ и наймѣ, 2) о поземельномъ владѣніи, 3) о крестьянскомъ выходѣ, 4) о наймѣ, 5) о куплѣ, и 6) о наслѣдствѣ.

I. **Узаконенія о холопствѣ** представляютъ много новыхъ правилъ и формъ. Царскій Судебникъ прежде всего дѣлаетъ строгое различіе между полнымъ или обѣльнымъ холопомъ и кабальнымъ и представляетъ рядъ узаконеній объ обоихъ видахъ холопства.

1) *Узаконенія о полныхъ холопахъ.* Полными холопами Судебникъ 1550 г. признаетъ тѣхъ же, которые признаны таковыми и въ Судебникѣ 1497 г., т. е. по полной и по докладной грамотамъ, по сельскому ключу и тіунству, по рожденію, по браку, по духовной и по приданому. Но царскій Судебникъ вводитъ много новаго относительно полнаго холопства: по нему, во 1-хъ, дѣти, рожденныя до холопства родителей, признавались свободными; во 2-хъ, по тіунству и по сельскому ключу холопство признавалось только съ полною грамотою или докладною; въ 3-хъ, холопамъ не дозволялось продавать дѣтей своихъ, рожденныхъ до холопства; въ 4-хъ, при написаніи полной или докладной грамоты непремѣнно должны были находиться свидѣтели, а преимущественно близкіе родственники того, на кого писалась полная или докладная; въ 5-хъ, царскій Судебникъ требуетъ, чтобы отпускная холопу, писанная рукою господина его и подписанная дьякомъ, выдавалась только въ трехъ мѣстахъ: въ Москвѣ, въ Новгородѣ и въ Псковѣ; въ Москвѣ отпускная выдавалась боярами и дьяками приказовъ, управлявшихъ разными городами, а въ Новгородѣ и Псковѣ—тамошними намѣстниками; въ 6-хъ, ежели на одномъ холопѣ положатъ двѣ полныя или докладныя (т. е. если два господина заявятъ свои права на одного и того же холопа и представятъ крѣпости), то, по судебнику, холопъ признавался принадлежавшимъ тому, кто представилъ старшую полную или докладную, а чей документъ моложе, тотъ не только лишался холопа и денегъ, заплаченныхъ за него, но сверхъ того, если первый владѣлецъ холопа говорилъ, что холопъ убѣжалъ, обокравши его, то приговаривался еще къ платѣ всего того, что укралъ холопъ. Въ 7-хъ, царскій Судебникъ запрещаетъ принимать въ холопство служилыхъ боярскихъ дѣтей и ихъ дѣтей, не бывшихъ еще и въ службѣ, но не препятствуетъ принимать въ холопство отставленныхъ отъ службы боярскихъ дѣтей.

2) *Узаконенія о кабальныхъ холопяхъ.* Царскій Судебникъ различаетъ кабалу *заемную* отъ *служилой.* Служилыми холопями назывались тѣ, въ кабалѣ которыхъ прямо прописывалось, что они взяли у заимодавца столько-то денегъ, съ обязательствомъ служить ему за проценты; они по уплатѣ долга становились свободными, точно также какъ по Русской Правдѣ закупы, а по Псковской грамотѣ—серебряники. Это было de jure, а de facto они оставались несвободными до самой смерти своего заимодавца. Кабальные по заемной не обязывались служить заимодавцу; они считались полусвободными, а по уплатѣ долга дѣлались вполнѣ свободными. По царскому Судебнику во 1-хъ, не дозволялось писать кабалы на сумму свыше 15 рублей на

одного человѣка; во 2-хъ, служилая кабала считалась дѣйствительною только тогда, когда она скрѣплена боярской печатью и подписью дьяка; въ 3-хъ, кабалы дозволялось брать только на вольныхъ людей, а отнюдь не на холопей, а кто возьметъ кабалу съ холопа, тотъ не только лишается денегъ отданныхъ ему, но и обязывается уплатить господину холопа всѣ иски, если онъ покажетъ, что холопъ убѣжалъ, обокравши его; въ 4-хъ, если въ кабальной не прописывалось, что давшій ее обязанъ служить заимодавцу за проценты, то заимодавецъ не могъ держать его у себя въ услуженіи, а иначе, если бы заимодавецъ сталъ держать у себя такого кабальнаго, а кабальный, обокравши его, убѣжалъ бы, то заимодавецъ не имѣлъ права искать на немъ и лишался, какъ денегъ и процентовъ на кабальномъ, такъ и того, что онъ укралъ.

3) *Узаконенія о наймитахъ.* Первая статья царскаго Судебника о наймитахъ вполнѣ сходна съ подобною же статьею Судебника 1497 г. По этой статьѣ наймитъ, оставившій своего господина, не дослуживши срока или не исполнивши условной работы, лишался найма. Но царскій Судебникъ къ этому прибавляетъ, что ежели господинъ по окончаніи работы наймита не захочетъ заплатить ему условленной платы, а наймитъ уличитъ его въ этомъ, то хозяинъ обязанъ выдать ему двойную наемную плату.

II. **О поземельномъ владѣніи.** Царскій Судебникъ оставилъ неприкосновенными всѣ тѣ узаконенія о поземельномъ владѣніи, какія мы видѣли въ Судебникѣ 1497 г., и только прибавилъ одно важное узаконеніе о правѣ выкупа вотчинъ родственниками. Въ прежнемъ Судебникѣ также было узаконеніе о правѣ выкупа вотчинъ, но тамъ не были опредѣлены ни срокъ выкупа, ни условія его, въ царскомъ же Судебникѣ это установленіе приведено къ возможной ясности и опредѣленности — для выкупа вотчинъ родственниками назначается 40-лѣтній срокъ. Но чтобы обезпечить чѣмъ нибудь покупателей и во избѣжаніе различныхъ споровъ, царскій Судебникъ узаконяетъ: во 1-хъ, внучата и дѣти не имѣютъ права выкупать вотчинъ, проданныхъ ихъ дѣдомъ и отцомъ; право выкупа имѣютъ только родственники по боковой линіи родства; во 2-хъ, братья и племянники не имѣютъ права выкупа вотчины, когда они подписались свидѣтелями при совершеніи купчей на нее; въ 3-хъ, выкупать вотчину можно только за ту сумму, за которую она продана; въ 4-хъ, братья и племянники продавшаго вотчину не имѣютъ права выкупать ее, если она была у продавца не родовая, а купленная; въ 5-хъ, выкупившій вотчину въ законные 40 лѣтъ долженъ держать ее за собою и продавать ее можетъ тѣмъ только изъ своихъ родственниковъ, которые не подписывались свидѣтелями при первой продажѣ ея, но продавать ее въ чужой родъ онъ не можетъ, а иначе вотчина возвращается первому ея покупателю; въ 6-хъ, ежели кто выкупитъ вотчину на чужія деньги съ тѣмъ, чтобы держать ея на свое имя, и ежели объ этомъ узнаетъ первый покупатель вотчины, то она возвращается ему, а выкупившій лишается своихъ денегъ; въ 7-хъ, ежели кто хочетъ заложить свою вотчину стороннему человѣку мимо своихъ вотчичей, то этотъ можетъ принять ее въ залогъ, но только по той цѣнѣ, какой стоитъ вотчина, а не давать за нее болѣе чѣмъ стоитъ, въ противномъ

случаѣ при выкупѣ родственники заложившаго выкупали ее по настоящей цѣнѣ, а не по закладной; въ 8-хъ, ежели кто, при промѣнѣ родовой вотчины на вотчину у сторонняго человѣка, бралъ земли меньше, а за остальное получалъ деньги, то въ случаѣ выкупа родственники могли требовать всю вотчинную землю, не касаясь денегъ.

III. **О крестьянскомъ выходѣ.** Царскій Судебникъ назначаетъ для крестьянскаго выхода тотъ же срокъ, какой положенъ и въ Судебникѣ 1497 г., но онъ дѣлаетъ къ прежнимъ узаконеніямъ слѣдующія прибавленія: 1) онъ повышаетъ цѣну за пожилое на 2 алтына; 2) лѣсными мѣстностями онъ называетъ тѣ, отъ которыхъ до строеваго лѣса не болѣе 10 верстъ разстоянія; 3) узаконяетъ брать за пожилое съ воротъ, т. е. съ цѣлаго двора, а не съ каждаго строенія; 4) царскій Судебникъ прибавляетъ пошлины 2 алтына „за своз" (т. е. когда сбѣжалъ крестьянинъ съ земли) и говоритъ, что „другихъ пошлинъ нѣтъ", т. е. что господинъ по уплатѣ этихъ двухъ пошлинъ не могъ удерживать у себя крестьянина, хотя бы имѣлъ на немъ другіе какіе-либо иски. 5) Крестьянскій хлѣбъ, посѣянный на землѣ владѣльческой, оставался за крестьяниномъ, который могъ сжать его, по уходѣ съ земель владѣльца, въ свою пользу, а владѣльцу земли заплатить за это „боранъ въ два алтына". Относительно казенныхъ податей царскій Судебникъ узаконяетъ, что крестьянинъ долженъ платить подати только до тѣхъ поръ, пока у него есть рожь въ землѣ. По уходѣ съ земли владѣльца крестьянинъ прекращалъ всѣ свои обязательства относительно его. 6) Крестьянинъ съ земли во всякое время могъ продать себя въ холопство, для этого не полагалось никакого опредѣленнаго срока; хлѣбъ же, посѣянный имъ на землѣ владѣльца, оставался за нимъ, если только крестьянинъ оплачивалъ его казенною податью, а иначе онъ лишался посѣяннаго хлѣба въ пользу казны.

IV. **О займѣ.** Займы по царскому Судебнику, во 1-хъ, допускались съ кабалою и безъ кабалы; но въ случаѣ безкабальныхъ исковъ кредиторъ долженъ былъ представить свидѣтелей въ доказательство своего иска, а иначе такой искъ не допускался. Въ кабальной прописывалась какъ заемная сумма и проценты, такъ и срокъ платежа займа и процентовъ. Ежели же кредиторъ и должникъ захотятъ сдѣлать отсрочку по займу, то эта отсрочка непремѣнно должна быть сдѣлана съ боярскаго доклада и за подписью дьяка, а иначе она теряла свое значеніе; во 2-хъ, въ займахъ между купцами въ случаѣ несостоятельности должника царскій Судебникъ слѣдуетъ тѣмъ же правиламъ, какія узаконены въ Судебникѣ 1497 года, т. е. онъ дѣлитъ несостоятельныхъ купцовъ на несчастныхъ и виноватыхъ и опредѣляетъ, чтобы первымъ выдавалась *полѣтняя грамота*, по которой разсрочивалась уплата долга по годамъ и безъ процентовъ. Но къ этимъ правиламъ царскій Судебникъ прибавляетъ еще слѣдующія: 1) чтобы срокъ уплаты долга опредѣлялся въ полѣтней грамотѣ сообразно съ оставшимся капиталомъ должника. 2) Въ случаѣ утраты занятыхъ денегъ въ разбоѣ полѣтняя грамота не должна имѣть силы, когда разбойникъ будетъ пойманъ и съ него взыщутся отнятыя имъ деньги.

V. **О куплѣ.** Царскій Судебникъ требуетъ *во первыхъ*, чтобы при покупкѣ поношеннаго платья на торгу или въ лавкѣ покупатель бралъ поруку на продавцѣ, что это не краденое, и ежели кто купитъ безъ

поруки, то въ случаѣ иска тѣмъ и обвиняется, что купитъ безъ поруки. Во вторыхъ, царскій Судебникъ излагаетъ правила при покупкѣ и продажѣ лошадей. Эти правила слѣдующія: 1) при покупкѣ лошадей на Москвѣ и въ Московскомъ уѣздѣ клеймить ихъ на Москвѣ у государевыхъ пятенщиковъ, а пятенщикамъ записывать лошадей въ книги и брать за пятно пошлину по старинѣ. 2) При покупкѣ или мѣнѣ лошадей по городамъ и волостямъ пятнать лошадей у намѣстниковъ, или волостелей; записывать въ книги продаваемыхъ или промѣниваемыхъ лошадей земскому дьяку, а книги хранить у цѣловальниковъ, — а пятенщикамъ за пятно брать по деньгѣ съ купца и продавца, цѣловальнику же и дьяку въ предупрежденіе споровъ образчикъ клейма записывать въ книгу. 3) Ежели кто купитъ или промѣняетъ лошадь въ своей волости и въ тотъ же день не запишетъ ее въ книгѣ и не заклеймитъ, а въ томъ его уличатъ, то намѣстнику, или волостелю, и пятенщику взять съ него пропятенья 2 рубля. А ежели бы кто сталъ предъявлять свои права на лошадь, которую покупатель не заклеймилъ у пятенщика, и сталъ бы искать другихъ пропажъ при лошади, то покупатель, не заклеймившій лошади, признавался виновнымъ и не только лишался лошади, но и уплачивалъ весь искъ, предъявленный на него. 4) Боярскія дѣти точно также, какъ и прочіе жители, должны пятнать покупаемыхъ и промѣниваемыхъ лошадей; но во время военнаго похода они могутъ покупать лошадей и безъ клейменья, а въ случаѣ иска на купленную лошадь представляютъ только свидѣтелей 5 или 6 человѣкъ. 5) Если кто купитъ лошадь не въ своемъ присудѣ, т. е. не въ своемъ уѣздѣ или волости, то долженъ пятнать ее тамъ, гдѣ купилъ, а если приведетъ ее домой не пятненную, то долженъ платить пропятенье.

Всѣ эти правила были извѣстны на практикѣ еще гораздо ранѣе изданія царскаго Судебника, мы ихъ встрѣчаемъ въ разныхъ уставныхъ грамотахъ XIV и XV столѣтій. Царскій Судебникъ только далъ больше формъ и опредѣленій пятненью и предоставилъ его или царскому пятеньщику, или намѣстникамъ и волостелямъ, тогда какъ прежде право пятненья принадлежало нерѣдко частнымъ землевладѣльцамъ, монастырямъ и знатнымъ вотчинникамъ.

VI. **Законы о наслѣдствѣ** въ царскомъ Судебникѣ оставлены тѣ же, какіе были и въ Судебникѣ 1497 г., т. е. послѣ умершаго безъ завѣщанія наслѣдниками были сперва сыновья, потомъ дочери, а потомъ и другіе родственники, по степенямъ родства.

СТОГЛАВЪ. Стоглавъ былъ изданъ на Московскомъ Соборѣ 1551 г. Царь Иванъ Васильевичъ, издавши Судебникъ, т. е. узаконеніе относительно суда и управы въ дѣлахъ свѣтскихъ, вслѣдъ затѣмъ обратился и къ устройству церковныхъ дѣлъ. Съ этою цѣлью онъ созвалъ въ Москву соборъ духовныхъ властей и, представивши этому собору свой Судебникъ на утвержденіе, въ то же время предложилъ ему 37 вопросовъ, относящихся къ дѣламъ собственно церковнымъ и церковно-гражданскимъ, и просилъ, чтобы члены собора, по разрѣшеніи этихъ вопросовъ, на основаніи церковныхъ постановленій и гражданскихъ уставовъ, составили необходимыя узаконенія для руководства на предбудущее время, а также занялись бы разрѣшеніемъ другихъ вопросовъ, которые найдутъ нужными, для лучшаго гражданскаго устройства

церкви и для единообразнаго порядка въ церковныхъ дѣлахъ. Соборъ, созванный царемъ Иваномъ Васильевичемъ для утвержденія Судебника и для составленія новаго положенія о церковныхъ и церковно-гражданскихъ дѣлахъ, былъ открытъ 23 февраля 1551 года, въ царскихъ палатахъ, въ присутствіи самого царя и бояръ. Соборъ преимущественно состоялъ изъ духовныхъ лицъ; предсѣдателемъ его былъ митрополитъ Макарій, а между членами его были—3 архіепископа, 6 епископовъ и многіе архимандриты, игумены и другія значительныя духовныя лица. Источникомъ для своихъ рѣшеній Соборъ принялъ, во первыхъ, правила Апостольскія и правила святыхъ отцовъ, греческій Номоканонъ и правила прежнихъ русскихъ соборовъ, правила русскихъ митрополитовъ и другихъ русскихъ учителей церкви, въ особенности знаменитаго Іосифа Волоцкаго, митрополита Петра, Кипріана и другихъ русскихъ митрополитовъ; въ разрѣшеніи же тѣхъ вопросовъ, которые не были извѣстны прежде, Соборъ составилъ свои правила. Сборникъ правилъ, составленныхъ на Московскомъ Соборѣ 1551 г., извѣстенъ подъ именемъ Стоглава, потому что его узаконенія раздѣлены на 100 главъ. Вопросы, разобранные въ Стоглавѣ, по существу своему раздѣляются на чисто церковные и церковно-гражданскіе. Первые изъ нихъ разрѣшены частію на основаніи правилъ Апостольскихъ и отеческихъ, какъ греческихъ, такъ и русскихъ, а частію рѣшенія на нихъ были составлены самимъ соборомъ; вторые же—частію на основаніи греческихъ законовъ, находящихся въ Кормчей, частію по русскимъ древнимъ уставамъ, частію же представлены были на разрѣшеніе государя. До насъ касаются только церковно-гражданскія узаконенія Московскаго Собора 1551 г., поэтому мы разсмотримъ только ихъ, не касаясь узаконеній чисто церковныхъ. Церковно-гражданскія узаконенія Стоглава можно раздѣлить на слѣдующіе отдѣлы: 1) о святительскомъ судѣ и управленіи; 2) о поповскихъ старостахъ; 3) о священникахъ и причтѣ; 4) о монастыряхъ; 5) о монастырскихъ имѣніяхъ; 6) о писаніи святыхъ иконъ и книгъ; 7) объ училищахъ; 8) о дѣлахъ благотворительности; 9) о праздникахъ; 10) о прекращеніи разныхъ суевѣрій въ народѣ.

I. **О святительскомъ судѣ и управленіи.** Соборъ 1551 года требуетъ, 1) чтобы никто не вступался въ святительскій судъ, и въ подтвержденіе этого приводитъ, какъ греческія узаконенія о неприкосновенности суда святительскаго, такъ и русскія. Изъ послѣднихъ особенно ссылается на уставъ Св. Владимира и посланіе митрополита Кипріана въ Псковъ о святительскомъ судѣ. 2) Соборъ отмѣняетъ всѣ прежнія царскія грамоты, такъ называемыя судильныя, по которымъ разные архимандриты, игумены и попы освобождались отъ подсудности своему епископу, и подчиняетъ всѣхъ церковныхъ людей суду мѣстнаго епископа по всѣмъ дѣламъ, кромѣ татебныхъ (съ поличнымъ), разбойныхъ и душегубныхъ, подлежавшихъ свѣтскому суду. Если же духовнаго чину будутъ искать обидъ на мірскихъ людяхъ, то имъ взять у своего епископа судью духовнаго и съ ними судиться у мірского судьи по Судебнику. А ежели мірскіе люди будутъ чего искать на монастырскихъ слугахъ и крестьянахъ, то имъ судиться у государевыхъ бояръ, т. е. въ приказѣ Большого Дворца, который завѣдывалъ

всѣми дѣлами по монастырскимъ имуществамъ. 3) Московскій Соборъ дѣлитъ святительскій судъ на церковный и мірской. Церковному суду подлежали всѣ дѣла церковныя, или, какъ сказано въ Стоглавѣ, „грѣховныя“, какъ церковныхъ людей, такъ и свѣтскихъ. Судъ этотъ производилъ самъ святитель съ архимандритами и игуменами, по церковнымъ правиламъ, и къ нему не допускался никто изъ свѣтскихъ, за исключеніемъ истцовъ. Мірскому суду святителя подлежали всѣ гражданскія дѣла духовныхъ и другихъ лицъ подвѣдомственныхъ церкви, а также дѣла по духовнымъ завѣщаніямъ всѣхъ лицъ, какъ церковныхъ, такъ и свѣтскихъ. Первоначальное производство этихъ дѣлъ принадлежало святительскимъ боярамъ. Кромѣ бояръ на мірскомъ святительскомъ судѣ присутствовали: поповскіе старосты и пятидесятскіе священники, которые исправляли свои судейскія обязанности по-двое или по-трое понедѣльно, а также и городскіе старосты и цѣловальники и земскій дьякъ. Руководствомъ для этого суда служилъ Судебникъ. Въ тѣхъ городахъ и волостяхъ, гдѣ искони были установлены святительскіе десятильники, этотъ судъ принадлежалъ имъ.

Относительно управленія епископомъ своею епархіею Стоглавъ узаконяетъ: 1) чтобы каждый епископъ въ своей области избиралъ по городамъ и селеніямъ поповскихъ старостъ и десятскихъ священниковъ; для Москвы Стоглавъ назначаетъ 7 поповскихъ старостъ, а для другихъ городовъ—смотря по надобности. Поповскіе старосты обязаны были смотрѣть за церковнымъ порядкомъ и за поведеніемъ священниковъ и причта. А для надзора за поповскими старостами и для наблюденія за порядкомъ и правильностію священнослуженія, епископы должны были время отъ времени посылать довѣренныхъ соборныхъ священниковъ съ духовными поученіями причту и народу (которыя писались самими епископами). Сверхъ того епископы по Стоглаву должны были писать грамоты къ мѣстнымъ архимандритамъ, игуменамъ и протопопамъ, чтобы они также надзирали за поповскими старостами и причтами ихъ мѣстности. 2) Епископы, каждый въ своей области, должны наблюдать, чтобы мірскіе люди безъ нужды не строили новыхъ церквей, чтобы старыя церкви не оставались въ небреженіи, строители церквей не оставляли ихъ безъ содержанія и обезпечивали бы содержаніе причта. 3) Епископы должны наблюдать, чтобы затворники и пустынники не скитались по городамъ и селамъ, а если гдѣ отыщутся таковые, то отсылать ихъ въ монастыри и затворы; чтобы обители и пустыни учреждались съ разрѣшенія государя и благословенія епископа, и чтобы мелкіе скиты и пустыни, построенные безъ разрѣшенія, сносились въ одну пустынь, церкви же въ такихъ пустыняхъ уничтожать или приписывать къ монастырямъ и приходскимъ церквамъ, или обращать въ погосты и приходы, а монаховъ изъ нихъ переводить въ болѣе устроенные монастыри. 4) Архимандритовъ и игуменовъ епископы должны назначать по правиламъ церковнымъ и по прошенію монастырской братіи. Но одинъ архіерей не могъ назначать архимандритовъ и игуменовъ, а долженъ былъ докладывать объ ихъ назначеніи государю, потому что они назначались для управленія не одною монастырскою братіею, но и имуществами монастырскими, а эти имущества зависѣли отъ

государя. 5) Епископы своихъ бояръ и дьяковъ, уличенныхъ во взяткахъ три раза, сами отставляютъ отъ должности, лишаютъ помѣстій и отсылаютъ отъ себя, а не уличенныхъ во взяткахъ не могутъ отсылать безъ разрѣшенія государя. А у котораго епископа „изведутся", т. е. помрутъ бояре, или дворецкіе, или дьяки, то прибирать ихъ изъ тѣхъ же фамилій, а если не будетъ ихъ, то изъ другихъ фамилій, но не иначе какъ съ разрѣшенія государя.

II. **О поповскихъ старостахъ.** Поповскихъ старостъ избирали епископы, по своему усмотрѣнію, сколько для какого города нужно. Обязанности ихъ были слѣдующія: 1) поповскіе старосты, каждый въ своемъ вѣдомствѣ, должны были наблюдать за церковнымъ порядкомъ и благочиніемъ; они должны были наблюдать, чтобы священники во всѣхъ церквахъ, послѣ заутрени, читали народу поученія изъ „толковаго Евангелія", (такъ называется сборникъ поученій, написанныхъ на тексты всего Евангелія) поученія Іоанна Златоустаго, житія святыхъ и т. п. 2) Они должны были наблюдать, чтобы въ подвѣдомственныхъ имъ церквахъ иконы, священные сосуды, книги и другія принадлежности богослуженія были исправны и старое поновлялось. 3) Поповскимъ старостамъ вмѣнялось въ обязанность смотрѣть за поведеніемъ священниковъ и причта, а также осматривать — у всѣхъ ли подвѣдомственныхъ имъ священниковъ и дьяконовъ есть необходимые документы на право ихъ службы, какъ-то: ставленныя, благословенныя, отпускныя, переходныя и другія грамоты, а у кого не окажется этихъ документовъ, тѣмъ запрещать священнодѣйствовать и отсылать ихъ къ святителю. 4) Старосты завѣдывали сборомъ вѣнечныхъ пошлинъ отъ браковъ въ пользу епископа. Для этого они выбирали искусныхъ священниковъ „въ заказчики", которые смотрѣли, чтобы не было противузаконныхъ браковъ, выдавали такъ называемыя „знамена" (т. е. свидѣтельства о бракахъ) и завѣдывали вѣнечными пошлинами.

III. **О священникахъ и причтѣ.** Священники, дьяконы и весь причтъ: 1) по Стоглаву раздѣлены на ружныхъ и приходскихъ. Ружными назывались тѣ, которые служили при церквахъ, построенныхъ прихожанами, и содержались приходомъ. Ружные священники и дьяконы выбирались государевымъ намѣстникомъ, дворецкимъ, дьякомъ, или вообще тѣмъ лицомъ, отъ котораго зависѣла та мѣстность, къ которой принадлежала церковь, а приходскіе — самими прихожанами. 2) Избирать въ священники и дьяконы по Стоглаву должно было „людей искусныхъ и грамотѣ гораздыхъ и житіемъ честныхъ и непорочныхъ", и отнюдь не брать съ нихъ деньги за избраніе. Избраннаго для церковной службы приводили къ епископу, и если епископъ, по испытаніи, находилъ его достойнымъ, то посвящалъ и выдавалъ ему *ставленную грамоту*. При переходѣ священника или дьякона изъ одного прихода въ другой имъ выдавались отъ епископа *переходныя грамоты*. 3) Вдовые священники и дьяконы по Стоглаву лишаются права священнослуженія, если они не поступаютъ въ монастырь. Оставаясь при прежнихъ церквахъ, они уже не могли совершать таинствъ, а только исправляли различныя церковныя требы: молебны, панихиды и т. п. и за это пользовались четвертою частью доходовъ. На право этой службы они получали отъ епископа такъ называемыя „*благословен-*

ныя грамоты“: священники—„*эпитрахильныя*“, а дьяконы — „*орарьныя*“. Этотъ порядокъ существовалъ въ Россіи еще съ XIV вѣка, объ этомъ свидѣтельствуютъ правила Алексѣя митрополита; въ XVIII вѣкѣ онъ былъ измѣненъ.

IV. **О монастыряхъ.** По Стоглаву управленіе монастырями предоставлялось архимандритамъ, игуменамъ, настоятелямъ и строителямъ, которые должны были управлять вмѣстѣ съ соборными старцами по общему монастырскому уставу (т. е. по уставу Василія Великаго) и по уставу отценачальника или основателя монастыря. Монастырскіе настоятели, по Стоглаву, должны имѣть общую трапезу съ братьями, а не держать отдѣльной. Ни настоятели, ни соборные старцы не должны выходить изъ монастыря для житья въ монастырскихъ селахъ. Монастырскія села должны управляться мірскими слугами; монастырскую же казну и всякіе монастырскіе обиходы вѣдать государевымъ дворецкимъ. При смѣнѣ одного настоятеля другимъ, монастырская казна и все имущество монастырское сдавалось по книгамъ. Настоятель безъ соборныхъ старцевъ и безъ келаря или казначея никакихъ распоряженій по монастырю не имѣлъ права дѣлать. А по городамъ — настоятелямъ и старцамъ не ѣздить безъ царскаго и святительскаго повелѣнія, а по нужнымъ дѣламъ писать съ слугами къ святителю.

V. **О монастырскихъ и церковныхъ имѣніяхъ.** Относительно монастырскихъ и церковныхъ вотчинъ Соборъ 1551 года постановилъ: 1) монастырскія власти въ каждомъ монастырѣ должны строго обыскивать, кто давалъ какія вотчины монастырю и, обыскавши, должны записывать имена вкладчиковъ и ихъ родственниковъ для поминовенія въ дни ихъ памяти. 2) Тѣ вотчины, которыя даны монастырямъ и церквамъ „въ прокъ“, т. е. безъ выкупа и безъ права отчужденія, епископы и монастыри не должны продавать, закладывать, вообще отчуждать какимъ-либо образомъ, а кто изъ епископовъ и настоятелей дерзнетъ продавать тѣ вотчины, тотъ лишается сана. 3) Но ежели вкладчикъ въ своемъ завѣщаніи или другомъ какомъ актѣ напишетъ, что онъ отдаетъ вотчину монастырю или церкви до выкупа и назначитъ при этомъ и выкупную цѣну вотчины, то монастырскія власти и епископы не должны отказывать родственникамъ въ выкупѣ, если они принесутъ ту сумму, которая назначена вкладчикомъ. 4) По соборному приговору постановлено: епископамъ и монастырямъ новыхъ монастырскихъ и святительскихъ слободъ въ городахъ не учреждать, а ежели учредятъ, то этимъ слободамъ тянуть во всякое городское тягло и судиться городскимъ судомъ; старыя же слободы во всѣхъ городахъ держать и судить во всѣхъ дѣлахъ по старинѣ. 5) Соборъ запрещаетъ епископамъ и монастырямъ отдавать деньги въ ростъ, а хлѣбъ „въ присыпъ“, а повелѣваетъ эти деньги и хлѣбъ употреблять на вспомоществованіе монастырскимъ крестьянамъ; хлѣбъ и деньги выдавать имъ за поруками и безъ процентовъ. Это постановленіе исполнялось во многихъ отношеніяхъ довольно точно, и вслѣдствіе этого крестьяне въ монастырскихъ и епископскихъ вотчинахъ, по свидѣтельству современниковъ, были самые богатые изъ всѣхъ вотчинныхъ селъ.

VI. **О писаніи святыхъ иконъ и книгъ.** 1) Относительно книгъ Соборъ 1551 г. по царскому предложенію постановилъ, чтобы въ церквахъ всѣ богослужебныя книги были исправлены. Наблюдать за исправностію книгъ Соборъ поручилъ поповскимъ старостамъ, которые должны были осматривать и исправлять книги и наблюдать за писцами, чтобы они списывали книги исправно съ вѣрныхъ образцовъ, и только правильно списанныя книги могли продавать. Продажу же книгъ, списанныхъ неисправно, поповскіе старосты должны были запрещать. 2) Относительно иконописи Соборъ постановилъ: писать иконы съ древнихъ переводовъ и образцовъ, какъ писали древніе греческіе иконописцы, и какъ писалъ Андрей Рублевъ и другіе пресловутые русскіе иконописцы. А чтобы сообщить болѣе правильности иконописному дѣлу, Соборъ постановилъ: избирать лучшихъ людей по своему мастерству и доброй жизни, и объявлять ихъ иконописными мастерами, дать имъ разныя привиллегіи и дать имъ учениковъ, чтобы они учили ихъ, а по выученіи — представляли къ мѣстнымъ епископамъ. Если епископъ находилъ работу учениковъ удовлетворительною и согласною съ церковными подлинниками, а поведеніе ихъ незазорнымъ, то объявлялъ ихъ мастерами, которымъ предоставлялось право писать иконы; а ежели работа учениковъ оказывалась неудовлетворительною, несогласною съ древними греческими образцами, то епископъ запрещалъ имъ писать иконы и приказывалъ имъ заниматься другимъ какимъ-либо мастерствомъ. Лучшихъ иконописныхъ мастеровъ епископы должны были назначать начальниками надъ другими мастерами и поручать имъ смотрѣть, какъ за работами мастеровъ, такъ и за поведеніемъ ихъ. А чтобы возвысить званіе иконописныхъ мастеровъ и тѣмъ болѣе пріохотить къ нему лучшихъ людей, Соборъ предписалъ, чтобы архіереи и весь народъ воздавали иконописцамъ почетъ *„паче простыхъ людей“*, какъ церковнымъ служителямъ.

VII. **Объ училищахъ.** По царскому предложенію Соборъ постановилъ— завести училища по всѣмъ городамъ и поручить это дѣло духовенству. По соборному приговору въ Москвѣ и другихъ городахъ протопопы, священники, дьяконы и всѣ духовные должны были избирать, по благословенію святителя, изъ среды своей добрыхъ священниковъ, дьяконовъ и дьяковъ, способныхъ учить грамотѣ; кромѣ грамоты требовалось, чтобы они учили церковному пѣнію и письму. Въ домахъ своихъ эти, способные учить, должны были устроивать училища. Въ эти училища, священники, дьяконы и всѣ православные христіане должны были отдавать дѣтей своихъ въ наученіе церковному пѣнію, чтенію и письму. Священники, дьяконы и дьяки, избранные въ учителя, должны научать своихъ учениковъ страху Божію, читать, пѣть со всякимъ духовнымъ наказаніемъ, а въ особенности они должны были хранить чистоту нравовъ въ своихъ ученикахъ, учили бы ихъ столько, сколько сами умѣли, и силу писанія раскрывали бы, ничего не укрывая, чтобы ученики могли понимать всѣ книги.

VIII. **О благотворительности.** Соборъ 1551 года дѣлитъ дѣла благотворительности на нѣсколько видовъ: 1) первый родъ благотворительности, на который Соборъ прежде всего обратилъ вниманіе — это благотворительность къ церкви. По опредѣленію Собора святители должны были смотрѣть, чтобы церкви не оставались въ запустѣніи и

безъ службы, а если гдѣ окажутся церкви бѣдныя, то озаботиться удержать тутъ священниковъ и причтъ, и для этого давать имъ разныя льготы и привиллегіи, освобождать на нѣкоторое время отъ разныхъ даней и пошлинъ и надѣлять ихъ землями и пашнями. За исключеніемъ немногихъ привиллегированныхъ, тогда всѣ церкви платили всѣ подати и пошлины епископу; отсюда дѣленіе тогдашнихъ церквей на тяглыя и нетяглыя. 2) Соборъ обратилъ вниманіе на скитающихся по городамъ и селамъ чернецовъ и черницъ. Онъ требуетъ, чтобы святители, каждый въ своей области, брали такихъ людей, записывали ихъ и отсылали въ монастыри. Въ монастыряхъ здоровыхъ изъ нихъ отдавать подъ строгій началъ и назначать имъ работы, къ какимъ кто способенъ, а для старыхъ и больныхъ устроивать больницы при монастыряхъ, снабжать ихъ содержаніемъ и пищею и строго смотрѣть за ихъ поведеніемъ, а на содержаніе ихъ государю и святителямъ дѣлать вклады изъ своей казны. 3) Соборъ обращаетъ вниманіе на плѣнниковъ; онъ требуетъ, чтобы русскихъ плѣнниковъ, приводимыхъ гостями въ Москву и другіе города, выкупать на счетъ царской казны. Для этого Соборъ постановилъ, чтобы государь наложилъ на народъ, по сохамъ, особую подать, которая была извѣстна подъ именемъ „полоняничныхъ денегъ". 4) Относительно нищихъ вообще Соборъ постановилъ, чтобы государь строго запретилъ возить по городамъ и селамъ и класть на улицахъ, для мірского подаянія; больныхъ, калѣкъ и т. п. и приказалъ бы по всѣмъ городамъ записывать ихъ въ особыя книги и устраивать для нихъ богадѣльни мужскія и женскія, а въ богадѣльняхъ кормить и одѣвать ихъ на счетъ подаяній боголюбцевъ, а ходить за ними приставить изъ нищихъ же здоровыхъ мужчинъ и женщинъ. Надзоръ за таковыми богадѣльнями былъ предоставленъ выборнымъ священникамъ и особымъ цѣловальникамъ изъ лучшихъ городскихъ людей. 5) Соборъ обратилъ вниманіе на тѣхъ странниковъ, которые ходили по городамъ и селамъ съ иконами и для сбора подаянія на построеніе церквей, и строго запретилъ ходить по городамъ и селамъ таковымъ странникамъ. А если кто и послѣ этого запрещенія ходилъ съ иконами и просилъ на построеніе церквей, тѣхъ, по опредѣленію Собора, должно было выгонять вонъ изъ города или селенія бичами, а иконы у нихъ отбирать и ставить въ церкви.

IX. **О праздникахъ.** Къ праздникамъ, или, по нынѣшнему, табельнымъ днямъ, Соборъ причисляетъ: семь дней до Свѣтлаго Воскресенья и семь дней послѣ Свѣтлаго Воскресенья, т. е. страстную и пасхальную недѣли, день Рождества Христова, день Богоявленья, день свв. апостолъ Петра и Павла и каждый воскресный день въ недѣлѣ. Въ эти дни, по опредѣленію Собора, „суды не судятся, людской долгъ не истязуется, позорища не творятся". Если въ какой-либо изъ этихъ дней случался день рожденія государя, или кого-либо изъ его семейства, то всѣ позорища, назначаемыя въ этотъ день, откладывались до другого дня.

X. **О суевѣріяхъ.** На этотъ предметъ обратилъ вниманіе самъ государь. Онъ въ своей рѣчи къ Собору предложилъ нѣсколько вопросовъ касательно нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обычаевъ и просилъ, чтобы церковь взяла на себя обязанность прекратить эти суевѣрія. Соборъ

раздѣлилъ всѣ суевѣрія, указанныя царемъ, на три разряда, изъ которыхъ къ 1-му отнесъ тѣ, которыя должны быть уничтожаемы одною церковію, ко 2-му тѣ, преслѣдованіе которыхъ поручалось церкви вмѣстѣ съ государемъ, а къ 3-му тѣ, которыхъ преслѣдованіе предоставлялось одному государю, безъ участія церкви.

I-й разрядъ суевѣрій. Къ нему Соборъ отнесъ: 1) *неприличный обычай на свадьбахъ*, состоявшій въ томъ, что „когда священникъ поведетъ съ крестомъ жениха и невѣсту въ церковь, то ихъ сопровождаютъ глумотворцы, органщики, гусельники и смѣхотворцы, которые поютъ разныя бѣсовскія пѣсни, пляшутъ и творятъ разныя безчинства, а священники имъ не запрещаютъ". Соборъ опредѣлилъ, чтобы священники отнюдь не допускали такого безчинства. 2) Царь замѣтилъ Собору, что „въ Троицкую Субботу по селамъ и погостамъ мужчины и женщины сходятся на кладбища для *поминовенія умершихъ*, причемъ сперва плачутъ съ великимъ воплемъ, а потомъ, заставивши скомороховъ играть разныя бѣсовскія игры, начинаютъ скакать, бить въ ладоши и пѣть сатанинскія пѣсни". Соборъ, для прекращенія этихъ безпорядковъ, предписалъ священникамъ, чтобы они удаляли скомороховъ съ кладбища, а прихожанъ своихъ учили поминать умершихъ родственниковъ молитвами и милостынею, а не пѣснями. 3) Государь поставилъ на видъ Собору, „что въ народѣ многіе держатся бѣсовскаго обычая: въ русальную субботу (т. е. въ субботу всѣхъ святыхъ), на Ивановъ день, въ навечеріе Рождества Христова и Богоявленія мужчины, женщины и дѣвицы сходятся *на ночныя пляски и игры и пѣсни*, которыя продолжаются до заутрени, а иные даже на Пасху или на Радуницу (вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ—Новьскій праздникъ) чинятъ разныя бѣсовскія дѣла; обычаи эти: *откличь, вьюница*; также *радуница* и другія бѣсовскія заповѣданныя язычествомъ, а также въ великій четвергъ *палятъ солому* и *кличутъ* по утру *мертвецовъ*, а невѣжественные священники берутъ приносимую имъ *соль и кладутъ ее подъ престолъ* и держатъ ее тамъ отъ Свѣтлаго Воскресенія до седьмого послѣ Пасхи четверга". Для прекращенія этихъ безпорядковъ Соборъ опредѣлилъ, чтобы епископы, каждый въ своей области, разсылали по городамъ и селамъ грамоты съ поученіями и внушали бы священникамъ, чтобы строго смотрѣли за прихожанами — не слѣдовать оставшимся отъ язычества обычаямъ, а сами не клали бы соли подъ престолъ; а если кто изъ священниковъ будетъ что подобное дѣлать, тѣхъ лишать сана. 4) Царь жаловался Собору, „что суевѣрный народъ въ первый понедѣльникъ послѣ Петрова поста ходитъ *вить вѣнки и пѣть пѣсни* по языческому обычаю". Соборъ на жалобу царя отвѣтилъ запрещеніемъ этого обычая.

II-й разрядъ суевѣрій, преслѣдованіе которыхъ должно быть предоставлено церкви и государю; къ нимъ соборъ отнесъ: 1) „обычай передъ судебнымъ поединкомъ *совѣтываться съ волхвами и чародѣями*, которые прельщаютъ народъ разными еретическими хитростями, предлагаютъ поединщикамъ свои кудесническія пособія и по Аристотелевымъ Вратамъ и Рафлямъ и звѣздамъ, показывающимъ счастливые и несчастливые часы, прельщаютъ людей, вслѣдствіе чего ябедники, надѣясь на кудесничество, не мирятся, выходятъ на бой и побиваются, — отчего умножается ябедничество". Соборъ возложилъ на госу-

царя обязанность издать указъ, чтобы не было волхвовъ, чародѣевъ и кудесниковъ, а если и послѣ указа окажутся таковые, то на нихъ налагать государеву опалу. Церковь же съ своей стороны должна была учить христіанъ, чтобы они не вѣрили волхвамъ и чародѣямъ и не слушались ихъ; тѣхъ же, которые не послѣдуютъ этимъ внушеніямъ, положено было отлучать отъ церкви и проклинать. 2) Царь замѣтилъ, что въ Псковѣ мужчины и женщины, чернцы и черницы *моются вмѣстѣ въ баняхъ*, и соборъ на это замѣчаніе опредѣлилъ, что государь долженъ запретить мужчинамъ и женщинамъ мыться въ баняхъ вмѣстѣ, а что касается до чернецовъ и черницъ, то церковь брала на себя принять мѣры къ прекращенію между ними разныхъ безнравственныхъ обычаевъ. [1]) 3) Царь спрашивалъ соборнаго мнѣнія о тѣхъ людяхъ, которые знаютъ разныя еретическія хитрости: *Рафли*, *Воронограй*, *Шестокрылъ*, *Астрономію*, *Зодію*, *Альманахъ*, *Звѣздочетъ*, *Аристотелевы Врата* и иные составы и мудрости еретическія и кобы бѣсовскія и ими прельщаютъ людей и отъ Бога отлучаютъ". Соборъ рѣшилъ относительно людей, занимающихся еретическими мудростями, такъ: онъ предложилъ государю назначить таковымъ по мірскимъ законамъ казнь, а епископамъ предписалъ преслѣдовать ихъ церковнымъ отлученіемъ и проклятіемъ. 4) Соборъ, на основаніи церковныхъ правилъ, опредѣлилъ отлучать отъ церкви тѣхъ христіанъ, которые будутъ слѣдовать эллинскимъ обычаямъ: „призывать волхвовъ, плескать и плясать подъ бочками, призывать духовъ надъ корчагами, вѣровать въ получаи, т. е. въ роженицу, въ обавниковъ, кобниковъ, волховать въ мартѣ мѣсяцѣ и при зарожденіи каждаго мѣсяца раскладывать огни въ воротахъ своихъ домовъ и передъ торговищами и, волхвуя, съ женами и дѣтьми проходить сквозь тотъ огонь. Соборъ опредѣлилъ просить государя, чтобы онъ указалъ по всѣмъ городамъ не чинить эллинскихъ бѣсовскихъ игръ и плясаній, а священникамъ предписалъ убѣждать народъ оставить народныя игры и обычаи.

III-й разрядъ суевѣрій, преслѣдованіе которыхъ возложено было на одного государя, былъ слѣдующій: 1) „Что по дальнимъ городамъ и селамъ скоморохи ходятъ большими ватагами человѣкъ по 60, по 70 и по 100 и въ деревняхъ у крестьянъ сильно пьютъ и ѣдятъ, подламываютъ клѣти и по дорогамъ разбиваютъ". 2) „Что боярскія дѣти и всякіе бражники зернью играютъ и пропиваются, службы не служатъ, ни промыслами не занимаются и отъ нихъ всякое зло чинится: крадутъ и разбиваютъ и души губятъ". 3) „Что по селамъ, погостамъ ходятъ лживые пророки мужчины и женщины, дѣвки и старухи нагія и босыя, распустя длинные волосы, трясутся и убиваются, говоря, что имъ явилась св. Пятница Анастасія и велѣла имъ заповѣдать христіанамъ, чтобы по средамъ и пятницамъ не дѣлали ручного дѣла и платья не мыли и т. п." Соборъ просилъ объ уничтоженіи этихъ безпорядковъ самого царя, чтобы онъ самъ принялъ мѣры противъ скомороховъ, противъ игры въ зернь и противъ лживыхъ пророковъ. По предложенію царя Соборъ имѣлъ право взять на себя уничтоженіе

---

[1]) Этотъ обычай былъ заимствованъ у Нѣмцевъ, сосѣдей Псковитянъ; еще въ настоящее время мы встрѣчаемъ его въ Прибалтійскомъ краѣ.

всѣхъ этихъ безчинствъ и ввести порядокъ въ жизнь мірянъ. Вѣроятно Иванъ Васильевичъ сдѣлалъ это предложеніе духовенству потому, что на западѣ эти дѣла находятся въ церковномъ вѣдѣніи. Но наше духовенство отклонило отъ себя вѣдѣніе дѣлами мірянъ, оно опредѣлило надъ нимъ только духовный надзоръ.

Уставъ о разбойныхъ и татебныхъ дѣлахъ. Начало этого устава относится къ царствованію Ивана Васильевича, но онъ былъ постоянно пополняемъ въ послѣдующія царствованія, и въ концѣ настоящаго періода состоялъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) объ управленіи и судопроизводствѣ по разбойнымъ дѣламъ; 2) о порядкѣ судопроизводства по разбойнымъ дѣламъ; 3) о наказаніяхъ за уголовныя преступленія; и 4) объ удовлетвореніи обиженнаго.

I. *Управленіе и судопроизводство.* Главное управленіе по разбойнымъ и татебнымъ дѣламъ принадлежало особому центральному вѣдомству, такъ называемому Разбойному Приказу, который назначалъ всѣхъ судей по разбойнымъ дѣламъ и дѣлалъ всѣ распоряженія относительно суда по этимъ дѣламъ; мѣстное же завѣдываніе разбойныхъ дѣлъ принадлежало выборнымъ губнымъ старостамъ. Относительно губныхъ старостъ уставъ требуетъ: 1) Чтобы губные старосты по городамъ были выборные отъ всякихъ людей, т. е. отъ всѣхъ классовъ. 2) Губнымъ цѣловальникамъ съ губными старостами у дѣла быть выборнымъ отъ сошныхъ только людей. 3) Губнымъ дьякамъ у дѣла быть по выбору всякихъ людей. 4) Въ губной избѣ и при тюрьмахъ сторожамъ быть у дѣла по выбору отъ сошныхъ людей и за круговою порукою ихъ. 5) Губнымъ старостамъ, цѣловальникамъ и дьякамъ безъ крестнаго цѣлованія у дѣла не быть. 6) Судомъ губнымъ старостамъ, цѣловальникамъ и дьякамъ вѣдаться въ Разбойномъ Приказѣ. 7) Ежели истецъ будетъ бить челомъ на губнаго старосту въ его недружествѣ къ нему или въ томъ, что его противникъ родственникъ губному старостѣ, то при дѣлѣ его быть еще губному старостѣ изъ другого города. 8) Губнымъ старостамъ въ городахъ и въ губахъ вмѣнялось въ обязанность каждогодно сзывать обывателей или ѣздить къ нимъ и спрашивать,—не знаютъ ли они какого татя или разбойника, или чего либо про разбой, чтобы такимъ образомъ нигдѣ не было притона для лихихъ людей. 9) Если же обыскные люди скажутъ, что у нихъ татей и разбойниковъ нѣтъ, а послѣ у нихъ найдутся тати или разбойники, то съ обыскныхъ людей брать „выти“ въ пользу обиженныхъ, а 2 или 3-хъ лучшихъ людей изъ обыскныхъ бить кнутомъ. Ежели въ какой либо общинѣ пойманъ будетъ тать или разбойникъ, а та община не ловила его, не представляла въ судъ и не объявляла, то на ней взыскивать выти въ истцовъ искъ и настрого приказать ей, чтобы впередъ не укрывала татей и разбойниковъ.

II. *Порядокъ судопроизводства по разбойнымъ дѣламъ.* Разбойный Уставъ говоритъ: 1) Что разбойниковъ и воровъ (лихихъ людей) должно брать подъ арестъ, а дворы ихъ, имѣніе и хлѣбъ молоченный опечатывать, а хлѣбъ, стоящій еще въ полѣ, на корню, описывать и все это отдавать подъ сохраненіе обществу до тѣхъ поръ, пока не окончится судъ, самихъ же ихъ подвергать пыткѣ. 2) Ежели на которыхъ людяхъ будутъ искать въ разбоѣ и татьбѣ, но безъ поличнаго, и ежели истецъ, для подтвержденія своего иска, не можетъ пред-

ставить другихъ доказательствъ, кромѣ поля и крестнаго цѣлованія, то о такихъ людяхъ дѣлать повальный обыскъ; а если на обыскѣ скажутъ, что они лихіе люди, но „лиха ихъ не укажутъ“; то ихъ пытать, и если повинятся съ пытки, то сажать ихъ въ тюрьму до государева указа, а имѣніе ихъ опечатать. Такой порядокъ существовалъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ. Но при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ онъ измѣнился, именно при немъ было постановлено—такихъ людей отсылать въ Судный приказъ (т. е. въ гражданскій судъ), и когда въ Судномъ Приказѣ дойдетъ дѣло до пытокъ, то отсылать въ Разбойный Приказъ. 3) Ежели приведутъ какого человѣка съ поличнымъ, а поличное у него вынутъ съ приставомъ и понятыми, и онъ поличнаго не отведетъ, то его пытать, а потомъ, смотря по тому, что онъ скажетъ на пыткѣ, казнить его или сажать въ тюрьму—„указъ чинить, до чего доведется“, сказано въ уставѣ. А ежели кого истцы приведутъ съ поличнымъ, взятымъ у него безъ пристава и понятыхъ, а онъ будетъ говорить, что у него поличнаго не было, то по немъ дѣлать обыскъ и „по обыску чинить указъ“. Точно также, если кто не даетъ истцу, пришедшему съ приставомъ и понятыми, взять у него поличное, или отниметъ поличное у истца, то по такомъ дѣлать обыскъ и „по обыску чинить указъ“. 4) Ежели тать или разбойникъ съ пытки оговоритъ кого изъ своихъ товарищей, то ихъ брать подъ арестъ, переписавши и запечатавши ихъ имѣніе, и дѣлать имъ очную ставку съ языкомъ (т. е. съ тѣмъ, кто оговоритъ ихъ) и ежели послѣ очной ставки оговорившій будетъ стоять на своемъ, а оговоренный будетъ просить объ обыскѣ, то сдѣлать по немъ большой обыскъ. Если на обыскѣ оговореннаго называли лихимъ человѣкомъ, то его казнили вмѣстѣ съ тѣмъ, кто оговорилъ его; а ежели его одобряли, то онъ отдавался „на чистыя поруки“, съ записью и ему возвращалось все его имѣніе. А ежели воръ оговорилъ бродячаго человѣка, вольнаго, который скажетъ, что его никто не знаетъ, то его пытать, и если съ пытки повинится, то казнить смертью, а не повинится—отдать на поруки; а если не будетъ по немъ порукъ, то посадить въ тюрьму до тѣхъ поръ, пока найдутся поруки. Если оговореннаго человѣка при обыскѣ одна половина обыскныхъ людей одобритъ, а другая назоветъ лихимъ человѣкомъ, то его отдавать на поруки тѣмъ обыскнымъ людямъ, которые его одобрили. А ежели большая половина обыскныхъ людей назоветъ оговореннаго лихимъ человѣкомъ, или скажетъ, что не знаетъ его, то такого пытать накрѣпко, а потомъ посадить въ тюрьму до смерти, а имѣніе его отдавать въ выть. 5) Ежели воръ или разбойникъ оговоритъ въ воровствѣ или разбоѣ слугъ и дворниковъ, принадлежащихъ дворянамъ, или приказнымъ людямъ, и ежели дворяне, или приказные люди, скажутъ, что у нихъ таковые слуги есть, а въ судъ ихъ не представятъ, то съ нихъ самихъ брать поручную запись въ томъ, что представятъ своихъ оговоренныхъ слугъ на очную ставку въ судъ. А ежели будутъ оговорены въ татьбѣ, или разбоѣ, сами дворяне и приказные люди вмѣстѣ съ ихъ слугами и крестьянами, то ихъ брать, опечатавши ихъ дворы, и дѣлать имъ очную ставку „съ языкомъ“, а послѣ очной ставки пытать сперва слугъ и крестьянъ, а если эти съ пытокъ скажутъ на своихъ господъ, то пытать и господъ. А ежели дворяне, или приказные люди, кого

либо изъ своихъ людей приведутъ въ судъ и оговорятъ ихъ въ разбоѣ, или воровствѣ, или подводѣ, то такихъ людей разспрашивать и пытать безъ обыска и „чинить указъ кто до чего доведется“.

III. *О наказаніяхъ преступниковъ.* По разбойному Уставу назначены слѣдующія наказанія уголовнымъ преступникамъ: 1) татя за первую татьбу наказывать кнутомъ и отдавать на поруки, а если по немъ нѣтъ порукъ, то сажать въ тюрьму; за вторую татьбу — бить кнутомъ, отсѣчь руку и покинуть; за третью и четвертую татьбу — казнить смертію; за первую церковную татьбу татя казнить смертію. 2) Разбойника, повинившагося въ разбоѣ, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ наказывали смертію, а не повинившагося заключали въ тюрьму, до самой смерти его.—Но при Борисѣ Ѳеодоровичѣ относительно разбойниковъ было сдѣлано слѣдующее измѣненіе: если разбойники съ пытокъ скажутъ, что участвовали въ одномъ разбоѣ, а въ томъ разбоѣ было убійство, или поджогъ дворовый или хлѣбный, то ихъ казнить смертію; и ежели разбойники скажутъ, что участвовали въ трехъ разбояхъ, и въ тѣхъ разбояхъ не было убійства или поджога, то ихъ также казнить смертію; а ежели разбойники сознаются въ одномъ или въ двухъ разбояхъ, но такихъ, которые не сопровождались убійствомъ или поджогомъ, то ихъ сажать въ тюрьму до тѣхъ поръ, пока укажетъ государь. 3) Обвиненные въ притонодержательствѣ татей и разбойниковъ подвергаются тому же наказанію, какому и тати съ разбойниками; той же казни подвергаются и тѣ, которыхъ уличатъ въ пособничествѣ ворамъ и разбойникамъ. Если кого тати или разбойники оговорятъ съ пытокъ, что они отдавали ему на сбереженіе татебное или разбойное, или продали ему татебное и разбойное завѣдомо, то поклажи или покупки на таковыхъ доправлять сполна и сверхъ того, брать выти на истца, а самихъ отдавать на поруки, или же сажать въ тюрьму, если по нихъ не будетъ порукъ; а ежели о комъ тати или разбойники скажутъ, что отдавали имъ поклажи или продавали татебное и разбойное, но не завѣдомо, то таковыя поклажи и покупки брать съ нихъ сполна, выти же брать съ нихъ только въ покупкахъ, чтобы не покупали безъ порукъ, а въ поклажѣ вытей не брать.

IV. *Объ удовлетвореніи истцовъ по разбойнымъ и татебнымъ дѣламъ.* Въ этомъ отдѣлѣ говорится: 1) ежели разбойникъ съ пытки повинится, что онъ и его товарищи ограбили истца и взяли его имѣніе, но что это имѣніе они уже растратили, то истцу давать только половину того, что онъ покажетъ (предполагалось, что истецъ непремѣнно увеличитъ количество разграбленнаго у него), и это доправлять изъ имѣнія разбойника, а чего не хватитъ, то изъ имѣнія соучастниковъ разбойника. Это по закону царя Ивана Васильевича; а при Ѳеодорѣ Ивановичѣ полагалось брать истцу изъ имѣнія разбойника только то, въ чемъ онъ самъ повинится съ пытки, а больше того не брать. 2) Ежели разбойникъ и его товарищи съ пытки повинятся, что грабили, а сколько награбили не упомянутъ, то истцу выдавать только четверть того, что онъ покажетъ. А ежели разбойникъ съ пытки скажетъ, сколько онъ взялъ именно, а остальное не упомнитъ, то, въ чемъ разбойникъ винится именно—брать истцу сполна, а за остальное, чего разбойникъ не упомнитъ, брать только четверть. 3)

Ежели, по удовлетвореніи истцовъ, у разбойника останется что либо изъ его имѣнія, то это продать „на государя"; а ежели изъ разбойничьихъ животовъ чего не достанетъ на удовлетвореніе истца, того истцу не давать изъ чужихъ животовъ и на вытчиковъ не разводить.

Послѣдніе годы XVI столѣтія ознаменовались двумя весьма важными узаконеніями, много способствовавшими паденію русскаго общества въ послѣдующія столѣтія. Эти узаконенія: 1) указъ о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ и 2) указъ о холопяхъ.

Указъ о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ не дошелъ до насъ ни въ копіи, ни въ подлинникѣ, но судя по указаніямъ другихъ памятниковъ, онъ былъ изданъ въ 1591 году. По этому указу всѣ крестьяне, состоявшіе въ тяглѣ, потеряли прежнее право свободнаго перехода съ одной земли на другую и навсегда были прикрѣплены къ той землѣ, на которой ихъ засталъ указъ, безъ различія — была ли это дворцовая земля, или черная, или монастырская, вотчинная или помѣстная,—все равно. Собственно это еще не было порабощеніе крестьянъ, и это было сдѣлано, собственно, въ интересахъ казны, именно, для болѣе правильнаго сбора податей, но тѣмъ не менѣе съ изданія указа въ 1591 г. крестьяне, переходившіе отъ одного владѣльца къ другому, стали называться уже *бѣглыми* и прежній владѣлецъ получилъ право отыскивать бѣглыхъ крестьянъ и возвращать на свои земли, точно также, какъ прежде владѣльцы отыскивали своихъ рабовъ. Впрочемъ, въ силу указа 1591 г. крестьяне еще не были сравнены съ рабами; они еще были полноправными членами общины и сдѣлались только безсмѣнными жильцами занятой ими земли, они сдѣлались крѣпкими не владѣльцу, а только землѣ. Такимъ образомъ, со времени изданія указа 1591 г. право крестьянина жить на той или другой землѣ уже не зависѣло отъ частныхъ гражданскихъ сдѣлокъ его съ землевладѣльцемъ, но обратилось въ государственную повинность, какъ для землевладѣльца, такъ и для крестьянина, такъ что и самое надѣленіе крестьянина землею уже не зависѣло отъ землевладѣльца, а опредѣлялось закономъ. Но это первое узаконеніе о прикрѣпленіи крестьянъ, еще не касающееся личности крестьянина, а только отношеній его къ государству, мало по малу, въ слѣдующемъ періодѣ было измѣняемо и въ XVIII столѣтіи крестьяне сдѣлались уже полными рабами своихъ господъ.

Указъ о холопахъ былъ изданъ въ 1597 году. По нему всѣ кабальные холопы, въ прежнее время полусвободные люди, были почти сравнены съ полными холопами или рабами. По закону 1597 г. всѣхъ кабальныхъ холоповъ велѣно было записывать въ холопьи книги и считать прикрѣпленными къ личности господина, точно такъ же какъ крестьяне считались прикрѣпленными къ землѣ. Вслѣдствіе этого крѣпости и кабалы холопьи дозволено было совершать во всѣхъ городахъ и записывать въ городскія крѣпостныя книги. По новому закону вся разница между полными и кабальными холопами состояла только въ томъ, что кабальные были крѣпки своему господину только до смерти его, и господинъ не могъ ни продать кабальнаго, ни заложить, ни отдать его въ приданое, или по завѣщанію. Узаконеніе о кабальныхъ холопахъ было особенно тяжело для вольныхъ людей. Въ силу этого новаго узаконенія всѣ вольные люди, которые нанялись на опредѣ-

ленный срокъ, хотя бы на полгода, въ службу къ какому нибудь господину, по окончаніи срока своей службы уже не могли отойти отъ господина, а дѣлались крѣпкими ему, и на нихъ выдавались кабалы. Впрочемъ, въ такомъ видѣ законъ о холопахъ просуществовалъ не долго.

Узаконенія о вотчинахъ и помѣстьяхъ. По изданію царскаго Судебника вотчины и помѣстья въ Московскомъ государствѣ начали постепенно сливаться, т. е. вотчины, мало по малу, стали принимать характеръ помѣстій, а помѣстья характеръ вотчинъ. Причиною этого было то, что на вотчины стали налагаться разныя службы чисто государственнаго характера и они, такимъ образомъ, стали постепенно терять характеръ частной собственности, и на оборотъ, помѣстья стали принимать характеръ частный, но въ то же время съ нихъ не были сложены—всѣ прежнія службы и повинности. Это слитіе вотчинъ съ помѣстьями постепенно все увеличивалось и къ концу царствованія Анны Іоанновны они слились до того, что между ними не стало никакой разницы и названія: помѣстья и вотчина сдѣлались совершенно однозначущими.

I. При слитіи вотчинъ съ помѣстьями правительство прежде всего обратило вниманіе на *монастырскія и церковныя вотчины*. Черезъ 2 мѣсяца по изданіи Судебника былъ изданъ законъ, по которому монастыри и епископы не могли пріобрѣтать земли безъ государева дозволенія. Въ этомъ законѣ говорится: 1) ежели кто продастъ вотчину въ монастырь или святителю, безъ доклада государю, то эта вотчина отбирается на государя безденежно. А ежели вотчина будетъ дана на поминъ души; то она остается за монастыремъ и родственники давшаго въ монастырь вотчину не имѣютъ права выкупить ее, если передавшій въ своемъ духовномъ завѣщаніи или другомъ какомъ актѣ не представилъ имъ право выкупа. 2) Ежели святитель или монастыри завладѣли какимъ либо помѣстьемъ, или черными землями по закладнымъ, или другимъ какимъ образомъ, то таковыя помѣстья или земли отчислять къ тому вѣдомству, къ которому они принадлежатъ изстари. Въ 1559 г. это узаконеніе пополнено было новымъ. Въ этомъ новомъ узаконеніи о вотчинахъ сказано: 1) въ выкупныхъ вотчинахъ пашенныя и лѣсныя земли должны быть въ одной цѣнѣ. 2) Ежели вотчичи пожелаютъ выкупить вотчину у монастыря, поступившую къ нему по духовной, и будутъ жаловаться на высокую цѣну, которая назначена для выкупа, а грамота, по которой вотчина отдавалась въ монастырь, будетъ уже написана, скреплена печатями и записана у святителя въ книгѣ, то имъ выкупать вотчину по той цѣнѣ, которая назначена въ грамотѣ. Но ежели вотчичи еще до утвержденія духовной будутъ бить челомъ на дороговизну выкупной цѣны, то имъ давать межевщиковъ и предоставить выкупъ вотчины по той цѣнѣ, которой она стоитъ.

II. За монастырскими вотчинами было обращено вниманіе на *вотчины служилыхъ людей*. Въ 1562 г. былъ изданъ законъ, по которому служилымъ князьямъ запрещалось свои вотчины мѣнять, продавать, закладывать и отдавать за сестрами въ приданое. А ежели какой служилый князь умиралъ бездѣтнымъ, то по новому закону его вотчина не переходила къ его родственникамъ, а отбиралась на госу-

даря. Такимъ образомъ, по этому закону княжескія изстаринныя вотчины получили характеръ помѣстныхъ земель.

III. За княжескими вотчинами было обращено вниманіе и на *боярскія вотчины*, но не на покупныя, а на тѣ, которыя были даны боярамъ государемъ. Въ 1572 г. былъ изданъ законъ, по которому только тѣ вотчины поступали въ надѣлъ родственникамъ, о которыхъ въ жалованной грамотѣ именно было сказано, что онѣ даются такому-то и его роду. А у кого въ государевой жалованной грамотѣ будетъ написано, что вотчина дается только на его лицо, или у кого вовсе не будетъ жалованныхъ грамотъ, то по смерти этихъ вотчинниковъ, вотчины ихъ брать на государя, хотя бы послѣ нихъ и оставались дѣти. Да и въ тѣхъ вотчинахъ, которыя были даны въ родъ, по новому закону сдѣлано значительное ограниченіе относительно порядка наслѣдованія въ нихъ; именно по новому закону было опредѣлено: 1) послѣ отца наслѣдовать дѣтямъ; 2) а если не будетъ дѣтей, то роднымъ братьямъ и ихъ дѣтямъ и внучатамъ; 3) если который сынъ или внукъ помретъ бездѣтнымъ, то его жребій отдавать его братьямъ, дядямъ, племянникамъ или внучатамъ, а далѣе внучатъ жалованную вотчину не отдавать; 4) если который внукъ умретъ бездѣтнымъ, и послѣ него останутся только правнучатные братья, то имъ вотчины не отдавать, а отбирать ее на государя. Потомъ, въ 1627 году относительно жалованныхъ вотчинъ былъ изданъ дополнительный законъ, по которому бездѣтная жена отстранялась отъ наслѣдства въ выслуженныхъ вотчинахъ мужа, а напротивъ дочери, сестры, племянницы и др. родственницы, какъ замужнія, такъ и незамужнія, допускались къ наслѣдству. Въ 1628 г. этотъ законъ былъ дополненъ новымъ закономъ, по которому дочь вотчинника допускалась къ наслѣдству въ выслуженной вотчинѣ только въ такомъ случаѣ, когда у него не было сыновей.—Въ 1628 году было издано узаконеніе, которымъ ограничивалось право наслѣдованія и родовыми вотчинами; это узаконеніе приравняло родовыя вотчины къ выслуженнымъ. По этому закону полагалось, что родовыя вотчины по смерти вотчинника могли переходить во владѣніе другихъ его родственниковъ, но отнюдь не жены, которой выдавалось приданое и четвертая часть изъ движимаго имѣнія и купленныхъ вотчинъ мужа. Поэтому, если послѣ вотчинника не оставалось другихъ родственниковъ, кромѣ бездѣтной жены, то вотчина его описывалась на государя и шла въ раздачу помѣстій служилымъ людямъ. Такимъ образомъ Московскіе князья подвергли ограниченію выслуженныя и родовыя вотчины, относительно порядка наслѣдованія ими, и оставили неприкосновенными только вотчины, пріобрѣтенныя покупкою.

Узаконенія о помѣстьяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ выслуженныя и родовыя вотчины постепенно утрачивали характеръ частной собственности, помѣстья, напротивъ принимали характеръ вотчинъ. Такъ: 1) указомъ 1618 г. помѣстья дворянъ и дѣтей боярскихъ, убитыхъ на войнѣ или взятыхъ въ плѣнъ, опредѣлено оставлять за ихъ женами и дѣтьми, а не будетъ ихъ, то родственникамъ, если же не будетъ и родственниковъ, то отдавать помѣстья другимъ служилымъ людямъ того же города, но не иногороднымъ. 2) По указу 1622 г. дозволялось вдовамъ и дочерямъ помѣщиковъ выходить замужъ съ

ихъ прожиточными помѣстьями (т. е. тѣми, которыя давались имъ на прожитіе, какъ пенсія по смерти мужа или отца), и эти помѣстья записывались за ихъ женихами. Точно также вдовы и дочери помѣщиковъ и сами помѣщики за старостью и болѣзнями могли передавать свои помѣстья родственникамъ, съ тѣмъ, чтобы они обязались кормить и поить ихъ и нести за нихъ службу. 3) Указъ 1637 г. узаконяетъ, что ежели кто изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ будетъ находиться въ плѣну 10 лѣтъ, а ихъ помѣстья въ отсутствіе ихъ поступятъ въ раздачу, то по возвращеніи изъ плѣна возвращать имъ помѣстья; а ежели бы они пробыли въ плѣну болѣе 10 лѣтъ, то лишались права на возвращеніе помѣстій, но взамѣнъ этого имъ давалось право скорѣйшаго полученія новыхъ помѣстій, прежде всѣхъ другихъ челобитчиковъ. Наконецъ, 4) указомъ 1641 г. опредѣлялось: пустопорожнія земли, не записанныя въ оброчныя статьи, отдавать служилымъ людямъ какъ льготу, на 15 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы они въ эти 15 лѣтъ строили дворы на льготныхъ земляхъ, заселяли ихъ крестьянами, пахали пашни и расчищали лѣса. А когда оканчивались льготные 15 лѣтъ, тогда эти земли отдавались въ помѣстья тѣмъ же льготнымъ людямъ, а въ вотчины ихъ уже не отдавали.

Узаконенія относительно порядка государственной службы. I. Относительно порядка государственной службы, въ одинъ годъ съ царскимъ Судебникомъ было издано узаконеніе, по которому запрещается князьямъ и дѣтямъ боярскимъ, пока они еще не дослужатся боярскаго званія или чина воеводы, считаться мѣстами съ воеводами. Въ этомъ же узаконеніи для счета воеводскихъ мѣстъ положено: „Большой полкъ, правая и лѣвая рука считаются по мѣстамъ (т. е. воевода большого полка занимаетъ первое мѣсто, а воевода правой и лѣвой руки—второе), а передовой и сторожевой полки мѣстомъ меньше перваго воеводы большого полка, а до правой и лѣвой руки и до второго воеводы въ большомъ полку имъ дѣла нѣтъ. А кто съ кѣмъ въ одномъ полку посланъ, тотъ того и меньше. А государь, посылая воеводъ, разсуждаетъ ихъ отечество, кто кого дородился и кто можетъ обычай ратный содержать“. Таковы были мѣры, существовшія при царѣ Иванѣ Васильевичѣ и Θедорѣ Ивановичѣ, для ограниченія мѣстничества. II. Въ царствованіе Бориса Θеодоровича Годунова въ 1604 году было издано другое узаконеніе, касавшееся собственно порядка военной службы съ помѣстій и вотчинъ. Въ этомъ узаконеніи: 1) требуется, чтобы всѣ епископскіе и монастырскіе люди, годные къ службѣ, немедленно были вооружены и отправлены въ походъ; 2) здѣсь измѣненъ прежній порядокъ относительно сбора служилыхъ людей съ помѣстій и вотчинъ и вмѣсто 100 четвертей земли, назначено 200 четвертей, съ которыхъ долженъ быть высланъ холопъ на конѣ, въ полномъ вооруженіи и съ запасами и притомъ присылка холопа дозволяется только тогда, когда самъ господинъ не можетъ явиться на службу по болѣзни, или по другому случаю. 3) Ежели кто изъ помѣщиковъ и вотчинниковъ будутъ отпущены изъ полка за ранами, или выйдутъ изъ плѣна, то имъ оставаться дома и 2 года не высылать вмѣсто себя слугъ. А также вдовамъ и малолѣтнимъ дѣтямъ, у которыхъ мужья или отцы будутъ убиты или будутъ въ плѣну 2 года, не высылать слугъ на службу. 4) Кто изъ дворянъ, боярскихъ

дѣтей и другихъ служилыхъ людей не вышлютъ на службу слугъ и не явятся сами, у тѣхъ отбирать земли и столько четвертей, со сколькихъ они не выслали слугъ. А съ епископовъ и монастырей—за каждаго не высланнаго слугу взыскать по 15 рублей (тогдашній рубль равняется 6 нынѣшнимъ), а самихъ не высланныхъ слугъ записывать въ стрѣльцы; а съ тѣхъ епископовъ и монастырей, которые не будутъ имѣть годныхъ къ службѣ слугъ, въ военное время за каждаго слугу, котораго они должны выслать, брать по гривнѣ. III. Въ 1642 году было издано еще узаконеніе, въ которомъ требовалось: 1) что ежели кто изъ служилыхъ людей, записанныхъ по разборнымъ книгамъ 1622 года и верстанныхъ помѣстьями, или отмѣченныхъ недорослями, избѣгая государевой службы, покинутъ свои помѣстья и вотчины и дадутъ на себя служилыя кабалы, или поженятся на крѣпостныхъ жонкахъ и дѣвкахъ, то тѣхъ людей съ жонками и дѣтьми изъ боярскихъ домовъ брать на государеву службу и писать по городамъ, гдѣ ихъ помѣстья и вотчины. 2) Тѣхъ-же, которые въ разборныхъ книгахъ 1622 года не были записаны, оставлять за тѣми, кому они дали на себя кабалу. 3) На будущее же время дворянъ, боярскихъ дѣтей и другихъ служилыхъ людей, верстанныхъ и неверстанныхъ, и недорослей въ кабалу никому не брать.

Узаконеніе о полицейскихъ мѣрахъ. I. Первое изъ узаконеній о полицейскихъ мѣрахъ, изданное въ 1622 году, заключаетъ въ себѣ правила тушенія пожаровъ въ Москвѣ. Въ прежнее время пожарныя повинности лежали только на черныхъ сотняхъ, но по новому узаконенію доставленіе содержанія пожарнымъ людямъ и лошадямъ распространено на гостиныя и суконныя сотни, и требовалось, чтобы вмѣсто прежнихъ 120 человѣкъ пожарныхъ служителей, такъ называемыхъ земскихъ ярыжекъ, городъ содержалъ только 100 человѣкъ, а для пожарныхъ случаевъ каждодневно было бы на Земскомъ дворѣ по 4 лошади, вмѣсто прежнихъ трехъ. Каждой сотнѣ опредѣлено выдавать изъ казны по 30 пожарныхъ трубъ и держать ихъ также на земскомъ дворѣ и смотрѣть накрѣпко, чтобы люди, приставленные къ пожарнымъ трубамъ, въ случаѣ пожара являлись бы немедленно съ своими трубами, и чтобы пожарныя трубы были мѣдныя. II. Въ 1627 году было издано узаконеніе, въ которомъ подтверждалось прежнее правило о томъ, чтобы пойманныхъ на дорогѣ лошадей приводить въ Земскій или Разбойный Приказъ, и прибавлено, что если по прошествіи 5 или 6 дней не отыщется хозяинъ лошади, то ее продавать на государя, но прежде показывать ее барышникамъ съ конской площадки для справки по книгамъ и не знаютъ ли хозяина ея. III. Въ 1629 году было издано нѣсколько новыхъ узаконеній противъ пожаровъ въ Москвѣ, по которымъ мѣры къ потушенію пожаровъ частію возлагались на казну, а частію на земство. Этими новыми узаконеніями: 1) постановлено всѣхъ извощиковъ въ Москвѣ вѣдать въ Земскомъ Приказѣ и переписать въ книги, а которые изъ нихъ не будутъ записаны, тѣхъ наказать. 2) Къ прежнимъ 100 ярыжкамъ прибавлено еще 100 человѣкъ, и жалованье имъ опредѣлено выдавать изъ Приказа Большого Прихода, изъ государевой казны. 3) Изъ государевой же казны устроить на Земскомъ Дворѣ бочки и телѣги и 50 пожарныхъ щитовъ по 5 и по 4 сажени, и щиты эти

дѣлать съ рукоятями, и чтобы бочки съ водою и извощики поочередно стояли на Земскомъ Дворѣ каждый день и ночь, по 20 человѣкъ съ лошадьми. 4) По большимъ улицамъ на каждые 10 дворовъ имѣть по большому колодезю для пожарныхъ случаевъ. Кромѣ этихъ мѣръ противъ пожаровъ, какъ въ Москвѣ, такъ и по всѣмъ другимъ городамъ и селеніямъ должны были соблюдаться прежнія узаконенія: чтобы домовъ и мыльницъ лѣтомъ не топить, а для этого объѣзжіе головы должны были весною запечатывать печи въ баняхъ и домахъ. IV. Въ 1640 году было издано узаконеніе, которымъ запрещалось биться на кулачки въ Бѣломъ городѣ, Каменномъ и Земляномъ, а тѣхъ, которые нарушатъ это узаконеніе, приводить въ Земскій Приказъ и бить кнутомъ. V. Въ 1642 г. были изданы полицейскія узаконенія относительно проѣзжихъ дорогъ, мытовъ и перевозовъ. По этимъ узаконеніямъ: 1) не дозволялось заводить по дорогамъ мытницы для сбора пошлинъ въ пользу владѣльцевъ, а также безъ разрѣшенія государя запрещалось устраивать мосты и перевозы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ можно переѣзжать въ бродъ, а также запрещалось дѣлать запруды на рѣкахъ, чтобы не было переѣзда въ бродъ; 2) на указныхъ мытахъ и перевозахъ не брать лишнихъ пошлинъ противъ уставныхъ грамотъ, а съ служилыхъ людей и съ ихъ слугъ и запасовъ вовсе не брать мытныхъ и перевозныхъ пошлинъ. 3) Ежели кто захочетъ устроить мельницу и тѣмъ уничтожить бродъ черезъ рѣку, тотъ долженъ устроить мостъ, или перевозъ, съ тѣмъ, чтобы мостовыхъ или перевозныхъ пошлинъ не брать.

Узаконенія о взысканіи долговъ. Въ дополненіе къ узаконеніямъ царскаго Судебника о займахъ были узаконены слѣдующія судебно-полицейскія мѣры о взысканіи долговъ и исковъ по суду: I. Въ 1555 г. царь приговорилъ со всѣми боярами, чтобы по суду во 100 рубляхъ ставить на правежъ не болѣе одного мѣсяца, а больше или меньше—по разсчету; а тѣхъ, съ кого въ законный срокъ доправить долга нельзя, отдавать кредитору головою до искупа. А ежели кто будетъ просить о переводѣ долга на другого, то ему давать на переводъ другой мѣсяцъ сроку, но отнюдь не больше, чтобы не волочить кредитора. II. Другое узаконеніе о правежѣ долга было издано въ 1558 г. Въ этомъ узаконеніи: 1) назначаются разные сроки для правежа служилыхъ и не служилыхъ людей, именно: для служилыхъ людей двухъмѣсячный срокъ для правежа по долгу во 100 рубляхъ, а больше или меньше—по разсчету, а для не служилыхъ—прежній, мѣсячный. 2) Постановлено, чтобы на служилыхъ и не служилыхъ людяхъ, денежные и хлѣбные долги по кабаламъ, долговымъ памятямъ и духовнымъ править въ 5 лѣтъ „истину“ (обыкновенно безъ процентовъ, а хлѣбъ безъ насыпу), разсчитавши долгъ на 5 жеребьевъ, если же въ 5 лѣтъ не уплатятъ, тогда взыскивать весь капиталъ сполна, а проценты вполовину, т. е. на 10 рублей—1 рубль. А ежели кто изъ служилыхъ людей въ урочные 5 лѣтъ будутъ на службѣ въ отъѣздѣ, то по возвращеніи имъ платить всѣ долги сполна, но безъ процентовъ. 3) Ежели кто, взявши деньги на срокъ подъ залогъ, по истеченіи срока въ мѣсяцъ или два не уплатитъ долга, то заимодавецъ долженъ повѣстить его черезъ двухъ-трехъ постороннихъ людей, что если онъ въ недѣлю, или въ двѣ не уплатитъ ему истину и ростъ, то закладъ его будетъ

проданъ, и ежели послѣ этой повѣстки должникъ не сдѣлаетъ полной уплаты, то заимодавецъ долженъ извѣстить объ этомъ старосту и цѣловальниковъ и въ присутствіи ихъ и посторонних людей продать закладъ, а изъ вырученныхъ денегъ взять себѣ, сколько слѣдуетъ въ уплату долга и процентовъ, а остальное возвратить тому, чей былъ закладъ. Если же вырученныхъ денегъ не доставало на уплату долга и процентовъ, то недостающее доправлялось изъ остальнаго имѣнія должника. 4) Ежели кто возьметъ денегъ взаймы или въ ссуду безъ кабалы и безъ памяти и на судѣ не отопрется отъ долга, то на таковыхъ правежъ давать всегда и долгъ съ нихъ взыскивать сполна. III. Въ томъ же 1558 году было издано узаконеніе о платежѣ долговъ по закладнымъ вотчинамъ. Въ этомъ узаконеніи сказано: ежели кто, занимая деньги, закладывалъ кредитору вотчину съ тѣмъ, чтобы тотъ вмѣсто процентовъ, пользовался доходомъ съ пашенъ, и будетъ онъ въ силахъ свой долгъ выплатить въ урочные 5 лѣтъ и въ первый годъ выплатитъ слѣдующую съ него 5-ю долю, то ему вотчину возвратить и пахать на себя, только съ тѣмъ впрочемъ, чтобы онъ до полной уплаты не могъ ни продать, ни заложить вотчины. А кто ту заложенную вотчину купилъ до уплаты вотчинникомъ долга, и ежели вотчинникъ, продавши вотчину, не уплатитъ долга и скроется, то покупщику платить тотъ долгъ по закладной, а не будетъ у него денегъ, то вотчину у него взять и отдать заимодавцу; покупщикъ же лишается своихъ денегъ, потому что, покупая вотчину, онъ долженъ былъ справиться съ тѣми книгами у дьяка, въ которыхъ записываются всѣ вотчинныя купли и закладныя. IV. Въ 1588 году было издано указаніе о правежѣ ростовъ по старымъ кабаламъ. Въ этомъ узаконеніи сказано: которые люди повинятся въ долгѣ по старымъ кабаламъ, то на нихъ править деньги и ростъ на 15 лѣтъ, не далѣе, а которые люди не повинятся въ долгѣ, съ тѣхъ тоже брать росты до 15 лѣтъ; а далѣе по старымъ кабаламъ суда нѣтъ. А кто будетъ искать по кабаламъ, которыя онъ подписалъ уплаченными, тѣмъ не давать суда. А которые должники будутъ лживить на кабалы и заемныя памяти своей руки и будутъ показывать на подписавшихъ, которые уже умерли, то таковой оговорки не принимать и взыскивать съ нихъ долгъ. Это правило было подтверждено еще указомъ 1622 года. V. Въ 1628 г. было издано узаконеніе, въ которомъ опредѣлялось брать росты только до тѣхъ поръ, пока они не сравняются съ самимъ капиталомъ (т. е. только за 5 лѣтъ). Но это относилось только къ тѣмъ кабаламъ, по которымъ не было челобитенъ въ свое время. VI. Въ 1635 году было издано важное узаконеніе объ отмѣнѣ исковъ по долгамъ безъ кабальныхъ записей. Въ этомъ узаконеніи сказано, что судъ признаетъ только тѣ долги, по которымъ истцы представятъ кабальныя записи или крѣпости, а тѣ иски, по которымъ не представлены долговыя памяти, кабальныя или крѣпости, отвергаются судомъ. Для тѣхъ же, которые дали въ долгъ безъ записей, или памятей, еще до изданія новаго узаконенія, назначенъ двухгодичный срокъ для иска по таковымъ долгамъ.

Узаконеніе о судопроизводствѣ. I. Въ 1556 году было издано узаконеніе, касавшееся судебныхъ доказательствъ и преимущественно обыска. Это доказательство по новому узаконенію допускалось только

въ крайнихъ случаяхъ, когда всѣ другія доказательства были недостаточны. По узаконенію 1556 года требовалось: 1) Ежели истецъ или отвѣтчикъ будутъ слаться на обыскъ многими людьми именно, то судьямъ вершить дѣло по обыску, а сверхъ обыска, поля или крестнаго цѣлованія не присужать; а велѣть обыскивать старостамъ и цѣловальникамъ и чтобы истецъ или отвѣтчикъ не ссылались на людей, состоящихъ съ ними въ родствѣ. 2) Ежели истецъ или отвѣтчикъ на боярскомъ судѣ будутъ слаться въ обыскъ безъименно, то боярамъ писать къ старостамъ и цѣловальникамъ, чтобы они обыскивали въ своемъ вѣдомствѣ многими лучшими людьми: князьями и боярскими дѣтьми, ихъ приказчиками, священниками и лучшими посадскими людьми, и обыскивать съ очей на очи, а заочно обыскныхъ людей не писали, а обыскные люди писали бы свои показанія сами, и чтобы прикладывали къ обыскамъ руки, какъ они сами, такъ и ихъ отцы духовные. 3) Ежели изъ обыскныхъ людей одни скажутъ въ пользу истца, а другіе въ пользу отвѣтчика, то оправдать того, по комъ будетъ больше обыскныхъ людей, а поля и крестнаго цѣлованія не присуждать, и сверхъ того поручить мѣстному архіерею или архимандриту развѣдать, которая сторона сказала правду и которая солгала, лживую сторону наказать. 4) Ежели обыскные люди скажутъ поровну: половина по истцѣ и половина по отвѣтчикѣ, то тѣмъ дѣло не кончать, а назначать новый обыскъ и приказать старостамъ и цѣловальникамъ, чтобы они обыскали иными людьми, о томъ которая половина въ прежнемъ обыскѣ солгала, и съ той половины, на которую доведутъ, что она солгала, выбрать изъ 100 человѣкъ—5 или 6 человѣкъ лучшихъ людей и бить ихъ кнутомъ, а духовныхъ отсылать къ святителю; на лживыхъ же обыскныхъ людяхъ доправлять всѣ убытки и проторы по обыску; а ежели по ложному обыску попытаютъ (т. е. подвергнуть пыткѣ то лицо, о которомъ былъ обыскъ), то съ тѣхъ же обыскныхъ людей взять безчестье вдвое. Такимъ же порядкомъ наказывать и тѣхъ обыскныхъ людей, которые въ одномъ обыскѣ „двои рѣчи говорятъ“. 5) Ежели истецъ или отвѣтчикъ сошлются на судѣ не на многихъ людей, человѣкъ на 5 или на 6, а тѣ люди будутъ недостойны вѣры, то таковыми людьми не обыскивать, и вершить дѣло по суду и по дѣлу (т. е. по тѣмъ даннымъ, которыя имѣлись и безъ обыска). Но ежели кто сошлется на боярина, или на дьяка, или вообще на человѣка, заслуживающаго довѣрія, то такой ссылки не отставлять и вершить дѣло по этой ссылкѣ безъ поля и крестнаго цѣлованія. Точно также не отставлять ссылки, когда кто сошлется на кого-либо изъ виновныхъ, хотя бы этотъ виноватый былъ человѣкомъ, т. е. что онъ приметъ вину на себя, ежели будетъ доказано, что онъ сказалъ неправду. 6) Къ старостамъ и цѣловальникамъ грамоты о произведеніи обысковъ посылать съ недѣльщиками запечатанныя. А старостамъ къ сдѣланнымъ ими обыскамъ прикладывать свои руки и посылать обыски съ тѣми же недѣльщиками и также запечатанные. 7) Ежели въ какомъ дѣлѣ досудятся до поля, а истецъ и отвѣтчикъ, ставъ у поля, будутъ просить, чтобы присудили крестное цѣлованіе, то поле отставить и дать на волю истца или отвѣтчика — хочетъ онъ самъ поцѣлуетъ крестъ, хочетъ дастъ цѣловать крестъ своему противнику.

II. Въ 1625 году было издано узаконеніе относительно порядка при цѣлованіи креста. Въ этомъ узаконеніи предписывается: 1) въ Москвѣ въ судныхъ дѣлахъ цѣловать крестъ попрежнему у Николы Стараго, а къ цѣлованію допускать только три раза, а дальше тому же человѣку ни въ какихъ искахъ креста не цѣловать. 2) Въ дѣлахъ между русскими и иностранцами крестъ цѣловать въ приказѣ, гдѣ дѣло производится, а не у Николы Стараго; съ иноземцевъ брать присягу по ихъ закону. 3) Къ цѣлованію креста допускать людей, имѣющихъ не менѣе 20 лѣтъ отъ роду, а подставныхъ, наемныхъ людей къ цѣлованію креста не допускать; но господа могутъ присылать за себя къ крестному цѣлованію своихъ слугъ.

III. Узаконеніе, изданное въ 1628 году, касается порядка явки въ судъ. Въ этомъ узаконеніи: 1) требуется, что если кто дастъ на себя поручную запись въ томъ, что явится въ судъ, а самъ не явится ни въ первый срокъ, ни во второй, то на немъ, или на его поручителѣ, доправить проѣсти (т. е. уплату за то, что издержалъ истецъ) и волокиты и расходы приставные; а кто не явится и въ третій срокъ, на того выдавать безсудную грамоту. 2) Кто, начавъ тяжбу и давъ на себя поручную запись, не дождавшись судебнаго рѣшенія, отъѣдетъ съ Москвы, на томъ, или на его поручителѣ, взять проѣсти и волокиты и рѣшить дѣло по суду. 3) Который истецъ, подавъ челобитную, не ходитъ въ судъ недѣлю, то отвѣтчику его давать запись и отказать истцу въ искѣ, если будетъ извѣстно, что истецъ не явился въ судъ не по болѣзни. 4) Ежели служилые люди, получивши отсрочку для явки въ судъ ради службы, не являлись въ судъ по окончаніи службы и отсрочки, то имъ посылались новыя позывныя грамоты на другой срокъ и если они не являлись и тогда, то съ нихъ взыскивались также проѣсти и волокиты въ пользу истца.

IV. Въ 1629 году было издано новое узаконеніе о порядкѣ явки въ судъ. По этому узаконенію: 1) требуется, что если кто по зазывнымъ грамотамъ посылалъ вмѣсто себя въ судъ родственниковъ, или довѣренныхъ изъ своихъ людей, то когда дѣло дойдетъ до обыска, довѣреннымъ не должно оставаться при обыскѣ, а ѣхать въ Москву. 2) Ежели въ искахъ на большую сумму по суду отвѣтчикъ „дастъ на душу истцу", т. е. предоставитъ ему цѣловать крестъ, а тотъ, не цѣловавши креста, пришлетъ своего человѣка, то уже предоставить на волю отвѣтчика допустить присланнаго человѣка къ цѣлованію креста, или не допускать. 3) Повѣренные, по требованію суда, до окончанія суднаго дѣла должны являться на судъ. 4) Если вызывались на судъ дворяне или служилые люди, состоявшіе на службѣ въ дальнихъ городахъ, и по окончаніи службы и первой отсрочки не являлись въ судъ, то для явки въ судъ имъ назначался поверстный срокъ. 5) Ежели истецъ, или отвѣтчикъ, давъ по себѣ поручную запись не съѣзжать съ Москвы, съѣдетъ, то вершить дѣло безъ него и тѣмъ его обвинить. 6) Кто самовольно не станетъ на третью ставку къ крестному цѣлованію, то тѣмъ его и обвинить. 7) Заемныя кабалы, закладныя записи и другія крѣпости, за неумѣніемъ грамотѣ дающихъ, подписывать отцамъ духовнымъ, а за отсутствіемъ таковыхъ—родственникамъ. 8) Если кто, выдавъ поручную запись въ томъ, что не съѣдетъ съ Москвы, съѣдетъ, и если поэтому на поручите-

ляхъ взыщутъ проѣсти, волокиты и искъ, то поручители могутъ доправить это на съѣхавшемъ. 9) Ежели истецъ напишетъ въ жалобѣ имя отвѣтчика, или его слуги, а дойдетъ дѣло до цѣлованія креста, и отвѣтчикъ напишетъ другого своего человѣка къ цѣлованію, то цѣловать крестъ тому, кого написалъ въ своей жалобѣ истецъ.

V. Въ 1642 году было издано послѣднее до изданія Уложенія узаконеніе о судопроизводствѣ. Это узаконеніе требуетъ: 1) давать судъ въ насильственномъ завладѣніи землею, крестьянами и всякими угодьями; а кто для укрѣпленія за собою бѣглыхъ крестьянъ будетъ брать на нихъ кабалы и записи въ большой ссудѣ, то въ тѣхъ кабалахъ и записяхъ суда не давать. 2) Если отвѣтчикъ, не сходя съ суда, заявитъ на истца встрѣчный искъ, то давать ему судъ въ томъ же приказѣ, гдѣ заявитъ свой искъ истецъ. 3) Духовнымъ, вмѣсто крестнаго цѣлованія, назначать жребій, а людямъ ихъ и крестьянамъ крестное цѣлованіе. 4) На всякихъ пашенныхъ людей давать судъ съ 1 октября по 1 апрѣля, исключая: разбоя, татьбы, поличнаго и смертоубійствъ, въ которыхъ всѣ судились немедленно по открытіи преступленія.

Періодъ IV.

ОТЪ УЛОЖЕНІЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА ДО ИЗДАНІЯ СВОДА ЗАКОНОВЪ.

Положеніе русскаго общества въ XVII столѣтіи до Петра Великаго. Централизація Іоанна III и искусственная децентрализація его внука, Іоанна IV, до того довели русское общество къ концу XVI столѣтія, что оно готово было утратить естественныя связи цѣлаго и частей; а почти безпрерывныя и крайне отяготительныя войны Іоанна IV такъ разорили народъ и такъ истощили населеніе разныхъ областей, что иныя области почти опустѣли, а въ другихъ жители, разоренные страшными поборами и на государя и на приказныхъ людей, скрывались въ лѣсахъ, оставляли свои промыслы и предавались грабежу, противъ котораго были безсильны всѣ строгости закона. Къ тому же, въ царствованіе Бориса Ѳедоровича Годунова, присоединился страшный трехлѣтній голодъ, по свидѣтельству разныхъ современниковъ, истребившій до 400,000 человѣкъ. Наконецъ, къ довершенію всѣхъ бѣдствій, явился самозванецъ и, поддерживаемый Поляками и русскими измѣнниками (которыхъ было очень много), завладѣлъ Москвою и истребилъ все семейство Годунова. Все это такъ расшатало русское общество, что оно всколыхалось до дна и не знало на чемъ утвердиться, къ чему примкнуть и какъ устроить разрушенный порядокъ.

Предшествовавшія царствованія Іоанновъ, блистательныя снаружи и крайне тягостныя и разрушительныя внутри, приготовили раздѣленіе русскаго общества на два враждебные стана: на *служилыхъ людей* и *неслужилыхъ*. Первые, какъ органы правительства, хотѣли править неслужилыми и тогда, когда въ началѣ XVII столѣтія правительства уже не существовало, когда, по смерти Годунова и по убіеніи самозванца, нужно было искать государя. Но это желаніе служилыхъ людей не могло исполниться; напрасно они выбирали въ цари — то князя Василія Ивановича Шуйскаго, то королевича Владислава, то пристроивались къ разнымъ самозванцамъ, дѣло общественнаго устройства отъ этого нисколько не подвигалось впередъ; безпорядки и бѣдствія росли въ страшныхъ размѣрахъ, всѣ, еще отъ прежняго времени наболѣвшія, общественныя раны приняли самый опасный характеръ; Русскіе, раздѣленные на партіи, стали терзать другъ друга гораздо ожесточеннѣе, чѣмъ терзали ихъ иноплеменники, нахлынувшіе на Русскую землю съ разныхъ сторонъ. Наконецъ, семь лѣтъ продолжав-

шіяся междоусобія образумили, открыли глаза всѣмъ служилымъ и неслужилымъ людямъ; городскія и сельскія общины, долго молчавшія, подали свой голосъ, города стали пересылаться другъ съ другомъ, собирать деньги и войска, чтобы выгнать Поляковъ изъ Москвы и очистить землю Русскую отъ иноплеменниковъ и своихъ измѣнниковъ; къ городамъ присоединились и служилые люди, наученные своими прежними неудачными опытами, и вотъ всѣ служилые и неслужилые дружно поднялись, какъ одинъ человѣкъ. Разрозненные города и селенія, неимѣвшіе ни денегъ, ни войска, какъ бы какимъ-то чудомъ, отыскали и достаточно войска и нужныя средства на его содержаніе, нашли и достойныхъ военачальниковъ; общины для возстановленія порядка пожертвовали всѣмъ, даже многими своими исконными правами, и порядокъ возстановился. Враги, готовые поглотить Россію, съ безчестіемъ отступили передъ единодушіемъ служилыхъ и неслужилыхъ людей; отыскалась и верховная власть по волѣ всего народа, и что главное, отыскалась и утвердилась между своими, чего не могли сдѣлать служилые люди, думавшіе устроить государство мимо общинъ и неслужилыхъ людей. Приговоръ всего Русскаго міра произвелъ то, чего не могли устроить сильные міра, вспомоществуемые чужеземными королями и иностранными войсками.

Шестнадцатилѣтній Михаилъ Өеодоровичъ Романовъ былъ выбранъ въ русскіе цари соборомъ всей Русской земли, въ которомъ участвовали и подавали голоса какъ выборные служилые люди, такъ и выборные отъ городовъ. Такимъ образомъ, неслужилые люди, отодвинутые прежнею централизаціею на задній планъ, теперь опять выступили впередъ и приняли непосредственное участіе въ дѣлахъ государственнаго управленія; голосъ общества снова занялъ свое мѣсто въ общемъ дѣлѣ государства и не только въ выборѣ царя, но и въ поддержаніи выбора. Продолжительныя войны съ польскимъ и шведскимъ претендентами на Московскій престолъ, а также усмиреніе казаковъ и другихъ измѣнниковъ, бродившихъ многочисленными шайками по Русской землѣ, рѣшительно лежали на плечахъ общества. Городскія и сельскія общины во все это время должны были поддерживать вновь избраннаго государя всѣми своими силами: они для этого жертвовали всѣмъ, чѣмъ могли, сбирали пятую и десятую деньгу съ капиталовъ, наряжали даточныхъ людей, готовили запасы для войска и дѣлали другія пособія и деньгами и вещами, въ чемъ, конечно, также принимали участіе и бояре, духовенство и всѣ служилые люди, посильно жертвуя своимъ достояніемъ на пользу государства.

Все это такъ выдвинуло общество и поставило его въ такое положеніе, что всѣ важныя государственныя дѣла и особенно тѣ, въ которыхъ разсуждалось о денежныхъ и другихъ сборахъ, рѣшались не иначе, какъ по соборному приговору выборныхъ людей отъ всей Русской земли, какъ служилыхъ, такъ и неслужилыхъ. Дошедшіе до насъ памятники ясно свидѣтельствуютъ, что съ 1613 года, во все продолженіе царствованія Михаила Өеодоровича, всѣ важныя государственныя дѣла рѣшались по указу государеву и по соборному приговору, такъ что власть государя стояла рядомъ съ властію общества, съ властію всей русской земли, почти постоянно присутствовавшей на земскихъ соборахъ въ Москвѣ, въ лицѣ своихъ выборныхъ людей.

А посему всѣ царскія грамоты о важныхъ государственныхъ дѣлахъ писались въ это время по слѣдующей формѣ: „По нашему (т. е. царскому) указу и по приговору богомольцевъ нашихъ, Московскаго государства митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ и всего освященнаго собору, и бояръ нашихъ, и окольничихъ, и дьяковъ, и дворянъ, и гостей, и посадскихъ торговыхъ и всякихъ жилецкихъ людей, посланы по городамъ для денежныхъ сборовъ ратнымъ людямъ на жалованье". Или еще иначе: „По всемірному приговору со всего Московскаго государства: съ городовъ, и съ посадовъ, и съ уѣздовъ, съ гостей, и съ торговыхъ, и со всякихъ посадскихъ людей, и съ дворцовыхъ, и съ конюшенныхъ, и со всякихъ слободъ съ торговыхъ людей, чей кто ни буди, никого не обходя, безо всякаго вывѣту и отдачи собрати съ животовъ служилымъ людямъ на жалованье пятая деньга деньгами, а не товаромъ, а съ уѣздовъ, съ сошныхъ людей, по сошному разводу, по сту по двадцати рублевъ съ сохи". (№ 79). Или въ царской грамотѣ 1637 года на Устюжну Желѣзопольскую государь пишетъ: „И мы, великій государь, учинили о томъ соборъ, и говорили на соборѣ отцу своему и богомольцу святѣйшему Іоасафу, патріарху московскому и всея Русіи, и митрополитомъ, и архіепископомъ и всему освященному собору, и боярамъ, и окольничимъ, и думнымъ людямъ, и дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ изъ городовъ, и гостемъ и торговымъ и всякимъ жилецкимъ людемъ объявили, какъ намъ для избавленія православныхъ христіанъ противъ Крымскаго царя стоять, и какими обычаи ратныхъ людей сбирать и чѣмъ строить". И соборомъ приговорили: „взять съ церковныхъ вотчинъ даточныхъ людей пѣшихъ съ десяти дворовъ по человѣку, а съ помѣстій и съ вотчинъ служилыхъ людей и съ дворцовыхъ съ двадцати дворовъ по человѣку, а съ городовъ, съ посадовъ и съ уѣздовъ съ черныхъ волостей указали есмя взяти, ратнымъ людемъ на жалованье, съ десяти дворовъ за даточнаго человѣка, по двадцати рублевъ—съ двора по два рубли". (№ 275). Мало этого, государь, ежели когда и писалъ грамоты только отъ своего имени, безъ соборнаго приговора, то въ этихъ грамотахъ онъ почти постоянно прямо относился къ обществу, мимо своихъ намѣстниковъ и приказныхъ людей, и обыкновенно просилъ или о помощи на государственныя нужды, или о дачѣ взаймы на чрезвычайные расходы; даже о сборѣ недоимокъ въ обыкновенныхъ податяхъ скорѣе просилъ, нежели повелѣвалъ. Такъ въ царской грамотѣ 1613 года въ Угличъ сказано: „Отъ царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи на Угличъ, старостамъ, и цѣловальникамъ, и всѣмъ посадскимъ людямъ и волостнымъ крестьянамъ. Бьютъ намъ челомъ на Москвѣ дворяне и дѣти боярскіе и всякіе ратные люди, что они отъ многихъ службъ оскудѣли; а въ нашей казнѣ, на Москвѣ, денегъ и всякихъ запасовъ въ житницахъ нѣтъ, и служилымъ людямъ жалованья дать ничего. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ съ посаду таможенныя и кабацкія и полавочныя деньги и всякіе денежные доходы за прошлые годы, чего не взято, и на нынѣшній годъ по окладу сполна по книгамъ дали Ивану Савостьянову тотчасъ; да для образа пречистыя Богородицы и православныя христіанскія вѣры и избавы крестьянскія отъ враговъ, дали бы естя, сверхъ всякихъ нашихъ доходовъ, намъ взаймы служилымъ людямъ на жалованье де-

негъ, и хлѣба, и суконъ, и рыбы, и соли, и всякихъ товаровъ, какъ кому ся можетъ, обложась по своимъ прожиткамъ и по промысламъ; и которые извѣстные люди, и тѣмъ бы намъ послужити и правду свою къ намъ и ко всей земли показати, дати изъ животовъ своихъ намъ взаймы, сколько имъ мочно, и о томъ не поскорбѣти, въ которую пору въ нашей казнѣ деньгами и хлѣбомъ скудно, и въ тѣ бъ поры намъ взаймы дати. Лучше милостыни, что ратнымъ людемъ помочи, и своею помочью святыя божіи церкви въ лѣпотѣ и святую хрестьянскую вѣру въ цѣлости учинить". (№ 5).

Такимъ образомъ, общество во всемъ своемъ составѣ, т. е. какъ служилые, такъ и неслужилые люди, во все продолженіе царствованія Михаила Өеодоровича принимало весьма дѣятельное участіе въ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ. Государственныя нужды такъ были велики и настоятельны, что правительство никакъ не рѣшалось принять на себя всю отвѣтственность по общимъ распоряженіямъ. Михаилъ Өеодоровичъ первоначально даже изъявилъ желаніе предоставить обществу полное самоуправленіе; мы имѣемъ его указъ, которымъ предписывалось, чтобы всѣ города и волости выбрали сами изъ своей среды судей и правителей, и чтобы вездѣ были отмѣнены государевы намѣстники и воеводы и приказные люди. Но это желаніе государя не имѣло успѣха; предшествовавшая опека администраціи такъ сильно разстроила общества, что не многіе города могли согласиться на выборъ правителей изъ среды своего общества, а большая часть городовъ просили государя прислать для управленія своихъ приказныхъ людей. Такимъ образомъ, государевъ указъ не былъ исполненъ повсемѣстно, городамъ было предоставлено на волю управляться ли своими выборными людьми, или государевыми намѣстниками. Впрочемъ и во время управленія воеводъ и намѣстниковъ въ царствованіе Михаила Өеодоровича мы еще встрѣчаемъ замѣчательные случаи единодушія въ обществѣ между служилыми и неслужилыми людьми, свидѣтельствующіе, что безнарядье междуцарствія и самозванщины возбудило дѣятельность общества и до нѣкоторой степени сблизило интересы служилыхъ и неслужилыхъ людей, прежде разрозненные опекою администраціи.

По смерти царя Михаила Өеодоровича, русское общество, въ началѣ царствованія его преемника, осталось при прежнемъ своемъ положеніи и принимало дѣятельное участіе въ важнѣйшихъ дѣлахъ правленія, — земскіе соборы попрежнему продолжались. Самое утвержденіе на престолѣ единственнаго наслѣдника Михаила, его сына Алексѣя Михайловича, было учинено по приговору земскаго собора. Для этой цѣли были созваны въ Москву выборные со всѣхъ городовъ Русской земли. Современникъ Алексѣя Михайловича, подъячій Посольскаго Приказа, Григорій Котошихинъ прямо говоритъ: „По смерти же царя мало время минувше, патріархъ и митрополиты и архіепископы и епископы, и архимандриты и игумены, и весь духовный чинъ соборовали, и бояре, и окольничіе, и думные люди, и дворяне и дѣти боярскіе, и гости, и торговые, и всякихъ чиновъ люди, послѣ смерти прежняго царя на царство обрали сына его, нынѣшняго царя, и учинили коронованіе въ соборной церкви. А было тѣхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и посадскихъ людей, для того обранья, человѣка по два изъ

города" (стр. 4). Потомъ въ 1648 году былъ созванъ земскій соборъ для составленія общаго Уложенія, а въ 1653 году опять былъ созванъ земскій соборъ со всего государства по случаю присоединенія Малороссіи, на которомъ бояре и всѣ служилые люди и выборные отъ городовъ приговорили принять Богдана Хмѣльницкаго и всю Малороссію подъ Россійскую державу и воевать съ Польшею, ежели они добровольно не отступятся отъ Малороссіи, причемъ служилые и неслужилые люди говорили, что они готовы померетъ за честь своего государя.

Но, въ одно время съ земскими соборами по голосамъ общества въ дѣлахъ государственныхъ, при дворѣ Алексѣя Михайловича уже образовалась партія царскихъ любимцевъ, которая старалась отдѣлить государя отъ народа, отодвинуть общество на задній планъ, чтобы управлять всѣми государственными дѣлами при помощи одной приказной администраціи, не совѣтуясь съ обществомъ и не спрашивая голоса его представителей. Уже въ 1646 году, т. е. на другой годъ по избраніи Алексѣя Михайловича на царство, при изданіи Писцоваго Наказа, этой важной мѣры, касающейся всего государства и вводившей новое важное законоположеніе, по которому вмѣсто прежней пятилѣтней давности для вывода бѣглыхъ крестьянъ была назначена новая, десятилѣтняя давность, не было созвано земскаго собора и Наказъ былъ изданъ только по указу государя и по приговору бояръ; тогда какъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича подобная же мѣра — разсылка дозорщиковъ и писцовъ, была сдѣлана по приговору созваннаго для сего земскаго собора. Также окружная царская грамота 1661 г. о томъ, чтобы изъ всѣхъ понизовыхъ и украйныхъ городовъ везли хлѣбъ въ Москву по случаю дороговизны, была дана по указу государя и по приговору бояръ. Мало этого, въ 1661 году мы уже встрѣчаемъ царскую грамоту о сборѣ 5-й деньги съ торговыхъ людей и съ крестьянъ по полтинѣ съ двора, даже безъ боярскаго приговора; въ грамотѣ прямо сказано: „указали мы, великій государь, взять для нашей службы по полтинѣ съ двора, а съ торговъ и всякихъ промысловъ пятую деньгу". (IV № 137). Самое изданіе соборнаго Уложенія 1649 года служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ о паденіи общества въ царствованіе Алексѣя Михайловича; въ цѣломъ Уложеніи нѣтъ ни одной статьи, которою бы юридически обезпечивалось значеніе общества въ дѣлахъ государственныхъ. Современникъ царя Алексѣя Михайловича, его докторъ Коллинсъ, долго жившій въ Москвѣ, правильно говоритъ, что русскій царь, у котораго онъ жилъ, неограниченъ во власти, но слѣдуетъ однакоже мнѣніямъ совѣта и въ государственныхъ, и въ частныхъ дѣлахъ. Подлинные акты, дошедшіе до насъ отъ того времени, свидѣтельствуютъ то же самое. Царь Алексѣй Михайловичъ не приглашалъ на совѣтъ общество даже въ такомъ чисто общественномъ дѣлѣ, каково введеніе мѣдныхъ денегъ по одной цѣнѣ съ серебряными. Указъ о введеніи мѣдныхъ денегъ въ 1656 году былъ изданъ безъ соборнаго приговора, только отъ имени царя, по совѣту боярина Ртищева. Мало этого, по Уложенію 1649 года даже отмѣнено участіе общества въ судебныхъ дѣлахъ; по Судебникамъ и по всѣмъ прежнимъ законамъ на судѣ намѣстничьемъ непремѣнно должны были присутствовать выборные отъ

общества старосты и цѣловальники съ своимъ земскимъ дьякомъ, каждое судное дѣло писалось въ двухъ экземплярахъ — одинъ рукою земскаго дьяка за руками старостъ и цѣловальниковъ, а другой рукою намѣстничьяго дьяка за намѣстничьею печатью; по Уложенію же судъ предоставленъ рѣшительно однимъ воеводамъ и ихъ приказнымъ людямъ и сдѣлался болѣе или менѣе произвольнымъ, со множествомъ канцелярскихъ формъ, страшно распространившихъ писанье и запутанность дѣлъ. Даже вызовъ въ судъ, сперва много зависѣвшій отъ общества, безъ согласія котораго по Судебнику нельзя было взять вызываемаго въ судъ, по Уложенію сталъ вполнѣ зависѣть отъ воеводъ и приказныхъ людей, которые, не спрашиваясь никого, насильно волочили въ судъ кого вздумается, и общество не имѣло уже никакого голоса въ защиту своихъ членовъ. Правда, по Уложенію полицейскій служитель не могъ войти въ домъ вызываемаго въ судъ, ежели онъ не сказывался дома, и долженъ былъ ждать, когда онъ пойдетъ со двора; но это мало помогало при безгласности общества, одиночная личность была слишкомъ слаба противъ приставовъ, которые могли брать себѣ въ помощь понятыхъ и даже стрѣльцовъ и другихъ воинскихъ людей по усмотрѣнію и надобности. Самый сборъ податей, при прежнихъ государяхъ непосредственно лежавшій на обществѣ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ вполнѣ переданъ воеводамъ и приказнымъ людямъ, такъ что, ежели воевода или другой приказный человѣкъ чего не доберетъ по окладу, то весь таковый недоборъ доправлялся на самомъ воеводѣ, или приказномъ человѣкѣ, вслѣдствіе чего эти слуги администраціи страшно давили общество своими поборами и на нихъ мудрено было искать управы.

По свидѣтельству Коллинса, общество въ царствованіе Алексѣя Михайловича до того было подобрано подъ опеку приказной администраціи, что знакомые, видя пьянаго, валяющагося на улицѣ среди жестокой зимы, не осмѣливались подать ему помощь, опасаясь, чтобы онъ не умеръ на ихъ рукахъ и боясь подвергнуться безпокойству разслѣдованій, потому что Земскій Приказъ умѣетъ взять налогъ со всякаго мертваго тѣла, поступающаго подъ его вѣдомство. По свидѣтельству того же Коллинса, царь Алексѣй Михайловичъ до того опуталъ общество полицейскимъ надзоромъ, что у него были шпіоны по всѣмъ угламъ, и ничего ни дѣлалось, ни говорилось, ни на пирахъ, ни на сходбищахъ, ни на похоронахъ, ни на свадьбахъ, чего бы онъ не зналъ; у него даже были шпіоны во всѣхъ войскахъ, чтобы слѣдить ихъ движенія и подробно доносить объ ихъ дѣйствіяхъ. Насколько вѣрны настоящія показанія Коллинса, для насъ лучшимъ свидѣтельствомъ служитъ то, что при Алексѣѣ Михайловичѣ въ первый разъ былъ учрежденъ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ, около 1662 года, съ его пытками, застѣнками и страшнымъ *словомъ и дѣломъ*, въ первый разъ появившемся на Руси и смущавшимъ русское общество въ продолженіи полутораста лѣтъ. На основаніи такихъ свидѣтельствъ мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что современное Алексѣю Михайловичу русское общество было слишкомъ стѣснено и деморализовано чрезмѣрно приказною администраціею и могуществомъ придворныхъ временщиковъ, слишкомъ злоупотреблявшихъ довѣренностію добраго и довѣрчиваго государя; особенно много терпѣли низшіе классы об-

щества, несостоящіе въ службѣ, вовсе оставленные высшими классами. Прямымъ свидѣтельствомъ тому служатъ многочисленныя возмущенія въ Москвѣ и въ другихъ городахъ; возмущенія эти прямо указываютъ на деморализацію общества, непользовавшагося довѣріемъ правительства, думавшаго все устроить при помощи одной административной опеки. По свидѣтельству лѣтописей и другихъ памятниковъ, ни въ одно изъ прежнихъ царствованій Московскихъ государей, разумѣется, исключая временъ самозванщины и междуцарствія, не было столько народныхъ возмущеній, какъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича; исчислять ихъ я не имѣю нужды, они всѣмъ извѣстны.

Впрочемъ, несмотря на утрату своего прежняго значенія въ дѣлахъ государственныхъ и вообще деморализацію цѣлаго русскаго общества, тѣ или другіе классы этого общества еще не потеряли силы отстаивать частные интересы того или другого класса, административная опека еще не совсѣмъ лишила ихъ пониманія своихъ интересовъ; ежели и пошатнулась связь цѣлаго общества, то тѣмъ не менѣе частные союзы членовъ того или другого класса были довольно живучи и сильны. Такъ, напримѣръ, до насъ дошла общая челобитная всѣхъ служилыхъ людей, поданная государю въ первый годъ его царствованія, объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ для вывоза бѣглыхъ крестьянъ. Потомъ мы имѣемъ еще общую челобитную отъ всѣхъ торговыхъ людей русскаго царства, поданную въ 1646 году, въ которой торговые люди просили государя, чтобы онъ защитилъ русскихъ торговцевъ, и повелѣлъ Англичанамъ и другимъ Нѣмцамъ, чтобы они торговали только въ корабельной пристани у города Архангельска, а по другимъ бы городамъ не ѣздили, и торгу бы у русскихъ людей не отымали. Далѣе мы имѣемъ еще общую челобитную всѣхъ торговыхъ людей московскаго государства, поданную въ 1667 году, объ оборонѣ ихъ отъ иноземныхъ торговцевъ, при которой были поданы статьи, или правила, о порядкѣ торговли съ иноземцами, за руками гостей и лучшихъ торговыхъ людей и черныхъ слободъ, которыя статьи и были приняты, утверждены и изданы отъ государева имени подъ названіемъ Новоторговаго Устава. По этому Уставу русскіе торговцы получили почти полное самоуправленіе въ торговыхъ дѣлахъ чрезъ своихъ выборныхъ начальниковъ безъ участія приказной администраціи. Кромѣ того мы имѣемъ довольное число общихъ челобитенъ отъ разныхъ городовъ и волостей, въ которыхъ также дружно защищались мѣстные интересы той или другой общины. Вообще въ продолженіи всего царствованія Алексѣя Михайловича приказная администрація, несмотря на свое страшное развитіе, еще не могла отбить память у общества о прежнемъ его значеніи. Хотя общество уже не призывалось на совѣтъ въ лицѣ своихъ представителей — выборныхъ людей, или призывалась весьма рѣдко, тѣмъ не менѣе оно по разнымъ своимъ частямъ, правильно или неправильно, еще продолжало подавать свой голосъ. Всѣ были довольны царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, который своей привлекательною личностью во всѣхъ вселялъ довѣріе и любовь къ себѣ, но въ то же время общество еще не признавало себя такимъ малолѣткомъ, какимъ хотѣла его сдѣлать приказная администрація, и заявляло такъ или иначе свои прежнія

права; это заявленіе, по большей части случаевъ, призывалось благодушнымъ государемъ.

Преемникъ царя Алексѣя Михайловича, царь Θеодоръ Алексѣевичъ, вступилъ на престолъ по благословенію своего отца. При его вступленіи уже не былъ созываемъ земскій соборъ для обранія и утвержденія государя, какъ это было при вступленіи Михаила Θеодоровича и Алексѣя Михайловича. У новаго государя явились и новые любимцы и временщики: Хитровъ, его воспитатель, и Милославскіе—родственники царя по матери, и ихъ друзья и пріятели, которые и подѣлили между собою всѣ высшія и прибыльныя должности. Но царь Θедоръ Алексѣевичъ, хотя больной и слабый физически, имѣлъ характеръ твердый и умъ свѣтлый и ясный, любимцы не могли его отдѣлить отъ общества; онъ на первомъ же году своего царствованія, въ первые дни по смерти отца, показалъ, что онъ хочетъ совѣтываться съ обществомъ, хочетъ знать нужды общества, и ищетъ указанія, какъ помочь имъ, отъ самого же общества; а посему черезъ мѣсяцъ по кончинѣ отца приказалъ позвать въ палату выборныхъ людей отъ купцевъ на совѣтъ о томъ, какъ лучше устроить торгъ съ Персами и Армянами. Потомъ въ 1678 году былъ созванъ совѣтъ изъ высшаго духовенства и бояръ для разсужденія о лучшихъ мѣрахъ, какъ вести войну съ турками; далѣе въ 1681 году государь приказалъ созвать депутатовъ отъ всѣхъ городовъ для разсужденія о лучшихъ средствахъ къ уравненію податей и службъ. Наконецъ въ 1682 году были приглашены высшее духовенство, бояре и выборные отъ всѣхъ служилыхъ людей для разсужденія о введеніи лучшаго порядка въ военной службѣ. На этомъ соборѣ, по приговору бояръ и выборныхъ людей, было опредѣлено уничтожить мѣстничество, уже отжившее свой вѣкъ и много мѣшавшее военной и придворной службѣ. Вообще большая часть указовъ царя Θедора Алексѣевича были изданы съ боярскимъ приговоромъ и вездѣ видно стараніе царя дать обществу болѣе голоса и простора и посократить тяжелую административную опеку. Онъ въ первый же годъ своего царствованія уничтожилъ учрежденный отцомъ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ и приказалъ всѣ дѣла его описать и раздать по другимъ приказамъ, а въ предпослѣдній годъ своего царствованія сборъ большей части податей предоставилъ самому обществу, отстраняя отъ этого воеводъ и приказныхъ людей, и для большаго поднятія нравственности въ обществѣ уничтожилъ питейные откупа, онъ старался сократить широко распространившуюся роскошь и съ этою цѣлью издалъ нѣсколько указовъ объ одеждѣ и экипажахъ, гдѣ назначилъ кому какое носить платье и въ какихъ ѣздить экипажахъ. Для поднятія нравственности общества онъ издалъ еще два замѣчательные указа, одинъ въ 1680 году, которымъ предписывалось, чтобы въ челобитныхъ государю не писать слова „пожаловалъ бы, умилосердился, какъ Богъ", и второй въ 1681 году, которымъ запрещалось чинить земные поклоны передъ боярами думными и ближними людьми, при встрѣчѣ съ ними на дорогѣ, и чтобы не слѣзать передъ ними съ лошадей. Вообще, молодой царь постоянно старался высказывать довѣріе къ обществу, выдвигать его впередъ и поднимать его нравственность, забитую приказною администраціею. Въ послѣдній годъ своего царствованія, царь

обратилъ вниманіе даже на нищихъ, стариковъ и калѣкъ и на бѣдныхъ дѣтей, оставшихся въ сиротствѣ, безъ призора; велѣлъ построить двѣ богадѣльни, одну въ Знаменскомъ монастырѣ, а другую на Гранатномъ Дворѣ, что за Никитскими воротами и записалъ за ними нѣсколько вотчинъ. Общество, поднятое государемъ, платило ему полною преданностью: въ царствованіе Θеодора Алексѣевича не было ни одного возмущенія ни въ Москвѣ, ни въ городахъ, не было неудовольствій, по крайней мѣрѣ гласныхъ, и всѣ нововведенія и реформы государя, которыхъ было довольно, принимались мирно и безропотно. Разные классы общества, и по вызову правительства, и по собственнымъ нуждамъ, смѣло подавали свой голосъ и голосъ этотъ постоянно принимался въ соображеніе. Были-ли въ царствованіе Θеодора Алексѣевича пытки и застѣнки, по такъ называемымъ политическимъ дѣламъ, не знаемъ, но очевидно въ нихъ не было нужды ни по характеру государя, уничтожившаго Тайный Приказъ, ни по положенію общества, надъ которымъ менѣе тяготѣла административная опека и которое государь постоянно старался возвысить.

Ранняя кончина царя Θеодора Алексѣевича, и малолѣтство его преемниковъ братьевъ, царей Ивана и Петра Алексѣевичей, испортили дѣло, начатое Θеодоромъ, и общество опять вступило на худую дорогу, вслѣдствіе чего подверглось новой сильнѣйшей деморализаціи. При самомъ же избраніи преемника Θеодору начались придворныя интриги; враги между собою, родственники царей Іоанна и Петра, начали сильную борьбу и вмѣшали въ это дѣло стрѣлецкіе полки, стоявшіе въ Москвѣ; престолъ московскій сталъ зависить отъ придворныхъ интригъ и своеволія необузданнаго московскаго войска. Сперва Нарышкины, родственники Петра, успѣли объявить его государемъ, мимо старшаго брата, а потомъ Милославскіе при помощи стрѣльцовъ объявили государемъ и Іоанна. При этомъ избраніи каждая партія дѣйствовала своими средствами, не прибѣгая къ голосу цѣлаго русскаго общества чрезъ выборныхъ представителей. Въ самый день кончины Θеодора, Нарышкины при помощи другихъ бояръ и высшаго духовенства, съ патріархомъ во главѣ, напередъ согласились признать царемъ девятилѣтняго царевича Петра Алексѣевича; потомъ въ тотъ же день, чтобы представить видъ всенароднаго избранія, призвали къ переднему дворцовому крыльцу дворянъ и дѣтей боярскихъ, какіе случились въ Москвѣ, а также московскихъ гостей и людей московскихъ черныхъ слободъ, и патріархъ съ боярами спросилъ ихъ: котораго царевича они желаютъ избрать царемъ—Іоанна, или Петра? И получилъ отъ собранной толпы отвѣтъ: Петра желаемъ имѣть царемъ. Потомъ снова повторилъ вопросъ и снова получилъ прежній отвѣтъ. Довольствуясь таковою формою выбора, бояре и высшее духовенство, руководимое патріархомъ, объявили царемъ Петра Алексѣевича и приказали ему присягать; все это было сдѣлано въ одинъ вечеръ, ибо царь Θедоръ Алексѣевичъ скончался въ 4-мъ часу пополудни. Но въ то время, какъ партія Нарышкиныхъ повидимому достигла своей цѣли, партія Милославскихъ, руководимая царевною Софіею Алексѣевною, дѣйствовала по своему: она обратилась къ московскимъ стрѣльцамъ, съ которыми не умѣли или не хотѣли сойтись Нарышкины, и стрѣльцы всѣхъ московскихъ полковъ, руководимые

тайно партіею Милославскихъ, на третій же день по смерти царя Ѳеодора Алексѣевича, подали новоизбранному царю челобитную на своихъ полковниковъ, жалуясь на разныя обиды и притѣсненія. Бояре, управлявшіе отъ имени Петра, опасаясь возмущенія отъ стрѣльцовъ, опредѣлили удовлетворить ихъ челобить и отрѣшить полковниковъ, бить ихъ батогами и взыскать съ нихъ всѣ убытки, предъявленные стрѣльцами. Въ исполненіе этого опредѣленія, стрѣлецкіе полковники цѣлую недѣлю были биты батогами на правежѣ, передъ Разряднымъ Приказомъ, до тѣхъ поръ пока не внесли, требуемыхъ стрѣльцами, денегъ. Между тѣмъ стрѣльцы, оставаясь безъ непосредственныхъ начальниковъ, своевольничили и въ стрѣлецкихъ слободахъ стали носиться слухи, что царь Петръ избранъ незаконно, мимо старшаго брата, что измѣнники Нарышкины и другіе бояре извели уже Іоанна и хотятъ истребить весь царскій домъ. Наконецъ, 15 мая стрѣльцы съ барабанами, пушками и другимъ оружіемъ вошли въ Кремль, окружили царскій дворецъ и стали требовать Нарышкиныхъ, погубившихъ царевича Іоанна. Тщетно царица Наталья Кирилловна вышла на Красное крыльцо съ Петромъ и Іоанномъ и указывала, что Іоаннъ живъ и стоитъ передъ ними; мятежники завопили, что ежели еще и не убитъ царевичъ, то его убьютъ, вломились во дворецъ и начали рѣзать бояръ, отыскивая Нарышкиныхъ, и приходили рѣзать и буйствовать три дня кряду, и въ это кровавое время истребили почти всѣхъ, которые были назначены ихъ тайными руководителями. Но трехдневное убійство не прекратило мятежа — стрѣльцы еще шесть дней буйствовали, грабили и оскорбляли бояръ, а 23 мая прислали во дворецъ отъ себя выборныхъ съ объявленіемъ, что стрѣльцы и многіе чины московскаго государства хотятъ видѣть на престолѣ обоихъ братьевъ царевичей, и кто тому воспротивится, то они опять придутъ съ оружіемъ и будетъ мятежъ немалый. Противниковъ между оробѣлыми боярами не оказалось и оба царевича были объявлены царями; но стрѣльцы или ихъ руководители и этимъ были недовольны: черезъ два дня выборные отъ стрѣльцовъ опять явились во дворцѣ съ требованіемъ, чтобы Іоаннъ былъ первымъ царемъ, а Петръ вторымъ. Никто не осмѣлился противиться и этому требованію, и 26 мая велѣно было собраться у Краснаго крыльца стрѣльцамъ, гостиной, суконной и чернымъ сотнямъ и ждать царскаго указа, а патріархъ, власти, бояре и думные люди попрежнему, какъ и при избраніи Петра, собрались въ Грановитую палату и послѣ краткаго совѣщанія объявили стрѣльцамъ и народу Іоанна первымъ царемъ, а Петра вторымъ; а еще черезъ два дня, по требованію стрѣльцовъ, и царевна Софія была объявлена правительницею государства, за молодостью царей. Такимъ образомъ, совершилось и второе избраніе царя по проискамъ Милославскихъ; форма избранія была соблюдена та же, какая была и при избраніи Петра; при обоихъ избраніяхъ повидимому дѣло дѣлалось по волѣ народа, для формы, для вида, при томъ и другомъ избраніи приглашался народъ, но то и другое избраніе дѣлалось передъ толпою, но безъ согласія общества, безъ объявленія народной воли черезъ выборныхъ отъ городовъ. Здѣсь общество въ обоихъ случаяхъ оставалось въ сторонѣ, земскаго собора не было, а дѣйствовали одни придворныя партіи при помощи стрѣльцовъ и черни.

Но чернь и своевольное войско, выдвинутые впередъ какъ рѣшители судебъ государства, не могли скоро успокоиться. Между тѣмъ какъ вновь избранные цари торжественно были вѣнчаны на царство въ Успенскомъ соборѣ, въ стрѣлецкихъ слободахъ продолжались волненія; начальникъ всего стрѣлецкаго войска князь Иванъ Хаванскій, закоренѣлый раскольникъ, сталъ тайно возбуждать стрѣльцовъ и чернь на защиту раскола, тайно были выписаны въ Москву главные расколоучители, уже отлученные отъ церкви, и при ихъ подстрекательствѣ стрѣльцы и чернь снова забунтовали и съ шумомъ явились въ Кремль, требуя церковнаго сбора на Красной площади для пренія о вѣрѣ, а между тѣмъ тайно замышляя побить патріарха и архіереевъ, и другихъ неугодныхъ имъ людей. Но этотъ мятежъ благоразуміемъ и твердостію Софіи былъ усмиренъ безъ кровопролитія, а главные расколоучители казнены, или сосланы въ ссылку. Однако волненія стрѣльцовъ не прекращались: руководимые княземъ Хованскимъ, они вмѣстѣ съ чернію вообразили себя представителями общества и судіями народа, и продолжали вездѣ отыскивать и своевольно казнить мнимыхъ измѣнниковъ. *Слово и дѣло*, эти ужасныя слова опять пошли въ ходъ, а съ ними вмѣстѣ пытки и казни, надъ которыми стрѣльцы и чернь не задумывались при первомъ пустомъ слухѣ о грозящей имъ опасности отъ бояръ и начальниковъ. Такое положеніе дѣлъ заставило всѣхъ лучшихъ людей бѣжать изъ Москвы, а наконецъ, выѣхало и царское семейство съ своимъ дворомъ; Софія для собственнаго спасенія и водворенія порядка отъ имени царей разослала грамоты по ближайшимъ къ Москвѣ городамъ, чтобы дворяне, боярскіе дѣти и другіе служилые люди этого разряда спѣшили въ Троицкій монастырь, куда уже прибылъ царскій дворъ съ царями и царевнами. По этому зову скоро собралась большая рать на защиту престола, и рать ненавидящая стрѣльцовъ, рать землевладѣльцевъ, нуждающихся въ тишинѣ и мирѣ общественномъ, а не толпы бездомной вольницы, радующейся мятежамъ и кровопролитію. Стрѣльцы, узнавши объ этомъ, присмирѣли, ихъ главный заводчикъ князь Хованскій съ сыномъ по указу царей были вытребованы въ Троицкій монастырь и казнены смертію на дорогѣ, въ селѣ Воздвиженскомъ. Царскій дворъ воротился въ Москву, Софія, объявивши стрѣльцамъ прощеніе, съ тѣмъ вмѣстѣ приняла свои мѣры: раздѣлила московскихъ дворянъ и жильцовъ на пять частей и предписала, чтобы каждую четверть года одна часть стояла карауломъ въ Москвѣ, а безпокойные стрѣлецкіе полки мало-по-малу выпроводила изъ Москвы, оставя при себѣ только тѣ, на преданность и послушаніе которыхъ могла положиться. Такъ кончился кровавый годъ смерти царя Ѳеодора Алексѣевича. Дорого онъ стоилъ и обѣимъ придворнымъ партіямъ, вздумавшимъ руководить общественными дѣлами мимо представителей общества, и обществу, равнодушно смотрѣвшему на придворныя интриги.

Мѣры, принятыя царевною Софіею, временно прекратили мятежи въ Московскомъ государствѣ, или скорѣе собственно въ Москвѣ, ибо возмущенія стрѣльцовъ ограничивались собственно городомъ Москвою, но неудовольствія тайныя и какой-то разладъ въ обществѣ не были прекращены и постепенно росли все болѣе и болѣе. Очевидный сви-

дѣтель этого времени, генералъ Гордонъ, 38 лѣтъ служившій въ Россіи, еще въ 1684 году подавалъ князю Василію Васильевичу Голицыну записку, въ которой между разными причинами, препятствующими успѣшной войнѣ съ Турками, выставлялъ то, что государство раздѣлено на мятежныя или несогласныя части, что дворянство питаетъ смятеніе, несогласіе, подозрѣніе и зависть. То же подтверждаетъ и другой современникъ, бывшій также тогда въ Москвѣ, Невиль; онъ говоритъ въ своихъ запискахъ, что любимецъ Софіи, князь В. В. Голицынъ, захвативши въ свои руки огромную власть и посажавши на важныя должности своихъ клевретовъ, большею частію людей незначительныхъ по происхожденію, возбудилъ противъ себя ненависть всѣхъ знатныхъ людей, отодвинутыхъ его распоряженіями на задній планъ. И дѣйствительно Москва въ то время была раздѣлена на два враждебныхъ стана: на станъ Нарышкиныхъ, недавно разгромленный, но не уничтоженный стрѣльцами, къ которому принадлежали знаменитѣйшія фамиліи, первоначально избравшія Петра, и большая часть дворянства, и на станъ Софіи, къ которому принадлежали стрѣльцы и московская чернь, выдвинутые мятежами на передній планъ, и нѣсколько боярскихъ фамилій, изъ своихъ выгодъ приставшихъ къ сторонѣ побѣдителей, вручившихъ управленіе государствомъ Софіи.

Лучшимъ свидѣтельствомъ такой нестройности тогдашняго общества служатъ указы правительства, въ которыхъ постоянно предписывается „никакихъ смутъ не затѣвать, съ оружіемъ въ городъ и никуда не ходить, круговъ по казачью не заводить, ясаковъ не вымышлять, мимошедшихъ дѣлъ не вчинать, не дѣлать и не похваляться, о всѣхъ смутахъ и замыслахъ доносить, смутныя письма объявлять, многолюдствомъ къ боярамъ, воеводамъ и приказнымъ людямъ съ челобитными не приходить, и пр.“ Это слова указа отъ 13 декабря 1682 года. Потомъ въ указѣ отъ 22 марта 1683 года говорится о людяхъ, которые „объявились на Москвѣ и въ городахъ и говорили въ народѣ, на соблазнъ и на страхованіе людямъ, многія затѣйныя дѣла, вмѣщая на смуту“. Или въ указѣ отъ 21 мая того же года, сказано: „вѣдомо великимъ государямъ учинилось, что въ городахъ тамошніе жители и прохожіе люди про мимошедшее смутное время говорятъ похвальныя и иныя многія непристойныя слова, на смуту и на страхованіе и на соблазнъ людямъ“. Или въ указѣ отъ 20 февраля 1684 года указывается, что „боярскіе люди производятъ шумъ и драки въ Кремлѣ близъ дворца, и когда караульные капитаны и стрѣльцы станутъ ихъ унимать, то они капитановъ и стрѣльцовъ бранятъ и грозятъ бить“. Въ указѣ отъ 23 октября того же года упоминается, что два боярина, пять окольничихъ и одинъ думный дворянинъ не пошли по наряду въ ходъ за царемъ Иваномъ Алексѣевичемъ, несмотря на неоднократныя за ними посылки.

О той же нестройности и деморализаціи общества свидѣтельствуютъ записки окольничаго Желябужскаго, который, между прочимъ, выставляетъ слѣдующіе случаи частной жизни нѣкоторыхъ своихъ современниковъ. Въ 1684 году учинено наказаніе Петру Васильевичу Кикину, битъ кнутомъ передъ Стрѣлецкимъ Приказомъ, за то, что онъ дѣвку растлилъ. Да и прежде сего онъ, Петръ, пытанъ въ Вяткѣ за то, что подписался было подъ руку дьяка Емельяна Украинцева.

Въ 1685 году битъ кнутомъ на площади Θеодосій Филипповъ сынъ, Хвощинскій, за то, что онъ своровалъ — на порожнемъ столбцѣ составилъ было запись. Князю Петру Крапоткину чинено наказаніе—битъ кнутомъ за то, что онъ въ дѣлѣ своровалъ—выскребъ и приписалъ своею рукою. Степану Коробину чинено наказаніе — битъ кнутомъ за то, что дѣвку растлилъ. Въ 1687 году князь Яковъ Ивановъ сынъ, Лобановъ-Ростовскій, да Иванъ Андреевъ сынъ, Микулинъ ѣздили на разбой, по Троицкой дорогѣ, къ Красной Соснѣ, разбивать государевыхъ мужиковъ съ ихъ, великихъ государей, казною; и тѣхъ мужиковъ они разбили и казну взяли себѣ, и двухъ человѣкъ мужиковъ убили до смерти. И про то ихъ воровство разыскивано, и по розыску онъ, князь Яковъ, взятъ съ двора и привезенъ былъ къ Красному крыльцу въ простыхъ санишкахъ, и за то воровство учинено ему, князю Якову, наказаніе—битъ кнутомъ въ Жилетцкомъ подклѣтѣ, по упросу верховой боярыни и мамы, княгини Анны Никифоровны Лобановой; да у него же, князя Якова, отнято за то его воровство безповоротно 400 дворовъ крестьянскихъ; а человѣка его, калмыка, да казначея, за то воровство повѣсили. А Ивану Микулину за то воровство учинено наказаніе—битъ кнутомъ на площади нещадно, и отняты у него помѣстья и вотчины безповоротно, и розданы въ раздачу, и сосланъ былъ въ ссылку въ Сибирь, въ городъ Томскъ.

Таковые и подобные поступки въ высшемъ сословіи, между дворянами и князьями, служатъ лучшимъ свидѣтельствомъ того, какъ низко пало тогдашнее общество вслѣдствіе интригъ и мятежей, и чего, конечно, можно было ожидать отъ такого общества, когда высшій слой его, который долженъ бы былъ итти впереди, руководить и поддерживать другихъ, погрязъ въ такихъ порокахъ, которые нетерпимы и отвратительны и въ низшемъ слоѣ общества. Среди этого-то общества явился Петръ и на восемнадцатомъ году отъ рожденія сдѣлался полновластнымъ и ничѣмъ неограниченнымъ государемъ, а съ нимъ и партія Нарышкиныхъ и всѣхъ тѣхъ боярскихъ фамилій, которыя Софіею, Голицынымъ и стрѣльцами были сбиты на задній планъ и у которыхъ, естественно, не могло быть никакого другого чувства къ противникамъ, кромѣ крайней ненависти и кровавой вражды. Партія же, въ сущности уже проигравшая свое дѣло съ переходомъ правленія въ руки Петра, еще не думала отступиться, сойти со сцены мирно и покориться своей участи. Отсюда начало мятежей настоящихъ и мнимыхъ и рядомъ съ мятежами страшное преслѣдованіе: вѣшаютъ чуть не тысячами, колесуютъ, четвертуютъ, въ Преображенскомъ, въ застѣнкахъ, страшныя, невыносимыя пытки: кнутъ, виска, раскаленное желѣзо, костры, на которыхъ поджариваютъ живыхъ, чтобы они сами обвинили себя въ томъ, въ чемъ ихъ обвиняютъ доносчики и слѣдователи. Съ одной стороны доносчики-шпіоны и по службѣ и по собственной охотѣ, а съ другой—заговорщики, подкупные тайные убійцы, явные бунтовщики съ ружьями и пушками; та и другая сторона ничѣмъ не пренебрегаютъ, взаимное ожесточеніе доходитъ до крайностей, и обѣ стороны падаютъ: одна быстро вымираетъ на висилицахъ, на колесахъ, на плахахъ подъ топоромъ палача и въ застѣнкахъ, а другая вымираетъ нравственно, дѣлается слѣпымъ орудіемъ, какою-то сти-

хійною силою. Изъ этой темной пучины всплываетъ на верхъ царь Петръ съ своимъ обширнымъ умомъ и желѣзною волею, отыскиваетъ для себѣ людей и въ рядахъ дворянства, и въ торговыхъ лавкахъ, и на площадяхъ, и между заѣзжими иноземцами, и даже между боярскими холопами и монастырскими служками, и создаетъ для себя общество, ведетъ его по новому пути, созидаетъ новыя требованія, новыя нужды и производитъ всеобщую реформу, начиная съ бороды и русскаго платья, которыя оставилъ только низшему классу, да и то неохотно, и кончая переустройствомъ всего государственнаго механизма. Но о дѣятельности Петра мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ, а теперь опять обратимся къ тогдашнему русскому обществу.

Всѣ современники единогласно свидѣтельствуютъ, что русское тогдашнее общество, ослабленное раздорами и подавленное централизаціею и приказною администраціею, но удерживаемою военною силою, было въ крайнемъ упадкѣ и не только утратило всѣ свои права, но и нравственно сильно пошатнулось. Мы имѣемъ между многими другими двухъ наиболѣе достовѣрныхъ и безпристрастныхъ современныхъ свидѣтелей о русскомъ обществѣ за петровское время: окольничаго Желябужскаго и крестьянина Посошкова. Первый писалъ о первой половинѣ царствованія Петра, а второй—о послѣдней. По свидѣтельству Желябужскаго, въ 1694 году пытаны и биты батогами: Леонтій Кривцовъ, Ѳедоръ Перхуровъ, дьякъ Иванъ Шапкинъ, Григорій Языковъ, Ѳедоръ Замыцкій и дьяки - Иванъ Харламовъ и Петръ Вязмитинъ, что воровали по приказамъ: дѣлая подчистки и поддѣлки въ дѣлахъ. Въ слѣдующемъ году пытаны въ воровствѣ по язычной молвкѣ: стольники—Владиміръ и Василій Шереметевы, князь Иванъ Ухтомскій, Левъ и Григорій Колзаковы; а языки съ пытки на нихъ говорили, что на Москвѣ они пріѣзжали среди бѣла дня къ посадскимъ женкамъ, и домы ихъ грабили, и смертное убійство чинили и назывались большими. Въ томъ же году, по свидѣтельству того-же Желябужскаго, мы встрѣчаемъ начальникомъ 3-й роты гвардейскаго Преображенскаго полка, князя Якова Лобанова-Ростовскаго, того самаго, который въ 1687 году по суду былъ битъ кнутомъ за денной разбой и убійство на большой дорогѣ. А Посошковъ говоритъ о своихъ современникахъ по порядку сословій и во-первыхъ *о духовенствѣ*: „они наши пастыри и отцы, они и вожди, а въ книжномъ ученіи и разумѣніи весьма не довольны: а архіереи полагаются на служебниковъ своихъ въ поставленіи поповстѣмъ; а сельскіе попы обременены земледѣльствомъ. А что Богъ взыщетъ всякія погибшія души на нихъ, того не смышляютъ, и о служеніи церковномъ не пекутся.“ *О войскѣ*: „военный людъ—стѣна и забрало царства, а командиры и судіи военнаго правленія не имутъ попеченія, чтобы они ни голодни, ни холодни были; а инымъ солдатамъ на мѣсяцъ и по десяти алтынъ не приходитъ, то чѣмъ ему прожить, гдѣ ему взять шубы и рукавицы и на что харча купить, и въ такой скудности живучи, какъ ему не своровать. И при квартирахъ солдаты и драгуны такъ не мирно стоятъ, и обиды страшныя чинятъ, что и исчислить ихъ не можно, а гдѣ офицеры ихъ стоятъ, то и того горше чинятъ. А во обидахъ ихъ суда никакъ сыскать негдѣ,—военный судъ аще и жестокъ учиненъ, да и жестоко доступать до него; не токмо простолюдинъ доступить по нему, но и

военный человѣкъ на неравнаго себѣ не скоро судъ сыщетъ.“ *О купечествѣ*: „купечество у насъ другъ друга обманываютъ, худые товары закрашиваютъ добрыми, другъ друга ѣдятъ и никакого союза между собою не имѣютъ, и тако вси погибаютъ.“

Говоря о современнемъ ему судѣ, Посошковъ пишетъ: „я истинно удивляюсь, что у судей за нравъ, что въ тюрьму посадя держатъ лѣтъ по пяти, шести и больше. Въ прошломъ 1719 году сыщикъ Ислѣньевъ въ Устринѣ у таможеннаго цѣловальника взялъ съ работы двухъ человѣкъ плотниковъ за то, что у нихъ паспортовъ не было, и отослалъ ихъ въ Новгородъ, и въ Новгородѣ судья Иванъ Мякининъ кинулъ ихъ въ тюрьму, и одинъ товарищъ, годъ пересидя, умеръ, а другой два года сидѣлъ, да едва его на росписку свободилъ. На что бодрѣе и разумнѣе господина князя Дмитрія Михайловича Голицына! въ прошломъ году подалъ я ему челобитную, чтобъ мнѣ заводъ построить винокуренный и водку взять на подрядъ; и невѣдомо чего ради велѣлъ меня за караулъ посадить, и я сидѣлъ цѣлую недѣлю, и стало мнѣ скучно быть, что сижу долго, а за что сижу не знаю. Въ самое заговѣнье Госпожинское велѣлъ я уряднику доложить о себѣ; и онъ князь Дмитрій Михайловичъ сказалъ: давноль де онъ подъ карауломъ сидитъ? урядникъ сказалъ уже де цѣлую недѣлю сидитъ; и тотчасъ велѣлъ меня выпустить. И я кажется, и непослѣднiй человѣкъ, и онъ, князь Дмитрiй Михайловичъ, меня знаетъ, а просидѣлъ цѣлую недѣлю низачто. Кольмиже паче коего мизирнаго посадятъ да и забудутъ“. Далѣе о повальныхъ обыскахъ пишетъ: „А что въ проклятыхъ повальныхъ обыскахъ, то самъ сатана сидитъ, а Божiя правды ни слѣда нѣтъ: всѣхъ свидѣтелей пишутъ заочно“. Или о судебныхъ справкахъ: „Хотя малая какая справка приказная, то не хотятъ подождать до инаго времени, но какъ вздумаютъ, такъ и посылаютъ безсрочно; и того отнюдь не чинятъ, чтобъ послать о томъ, еже взять письменное вѣденiе; но только то у приказныхъ людей вытвержено, что поволоки со всякою отповѣдью въ городъ. А ино дѣло прямаго аще и на алтынъ нѣтъ, а по кого пошлютъ, то самое легкое дѣло, что рубли два три убытку сдѣлаютъ, а иному рублевъ и десять учинятъ убытку, и тѣхъ людей Божiихъ весьма убытчатъ“.

О своевольствахъ дворянъ и ихъ укрывательствѣ отъ службы Посошковъ разсказываетъ: „Дворяны такъ избалованы: въ Устрицкомъ стану есть дворянинъ Ѳедоръ Макѣевъ сынъ, Пустошкинъ, уже состарѣлся, а на службѣ никакой и одной ногой не бывалъ; и какiе посылки жестокiе по него не бывали, никто взять его не могъ: овыхъ дарами угобзитъ, а кого дарами угобзить не можетъ, то притворитъ себѣ тяжкую болѣзнь, или возложитъ на себя городство. И за такимъ его пронырствомъ инiи и съ дороги его отпущали; а егда изъ глазъ у посылщиковъ выѣдетъ, то юродство свое отложитъ, и домой прiѣхавъ яко левъ рыкаетъ. И аще никакiя службы великому государю не оказалъ, а сосѣды всѣ его боятся; дѣтей у него четыре сына вырощены, и меньшему его есть лѣтъ семнадцать, а по 1719 годъ никто ихъ въ службу выслать не могъ. И не сей токмо Пустошкинъ, но многое множество дворянъ вѣки свои проживаютъ. Въ Алексинскомъ уѣздѣ видѣлъ я такого дворянина, именемъ Ивана Васильева сына, Золотарева. Дома сосѣдямъ своимъ страшенъ, яко левъ, а на службѣ ху-

же козы. Въ Крымскомъ походѣ не могъ онъ отбыть, чтобы нейтить на службу; то онъ послалъ вмѣсто себя убогаго дворянина, прозваніемъ Темирязева, и далъ ему лошадь, да человѣка своего, то онъ его именемъ и былъ на службѣ, а самъ онъ дома былъ, и по деревнямъ шестирикомъ разъѣзжалъ, и сосѣдей своихъ разорялъ. А и нынѣ если посмотрѣть, многое множество у дѣлъ такихъ брызгалъ, что могъ бы одинъ пятерыхъ непріятелей гнать, а онъ, добившись къ какому дѣлу наживочному, да живетъ себѣ, да наживаетъ пожитки, ибо овые добившись въ комисары, и въ четверщики, и въ подкомисарья, и въ судьи и въ иныя управленія, и живутъ въ покоѣ да богатятся: а убогіе дворяне служатъ, и съ службы мало съѣзжаютъ, иніи лѣтъ по двадцати и по тридцати служатъ".

О крестьянахъ пишетъ: „крестьянское житіе скудостно ни отъ чего иного, токмо отъ своея ихъ лѣности, а потомъ отъ неразсмотрѣнія правителей и отъ помѣщичья насилія. Есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ работную пору не даютъ крестьянамъ своимъ единаго дня, ежебы ему на себя что сработать. И тако пахатную и сѣнокосную пору всю и потеряютъ у нихъ; или что наложено на крестьянъ оброку или столовыхъ запасовъ, и то положенное забравъ, и еще требуютъ съ нихъ излишняго побору и тѣмъ излишествомъ крестьянство въ нищету пригоняютъ; и который крестьянинъ станетъ мало мало посытѣе, то на него и подати прибавляютъ. И за такимъ ихъ порядкомъ крестьянинъ никогда у такого помѣщика обогатиться не можетъ, и многіе дворяне говорятъ: крестьянину не давай обрости, но стриги его яко овцу до гола. И тако творя царство пустошатъ; понеже такъ ихъ обираютъ, что у иного и козы не оставляютъ. И отъ таковыя нужды крестьяне домы своя оставляютъ и бѣгутъ иныя въ понизовыя мѣста, иные же и во украинныя, а иные и въ зарубѣжныя; и тако чужія страны населяютъ, а свою пусту оставляютъ".

Наконецъ, къ довершенію описанія бѣдственнаго состоянія русскаго общества, Посошковъ свидѣтельствуетъ о безпрестанныхъ и повсемѣстныхъ разбояхъ. Онъ говоритъ: „О истребленіи разбойниковъ много взысканія числится изъ давнихъ лѣтъ, и многіе сыщики жестокіе посылаемы бывали, якоже: Артемій Огибаловъ, Евсигней Неѣловъ и прочіе подобные тѣмъ. Обаче тѣмъ ничтоже утѣша, но всегда ихъ множество во всѣхъ странахъ многіе разбои чинятъ, многія деревни и села великія разбиваютъ, и людей до смерти запытываютъ. И никогда тѣмъ разбойникамъ конца не будетъ, аще нынѣшняго судейскаго правленія не измѣнятъ, и отъ чего они родятся, если не пресѣчь. У насъ поймавъ вора или разбойника, не могутъ съ нимъ разстаться,— посадятъ въ тюрьму, да кормятъ его будто добраго человѣка, и держатъ въ тюрьмѣ лѣтъ десять и двадцать, и въ такомъ долгомъ сидѣньи много ихъ уходятъ, а ушедъ уже пуще стараго воруютъ. И нынѣ такъ они умножились: аще кой крестьянинъ хотя десятковъ пять шесть наживаетъ, а воры ближніе то увѣдавъ, пришедъ на дворъ, да и совсѣмъ его разорятъ, и допытываясь денегъ многихъ и до смерти замучиваютъ, а сосѣди все слышатъ и видятъ, а на выручку къ сосѣду своему нейдутъ и ворамъ даютъ волю".

Но, кромѣ ночныхъ воровъ и разбойниковъ, по дорогамъ въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ были и такіе грабители, которые за-

нимали высшія государственныя должности и пользовались полною довѣренностію государя. Всѣмъ извѣстна слѣдовательная коммиссія, учрежденная въ 1718 году, по случаю открывшихся важныхъ злоупотребленій въ администраціи и расхищенія огромныхъ казенныхъ суммъ! Суду этой коммиссіи подвергались знаменитѣйшія лица въ государствѣ, постоянные и самые близкіе сотрудники Петра: Менщиковъ, Апраксинъ, Долгорукій и многіе другіе, изъ коихъ только одинъ Долгорукій оправдался, а всѣ другіе были уличены въ разныхъ злоупотребленіяхъ и расхищеніяхъ казны. Но что всего ужаснѣе, что къ концу царствованія Петра административная опека, снабженная фискалами, оберъ-фискалами и разными шпіонами и поддерживаемая страшными застѣнками и военною силою, разставленною для постояннаго квартированія почти по всѣмъ губерніямъ, довела общество до такой деморализаціи, что доносы сдѣлались уже не ремесломъ извѣстныхъ людей, а какою-то необходимостью почти для всѣхъ; каждый пустой и дѣльный слухъ, даже нелѣпый разговоръ пьяныхъ въ кабакѣ, или у кого въ гостяхъ, напремѣнно доносился кѣмъ либо изъ слышавшихъ, ибо не донести было нельзя, а за каждымъ доносомъ непремѣнно слѣдовало путешествіе въ застѣнокъ, или казематъ съ пытками, откуда люди или выходили на свѣтъ божій съ выломанными руками и другими памятниками своего пребыванія въ застѣнкѣ, или прямо отправлялись на висѣлицу, или подъ кнутъ, или подъ топоръ палача, или дѣлали дальнее путешествіе въ Сибирь. Разсказъ подъ названіемъ *кабачекъ Мартыгка*, составленный по оффиціальнымъ бумагамъ и помѣщенный въ Русскомъ Вѣстникѣ въ 1861 году, всего лучше свидѣтельствуетъ объ этомъ состояніи русскаго общества въ царствованіе Петра.

Кончина Петра не прекратила порядковъ, заведенныхъ въ его время; раздѣленіе общества на двѣ враждебныя партіи, придворныя интриги, гнетъ администраціи и централизаціи, разорительные налоги и разные поборы управляющихъ областями, разбои, грабежи и общая деморализація продолжалась попрежнему и при ближайшихъ преемникахъ Петра. Особенно въ большомъ ходу было *слово и дѣло* съ своими спутниками: застѣнками, пытками, казнями и ссылками въ Сибирь, какъ это засвидѣтельствовано указомъ Анны Ивановны отъ 10 апрѣля 1730 года, гдѣ сказано: „Многіе колодники и каторжные невольники, которые за тяжкія вины уже сосланы въ работу, сказываютъ за собою наша слово и дѣло. Также и всякихъ чиновъ люди, которыя, хотя и не колодники, такія же великія дѣла ложно затѣваютъ по злобѣ, желая кого привесть къ напрасному истязанію, и невинныхъ оговариваютъ ложно, отчего въ правленіи государственныхъ дѣлъ чинится помѣшательство и остановка, а въ дачѣ подъ нихъ провожатыхъ и подводъ и прогоновъ, казенный убытокъ (№ 3528). Но и въ царствованіе Анны Ивановны въ этомъ отношеніи состояніе русскаго общества не улучшилось, чему, конечно, много способствовали самыя обстоятельства, сопровождавшія восшествіе ее на престолъ, и подозрительный характеръ ея любимца Герцога Бирона. Вступленіе Анны Ивановны на престолъ представляетъ замѣчательное явленіе въ нашей истори. Со смертію бездѣтнаго Петра II-го пресѣклось мужское поколѣніе царственнаго дома Романовыхъ. Петръ II-й умеръ

не оставивъ никакого завѣщанія, а яснаго закона о престолонаслѣдіи не было. Всѣ обстоятельства требовали того, чтобы обратиться къ обществу и спросить его рѣшенія. Вмѣсто всего этого пять членовъ Верховнаго Совѣта, даже безъ согласія всѣхъ товарищей, самовольно рѣшаютъ судьбу государства, приглашаютъ на престолъ герцогиню Курляндскую, по своимъ видамъ навязываютъ ей какую-то конституцію, ими одними составленную. Разумѣется, эта нелѣпая конституція черезъ недѣлю же по пріѣздѣ новой императрицы была разорвана въ клочки, но и здѣсь не спросили общество, и все дѣло обошлось адресомъ 300 дворянъ и согласіемъ гвардіи офицеровъ, которыхъ приласкала императрица. Впрочемъ, императрица Анна Ивановна первоначально думала обращаться къ обществу и совѣтываться съ нимъ въ важнѣйшихъ дѣлахъ, какъ это показываетъ указъ отъ 1-го іюня 1730 года, которымъ назначается, чтобы для сочиненія новаго уложенія Сенатъ по своему разсмотрѣнію выбралъ депутатовъ отъ дворянства, духовенства и купечества (№ 5567). Но это въ томъ же году указомъ Сената отъ 10 декабря было отмѣнено, и даже высланные въ Сенатъ по этому предмету депутаты отъ дворянства разныхъ губерній были отосланы назадъ. А въ 1731 году указомъ отъ 6 апрѣля была уже учреждена Канцелярія Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Ушакова съ огромнѣйшими правами. Страшное слово и дѣло опять стало смущать не только Петербургъ и Москву, гдѣ никто, особенно изъ высшихъ классовъ, не надѣялся на свою безопасность и за одинъ день, но распространилась и по другимъ даже мелкимъ городамъ, ибо стоило только какому нибудь пьяному негодяю крикнуть слово и дѣло и представить мѣстному воеводѣ, или другому командиру, доносъ на кого бы то ни было, какъ несчастнаго тутъ же брали подъ арестъ и подвергали застѣночнымъ операціямъ. Въ Москвѣ въ это время, какъ я знаю по устнымъ преданіямъ отъ стариковъ, дѣло доходило до того, что купцы въ рядахъ бросали всѣ дѣла, запирали лавки и старались спрятаться, какъ скоро увидятъ, что ведутъ языка, сказавшаго слово и дѣло. Рядомъ съ словомъ и дѣломъ росла и административная опека и доросла до того, что стоило только какому нибудь пройдохѣ надѣть какой нибудь мундиръ и назвать себя посланцемъ отъ воеводы, или отъ другого какого начальнаго лица, чтобы брать разные поборы съ крестьянъ и мелкихъ помѣщиковъ по деревнямъ, ибо начальниковъ было въ то время такъ много, что деревенскому жителю нельзя было и разобрать, кто въ самомъ дѣлѣ начальникъ и кто самозванецъ, а каждый хорошо зналъ страшныя послѣдствія сопротивленія начальству. Вообще дѣла такъ ловко были устроены, что сверху казалось стройнымъ и порядочнымъ, за всѣмъ присмотръ, вездѣ отчетъ; но обществу отъ этого не было легче, ибо каждый лишній надзиратель являлся лишь новымъ собирателемъ поборовъ въ свою пользу. По указамъ отъ 31 октября 1730 года и отъ 7 и 17 іюня 1731 года, квартирующіе на вѣчныхъ квартирахъ по губерніямъ солдаты опять сдѣлались опекунами городскихъ и сельскихъ жителей; имъ былъ порученъ и сборъ податей, и соблюденіе тишины и порядка въ обществѣ, и искорененіе воровъ и разбойниковъ; а воры и разбойники все умножались, цѣлыя деревни и волости въ иныхъ мѣстахъ занимались этимъ про

мысломъ и, по свидѣтельству указа отъ 7-го іюля 1731 года, шайки разбойниковъ иногда бывали такъ велики, что для этого приходилось собирать отряды войскъ изъ нѣсколькихъ городовъ. Около Москвы разбойниковъ такъ было много и они имѣли такую дерзость, что въ 1734 году стали уже посылать къ московскому главнокомандующему письма съ требованіемъ о присылкѣ къ нимъ денегъ, грозя въ противномъ случаѣ разными злодѣйствами. А въ 1736 году, по указу отъ 3-го сентября, была учреждена подъ начальствомъ подполковника Рѣдькина для сыску воровъ и разбойниковъ особая военная команда. (№ 7045). По свидѣтельству указа отъ 14 декабря 1737 года, грабежи сильно распространились даже въ самомъ Петербургѣ, такъ что правительство нашлось вынужденнымъ поставить гвардейскіе пикеты по Невскому проспекту и въ другихъ мѣстахъ (№ 7458). Въ разбояхъ принимали участіе не одни крестьяне и бѣглые солдаты, которыхъ, должно сказать, по тягости службы было въ то время очень много, но и дворяне, по старой памяти, какъ это дѣлали иные изъ нихъ въ концѣ XVII столѣтія. Современникъ Анны и Елизаветы, артиллеріи маіоръ Даниловъ, въ своихъ запискахъ разсказываетъ между прочимъ: „въ 1739 году пойманъ былъ разбойникъ, князь Лихутьевъ, и въ Москвѣ на площади казненъ, голова его была поставлена на колъ.“ (ст. 57).

Кромѣ грабежей и разбоевъ и страшнаго слова и дѣла общество само по себѣ какъ то было не спокойно, по мѣстамъ высказывались неудовольствія и даже являлись самозванцы. Время отъ времени появлялись разныя безъимянныя подметныя письма и притомъ въ значительномъ количествѣ, какъ это засвидѣтельствовано указами отъ 11-го августа 1732 года и отъ 26 сентября 1738 года, по которымъ такія письма предписано нераспечатывая публично сожигать. А указомъ отъ 25 іюля 1735 года запрещалось по ночамъ пропускать къ рогаткамъ черный народъ болѣе трехъ человѣкъ изъ опасенія безпорядковъ и грабительствъ. А въ 1738 году явился самозванецъ, какой-то Миницкій, проживавшій въ числѣ рабочихъ въ малороссійскомъ Переяславскомъ полку, который назвалъ себя царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, составилъ себѣ небольшую шайку и началъ смущать народъ, но вскорѣ былъ пойманъ, отведенъ въ Тайную Канцелярію и тамъ, послѣ пытокъ и допросовъ, вмѣстѣ съ своими соучастниками посаженъ живой на колъ. Замыселъ Миницкаго не имѣлъ большихъ послѣдствій, онъ едва успѣлъ привлечь къ себѣ 68 человѣкъ, какъ былъ схваченъ въ Тайную Канцелярію; но тѣмъ не менѣе замыселъ этотъ свидѣтельствуетъ о неспокойномъ состояніи общества. Кромѣ того въ узаконеніяхъ времени Анны Ивановны мы встрѣчаемъ нѣсколько указовъ о преслѣдованіи тѣхъ священнослужителей, которые не давали присяги на вѣрность императрицѣ и не служили литургій въ царскіе дни; указы эти были изданы не только въ началѣ царствованія Анны Ивановны, но и въ послѣдніе годы, что довольно ясно намекаетъ о какой-то партіи недовольныхъ.

Относительно частной обыденной жизни тогдашняго общества должно сказать, что какъ высшіе такъ и низшіе слои его въ то время отличались крайнею грубостію и варварствомъ, несмотря на то, что въ высшихъ слояхъ внѣшность была довольно блестяща и прикрыва-

лась нѣкоторымъ лоскомъ образованности; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ припомнить поступки кабинетъ-министра Волынскаго съ тогдашнимъ академикомъ Тредьяковскимъ. Образованіе, несмотря на заведеніе разныхъ школъ, учрежденныхъ какъ Петромъ Великимъ, такъ и Анною Ивановною, было въ самомъ жалкомъ состояніи. Ежели плохи были дьячки и пономари, учившіе по часослову и псалтырю по селамъ и деревнямъ, то и въ казенныхъ школахъ учителя не отличались ни нравственностью, ни званіемъ дѣла. Вотъ какъ описываетъ современникъ Даниловъ Артиллерійскую школу, гдѣ учились князья и дворяне: „Великой тогда недостатокъ въ оной школѣ состоялъ въ учителяхъ. Сначала вступленія учениковъ, было для показанія одной ариѳметики изъ пушкарскихъ дѣтей два подмастерья; потомъ опредѣлили, по пословицѣ - волка овецъ пасти, штыкъ-юнкера Алабушева. Онъ тогда содержался въ смертномъ убійствѣ третій разъ подъ арестомъ,– былъ человѣкъ хотя нѣсколько знающій, разбиралъ Магницкаго печатную ариѳметику, и часть геометрическихъ фигуръ показывалъ ученикамъ, почему и выдавалъ себя въ тогдашнее время (въ 1736 году) ученымъ человѣкомъ, однако былъ вздорный, пьяный и весьма неприличный быть учителемъ благородному юношеству“. Между тѣмъ въ этой школѣ было до 700 учениковъ. Вотъ одинъ анекдотъ, разсказанный Даниловымъ объ Алабушевѣ: онъ увидалъ какой-то рисунокъ у одного изъ учениковъ, по фамиліи Жеребцова, схватилъ ученика, повалилъ на полъ, велѣлъ рисунокъ положить ему на спину и сѣкъ Жеребцова немилостиво, пока рисунокъ розгами разстегали весь на спинѣ. Вообще должно сказать, что старый порядокъ ученія былъ тогда брошенъ безъ всякаго надзора, а за новымъ плохо смотрѣли, да и не думали о средствахъ къ его улучшенію, если людей, состоящихъ подъ арестомъ и никуда негодныхъ, назначили въ учителя, даже въ такую школу, какъ артиллерійская, гдѣ училось до 700 человѣкъ княжескихъ и дворянскихъ дѣтей. Не даромъ же въ то время неохотно отдавали дѣтей въ казенныя училища.

Отношеніе мѣстныхъ правителей было не лучше отношенія учителей къ ученикамъ; крайняя грубость и взяточничество были обыкновеннымъ явленіемъ въ тогдашнее время. Вотъ что разсказываетъ Даниловъ объ одномъ Данковскомъ воеводѣ, у котораго въ дѣтствѣ онъ гостилъ нѣсколько времени: „У воеводы былъ сынъ Василій въ мои лѣта, или еще моложе; я жилъ у воеводы болѣе въ гостяхъ, нежели учился, хотя и былъ у сына воеводскаго учитель, отставной престарѣлый попъ, только мы не всякій день и зады твердили. Отпустилъ насъ на недѣлю рождества Христова воевода съ сыномъ своимъ по тому уѣзду Христа славить и за нами посылалъ подводъ по пяти и болѣе порожнихъ саней, на подаяніе за славленье. Мы каждый день привозили посланные за нами подводы полны хлѣбомъ и живыми курами и по нѣскольку денегъ; и въ недѣлю Рождества, какъ хлѣба, такъ и живыхъ куръ, не мало натаскали къ воеводѣ. При ономъ славленьи нашемъ насмотрѣлся я, что воеводскіе люди поступаютъ въ уѣздѣ нахайливѣе и безстыднѣе городскихъ разсыльщиковъ; они собрали птицъ и съ тѣхъ дворовъ, въ которыхъ мы съ воеводскимъ сыномъ не были и Христа не славили“. Хороши поборы! Данковскій воевода былъ еще не изъ худыхъ; что же дѣлали другіе?

Отношеніе дворянъ между собою и къ своимъ слугамъ тоже не отличались особенною мягкостью и благонравіемъ: зазвать сосѣда, или родственника, въ гости и обобрать его тогда не было явленіемъ необыкновеннымъ. Даниловъ раcказываетъ, что одинъ разъ родной дядя его зятя, зазвавъ племянника къ себѣ въ гости и напоивъ порядкомъ, взялъ съ него закладную въ пять тысячъ рублей на самое лучшее его село въ 250 душъ, а денегъ далъ только тысячу рублей. А по смерти зятя еще лучше поступили родственники съ его женою: они какъ разбойники напали на ея обозъ, отправленный въ Москву, и разграбили его. Поучителенъ также одинъ поступокъ одного родственника съ самимъ Даниловымъ, бывшимъ мальчикомъ лѣтъ десяти, у котораго онъ гостилъ. Даниловъ пишетъ: „Родственникъ мой въ зимнюю пору, въ жестокіе морозы, собрался въ Глуховъ на службу и меня взялъ съ собою, и мнѣ досталось ѣхать за коляскою вмѣстѣ съ лакеями; напереди ѣхали двое верховыхъ, у которыхъ ружья висѣли на погонахъ, а онъ лежалъ въ четверомѣстной коляскѣ на перинѣ въ лисьей шубѣ и подъ лисьимъ одѣяломъ. Въ одинъ день меня накормили соленою рыбою и я захворалъ. Родственникъ мой, узнавъ о моей болѣзни чрезъ своихъ слугъ, позволилъ мнѣ лечь въ коляску, въ которой я немного покойнѣе былъ, чѣмъ за коляскою. Тутъ же родственникъ, воротившись изъ Глухова домой, вздумалъ пробовать привезенное глуховское вино: прибавляя въ рюмки сахару пилъ самъ, потчивалъ жену и мою сестру, которая тутъ случилась; и они всѣ трое вскорѣ узнали силу глуховскаго вина, выпились изъ ума, прежде пѣли пѣсни, плясали, цѣловались, потомъ зачали плакать“.

Еще поучительнѣе были отношенія дворянъ тогдашняго времени къ своимъ слугамъ. Даниловъ разсказываетъ объ одной вдовѣ, своей родственницѣ: „Оная вдова охотница великая была у себя за столомъ кушать щи съ бараниной; только, признаюсь, сколько времени у ней я не жилъ, не помню того, чтобъ прошелъ хотя одинъ день безъ драки. Какъ скоро она примется кушать свои любимыя щи, то кухарку, которая готовила тѣ щи, люди, притаща въ ту горницу, гдѣ мы обѣдаемъ, положатъ на полъ и станутъ сѣчь батажьемъ немилосердно, и потуда сѣкутъ и кухарка кричитъ, пока не перестанетъ вдова щи кушать; это такъ уже введено было во всегдашнее обыкновеніе, видно для хорошаго аппетиту“.

По смерти императрицы Анны Ивановны, за малолѣтствомъ ея преемника, правленіе около года находилось въ рукахъ сперва герцога Бирона, потомъ, когда Биронъ былъ арестованъ и отправленъ въ ссылку, перешло въ слабыя руки матери императора, принцессы Анны Леопольдовны; наконецъ, въ ночь на 25 ноября 1741 года, гвардейцы Преображенскаго полка возвели на престолъ дочь Петра, Елизавету, которая до сего времени была отстраняема отъ престола. Новое правительство первоначально дало страшную волю гвардейцамъ; своеволіе солдатъ дошло до того, что во время пребыванія императорскаго двора въ Москвѣ для коронаціи, въ Петербургѣ солдаты, дотолѣ пріученные къ палкѣ и кнуту, толпами врывались въ дома именитѣйшихъ сановниковъ, съ угрозами требовали у нихъ денегъ, безъ церемоній брали все, что имъ нравилось; пьянство, развратъ, драки, грабительство день отъ дня принимали все большіе размѣры, такъ что фельдмаршалъ

Ласси принужденъ былъ разставить по всѣмъ улицамъ пикеты армейскихъ солдатъ, которые ходили по городу днемъ и ночью. И несмотря на это жители Петербурга были въ большомъ страхѣ, — многіе оставили свои дома, всѣ ворота были заперты. Лейбъ-компанцы и гвардейцы едва-ли знали исторію московскихъ стрѣльцовъ временъ Софіи, но удачно подражали ихъ буйствамъ; и Ласси не мало было хлопотъ съ ними, а правительство, помня ихъ недавнюю услугу, не рѣшалось принять надлежащихъ мѣръ законной строгости. Императрица, какъ бы въ наказаніе, только перевела офицерами въ другіе полки нѣкоторыхъ лейбъ-компанскихъ солдатъ.

Гвардейцы, буйствовавшіе въ Петербургѣ, не замедлили побунтовать въ томъ же 1741 году, во время похода въ Финляндію, но, впрочемъ, скоро были усмирены генераломъ Кейтомъ при помощи армейскихъ полковъ. Несмотря на такія буйства этой вольницы, императрица Елизавета Петровна на другой годъ, празднуя годовщину своего восшествія на престолъ, всѣхъ солдатъ лейбъ-компанской роты произвела въ дворяне и офицеры, и раздала имъ во владѣніе 14,000 душъ крестьянъ мужескаго пола, такъ что самая меньшая дача была 29 душъ на солдата, съ приличнымъ количествомъ десятинъ земли. Здѣсь Елизавета вполнѣ подражала Софіи, которая также тысячами душъ дарила своихъ приверженцевъ; впрочемъ, отъ Софіи стрѣльцы не получили ни души.

На коронацію Елизаветы были собраны депутаты отъ городовъ и сословій, впрочемъ не для чего другого, какъ только для сообщенія большаго блеска коронаціонной церемоніи. О нуждахъ общества, о его желаніяхъ никто не думалъ справляться. Русское общество съ воцареніемъ Елизаветы ждало многихъ важныхъ перемѣнъ къ облегченію народа, но ожиданія не оправдались, дѣла правленія шли по старому, заведенному порядку; попрежнему всѣмъ заправляли приближенные къ императрицѣ и любимцы, временщики. Какъ дочь Петра, государыня обратилась къ нѣкоторымъ старымъ учрежденіямъ своего родителя, отмѣненнымъ въ предшествовавшія царствованія, но эта старина не много помогала дѣлу и не мѣшала многимъ новостямъ, тяжелымъ для народа. Роскошь двора росла не по днямъ а по часамъ, придворные агенты не успѣвали выписывать изъ-за границы разныя дорогія матеріи и предметы роскоши. Дворъ, походившій въ прежнія царствованія на нѣмецкіе владѣтельные дворы, теперь сдѣлался французскимъ: французскій языкъ, французскія моды, французскій образъ жизни съ его лоскомъ и пустотою. сдѣлались господствующими. За царскимъ дворомъ слѣдовали вельможи, а за ними тянулось остальное дворянство, такъ что 11 декабря 1742 года понадобилось издать указъ, чтобы никто, кромѣ служащихъ и иностранцевъ, не смѣлъ носить богатыя платья, лица, не имѣющія ранговъ, не должны даже носить шелковыя подкладки къ платьямъ, и только первымъ пяти классамъ предоставлялось право носить кружева. Но указъ мало дѣйствовалъ; соблазнительныя образцы роскоши брали свое и роскошь не прекращалась, каждый чиновный и нечиновный дворянинъ тянулся изъ послѣдняго, разорялъ своихъ крестьянъ, грабилъ, бралъ взятки по службѣ и расточалъ награбленное.

При дворѣ были театры, балеты, маскарады, балы, гулянья, великолѣпныя иллюминаціи, ослѣпительный блескъ; а застѣнки продолжали дѣйствовать: виски, дыбы, утки и другія принадлежности этихъ страшныхъ мѣстъ не оставались въ бездѣйствіи. Ненамѣренная описка, или подчистка въ императорскомъ титлѣ, пропускъ заздравной чаши за императрицу во время пира, какой нибудь разговоръ, показавшійся подозрительнымъ какому нибудь шпіону, прямо вели въ Тайную Канцелярію и къ розыскамъ и пыткамъ. Страшное слово и дѣло держало еще въ ужасѣ все русское общество; при этомъ кликѣ ничто не спасало несчастнаго, ни санъ, ни возрастъ, ни полъ, ни заслуги; стоитъ только припомнить дѣло тогдашней первой красавицы, статсъ-дамы Лопухиной, которая страшно пострадала только за одни неосторожные разговоры между своими, и пострадала не одна, но со многими своими родственниками и знакомыми, людьми заслуженными и знатными. По этому дѣлу, какъ свидѣтельствуетъ манифестъ отъ 29 августа 1743 года, послѣ многихъ пытокъ, били публично кнутомъ и отрѣзали языкъ у генералъ-поручика Лопухина, у его жены, статсъ-дамы Лопухиной, и у графини Бестужевой-Рюминой, другихъ били плетьми и сослали въ Сибирь на поселеніе. Самые близкіе къ государынѣ и заслуженные люди не могли ручаться за свою безопасность; такъ въ 1748 году сосланъ въ ссылку въ Устюгъ-Великій, усерднѣйшій дѣятель при вступленіи на престолъ Елизаветы, ея лейбъ-медикъ Лестокъ; потомъ въ 1758 году опубликованъ измѣнникомъ и сосланъ въ ссылку въ свои деревни канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ. А о мелкихъ людяхъ и говорить нечего: ихъ пороли кнутомъ публично по первому доносу. Такъ мы имѣемъ указъ отъ 14 Іюня 1744 года, по которому предписано въ страхъ другимъ учинить наказаніе — бить кнутомъ нещадно на публичномъ мѣстѣ одного двороваго человѣка, который, поругавшись съ своимъ товарищемъ, выбранилъ его матерно и съ Сенатомъ.

Кромѣ слова и дѣла, русское общество страшно страдало въ то время отъ тяжелыхъ поборовъ. Сборъ податей, особенно недоимокъ, съ разореннаго народа доходилъ до крайнихъ предѣловъ строгости; новые указы по этому предмету, своею строгостью ничуть не уступали бироновскимъ. Такъ напримѣръ, указомъ отъ 31 августа 1742 года губернаторы, воеводы и офицеры—сборщики за невысылку въ срокъ полнаго числа податей по окладу сажались подъ арестъ, заковывались въ кандалы, для чего разосланы были по городамъ гвардейскіе солдаты; слѣдовательно, такимъ образомъ, губернаторамъ и воеводамъ съ офицерами-сборщиками предоставлена полная воля собирать подати всѣми возможными средствами, мучить несчастныхъ на правежахъ, тащить со двора послѣднюю корову. Въ томъ же 1742 году объявленъ указъ и инструкція 2-й всеобщей ревизіи, которыми засвидѣтельствовано полное паденіе общества, совершенная его безгласность. По второй ревизіи, свобода и право личности вовсе не принимаются въ соображеніе; эта ревизія заботится только объ исправномъ сборѣ казенныхъ податей, ломаетъ всѣ права податныхъ людей, отдаетъ ихъ въ крѣпость. По этой ревизіи каждый непремѣнно долженъ быть записанъ: служилый въ службу за государствомъ, податной—въ подушный окладъ гдѣ либо, или за кѣмъ нибудь, ремесленники и тор-

говцы—въ цехъ или посадъ, прочіе—за помѣщиковъ, или при фабрикахъ и заводахъ; а кто не запишется, того, ежели онъ годенъ, писать въ солдаты, негоднаго же и кого никто не беретъ въ крѣпость изъ платежа подушной подати—ссылать для поселенія въ Оренбургъ, или въ работу на казенные заводы. Страшно было за бѣдняковъ, самое рабство они должны были считать милостью! Какъ прямое слѣдствіе такого порядка и безправности бѣдняковъ, усилились грабежи, разбои въ разныхъ мѣстахъ; въ грабежахъ приняли участіе не только бѣглые крестьяне и солдаты, но и нѣкоторые помѣщики; организовались огромныя шайки грабителей, предводимыя отчаянными атаманами, и не только не было проѣзду и проходу по большимъ дорогамъ и судоходнымъ рѣкамъ, но даже въ богатыхъ и многолюдныхъ селеніяхъ жители подвергались опасности грабежа и убійства, такъ что правительство было вынуждено 7 сентября 1744 года выдать указъ, по которому для искорененія воровъ и разбойниковъ разосланы были по губерніямъ и провинціямъ особые сыщики съ военными командами, конными и пѣшими. Сыщикамъ даны были строгія инструкціи, чтобы дѣйствовать заодно съ мѣстными властями противъ разбойническихъ шаекъ, а въ случаѣ нужды въ пособіе къ своимъ командамъ брать еще отряды изъ полковъ, стоящихъ по губерніямъ на зимнихъ квартирахъ. Но, вмѣсто поимки воровъ и разбойниковъ, посланные съ военными командами сыщики сами стали производить безпорядки, притѣсненія и грабежи, какъ это видно изъ указа отъ 26 іюня 1745 года, такъ что указомъ отъ 6 ноября того же года сыщики изъ полковыхъ офицеровъ были замѣнены гарнизонными; а 1-го мая слѣдующаго года оказалось нужнымъ для петербургской губерніи учредить особую постоянную экспедицію для розысковъ по дѣламъ воровъ и разбойниковъ. Указомъ отъ 2 іюня того же года повелѣно клеймить пойманныхъ воровъ и разбойниковъ; далѣе, въ продолженіе всего царствованія Елизаветы Петровны не прекращались указы объ искорененіи разбойниковъ; такъ указомъ отъ 3 іюня предписывалось, чтобы провинціальные воеводы помогали штабъ- и оберъ-офицерамъ, посланнымъ для сыску воровъ и разбойниковъ. Въ 1748 году указомъ отъ 2 іюня предписано разставить въ Петербургѣ гвардейскіе пикеты около дворцовъ для обереганія ихъ отъ зажигателей; въ указѣ этомъ между прочимъ сказано, что частые пожары, бывшіе въ этомъ году въ Москвѣ, были произведены злоумышленниками. А въ указѣ отъ 13 февраля 1749 года говорится, что въ Москвѣ отъ господскихъ людей чинятся великія своевольства, не только ночью, но и днемъ—проѣзжихъ и прохожихъ бьютъ и грабятъ, а уличные лавочники и караульные отъ жителей разбойниковъ не ловятъ и даже прикрываютъ ихъ. Въ 1752 году указомъ отъ 16 октября, предписано, чтобы помѣщики и крестьяне и всякихъ чиновъ люди сами старались отыскивать воровъ и разбойниковъ, а бѣглыхъ солдатъ, матросовъ и рекрутъ не держать. Да и губернаторамъ и воеводамъ, и опредѣленнымъ въ городахъ командирамъ во искорененіе такихъ злодѣевъ, сверхъ опредѣленныхъ сыщиковъ, имѣть наиприлежнѣйшее смотрѣніе. Но все это мало помогало дѣлу: шайки разбойниковъ годъ отъ году росли, а не уменьшались, они уже въ главныхъ своихъ притонахъ по Окѣ и Волгѣ обзавелись не только ружьями, но и пушками, и смѣло всту-

пали въ бой съ воинскими командами, на нихъ высылаемыми, и разгоняли ихъ. Такъ въ указѣ отъ 16 іюня 1756 года упоминается, что разбойничья шайка на Окѣ, немного выше Нижняго, вооруженная ружьями и пушками, разбила высланнаго противъ нея маіора Бражникова, убила изъ его команды 27 человѣкъ и пять человѣкъ ранила; другая шайка, также вооруженная пушками, сбиралась поджечь и разграбить городъ Чебоксары и, соединясь съ другими шайками, напасть на Астрахань. А въ другомъ указѣ того же года отъ 19 ноября сказано: „изъ полученныхъ въ Сенатѣ изъ Шатцка, Нижняго, Казани и прочихъ, лежащихъ по Окѣ, Волгѣ и Сурѣ городовъ представленій оказалось, что по многимъ мѣстамъ явились разбойничьи вооруженныя станицы и не только плывущія по рѣкамъ суда, но и знатныя села и деревни, а въ Шатцкомъ уѣздѣ дворцовую Мокшенскую волость, и въ городѣ Алатырѣ магистратъ разбили, и людей до смерти побили, денежную казну разграбили, и посланную изъ Нижняго для поимки тѣхъ злодѣевъ команду разбили. И хотя тѣхъ злодѣевъ нѣсколько человѣкъ и пойманы, и оные пытаны, однако же тѣ воровскія станицы въ конецъ еще не искоренены, и оговорные многіе не сысканы, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, яко же около Москвы, и нынѣ вновь таковыя на разбойничьи станицы появились“. Для болѣе успѣшнаго преслѣдованія таковыхъ разбойничьихъ шаекъ, правительство назначило четырехъ главныхъ сыщиковъ, между которыми раздѣлило губерніи, преимущественно страдавшія отъ разбойниковъ; именно: Болотову поручило губерніи - Нижегородскую, Казанскую, Оренбургскую и Астраханскую; Зубову — Московскую, Новгородскую и Смоленскую; Житову-Бороздину - Бѣлгородскую и Воронежскую; Веревкину—Архангелогородскую, и дало имъ большое полномочіе, написало пространную инструкцію. Но и полномочіе и инструкція мало помогали дѣлу, ибо въ указѣ отъ 11 октября 1761 года мы опять встрѣчаемъ извѣстіе, что разбойничьи станицы усилились въ Новгородской губерніи, что отъ нихъ нѣтъ ни проходу, ни проѣзду по дорогамъ, что они грабятъ селенія и разбиваютъ высылаемыя противъ нихъ команды. Такъ продолжалось во все царствованіе Елизаветы Петровны, да иначе и не могло быть: разоренному и отданному въ крѣпость простонародью одно оставалось спасеніе — бѣгство, а вмѣстѣ съ бѣгствомъ—грабежъ и разбойничество. Сыщики и ихъ команды ежели иногда и разбивали разбойничьи станицы въ одномъ мѣстѣ, то они собирались въ другомъ, а безгласное общество, хотя и было обязано по указамъ помогать сыщикамъ и ихъ командамъ, но оно столько же боялось сыщиковъ, какъ и разбойниковъ, а потому старалось оставаться въ бездѣйствіи, или весьма плохо помогало сыщикамъ.

Но не одна бѣда отъ разбойниковъ и крайняго разоренія отягощала русское общество во время Елизаветы Петровны, рядомъ съ разореніемъ и разбоями по дорогамъ и деревнямъ шелъ развратъ, особенно въ столицахъ. Мы имѣемъ нѣсколько замѣчательныхъ указовъ, свидѣтельствующихъ объ этой язвѣ. Такъ изъ указа отъ 1 августа 1750 года видимъ, что Петербургъ съ островами былъ переполненъ развратными публичными женщинами. Эти подонки цивилизаціи пришли къ намъ вмѣстѣ съ другими заморскими чудесами при Петрѣ, а въ царствованіе Елизаветы Петровны такъ умножились, что въ 1750

году была наряжена особая коммиссія для розыска ихъ, какъ изъ русскихъ, такъ и изъ иноземокъ. Поводомъ къ назначенію этой коммиссіи, какъ разсказываетъ Даниловъ, послужило великолѣпное заведеніе какой-то пріѣзжей изъ Дрездена, которая потому и называлась Дрезденшой. Эта ловкая хозяйка наняла для своего заведенія богатый домъ на Вознесенской улицѣ и повела свои дѣла въ такихъ размѣрахъ, что о ея многолюдныхъ вечеринкахъ дошли вѣсти и жалобы до двора императрицы, и вслѣдствіе этого учреждена строгая коммиссія подъ предсѣдательствомъ кабинетъ-министра Демидова. Дрезденша немедленно была арестована и въ допросѣ оговорила всѣхъ кого знала. Коммиссія не удовольствовалась закрытіемъ заведенія Дрезденши и отсылкою ея красавицъ на Прядильный дворъ въ Калинкину деревню, но повела свои розыски по всему Петербургу и его окрестностямъ, отыскала и тѣхъ выписныхъ заграничныхъ красавицъ, которыя жили въ великолѣпныхъ хоромахъ, и ловко обшарила всѣ дома въ Петербургѣ. Но по всему вѣроятію, успѣхъ коммиссіи былъ временный и вмѣсто закрытыхъ заведеній вскорѣ открылись новыя; по крайней мѣрѣ развратъ не уничтожился, ибо въ указѣ отъ 13 апрѣля 1754 года мы читаемъ повелѣніе о наказаніи кошками крѣпостныхъ людей маіора Евреинова за похищеніе съ качелей дѣвки, по приказу господина, и о наказаніи самого Евреинова за изнасилованіе похищенной— отписаніемъ у него половины недвижимаго имѣнія въ пользу изнасилованной, да сверхъ сего взять съ него деньги по указу и отдать господину, которому принадлежала эта дѣвка. Рядомъ съ развратомъ шла крайняя жестокость къ подвластнымъ, противъ которой даже и правительство не принимало надлежащихъ мѣръ; такъ напримѣръ, по указу отъ 10 іюля 1761 года маіору Лазареву за звѣрское убійство своего крестьянина было назначено только церковное покаяніе, какъ будто бы звѣрское и мучительное убійство крестьянина своимъ господиномъ не было уголовнымъ преступленіемъ.

Наконецъ однимъ изъ важныхъ отягощеній общества, особенно въ отношеніи промышленности, составляли откупа и огромныя привиллегіи по разнымъ промысламъ, которыя давались приближеннымъ императрицы, къ явному разоренію другихъ промышленниковъ. Такъ напримѣръ, графъ Шуваловъ въ 1750 году получилъ привиллегію на торговлю русскими товарами въ бѣломорскихъ портахъ, такъ что бѣломорскіе промышленники не могли продавать своихъ товаровъ мимо конторъ и приказчиковъ Шувалова, подъ опасеніемъ конфискаціи. (№ 9705). Въ томъ же году былъ изданъ еще указъ о недозволеніи промышленникамъ продавать тюленье сало, добываемое на Ладожскомъ озерѣ, мимо приказчика, опредѣленнаго Шуваловымъ. А въ слѣдующемъ году отданъ Шувалову тюленій промыселъ и на Каспійскомъ морѣ. Въ 1753 году архангелогородской конторѣ Шувалова были отданы промыслы въ Карскомъ морѣ, въ Тазовской и Обской губахъ. Въ 1758 году Шувалову дана еще двадцатилѣтняя привиллегія на безграничный отпускъ соленаго мяса за границу; кромѣ того Шувалову по той же привиллегіи дозволено выписывать изъ за границы 25,000 пудъ заграничной соли.

Впрочемъ русская промышленность, страшно терпѣвшая отъ привиллегій, даваемыхъ частнымъ лицамъ и компаніямъ, въ царствованіе

Елизаветы Петровны, по ходатайству того же графа Шувалова, получила важное облегченіе уничтоженіемъ внутреннихъ таможенныхъ и мелочныхъ сборовъ, которые съ давнихъ лѣтъ страшно стѣсняли и тяготили промышленниковъ. Указомъ отъ 20 декабря 1753 года отмѣнены всѣ внутренніе таможенные и мелочные сборы, всего числомъ 17 видовъ, всѣ внутреннія таможни уничтожены, а вмѣсто этого повелѣно сбирать въ портовыхъ и пограничныхъ таможняхъ съ привозныхъ и отвозныхъ товаровъ внутренней пошлины по 13 копеекъ съ рубля, вмѣсто прежнихъ 5 копеекъ. Вслѣдъ за тѣмъ, указомъ отъ 5 января 1754 года уничтожены всѣ сборы съ мостовъ, перевозовъ, прорубей и ледоколовъ. Вслѣдствіе сихъ двухъ указовъ промышленность и торговля вдругъ освободились отъ всѣхъ тягостей, придирокъ и остановокъ, которыми они были задерживаемы и стѣсняемы и при проѣздѣ съ товарами и при продажѣ ихъ. Теперь крестьянинъ съ возомъ дровъ могъ уже пріѣхать на рынокъ, не оставляя по дорогѣ ни шапки, ни рукавицъ, ни подпояски, его ни по дорогѣ, ни на рынкѣ не останавливалъ ни одинъ сборщикъ. Это важное облегченіе и нѣкоторыя другія мѣры дѣйствительно значительно подвинули русскую промышленность, особенно во вторую половину царствованія Елизаветы, чему служатъ свидѣтельствомъ многія купеческія компаніи, получившія привиллегіи на производство разныхъ промысловъ. Такъ, указомъ отъ 25 октября 1751 года дана привиллегія компаніи купцевъ Тавлѣева, Дѣдова, Волоскова и Комолова на производство синей кубовой краски изъ русскихъ матеріаловъ; 16 іюля 1753 года дана привиллегія купцу Θедотову съ товарищами на производство сусальнаго золота и серебра; 10 сентября 1757 года дана 20-лѣтняя привиллегія купцамъ Протопопову и Грязновскому торговать крапомъ и заводить краповыя фабрики; 5 іюня 1758 года дозволено купцу Миллеру устроить въ Петербургѣ шелковую чулочную фабрику; 11 января 1760 года дано разрѣшеніе купцу Мальцову завести хрустальную и стеклянную фабрики; 11 мая 1761 года дана привиллегія купцамъ Желвунцову и Григорьеву на производство берлинской лазури. Между русскимъ купечествомъ въ это время появились и такіе предпріимчивые люди, которые на собственныхъ судахъ и своимъ коштомъ для своихъ промысловъ пускались на открытіе морскихъ путей; такъ 23 марта 1755 года устюжскіе купцы Баховъ и Шакауровъ получили разрѣшеніе на отысканіе по Сѣверному морю пути въ Камчатку мимо Колымы и вкругъ Чукотскаго носа. Въ это время образовались огромнѣйшіе купеческіе капиталы, каковы напримѣръ казанскаго купца Осокина и симбирскаго купца Твердышева; особенно громаденъ былъ капиталъ Твердышева, ему принадлежала большая часть мѣдныхъ и желѣзныхъ заводовъ въ Перми и по Уральскому хребту, въ башкирскихъ земляхъ. Но, къ крайнему сожалѣнію, всѣ эти огромные капиталы были тогда оранжерейнымъ растеніемъ: главнѣйшія отрасли фабричной и заводской промышленности поддерживались привиллегіями и огромнѣйшіе капиталы были плодомъ монополіи; сами промышленники не заботились о развитіи своего сословія и всѣ богачи тянулись въ дворянство, хлопотали о полученіи чиновъ и роднились съ знатными дворянскими фамиліями; такъ Твердышевъ весь свой громаднѣйшій капиталъ роздалъ своимъ дочерямъ, которыхъ повыдалъ

замужъ за генераловъ и князей, громадныя имѣнія Пашковыхъ, Шепелевыхъ, Баташевыхъ, князей Бѣлосельскихъ, есть ничто иное, какъ бѣдные остатки, клочки огромнѣйшаго капитала, составленнаго симбирскимъ купцомъ Твердышевымъ.

Къ концу царствованія Елизаветы Петровны, правительство, наученное опытомъ, этимъ самымъ дорогимъ учителемъ, нашло полезнымъ обращаться къ обществу и не пренебрегать его совѣтами; оно, хотя и не собирало земскихъ соборовъ, но указомъ отъ 23 ноября 1760 года предписало: „для лучшаго свѣдѣнія всѣхъ помѣшательствъ и недостатковъ, которые коммерціи, мануфактурамъ и купечеству препятствуютъ приходить въ цвѣтущее состояніе, публиковать во всемъ государствѣ, что ежели какой городъ или кто партикулярно въ купечествѣ имѣетъ какое недовольство, или въ чемъ признаетъ тягость, или и сами усмотрятъ, что какъ генерально или партикулярно къ распространенію и умноженію купечества полезно быть можетъ, и тобъ притомъ объявляли безъ всякаго сумнительства и опасенія съ яснымъ доказательствомъ, и подавали-бъ письменно, хотя и безъ приписки именъ и фамилій въ Петербургѣ въ Коммиссію о Коммерціи, а въ городахъ—губернаторамъ и воеводамъ, которымъ, принимая то, не удерживая отсылать въ ту-жъ Коммиссію“. Потомъ указомъ отъ 29 сентября 1761 года предписано: „для слушанія вновь составленнаго Уложенія Законовъ для всей имперіи пригласить депутатовъ отъ всего общества, и именно, отъ каждаго города—по два депутата отъ дворянъ и по депутату отъ купцевъ; и притомъ узаконено, чтобы депутаты были выбраны самимъ обществомъ, и для сего въ каждомъ городѣ, чтобы дворяне съѣхались въ общемъ собраніи города выбрали депутатовъ двухъ отъ дворянства, а купцы въ каждомъ городѣ въ своемъ общемъ собраніи выбрали своего депутата, и чтобы ни губернаторы, ни воеводы, ни магистраты ни подъ какимъ видомъ ни въ чемъ не мѣшались въ сіи выборы“. Относительно депутатовъ отъ духовенства было сообщено Святѣйшему Синоду на его благоусмотрѣніе. Съѣздъ депутатовъ въ Петербургъ былъ назначенъ къ 1-му января 1762 года. Въ томъ-же 1761 году указомъ отъ 8 декабря право высылать депутатовъ распространено и на губерніи: Тобольскую, Кіевскую, Иркутскую, Нѣжинскую и Оренбургскую. Указомъ отъ 15 ноября 1760 года для большаго поднятія нравственности въ обществѣ предполагалось, по представленію И. И. Шувалова, по всѣмъ губерніямъ учредить гимназіи, а по всѣмъ городамъ школы. Но всѣ эти благія начинанія правительства въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы Петровны, за смертью императрицы, не были приведены въ исполненіе и общество при новыхъ переворотахъ, послѣдовавшихъ за этою смертью, осталось при прежнихъ порядкахъ и прежней деморализаціи. Стоитъ только прочесть записки князя Шаховского, тогдашняго генералъ-прокурора, близко видѣвшаго тогдашнее высшее общество, чтобы убѣдиться въ этомъ. По его свидѣтельству въ тогдашнемъ обществѣ продажность и подличанье такъ же были развиты, какъ и вражда партій другъ противъ друга. То же подверждаетъ и именной указъ императрицы отъ 16 августа 1760 года, въ которомъ прямо сказано: „ненасытная алчба къ корысти дошла до того, что нѣкоторыя мѣста, учрежденныя для правосудія, сдѣлались

торжищемъ лихоимства, пристрастіе—предводительствомъ судей, а потворство и упущеніе — ободреніемъ беззаконниковъ“. Или описывая тѣ препятствія, которыя нужно было преодолѣть, чтобы поставку суконъ на армію передать отъ Англичанъ русскимъ купцамъ, князь Шаховской пишетъ о тогдашнихъ вельможахъ: „всѣ наши вельможи, одни одолженники г. Вульфа, главнаго агента англійскихъ купцевъ, а другіе по зависти ко мнѣ, третіи по трусости тѣмъ льстя, разными способами дѣлали мнѣ въ томъ препинанія“.

По смерти императрицы Елизаветы Петровны, наслѣдникъ ея, уже напередъ ею объявленный и назначенный, принцъ Голштинскій, Петръ Θедоровичъ, родной ея племянникъ, вступилъ на престолъ безпрепятственно; но черезъ полгода, когда еще онъ не успѣлъ и короноваться его, мѣсто заступила супруга его Екатерина Алексѣевна. Права свои на престолъ она выразила слѣдующимъ манифестомъ отъ 28 іюня 1762 года. „Всѣмъ прямымъ сынамъ отечества Россійскаго явно оказалась, какая опасность государству Россійскому начиналася самымъ дѣломъ, а именно: законъ нашъ православный, греческій, перво всего восчувствовалъ свое потрясеніе и истребленіе преданій церковныхъ, такъ что церковь наша греческая крайне уже подвержена оставалась послѣдней своей опасности перемѣною древняго въ Россіи православія и принятіемъ въ Россіи иновѣрнаго закона. Второе: Слава Россійская, возведенная на высокую степень своимъ побѣдоноснымъ оружіемъ, чрезъ многое свое кровопролитіе, заключеніемъ новаго мира самимъ ея злодѣямъ отдана уже дѣйствительно въ совершенное порабощеніе. А между тѣмъ внутренніе порядки, составляющіе цѣлость всего нашего отечества, совсѣмъ испровержены. Того ради, убѣждены будучи, всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ таковою опасностію, принуждены были, принявъ отъ Бога и его правосудіе себѣ въ помощь, а особливо видя къ тому желаніе всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ явное и нелицемѣрное, вступили на престолъ нашъ всероссійскій самодержавно, въ чемъ и всѣ наши вѣрноподданные присягу намъ торжественно учинили“. Но эти вѣрноподданные, очевидно, были только приближенные императрицы и полки лейбъ-гвардіи, ибо общая присяга была учинена уже по изданіи манифеста, и не раньше какъ съ 3-го іюля, какъ о томъ прямо сказано въ сенатскомъ указѣ отъ того же числа. Это же прямо свидѣтельствуетъ и манифестъ отъ 14 декабря 1766 года, гдѣ императрица пишетъ: „нынѣ истекаетъ 5-й годъ, какъ Богъ единъ и любезное отечество чрезъ избранныхъ своихъ вручилъ намъ скипетръ сея державы“. Замѣчательно, что въ указѣ о присягѣ крестьяне были исключены отъ обязанности присягать; вотъ слова указа: „Всѣхъ Ея Императорскаго Величества вѣрноподданныхъ какъ духовнаго, такъ и мірского, военнаго и гражданскаго чина и всякаго званія людей, кромѣ пашенныхъ крестьянъ, къ той присягѣ приводить, сего іюля съ 3 дня“.

Въ одинъ день съ манифестомъ 28 іюня былъ изданъ указъ, въ которомъ сказано: „Увѣдомились мы, что начались происходить нѣкоторые непорядки и нападенія на кабаки, на мѣста питейныя“; а на третій день, т. е. 30 іюня былъ изданъ именной указъ объ учрежденіи пикетовъ въ С.-Петербургѣ для прекращенія пьянства, ссоръ и дракъ. Это значитъ, гвардейцы праздновали вступленіе на престолъ

императрицы, ими избранной, подобно какъ они прежде праздновали вступленіе на престолъ Елизаветы Петровны. Екатерина Алексѣевна, хотя не произвела гвардейскихъ солдатъ въ дворяне и не надѣлила вотчинами, тѣмъ не менѣе въ изъявленіе своей благодарности и милости къ нимъ указомъ отъ 3 іюля повелѣла содержать гвардейскіе полки на томъ же положеніи и съ тѣмъ же жалованьемъ, какъ было при Елизаветѣ. А указомъ отъ 5 іюля повелѣла отмѣнить вообще въ полкахъ всѣ нововведенія, сдѣланныя Петромъ III и казавшіяся тягостными и неудобными. Оказывая свое благоволеніе гвардіи и вообще войску, императрица не забыла и дворянства и указомъ отъ 15 іюля повелѣла всѣхъ дворянъ, отставляемыхъ отъ службы, награждать офицерскими чинами, дабы, какъ сказано въ указѣ, дать имъ отличіе передъ служащими не изъ дворянъ. Но къ обществу вообще новая императрица не думала относиться прямо и спрашивать его голоса, напротивъ, указомъ отъ 13 января 1763 года распустила по домамъ и тѣхъ депутатовъ, которые были приглашены Елизаветою для разсмотрѣнія Уложенія. Тѣмъ не менѣе Екатерина не пренебрегала мнѣніемъ общества, но прислушивалась къ этому мнѣнію стороною, и также стороною, черезъ довѣренныхъ людей, старалась направлять мнѣніе общества такъ, какъ ей хотѣлось. Мы это до нѣкоторой степени видимъ въ письмахъ ея къ московскому главнокомандующему генералъ-аншефу Еропкину. Такъ, извѣщая его о поѣздкѣ своей въ Кременчугъ, императрица пишетъ: „здѣсь я нашла треть прекрасной легкой конницы, той, про которую нѣкоторые незнающіе люди твердили до нынѣ, будто оная лишь счисляется на бумагѣ, а въ самомъ дѣлѣ ея нѣтъ; однакожъ она дѣйствительно на лицо и такова, какъ можетъ быть еще никогда подобной не бывало, въ чемъ прошу, разсказавъ любопытнымъ, слаться на мое письмо, дабы перестали говорить неправду, а отдавали бы справедливость усердію мнѣ и имперіи въ семъ дѣлѣ служащимъ“. Въ другомъ письмѣ къ нему же, излагая разныя свѣдѣнія и замѣчанія о всемъ, что видѣла во время своей поѣздки въ Крымъ, она пишетъ: „всѣ сіи примѣчанія и разсужденія пишу къ вамъ нарочно, дабы вы, знавъ оныя, могли кстати и ко времени употребить сущую истину, къ опроверженію предубѣжденій, сильно дѣйствующихъ иногда въ умахъ людскихъ. Все вышеписанное оспаривать можетъ лишь слабость, или страсть, или невѣдѣніе“. Впрочемъ подъ обществомъ Екатерина разумѣла только, по ея выраженію, благородное общество, т. е. дворянство, или то общество, которое было устроено Петромъ Великимъ. Это довольно ясно изъ многихъ ея писемъ; она собственно хотѣла быть дворянскою императрицею, о прочихъ же членахъ общества она мало заботилась, такъ что даже не велѣла принимать присягу крестьянамъ, какъ видно изъ указа отъ 3 іюля 1762 года.

Императрица Екатерина II одинъ разъ въ продолженіи всего своего царствованія обратилась прямо, непосредственно къ обществу, именно по случаю сочиненія проекта новаго Уложенія. Для сего ея манифестомъ отъ 14 декабря 1766 года предписано было собрать депутатовъ со всего государства, именно: отъ Сената, Синода, всѣхъ коллегій и канцелярій, отъ каждаго города по одному депутату изъ городскихъ жителей, отъ однодворцевъ каждой провинціи по одному депу-

тату, отъ пахатныхъ солдатъ по одному депутату отъ провинціи, отъ инородцевъ отъ каждаго народа по одному депутату изъ провинціи, и отъ казацкихъ войскъ. Депутаты были собраны въ Москву и одинъ только разъ видѣли императрицу въ своемъ засѣданіи; потомъ эта коммиссія во всемъ своемъ составѣ болѣе не была собираема, а была раздѣлена на частныя коммиссіи, которыя занимались назначенными имъ дѣлами во все ея царствованіе. Коммиссія принесла громадную пользу своими узаконеніями и проектами, какъ мы это уже видѣли прежде.

Администрація. *Характеръ администраціи.* Четвертый періодъ Русскаго Законодательства былъ временемъ полнаго развитія приказной администраціи и паденія самоуправленія. Въ этомъ періодѣ администрація мало по малу доходитъ до того, что совершенно забираетъ подъ свою опеку все общество, постепенно лишаетъ его самоуправленія и обращаетъ его въ какую-то массу, лишенную жизни и значенія. Въ это же время произошло и разъединеніе между различными классами русскаго общества. Въ началѣ XVII вѣка управленіе московскимъ государствомъ находилось въ томъ же положеніи, въ какомъ оставилъ его Иванъ Васильевичъ: при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ Москву собирались выборные отъ всѣхъ городовъ Московскаго государства и составляли соборы, которые существовали почти безпрерывно въ продолженіи всего царствованія Михаила Ѳедоровича, такъ что безъ участія земскихъ выборныхъ за все это время не было ни одного важнаго распоряженія, особенно по финансовой части. Михаилъ Ѳеодоровичъ даже дѣлалъ попытки передать волостное управленіе въ руки земщины — губнымъ старостамъ и излюбленнымъ головамъ; но русское общество тогда было до того разстроено, вслѣдствіе смутъ самозванщины и междуцарствія, что эти попытки не имѣли успѣха. Но за то при Алексѣѣ Михайловичѣ приказная администрація годъ отъ году стала пріобрѣтать болѣе силы и подавлять самодѣятельность общества. Во все время царствованія Алексѣя Михайловича было только три земскихъ собора: 1) при вступленіи на престолъ Алексѣя Михайловича, 2) при изданіи такъ называемаго Соборнаго Уложенія 1648 г., 3) при присоединеніи Малороссіи къ Московскому государству. То же продолжалось и при преемникахъ Алексѣя Михайловича, только съ большимъ, нежели при немъ успѣхомъ. Впрочемъ о Ѳедорѣ Алексѣевичѣ должно сказать, что онъ держался другихъ началъ: онъ во время своего царствованія созвалъ земскіе соборы и во многихъ мѣстахъ возстановилъ общественное самоуправленіе. Точно также и Петръ I, въ первые годы своего царствованія, дѣйствовалъ въ томъ же духѣ: такъ онъ учредилъ Бурмистерскую Палату для купцовъ и предоставилъ городскимъ людямъ управляться своими выборными.

Въ постепенномъ развитіи администраціи въ четвертомъ періодѣ различаются три формы, въ которыхъ постепенно измѣняется ея характеръ: 1) Алексѣевская администрація,—она по наружности близко подходитъ къ порядку старой администраціи; это — форма приказовъ. 2) Петровская администрація, образцомъ для которой служила шведская, или вообще нѣмецкая администрація, форма ея — коллегія. 3) Екатерининская съ ея палатами, губернскими правленіями и судами. Каждая изъ этихъ формъ дѣлится на два вида: на администрацію центральную и администрацію областную.

I. Алексѣевская администрація. При Алексѣѣ Михайловичѣ и его ближайшихъ преемникахъ къ центральной администраціи относились приказы, а къ областной городовые воеводы съ ихъ приказными избами и таможенныя избы.

Центральное Управленіе. Всѣхъ приказовъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, по свидѣтельству Котошихина, было 36; въ нихъ было до 100 дьяковъ и до 1000 подъячихъ.

I. Приказъ Тайныхъ дѣлъ. По значенію своему этотъ Приказъ до нѣкоторой степени замѣнялъ прежнюю Боярскую Думу; какъ Боярская Дума была высшею правительственною инстанціею, такъ и Приказъ Тайныхъ дѣлъ главнымъ центральнымъ вѣдомствомъ по управленію, и какъ Боярская Дума всегда собиралась около государя, который былъ предсѣдателемъ ея, такъ и въ Приказѣ Тайныхъ дѣлъ главнымъ начальникомъ былъ самъ государь. Но этими внѣшними чертами и ограничивалось все сходство Приказа Тайныхъ дѣлъ съ Боярскою Думою; далѣе характеръ ихъ былъ совершенно различенъ. Въ Думѣ государь былъ предсѣдателемъ, члены же ея во всѣхъ дѣлахъ подавали свои голоса, и эти голоса имѣли такую силу, что не рѣдко заставляли государя отступаться отъ своего мнѣнія. Въ Приказѣ же Тайныхъ дѣлъ этого не было; онъ учрежденъ былъ Алексѣемъ Михайловичемъ, по словамъ Котошихина, для того собственно, *чтобы царская мысль и дѣло исполнялись всѣ по царскому хотѣнію, а бояре и думные люди о томъ бы не вѣдали*". Слѣдовательно съ учрежденіемъ этого Приказа прежняя Боярская Дума, если еще и продолжала существовать, то существовала только для формы; она уже не имѣла никакого значенія, и ея обязанностью было только привести въ исполненіе то, что прикажетъ государь. Тайному Приказу не было предоставлено особаго вѣдомства дѣлъ, онъ былъ собственно Тайнымъ надсмотрщикомъ надъ всѣми дѣлами администраціи. По словамъ Котошихина, „въ Приказѣ Тайныхъ дѣлъ сидитъ дьякъ да человѣкъ десять подъячихъ, а вѣдаютъ они и дѣлаютъ дѣла всякія царскія—тайныя и явныя, и въ тотъ Приказъ бояре и думные люди не входятъ и дѣлъ не вѣдаютъ, кромѣ царя. А посылаются сего Приказа подъячіе съ послами въ государства, и на посольскіе съѣзды, и на войну съ воеводами, и тѣ подъячіе надъ послами и надъ воеводами надсматриваютъ и царю пріѣхавъ сказываютъ, и которые послы, или воеводы, вѣдавъ въ дѣлахъ неисправленіе свое, и страшась царскаго гнѣва тѣхъ подъячихъ дарятъ и почитаютъ выше мѣры, чтобы будучи при царѣ, ихъ, пословъ, выхваляли, а худымъ не поносили." Въ Приказѣ Тайныхъ дѣлъ вѣдомы еще царская соколиная охота и гранатнаго дѣла мастера и всякое гранатное дѣло и заводы.

II. Въ Посольскомъ Приказѣ были: „думный дьякъ, да два дьяка, да подъячихъ человѣкъ 14, да 50 человѣкъ переводчиковъ и 70 человѣкъ толмачей."—Въ этотъ Приказъ поступали всѣ извѣстія, присылаемыя русскими тайными агентами въ иностранныхъ государствахъ, съ которыми Московское государство имѣло сношеніе, и для всѣхъ этихъ извѣстій здѣсь велись особыя, тайныя книги. Явно же въ этомъ Приказѣ принимались и отпускались иностранные послы, и отсюда же отправлялись московскіе послы и гонцы въ иностранныя государства; кромѣ того въ этомъ же Приказѣ вѣдались и всѣ иностранцы,

пріѣзжавшіе въ Россію, а также онъ завѣдывалъ и заграничною русскою торговлею; тутъ же производился и судъ по дѣламъ пріѣзжавшихъ иностранцевъ съ русскими. Этому же Приказу подвѣдомы были донскіе и черкасскіе казаки и казанскіе, астраханскіе, касимовскіе и сибирскіе татары, поступившіе на службу къ Московскому государю и получившіе отъ него помѣстья и вотчины въ подмосковныхъ городахъ, а также греческія „власти" и вообще всѣ греки, пріѣзжавшіе въ Россію для сбора милостыни. — Посольскому Приказу были подчинены 5 городовъ, доходы съ которыхъ шли на покрытіе расходовъ приказа; сюда же собирались со всего государства *„полоняннечныя деньги"*, собираемыя для выкупа русскихъ изъ плѣна. Въ Посольскомъ Приказѣ хранилась большая государственная печать, которая прикладывалась къ грамотамъ, посылаемымъ иноземнымъ государямъ, а также и малая государственная печать, которая прикладывалась къ жалованнымъ грамотамъ. Впослѣдствіи, при первыхъ преемникахъ Алексѣя Михайловича, Посольскимъ Приказомъ завѣдывалъ думный дьякъ, а потомъ — ближній бояринъ, который былъ хранителемъ государственной печати.

III. Въ Разрядномъ Приказѣ при Алексѣѣ Михайловичѣ засѣдали бояринъ, окольничій, да думный дьякъ, да два дьяка, слѣдовательно въ это время характеръ и значеніе этого Приказа до нѣкоторой степени измѣнились, потому что прежде начальникомъ этого Приказа считался самъ государь, и ни окольничихъ, ни бояръ въ немъ не было. Въ этомъ Приказѣ попрежнему вѣдались всѣ роды службъ: военная, придворная и гражданская. Здѣсь наряжались воеводы въ полки и дѣлались всѣ распоряженія по управленію, содержанію и назначенію войскъ; сюда воеводы присылали свои доношенія, и отсюда же посылались они для управленія городами. Здѣсь производились всѣ дѣла о жалованьи служилымъ людямъ, повышенія по службѣ, а равнымъ образомъ и дѣла о наказаніяхъ за проступки по службѣ и дѣла по мѣстничеству.

IV. Въ Помѣстномъ Приказѣ начальниками были: окольничій, думный дьякъ и два дьяка. Въ этомъ Приказѣ „вѣдалось всего Московскаго государства земля, и что кому дано, помѣстья и вотчинъ, или кто у кого вотчину купитъ, или кому вотчину вновь дадутъ по государеву указу за службу". На все это въ Помѣстномъ Приказѣ имѣлись особыя записныя книги. Изъ Помѣстнаго же Приказа посылались писцы, дозорщики и межевщики по всему государству для составленія писцовыхъ, переписныхъ, межевыхъ и дозорныхъ книгъ. Этотъ Приказъ содержался на доходы, получаемые отъ пошлинъ съ продажныхъ вотчинъ и съ новыхъ помѣстныхъ дачъ. Впрочемъ продажа и покупка вотчинъ могли производиться во всякомъ городѣ, записывались у воеводы и оплачивались пошлинами. Въ Помѣстномъ же Приказѣ производилась продажа и покупка только вотчинъ жалованныхъ, владѣльцы которыхъ были неполными собственниками.

V. Дворцовые Приказы: 1) *Приказъ Большого Дворца.* Въ этомъ Приказѣ засѣдали: бояринъ и дворецкій, окольничій, думный дьякъ и два дьяка. Въ вѣдѣніи этого Приказа состояли государевы дворы и дворовые люди; подъ его же вѣдомствомъ состояли судомъ, управою и податьми всѣ дворцовые города и села и черныя волости, а

также 8 московскихъ ремесленныхъ слободъ, въ которыхъ жили царскіе ремесленники; изъ этого же Приказа отдавались на откупъ въ Москвѣ ледоколы и проруби зимою, а лѣтомъ мосты и перевозы. Разные доходы съ дворцовыхъ городовъ, селъ и другія доходныя статьи, собираемыя въ этомъ Приказѣ, шли на дворцовые расходы, на строеніе церквей, на тюрьмы, богадѣльни, на раздачу милостыни, на покупку дворцовыхъ запасовъ, на жалованье и содержаніе дворцовымъ служителямъ и т. п. 2) *Приказъ Конюшенный.* Начальникомъ этого Приказа былъ ближній бояринъ конюшій. Этотъ Приказъ завѣдывалъ лошадьми, какъ царскими ѣздовыми, такъ и тѣми, которыя выдавались служилымъ людямъ иноземнаго строя; онъ же завѣдывалъ и всѣми припасами для этихъ лошадей. Къ этому Приказу причислялись нѣсколько городовъ (Козловъ, Тамбовъ, Воронежъ и другіе степные города), въ которыхъ находились государевы конные заводы. 3) *Царская Мастерская Палата.* Этотъ Приказъ находился въ вѣдѣніи стряпчаго съ ключемъ, да дьяка; онъ завѣдывалъ царскимъ платьемъ и мастеровыми царскими людьми. Отсюда каждый день выдавалось царю платье, принималось платье прошлаго дня и записывалось въ книги. 4) *Царицына Мастерская Палата.* Въ этомъ Приказѣ завѣдывалъ дѣлами дьякъ, а начальницею его была боярыня-казначея. Этотъ приказъ завѣдывалъ платьемъ царицы, царевичей и царевенъ, а также и мастеровыми людьми; ему подвѣдомы были ремесленныя слободы, — *Кадашево*, въ Москвѣ и за Москвою *Брентово*, откуда поставлялись ко двору полотно, скатерти и пр. 5) *Приказъ Золотого и Серебрянаго Дѣла.* Начальниками этого Приказа были: окольничій и дьякъ. Въ этомъ Приказѣ набирались изъ городовъ лучшіе золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера и записывались въ книги; отсюда же выдавалось имъ и жалованье, съ тѣмъ, чтобы они дѣлали сосуды всякіе про царскій обиходъ и церковныя утвари. 6) *Аптекарскій Приказъ.* Начальникомъ этого Приказа былъ тотъ же бояринъ, который завѣдывалъ и Стрѣлецкимъ Приказомъ, и при немъ былъ дьякъ. Въ вѣдѣніи этого Приказа состояли: аптеки, аптекаря и лѣкаря изъ иностранцевъ; отсюда же имъ выдавалось и жалованье — годовое и мѣсячное. 7) *Хлѣбный Приказъ.* Онъ находился въ вѣдѣніи дворянина и дьяка и былъ центральнымъ управленіемъ всѣми движимыми и недвижимыми имѣніями, составлявшими родовую собственность царскаго рода. „А вѣдаются въ этомъ Приказѣ города и волости, и села, и кабаки и таможни съ доходами и податьми послѣ боярина Никиты Ивановича Романова, гдѣ устроены пашни на царя и для досмотру уставлены приказчики-дворяне, и что въ тѣхъ городахъ и селахъ хлѣба уродится отдаютъ на житный дворъ“. 8) *Панафидный Приказъ.* Начальникомъ его былъ дьякъ. Въ его завѣдываніи состояло устройство поминовеній по умершимъ великимъ князьямъ, царямъ и царицамъ, царевичамъ и царевнамъ, въ дни памяти которыхъ посылались изъ этого Приказа указы по церквамъ и монастырямъ; отсюда же выдавались и запасы, посылаемые въ города для поминовенія умершихъ царей и царицъ.

VI. Военные Приказы: 1) *Стрѣлецкій Приказъ.* Онъ находился въ вѣдѣніи боярина и двухъ дьяковъ и составлялъ главное центральное управленіе всѣмъ стрѣлецкимъ войскомъ. Здѣсь вѣдалась всякая

служба стрѣльцовъ какъ московскихъ, такъ и городовыхъ; сюда собирались деньги и запасы со всего государства на стрѣлецкое войско и отсюда выдавалось стрѣльцамъ жалованье. Стрѣлецкаго войска въ самой Москвѣ всегда было до 20 полковъ и болѣе, а въ каждомъ полку до 1000 или 800 человѣкъ, изъ нихъ одинъ выборный или стремянный постоянно находился въ Москвѣ и на службу никуда не посылался, а содержался собственно для охраненія особы государя и его семейства. Главная служба московскихъ стрѣлецкихъ полковъ состояла въ содержаніи карауловъ въ Москвѣ по всѣмъ крѣпостнымъ стѣнамъ и воротамъ трехъ городовъ Москвы, а также въ содержаніи караула на царскомъ дворѣ, гдѣ каждый день стояло по 500 человѣкъ съ головою, или полковникомъ. Стрѣлецкій полкъ, стоявшій на караулѣ въ праздничное время, получалъ въ день караула съ царскаго двора кормъ и питіе довольное. Стрѣльцы, стоявшіе на дворцовомъ караулѣ, постоянно сопровождали царя или царицу во всѣхъ путешествіяхъ, собственно для охраненія ихъ отъ тѣсноты, почему они и выходили не съ ружьями, а съ батожьями. Въ военное время изъ московскихъ стрѣльцовъ полка по два или по три высылались въ походъ съ боярами и съ воеводами, а въ пожарное время на Москвѣ стрѣльцы составляли пожарную команду. Таковая же служба была и у городовыхъ стрѣльцовъ по городамъ. Рядовые стрѣльцы были большею частью люди ремесленные и торговые, зажиточные по своимъ промысламъ и получавшіе достаточное жалованье, а начальники ихъ были изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ; впрочемъ низшіе стрѣлецкіе начальники: десятники и пятидесятники были также по большей части люди торговые. Каждый стрѣлецкій полкъ имѣлъ стрѣлецкую избу, въ которой судились всѣ дѣла между стрѣльцами. Главными правителями въ стрѣлецкихъ избахъ, или стрѣлецкими судьями, были полковники. Во время Алексѣя Михайловича стрѣлецкій приказъ былъ однимъ изъ самыхъ важныхъ. Онъ тогда имѣлъ и полицейское значеніе; такъ въ немъ производились пытки и казни и вообще онъ тогда имѣлъ такое же значеніе, какое при Петрѣ I имѣлъ Преображенскій Приказъ. 2) *Пушкарскій Приказъ.* Въ вѣдѣніи этого Приказа состояли пушечные дворы въ Москвѣ и по городамъ, и казна, и пушкари, и всякіе пушечные запасы и сборы, пороховые дворы и мельницы. Въ Москвѣ при пушечномъ дворѣ было мастеровыхъ 600 человѣкъ, которые занимались литьемъ и выдѣлкою пушекъ и другихъ орудій. Этому же Приказу были подчинены и всѣ мѣдные и колокольные заводы; содержаніе и устройство крѣпостей зависѣло также отъ этого Приказа. Пушкарскій Приказъ находился въ вѣдѣніи боярина и двухъ дьяковъ. 3) *Иноземный Приказъ.* Начальникомъ его былъ тотъ же бояринъ, въ вѣдѣніи котораго находился Стрѣлецкій Приказъ и при немъ были товарищи: дворянинъ и два дьяка. Въ вѣдѣніи Иноземнаго Приказа состояли всѣ иноземцы, состоявшіе на службѣ у Московскаго государя, здѣсь имъ выдавались кормы, жалованье и помѣстья за службу; здѣсь же они и судились. 4) *Рейтарскій Приказъ.* Онъ находился въ вѣдѣніи того же боярина, который былъ начальникомъ въ Стрѣлецкомъ Приказѣ, при немъ товарищи— дворянинъ, да два дьяка. Ему были подвѣдомы всѣ люди рейтарской службы, которые набирались изъ дворянъ, боярскихъ дѣтей мелко-

помѣстныхъ и изъ вольныхъ людей. Изъ этого же Приказа имъ выдавалось и жалованье. 5) *Оружейный Приказъ.* Начальниками его были: окольничій, да дьякъ. „А вѣдомы въ томъ Приказѣ дворъ, гдѣ дѣлаютъ ружья, и казенная Оружейная Палата и мастера ствольнаго, ложечнаго и замочнаго дѣла. А берутъ къ тому дѣлу мастеровъ на Москвѣ, и изъ городовъ, и изъ монастырей кузнецовъ и всякихъ этого дѣла промышленныхъ людей, погодно, по перемѣнамъ, и даютъ имъ за то поденный кормъ изъ царской казны".

VII. Финансовые Приказы. 1) *Приказъ Большой Казны.* Этотъ Приказъ былъ въ вѣдѣніи того боярина, который завѣдывалъ и Стрѣлецкимъ Приказомъ, товарищами его были: думный дворянинъ, да два или три дьяка. Въ этомъ Приказѣ вѣдомы были гости и гостиная и суконная сотня, и серебрянаго дѣла мастера, и разныхъ городовъ торговые люди; въ вѣдѣніи этого же Приказа состоялъ Денежный Дворъ, управляемый особымъ дворяниномъ и дьякомъ. Этому же Приказу былъ подчиненъ желѣзный заводъ подъ Тулою, на которомъ приготовлялось желѣзо и отливались пушки и ядра. 2) *Приказъ Большого Прихода.* Начальниками въ этомъ Приказѣ были: окольничій да два дьяка. Сюда шли со всего государства доходы, получаемые съ отдачи лавокъ, гостиныхъ дворовъ и погребовъ во всѣхъ городахъ, а также доходы отъ клейменія мѣръ, таможенныя пошлины, мытъ, перевозъ и мостовщина. Изъ этого Приказа деньги шли на содержаніе московскихъ пословъ, отправляемыхъ къ иностраннымъ дворамъ, на содержаніе иностранныхъ пословъ, пріѣзжавшихъ въ Россію, а также на кормы персидскимъ, греческимъ и другимъ властямъ и купцамъ, на выдачу жалованья иноземцамъ и поденный кормъ, пріѣзжавшимъ въ Москву, донскимъ казакамъ и черкесамъ, на всякіе судовые заводы и покупку товаровъ для царской торговли въ Архангельскѣ. 3) *Новгородская Четь.* Въ этомъ Приказѣ засѣдали посольскій думный дьякъ, да дьякъ. Въ вѣдѣніи его состояли города: Новгородъ Великій, Псковъ, Нижній-Новгородъ, Архангельскъ, Вологда и разные поморскіе города по тверской границѣ. Въ этотъ Приказъ шли изъ всѣхъ этихъ городовъ денежные доходы съ торговыхъ людей, таможенные и кабацкіе доходы и доходы съ соляныхъ, желѣзныхъ и другихъ промысловъ. 4) *Устюжская Четь.* Начальниками этого Приказа были: бояринъ, да два дьяка. Въ немъ вѣдался городъ Устюгъ Великій со всѣми податьми съ городскихъ и уѣздныхъ людей, и съ кабаковъ, и съ таможенъ, и со всякихъ откуповъ. 5) *Костромская Четь.* Въ вѣдѣніи этого Приказа состояли: Ростовъ, Кострома, Ярославль и другіе тамошняго края города. Въ этотъ Приказъ шли изъ этихъ городовъ доходы съ посадскихъ людей, таможенные и кабацкіе. Начальниками этого Приказа были: думный дворянинъ и дьякъ. 6) *Галичская Четь.* Начальникомъ этого Приказа былъ бояринъ, да два дьяка. Въ вѣдомствѣ его находился городъ Галичъ съ его уѣздомъ во всякихъ доходахъ. Доходы, получаемые съ этихъ четырехъ четей, шли на разные расходы, куда случится (такъ при Алексѣѣ Михайловичѣ на доходы Галичской Чети и содержался театръ), а также на жалованье боярамъ и ближнимъ государевымъ людямъ. 7) *Новая Четь.* Начальникомъ въ этомъ Приказѣ былъ окольничій и оружейничій, да два дьяка. Въ этомъ Приказѣ вѣдались московскіе и многихъ другихъ городовъ, селъ и волостей кружечные дворы, „на вѣрѣ (т. е. когда продажа

вина представлялась самому обществу) и на откупу". Здѣсь судили и наказывали корчемниковъ, незаконно торгующихъ виномъ и табакомъ. 8) *Печатный Приказъ.* Начальникомъ этого Приказа былъ посольскій думный дьякъ, да дьякъ. Въ этомъ Приказѣ, на основаніи Уложенія, собирались печатныя пошлины со всѣхъ грамотъ и памятей, посылаемыхъ въ города, какъ по царскому указу, такъ и по челобитнымъ, а также пошлины съ челобитья, съ денегъ, съ животовъ, которые писаны въ грамотахъ и памятяхъ, а также съ грамотъ на воеводства и по приказамъ, и кому будутъ даны помѣстья и вотчины съ четвертей земли. Пошлины эти записывались въ особыя книги, въ которыхъ подробно прописывалось, по какому случаю взята какая пошлина. У думнаго дьяка, начальника Печатнаго Приказа, печать, по свидѣтельству Котошихина, всегда висѣла на вороту. 9) *Счетный Приказъ.* „Въ немъ сидятъ два дьяка и вѣдаютъ и дѣлаютъ дѣла всего Московскаго государства — приходъ и расходъ и остатокъ по книгамъ за многіе годы". Слѣдовательно, это былъ собственно контрольный департаментъ по приходамъ и расходамъ всего государства. Для этого сюда поступали на приходъ всѣ остаточныя деньги, которыя, въ которомъ году съ кого не взяты въ царскую казну, а также въ которомъ году за расходомъ, что осталось въ остаткѣ, какъ въ Москвѣ, такъ и по всѣмъ городамъ. Деньги изъ этого Приказа не отпускались ни на какіе опредѣленные расходы, а выдавались только по особымъ царскимъ повелѣніямъ.

VIII. Судебные Приказы: 1) *Челобитный Приказъ.* Въ этомъ Приказѣ засѣдали: окольничій, да два дьяка; въ вѣдѣніи его состоялъ разборъ челобитныхъ, которыя подавались царю въ походахъ и на праздникахъ. Царь съ боярами, по выслушаніи тѣхъ челобитныхъ, давалъ указъ или отказъ, что и подписывалось на челобитныхъ думнымъ дьякомъ, потомъ челобитныя сіи отсылались въ Челобитный Приказъ, а для этого изъ Приказа посылались подъячіе читать тѣ челобитныя на площади передъ царскимъ крыльцомъ вслухъ всѣхъ людямъ; потомъ челобитныя отдавались тѣмъ, кто подавалъ ихъ, и тѣ, смотря по надписи думныхъ дьяковъ, отправлялись туда, куда написано (т. е. въ тотъ Приказъ, въ которомъ рѣшалось дѣло). Да въ томъ же Приказѣ вѣдомы судомъ приказные люди: дьяки, подъячіе, сторожа и ходоки. 2) и 3) *Судебные Приказы*: *Московскій и Владимирскій.* Въ нихъ, въ каждомъ, засѣдали по боярину, да по стольнику, да по дьяку и по два. Въ этомъ Приказѣ вѣдались судомъ „во всякихъ дѣлахъ бояре, окольничіе, думные и ближніе люди и стольники, и стряпчіе, и дворяне, и всякіе помѣщики и вотчинники". Слѣдовательно Московскій и Владимирскій Приказы были собственно высшими центральными судебными мѣстами для высшаго сословія дворянъ и для всѣхъ служилыхъ людей по рожденію, а не по прибору, и, конечно, въ дѣлахъ не относившихся къ службѣ, такъ какъ судъ по служебнымъ дѣламъ принадлежалъ Разряду. 4) *Разбойный Приказъ.* Въ немъ засѣдали бояринъ, или окольничій, да дворянинъ или стольникъ, да два дьяка; въ вѣдѣніи этого Приказа былъ высшій судъ по разбойнымъ, татебнымъ и приводнымъ дѣламъ во всемъ Московскомъ государствѣ, управленіе и надзоръ за всѣми губными избами по городамъ, утвержденіе выборныхъ губныхъ старостъ и судъ надъ ними;

а также надзоръ и попеченіе объ устройствѣ тюремъ по всему государству;—вообще судъ и управленіе по всѣмъ губнымъ дѣламъ. 5) *Холопій Приказъ.* Здѣсь начальниками были: стольникъ, да дьякъ. Въ вѣдѣніи этого Приказа было собственно два рода дѣлъ: во 1-хъ, здѣсь вѣдались дворовые люди всякихъ чиновъ, люди кабальные, данные и записные, записывались въ книги всякаго рода крѣпости, служилыя кабалы, вѣчныя и данныя на урочные годы, причемъ съ нихъ собирались пошлины. Во 2-хъ, здѣсь производился судъ надъ холопами, ежели они бѣгаютъ отъ своихъ господъ и чинятъ смуты; равнымъ образомъ, здѣсь разбирались дѣла по искамъ холопами свободы, въ случаѣ неправильнаго завладѣнія ими, а также и тѣ дѣла, когда холопы давали на себя кабалы или крѣпости нѣсколькимъ господамъ. 6) *Земскій Приказъ.* Въ немъ засѣдали: дворянинъ тотъ же, что и въ Костромской Чети, и два дьяка. Въ вѣдѣніи этого Приказа состояли московскіе посадскіе люди и нѣкоторые города; онъ завѣдывалъ, какъ въ Москвѣ, такъ и въ городахъ, и въ слободахъ продажею и мѣрою дворовыхъ мѣстъ, бѣлыхъ и черныхъ, а также смотрѣлъ за чистотою и мощеніемъ улицъ, а потому въ этомъ Приказѣ собиралась мостовщина со всякаго чина жилецкихъ людей. Въ этомъ же Приказѣ вѣдомы были московскія разбойныя, татебныя и всякія воровскія приводныя дѣла.

IX. Приказы для управленія землями, присоединенными къ Московскому государству. 1) *Приказъ Казанскаго Дворца.* Начальниками этого Приказа были: бояринъ, думный дьякъ и два дьяка. Въ его вѣдѣніи состояли: царства Казанское и Астраханское и всѣ низовые города по Волгѣ и по другимъ тамошнимъ рѣкамъ. Изъ этого Приказа посылались въ тѣ города воеводы и указы по всѣмъ тамошнимъ дѣламъ. Ему же подвѣдомы были и всѣ войска, стоящія по Персидской и Турецкой границамъ и со стороны Калмыковъ и Башкирцевъ, и ежегодная отправка въ Москву татарскихъ и нагайскихъ конскихъ табуновъ. 2) *Сибирскій Приказъ.* Этотъ Приказъ находился въ вѣдѣніи того же боярина, который завѣдывалъ и Казанскимъ Приказомъ, и двухъ дьяковъ. Въ немъ вѣдалось Сибирское царство, такимъ же порядкомъ, какъ въ Казанскомъ Приказѣ вѣдались царства Казанское и Астраханское. Черезъ Сибирскій Приказъ производилась ссылка преступниковъ въ Сибирь и верстанье по сибирскимъ службамъ; въ Сибирскій же Приказъ высылалась, собираемая съ сибирскихъ ясачныхъ людей, соболья казна и другіе мѣха, или мягкая казна, и для оцѣнки этой казны въ Сибирскомъ Приказѣ постоянно находился голова, выбираемый изъ московскихъ гостей, изъ торговыхъ людей на годъ, а съ нимъ товарищи—цѣловальники. Соболиная и вообще мягкая сибирская казна составляла собственно царскій товаръ и шла на потребности двора и въ разныя раздачи, а въ случаѣ остатка за расходами, продавалась торговымъ людямъ. 3) *Приказъ Малыя Россіи.* Въ этомъ Приказѣ засѣдалъ тотъ же бояринъ, который былъ начальникомъ въ Галичской Чети, и съ нимъ дьякъ. Этотъ Приказъ, учрежденный со времени присоединенія Малороссіи, завѣдывалъ малороссійскими дѣлами. Здѣсь производились дѣла по утвержденію гетмановъ и по распрямъ въ Малороссіи. Сюда присылались посланники отъ малороссійскихъ гетмановъ и полковниковъ;—здѣсь же дѣ-

лалось назначеніе воеводъ и приказныхъ людей по малороссійскимъ городамъ, гдѣ въ городахъ установлено имѣть московскихъ воеводъ. Тамъ же, въ Малороссійскомъ Приказѣ, дѣлались распоряженія о назначеніи въ тамошніе города московскихъ войскъ для защиты народа отъ тамошнихъ смутъ и отъ вмѣшательства въ тамошнія дѣла Поляковъ. 4) *Смоленскій Приказъ.* Онъ былъ учрежденъ вслѣдъ за завоеваніемъ Смоленска и части Бѣлоруссіи и завѣдывалъ тамошними дѣлами. Изъ этого Приказа туда посылались воеводы по городамъ и дѣлались другія распоряженія по тамошнимъ дѣламъ.

X. *Приказы по отдѣльнымъ вѣдомствамъ.* 1) *Монастырскій Приказъ.* Въ немъ засѣдаютъ: окольничій, да два дьяка. Этотъ Приказъ былъ учрежденъ еще въ царствованіе Михаила Θеодоровича, но былъ отмѣненъ, а потомъ при Алексѣѣ Михайловичѣ учрежденъ вновь. Въ вѣдѣніи этого Приказа состояли всѣ дѣла по управленію монастырями, монастырскими и церковными вотчинами, которыя въ прежнее время были вѣдомы въ Приказѣ Большого Дворца. Здѣсь велись счеты по управленію монастырями и архіерейскими домами. Сюда присылались всѣ отчеты по управленію при сдачѣ монастыря или архіерейскаго дома отъ одного управителя къ другому. Кромѣ того по Соборному Уложенію 1649 г. Монастырскому Приказу былъ предоставленъ судъ по исковымъ дѣламъ на митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ и на весь церковный чинъ, а также приказныхъ и дворовыхъ людей на митрополичьихъ и епископскихъ и на монастырскихъ слугъ и крестьянъ.—Этотъ Приказъ, тягостный для духовенства, въ продолженіи XVII вѣка нѣсколько разъ закрывался и опять открывался. 2) *Ямской Приказъ.* Въ немъ засѣдали: бояринъ, думный дворянинъ и два дьяка. Въ вѣдѣніи этого Приказа были—ямская гоньба и всѣ ямщики. Въ этомъ Приказѣ собирались деньги со всего государства на устройство ямовъ и на жалованье ямщикамъ. Изъ этого Приказа посылались ямскіе стройщики, т. е. приказчики отъ правительства, для устройства ямовъ и для надѣленія ихъ достаточнымъ количествомъ земли, для управленія ямщиками по разнымъ мѣстностямъ и для надзора за исправностью ямской гоньбы, и чтобы ямскія слободы стояли другъ отъ друга не слишкомъ далеко, такъ чтобы не было дальнихъ перегоновъ и остановки въ гоньбѣ. Съ этой цѣлью стройщики также смотрѣли и за исправностью дорогъ, мостовъ и перевозовъ. 3) *Каменный Приказъ.* „Въ немъ сидитъ стольникъ или дворянинъ, да два дьяка. А въ вѣдѣніи сего Приказа каменное дѣло и мастера этого дѣла во всемъ государствѣ. И для какого царскаго строенія понадобятся тѣ мастера и ихъ собираютъ изъ всѣхъ городовъ и даютъ имъ царское жалованье и поденный кормъ. Да въ вѣдѣніи того же Приказа состоятъ всѣ известковые и кирпичные дворы и заводы въ Москвѣ. А гдѣ бѣлый камень родится и дѣлаютъ известь и тѣ города податями и доходами вѣдомы въ томъ же Приказѣ“.

Общая характеристическая черта всѣхъ приказовъ состояла въ томъ, что въ нихъ судъ и администрація не были отдѣлены другъ отъ друга, каждый приказъ завѣдывалъ и судомъ и администраціею по своему вѣдомству. Хотя, повидимому, судъ и управленіе во всѣхъ приказахъ имѣли коллегіальное начало, но это начало не всегда соблюдалось, ибо не было строгаго требованія, чтобы непремѣнно всѣ члены при-

сутствія въ приказѣ рассматривали каждое дѣло; напротивъ того— дѣло признавалось рѣшеннымъ правильно, хотя бы въ рѣшеніи его участвовалъ только одинъ изъ членовъ приказа. Разумѣется, по самому основному характеру приказовъ, въ нихъ не допускалось выборное начало; всѣ члены и служащіе въ приказахъ назначались отъ правительства, а не по выбору общества, не принимавшаго тутъ никакого участія.

Областное Управленіе при Алексѣѣ Михайловичѣ и при его ближайшихъ преемникахъ вполнѣ принадлежало чиновникамъ, или по тогдашнему—приказнымъ людямъ, назначаемымъ отъ правительства; прежній порядокъ суда и управленія, по которому земское или общественное начало было смѣшано съ приказнымъ по Уложенію царя Алексѣя Михайловича, совершенно отмѣненъ и судъ и управленіе окончательно переданы въ руки воеводовъ и приказныхъ людей.

По Уложенію судъ вполнѣ былъ предоставленъ воеводамъ и приказнымъ людямъ; въ немъ уже не участвовали ни старосты, ни цѣловальники, ни земскіе дьяки; въ судебныхъ искахъ уже не испрашивалось ручательство общины въ томъ, равняется ли состояніе истца предъявленному иску; самое представленіе подсудимыхъ на судъ уже вполнѣ зависѣло отъ воеводъ и приказныхъ людей, общество уже потеряло свое прежнее право вступаться въ это дѣло, его здѣсь вовсе не спрашивали; хотѣлъ воевода выслать подсудимаго по требованію суда, высылалъ, а не хотѣлъ—не высылалъ и самъ отвѣчалъ за это предъ закономъ. Всѣ жители уѣзда, подвѣдомаго воеводѣ, подлежали его суду во всѣхъ дѣлахъ, выключая уголовныхъ, для которыхъ еще оставались прежніе выборные судьи, подъ названіемъ губныхъ старостъ, впрочемъ не во всѣхъ городахъ. Лучшимъ указаніемъ той обширной власти, которою пользовались воеводы съ изданія Уложенія, служатъ царскіе наказы, которые давались воеводамъ при посылкѣ ихъ на воеводство. Изъ этихъ наказовъ мы видимъ: 1) воеводамъ отдавалось въ полное завѣдываніе все *казенное имущество* въ городѣ, т. е. нарядъ (*пушки*) въ казнѣ, зелье (*порохъ*) и свинецъ и всякіе пушечные запасы, и въ житницахъ хлѣбные запасы, и деньги, что есть въ сборѣ и книги приходо-расходныя деньгамъ, хлѣбу и зелью. 2) Вѣдѣнію воеводы принадлежали всѣ служилые и жилецкіе люди въ городѣ и уѣздѣ. 3) Воеводѣ принадлежалъ полицейскій надзоръ „чтобы въ городѣ, на посадѣ, въ слободахъ и уѣздѣ *разбою, татьбы и смертнаго убійства, бою и грабежу и иного никакого воровства не было.* А которые люди учнутъ какимъ воровствомъ воровать (т. е. дѣлать безпорядки), воеводѣ тѣхъ людей отъ воровства унимать, велѣть ихъ искать и по сыску наказанье чинить, смотря по винѣ и по человѣку. 4) Воеводѣ принадлежалъ судъ по всѣмъ дѣламъ, исключая уголовныхъ, которыя судилъ губной староста, гдѣ же ихъ не было, тамъ судилъ воевода. Воевода судилъ всегда одинъ безъ выборныхъ отъ земщины; относительно суда въ наказѣ говорится: „а которые люди, въ какихъ управныхъ дѣлахъ учнутъ бить челомъ государю и воеводѣ приносить челобитныя и ему тѣхъ людей по челобитнымъ судить, и сыски всякими сыскивати накрѣпко, а по суду своему и по сыску межъ ими расправу дѣлать безволокитно, а пошлины съ судныхъ дѣлъ имать по государеву указу“. 5) Къ обязанности вое-

водъ принадлежало также смотрѣніе за принятіемъ мѣръ предосторожности *противъ пожаровъ*; онъ обязанъ былъ „беречь накрѣпко и наказъ всякимъ людямъ учинить, чтобы въ городѣ, и въ острогѣ, и на посадѣ, и въ слободахъ въ лѣтніе жаркіе дни избъ и мыленъ никто не топилъ, и въ вечеру поздно съ огнемъ не ходили и не сидѣли, и во дворѣхъ по хоромамъ, и въ рядѣхъ по амбарамъ и по лавкамъ держали мѣрники и кади съ водою, и сторожи по улицамъ и переулкамъ—денныя и ночныя велѣть держать крѣпкія". 6) Воевода имѣлъ главный надзоръ *за сборомъ разныхъ податей* и пошлинъ въ городѣ и въ уѣздѣ, иногда подъ собственною отвѣтственностью; онъ же дѣлалъ наряды для отправленія разныхъ повинностей. Вообще воевода былъ въ уѣздѣ какъ хозяинъ,—всѣ дѣла общественныя и судъ по частнымъ принадлежали ему. Но за то воевода подлежалъ большой отчетности, ибо каждый воевода могъ управлять городомъ не болѣе одного года, или какъ исключеніе 2 и 3 года, а потомъ присылался новый воевода, который принималъ у стараго, какъ деньги, такъ и запасы и все казенное имущество и всѣ дѣла по описямъ, по книгамъ и счетамъ, и въ случаѣ начетовъ, не только отвѣчалъ своимъ имѣніемъ за недостающее по счету, но и подвергался наказанію, какое государь укажетъ. Равнымъ образомъ воевода иногда отвѣчалъ за недоборъ податей и др. казенныхъ доходовъ. Воевода былъ въ полномъ подчиненіи тому приказу, которымъ назначался на воеводство, и всѣмъ своимъ дѣламъ по управленію долженъ былъ вести особыя записныя книги, и въ случаѣ надобности приказъ по этимъ книгамъ ревизовалъ воеводу. Вообще мѣстное воеводское управленіе было въ полной зависимости отъ центральнаго управленія, или приказа, въ вѣдѣніи котораго состоялъ тотъ или другой городъ.—Жители, въ случаѣ обидъ отъ воеводы, могли жаловаться въ тотъ приказъ, откуда присланъ воевода, и приказъ наряжалъ по жалобамъ жителей слѣдствіе; а также бывали еще случаи, въ особенности въ отдаленныхъ сибирскихъ городахъ, что жители и сами отказывали воеводѣ въ его незаконныхъ требованіяхъ, но для этого надобно, чтобы жители дѣйствовали дружно, — заразъ всѣ сословія, какъ податныя, такъ и не податныя, а это, вслѣдствіе распаденія общества, было очень рѣдко, напротивъ были даже такіе образцы, что одна часть жителей жалуется на воеводу, а другая защищаетъ его. При огромной власти воеводъ и деморализаціи общества, во многихъ мѣстахъ ни жалобы, ни отчеты не спасали общество отъ многихъ воеводскихъ злоупотребленій.

Городскіе воеводы и въ настоящее время также, какъ и прежде, раздѣлялись на нѣсколько разрядовъ: 1-й разрядъ городскихъ воеводъ составляли воеводы, назначаемые по особому довѣрію самого государя, изъ приближенныхъ людей, бояръ и окольничихъ. Къ таковымъ принадлежали воеводы, назначаемые въ Великій Новгородъ, въ Псковъ, въ Казань, въ Астрахань въ Сибирь, въ Смоленскъ, въ Полоцкъ, въ Кіевъ и въ Бѣлгородъ. Въ эти города обыкновенно при главномъ воеводѣ *посылался товарищъ, а иногда и 2 и 3 товарища, съ дьяками*. Обыкновенно, ежели главнымъ воеводою, или какъ тогда говорили и писали, первымъ большимъ воеводою, былъ бояринъ, то товарищами при немъ могли быть: окольничіи и стольники, а ежели глав-

нымъ воеводою былъ окольничій, то товарищами могли быть стольники. Воеводы этого разряда управляли не однимъ городомъ, въ который посылались, но цѣлымъ краемъ, исторически связаннымъ съ симъ городомъ.—Такъ напр., новгородскій воевода управлялъ и всѣми землями, составлявшими владѣнія Великаго Новгорода до подчиненія его Москвѣ; воевода казанскій управлялъ всѣмъ Казанскимъ царствомъ. Приказная изба такого воеводы была какъ бы отдѣленіемъ Разряда; въ ней вѣдались всякія государственныя и земскія дѣла, даже сношенія съ сосѣдними государствами и распоряженія полками, состоящими въ вѣдѣніи воеводы; здѣсь принимались и разсматривались всѣ отчеты воеводъ, управляющихъ городами, состоящими въ томъ краю, гдѣ главный воевода былъ начальникомъ; даже воеводы такихъ городовъ назначались главнымъ воеводою и получали отъ него наказы; впрочемъ это бывало не всегда, они могли присылаться и московскимъ Разрядомъ. Кромѣ Приказной избы при главномъ воеводѣ были и другія административныя учрежденія, гдѣ подъ главымъ вѣдѣніемъ воеводы завѣдывали дѣлами ихъ товарищи и дьяки.

Ко 2-му разряду воеводъ принадлежали воеводы большихъ городовъ, замѣчательныхъ по своему многолюдству и промысламъ, или имѣвшимъ важное значеніе въ административномъ отношеніи, таковы напр. были города: Новгородъ (Нижній), Вологда, Архангельскъ, Свіяжскъ, Верхотурье, Вятка и др., куда при воеводахъ всегда посылались въ товарищи - *дьякъ и при немъ нѣсколько подъячихъ старыхъ и молодыхъ.* Воеводы сіи прямо зависѣли отъ Разряднаго Приказа, и туда подавали свои годовые отчеты.

Къ 3-му разряду воеводъ принадлежали воеводы незначительныхъ внутреннихъ городовъ, каковы напр. Дмитровъ, Серпуховъ, Угличъ и подобные; при такихъ воеводахъ не посылалось дьяковъ, а было только по 1 или по 2 подъячихъ. Воеводы сіи назначались или Разрядомъ, или тѣмъ приказомъ, въ вѣдѣніи котораго состоялъ городъ.

4-й разрядъ составляли воеводы, при которыхъ не было ни дьяковъ, ни подъячихъ; таковы были воеводы пограничныхъ городовъ, по степной украйнѣ, гдѣ жители преимущественно состояли изъ мелкихъ воинскихъ людей: боярскихъ дѣтей, казаковъ, стрѣльцовъ, пушкарей и затинщиковъ, и гдѣ главная забота и правительства и воеводы состояла преимущественно въ охраненіи границъ отъ татарскихъ набѣговъ, въ высылкѣ въ степи разъѣзжихъ сторожъ; слѣдовательно, гдѣ ни въ дьякахъ, ни въ подъячихъ не было большой нужды. Воеводы этихъ городовъ присылались—или по назначенію московскаго Разряднаго Приказа, или назначались воеводою главнаго города. Хотя характеръ этихъ воеводъ и былъ преимущественно военный, тѣмъ не менѣе они завѣдывали и чисто гражданскими дѣлами своего города и уѣзда.

Съ изданія Уложенія 1649 года воеводы всѣхъ разрядовъ въ дѣлахъ судебныхъ, освободившись на судѣ отъ участія общества черезъ его выборныхъ, съ тѣмъ вмѣстѣ были подчинены важнымъ ограниченіямъ отъ центральной власти. Во 1-хъ, ежели отъ нихъ и не вездѣ отнятъ судъ по уголовнымъ дѣламъ, за то вездѣ, выключая Сибири и Астрахани, воеводы лишены были права дѣлать *смертные приговоры*, да и въ Сибири и въ Астрахани воеводы могли казнить

смертію безъ государева указа только русскихъ середнихъ людей, татаръ, чувашъ и черемису, да и о тѣхъ должны писать въ Москву, кто за какую вину казненъ; а дворянъ, мурзъ, князей и нарочитыхъ знатныхъ людей и въ Сибири и въ Астрхани казнить не велѣно безъ царскаго указа. Во 2-хъ, въ исковыхъ дѣлахъ *право суда было ограничено* суммами исковъ, именно: воеводы большихъ городовъ, при которыхъ были дьяки, могли судить исковыя дѣла отъ 100 до 10,000 руб., а воеводы меньшихъ городовъ, при которыхъ не было дьяковъ, имѣли право давать судъ по дѣламъ тогда только, когда искъ не превышалъ 20 руб., а ежели бы такой воевода далъ судъ въ дѣлѣ, въ которомъ искъ превышалъ 20 руб., то таковой судъ не въ судъ, а самъ воевода за это подвергался пенѣ. Вообще, по Уложенію судъ въ большихъ искахъ производился только въ Москвѣ, въ тѣхъ приказахъ, которымъ кто подвѣдомъ; даже воеводы большихъ городовъ въ большихъ дѣлахъ только производили судъ, окончательнаго же рѣшенія безъ царскаго указа не имѣли права давать.

Кромѣ городскихъ воеводъ правительство посылало еще особыхъ чиновниковъ въ помощники воеводамъ, или ихъ товарищамъ, при которыхъ также были дьяки и подъячіе. Эти помощники управляли одною какою либо стороною воеводской дѣятельности, или же отдѣльнымъ городомъ. Кромѣ этихъ помощниковъ у воеводъ были еще низшіе служители, какъ-то: *подъячіе*, *пристава*; они также посылались отъ приказа, но этотъ разрядъ чиновниковъ вполнѣ зависѣлъ отъ воеводы и находился въ полномъ его распоряженіи. *Волостелей*, *доводчиковъ* и подобныхъ имъ служителей администраціи, въ прежнее время имѣвшихъ нѣкоторую самостоятельность и независимость отъ воеводы, по закону, съ изданіемъ Уложенія 1649 г., уже не было; ихъ власть вся сосредоточивалась въ воеводской власти. Правда, посылались еще *приказчики отъ правительства* по селамъ, но приказчики эти не имѣли характера волостелей, они замѣнили собственно прежнихъ посельскихъ и посылались только, какъ управители, въ дворцовыя села, и волости и въ слободы. Всѣ же прочія села и деревни управлялись — или своими владѣльцами-помѣщиками, вотчинниками, или своими выборными при непосредственной зависимости отъ воеводъ, хотя попрежнему села и деревни были приписаны къ станамъ и волостямъ.

Выборные начальники были: губные старосты, таможенные головы, ларечные старосты, цѣловальники и земскіе старосты.

1. *Губные старосты* выбирались жителями всего уѣзда непремѣнно изъ дворянъ или боярскихъ дѣтей, которые бы грамотѣ умѣли. Эти старосты не зависѣли отъ воеводъ и были самостоятельными производителями суда и слѣдствій по уголовнымъ дѣламъ и имѣли особое мѣсто для своихъ засѣданій, называвшееся *губною избою*, и своихъ служителей: губныхъ дьяковъ, цѣловальниковъ и сторожей, служившихъ также по выбору отъ уѣздныхъ людей; въ эти выборы воевода не имѣлъ права вмѣшиваться. Выборные губные старосты утверждались Разбойнымъ Приказомъ въ Москвѣ, судились въ этомъ Приказѣ и во всемъ зависѣли отъ него. Впрочемъ нерѣдко губныя дѣла поручались *воеводамъ*, слѣдовательно, отходили отъ выборной власти, а еще чаще, со времени Уложенія, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и

при ближайшихъ его преемникахъ, губныя дѣла по уѣздамъ передавались *сыщикамъ*, присылаемымъ изъ Разбойнаго Приказа, и тогда губной выборный староста, хотя и оставался при своей должности, но уже самая должность лишалась характера самостоятельности, ибо губной староста поступалъ въ полную зависимость отъ государева сыщика и дѣлался только исполнителемъ его приказаній.

2. *Таможенные головы, ларечные старосты и таможенные цѣловальники* выбирались торговыми и вообще податными людьми города и уѣзда, подъ надзоромъ воеводы. Въ 1681 году царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ былъ изданъ указъ о выборѣ головъ въ таможни и на кружечные дворы во всѣхъ городахъ и этотъ выборъ былъ предложенъ гостямъ и гостиной и суконной сотенъ торговымъ людямъ въ Москвѣ, но московскіе торговые люди отъ этого отказались, и поэтому позволено было выбирать головъ по городамъ тамошнимъ земскимъ старостамъ и всѣмъ жителямъ по старому порядку подъ надзоромъ воеводъ. Должность таможеннаго головы была весьма важная для города, отъ этого головы болѣе или менѣе зависѣла вся торговля города, ибо по тогдашнему порядку всѣ пошлины по торговлѣ собирались при самой куплѣ и продажѣ, а нѣкоторыя даже при самомъ въѣздѣ на рынокъ, и всѣ торговыя сдѣлки записывались въ таможенныя книги, изъ которыхъ покупателямъ давались выписи въ свидѣтельство того, что пошлины съ товара заплачены, а также и того, что товаръ купленъ надлежащимъ порядкомъ, а не воровской, и весь порядокъ этого сбора и записки въ книги зависѣлъ отъ таможеннаго головы, который поэтому могъ многое дѣлать и во вредъ и въ пользу торговли; слѣдовательно, для города было весьма нужно, чтобы этотъ голова пользовался довѣріемъ общества, признанный закономъ порядокъ, чтобы таможенный голова былъ избираемъ самимъ обществомъ и до нѣкоторой степени находился въ зависимости, былъ весьма важенъ и благодѣтеленъ для общества. Но къ сожалѣнію эта важная должность была сильно парализована излишнимъ подчиненіемъ Приказу Большого Прихода или Большой Казны, а также вмѣшательствомъ въ это дѣло городскихъ воеводъ, такъ что эта важная и почетная должность считалась до того тягостною для выборныхъ людей, что они всѣми силами старались уклоняться отъ нея, какъ отъ разорительной повинности, и посему въ эту должность нерѣдко выбирались люди вовсе не тѣ, которые бы были защитниками интересовъ общества, а скорѣе такіе, которые умѣли уживаться и съ Приказомъ Большого Прихода и съ мѣстными воеводами, хотя бы къ невыгодѣ общества. Кромѣ того за правительствомъ всегда оставалось право отдавать таможенныя, кабацкія и другія пошлины съ торговъ на откупъ, кто дороже дастъ. Когда находился откупщикъ, то сборъ пошлинъ поступалъ въ его распоряженіе и ему воевода долженъ былъ оказывать помощь; откупщикъ уже не мало не заботился объ интересахъ общества, онъ только думалъ выручить отданныя за откупъ деньги и какъ бы нажить самому побольше, чтобы удержать откупъ и на слѣдующій срокъ. Этимъ правомъ отдавать на откупъ правительство пользовалось постоянно, какъ скоро таможенный голова оказывался неисправнымъ, т. е. мало собиралъ пошлинъ противъ оклада, или еще чаще когда голова, заботясь о выгодахъ общества, не уживался съ воево-

дою. Въ такомъ случаѣ воевода доносилъ въ приказъ Большого Прихода, что выборный голова „не радѣетъ о государевой службѣ, пьетъ и бражничаетъ и чинитъ понаровки жилецкимъ людямъ по стачкѣ съ ними въ убытокъ казнѣ" и обвиняемый голова обыкновенно смѣнялся.

3. Наконецъ, въ городахъ и уѣздахъ была и еще выборная власть—*земскіе старосты и цѣловальники*, но эта власть вполнѣ была подчинена воеводамъ. Права земскихъ старостъ ограничивались преимущественно раскладкою податей между членами общества и надзоромъ за тѣмъ, чтобы тяглые люди не уклонялись отъ несенія тягла, не выходили безъ отпускныхъ изъ города или волости, не записывались за монастыри или за помѣщиковъ и вотчинниковъ, а также, чтобы волостные люди не переходили на житье въ города, а городскіе — въ волости тоже безъ отпускныхъ отъ общества, или отъ владѣльца земли. Кромѣ этого земскіе старосты должны были смотрѣть, чтобы въ ихъ вѣдомствѣ не было разбоя, грабежа, татьбы и другихъ лихихъ дѣлъ. Въ этомъ дѣлѣ старосты были въ полномъ распоряженіи воеводъ, губныхъ старостъ и присылаемыхъ отъ государя сыщиковъ; по приказу воеводъ они должны были также наблюдать, чтобы никто безпошлинно не торговалъ, когда таможенныя пошлины были на откупу. Такова была администрація при Алексѣѣ Михайловичѣ и его ближайшихъ преемникахъ.

II. **Администрація при Петрѣ Великомъ.** Петръ Великій, принявшись за управленіе государствомъ, не замедлилъ приступить къ важнымъ реформамъ въ дѣлахъ администраціи. Недостатки и тягости приказной администраціи были такъ велики и вопіющи, что государь съ такимъ умомъ и волею, какъ Петръ, не могъ оставить ихъ безъ измѣненія. Онъ прежде всего обратилъ вниманіе на то, что администрація черезъ-чуръ уже придавила общество, и что всѣ безпорядки и злоупотребленія именно были слѣдствіемъ того, что общество не имѣло никакого голоса и значенія, что ему были преграждены всѣ законные пути заявлять и отстаивать свои нужды. Поэтому въ первый же годъ (1689 г.) своего самодержавнаго правленія въ октябрѣ мѣсяцѣ издалъ указъ, по которому призналъ за каждымъ городомъ право распоряжаться городскою землею безъ отношенія къ воеводамъ и приказнымъ людямъ, по согласію только и за ручательствомъ своего общества, черезъ выборныхъ старостъ и сотскихъ. Потомъ, указомъ отъ 30 января 1699 г. приказалъ учредить Бурмистрскую Палату для вѣдомства всякихъ расправныхъ дѣлъ между гостями и посадскими людьми и для управленія казенными сборами и городскими повинностями, и такимъ образомъ передалъ управленіе городскими общинами, по прежнему, самимъ же общинамъ, мимо воеводъ и приказовъ.

Бурмистрская Палата не была подчинена ни одному Приказу и сама составляла главное мѣсто управленія и суда между посадскими и торговыми людьми всего государства со всѣми правами приказа. Въ указѣ прямо сказано: „чтобы торговыхъ людей судомъ и всякими расправными дѣлами и всякими службами и поборами въ Приказахъ не вѣдать, а вѣдать ихъ въ Бурмистрской Палатѣ бурмистромъ, а въ бурмистры выбирать погодно самимъ торговымъ и промышленнымъ людямъ межъ себя, кому вѣрятъ, и одному изъ нихъ быть первымъ

или президентомъ, поочереди, ежемѣсячно, и передать въ Бурмистрскую Палату изъ Приказовъ всѣ окладныя книги, и всѣ дѣла о промышленныхъ и торговыхъ людяхъ". Въ тотъ же день былъ изданъ еще указъ объ учрежденіи по городамъ земскихъ избъ для вѣдомства всякихъ расправныхъ дѣлъ между посадскими и торговыми людьми и волостными промышленниками и для управленія казенными съ нихъ сборами и земскими повинностями, и объ исключеніи ихъ изъ вѣдомства воеводъ „а въ земскихъ избахъ судить и вѣдать ихъ во всѣхъ дѣлахъ выборнымъ людямъ, кого они похотятъ". Впрочемъ, въ этомъ указѣ городскимъ общинамъ предоставлено было на волю вѣдаться и судиться или своими выборными людьми въ земскихъ избахъ, или попрежнему оставаться въ вѣдѣніи воеводъ; въ первомъ случаѣ, т. е. когда они хотѣли вѣдаться выборными людьми, то должны были платить двойной оброкъ. Но указомъ отъ 5 октября того же года окончательно узаконено, чтобы воеводамъ и приказнымъ людямъ по городамъ торговыхъ и промышленныхъ людей не судить и не вѣдать; а вѣдать ихъ и судить во всѣхъ дѣлахъ выборнымъ бурмистрамъ въ таможенныхъ избахъ, а бурмистрамъ быть въ вѣдѣніи Московской Бурмистрской Палаты. Далѣе указомъ отъ 27 октября предоставлено торговымъ людямъ устроивать компаніи для болѣе прибыльнаго торга и раздѣлить всѣ города на провинціи и въ провинціяхъ выбрать главныхъ бурмистровъ, которые бы надсматривали за городскими бурмистрами, а главное управленіе всѣми торговыми и промышленными людьми чтобы было въ Бурмистрской Палатѣ, въ Москвѣ, куда должны подаваться всѣ отчеты изъ всѣхъ провинцій. Наконецъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же года Бурмистрская Палата въ Москвѣ переименована въ Ратушу, которой предоставлено управленіе не только посадскими, но и уѣздными тяглыми людьми. Въ 1700 году Ратушѣ подчинены и торговые иноземцы.

Преслѣдуя ту же цѣль поднятія общества и ограниченія мѣстной приказной администраціи, Петръ Великій указомъ отъ 10 марта 1702 года повелѣлъ, чтобы при городскихъ воеводахъ по всѣмъ городамъ въ судѣ и управленіи участвовали выборные отъ дворянства. Въ указѣ сказано: „вѣдать всякія дѣла съ воеводы дворянамъ, тѣхъ городовъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, добрымъ и знатнымъ людямъ по выбору тѣхъ же городовъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, въ большихъ городахъ по 4 и по 3 человѣка, а въ малыхъ по 2 человѣка; а одному воеводѣ безъ нихъ, дворянъ, никакихъ дѣлъ не дѣлать и указу никакого по нимъ не чинить".

Но таковое управленіе у Петра Великаго не было постояннымъ; мы уже въ 1705 году встрѣчаемъ извѣстіе о *Ближней Канцеляріи царской*, куда стягивались дѣла изъ разныхъ вѣдомствъ и рѣшались прямо по указу государя. Въ томъ же году былъ изданъ указъ, по которому Ратуши были подчинены назначаемымъ отъ государя *инспекторамъ* изъ приказныхъ людей, съ правомъ удалять выборныхъ бурмистровъ и назначать новые выборы. Отъ 18 декабря 1708 г. для развитія большей централизаціи была принята новая небывалая мѣра: раздѣленіе Россіи на губерніи; на первый разъ было учреждено 8 губерній, а именно: 1-я *Московская*, которой подчинено 39 городовъ съ ихъ уѣздами; 2-я *Ингерманландская* съ 29 городами, 3-я *Кіевская*

съ 56 городами; 4-я *Смоленская* съ 17 городами; 5-я *Архангелогородская* съ 20 городами; 6-я *Казанская*, къ ней причислены 71 городъ; 7-я *Азовская* съ 25 городами; 8-я *Сибирская* съ 30 городами. Начальниками губерній были назначены губернаторы, а въ городахъ и провинціяхъ начальниками попрежнему оставлены воеводы, во всемъ подчиненные губернаторамъ. Губернаторы получили такую власть, что всѣ государевы указы по всѣмъ городамъ должны были посылаться къ губернаторамъ, а отъ нихъ уже разсылались по городамъ и провинціямъ и, такимъ образомъ, губернаторы сдѣлались центральными правителями губерній, такъ что всѣ распоряженія по городамъ и провинціямъ производились черезъ губернаторовъ и всѣ отчеты и доношенія изъ городовъ шли къ губернаторамъ безъ различія—были ли сіи отчеты и доношенія отъ воеводъ, или бурмистровъ, а посему, какъ приказное, такъ и выборное управленіе подчинялись одинаково губернаторамъ. Губернаторы сдѣлались посредствующею инстанціею между мѣстною администраціею и администраціею приказовъ въ Москвѣ и получили огромную власть, какой не имѣли ни прежніе воеводы, ни выборные бурмистры.

Потомъ указомъ отъ 22 февраля 1711 г. былъ учрежденъ *Правительствующій Сенатъ*, верховное центральное управленіе для всего государства и по всѣмъ дѣламъ; и сюда же включенъ и прежній Разрядный Приказъ и назначено высылать для присутствованія изъ всѣхъ губерній по *2 коммиссара*, для спроса и принятія указовъ. Сенатъ, по первоначальному указу о его учрежденіи, былъ учрежденъ для управленія государствомъ на случай отлучекъ государевыхъ; указы Сената получали такую же силу, какъ и именные указы государя, и ослушники Сенатскихъ указовъ преслѣдовались жестокими наказаніями, а смотря по винѣ—даже смертью. Сенатъ при учрежденіи своемъ былъ составленъ изъ 9 сенаторовъ и оберъ-секретаря; въ эти должности были выбраны государемъ приближенныя и довѣренныя лица.

Въ слѣдующемъ, 1712 году государь, для приданія большей силы губернаторамъ и для большаго обезпеченія всѣхъ правительственныхъ распоряженій, росписалъ по всѣмъ губерніямъ постоянныя квартиры для армейскихъ полковъ и для гарнизоновъ, подчинивши ихъ до нѣкоторой степени губернаторамъ. Вслѣдствіи такого общаго распоряженія губернаторы пріобрѣли огромную силу надъ обществомъ, такъ что всякое уклоненіе отъ исполненія губернаторскихъ приказаній влекло за собою принужденіе къ тому военною силою. Но, очевидно, чрезмѣрное усиленіе власти губернаторовъ вскорѣ оказалось неудобнымъ и повело къ разнымъ безпорядкамъ и притѣсненіямъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ вызвало правительство на новую мѣру. Указомъ отъ 24 апрѣля 1713 г. было предписано учинить по всѣмъ губерніямъ *ландратовъ*, по выборамъ отъ всего дворянства губерніи, именно: въ большихъ губерніяхъ по 12, въ среднихъ по 10, а въ меньшихъ по 8; ландратамъ засѣдать вмѣстѣ съ губернаторомъ и дѣлать съ нимъ всѣ дѣла и подписывать бумаги, и чтобы губернаторъ былъ между ними только президентомъ, а не властителемъ, и безъ нихъ ему никакихъ дѣлъ не дѣлать, и все чинить по большинству голосовъ, при чемъ губернатору на совѣтѣ предоставляется два голоса, а каждому ландрату по одному голосу. По тому же указу 1713 года по всѣмъ губерніямъ учи-

нены *ландрихтеры* или земскіе судьи, нисколько не зависимые отъ губернаторовъ, а прямо подчиненные Сенату, такъ что въ случаѣ ихъ преступленій губернаторъ имѣлъ только право доносить на нихъ въ Сенатъ. Въ 1715 году указомъ отъ 28 января ландраты, не переставая быть совѣтниками при губернаторахъ, сдѣлались самостоятельными правителями по городамъ и волостямъ. Въ указѣ сказано: „въ городахъ, гдѣ гарнизоновъ нѣтъ, не быть оберъ комендантамъ и комендантамъ, а быть вмѣсто ихъ ландратамъ, по одному человѣку надъ каждою долею, въ которой по расположенію содержится двороваго числа 5536 дворовъ, или по скольку будетъ удобнѣе по разсмотрѣнію губернаторскому. А съ тѣми ландратами для управленія всякихъ сборовъ и земскихъ дѣлъ въ каждой долѣ быть коммиссарамъ, по одному, подъячихъ по 4, и конныхъ разсыльщиковъ по 12 человѣкъ. А жалованье имъ положить съ дворовъ каждой доли. Изъ ландратовъ всегда быть при губернаторѣ по два человѣка, съ перемѣною по мѣсяцу и по два, а безъ нихъ дѣло ихъ управлять коммиссарамъ. А при окончаніи года ландратамъ съѣзжаться къ губернаторамъ со всѣми правленія своего вѣдомостьми къ счету и для исправленія дѣлъ всѣмъ вмѣстѣ. И губернаторамъ ни для какихъ сборовъ и дѣлъ отъ себя, никуда въ ландратское управленіе нарочныхъ не посылать. Посадскихъ людей во всѣхъ губерніяхъ ландратамъ ни въ чемъ не вѣдать, а вѣдать ихъ и управлять попрежнему выборнымъ бурмистрамъ съ вѣдома губернаторскаго. А въ искахъ своихъ посадскимъ людямъ на крестьянъ бить челомъ ландратамъ, а крестьянамъ на посадскихъ людей — выборнымъ земскимъ бурмистрамъ. А буде изъ ландратовъ или бурмистровъ кто нападками своими учинитъ кому обиду, или судъ неправый сдѣлаетъ, и на того обиженному о судѣ бить челомъ губернатору“. Надъ губернаторами, ландратами и ландрихтерами надсматривали, присылаемые отъ государя, *фискалы*, которые въ случаѣ безпорядковъ въ губерніи, или ландратствѣ, доносили въ Расправную Палату, гдѣ обвиняемыхъ подвергали суду; частные люди имѣли такъ же право доносить и подавать жалобы на губернскія власти.

Такимъ образомъ, съ учрежденіемъ ландратовъ, повидимому, выборное земское управленіе было выдвинуто на первый планъ и власть губернаторовъ сильно стѣснена выборнымъ началомъ, но на дѣлѣ это было далеко не такъ: губернаторы, вице-губернаторы и ландраты были по своему управленію въ прямой отвѣтственности предъ Сенатомъ и ежегодно по два раза должны были присылать вѣдомости о своемъ управленіи. Вѣдомости эти, по указу отъ 26 февраля 1714 г., преимущественно состояли въ отчетахъ по сбору податей; вся неисправность по сборамъ податей взыскивалась на губернаторахъ, вице-губернаторахъ и ландратахъ, и на ихъ имѣнія налагались большіе штрафы (по гривнѣ съ недобраннаго рубля); слѣдовательно, главная забота этихъ дѣятелей была въ томъ, чтобы не подпасть штрафу, который строго запрещено было раскладывать на губерніи, а должно было взыскивать именно съ ихъ пожитковъ. Понятно, что при этомъ порядкѣ они не могли думать объ интересахъ общества.

Въ 1719 г. Петръ Великій приступилъ къ новому устройству центральныхъ вѣдомствъ администраціи, среднихъ между Сенатомъ и областнымъ управленіемъ, которыя у него названы коллегіями, и до

нѣкоторой степени замѣнили прежніе приказы. Еще въ декабрѣ 1717 г. Петръ Великій, передъ отъѣздомъ за границу, повелѣлъ учредить коллегіи по шведскому образцу и назначилъ въ оныя президентовъ, вицепрезидентовъ, совѣтниковъ, ассессоровъ и другихъ чиновниковъ. Президентами въ коллегіяхъ были: въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ—Канцлеръ Головкинъ; въ Камеръ-Коллегіи - князь Дмитрій Голицынъ; въ Юстицъ-Коллегіи—тайный совѣтникъ Андрей Матвѣевъ; въ Ревизіонъ-Коллегіи—князь Яковъ Долгорукій; въ Воинской Коллегіи—князь Менщиковъ; въ Адмиралтейской Коллегіи—генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ; въ Коммерцъ-Коллегіи—тайный совѣтникъ Петръ Толстой; въ Статсъ-Конторъ-Коллегіи — тайный совѣтникъ графъ Мусинъ-Пушкинъ и въ Бергъ- и Мануфактуръ-Коллегіи — генералъ фельдцейхмейстеръ Брюссъ. Но, за отъѣздомъ государя, эти коллегіи не были открыты. Указомъ отъ 12 декабря 1718 года повелѣно было открыть съ 1719 года всѣ коллегіи и раздѣлить вѣдомство каждой коллегіи слѣдующимъ образомъ: 1) Коллегія Иностранныхъ дѣлъ должна замѣнить Посольскій Приказъ; 2) Камеръ-Коллегія въ вѣдѣніи своемъ имѣетъ денежные доходы со всего государства; 3) Юстицъ-Коллегія вѣдаетъ судныя и розыскныя дѣла и Помѣстный Приказъ; 4) Ревизіонъ-Коллегія ведетъ счетъ всѣхъ государственныхъ приходовъ и расходовъ; 5) Воинская Коллегія вѣдаетъ армію, гарнизоны и всѣ военныя дѣла; 6) Адмиралтейская Коллегія завѣдуетъ управленіемъ флота и всѣмъ относящимся до морскихъ дѣлъ; 7) Коммерцъ-Коллегія наблюдаетъ за торговлею и за всѣмъ относящимся до торговли; 8) Статсъ-Конторъ-Коллегія имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи всѣ государственные расходы; 9) Бергъ- и Мануфактуръ-Коллегія завѣдываетъ рудокопными заводами и фабриками и вообще ремеслами и старается объ ихъ распространеніи; кромѣ того въ ея же вѣдѣніи была артиллерія.

Общій штатъ для каждой коллегіи по указу отъ 11 декабря 1717 г. былъ слѣдующій: 1 президентъ, 1 вице-президентъ—русскій или иностранецъ, 4 совѣтника, 4 ассессора, 1 секретарь, 1 нотарій, 1 актуарій, 1 регистраторъ, 1 переводчикъ, подъячіе трехъ статей; иноземцы: 1 совѣтникъ или ассессоръ и 1 секретарь. Иноземцы назначались въ коллегію для показанія иноземнаго порядка, какъ вести въ коллегіяхъ дѣла. Президенты всѣхъ коллегій непремѣнно должны присутствовать въ Сенатѣ, по указу отъ 16 мая 1722 года, только двумя днями въ недѣлю меньше противъ другихъ сенаторовъ.

Къ девяти первымъ коллегіямъ Петръ Великій въ 1721 г. присоединилъ еще десятую коллегію, подъ именемъ Главнаго Магистрата, которая должна была завѣдывать всѣмъ купечествомъ въ русскомъ государствѣ и состояла прямо подъ вѣдѣніемъ Сената. На первый разъ въ эту коллегію былъ назначенъ оберъ-президентомъ князь Трубецкой, а въ президенты—купецъ Исаевъ. Обязанности Главнаго Магистрата въ указѣ отъ 16 января 1721 года описаны такъ: 1) во всѣхъ городахъ порядочный магистратъ учинить, 2) смотрѣть, чтобы было правосудіе, 3) добрую полицію учредить, 4) купечество и мануфактуры размножать, 5) собирать свѣдѣнія о всѣхъ городахъ и ихъ жителяхъ и 6) вообще защищать купцовъ и ремесленниковъ отъ обидъ и притѣсненій. Въ томъ же году была учреждена еще 11-я коллегія—Синодъ.

Областное управленіе. Учрежденіе коллегій по шведскому образцу повлекло за собою новыя учрежденія и въ областномъ управленіи, такъ же принаравливаясь къ шведскому образцу. Еще по указу отъ 16 ноября 1718 г. были назначены слѣдующіе новые чины по губерніямъ: 1) ландъ гевдингъ—земскій голова, 2) оберъ-ландъ-рихтеръ—главный земскій судья, 3) ландъ-секретарь—земскій дьякъ, 4) бухгалтеръ или камерирь—земскій надзиратель сборовъ, 5) ландъ-рентмейстеръ — земскій казначей, 6) ландъ-фискалъ—земскій фискалъ, 7) ландъ-мессеръ—межевщикъ, 8) профосъ—староста тюремный, 9) ландъ-коммиссаръ—земскій коммиссаръ, 10) ландъ-рихтеръ—земскій судья и 11) ландъ-шрейберъ—подъячій земскій. Всѣмъ этимъ должностнымъ лицамъ повелѣно начать исполненіе своихъ должностей съ 1720 года. Всѣ сіи чины были въ непосредственномъ вѣдѣніи разныхъ коллегій, смотря по роду службы, и каждый изъ своей коллегіи получалъ указы и подавалъ туда отчеты, которые по инструкціямъ были очень строги и разнообразны и требовали большой письменности и разныхъ формъ; ни губернаторы, ни воеводы надъ этими чинами не имѣли власти и не могли вмѣшиваться въ ихъ дѣла. Со введеніемъ новаго устройства по областному управленію, за губернаторами и воеводами остался только общій надзоръ надъ всѣми дѣлами по губерніи, или уѣзду. По новой воеводской и губернаторской инструкціи, изданной въ январѣ 1719 г., воевода и губернаторъ во 1-хъ должны смотрѣть, чтобы не было въ провинціи шпіоновъ отъ враговъ государевыхъ. во 2-хъ, города и крѣпости въ провинціи содержать въ исправности; въ 3-хъ, заботиться о твердомъ содержаніи христіанской вѣры и имѣть попеченіе о школахъ и госпиталяхъ; въ 4-хъ, смотрѣть за расположеніемъ полковъ по уѣздамъ; въ 5-хъ, имѣть попеченіе о заводахъ и фабрикахъ; въ 6-хъ, наблюдать, чтобы земская государева полиція у всѣхъ была въ уваженіи; въ 7-хъ, имѣть надзоръ за исправностью дорогъ, и чтобы въ народѣ не ходили фальшивыя деньги; въ 8-хъ, наконецъ, имѣтъ прямой и непосредственный надзоръ, чтобы всѣ чины, приставленные къ какимъ-либо дѣламъ, исполняли свою должность и заботились о государевыхъ интересахъ, а ежели кого замѣтятъ неисправнымъ, о томъ доносить его начальству.

Новый порядокъ областного управленія потребовалъ также и новаго раздѣленія областей; вслѣдствіе сего въ 1719 г. именнымъ указомъ отъ 29 мая всѣ русскія владѣнія вновь раздѣлены на губерніи и къ каждой губерніи назначено нѣсколько провинцій, и каждая провинція раздѣлена на уѣзды. По этому новому раздѣленію Россія раздѣлена на 10 губерній и 47 провинцій. Губерніи были слѣдующія: 1) Санктпетербургская, а въ ней 12 провинцій; она заключала въ себѣ нынѣшнія губерніи: Эстляндскую, Псковскую, Петербургскую, Новгородскую, Олонецкую, Тверскую, Ярославскую и часть Вологодской. 2) Московская, въ ней 9 провинцій; она обнимала нынѣшнія губерніи: Московскую, Рязанскую, Костромскую, Владимирскую, Тульскую и Калужскую. 3) Кіевская съ 4 провинціями; къ ней причислялись всѣ города прежняго Бѣлгородскаго полка и части нынѣшнихъ губерній: Черниговской, Кіевской. Орловской и Полтавской, всего 41 городъ. 4) Азовская, раздѣлялась на 4 провинціи и заключала въ себѣ нынѣшнія губерніи: Воронежскую, Харьковскую, Тамбовскую и значитель-

ныя части другихъ сосѣднихъ губерній, въ ней считалось 54 города. 5) Рижская состояла изъ 2 провинцій: Рижской и Смоленской, въ ней считалось 9 городовъ. 6) Архангелогородская состояла изъ 4 провинцій, въ ней считалось 17 городовъ. 7) Сибирская, въ ней было 5 провинцій, а городовъ считалось 24. 8) Казанская также раздѣлялась на 4 провинціи и имѣла 15 городовъ. 9) Нижегородская раздѣлялась на 3 провинціи, въ ней считалось 8 городовъ. 10) Астраханская губернія не раздѣлялась на провинціи, въ ней было 12 городовъ, кромѣ пригородовъ. По указу въ губерніи были назначены генералъ-губернаторы и губернаторы, а по провинціямъ: оберъ-коменданты, коменданты и воеводы. Во всѣ чины по губерніямъ и провинціямъ, кромѣ губернаторовъ, комендантовъ и воеводъ, предписано коллегіямъ назначить новыя лица, согласно съ инструкціями и регламентами каждой коллегіи. Такимъ образомъ, почти все управленіе въ областяхъ, хотя и съ земскими названіями, перешло отъ выборныхъ людей къ чиновникамъ, назначаемымъ отъ правительства и, кажется, при выборныхъ начальствахъ остались только ремесленные и торговые люди по городамъ, согласно съ регламентомъ Главнаго Магистрата, да еще крестьяне по волостямъ имѣли своихъ выборныхъ старостъ; впрочемъ старосты эти были уже вполнѣ подчинены чиновникамъ, назначаемымъ отъ разныхъ коллегій, и не имѣли голоса въ общей администраціи.

Въ добавокъ къ новому устройству областного управленія въ 1722 г., были открыты надворные суды, въ которыхъ засѣдали дворяне, по назначенію отъ правительства. Обязанность надворныхъ судовъ по указу отъ 18 января 1722 года состояла въ томъ, чтобы разбирать, какъ расправныя, такъ и всѣ другія дѣла по доносамъ, какъ отъ фискаловъ, такъ и отъ стороннихъ людей; но надворный судъ не имѣлъ права рѣшать дѣла окончательно, онъ по изслѣдованіи дѣла и открытіи виноватыхъ долженъ, какъ дѣла, такъ и виноватыхъ отослать въ ту коллегію, до которой это дѣло касалось. Въ этомъ же году къ числу коллегій присоединена Вотчинная Коллегія, образовавшаяся изъ Помѣстнаго Приказа, отдѣленнаго отъ Юстицъ-Коллегіи. Устройство этой коллегіи было одинаково съ прочими коллегіями.

Впрочемъ, новый порядокъ управленія областями, введенный по шведскому образцу, съ учрежденіемъ коллегій, скоро оказался неудобнымъ, чего и должно было ждать, какъ по быстротѣ реформы, такъ и по своеобразности этого порядка, далеко не подходящаго къ порядку русской общественной жизни. А посему уже въ 1722 г. начались измѣненія новаго порядка, именно указомъ отъ 12 марта предписано: всѣмъ судьямъ или ландъ-рихтерамъ, опредѣленнымъ въ города отъ Юстицъ-Коллегіи, оставить свои должности, а тѣ суды, которые были въ ихъ вѣдѣніи, передать въ провинціяхъ воеводамъ, а для скорѣйшаго отправленія судебныхъ дѣлъ въ каждую провинцію придать къ воеводѣ по два ассессора изъ отставныхъ офицеровъ, или изъ дворянъ. А гдѣ въ провинціи города и уѣзды далеко отстоятъ отъ провинціальнаго города, въ такіе города предоставить воеводамъ по своему усмотрѣнію назначать особыхъ ассессоровъ—по одному въ городъ и при нихъ двухъ или трехъ подъячихъ. Ассессоры, назначаемые воеводами, судили дѣла только до 20 р., а выше 20 р. отсылали въ провинціальный судъ къ воеводѣ. Такимъ образомъ, судъ по про-

винціямъ, городамъ и уѣздамъ опять возвратился попрежнему въ руки воеводъ, безъ всякаго контроля, по крайней мѣрѣ въ указѣ о контролѣ не упомянуто. А посему указомъ отъ 4 апрѣля того же года повелѣно: для усмотрѣнія всякихъ дѣлъ въ губерніяхъ и провинціяхъ, чтобы во всякихъ дѣлахъ была правда, посылать на каждый годъ изъ Сената членовъ по 1, да при немъ изъ каждой коллегіи по одному человѣку. И отъ того же числа изданъ еще указъ, чтобы въ дальніе города отъ провинціальныхъ городовъ посылать вмѣсто ассессоровъ, назначаемыхъ воеводами, особыхъ судебныхъ коммиссаровъ, которые впрочемъ должны состоять подъ командой воеводы и имѣютъ право судить дѣла не выше 50 рублей.

Но обращеніе къ воеводскому суду и управленію не возвратило обществу право голоса въ своихъ дѣлахъ передъ администраціею, а напротивъ значеніе областного общества все шло ниже и ниже и вполнѣ подчинялось служителямъ администраціи. Такъ, указомъ отъ 13 апрѣля того же 1722 г., сборъ податей и распоряженіе отправленіемъ разныхъ повинностей окончательно отняты у общества; всѣ выборные начальники: таможенные головы, имѣвшіе прежде важное значеніе, а также старосты, ларечные и др., настоящимъ указомъ отмѣнены и выборы ихъ запрещены, а у сборовъ большихъ главными командирами и въ товарищахъ велѣно назначать или отставныхъ офицеровъ, или изъ дворянъ, а у меньшихъ сборовъ — унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ солдатъ, по назначенію Военной Коллегіи, а въ команду къ нимъ выбирать магистрату изъ раскольниковъ и бородачей въ цѣловальники. Наконецъ указомъ отъ 26 іюня 1724 г. областное общество и даже частію администрація переданы подъ надзоръ полковникамъ тѣмъ войскъ, которыя расположены по уѣздамъ на вѣчныя квартиры. Имъ порученъ не только судъ надъ обывателями въ ихъ дѣлахъ съ солдатами, а также полиція и даже смотрѣніе чтобы губернаторы и воеводы неупустительно исправляли свою должность и чинили какъ слѣдуетъ по указамъ изъ Сената, коллегій и канцелярій, а въ случаѣ какихъ упущеній должны доносить въ тѣ мѣста, откуда будутъ присланы указы, и получивъ разрѣшеніе отъ тѣхъ мѣстъ, даже имѣли право дѣлать понужденія губернаторамъ и воеводамъ.

Такимъ образомъ Петръ Великій, начавши въ своихъ реформахъ допущеніемъ областного общества къ дѣламъ мѣстной администраціи, покончилъ совершеннымъ удаленіемъ общества отъ дѣлъ мѣстнаго управленія и отдалъ его подъ опеку не только приказной администраціи, но даже военной силѣ, а самую администрацію такъ перепуталъ, что она въ концѣ его царствованія представляла пеструю смѣсь началъ старыхъ XVII столѣтія и новыхъ, иноземныхъ, чего конечно и нельзя было избѣгнуть при новости дѣла и быстротѣ реформъ.

Администрація при преемникахъ Петра. Екатерина I, преемница Петра Великаго, на другой же годъ нашлась вынужденною значительно измѣнить порядокъ администраціи, заведенный Петромъ, и до нѣкоторой степени обратиться къ старому до-петровскому порядку. Во 1-хъ, указомъ отъ 8-го февраля 1726 года она открыла *Верховный Тайный Совѣтъ*, высшее правительственное учрежденіе, подъ предсѣдательствомъ самой государыни, въ ея дворцѣ, что-то въ родѣ прежней до-петровской Думы. Въ этомъ Совѣтѣ должны были разсматриваться и

рѣшаться важнѣйшія государственныя дѣла, какъ внѣшнія, такъ и внутреннія. Сенатъ и всѣ коллегіи должны были состоять подъ вѣдѣніемъ Верховнаго Совѣта, получать отъ него указы и сноситься съ нимъ доношеніями. Такимъ образомъ, Сенатъ съ учрежденіемъ Тайнаго Совѣта почти сравнялся съ нѣкоторыми коллегіями. По указу отъ 7 марта того же года, Сенатъ могъ назначать и опредѣлять самъ только слѣдующихъ чиновниковъ: провинціальныхъ воеводъ, ассессоровъ, камерировъ, рентмейстеровъ, земскихъ судныхъ коммиссаровъ и президентовъ въ надворные суды по губерніямъ; при назначеніи же президентовъ, вице-президентовъ и совѣтниковъ въ коллегіи имѣлъ право только выбирать кандидатовъ и представлять въ Верховный Тайный Совѣтъ; равнымъ образомъ при назначеніи губернаторовъ, вице-губернаторовъ и комендантовъ Сенатъ былъ обязанъ представлять кандидатовъ и ждать отъ Верховнаго Совѣта указа. Наконецъ указомъ отъ 14-го марта повелѣно отнять у Сената наименованіе „Правительствующій", а называть его только Высокій Сенатъ.

Вслѣдъ за измѣненіемъ высшаго центральнаго управленія, императрица приступила къ важнымъ измѣненіямъ и въ областномъ управленіи; такъ указомъ 2-го апрѣля объявила новые губернскіе и провинціальные штаты по всѣмъ губерніямъ. Штаты сіи касались только канцелярскихъ чиновниковъ и служителей, начиная отъ секретаря и до сторожа; на всю Россію было положено 865 человѣкъ чиновниковъ и служителей при губернскихъ и провинціальныхъ канцеляріяхъ. Потомъ указомъ отъ 15-го іюля повелѣно по всѣмъ городамъ, гдѣ по указу 1722 г. не было назначено воеводъ, назначить по старому порядку воеводъ для всякихъ судныхъ и розыскныхъ дѣлъ, въ какомъ бы искѣ не было. А которые челобитчики не довольны будутъ ихъ рѣшеніемъ, тогда бить челомъ имъ въ провинціальныхъ городахъ, къ которымъ тѣ города приписаны, тамошнимъ воеводамъ съ товарищами, а будутъ не довольны и рѣшеніемъ провинціальныхъ воеводъ, то подавать челобитныя въ надворныхъ судахъ. Далѣе указомъ отъ 16-го іюля сокращены штаты въ коллегіяхъ: вмѣсто 4 совѣтниковъ и 4 ассессоровъ повелѣно быть только 2 совѣтникамъ и 2 ассессорамъ. Наконецъ указомъ отъ 24-го февраля 1727 г.: 1) отмѣнены и уничтожены всѣ излишнія административныя учрежденія по областямъ, введенныя Петромъ Великимъ: надворные суды, камериры, канцеляріи и конторы земскихъ коммиссаровъ и т. п., повелѣно весь судъ и управу по городамъ и уѣздамъ по старому до-петровскому порядку передать губернаторамъ и воеводамъ, съ апелляціею въ Юстицъ-Коллегію. 2) Сборъ податей поручить магистратамъ; а гдѣ магистраты того не примутъ, по прежнему обыкновенію посадскимъ людямъ, а магистраты подчинить воеводамъ. 3) Полки армейскіе, разставленные на вѣчныя квартиры по губерніямъ и провинціямъ, для облегченія народа и для удобнѣйшаго надзора за солдатами поселить къ городамъ, а особенно къ тѣмъ, которые прилегли къ границамъ и гдѣ хлѣбъ дешевле. 4) Солдатъ и офицеровъ отнюдь не посылать по уѣздамъ для сбора податей и для экзекуцій, а гдѣ таковыя есть, тѣмъ немедленно возвратиться въ полки, а дѣла по сбору передать воеводамъ и губернаторамъ. Въ настоящемъ указѣ съ полною откровенностью изображено все зло для народа отъ излишняго развитія и раздробленія админи-

страціи. Въ указѣ сказано: „умноженіе правителей и канцелярій во всемъ государствѣ не токмо служитъ къ великому отягощенію штата, но и къ великой тягости народной, понеже вмѣсто того, что прежде сего, къ одному правителю адресоваться имѣли во всѣхъ дѣлахъ, нынѣ къ десяти, а можетъ быть и больше. А всѣ тѣ разные управители имѣютъ свои канцеляріи и канцелярскихъ служителей и особливый судъ и каждый по своимъ дѣламъ бѣдный народъ волочитъ, и всѣ тѣ управители и канцелярскіе служители пропитанія своего хотятъ, умалчивая о другихъ непорядкахъ, которые отъ безсовѣстныхъ людей къ вящей народной тягости ежедневно происходятъ". Такимъ образомъ, здравый смыслъ, еще не совсѣмъ завлеченный и запутанный административными формами, на другой же годъ по смерти Петра не замедлилъ указать на тотъ вредъ, который происходитъ отъ излишняго распространенія приказной администраціи, и призналъ за лучшее отмѣнить излишества.

Имѣя въ виду облегчить народъ, страшно разоренный налогами, Екатерина I въ томъ же году (1727), указомъ отъ 21 марта повелѣла учредить коммиссію, которая должна была разсмотрѣть, какъ бы сократить государственные расходы и какъ удобнѣе и сходнѣе съ народной пользою учинить сборъ податей: подушнымъ ли разсчетомъ, какъ устроено Петромъ Великимъ, или съ двороваго числа, или съ тяголъ, или съ земли, какъ бывало прежде? И коммиссіи этой предписала собрать выборныхъ изъ дворянъ знатныхъ и посредственныхъ персонъ изъ всѣхъ чиновъ и разсмотрѣть состояніе всѣхъ городовъ и земель и по разсужденію ихъ состоянія, такую и подать положить, чтобы всѣмъ была сносна. Такимъ образомъ настоящимъ указомъ императрица нашла нужнымъ обратиться къ выборнымъ отъ общества и спросить ихъ совѣта объ общемъ государственномъ дѣлѣ, о чемъ было и позабыли думать въ предшествовавшее время административнаго увлеченія.

Петръ II, несовершеннолѣтній преемникъ Екатерины, стремился къ новымъ реформамъ въ администраціи и направленіе, данное Екатериной, осталось неизмѣннымъ. По старому главнымъ государственнымъ учрежденіемъ остался Верховный Тайный Совѣтъ, которому были подчинены Сенатъ и всѣ Коллегіи, попрежнему оставлена и коммиссія для разсмотрѣнія подушнаго сбора. Въ областномъ управленіи всѣ дѣла были также предоставлены губернаторамъ и воеводамъ. Даже въ общемъ наказѣ губернаторамъ и воеводамъ, изданномъ 12 сентября 1728 г., большая часть правилъ заимствована изъ старыхъ воеводскихъ наказовъ съ прямымъ указаніемъ, что все управленіе и судъ въ уѣздѣ или въ губерніи, должны быть сосредоточены въ губернаторскихъ и воеводскихъ канцеляріяхъ. Такъ 2-й пунктъ наказа говоритъ о пріемѣ города: „пріѣхавъ воеводѣ въ городъ и городовые ключи, и уложенья, и регламенты, и всякіе указы и дѣла, и гдѣ есть служилыхъ людей списки, артиллерію и аммуницію и прочее что есть на лицо, и наличную сборную денежную казну, и все что къ ихъ управленію надлежитъ, у тѣхъ людей, у кого оное было, освидѣтельствовавъ по прежнимъ списямъ, или росписнымъ спискамъ, какъ прежде бывало, а деньги и провіантъ и прочее по приходнымъ и расходнымъ книгамъ, описать и все вышеписанное принять и во всемъ

росписаться, и тотъ росписной списокъ, за своими руками прислать въ Сенатъ, и таковъ же оставить въ канцеляріи... А которыя дѣла въ преждебывшихъ разныхъ канцеляріяхъ и конторахъ были, кромѣ магистратскаго вѣдѣнія, всѣ собрать въ одно мѣсто и внесть въ тотъ же росписной списокъ, а чтобы оное впредь порядочно были содержаны, содержать ихъ въ своей канцеляріи и росписать между канцелярскими служителями, какъ прежде бывали повытья или столы, у которыхъ судныя и розыскныя дѣла, или счеты и подобн." Равнымъ образомъ и относительно суда между купечествомъ по торговымъ дѣламъ, указомъ отъ 5 октября 1727 года, повелѣно было во всѣхъ дѣлахъ по старому порядку вѣдаться таможеннымъ судомъ и безъ взятія судебныхъ пошлинъ.

Мало этого, правительство еще при Петрѣ II почло за нужное даже обратиться къ голосу общества; такъ, указомъ отъ 12-го іюня 1727 года было объявлено во всенародное извѣстіе, чтобы *всѣ торговцы*, какъ цѣлыми городами, такъ и части отъ одного лица *представляли въ коммиссію коммерціи все, что они знаютъ относительно причинъ худого состоянія торговли и способъ къ ея исправленію*, и посылать свои мнѣнія, или прямо въ коммиссію, или по городамъ губернаторамъ и воеводамъ. Наконецъ указомъ отъ 4 апрѣля 1729 г. уничтожена страшная Тайная Канцелярія Преображенскаго Приказа и всѣ дѣла ея распредѣлены между Верховнымъ Совѣтомъ и Сенатомъ. Вообще въ кратковременное царствованіе Петра II, всѣ дѣла шли тѣмъ же порядкомъ, какъ и при Екатеринѣ, да иначе и не могло быть, ибо лица ихъ окружавшія и завѣдывавшія дѣлами были одни и тѣ же.

Императрица Анна Ивановна, по восшествіи на престолъ, обратилась опять къ порядкамъ Петра Великаго и въ первый же мѣсяцъ своего царствованія уничтожила Верховный Тайный Совѣтъ и возстановила прежнее значеніе Сената, попрежнему возвративъ ему титулъ „Правительствующаго". А указомъ отъ 1-го іюня 1730 года раздѣлила Сенатъ на слѣдующіе 5 департаментовъ: 1-й духовныхъ дѣлъ, 2-й военныхъ сухопутныхъ и морскихъ дѣлъ, 3-й о доходахъ и расходахъ государственныхъ, 4-й юстиціи и 5-й департаментъ коммерціи, о заводахъ и фабрикахъ государственныхъ. Впрочемъ, возобновленіе Сената въ той же силѣ, въ какой онъ былъ при Петрѣ Великомъ, существовало не долго; указомъ отъ 10 ноября 1731 года при императрицѣ учрежденъ бывъ *Кабинетъ Министровъ*, которому былъ снова подчиненъ и Сенатъ, и Синодъ, и Коллегіи, и Приказы и Канцеляріи. Потомъ указомъ отъ 24 марта 1731 года была возстановлена страшная Тайная Розыскная Канцелярія Преображенскаго Приказа, и передана въ завѣдываніе опытному въ такихъ дѣлахъ генералу Ушакову и всѣ дѣла прежняго Преображенскаго Приказа, розданные въ Сенатъ и коллегіи, повелѣно возвратить въ возобновленный Преображенскій Приказъ. Также указомъ отъ 13-го ноября 1731 г. воинскіе чины поставлены выше гражданскихъ, тогда какъ при Петрѣ II они были сравнены съ гражданскими. Указомъ отъ 29 декабря того же года предписано по всѣмъ коллегіямъ, канцеляріямъ и приказамъ сочинить инструкціи согласно тому, какъ это было предписано въ свое время Петромъ Великимъ. По указу отъ 21 сентября

1732 года учреждены *военные оберъ-фискалы и фискалы*, изъ оберъ-фискаловъ одинъ по указу назначался при Военной Коллегіи и два при арміи, потомъ при каждой полевой дивизіи и при гарнизонахъ по одному фискалу, а быть имъ подъ дирекціею *Генералъ-Инспектора и воинскихъ инспекторовъ* и провѣдывать тайно и явно, чтобы каждый воинскій чинъ отъ высшаго до низшаго исправлялъ должность свою, какъ слѣдуетъ по регламентамъ и указамъ. Указомъ отъ 25 апрѣля 1733 г. по многимъ губернскимъ и провинціальнымъ городамъ *учреждена полиція*; именно въ губернскіе города назначены полицій-мейстеры изъ гарнизонныхъ капитановъ, а въ провинціальные — изъ поручиковъ, да для карауловъ и содержанія съѣзжихъ дворовъ, по одному унтеръ-офицеру, да по капралу, а рядовыхъ въ губернскіе города по 8 человѣкъ, а въ провинціальные по 6 человѣкъ и по 2 человѣка канцелярскихъ служителей. Такимъ образомъ не только обѣ столицы, но и всѣ губернскіе города и лучшіе изъ провинціальныхъ подчинялись полицейскому военному надзору, тогда какъ прежде тамъ полиція содержалась гражданами и лежала на магистратахъ. По указу отъ 30 того же апрѣля всѣ городскіе воеводы, назначаемые отъ Сената, предъ отправленіемъ своимъ къ должности, должны представляться самой императрицѣ въ Кабинетѣ Министровъ.

Но особенное вниманіе и строгость правительства были обращены на *сборъ податей*; здѣсь прежде всего, еще указомъ отъ 31 декабря 1730 г. предписано отправить по провинціямъ на вѣчныя квартиры, отъ каждаго полка по капитану и по нѣскольку унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ для сбора подушныхъ податей и такимъ образомъ этотъ сборъ, въ предшествовавшія два царствованія порученный самому обществу чрезъ своихъ выборныхъ, опять перешелъ въ руки военныхъ къ явному отягощенію общества. Строгости сбора податей на этомъ не остановились; 23 іюня 1731 г. былъ изданъ новый регламентъ Камеръ-Коллегіи, въ которомъ до подробности опредѣлены всѣ правила сбора всѣхъ податей и пошлинъ, съ требованіемъ неукоснительнаго надзора не только за тѣмъ, чтобы впредь не было недоимокъ, но чтобы существовавшія недоимки прежнихъ годовъ были собраны безотлагательно. Для сего въ помощь Камеръ-Коллегіи учрежденъ особый Доимочный Приказъ (въ 1733 г.), которому предписано отъ всѣхъ коллегій, канцелярій и губерній требовать доимочныя вѣдомости и взыскивать по вѣдомостямъ недоимки, смотря по состоянію должниковъ съ разсрочкою въ годы, а гдѣ въ доимкѣ были виновны губернаторы, или воеводы, своею понаровкою или слабостію, то на таковыхъ губернаторахъ и воеводахъ и др. чиновникахъ взыскивать штрафы, никакъ не меньше 10 процентовъ съ доимочнаго рубля, и таковые же штрафы налагать и на самихъ должниковъ. И что когда какихъ доимокъ положено и взыскано будетъ, или кому въ какомъ платежѣ будетъ отсрочено, о томъ Доимочному Приказу ежемѣсячно присылать подробные рапорты въ Сенатъ къ назначенному для того статскому совѣтнику Маслову, которому о томъ представлять императрицѣ. Наконецъ, въ указѣ отъ 24 августа 1736 г. сказано: „ежели кто губернаторы, воеводы и сборщики въ сборахъ оплошно поступать станутъ и плательщикамъ послабленіе чинить, такіе жестоко штрафованы и недвижимыя ихъ имѣнія конфискованы будутъ без-

поворотно. А смотрѣть затѣмъ Военной Коллегіи и Камеръ-Коллегіи. Буде же тѣ коллегіи за губернаторами и воеводами слабое смотрѣніе имѣть будутъ, то всѣ такіе доимки и недоборы взысканы будутъ на тѣхъ коллегіяхъ". Такимъ образомъ, отвѣтственность общества въ исправномъ сборѣ податей и пошлинъ снова передана въ руки воеводъ, губернаторовъ и военныхъ сборщиковъ, которые, подвергаясь сами штрафамъ въ случаѣ неисправности сбора, естественно не останавливаясь ни предъ какими строгостями, лишь бы не подвергнуться штрафу. И дѣйствительно, разные казенные сборы, ни въ какое царствованіе не были такъ строги и исправны, какъ въ царствованіе императрицы Анны Ивановны. При ней правительство на этомъ поприщѣ дѣйствовало съ замѣчательнымъ успѣхомъ, на который даже указывали въ западной Европѣ.

Впрочемъ правительство, строго преслѣдуя казенный интересъ, не упускало изъ виду и интересовъ общества и частныхъ лицъ; на это указываютъ, съ одной стороны, постоянныя заботы, хотя, конечно, и ошибочныя, о развитіи торговли и разныхъ фабрикъ и заводовъ, а съ другой стороны прямое и вѣрное содѣйствіе общей пользѣ и выгодамъ частныхъ лицъ. Свидѣтельства такого содѣйствія представляютъ намъ указы: 1-й, отъ 1-го февраля 1731 г., которымъ законъ въ интересѣ тяжущихся и съ цѣлью устраненія неправаго суда обращается къ старому порядку судопроизводства: судьи должны слушать дѣло въ присутствіи истца и отвѣтчика, которые при семъ имѣютъ право указывать на недостатки въ дѣлопроизводствѣ и требовать пополненій или измѣненій. Въ указѣ именно сказано: „что по новому порядку введенному съ учрежденія коллегій въ судахъ при докладахъ не безъ погрѣшенія бываетъ". 2-й, отъ 20 марта 1730 г., чтобы по всѣмъ городамъ воеводы перемѣнялись чрезъ 2 года и чтобы они при смѣнѣ съ росписными и счетными книгами являлись въ Сенатъ. Причемъ по указу только тѣ изъ нихъ допускались вторично къ опредѣленію на воеводство, на которыхъ въ теченіи года послѣ смѣны жалобъ не послѣдуетъ. Указъ этотъ, вводившій старый порядокъ, былъ изданъ именно съ тою цѣлью, чтобы обезпечить общество отъ воеводскихъ взятокъ и притѣсненій. Этотъ мотивъ ясно выражается въ самомъ указѣ, гдѣ сказано: „извѣстно учинилось, что многіе воеводы, какъ посадскимъ, такъ и уѣзднымъ людямъ, чинятъ великія обиды и разоренія и берутъ взятки, о чемъ уже и челобитныя многія въ Правительствующій Сенатъ поданы, а на иныхъ и бить челомъ опасаются, для того, что тѣ воеводы многіе годы живутъ безперемѣнно". Въ 3-хъ, самая инструкція Доимочнаго Приказа свидѣтельствуетъ то же вниманіе къ частнымъ интересамъ, хотя въ ней, какъ и слѣдовало ожидать, напереди стоитъ казенный интересъ; въ инструкціи сей сказано: „милосердуя о своихъ подданныхъ и не желая того, чтобы скорымъ и острымъ правежемъ могли прійти въ крайнее раззореніе, указали кто изъ такихъ должниковъ тѣхъ доимокъ всѣхъ вдругъ заплатить не могутъ, такихъ спрашивать: на какіе сроки тѣ доимки вдругъ, или еще и впредь, посрочно, заплатить безъ дальняго себѣ разоренія могутъ, но имѣній ихъ не продавать". Въ 4-хъ, наконецъ, указомъ отъ 24 іюля 1740 г. къ общей пользѣ предписано устроить почты по всѣмъ губерніямъ и провинціямъ,

съ которыми почтами не возбранно пересылать и корреспонденціи частныхъ лицъ. Такимъ образомъ, въ царствованіе императрицы Анны Ивановны правительство относительно администраціи слѣдовало съ одной стороны порядкамъ, заведеннымъ Петромъ Великимъ, и съ другой стороны не совсѣмъ отрицало и то направленіе, которое было при его первыхъ двухъ преемникахъ; вообще замѣтно было какое-то колебаніе между старымъ и новымъ устройствомъ государства.

Императрица Елизавета Петровна, дочь Петра Великаго, при самомъ вступленіи своемъ на престолъ, объявила, что ее царствованіе будетъ продолженіемъ царствованія отца. Она на 3-й же недѣлѣ своего царствованія издала указъ отъ 12 декабря 1741 г. о возстановленіи власти Сената въ прежней силѣ, относительно правленія внутреннихъ государственныхъ дѣлъ, какъ было при Петрѣ Великомъ, и объ уничтоженіи Кабинета Министровъ съ тѣмъ, чтобы вмѣсто него устроить при императорскомъ дворѣ новый кабинетъ, какой былъ при родителѣ императрицы, т. е. въ качествѣ собственной канцеляріи ея величества; управленіе же иностранными дѣлами поручить канцлеру и вице-канцлеру. Потомъ указомъ отъ 7 апрѣля 1742 г. возстановлены Бергъ- и Мануфактуръ-Коллегіи, которыя были уничтожены при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ и замѣнены Генералъ-Бергъ-Директоріумомъ; далѣе, указомъ отъ 21 мая 1743 г. возстановлены на петровскомъ основаніи Главный Магистратъ въ Петербургѣ и магистраты по городамъ. Въ видахъ того же возстановленія стараго петровскаго порядка, указомъ отъ 11 сентября 1745 г. повелѣно: изъ коллегій, канцелярій и конторъ подавать доношенія въ Сенатъ на основаніи указа Петра отъ 2 октября 1724 г., ежели въ дѣлахъ встрѣтятся какія недоразумѣнія. Кромѣ того указомъ отъ 22 января 1744 г. Сенату было возвращено право опредѣлять въ города воеводъ и секретарей безъ представленія императрицѣ. Возстановляя разныя центральныя административныя учрежденія своего родителя, Елизавета и сама открыла вновь весьма важное административное учрежденіе—Главную Межевую Канцелярію при Правительствующемъ Сенатѣ, которой, указомъ отъ 5 февраля 1755 г., поручены надзоръ и главное управленіе по производству межеванія земель по всей Россіи. Эта канцелярія имѣла своего предсѣдателя и своихъ членовъ подобно коллегіямъ; отъ нея зависѣли всѣ межевщики и землемѣры, она ихъ разсылала по губерніямъ и провинціямъ, принимала отъ нихъ отчеты по межеванію и судила ихъ въ случаѣ жалобъ.

Областное управленіе при Елизаветѣ Петровнѣ оставалось безъ измѣненія въ рукахъ воеводъ и губернаторовъ такъ, какъ оно было устроено въ предшествовавшія царствованія Екатерины и Анны; только указомъ отъ 5 декабря 1744 г. было дозволено оставаться городскимъ воеводамъ при своей должности безъ смѣны и на другое двухлѣтіе, когда о томъ будутъ просить сами жители города. Потомъ указомъ отъ 26 октября 1760 г., срокъ воеводской службы вмѣсто двухъ лѣтъ продолженъ на пять лѣтъ, да и послѣ этого пятилѣтняго срока воевода смѣнялся только въ такомъ случаѣ, когда падали на него какія либо подозрѣнія; напротивъ, ежели на воеводу не было подозрѣнія и жители города будутъ просить Сенатъ, чтобъ имъ былъ оставленъ старый воевода, то и послѣ пятилѣтняго срока воевода не

смѣнялся. Вообще въ царствованіе Елизаветы Петровны, какъ видно изъ самаго указа, на практикѣ воеводы рѣдко смѣнялись, хотя по закону и были назначены имъ сроки, но на сроки мало обращалось вниманія. Даже послѣдній пятилѣтній срокъ былъ принятъ только какъ временная мѣра, какъ прямо сказано въ указѣ: „пока о лучшемъ губерній и провинцій управленіи разсмотрѣніе и опредѣленіе учинено будетъ.“ Очевидно, что правительство было недовольно областнымъ управленіемъ и имѣло въ виду сдѣлать радикальныя реформы по этому отдѣлу администраціи, но при Елизаветѣ сихъ реформъ не послѣдовало.

Такимъ образомъ, въ царствованіе Елизаветы Петровны были болѣе или менѣе возстановлены центральныя административныя учрежденія Петра, т. е. коллегіи, конторы и канцеляріи, областное же управленіе оставалось такимъ, какимъ оно было при Аннѣ Ивановнѣ. Лица, окружавшія Елизавету, далеко уже не имѣли той энергіи и громадной неудержимой дѣятельности, какими пользовались, теперь уже вымершіе, слуги Петра, важныя, смѣлыя реформы имъ были не по силамъ, для нихъ было достаточно вращаться въ готовомъ кругѣ, устроенномъ Петромъ и его слугами; они въ этомъ кругѣ дѣлали разныя поправки, придѣлки, смотря по настоянію нуждъ своего времени; во время Елизаветы былъ постоянный недостатокъ въ деньгахъ и лица, окружавшія ее, дѣятельно хлопотали объ устраненіи этого недостатка, учреждали монетныя канцеляріи и конторы, измѣняли монетную систему и даже въ 1754 г. присовѣтывали императрицѣ учредить *Государственный Банкъ* для дворянства и купечества. Такъ какъ отъ измѣненія въ народонаселеніи произошла большая путаница въ сборѣ податей, то для устраненія этой путаницы изданъ былъ въ 1742 г. указъ о новой генеральной ревизіи. Для устраненія неудовлетворительности по сбору постоянно увеличивающихся недоимокъ въ продолженіе всего царствованія Елизаветы существовала особая *Коммиссія по улучшенію сбора податей и пошлинъ* и которая хлопотала о составленіи генеральной окладной книги, но не успѣла окончить ее. Такъ какъ внутреннія, таможенныя и проѣзжія пошлины крайне стѣсняли торговлю, то въ 1753 г. 20 декабря изданъ знаменитый *Указъ объ уничтоженіи внутреннихъ таможенныхъ и др. мелочныхъ сборовъ*, а для пополненія казенныхъ доходовъ увеличена таможенная пошлина на пограничныхъ таможняхъ въ торговлѣ съ иностранцами, а въ 1755 г. 1 декабря изданъ *Общій Таможенный Уставъ*. Для отысканія средствъ къ улучшенію торговли и въ царствованіе Елизаветы былъ изданъ 2 ноября 1760 г. обычный со времени Петра Великаго указъ: „о дозволеніи всякому городу и купцу доносить письменно и безъ подписи своего имени въ С.-Петербургѣ въ Коммиссію Коммерціи, а въ губерніяхъ и провинціяхъ губернаторамъ и воеводамъ, о нуждахъ городскихъ и о всемъ, что можетъ быть полезно для распространенія торговли. Между тѣмъ Уложеніе законовъ, продолжавшееся сочиняться со временъ Петра Великаго, постоянно откладываемое за другими дѣлами, по указу Елизаветы Петровны 1754 г. предписано покончить безъ отлагательства, на что и наряжена была коммиссія изъ двухъ сенаторовъ, графа Романа Илларіоновича Воронцова и князя Михаила Ивановича Шаховскаго, тогдашняго большого знатока за-

зоновъ, которые принялись разсматривать и переправлять уже прежде сочиненныя двѣ части новаго Уложенія—судную и криминальную, и надѣялись представить ихъ къ слушанію въ 1762 году, для чего указомъ отъ 29 сентября 1762 г. предписано было по всѣмъ городамъ сдѣлать выборы изъ дворянъ по два, а изъ купцовъ по одному, и чтобы сіи выборные для слушанія новаго Уложенія съѣхались въ Петербургъ къ 1-му января 1761 года. Но за смертью императрицы дѣло это не состоялось, и какая была судьба этого новаго Уложенія, мы не знаемъ и неизвѣстно былъ ли съѣздъ выборныхъ въ Петербургѣ.

III. **Администрація при Екатеринѣ II.** Въ первые годы царствованія Екатерины II, общій порядокъ администраціи болѣе или менѣе оставался тотъ же, какой былъ при Елизаветѣ, развѣ съ немногими измѣненіями. Современникъ Елизаветы и Екатерины, князь Михайло Михайловичъ Щербатовъ, извѣстный сочинитель Исторіи Россійской, слѣдующимъ образомъ описываетъ главныя центральныя мѣста управленія въ первые годы Екатерины II.

Первое и главное правительство есть *Сенатъ*. Онъ раздѣленъ на двѣ части—одна въ Петербургѣ, а другая въ Москвѣ; въ Петербургѣ 4 департамента, а въ Москвѣ 2. Первый и пятый департаменты судятъ всѣ дѣла государственныя, касающіяся до доходовъ и торговли, 2 и 6 департаменты судятъ всѣ дѣла великороссійскія аппелляціонныя, вотчинныя и юстицкія, а 3 вѣдаетъ тѣ же дѣла по Малороссіи, Лифляндіи и Эстляндіи и ему же подчинены всѣ государственныя строенія, коммуникація и ученыя дѣла, 4-й департаментъ судитъ всѣ дѣла военныя по Военной и Адмиралтейской Коллегіямъ. Каждый сенаторъ имѣетъ право своимъ голосомъ остановить дѣло, и оно по увѣщанію прокурора идетъ въ полное собраніе всѣхъ департаментовъ, т. е. четырехъ въ Петербургѣ и двухъ въ Москвѣ, полное собраніе же производитъ въ чины и опредѣляетъ къ должности. Ежели въ полномъ собраніи сенаторы не сойдутся во мнѣніяхъ, тогда генералъ-прокуроръ, сдѣлавъ сперва предложеніе, покажетъ свои заключенія и потомъ по несогласію сенаторовъ взноситъ дѣло къ государю. Въ вѣдѣніи же генералъ-прокурора состоитъ вся сенатская канцелярія.

Второе правительство составляетъ *Сгнодъ* для управленія дѣлами духовными; въ немъ членами: архіереи, архимандриты и протопопы, по назначенію государя. При Синодѣ состоитъ оберъ-прокуроръ, какъ посредствующее лицо между свѣтскою и духовною властью.

За Сенатомъ и Синодомъ слѣдуютъ три главныя коллегіи, почти равныя Сенату и Синоду.

1. *Иностранная Коллегія*; въ ея вѣдѣніи состоятъ всѣ дѣла, касающіяся до иностранныхъ народовъ. Начальникъ и предсѣдатель этой коллегіи канцлеръ. Должность его состоитъ производить всѣ дѣла, касающіяся до негоціацій съ чужеземными государствами; онъ даетъ наставленія всѣмъ министрамъ (т. е. посланникамъ), отвѣтствуетъ на ихъ реляціи и докладываетъ непосредственно государю о всѣхъ дѣлахъ, касающихся до его департамента. Въ Иностранной же Коллегіи хранится большая государственная печать, которою печатаются трактаты, грамоты и патенты. Въ вѣдѣніи же этой Коллегіи состоитъ почтамтъ.

2. *Адмиралтейская Коллегія* имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи все касающееся до морскихъ силъ; она имѣетъ разные департаменты для разныхъ снабженій флота, свой коммиссаріатъ, свою контору для строенія, т. е. свою интендантскую, свою артиллерійскую, своего генералъ-казначея. Начальники этихъ департаментовъ назывались экспедиторами и присутствуютъ въ Коллегіи, какъ ея члены, Коллегія сама дѣлаетъ доклады государю о производствѣ въ чины по морской службѣ и о всѣхъ важныхъ дѣлахъ своего вѣдомства.

3. *Коллегія Военная*; въ ея вѣдѣніи состоитъ управленіе всѣмъ сухопутнымъ войскомъ. Она имѣетъ такъ же свои департаменты: коммиссаріатскій и провіантскій; этой же Коллегіи подчиненъ и артиллерійскій корпусъ, хотя и имѣетъ свое особое управленіе. Военная Коллегія относительно докладовъ государю пользуется тѣми же правами, какъ и Коллегія Адмиралтейская. Президенты всѣхъ этихъ трехъ коллегій непремѣнно вмѣстѣ съ званіемъ президента имѣютъ званіе сенатора и имѣютъ чинъ генералъ-фельдмаршала, а вице-президенты чинъ генералъ-анъ-шефа, разумѣется кромѣ Иностранной Коллегіи, гдѣ президентомъ канцлеръ, а вице-президентомъ вице-канцлеръ. Впрочемъ, Штата Иностранной Коллегіи въ то время, какъ писалъ Щербатовъ, еще не было положено и вице-канцлеры иногда бывали президентами ея.

За этими главными центральными правительственными мѣстами слѣдовали коллегіи второстепенныя, до нѣкоторой степени подчинённыя Сенату. Эти коллегіи слѣдующія:

1) *Камеръ-Коллегія* находится въ Москвѣ и имѣетъ свою контору въ Петербургѣ. Она должна была собирать всѣ сборы, кромѣ подушнаго, который отпускается прямо въ Коммиссаріатъ; главный сборъ этой Коллегіи былъ съ винныхъ откуповъ.

2) *Юстицъ-Коллегія*, въ Москвѣ. Она судитъ всѣ дѣла криминальныя и по апелляціямъ судныя дѣла. На одной степени съ этой Коллегіей стояла еще другая *Юстицъ-Коллегія для Лифляндскихъ и Эстляндскихъ дѣлъ* и при общемъ департаментѣ для бѣлорусскихъ дѣлъ. Коллегія касательно Лифляндскихъ и Эстляндскихъ дѣлъ судитъ по ихъ привиллегіямъ и законамъ, а чего въ ихъ законахъ недостаетъ, заимствуетъ изъ шведскихъ, польскихъ, любскихъ и римскихъ законовъ, какъ сіе точно обозначено въ тамошнихъ привиллегіяхъ.

3) *Камеръ-Коллегія Лифляндская и Курляндская* для сбора казенныхъ доходовъ съ тамошнихъ земель по ихъ древнимъ обычаямъ и законамъ, а въ Финляндіи и по шведскимъ законамъ, такъ какъ сія область была присоединена къ Россіи отъ Швеціи, съ сохраненіемъ своихъ прежнихъ правъ и привиллегій.

4) *Вотчинная Коллегія*. Она находится въ Москвѣ, и отъ нея одинъ департаментъ въ Петербургѣ; и какъ департаментъ, такъ и Коллегія подсудны прямо Сенату. Сія Коллегія судитъ всѣ дѣла, касающіяся наслѣдства и разныхъ укрѣпленій недвижимаго имѣнія, и для сего имѣетъ архивъ всѣхъ писцовыхъ старинныхъ книгъ, записей, записку купчихъ, ввозныхъ грамотъ и отказныхъ и межевыхъ книгъ, также и плановъ. Это важное учрежденіе государственное, весьма нужное для утвержденія собственности и недвижимыхъ имѣній, имѣетъ много

недостатковъ: 1) множество противорѣчащихъ законовъ, 2) недостатокъ законовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и 3) безпорядокъ въ архивѣ, который отъ многихъ пожаровъ отчасти истребленъ, отчасти воровствомъ расхищенъ и вообще находится подъ плохимъ смотрѣніемъ.

5) *Коммерцъ-Коллегія* имѣетъ попеченіе о пользѣ торговли; для сего она собираетъ всѣ вѣдомости объ отпускныхъ и привозныхъ товарахъ, судитъ по контрактамъ и по другимъ касающимся до торговли дѣламъ, судитъ, по силѣ трактата, въ торговыхъ дѣлахъ Англичанъ, даетъ наставленія и инструкціи консуламъ и имѣетъ съ ними переписку. Учрежденія сей Коллегіи по настоящему состоянію торговли довольно удовлетворительны. Коллегія сія состоитъ подъ аппелляціею Сената.

6) *Бергъ-Коллегія* находится въ Москвѣ. Въ вѣдѣніи ея состоятъ горные заводы въ государствѣ, впрочемъ не всѣ, именно отъ нея отдѣльны были Колывано-Воскресенскіе заводы и промыселъ цвѣтныхъ камней и мрамора. При Бергъ-Коллегіи находится монетный департаментъ, котораго обязанность раздѣлять металлы и бить деньги. Департаментъ сей помѣщался въ Петербургѣ въ Петропавловской крѣпости. Въ вѣдѣніи Бергъ-Коллегіи состояло и Горное Училище.

7) *Мануфактуръ-Коллегія*. Коллегія сія по первоначальному учрежденію Петромъ Великимъ имѣла обязанностью надзирать надъ всѣми фабриками и мануфактурами и споспѣшествовать ихъ распространенію, но впослѣдствіи времени отвлеклась отъ настоящаго своего назначенія и обратилась въ Судный Приказъ и вотчинную Коллегію для фабрикантовъ и мануфактуристовъ; въ ней начались суды и отыскиванія имѣній. Наконецъ, при Екатеринѣ II съ открытіемъ свободныхъ ремеслъ, когда по указу государыни каждый могъ работать въ своемъ домѣ, въ деревняхъ по свѣтлицамъ, то Мануфактуръ-Коллегія совсѣмъ потеряла свое прежнее значеніе.

8) *Коллегія Экономіи*, первоначально учрежденная Петромъ Великимъ и потомъ нѣсколько разъ закрывавшаяся и опять открывавшаяся, наконецъ снова была возстановлена Екатериною II указомъ отъ 12 мая 1763 года. Ей ввѣрено управленіе и хозяйство во всѣхъ монастырскихъ и архіерейскихъ вотчинахъ и распоряженіе доходами съ ихъ имѣній, которые будутъ оставаться за штатнымъ содержаніемъ архіереевъ и монастырей. Объ этой Коллегіи Щербатовъ говоритъ, что, съ передачею монастырскихъ имѣній въ ея вѣдѣніе, хозяйство въ этихъ имѣніяхъ пришло въ крайній упадокъ; конскіе доходы, бывшіе въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, совершенно разорились отъ худого смотрѣнія, мельницы повалились, лѣса истреблены, пруды спущены, рыба распродана, самое земледѣліе потеряло многое отъ худого смотрѣнія, многія поля поросли кустарникомъ, а богатые монастырскіе хлѣбные магазины раскрадены и проданы за безцѣнокъ. И, наконецъ, стараніями сей Коллегіи отняты на государя всѣ церковныя недвижимыя имѣнія.

9) *Коллегія Медицинскаго Факультета*. Она учреждена указомъ 12 ноября 1763 года. По указу эта Коллегія раздѣлялась на два департамента, именно на Коллегію докторскаго и лѣкарскаго искусства и на канцелярію отправляющую всю экономію факультета. Коллегіи сей даются всѣ тѣ преимущества, которыя принадлежатъ и прочимъ

Коллегіямъ. Она имѣетъ власть дѣлать распоряженія, касающіяся до врачеванія во всей имперіи и до распространенія медицинской науки въ государствѣ, а канцелярія подчинена только одному президенту Коллегіи. Штатъ Коллегіи состоитъ: изъ президента, который назначается изъ вельможъ, изъ трехъ докторовъ медицины, одного штабъ-лѣкаря, одного лѣкаря, одного оператора и одного ученаго секретаря. Въ вѣдѣніе этой Коллегіи поступали всѣ доктора, лѣкаря и аптекаря въ государствѣ, она ихъ опредѣляла къ должностямъ и увольняла, также вѣдала всѣ медицинскіе приходы и расходы и имѣла попеченіе о госпиталяхъ и объ обученіи русскихъ людей докторству, лѣкарству и аптекарству; она экзаменовала докторовъ, лѣкарей, операторовъ и аптекарей. Князь Щербатовъ объ этой Коллегіи за свое время говоритъ, что она много теряла отъ того, что президентъ въ нее назначался не изъ докторовъ и не изъ ученыхъ и что подъ ея вѣдѣніемъ не было никакого медицинскаго училища, отъ чего между русскими медицина не распространялась и лишь только иностранцы и учившіеся въ чужихъ краяхъ получали дипломы отъ Коллегіи и назначались въ должности докторовъ, лѣкарей и аптекарей.

10) *Малороссійская Коллегія*. Коллегія сія учреждена Екатериною II по указу отъ 10 ноября 1764 года. Въ этой Коллегіи президентомъ былъ малороссійскій генералъ-губернаторъ, а члены пополамъ изъ великороссійскихъ и малороссійскихъ чиновъ, именно, русскихъ членовъ было 4, а малороссійскихъ 3. Коллегія сія замѣнила для Малороссіи гетманское управленіе и должна была судить во всемъ по малороссійскимъ правамъ. Князь Щербатовъ учрежденіе сей Коллегіи находитъ весьма мудрымъ и полезнымъ, но замѣчаетъ, что въ его время въ ней было много злоупотребленій.

11) *Главный Магистратъ*. Эта Коллегія, первоначально учрежденная Петромъ Великимъ, потомъ уничтоженная и потомъ опять возобновленная при Елизаветѣ, существовала и при Екатеринѣ II, какъ главное и центральное учрежденіе суда и расправы для купцовъ и вообще посадскихъ людей, имѣвшее въ своемъ вѣдѣніи всѣ городскіе магистраты; онъ наблюдалъ, чтобы всѣ торгующіе купцы были записаны въ гильдіи и всѣ мастеровые — въ цехи и судилъ всѣ вексельныя дѣла и о банкротахъ. О Главномъ Магистратѣ за свое время князь Щербатовъ говоритъ: „сіе мѣсто, долженствующее быть защитою и подпорою купечества и мѣщанства, учинилось вертепъ разбойниковъ, гдѣ грабежъ купцовъ и мѣщанъ и утѣсняютъ другихъ подданныхъ“.

Кромѣ учрежденій центральнаго управленія, исчисленныхъ у князя Щербатова, мы находимъ извѣстія, въ указѣ отъ 15 декабря 1763 г., о другихъ центральныхъ учрежденіяхъ, существовавшихъ до Екатерины II и частію ею преобразованныхъ, а частію уничтоженныхъ, именно, къ уничтоженнымъ Екатериною II центральнымъ учрежденіямъ принадлежали: 1) Сибирскій Приказъ, 2) Печатная Контора, 3) Раскольничья Контора, 4) Розыскной Приказъ, 5) Коммерцъ-Коллегіи Коммиссарство въ Москвѣ и 6) Тайная Канцелярія Преображенскаго Приказа. Оставленныя, но преобразованныя Екатериною прежнія учрежденія были: 1) Ревизіонъ-Коллегія, 2) Штатсъ-Контора и ея конторы, 3) Соляная Контора съ подвѣдомственными ей мѣстами,

4) Главная Полицiя, 5) Ямская Канцелярiя и ея конторы, 6) Банковыя конторы для дворянства, 7) Судный Приказъ, 8) Мастерская Оружейная Палата и 9) Канцелярiя Конфискацiи и ея конторы.

Желая сколько-нибудь исправить неудовлетворительное состоянiе всѣхъ административныхъ учрежденiй, Екатерина II въ 1763 г. указомъ отъ 15 декабря назначила для всѣхъ сихъ учрежденiй новые, опредѣленные штаты, съ опредѣленнымъ жалованьемъ для каждаго служащаго. Изъ сихъ штатовъ мы видимъ, что для областного управленiя въ то время существовали слѣдующiя учрежденiя:

1) Въ губернiяхъ—Губернская Концелярiя, гдѣ предсѣдателемъ и главнымъ начальникомъ былъ губернаторъ и при немъ два товарища, одинъ прокуроръ, три секретаря, протоколистъ, регистраторъ, переводчикъ, архиварiусъ и канцелярскiе служители разныхъ разрядовъ въ числѣ 28 человѣкъ.

2) Въ провинцiяхъ—Провинцiальная Канцелярiя, гдѣ главнымъ начальникомъ воевода и при немъ одинъ товарищъ, одинъ прокуроръ, два секретаря, протоколистъ, регистраторъ и канцелярскихъ служителей 14 человѣкъ.

3) Въ уѣздныхъ городахъ—Канцелярiя уѣзднаго города, въ ней начальникомъ воевода и при немъ товарищъ, съ приписью подъячiй, переименованный по штату въ секретари, и 11 человѣкъ канцелярскихъ служителей. Такимъ образомъ, по порядку, заведенному еще до Екатерины и на первый разъ утвержденному ею, областное управленiе было въ рукахъ воеводъ, губернаторовъ и ихъ товарищей, которымъ были подчинены городовые магистраты.

Императрица Екатерина II еще до радикальнаго измѣненiя прежняго порядка, явно не удовлетворительнаго по признанiю современниковъ, пыталась исправить его разными частными преобразованiями и улучшенiями. И для сего, еще прежде изданiя штатовъ, указомъ отъ 3 iюля 1763 года, учредила особую Розыскную Экспедицiю, потомъ указомъ отъ 3 декабря того же года сдѣлала преобразованiе въ управленiи Адмиралтейской Коллегiи и ея конторъ; далѣе, по изданiи штатовъ, указомъ отъ 30 марта 1764 года дала новую инструкцiю Камеръ-Коллегiи.

Наконецъ, въ 1766 году отъ 14 декабря Екатерина издала указъ объ учрежденiи въ Москвѣ Коммиссiи для сочиненiя проэкта новаго уложенiя, которое бы обняло собою всѣ законы для суда и управленiя. Къ этому дѣлу она приступила съ того, что повелѣла собрать депутатовъ со всего государства, которые бы представили свои соображенiя, каждый по своей части и по мѣстности. Прежде всего велѣла выбрать и прислать депутатовъ отъ Сената, Синода и отъ всѣхъ Коллегiй и Канцелярiй, кромѣ губернскихъ и воеводскихъ. При выборѣ депутатовъ во всѣхъ правительственныхъ учрежденiяхъ поступать по адмиралтейскому въ баллотированiи обычаю. Потомъ выбрать депутатовъ отъ городовъ и разныхъ сословiй, именно отъ каждаго уѣзда, гдѣ губернiи росписаны на уѣзды, гдѣ же уѣзды называются полками, рейсами или другимъ инымъ какимъ названiемъ, то также и отъ сихъ, такъ называемыхъ уѣздовъ, гдѣ есть дворянство—изъ каждаго по одному депутату, отъ жителей (посадскихъ) каждаго города по одному депутату, отъ однодворцевъ каждой провинцiи—по

одному депутату, отъ пахатныхъ солдатъ и разныхъ службъ служилыхъ людей, содержащихъ ландмилицію — по одному депутату отъ провинціи, отъ государственныхъ черносошныхъ и ясашныхъ крестьянъ — по депутату съ каждой провинціи, отъ некочующихъ, разныхъ въ области нашей живущихъ народовъ, отъ каждаго народа съ каждой провинціи—по одному депутату, отъ казацкихъ войскъ и отъ войска запорожскаго потребное число депутатовъ, примѣняясь къ ихъ положенію. Всѣ же депутаты должны быть не менѣе 25 лѣтъ отъ роду каждый. Жалованье присланнымъ депутатамъ въ годъ производимо будетъ отъ казны: дворянамъ по 400 руб., посадскимъ по 122 рубля, прочимъ по 37 рублей. Преимущества депутатовъ: каждый депутатъ на всю жизнь, въ какое бы прегрѣшеніе не впалъ: 1) свободенъ отъ смертныя казни, 2) отъ пытокъ и 3) отъ тѣлеснаго наказанія.

Учрежденная въ 1766 году Коммиссія для сочиненія проэкта новаго уложенія по разнымъ обстоятельствамъ, хотя и не могла привести къ окончанію порученнаго ей дѣла и черезъ нѣсколько времени была распущена, тѣмъ не менѣе созваніе сей Коммиссіи, составленной изъ депутатовъ отъ всѣхъ сословій и изъ разныхъ мѣстностей, много способствовало къ ближайшему ознакомленію правительства съ современными нуждами государства, и не только дало средства съ большею увѣренностью приступать къ необходимымъ въ управленіи реформамъ, но даже многіе депутаты, участвовавшіе въ сей Коммиссіи, представили важные проэкты необходимыхъ преобразованій, которыми правительство и успѣло воспользоваться по своему блогоусмотрѣнію. Къ числу таковыхъ важныхъ проэктовъ принадлежитъ проэктъ преобразованія управленія въ губерніяхъ и провинціяхъ, которое впереди всѣхъ преобразованій было на чередѣ по крайней запутанности въ дѣлахъ областного управленія, гдѣ на воеводской канцеляріи лежало множество разнообразныхъ дѣлъ: и казенные доходы, и счеты, и полиція, и суды—гражданскій и уголовный. Проэктъ этотъ 7 ноября 1775 года былъ изданъ императрицею Екатериною II подъ именемъ Учрежденія для управленія губерній Всероссійской Имперіи, и за одинъ пріемъ ввелъ радикальную реформу въ областномъ управленіи, устроенномъ Петромъ Великимъ и его ближайшими преемниками.

Въ Учрежденіи о управленіи губерніями, изданномъ Екатериною, главною задачею было поставлено отдѣлить судъ отъ администраціи и каждому областному административному и судебному учрежденію предписать опредѣленныя границы и правила, какъ исправлять возложенныя на него обязанности,—это для устраненія запутанности въ дѣлахъ. А чтобы дѣлъ не накоплялось въ огромныхъ количествахъ, и чтобы не было медленности въ дѣлопроизводствѣ, для этого Учрежденіе о губерніяхъ поставило себѣ другую задачу — по возможности раздробить губерніи, такъ чтобы на каждую приходилось отъ 300 т. до 400 тысячъ душъ. Разрѣшеніемъ сихъ двухъ задачъ Учрежденіе о управленіи губерніями въ конецъ измѣняло всѣ порядки областного управленія, устроенные Петромъ Великимъ и его ближайшими преемниками.

По управленію губерніями императрица Екатерина II назначила слѣдующій штатъ административныхъ и судебныхъ присутственныхъ мѣстъ:

I. Для цѣлой губерніи, какъ центръ областного управленія: 1) *Губернское или Намѣстническое Управленіе*, гдѣ предсѣдателемъ былъ губернаторъ или намѣстникъ, и при немъ два совѣтника; 2) *Палата Уголовнаго Суда*, присутствіе которой составляютъ: предсѣдатель, два совѣтника и два ассессора; 3) *Палата Гражданскаго Суда*, въ которой также положены: предсѣдатель, два совѣтника и два ассессора; 4) *Казенная Палата*, гдѣ начальникомъ вице-губернаторъ и при немъ директоръ экономіи, одинъ совѣтникъ, два ассессора и губернскій казначей; 4) *Верхній Земскій Судъ*, а по обширности губерніи, ежели нужно будетъ, то и два таковыхъ суда; въ Верхнемъ Земскомъ Судѣ—первый и второй предсѣдатель и 10 засѣдателей; 6) *Губернскій Магистратъ*, а гдѣ нужно будетъ и 2 таковыхъ; въ Губернскомъ Магистратѣ два предсѣдателя и 6 засѣдателей; 7) *Приказъ Общественнаго Призрѣнія*, гдѣ предсѣдателемъ самъ губернаторъ и при немъ по два засѣдателя отъ Верхняго Земскаго Суда, отъ Губернскаго Магистрата и отъ Верхней Расправы, гдѣ въ губерніи таковая будетъ учреждена; 8) *Совѣстный Судъ*, въ которомъ предсѣдателемъ судья, а членами присутствія – по дворянскимъ дѣламъ двое дворянъ, по городскимъ — двое купцовъ, по расправнымъ же — двое поселянъ; 9) *Верхняя Расправа* въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ въ разныхъ уѣздахъ будутъ отъ 10 до 30 тысячъ однодворцевъ въ одномъ уѣздѣ; въ Верхней Расправѣ два предсѣдателя и 10 засѣдателей; 10) сверхъ того на каждую губернію опредѣляется одинъ губернскій прокуроръ и одинъ губернскій стряпчій казенныхъ дѣлъ и одинъ губернскій стряпчій уголовныхъ дѣлъ, при Губернскомъ Правленіи и Палатахъ; одинъ прокуроръ и 1 стряпчій уголовныхъ дѣлъ и 1 стряпчій казенныхъ дѣлъ при Верхнемъ Земскомъ Судѣ, и по стольку же при губернскомъ Магистратѣ и при Верхней Расправѣ.

II. *Въ уѣзды*, на которые раздѣляется губернія, въ каждый назначаются слѣдующія присутственныя мѣста для суда и управленія: 1) *Уѣздный или Окружный Судъ*, гдѣ начальникомъ уѣздный судья и при немъ два засѣдателя; 2) при судѣ *Дворянская Опека*, гдѣ присутствуютъ уѣздный предводитель дворянства, уѣздный судья и его засѣдатели; 3) *Нижній Земскій Судъ*, гдѣ присутствуютъ земскій исправникъ и 2 или 3 засѣдателя; 4) на каждый уѣздъ сверхъ того назначены: 1 уѣздный казначей, одинъ землемѣръ, 1 докторъ, 1 лѣкарь, 2 подлѣкаря и 2 лѣкарскихъ ученика; 5) на каждый городъ опредѣляется по одному городничему, для завѣдыванія полиціею города, кромѣ того по городамъ и посадамъ остаются на прежнемъ основаніи старосты и судья словеснаго суда; 6) въ каждомъ городѣ назначается Городовой Магистратъ, гдѣ присутствуютъ 2 бургомистра и 4 ратмана, а въ посадахъ вмѣсто Магистратовъ назначаются Ратуши; 7) въ каждомъ городѣ при магистратѣ учреждается городовой Сиротскій Судъ, гдѣ предсѣдательствуетъ городской голова и засѣдаютъ 2 члена Магистрата и городовой староста; 8) въ уѣздахъ, гдѣ живутъ въ большомъ числѣ однодворцы, именно отъ 10 до 30 тысячъ человѣкъ, въ каждомъ учреждается особый судъ подъ названіемъ *Нижняя Расправа*; въ Нижней Расправѣ засѣдаетъ расправный судья и 8 засѣдателей, изъ коихъ двое отсылаются для засѣданія въ нижнемъ Земскомъ Судѣ и двое для засѣданія въ Совѣстномъ Судѣ, по дѣламъ до ихъ

селеній касающихся; 9) на каждый уѣздъ назначается одинъ уѣздный стряпчій.

Лица, назначаемыя въ разныя должности губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ, въ отношеніи назначенія своего въ должность раздѣляются *на два разряда:* лица одного разряда назначаются по опредѣленію отъ правительства и состоятъ въ коронной службѣ, а лица другого разряда назначаются по выбору отъ самого общества и несутъ выборную службу. *Къ I разряду* принадлежатъ: 1) губернаторъ, вице-губернаторъ, назначаемые самимъ государемъ; 2) предсѣдатели Палатъ и Верхняго Земскаго Суда избираются Сенатомъ и утверждаются высочайшимъ повелѣніемъ; 3) совѣтники и ассесоры Губернскаго правленія и Палатъ опредѣляются Сенатомъ; 4) директоръ экономіи, губернскій казначей, первый и второй предсѣдатели Губернскаго Магистрата и Верхней Расправы опредѣляются по представленію Губернскаго Правленія Сенатомъ; 5) судьи Совѣстнаго Суда опредѣляются выборомъ каждаго судебнаго мѣста губерніи и утверждаются губернаторомъ; 6) уѣздный казначей опредѣляется на три года по представленію Казенной Палаты государственнымъ казначеемъ; 7) губернскій и уѣздный землемѣры опредѣляются Сенатскою Межевою Экспедиціею; 8) уѣздный докторъ и лѣкарь принимаются въ службу губернаторомъ по контракту; 9) городничій опредѣляется Сенатомъ по представленію Губернскаго Правленія; 10) расправный судья опредѣляется Губернскимъ Правленіемъ изъ чиновныхъ людей; 11) губернскій прокуроръ и другіе прокуроры и губернскіе стряпчіе опредѣляются Сенатомъ, а также Сенатомъ опредѣляются стряпчіе другихъ губернскихъ мѣстъ; 12) уѣздные стряпчіе опредѣляются Губернскимъ Правленіемъ.

Ко II разряду принадлежатъ: 1) уѣздные предводители дворянства, выбираемые дворянствомъ уѣзда черезъ каждые три года по балламъ; 2) засѣдатели отъ дворянства въ Верхнемъ Земскомъ Судѣ, засѣдатели отъ дворянства въ Уѣздномъ Судѣ и въ Нижнемъ Земскомъ выбираются дворянствомъ черезъ три года и утверждаются губернаторомъ; 3) уѣздный судья и земскій исправникъ также выбираются на 3 года дворянствомъ и утверждаются губернаторомъ; губернаторъ выбранныхъ дворянствомъ можетъ и не утвердить, ежели найдетъ за кѣмъ изъ выборныхъ какой явный порокъ; 4) по городамъ и посадамъ—градской голова, бургомистры и ратманы выбираются градскимъ обществомъ черезъ каждые три года по балламъ; 5) старосты и судьи Словеснаго Суда выбираются тѣмъ же обществомъ каждый годъ по балламъ; 6) засѣдатели Губернскаго Магистрата и Совѣстнаго Суда избираются губернскимъ городомъ изъ купцевъ и мѣщанъ того города черезъ каждые три года по балламъ и утверждаются губернаторомъ, буде нѣтъ за нимъ явнаго порока; 7) засѣдатели Верхней и Нижней Расправы выбираются тѣми селеніями, которыя подвѣдомы той Расправѣ; выборъ дѣлается на три года и представляется на утвержденіе къ губернатору, который имѣетъ право и не утвердить выбора, ежели за выборнымъ найдетъ явный порокъ.

Такимъ образомъ, по Учрежденію для управленія губерніями, вся администрація и судъ были раздѣлены между чинами, служащими по опредѣленію правительства, и чинами, выбранными отъ общества, но

съ явнымъ перевѣсомъ власти на сторону чиновъ, опредѣленныхъ правительствомъ; при томъ же губернаторъ былъ полнымъ хозяиномъ губерніи, могъ утверждать выборы и не утверждать по своему усмотрѣнію, указавши на какой либо порокъ выбраннаго. Но за то дѣйствительно судебныя дѣла были отдѣлены отъ административныхъ, и при этомъ столько было надѣлано разныхъ подраздѣленій и вѣдомствъ, что учрежденія Екатерины въ этомъ отношеніи едвали не превзошли распорядковъ Петра, и вскорѣ оказалось нужнымъ уничтожить нижніе Надворные Суды, Верхніе Земскіе и обѣ Расправы.

Введеніе Учрежденія для управленія губерніями повлекло за собою новое раздѣленіе губерній, и указомъ отъ 15 іюня 1781 г. вся Россія раздѣлена на 40 губерній, изъ которыхъ каждая подраздѣлялась, согласно съ Уложеніемъ, на уѣзды, а прежнія провинціи были окончательно отмѣнены, какъ несогласныя съ Учрежденіемъ о губерніяхъ. Въ каждую губернію назначены губернаторы, а надъ двумя губерніями—генералъ-губернаторы. Въ распредѣленіи губерній и уѣздовъ положено основаніемъ число душъ, именно для губерній—отъ 300 тысячъ до 400 тысячъ, для уѣздовъ—отъ 20 до 30 тысячъ душъ.

Съ реформою областного управленія, мало-по-малу, послѣдовала реформа и въ *центральномъ административномъ управленіи*, состоявшемъ изъ коллегій,—коллегіи уничтожены, а оставлены только Сенатъ и Синодъ. Уничтоженіе коллегій произошло въ концѣ царствованія Екатерины. Вотъ въ хронологическомъ порядкѣ это уничтоженіе коллегій; прежде всего уничтожена въ 1779 г. Мануфактуръ-Коллегія; 2) въ 1783 г. уничтожена Бергъ-Коллегія; 3) въ 1784 г. Камеръ Коллегія, 4) въ 1786 г. Коллегія Экономіи; 5) въ томъ же 1786 г. были уничтожены Вотчинная и Малороссійская коллегіи; 6) въ 1788 г. отмѣнена Ревизіонъ-Коллегія; 7) въ 1797 г. Коммерцъ-Коллегія. Остались при Екатеринѣ II: Сенатъ, Синодъ, Коллегіи — Иностранныхъ дѣлъ, Военная, Адмиралтейская и Медицинская, Главное Управленіе Училищъ и Дирекція Государственнаго казначея. Всѣ дѣла переходили къ государынѣ чрезъ генералъ-прокурора и секретаря самой государыни—начальника государевой канцеляріи.

Администрація при Александрѣ I. Вмѣсто прежнихъ коллегій въ 1802 г. были учреждены слѣдующія министерства: 1) Министерство Военныхъ сухопутныхъ силъ, 2) Министерство Морскихъ силъ, 3) Министерство Иностранныхъ дѣлъ, 4) Министерство Юстиціи, 5) Министерство Внутреннихъ дѣлъ, 6) Министерство Финансовъ, 7) Министерство Коммерціи, и наконецъ 8) Министерство Народнаго Просвѣщенія.

Манифестомъ отъ 8 сентября 1802 года вѣдомства каждаго министерства были опредѣлены слѣдующимъ образомъ: Министерство Иностранныхъ дѣлъ, Военное и Морское заступили мѣсто прежнихъ трехъ главныхъ коллегій, т. е. Военной, Адмиралтейской и Иностранныхъ дѣлъ; только къ Министерству Иностранныхъ дѣлъ присоединены еще дѣла церемоніймейстерскія; 4) вѣдомство — Министра Юстиціи опредѣлялось на время до изданія новаго уложенія прежнею инструкціею генералъ-прокурора. 5) Министръ Внутреннихъ дѣлъ по манифесту обязанъ пещись о повсемѣстномъ благосостояніи народа, спокойствіи, тишинѣ и благоустройствѣ всей имперіи; ему подчинены всѣ военные

и гражданскіе губернаторы по гражданской и полицейской частямъ; 6) въ вѣдѣніи Министра Финансовъ состоятъ: управленіе казенными и государственными доходами и разсигнованіе доходовъ по разнымъ частямъ государственныхъ расходовъ; 7) Министру Коммерціи ввѣрено управленіе Коммерцъ-Коллегіею и начальство надъ всѣми таможенными чиновниками; 8) Министръ Народнаго Просвѣщенія имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи главное управленіе надъ воспитаніемъ юношества и заботится о распространеніи наукъ; ему подчинены всѣ гражданскія училища, академіи и университетъ и подъ его же вѣдѣніемъ состоитъ цензура книгъ и періодическихъ изданій.

Указомъ отъ 25 іюня 1811 года, утверждено новое устройство министерствъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1-е Министерство Иностранныхъ дѣлъ, 2-е Министерство Военное, 3-е Министерство Морское, 4-е Министерство Финансовъ, 5-е Министерство Внутреннихъ дѣлъ, 6-е Министерство Народнаго Просвѣщенія, 7-е Министерство Юстиціи, 8-е Министерство Полиціи и 9-е Главное Управленіе Путей Сообщенія.

Манифестомъ отъ 1-го января 1810 года былъ учрежденъ Государственный Совѣтъ. Онъ, по выраженію манифеста, составляетъ сословіе, въ коемъ всѣ части управленія въ главныхъ ихъ отношеніяхъ къ законодательству соображаются и чрезъ него восходятъ къ верховной императорской власти. Посему законы, уставы и учрежденія въ первообразныхъ ихъ начертаніяхъ предлагаются и разсматриваются въ Государственномъ Совѣтѣ, и потомъ дѣйствіемъ державной власти поступаютъ къ предназначенному имъ совершенію. Государственный Совѣтъ раздѣляется на слѣдующіе четыре департамента: 1) Департаментъ Законовъ, 2) Департаментъ Военныхъ дѣлъ, 3) Департаментъ Гражданскихъ и Духовныхъ дѣлъ, 4) Департаментъ Государственной Экономіи. При Государственномъ Совѣтѣ учреждены: 1) Коммиссія составленія законовъ, 2) Коммиссія Прошеній и 3) Государственная Канцелярія. Съ учрежденіемъ Государственнаго Совѣта, Сенатъ окончательно утратилъ то правительственное значеніе, которое ему было дано Петромъ Великимъ, и, съ одной стороны, сдѣлался исполнительнымъ органомъ Государственнаго Совѣта по законодательной части, а съ другой стороны — высшею судебною инстанціею.

Земство, окончательно подавленное приказною администраціею и сдѣлавшееся безгласнымъ въ дѣлахъ общественныхъ, начиная со времени царствованія Алексѣя Михайловича, въ послѣдніе годы царствованія Екатерины получило снова долю участія въ управленіи. Такъ, указомъ 2 мая 1785 г. объ образѣ управленія земскихъ повинностей въ губерніяхъ, право участія въ распредѣленіи повинностей вмѣстѣ съ губернаторомъ получилъ и предводитель дворянства; затѣмъ при разсматриваніи смѣтъ и раскладокъ повинностей для ихъ соразмѣрности изъ городовъ стали назначаться депутаты. Это участіе земства въ распредѣленіи повинностей было подтверждено указомъ Управѣ Благочинія 8 апрѣля 1781 г., грамотою русскому дворянству и указомъ объ устроеніи губерній. Но эти реформы, выдвинувъ земство, однако же далеко не возвратили ему того значенія, какое имѣло оно до половины XVII вѣка. Здѣсь сословія уже не могли итти рука объ руку и дѣйствовать, какъ тогда, заодно. Не имѣя между собою свя-

зи, они при предоставленныхъ имъ правахъ участія въ управленіи могли наблюдать лишь отдѣльные свои интересы. Притомъ же собранія, представленныя отдѣльными сословіями, не могли быть продолжительны, такъ что на нихъ едва доставало времени сдѣлать только раскладки. Наконецъ, крѣпостное право, достигшее въ это время крайней степени, сдѣлало огромное число членовъ земства безгласною единицею. При такомъ положеніи земство оставалось почти до настоящаго времени. Но тѣмъ не менѣе правительство сознавало недостатки такого положенія и время отъ времени издавало указы, по которымъ доля участія общества въ управленіи стала увеличиваться. Такъ, положеніемъ 2 мая 1805 г. объ образѣ управленія земскихъ повинностей, смѣта повинностей была поручена дворянамъ и купечеству при участіи администраціи. Указомъ 1834 года 30 апрѣля частная отчетность возложена: по городамъ на думы, у дворянъ на депутатовъ, въ удѣлахъ на удѣльное начальство. Повѣрка общая хозяйственная поручена дворянскимъ собраніямъ съ выборными отъ городовъ и удѣльными начальниками, при участіи губернатора и вице-губернатора; контрольная отчетность поручена Казенной Палатѣ и окончательно - Министру Финансовъ. Далѣе съ 30 апрѣля 1838 года съ учрежденіемъ Палаты Государственныхъ Имуществъ, явился въ губернскомъ комитетѣ представитель и отъ государственныхъ крестьянъ; но къ сожалѣнію, при этомъ была взята за образецъ, судя по пріемамъ и формѣ, инструкція Екатерины II отъ 31 декабря 1787 г. объ устройствѣ общины колонистовъ въ Екатеринославской губерніи. Но здѣсь было слишкомъ многое предоставлено приказной администраціи, съ другой стороны, головы, выбираемые на три года, остаются на неопредѣленное время и увольняются лишь по донесеніи Палатѣ окружнаго начальника и съ разрѣшенія губернатора; такимъ образомъ, они обратились въ совершенныхъ чиновниковъ и стали называться міроѣдами. Выборное начало, допущенное здѣсь, не требовавшее отвѣтственности предъ обществомъ, испортило все дѣло. Но тѣмъ не менѣе учрежденіе это положило начало признанія сельскаго общества самостоятельнымъ и послѣ послужило проведенію этой же мысли при освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Еще ранѣе учрежденія Палаты Государственныхъ Имуществъ, была попытка дать городскому положенію иной видъ, нежели какой существовалъ при Екатеринѣ II. Такъ, указомъ 30 ноября 1832 года допущены предварительныя ревизіи городскихъ доходовъ и расходовъ, при чемъ должны были участвовать кромѣ купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ людей, дворяне съ разночинцами и вообще всѣ имѣющіе недвижимую собственность въ городѣ. Но полное развитіе этого начала послѣдовало 13 февраля 1846 года въ городскихъ положеніяхъ для Петербурга, а потомъ для Москвы и Одессы. По новому положенію органъ городскихъ жителей—Дума, должна состоять изъ гласныхъ, имѣющихъ недвижимость, и ихъ старшины. Такимъ образомъ, здѣсь возстановилась цѣлость городского общества, связь сословій. Съ другой стороны, здѣсь разъяснились двѣ функціи: общая, совѣщательная, которая занималась раскладкой повинностей и повѣряла отчеты, и вторая—исполнительная, состоявшая изъ членовъ распорядителей, выбираемыхъ отъ каждаго сословія по два; какъ та, такъ и другая

состояли подъ предсѣдательствомъ головы, который выбирался всѣми сословіями. Но болѣе полная реформа общественнаго устройства началась на нашихъ глазахъ,—это Положеніи 19 февраля 1861 года объ освобожденіи крестьянъ и 1 января 1864 года о Губернскихъ и Земскихъ Учрежденіяхъ. Наконецъ, на нашихъ же глазахъ совершается важнѣйшая реформа—судебная.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ IV періода.

Соборное Уложеніе 1649 года. Старѣйшимъ памятникомъ законодательства въ четвертомъ періодѣ было Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, изданное въ 1649 году. Исторія составленія сего памятника была слѣдующая: еще въ царствованіе царя Ивана Васильевича, вскорѣ по изданіи Судебника, были заведены по всѣмъ приказамъ законныя книги, въ которыя постоянно заносились всѣ новыя узаконенія, заключающіяся, какъ въ царскихъ повелѣніяхъ, такъ и боярскихъ приговорахъ, составлявшихся по разнымъ новымъ случаямъ общественной и частной жизни, доходившихъ до суда и требовавшихъ законнаго рѣшенія. А при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ заведены были статейные списки въ Челобитенномъ Приказѣ, куда вносились всѣ дѣла, требующія царскаго рѣшенія и присылаемыя на докладъ царю изъ другихъ приказовъ. Въ эти статейные списки писались по статьямъ всѣ доклады государю, по которымъ требовался—или новый законъ, или измѣненіе и объясненіе стараго; на эти статьи, по выслушаніи ихъ государемъ, писались тутъ же въ статейныхъ спискахъ, противъ каждой статьи, отвѣты или государевы указы, за помѣтою думнаго дьяка. Потомъ съ статейныхъ списковъ дѣлалась роспись и посылалась по приказамъ, гдѣ эти росписи, подъ именемъ уложенія, погодно заносились въ законныя книги, заведенныя въ приказахъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ. Книгъ этихъ годъ отъ года накоплялось болѣе и болѣе, и такъ какъ всѣ узаконенія заносились въ нихъ только въ хронологическомъ порядкѣ безъ отношенія къ содержанію, то пользованіе таковыми книгами годъ отъ года затруднялось. Къ тому же боярскіе приговоры по приказамъ продолжали имѣть силу закона, издаваемаго правительствомъ, такъ что нерѣдко даже изъ Челобитеннаго Приказа посылались по приказамъ памяти съ вопросами:—какіе боярскіе приговоры принимаются въ руководство по тѣмъ или другимъ дѣламъ? и потомъ приговоры эти вносились въ статейные списки вмѣсто государевыхъ указовъ. А иногда боярскіе приговоры по приказамъ, принимаемые безъ государева утвержденія въ руководство, отмѣнялись, когда доходило въ дѣлахъ до Боярской Думы. Все это еще при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ развивало потребность въ новомъ общемъ уложеніи, въ которомъ бы законы были расположены не по времени ихъ выхода, а по матеріямъ, во взаимной связи по ихъ содержанію. Попытки сдѣлать такое уложеніе были еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и въ первый годъ царствованія Алексѣя Михайловича.

Наконецъ, въ 1648 году 16 іюля царь Алексѣй Михайловичъ на общей думѣ своей съ патріархомъ и святителями, бывшими тогда въ Москвѣ, и съ своими боярами и другими думными людьми положилъ собрать всѣ статьи изъ правилъ св. Апостолъ и св. Отецъ, изъ градскихъ законовъ греческихъ царей, которые пристойны къ государевымъ и земскимъ дѣламъ, а также статьи прежнихъ государей россійскихъ, и указы царя Михаила Ѳеодоровича и боярскіе приговоры на всякія государственныя и земскія дѣла; и тѣ государскіе указы и боярскіе приговоры съ старыми Судебниками справить. А на которые случаи ни государскихъ указовъ, ни боярскихъ приговоровъ не было, и на тѣ бы случаи по тому же написать и изложить по его государеву указу общимъ совѣтомъ, чтобы Московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ, отъ большого до меньшаго чину, судъ и расправа была во всякихъ дѣлахъ всѣмъ равно. И на этой же думѣ 16 іюля собраніе всѣхъ сихъ статей и указовъ и приготовленіе ихъ къ докладу было поручено: боярамъ—князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому и князю Семену Васильевичу Прозоровскому, да окольничему князю Ѳедору Ѳедоровичу Волконскому, да дьякамъ Гаврилѣ Леонтьеву и Ѳедору Грибоѣдову. А для слушанія сего доклада на той же думѣ было положено выбрать изъ стольниковъ, стряпчихъ и дворянъ московскихъ и жильцовъ по два человѣка, да изъ городовъ — дворянъ и дѣтей боярскихъ—изъ Новгорода съ пятины по человѣку, изъ другихъ большихъ городовъ — отъ города по два человѣка, а изъ меньшихъ—отъ города по человѣку, изъ гостей трехъ человѣкъ, изъ гостиныя и суконныя сотни по два человѣка, изъ черныхъ сотенъ и изъ слободъ и изъ городовъ съ посадовъ — по человѣку, добрыхъ и смышленыхъ людей, чтобы сіе государево царственное и земское дѣло съ тѣми со всѣми выборными людьми утвердить и на мѣрѣ поставить, чтобы всѣ тѣ дѣла по нынѣшнему государеву указу и по соборному Уложенію впредь были ничѣмъ нерушимы.

Черезъ два съ половиною мѣсяца послѣ сей думы, бояринъ князь Никита Ивановичъ Одоевскій съ товарищами исполнили порученное имъ дѣло и представили государю составленное ими Уложеніе, которое 3 октября того же 1648 года было прочтено, сперва передъ государемъ и его думою, а потомъ въ Отвѣтной Палатѣ передъ съѣхавшими въ Москву выборными людьми подъ предсѣдательствомъ боярина князя Юрія Алексѣевича Долгорукаго. По выслушаніи и одобреніи новаго Уложенія государемъ и соборомъ, царь, для большаго утвержденія, одобренное всѣми Уложеніе велѣлъ подписать патріарху, бывшимъ на соборѣ святителямъ, боярамъ, думнымъ и всѣмъ выборнымъ людямъ, потомъ по подписаніи списать его въ книгу, которую закрѣпить дьякамъ Гаврилѣ Леонтьеву и Ѳедору Грибоѣдову, и съ той книги уже напечатать и разослать по всѣмъ приказамъ и городамъ. Подлинный свитокъ или столбецъ Уложенія теперь хранится въ Московской Оружейной Палатѣ; онъ имѣетъ длины 434 аршина и подписанъ патріархомъ Іосифомъ, 2 митрополитами, 3 архіепископами, однимъ епископомъ, 5 архимандритами и игуменомъ. 15 боярами, 10 окольничими, казначеемъ, думнымъ дворяниномъ, печатникомъ, думнымъ дьякомъ, благовѣщенскимъ протопопомъ, 5 московскими дворянами, 148 городовыми дворянами, 3 гостями, 12 выборными отъ

московскихъ сотенъ и слободъ, 89 выборными посадскими изъ городовъ, и наконецъ 15 выборными отъ 15 московскихъ стрѣлецкихъ приказовъ или полковъ; всего 315 подписей или рукоприкладствъ, которыя помѣщены на оборотной сторонѣ свитка.

Источниками при составленіи Уложенія были: правила св. Апостолъ и св. Отецъ, градскіе законы греческихъ царей, по скольку они были извѣстны на Руси по Кормчимъ и другимъ церковно-гражданскимъ юридическимъ сборникамъ, старые Судебники, уставы прежнихъ государей россійскихъ, Стоглавъ, узаконенія царя Михаила Θеодоровича, боярскіе приговоры и наконецъ Литовскій Статутъ 1588 года. Составители Уложенія въ порядкѣ расположенія главъ имѣли образцами Литовскій Статутъ и Законъ Судный людемъ; впрочемъ они не вездѣ слѣдовали своимъ образцамъ, а держались и своихъ правилъ, и ставили статьи и главы въ той связи, которая почиталась ближайшею по понятіямъ и строю тогдашняго русскаго общества.

Уложеніе царя Алексѣя Михайловича раздѣляется на 25 главъ.

Глава 1-я состоитъ изъ девяти статей; первая изъ нихъ назначаетъ наказаніе богохульникамъ сожженіе: „а будетъ сыщется до пряма, и того богохульника, обличивъ, казнити—сжечь". Во 2-й статьѣ назначена смертная казнь тому, кто произведетъ въ церкви мятежъ и не дастъ окончить литургію. Слѣдующія затѣмъ семь статей составлены также противъ нарушителей церковнаго благочинія, которымъ назначены наказанія, смотря по винѣ, изъ коихъ первые пять говорятъ о разныхъ обидахъ, наносимыхъ въ церкви, какъ священнослужителямъ, такъ и мірянамъ, а послѣднія двѣ запрещаютъ подавать въ церкви челобитныя государю и епископамъ. Во всѣхъ прежнихъ законодательныхъ памятникахъ на Руси мы не встрѣчали узаконеній, находящихся въ сей главѣ, въ Литовскомъ Статуѣ ихъ также не находится. Хотя первая статья, очевидно, взята изъ Моисеева закона, помѣщаемаго въ Кормчихъ, гдѣ также назначена смерть за богохульство, но въ Моисеевомъ законѣ о сожженіи богохульника не упоминается; тамъ сказано: „кленый имя Господне смертію да умретъ, каменіемъ да побіютъ и весь сонмъ". Слѣдовательно, здѣсь Уложеніе слѣдовало своимъ правиламъ. Вообще вопросъ о преступленіяхъ противъ религіи и церкви въ такомъ видѣ, какъ онъ находится въ Уложеніи, въ прежнихъ русскихъ законодательныхъ памятникахъ не встрѣчался; но тѣмъ не менѣе на практикѣ сожженіе употреблялось противъ богохульниковъ и въ Новгородѣ, и въ Москвѣ, но узаконенія сего не вносили въ законодательные памятники потому, что прежде свѣтскаго законодательства не смѣшивали съ церковнымъ; Уложеніе первое допустило таковое смѣшеніе въ подражаніе—или Юстиніанову кодексу, или вѣрнѣе болѣе знакомому Закону Судному людемъ.

Глава 2-я говоритъ *о государской чести и какъ государево здоровье оберегать*. Здѣсь во 1-хъ, назначается смертная казнь злоумышленникамъ на жизнь государя, бунтовщикамъ и измѣнникамъ; во 2-хъ, помѣстья и вотчины послѣ бѣжавшаго, или казненнаго измѣнника, или бунтовщика, отписываются на государя, при чемъ, ежели послѣ измѣнника или бунтовщика останутся жена или дѣти, не участвовавшія въ измѣнѣ и не знавшія объ ней, то изъ помѣстій и вотчинъ измѣнника имъ выдается на прожитокъ такая часть, какую укажетъ

государь. Ежели же измѣнникъ жилъ вмѣстѣ съ своими родственниками не въ раздѣлѣ и владѣлъ съ ними имѣніемъ сообща, и родственники про его измѣну не знали, то имѣніе не подлежитъ конфискаціи. Ежели измѣнникъ, бѣжавшій въ чужое государство, воротится назадъ и будетъ прощенъ государемъ, то прежнія помѣстья ему не возвращаются, а въ вотчинахъ, какъ государь укажетъ. Въ 3-хъ, въ настоящей главѣ говорится объ извѣтахъ въ государственныхъ преступленіяхъ: здѣсь допускаются доносы холоповъ на своихъ господъ, а кто, зная о какомъ заговорѣ, не донесетъ, тотъ подвергается той же казни, какая слѣдуетъ заговорщику; но кто на кого сдѣлаетъ извѣтъ и не докажетъ, тотъ подлежитъ тому же самому наказанію, которому бы подвергся тотъ, на кого онъ сдѣлалъ ложный доносъ. Вся настоящая глава нигдѣ не встрѣчалась въ прежнихъ законодательныхъ памятникахъ и вѣроятно была вызвана смутами, начавшимися по смерти царя Ивана Васильевича; при составленіи ея составители имѣли себѣ образцомъ Литовскій Статутъ и наибольшую часть правилъ выписывали почти безъ измѣненій изъ перваго раздѣла его.

Глава 3-я говоритъ *о государевомъ дворѣ*. Здѣсь во 1-хъ, запрещается дѣлать ссоры на государевомъ дворѣ; во 2-хъ запрещается ходить на государевъ дворъ съ оружіемъ или стрѣлять изъ луковъ и пищалей; въ 3-хъ, запрещается дѣлать какія-либо похищенія въ государевыхъ селахъ. Эта глава прямо взята изъ Литовскаго Статута, изъ перваго его разряда; только въ Уложеніи наказаніе втрое легче противъ Статута: такъ, за ссору или драку на государевомъ дворѣ по Статуту назначается тюремное заключеніе на три мѣсяца, а по Уложенію на одинъ мѣсяцъ.

Глава 4-я говоритъ *о составителяхъ фальшивыхъ грамотъ*, актовъ и другихъ бумагъ, а также о фальшивыхъ подписчикахъ и поддѣлывателяхъ печатей. Эта глава безъ перемѣны взята изъ Литовскаго Статута, именно изъ 16 артикула 1-го раздѣла.

Глава 5-я говоритъ *о поддѣлывателяхъ монетъ* и о серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастерахъ, которые будутъ примѣшивать въ серебро и золото мѣдь, или олово, или свинецъ. Эта глава также заимствована изъ Литовскаго Статута, только въ Уложеніи положено различное наказаніе поддѣлывателямъ денегъ и золотыхъ дѣлъ мастерамъ, примѣшивающимъ свинецъ къ серебру или золоту; первымъ Уложеніе назначаетъ заливать горло растопленнымъ металломъ, а вторыхъ бить кнутомъ; по Литовскому же Статуту назначена и тѣмъ и другимъ одна казнь—заливать горло растопленнымъ металломъ.

Глава 6-я говоритъ *о паспортахъ отправляющимся въ чужія земли.* По этой главѣ выдача паспортовъ или проѣзжихъ грамотъ для отправленія за границу была предоставлена воеводамъ по всѣмъ городамъ; кто-же поѣдетъ въ чужую землю безъ проѣзжей грамоты, того бить кнутомъ. Но въ порубежныхъ городахъ тамошнимъ жителямъ дозволяется ѣздить въ сосѣднія нѣмецкія и литовскія земли безъ проѣзжихъ грамотъ.

Глава 7-я говоритъ *о службѣ ратныхъ людей.* При составленіи этой главы составители взяли себѣ за образецъ второй отдѣлъ Литовскаго Статута объ оборонѣ земской; но, придерживаясь сего образца, они въ то же время старались не измѣнять основныхъ законовъ Москов-

скаго государства относительно ратной службы. Изъ настоящей главы мы видимъ во 1-хъ, что московскіе ратные люди въ мирное время содержались отъ данныхъ имъ помѣстій и другихъ источниковъ, въ военное же время получали отъ государя особое денежное жалованье, смотря по службѣ. Обычай давать ратнымъ людямъ денежное жалованье во время войны былъ извѣстенъ и прежде, но по Уложенію онъ обращенъ въ постоянный законъ, и для доставленія ратнымъ людямъ жалованья назначена особая подать со всего государства, чего прежде не бывало. Въ 2-хъ, ратные люди высылались на службу городскими воеводами и должны были являться на службу съ своими запасами; пришедши на службу, обязаны оставаться при полкахъ до конца похода или до роспуска; а кто изъ дворянъ или изъ дѣтей боярскихъ побѣжитъ со службы, не дождавшись роспуска, того за первый побѣгъ бить кнутомъ, за второй побѣгъ также бить кнутомъ и убавить 50 четвертей помѣстья, а за третій побѣгъ бить кнутомъ и вовсе отнять помѣстье; а кормовыхъ ратныхъ людей за побѣгъ бить кнутомъ и вычитать изъ жалованья, за даточныхъ же бѣглыхъ людей взыскивать съ тѣхъ, чьи тѣ люди, по 20 рублей за человѣка. Въ 3-хъ, старые, больные и увѣчные, хотя по осмотру и освобождались лично отъ службы, но должны были выставлять вмѣсто себя своихъ дѣтей, или другихъ родственниковъ, не моложе 18 лѣтъ, и при томъ такихъ, которые бы не состояли на службѣ сами по себѣ; за неимѣніемъ же дѣтей и родственниковъ, они должны были или высылать даточныхъ людей, или платить деньги, смотря по помѣстьямъ и вотчинамъ. Въ 4-хъ, ежели ратный сбѣжитъ со сраженія домой, того бить кнутомъ и убавить половину помѣстій и денежныхъ окладовъ; а кто измѣною во время похода будетъ сноситься съ непріятелемъ, того повѣсить противъ непріятельскихъ полковъ, а имѣніе взять на государя. Въ 5-хъ, ежели у кого изъ ратныхъ людей на службѣ не достанетъ запасовъ, а въ то время запасы будутъ продаваться дорого, и по воеводскому распоряженію будетъ назначена запасамъ указная цѣна дешевле торговой цѣны, то тотъ, у кого недостанетъ запасовъ, долженъ взять у воеводы пристава и покупать запасы по указной цѣнѣ при приставѣ, а безъ пристава не покупать, и дворовъ и огородовъ не разорять и не жечь, и хлѣба въ поляхъ не травить. Въ 6-хъ, отгулявшихъ во время службы лошадей, нашедшіе ихъ должны являть воеводамъ или полковымъ судьямъ, и потомъ возвращать хозяевамъ, получая за это по три алтына и по двѣ деньги за лошадь; равнымъ образомъ и всякую другую находку въ военномъ станѣ, или на дорогѣ, должно являть воеводѣ и возвращать хозяину, но безъ вознагражденія.

Глава 8-я—о искупленіи плѣнныхъ, вся составлена изъ московскихъ узаконеній; основаніемъ для нея служилъ Стоглавъ, именно 72 глава. По Уложенію узаконено на выкупъ плѣнныхъ сбирать по переписнымъ книгамъ въ городахъ и въ церковныхъ имѣніяхъ съ двора по 8 денегъ, въ дворцовыхъ, черныхъ, помѣщичьихъ и вотчинныхъ земляхъ — съ двора по 4 деньги, съ служилыхъ людей: стрѣльцовъ, казаковъ и проч. съ двора по 2 деньги. Собранныя деньги ежегодно доставлять въ Посольскій Приказъ. А на выкупъ давать: за дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые взяты на бояхъ, со сто четвертей ихъ

оклада по 20 рублей, а которые взяты не на бою—со 100 четвертей по 5 рублей, за Московскихъ стрѣльцовъ—по 40 рублей, за украинныхъ казаковъ — по 25 руб., за посадскихъ — по 20 руб., за крестьянъ—по 15 руб. за человѣка.

Глава 9-я, о мытахъ, перевозахъ и мостахъ. По ней: во 1-хъ, освобождаются отъ платежа мытовъ и перевозовъ всѣ служилые люди и ихъ слуги, ѣдущіе по государевымъ дѣламъ; во 2-хъ, на мытахъ и перевозахъ, въ городахъ и государевыхъ селахъ, могутъ быть головами и цѣловальниками только посадскіе люди и крестьяне дворцовыхъ селъ. Въ 3-хъ, новыхъ мытовъ и перевозовъ безъ государева указа не заводить, а старые мыты и перевозы и самыя дороги содержать въ исправности тѣмъ владѣльцамъ, которые пользуются мытными и другими пошлинами. А которые владѣльцы не будутъ содержать въ исправности мостовъ и дорогъ, и на ихъ неисправныхъ дорогахъ и мостахъ проѣзжимъ случится какой убытокъ, то убытокъ доправлять на владѣльцѣ дороги, или моста. Въ 4-хъ, дорогъ не топить запрудами и не запахивать; а кто старую дорогу затопитъ, или запашетъ, тотъ долженъ проложить новую дорогу безъ дальнихъ объѣздовъ. А также не дѣлать прудовъ, плотинъ и мельницъ, не забивать заколовъ и ѣзовъ на судоходныхъ рѣкахъ, или же строить плотины и ѣзы съ воротами для пропуска судовъ. Вся эта глава заимствована частью изъ Литовскаго Статута, а преимущественно изъ дополнительной статьи къ царскому Судебнику, изданной при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ 1642 году.

Глава 10-я, о судѣ. Эта глава самая большая; она составляетъ почти треть всего Уложенія. Статьи этой главы раздѣляются на два главныхъ разряда: къ первому разряду принадлежатъ статьи, относящіяся собственно до судопроизводства, а второго разряда статьи содержатъ въ себѣ разныя узаконенія собственно гражданскаго частнаго права. Статьи перваго разряда указываютъ на основныя измѣненія въ судѣ противъ прежнихъ порядковъ, хотя судъ и по Уложенію въ подробностяхъ своихъ видимо оставался прежнимъ, но въ сущности онъ потерпѣлъ уже громадное измѣненіе и, къ сожалѣнію, не къ пользѣ самого дѣла. Десятая глава Уложенія говоритъ во 1-хъ, о видахъ или степеняхъ суда; степеней и по Уложенію было оставлено три, какъ и въ Судебникѣ: 1) судъ намѣстника, или воеводы, 2) судъ боярскій по приказамъ и 3) судъ царскій въ государевой палатѣ. И по Уложенію, какъ и по Судебнику, были назначены строгія наказанія судьямъ за неправый судъ, тяжущимся даже было предоставлено право отводить судей, по недружбѣ, или по родству съ противной стороной. Все это было старое, утвержденное прежними законами, но при всемъ этомъ судъ по Уложенію далеко уже не походилъ на судъ по Судебнику. Уложеніе отмѣнило исконный русскій законъ судебнаго порядка, чтобы на судѣ намѣстничьемъ присутствовали старосты и цѣловальники или присяжные, выбранные обществомъ, чрезъ что судъ окончательно перешелъ въ руки приказныхъ людей и совершенно потерялъ свой прежній общественный характеръ. Эта отмѣна старостъ и цѣловальниковъ на судѣ, съ одной стороны, много способствовала распространенію злоупотребленій на судѣ, а съ другой—была причиною развитія многописьменности въ судебныхъ дѣлахъ.

Во 2-хъ, за статьями о степеняхъ суда слѣдуютъ статьи о порядкѣ судебнаго дѣлопроизводства. По Уложенію, также какъ и по Судебнику, на судѣ требовалось судоговореніе тяжущихся сторонъ, при чемъ рѣчи тяжущихся записывались начерно подъячими, и подъячіе свои черновые списки закрѣпляли рукоприкладствомъ истца и отвѣтчика; потомъ тотъ же подъячій переписывалъ судный списокъ набѣло, а дьякъ, справя бѣловой судный списокъ съ черновымъ, закрѣплялъ его своею рукою; по окончаніи суднаго дѣла черновая записка суда, утвержденная рукоприкладствомъ истца и отвѣтчика, подклеивалась подъ дѣло на случай могущаго возникнуть спора. Для соблюденія большаго порядка въ судопроизводствѣ, Уложеніе запрещаетъ судьямъ, или дьякамъ, принимать какія-либо дополнительныя къ дѣлу бумаги, кромѣ тѣхъ, о которыхъ истецъ, или отвѣтчикъ, объявятъ во время самаго суда и дадутъ обѣщаніе представить ихъ въ извѣстный срокъ. А чтобы устранить всѣ поводы къ медленности и проволочкѣ, Уложеніе требуетъ, чтобы всѣ справки, розыски и доставленіе нужныхъ къ суду документовъ производить какъ можно скорѣе, и рѣшать судныя дѣла, хотя бы судьи почему-либо и не всѣ были въ сборѣ, и ни за какими дѣлами не отлагать, за исключеніемъ праздничныхъ дней; праздничными же днями по Уложенію были признаны всѣ воскресные дни и дни господскихъ праздниковъ, сырная недѣля, первая и страстная недѣля великаго поста, пасхальная седмица и всѣ царскіе дни.

Въ 3-хъ, статьи о вызовѣ въ судъ и о срокахъ. Вызовъ въ судъ по Уложенію оставленъ почти въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ былъ по Судебнику царя Ивана Васильевича и по дополнительнымъ статьямъ къ нему, т. е. и по Уложенію требуется, чтобы въ приставныхъ грамотахъ писалась цѣна иска; равнымъ же образомъ остались и прежніе введенные послѣ Судебника три срока для явки въ судъ, но предписано начало срока считать не съ выдачи приставной, а со взятія приставомъ поручной записи. За то Уложеніе окончательно отмѣнило введенныя Судебникомъ безсудныя грамоты и даже приказало отобрать и тѣ грамоты, которыя были выданы въ прежнее время, вмѣсто чего предписано неявившагося на третій срокъ, тутъ же обвинять судомъ. Вызывателями въ судъ или приставами попрежнему оставлены недѣльщики, которые выбирались за поруками, что имъ, будучи въ недѣльщикахъ, не дѣлать безпорядковъ и челобитчиковъ не притѣснять; но объ общинахъ ѣздоковъ при недѣльщикахъ въ Уложеніи уже не упоминается. Отмѣнивъ участіе общества въ судѣ, Уложеніе узаконило, что приставъ не могъ взять уклоняющагося отвѣтчика изъ дома, а долженъ ждать, пока онъ пойдетъ со двора.

Въ 4-хъ, относительно судныхъ пошлинъ. Уложеніе назначаетъ судныхъ пошлинъ съ рубля по гривнѣ, да съ пересуда по шести алтынъ по четыре деньги, да праваго десятка четыре деньги. А съ живыхъ кабалъ, съ записей и за насильство противъ того пошлины имать вдвое, т. е. съ рубля по двѣ гривны. А судныя пошлины собранныя, и что собрать доведется, писать въ особыя книги тогожъ числа, какъ судъ отойдетъ.

Въ 5-хъ, порядокъ выдачи опасныхъ грамотъ. Ежели кто будетъ жаловаться на другого, что онъ похваляется убить его, то въ такомъ

случаѣ выдавалась на похвальщика опасная грамота. При выдачѣ таковыхъ грамотъ въ Уложеніи назначены двѣ формы: 1) въ похвальбѣ между знатными людьми опасная грамота выдается съ заповѣдью въ 5, 6, 7 тысячъ рублей и болѣе; и ежели похвальщикъ впослѣдствіи убьетъ или ранитъ того, на кого похвалялся, то его казнить смертью за убійство, а за раны взыскать безчестье, а записанныя въ заповѣди деньги доправить на его имѣніи, и половину взять въ казну, а половину выдать тому, на кого похвалялся, или его наслѣдникамъ. 2) Въ похвальбѣ между незнатными Уложеніе назначаетъ обыскъ, и ежели въ обыскѣ скажутъ по челобитчикѣ, то похвальщика посадить въ тюрьму на три мѣсяца, а потомъ взять съ него запись за его рукою, что онъ не посягнетъ на того, на кого похвалялся; а ежели преступитъ свою запись, казнить смертью.

Въ 6-хъ. О ссылкѣ на свидѣтелей и о повальномъ обыскѣ. Уложеніе, отмѣнивъ судебные поединки или поле, какъ окончательное доказательство на судѣ, допустило право тяжущихся: 1) ссылаться на постороннихъ людей поимянно въ доказательство справедливости своихъ исковъ; 2) ссылаться на постороннихъ людей также поимянно изъ виноватыхъ, т. е. ежели указанный человѣкъ скажетъ не въ одни рѣчи съ тяжущимся, то тѣмъ и обвинить сего послѣдняго; 3) право ссылаться въ повальный обыскъ на многихъ людей безъимянно. Это послѣднее доказательство такъ высоко было поставлено, что Уложеніе не дозволило отводить ссылки на повальный обыскъ. При произведеніи повальныхъ обысковъ Уложеніемъ были приняты тѣ же самыя правила, которыя утверждены Разбойнымъ Уставомъ и особенно дополнительными статьями къ царскому Судебнику; 4) ссылаться на общую правду, т. е. когда истецъ и отвѣтчикъ сошлются хотя на одного человѣка Общая ссылка или правда по Уложенію стояла, какъ судебное доказательство, выше повальнаго обыска и отмѣняла его. Наконецъ 5) судебный поединокъ замѣнился по Уложенію пыткою, какъ крайнимъ судебнымъ доказательствомъ; впрочемъ, принятіе пытки не было обязательнымъ, а предоставлялось на волю тяжущимся, или ихъ свидѣтелямъ и обыскнымъ людямъ. Послѣднее взято изъ Литовскаго Статута.

Въ 7-хъ, о судѣ, когда истцовъ будетъ нѣсколько человѣкъ, у которыхъ одно имѣніе, раздѣленное на жеребьи, или которые будутъ въ компаніи между собою. Уложеніе таковымъ истцамъ отдаетъ на волю—искать ли всѣмъ сообща, или каждому отдѣльно въ своемъ жеребьи.

Въ 8-хъ, о поклепныхъ искахъ. Когда кто на комъ ищетъ во многихъ искахъ поклепомъ и, не ходя въ судъ, возьметъ съ отвѣтчика немногое, а отъ прочаго отступится, то по розыску съ таковаго поклепщика въ первый разъ взять пени на государя 5 рублей, взятое съ отвѣтчика доправить вдвое, бить кнутомъ у приказа и посадить въ тюрьму, на сколько государь укажетъ. А кто попадется въ подобномъ поклепномъ искѣ въ другой разъ, того бить кнутомъ на козлѣ у приказа, взять пени 10 рублей, посадить въ тюрьму и взятое съ отвѣтчика доправить вдвое. Кто же попадется въ третій разъ, того, бивъ кнутомъ на козлѣ у приказа, потомъ водить по торгамъ, вкинуть въ тюрьму, взять пени на государя 20 рублей, и доправить вдвое

противъ взятаго съ отвѣтчика и впередъ ни въ какихъ искахъ отъ него челобитенъ не принимать. Подобное узаконеніе было издано еще въ въ 1582 году, но только въ томъ узаконеніи о тѣлесномъ наказаніи за поклепные иски не было и помину.

Второй разрядъ статей десятой главы Уложенія заключаетъ въ себѣ слѣдующія узаконенія частнаго гражданскаго права:

1. О пеняхъ за безчестье. Пени сіи по Уложенію распредѣлены по тѣмъ же началамъ, которыя мы уже видѣли въ Судебникѣ, т. е. основаніемъ высшей или низшей пени за безчестье Уложеніе принимаетъ или общественное положеніе обиженнаго,—его чинъ, или занимаемую имъ должность, или получаемый окладъ жалованья, или сословіе, къ которому принадлежитъ обиженный. Уложеніе подобно Судебнику назначаетъ двойную пеню за безчестье женщины, а за безчестье дѣвицы требуетъ пени вчетверо болѣе того, что бы получилъ за свое безчестье отецъ дѣвицы.

2. По искамъ въ поклажеяхъ, долгахъ и ссудахъ Уложеніе принимаетъ за основное правило, на основаніи закона 1635 года, въ подобныхъ искахъ давать судъ только тогда, когда истецъ представитъ заемныя кабалы, или другія какія записи, а безъ записей суда не давать; впрочемъ, изъ этого общаго правила допускаются исключенія для ратныхъ людей во время походовъ, и для всѣхъ людей вообще при отдачѣ своихъ вещей мастеровымъ для отдѣлки, гдѣ искъ принимается на судѣ и безъ записей.

3. Относительно взысканія долговъ съ несостоятельныхъ должниковъ, Уложеніе, также какъ Русская Правда и Судебникъ, раздѣляетъ несостоятельныхъ должниковъ на невинныхъ или несчастныхъ, и на виноватыхъ; первымъ даетъ на уплату полѣтній срокъ, но не далѣе какъ на три года и при томъ за поруками; а вторыхъ отдаетъ головою кредиторамъ до искупу. Впрочемъ и невинныхъ должниковъ также отдаетъ кредиторамъ до искупу, ежели по нихъ не будетъ порукъ; а по смерти должниковъ опредѣляетъ взыскивать неуплаченные долги на ихъ женахъ и дѣтяхъ.

4. Кабалы, заемныя памяти и другія крѣпости, ежели будутъ въ значительныхъ суммахъ, то по Уложенію ихъ должны писать въ Москвѣ и по городамъ площадные подъячіе, тогдашніе публичные маклера, и въ каждой таковой крѣпости должны быть написаны послухи не менѣе двухъ человѣкъ; въ суммахъ же незначительныхъ, до десяти рублей, кабалы и заемныя записи можетъ писать самъ заемщикъ, или кому прикажетъ, ежели это случится въ деревнѣ, и таковая кабала принималась на судѣ, хотя бы въ ней даже не было написано послуховъ. При взысканіи долговъ по кабаламъ и другимъ записямъ Уложеніе, согласно съ прежними узаконеніями, требуетъ чтобы напередъ удовлетворять иностранцевъ, потомъ государеву казну и, наконецъ, уже другихъ истцовъ. Судъ по кабаламъ, также согласно съ прежними законами, давать не далѣе 15 лѣтъ, и править заемныя деньги безъ росту, одинъ капиталъ.

5. Правежъ долговъ и другихъ взысканій Уложеніе требуетъ производить старымъ порядкомъ, т. е. чтобы во сто рубляхъ стоять на правежѣ не далѣе мѣсяца, а будетъ долгу больше или меньше, то по разсчету. А кто отстоитъ законный срокъ на правежѣ, того имѣніе

оцѣнивать и править долгъ на имѣніи, или отдавать имѣніе кредитору, а ежели кредиторъ не возьметъ, то продать, а вырученными отъ продажи деньгами уплатить долгъ; ежели же вырученныхъ денегъ на уплату не достанетъ, то отдавать должника истцу головою въ заработокъ. Но служилыхъ людей въ заработки не отдавать, а платить долгъ изъ жалованья.

6. О взысканіяхъ въ случаѣ утраты порученнаго. Уложеніе, согласно съ Судебникомъ и съ разными гражданскими греческими узаконеніями, помѣщенными въ Кормчихъ, полагаетъ слѣдущія взысканія: 1) ежели приставъ отпуститъ отданнаго ему судомъ подъ стражу и на срокъ къ суду не представитъ, то всѣ иски истцовъ, терпящихъ отъ того убытокъ, доправляются на приставѣ и его поручникахъ; а ежели съ пристава доправить нечего, то онъ самъ отдается истцу головою до искупу. 2) Ежели мастеръ возьметъ у кого какую вещь для отдѣлки и утратитъ ее, или испортитъ, то вещь оцѣнить чрезъ постороннихъ людей и по цѣнѣ доправить на мастерѣ. 3) Ежели кто возьметъ въ наемъ лошадь, или что другое, и утратитъ, или испортитъ, то по оцѣнкѣ стороннихъ людей долженъ заплатить хозяину. 4) Ежели кто наймется стеречь дворъ, или лавку, за порукою, и за его сторожею учинится кража, то покраденное доправляется на сторожѣ и его поручникахъ; а не будетъ у нихъ съ чего доправить, то они выдаются истцу головою до искупу. 5) Купецъ, ограбленный на дорогѣ разбойниками, не обязанъ платить за находившіеся при немъ и пограбленные разбойниками товары и деньги своего товарища или компаніона.

7. О межахъ и изгородяхъ. Уложеніе, согласно съ Судебникомъ, узаконяетъ сосѣднимъ владѣльцамъ дѣлать изгороди пополамъ, а пашни въ отхожихъ лугахъ огораживать одному владѣльцу пашни. Поновлять межи по уложенію должны при старожильцахъ, окольныхъ людяхъ, по старымъ признакамъ, въ присутствіи чиновника отъ правительства. Споры о межахъ разрѣшаются писцовыми, дорожными и отдѣльными книгами, разными крѣпостными актами, а также старожильцами; но ежели сихъ доказательствъ будетъ недостаточно, то—крестнымъ цѣлованіемъ и образнымъ хожденіемъ по межамъ; а въ случаѣ спора между старожильцами—жеребьемъ, кому отводить межу съ образомъ. За порчу межей виноватый наказывается кнутомъ.

8. Объ устройствѣ новыхъ мельницъ на рѣкахъ, о бортныхъ ухожаяхъ, рыбныхъ ловляхъ и сѣнокосахъ въ чужихъ лѣсахъ. Статьи сюда относящіяся заимствованы Уложеніемъ частію изъ прежней судебной практики, а большею частію изъ Литовскаго Статута только съ значительными измѣненіями.

9. О строеніи зданій между сосѣдями. Въ ней излагается порядокъ удовлетворенія убытковъ и права въ отношеніи къ сосѣдямъ. Статьи сюда относящіяся взяты изъ Градскаго закона, помѣщеннаго въ Кормчей, именно, изъ 38 грани. По этимъ статьямъ запрещается ставить зданія на межѣ сосѣда, строить печи и поварни къ сосѣдней стѣнѣ, лить воду, или бросать соръ на сосѣдній дворъ.

10. Ежели кто назоветъ кого незаконнорожденнымъ Уложеніе требуетъ Судебнаго розыска, и ежели по розыску окажется, что законнорожденный названъ незаконнорожденнымъ, то законъ предоставляетъ

обиженному право править безчестье на обидчика. А ежели окажется, что жалующійся дѣйствительно незаконнорожденный, то безчестья неправить и незаконнорожденнаго къ законнорожденнымъ не причитать и отцовскихъ правъ ему не давать. Это узаконеніе совершенно новое, въ прежнихъ русскихъ законодательныхъ памятникахъ подобнаго не встрѣчалось.

11. Объ искахъ ежели бы кто травилъ кого собаками, или держалъ собакъ и другихъ бѣшеныхъ животныхъ не взаперти и не на привязи. Здѣсь Уложеніе, согласно съ прежними узаконеніями и частію заимствуя изъ Литовскаго Статута, предписываетъ доправлять убытки на виноватомъ; а ежели это съ тѣмъ же хозяиномъ случится въ другой разъ, то таковое животное у него отнять и отдать челобитчику.

12. Объ искахъ въ неправильномъ завладѣніи животными и сѣнными покосами за пять лѣтъ и больше. Здѣсь Уложеніе узаконяетъ выдавать истцу только взятыхъ у него животныхъ, а въ приплодѣ отказывать; сѣнокосы же оцѣниваетъ по 10 алтынъ за десятину, а скошеное сѣно по алтыну за копну.

Глава 11-я. О судѣ въ крестьянахъ. Здѣсь Уложеніе во 1-хъ, желая прекратить всѣ споры и иски о бѣглыхъ крестьянахъ прежняго времени, отмѣняетъ всѣ сроки давности и предписываетъ безсрочно отбирать всѣхъ бѣглыхъ крестьянъ тѣмъ владѣльцамъ, за которыми они или отцы ихъ записаны по писцовымъ книгамъ 1626 года или по переписнымъ книгамъ 1646 и 1647 годовъ. Но, возвращая крестьянъ къ прежнимъ владѣльцамъ со всѣми ихъ семействами и имѣніемъ, съ тѣмъ вмѣстѣ Уложеніе отмѣняетъ всѣ взыски за держаніе бѣглыхъ крестьянъ за прошлые годы и требуетъ, чтобы о возвращенныхъ крестьянахъ брать немедленно отписки съ тѣхъ владѣльцевъ, которымъ они возвращены, и съ прежнихъ владѣльцевъ не брать государевыхъ податей за отписанныхъ крестьянъ, а платить подати тѣмъ владѣльцамъ, къ которымъ они будутъ возвращены. Во 2-хъ, излагаетъ правила относительно бѣглыхъ крестьянъ на будущее время; по симъ правиламъ полагается: ежели крестьянинъ или крестьянка вступятъ въ бракъ у другого владѣльца, то возвращаются къ прежнему владѣльцу со всѣмъ семействомъ. Поэтому каждый владѣлецъ, принимая къ себѣ вновь крестьянина, долженъ розыскивать не бѣглый ли онъ человѣкъ, и, розыскавъ, немедленно записывать за собою въ Помѣстномъ Приказѣ, а въ городахъ у воеводъ; а кто запишетъ не розыскавъ, на томъ доправлять по 10 рублей за годъ, ежели найдутся истцы на записаннаго безъ розыску крестьянина. Въ 3-хъ настоящая глава запрещаетъ владѣльцамъ сводить крестьянъ съ своихъ помѣстныхъ земель на вотчинныя и требуетъ, чтобы никакимъ образомъ не прикрѣплять крестьянъ, нанимающихся въ работу, по записямъ и безъ записи.

Глава 12-я говоритъ *о судѣ патріаршихъ приказныхъ и дворовыхъ людей и крестьянъ.* По этой главѣ на людей, живущихъ въ патріаршихъ домовыхъ вотчинахъ и вообще состоящихъ на службѣ у патріарха, должно искать суда только на патріаршемъ дворѣ. А когда патріаршіе судьи рѣшатъ дѣла несправедливо, то жаловаться государю и вносить дѣло изъ Патріаршаго Приказа въ Государеву Думу—къ боярамъ.

Глава 13-я, о Монастырскомъ Приказѣ. Въ этой главѣ сказано, что по челобитью всѣхъ людей Московскаго государства Монастырскій Приказъ вновь учреждается для того, чтобы въ немъ производить всѣ дѣла по искамъ на митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ и на ихъ приказныхъ и дворовыхъ людей и крестьянъ, а также на монастыри, священниковъ и на весь церковный причетъ. Иски эти прежде производились въ Приказѣ Большого Дворца. Въ этой же главѣ запрещается приводить къ крестному цѣлованію священниковъ и вообще людей духовнаго чина, а рѣшать дѣло на судѣ вмѣсто крестнаго цѣлованія—или по жеребью, или по святительскому допрашиванію, предоставляя это на волю истцовъ.

Глава 14-я, о крестномъ цѣлованіи. Глава сія составлена преимущественно изъ дополнительныхъ статей къ Судебнику, изданныхъ въ 1625 году. Въ ней узаконено, что при крестномъ цѣлованіи быть дворянину да подъячему для береженья и изъ сотенъ цѣловальникамъ, а крестъ цѣловать въ сентябрѣ и октябрѣ съ 2-го часу по 6 часъ дня, въ ноябрѣ, декабрѣ, январѣ и февралѣ—съ 1-го по 5 часъ дня, въ мартѣ, апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ—съ 2-го по 7-й часъ дня, въ іюлѣ и августѣ—съ 3-го по 6-й часъ дня, причемъ, согласно съ прежнимъ порядкомъ, каждый разъ ходить ко кресту по три дня сряду. А кто поцѣлуетъ крестъ или приведетъ ко кресту не по правдѣ, того бить кнутомъ по торгамъ по три дня, посадить въ тюрьму на годъ и впредь ему ни въ чемъ не вѣрить, и ни въ какихъ искахъ суда не давать. А давать крестное цѣлованіе только въ искахъ выше рубля.

Глава 15-я, о вершенныхъ дѣлахъ и о третейскомъ судѣ. По этой главѣ узаконено вершенныхъ дѣлъ не перевершать и челобитенъ вновь не принимать. Новымъ владѣльцамъ вотчинникамъ не возвращать крестьянъ, отпущенныхъ на волю съ отпускною старыми владѣльцами вотчинниками; но крестьянъ, отпущенныхъ прежними помѣщиками, по челобитьямъ возвращать новымъ помѣщикамъ. О третейскомъ судѣ сказано, что истецъ и отвѣтчикъ, полюбовно согласившіеся итти на судъ третьихъ и давшіе на себя третьимъ запись, что имъ третейскаго приговора слушать, не имѣютъ права впослѣдствіи отказываться отъ третейскаго приговора; а кто не будетъ слушать третейскаго приговора, на томъ взять пеню государю и безчестье третьимъ. А ежели третьи поразнятъ своимъ приговоромъ—одинъ обвинитъ истца, а другіе отвѣтчика, то третейское дѣло и приговоры и запись взять въ приказъ. И ежели въ третейской записи написано съ государевою пенею за неправый приговоръ, то дѣло рѣшить по суду, а сторону, давшую приговоръ, несогласный съ судебнымъ приговоромъ, подвергнуть наказанію, и пени, что государь укажетъ, да доправить проѣсти и волокиту.

Глава 16-я, о помѣстныхъ земляхъ. 1) Здѣсь прежде всего опредѣляется по скольку давать помѣстій въ Московскомъ уѣздѣ каждому чину; 2) излагаются правила о мѣнѣ помѣстныхъ земель между помѣщиками и вотчинниками; 3) о сдачѣ помѣстій стариками, вдовами и дѣвицами; 4) объ отдачѣ помѣстій послѣ умершихъ помѣщиковъ ихъ женамъ и дѣтямъ на прожитокъ, и какъ имъ пользоваться прожиточными помѣстьями; 5) правила какъ давать помѣстья вновь по челобитьямъ служилыхъ людей, а также объ отдачѣ разныхъ угодій

помѣщикамъ на оброкъ, и съ какихъ земель производить помѣстную раздачу и въ какой мѣрѣ; 6) какимъ образомъ одабривать помѣстныя земли, т. е. на сколько четвертей давать большее противъ доброй земли въ середней и худой землѣ; 7) настоящая глава запрещаетъ давать помѣстья изъ государевыхъ земель патріаршимъ боярскимъ дѣтямъ и рѣшеточнымъ приказчикамъ въ Земскомъ Приказѣ; 8) не дозволяетъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ во избѣжаніе отъ службы продавать и отдавать въ закладъ свои помѣстья, а которые продадутъ или заложатъ свои помѣстья и бѣгутъ со службы, тѣхъ бить кнутомъ и съ приставами отсылать въ полки, а помѣстья и вотчины у тѣхъ, кому они ихъ сдадутъ, отнимать и возвращать продавцамъ безденежно.

Глава 17-я, о вотчинахъ. Уложеніе, согласно съ прежними московскими узаконеніями, 1-е отличаетъ родовыя и выслуженныя вотчины отъ покупныхъ и полагаетъ по смерти вотчинниковъ, ежели у нихъ не останется сыновей, родовыя и выслуженныя вотчины отдавать дочерямъ и родичамъ; женѣ же покойнаго давать на прожитокъ только изъ помѣстій и купленныхъ вотчинъ, и лишь за неимѣніемъ ихъ назначать изъ родовыхъ и выслуженныхъ въ пожизненное владѣніе, или пока вдова не выйдетъ замужъ, или не пойдетъ въ монастырь; дочерямъ же выдавать выслуженныя и родовыя вотчины только тогда, когда сыновей не будетъ. А въ купленныхъ вотчинахъ жены признаются наслѣдницами наравнѣ съ дѣтьми, по жеребьямъ. Ежели же мужъ купленную вотчину отдастъ женѣ опричь дѣтей, то жена въ той вотчинѣ вольна и никому до той вотчины дѣла нѣтъ. 2-е, для выкупа родовыхъ вотчинъ Уложеніе назначаетъ прежнюю 40-лѣтнюю давность и съ соблюденіемъ всѣхъ тѣхъ правилъ, которыя утверждены прежними узаконеніями; въ вотчинахъ же купленныхъ ни въ какомъ случаѣ выкупа не допускаетъ. 3-е, Уложеніе запрещаетъ продавать, закладывать и отдавать на поминъ души вотчины въ монастыри, церкви и епископамъ. Кромѣ того, вотчинники, поступая въ монастырь сами, должны напередъ продать свои вотчины или передать ихъ родственникамъ.

Глава 18-я, о печатныхъ пошлинахъ. Здѣсь исчисляются подробно разные виды печатныхъ пошлинъ по Уложенію: 1) отъ выдачи разныхъ грамотъ, крѣпостей и записей на владѣніе помѣстными и вотчинными землями, въ этомъ разрядѣ пошлины опредѣляются четвертями земли; 2-й видъ печатныхъ пошлинъ составляли пошлины съ отдачи на откупъ казенныхъ сборовъ, здѣсь мѣрою были извѣстные проценты съ откупного рубля; 3-й видъ составляли пошлины со всякихъ исковыхъ и управныхъ дѣлъ, здѣсь печатныя пошлины разсчитывались смотря по дѣлу, по его цѣнѣ; 4-й и послѣдній видъ составляли пошлины отъ опредѣленія къ должностямъ и отъ выдачи привиллегій, здѣсь на каждый разрядъ грамотъ назначалась особая печатная пошлина.

Глава 19-я, о посадскихъ людяхъ. Уложеніе во 1-хъ, согласно съ прежними узаконеніями, отчисляетъ на государя всѣ принадлежащія частнымъ людямъ слободы въ городахъ, населенные ремесленниками и торговыми людьми, и обращаетъ на тяглыя городскія земли. Во 2-хъ, людей всѣхъ сословій, даже служилыхъ, живущихъ въ городахъ на

бѣлыхъ земляхъ, ежели они занимаются торговыми и другими городскими промыслами, отчисляетъ по промысламъ къ тяглымъ городскимъ людямъ и требуетъ, чтобы они по промысламъ тянули въ городское тягло наравнѣ съ тяглыми городскими людьми, исключая изъ этого правила только стрѣльцовъ, казаковъ и драгуновъ. Это узаконеніе было совершенно новое, имъ окончательно уничтожилось прежнее значеніе тяглыхъ городскихъ земель и положено начало болѣе свободному направленію городской жизни. Въ 3-хъ, согласно съ прежними узаконеніями, опредѣляетъ, чтобы при каждомъ городѣ была выгонная земля; а ежели гдѣ выгонною городскою землею завладѣли частные люди, то ее отъ нихъ отнимать и приписывать къ городу. Въ 4-хъ, Уложеніе, по старому порядку, требуетъ, чтобы всѣхъ посадскихъ людей, за кого либо заложившихся и перешедшихъ въ крестьяне, отыскивать и возвращать въ городъ въ тягло; къ старому порядку Уложеніе прибавляетъ вновь, что ежели посадскіе люди впредь будутъ закладываться, то бить ихъ кнутомъ и ссылать на житье въ Сибирь на Лену; а кто ихъ будетъ принимать къ себѣ въ крестьяне, у тѣхъ отнимать земли на государя. Въ 5-хъ, крестьянамъ, пріѣзжающимъ въ города съ своими товарами, дозволяется торговать только съ возовъ на рынкахъ, а не въ лавкахъ. Въ 6-хъ, посадскимъ людямъ, имѣющимъ свои дома и промыслы въ разныхъ городахъ, въ каждомъ городѣ нести особое тягло, смотря по двору и по промысламъ; таковаго узаконенія прежде не было.

Глава 20-я, о холопьемъ судѣ. 1) Уложеніе запрещаетъ принимать въ холопы боярскихъ дѣтей верстаныхъ и неверстаныхъ, посадскихъ и другихъ чиновъ людей, а также крестьянъ съ черныхъ и владѣльческихъ земель, а равнымъ образомъ бѣглыхъ холопей и крестьянъ; по Уложенію въ холопи принимаются только вольные люди и холопи съ отпускными отъ прежнихъ господъ. 2) Въ настоящей главѣ говорится о разныхъ крѣпостяхъ на холопство и о разныхъ видахъ холоповъ: полныхъ, докладныхъ, кабальныхъ и другихъ. 3) О судѣ надъ бѣглыми холопями. 4) Объ освобожденіи и отпускѣ холоповъ. Глава сія составлена преимущественно на основаніи прежнихъ узаконеній объ этомъ предметѣ.

Глава 21-я, о разбойныхъ и татебныхъ дѣлахъ. Здѣсь Уложеніе говоритъ во первыхъ, что разбойныя и татебныя дѣла въ Московскомъ уѣздѣ и въ другихъ городахъ и уѣздахъ вѣдомы въ Разбойномъ Приказѣ; мѣстный же разборъ разбойныхъ и татебныхъ дѣлъ въ самой Москвѣ принадлежитъ Земскому Двору; въ уѣздахъ же и городахъ, гдѣ есть губные старосты, вѣдать тѣ дѣла губнымъ старостамъ и цѣловальникамъ, а гдѣ старостъ нѣтъ, тамъ воеводамъ и приказнымъ людямъ. Далѣе, настоящая глава излагаетъ тѣ же правила, которыя помѣщены въ прежнемъ Разбойномъ Уставѣ и въ дополнительныхъ статьяхъ къ нему. Впрочемъ Уложеніе не вездѣ слѣдуетъ сему Уставу, особенно въ отношеніи къ назначенію наказаній, такъ напримѣръ, въ наказаніи татей: за первую татьбу Уложеніе, послѣ пытки, назначаетъ кнутъ, отрѣзаніе лѣваго уха, тюремное заключеніе, работу въ кандалахъ на два года, а послѣ двухлѣтней работы ссылку на жительство въ украинные города; за вторую татьбу также наказаніе кнутомъ, отрѣзаніе праваго уха, четырехлѣтнее заключеніе въ тюрь-

мѣ и работа въ кандалахъ, а потомъ ссылка на жительство въ украинные города; за третью татьбу—смертная казнь.

Глава 22-я, указъ за какія вины кому чинить смертную казнь, и за какія вины смертію не казнить, а чинить наказанье. 1) Смертная казнь назначается убійцамъ отца и матери, сестры, брата, господина, наругателямъ слугамъ, которые самовольно, зазвавъ посторонняго человѣка на господскій дворъ, изувѣчили бы его, заводчикамъ смутъ въ людяхъ, женамъ—убійцамъ своихъ мужей (живыхъ закапывать въ землю), мусульманамъ, которые бы привили русскаго человѣка въ свою вѣру (ихъ жечь), женщинамъ, которыя убьютъ свое незаконнорожденное дитя и вообще всѣмъ убійцамъ. 2) Наказаніе кнутомъ назначается: дѣтямъ непочтительнымъ къ родителямъ, развратителямъ и развратницамъ, а также тому, кто съ похвальбы, или съ пьянства, или съ умысломъ на лошади наскачетъ на чью жену и лошадью ее стопчетъ и изувѣчитъ, или обезчеститъ. 3) Назначается тюремное заключеніе на годъ и публичное исповѣданіе преступленія у церкви отцу, или матери, убившимъ сына, или дочь. 4) Отсѣченіе руки слугѣ, который подниметъ оружіе на господина. 5) Наругателямъ, кто кому отсѣчетъ руку, или ногу, или сдѣлаетъ другое какое увѣчье, сдѣлать таковое же наругательство надъ самимъ, и сверхъ того за каждое увѣчье пеня въ 50 руб.

Глава 23-я, о стрѣльцахъ. Глава сія составлена на основаніи узаконенія 1609 года, по которому предписывается судить стрѣльцовъ въ Стрѣлецкомъ Приказѣ во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ разбоя и татьбы съ поличнымъ. Ежели же стрѣлецъ будетъ искать не на стрѣльцѣ въ другомъ Приказѣ, то онъ не иначе можетъ искать, какъ по подписной челобитной изъ Стрѣлецкаго Приказа. Ежели стрѣлецъ будетъ искать на стрѣльцѣ же своего безчестья или безчестья своей жены, а виноватый по суду скажетъ, что платить ему нечѣмъ и будетъ просить о наказаньи, то бить его кнутомъ.

Глава 24-я, о атаманахъ и казакахъ. По Уложенію съ атамановъ и казаковъ узаконено не брать пошлинъ по суднымъ дѣламъ, ежели искъ не будетъ превышать 12 рублей. А за безчестье атаманамъ и казакамъ взыскивать по ихъ денежнымъ окладамъ, а которымъ идетъ кормъ, тѣмъ за безчестье править по пяти рублей. Кузнецкимъ старостамъ самопальнаго дѣла править безчестье по 5 руб., а рядовымъ самопальнымъ кузнецамъ по 4 руб. Къ этой главѣ присоединена законная оцѣнка животныхъ и хлѣба по исковымъ челобитнымъ.

Глава 25-я. Указъ о корчмахъ. Уложеніе запрещаетъ торговать виномъ не на кружечныхъ дворахъ, а также держать у себя и продавать табакъ, и назначаетъ правила, какъ судить за корчемство и чѣмъ наказывать корчемниковъ и табачниковъ. Правила о преслѣдованіи неправильной торговли виномъ составлены по узаконеніямъ царей—Ѳедора Ивановича и Бориса Ѳедоровича; по этимъ правиламъ наказываются штрафами, какъ продавцы, такъ и покупатели корчемнаго вина; наказаніе увеличивается, смотря по тому—сколько разъ кто попался въ корчемствѣ. Правила о преслѣдованіи торговли табакомъ составлены на основаніи указа 1632 года, по которому русскимъ людямъ и иноземцамъ настрого запрещено держать у себя табакъ, а ослушникамъ назначено наказаніе безъ пощады подъ смертною казнію,

и дворы ихъ и животы отбирать въ казну. На основанiи этого указа, Уложенiе узаконяетъ: которые люди съ табакомъ будутъ въ приводѣ дважды или трижды, и тѣхъ людей пытать и не единова, и бить кнутомъ на козлѣ, или по торгамъ; а за многiе приводы у тѣхъ людей пороть ноздри и рѣзать носы, а послѣ пытокъ и наказанiя ссылать въ дальнiе города. Главный судъ и управа по корчемнымъ дѣламъ, какъ въ винѣ, такъ и въ табакѣ, былъ назначенъ въ Новой Четверти, въ которой вѣдались всѣ сборы по виннымъ откупамъ, а по городамъ судили корчемниковъ воеводы въ приказныхъ избахъ. А для надзора за корчемниками и табачниками были учреждены особые объѣзжiе головы съ опредѣленнымъ числомъ боярскихъ дѣтей, какъ полицейскихъ служителей. Кромѣ того по городамъ и слободамъ черные тяглые люди для корчемной вымки должны каждогодно выбирать особыхъ десятскихъ и выборы ихъ присылать въ Новую Четверть.

Кормчая. Черезъ годъ по изданiи Уложенiя, царь Алексѣй Михайловичъ по совѣту съ патрiархомъ Iосифомъ повелѣлъ приступить къ изданiю Кормчей или Номоканона, для руководства въ судѣ и управленiи церковномъ. При изданiи сей важной книги, поставлено было правиломъ — собрать всѣ древнiя рукописи Кормчей въ Русской землѣ, по собранiи сличить и повѣрить по греческой Кормчей древнѣйшаго письма, полученной отъ бывшаго тогда въ Москвѣ патрiарха Iерусалимскаго Паисiя. Кормчая сiя пересматривалась, повѣрялась и печаталась около четырехъ лѣтъ, такъ что патрiархъ Iосифъ, начавшiй это дѣло, скончался, не дождавшись окончанiя, и книга была издана уже при патрiархѣ Никонѣ, въ 1653 году. Печатная Кормчая, временъ Алексѣя Михайловича, состоитъ изъ семидесяти главъ; въ нее вошли только всѣ тѣ правила святыхъ отецъ и церковно-гражданскiе законы, которые находились въ греческихъ Кормчихъ, или вообще тѣ, которые въ разное время были принесены въ Россiю изъ Грецiи, помѣщались прежде въ разныхъ рукописныхъ Кормчихъ; всѣ же статьи и правила чисто русскiя, помѣщавшiяся прежде въ рукописныхъ Кормчихъ, въ печатную не вошли, въ ней даже ни упоминается ни о Стоглавѣ, ни о другихъ соборныхъ дѣянiяхъ, бывшихъ въ разное время въ Россiи, какъ будто бы ихъ вовсе никогда не было и какъ будто бы русская церковь постоянно управлялась только правилами греческихъ Кормчихъ. Не въ ряду церковныхъ правилъ, а только въ видѣ предисловiя, помѣщено соборное дѣянiе собора, бывшаго въ Москвѣ въ 1589 году, объ учрежденiи патрiаршества въ Россiи и сказанiе объ избранiи въ патрiархи митрополита Ростовскаго, Филарета, въ 1619 году.

Причина такого неожиданнаго отступленiя отъ всѣхъ русскихъ правилъ заключается въ томъ, что въ то время были большiе споры и недоумѣнiя, произведенные въ русской церкви исправленiемъ церковныхъ книгъ и введенiемъ книгопечатанiя. Пока не было книгопечатанiя, церковныя книги списывались не всегда единообразно, иногда отъ неразборчивости подлинниковъ, а иногда отъ ошибки и небрежности писцовъ; когда же, съ введенiемъ книгопечатанiя и по опредѣленiю Стоглаваго Собора, разнообразiе списковъ церковныхъ книгъ должно было уничтожиться, ибо Стоглавомъ было узаконено неисправленныхъ книгъ въ церкви не отдавать и частнымъ людямъ не про-

давать, то многіе привыкшіе къ старымъ книгамъ, не находя въ новыхъ печатныхъ книгахъ, или въ исправленныхъ рукописныхъ, тѣхъ особенностей, которыя привыкли видѣть въ старыхъ неисправленныхъ, стали называть новыя, исправленныя книги испорченными, несогласными съ древнимъ правовѣріемъ. Глухой ропотъ и неудовольствія на исправленіе книгъ нерѣдко обнаруживались смутами въ народѣ. Такъ напримѣръ, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича московскіе хлѣбники и калачники, смущенные злоумышленными людьми, возстали на знаменитаго Троицкаго архимандрита, Діонисія, и, называя его еретикомъ за то, что онъ по должности исправителя новопечатныхъ книгъ нашелъ нужнымъ уничтожить въ молитвѣ на водоосвященіе прибавленное самовольно переписчиками слово *и огнемъ*, бѣгали по улицамъ и кричали: „новый еретикъ хочетъ огонь изъ міра вывести, чѣмъ же мы будемъ хлѣбы и калачи печь“, и искали убить знаменитаго старца. Чтобы прекратить такіе безпорядки и смущенія, духовное правительство и государи Московскіе старались привести исправленіе книгъ къ скорѣйшему окончанію, особенно усерденъ былъ въ этомъ дѣлѣ современникъ царя Алексѣя Михайловича, патріархъ Іосифъ, при которомъ началось печатаніе Кормчей книги. Но, къ сожалѣнію, приготовительныя познанія и вообще образованіе патріарха Іосифа далеко не соотвѣтствовали его усердію въ этомъ дѣлѣ, требовавшемъ преимущественно познаній и образованія, что чистосердечно сознавалъ и самъ патріархъ Іосифъ, страдавшій притомъ слабостію характера, почему онъ, волей-не-волей, долженъ былъ подчиниться постороннему вліянію и болѣе или менѣе слѣдовать внушенію авторитетовъ, а, конечно, въ дѣлѣ Кормчей лучшими авторитетами для него казались Греки. Желая исправленіе книгъ привести къ возможно совершеннѣйшему окончанію, патріархъ Іосифъ послалъ нѣкоторыхъ довѣренныхъ людей въ Грецію, чтобы подробнѣе узнать о чинѣ богослуженія и другихъ церковныхъ порядкахъ въ тамошнихъ церквахъ и знаменитыхъ монастыряхъ, а при исправленіи и печатаніи Кормчей онъ преимущественно совѣтывался съ бывшимъ тогда Іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ, отъ котораго и получилъ древнюю греческую Кормчую для нужнаго руководства и справокъ. Паисій же, не зная церковныхъ правилъ и соборныхъ постановленій, бывшихъ въ Россіи, и можетъ быть, по обычаю греческихъ духовныхъ лицъ, питая къ нимъ презрѣніе, естественно присовѣтовалъ Іосифу при изданіи Кормчей ограничиться одними древними греческими церковными постановленіями, всѣ же русскія прибавленія, какъ излишнія новшества, производящія только смуты въ русской церкви, изъ Кормчей исключить. Такимъ образомъ, всѣ русскія церковныя постановленія были исключены изъ печатной Кормчей книги. Впрочемъ, можетъ быть патріархъ Іосифъ думалъ современемъ издать особо Стоглавъ и всѣ соборныя постановленія и церковныя правила Святыхъ отцовъ и учителей Русской церкви. Но, какъ бы то ни было, изданіемъ Кормчей въ томъ видѣ, какъ она напечатана, положено начало отстраненія старыхъ русскихъ церковныхъ правилъ изъ каноническаго русскаго права, хотя правила сіи по частямъ, на практикѣ, еще долго дѣйствовали въ русской церкви, почти до половины XVIII столѣтія.

Составъ печатной Кормчей слѣдующій. Она раздѣляется на двѣ книги или части. Статьи первой части слѣдующія: 1) сказаніе о седми Вселенскихъ соборахъ и сказаніе о всѣхъ святыхъ соборахъ; 2) Номоканонъ Фотія, раздѣленный на 14 граней; 3) Апостольскія правила, занимающія четыре первыя главы Кормчей; 4) правила седми Вселенскихъ Соборовъ и нѣкоторыхъ соборовъ помѣстныхъ съ толкованіями Аристина, занимаютъ слѣдующія 16 главъ Кормчей; 5) церковныя правила святыхъ отцовъ и учителей греческой церкви: Василія Великаго, Діонисія, Петра, Аѳонасія, Тимоѳея, Ѳеофила и Кирилла—архіепископовъ Александрійскихъ, Григорія Неокесарійскаго, Григорія Нисскаго, Амѳилохія Иконійскаго, Димитрія Кизическаго и Черноризца Нила; они занимаютъ слѣдующія 20 главъ Кормчей. Часть вторая: глава 42—извлеченіе изъ Юстиніановыхъ Новеллъ о поставленіи епископовъ и причетниковъ; глава 43 — Новеллы императора Алексѣя Комнена; глава 44—отъ различныхъ граней изъ Юстиніановыхъ Новеллъ, собственно открывокъ изложенія Фотіева Номоканона; глава 45—выборъ изъ Моисеева Закона, даннаго израильтянамъ; глава 46—Законъ Судный людемъ; глава 48 и 49 - Прохиронъ Василія Македонянина и Леона Премудраго главы о бракѣ,—это собственно извлеченія изъ Эклоги Льва Философа; глава 50 и 51—узаконенія относительно браковъ. Слѣдующія затѣмъ 20 главъ излагаютъ разные вопросы и отвѣты, относящіеся собственно до церковныхъ уставовъ, напримѣръ: о хиротоніи, о законахъ инокамъ и инокинямъ, о правилахъ принятія еретиковъ въ православпую церковь и т. п.

Новоторговый Уставъ 1667 года. Послѣ изданія Кормчей замѣчательнѣйшимъ узаконеніемъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича былъ Новоторговый Уставъ. Исторія изданія этого Устава была слѣдующая: гости, гостиной сотни и черныхъ слободъ торговые люди подали государю докладную выписку, въ которой, во 1-хъ, жаловались, что иноземцы въ торгахъ своихъ обижаютъ русскихъ торговцевъ, привозятъ худые и поддѣльные товары и что торговые русскіе люди разоряются въ государевыхъ заповѣдяхъ и промыслахъ, которые страшно стѣсняютъ русскую торговлю, и во 2-хъ, просили чтобы торги были свободны и производились согласно съ составленными московскимъ купечествомъ уставными статьями, которыя при докладѣ и были представлены государю. Царь Алексѣй Михайловичъ вмѣстѣ съ своими боярами, разсмотрѣвши уставныя статьи, представленныя торговыми людьми, утвердилъ ихъ и повелѣлъ руководствоваться ими въ торговлѣ. Главное содержаніе сихъ статей, составляющихъ Новоторговый Уставъ, было слѣдующее. Они излагаютъ особыя правила для разныхъ видовъ иноземной торговли, по народамъ: во 1-хъ, съ западными европейцами въ Архангельскѣ, Псковѣ и Новгородѣ; во 2-хъ, съ Персіею, Бухарою, Индіей и Кавказомъ, въ Астрахани: во 3-хъ, съ народами живущими у Чернаго Моря, въ Путивлѣ, и въ 4-хъ, съ Литвою и Польшею, въ Смоленскѣ. Главнымъ пунктомъ торговли съ западными европейцами по Новоторговому Уставу былъ городъ Архангельскъ; порядокъ иноземной торговли по Уставу долженъ быть слѣдующій: а) передъ Архангельскомъ въ устьѣ Двины должно сдѣлать шанцы и въ нихъ построить дворъ, каждый корабельщикъ долженъ съ своимъ кораблемъ остановиться въ пристани и подать начальнику двора рос-

пись товарамъ и какъ кораблю имя, и къ какому иноземцу онъ присланъ; начальникъ же, оставивъ у себя роспись за корабельщиковою рукою, дастъ ему другую за своею рукою и отпуститъ въ Архангельскъ. Въ Архангельскѣ корабельщикъ является въ таможню къ московскому гостю, таможенному начальнику, и подаетъ роспись, которую гость запишетъ въ книги имянно. А когда иноземецъ захочетъ свои товары выгрузить съ корабля на берегъ, то долженъ подать гостю въ таможнѣ роспись, сколько онъ выгрузитъ товара; гость запишетъ роспись въ книги. и по досмотрѣ товаровъ и по запискѣ въ книги дозволяетъ выгружать. А при мѣнѣ русскихъ товаровъ на нѣмецкіе и при покупкѣ нѣмецкихъ товаровъ должны присутствовать голова и цѣловальники, дабы досматривать на товарахъ клейма, печати и другіе признаки, чтобы знать изъ какого города и чьего мастерства товаръ, и клейма и печати писать въ книги, дабы въ случаѣ поддѣлки потомъ писать въ то государство, чтобы худыхъ товаровъ не посылали, а худые товары, обличивъ на весь свѣтъ, съ безчестьемъ отослать съ ярмарки. А также имѣть строгій надзоръ, чтобы русскіе товары въ продажѣ и въ мѣнѣ были добрые и въ счетѣ и въ вѣсу прямые. б) При запискѣ товаровъ въ книги платить въ казну съ продажной цѣны съ вѣсчихъ товаровъ по 10 денегъ съ рубля, а съ невѣсчихъ по 8 денегъ съ рубля, съ денегъ привезенныхъ на покупку товаровъ брать по 8 денегъ съ рубля; всѣ товары при продажѣ вѣшать въ рядахъ на казенныхъ вѣсахъ, а не по лавкамъ, съ заморскихъ винъ съ однихъ сортовъ брать по 60 ефимковъ съ бочки, а съ другихъ— по 40 ефимиковъ, на церковныя же французскія вина оставить прежнюю пошлину по 6 ефимиковъ, съ бочки; на сахаръ головной по рублю съ пуда, на красный леденецъ по 40 алтынъ, на бѣлый—полтора рубля. И отпускать сіи товары въ русскіе города не иначе, какъ по уплатѣ полной пошлины въ Архангельскѣ. в) Иноземецъ, желая везти изъ Архангельска свои товары въ русскіе города, долженъ подать въ таможнѣ роспись своимъ товарамъ за своею рукою; роспись эта записывается въ таможенныя книги, и по досмотрѣ товаровъ по росписи и по приложеніи къ товарамъ таможенной печати, выдается иноземцу проѣзжая выпись съ прописаніемъ сколько отпускается товаровъ мѣрою, вѣсомъ и счетомъ. г) Золотые и ефимки привозимые иноземцами, не облагаются никакою пошлиною; но иноземецъ, привезшій иностранныя деньги, долженъ немедленно въ порубежномъ городѣ отдать ихъ въ государеву казну, откуда выдадутъ ему русскими деньгами— за золотой по рублю, за любскій ефимокъ, которыхъ по четырнадцати въ фунтѣ, по полтинѣ. Наконецъ, д) ежели у иноземцевъ на корабляхъ у Архангельска останутся непроданные товары, то съ нихъ напередъ должно брать пошлину, хотя они и непроданы, чтобы иноземцы по прежнему обычаю не передавали тѣхъ товаровъ тайно въ подрядъ русскимъ людямъ, дабы такимъ образомъ избѣжать платежа таможныхъ пошлинъ.

Въ торговлѣ съ иноземцами, пріѣзжающими съ азіатской границы, Новоторговый Уставъ полагаетъ слѣдующія правила: а) ежели Персы, Индійцы, Бухарцы, Армяне и горцы захотятъ везти свои товары изъ Астрахани въ Москву и другіе города, то брать съ нихъ пошлины по гривнѣ съ рубля, а ежели станутъ торговать въ Астрахани, то

брать съ нихъ только по десяти денегъ съ рубля; б) когда же они повезутъ изъ Москвы и изъ другихъ городовъ товары въ свою сторону, то брать съ нихъ проѣзжую пошлину по гривнѣ съ рубля въ Астрахани и досматривать, чтобы они не вывозили лишнихъ товаровъ противъ таможенныхъ выписей; в) золотыхъ и ефимковъ азіатцамъ у русскихъ людей не покупать и русскимъ людямъ азіатцамъ не продавать, а ежели у нихъ сыщутъ золотые и ефимки, то отбирать на государя безъ платы за это русскими деньгами.

Въ Путивлѣ: а) съ Грековъ, Волоховъ и другихъ тамошнихъ иноземцевъ брать привозныя пошлины съ ихъ товаровъ по гривнѣ съ рубля; б) а ежели они будутъ торговать въ Путивлѣ на золотые и ефимки, то пошлины съ нихъ не брать; а золотые и ефимки у нихъ брать въ государеву казну, а имъ выдавать русскими деньгами — за золотой по рублю, а за ефимокъ—по полтинѣ; в) ежели они въ Путивлѣ будутъ мѣнять свои товары на русскіе, то брать съ нихъ пошлины по 10 денегъ съ рубля.

Вообще о торговлѣ иноземцевъ. Иноземцамъ всѣхъ земель никакимъ заморскимъ товаромъ въ розницу не торговать, и по ярмаркамъ ни въ какіе города съ товарами и деньгами не ѣздить и приказчиковъ не посылать. А отъ города Архангельска, изъ Пскова и Новгорода пропускать въ русскіе города только тѣхъ иноземцевъ, у которыхъ будутъ государевы жалованныя грамоты о торгахъ за красною печатью. А узорочные товары въ государеву казну и заморскія вина на государевъ обиходъ по порядку покупать, кому государь укажетъ, и отправлять въ Москву съ русскими людьми, а не съ иноземцами.

О торговлѣ Русскихъ людей. а) Кто, купецкихъ всякихъ чиновъ люди, станутъ своими товарами торговать у города Архангельска съ русскими людьми и съ иноземцами, имъ всѣ свои торги записывать въ таможнѣ, въ книги, и къ тѣмъ торгамъ прикладывать свои руки; б) съ продажи всякихъ товаровъ русскимъ людямъ платить пошлину съ вѣсчихъ товаровъ по 10 денегъ съ рубля, съ невѣсчихъ по 8 денегъ съ рубля, съ денегъ, привозимыхъ торговцами на покупку товаровъ, также по 8 денегъ съ рубля; в) при отвозѣ товаровъ изъ Архангельска въ русскіе города, прежде нагрузки въ суда, должно приносить къ гостю роспись всѣмъ товарамъ поимянно; по этой росписи гость, досмотрѣвъ товары, записываетъ роспись въ книги и, приложивъ къ ней печать и подписавъ ее, отдаетъ хозяину товара, не требуя никакихъ отвозныхъ пошлинъ. А у кого изъ русскихъ людей останутся какіе товары непроданными, то съ тѣхъ непроданныхъ товаровъ пошлинъ въ томъ году не брать, а записать тѣ товары на новый годъ въ осталые, и взять съ нихъ пошлину, когда будутъ проданы; г) когда торговые русскіе люди повезутъ свои товары, то по дорогѣ ни въ какихъ городахъ никакихъ проѣзжихъ пошлинъ съ нихъ не брать, и по городамъ воеводамъ и таможеннымъ головамъ на проѣздѣ ихъ нигдѣ не задерживать, и вольно имъ нанимать извозчиковъ и всякихъ рабочихъ людей безъ воеводскаго вѣдома; д) всѣ товары при продажѣ вѣшать въ рядахъ на казенныхъ вѣсахъ, а не по лавкамъ и въ домахъ; е) который купецъ, живучи въ Москвѣ и въ городахъ, купитъ въ своемъ городѣ какой ни есть товаръ, и ему съ того товара пошлинъ не платить, потому что торговые люди, живучи въ

своихъ городахъ, съ своихъ торговъ всякія службы служатъ и подати платятъ, а платятъ торговыя пошлины тѣ люди, которые привозятъ изъ иныхъ городовъ.

Объ управѣ русскихъ торговыхъ людей. 1) Во избѣжаніе волокиты по разнымъ приказамъ всѣхъ купецкихъ людей вѣдать въ одномъ пристойномъ приказѣ, гдѣ государь укажетъ своему боярину, и чтобы этотъ приказъ во всѣхъ городахъ былъ защитою и управою купецкимъ людямъ отъ воеводскихъ налогъ; и на кого бы купецкіе люди не стали бить челомъ, судъ и управу на тѣхъ людей давать только въ этомъ одномъ приказѣ. 2) Въ случаѣ жалобъ купецкихъ людей на извозчиковъ въ недовозѣ и пропажѣ товаровъ противъ записей, по записямъ симъ давать судъ и полную расправу въ Москвѣ и по городамъ таможеннымъ головамъ на всѣхъ извозчиковъ, чей бы кто ни былъ. 3) По всѣмъ городамъ въ торговыхъ дѣлахъ судъ и управу чинить выборнымъ таможеннымъ головамъ, а воеводамъ въ тѣ дѣла не вступаться. 4) Всякихъ ремесленныхъ и торговыхъ людей—прихожихъ и пріѣзжихъ по городамъ и въ слободахъ безъ явки и безъ записей не держать, и смотрѣть за этимъ сотскимъ и десятскимъ. А кто прихожій скажется, какимъ ремесломъ или торговымъ промысломъ захочетъ кормиться, то въ тотъ бы чинъ записался и далъ бы за себя поручную запись. А также товаровъ мимо обычныхъ рядовъ и лавокъ въ порозжихъ мѣстахъ нигдѣ не продавать.

Этотъ Новоторговый Уставъ, составленный самими купцами, по утвержденіи его государемъ и боярами, вслѣдъ за тѣмъ приведенъ былъ въ исполненіе, но, кажется, только относительно сбора торговыхъ пошлинъ, относительно же введенія новой купеческой управы въ особомъ приказѣ никакихъ извѣстій не имѣется. Что же касается до охраненія интересовъ русскихъ торговыхъ людей въ сношеніяхъ съ иноземными торговцами, то это охраненіе въ томъ же 1667 году, прямо въ нарушеніе Новоторговаго Устава, было упущено изъ виду при заключеніи договора съ армянскою компаніею, производившею торговлю шелкомъ. По этому договору армянская компанія получила право провозить свои товары черезъ Россію къ Архангельскому порту и вступать въ непосредственныя сношенія съ иноземцами, пріѣзжающими въ Архангельскъ, и продавать имъ товары мимо русскихъ торговцевъ; поэтому въ 1672 году русскіе торговцы подавали объясненіе государю, въ которомъ просили, чтобы, согласно съ правилами Новоторговаго Устава, запрещено было Персамъ, Армянамъ, Бухарцамъ и Индійцамъ продавать свои товары Нѣмцамъ, Грекамъ и другимъ иноземцамъ, пріѣзжающимъ въ Россію, а продавать бы тѣ товары русскимъ торговымъ людямъ повольною цѣною. Но прошеніе русскихъ торговыхъ людей не было удовлетворено: выгоды доставляемыя въ казну отъ пошлинъ, собираемыхъ съ привозимыхъ Армянами товаровъ, перевѣсили интересы русскаго купечества, и въ 1673 году снова былъ подтвержденъ прежній договоръ съ армянскою компаніею, по которому попрежнему ей предоставлено было право свободно продавать свои товары иноземцамъ и даже отвозить ихъ за море въ другія государства, за что Армяне обѣщали весь свой торгъ шелкомъ и другими персидскими товарами вести черезъ Россію, а всѣ другіе торговые пути съ Западною Европою прекратить; русское же правительство

обязалось охранять армянскіе караваны при проходѣ черезъ Русскую землю, и съ тѣхъ товаровъ, которые въ дорогѣ какимъ нибудь образомъ утеряются, проѣзжія пошлины скидывать.

Дѣянія Московскаго Собора 1667 года. Соборъ 1667 года, подобно московскому собору 1551 года, собравшійся по царскому приглашенію для исправленія нѣкоторыхъ неустройствъ церковныхъ и для принаровленія правилъ греческаго Номоканона къ потребностямъ русской церкви, былъ открытъ патріархами Паисіемъ Александрійскимъ, Макаріемъ Антіохійскимъ и Іосафомъ Московскимъ съ митрополитами, архіепископами и епископами. На этомъ соборѣ особенно замѣчательны постановленія о судѣ церковномъ и о управленіи. Въ первомъ отдѣленіи предписывается, согласно съ прежними русскими правилами и на основаніи церковныхъ постановленій, чтобы патріархъ и архіереи въ своихъ епархіяхъ имѣли церковныя судилища, въ которыхъ судьями были бы архимандриты и другія духовныя лица, и чтобы священники, монахи и причетники отнюдь не подвергались свѣтскому суду въ духовныхъ дѣлахъ; а также и мірскіе люди въ дѣлахъ духовныхъ, т. е. по бракамъ и духовнымъ завѣщаніямъ, судились бы въ духовномъ судѣ. Согласно съ прежними русскими обычаями, предписывается при патріаршемъ и архіерейскихъ домахъ имѣть и свѣтскій судъ, подъ предсѣдательствомъ боярина патріаршаго или архіерейскаго; но этотъ судъ ограниченъ только духовными дѣлами мірскихъ людей, которые бываютъ между мужскимъ и женскимъ поломъ; всѣ же прочія судебныя дѣла, прежде подвѣдомыя суду на патріаршемъ, или архіерейскомъ дворѣ, согласно съ XIII главою Уложенія, утверждены за Монастырскимъ Приказомъ, и, такимъ образомъ, такъ называемый святительскій судъ, бывшій на Руси въ прежнее время и подробно изложенный въ Стоглавѣ, по настоящему соборному дѣянію совершенно утратилъ свое прежнее значеніе.

Второе отдѣленіе—о церковномъ управленіи. Здѣсь, во 1-хъ, запрещается посвящать въ священныя должности и постригать въ монашество боярскихъ людей и крестьянъ безъ отпускныхъ. Во 2-хъ, боярскіе люди или крестьяне, по челобитью господъ посвященные во священники или діаконы, признаются свободными со всѣми дѣтьми, рожденными послѣ посвященія, дѣти же, рожденныя до посвященія, остаются за господами. Въ 3-хъ, отмѣняется прежнее русское правило, утвержденное Стоглавомъ, по которому вдовствующимъ священникамъ и діаконамъ запрещено было совершать литургію. Настоящій соборъ, на основаніи греческихъ церковныхъ правилъ, оставляетъ вдовствующихъ священниковъ и діаконовъ при прежнихъ церквахъ, къ которымъ они посвящены, съ полнымъ правомъ священнослуженія и только требуетъ отъ нихъ незазорнаго житія.

Соборъ 1667 года, какъ видно изъ содержанія его дѣяній, постоянно держался одного правила, замѣченнаго уже мною въ обзорѣ Кормчей, напечатанной въ 1653 году; правило это состояло въ томъ, чтобы утверждаться только на однихъ греческихъ Номоканонахъ и отвергать всѣ прежнія русскія соборныя дѣянія и правила, даже не упоминать объ нихъ, какъ будто-бы они вовсе не существовали. Въ настоящемъ соборѣ это новое направленіе высказалось гораздо яснѣе, нежели въ изданіи Кормчей; здѣсь всѣ чисто русскіе вопросы и недо-

умѣнія, неизвѣстные древней Византіи, сколько возможно объясняются на основаніи византійскихъ Номокановъ, или подчиняются Уложенію царя Алексѣя Михайловича. Соборъ явно отступился отъ всей прежней исторіи русской церкви, призналъ дѣянія московскаго собора 1551 года неправильными и въ своемъ опредѣленіи прямо написалъ: „и той Соборъ не въ соборъ и клятва не въ клятву, и не во что же вмѣняетъ, якоже и не бысть“.

Новоуказныя статьи о татебныхъ, разбойныхъ и убивственныхъ дѣлахъ, изданныя въ 1669 году 22 января. Статьи сіи раздѣляются на четыре отдѣленія. Въ первомъ отдѣленіи говорится объ общемъ устройствѣ суда по татиннымъ, разбойнымъ и убивственнымъ дѣламъ. Судоустройство это по новоуказнымъ статьямъ является совершенно измѣненнымъ въ своемъ характерѣ въ отмѣну Уложенія и всѣхъ древнихъ русскихъ узаконеній. Въ древней Россіи судъ по губнымъ дѣламъ преимущественно принадлежалъ земщинѣ и былъ сперва по Русской Правдѣ на непосредственной отвѣтственности общинъ или вервей, потомъ съ Іоанна IV перешелъ въ вѣдѣніе выборныхъ губныхъ старостъ, за которыми оставался и по Уложенію. По новоуказнымъ же статьямъ къ выборному началу присоединилось начало приказное и главный надзоръ порученъ лицамъ, назначеннымъ отъ правительства, сыщикамъ, которымъ подчинены и губные старосты. Городскіе воеводы, по Уложенію иногда еще принимавшіе участіе въ губныхъ дѣлахъ, по новоуказнымъ статьямъ совершенно отдалены отъ этого дѣла; въ статьяхъ прямо сказано: „а воеводамъ въ городахъ такихъ дѣлъ ни въ чемъ не вѣдать; а вѣдать дѣла сіи сыщикомъ и губнымъ старостамъ по наказамъ изъ Разбойнаго Приказа“.

Губные старосты по прежнему порядку выбирались всѣмъ уѣздомъ, всѣми сословіями, изъ прожиточныхъ дворянъ, или по крайней мѣрѣ изъ боярскихъ дѣтей; выборы велѣно присылать въ Москву въ Разбойный Приказъ; самимъ выборнымъ въ Москву не ѣздить, а приводить ихъ къ вѣрѣ и давать наказныя памяти Разбойнаго Приказа сыщикамъ по городамъ, и быть имъ у сыщиковъ въ послушаньи. Губные цѣловальники вовсе отмѣняются, также отмѣняются выборные цѣловальники у тюремъ; вмѣсто первыхъ назначаются губные дьячки, состоящіе въ полной зависимости отъ сыщиковъ, а на мѣсто вторыхъ— стрѣльцы и наемные сторожа за поруками. Сыщики судятъ губныхъ старостъ, дьячковъ и сторожей въ истцовыхъ искахъ, и даютъ имъ очныя ставки, и по тѣмъ судебнымъ дѣламъ чинятъ указъ по Уложенью. Такимъ образомъ, по новому устройству судъ по губнымъ дѣламъ поступаетъ въ полную зависимость отъ сыщиковъ и выборные старосты являются не болѣе, какъ подчиненными исполнителями.

Отдѣленіе второе говоритъ собственно о татинныхъ дѣлахъ. Въ судѣ надъ татями, также какъ и въ общемъ судопроизводствѣ по губнымъ дѣламъ, настоящія статьи представляютъ много измѣненій противъ Уложенія; въ нихъ значительно уже измѣнена прежняя строгость и жестокость. По Уложенію, приведеннаго въ первой татьбѣ, предписывается прямо пытать, потомъ послѣ пытки за первую татьбу бить кнутомъ, отрѣзать лѣвое ухо, посадить въ тюрьму на два года и потомъ сослать на жительство въ украинные города. По новоуказнымъ же статьямъ: ежели приведенный въ губу тать въ разспросѣ

повинится въ первой татьбѣ, то его не пытать въ иныхъ татьбахъ, а только разспрашивать накрѣпко и посадить въ тюрьму на двѣ недѣли; и ежели въ эти двѣ недѣли будутъ на него новые челобитчики въ иныхъ татьбахъ съ явными уликами, то тогда его уже пытать; а ежели новыхъ челобитчиковъ не будетъ съ явными уликами, то, бивъ кнутомъ, отсѣчь два меньшіе пальца лѣвой руки и освободить съ порукою, что ему впредь не воровать. А ежели по нихъ порукъ не будетъ, что отпускать ихъ и безъ порукъ и выдавать имъ письмо за сыщиковою рукою, чтобы шли на старину, гдѣ прежде за кѣмъ жили, а на воровствѣ нигдѣ бы потомъ не объявлялись; и таковыхъ, отпущенныхъ съ сыщиковымъ письмомъ, держать на старыхъ мѣстахъ безпенно. А которые казненные вновь объявятся на воровствѣ, таковымъ отсѣчь по рукѣ и по ногѣ. А которые объявятся на первой татьбѣ и въ разспросѣ скажутъ, что они гулящіе люди и ни за кѣмъ не записаны, таковыхъ, по учиненномъ наказаніи, отсылать въ Разбойный Приказъ, въ Москву и оттуда уже ссылать на жительство въ Сибирь.

По Уложенію, повинившагося въ двухъ татьбахъ назначалось бить кнутомъ, отрѣзать ему правое ухо, посадить въ тюрьму на четыре года и потомъ сослать въ украинные города. А по новоуказнымъ статьямъ за двѣ татьбы положено бить кнутомъ и, отрѣзавъ лѣвую руку по запястье, освободить на поруки; а порукъ не будетъ—отпустить съ письмомъ сыщика на старое мѣсто жительство, имѣніе же его отдать истцамъ въ выти. А за третью татьбу новоуказныя статьи, согласно съ Уложеніемъ, назначаютъ смерную казнь, а имѣніе истцамъ въ выти.

Въ этомъ же отдѣленіи помѣщены статьи о правежѣ исковъ. Ежели какіе люди сидятъ въ тюрьмѣ, а изъ тюрьмы истцовы иски на нихъ правятъ, а истцовъ у правежу нѣтъ, а сидятъ они въ тюрьмѣ лѣтъ по пяти и больше,—таковыхъ отдавать на статные поруки, чтобы имъ стать къ суду, когда спросятъ. А кому служилымъ людямъ: дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ и стрѣльцамъ съ правежу откупаться будетъ не чѣмъ, на тѣхъ просить долговыя деньги послѣ указнаго мѣсяца безъ всякой пощады, а истцамъ головою не отдавать. А прочихъ служилыхъ людей послѣ указнаго мѣсяца отдавать истцамъ головою до искупу безъ женъ, а работать имъ за пять рублевъ по году; а кому они будутъ выданы, и по тѣхъ людей взять поруки, чтобы ихъ не убить и не изувѣчить. А дворянъ и дѣтей боярскихъ держать на правежѣ, пока съ должникомъ не раздѣлаются. А за стрѣльцевъ платить долги изъ государева денежнаго жалованья, по 4 рубля на годъ.

Отдѣленіе третье—о разбойныхъ дѣлахъ. 1) Буде приведутъ разбойника, и его пытать, и съ пытки повинится, что онъ разбивалъ впервые, а убивства не учинилъ, и ему чинить указъ какъ и татю въ первой татьбѣ. А которые разбойники попадутся или повинятся съ пытокъ въ двухъ разбояхъ, тѣхъ казнить смертію; также казнить смертію и тѣхъ разбойниковъ, которые были хотя и въ одномъ разбоѣ, но на этомъ разбоѣ учинили убійство, или пожгли дворы и хлѣбъ. А которые разбойники съ пытокъ повинятся во многихъ разбояхъ и будутъ сказывать о своихъ товарищахъ, а товарищевъ ихъ въ сыску

въ ту пору не будетъ, смертную казнь таковымъ разбойникамъ откладывать на мѣсяцъ; а въ продолженіе мѣсяца товарищей не сыщутъ, и разбойниковъ, не откладывая, казнить смертію. По Уложенію срокъ на отысканіе товарищей былъ назначенъ полгода. Которые разбойники съ пытки, сидя двѣ недѣли въ тюрьмѣ, не будутъ говорить разбоя на иныхъ людей, а послѣ двухъ недѣль станутъ на кого говорить, и ихъ оговорамъ не вѣрить. Далѣе говорится объ удовлетвореніи истцовъ изъ разбойныхъ животовъ совершенно согласно съ Уложеніемъ и съ Разбойнымъ Уставомъ.

2) Въ настоящемъ отдѣленіи говорится о разбойникахъ, которые съ пытокъ не будутъ виниться. Здѣсь законъ принимаетъ въ разсмотрѣніе два условія. Первое: ежели въ повальномъ обыскѣ ихъ назовутъ лихими людьми, то пытать вторично; а не повинятся со второй пытки, то отдать съ поруками тѣмъ, у кого они жили; а ежели ихъ тамъ не примутъ, то ссылать въ Сибирь на пашню съ женами и дѣтьми. Второе условіе: ежели ихъ въ обыскѣ назовутъ добрыми людьми, то отдавать ихъ на прежнее мѣсто жительства съ поруками, съ тѣмъ чтобы, ежели таковые пытанные объявятся на воровствѣ, или тайно уйдутъ съ прежнихъ мѣстъ жительства, то немедленно о томъ давать знать сыщикамъ. Настоящимъ узаконеніемъ отмѣняется законъ Уложенія, по которому лихованные люди, не признавшіеся со второй пытки, заключаются навсегда въ тюрьму.

3) Настоящее отдѣленіе излагаетъ подробныя правила, какъ производить повальные обыски. Объ этихъ правилахъ въ прежнихъ узаконеніяхъ нѣтъ и помину. Здѣсь законодатель узаконяетъ постоянную форму для обысковъ, по которой повальный обыскъ дозволяется производить на пространствѣ 20 верстъ и больше; въ обыскѣ непремѣнно безъ отводу участвуютъ всякихъ чиновъ люди на опредѣленномъ пространствѣ, за исключеніемъ духовенства; обыскныя рѣчи отбираются отъ каждаго порознь подъ присягою и за рукоприкладствомъ того, кто говоритъ эти рѣчи. Обыщики должны смотрѣть накрѣпко, чтобы обыскные люди семьями стакався въ обыскахъ не лгали. А ежели которые обыскные люди будутъ въ обыскахъ лгать, или не дадутъ обыскныхъ рѣчей, и на тѣхъ ослушниковъ и ложныхъ свидѣтелей государева пеня по чину: на дворянахъ и дѣтяхъ боярскихъ по 30 руб. съ человѣка, съ посадскихъ старостъ по 70 руб. съ человѣка и проч. А будетъ обыщики учнутъ про кого сыскивать не по правдѣ, и имъ быть за это у государя въ опалѣ и наказаньи и платить пени по 50 руб. Писать въ обыскахъ рѣчи только достовѣрныхъ свидѣтелей, которые сами видѣли и хорошо знаютъ дѣла, а не по слуху, и не писать въ обыскѣ: глухихъ, нѣмыхъ, бѣсныхъ, малолѣтныхъ, дѣтей на родителей, отпущенниковъ и рабовъ на господъ. А сыщикамъ и подъячимъ образцовыхъ писемъ для обыскныхъ людей не писать. Эта новая форма совершенно измѣняетъ характеръ повальнаго обыска; онъ превращается въ показаніе свидѣтелей и перестаетъ быть выраженіемъ общественнаго мнѣнія. Здѣсь уже явное и сильное вліяніе римскаго права; законодатель здѣсь примѣняетъ статьи градскихъ законовъ о свидѣтеляхъ, и прямо ссылается на нихъ.

Далѣе, въ настоящемъ отдѣленіи новоуказныя статьи согласны съ статьями Уложенія о разбойныхъ дѣлахъ, за исключеніемъ слѣдую-

щихъ немногихъ измѣненій: 1) ежели будетъ оговоренъ разбойникомъ бродящій человѣкъ, и съ пытки не будетъ говорить на себя, то таковаго по Уложенію слѣдовало отдать на поруки, а не будетъ порукъ— вкинуть въ тюрьму, пока не явятся поруки; по настоящимъ же статьямъ таковыхъ бродящихъ людей сыщики должны отсылать къ государю, въ Москву. 2) На которыхъ оговорныхъ людей въ обыскахъ именно не скажутъ худъ—онъ, или хорошъ, таковыхъ по Уложенію слѣдовало сажать въ тюрьму, а по настоящимъ статьямъ должно ссылать въ Сибирь съ женами и дѣтьми. 3) Въ дополненіе къ 81 статьѣ Уложенія, что тѣхъ ссылать въ Сибирь, которые по Уложенію не могутъ выплатить пени за отбитіе оговорныхъ людей у приставовъ. 4) По Уложенію, лица, принимавшія у разбойниковъ разбойное и татинное, ежели не запрутся въ одномъ пріемѣ, подвергались пыткѣ, дабы узнать—не принимали ли они еще какихъ поклажей у разбойниковъ; по новоуказнымъ же статьямъ здѣсь пытка отмѣнена и прямо сказано: „и ихъ въ такихъ поклажняхъ и въ разбойной рухляди разспросить, а не пытать.“ 5) По Уложенію истцы, которые бьютъ челомъ въ татьбахъ и разбояхъ безъ поличнаго, отсылались въ Судный Приказъ, гдѣ кто судимъ; по новоуказнымъ статьямъ, къ этому правилу прибавлено: „а въ городѣхъ къ воеводамъ тѣхъ дѣлъ не отсылать, и судныя и разбойныя дѣла вершить сыщикамъ.“ Здѣсь поэтому судебное дѣлопроизводство соединяется съ слѣдственнымъ, чего по древнимъ законамъ не допускалось.

Отдѣленіе четвертое объ убійственныхъ дѣлахъ. Это отдѣленіе въ новоуказныхъ статьяхъ несравненно обширнѣе и полнѣе, чѣмъ въ Уложеніи; сюда вошли нѣкоторыя постановленія изъ стараго Разбойнаго Устава и Литовскаго статута, и много ссылокъ на градскіе греческіе законы. Особенно важны статьи, касающіяся до имѣнія, остающагося послѣ приговоренныхъ къ смерти, и до ихъ наслѣдниковъ; по этой статьѣ, послѣ приговоренныхъ къ смерти, изъ помѣстій выдается по указу государеву на прожитокъ женамъ, матерямъ, сестрамъ и дочерямъ, а остающееся затѣмъ раздается челобитчикамъ, а не въ родъ; а ежели послѣ нихъ останутся сыновья, то помѣстья передать сыновьямъ,— вотчины же матерямъ и дѣтямъ, удовлетворивши иски истцовъ. Еще замѣчательна статья, по которой запрещается задерживать матерей, женъ и дѣтей тѣхъ оговорныхъ воровскихъ людей, которые скроются.

Потомъ, въ этомъ же отдѣленіи говорится о нѣкоторыхъ полицейскихъ мѣрахъ и о порядкѣ производства слѣдствій. Въ отношеніи къ полицейскимъ мѣрамъ и порядку производства слѣдствій здѣсь предписывается: въ городахъ и уѣздахъ выбрать сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ, добрыхъ людей и зажиточныхъ, и взять на нихъ выборы за руками всѣхъ градскихъ и уѣздныхъ людей и всѣмъ сдѣлать крѣпкій заказъ, чтобы татей, разбойниковъ, смертоубійцъ и всякихъ воровскихъ людей и вѣдуновъ у себя не таили, а, имая, приводили къ сыщикамъ. А которые люди прежде воровали, а теперь не воруютъ, тѣхъ бы къ сыщикамъ не отводили, опричь убивственныхъ дѣлъ. А у дворянъ, боярскихъ дѣтей и всякихъ посадскихъ и уѣздныхъ людей спрашивать и взять съ нихъ сказки за руками: кто у нихъ есть татей, разбойниковъ, убійцевъ, вѣдуновъ, пожегщиковъ, станов-

щиковъ и всякихъ воровскихъ людей, и гдѣ они пристаютъ, къ кому пріѣзжаютъ, и кто у нихъ принимаетъ татинную и воровскую рухлядь? А то имъ, всякихъ чиновъ людямъ, приказывать накрѣпко, чтобы они, помня страхъ Божій, сказывали правду, воровъ не таили и не укрывали, добрыхъ людей не клепали и на сосѣдствѣ сумежныхъ браней деревенскихъ дракъ въ разбой не ставили. А кого всякихъ чиновъ люди въ сказкахъ своихъ напишутъ имянно въ татьбахъ, разбояхъ, убійствахъ или другихъ воровскихъ дѣлахъ, и для поимки тѣхъ лихованныхъ людей посылать губныхъ старостъ. А для великихъ дѣлъ и на становыхъ разбойниковъ ѣздить сыщикамъ въ тѣ города самимъ, собрався со многими людьми; а имать имъ съ собою тѣхъ городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ меньшихъ статей и служекъ монастырскихъ, и пушкарей, и защитниковъ и уѣздныхъ людей, и съ тѣми людьми ходить на разбойничьи станы тайнымъ обычаемъ, чтобъ ихъ всѣхъ переимать, и, переимавъ, чинить по государеву указу, какъ писано выше сего. А животы ихъ переписать и раздать истцамъ въ выти, а что затѣмъ останется—оцѣнить цѣновщикамъ и продать на государя, и вырученныя деньги записывать въ книги и отсылать къ Москвѣ, въ Разбойный Приказъ. А кто по своимъ винамъ доведется до смертной казни, и тѣхъ воровъ казнить смертію вскорѣ, не отписывая къ государю. А въ тюрьмахъ тюремныхъ сидѣльцевъ, всякихъ воровскихъ людей, больше мѣсяца не держать; а послѣ мѣсяца велѣть ихъ вершить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они жили или воровали, чтобъ онымъ, смотря на нихъ, не повадно было воровать, а на пустыхъ мѣстахъ такихъ воровъ не казнить. А съ вытныхъ денегъ имать великаго государя пошлинъ—съ рубля по три алтына, а по убійственнымъ дѣламъ и на чьей землѣ убитыхъ тѣла подняты будутъ, поголовныхъ денегъ имать съ убійства по четыре рубли по четыре алтына по полуторы деньги.

Въ отношеніи къ отчетности по слѣдственнымъ дѣламъ настоящія статьи узаконяютъ: 1-е, деньги пошлинныя, поголовныя и другія собираемыя сыщиками на государя, писать въ приходъ въ книги имянно, порознь, статьями; а что изъ тѣхъ денегъ въ расходы дано будетъ, и тѣ деньги записывать въ расходъ имянно-жъ, статьями. Да тѣ приходныя и расходныя книги и остаточныя наличныя деньги, что у году останется, сыщикамъ присылать въ Разбойный Приказъ ежегодно.

2-е. Старыхъ тюремныхъ сидѣльцевъ, татей, разбойниковъ и смертныхъ убойцовъ переписать на роспись имянно, кто именемъ и какого чину люди, и что въ распросѣхъ и съ сколькихъ пытокъ на себя говорили, и въ которыхъ городѣхъ татьбы, и разбой, и смертныя убійства учинили.

3-е. Въ городахъ же, которые тюремные сидѣльцы сидятъ въ тюрьмахъ за поруками, что по нихъ порукъ нѣтъ, и тѣхъ тюремныхъ сидѣльцевъ переписать себѣ статьею имянно-жъ, сколько человѣкъ, и въ которыхъ городѣхъ и уѣздѣхъ живали, и какихъ они отцевъ дѣти. А переписавъ тѣхъ тюремныхъ сидѣльцевъ, и тѣ росписи прислать къ Москвѣ, въ Разбойный Приказъ. А которые тюремные сидѣльцы сидятъ въ какихъ расправныхъ дѣлахъ, а не въ татьбахъ, и не въ разбояхъ, и не въ смертныхъ убійствахъ, и не въ поджогахъ, и не въ

вѣдовствахъ, и имъ указъ чинить по разсмотрѣнью тотчасъ, чтобъ въ тюрьмахъ напрасно не сидѣли.

Общій характеръ новоуказныхъ статей выражается: 1) въ смягченіи прежней строгости и даже жестокости, допущенной Уложеніемъ; 2) въ передачѣ главнаго вѣдѣнія по губнымъ дѣламъ сыщикамъ, назначаемымъ отъ правительства, которымъ вполнѣ подчиняются выборные губные старосты, и въ совершенномъ отстраненіи воеводъ отъ участія въ губныхъ дѣлахъ; 3) въ измѣненіи повальнаго обыска, такъ что онъ уже не представлялъ выраженія общественнаго мнѣнія, а болѣе или менѣе обратился въ показаніе свидѣтелей, на основаніи градскихъ греческихъ законовъ; 4) новоуказныя статьи постоянно стараются замѣнить прежнее тюремное заключеніе ссылкою въ Сибирь на житье; 5) въ новоуказныхъ статьяхъ замѣчается обращеніе къ прежнему обычаю сбирать поголовныя деньги съ волости, гдѣ найдено тѣло убитаго человѣка. Этотъ обычай, вытекавшій изъ древняго вирнаго устройства, постоянно соблюдался въ Московскомъ государствѣ до самаго Уложенія, Уложеніемъ же онъ былъ отмѣненъ, а по новоуказнымъ статьямъ опять возвращенъ; въ 6), наконецъ, новоуказныя статьи постоянно обращаются къ градскимъ греческимъ законамъ и во многихъ случаяхъ подтверждаютъ свои положенія греческими узаконеніями. Вообще, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и при его преемникѣ Θеодорѣ Алексѣевичѣ замѣтно особенное расположеніе къ византійскому законодательству.

Въ томъ же 1669 году въ апрѣлѣ мѣсяцѣ издано было дополненіе къ новоуказнымъ статьямъ по разбойнымъ и татиннымъ дѣламъ; въ этомъ дополненіи сказано, чтобы тюремные сидѣльцы не брали у другихъ людей подъ закладъ платье или другую какую рухлядь, въ противномъ случаѣ закладную рухлядь имать въ Разбойный Приказъ безденежно, а тюремныхъ сидѣльцевъ за сію вину бить кнутомъ.

Въ томъ же году іюня 27 числа былъ изданъ весьма замѣчательный указъ объ отчетности въ суммахъ, поступающихъ въ приказы; въ этомъ указѣ сказано, что по всѣмъ приказамъ дьяки должны считать каждомѣсячно подъячихъ, которые сидятъ у прихода и расхода денежной казны, чтобы они казны не крали, а взаймы ни кому не давали, и заемныхъ записей въ государевой казнѣ ни съ кого не имали, чтобы государева денежная наличная казна за расходы всегда была въ цѣлости, и начета-бъ на подъячихъ ничего не было. И въ случаѣ опущенія сего, начеты править на дьякахъ мимо подъячихъ, и дьякамъ быть въ государевой опалѣ, а подъячимъ въ жестокомъ наказаньѣ. Въ этомъ же указѣ предписано, чтобы съ постороннихъ людей, въ случаѣ взысканія съ нихъ денегъ, не принимать въ приказы заемныхъ кабалъ и записей ихъ на другихъ людей, которые занимали у нихъ.

Въ 1675 году августа въ 6 день былъ изданъ указъ, въ которомъ во 1-хъ, князь Андрей Кольцовъ-Масальскій понижается изъ стряпчихъ въ жилецкій списокъ (т. е. двумя чинами ниже), за то, что онъ на головѣ у себя волосы подстригъ; во 2-хъ, стольникамъ стряпчимъ, дворянамъ московскимъ и жильцамъ строго предписывается, чтобы они иноземныхъ нѣмецкихъ и иныхъ извычаевъ не перенимали, волосъ у себя на головѣ не подстригали, и платья, кафтановъ и шапокъ съ

иноземныхъ образцовъ не носили, и людямъ своимъ потому-жъ носить не велѣли. За неисполненіе сего указа быть имъ въ опалѣ, и изъ высшихъ чиновъ написани будутъ въ нижніе чины.

Этотъ указъ замѣчателенъ, какъ прямое свидѣтельство того, что въ XVII столѣтіи, точно также какъ и въ XVI столѣтіи, иноземные обычаи и иноземный покрой платья сильно распространялись между московскими, особенно между молодыми служилыми людьми высшаго сословія. Только въ XVI вѣкѣ больше нравились азіатскія платья, которыя, какъ мы знаемъ, преслѣдовалъ Стоглавый Соборъ, въ XVII столѣтіи стали входить въ употребленіе платья европейскаго покроя, преимущественно нѣмецкія. А посему введеніе европейскаго платья Петромъ Великимъ не было новостью въ Москвѣ, молодежь его любила и прежде.

Царствованіе Θеодора Алексѣевича. Непродолжительное царствованіе Θеодора Алексѣевича въ отношеніи къ законодательству замѣчательно тѣмъ, что этотъ государь сильно стремился къ преобразованіямъ по части административной. Замѣчательнѣйшіе изъ его указовъ были слѣдующіе.

Въ 1678 году 19-го декабря былъ изданъ указъ объ уничтоженіи Монастырскаго Приказа и о переведеніи его вѣдомства попрежнему въ Приказъ Большого Дворца. Монастырскій Приказъ, получившій большую силу при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, сильно разстроилъ дѣла относящіяся до суда гражданско-церковнаго; а посему вскорѣ явилась необходимость обратиться къ прежнему порядку и дѣла, относящіяся собственно къ экономическому управленію монастырскими имѣніями, перевести попрежнему въ Дворцовый Приказъ, а церковно-судебныя—въ вѣдомство патріаршихъ приказовъ.

Въ 1679 году 27 ноября былъ изданъ важный указъ, относящійся къ областному управленію. По сему указу областное управленіе получило совершенно иной характеръ: оно перешло въ полное вѣдомство воеводъ, присылаемыхъ изъ Москвы, а всѣ другіе приказные люди, т. е. сыщики, губные старосты и приказчики были отмѣнены. Въ указѣ сказано: „А городовое строеніе, и засѣки, и губныя дѣла, и ямскихъ охотниковъ, и денежный и хлѣбный сборъ и всякое дѣло вѣдать воеводамъ однимъ, чтобы впредь гражданскимъ и уѣзднымъ людемъ въ кормѣхъ лишнихъ тягостей не было“. Впрочемъ, этимъ указомъ не отмѣнялись выборные люди по разнымъ частямъ управленія; государь желалъ только облегчить жителей уменьшеніемъ съ нихъ поборовъ на содержаніе чиновниковъ, присылаемыхъ отъ правительства; поэтому земскія избы подъ управленіемъ старостъ и выборныхъ головъ остались попрежнему, изъ выборныхъ людей были отмѣнены только одни губные старосты, которые, какъ мы уже видѣли прежде, при сыщикахъ не имѣли никакого значенія и только служили лишнимъ отягощеніемъ для жителей. Но, кажется, это распоряженіе, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ губнымъ дѣламъ, скоро оказалось не совсѣмъ удобоисполнимымъ; очевидно воеводы не могли справиться съ губными дѣлами, и арестантовъ по тюрьмамъ накопилось очень много, ибо черезъ три мѣсяца по изданіи указа понадобилось по всѣмъ городамъ послать разборщиковъ, по крайней мѣрѣ на время, для разбора уголовныхъ дѣлъ.

Въ 1680 году 12 ноября изданъ указъ о новомъ распредѣленіи вѣдомства воинскихъ людей по приказамъ. По этому новому распредѣленію всѣ ратные люди—конные и пѣшіе, какъ дворяне и дѣти боярскіе, такъ и приборные и ратные люди русскаго и иноземнаго строя были подчинены Разряду, за исключеніемъ: 1) служилыхъ людей по низовымъ городамъ отъ Самары на Уфу до Терка, а также казанскихъ стрѣльцовъ, которыхъ попрежнему вѣдать въ Казанскомъ Приказѣ. 2) Начальныхъ людей, копейщиковъ, рейтаръ, солдатъ, стрѣльцовъ и казаковъ, которые по городамъ ихъ службы были вѣдомы въ Приказахъ: Стрѣлецкомъ, Смоленскомъ, Казанскаго Дворца и Большого Дворца, всѣхъ вѣдать въ Иноземномъ и Рейтарскомъ Приказахъ.

Отъ преобразованій по военному управленію перейдемъ къ преобразованіямъ по духовной администраціи. Здѣсь 27 ноября 1681 г. былъ изданъ важный указъ, которымъ во исполненіе соборнаго опредѣленія, бывшаго въ 1667 году въ Москвѣ, архіерейскія каѳедры были устроены по обычаямъ заведеннымъ въ Греціи, т. е. въ каждой епархіи при главномъ епархіальномъ архіереѣ велѣно быть нѣсколькимъ подчиненнымъ епископамъ по городамъ.

12 января 1682 года было издано соборное дѣяніе *объ уничтоженіи мѣстничества*. Дѣло объ этомъ предметѣ было ведено такъ: еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1681 г. съѣхались въ Москву выборные стольники, полковники, стряпчіе, дворяне московскіе, жильцы, а также городовые дворяне и дѣти боярскіе, вызванные по государеву указу въ Москву для того, чтобы общимъ соборнымъ совѣтомъ придумать средства къ лучшему устройству ратнаго дѣла, ибо государю вѣдомо учинилось, что въ мимошедшихъ войнахъ непріятели показали новые въ ратныхъ дѣлахъ вымыслы, неизвѣстные въ русскомъ войскѣ. Съѣхавшіеся выборные подъ предсѣдательствомъ боярина князя Василія Васильевича Голицына начали свои разсужденія тѣмъ: въ какомъ ратномъ устроеніи пристойнѣе быть стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ и жильцамъ? И придумали, чтобы стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ и жильцамъ служить полковую службу попрежнему, и росписать ихъ всѣхъ въ роты, а не въ сотни и вмѣсто сотенныхъ головъ назначить ротмистровъ и поручиковъ; изъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и жильцевъ изъ всѣхъ родовъ и чиновъ безпремѣнно и безъ мѣстъ и безъ подбора. А для лучшаго устроенья указалъ бы государь боярамъ, окольничимъ, думнымъ и ближнимъ людямъ и всѣмъ чинамъ впредь быти межъ себя безъ мѣстъ, гдѣ кому государь укажетъ, и никому впредь ни съ кѣмъ разряды и мѣсты не считаться, и разрядные случаи и мѣста отставить и искоренить.

О такомъ рѣшеніи выборныхъ людей бояринъ, князь Василій Васильевичъ Голицынъ, донесъ государю; государь указалъ 12 января 1682 года собраться у него въ палатахъ патріарху съ архіереями и соборными властями, а также боярамъ, окольничимъ и думнымъ людямъ. Когда открылось въ царскихъ палатахъ засѣданіе собора, то государь напередъ приказалъ прочесть передъ соборомъ просьбу выборныхъ людей объ уничтоженіи мѣстничества, а потомъ самъ обратился къ собору съ пространною рѣчью, въ которой подробно изложилъ невыгоды мѣстничества, а также и то, что и предки его: дѣдъ—

Михаилъ Өедоровичъ и отецъ—Алексѣй Михайловичъ нерѣдко прибѣгали къ тому, чтобы служба была безъ мѣстъ, и постоянно желали совершенно уничтожить мѣстничество, и что онъ, съ своей стороны, вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ и просьбою выборныхъ людей объ этомъ предметѣ. Патріархъ на рѣчь государя отвѣтствовалъ своею рѣчью, въ которой выразилъ, что все духовенство должно молить Бога, чтобы онъ таковое благое царское намѣреніе благоволилъ привести къ совершенію. Послѣ рѣчи патріарха государь обратился къ боярамъ и думнымъ людямъ, чтобы они чистосердечно безъ всякаго зазора представили свое мнѣніе объ этомъ предметѣ. Бояре и думные люди отвѣчали на это единодушнымъ желаніемъ, чтобы государь указалъ разрядные случаи отставить и совершенно искоренить, и чтобъ впредь тѣ разрядные случаи никогда не вспомянулись. Государь, по выслушаніи соборнаго приговора, приказалъ боярину, князю Михаилу Юрьевичу Долгорукову, и думному дьяку Семенову принести всѣ разрядныя книги, въ которыхъ писаны бывшіе случаи и мѣстничества при прежнихъ государяхъ; и когда книги были внесены, то государь объявилъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе бояръ и выборныхъ людей и повелѣваетъ, для совершеннаго искорененія мѣстничества, тѣ всѣ прошеніи о случаяхъ и о мѣстахъ записки предать огню, и отъ сего времени впредь боярамъ, окольничимъ, думнымъ и ближнимъ и всякихъ чиновъ людемъ на Москвѣ въ приказѣхъ и у расправныхъ дѣлъ, и въ полкахъ, и въ посольствахъ и вездѣ у всякихъ дѣлъ быть всѣмъ межъ себя безъ мѣстъ, и впредь никому ни съ кѣмъ никакими прежними случаи не считаться, и никого не укорять. И того-жъ числа тѣ книги преданы огню, государскія переднія палаты въ сѣняхъ, причемъ отъ государя присутствовали—бояринъ князь Долгорукій и думный дьякъ Семеновъ, а отъ патріарха—всѣ преосвященные митрополиты и епископы. И когда государю и патріарху было донесено, что книги сожжены, то патріархъ сказалъ: кто послѣ этого будетъ еще мѣстничаться, тѣ бы опасались тяжкаго церковнаго запрещенія и царскаго гнѣва; и бояре и всѣ думные люди отвѣчали: да будетъ тако.

Послѣ всего сего государь сказалъ боярамъ и думнымъ людямъ, что онъ имъ и впредь будущимъ ихъ родамъ на память соизволяетъ быть въ Разрядѣ родословной книгѣ, также и въ домѣхъ своихъ таковыя родословныя книги держать имъ попрежнему, и повелѣваетъ ту книгу въ Разрядѣ пополнить и внести въ нее имена тѣхъ, которые еще не внесены, и писать вновь къ сродникамъ ихъ, и для того взять у нихъ росписи за руками. А составить родословную книгу такимъ порядкомъ: родословная должна состоять изъ четырехъ книгъ отдѣльныхъ: въ первой книгѣ запишутся роды княжескіе и иные честные, которые или занимали при прежнихъ государяхъ высшія должности, или извѣстны своею древностію и приближеніемъ къ государю, хотя бы именъ ихъ въ прежней разрядной родословной не написано. Во второй книгѣ писать роды, которые въ древнее время, хотя и не занимали высокихъ должностей, но со временъ царя Михаила Өеодоровича являлись въ полковыхъ воеводахъ, въ послахъ и въ иныхъ честныхъ чинахъ, и въ десятныхъ записаны въ первой статьѣ. Въ третьей книгѣ писать тѣхъ, которые, хотя въ важныхъ должностяхъ не состояли, а въ десятняхъ записаны въ средней и меньшей статьяхъ.

И, наконецъ, въ четвертой книгѣ писать тѣхъ, кто изъ нижнихъ чиновъ, за службу отцовъ своихъ или за свою, написаны въ московскіе чины. А впредь всѣмъ во всѣхъ чинахъ быть безъ мѣстъ; а кто послѣ сего будетъ мѣстничаться и упрекать старыми службами, у тѣхъ отнимать на государя вотчины и помѣстья безповоротно, да они же должны платить безчестье тѣмъ, на кого будутъ искать мѣстъ и упрекать старыми службами. Наконецъ, государь повелѣлъ боярину князю Долгорукому объявить о семъ на Постельномъ Крыльцѣ: стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ, жильцамъ и всякихъ чиновъ людямъ. А для большаго утвержденія подписалъ собственною рукою сіе соборное дѣяніе; за нимъ подписали: патріархъ, митрополиты, архіепископы, архимандриты, бояре, окольничіе, думные дворяне, думные дьяки, стольники комнатные и выборные, генералы, полковники рейтарскіе, полковники пѣхотные, стряпчіе, дворяне и жильцы.

Я съ подробностью говорилъ о семъ соборномъ дѣяніи, какъ по важности значенія его относительно измѣненія служебныхъ порядковъ, такъ и потому, что соборъ сей былъ послѣдній, который покончилъ дѣло, для котораго былъ созванъ и котораго описаніе до насъ дошло. Здѣсь мы видимъ съ достаточною ясностью въ какихъ формахъ созывались соборы, какія имѣли права и какъ дѣйствовали.

Наконецъ, въ послѣдніе дни царствованія Θеодора Алексѣевича былъ созванъ общій земскій соборъ, въ родѣ того, какой созывался для составленія Уложенія при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; предметомъ этого собора было уравненіе всякихъ земскихъ службъ и податей по всему Московскому государству; но этотъ соборъ, кажется, не рѣшилъ того дѣла, для котораго былъ созванъ, ибо царь Θеодоръ Алексѣевичъ скончался въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1682 года и выборные люди отъ всего государства, по избраніи на царство Петра Алексѣевича, были распущены отъ его имени. Краткое извѣстіе объ этомъ соборѣ дошло до насъ въ царской грамотѣ къ Соликамскому воеводѣ, князю Барятинскому, въ которой написано: „Мы, государь и бояре наши, приговорили: всѣхъ городовъ и уѣздныхъ всякихъ чиновъ людей, которые, по указу брата нашего государева, блаженныя памяти великаго государя, царя и великаго князя Θеодора Алексѣевича, присланы были къ Москвѣ для разборовъ и изравненія во всякихъ службахъ и податяхъ, съ посадовъ въ двойникахъ, всѣхъ отпустить по домамъ“. Этотъ соборъ былъ послѣднимъ, послѣ сего при Петрѣ Великомъ и его преемникахъ соборовъ болѣе не созывалось вплоть до императрицы Екатерины II-й.

Царствованіе Іоанна и Петра Алексѣевичей 1682—1696 г. Для удобнѣйшаго соображенія о ходѣ законодательства по разнымъ частямъ управленія впродолженіе царствованія царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, я здѣсь представлю главнѣйшіе законы, въ это время изданные, по разнымъ отдѣламъ, а не въ хронологическомъ порядкѣ.

Во первыхъ пересмотримъ I *Законы, относящіеся къ судопроизводству и судоустройству* и вообще къ порядку и формамъ судныхъ дѣлъ. Здѣсь 1) является указъ 13 ноября 1682 года; въ этомъ указѣ предписывается дьякамъ по приказамъ въ жалованныхъ грамотахъ подписывать свое имя съ лицевой стороны ниже печати, какъ это дѣлалось въ царствованіе царя Михаила Θеодоровича, и отмѣнить

порядокъ, введенный при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, по которому не дѣлалось дьячей подписи съ лицевой стороны грамоты.

2) По указу 1683 г. отъ 3 мая отмѣняются очныя ставки по исковымъ и челобитчиковымъ дѣламъ, кромѣ татинныхъ, разбойныхъ и убивственныхъ дѣлъ; вмѣсто очныхъ ставокъ велѣно производить судъ. Это сдѣлано для того, чтобы пошлинныя деньги не пропадали, а истцамъ неповадно бы было затѣвать ложные иски и неправедно лишнее въ искахъ приписывать.

3) 8 февраля 1685 года Челобитенный и Московскій Судный Приказы соединены съ Суднымъ Владимирскимъ Приказомъ, куда и переведены всѣ дѣла.

4) Въ томъ же 1685 г. 15 іюня издано дополненіе къ XIV главѣ Уложенія о крестномъ цѣлованіи, гдѣ сказано, согласно съ Уложеніемъ, что истцамъ и отвѣтчикамъ ставиться къ вѣрѣ по 3 дни, и сверхъ того прибавлено: „а кто въ указные три дни по посылкѣ отъ судей у вѣры не станетъ, или креста не цѣлуетъ, того тѣмъ и винить. А при цѣлованіи креста быть дьякомъ и подъячимъ, для свидѣтельства того, что будутъ говорить у креста истецъ и отвѣтчикъ и не помирятся ли они, не похотя учинить межъ собою душевредства, и какой учинятъ межъ собою договоръ; и то все при дьякахъ и при истцахъ записывать подъячимъ, и къ тѣмъ запискамъ истцамъ руки прикладывать, а послѣ того дьякамъ тѣ записки закрѣплять своими руками и представлять судьямъ къ дѣлу, а судьямъ по тѣмъ запискамъ чинить указъ до чего доведется“.

5) Въ томъ же 1685 году 11 ноября были изданы судныя статьи о порядкѣ судопроизводства и о взысканіи проѣстей и волокитъ. По симъ статьямъ, во 1-хъ, постановлено, согласно съ прежними узаконеніями до Уложенія, что если отвѣтчикъ по взятіи по немъ поручной записи въ указный мѣсяцъ не станетъ на судъ, то его тѣмъ и винить и доправить весь искъ по челобитной истца безъ суда. А ежели истецъ съ того числа, какъ подастъ приставную память на отвѣтчика, въ указный мѣсяцъ на судъ не станетъ, а отвѣтчикъ на указный срокъ станетъ, то истцу въ его искѣ отказать безъ суда, да сверхъ того доправить на немъ въ пользу отвѣтчика за мѣсяцъ проѣсти и волокиты по Уложенію, т. е. по гривнѣ на день. Во 2-хъ, по старому же порядку (до Уложенія), когда отвѣтчикъ и истецъ станутъ на судъ, то ихъ судить немедленно; а ежели они на судѣ будутъ просить объ отсрочкѣ для приготовленія, то имъ давать въ некрѣпостныхъ дѣлахъ отсрочки не далѣе недѣли, и отсрочку эту въ приказѣ записывать; и ежели по отсрочкѣ не станетъ кто, того тѣмъ и винить, а къ запискѣ истцу и отвѣтчику прикладывать руки; а въ крѣпостныхъ дѣлахъ давать поверстный срокъ по Уложенію, ежели скажутъ, что крѣпости у нихъ въ городахъ или деревняхъ. Въ 3-хъ, когда истецъ и отвѣтчикъ по отсрочкѣ станутъ къ суду, то имъ давать судъ въ тотъ же день; а въ случаѣ на тотъ день много дѣлъ въ приказѣ, пересрочивать на другой и на третій день съ запискою-жъ за рукоприкладствомъ истца и отвѣтчика, а далѣе трехъ дней суда не откладывать. Въ 4-хъ, со времени изданія сихъ статей за проѣсть и волокиту имать по суду на виноватомъ, съ того числа, какъ судное дѣло начнется, по то число, какъ судное дѣло

вершится. по Уложенію, по гривнѣ на день безъ вычету. А что напередъ сего имано за проѣсть и волокиту до суда по ставочнымъ челобитнымъ, того ни на комъ не имать, потому что нынѣ положены въ судѣ указные сроки; а за воскресные и праздничные дни за проѣсти и волокиты денегъ не вычитать. Статьи эти изданы по указу государей и боярскому приговору и этотъ приговоръ записанъ въ Разрядѣ въ книгу, объявленъ на Постельномъ Крыльцѣ, а во всѣ приказы посланы памяти, а по городамъ къ воеводамъ — государевы грамоты.

6) Въ 1686 году февраля 23 числа къ новоуказнымъ суднымъ статьямъ по указу государскому и по боярскому приговору было сдѣлано дополненіе: 1-е „ежели истцы или отвѣтчики, подписавши въ судѣ срочныя сказки для явки въ судъ, въ продолженіе срока по иныхъ дѣламъ будутъ вытребованы въ другіе приказы, то судьямъ иныхъ приказовъ по ихъ челобитью отправлять ихъ за приставомъ въ тотъ приказъ, гдѣ они скажутъ заручную срочную сказку, чтобы впредь никто не отговаривался при неявкѣ на срокъ дѣлами въ иныхъ приказахъ. Въ случаѣ-же пожарнаго разоренія, дѣлается пересрочка не во многія числа, противъ новоуказныхъ статей". 2-е когда истецъ, или отвѣтчикъ, приложитъ руки къ срочнымъ своимъ сказкамъ, то уже не могутъ бить челомъ о переносѣ приставныхъ памятей и срочныхъ сказокъ въ иные приказы по подозрѣнію на судей, а должны объявлять о подозрѣніи на судей до подписи срочныхъ сказокъ. А кто, будучи вызванъ въ судъ предъ подписью срочной сказки. словесно объявитъ свое подозрѣніе на судей, того держать въ приказѣ до тѣхъ поръ, пока о переносѣ того дѣла изъ иныхъ приказовъ вынесетъ памяти по подписнымъ челобитнымъ, и тогда приставныя памяти и отсрочныя сказки отсылать въ тѣ приказы, въ которые указано тѣ дѣла взять.

7) Въ томъ же 1686 году 24 апрѣля было издано новое дополненіе къ суднымъ статьямъ, по которому въ судныхъ дѣлахъ на крестьянъ дворцоваго вѣдомства положены слѣдующія правила: 1) ставочныхъ и отсрочныхъ челобитенъ по помѣти ихъ въ Приказѣ Большого Дворца челобитчикамъ не возвращать, а записывать ихъ особому подъячему въ книгу, а въ книгѣ помѣчать записку дьякамъ и отдавать подъячимъ къ дѣлу съ росписками. 2) Которые люди учнутъ приставливать дворцовыхъ селъ къ крестьянамъ въ какомъ-либо иску, и тѣхъ крестьянъ къ суду давать на поруки попрежнему, а дворцовому стряпчему просрочить, чтобы онъ за нихъ отвѣчалъ; такъ же когда дворцовые крестьяне будутъ искать на немъ, то за нихъ искать дворцовому-жъ стряпчему. А будетъ дворцовый стряпчій за крестьянъ на срокъ къ суду не станетъ, то иски и пошлинныя деньги править на немъ.

8) Въ 1690 году 26 мая было издано объясненіе о томъ, какъ считать мѣсячный срокъ для явки въ судъ; въ этомъ объясненіи сказано, что для явки въ судъ всѣ мѣсяцы въ году считать по 30 дней, а начинать 30 дней съ того числа, когда приставная память или поручная запись будетъ подписана дьякомъ и записана въ книгу.

9) Въ 1692 г. 7 ноября былъ изданъ указъ относительно судебныхъ допросовъ духовнымъ лицамъ. По этому указу во 1-хъ, мона-

ховъ, поповъ и дьяконовъ, когда кто на нихъ будетъ бить челомъ, во всякихъ дѣлахъ вѣдать допросами въ Патріаршемъ Духовномъ Приказѣ; а въ свидѣтельствѣ по допросамъ ихъ требовать въ Московскій Судный Приказъ, согласно съ прежними указами; во 2-хъ, заморнымъ животамъ, ряднымъ записямъ, и новымъ сговорнымъ росписямъ, и духовнымъ и инымъ всякимъ дѣламъ, которыя прежде были вѣдомы въ Патріаршемъ Разрядѣ, нынѣ быть въ вѣдѣніи Суднаго Московскаго Приказа, а въ патріаршихъ приказахъ ихъ не вѣдать.

10) Наконецъ, 6 іюня 1695 года былъ изданъ указъ, чтобы во всѣхъ приказахъ были сочинены докладныя записи съ статьями, какія пристойно дѣлать въ дополненіе къ Уложенію, къ новоуказнымъ статьямъ и ко всѣмъ прежнимъ царскимъ указамъ, въ каждомъ приказѣ по своему вѣдомству для доклада государямъ.

II. *Законы относящіеся къ уголовнымъ дѣламъ.* Въ 1683 году были изданы слѣдующіе указы по уголовнымъ дѣламъ.

1) Тюремнымъ сидѣльцамъ, которымъ по прежнимъ новоуказнымъ статьямъ довелось сѣчь у рукъ пальцы, тѣмъ вмѣсто этого рѣзать уши и ссылать въ ссылку.

2) Уголовныя дѣла по всѣмъ городамъ предписано вѣдать воеводамъ, а сыщиковъ для таковыхъ дѣлъ не посылать. Впрочемъ, въ которыхъ городахъ всѣ жители захотятъ имѣть сыщиковъ, то они могутъ представлять о семъ заручныя челобитныя для доклада государямъ.

3) Чтобы въ Разбойномъ Приказѣ всѣ подъячіе были за поручными записями, а безъ поручныхъ подъячимъ въ Разбойномъ Приказѣ не служить.

4) Разбойный Приказъ велѣно наименовать Сыскнымъ Приказомъ.

5) Тюремныхъ сидѣльцевъ въ Сыскномъ Приказѣ, на которыхъ порукъ не будетъ, и которыхъ истцы въ заживъ головою не возьмутъ, потому что они люди незнаемые, и взять съ нихъ будетъ нечего, животовъ не будетъ,—и тѣхъ ссылать въ ссылку въ разные города, куда доведется.

6) Въ 1684 году 18 февраля былъ изданъ указъ, по которому правительство, относительно завѣдыванія губными дѣлами, опять обратилось къ старому порядку и велѣло жителямъ выбрать губныхъ старостъ, чтобы они вѣдали губныя дѣла, а воеводамъ тѣхъ дѣлъ не вѣдать.

7) Въ 1688 году 31 марта изданъ указъ, которымъ запрещено давать въ города сыскныя грамоты, для сыску повальнымъ обыскомъ воровскихъ людей, ежели челобитчики въ своихъ челобитныхъ не напишутъ, кто ихъ пограбилъ, а скажутъ: про то вѣдаютъ окольные люди. Это потому, что въ повальныхъ обыскахъ бываетъ душевредство, и по допросу лихованныхъ людей и по розыску оказываются у тѣхъ челобитчиковъ съ лихованными людьми сосѣдскія ссоры, а не воровскіе пріѣзды и разбои.

8) Въ 1689 году 19 февраля изданъ указъ, которымъ, въ отмѣну Уложенія, женъ за убійство мужей не закапывать живыхъ въ землю, а сѣчь имъ головы.

9) Въ 1691 году 3 мая узаконено: приводныхъ людей, которыхъ по Уложенію слѣдуетъ казнить смертію, а казнены они не будутъ, то

вмѣсто смертной казни пятнать и ссылать, а ушей не рѣзать и пальцевъ не сѣчь. А которые смертныхъ винъ не дошли, а только наказанія, тѣмъ согласно съ Уложеніемъ, по наказаніи, рѣзать уши и ссылать. Здѣсь очевидно пятнанье, клейменье преступника какъ скота выражаетъ политическую смерть—лишеніе всѣхъ правъ.

10) Въ 1692 году 22 января узаконено: которые воры пятнанные бѣгутъ изъ ссылки и будутъ пойманы, кромѣ воровства, тѣхъ, бивъ кнутомъ, пятнать другой разъ на правой щекѣ и ссылать въ ссылку. А которые пятнанные воры, бѣжавъ изъ ссылки, объявятся хотя на маломъ воровствѣ, тѣхъ казнить смертію; смертію же казнить и тѣхъ, которые дважды будутъ пятнаны, и въ третій разъ еще объявятся въ бѣгахъ изъ ссылки.

11) Въ 1695 году апрѣля 4 дня предписано было всѣхъ разбойниковъ и татей, которые производили въ Москвѣ разбой, поймавши, присылать въ Стрѣлецкій Приказъ; то же подтверждено въ томъ же году 2-го сентября всѣмъ воеводамъ по городамъ, чтобы они разбойниковъ присылали въ Стрѣлецкій Приказъ.

12) Въ 1696 году 21 января изданъ указъ, чтобы преступниковъ, ссылаемыхъ въ Сибирь, посылать изъ тѣхъ же приказовъ, въ которыхъ имъ ссылка назначена будетъ, и изъ тѣхъ же приказовъ давать имъ провожатыхъ и деньги прогонныя и кормовыя; а на Верхотурьѣ для ссыльныхъ людей построить дворъ съ стоячимъ тыномъ и избы.

III. *Законы въ отношеніи къ администраціи.*

1) Въ 1683 году 24 іюня изданъ указъ, чтобы изъ русскихъ городовъ не пропускать въ Сибирь крестьянъ безъ проѣзжихъ государевыхъ грамотъ; для сего въ Перми Великой, на Чердыни, въ Соликамской и въ другихъ пристайныхъ мѣстахъ поставить заставы; и которые на заставахъ объявятся безъ проѣзжихъ государевыхъ грамотъ, тѣхъ возвращать на прежнія мѣста, откуда кто пришелъ. Начиная съ 1680 года цѣлыя толпы потянулись въ Сибирь изъ Поморскихъ городовъ, чѣмъ и вызванъ этотъ указъ.

2) Въ 1686 году 22 января изданы указныя статьи о чернослободскихъ и бѣломѣстцевыхъ дворахъ. На Руси издавна, еще по грамотамъ XIV столѣтія, въ городахъ постоянно различались черные и бѣлые дворы; первые, какъ построенные на землѣ, принадлежащей цѣлому городу, несли на себѣ всѣ городскія повинности и подати; вторые же, построенные на земляхъ принадлежащихъ въ частную обѣльную собственность своихъ владѣльцевъ, не тянули въ городскія повинности. Вслѣдствіе таковаго различія правъ во владѣніи, чернослободцы, чтобы избѣжать городского тягла, закладывались за бѣломѣстцевъ, или просто продавали свои участки бѣломѣстцамъ, отъ чего чернослободцамъ, не заложившимся и не продавшимъ своихъ дворовъ бѣломѣстцамъ, приходилось очень тяжело, ибо всѣ повинности цѣлаго города лежали на нихъ однихъ, и казна отъ этого терпѣла большіе убытки. Чтобы прекратить такіе безпорядки, правительство и прежде издавало разныя узаконенія и строгія запрещенія продажи черныхъ дворовъ бѣломѣстцамъ; но люди всегда находили средство обходить законъ, отчего городскіе черные жители разорялись и города пустѣли. По статьямъ изданнымъ въ 1686 году, было

постановлено: 1) черныхъ или тяглыхъ дворовъ по купчимъ и по закладнымъ записанныхъ за бѣломѣстцами, у бѣломѣстцевъ не отнимать, ежели они, договорясь съ городскими старостами и сотскими, будутъ платить за эти дворы оброчныя деньги; а ежели оброчныхъ денегъ платить не будутъ, то ихъ ссылать съ дворовъ, а дворы отдавать въ сотни и слободы, или дозволить немедленно продать чернослободцамъ. А впредь въ Земскомъ Приказѣ черныхъ дворовъ за бѣломѣстцами ни по какимъ крѣпостямъ не записывать, чернослободцевъ за продажу своихъ дворовъ бить кнутомъ, бѣломѣстцамъ же отказывать въ деньгахъ. А площаднымъ подьячимъ предписать, чтобы они таковыхъ купчихъ, закладныхъ и другихъ крѣпостей отнюдь не писали. А по суднымъ дѣламъ въ искахъ бѣломѣстцевъ на чернослободцевъ отдавать только одно хоромное строеніе на свозъ, а тяглыя земли писать въ слободы и сотни. 2) Послѣ котораго чернослободца останется жена бездѣтна, а послѣ него останутся купленные или данные дворы, и изъ тѣхъ дворовъ бездѣтной женѣ отдавать четвертый жеребій, а три жеребья родственникамъ покойнаго, чернослободцамъ, а отнюдь не бѣломѣстцамъ; а не будетъ родственниковъ, и тѣ три жеребья отдавать въ сотни, въ которыхъ тѣ дворы послѣ умершихъ останутся. 3) Бѣломѣстные дворы въ городахъ, по неопредѣленію въ Уложеніи, разсматривались относительно наслѣдованія послѣ умершихъ двоякимъ образомъ: въ иныхъ приказахъ они принимались, какъ купленныя вотчины, т. е. послѣ умершаго бѣломѣстный купленный дворъ отдавался, безъ раздѣла весь женѣ умершаго, а въ другихъ приказахъ жена получала, какъ и въ чернослободскихъ дворахъ, только четвертый жеребій, а три жеребья отдавались родственникамъ. По настоящимъ указнымъ статьямъ, принятъ въ основаніе послѣдній раздѣлъ, т. е. жена получала только 4-й жеребій. 4) Бѣломѣстные дворы въ городахъ, точно также какъ и уѣздныя земли, раздѣлялись: на дворы купленные, которые приравнивались къ купленнымъ или стариннымъ вотчинамъ, и на дворы данные, которые разсматривались какъ помѣстья или выслуженныя вотчины. О дачѣ бѣломѣстцевыхъ дворовъ законъ дозволялъ служилымъ людямъ бить челомъ государю изъ порозжихъ или давныхъ мѣстъ, точно также какъ они били челомъ о дачѣ въ помѣстье или вотчину порозжихъ уѣздныхъ земель. Настоящія указныя статьи приравниваютъ данные бѣломѣстные дворы собственно къ помѣстнымъ землямъ.

3) Въ 1695 году 24 апрѣля былъ изданъ указъ, подверждающій прежнія узаконенія, по которымъ въ сибирскихъ городахъ, кромѣ Тобольска, воеводамъ въ одномъ городѣ не назначалось перемѣны отъ 4 до 6 лѣтъ и болѣе, ежели воевода своимъ управленіемъ и службою оправдывалъ довѣріе правительства. Причина такого отступленія отъ общаго порядка для сибирскихъ городовъ въ указѣ выражена та, что ежегодная посылка воеводъ въ такіе дальніе города, какъ сибирскіе, отяготительна, какъ для казны, такъ и для всякаго чина людей въ тѣхъ городахъ, черезъ которые воеводы проѣзжаютъ въ Сибирь; да и въ самой Сибири воеводы отъ частыхъ перемѣнъ дѣлаютъ большія опущенія въ управленіи и въ казенныхъ сборахъ. Въ этомъ же указѣ сказано, что жилецкіе и служилые люди въ Сибири освобождаются отъ послушанія воеводамъ и обязаны доносить

на воеводъ государямъ, ежели воеводы будутъ отступать отъ правилъ, выраженныхъ въ данныхъ имъ наказахъ, и станутъ чинить обиды или несправедливости въ казенныхъ сборахъ.

4) Въ томъ же году 4 сентября изданъ указъ, которымъ предписывается, чтобы воеводы и приказные люди въ сибирскихъ городахъ не исполняли приказаній изъ разныхъ московскихъ и иныхъ приказовъ, ежели при нихъ не будетъ послушныхъ грамотъ изъ Сибирскаго Приказа.

5) Наконецъ, 10 января 1696 года изъ Сибирскаго Приказа посланъ въ Сибирь боярскій приговоръ, чтобы всѣмъ сибирскимъ городамъ съ уѣздами сдѣлать чертежи на холстинѣ; въ чертежахъ велѣно написать: сколько верстъ или дней ходу отъ города до города, а также—далеко ли отъ каждаго города приписанныя къ нему русскія деревни и волости, ясачныя волости, и на какихъ рѣкахъ тѣ города и ясачныя волости стоятъ, и въ которомъ уѣздѣ какіе народы кочуютъ и живутъ, а также—съ которой стороны къ порубежнымъ мѣстамъ какіе люди подошли? А тѣ чертежи дѣлать мѣрою трехъ аршинъ въ длину и двухъ аршинъ въ ширину; общій чертежъ всей Сибирской земли сдѣлать въ вышину трехъ аршинъ, а въ ширину четырехъ аршинъ. А прислать тѣ чертежи въ Сибирскій Приказъ немедля, потому что въ Приказѣ сибирскимъ городамъ чертежей нѣтъ и вѣдать не по чему.

Къ полицейскимъ узаконеніямъ, изданнымъ въ продолженіе царствованія Іоанна и Петра Алексѣевичей, относятся слѣдующіе указы, большею частью объясняющіе или дополняющіе и повторяющіе прежнія узаконенія по тому-же предмету.

1) Указъ, изданный въ 1687 году 1-го марта, коимъ предписывается, чтобы въ Москвѣ въ харчевыхъ рядахъ и въ харчевняхъ торговымъ людямъ не держать работниковъ безъ поручныхъ записей, а равно и не отдавать харчевенъ внаймы безъ поручныхъ же записей. А записи приносить и записывать въ Приказѣ Большія Казны. А для наблюденія за симъ выбрать въ харчевыхъ рядахъ старостъ и десятскихъ; а надъ старостами и десятскими надсматривать по вся дни и недѣли подъячимъ Приказа Большія Казны, по очереди.

2) Въ 1691 году 23 апрѣля изданъ указъ, чтобы пришлые гулящіе люди непремѣнно были записаны въ приказахъ, и безъ поручныхъ записей никто бы ихъ не держалъ, для чего сдѣлать переписныя книги всѣмъ дворникамъ въ тѣхъ приказахъ, въ которыхъ которыя слободы вѣдомы; а въ переписныхъ книгахъ писать подлинно: кто изъ приписныхъ гулящихъ людей живетъ на какомъ дворѣ, откуда онъ пришелъ, какого чина и чей человѣкъ, и какимъ промышляетъ промысломъ, и давно ли, и есть-ли по немъ поручная запись, а буде есть, записана-ли гдѣ въ приказахъ? А буде поручныхъ записай не будетъ, и тѣхъ людей ссылать въ тѣ города, откуда они пришли, а помѣщичьихъ крестьянъ отдавать помѣщикамъ съ роспискою. А которые пришлые люди работаютъ въ Москвѣ наймомъ—каменьщики и плотники, и всякіе рабочіе люди недѣльные и поденные, и тѣмъ быть у дѣла безъ поручныхъ записей и безъ записки въ дворовыя книги; а для вѣдома являться въ слободахъ, кому та слобода вѣдать надлежитъ.

3) Въ томъ же 1691 году 30 ноября былъ изданъ указъ, чтобы забирать въ Москвѣ нищихъ, которые притворяются увѣчными, и от-

сылать ихъ на мѣста жительства, откуда они пришли; а которые попадутся въ другой разъ, тѣхъ ссылать въ Сибирь.

4) Въ 1695 году 2-го апрѣля изданъ указъ, по которому въ городѣ Москвѣ по всѣмъ слободамъ и сотнямъ, по проѣзжимъ улицамъ и переулкамъ на перекресткахъ предписано держать караулы съ дворовъ всякихъ чиновъ людей, съ десяти дворовъ по человѣку; а сторожамъ быть съ ружьями, или съ копьями, бердышами и рогатинами, и смотрѣть накрѣпко, чтобы воровскимъ людямъ приходу и пріѣзду не было. А улицы и переулки, гдѣ довелось быть надолбамъ, переписать, и тѣ надолбы сдѣлать изъ Стрѣлецкаго Приказа, а деньги на нихъ взять съ жителей тѣхъ слободъ. И сторожамъ стоять у надолбъ непрестанно, а надъ сторожами смотрѣть объѣзжимъ головамъ, а въ стрѣлецкихъ слободахъ полковникамъ; а при объѣзжихъ стрѣльцамъ не быть, а быть тѣхъ слободъ жителямъ.

Узаконенія о поземельномъ владѣніи. Изъ узаконеній, изданныхъ по смерти Θеодора Алексѣевича, первое и важнѣйшее мѣсто занимаетъ Писцовый Наказъ, данный въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1684 года. Наказъ сей составленъ изъ прежнихъ трехъ наказовъ: именно изъ наказа Михаила Θеодоровича 7136 года, Алексѣя Михайловича и наказа царя Θеодора Алексѣевича.

Здѣсь 1) предписывается писцамъ: за патріархомъ, за властьми и за монастырями вотчины писать, и мѣрять и межевать по жалованнымъ и сотнымъ грамотамъ, по писцовымъ и отдѣльнымъ книгамъ, по выписямъ съ нихъ, а также по купчимъ, по даннымъ и по всякимъ крѣпостямъ, писаннымъ до Уложенія; а которыми вотчинами они владѣютъ по купчимъ и по другимъ крѣпостямъ, даннымъ не изъ приказовъ, и писаннымъ послѣ Уложенія, о тѣхъ вотчинахъ писать къ государямъ въ Москву; и вотчины тѣ писать и обмежевывать особь статьями, а въ книгахъ подъ тѣми статьями писать имянно, что объ указѣ тѣхъ вотчинъ писано къ государямъ.

2) За боярами и окольничими, и за всѣми служилыми людьми до боярскихъ дѣтей включительно, и за ихъ вдовами и недорослями и за всѣми вотчинниками и помѣщиками, помѣстныя земли писать по ввознымъ грамотамъ, и по выписямъ изъ писцовыхъ и раздѣльныхъ книгъ изъ Помѣстнаго Приказа, а также по выписямъ съ отдѣльныхъ и отказныхъ книгъ, за воеводскими, отдѣльщиковыми и отказчиковыми руками, которыя будутъ поданы писцами и на которыхъ спору не будетъ. А вотчины писать по жалованнымъ, и по правымъ, и по послушнымъ грамотамъ, и по выписямъ съ писцовыхъ, и съ раздѣльныхъ, и съ отказныхъ книгъ.

3) Писцамъ въ селахъ и деревняхъ духовныхъ и боярскихъ, у приказчиковъ и у всякихъ чиновъ, у помѣщиковъ и у вотчинниковъ, имать сказки за руками: что за ними въ помѣстьяхъ и въ вотчинахъ задворныхъ, и дѣловыхъ, и кабальныхъ людей, и крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, и въ нихъ людей по именамъ, съ отца и съ прозвища. А взявъ сказки тѣхъ дворовъ и во дворѣхъ людей, пересмотрѣть на лицѣ, и, пересмотря, писать за ними въ писцовыя книги. А въ сказкахъ велѣть писать, чтобъ они, помѣщики и приказчики, старосты и цѣловальники, крестьянъ и бобылей изъ двухъ и трехъ дворовъ въ одинъ дворъ не переводили, и жилыхъ дворовъ пустыми,

и чужихъ бѣглыхъ людей и крестьянъ за собой не писали, и крестьянъ своихъ людьми не называли. А въ сошное письмо и въ живущія чети писцамъ не писать, а класть въ сошное письмо и въ живущія чети въ Помѣстномъ Приказѣ, въ то время, какъ писцы книги положатъ.

4) Которые вотчинники передъ писцовъ положатъ какія крѣпости, а по тѣмъ крѣпостямъ тѣ вотчины въ Помѣстномъ Приказѣ за ними не записаны и не справлены, а спору не будетъ, и тѣ вотчины писать за ними, и велѣть имъ бить челомъ въ Помѣстномъ Приказѣ о запискѣ тѣхъ вотчинъ. А будетъ споръ, и писцамъ про тѣ вотчины розыскивать, и по розыску и по очнымъ ставкамъ писать тѣ вотчины за тѣми людьми, кому они будутъ правы по наказу. А будетъ писцамъ о такихъ вотчинахъ по розыску указъ учинить будетъ не мочно, и имъ о томъ писать и розыски прислать въ Помѣстный Приказъ; а тѣ вотчины въ книги писать и обмежевывать особь статьею, а въ книгахъ описывать имянно, у кого тѣ вотчины съ кѣмъ будутъ въ спорѣ.

5) Писцамъ за вотчинники вотчинныя земли писать по крѣпостямъ, досматривая подлинныхъ крѣпостей, и съ тѣхъ крѣпостей взявъ у вотчинниковъ списки за руками; и которыя крѣпости въ Помѣстномъ Приказѣ не записаны, и съ тѣхъ крѣпостей имать пошлины по Уложенію, и записывать въ особую книгу подлинно.

6) Мѣрить владѣльческія земли въ десятины, а десятинамъ быть 80 саженъ длиннику и 30 поперечнику; а отмѣривать прежде пашню, а потомъ покосы. А гдѣ противъ прежнихъ писцовыхъ книгъ объявятся примѣрныя земли въ вотчинныхъ дачахъ, и тѣ примѣрныя земли примежевывать къ тѣмъ же дачамъ безденежно. А въ помѣстьяхъ примѣрныя земли примежевывать къ тѣмъ же помѣстнымъ дачамъ, въ окладъ, и на тѣ земли помѣщикамъ давать выписи, чтобы по тѣмъ выписямъ бить имъ челомъ въ Помѣстномъ Приказѣ въ три года съ того числа, какъ писцы въ Приказѣ книги положатъ. А что объявится примѣрныхъ земель сверхъ оклада, и тѣ примѣрныя земли продавать тѣмъ же помѣщикамъ въ вотчину, по рублю за три чети; а ежели купить не похотятъ, то черезъ три года, ежели челобитья на тѣ земли не будетъ въ Помѣстномъ Приказѣ, отдавать тѣмъ же помѣщикамъ по выписямъ, даннымъ писцами, ежели у помѣщиковъ будутъ дачи только въ одномъ уѣздѣ, а не въ разныхъ уѣздахъ. А что кому продано будетъ въ вотчину примѣрной земли, и что взято денегъ, и тому всему писцамъ привозить книги и деньги въ Помѣстный Приказъ.

7) А гдѣ объявятся порозжія земли, и тѣ порозжія земли описывать имянно: на какихъ они урочищахъ, и съ чьими землями смежны, и что къ нимъ какихъ угодій, и мѣрить въ десятины; а описавъ и измѣря тѣ порозжія земли отмежевывать отъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель съ мѣрою, и въ книгахъ своихъ тѣ порозжія земли писать особь статьею. Ежели на тѣ порозжія земли челобитчики будутъ представлять государевы грамоты, и писцамъ по розыску отдавать тѣ земли челобитчикамъ въ оклады; а что изъ нихъ останется за окладами, то писать въ порозжія-жъ земли. А земли одабривать изъ примѣрныхъ земель, въ средней землѣ наддавать на 100 чети 25 чети, въ худой—на 100 чети 50 чети.

8) О лѣсахъ. Лѣса, состоящіе во владѣніи помѣщиковъ и вотчинниковъ по дачамъ и безъ дачъ, писать въ раздѣлъ всѣмъ смежнымъ владѣльцамъ въ угодья къ ихъ имѣніямъ; а которые лѣса расчищены и заселены, и тѣ расчищенные лѣса писать и мѣрить въ чети, вотчинныя въ вотчину, помѣстные въ помѣстье, въ оклады. Которые лѣса въ писцовыхъ книгахъ написаны вообще, тѣ раздѣлить между тѣми вотчинниками и помѣщиками, которымъ написаны вообще. Въ которые лѣса по писцовымъ книгамъ велѣно въѣзжать для хоромнаго и дровяного лѣса, въ тѣ лѣса въѣзжать тѣмъ, кому велѣно, хотя бы лѣса сіи другимъ были отданы въ дачу. А проѣздъ, которымъ въ тѣ лѣса указано въѣзжать, въ книгахъ писать имянно: чрезъ чьи кому земли ѣздить старыми дорогами, а гдѣ дорогъ нѣтъ, учинить новыя дороги, и то писать въ книгахъ имянно.

9) О межеваніи. Писцамъ писать, и мѣрить, и межевать въ Московскомъ уѣздѣ и въ городахъ станы и волости и въ нихъ помѣстныя и вотчинныя земли по писцовымъ книгамъ и по старымъ межамъ и гранямъ; а будетъ гдѣ старыхъ межъ и граней нѣтъ, и въ тѣхъ мѣстѣхъ размежевывать вновь, розыскавъ старожилъ; а гдѣ старожиловъ нѣтъ и тѣ земли писать и межевать по дачамъ, а съ образомъ не отводить. А на межахъ описывать рѣки, ручьи и овраги и всякіе признаки, и лѣса, и угодья подлинно съ мѣрою, сколько саженъ межъ ими; а гдѣ признаковъ нѣтъ, тамъ ставить столбы съ гранями и копать ямы: въ градскихъ межахъ по двѣ сажени въ длину и ширину, а въ глубину полторы сажени, въ становыхъ межахъ — по полторы сажени, въ глубину—по сажени, а въ вотчинниковыхъ и помѣщичьихъ межахъ—по сажени, въ глубину—по два аршина.

10) О дворцовыхъ земляхъ. Дворцовыя земли, спорныя съ помѣщиковыми и вотчинниковыми землями, межевать посланнымъ межевщикамъ изъ Помѣстнаго Приказа вмѣстѣ съ дворцовыми писцами, а гдѣ писцовъ не будетъ, тамъ съ воеводами или съ дворцовыми приказными людьми.

11) Объ оброчныхъ земляхъ. Которыми оброчными землями владѣютъ разныхъ чиновъ люди на оброкѣ, и тѣмъ оброчникамъ и впредь съ тѣхъ земель платить оброкъ; а которые оброчники тѣхъ земель держать не похотятъ, и тѣ земли отдавать другимъ людямъ. А которыя оброчныя земли объявятся пусты, съ тѣхъ оброкъ складывать и писать ихъ въ книги особою статьею. А которые люди владѣютъ землями безъ крѣпостей и безоброчно, и тѣ земли отписывать на государя.

12) О дикихъ поляхъ. Будетъ къ писцамъ въ уѣзды всякихъ чиновъ люди учнутъ привозить великихъ государей грамоты на дикія поля, и писцамъ по грамотамъ про дикія поля сыскивать большимъ повальнымъ обыскомъ: тѣ дикія поля порозжи-ли? И будетъ порозжи, и ихъ мѣрить, писать и межевать челобитчикомъ на 100 чети по 50 десятинъ въ полѣ, а въ дву по тому-жъ. А будетъ въ одномъ числѣ на одни урочища челобитчиковъ будетъ много, а земли съ ихъ дачи всѣмъ въ тѣхъ урочищахъ не будетъ, и имъ давать жеребій — чье имя впередъ вымется, тому и отдавать. А давать дикія поля всякихъ чиновъ людемъ въ указныя статьи, а не въ оклады. Будетъ по наѣзду на дикихъ поляхъ кто поселился безъ дачъ, а именъ ихъ по числамъ въ книгу не написано и крѣпостей не положатъ, и тѣ земли

отписывать на великихъ государей. Помѣщикомъ и вотчинникомъ въ дикихъ поляхъ подъ усадьбы давать на 100 чети по 5 десятинъ, а на сѣнные покосы по 25 десятинъ, да вмѣсто лѣсного угодья, гдѣ лѣсовъ нѣтъ, по 20 десятинъ. А давать земли въ дикихъ поляхъ преимущественно украинныхъ городовъ служилымъ людямъ. А въ которыхъ украинныхъ городѣхъ за раздачею остались порозжія дикія поля, и тѣ дикія поля писать и мѣрить и межевать по наказу всѣ, и писать въ книгахъ имянно: что къ тѣмъ дикимъ полямъ рѣкъ, лѣсовъ и другихъ угодій, и въ которыхъ мѣстѣхъ мочно быть селидьбѣ.

13) О судѣ писцовъ. Писцамъ въ городахъ у воеводъ и у приказныхъ людей взять прежнія царскія грамоты, каковы къ нимъ посланы по челобитью помѣщиковъ и вотчинниковъ для межеванія спорныхъ земель; и каковы грамоты имъ будутъ привозить помѣщики и вотчинники, и по тѣмъ грамотамъ спорныя земли писать и мѣрить, чтобъ челобитчикомъ лишней проѣсти, и волокитъ, и убытковъ не было. А которые люди учинятся сильны — земель мѣрить, писать и межевать не дадутъ, и писцомъ имать у воеводъ разсыльщиковъ, стрѣльцовъ и иныхъ служилыхъ людей, и въ понятые многихъ окольныхъ людей; и съ тѣми людьми, пріѣхавъ въ помѣстье или вотчину, имать за силу пени по 50 рублей на человѣкѣ, и межевать земли тѣхъ людей, которые учинились сильны, по наказу. А которые люди у кого насильствомъ землю попахали и угодьями завладѣли и какіе убытки учинили, и про то насильство розыскивать и давать очныя ставки, и по розыску на томъ, кто сколько лѣтъ чужою землею владѣлъ насильно, на всякій годъ доправить за пашню, которая съ хлѣбомъ, за десятину по два рубли, а которая безъ хлѣба — за десятину по рублю на годъ, а за копну сѣна — по алтыну, и отдать истцу, да ихъ же за то сажать въ тюрьму на день. А буде которые помѣщики, и вотчинники, и люди ихъ учинили на чужой землѣ смертное убійство, розыскивать всякими сыски накрѣпко и давать очныя ставки; а будетъ дойдетъ до пытки, то и пытать; и по розыску за убійство человѣка или крестьянина у виноватаго помѣщика или вотчинника взять лучшаго крестьянина съ женою и съ дѣтьми, или за крестьянина и человѣка 50 рублевъ, ежели истецъ того пожелаетъ.

14) Форма, какъ производить межеваніе земель. Писать, и мѣрить, и межевать писцамъ помѣстныя, и вотчинныя, и порозжія земли сряду, съ одного, а не черезъ земли, и всякія земляныя дѣла дѣлать предъ собою, а для межеванія отъ себя никого не посылать. А котораго стану разныя земли опишутъ и отмежуютъ, и писцамъ велѣть книги писать набѣло передъ собою, а полевыя книги писать старому подъячему своею рукою; да тѣ книги и всякіе списки держать писцамъ за своими печатьми, и учинить помѣстнымъ, и вотчиннымъ, и порозжимъ землямъ, и крестьянскимъ и бобыльскимъ дворамъ подъ статьями, и подъ станами, и подъ волостьми перечни порознь; а учиня перечни, написать подъ всѣми статьями и волостьми одинъ перечень. А какъ писцы всякія земли опишутъ, и, измѣря, размежуютъ, и писцамъ то все велѣть написать въ книги письма своего и мѣры межеванія; да тѣ книги за руками людей, которые были на межеваньѣ, и за своими руками подать въ Помѣстный Приказъ. Кормъ и подводы писцамъ имать на помѣщикахъ и вотчинникахъ съ четверти по двѣ

деньги, а подводъ имать писцу по восьми, старому подъячему двѣ, а молодымъ подъячимъ и стрѣльцамъ по подводѣ человѣку; а на чернила, на бумагу, и на воскъ, и на свѣчи имать со ста четвертей по гривнѣ. Для письма, и мѣры и межеванья, съ писцовыхъ и межевыхъ книгъ помѣстнымъ и вотчиннымъ землямъ давать писцамъ списки, а для раздачи дикихъ поль-численныя книги за дьячьими приписьми. Да для письма два человѣка молодыхъ подъячихъ, а на мѣру сажень за печатью, трехъ аршинъ.

А въ слѣдующемъ 1685 году были изданы дополнительныя статьи къ Писцовому Наказу относительно описанія и межеванія мордовскихъ, черемисскихъ и чувашскихъ земель. Въ сихъ статьяхъ, во 1-хъ, предписывается описывать мордовскія, черемисскія и чувашскія деревни и тамошнихъ жителей такъ же, какъ описываются вотчинныя и помѣстныя деревни — поимянно: за кѣмъ сколько какой земли, четвертной пашни, сѣна, лѣсу и другихъ какихъ угодій; во 2-хъ, оброчныхъ мордовскихъ земель, бортныхъ ухожаевъ, рыбныхъ ловель, бортныхъ лѣсовъ, бобровыхъ гоновъ и другихъ угодій, кромѣ Мордвы и бортниковъ, на оброкъ никому не отдавать, чтобы отъ того мордовскія земли не запустѣли. А писать писцамъ мордовскія, черемисскія, чувашскія и вотяцкія земли и всякія угодія въ особыя книги, а съ помѣстными, и съ вотчинными, и съ татарскими и всякихъ чиновъ служилыхъ людей съ землями не смѣшивать. А запустѣвшія мордовскія земли и угодья отдавать въ оброкъ только Мордвѣ, Чувашамъ, Черемиссамъ и Вотякамъ; а ежели они взять въ оброкъ не захотятъ, то, не отдавая другимъ, писать ихъ въ книги особо пустыми землями. Въ 3) которымъ русскимъ людямъ даны мордовскія, чувашскія и всякія земли, а русскіе люди сверхъ своихъ дань завладѣли многими землями, и тѣ дачи русскимъ людямъ отмѣрить и отмежевать сполна, а лишнія земли у тѣхъ русскихъ людей отмѣрить и отмежевать къ ясачнымъ землямъ — въ ясакъ. Въ 4) гдѣ мордовскія, чувашскія и черемисскія земли сошлись съ помѣстными и вотчинными землями, и тѣ помѣстныя и вотчинныя земли размежевать, и грани положить, и ямы копать, и въ книги тѣ межи записать подлинно, чтобы впредь у ясачныхъ людей съ русскими людьми не было спору въ тѣхъ земляхъ.

Въ 1686 году были изданы новыя дополнительныя статьи къ Писцовому Наказу, въ которыхъ предписывается: 1) ежели гдѣ на кладбищахъ при церквахъ окажутся дворы и лавки, то ихъ не сносить, а обмѣривать и огораживать на кладбища только то, что по наѣзду окажется незастроеннымъ. 2) Церковныя земли, которыя окажутся между помѣстными, вотчинными и иными землями, черезполосно отмежевывать къ одному мѣсту кряду, гдѣ сколько у которой церкви написано четвертной пашни по дачамъ въ старой писцовой книгѣ. 3) Которые помѣщики и вотчинники, будучи на межеваньѣ, сами не станутъ прикладывать своихъ рукъ къ межевымъ книгамъ, тѣхъ задерживать до тѣхъ поръ, пока не приложатъ руки, или не подадутъ сказки – почему не прикладываютъ. 4) Ежели межи какихъ земель по наѣзду окажутся не сходны съ прежними писцовыми книгами и крѣпостями, то отмежевывать по старымъ писцовымъ и межевымъ книгамъ. 5) Крестьянъ, бобылей, задворныхъ и дѣловыхъ людей писать въ пис-

цовыя книги за тѣми владѣльцами, за которыми они окажутся по наѣзду; а ежели на нихъ подадутъ писцамъ споръ, то въ книгахъ отмѣчать именно, что на тѣхъ людей объявленъ споръ и поданы крѣпости. 6) Ежели кто примежуетъ чужую землю во время составленія писцовыхъ книгъ, а послѣ того подадутъ челобитье и крѣпость на отмежеванную землю, то писцамъ о томъ розыскивать, и ежели нужно—давать очныя ставки, и по розыску, и по очной ставкѣ землю писать, межевать и мѣрить за тѣмъ, кто будетъ въ землѣ оправленъ. А кто чужую землю примежуетъ, назвавъ своею, о томъ писать къ Москвѣ. 7) Писцовъ, не смотря на поданныя на нихъ челобитья въ неправомъ межеваньи, отъ межеванья не отводить и писцамъ другихъ городовъ межеванья не поручать; а когда писцы по досмотру окажутся виноватыми, то отъ нихъ брать половину помѣстій и вотчинъ и отдавать тому, у кого они не право писали и межевали, а другую половину оставить его женѣ и дѣтямъ, а подъячему съ приписью чинить противу того-жъ; а буде за кѣмъ помѣстій и вотчинъ нѣтъ, тому чинить наказанье—бить кнутомъ. 8) Ежели гдѣ помѣщики и вотчинники и крестьяне не будутъ пускать писцовъ къ межеванію земель, будутъ ихъ бить и безчестить, или, по многимъ высылкамъ на землю, къ межеванью съ крѣпостьми не поѣдутъ, то по доношенію писцовъ посылать розыщиковъ, и по розыску, оказавшихся виновными и непослушными, наказывать въ городахъ въ торговые дни, бить кнутомъ на козлѣ и въ проводку нещадно. Въ 1686 году въ августѣ мѣсяцѣ было предписано валовымъ писцамъ возвратиться въ Москву и подать свои писцовыя и приправочныя книги и всѣ писцовыя дѣла въ Помѣстный Приказъ. А въ 1688 году тѣмъ-же валовымъ писцамъ предписано попрежнему ѣхать въ тѣ города и уѣзды, куда посланы были прежде, и продолжать свое дѣло — описывать и межевать помѣстныя и вотчинныя земли, а на мѣсто умершихъ писцовъ назначить иныхъ. Но въ томъ-же 1688 году распоряженіе о посылкѣ валовыхъ писцовъ было отмѣнено потому, что многіе помѣщики и вотчинники отправились на службу въ походъ; то же подтверждено указомъ 1689 года. Вмѣсто валовыхъ писцовъ положено посылать межевщиковъ по просьбѣ самихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, которые пожелаютъ размежеваться въ своихъ спорныхъ земляхъ.

Настоящій Писцовый Наказъ и дополнительныя къ нему статьи были уже послѣдними по правиламъ стараго межеванья, ибо послѣ указа 1689 года объ отмѣнѣ валовыхъ писцовъ, во все время царствованія Петра Великаго, общаго межеванья земель въ Россіи не было; да и при преемникахъ Петра до генеральнаго межеванія при Екатеринѣ II, хотя и были попытки при императрицахъ Аннѣ въ 1730 г. и Елизаветѣ въ 1754 году, но попытки сіи не удались и межеваніе всѣхъ земель въ Россіи ни разу не было приведено въ исполненіе. Мы даже не имѣемъ межевой инструкціи или наказа для межеванія въ 1730 году, хотя въ указѣ и было сказано, что для межеванья будетъ составлена общая инструкція на основаніи Писцоваго Наказа 1684 года; Межевая же Инструкція 1754 года 13 мая, дошедшая до насъ, была уже составлена на иныхъ началахъ, чѣмъ Писцовый Наказъ 1684 года, и относилась ко всѣмъ землямъ, тогда какъ въ Писцовомъ Наказѣ предписывалось мѣрить и межевать только вотчинныя и помѣстныя земли.

Законодательство при Петрѣ Великомъ во время его единодержавія, съ 1696 года. *Мѣры къ составленію общаго Уложенія.* Потребность приступить къ сочиненію новаго общаго уложенія почувствовалась вскорѣ уже по смерти царя Алексѣя Михайловича при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ и при совмѣстномъ царствованіи Іоанна и Петра Алексѣевичей. Въ это послѣднее время въ 1695 году былъ изданъ указъ, которымъ повелѣвалось во всѣхъ приказахъ, въ каждомъ по своему вѣдомству, составлять вновь пристойныя статьи, соображаясь съ прежними законами, для пополненія Уложенія и новоуказныхъ статей, и для сего завести по приказамъ докладныя выписки, въ которыхъ и записывать вновь составленныя статьи и имѣть ихъ въ готовности до царскаго указа. Были-ли составлены какія статьи въ приказахъ по этому указу, извѣстій никакихъ объ этомъ не имѣется, а равнымъ образомъ нѣтъ и повторительныхъ указовъ объ этомъ предметѣ. А между тѣмъ законодательство и разныя перемѣны по суду и управленію росли быстро, накоплялись цѣлыя книги новыхъ узаконеній, частію дополняющихъ и частію совершенно измѣняющихъ узаконенія Соборнаго Уложенія 1649 года. Посему 18 февраля 1700 года былъ присланъ въ Царскую Думу боярамъ именной указъ заняться составленіемъ новаго уложенія. Для сего предписано изъ всѣхъ приказовъ собрать всѣ новоуказныя статьи и другія узаконенія и прислать къ боярамъ въ Царскую Думу. Что сдѣлали бояре по сему указу впродолженіи 14 лѣтъ—неизвѣстно, но тѣмъ не менѣе мы знаемъ, что изъ Думы были разосланы циркуляры по приказамъ и другимъ вѣдомствамъ о присылкѣ въ Думу узаконеній и приговоровъ, которыми руководятся приказы. Наконецъ, вновь учрежденное высшее судебно-правительственное мѣсто—Правительствующій Сенатъ 3 іюня 1714 г. издалъ новый указъ, чтобы въ приказахъ были учинены выписки съ яснымъ росписаніемъ: какія послѣ Уложенія 1649 года изданы вновь узаконенія въ дополненіе или въ отмѣну Уложенія, и какія узаконенія изданы вновь помимо Уложенія, въ которомъ году, мѣсяцѣ и числѣ, и расположить ихъ по назначенной табели, приложенной при указѣ. Для этого дѣла изъ каждаго приказа выслать по дьяку да по нѣскольку подъячихъ въ канцелярію Сената, подъ начальство выбраннаго Сенатомъ господина *Апухтина*. Апухтинская коммиссія, кажется, собрала изданные указы и росписала ихъ по указанной табели; вслѣдствіе того 17 сентября 1717 года даны изъ Юстицъ-Коллегіи дьякамъ Помѣстнаго Приказа пункты о составленіи свода полнаго уложенія. Что составили и составили-ли что дьяки Помѣстнаго Приказа по пунктамъ, даннымъ изъ Юстицъ-Коллегіи—мы не знаемъ, только въ 1719 году былъ присланъ въ Сенатъ именной царскій указъ, чтобы съ 7 января 1820 года начать слушать Шведское Уложеніе и для этого положить по скольку дней и часовъ заниматься этимъ слушаніемъ Сенату, чтобы покончить его къ послѣднимъ числамъ октября того же 1720 года. Далѣе въ указѣ говорится: которые пункты Шведскаго Уложенія покажутся несходны къ нашему народу, то противъ нихъ взять изъ стараго Уложенія, или сочинить новые пункты. А также ежели которые пункты стараго Уложенія будутъ лучше шведскихъ, то и ихъ выписать. А для помѣстныхъ дѣлъ взять права эстляндскія и лифляндскія, ибо они ближе къ нашимъ. За неприго-

товленіе сего къ означенному сроку указъ обѣщалъ жестокое взысканіе. Такимъ образомъ, государь, наскучивши ожиданіемъ, когда наряженныя въ разное время коммиссіи составятъ систематическое собраніе русскихъ узаконеній, рѣшился замѣнить его готовымъ Шведскимъ Уложеніемъ, дополнивъ и исправя оное принаровительно къ потребностямъ русскаго общества. Онъ очевидно надѣялся, что это можно будетъ сдѣлать скоро, и въ этой надеждѣ назначилъ десятимѣсячный срокъ, угрожая въ противномъ случаѣ строгимъ взысканіемъ. Но эта надежда очевидно не могла оправдаться, и Сенатъ, которому было поручено это дѣло, будучи занятъ множествомъ иныхъ дѣлъ, не спѣшилъ своими распоряженіями, и только черезъ семь мѣсяцевъ нарядилъ для этого особую коммиссію, состоящую изъ трехъ иноземцевъ, находившихся въ русской службѣ, и изъ шести членовъ русскихъ, съ двумя секретарями и нѣсколькими подъячими и переводчиками. Этой коммиссіи приказано, по мѣрѣ составленія новаго уложенія, еженедѣльно представлять приготовленное для слушанія всему Сенату, и сидѣть имъ для того сочиненія по три дни въ недѣлю, и при томъ сочиненіи присутствовать по одному сенатору попеременно. А еще черезъ мѣсяцъ Сенатъ, не находя свободнаго времени, почти отказался отъ присутствія при сочиненіи новаго уложенія, и предоставилъ это дѣло членамъ коммиссіи однимъ, съ тѣмъ чтобы члены коммиссіи представляли, по-мѣрѣ сочиненія, какому-нибудь одному сенатору, которому будетъ свободно.

Какъ шли дѣла коммиссіи по составленію новаго уложенія на манеръ шведскаго впродолженіи двухъ лѣтъ, послѣ даннаго государемъ срока, мы не имѣемъ извѣстій; но должно полагать, что дѣло сочиненія уложенія шло незавидно, и чѣмъ дальше разсматривали Шведское Уложеніе, тѣмъ больше оказывалось неудобствъ въ принаровленіи его къ потребностямъ русской жизни. А посему въ декабрѣ 1722 года изданъ былъ сенатскій указъ, по которому въ помощь коммиссіи назначалось изъ каждой коллегіи по два члена съ секретаремъ и нѣсколькими подъячими, которые должны были являться въ коммиссію, когда по ходу дѣла наступала очередь до той или другой коллегіи. Но и эта новая мѣра мало помогала и сочиненіе новаго уложенія во все продолженіе царствованія Петра Великаго не подвигалось впередъ, или подвигалось медленно и малоуспѣшно. Между тѣмъ, множество новыхъ указовъ, часто противорѣчившихъ другъ другу, сбивало съ толку и производило страшную путаницу и медленность въ дѣлахъ. Посему въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1723 года былъ изданъ именной указъ, по которому предписывалось разные указы, въ разное время изданные объ одномъ дѣлѣ, разобрать, и гдѣ понадобится перемѣнить и прибавить или убавить, а которые будутъ аппробованы, тѣ напечатать и присоединить къ тѣмъ регламентамъ, къ которымъ они будутъ относиться, а указовъ врознь отнюдь не имѣть, и чтобы на одно дѣло не было двухъ указовъ. Наконецъ, отчаявшись въ окончаніи новаго уложенія, государь 11 марта 1724 года далъ свой именной указъ, чтыбы вновь выходящіе указы печатать и отдавать - которые къ регламентамъ—тѣ къ регламентамъ, а которые къ Уложенію — тѣ къ Уложенію; а какъ оное еще не окончено, то къ старому Уложенію 1649 года, дабы по нимъ дѣлать дѣла, а не по тѣмъ пунктамъ,

которые въ Уложенiи о томъ же гласятъ. Такимъ образомъ, кодификацiя русскихъ законовъ, или сочиненiе новаго уложенiя рѣшительно не удалось, хотя оно и продолжалось во все царствованiе Петра Великаго съ самыхъ первыхъ годовъ; нужда же въ немъ чувствовалась постоянная и настоятельная. Впрочемъ, Петръ Великiй успѣлъ до нѣкоторой степени пособить этой нуждѣ изданiемъ регламентовъ по разнымъ частямъ управленiя. Регламенты, по его мнѣнiю, служили какъ бы вѣхами или указками, куда относить тотъ или другой указъ, какъ это онъ самъ высказалъ въ приведенныхъ выше двухъ указахъ отъ ноября 1723 и 11-го марта 1724 годовъ; но тѣмъ не менѣе регламенты не замѣняли уложенiя, какъ это прямо высказано въ послѣднемъ указѣ, по которому вновь выходящiе указы повелѣвалось раздѣлять: на указы, подходящiе къ регламентамъ, и на указы, относящiеся къ Уложенiю.

Регламенты. Регламентами назывались, утвержденные государемъ, уставы для управленiя тою или другою отдѣльною частiю государственнаго управленiя; въ нихъ излагались подробно всѣ правила и законы, относящiеся до той части управленiя, для которой составленъ регламентъ.

1-й изъ регламентовъ былъ данъ 10 декабря 1711 года *Кригсъ-Коммиссарiату*. Этотъ регламентъ излагалъ правила содержанiя полковъ и раздачи жалованья. По симъ правиламъ требовалось: 1) чтобы раздача жалованья производилась, присланными отъ губернаторовъ коммиссарами, только наличнымъ генераламъ, штабъ- и оберъ-офицерамъ, и рядовымъ, а отнюдь не отсутствующимъ по своимъ надобностямъ, хотя бы по отпускамъ отъ начальства; и выдавать жалованье сперва унтеръ-офицерамъ и рядовымъ, а потомъ штабъ- и оберъ-офицерамъ и генералитету; передъ раздачею осматривать полкъ, чтобы всѣ казенныя вещи были въ цѣлости и надлежащемъ порядкѣ; выдавать жалованье по истеченiи мѣсяца. 2) Утраченныя или испорченныя казенныя вещи взыскивать съ тѣхъ, кому они сданы на руки, а за бѣглыхъ солдатъ налагать штрафы на весь полкъ, отъ генерала до рядового. 3) Когда приведутъ рекрутовъ, то напередъ дѣлать имъ смотръ и разбирать по полкамъ такъ, чтобы и худые и хорошiе доставались на каждый полкъ поровну. 4) При раздачѣ провiанта и фуража смотрѣть, чтобы все раздавалось по табелямъ, по росписанiю, и чтобы воинскiе люди не дѣлали на квартирахъ лишнихъ поборовъ.

2. *Воинскiй Уставъ*, онъ изданъ 30 марта 1716 года. Въ немъ въ 1-мъ отдѣленiи, во 1-хъ, говорится о разныхъ частяхъ войскъ: о корпусахъ, бригадахъ, дивизiяхъ и отрядахъ; во 2-хъ, о разныхъ воинскихъ чинахъ отъ генералъ-фельдмаршала до генералъ-профоса; въ 3-хъ, о квартированiи войскъ; въ 4-хъ, о военномъ судѣ; въ 5-хъ, о порядкахъ въ войскахъ на походѣ; въ 6-хъ, о гарнизонной службѣ; въ 7-хъ, о караулахъ и, наконецъ, въ 8-хъ, о порцiонахъ (на людей) и рацiонахъ (на лошадей) войскамъ въ чужой землѣ. 2-е отдѣленiе Воинскаго Устава составляетъ *воинскiй артикулъ*; въ немъ содержится 24 главы, которыя говорятъ о порядкѣ военной службы и объ отношенiяхъ разныхъ воинскихъ чиновъ другъ къ другу и вообще объ обязанностяхъ служащихъ въ войскѣ. Затѣмъ, 3-е отдѣленiе

Воинскаго Устава составляетъ краткое изображеніе процессовъ, или судебныхъ тяжебъ; оно состоитъ изъ трехъ частей—въ 1-й говорится о судѣ и судьяхъ, объ истцѣ, отвѣтчикѣ и повѣренныхъ; во 2-й—о судебныхъ доказательствахъ; въ 3-й части—о судебныхъ приговорахъ. Наконецъ—4-е отдѣленіе Воинскаго Устава, о воинскихъ экзерциціяхъ, приготовленіи къ маршу и о должности полковыхъ чиновъ.

3. *Регламентъ Штатсъ-Конторъ-Коллегіи.* Онъ изданъ 13-го февраля 1719 года. Въ этомъ регламентѣ первою обязанностью Штатсъ-Конторъ-Коллегіи постановлено собирать свѣдѣнія: въ чемъ особливые государственные расходы состоятъ, и потомъ немедленно сочинять изъ того особливые штаты, каждый штатъ подъ особымъ заглавіемъ. Въ регламентѣ исчислено всего 15-ть штатовъ, на которые Штатсъ-Конторъ Коллегія должна дѣлать росписанія и назначать деньги; штаты сіи были слѣдующіе: 1) придворный штатъ, 2) штатъ на собственные расходы государя, 3) штатъ каждой государственной коллегіи; 4) штаты всѣхъ высшихъ и нижнихъ судовъ, 5) штатъ гвардіи и пѣхоты, 6, штатъ конницы, 7) штатъ артиллеріи, 8) штатъ фортификаціи, 9) штатъ генеральнаго штаба, 10) штатъ адмиралтейства, 11) штатъ каждой губерніи и провинціи, 12) штатъ всего духовнаго чина, церквей, академій, школъ, госпиталей, смирительныхъ и сиропитательныхъ домовъ, 13) штатъ архитекторовъ и всѣхъ служащихъ при казенныхъ постройкахъ, 14) штатъ состоящихъ въ службѣ докторовъ, лѣкарей и аптекарей, 15) штатъ пословъ, министровъ, резидентовъ и всѣхъ служащихъ въ посольствахъ. Вторая обязанность Штатсъ-Конторъ-Коллегіи—имѣть свѣдѣнія о доходахъ государства, для чего постоянно сноситься къ Камеръ-Коллегію, дабы знать въ какой губерніи или провинціи сколько прихода и расхода и сколько въ остаткѣ. Третья обязанность—каждогодно составлять штаты расходамъ, и разсылать экстракты изъ своихъ штатовъ губернаторамъ и воеводамъ, въ которыхъ обозначать сколько и куда дѣлать расходъ и изъ какихъ суммъ.

4. *Регламентъ Коммерцъ-Коллегіи.* Этотъ регламентъ былъ изданъ 3-го марта 1719 года. По регламенту главная обязанность Коммерцъ-Коллегіи состояла въ томъ, чтобы смотрѣть за торговымъ мореходствомъ и вообще за купечествомъ. Во 1-хъ, она должна смотрѣть за хорошею постройкою торговыхъ кораблей, наблюдать за торговыми пристанями, выдавать паспорты отходящимъ кораблямъ; во 2-хъ, стараться о порядочномъ устройствѣ таможенъ и амбаровъ для складки товара и смотрѣть, чтобы таможенные служители не чинили какихъ либо помѣшательствъ въ торговымъ дѣлахъ; отъ нея же должны зависѣть и русскіе консулы въ иностранныхъ государствахъ. Въ 3-хъ, Коммерцъ-Коллегія должна сочинять и поправлять торговые трактаты съ иностранными государствами, чтобы были какъ можно выгоднѣе для русской торговли. Въ 4-хъ, относительно внутренней торговли, Коллегія должна пещись о лучшихъ торговыхъ уставахъ и смотрѣть за дѣйствіями магистратовъ по городамъ, чтобы для внутренной торговли не было стѣсненій. Въ 5-хъ, Коллегія должна судить всѣ споры и преступленія, которые по торговымъ уставамъ, таможенному учрежденію и другимъ до купечества и пошлинъ касающимся регламентамъ и уставамъ наказаны и опредѣлены быть имѣютъ; въ Ком-

мерцъ же Коллегіи должны быть судимы во всѣхъ дѣлахъ иноземные купцы, тогда какъ прежде они судились въ Посольской канцеляріи. И, наконецъ, въ 6-хъ, Коммерцъ-Коллегія должна собирать чрезъ русскихъ агентовъ и консуловъ въ иностранныхъ земляхъ о повышеніи цѣнъ на иностранныхъ рынкахъ и о таможенныхъ пошлинахъ.

5. *Регламентъ Камеръ-Коллегіи.* Этотъ регламентъ изданъ 11 декабря 1719 года. Общая обязанность Камеръ-Коллегіи—имѣть высшій надзоръ и управленіе надъ всѣми государственными доходами. Поэтому она должна: 1) собрать подробныя вѣдомости о разныхъ видахъ государственныхъ доходовъ и расходовъ; 2) составить формы для переписныхъ книгъ по каждой губерніи и уѣзду, чтобы по этимъ книгамъ каждогодно получать нужныя свѣдѣнія; 3) всѣ окладныя земскія подати распредѣлить въ равенствѣ, чтобы и богатымъ и бѣднымъ платить безъ тягости, по состоянію каждаго, и чтобы ни одинъ передъ другимъ не былъ облегченъ или отягощенъ, и чтобы на съѣстные припасы не налагать излишнихъ отягощеній; 4) Камеръ-Коллегія должна быть въ частыхъ сношеніяхъ съ губернаторами и иными начальниками въ провинціяхъ и городахъ и стараться черезъ нихъ, какъ о распространеніи населенія, такъ и объ лучшемъ состояніи земледѣлія, скотоводства и иныхъ промысловъ; 5) всѣ откупы и монополіи не иначе допускаются, какъ по контрактамъ съ Каммеръ-Коллегіею; 6) Камеръ-Коллегія сама собою не можетъ дѣлать новыхъ податей и налоговъ, или перемѣнять однѣ подати на другія, но о всемъ этомъ должна представлять Сенату и ждать его разрѣшенія, или указа; 7) вѣдѣнію Камеръ-Коллегіи подлежитъ монетное дѣло.

6. *Морской Уставъ.* Онъ изданъ 13 января 1720 года и составленъ изъ иностранныхъ морскихъ регламентовъ съ собственными добавленіями Петра Великаго. Уставъ сей раздѣляется на пять книгъ. Въ 1-й книгѣ говорится о должностяхъ адмирала, генералъ-кригсъ-коммиссара, флотскаго интенданта, цейгмейстера, доктора, главнаго лѣкаря, маіора, фискала и капитана. Во 2-й книгѣ—о рангѣ и командѣ офицеровъ, о флагахъ, вымпелахъ, фонаряхъ и обвѣсахъ корабельныхъ и о салютахъ. Въ 3-й книгѣ—о капитанѣ, объ отношеніяхъ капитана къ высшимъ командирамъ и объ отношеніяхъ низшихъ офицеровъ корабля къ капитану; о должности капитана на брандерѣ; о капитанъ-лейтенантѣ, о лейтенантѣ, о корабельномъ секретарѣ, объ унтеръ-лейтенантѣ, объ офицерѣ артиллеріи и его помощникѣ, о корабельномъ коммиссарѣ, о корабельномъ священникѣ, о лѣкарѣ, о шкиперѣ и его помощникѣ, о штурманѣ и подштурмамѣ, боцманѣ, мичманѣ и другихъ чинахъ на кораблѣ. Въ 4-й книгѣ 1-я глава говоритъ, какъ должны вести себя всѣ служащіе на кораблѣ, 2-я—о слугахъ при офицерахъ, 3-я—о раздачѣ провіанта, 4-я—о наградахъ служащимъ на кораблѣ, 5-я—о раздѣлѣ добычи. Въ 5-й книгѣ говорится о штрафахъ за разныя преступленія на кораблѣ. Къ концу Устава присоединены правила, какъ дѣлать сигналы съ одного корабля другому и что значитъ какой сигналъ, и какіе сигналы употреблять днемъ и какіе въ ночное время.

7. *Генеральный регламентъ* или уставъ изданъ 28 февраля 1720 года. Въ немъ собственно излагаются общія правила гражданской службы. 1) О привиллегіи коллегій; коллегіи по регламенту имѣютъ такое

значеніе, что по своему усмотрѣнію даже могутъ не исполнять сенатскихъ указовъ, ежели найдутъ ихъ въ чемъ неудобными, лишь донося о томъ съ своими объясненіями Сенату, а ежели Сенатъ и по объясненіи будетъ требовать исполненія по своему указу, то доносить о томъ государю; 2) о дняхъ и часахъ засѣданія въ коллегіяхъ; 3) о порядкѣ вѣдѣнія дѣлъ въ коллегіи и о допущеніи челобитчиковъ; 4) о секретарѣ и управленіи канцеляріею; 5) о должностяхъ нотаріуса, переводчика, актуаріуса, регистратора, канцеляристовъ и копіистовъ; 6) о конторахъ, о надзираніи камерира въ конторѣ, о книгахъ при конторахъ и архивахъ; 7) о фискалахъ отъ коллегій, о вахмистрахъ и коллежскихъ сторожахъ и о содержаніи прихожей каморы; 8) о ландкартахъ въ коллегіяхъ; 9) о деньгахъ на мелкіе расходы въ коллегіяхъ; 10) какъ награждаются служащіе въ коллегіяхъ за добрую службу и какъ наказывать за проступки и за какія преступленія въ какой коллегіи судить; 11) о томъ, чтобы служители въ коллегіяхъ были послушны и почтительны къ начальникамъ и чтобы никто не дерзалъ поносить коллегію ругательными словами.

8. *Регламентъ или уставъ Главнаго Магистрата.* Сей регламентъ изданъ 16 февраля 1721 года. Въ немъ обязанности Главнаго Магистрата выражены слѣдующимъ образомъ: 1) во всѣхъ городахъ порядочный магистратъ учинить; 2) оный добрыми уставами и учрежденіями снабдить; 3) смотрѣть, чтобъ было правосудіе; 4) добрую полицію учредить; 5) купечество и мануфактуры размножать. Для успѣшнаго исполненія этихъ обязанностей Главный Магистратъ долженъ: 1) собрать подробныя свѣдѣнія о состояніи всѣхъ городовъ; 2) по симъ свѣдѣніямъ раздѣлить города на пять классовъ: къ 1-му классу отнести города, въ которыхъ отъ 2-хъ до 3000 дворовъ, ко 2-му—отъ 1000 до 1500 дворовъ къ 3-му—отъ 500 до 1000 дворовъ, къ 4-му—отъ 250 дворовъ и выше, и къ 5-му—всѣ остальные малые города и мѣстечки. 3) Учредить по всемъ городамъ магистраты при помощи губернаторовъ и воеводъ. 4) Въ каждомъ городѣ раздѣлить гражданъ на гильдіи причемъ къ 1-й гильдіи причислить большихъ торговцевъ и фабрикантовъ, ко 2-й—мелкихъ торговцевъ и ремесленниковъ. Черныхъ же рабочихъ и живущихъ по наймамъ отчислить внѣ гильдій, какъ непринадлежащихъ къ регулярнымъ гражданамъ. Всѣ ремесла раздѣлить на цехи, чтобы каждый цехъ имѣлъ свое собраніе, свои книги для записки, свои уставы и своего алдермана. 5) Всѣхъ купеческихъ и ремесленныхъ людей во всѣхъ городахъ судомъ и управою по всѣмъ даже уголовнымъ дѣламъ вѣдать въ мѣстныхъ магистратахъ, подъ надзоромъ Главнаго Магистрата. 6) Главному Магистрату обще съ Коммерцъ - и Мануфактуръ-Коллегіями заботиться о распространеніи торговли и мануфактуръ, пещись объ умноженіи ярмарокъ и торговъ въ городахъ и уѣздахъ, о выборѣ маклеровъ, о биржахъ и устройствѣ ратушъ. 7) Главный Магистратъ чрезъ мѣстные магистраты долженъ стараться о заведеніи смирительныхъ домовъ, больницъ и школъ. 8) Изъ всѣхъ городовъ мѣстные магистраты должны посылать въ Главный Магистратъ каждый годъ генеральные и партикулярные рапорты; въ генеральныхъ рапортахъ должно писать на сколько и въ чемъ улучшился городъ въ продолженіи года, или потерпѣлъ какой упадокъ и отчего; въ партикулярныхъ рапортахъ прописывать число

жителей по ихъ промысламъ, число градскихъ служителей и прибыль въ городскихъ сборахъ; по симъ рапортамъ Главный Магистратъ долженъ доносить Сенату.

9. *Духовный регламентъ.* Этотъ регламентъ изданъ 25 января 1721 года. Онъ раздѣляется на 6 частей. Въ 1-й части говорится, что духовное управленіе основывается на законѣ Божіемъ, изложенномъ въ священномъ писаніи, на канонахъ, или правилахъ соборныхъ св. отцовъ и на гражданскихъ законахъ, согласныхъ съ словомъ Божіимъ. На основаніи всѣхъ сихъ правилъ регламентъ полагаетъ, что для управленія духовными дѣлами должно учредить Синодъ, или постоянный церковный соборъ, и чтобы этотъ Синодъ былъ подъ верховною властью государя. Въ этой части государь болѣе всего заботится о томъ, чтобы духовная власть не преобладала и не обратилась на Руси во власть папы, какъ это сдѣлалось въ Римѣ. Въ числѣ причинъ къ учрежденію синодальнаго управленія Петръ Великій выставляетъ слѣдующее: „Наконецъ въ таковомъ правительствѣ соборномъ будетъ аки нѣкая школа въ правленіи духовномъ. Ибо отъ сообщенія многихъ различныхъ разсужденій, и совѣтовъ, и доводовъ правильныхъ, всякъ отъ сосѣдателей удобно научиться можетъ духовной политикѣ и повседневнымъ искусствомъ навыкнуть какъ бы лучше домъ Божій управлять.“

Во 2-й части говорится во 1-хъ, о чинахъ къ духовному правленію относящихся; ихъ пять: а) епископы; б) пресвитеры, діаконы и причетники, в) монахи, г) домы училищные, учителя и ученики, а также церковные проповѣдники и д) особы свѣтскіе въ дѣлахъ относящихся къ духовному вѣдомству. Во 2-хъ, о дѣлахъ относящихся къ духовному управленію: 1) розыскать вновь сложенные и слагаемые акаѳисты и иныя службы и молебны святымъ: не имѣютъ ли хотя нѣчто непристойное и праздсловное? 2) опредѣлить, чтобы церковная служба не наполнялась многими моленіями, хотя и правильными, но продолжительными и отяготительными. 3) Пересмотрѣть житія святыхъ, нѣтъ ли между ними ложновымышленныхъ, и особенно, нѣтъ ли такихъ, въ которыхъ бы отъ имени святыхъ предлагались правила жизни, несогласныя съ церковью, напримѣръ праздновать пятницу и подобное? Эта статья явно взята изъ Стоглава. 4) Смотрѣть, чтобы не было какихъ неприличныхъ церковныхъ церемоній. 5) Розыскивать о мощахъ святыхъ, нѣтъ ли между ними сомнительныхъ, напримѣръ: въ Италіи по разнымъ мѣстамъ показываютъ млеко Богородицы; нѣтъ ли и у насъ чего подобнаго? 6) Наблюдать за явленіемъ иконъ, чтобы не распространялись таковыя явленія ложными вымыслами. 7) Наблюдать порядокъ въ священнослуженіи, чтобы въ одно время не пѣть и не читать въ церкви разныхъ пѣснопѣній и молитвъ. Это правило взято прямо изъ Стоглава, именно изъ главы о двоегласіи. 8) Читать по церквамъ поученія и для этого составить особыя книжицы; это также сдѣлано по Стоглаву, только съ тою перемѣною, что въ Стоглавѣ прямо указаны для поученій толковое евангеліе и поученія Іоанна Златоуста и другихъ избранныхъ учителей церковныхъ; въ регламентѣ же поученія сіи названы неудобопонятными и велѣно приготовить особыя поучительныя книжицы попростѣ.

Въ 3-й части—*объ обязанностяхъ епископовъ* и прочихъ служителей церкви. *Епископъ* 1) долженъ знать хорошо всѣ каноны церковные, для того предписать отъ Синода, чтобы у епископовъ церковные каноны постоянно читались во время трапезы. 2) Епископу на долго не отлучаться отъ своей епархіи. 3) Епископъ долженъ смотрѣть за поведеніемъ монаховъ, чтобы не строилось излишнихъ церквей, чтобы не вымышляли ложныхъ чудесъ отъ иконъ, чтобы не было кликушъ, чтобы безъ свидѣтельства не открывали мощей. 4) Епископъ долженъ назначать благочинныхъ для надзора за духовенствомъ. 5) Епископу имѣть при своемъ домѣ школу для дѣтей священническихъ и прочихъ, желающихъ поступить въ духовный чинъ, а учителей въ ихъ школахъ содержать изъ архіерейскихъ доходовъ. 6) Епископъ долженъ вѣдать мѣру своей чести и не высоко о ней мыслить, и во власти своей не быть дерзкимъ и скорымъ въ отношеніи наложенія запрещенія и анаѳемы, а напередъ долженъ посылать духовника для увѣщанія того, кто по правиламъ подлежитъ отлученію, потомъ позвать его къ себѣ. Епископъ при посѣщеніи епархіи долженъ не отягощать духовенства расходами на угощеніе себя самого и своей свиты. 7) Епископъ дважды въ годъ долженъ представлять въ Синодъ рапорты о состояніи своей епархіи.

Въ 4-й части—*объ училищахъ и учителяхъ.* 1) Предметы училищнаго преподаванія: а) грамматика съ географіею и исторіею, б) ариѳметика и геометрія, в) логика или діалектика, г) риторика и стихотворство, д) физика и метафизика краткая, е) политика Пуффендорфа, которую можно присовокупить къ діалектикѣ. Каждой изъ сихъ наукъ учиться по одному году, и, наконецъ, ж) богословіе, которому учиться два года. Сверхъ того языки: греческій и еврейскій. 2) Начальникъ училища ректоръ и префектъ. 3) Домъ для училища долженъ быть построенъ на подобіе монастыря и ученики должны жить тамъ, человѣкъ по осьми въ одной избѣ, отдѣльно большіе отъ среднихъ и средніе отъ малыхъ. 4) Во всякой избѣ, или комнатѣ, долженъ былъ смотритель и чтобы семинаристы безъ благословенія смотрителя не смѣли выходить изъ комнаты. 5) Опредѣлить время, когда семинаристамъ ложиться спать, когда вставать, молиться, за трапезу итти, или гулять и проч. 6) Семинариста не выпускать изъ семинаріи никуда три года, чтобы попривыкъ къ семинарскимъ порядкамъ, да и послѣ трехъ лѣтъ отпускать куда къ своимъ въ гости небольше двухъ разъ въ годъ, и притомъ отпускать не одного, а съ инспекторомъ, или надсмотрщикомъ, который бы постоянно былъ при немъ куда бы онъ не пошелъ и который по возвращеніи въ семинарію долженъ рапортовать о его поведеніи. Родственники не могутъ посѣщать семинаристовъ иначе, какъ съ позволенія ректора, и бесѣдовать съ ними не иначе, какъ въ присутствіи наблюдателя, назначеннаго ректоромъ. 7) Для развлеченія семинаристовъ давать имъ каждый день по два часа на гулянье, а именно — послѣ обѣда и вечеромъ. А гулянье бы было съ играми честными и тѣлодвижными, лѣтомъ въ саду, а зимою въ комнатѣ; игры преимущественно избирать тѣ, которыя бы съ потѣхою давали нѣкоторое наставленіе, напримѣръ: водное на регулярныхъ судахъ плаваніе, геометрическіе размѣры, строеніе крѣпостей и проч. А лѣтомъ однажды или дважды въ мѣсяцъ можно ѣздить на

острова, поля и иныя веселыя мѣста. 8) На трапезѣ въ семинаріи читать исторіи воинскія, или церковныя, а въ началѣ каждаго мѣсяца черезъ два или три дня читать повѣсти о мужахъ просіявшихъ въ ученіи, о церковныхъ великихъ учителяхъ, о древнихъ и нынѣшнихъ философахъ, астрономахъ, риторахъ, историкахъ и проч. Можно еще дважды въ годъ или больше дѣлать нѣкія акціи, диспуты, комедіи и риторскія экзерциціи. 9) Могутъ быть установлены нѣкія почести хорошо и прилежно учащимся. 10) Когда семинаристъ придетъ въ совершенный разумъ и къ большимъ ученіямъ достигнетъ, то долженъ учить въ семинарской церкви при прочей своей братіи и долженъ дать присягу, что хочетъ быть вѣренъ царскому величеству и готовъ къ службѣ, куда государь укажетъ. Прежде выпуска изъ семинаріи ректоръ долженъ донести Синоду объ окончившихъ курсъ. А которые семинаристы по окончаніи ученія окажутся способнѣйшими къ духовному дѣлу, тѣхъ епископы оставляли бы при себѣ и назначали ихъ на разныя властительскія степени.

Въ 5-й—*о проповѣдникахъ слова Божія.* 1) Никто не можетъ быть проповѣдникомъ, не учившись въ семинаріи и не получивши свидѣтельство отъ Синода; а кто учился у иновѣрцевъ, тотъ долженъ сперва подвергнуться испытанію въ Синодѣ. 2) Проповѣдникъ долженъ говорить на основаніи священнаго писанія о покаяніи, исправленіи житія, о почитаніи властей и особенно царской власти, о должностяхъ всякаго чина, и чтобы истребляли суевѣрія; о грѣхахъ же говорили бы вообще, а не именуя кого либо, развѣ былъ бы опубликованъ отъ всей церкви. А ежели о комъ либо пронесется недобрый слухъ въ какомъ грѣхѣ, то и объ этомъ грѣхѣ не поминать бы въ проповѣдяхъ. Особено же молодые проповѣдники не должны говорить о грѣхахъ властительскихъ. 3) Проповѣдникъ все время говоренія проповѣди не долженъ поднимать бровей, пожимать плечами и дѣлать другіе какіе жесты, а долженъ стоять смиренно, не качаться.

Въ 6-й—*о мірскихъ людяхъ.* 1) Мірскіе люди непремѣнно должны пріобщаться св. таинъ, хотя одинъ разъ въ годъ. 2) Которые не пріобщаются, тѣхъ считать раскольниками; приходскіе священники должны доносить о причащающихся и не причащающихся своимъ епископамъ каждогодно. 3) Гдѣ откроются, такимъ образомъ, раскольники, то епископъ долженъ о каждомъ раскольникѣ писать тому начальству, въ вѣдѣніи котораго онъ состоитъ, а начальство должно отослать его въ Синодъ. 4) Никто изъ мірскихъ людей не долженъ имѣть въ своихъ домахъ домовыхъ церквей и крестовыхъ священниковъ. 5) Прихожане, выбравъ къ своей церкви священника, должны засвидѣтельствовать, что онъ добраго житія и не подозрительнаго, а помѣщики, избирая священниковъ для своихъ вотчинъ, должны писать—какая имъ будетъ руга, или земля. 6) Въ духовники не принимать священниковъ, не причисленныхъ къ приходамъ. 7) Браки мірскихъ людей непремѣнно должны быть въ той приходской церкви, гдѣ живетъ женихъ или невѣста; ежели священникъ встрѣтитъ какое сомнѣніе относительно брака, то долженъ просить разрѣшенія у своего епископа; а ежели самъ епископъ также сомнѣвается, то долженъ доносить Синоду.

О Синодѣ, 1) Число членовъ Синода должно быть двѣнадцать; изъ нихъ тремъ быть архіереямъ, а остальнымъ изъ архимандритовъ,

игуменовъ и протопоповъ. 2) Синодъ долженъ пещись о лучшемъ управленіи церковью, чтобы каждый изъ служителей церкви исполнялъ свою должность. 3) Синодъ долженъ цензуровать всѣ богословскія сочиненія. 4) Производимыхъ на архіерейство свидѣтельствовать: не суевѣрны-ли они, не ханжи ли и святокупцы? 5) Разбирать жалобы на архіереевъ. 6) Смотрѣть кто и какъ владѣетъ церковными землями и куда издерживаются доходы съ церковныхъ земель. 7) Обязанъ сдѣлать распоряженіе и имѣть строгій надзоръ, чтобы тунеядцы не просили по улицамъ и при церквахъ милостыни. 8) Чтобы духовенство имѣло опредѣленные доходы, для чего Синоду съ Сенатомъ опредѣлить сколько дворовъ быть къ одному приходу и каждый дворъ обложить опредѣленною податью на содержаніе причта.

Узаконенія, относящіяся до порядка судопроизводства. Что касается до судопроизводства, то оно въ царствованіе Петра Великаго потерпѣло множество измѣненій относительно своего порядка. Во 1-хъ, указомъ отъ 24 февраля 1697 года вмѣсто судовъ и очныхъ ставокъ предписано по челобитью всякихъ чиновъ въ обидахъ и разореньяхъ чинить розыскъ, т. е. спрашивать свидѣтелей, а свидѣтелей не будетъ, то давать присягу; а ежели кто присягнетъ ложно, или свидѣтель лживо будетъ свидѣтельствовать, то казнить за то смертію; въ крѣпостныхъ же дѣлахъ судить по крѣпостямъ. Потомъ отъ 1 марта 1699 года былъ изданъ указъ, которымъ предписывалось судьямъ противъ исцова челобитья допрашивать отвѣтчиковъ передъ собою, а допросовъ на письмѣ и сказокъ за руками не принимать, потому что отвѣтчики въ тѣхъ своихъ сказкахъ и допросахъ пишутъ иныя постороннія дѣла, хотя себѣ противъ истцова челобитья оправданіе принести и челобитье его оспорить или къ безчестью пригнать. 1700 года 11 декабря былъ изданъ указъ, чтобы по приказамъ и во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, для большаго удобства въ пріисканіи справокъ и храненія дѣлъ, всякія дѣла писать въ дестевыхъ тетрадяхъ, а не въ столбцахъ и не широко, чтобы меньше казенной бумаги выходило. Указомъ отъ 10 марта 1702 года предписано отмѣнить губныхъ старостъ и сыщиковъ, а вѣдать всякія дѣла съ воеводами дворянамъ, тѣхъ городовъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, добрымъ и знатнымъ людямъ, по выбору тѣхъ же городовъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, въ большихъ городахъ по 4 и по 3, а въ малыхъ по два человѣка; и, слушавъ тѣ дѣла, указъ по нимъ чинить всѣмъ вмѣстѣ, а одному воеводѣ безъ выборныхъ дворянъ никакихъ дѣлъ не дѣлать и указа не давать. Указомъ отъ 22 марта 1707 года предписано допросы истцамъ, отвѣтчикамъ и ихъ людямъ и крестьянамъ производить передъ судейскимъ столомъ, и тутъ же, не отходя отъ стола, къ допросамъ и руки прикладывать и допросы, или распросы, крѣпить дьячими руками.

Указомъ отъ 4 сентября 1713 года предписывается изъ судебныхъ мѣстъ дѣла, по которымъ подано челобитье на судей въ незаконномъ рѣшеніи, должны быть препровождаемы въ Расправную Палату, а въ Палатѣ отъ челобитчика бралась сказка въ чемъ именно онъ считаетъ дѣло рѣшеннымъ незаконно. Потомъ Палата вытребованное дѣло вновь разсматриваетъ, рѣшаетъ и чинитъ указъ по законамъ. Въ Расправную же Палату посылаются челобитныя на медленность судей и туда же доносятъ фискалы на безпорядки въ судахъ,

а Палата о всемъ этомъ и о своихъ распоряженіяхъ ежемѣсячно доноситъ Сенату.

Указомъ отъ 16 февраля 1717 года предписано: на всѣхъ бумагахъ въ присутственныхъ мѣстахъ писать годъ, мѣсяцъ и число, когда писаны; а судьямъ и дьякамъ на подаваемыхъ челобитчиками бумагахъ помѣчать годъ, мѣсяцъ и число, когда подана бумага. Указомъ отъ 28 августа 1718 года Расправная Палата подчинена Юстицъ-Коллегіи. Указомъ отъ 13 января 1719 года Юстицъ-Коллегіею предписано Расправной Палатѣ вести протоколы своихъ засѣданій и завести особую записную всякимъ дѣламъ книгу, помѣсячно и почисленно со всякою очисткою, чьи и съ кѣмъ; а для лучшаго извѣстія и перечневаго вѣдѣнія имѣть повсядневную записку (журналъ) и по вся недѣли приноситъ ту записку въ Коллегію Юстиціи. А спорныя дѣла прежде слушанія прочитывать истцамъ и отвѣтчикамъ, чтобы прикладывали къ запискѣ дѣла руки, ежели будутъ довольны, а безъ согласія ихъ никакихъ дѣлъ не рѣшать. А ежели при слушаніи записки истцы или отвѣтчики объявятъ въ составленіи записки какіе пропуски или исканенія и докажутъ, то по ихъ указаніямъ исправлять и пополнять, и по удовлетвореніи сего требовать рукоприкладствъ истцовъ и отвѣтчиковъ; а безъ ихъ рукоприкладства никакія дѣла въ Коллегіи Юстиціи не будутъ приняты къ слушанію. Указомъ отъ 2 марта того же 1719 года предписано: подъ дѣлами, приготовленными къ рѣшенію, подводить въ выпискахъ приличные къ дѣлу указы и статьи Уложенія и свидѣтельствовать ихъ дьякамъ своеручно, что другихъ указовъ, приличныхъ къ дѣлу, болѣе нѣтъ. А подьячимъ дѣлъ на домъ не носить, а дѣлать ихъ не выходя изъ канцеляріи. Указомъ отъ 15 іюля того же 1719 года мѣсто Расправной Палаты заступили Надворные Суды и предписано, чтобы въ городахъ нижнимъ судамъ быть подъ правленіемъ главныхъ, а тѣмъ, главнымъ въ каждой губерніи, подъ правленіемъ государственной Коллегіи Юстиціи, а челобитчикамъ мимо нижнихъ судовъ въ высшіе суды прошеній не подавать. 17 сентября 1720 года былъ изданъ указъ о порядкѣ подачи аппеляціонныхъ жалобъ. По этому указу предписывается: 1) подавать аппеляціонныя жалобы на низшія судебныя мѣста непосредственно высшимъ судамъ, а не минуя ихъ, т. е. жалобы на конторы подавать въ Коллегіи, а не въ Сенатъ; 2) въ жалобахъ писать, что дѣло рѣшено неправо и почему неправо, въ противность какихъ законовъ; 3) челобитенъ, которыя будутъ подавать послѣ суда, или допросовъ, въ пополненіе, не принимать.

Указомъ отъ 11 января 1721 года учреждены при Сенатѣ генералъ-прокуроръ и оберъ-прокуроръ, а во всякой Коллегіи по прокурору, которые должны рапортовать генералъ-прокурору. А 18 января того же года предписано быть прокурору и при Надворныхъ Судахъ. Должность прокурора опредѣлена тякъ: 1) смотрѣть накрѣпко, чтобы коллегія всѣ дѣла исполняла по регламенту и указамъ; 2) чтобы въ коллегіяхъ рѣшенныя дѣла немедленно приводились въ исполненіе, для этого прокурору имѣть книгу, въ которой записывать на одной сторонѣ, когда какой указъ состоялся, а на другой сторонѣ, когда что по указу исполнено; 3) ежели увидитъ, что въ Коллегіи дѣлаютъ противно указамъ, то протестовать и доносить генералъ-прокурору;

4) смотрѣть за фискалами въ исправленіи ихъ должности; 5) канцеляріи Коллегій должны исполнять всѣ требованія прокурора. Такимъ образомъ, съ учрежденіемъ прокуроровъ всѣ Коллегіи поступили подъ надзоръ каждая своего прокурора, а низшіе суды подъ надзоръ своихъ фискаловъ, состоящихъ въ вѣдѣніи прокурора.

Указомъ отъ 8 февраля 1722 года утверждены слѣдующія инстанціи судовъ и порядокъ подачи челобитенъ: 1-ю инстанцію составляли Нижніе Провинціальные Суды; 2-ю инстанцію Надворные Суды, а кто будетъ недоволенъ рѣшеніемъ Нижнихъ Судовъ, тому подавать жалобу или апелляцію въ Надворные Суды; 3-ю инстанцію составляли Коллегіи, въ которыя подавались жалобы на Надворные Суды; 4-ю инстанцію составлялъ Сенатъ, при которомъ былъ учрежденъ рекетмейстеръ, который принималъ и разсматривалъ жалобы на Коллегіи, а чего самъ рѣшить не могъ, докладывалъ Сенату.

Наконецъ 5 ноября 1723 года былъ изданъ указъ о формѣ суда, въ которомъ законодатель рѣшительно отступился отъ розысковъ и положилъ всѣ дѣла безъ различія судить судомъ, а не розыскомъ, и форму суда составилъ частію по старымъ, имъ же недавно отмѣненнымъ законамъ, а частію по узаконеніямъ, изданнымъ въ послѣднее время. По этой новой формѣ суда требовалось: 1) какъ челобитныя, такъ и доношенія писать пунктами съ такою отчетливостью, чтобы что писано въ одномъ пунктѣ, въ другомъ не повторять. 2) Ко времени открытія судоговоренія приготовить двѣ прошнурованныя тетради, запечатанныя и скрѣпленныя секретаремъ по листамъ, изъ которыхъ на одной писать отвѣтчиковы отвѣты, а на другой истцовы. 3) Когда прочтется первый пунктъ, тогда отвѣчать словесно только на этотъ пунктъ, не касаясь другихъ пунктовъ челобитной. 4) Когда истецъ и отвѣтчикъ очистятъ первый пунктъ, то спросить истца и отвѣтчика: не имѣютъ ли они еще что сказать по первому пункту; и ежели скажутъ, что не имѣютъ, то требовать, чтобы они приложили руки каждый къ своему пункту и другъ у друга. Ежели же отвѣтчикъ станетъ просить времени для справокъ, то давать поверстный срокъ. 5) Прежде суда должно вызвать отвѣтчика и дать ему списокъ съ пунктовъ, поданныхъ истцомъ, чтобы онъ по этому списку могъ приготовиться къ судоговоренію; на этомъ спискѣ, или копіи, судьямъ помѣтить число, когда отвѣтчику явиться на судъ, а также что отвѣтчику была дана полная недѣля на приготовленіе, и взять у него реверсъ въ полученіи копіи и въ томъ, что онъ явится на положенный срокъ безо всякой отговорки. А истцу также дать билетъ за руками судей, что онъ въ положенный срокъ станетъ на судъ со всѣми, принадлежащими тому иску, письменными документами и доказательствами. Истцу и отвѣтчику приходить въ судъ въ указный день, не позднѣе 8-го часу по утру; а ежели кто изъ нихъ не придетъ въ 11 часу, то сказать ему, чтобы былъ на другой день рано; а ежели на другой день придетъ позднѣе 8 часа, то его задержать въ судѣ, чтобы не волочить дѣло. 6) Ежели истецъ или отвѣтчикъ, въ срочный для судоговоренія день будутъ взяты въ другой судъ, по другому дѣлу, то они должны объявить о себѣ, что имъ въ этотъ день назначено судоговореніе въ такомъ-то судѣ и показать—отвѣтчику копію съ челобитной, а истцу – билетъ, данный ему судьями, послѣ

чего судъ таковаго немедленно долженъ отпустить, въ противномъ случаѣ судьи, задержавшіе таковаго, будутъ наказаны какъ преступники закона. А ежели истецъ или отвѣтчикъ, къ тому сроку, когда явиться къ судоговоренію, захворают, то объ этомъ должны извѣстить судъ, откуда послать для освидѣтельствованія трехъ членовъ, и по освидѣтельствованіи отложить судоговореніе до выздоровленія больного. Ежели же кто не явится къ суду и не извѣститъ почему онъ не явился, то дать ему новый срокъ на недѣлю, а ежели и на этотъ срокъ не явится, то его обвинить; равнымъ образомъ обвинить и того, кто, явившись черезъ недѣлю, не представитъ законныхъ причинъ почему на срокъ не сталъ. 7) Истцамъ и отвѣтчикамъ дается воля вмѣсто себя посылать въ судъ кого хотятъ, только съ такими вѣрющими письмами, что довѣритель не будетъ прекословить, что бы ни учинилъ повѣренный. 8) По окончаніи допросовъ, по истцамъ брать поруки, что имъ до вершенья дѣла не отлучаться. А когда все дѣло будетъ изслѣдовано, тогда сдѣлать выписки пунктами-жъ, и прочесть каждому и велѣть подписать по пунктамъ отвѣтчику и истцу каждому на своей, для того—все ли вписано. Ежели же будутъ спорить что не все, или не такъ выписано, то тѣ пункты предложить имъ, и буде что неисправно — исправить; а когда они подпишутъ, то приговоры писать на каждомъ пунктѣ на основаніи законовъ, которые тутъ же и выписывать по пунктамъ. При настоящемъ указѣ приложена и форма, какъ писать прошенія; форма эта та самая, которая употребляется и нынѣ при писаніи прошеній въ присутственныя мѣста; она начинается титуломъ государя. По настоящему указу предписывалось вести новую форму суда во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ съ начала 1724 года. А 20-го января 1724 года, въ дополненіе къ сему указу, предписано, чтобы въ Сенатѣ, Коллегіяхъ и во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ протоколы всѣмъ членамъ присутствія подписывать на другой день засѣданія, и до подписанія протоколовъ новыхъ дѣлъ отнюдь не начинать, развѣ случится какое дѣло, не терпящее отлагательства, тогда ежели времени не достанетъ, протоколъ прошедшаго засѣданія подписывать на третій день, но никакъ не далѣе. Потомъ 10 августа того же 1724 года данъ указъ, чтобы всѣ присутственныя мѣста имѣли свои печати для припечатанія судныхъ дѣлъ, а на печатяхъ рѣзать гербъ той губерніи или провинціи, къ которой принадлежитъ присутственное мѣсто. И наконецъ, 13-го ноября того же года былъ изданъ указъ, который давалъ тяжущимся право отводить судей по подозрѣнію: 1) въ родствѣ съ противною стороною; 2) во враждѣ къ челобитчику, доказанной судебнымъ порядкомъ; 3) ежели судья чѣмъ нибудь обязанъ противной сторонѣ; 4) ежели доказано, что судья взялъ посулъ; 5) ежели судья имѣетъ равное дѣло съ челобитчикомъ; 6) или у котораго судьи случится дѣло въ другомъ судѣ, въ которомъ истецъ или отвѣтчикъ будетъ судьею; и 7) ежели судья будетъ часто въ одной компаніи тайно съ отвѣтчикомъ или истцомъ обхожденіе имѣть и шептаться.

Узаконенія о порядкѣ совершенія крѣпостныхъ актовъ. Новый порядокъ совершенія крѣпостныхъ актовъ начинается съ указа отъ 23 января 1699 года. Этимъ указомъ предписывается всѣ крѣпостные акты во всемъ государствѣ писать на гербовой бумагѣ, которая на первый

разъ раздѣлялась на три разряда. На листахъ 1-го разряда, подъ большимъ орломъ, цѣною три алтына двѣ деньги листъ, писать вотчинныя, лавочныя, дворовыя и на людей крѣпости и сдѣлочныя записи и земныя кабалы въ большихъ суммахъ, выше 50 рублей; на листахъ 2-го разряда подъ гербомъ, величиною противъ золотого, цѣною двѣ деньги за листъ, писать всякія крѣпости ниже 50 рублей и челобитные мировыя; на листахъ 3-го разряда, подъ гербомъ въ половину золотого, цѣною по 1-й деньгѣ листъ, писать челобитныя, сказки и въ приказахъ выписки по челобитчиковымъ дѣламъ. А печатаніе гербовой бумаги и денежный сборъ вѣдать въ Оружейной Палатѣ. Потомъ указомъ отъ 9 декабря того же года предписано: всѣ крѣпостные акты писать въ Москвѣ не на Ивановской площади площаднымъ подъячимъ, какъ сказано въ Уложеніи, а въ Помѣстномъ Приказѣ, того приказа подъячимъ добрымъ, съ вѣдома судей того Приказа; вмѣсто послуховъ писать свидѣтелей, людей добрыхъ и знатныхъ, въ большихъ дѣлахъ человѣка по 3, по 4 и больше, а въ меньшихъ дѣлахъ, не выше 200 руб., человѣка по два и по три. А въ Помѣстномъ Приказѣ завести записную книгу, въ которую записывать всякую крѣпостную сдѣлку тѣмъ же днемъ, и въ этой книгѣ получающій крѣпость долженъ росписываться въ полученіи, при чемъ объявлять ему, чтобы полученную крѣпость по прежнему порядку въ два мѣсяца представилъ къ запискѣ и явкѣ. Такой порядокъ при совершеніи крѣпостей наблюдать и въ другихъ приказахъ; а по городамъ крѣпости тѣмъ же порядкомъ совершать у воеводъ, и также въ двухмѣсячный срокъ высылать къ запискѣ въ Помѣстномъ Приказѣ; а воеводамъ ежемѣсячно посылать вѣдомости: сколько и какихъ крѣпостей было у нихъ въ совершеніи. Третьимъ указомъ того же года велѣно съ записки лавокъ и лавочныхъ мѣстъ по купчимъ, закладнымъ и инымъ крѣпостямъ брать пошлинъ по 6-ти денегъ съ рубля, да съ вершку и отказного по 2 алт. по 2 ден. съ крѣпости.

Въ 1701 году 30 января изданъ былъ указъ, по которому предписывается всякія крѣпости писать по прежнему обычаю площаднымъ подъячимъ въ палаткѣ Ивановской площади, и для сего выбрать изъ площадныхъ подъячихъ 20 человѣкъ, и вѣдать тѣ крѣпостныя дѣла и подъячихъ въ Оружейной Палатѣ, и записныя всякимъ крѣпостямъ книги изъ всѣхъ приказовъ и изъ Ратуши передать въ Оружейную Палату. А изъ городовъ въ Оружейную же Палату ежемѣсячно присылать вѣдомости: сколько и какихъ крѣпостей было въ запискѣ и совершеніи. При семъ всѣ крѣпости раздѣлены на три статьи или разряда: первый разрядъ составляли крѣпости отъ 50 до 100 рублей, съ которыхъ взималось отъ письма по 5 алтынъ; второй разрядъ отъ 100 рублей до многихъ тысячъ, съ которыхъ взималось со 100 рублей по гривнѣ; третій разрядъ до 50 рублей, съ которыхъ взималось по гривнѣ отъ крѣпости. А для того денежнаго сбора и въ надсмотрѣ тѣхъ крѣпостей за писцами, и для подтвержденія во всякихъ крѣпостяхъ у подписки—выбрать четыре человѣка надсмотрщиковъ, людей знатныхъ, кому-бы въ томъ дѣлѣ можно было вѣрить. Сверхъ вышеупомянутаго сбора крѣпостныхъ пошлинъ, надсмотрщику, подписывающему крѣпость, съ крѣпости до 50 рублей брать по 2 деньги, съ крѣпости въ 100 руб.—по 4 деньги, и съ крѣпости выше 100 руб.

*

и въ тысячахъ—по 6 денегъ. А въ началѣ всякихъ крѣпостей писать годъ, мѣсяцъ и число, и для письма крѣпостей составить опредѣленныя формы, чтобы послѣ этого никто самъ никакихъ крѣпостей не писалъ, а чтобы всѣ крѣпости писались писцами у крѣпостныхъ дѣлъ. Подъячимъ же площаднымъ на содержаніе выдавать изъ тѣхъ сборныхъ крѣпостныхъ денегъ по усмотрѣнію.

Указомъ отъ 30 апрѣля того-же 1701 года предписано: изъ Оружейной Палаты послать во всѣ города людей, кому въ томъ вѣрить можно, для устройства во всѣхъ городахъ письма крѣпостей тѣмъ же порядкомъ, который заведенъ въ Москвѣ, и послать грамоты къ воеводамъ и бурмистрамъ, чтобы они вмѣстѣ съ посланными изъ Оружейной Палаты людьми избрали къ письму крѣпостей въ подъячіе изъ всякихъ чиновъ людей добрыхъ, смотря сколько человѣкъ гдѣ пристойно, и изъ нихъ же выбрать для надсмотра за писцами въ большихъ городахъ человѣка по два, а въ меньшихъ - по одному; а собрать по нихъ поручныя записи съ добрыми и знатными поруками, которымъ, также какъ и въ Москвѣ, смотрѣть, чтобы крѣпости писались правильно, по опредѣленной формѣ, и чтобы узаконенныя пошлины собирались исправно, и какъ крѣпости, такъ и пошлины записывались въ крѣпостныя книги; и тѣ книги и пошлины, съ перечневыми выписками за руками воеводъ или бурмистровъ, каждый годъ присылались въ Оружейную Палату къ 1-му января и къ 1-му іюля; и расхода изъ пошлинныхъ денегъ, кромѣ жалованья подъячимъ, въ городахъ не дѣлать безъ грамотъ Оружейной Палаты.

Указомъ отъ 8 января 1706 года крѣпостныя дѣла по городамъ изъ вѣдомства воеводъ и приказныхъ людей переданы въ вѣдѣніе бурмистровъ въ Ратушахъ; причемъ въ исправности сбора крѣпостныхъ пошлинъ отвѣчали не только бурмистры, но и лучшіе городскіе люди, которые избирали бурмистровъ. А городскимъ людямъ по всѣмъ городамъ объявить, чтобы непремѣнно при отдачѣ въ наймы домовъ, избъ, лавокъ, амбаровъ и въ наймѣ дворниковъ и всякихъ работныхъ и торговыхъ сидѣльцевъ писали условія у крѣпостныхъ дѣлъ. По указу отъ 31 октября 1711 года учреждена при московскомъ гостиномъ дворѣ особая Палата крѣпостныхъ дѣлъ для писанія всякихъ крѣпостей между купцами и бѣломѣстцами.

Указомъ отъ 16 февраля 1719 года предписано: въ Юстицъ-Коллегіи опредѣлить особаго секретаря для крѣпостныхъ дѣлъ подъ вѣдѣніемъ той коллегіи; а о сборѣ съ крѣпостей указныхъ пошлинъ вѣдомости подавать въ Камеръ- и Штатсъ-Конторъ-Коллегіи помѣсячно, и безъ указа Штатсъ-Конторъ-Коллегіи ни на какіе мелкіе расходы пошлинныхъ денегъ не держать. Въ томъ же 1719 году по указу отъ 20 октября главное вѣдѣніе надъ крѣпостными дѣлами окончательно передано Юстицъ-Коллегіи и для этого при ней учреждена особенная контора Крѣпостныхъ дѣлъ, подъ начальствомъ особаго секретаря или дьяка, а въ губернскихъ городахъ главное завѣдываніе крѣпостными дѣлами поручено особымъ, опредѣляемымъ изъ Юстицъ-Коллегіи, коммиссарамъ или дьякамъ, въ Москвѣ же—Надворному Суду. Причемъ начальствующіе, т. е. дьякъ и коммиссары должны смотрѣть: 1) чтобы надсмотрщики и крѣпостные писцы были надежные люди, за присягою и за поручными записьми знатныхъ людей; 2) въ письмѣ вся-

кихъ крѣпостей, чтобы безгласныя лица не были притѣсняемы, чтобы совершающіе крѣпости были извѣстны лично надсмотрщику и чтобы свидѣтели были люди достовѣрные; 3) крѣпостныхъ дѣлъ дьяку пополугодно считать недсмотрщиковъ и крѣпостныхъ писцовъ къ другимъ дѣламъ не употреблять; 4) чтобы, какъ въ конторѣ, такъ и по городамъ, у писцовъ протоколы, концепты и книги были ведены въ исправности и за надлежащими скрѣпами; за этимъ же должны смотрѣть и фискалы, которымъ потому должно показывать книги и давать объясненія по ихъ требованію.

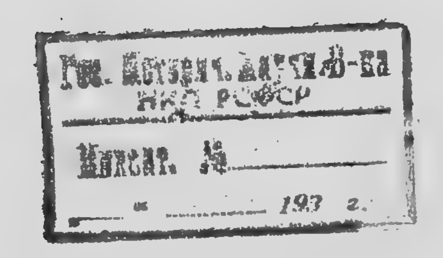
Указомъ отъ 27 мая 1720 года предписано: кромѣ опредѣленныхъ уже крѣпостныхъ пошлинъ, сбирать на нужные расходы еще по двѣ деньги съ рубля, и записывать ихъ въ книги наравнѣ съ другими крѣпостными пошлинами. Указомъ отъ 19 іюля того же 1720 года предписано: гривенныя пошлины съ цѣны переходящаго недвижимаго имѣнія, которыя взыскивались при явкѣ крѣпости въ приказѣ, взимать впредь у крѣпостныхъ дѣлъ, при самомъ совершеніи крѣпости; къ подлинной же запискѣ приносить попрежнему въ узаконенные сроки, взыскивая притомъ четвертныя и прочія установленныя пошлины. По регламенту Главнаго Магистрата предписано: всѣ купеческія сдѣлки вмѣсто крѣпостныхъ дѣлъ записывать у маклеровъ въ маклерскія книги, со взятіемъ узаконенныхъ пошлинъ. А указомъ отъ 1 февраля 1721 года провіантскимъ подрядчикамъ предписано: писать контракты на поставки въ Конторѣ Подрядныхъ Дѣлъ, а не у крѣпостныхъ дѣлъ, и надлежащія крѣпостныя пошлины вычитать у нихъ при выдачѣ денегъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ПЕРІОДЪ 3-й. *Отъ изд. Судебника до изд. Уложенія (1497—1649 г.).*

Цѣна 3 руб.

